

VII. G. 2

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

105

VOP

v. 20

no. 3-5

III 28(00

Return this book on or before the
Latest Date stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books
are reasons for disciplinary action and may
result in dismissal from the University.

University of Illinois Library

APR 12 1985

JAN 10 1986

SEP 27 1985

JAN 09 1986

DEC 19 1985

JUN 09 1990

JUL 23 1991

JUN 15 1993

JUN 29 1993

JUN 09 1993

AUG 25 1994

№ 474 413 ~~Книга~~
ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XX.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга III (98).

МАЙ-ІЮНЬ.—1909 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пяменовская ул., соб. домъ.

105
УЗР
У20
10-3-5

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Первохристiанство и новѣйшій соціализмъ. (Религіозно-историческая параллель.) С. Булгакова	215
Этическія воззрѣнія Джозефа Бэтлера. Н. Виноградова.	269
<hr/>	
Витализмъ и задачи научной біологіи въ вопросѣ о жизни.	
Вл. Карпова	341
Эдмундъ Гуссерль и психологисты нашихъ дней. Г. Ланца.	393
Проблема абстракціи. (Объ основаніяхъ достовѣрности сужденій, исключенія изъ которыхъ непредставимы.)	
Леонида Габриловича	444
Ученіе Плотина о мысли и бытіи. А. Кубицкаго	477
По поводу одной замѣчательной книги. Н. Бердяева	494
По поводу автобіографіи Фр. Ницше. В. Половцовой	501
<hr/>	
Критика и библіографія.	
I. Библіографическій листокъ.	
Объявленія.	

Digitized by the Internet Archive
in 2016

Первохристiанство и новѣйшій соціализмъ ¹⁾.

(Религіозно-историческая параллель.)

Мм. Гг.!

Въ ряду духовныхъ знаменій нашего времени къ числу наиболѣе выразительныхъ принадлежитъ то, что все чаще производится сравненіе первохристiанства и современнаго соціализма, ихъ сближеніе или противупоставленіе. При историческомъ изученіи вообще имѣетъ значеніе не только детальное изслѣдованіе фактовъ, но и чисто художественная способность къ интуитивному проникновенію въ ихъ внутреннюю сущность, историческая конгеніальность; существуетъ, несомнѣнно, особое духовное сродство между опредѣленными эпохами или ихъ отдѣльными сторонами. Исторія оживаетъ для насъ въ той мѣрѣ, въ какой мы можемъ перевести ея языкъ на свои переживанія, воскресить ея мертвыя письма, превратить ее въ орудіе самопознанія. Оттого при каждомъ новомъ поворотѣ исторіи, при каждой перемѣнѣ историческаго освѣщенія нѣсколько измѣняется и вся историческая перспектива, распредѣленіе тѣни и свѣта.

Очевидно, подобнымъ же историческимъ притяженіемъ слѣдуетъ объяснить и необычайное влеченіе нашего времени къ эпохѣ первоначальнаго христiанства и стремленіе понять ее при свѣтѣ нашего теперешняго историческаго

¹⁾ Публичная лекція, читанная въ Москвѣ 22 февраля 1909 года. Повторена для студентовъ и курсистокъ въ залѣ Медвѣдниковской гимназіи 14-го марта того же года.

опыта. Нисколько поэтому не удивительно, если при этомъ изученіи даетъ себя чувствовать и развитіе экономическаго мышленія и соціальныхъ наукъ, благодаря которому настойчиво подчеркивается соціальная сторона всякаго историческаго движенія, въ частности и первохристіанства. Нашъ политико-экономическій вѣкъ стремится даже и Новый Завѣтъ, насколько это возможно, перевести на языкъ политической экономіи. При свѣтѣ своеобразнаго экономизма нашей эпохи, въ примѣненіи къ изученію исторіи христіанства, производятся нѣкоторыя новыя и довольно интересныя наблюденія, уловляются такія его историческія черты, которыя, можетъ быть, и не были доступны наблюдательности вѣковъ предшествовавшихъ. Конечно, это мало можетъ прибавить къ собственно религіозному его уразумѣнію, но помогаетъ полнѣе возстановить внѣшнюю обстановку религіозныхъ событій, человѣческую сторону въ богочеловѣческомъ дѣлѣ.

Объясненіе первохристіанства съ соціально-экономической точки зрѣнія естественно является школьнымъ упражненіемъ для сторонниковъ экономическаго матеріализма. Для нихъ заранѣе извѣстно, что никакой особой религіозной проблемы не существуетъ и что первохристіанство было идеологической надстройкой къ соціально-экономическому фундаменту I—II вѣка нашей эры, а подъ эту схему и подгоняется истолкованіе событій евангельской исторіи. Для экономическаго матеріалиста, конечно, нѣтъ болѣе мертваго и неинтереснаго предмета, чѣмъ исторія религіи, въ частности исторія христіанства; однако агитаціонныя потребности вызываютъ появленіе ряда книгъ и брошюръ, пропагандирующихъ атеизмъ и съ этой цѣлью вскрывающихъ „земные корни“ религіи. О томъ, каковы могутъ быть результаты подобнаго истолкованія для религіознаго чувства, свидѣлствуютъ работы хотя бы недавно умершаго бременскаго пастора (!) Кальтгоффа, доказывавшаго въ своей „соціальной теологіи“, что исторической личности Христа вообще не существовало и первохристіанство было

движеніемъ соціально-экономическимъ ¹⁾. Въ такомъ же родѣ и выводы извѣстнаго Каутскаго, только что выпустившаго толстый томъ о происхожденіи христіанства ²⁾, гдѣ онъ, по старымъ еще схемамъ Бруно Бауера, давнымъ-давно отброшеннымъ исторической наукой, хотя бы и самой отрицательной и раціоналистической, еще разъ экономически истолковываетъ происхожденіе христіанства, конечно, также виѣ всякаго отношенія къ личности его Основателя и Его апостоловъ. Въ большинствѣ случаевъ партійная и брошюрная литература на эту тему не представляетъ ни научнаго, ни религіозно-философскаго интереса, что не мѣшаетъ ей, конечно, оказывать свое вліяніе на массы. Но и въ болѣе независимой научной литературѣ наблюдается интересъ къ этой сторонѣ изученія первохристіанства. Такъ на послѣднемъ, 19-мъ, евангелически-соціальномъ конгрессѣ въ Дессау (9—11 іюня 1908 г.) имѣли мѣсто въ высшей степени интересные дебаты по докладу проф. Дейсмана „Первохристіанство и низшіе классы“, въ которыхъ обсуждался тотъ же вопросъ о соціальномъ составѣ первохристіанства и объ его экономической подпочвѣ ³⁾. На этой сторонѣ болѣе или менѣе останавливается теперь большинство выдающихся новѣйшихъ историковъ первохристіанства.

При этомъ изученіи само собою напрашивается сопоставленіе и великаго народнаго движенія нашихъ дней—со-

¹⁾ *Albert Kalthof*. Das Christusproblem. Grundlinien einer Socialtheologie. 1902. *Его же*. Die Entstehung des Christentums. Neue Beiträge zum Christusproblem. 1904. Критическій разборъ см. у Prof. *W. Bousset*. Was wissen wir von Jesus? Tübingen 1906.

²⁾ *Karl Kautsky*. Der Ursprung des Christentums. Stuttgart, 1908, стр. 508. Въ русскомъ переводѣ вышло подъ заглавіемъ: Античный міръ, іудейство и христіанство, пер. Н. Рязанова. 1909. Русский переводъ снабженъ еще «предисловіемъ къ русскому изданію», но въ немъ почему-то отсутствуетъ заключительная глава подлинника: Christentum und Socialdemokratie.

³⁾ Die Verhandlungen des XIX Evangelisch-Socialen Kongresses abgehalten in Dessau am 9—11 Juni 1908. Göttingen, 1908. Въ преніяхъ принимали участіе, кромѣ председательствующаго проф. А. Гарнака и докладчика проф. Дейсмана, слѣдующія лица: проф. фонъ-Соденъ, проф. Тициусъ, Гольманъ, Фридрихъ Науманъ, рабочій секретарь Фишеръ, паст. І. Герцъ.

ціалистическаго—съ движеніемъ первохристіанства. Ибо и соціализмъ тоже выступаетъ въ наши дни въ качествѣ религіи массъ народныхъ, которыя воспитывались въ теченіе 19 вѣковъ въ христіанствѣ; онъ является, стало быть, естественнымъ соперникомъ и противникомъ христіанства. Это—первое въ исторіи христіанскихъ народовъ движеніе, имѣющее религіозныя черты и притомъ сознательно враждебныя христіанству, и стремящееся отторгнуть у него массы народные. Всѣ интеллектуальныя теченія, направляющіяся противъ религіи, до XIX вѣка (или конца XVIII) не выходили за предѣлы салоновъ, университетскихъ аудиторій, частныхъ домовъ, не становились достояніемъ массъ въ такой степени, какъ теперешній соціализмъ. Народныя массы, которыя и въ наиболѣе культурныхъ странахъ, конечно, ни по образу жизни, ни по подготовкѣ своей не могутъ усвоить соціализмъ, какъ научную доктрину, опирающуюся на научную аргументацію, принимаютъ его какъ новую вѣру, новую религію, призванную замѣнить и устранить старую, христіанскую. Такимъ образомъ, предъ нами происходитъ борьба двухъ вѣръ, столкновеніе двухъ религій. И у наблюдающихъ эту борьбу, даже независимо отъ ихъ собственныхъ религіозныхъ убѣжденій, симпатій или антипатій, естественно появляется потребность возвратиться мыслію къ тѣмъ временамъ, когда христіанская религія впервые вступала въ міръ и его завоевывала, какъ теперь хочетъ завоевать его соціализмъ.

Однимъ изъ наиболѣе прочно установленныхъ фактовъ исторіи первохристіанства, при этомъ за послѣднее время обращающихъ на себя особенное вниманіе, является то, что по соціальному положенію своихъ послѣдователей оно было движеніемъ преимущественно народнымъ, или, какъ любятъ выражаться теперь, „пролетарскимъ“, захватывало первоначально низшіе и лишь въ значительно меньшей степени средніе слои населенія, высшіе же были представлены совсѣмъ слабо. Въ констатированіи этого факта, обращавшаго на себя вниманіе еще древнихъ противниковъ христіанства, сходятся

и Каутскій съ своими единомышленниками, объясняющій отсюда первохристіанство какъ движеніе іудейскаго и греко-римскаго пролетаріата, и независимое историческое изслѣдованіе. Немало свидѣтельствъ относительно этого находится и въ самомъ текстѣ Новаго Завѣта,—достаточно вспомнить для примѣра характеристику коринѣской общины въ I главѣ I посланія апостола Павла къ Коринѣянамъ. Вообще, печать простоты и даже нѣкоторой просто-народности лежитъ на первоначальныхъ общинахъ христіанства. Зарождается оно въ сторонѣ отъ большихъ историческихъ центровъ, въ отдаленной провинціи, Палестинѣ. Основатель его проводитъ Свой ранніе годы въ семьѣ плотника и Самъ принимаетъ участіе въ плотничьихъ работахъ. Апостолы вышли изъ среды рыбаковъ и вообще простыхъ людей, и даже самый ученый изъ нихъ—апостоль Павелъ—былъ ремесленникомъ (I Кор. 4, 12), дѣлатель палатокъ, который и во время своихъ миссіонерскихъ путешествій трудится своими руками, добывая себѣ пропитаніе. Характерна подробность, что ап. Павелъ, прибывая въ Коринѣ, останавливается тоже у товарища по ремеслу и брата по вѣрѣ Акилы. Какъ выразительны эти простые слова, которыми ап. Павелъ хвалитъ ефесскую Марію (Рим. 16, 6): „она много поработала для васъ“. Почти эти же слова начертаны на одной надгробной надписи на родинѣ ап. Павла, на юго-западномъ малоазійскомъ берегу, на могилѣ простого человѣка, нѣкоего Дафна, хорошаго садовника, который скончался, „много поработавъ“. И еще въ римскихъ катакомбахъ мы находимъ отзвукъ привычнаго выраженія: жена хвалитъ своего мужа, „который много поработалъ для нея“. Такъ хвалятъ лишь люди, знающіе цѣну честному и тяжелому труду. Не странно поэтому встрѣтить у ап. Павла извѣстную максиму: „кто не работаетъ, да не ѣстъ“ (2 Тесс. 3, 10). Не разъ уже обращали вниманіе филологовъ также и имена лицъ, привѣтствуемыхъ въ посланіяхъ ап. Павла,—здѣсь безъ труда узнаютъ не мало обычныхъ именъ рабовъ, которые, какъ извѣстно, вмѣсто

фамилій получали клички или прозвища. Останавливаетъ вниманіе также засвидѣтельствованная въ посланіяхъ ап. Павла глубокая бѣдность нѣкоторыхъ общинъ, напримѣръ, іерусалимской, македонскихъ, въ пользу которыхъ онъ постоянно дѣлаетъ сборы, при чемъ, по тонкому наблюденію Дейсмана, характерны и приемы, рекомендуемые имъ при этомъ сборѣ въ галатской общинѣ: онъ рекомендуетъ откладывать по небольшой суммѣ каждое воскресенье, это—совѣтъ для бѣдныхъ людей, существующихъ заработной платой. Весьма интересное и самое новѣйшее подтвержденіе этого же народнаго характера первохристіанства, какъ оказывается, приносятъ въ настоящее время египетскіе пески и нѣдра африканской земли. Прошлымъ лѣтомъ (1908) упоминаемый мною проф. Дейсманъ выпустилъ большой томъ, подъ заглавіемъ „Das Licht vom Osten“ (основные выводы его изложены имъ и въ рефератѣ въ Дессау), гдѣ онъ заставляеть эти пески и нѣдра говорить живымъ и воодушевленнымъ языкомъ, свидѣтельствовать неопровержимо о народномъ характерѣ первохристіанства. Я говорю о результатахъ новѣйшихъ египетскихъ раскопокъ. Тотъ средний и нижній слой, въ которомъ распространялось, первохристіанство, благодаря имъ, оживаетъ теперь передъ изслѣдователемъ въ своей повседневной трудовой жизни съ ея горестями и заботами, говоритъ съ нами своимъ языкомъ и рассказываетъ о своемъ бытѣ. Современными археологами откопанъ какъ бы живой кусокъ исторіи. „За періодомъ фантазій, въ теченіе котораго Каутскій и Кальтгоффъ рассказывали и сочиняли о жизни античнаго пролетаріата,—говоритъ въ своемъ докладѣ проф. Дейсманъ,—слѣдуетъ вѣкъ фактическаго изслѣдованія, и притомъ тяжелой работы изученія мелочныхъ фактовъ. И кто участвуетъ въ этомъ изслѣдованіи, тотъ часто испытываетъ такое чувство, какъ будто бы невидимый авторитетъ, суверенно управляющій вѣками, заднимъ числомъ устроилъ социальную анкету относительно римской эпохи императоровъ и высыпалъ на письменномъ столѣ историковъ сотни и ты-

сячи отдѣльныхъ текстовъ, изъ которыхъ нужно получить мозаическую картину жизни античныхъ массъ“ (14). На мѣстахъ, гдѣ стояли нѣкогда античные города, мѣстечки, селенія, отрывается теперь множество письменныхъ памятниковъ не литературнаго, но бытового характера, представляющихъ собой драгоцѣннѣйшій матеріалъ для характеристики народнаго языка и народной жизни. „Крестьяне и ремесленники, солдаты, рабы и матери говорятъ намъ о своихъ заботахъ и нуждахъ“. Въ числѣ этихъ памятниковъ находятся греческія и латинскія надписи (эпиграфы), затѣмъ писанные листки папируса и наконецъ черепки (остраки). Главная масса надписей вырѣзана на камнѣ, затѣмъ на мѣди, на оловянныхъ или золотыхъ дощечкахъ, на навощенныхъ табличкахъ или на стѣнѣ (т. наз. *grafitti*); сюда же относятся надписи на монетахъ и медаляхъ. Эти надписи, насчитываемыя теперь сотнями тысячъ, встрѣчаются на протяженіи всего греко-римскаго міра отъ Рейна до верхняго Нила и отъ Евфрата до Великобританіи. Что касается папирусовъ, то наибольшее ихъ количество находится въ Египтѣ на мѣстахъ развалинъ античныхъ поселеній, они представляютъ собою разныя записи не литературнаго характера: юридическіе документы (арендные договоры, счета, квитанціи, брачные договоры, завѣщанія и т. д.), затѣмъ письма и записки, ученическія тетради, заклинанія, гороскопы, дневники и т. д. Греческіе памятники этого рода охватываютъ эпоху въ 1000 лѣтъ, отъ III в. до Р. Х. до поздней византійской эпохи. Но къ этому присоединяются документы и на другихъ языкахъ эпохи. Они даютъ чрезвычайно живой матеріалъ для исторической характеристики. Проф. Дейсманъ въ своемъ изслѣдованіи приводитъ тексты (съ фототипическими репродукціями) частныхъ писемъ, на примѣръ, солдата къ своимъ родителямъ, рабочаго къ своей женѣ, находящейся въ ожиданіи ребенка, и т. п. Словомъ, они вводятъ насъ въ интимную, бытовую обстановку жизни. Но еще больше матеріала для знакомства съ жизнью низшихъ классовъ даютъ такъ называемые

остраки,—глиняные черепки, тысячами находимые теперь въ египетскихъ развалинахъ. Черепокъ, какъ самый дешевый, иногда даровой матеріалъ для письма, былъ въ употребленіи у самыхъ бѣднѣйшихъ классовъ (вспомните аѳинскій остракизмъ!), на немъ писали тѣ, кому не подъ силу было купить папирусъ, но, къ счастью для историковъ, этотъ дешевѣйшій матеріалъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прочнѣйшимъ. (Надо сказать вообще, что въ древности писали на болѣе прочномъ матеріалѣ, чѣмъ въ наше время, а союзникомъ этой доброкачественности письменнаго матеріала является еще зной египетскаго климата и сухость песковъ пустыни.) Работа изученія, классификація всего этого матеріала, обѣщающаго намъ раскрыть съ неожиданной отчетливостью социальную обстановку первохристіанства, находится еще въ самомъ началѣ. Но и теперь уже проф. Дейсманъ сдѣлалъ нѣкоторыя, въ высшей степени важныя наблюденія и открытія, касающіяся новозавѣтнаго греческаго языка. Филологическое изученіе Новаго Завѣта, сравнительно съ классической литературной письменностью, давно уже приводило къ заключенію, что въ языкѣ между ними существуетъ значительная разница. Языкъ новозавѣтный отличается отъ литературнаго не только семитическимъ вліяніемъ, но и присутствіемъ въ немъ своихъ особыхъ словъ и выраженій, которыя доселѣ разсматривались какъ специфически новозавѣтныя. Теперь изслѣдованія проф. Дейсмана, на основаніи сравнительнаго изученія текстовъ изъ вновь открытыхъ памятниковъ и новозавѣтнаго языка, привели его къ слѣдующимъ весьма важнымъ выводамъ, подробно обосновываемымъ имъ въ цитированномъ уже изслѣдованіи „Das Licht vom Osten“: „Новый Завѣтъ въ своихъ важнѣйшихъ частяхъ говоритъ нелитературнымъ, обиходнымъ языкомъ народа: сотни словесныхъ особенностей, которыя раньше считались признакомъ новозавѣтнаго греческаго языка, могутъ быть теперь показаны въ качествѣ народныхъ выраженій на основаніи примѣровъ изъ малоазійскихъ надписей или египетскихъ папи-

русовъ и черепковъ“ (16—17) ¹⁾. Наиболѣе народнымъ языкомъ съ этой точки зрѣнія отличаются синоптическія Евангелія (т.-е. Матѳея, Марка и Луки), особенно въ ихъ передачѣ изреченій І. Христа, а также посланіе ап. Іакова. Іоанновы писанія, — Апокалипсисъ, посланія, а также и Евангеліе, несмотря на соблазнявшее столь многихъ ученіе о Логосѣ, также глубоко коренятся въ народномъ, обиходномъ языкѣ, послѣднее есть, по выраженію Дейсмана, „всемирно-историческая народная книга“. Поразительно и прямо ослѣпительно это открытіе, филологически возстановляющее историческую древность Евангелія отъ Іоанна: чего, чего только не продѣлывала и не продѣлываетъ надъ нимъ въ теченіе цѣлаго столѣтія отрицательная критика, и вотъ нынѣ камни и пески пустыни возопіяли въ защиту Евангелія Логоса! Извѣстный Фр. Науманъ, во время дебатовъ въ Дессау по докладу Дейсмана, отмѣтилъ всю эту измѣнчивость и противорѣчивость въ отношеніи къ Евангелію отъ Іоанна, какъ оно отражалось въ университетскомъ преподаваніи, подъ вліяніемъ господствующихъ предубѣжденій и апріорныхъ конструкцій исторіи христіанства, и вотъ теперь объективная, почти точная филологическая наука возвращаетъ Евангелію отъ Іоанна то мѣсто, которое и всегда отводилось ему церковнымъ преданіемъ, относящимъ его къ концу I вѣка. Вообще, въ настоящее время историко-критическое изученіе дѣлаетъ рѣшительный поворотъ въ сторону церковнаго преданія, такъ, напримѣръ, кромѣ указаннаго, въ прошломъ году проф. Гарнакъ подобнымъ же образомъ возстановилъ въ историческомъ достоинствѣ „Дѣянія Апостоловъ“, значеніе которыхъ тоже долго и упорно отрицалось критикой.

Историческая подлинность большинства посланій ап. Павла всегда менѣе заподозривалась; при свѣтѣ же новыхъ

¹⁾ Напр., даже слово *paroikia*, употребляемое въ примѣненіи ко второму пришествію Спасителя, употреблялось для обозначенія прибытія знатнаго лица, военачальника и, далѣе, обозначало налогъ для его приема.

открытій, въ ихъ языкѣ тоже устанавливаются нѣкоторыя народныя черты, хотя преимущественно и относящіяся къ городской жизни и къ городскому кругу понятій, въ противоположность синоптическимъ Евангеліямъ съ ихъ сельскимъ колоритомъ въ языкѣ и въ образахъ, напримѣръ, встрѣчающихся въ притчахъ, и въ отличіе отъ Іоаннова Евангелія, которое не имѣетъ рѣзко выраженныхъ чертъ городской или сельской жизни. Вообще, по заключенію Дейсмана, „Новый Завѣтъ, рассматриваемый въ цѣломъ, есть народная книга“, „книга народа и человечества“, которая стала „книгой народовъ лишь потому, что была книгой народа“ (Das Licht, 95—6). И этотъ выводъ филологіи больше чѣмъ апріорныя утвержденія экономическаго матеріализма свидѣтельствуетъ въ пользу того великаго, всемірноисторическаго факта, что христіанство родилось въ средѣ народной, было движеніемъ народнымъ. Теперь привыкли считать понятія народный и соціально-экономическій синонимами. Слѣдуетъ ли отсюда, какъ заключаютъ иные, что первохристіанство было движеніемъ соціально-экономическимъ, „пролетарскимъ“, въ теперешнемъ смыслѣ слова, „массовымъ“, т.-е. классовымъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, въ этомъ и лежитъ вся духовная пропасть между первохристіанствомъ и соціализмомъ. Оно было движеніемъ народнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не классово-экономическимъ, а религіознымъ.

Чтобы отчетливѣе утвердить это положеніе въ сознаніи, нужно прежде всего ознакомиться съ соціальнымъ составомъ тогдашняго общества въ Римской имперіи, совпадавшей въ представленіяхъ современниковъ со вселенной и составлявшей область распространенія христіанства. Нужно, однако, тотчасъ же указать, что теперешнее состояніе нашихъ знаній далеко не позволяетъ намъ вполне удовлетворительно разрѣшить эту задачу, въ особенности относительно многихъ провинцій, игравшихъ важную роль въ исторіи христіанства (Египеть, Малая Азія, даже самая Палестина). Здѣсь приходится удовольствоваться весьма

суммарными и приблизительными представленіями, которыя еще нѣтъ возможности облечь въ конкретные образы, пока наука не заполнила этой пустоты детальнымъ изученіемъ доставляемаго археологіей матеріала. Гораздо благопріятнѣе обстоит дѣло относительно Греціи (хотя и здѣсь для эпохи эллинистической, болѣе поздней, у насъ гораздо менѣе свѣдѣній, нежели для эпохи классической, поры расцвѣта демократіи), а еще болѣе относительно Италіи и Рима.

Можно уже напередъ сказать, что огромная территорія Римскаго государства въ императорскую эпоху представляла собой огромное разнообразіе въ этнографическомъ, культурномъ, соціально-экономическомъ отношеніи, притомъ даже большее, чѣмъ теперь, ибо тогда отсутствовало нивелирующее вліяніе международнаго капитализма.

Самой выдающейся особенностью, отличающей соціально-экономическую жизнь древняго міра, является, безъ сомнѣнія, рабство. Это—такая яркая точка, которая невольно фиксируетъ на себѣ вниманіе, такъ что неудивительно, если распространеніе рабства и его значеніе часто даже преувеличиваются. Рабство было, дѣйствительно, фундаментальнымъ, наиболѣе важнымъ устоемъ соціальной жизни древняго міра, но все-таки оно не было ни всеобщимъ, ни опредѣляющимъ, хотя бы, напримѣръ, въ такой мѣрѣ, какъ наемный трудъ въ современномъ капитализмѣ.

Въ Греціи наибольшее распространеніе рабства относится къ эпохѣ послѣ персидскихъ войнъ, вообще къ V вѣку ¹⁾. Рабскій трудъ примѣнялся въ промышленности, на своеобразныхъ рабовладѣльческихъ фабрикахъ, въ рудникахъ, а также въ земледѣліи на большихъ имѣніяхъ. Крупные центры промышленной жизни V вѣка—Коринѣъ, Аѣины, Эгина, Сиракузы—были центрами скопленія рабовъ. Какъ ни велика была конкуренція, создававшаяся рабствомъ свободному труду, этотъ послѣдній никогда не былъ вытѣс-

¹⁾ V. Below. Die Unfreiheit (Wört. d. Volksw. II, 1106). Dobschütz въ R. E. von Hauck und Herzog, 3-te Ausg. „Slaverei und Christentum“.

ненъ окончательно, особенно въ области земледѣлія. Отличительной чертой рабскаго режима въ Греціи сравнительно съ римскимъ была его сравнительная мягкость и въ нравахъ, и въ законодательствѣ. Съ этимъ слѣдуетъ поставить въ связь, можетъ быть, и то, что греческая исторія не сообщаетъ намъ ничего о крупныхъ возмущеніяхъ рабовъ, подобныхъ случавшимся въ Римѣ. Опасно поэтому отождествлять греческое и римское рабство на томъ только формально-юридическомъ основаніи, что въ томъ и другомъ случаѣ примѣнялись къ людямъ нормы вещнаго права, и рабъ разсматривался какъ живое орудіе производства. Наибольшаго распространенія въ Римѣ рабство достигаетъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., въ концѣ республики и въ началѣ имперіи, и къ этой же эпохѣ относится та общеизвѣстная свирѣпость въ примѣненіи этого жестокаго права, которая заставила Моммзена, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, преувеличеніемъ, высказаться, что страданія негровъ въ рабствѣ есть только капля въ морѣ по сравненію со страданіями римскихъ рабовъ. Тотъ болѣзненный процессъ народно-хозяйственнаго вырожденія, который совершился въ Римской республикѣ за послѣдніе три вѣка ея существованія, привелъ къ развитію капиталистическихъ латифундій и вытѣсненію свободного труда рабскимъ, что имѣло послѣдствіемъ деградацию свободного труда. „Римское міровое господство было дѣломъ государственной и военной организаціи, покоившейся на крестьянскомъ населеніи Италіи“ ¹⁾, при чемъ въ началѣ рабы совсѣмъ не играли первостепенной роли. Съ теченіемъ времени успѣшныя войны наводняли страну въ лицѣ военноплѣнныхъ все новыми полчищами рабовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ же расшатывали самостоятельное крестьянское хозяйство, ибо отрывали отъ сохи крестьянъ, призываемыхъ въ ряды воиновъ. Неизбѣжная задолженность и безхозяйность довершали крестьянское разореніе. Была и еще одна могущественная причина, содѣйствовав-

1) Эд. Мейеръ. Рабство въ древнемъ мірѣ, стр. 39.

шая разоренію крестьянскаго хозяйства: аграрный кризисъ, свирѣпствовавшій въ Италіи и многими чертами напоминающій нашу новѣйшую аграрную депрессию конца XIX вѣка. Съ итальянскимъ земледѣліемъ, благодаря ввозу въ Италію земледѣльческихъ продуктовъ изъ колоній, вступили въ конкуренцію провинціи, въ числѣ которыхъ была и тогдашняя житница имперіи— Египетъ. Паденіе цѣнъ, неизбежное уже въ силу этой конкуренціи, еще усиливалось государственными мѣропріятіями, устанавливавшими продажу хлѣба по завѣдомо пониженнымъ цѣнамъ, съ благотворительною цѣлью. Помимо этихъ рыночныхъ конъюнктуръ, особенно неблагоприятныхъ для крестьянскаго хозяйства, и безъ того уже расшатаннаго и находившагося въ неустойчивомъ равновѣсіи, для крестьянъ закрылся и источникъ новыхъ земельныхъ надѣленій, изъ такъ называемыхъ *ager publicus*, государственныхъ земель, которыя становятся достояніемъ богатыхъ. На этой почвѣ возникло движеніе къ аграрной реформѣ, во главѣ котораго стояли братья Гракхи; однако оно не имѣло успѣха. Крестьянское хозяйство было обречено на гибель. Крестьянскіе участки скупались спекулянтами-капиталистами, и такимъ образомъ создавались знаменитыя римскія латифундіи, которыя, по извѣстному изреченію Плинія Старшаго, погубили Римъ. Для ихъ воздѣлыванія примѣнялся болѣе дешевый рабскій трудъ. Военноплѣнныхъ уже не хватало, явилась потребность въ организованномъ похищеніи рабовъ частью на законномъ основаніи при помощи ростовщичества въ провинціяхъ, частью же просто путемъ морского разбоя по всему побережью Средиземнаго моря, особенно же въ Малой Азіи. Главнымъ рынкомъ для работорговли былъ островъ Делось, гдѣ, по свидѣтельству Страбона, продавались ежедневно тысячи рабовъ (миріады). Общее число рабовъ въ Италіи даже превышало свободныхъ въ пору наибольшаго распространенія рабства. Коренное населеніе Италіи постепенно изгоняется съ своихъ пепелищъ.

Слѣды этого латифундіарнаго вырожденія италійскаго

земледѣлія сказываются буквально до сихъ поръ, на примѣръ, на римской Кампаньѣ, изъ житницы превратившейся въ болотистый разсадникъ маляріи. Обезлюженные поля, которыя подъ давленіемъ аграрнаго кризиса, подобно тому какъ въ новѣйшее время по той же причинѣ въ Англіи, въ значительной мѣрѣ превращаются въ пастбища, воздѣлываются разноплеменными, похищенными или военноплѣнными рабами, деградированными, по выраженію Моммзена, до домашняго животнаго. „На землѣ крупныхъ владѣльцевъ рабы иногда съ клеймами, выжженными на тѣлѣ, съ ногами, закованными въ цѣпи, цѣлый день работали въ полѣ подъ неусыпнымъ надзоромъ жестокихъ сторожей, а на ночь загонялись въ казарму, напоминавшую собой темницу и нерѣдко расположенную подъ землей“ ¹⁾. Такое рабское хозяйство невозможно было, конечно, безъ террористическаго режима (Моммзенъ), но и несмотря на это II и I столѣтія до Р. Х. ознаменовываются грандіозными возмущеніями рабовъ въ Сициліи, которая раньше и жесточе другихъ примѣняла рабовладѣніе. Двѣ сицилійскихъ войны съ рабами и большая война съ гладіаторами чуть не привели государство на край гибели, и свыше 20 тысячъ чело­вѣкъ по распоряженію консула Публия Рупилія были пригвождены къ крестамъ послѣ втораго сицилійскаго возстанія. Впрочемъ, эти возстанія были скорѣе всего лишь неизбѣжной, стихійной реакціей противъ порабощенія огромныхъ массъ недавно еще свободныхъ людей, но касаться самаго института рабства, стремиться къ его уничтоженію и къ легальной свободѣ никому изъ бунтовщиковъ не приходило въ голову. Одновременно съ земледѣльческими рабами (*familia rustica*) выступаютъ огромныя массы городскихъ домашнихъ рабовъ (*familia urbana*), употребляемыхъ частью въ качествѣ личной прислуги, частью же, съ примѣненіемъ утонченнаго раздѣленія труда, для выполненія все-

¹⁾ Гринбергъ. Несвободное состояніе труда (въ Исторіи труда, сборникъ статей изъ Handw. d. Staatsw.)

возможныхъ домашнихъ работъ ¹⁾ (насчитываютъ до 146 названій для этихъ отдѣльныхъ спеціальностей). Создается то бѣшеное роскошество въ рабовладѣніи, употребленіе рабовъ для удовлетворенія прихотей, впечатлѣніе отъ котораго на всѣ времена оставилъ императорскій Римъ. Впрочемъ, не только въ цѣляхъ роскоши, но и для ремесленного и даже для фабричнаго производства (насколько можно о немъ говорить по состоянію тогдашней техники) применялся преимущественно рабскій трудъ, такъ что большая часть того, что въ теперешней Европѣ производится свободнымъ трудомъ, въ римской жизни выполнялось рабами ²⁾. Численность рабовъ въ Римѣ была поэтому очень высока. На общее населеніе, составлявшее, по оцѣнкѣ Белоха, раздѣляемой и Эд. Мейеромъ, 800.000 человекъ (по другой оцѣнкѣ она опредѣляется около 1½ милл.), около начала нашей эры приходилось наполовину рабовъ. ³⁾ Положеніе рабовъ было безотраднo и безпросвѣтно. Римское рабовладѣніе отличается въ началѣ христіанской эры совершенно исключительной жестокостью и безчеловѣчностью. „Да развѣ рабъ человекъ“, такъ восклицаетъ у Ювенала относительно посланнаго на казнь (черезъ распятіе) раба одна изъ римскихъ дамъ, на жестокость которыхъ такъ жалуются Овидій и Ювеналъ. У Сенеки приводится характерная поговорка: *totidem hostes quot servi*. По опредѣленію юриста Ульпіана рабъ есть животное: *servus vel animal aliud*. Юридическое положеніе раба какъ движимости *res mobilis* исключало всякія права: онъ не имѣлъ семьи, которая могла быть всегда расторгнута волею владѣльца, не имѣлъ права даже надъ собственнымъ тѣломъ. Поэтому проституированіе было однимъ изъ наиболѣе доходныхъ способовъ эксплуатаціи рабынь. Извѣстно также, сколь де-

1) Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства, 15.

2) *Friedländer*. Sittengeschichte Roms, 6-te Aufl., 229.

3) Оцѣнки эти очень колеблются. Марквардтъ опредѣляетъ число рабовъ въ Римѣ въ 900.000 при 600.000 свободныхъ, Белохъ—въ 200—300.000, Фридлэндеръ—наполовину. (Цит. у Dobschütz, l. c.).

морализующее вліяніе для чистоты брака у самихъ римлянъ имѣла эта безотвѣтность раба. Только при Адріанѣ было отнято право продажи рабовъ въ гладіаторы или въ дома терпимости безъ серьезныхъ основаній. Особенно жестоки были наказанія за попытки бѣгства: беспощадное бичеваніе, заковываніе, карцеръ, работа на топчакѣ, въ рудникахъ, въ каменоломняхъ. Попытки къ возмущенію карались смертной казнью. Въ годъ прибытія ап. Павла въ Римъ, въ 61 г., былъ убитъ городской субпрефектъ Педоній Секундъ, а такъ какъ убійца не былъ разысканъ, то, по обычному праву, должны были подвергнуться казни всѣ рабы убитаго, находившіеся въ домѣ въ моментъ убійства и навлекающіе этимъ на себя подозрѣніе. Ихъ оказалось 400. И хотя за нихъ вступилась городская чернь, сенатъ при помощи военной силы добился выполненія кроваваго приговора. За рабомъ не признавалось и права на религію, по крайней мѣрѣ, исповѣдуемую свободными людьми. „Рабы не имѣютъ религіи или имѣютъ только чужестранную“, говорилъ въ сенатѣ при Неронѣ Кассій. Риторъ Сенека рассказываетъ случай, когда одинъ господинъ въ благодарность рабу за спасеніе дочери хотѣлъ отдать ее за него замужъ, но при этомъ встрѣтилъ возраженія съ той, между прочимъ, стороны, что жена должна раздѣлять культъ и очагъ съ мужемъ, между тѣмъ рабъ не имѣетъ ни очага, ни культа. Впрочемъ, рабамъ была предоставлена нѣкоторая свобода удовлетворенія религіозныхъ потребностей путемъ вступленія въ низшія религіозныя collegia (*collegia tenuiorum*).

Неудивительно, что настроеніе рабовъ нерѣдко полно было безпросвѣтнаго унынія и отчаянія ¹⁾. Одни предава-

¹⁾ О положеніи рабовъ, кромѣ цитир. сочиненій, ср. еще: *P. Guiraud*. (*Etudes économiques sur l'antiquité*) Paris. 1905. *Marquardt*. Privatleben der Römer. *Th. Mommsen*. Römische Geschichte, II. *Th. Zahn*. Sklaverei u. Christenthum in der alten Welt (Skizzen aus dem Leben der alten Kirche). *Allard*. Les esclaves chrétiennes. 1875. *Uhlhorn*. Die christliche Liebesthätigkeit. 1882.

лись разврату и въ ночныхъ оргіяхъ, послѣ каторжнаго труда цѣлаго дня, прожигали быстро догоравшую жизнь, разрушая душу и тѣло, другіе въ самоубійствѣ искали свободы отъ рабства. Законодательствомъ императоровъ подъ гуманизирующимъ вліяніемъ стоицизма съ его ученіемъ о естественномъ правѣ и равенствѣ людей рабство нѣсколько смягчается въ позднѣйшую эпоху (о значеніи христіанства рѣчь будетъ ниже), да и число рабовъ тогда уже значительно сокращается, и постепенно рабство отмираетъ, теряя свое значеніе въ качествѣ экономического института.

Но какова же была дальнѣйшая судьба тѣхъ, которыхъ ростъ латифундій вытѣснялъ изъ деревни? Наша эпоха также знаетъ въ огромныхъ размѣрахъ перемѣщеніе населенія изъ деревни въ городскіе и промышленные центры; на этомъ передвиженіи населенія, тягѣ его въ городъ базируется какъ на своемъ популяціонистическомъ основаніи современный индустріализмъ. Но гдѣ же тогда могъ искать себѣ занятій италійскій крестьянинъ, оторвавшійся отъ родной земли, если и въ городѣ, при слабомъ, а сравнительно съ теперешнимъ и прямо ничтожномъ развитіи промышленности, его ждала та же убійственная конкуренція рабскаго труда, которой онъ не выдержалъ и въ деревнѣ! Страшная безработица, такое скопленіе безработнаго и голоднаго пролетаріата, какого, по мнѣнію Эд. Мейера, не знаетъ и современный капиталистическій міръ, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. Въ силу политической необходимости государство должно было поставить себѣ задачу призрѣнія свободныхъ гражданъ, и вотъ римскій (а раньше и греческій) пролетарій превращается въ государственнаго пенсіонера. Въ бюджетѣ римскаго государства расходы на содержаніе пролетаріевъ играютъ все болѣе видную роль. Податной прессъ, выдавливавшей подати изъ всѣхъ провинцій, дѣлалъ римскаго пролетарія пенсіонеромъ не столько Рима, сколько въ сущности всего тогдашняго міра. Не говоря уже объ общественныхъ сооруженіяхъ, предпринимаемыхъ ради созданія заработка

безработнымъ, о праздникахъ, народныхъ торжествахъ и т. п., общимъ правиломъ въ Римѣ становится даровая или удешевленная выдача хлѣба, а затѣмъ и другихъ предметовъ необходимости. Даровая раздача хлѣба, введенная впервые Каемъ Гракхомъ, дѣлается регулярной съ закона 123 года до Р. Х., при чемъ сначала хлѣбъ давался за полцѣны, а съ 58 г. сталъ раздаваться и даромъ. При Августѣ общее количество лицъ мужского пола, получавшихъ помощь отъ государства, составляло круглымъ числомъ около 300 тысячъ. Начиная съ Цицерона пятая часть *vestigalia* (косвенныхъ налоговъ) поглощается даровыми раздачами одного Рима; въ 46 г. по Р. Хр. расходъ составлялъ уже 77 м. сестерцій (ок. 6 м. р.), при чемъ условіемъ полученія хлѣба были лишь право римскаго гражданства и римская осѣдлость. Но къ этимъ регулярнымъ выдачамъ присоединялись еще чрезвычайныя (такъ наз., *largitiones*), очень частыя при императорахъ, а также и подарки деньгами или выдача денегъ по завѣщанію. Такимъ образомъ рабство жестоко мстило за себя внутренней соціальной отравой въ лицѣ этого класса тунеядцевъ, которые требовали еще и развлеченій—*panem et circenses* становится лозунгомъ черни—и для которыхъ строились эти грандіозные театры, цирки. По сообщенію Діонисія, число мѣстъ въ римскомъ циркѣ доходило до 150.000, а по сообщенію Плинія, послѣ расширенія цирка Нерономъ—до 250.000.

Надо однако къ этому прибавить, что всѣ эти государственныя и частныя подачки, выпадавшія главнымъ образомъ на долю взрослого мужского населенія, отнюдь не исключали наличности городской бѣдности, особенно среди многосемейныхъ, такъ же какъ и рабскій трудъ все же неспособенъ былъ совершенно вытѣснить свободнаго ремесла; впрочемъ, среди его представителей было много вольноотпущенниковъ, тоже бывшихъ рабовъ, обученныхъ ремеслу еще у своего господина. Если отвлечься отъ этихъ сравнительно второстепенныхъ деталей и остановить вниманіе на самыхъ крупныхъ подраздѣленіяхъ общества, то

можно сказать, что въ эпоху зарожденія христіанства соціальное неравенство и концентрація имуществъ въ рукахъ немногихъ оптиматовъ при пролетаризаціи или порабощеніи остального населенія были основной особенностью эпохи. Правда, если сравнивать эту концентрацію капитала съ теперешней, она кажется слабою; ибо что значать первые богачи древняго Рима, какой-нибудь авгуръ Лентуль или вольноотпущенникъ Нерона Нарциссъ съ ихъ капиталомъ милліоновъ въ 35—40, приносящихъ всего около 1½ милл. рублей годового дохода, по сравненію съ теперешними милліардерами Америки—Рокфеллеромъ, Морганомъ, Карнеджи или же Ротшильдомъ. Но вѣдь этому богатству зато противостояли такая бѣдность и порабощеніе массъ, по сравненію съ которыми положеніе средняго американскаго или европейскаго рабочаго, особенно трэджюніониста, кажется недостижимымъ благополучіемъ. Впрочемъ, всѣ такія экономическія сближенія отдаленныхъ историческихъ эпохъ, благодаря различію психологій, вообще болѣе чѣмъ рискованы, и, можетъ быть, правильнѣе отъ нихъ совсѣмъ воздержаться. Но нельзя не отмѣтить той коренной особенности въ положеніи неимущаго класса, что онъ раскалывается на двѣ совершенно различныя, во многомъ даже противоположныя части: рабовъ, несущихъ на себѣ всю тяжесть жизни, воистину „труждающихся и обремененныхъ“, и пенсіонируемыхъ государствомъ пролетаріевъ, которые по отношенію къ рабамъ, какъ это признаетъ даже и Каутскій, играютъ роль эксплуататоровъ, хотя, въ качествѣ гражданъ Рима, еще болѣе они эксплуатируютъ обложенныя тяжелыми иногда налогами провинціи. И, хотя различіе это нѣсколько выравнивается обиліемъ вольноотпущенниковъ, все же соціальная пропасть между рабами и пролетаріями остается велика: это два совсѣмъ разные классы.

Итакъ, соціальная фізіономія Рима и Італіи представляетъ нѣчто совершенно своеобразное и, само собою разумѣется, нигдѣ въ провинціи болѣе не повторяющееся.

Что же мы можемъ сказать на основаніи теперешняго уровня нашихъ знаній о соціально-экономическомъ положеніи этихъ провинцій? Всѣ вообще провинціи страдали отъ тяжести налоговъ, обычно сдававшихся еще на откупъ, при чемъ откупщики извлекали ихъ съ лихвой. Однако, въ императорскую эпоху взиманіе налоговъ было уже сравнительно урегулировано, и, благодаря миру и болѣе упорядоченному управленію, благосостояніе провинцій вообще поднялось, что выразилось, между прочимъ, въ ихъ особенномъ монархизмѣ. Высоко было благосостояніе въ Сириі, Египтѣ, такъ же какъ и въ провинціи Африкѣ (*Africa propra*), о которой Моммзенъ замѣчаетъ, что въ земледѣліи здѣсь сохранился даже средній классъ ¹⁾. Изъ провинціальныхъ городовъ Александрія египетская и Антіохія сирійская занимаютъ мѣсто непосредственно на ряду съ Римомъ, но въ этихъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ, конечно, не было въ такомъ количествѣ празднои городской черни, какая была въ Римѣ. Нѣтъ также основаній утверждать, чтобы въ Палестинѣ въ началѣ нашей эры царила особенная бѣдность. Это была густо заселенная, воздѣланная страна, которая, по крайней мѣрѣ по оцѣнкѣ нѣкоторыхъ изслѣдователей ²⁾, во всякомъ случаѣ не стояла ниже другихъ провинцій. Здѣсь была организованная помощь бѣднымъ чрезъ особыхъ служителей при храмѣ ³⁾, собиравшихъ для нихъ хлѣбъ и деньги; призрѣніе ихъ было, слѣдовательно, связано съ религіозной организаціей.

На протяженіи всего этого міра, состоявшаго изъ столь различныхъ въ соціально-экономическомъ и политическомъ отношеніи частей, и распространяется христіанство, сразу получающее черты универсальной, всенародной религіи. Уже къ концу I вѣка, до Траяна, оно продвинулось уже,

¹⁾ *Römische Geschichte*, V, 653 и др. (Цит. у Köhler, I. с. 67—8.)

²⁾ Ср. сопоставленія у Köhler. *Socialistische Irrlehren von der Entstehung des Christentums und ihre Wiederlegung*. 1899, стр. 76—7.

³⁾ *Schürer. Gesch. d. jüd. Volkes*, II, 3, 440—1.

по изслѣдованіямъ Гарнака¹⁾, до береговъ Тирренскаго моря, имѣя главные центры въ Антиохіи, на западномъ и сѣверо-западномъ берегу М. Азіи и въ Римѣ. Здѣсь и въ Виѣннѣ оно возбуждаетъ уже вниманіе правительства. А къ 180 году (смерти М. Аврелія) христіане встрѣчаются уже во всѣхъ римскихъ провинціяхъ и даже за предѣлами Римской имперіи. Въ степени распространенія христіанства бросается въ глаза большая разница между западомъ и востокомъ, и еще больше между частями имперіи съ преобладаніемъ греческаго или латинскаго языка: греческое христіанство существуетъ со временъ апостольскихъ, латинское, вѣроятно, лишь со времени Марка Аврелія. Малая Азія христіанизировалась въ наибольшей степени и притомъ ранѣе другихъ; за ней слѣдуютъ Сирія съ Антиохіей, Египетъ съ Александріей, Римъ съ Нижней Италіей, Нумидія, южная Галлія. Наибольшее распространеніе христіанская религія получаетъ въ большихъ городахъ, такъ что въ этомъ смыслѣ „христіанство есть городская религія“ (Гарнакъ), однако въ цѣломъ рядѣ провинцій (въ Малой Азіи, Арменіи, Африкѣ, Сиріи и Египтѣ, Палестинѣ) оно распространяется и въ деревнѣ.

Установить какую бы то ни было общую связь между распространеніемъ христіанства и экомомическими условіями, приурочивъ его къ какой-либо опредѣленной спеціально-экономической группѣ, напримѣръ, рабовъ или къ пролетаріату, нѣтъ никакой возможности, если принять во вниманіе обширность территоріи, разнообразіе экономическихъ условій, вообще всю пестроту жизни, и, кромѣ этого, къ тому совершенно отсутствуютъ сколько-нибудь достовѣрныя научныя основанія. И, напротивъ, тѣ, правда, отрывочныя свѣдѣнія, которыя вообще существуютъ относительно соціальнаго состава первохристіанскихъ общинъ, совершенно не позволяютъ утверждать, чтобы онѣ состояли изъ представителей какой-либо одной общественной группы.

¹⁾ Die Mission und Ausbreitung des Christentums 410—II.

Начнемъ съ первой іерусалимской общины, возникшей послѣ Пятидесятницы, этой колыбели всего христіанства. На основаніи совершенно непозволительныхъ съ научной точки зрѣнія фантазій Каутскій въ новѣйшемъ своемъ „исслѣдованіи“ приурочиваетъ ее къ особой группѣ городского пролетаріата, о которой однако не сохранила никакихъ свѣдѣній исторія. Дѣлается это, конечно, по рецепту истолкованія исторіи и, въ частности, происхожденія христіанства съ точки зрѣнія экономического матеріализма. На самомъ же дѣлѣ тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя имѣются по этому, съ точки зрѣнія религіозной исторіи, конечно, сравнительно второстепенному вопросу, совершенно не позволяютъ охарактеризовать даже іерусалимскую общину какъ однородную въ соціальномъ отношеніи группу. Ядро ея—апостолы, переселившіеся изъ Галилеи въ Іерусалимъ, были сельскими ремесленниками, галилейскими рыбаками, но отнюдь не городскими пролетаріями. Первая проповѣдь, послѣ которой крестилось около 3000 душъ, по „Дѣяніямъ Апостольскимъ“, была обращена къ собравшимся по случаю праздника въ Іерусалимѣ „іудеямъ, людямъ набожнымъ, изъ всякаго народа подъ небесами“ (Д. Ап. II, 5). Были въ ней на ряду съ бѣдняками, нуждающимися въ помощи, и люди, „владѣвшіе домами и землями“ (Дѣян. Ап. IV, 34) и продававшіе ихъ на пользу общины (отсюда исторія Ананіи и Сапфиры). Правда, можно заключить, что въ позднѣйшую эпоху іерусалимская община была особенно бѣдна, судя по тому, что ап. Павелъ былъ такъ озабоченъ сборами въ пользу нея среди другихъ общинъ, но въ этихъ сборахъ можно видѣть также и выраженіе особливаго піэтета въ пользу первенствующей церкви. Относительно же другихъ общинъ хотя и можно считать установленнымъ, что онѣ состояли преимущественно изъ низшихъ классовъ населенія, рабовъ, вольноотпущенныхъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, но совершенно невозможно утверждать, чтобы это были группы соціально однородныя: между римскимъ пролетаріемъ и рабомъ, городскимъ ремесленникомъ или

сельскимъ жителемъ остается, несмотря на ихъ общую принадлежность къ низшимъ, некультурнымъ слоямъ населенія, все-таки огромная соціальная разниа. И, кромѣ того, хотя и въ видѣ исключеній, но въ составъ перво-христіанскихъ общинъ входили также представители и высшихъ образованныхъ классовъ ¹⁾. Рядъ примѣровъ къ тому даютъ Дѣянія Апостоловъ; такъ, на Кипрѣ былъ обращенъ проконсулъ Сергій Павелъ (Д. Ап. XIII, 7—12), въ Аѳинахъ—Діонисій Ареопагитъ (XVII, 3), въ Фессалоникахъ „немало женщинъ изъ высшихъ классовъ“ (XVIII, 4), въ Веріи то же самое (XVII, 2). Также и сотрудница Павла, Прискилла, въ виду своего выдающагося образованія, должна быть отнесена къ высшимъ классамъ. Плиній докладываетъ императору Траяну, что въ Виѳиніи „multi omnis ordinis“ перешли въ секту христіанъ. Посланіе ап. Іакова обращается противъ пороковъ богатыхъ христіанъ, входящихъ однако въ составъ общины ²⁾. Въ Римѣ обращена Помпонія Грецина и затѣмъ консулъ Титъ Флавій Климентъ и жена его Домицилла.

Позднѣйшіе источники даютъ дальнѣйшія для этого подтвержденія. На основаніи апостольскихъ посланій, преимущественно Павла, можно установить существованіе христіанъ и при императорскомъ дворѣ (Филипп. 4, 22), на ряду съ рабами въ христіанскія общины входятъ и рабовладѣльцы. Однимъ словомъ, имѣющійся историческій матеріалъ совершенно не позволяетъ характеризовать перво-христіанство по соціальному его составу, какъ движеніе

¹⁾ Ср. Harnack. Die Mission, 337.

²⁾ Каутскій говоритъ по поводу посланія Іакова о «классовой враждѣ» въ первохристіанской общинѣ и притомъ даже въ болѣе рѣзкой формѣ, нежели въ настоящее время. Не говоря уже о томъ, какъ мало это утвержденіе соотвѣтствуетъ его же собственному объясненію происхожденія христіанства, какъ движенія пролетарскаго, достаточно прочитавъ посланіе ап. Іакова *цѣликомъ*, а не вырывать отдѣльныя мѣста изъ контекста, чтобы убѣдиться, какъ далеко отстоитъ это посланіе отъ проповѣди классовой вражды или даже отъ ея выраженія. Въ этомъ мы видимъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ крайней тенденціозности въ изложеніи Каутскаго.

классовое, т.-е. являющееся выраженіемъ нуждъ и настроеніемъ какого-либо *одного* класса, въ томъ смыслѣ, какъ социализмъ есть, въ сущности, движеніе промышленнаго пролетаріата, слѣдовательно, приуроченное къ его особенному положенію въ производственномъ процессѣ. Въ этомъ смыслѣ первохристіанство остается движеніемъ внѣклассовымъ, междуклассовымъ, народнымъ, но не групповымъ и не сословнымъ. Его распространеніе съ гораздо большимъ основаніемъ можно приурочивать къ группѣ національно-религіозной, именно къ іудейскому разсѣянію, діаспорѣ, имѣвшей опредѣленный религіозно-національный центръ—синагогу, въ которой обыкновенно и появлялись апостолы съ проповѣдью. По замѣчанію Гарнака, „сѣть синагогъ напередъ намѣчаетъ главные центры и линіи христіанской пропаганды“ ¹⁾. Есть еще одна черта въ распространеніи первохристіанства, не позволяющая уподоблять его движенію социальному или классовому, на манеръ современнаго социализма: оно не является движеніемъ массовымъ, какъ этотъ послѣдній; напротивъ, оно распространяется гнѣздами, при чемъ зародившіяся общины образуютъ естественные центры для дальнѣйшаго распространенія. Одинъ изъ знатоковъ эпохи, Шюреръ, говоритъ объ этомъ: „мы не должны преувеличивать числа и значенія первыхъ общинъ до начала II вѣка. Это были лишь очень небольшіе кружки, едва замѣтные въ общественной жизни крупныхъ городовъ, во всякомъ случаѣ въ ней не выдѣляющіеся“ ²⁾.

Итакъ, первохристіанство было, по преобладающему своему составу, народнымъ движеніемъ, но оно не было ни классовымъ, ни массовымъ, ни даже національнымъ, ибо оно рано стряхиваетъ съ себя черты іудейской ограниченности. Всѣми этими свойствами оно одновременно и сближается, и противопоставляется современному социализму, также движенію народному, но, въ отличіе отъ первохристіанства, массовому, классовому, пролетарскому и при-

¹⁾ Ibid, 1.

²⁾ Цит. у Köhler, I. с. 78—79.

томъ индустріальному. Но всѣ эти признаки суть лишь производные; они связаны съ основнымъ внутреннимъ различіемъ обоихъ этихъ движеній, съ различіемъ ихъ сердца и души. Ибо первохристіанство есть прежде всего, въ своей глубочайшей жизненной основѣ, движеніе религіозное ¹⁾, вытекающее изъ отношенія души къ Богу и лишь въ качествѣ производныхъ выводовъ дающее принципы соціальныя; социализмъ же есть прежде всего движеніе соціально-экономическое, связанное съ внѣшнимъ положеніемъ лица въ производствѣ, съ отношеніемъ класса наемныхъ рабочихъ къ своимъ предпринимателямъ, хотя при этомъ также обладающее и нѣкоторыми чертами движенія религіознаго. Остановимся ближе на этомъ сопоставленіи природы первохристіанства и социализма.

Происхожденіе христіанства связано съ таинственнымъ, неизслѣдимымъ, чудеснымъ зарожденіемъ въ мірѣ новой вѣры и новой жизни. Огненные языки, въ день Пятидесятницы спустившіеся на землю, зажгли религіозное пламя, разгорѣвшееся во всемірно-историческій костеръ, и свѣтомъ и тепломъ этого пламени просвѣщаемся и согрѣваемся мы и доселѣ. Вѣра въ воскресшаго Спасителя, съ неодолимой силой вспыхнувшая въ мірѣ, чувство Его реального присутствія, потоки божественной любви и прошенія исторгли изъ душъ никогда не звенѣвшую въ мірѣ религіозную пѣснь молитвы, радости, примиренія, восторга, любви. Первохристіанство ²⁾ какъ будто представляетъ собою въ исторіи христіанства тѣ 40 дней послѣ воскресенія, когда Господь, хотя невидимый, близокъ и является ждущимъ Его ученикамъ на зовъ горящаго сердца. Въ повсе-

¹⁾ Оно «не было созданиемъ соціальнаго движенія, т.-е. не вытекало изъ какой-либо классовой борьбы и вообще нигдѣ прямо не соединяется съ соціальнымъ переворотомъ древняго общества» (Prof. Ernst Troeltsch. Die Sociallehren der christlichen Kirchen въ Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik, hrsg. von W. Sombart und M. Weber, XXVI Band, 1 Heft (1908 годъ), стр. 14.

²⁾ Ср. мой очеркъ: *О первохристіанствѣ*. (О томъ, что въ немъ было и чего не было.—Опытъ характеристики). Русская Мысль, 1909, V—VI.

дневномъ трудѣ—на рыбной ловлѣ—является Онъ имъ и благословляетъ Своимъ участіемъ ихъ трудъ, на пути въ Эммаусъ встрѣчается Онъ неузнаннымъ путникомъ и открывается имъ „въ преломленіи хлѣба“; Онъ снисходитъ къ сомнѣнію, давая чувственное удостовѣреніе Своей реальности, и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно открывается, какъ имѣющій всякую власть на небѣ и на землѣ. Чувствомъ непрерывно совершающагося чуда, начинающагося мірового преображенія, насыщена атмосфера первохристіанства. И казалось тогда, что начавшееся преображеніе не замедлитъ завершиться, что конецъ исторіи уже близокъ, у дверей, и надвигается послѣднее чудо мірового преображенія, близко второе пришествіе во славу. Услыхать эту религіозную музыку, звенѣвшую въ душахъ, ощутить это воодушевленіе вѣры, изъ котораго исторически и родилось христіанство, нельзя, не переведа это, хотя въ слабой степени, на языкъ современныхъ религіозныхъ переживаній, на свой собственный религіозный опытъ. А потому и понять историческое происхожденіе христіанства,—и притомъ правильно, полно, *научно* его понять,—можно только при условіи этой психологической, религіозной конгеніальности, какъ нужна же хоть какая-нибудь капля вкуса и эстетическаго развитія для того, чтобы научно изучать, напримѣръ, исторію живописи. И, напротивъ, кто не только самъ остается чуждъ этого опыта, но отрицаетъ самую его возможность или, по крайней мѣрѣ, всякое его значеніе, тотъ окажется тѣмъ дальше отъ разрѣшенія задачи, чѣмъ больше онъ будетъ въ нее углубляться. Нисколько не удивительно поэтому, если для Каутскаго и другихъ социаль-демократическихъ авторовъ, писавшихъ о христіанствѣ, оказывается неинтересной, несущественной и просто выкидывается за бортъ вся эта религіозная сторона первохристіанства, а остается интересъ только къ экономическимъ отношеніямъ, такъ что исторія первохристіанства становится страницей изъ исторіи хозяйственнаго быта. Это подобно тому, какъ если бы историкъ русской лите-

ратуры, отбросивъ всю поэтическую „идеологию“, какъ несущественную и неинтересную, сообщилъ бы намъ о Пушкинѣ только то, что онъ былъ помѣщикомъ, получалъ доходъ съ земли и въ этомъ качествѣ былъ совершенно подобенъ окружающимъ, или же если бы подобнаго же типа музыкальный критикъ сообщилъ намъ о Бетховенѣ, что онъ былъ мелкій буржуа, и въ этомъ весь секретъ его девятой симфоніи. Можно было бы вообще даже не останавливаться надъ подобнымъ способомъ объясненія исторіи, свидѣтельствующимъ объ огрубѣніи ума и паденіи вкуса, если бы онъ не былъ теперь такъ распространенъ, если бы многіе дѣйствительно не воображали, что, устранивъ самую проблему во всемъ ея своеобразіи, индивидуальной сложности и остротѣ, и выдвинувъ вмѣсто нея какую-нибудь одну сторону ея, вовсе несущественную или даже безразличную, они тѣмъ самымъ побѣдоносно справляются съ этой проблемой. Каутскій вмѣстѣ со многими другими историками и интерпретаторами первохристіанства неоднократно, напри- мѣръ, заявляетъ, что для него неинтересно, существовали ли вообще Христосъ, что можно установить объ Его жизни, каковъ Онъ былъ; все это, видите ли, для исторіи христіанства безразлично и неинтересно, ибо имѣетъ существенное значеніе лишь соціологическая и соціально-экономическая обстановка первохристіанства, къ которой только и сводится историческая реальность въ исторіи религіи. Спорить съ представителемъ такой точки зрѣнія такъ же невозможно, какъ съ тѣмъ фабрикантомъ красокъ, который сталъ бы утверждать, что сущность картинъ Бёклина или любого изъ великихъ мастеровъ сводится къ химическому составу проданныхъ имъ красокъ, а все остальное—надстройка, идеологія, и единственная реальность въ живописи не картина, а ея краски. Интересно, что попытка устранить при объясненіи происхожденія христіанства значеніе личности его Основателя отнюдь не составляетъ особенности исторической науки экономического направле- нія; путь этотъ, хотя и не въ столь грубой безыдейной

формѣ, преуказала либеральная протестантская критика въ лицѣ раннихъ представителей Тюбингенской школы. И любопытно, что въ своемъ пониманіи исторіи зарожденія христіанства германская наука за XIX вѣкъ описала кругъ: начавъ искать его въ безличныхъ вліяніяхъ культурной среды столкновений іудаизма и эллинизма и проч., за послѣднее время, идя тѣмъ же научнымъ историческимъ путемъ, приходитъ къ признанію опредѣляющаго значенія въ исторіи христіанства и религіи вообще творческихъ индивидуальностей. „Иисусъ — вотъ историческое объясненіе происхожденія нашей религіи“, такъ выразился въ своемъ докладѣ въ Дессау проф. Дейсманъ, и такое пониманіе раздѣляется цѣлымъ рядомъ изслѣдователей именно послѣдняго поколѣнія (Вернле, Вейнель, Добшюцъ, Гарнакъ и др.). Если есть область, гдѣ исключительная роль творческихъ индивидуальностей наиболѣе безспорна и очевидна, то это—та, гдѣ дѣйствуетъ вдохновеніе, невѣдомымъ, поистинѣ магическимъ путемъ озаряющее человѣка; такою областью являются религія и искусство. Попробуйте понять происхожденіе Ислама, безъ котораго вся исторія міра была бы иною, если устранить изъ него Магомета; попробуйте понять исторію Израиля, которая есть въ извѣстномъ смыслѣ ось міровой исторіи, если устранить изъ нея Моисея или пророковъ. И то, чего обыкновенно не позволяютъ себѣ дѣлать ни относительно Моисея, ни Магомета, ни даже Будды или Конфуція, съ необыкновенной развязностью производится въ примѣненіи къ исторіи христіанства: не только отрицается самое историческое существованіе Христа ¹⁾, но и признается безразличнымъ или несущественнымъ. Здѣсь невольно вспоминаются, по контрасту, инныя, вѣщія, огненные слова на эту же тему, которыя

¹⁾ Къ прежнимъ попыткамъ въ этомъ направленіи въ новѣйшее время присоединилось истолкованіе Евангелія, какъ системы мифовъ, ведущихъ свое происхожденіе еще изъ Вавилона («панбабилонизмъ») и связанныхъ съ обожествленіемъ растительныхъ силъ природы или солнца съ его годичнымъ цикломъ.

влагаются Достоевскимъ въ уста атеиста-мистика Кириллова (изъ „Бѣсовъ“).—„Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со мною въ раю“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка—одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ Его такого же, и никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *Этого*, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты—ложь и дьяволовъ водевилъ. Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ“. Такъ ставится вопросъ этотъ русскимъ геніемъ. Но для современнаго научнаго филистерства онъ оказывается въ высокой степени безразличнымъ...

Духовная индивидуальность, внутренній человѣкъ, субстанціальное я есть, если можно такъ выразиться, органъ религіознаго воспріятія. Вступленіе въ Церковь въ эпоху первохристіанства переживалось какъ актъ, прежде всего въ высшей степени индивидуальный и интимный, происходящій между Богомъ и душой, какъ рожденіе къ новой жизни ¹⁾. Оно было поэтому, прежде всего, какъ бы духовнымъ пробужденіемъ личности, осознаніемъ ея божественной природы. Въ христіанствѣ родилась новая индивидуальность, новая сила исторіи и новая ея тема, и, въ историческомъ смыслѣ, это есть наибольшая революція, хотя и внутренняя и незримая, какая только когда-либо совершалась въ исторіи. Живое христіанство состоитъ изъ осознавшихъ

¹⁾ См. поэтическое описаніе переживаній при крещеніи въ первохристіанскую эпоху у *Weinel*. Die Wirkungen des Geistes und der Geister im nachapostolischen Zeitalter bis Irénäus. Freiburg. 1899. Стр. 210—11.

себя, свои силы и свою нравственную свободу индивидуальностей, потому оно и не является и не может сдѣлаться массовымъ, т.-е. обезличивающимъ движеніемъ, ибо оно навсегда останется, по существу своему, совокупностью индивидуальностей, душъ, личныхъ совѣстей, не подавляющихъ, но религіозно утверждающихъ свое я. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ христіанскій индивидуализмъ далекъ и даже противоположенъ новѣйшему, внѣрелигіозному индивидуализму, голой самости. Пробужденная индивидуальность, осознавшая свое богосыновство, находила себя въ кругу другихъ такихъ же индивидуальностей, соединенныхъ въ Богѣ, чувствовала себя въ Церкви, въ союзѣ вѣры, надежды, любви, въ мистическомъ единствѣ Тѣла Христова. Христіанство родилось, не какъ религія отдѣльной личности, уединеннаго мудреца (примѣръ такой индивидуалистически обособляющейся религіозности, рядомъ съ христіанствомъ, даетъ намъ стоицизмъ),—нѣтъ, оно и возникло какъ Церковь. Для такого внутренняго, религіознаго соединенія людей несущественны, проницаемы всѣ внѣшнія эмпирическія, историческія, національныя и соціальныя различія, и только о такомъ единеніи могъ сказать ап. Павелъ въ вѣкъ величайшихъ національныхъ и соціальныхъ обособленій, что „во Христѣ нѣтъ ни мужскаго, ни женскаго пола, ни варвара, ни скиѣа, ни раба, ни свободнаго“. Религіозному единенію не могутъ воспрепятствовать и, какъ мы знаемъ, дѣйствительно не воспрепятствовали такія различія, которыя въ области соціальныхъ и юридическихъ отношений кажутся непреодолимыми, какъ, напримѣръ, между господиномъ и рабомъ. Въ этомъ смыслѣ первохристіанство и вообще Церковь по существу не есть классовая организація, порождаемая классовымъ движеніемъ, какъ социализмъ, со всей силой подчеркивающей именно эмпирическія различія людей и всю ихъ непримиримость. И тотъ фактъ, что первохристіанство находило своихъ послѣдователей прежде и больше всего среди низшихъ и среднихъ классовъ, отнюдь не дѣлаетъ его классовымъ

движеніемъ въ соціально-экономическомъ смыслѣ, какъ теперь нерѣдко его изображаютъ. Низшіе классы по своей психологіи, по своей простотѣ и смиренію имѣли болѣе открытое сердце для проповѣди Царства Божія, нежели гордые своею образованностью или властью высшіе. „Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что утаилъ сіе отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ“ (Луки, 10, 1). Такъ это было во всѣ времена и остается и теперь, христіанство всегда представляется „юродствомъ“ для тѣхъ, кто полонъ самъ собою. Народныя массы вообще религіознѣе, и это не въ силу своей необразованности, какъ обычно думаютъ заносчивые недоучки, но въ силу большей органичности своей жизни, гармоничности развитія душевныхъ силъ, большей своей натуральности, близости къ природѣ. Этотъ духовный укладъ легче разрушается у фабричныхъ рабочихъ, поставленныхъ въ искусственную, полукультурную и тѣмъ самымъ, какъ и всякая половинчатость, особенно вредную обстановку фабричной жизни, благодаря чему народъ здѣсь легко превращается въ „пролетаріатъ“, усвояя „сознательность“ дешеваго просвѣтительства. Въ народномъ атеизмѣ почти всегда можно прослѣдить интеллигентскія вліянія, и, насколько и соціализмъ соединяется съ атеизмомъ и матеріализмомъ, онъ вовсе не можетъ считаться естественной, самопроизвольной формой самосознанія рабочаго класса, особаго пролетарскаго месіанизма... Интеллигентскій характеръ русскаго соціализма у всѣхъ на глазахъ и болѣе или менѣе ясенъ. Но то же самое приходится повторить и относительно западнаго соціализма. Интеллигентами являются Лассаль и Марксъ, Прудонъ и Луи Бланъ, Каутскій и Бебель, и свои интеллигентскія идеи, сложившіяся подъ вліяніемъ философіи просвѣтительства и матеріализма, они выдаютъ за народную, пролетарскую философію. И въ высшей степени поучительно поэтому, что въ странѣ наиболѣе развитого промышленнаго капитализма, въ Англіи, да и во всемъ англосаксонскомъ мірѣ (въ Америкѣ, Австраліи, Африкѣ), гдѣ рабо-

чій классъ жилъ больше своимъ умомъ, меньше подчиняясь интеллигентскимъ вліяніямъ, онъ въ массѣ своей уберегся отъ этой будто бы специально пролетарской формы самосознанія, оставшись вѣренъ своей традиціонной религіозности. Въ настоящее время, когда и справа и слѣва утверждаютъ, будто трудящійся народъ по существу атеистиченъ, особенно своевременно громко протестовать противъ этой клеветы на душу народную. Напротивъ, народъ въ толщѣ своей естественно религіозенъ; атеизмъ для него есть искусственное, навѣянное состояніе, онъ можетъ быть и часто бываетъ суевѣренъ, религіозно-теменъ, но не безбоженъ. Не даромъ всѣ великія религіозныя движенія въ исторіи были народными, также и наша религія выступаетъ прежде всего какъ народное движеніе. Христосъ, окруженный народомъ и проповѣдующій тѣснящей Его толпѣ то въ городѣ, то въ пустынѣ, то съ лодки на водѣ, то на равнинѣ,—какъ эти евангельскіе образы остаются плѣнительны и близки и нашему демократическому вѣку... И всякое религіозное движеніе, насколько оно откалывается отъ народа, остается безкровно-интеллигентскимъ, безсильнымъ и безжизненнымъ, какъ нѣтъ, съ другой стороны, большей опасности для историческихъ церквей, какъ утрата связи съ душой народною, съ массами. Между прочимъ, на дебатахъ въ Дессау по поводу доклада Дейсмана о низшихъ классахъ и первохристіанствѣ послѣ ряда научныхъ свѣтилъ взялъ слово пасторъ изъ Хемница, нѣкій Іоганнъ Герцъ. Въ своей задушевной и искренней рѣчи онъ констатировалъ тотъ фактъ, что между протестантскимъ христіанствомъ нашихъ дней и народомъ образовывается глубокая трещина и что надо поэтому идти съ проповѣдью къ массамъ. Между тѣмъ, жаловался онъ, современные ученые теологи не говорятъ и не пишутъ народно, имъ не хватаетъ личнаго соприкосновенія съ массами. „Изъ самой массы,—говорилъ Герцъ,—должны родиться вожди христіанства. Я знаю изъ опыта: въ массѣ имѣются великія, живыя, религіозныя силы“.

Итакъ, для насъ достаточно обозначилась вся противоположность, существующая между христіанствомъ и соціализмомъ въ ихъ отношеніи къ проблемѣ личности: христіанство пробуждаетъ личность, заставляетъ человѣка ощущать въ себѣ безсмертный духъ, индивидуализируетъ человѣка, указывая для него путь и цѣль внутренняго роста; соціализмъ его обезличиваетъ, поскольку онъ обращается не къ душѣ индивидуальности, но къ ея соціальной кожѣ, сводя наличное содержаніе личности всецѣло къ соціальнымъ рефлексамъ. Это кажется противорѣчащимъ тому общеизвѣстному факту, что соціализмъ по-своему тоже пробуждаетъ массы, дѣлаетъ ихъ „сознательными“; однако это пробужденіе имѣетъ свою особую цѣль и особый характеръ. Оно не идетъ въ религіозную глубину души, но ограничивается областью внѣшнихъ соціальныхъ отношеній. Благодаря ему, изощряется взоръ лишь на внѣшнія различія въ положеніи людей, обостряется ихъ классовый инстинктъ, усиливается чувство соціальной обособленности, соревнованія, вражды. Но этотъ ростъ сознательности въ соціальномъ или классовомъ направленіи можетъ и вовсе не сопровождаться ростомъ религіозной или общечеловѣческой личности, напротивъ, обращается ему нерѣдко даже въ ущербъ. Совершенно иной способъ подхожденія къ соціальнымъ проблемамъ указываетъ намъ первохристіанство, и лучше всего это видно на его отношеніи къ рабству.

Въ чемъ состояло главное зло античнаго рабства? Въ уничтоженіи человѣческой личности, въ отношеніи къ рабу, какъ къ вещи, въ непризнаніи нравственныхъ обязанностей и отвѣтственности передъ этой личностью. Отсюда и вся жестокость, безжалостное издѣвательство и мучительство въ положеніи раба, приравненнаго къ животному. Самъ по себѣ соціально-экономическій институтъ рабства, какъ извѣстная организація труда, хотя, конечно, представляетъ собою весьма суровую и тягостную ея форму, но все-таки допускаетъ различное примѣненіе въ зависимости отъ ду-

ховной атмосферы, отъ быта и нравовъ. Его упраздненіе, какъ соціально-экономической организаціи производства, и замѣна иною, высшею, могли совершиться только въ медленномъ органическомъ процессѣ исторіи, путемъ хозяйственной эволюціи, такъ же точно, какъ можетъ совершиться и постепенное отмираніе современнаго капитализма, и христіанство вовсе не призвано доставить человѣчеству скатерть-самобранку и историческій коверъ-самолетъ. То, что должно быть совершено въ исторіи трудомъ многихъ поколѣній и въ долгомъ процессѣ, и должно быть въ немъ совершаемо: камни не превратятся, какъ бы волшебствомъ, въ хлѣбы. Но христіанство своимъ новымъ, религіознымъ отношеніемъ къ личности изнутри перерождаетъ античное рабство: тамъ, гдѣ вчера стояли другъ передъ другомъ рабовладѣлецъ и одушевленная вещь—рабъ, сегодня стоятъ уже равноцѣнныя, равныя передъ Богомъ личности. Во внѣшней жизни онѣ находятся на разныхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, но самое это различное положеніе свое они должны разсматривать какъ источникъ взаимныхъ нравственныхъ обязанностей; въ этомъ смыслѣ и надо понимать неоднократныя увѣщанія ап. Павла къ господамъ и рабамъ объ ихъ взаимныхъ обязанностяхъ. Первохристіанская церковь осуществляла полное религіозное равенство, для нея, воистину, не было раба и свободного, и это само по себѣ было незримой, но громовой духовной революціей. Если въ языческомъ мірѣ рабъ считался не имѣющимъ религіи или, по крайней мѣрѣ, исключался отъ религіознаго общенія съ свободными, то въ Церкви рабы разсматривались, какъ полноправные члены: они могли быть клириками и даже епископами (даже на римской кафедрѣ мы знаемъ папу Пія, повидимому, изъ рабовъ и Каллиста, несомнѣнно раба). Изъ рабовъ выходили мученики и святые, память которыхъ благоговѣйно чтилась Церковью. Прекрасно говоритъ объ этомъ французскій историкъ (Allard): „Всегда, когда христіане призывались исповѣдовать свою вѣру, приходилъ и рабъ, и рабская кровь смѣшивалась съ кровью свободныхъ

на зубахъ звѣрей или на топорѣ палачей... Изъ его устъ вырывались прекрасные призывы къ совѣсти... Рабы умѣли умирать—одни за свою вѣру, другіе за свою чистоту. Церковь при пѣніи гимновъ возносила останки этихъ смиренныхъ жертвъ и въ извѣстные дни, къ большому изумленію язычниковъ, вѣрныя изъ всѣхъ сословій склонялись колѣнопреклоненно предъ камнемъ, превращеннымъ въ алтарь, подъ которымъ почивалъ мученикъ изъ рабовъ“. Поразительный фактъ, что въ христіанскихъ катакомбахъ совершенно отсутствуетъ въ могильныхъ надписяхъ званіе раба, несмотря на то, что, какъ мы знаемъ, тысячи рабовъ были здѣсь погребены, и въ противоположность этому въ языческихъ на могилѣ раба записывается подробно его званіе и спеціальность. Молчаливое, но выразительное свидѣтельство древнехристіанскаго равенства! Яркую иллюстрацію этой соціальной реформы изнутри даетъ небольшое посланіе ап. Павла, надписываемое: къ „Филимону“, богатому ессалоникійцу, [у котораго по неизвѣстнымъ причинамъ сбѣжалъ рабъ Онисимъ, обращенный къ вѣрѣ ап. Павломъ во время его римскаго заточенія. Мы уже знаемъ, что бѣгство раба обычно каралось жестоко, между тѣмъ здѣсь рабъ отсылается къ хозяину, сопровождаемый такимъ пожеланіемъ апостола: „прими его какъ мое сердце... не какъ уже раба, но выше раба, брата возлюбленнаго... успокой мое сердце во Господѣ“ (Филип. 12, 16, 20), „и знаю, прибавляетъ апостолъ, что ты сдѣлаешь и больше, нежели говорю“.

Для первохристіанства, какъ видно изъ примѣра съ рабствомъ, соціальные вопросы были въ основѣ своей религіозно-этическими; внутреннимъ критеріемъ здѣсь оставалась религіозная личность, живущая въ атмосферѣ любви церковной. Но это не дѣлало первохристіанъ равнодушными и къ внѣшнимъ средствамъ ея проявленія, безучастными къ настоящимъ нуждамъ жизни. Совсѣмъ напротивъ, и въ этой области оно внесло новые масштабы, произвело переоцѣнку. И прежде всего эта переоцѣнка

касается отношенія къ труду. Античный міръ, отчасти подъ вліяніемъ рабства, отчасти подъ вліяніемъ другихъ, идейныхъ, даже религіозно-философскихъ мотивовъ, презираетъ трудъ, считая его низкимъ, недостойнымъ свободного человѣка и гражданина занятіемъ, „банаусическимъ“, по извѣстному выраженію Аристотеля. Христіанство, напротивъ, благословляетъ и освящаетъ трудъ не только примѣромъ своихъ апостоловъ, провозгласившихъ устами ап. Павла принципъ всеобщей повинности труда: „кто не работаетъ, да не ѣстъ“, и примѣромъ своихъ первыхъ общинъ, но и принципиально новымъ отношеніемъ къ міру и твари, обоженной воплощеніемъ Христа. Я могу сейчасъ только скользнуть по этой мысли, но для историка экономическихъ идей должно быть ясно, что христіанство вноситъ коренной переворотъ и въ экономическое міровоззрѣніе. Благодаря положительной оцѣнкѣ труда, именно въ немъ потенциально зарождается и новѣйшее народное хозяйство, а, стало бытъ, и наша теперешняя наука о народномъ хозяйствѣ, сколько бы основательно ни была позабыта и затемнена теперь эта связь.

Не только трудъ, но и зачатки соціальной политики, систематической борьбы съ бѣдностью и поддержки неимущихъ въ христіанствѣ получаютъ высшую санкцію въ заповѣди любви и дѣятельной помощи ближнему, объ исполненіи которой спросится съ насъ, согласно Евангелію, на Страшномъ Судѣ. Въ виду различныхъ проявленій соціальной дѣятельности въ первохристіанствѣ, вниманіе останавливается прежде всего на мнимомъ коммунизмѣ іерусалимской общины, о которой въ книгѣ „Дѣянія Апостольскія“ читаемъ слѣдующее: „Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее. И продавали имѣніе и всякую собственность и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго“. (II, 44—5). „Не было же между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто

имѣлъ нужду“ (IV, 34, 5). Быть іерусалимской общины приковываетъ къ себѣ вниманіе на протяженіи всей исторіи христіанства: почти всѣ многочисленныя религіозно-коммунистическія движенія среднихъ вѣковъ, реформаціи, даже новѣйшаго времени, берутъ его нормой и видятъ въ немъ опору для своихъ коммунистическихъ чаяній и стремленій. Въ новѣйшей отрицательной литературѣ этотъ же самый рассказъ берется за основаніе для того, чтобы изобразить первохристіанство, какъ движеніе соціально-экономическое, какъ своеобразный коммунизмъ потребленія, напоминающій нравы аскетической іудейской секты ессеевъ, конечно, чтобы этимъ истолкованіемъ устранить или уменьшить значеніе чисто религіознаго момента. Такое истолкованіе находимъ мы, между прочимъ, у Каутскаго. Безпристрастное разсмотрѣніе этого свидѣтельства должно привести насъ къ иному заключенію, въ которомъ сходится теперь вся серьезная историческая наука,—именно, что о коммунизмѣ, какъ экономическомъ институтѣ, здѣсь нѣтъ и рѣчи. По мѣткому замѣчанію Дейсмана, „нравоучительный паѳосъ этой формулировки смѣшиваются съ языкомъ соціально-политической анкеты“, и внѣшнее проявленіе первой любви христіанской, болѣе всего похожее на то, что можно наблюдать въ дружной любящей семьѣ, превращаютъ въ учрежденіе, планомѣрно преслѣдующее экономическія задачи. У насъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, долго ли продолжалось это общеніе имуществъ, и въ другихъ общинахъ мы его не встрѣчаемъ. Если же его оцѣнивать въ общей религіозно-исторической перспективѣ, то оно становится въ рядъ съ другими формами древне-христіанской благотворительности и соціальной политики. Сюда относятся: сборы милостыни при богослуженіи, содержаніе учителей и служащихъ общины, поддержка вдовъ и сиротъ, бѣдныхъ, слабыхъ и неспособныхъ къ труду, попеченіе о заключенныхъ въ темницахъ и работающихъ въ рудникахъ, выкупъ рабовъ или отпускъ ихъ на свободу, оказаніе помощи при большихъ бѣдствіяхъ, пріисканіе труда для приходящихъ

въ общину и забота о прѣзжающихъ братьяхъ, а также о бѣдныхъ или подвергающихся особливой опасности общинахъ, о чемъ такъ много и трогательно печется обыкновенно ап. Павелъ.

Эти формы соціальной дѣятельности, свойственныя той эпохѣ, конечно, вмѣстѣ съ нею отошли въ исторію, но самыя ея задачи имѣютъ пребывающее значеніе и остаются во всей силѣ и теперь, когда, благодаря усложненію экономической жизни, выработка средствъ соціальной помощи стала такой сложной научной проблемой, составляющей предметъ политической экономіи и соціальной политики. И если указанія соціально-экономической науки приводятъ насъ теперь къ сознанію, что наилучшимъ средствомъ для достиженія той же цѣли представляется постепенное, но неуклонное и болѣе или менѣе рѣшительное преобразованіе индивидуалистическаго и частноправового хозяйства въ направленіи соціалистическомъ, то я рѣшительно не представляю себѣ, что можно было бы въ христіанскомъ духѣ принципиально возражать противъ соціализма. Напротивъ, соціализмъ съ этой точки зрѣнія есть лишь средство для осуществленія требованій христіанской этики. Конечно, къ числу спорныхъ вопросовъ экономической науки, которые всегда будутъ служить предметомъ и научныхъ, и практическихъ разногласій, относятся темпъ, способы, мѣры для этого преобразованія. Здѣсь, по самому характеру этого предмета и по характеру экономической науки, не дающей вообще непререкаемыхъ, для всѣхъ безспорныхъ выводовъ и рецептовъ, возможна цѣлая гамма соціально-политическихъ оттѣнковъ, которую мы и имѣемъ въ наукѣ, отъ крайняго консерватизма до крайняго радикализма. Практическій, недоктринальный соціализмъ всегда есть частичный, то, что нѣмцы зовутъ *Stücksocialismus*. Относительно такого соціализма сказалъ однажды въ палатѣ общинъ первый министръ Англіи: мы всѣ теперь соціалисты. И дѣйствительно, если принять во вниманіе всѣ способы, которыми наше хозяйство медленно и иногда нечувствительно,

иногда же не безъ рѣзкихъ толчковъ, но все же безостановочно и неуклонно вращается въ соціализмъ, если вспомнить о такъ называемомъ государственномъ, муниципальномъ, коммунальномъ соціализмѣ, о кооперативахъ, о законодательномъ регулированіи условій труда вплоть до установленія *minimum*'а заработной платы и права на трудъ, то признаніе соціализма есть дѣло простой политико-экономической грамотности. И ужъ во всякомъ случаѣ между христіанствомъ и соціализмомъ въ этомъ практическомъ, нейтральномъ смыслѣ слова не только нѣтъ и не можетъ быть какого-либо антагонизма, но, по крайнему моему политико-экономическому и религіозному разумѣнію, христіанинъ, поскольку онъ руководствуется не своекорыстными, но дѣйствительно нравственными мотивами въ соціальной политикѣ, и не можетъ не быть въ большей или меньшей степени соціалистомъ, — не въ доктринальномъ, а въ прикладномъ смыслѣ слова. Но, съ другой стороны, въ отгнѣнкахъ и въ практическомъ примѣненіи здѣсь не можетъ быть ничего единого, безспорного и общеобязательного, и открывается просторъ личному знанію и личному разумѣнію, создается почва для вполне добросовѣстныхъ разногласій. Итакъ, для христіанства совершенно нѣтъ ни надобности, ни возможности отрицать правду соціализма. Но если такъ просто обстоитъ дѣло въ отношеніяхъ между христіанской этикой и соціализмомъ, понимаемымъ какъ совокупность соціальныхъ реформъ, то совершенно иначе оно представляется въ отношеніи между христіанствомъ и религіей соціализма. Ибо соціализмъ въ наши дни выступаетъ не только какъ нейтральная область соціальной политики, но, обычно, и какъ религія, основанная на атеизмѣ и чelовѣкобожествѣ, на самообожествленіи чelовѣка и чelовѣческаго труда и на признаніи стихійныхъ силъ природы и соціальной жизни единственнымъ зиждущимъ началомъ исторіи. Въ этомъ смыслѣ между христіанствомъ и соціализмомъ существуетъ полная и враждебная противоположность.

Но соціализмъ есть наука, слышимъ мы со всѣхъ сто-

ронъ, религія же есть отжитая форма сознанія. Развѣ не установилась даже благочестивая соціалистическая легенда о коренномъ различіи, существующемъ между соціализмомъ научнымъ и утопическимъ (коли хотите, религіознымъ). Что въ соціализмѣ имѣются, и притомъ въ качествѣ необходимаго составного элемента, данныя науки, указанія политической экономіи, объ этомъ нѣтъ спора. На основаніи ихъ и вырабатывается прикладная, практическая сторона соціализма; но какъ разъ эта сторона наименѣе характеризуетъ соціализмъ какъ религію. Соціальное законодательство, трэдъ-юніонизмъ, коопераціи, муниципальныя и государственныя мѣропріятія, столкновение труда и капитала,—вся эта практика соціализма, изучаемая научной политической экономіей, вовсе еще не связана непременно съ опредѣленной соціалистической религіей. Но, съ другой стороны,—и надо же, наконецъ, это вполнѣ ясно сознать, — соціальная наука вообще, политическая экономія въ частности совершенно безсильны приподнять завѣсу будущаго, пойти дальше лишь болѣе или менѣе основательныхъ догадокъ относительно ближайшаго будущаго, завтрашняго историческаго дня; она неспособна къ соціальному пророчеству, для котораго себя считаетъ компетентнымъ соціализмъ, именующійся научнымъ. Не то, чтобы соціальная наука еще не дошла до этого, нѣтъ, въ методахъ ея, въ ея научныхъ приѣмахъ совершенно отсутствуютъ для этого данныя. Просто, не можетъ быть установленъ единый универсальный законъ развитія общества, подобный ну что ли закону тяготѣнія, и ненаучность тѣхъ пророчествъ, примѣры которыхъ уже имѣются въ литературѣ, вполнѣ подтверждаетъ эту мысль. Нельзя вообще ожидать и требовать отъ науки больше того, что она имѣетъ и можетъ дать, иначе получается научное суевѣріе, которое по формѣ только, а не по качеству отличается отъ другихъ суевѣрій. Между тѣмъ душа соціализма, конечно, въ его пророчествахъ, паоось его—въ предвосхищеніи судебъ грядущихъ. Поэтому чисто

научнаго соціализма и вообще быть не можетъ. И старое раздѣленіе соціализма на научный и утопическій, введенное Энгельсомъ, который, конечно, подъ научнымъ соціализмомъ разумѣлъ марксизмъ, а подъ утопическимъ все остальное, давно уже утратило всякую почву: съ одной стороны, дѣйствительно научные элементы марксизма давно уже не представляютъ послѣдняго слова политической экономіи, развившейся вмѣстѣ съ развитіемъ экономической жизни и научнаго ея изученія, а съ другой стороны, жизнь рѣшительно реабилитировала многія стороны ученій, ранѣе обзываемыхъ утопическими (какова, напр., теорія кооперативнаго движенія), и поставила ихъ если не выше, то, по крайней мѣрѣ, вровень съ ученіями такъ называемаго научнаго соціализма. И наконецъ, самое главное, по самой природѣ своей соціализмъ неизбѣжно содержитъ въ себѣ элементы сверхнаучные и въ этомъ смыслѣ утопическіе, точнѣе—религіозные. Человѣкъ не преклоняется въ немъ предъ силой факта, устанавлиаемаго наукой, но стремится подняться выше него, онъ ставитъ себѣ задачу творческаго преобразованія дѣйствительности согласно идеалу, силѣ факта здѣсь противостоитъ идеальное долженствованіе, и, конечно, этотъ идеалистическій энтузіазмъ и составляетъ душу соціализма. Однажды, лѣтъ 10 тому назадъ, въ самый разгаръ выборовъ въ Германіи, мнѣ пришлось спросить одного положительнаго трактирщика въ Тюрингенскомъ округѣ, къ слову сказать, посылавшемъ въ рейхстагъ соціаль-демократическаго депутата: чего собственно хотятъ соціаль-демократы. Онъ не задумываясь тотчасъ отвѣтилъ мнѣ: „sie wünschen mehr zu verdienen“ (они хотятъ увеличить свой заработокъ). Почтенный трактирщикъ одновременно былъ и правъ и глубоко неправъ. Что это стремленіе къ матеріальному поднятію положенія труда, конечно, глубоко жизненное и важное, имѣется въ основѣ соціализма, объ этомъ нечего и спорить. Но столь же очевидно, что невозможно паѳось соціализма свести къ этому прозаическому, хотя и въ высшей степени важному

дѣлу отстаиванія шагъ за шагомъ притязаній труда относительно сокращенія рабочаго дня и поднятія заработной платы, къ экономической борьбѣ классовъ, которая въ острой или въ глухой формѣ происходитъ вездѣ, гдѣ только есть для нея экономическія основанія, но однако сама по себѣ отнюдь еще не создаетъ социализма. Эту повседневную прозу социализмъ осмысливаетъ, одухотворяетъ въ свѣтѣ своей апокалиптики, своего пророчествованія. Да, социализмъ имѣетъ не только свою апокалиптику, но и свою мистику, которую знаетъ всякій, ее переживавшій; я могъ бы сослаться здѣсь и на свой собственный прежній опытъ. Въ социализмѣ, и особенно въ марксизмѣ, есть живое ощущение органическаго роста, историческаго становленія, могучаго сверхъиндивидуальнаго процесса, который въ его теоріи обозначается какъ ростъ производительныхъ силъ съ его желѣзной логикой; въ немъ, дѣйствительно, подслушано бѣненіе историческаго пульса, есть ощущение историческаго прозябанія. Въ этомъ смыслѣ, при всемъ своемъ раціонализмѣ, социализмъ имѣетъ свою подлинную, хотя и атеистическую мистику, и въ ней-то, даже помимо сознанія, и заключается его главная притягательная сила. Ибо, потерявъ религію, человѣкъ не перестаетъ страдать своей оторванностью отъ міроваго цѣлаго, онъ жаждетъ органической цѣлостности, суррогата церковнаго общенія и потому такъ легко и охотно находитъ его въ социализмѣ. Классическое, непревзойденное до сихъ поръ выраженіе этого паѳоса социализма мы находимъ въ заключительной страницѣ рѣчи Лассаля „Программа работников“. При чтеніи ея становится особенно ясно, какая разница существуетъ между желаніемъ „mehr zu verdienen“ и социализмомъ. „Высокая всемірно-историческая честь такого предназначенія (сдѣлать свою идею руководящей идеей общества) должна преисполнить собою всѣ ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей немыслящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ, все это теперь недостойно васъ. Вы скала, на которой созиждется

церковь настоящаго! Пусть эта мысль во всей своей высокой нравственной строгости со страстной исключительностью овладѣтъ вашими умами, пусть она наполнитъ вашъ духъ, и пусть вся ваша жизнь будетъ достойна ея, сообразна съ нею и навсегда проникнута ею. Пусть нравственная строгость этой мысли никогда не покидаетъ васъ, ни въ мастерской за работой, ни въ часы досуга, ни на прогулкахъ, ни на сходкахъ и даже, когда вы ляжете на ваше жесткое ложе, пусть и тамъ *она* наполняетъ и занимаетъ вашу душу, пока вы не забудетесь сномъ. Чѣмъ исключительнѣе углубитесь вы въ нее, чѣмъ безраздѣльнѣе будетъ ваша страсть къ ней, тѣмъ скорѣе, повѣрьте, современный историческій періодъ осуществитъ свою задачу, тѣмъ быстрѣе достигнете вы этой цѣли“. Вотъ что значитъ быть социалистомъ, по изображенію одной изъ наиболѣе увлекательныхъ и яркихъ индивидуальностей этого движенія. Если то, о чемъ здѣсь говорится, есть не религія (конечно, въ широкомъ смыслѣ), то я спрашиваю тогда, что же это такое?

Ни въ чемъ такъ не сказывается религіозная природа социализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся его именно религіозная противоположность христіанству, какъ въ эсхатологіи, въ ученіи о социальномъ катаклизмѣ и о будущемъ вѣкѣ, о „государствѣ будущаго“. Вѣра въ социальное чудо, въ перерожденіе общества путемъ социального переворота, глубоко коренится въ религіи социализма, въ его пророчествахъ, его апокалиптикѣ. И всегда въ исторіи, когда особенно высоко поднималась религіозная волна социализма, обострялось и это эсхатологическое чувство и ожиданіе скорого, немедленнаго, нежданнаго, какъ тать въ нощи подкрадшагося социального катаклизма, чрезъ который человечество совершитъ, по выраженію даже трезваго и прозаическаго Маркса, „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы“, изъ „Vorgeschichte“ въ „Geschichte“. Въ Англіи во времена чартизма, во Франціи въ революціонныя годы, въ 1848 и 1871, въ Германіи въ тѣ же революціонныя подъемы, въ Россіи въ 1905—1906 гг. обостря-

лась увѣренность въ скорости соціального преображенія, и, напротивъ, когда это чувство ослабѣваетъ, то наиболѣе воодушевленные вожди социализма видятъ въ этомъ ослабленіи своего рода социалистическій декадансъ, „ревизионизмъ“, „бернштейнианство“, что-то мелкое, не вдохновляющее. Конечно, и эту эсхатологію объявляютъ научно обоснованной, но надъ этой наивностью просто не слѣдуетъ и останавливаться, чтобы не обижать напрасно ни эту вѣру, ни науку.

Эсхатологія,—вѣра въ будущій вѣкъ и его ожиданіе, чаяніе новаго неба и новой земли, въ которыхъ правда живетъ, есть неустраняемая часть религіозныхъ вѣрованій; особенно же важную роль она имѣла какъ въ іудействѣ, такъ и въ христіанствѣ. Первохристіанство жило особенно напряженнымъ ожиданіемъ близкаго конца міра и второго пришествія Спасителя во славу. Въ настоящее время можно считать вполне установленнымъ историческимъ фактомъ, что эта напряженность ожиданія скорого мірового катаклизма играла огромную роль въ цѣломъ рядѣ оцѣнокъ и самоопредѣленій первохристіанства. Въ дальнѣйшей исторіи христіанства ожиданіе это теряетъ свою напряженность, обостряясь лишь въ отдѣльные моменты исторіи, отмѣченные или особымъ подъемомъ религіознаго чувства или же историческими катастрофами. Въ отдѣльной душѣ эсхатологичность настроенія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ напряженнѣе въ немъ религіозная жизнь, чѣмъ непосредственнѣе чувство Бога въ мірѣ и въ исторіи, ощущеніе живого и творческаго начала, для мощи котораго нѣтъ границъ. Эсхатологія въ этомъ смыслѣ есть необходимая принадлежность живой религіозной вѣры. Но какой же вѣрой питается социалистическая эсхатологія, отъ кого социализмъ ожидаетъ своихъ чудесъ? Онъ не знаетъ личнаго, разумнаго начала въ мірѣ, въ которомъ царить только сила вещей, законы историческаго и экономическаго развитія, „экономическій факторъ“. Его эсхатологія основывается лишь на вѣрѣ въ мертвую соціальную стихію, въ міръ твар-

ный, въ вещи, въ механическую закономерность природы, которая въ силу собственной внутренней діалектики приведетъ человѣчество въ *Zukunftstaat*. Современный социализмъ представляетъ собой поэтому воплощенное противорѣчіе: религіозный энтузіазмъ, который неизбѣжно порождается всякимъ широкимъ и захватывающимъ движеніемъ, на ряду съ принципиальнымъ атеизмомъ, самоуничженіе человека, превращеніе личности въ безличный рефлексъ экономическихъ отношеній на ряду съ ея обожествленіемъ, превращеніемъ въ человѣкобога. Это стоитъ, конечно, въ связи съ нашей общей духовной атмосферой, ходячими мнѣніями, вѣрованіями, предразсудками, суевѣріями; все это въ настоящее время совершенно иное, нежели было въ эпоху первохристіанства въ средѣ греко-римскаго міра. Если тогда были распространены въ наибольшей степени суевѣрія магіи, чудодѣйствія, давящій демонизмъ, отъ чего освободило души лишь христіанство, то теперь въ широкой массѣ эту же роль играютъ суевѣрія научныя, или, изъ уваженія къ наукѣ, скажемъ лучше—лженаучныя. И если тогда легко вѣрили всесилію cadaго мага, шарлатанящаго чудотворца, теперь столь же легко вѣрятъ во всеиліе науки и не только въ области ея дѣйствительнаго и несомнѣннаго могущества, но и въ такихъ вопросахъ, которые безусловно лежатъ за предѣлами ея компетенціи, именно въ вопросахъ религіознаго сознанія. Со всей наивностью это ходячее мнѣніе выражено, между прочимъ, въ заключительныхъ словахъ новой книги Каутскаго о происхожденіи христіанства. „Если эпоха развивающагося христіанства (говоритъ онъ) была временемъ самаго мрачнаго духовнаго упадка, стремительнаго роста самаго жалкаго невѣжества и глупѣйшаго суевѣрія, то эпоха развитія социализма есть время самаго блестящаго прогресса естественныхъ наукъ и самаго быстрого роста образованія народныхъ массъ, захваченныхъ социаль-демократіей“. (Kautsky, 508). Я не буду здѣсь разбирать по существу мнѣнія, будто бы успѣхи естествознанія и вообще опытной

науки способны упразднить религію съ ея запросами, не трудно было бы назвать изъ числа и весьма крупныхъ ученыхъ такихъ, которые не только не раздѣлили бы этого мнѣнія, но и самымъ энергичнымъ образомъ протестовали бы противъ этого новаго суевѣрія нашей эпохи. Я называю суевѣріемъ именно это убѣжденіе въ томъ, что наука, оставаясь сама собою, разрѣшаетъ—и притомъ опредѣленнымъ, отрицательнымъ образомъ—религіозныя проблемы. Ученые иногда черезчуръ легко отождествляютъ себя съ наукой и за свои личные религіозно-философскіе домыслы и убѣжденія дѣлаютъ отвѣтственною самое науку, почему и получается такая пестрота и расногласица сужденій въ этой области, одинаково приписываемыхъ наукѣ. Не могу не привести по этому поводу задушевнаго признанія, сдѣланнаго предъ студенческой аудиторіей однимъ изъ наиболѣе тонкихъ и добросовѣстныхъ научныхъ умовъ нашего времени, Несторомъ современной церковно-исторической науки, проф. Гарнакомъ, въ его всемірно-извѣстныхъ чтеніяхъ о сущности христіанства: „Господа! Смыслъ жизни даетъ религія, т.-е. любовь къ Богу и ближнему; наука не въ состояніи дать его. Я позволю себѣ сослаться на свой личный опытъ, на результатъ моей серьезной тридцатилѣтней работы надъ такими вопросами. Чистая наука—дивная вещь; жалокъ тотъ, кто пренебрежительно къ ней относится или притупляетъ въ себѣ интересъ къ познанію. Однако на вопросы: откуда, какъ и зачѣмъ она, и въ наше время также не въ состояніи отвѣтить, какъ и двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ. Она даетъ намъ знаніе фактовъ, вскрываетъ противорѣчія, связываетъ явленія и исправляетъ обманы нашихъ чувствъ и представленій. Но гдѣ и какъ начинается, куда и какъ ведетъ кривая міра и нашей собственной жизни, кривая, которой она показываетъ лишь нѣкоторую часть, на этотъ вопросъ наука не даетъ отвѣта“ ¹⁾).

¹⁾ Гарнакъ «Сущность христіанства», перев. Л. М., стр. 221.

Та духовная атмосфера, въ которой возникла религія соціализма, опредѣляется не столько строгой научностью, сколько тѣми религіозно-философскими настроеніями, въ духѣ которыхъ воспринимаются выводы науки. А настроенія эти зарождаются въ особомъ духовномъ теченіи, которое, начиная съ ренесанса, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, обозначается въ европейской культурѣ въ самообоженіи человечества, опирающемся на отрицаніе высшихъ религіозныхъ цѣнностей и потусторонняго міра. Я разумѣю здѣсь такъ называемое „просвѣтительство“. Оно имѣетъ много развѣтвленій и однимъ изъ нихъ является и новѣйшій соціализмъ, который раздѣляетъ съ нимъ механическое пониманіе какъ личности, такъ и природы общественныхъ отношеній. Послѣднимъ словомъ просвѣтительства къ концу XVIII и началу XIX вѣка въ соціальной философіи былъ соціальный атомизмъ, который въ этикѣ выразился въ бентамизмѣ или утилитаризмѣ, а въ политической экономіи въ манчестерствѣ. Общество разсматривалось какъ сумма обособленныхъ личностей, преслѣдующихъ исключительно свои собственные интересы и пользы. Отсюда задача разумной политики состоитъ въ размежеваніи этихъ интересовъ, опредѣляется чисто отрицательными чертами. Въ представленіяхъ манчестерской школы она наилучшимъ образомъ разрѣшалась введеніемъ полной свободы промышленности и торговли. Человѣчество разсыпается здѣсь на атомизированные индивиды, извнѣ толкающіеся другъ о друга, но не имѣющіе внутренней связи. Личность одновременно и деградирована, превращена въ машину для подсчета пользы и убытковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возведена на тронъ, оказывается единственной реальностью, центромъ вселенной. Когда манчестерство достаточно дискредитировало себя результатами своей политики и выяснилась практическая невозможность для государства ограничиваться функциями одной охранительной полиціи, ролью ночного сторожа, по выраженію Лассаля, то мѣсто просвѣтительскаго манчестерства заступилъ просвѣтительскій же соціализмъ,

который, ничего не измѣнивъ въ принципиальной постановкѣ вопросовъ, ограничился лишь перемѣной программы практической политики, оставаясь идейно только антиманчестерствомъ, той же арифметикой интересовъ, приводящей лишь къ иному разрѣшенію прежней задачи. Соціализмъ въ этомъ смыслѣ есть не что иное, какъ соціальный бентамизмъ. Если для Бентама и манчестерства единицей былъ индивидъ, то здѣсь таковой единицей представляется классъ, состоящій изъ индивидовъ съ совпадающими интересами. Соціальный атомизмъ не преодолевается, а только видоизмѣняется. Соціализмъ, какъ и манчестерство, построяетъ общество на размежеваніи интересовъ, при чемъ размежевываетъ ихъ только внѣшняя принудительная организація—государство, классовое ли государство настоящаго или соціалистическое государство будущаго, это есть высшая и окончательная форма человѣческаго обобществленія въ представленіяхъ соціализма. Иными ресурсами внутренняго, церковнаго объединенія людей, помимо государственнаго, просвѣтительскій соціализмъ не располагаетъ. Люди при всемъ своемъ внѣшнемъ обобществленіи остаются непроницаемы другъ для друга, отгораживаются стеклянной стѣной, невидной, но осязательной, и этотъ дурной, нездоровый индивидуализмъ въ соціализмѣ всегда будетъ угрожать ему анархическимъ бунтомъ противъ этой соціалистической муштры. Государству отводится миссія обезпечить и раздать каждому по куску и слѣдить за тѣмъ, чтобы куски были равны. Изъ этихъ началъ легко вывести принципъ свободы, понимаемой какъ внѣшнее огражденіе индивидуальной автономіи, равенства, какъ обезпеченія равныхъ правъ и экономического достатка, но для братства, обычно сюда присоединяемаго, здѣсь вообще нѣтъ мѣста и явиться ему неоткуда, и самое его провозглашеніе есть ничѣмъ неоправдываемое, контрабандное позаимствованіе у христіанства. Ибо братьями могутъ себя чувствовать только дѣти единого Отца, — сыны Божіи, и единой Матери, — члены Церкви. И братья могутъ мириться съ внѣшней го-

сударственно-принудительной организаціей, только какъ воспитательнымъ средствомъ и неизбѣжнымъ зломъ, но не возведутъ его въ идеаль. Ибо высшее устройство челоуѣчества, предѣльное понятіе и норма его не свобода и равенство, а братство,—не государство, а церковь, теократическій союзъ. И поучительно и трогательно даже наблюдать, что отъ этого идеала, отъ этой свѣтлой мечты не можетъ отказаться и соціальный бентамизмъ, что и соціализмъ ищетъ постоянно суррогатовъ церковнаго католическаго сознанія. Ибо о чемъ же, какъ не о католичности если и не челоуѣчества, то хотя его части говоритъ призывъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь?“ О какой „церкви настоящаго“ говоритъ Лассаль? На чемъ зиждется благочестивое упованіе престарѣлаго Каутскаго, выраженіемъ котораго онъ заканчиваетъ свою послѣднюю книгу: „соціаль-демократія *навсегда* положитъ конецъ всякому классовому господству“? Вѣдь это же звучитъ совсѣмъ какъ изъ символа вѣры... Но камень, на которомъ созиждется эта церковь будущаго, остается для соціализма все же Бентамъ, интересъ, атомизированные индивиды и самообоившееся челоуѣчество, имѣющее своихъ пророковъ въ лицахъ Огюста Конта и Фейербаха.

Подведемъ итоги. Параллель между первохристианствомъ и соціализмомъ приводитъ насъ къ тому общему заключенію, что между ними существуетъ противоположность, и противоположность эта—религіозная. Неправильно сводить ее къ различію между якобы противонаучнымъ и научнымъ міровоззрѣніемъ, ибо наука не компетентна сказать послѣднее слово въ этомъ спорѣ. Неправильно сводить ее также и къ соціально-политическимъ различіямъ, ибо практической соціализмъ цѣликомъ можетъ укладываться въ христианство и принципиально ему, по меньшей мѣрѣ, не противорѣчитъ. Вполнѣ непримиримымъ съ соціализмомъ христианство оказывается только въ плоскости религіозной, поскольку соціализмъ пользуется своей прикладной программой какъ средствомъ для утвержденія своей религіи. На его знамени

начертано два девиза: одинъ—рабство человѣка мертвой стихіи природы и соціального развитія и неограниченное господство ея желѣзныхъ законовъ, а другой—прямо ему противорѣчащій—всемогушество человѣка и его самообожествленіе. Первый девизъ, вмѣсто Провидѣнія ставящій мертвую стихію, возвращаетъ насъ еще къ старымъ натуралистическимъ религіямъ, казалось, навсегда упраздненнымъ христіанствомъ, есть религіозный атавизмъ. Второй же девизъ зоветъ людей быть какъ боги, жить „во имя свое“, свою тварную, ограниченную природу поставить вмѣсто Божества, это — путь демоническій, ведущій въ царство Антихриста. При этомъ свѣтъ противоположность между христіанствомъ и социализмомъ получаетъ міровое значеніе—столкновенія двухъ мистически-полярныхъ началъ, Христа и Антихриста, и снова повторяется искушеніе въ пустынѣ, но уже надъ человѣчествомъ, которое приглашается отречься отъ Бога за хлѣбы, за власть, во имя самообоженія. Такъ это различіе представляется въ планѣ мистическомъ.

Въ порядкѣ же историческомъ успѣхъ социализма прежде всего есть кара за грѣхи историческаго христіанства и грозный призывъ къ исправленію. Сила социализма до известной степени свидѣтельствуешь и о слабости христіанства, теряющаго свою власть надъ душами въ пользу иной религіи, иного міроощущенія. Я далекъ отъ мысли цѣликомъ объяснять самое происхожденіе новой религіи всецѣло этими грѣхами, ибо сознаніе ихъ могло бы вызывать у горящихъ душъ прежде всего стремленіе бороться съ этими грѣхами, отнюдь не уходя въ религію человѣкобожества; для этого же ухода должно присоединиться еще дѣйствіе силъ иного, прямо антихристіанскаго характера. Но грѣхи эти готовятъ, несомнѣнно, почву для такихъ отпаденій. Особенно здѣсь ощутительны грѣхи въ области соціального сознанія и дѣйствія. Въ христіанствѣ недостаточно проявлялось чувство соціальныхъ обязанностей, такъ сказать, соціальной любви; оно черезчуръ до-

вольствовалося старыми традиционными средствами социальной помощи, чуть ли не непосредственной раздачей милостыни, оставаясь сравнительно глухимъ къ указаніямъ науки и измѣнившейся исторической обстановки народнаго хозяйства, капиталистическаго производства. При этомъ оказываютъ свое дѣйствіе и разныя грѣховныя наклонности: любостяжаніе, раболѣпство, равнодушіе, прикрываемое ханжествомъ, при чемъ самыя завѣтныя вѣрованія становятся средствомъ самооправданія или маскировки. Какъ говорилъ Дж. Рескинъ, „мы обыкновенно вѣримъ въ безсмертіе, чтобы избѣжать приготовленія къ смерти, и въ отсутствіе безсмертія, чтобы избѣжать приготовленія къ будущей жизни“. Столь же лицемерное истолкованіе получаютъ нерѣдко и евангельскіе завѣты о терпѣніи, о воздержаніи, когда примѣняютъ ихъ къ другимъ, и притомъ неимущимъ, а не къ себѣ. Грѣхи историческаго христіанства въ социальной области велики и многочисленны, ихъ не надо замалчивать, ихъ надо сознать въ цѣляхъ самоисправленія, ибо наступаетъ грозный, отвѣтственный часъ исторіи. Эти грѣхи связаны не только съ слабостью или порочностью воли, но отчасти и съ одностороннимъ пониманіемъ христіанства, съ тѣмъ, что можно назвать индивидуалистическимъ гипераскетизмомъ, устраняющимъ самое понятіе исторіи, а слѣдовательно, историческихъ задачъ и обязанностей. Отчасти это стоитъ въ связи съ утратой въ христіанскомъ сознаніи Апокалипсиса, идеи конца, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣль, и предѣлъ исторіи. Она была очень сильна въ первохристіанствѣ, ожидавшемъ этого конца даже какъ внѣшней катастрофы чрезмѣрно скоро, но затѣмъ она почти утеривается въ дальнѣйшей исторіи христіанства, и тогда все вниманіе сосредоточиваетъ уединенная жизнь души, отрекшейся отъ міра и освободившей себя отъ участія въ исторіи. Такой уходъ изъ исторіи начинаютъ считать единственной нормальной формой христіанской жизни, отдавая міръ стихіи или безбожію, очищая мѣсто социализму. Волей или неволей, но суровая историче-

ская дѣйствительность заставляетъ считаться со своими нуждами, и религіозное преодолѣніе социализма можетъ быть совершенно лишь на почвѣ христіанской философіи исторіи, т.-е. апокалиптики.

Но и оставляя въ сторонѣ эти мистическія перспективы, мы должны сказать, что успѣхи матеріалистическаго человѣкобожества, распространеніе этой вѣры въ массахъ и по своему непосредственному историческому значенію знаменуетъ собой надвигающуюся культурную опасность, угрозу европейскому человѣчеству съ его цивилизаціей, внутреннюю болѣзнь, постепенно подтачивающую его духовное здоровье. Часто забывается и далеко не всѣми понимается, что теперешняя культура исторически имѣетъ религіозные корни и до сихъ поръ еще питается ихъ здоровыми соками. Послѣднюю страницу исторіи принимаютъ за цѣлую книгу, а цвѣтъ—за все растеніе, не видя внутренней связи прошлаго съ настоящимъ, всей органичности, преемственности этого культурнаго развитія. Новая Европа была духовно вскормлена и воспитана христіанской церковью, и теперешняя европейская культура съ ея наукой по своему происхожденію является христіанской, хотя въ своемъ сознаніи она начинаетъ утрачивать эту связь. На атеистическомъ фундаментѣ не была еще воздвигнута ни одна цивилизація въ исторіи,—да, по моему убѣжденію, и не можетъ быть воздвигнута. Атеистическая культура можетъ быть только паразитарнымъ растеніемъ на чужомъ стволѣ и при томъ губящимъ корни дерева, къ которому присосалось. Самообоженіе есть не жизнетворное, но смертоносное начало. Я допускаю, что его прививкой можно ускорить или облегчить достиженіе какой-нибудь частной, близлежащей исторической цѣли, подобно тому какъ введеніе яда въ организмъ иногда даетъ нездоровое и непродолжительное возбужденіе энергіи. Вполнѣ возможно, что введеніе въ душу народную яда матеріалистическаго человѣкобожества поможетъ быстрѣе двинуть пролетаріатъ на капиталистовъ, мобилизовать социальную революцію, вырвать важныя со-

ціальныя реформы. Но какою цѣною будетъ куплена эта побѣда, съ какими духовными силами вступить это человечество въ слѣдующую эпоху исторіи? Только увѣровавъ въ экономическое провидѣніе, во всемогущество стихійныхъ силъ въ исторіи, только отрицая человѣческую личность и почитая ее простымъ рефлексомъ, можно съ беззаботностью и довѣріемъ смотрѣть на будущее и не слышать запаха уже начавшагося гніенія души народной, лишаящейся осоляющей ее соли христіанства. А между тѣмъ исторія творится живыми силами, а не мертвыми стихіями, и человѣческая личность со своими идеалами, со своей религіей есть творческое, зиждительное начало исторіи. Человѣкъ—сынъ вѣчности, брошенный въ потокъ времени, сынъ свободы, находящійся въ плѣну у необходимости, въ зависимости отъ законовъ естества, отъ вѣчнаго, природнаго міра. Онъ творитъ исторію, лишь поскольку онъ свободенъ, а свободенъ, поскольку служитъ идеалу, возвышается надъ необходимостью, отрицаетъ надъ собой ея опредѣляющую силу. Но онъ топитъ эту свою свободу, поскольку онъ съ головой погружается въ міръ вещей, признаетъ надъ собой ихъ опредѣляющую власть, съ которой онъ призванъ бороться и лишь въ этой борьбѣ созидать культуру. И нельзя безнаказанно на всѣ лады внушать человѣку, что онъ двуногій звѣрь и природа его чисто звѣриная, а потому ему остается только, признавъ это, поклониться своему звѣрству. Нельзя въ противоположность христіанскому зову тысячелѣтій: „горе имѣемъ сердца“, безнаказанно убѣждать человѣка опускать ихъ долу. Нельзя лишать человѣка идеала личности, заслонять отъ него ликъ Христовъ, не опустошая человѣческую душу. Глубоко погружаются мистическіе корни исторіи. Зерномъ, изъ котораго выросло многовѣтвистое дерево европейской культуры, было все-таки первохристіанство во всей его неразложимости и простотѣ. Не притязая на роль Кассандры, все же нельзя не видѣть въ этомъ пониженіи идеаловъ надвигающуюся культурную и исто-

рическую опасность, изсяканіе самыхъ источниковъ творчества.

И, не скрою, еще большая тревога поднимается въ душѣ при мысли о нашемъ отечествѣ и о нашемъ народѣ, душа котораго соединена еще крѣпкими мистическими и историческими нитями съ первохристіанствомъ и такъ близка ему простотой и непосредственностью своей вѣры. И она подвергается дѣйствию того же изсушающаго вѣтра, дующаго на этотъ разъ не съ востока, а съ запада. Страна наша переживаетъ теперь всесторонній и глубокій кризисъ, государственный, хозяйственный, культурный, и къ уврачеванію этой болѣзни направлены всѣ усилія и заботы живыхъ элементовъ нашего общества. Не я буду умалять всю важность, трудность, насущность этой исторической задачи,—горе и стыдъ тому, кто ей остается чуждъ! Но пусть важность и величіе этихъ преобразовательныхъ задачъ, заботы о хлѣбѣ насущномъ не заставляютъ забывать и о душѣ народной, объ ея здоровьѣ и ростѣ, о сохраненіи ея отъ деморализаціи, отъ разложенія. Ибо съ растлѣніемъ души народной, мы утрачиваемъ фундаментъ, на которомъ зиждется все настоящее и будущее Россіи,—и ея государственность, и народное хозяйство, и національная культура. Будемъ хранить грядущимъ вѣкамъ святыню души народной, ея сердце, совѣсть, вѣру, возгорѣвшуюся отъ свѣтильника катакомбы. И тогда намъ нестрашны всѣ историческія испытанія и не дрогнетъ наша вѣра въ будущее народа, который своими страданіями создалъ великую Россію, но взлелѣялъ въ своей душѣ иной, высшій идеалъ, завѣщанный первохристіанствомъ, и въ мысли о немъ наименовалъ свою отчизну: *святая Русь!*

С. Булгаковъ.

Этическія воззрѣнія Джозефа Бэтлера.

I.

Имя Д. Бэтлера извѣстно у насъ развѣ только специалистамъ, а между тѣмъ Лесли Стивенъ, авторъ капитальной „Исторіи англійской мысли въ 18 столѣтіи“, называетъ этого мыслителя самымъ глубокимъ и самымъ проницательнымъ моралистомъ (если только исключить Юма) XVIII вѣка ¹⁾. Если даже въ этихъ словахъ англійскаго историка признать нѣкоторую долю преувеличенія, то все-таки несомнѣнно, что этическіе взгляды Бэтлера заслуживаютъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ какое имъ обычно удѣляется въ сочиненіяхъ по исторіи философіи или даже по исторіи этики. При характеристикѣ важнѣйшихъ этическихъ направленій въ Англіи XVII и начала XVIII ст. обыкновенно имѣютъ въ виду наиболѣе яркихъ представителей англійской морали: Гоббса и Мандевиля—съ одной стороны, Шефтсбёри и Гетчесона—съ другой. Что касается Бэтлера, то его моральныя воззрѣнія, носящія, какъ мы увидимъ ниже, очень замѣтные слѣды эклектизма, естественно оставались въ тѣни или иногда совсѣмъ не выступали на сцену при изображеніи эволюціи этическихъ проблемъ какъ на англійскій почвѣ, такъ и на континентѣ. Между тѣмъ такое отношеніе къ Бэтлеру едва ли можно назвать справедливымъ. Несмотря на несомнѣнную эклектическую окраску, этическіе взгляды этого мыслителя содержатъ въ себѣ, какъ это выяснится

¹⁾ Lislle Stephen. History of english thought in 18 century. London, 1876, v. II, pp. 46, 55.

ниже, и значительную долю оригинальности. Затѣмъ, самый эклектизмъ Бэтлера является очень цѣннымъ съ точки зрѣнія моральной эволюціи, какъ переходная ступень между упомянутыми болѣе ранними теченіями англійской этики и между позднѣйшими этическими концепціями, какъ мы находимъ послѣднія наиболѣе ярко выраженными въ сочиненіяхъ Д. Юма и А. Смита. Наконецъ, нельзя не отмѣтить своеобразнаго ученія Бэтлера о природѣ нравственнаго сознанія, ученія, которое предвосхищаетъ нѣкоторыя важнѣйшія этическія концепціи, явившіяся только въ концѣ XVIII в. или въ началѣ XIX уже на континентѣ, и именно въ Германіи. Все это даетъ намъ право представить хотя бы сжатую характеристику моральныхъ воззрѣній Д. Бэтлера, предпославъ ей самыя краткія біографическія свѣдѣнія объ этомъ мыслителѣ, въ связи съ указаніемъ его важнѣйшихъ сочиненій.

Джозефъ Бэтлеръ родился въ 1692 г., въ Уонтэдждѣ, въ семьѣ торговца сукнами. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ школѣ Самуэля Джона, въ Глучестерѣ, послѣ чего поступилъ сначала въ Оксфордскій, а затѣмъ въ Кембриджскій университетъ. Въ 1718 году онъ принялъ священство и вскорѣ сдѣлался проповѣдникомъ въ Лондонѣ при церкви Архива (Rolls Chapel). Въ 1721 году онъ былъ назначенъ пребендаріемъ въ Салисбэри, а въ слѣдующемъ году—ректоромъ въ Генгтонѣ. Въ 1738 г. Бэтлеръ сдѣланъ епископомъ въ Бристолѣ, гдѣ онъ пробылъ до 1740 года, когда былъ переведенъ въ Лондонъ деканомъ собора св. Павла. Въ 1750 году онъ былъ назначенъ епископомъ въ Дэргамъ, гдѣ и скончался въ 1752 году.

Первое сочиненіе Бэтлера, составившее ему извѣстность, „Пятнадцать проповѣдей“ (Fifteen sermons) появилось въ 1726 г. Это, дѣйствительно, сборникъ проповѣдей, произнесенныхъ Бэтлеромъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ церкви при Архивѣ (Rolls Chapel). Для характеристики моральныхъ воззрѣній Бэтлера имѣютъ значеніе первыя три проповѣди. Въ 1736 году вышло главное произведеніе Бэтлера,

еще болѣе популярное въ Англіи, чѣмъ „Пятнадцать проповѣдей“, „Аналогія религіи въ отношеніи устройства и теченія природы“ (The analogy of religion to the constitution and course of nature). Какъ показываетъ самое заглавіе, сочиненіе имѣетъ въ виду проблемы философіи религіи. Наконецъ, нужно назвать еще два небольшихъ трактата Бэтлера: „О личномъ тождествѣ“ и „О природѣ добродѣтели“. Послѣдній трактатъ является наиболѣе цѣннымъ источникомъ, вмѣстѣ съ „Пятнадцатью проповѣдями“, для изображенія взглядовъ Бэтлера въ области морали.

Уже въ предисловіи къ своимъ проповѣдямъ Бэтлеръ указываетъ методъ, которымъ онъ считаетъ необходимымъ идти въ анализѣ нравственной дѣятельности, а также пытается дать, въ самыхъ общихъ чертахъ, основную концепцію своей моральной системы.

По мнѣнію Бэтлера, есть два способа трактованія моральныхъ сюжетовъ: одинъ начинается съ изслѣдованія абстрактныхъ отношеній вещей, другой отправляется отъ изслѣдованія фактовъ. Въ послѣднемъ случаѣ задачею изслѣдователя является опредѣленіе природы человѣка въ ея спеціальныхъ проявленіяхъ, поскольку въ дѣятельности этой природы могутъ быть констатированы спеціальныя принципы экономіи и своеобразнаго расположенія частей или общей конституціи. Отсюда возникаетъ задача дальнѣйшаго изслѣдованія—установить, какой строй или способъ жизни соотвѣтствуетъ такъ понимаемой природѣ человѣка. Если держаться перваго, апріорнаго метода, то заключеніе будетъ выражаться въ той формѣ, что порокъ или безнравственность противорѣчитъ природѣ и основанію самихъ вещей. Если слѣдовать второму методу, то можно придти къ выводу, что порокъ есть насиліе надъ нашей природой, какъ бы брешь въ стройной организаціи, свойственной этой природѣ. Оба эти метода ведутъ къ одному и тому же—къ выясненію нашихъ обязанностей въ отношеніи практической жизни, и они очень значительно подкрѣпляютъ и усиливаютъ другъ друга. Первый изъ этихъ

методовъ чаще всего принимаетъ форму непосредственнаго, формальнаго доказательства и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ менѣе всего представляетъ матеріала для какихъ-либо ухищреній въ спорѣ, послѣдній методъ болѣе всего способенъ удовлетворить открытый и свѣтлый умъ, и болѣе приложимъ къ нѣкоторымъ частнымъ отношеніямъ и условіямъ жизни ¹⁾. Бэтлеръ находитъ болѣе удобнымъ для раскрытія своихъ моральныхъ воззрѣній пользоваться именно этимъ опытнымъ или психологическимъ методомъ.

Первыя три изъ „Проповѣдей“ Бэтлера ставятъ своей задачей объяснить, что разумѣется подъ природой человѣка, какъ скоро утверждаютъ, что добродѣтель заключается въ слѣдованіи этой природѣ, а порокъ—въ уклоненіи отъ нея. Утвержденіе это вполнѣ справедливо, и его нужно только обосновать ²⁾. Слѣдуя Шефтсбѣри, Бэтлеръ въ этомъ обоснованіи исходитъ изъ понятія системы, экономіи или конституціи, понимая подъ этими терминами совокупность взаимоотношеній между частями единого цѣлаго, поскольку въ этомъ цѣломъ осуществляется извѣстная идея. Таковую систему можно констатировать въ каждомъ произведеніи природы или произведеніи искусства,—тѣмъ болѣе она имѣется въ природѣ человѣка. Съ этой точки зрѣнія совокупность отношеній въ жизни человѣческаго духа можно сравнить съ часовымъ механизмомъ: механизмъ этотъ, какъ для всѣхъ очевидно, состоитъ изъ частей, но части эти находятся въ опредѣленныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, и этимъ достигается гармонія цѣлаго; такъ и человѣческая природа состоитъ изъ разнообразныхъ психическихъ элементовъ—аффектовъ, чувствъ, влеченій и т. п., во главѣ съ дѣятельностью рефлексіи или совѣсти (conscience), и главенство этой послѣдней функціи и создаетъ своеобразную гармонію человѣческой жизни ³⁾. Дальнѣйшій анализъ долженъ привести насъ къ убѣжденію, что по-

¹⁾ J. Butler. The works, ed. by W. E. Gladstone. Oxford, 1896, v. II, p. 5—6.

²⁾ Ib., p. 6.

³⁾ Ib., p. 8—9.

добно тому, какъ назначеніе или идея часовъ заключается въ измѣреніи времени, такъ идея или конституція нашей природы заключается въ культурѣ добродѣтели ¹⁾. Въ этомъ процессѣ осуществленія добродѣтельной жизни главная роль принадлежитъ упомянутой рефлексіи или совѣсти, которая ясно носитъ на себѣ слѣды превосходства надъ всѣми остальными принципами и претендуетъ на абсолютную власть надъ ними, въ смыслѣ подчиненія ихъ этой высшей руководящей силѣ ²⁾. Предоставленіе такого преимущества этой силѣ является совершенно необходимымъ для осуществленія жизненной гармоніи, и игнорированіе именно этого обстоятельства составляетъ, по мнѣнію Бэтлера, существенный недостатокъ моральной теоріи Шефтсбёри ³⁾. При свѣтѣ этого принципа мы приходимъ къ убѣжденію, что благожелательность и себялюбіе или эгоизмъ (въ извѣстной степени) не противорѣчатъ другъ другу, все равно какъ не находятся въ антагонизмѣ между собой польза и добродѣтель. Мало того, исключительная благожелательность къ отдѣльному лицу можетъ служить выраженіемъ слабости, все равно какъ и игнорированіе личной пользы въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ не можетъ считаться достойнымъ похвалы ⁴⁾.

Эти основныя положенія Бэтлеръ развиваетъ потомъ и въ самыхъ своихъ проповѣдяхъ, и въ трактатѣ „О природѣ добродѣтели“.

Разсмотрѣніе природы человѣка какъ въ отношеніи его самого, такъ и въ отношеніи общества, показываетъ, по мнѣнію Бэтлера, что „въ человѣческой природѣ есть цѣлый рядъ указаній на то, что мы созданы для общества и для того, чтобы дѣлать добро своимъ собратьямъ, все равно какъ мы побуждаемся заботиться о своей собственной жизни, своемъ здоровьѣ и личномъ благѣ ⁵⁾. У человѣка

¹⁾ Ib., p. 9—10.

²⁾ Ib., p. 13.

³⁾ Ib., p. 14—15.

⁴⁾ Ib., p. 25.

⁵⁾ Three sermons on human nature. London, 1867, p. 208.

есть естественный принципъ благожелательности, который въ нѣкоторой степени является для общества тѣмъ же, чѣмъ себялюбіе оказывается для индивидуума ¹⁾). Люди по природѣ находятся въ тѣсныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, такъ что есть соотвѣтствіе между внутренними ощущеніями одного человѣка и ощущеніями другого, и что стыдъ или позоръ является столь же нежелательнымъ и тяжелымъ, какъ и тѣлесное страданіе, и наоборотъ, быть предметомъ общаго уваженія является для всѣхъ въ высшей степени желательнымъ. Люди составляютъ какъ бы одно тѣло, чѣмъ и объясняются ихъ разнообразныя чувства другъ къ другу. Поэтому совершенно абсурдно утверждать, что каждый представляетъ собою нѣчто совершенно единичное и независимое отъ другихъ людей. Если мы и наблюдаемъ часто непріязненныя отношенія между людьми, то такія явленія объясняются тѣмъ, что люди имѣютъ необузданныя страсти, которымъ они потворствуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ такимъ образомъ, что причиняютъ вредъ другимъ и въ то же время наносятъ ущербъ самимъ себѣ. Какъ не можетъ быть ненависти къ самому себѣ, такъ нѣтъ зложелательства одного человѣка къ другому, если отбросить соревнованіе и месть. Равнымъ образомъ, нѣтъ любви къ несправедливости, угнетенію, вѣроломству, а есть сильное стремленіе получить извѣстныя внѣшнія блага, и эти послѣднія, какъ показываетъ очень старое наблюденіе, даже самые обездоленные люди предпочли бы достигнуть самыми невинными средствами, если бы это было легко осуществимо ²⁾). И такъ, благожелательность является преобладающею чертою человѣческой природы, въ противовѣсъ себялюбію или эгоизму. Но въ то же время хотя она имѣетъ въ виду общее благо, а эгоизмъ—частное, они настолько совпадаютъ другъ съ другомъ, что наибольшее личное удовлетвореніе получается только въ томъ случаѣ, если мы проявляемъ въ должной мѣрѣ благожелательность, а, съ другой сто-

¹⁾ Ib., p. 208—209.

²⁾ Ib., p. 213—214.

роны, и себялюбіе есть одна изъ главныхъ гарантій нашего правильнаго поведенія въ отношеніи общества. Все это доказываетъ, что мы созданы для обѣихъ этихъ дѣятельностей ¹⁾.

Кромѣ этихъ основныхъ душевныхъ проявленій Бэтлеръ указываетъ цѣлый рядъ аффектовъ и чувствъ, отличныхъ какъ отъ благожелательности, такъ и отъ эгоизма, которыя однако жъ содѣйствуютъ какъ общему, такъ и личному благу. Такъ, напр., такія явленія, какъ желаніе уваженія отъ другихъ, любовь къ обществу независимо отъ желанія приносить ему пользу, негодованіе противъ преуспѣвающего порока,—все это приводитъ къ такому регулированію нашего поведенія, чтобы послѣднее могло служить на пользу нашимъ собратьямъ ²⁾.

Въ результатъ своего анализа Бэтлеръ приходитъ къ выводу, что назначеніе человѣка заключается въ осуществленіи какъ личнаго, такъ и общаго счастья, для чего есть предрасположеніе въ самой природѣ человѣка. Въ дѣйствительности человѣкъ часто не выполняетъ своего назначенія въ данномъ случаѣ или пренебрегаетъ обязанностями какъ въ отношеніи другихъ людей, такъ и въ отношеніи самого себя, когда, въ послѣднемъ случаѣ, онъ нерѣдко является виновникомъ собственнаго несчастія или даже гибели ³⁾.

Въ этомъ процессѣ осуществленія моральной дѣятельности человѣкъ руководится особымъ принципомъ, который помогаетъ ему отличать добро отъ зла, одобряетъ первое и порицаетъ второе ⁴⁾. Это есть способность рефлексіи или совѣсти (conscience). Эта способность ясно отличается отъ простаго чувства или влеченія. Такъ мать или отецъ, въ силу естественнаго инстинктивнаго чувства могутъ заботиться о своемъ ребенкѣ, но это не есть рефлексія или

¹⁾ *Ib.*, p. 209—210.

²⁾ *Ib.*, p. 210—211.

³⁾ *Ib.*, p. 215—216.

⁴⁾ *Ib.*, p. 212.

совѣсть: послѣдняя констатируется только тогда, когда родители сознають, что они должны проявлять эту заботливость, напрягать всѣ свои силы и средства къ тому, чтобы достойнымъ образомъ воспитать свое дитя ¹⁾. При помощи именно этой способности человѣкъ дѣлаетъ различіе какъ между интимными влеченіями своего сердца, такъ и между дѣйствіями, выражающимися во внѣ. Совѣсть произноситъ опредѣленный приговоръ относительно человѣческихъ дѣйствій, поскольку одни изъ нихъ законны, справедливы, хороши, а другія незаконны, несправедливы, дурны. Не спрашивая ни у кого совѣта и не нуждаясь ни въ чьей помощи, она властно произноситъ свои приговоры, одобряя или порицая само дѣйствующее лицо ²⁾. „Въ силу этой естественной способности человѣкъ дѣлается моральнымъ агентомъ, закономъ для самого себя. При этомъ способность эта не должна разсматриваться только какъ принципъ въ его сердцѣ, который проявляетъ только частичное вліяніе, подобно другимъ принципамъ: нѣтъ, она должна разсматриваться какъ способность, по самому роду и по самой природѣ высшая, чѣмъ всѣ другія, и въ самой себѣ имѣющая свой собственный авторитетъ именно такого существованія“ ³⁾. Изъ самой природы этой способности ясно видно, что она изъявляетъ притязаніе на управленіе всѣми другими способностями, поскольку мы не можемъ образовывать понятія о совѣсти, не предполагая элементовъ сужденія, направленія, властвованія: все это входитъ, какъ неизбѣжная часть, въ составъ самой идеи этой способности. Если она имѣетъ силу такъ же, какъ и обладаетъ правомъ, если она обладаетъ властью такъ же, какъ имѣетъ для всѣхъ очевидный авторитетъ, то она будетъ абсолютно управлять міромъ ⁴⁾.

Въ совѣсти заключается и основаніе для нашего сознанія

¹⁾ *Ib.*, p. 220.

²⁾ *Ib.*, p. 220.

³⁾ *Ib.*, p. 220.

⁴⁾ *Ib.*, p. 222. Сравнит. *Dissertation on the nature of virtue*, p. 199—201.

долга или обязанности. Наша обязанность повиноваться этому закону, говоритъ Бэтлеръ, или самое существованіе этой обязанности, есть законъ нашей природы. Совѣсть не только указываетъ намъ путь, по которому мы должны идти, но она также поддерживаетъ свой авторитетъ тѣмъ, что она въ то же время является нашимъ естественнымъ руководителемъ, руководителемъ, даннымъ намъ Создателемъ нашей природы, поэтому она принадлежитъ къ основнымъ условіямъ нашего существованія. Нашъ долгъ идти этимъ путемъ и слѣдовать этому руководителю, не задаваясь вопросомъ о томъ, можемъ ли мы сойти съ этого пути или отказаться отъ этого руководителя ¹⁾).

Но совѣсть хотя и высшій, но далеко не единственный руководитель человѣческой жизни: ея дѣятельность осуществляется въ связи съ другими основными двигателями человѣческой жизни, и однимъ изъ такихъ фундаментальныхъ стимуловъ является правильно понимаемое себя-любіе (self-love) или любовь къ самому себѣ. „Разумное себялюбіе и совѣсть, говоритъ Бэтлеръ,—являются главными или высшими принципами въ природѣ человѣка: всякое дѣйствіе должно соотвѣтствовать этой природѣ, если бы даже были игнорированы всѣ другіе принципы, но такого соотвѣтствія не будетъ, если будетъ отсутствовать одинъ изъ этихъ принциповъ. Совѣсть и себялюбіе, если понимать здѣсь наше истинное счастье, всегда ведутъ насъ по одному и тому же пути“ ²⁾).

Итакъ, есть извѣстная гармонія между своеобразно понимаемымъ себялюбіемъ и совѣстью. Подобная же гармонія встрѣчается между долгомъ и стремленіемъ къ собственной выгодѣ или собственнымъ интересамъ. „Долгъ и выгода совершенно совпадаютъ, большею частью въ этомъ мірѣ, но всецѣло—въ будущемъ, такъ какъ это предполагается въ самомъ понятіи блага и совершеннаго управленія вещей. Поэтому тѣ, которые были столь мудры въ своемъ поколѣ-

¹⁾ Ib., p. 225.

²⁾ Ib., p. 227.

ніи, что только преслѣдовали предполагаемый личный интересъ, въ ущербъ и въ непріятность другимъ, въ концѣ-концовъ придуть къ заключенію, что тотъ, кто скорѣе предпочиталъ отказываться отъ преимуществъ этого міра, чѣмъ дѣлать насиліе надъ своею совѣстью и жизненными отношеніями, тотъ безконечно лучше позаботился о самомъ себѣ и обезпечилъ себѣ и пользу, и счастье“ ¹⁾).

II.

Мы изложили, сравнительно кратко, основные пункты моральнаго ученія Бэтлера. Изложеніе это носить замѣтныя черты недостаточной систематичности и нѣкоторой отрывочности, но эти особенности объясняются характеромъ самихъ сочиненій Бэтлера, которыми приходится пользоваться при изображеніи взглядовъ этого мыслителя: это не систематическіе трактаты, посвященные развитію и обоснованію моральныхъ концепцій, а проповѣди, часто съ ярко теологической окраской, иногда скорѣе краткіе этюды къ настоящей работѣ, чѣмъ выполненный трудъ, въ иныхъ случаяхъ—трактаты по философіи религіи, гдѣ этические проблемы только затрагиваются, а не обсуждаются специально. Но, несмотря на всѣ эти особенности трактованія моральной проблемы, мы все-таки безъ труда можемъ замѣтить ту особенность въ этическихъ воззрѣніяхъ Бэтлера, которую можно охарактеризовать какъ своеобразный моральный экклектизмъ. Экклектический характеръ этическихъ конструкцій Бэтлера вскрывается безъ труда, поскольку передъ нами легко вырисовываются основные элементы, комбинаціямъ которыхъ обязаны эти построенія британскаго моралиста. Здѣсь прежде всего нужно назвать Шефтсбѣри, вліяніе котораго на Бэтлера было очень велико. Гораздо меньшимъ могло быть воздѣйствіе ученика Шефтсбѣри, Гетчесона, главное сочиненіе котораго („Из-

¹⁾ Ib., p. 227.

слѣдованіе объ оригиналѣ идей красоты и добродѣтели“) появилось только за годъ до выхода проповѣдей Бэтлера. Что касается Шефтсбѣри, то воздѣйствіе этого мыслителя на Бэтлера можно констатировать въ отношеніи нѣсколькихъ пунктовъ. Прежде всего, здѣсь нужно отмѣтить принципъ гармоніи, которому придавалъ такое большое значеніе Бэтлеръ и осуществленіе котораго онъ старался видѣть и въ процессѣ моральной дѣятельности. Установленіе такой гармоніи между различными тенденціями человѣческой природы постоянно является главною задачею Бэтлера въ его анализѣ эгоистическихъ и соціальныхъ задатковъ человѣческаго существа. Въ связи съ вліяніемъ этого принципа гармоніи находятся понятія „экономіи“, „системы“, поскольку подъ этими терминами разумѣются разнообразныя отношенія между аффектами, имѣющими мѣсто въ процессѣ моральной дѣятельности. Всѣ эти концепціи играютъ большую роль при уясненіи самой природы нравственной жизни и у Бэтлера. Наконецъ, здѣсь же можно упомянуть и о томъ выдвиганіи соціальныхъ тенденцій человѣческой природы, которое мы видѣли у Шефтсбѣри и которое постоянно встрѣчается и у Бэтлера, несмотря на всѣ его стремленія остаться вѣрнымъ принципу гармоніи. Но въ этомъ несомнѣнномъ воздѣйствіи Шефтсбѣри—только одинъ элементъ для экклектическихъ построеній Бэтлера. Другой необходимый для такой конструкціи элементъ данъ противоположнымъ направленіемъ англійской этики, которое ведетъ свое начало отчасти отъ Гоббса, отчасти—отъ Локка. Мы разумѣемъ здѣсь тѣ еще зачаточныя формы британскаго утилитаризма, которыя психологически тѣсно связаны съ признаніемъ изначальности эгоистическихъ задатковъ человѣческой природы, ихъ особенной силы по сравненію съ соціальными тенденціями, являющимися достояніемъ уже сравнительно поздней стадіи культуры. Естественнo, въ связи съ такой концепціей, выдвиганіе здѣсь въ послѣдствіи и раціональнаго элемента, поскольку послѣдній является очень важнымъ при установленіи, уже на почвѣ созна-

тельной дѣятельности, извѣстнаго равновѣсія между эгоистическими и соціальными тенденціями человѣческаго существа. Всѣ эти особенности утилитарной доктрины, въ ея еще относительно рудиментарной формѣ, безъ труда вскрываются и въ характеризуемъ нами моральномъ ученіи Бэтлера. Такъ Бэтлеръ постоянно отмѣчаетъ законность, въ извѣстной мѣрѣ, и такихъ стремленій человѣческой природы, въ основѣ которыхъ лежитъ себялюбіе. Онъ пытается только установить извѣстное равновѣсіе между эгоистическими и альтруистическими тенденціями, считая послѣднія также изначальной принадлежностью человѣческой природы. Но во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Бэтлера, любовь къ самому себѣ не можетъ совершенно раствориться въ альтруизмъ, и эгоизмъ, разумно понимаемый, имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и альтруизмъ. Только на почвѣ этой примирительной тенденціи можно понять стремленіе Бэтлера согласовать такія кардинальныя этическія концепціи, какъ выгода и добродѣтель, индивидуальное счастье и общее благо: только такая моральная система и можетъ содѣйствовать осуществленію той гармоніи, которая предполагается необходимой въ процессѣ нормальной этической дѣятельности. Естественнo, что при этомъ допущеніи одного изъ важнѣйшихъ принциповъ утилитарной морали встрѣчается и опредѣленный элементъ раціонализма и своеобразной рефлексіи, что особенно замѣтно въ оригинальномъ ученіи Бэтлера о природѣ совѣсти или нравственнаго сознанія. Но прежде чѣмъ дѣлать замѣчанія объ этомъ пунктѣ въ воззрѣніяхъ Бэтлера, необходимо упомянуть, что экклектизмъ этого моралиста не представляетъ собою чисто механическаго соединенія этическихъ элементовъ предшествующихъ мыслителей. Наоборотъ, въ самой попыткѣ комбинировать эти ранѣе формулированные принципы мы можемъ видѣть извѣстную долю оригинальности, поскольку Бэтлеръ относится критически къ нѣкоторымъ основнымъ пунктамъ въ ученіяхъ своихъ предшественниковъ. Такъ у него нѣтъ того доминированія

эстетическаго критерія въ области морали, которое мы встрѣчаемъ у Шефтсбѣри. Равнымъ образомъ, Бэтлеру чуждъ и тотъ оптимизмъ, которымъ была окрашена вся философія его предшественника. Наоборотъ, Бэтлеръ рисуетъ и настоящее положеніе человѣческой природы далеко не радужными красками, что находится въ болѣе тѣсной связи и съ его теологическимъ міровоззрѣніемъ. Наконецъ, Бэтлера не удовлетворяетъ и та инстинктивность или даже пока бы стихійность моральнаго чувства, каковыя свойства этого переживанія отмѣчаются и у самаго Шефтсбѣри, но особенно подчеркивается у его преемника—Гетчесона. Такое же, въ извѣстномъ смыслѣ, критическое отношеніе мы находимъ у Бэтлера и къ противоположной этической доктринѣ, наиболѣе лучшимъ представителемъ которой мы можемъ считать Гоббса. Признавая извѣстное значеніе за эгоистическими тенденціями въ человѣческой природѣ, Бэтлеръ однако жъ не считаетъ ихъ доминирующими и, наоборотъ, выдвигаетъ на первый планъ соціальныя задатки человѣческаго существа. Такимъ образомъ, Бэтлеръ естественно является далекимъ отъ той формы утилитаризма, которая и всѣ наши альтруистическія эмоціи выводитъ изъ чисто эгоистическихъ склонностей, являющихся изначальнымъ достояніемъ нашей природы. Все это свидѣтельствуетъ объ извѣстной долѣ критическаго отношенія Бэтлера къ предшествующимъ моральнымъ ученіямъ, вскрывая въ то же время относительную оригинальность его собственныхъ воззрѣній. Эта оригинальность съ особенною силою обнаруживается въ ученіи Бэтлера о природѣ нравственнаго сознанія или совѣсти. Анализъ совѣсти занимаетъ центральное мѣсто въ этикѣ Бэтлера, и здѣсь англійскій моралистъ замѣтно отличается отъ своихъ отечественныхъ предшественниковъ. Вопросъ о своеобразномъ моральномъ чувствѣ былъ поднятъ въ англійской моральной философіи очень давно, и мы встрѣчаемъ его уже у кэмбриджскаго неоплатоника Генри Мора, не говоря уже о ближайшихъ предшественникахъ Бэтлера—Шефтс-

бёри и Гетчесонъ. Но въ данномъ случаѣ Бэтлеръ не повторяетъ своихъ предшественниковъ и „моральное сознаніе“ или совѣсть характеризуются у Бэтлера нѣкоторыми своеобразными чертами. Такъ, совѣсть, прежде всего, есть не столько чувство, сколько рефлексія, и раціональный элементъ выступаетъ на первый планъ въ этой психической дѣятельности. Затѣмъ, совѣсть является доминирующею среди другихъ душевныхъ функцій, и приматъ этой дѣятельности особенно подчеркивается англійскимъ моралистомъ. Наконецъ, въ своихъ проявленіяхъ эта способность является вполне самостоятельно, автономною, дающею законъ сама себѣ. Всѣ эти черты встаютъ передъ нами, какъ вполне оригинальныя, по сравненію съ болѣе ранними направленіями англійской этики, и несомнѣнно обезпечиваютъ Бэтлеру самостоятельное мѣсто въ ряду британскихъ моралистовъ. Цѣнность всѣхъ этихъ основныхъ мыслей Бэтлера съ особенной силой обнаруживается, если мы вспомнимъ, какое громадное значеніе всѣ эти положенія—объ автономіи совѣсти, ея приматѣ и т. п.—имѣли для эволюціи позднѣйшей морали, преимущественно на континентѣ, особенно въ связи съ этикой категорическаго императива. Все это заставляеть видѣть въ Бэтлерѣ относительно оригинальнаго мыслителя, оставившаго извѣстный слѣдъ въ исторіи развитія не только англійской, но и европейской этики вообще. Но этимъ не исчерпывается значеніе Бэтлера, какъ моралиста. Несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія и сама примирительная попытка Бетлера, имѣвшая цѣлью установить извѣстное согласіе между эгоистическими тенденціями человѣческой природы и ея симпатическими расположеніями. Естественно, что въ этомъ процессѣ установленія относительной гармоніи между противоположными задатками человѣческой натуры должна быть отведена значительная роль рефлексіи, которая и на самомъ дѣлѣ оттъняется Бэтлеромъ. Во всей этой примирительной попыткѣ ясно обнаруживается несостоятельность тѣхъ одностороннихъ представленій о самомъ существѣ человѣческой природы, которыя мы

ранѣе встрѣчали, съ одной стороны, у Гоббса и Мандевиля, съ другой — у Шефтсбѣри и Гетчесона. Вмѣстѣ съ этимъ здѣсь же вскрывается сознание неудовлетворительности того представленія о самой природѣ моральнаго чувства, которое мы встрѣчаемъ въ особенности у Гетчесона, такъ подчеркивавшаго инстинктивный характеръ этой душевной функціи.

Но несмотря на эти черты относительной оригинальности, на это стремленіе углубить анализъ моральной проблемы, эта примирительная попытка Бэтлера не могла считаться вполне удачной и рассчитывать на прочный успѣхъ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что эта моральная теорія въ своемъ цѣломъ сравнительно скоро утратила свое значеніе, хотя отдѣльные элементы этой конструкціи оказались довольно жизнеспособными. Эта относительная эфемерность доктрины въ ея цѣломъ объясняется не только ея общимъ эклектическимъ характеромъ, но, главнымъ образомъ, неясностью и неопредѣленностью нѣкоторыхъ основныхъ концепцій, съ которыми оперируетъ Бэтлеръ. Такъ прежде всего, что касается понятія совѣсти, то здѣсь мы не встрѣчаемъ яснаго и отчетливаго представленія объ этой способности. Этой дѣятельности Бэтлеръ усваиваетъ характеръ рефлексіи, слѣдовательно, выдвигаетъ на первый планъ интеллектуальный элементъ, но въ то же время здѣсь не устанавливается яснаго и опредѣленнаго отношенія этого элемента къ природнымъ эмоціональнымъ задаткамъ, въ связи съ которыми развивается упомянутая дѣятельность. Затѣмъ остается невыясненнымъ отношеніе этой психической функціи къ другимъ душевнымъ дѣятельностямъ, поскольку такое выясненіе является совершенно необходимымъ для пониманія факта примата совѣсти среди другихъ душевныхъ силъ. Наконецъ, такія свойства совѣсти, какъ ея автономія, ея сила давать законъ самой себѣ, тоже не находятъ для себя достаточнаго объясненія въ той характеристикѣ этой дѣятельности, которую мы встрѣчаемъ у Бэтлера.

Но если психологическія предпосылки англійскаго моралиста, его анализъ важнѣйшихъ душевныхъ дѣятельностей, имѣющихъ мѣсто въ процессѣ моральной дѣятельности, не могутъ претендовать на полную убѣдительность, то приблизительно то же самое можно сказать о самой примирительной попыткѣ Бэтлера. Если даже признать всю важность и, быть можетъ, необходимость такой примирительной задачи, то все-таки рѣшеніе этой задачи у Бэтлера нельзя признать вполне удовлетворительнымъ. Несмотря на всѣ разъясненія Бэтлера, намъ все-таки трудно понять необходимость гармоніи между эгоизмомъ и альтруизмомъ, размы альтруистическія тенденціи считаемъ и болѣе могущественными, и болѣе изначальными въ общей экономіи нашей психики. Въ связи съ этимъ остается нерѣшеннымъ вопросъ объ установленіи правильнаго отношенія между счастьемъ и долгомъ, а также еще болѣе сложная проблема объ отношеніи между индивидуумомъ и обществомъ. Сознаніе неудовлетворительности рѣшенія всѣхъ этихъ проблемъ, съ чѣмъ мы встрѣчаемся у Бэтлера и его предшественниковъ, является однимъ изъ стимуловъ къ болѣе углубленному обсужденію этихъ вопросовъ, которые мы и находимъ у самаго крупнаго мыслителя Англіи XVIII в.—Д. Юма. Характеристикѣ этическихъ воззрѣній этого глубокотонкаго моралиста мы и намѣрены посвятить свой слѣдующій очеркъ.

Н. Виноградовъ.

Витализмъ и задачи научной біологіи въ вопросѣ о жизни.

Die Arbeitsteilung der Wissenschaften brachte es mit sich, dass die Naturwissenschaften sich nur die Erforschung der kausalen Beziehungen zum Ziel gesteckt haben. Die teleologische Betrachtungsweise kann anerkanntermaßen bei vorsichtiger kritischer Anwendung auch in ihnen von bedeutendem heuristischem Werte für die kausale Erforschung sein, wenngleich sie bei unkritischer Verwendung zu voreiligen Vermutungen verleiten kann...

Insofern der Naturforscher nebenbei auch Mensch und als Mensch mehr oder weniger Philosoph ist, kann auch er sich der finalen Naturbetrachtung gar nicht entziehen, obwohl sie ihm als Naturforscher nicht Ziel sondern höchstens heuristische Mittel sein darf.

Eduard von Hartmann ¹⁾.
(Problem des Lebens, p. 422, 1906.)

В В Е Д Е Н І Е.

Всякій, кто вступаетъ въ соприкосновение съ біологическими науками, изучая ихъ или самостоятельно работая въ ихъ области, долженъ рано или поздно натолкнуться на основной во-

¹⁾ Раздѣленіе научнаго труда повело за собой, что естествознаніе поставило себѣ цѣлью только изслѣдованіе причинныхъ отношеній. Телеологическій способъ разсмотрѣнія можетъ при осторожномъ критическомъ примѣненіи и въ немъ также имѣть большое эвристическое значеніе въ дѣлѣ изслѣдованія причины, хотя при некритическомъ примѣненіи можетъ повлечь черезчуръ поспѣшныя предположенія...

Поскольку естествоиспытатель кромѣ того человѣкъ и, какъ человѣкъ, болѣе или менѣе философъ, онъ не можетъ вполне отрѣшиться отъ разсматриванія природы съ точки зрѣнія цѣлей, хотя это для него, какъ естествоиспытателя, должно быть не цѣлью, а самое большее эвристическимъ принципомъ.

Эдуардъ фонъ Гартманнъ.
(Проблема жизни, стр. 422, 1906.)

прось біологіи: *что такое жизнь?* Важность этого вопроса понятна; вѣдь помимо громаднаго теоретическаго интереса, разрѣшеніе загадки жизни сулитъ человѣчеству многое: возможность овладѣть теченіемъ жизненныхъ процессовъ, вмѣшиваться въ нихъ, направлять ихъ по нашему желанію, однимъ словомъ, поставить на прочный фундаментъ двѣ наиболѣе важныхъ для человѣческаго благосостоянія группы наукъ — медицинскія и сельскохозяйственныя. Полнаго разрѣшенія вопроса о жизни мы въ настоящее время не имѣемъ, хотя число фактовъ и законностей, относящихся къ живымъ существамъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ, и сотни изслѣдователей всѣхъ странъ работаютъ надъ ихъ установленіемъ. Но, какъ было всегда, мысль человѣческая стремится перешагнуть за грань извѣстнаго и предвосхитить будущее. Если мы сейчасъ не рѣшили вопроса о жизни, мы пытаемся сказать, по крайней мѣрѣ, въ какомъ направленіи онъ будетъ рѣшенъ. Существуетъ ли въ живыхъ тѣлахъ особая «жизненная сила», или они отличаются отъ тѣлъ такъ называемой мертвой природы лишь большей сложностью физическихъ и химическихъ процессовъ? И, если существованіе жизненной силы вѣроятно, какова, приблизительно, ея природа?

Рѣшеніе вопроса о жизни въ такой постановкѣ, т.-е. вопроса о *направленіи*, въ какомъ онъ долженъ быть рѣшенъ, давалось прежде, дается и теперь. Отказаться отъ него трудно, почти невозможно: какъ всякій мыслящій человѣкъ я долженъ рѣшить для себя вопросъ: «что я такое?», какъ работникъ въ области біологическихъ наукъ я долженъ знать, куда направлять мнѣ курсъ моей ладьи, чтобы не потерпѣть нечаяннаго крушенія. И рамки, въ которыя укладываются наши чаянія, давнымъ давно уже заготовлены. Кто дошелъ до вопроса о сущности жизни, стоитъ на перекресткѣ двухъ проторенныхъ дорогъ: пойдешь направо будешь виталистомъ, пойдешь влѣво — механистомъ. Немного подальше каждая изъ дорогъ раздѣляется на нѣсколько тропинокъ, но это уже второстепенное дѣло, прежде всего: вправо или влѣво.

Ни одна изъ этихъ дорогъ не зарастаетъ окончательно, но число идущихъ по той или другой колеблется. Вчера еще длинная вереница шла влѣво и едва одинъ-другой вправо, сегодня курсъ измѣнился, всякій хочетъ идти вправо, идущіе другой дорогой подвергаются насмѣшкамъ, ихъ называютъ слѣпыми,

отсталыми, примѣняя тѣ же эпитеты, которые получали въ свое время ихъ единомышленники. Въ настоящее время мы переживаемъ какъ разъ такую правостороннюю волну. «Предметъ вражды и насмѣшки, какъ можетъ быть ни разу еще не было въ исторіи науки, *новый курсъ* подъ знаменемъ идеи развитія, побѣдоносно вышелъ изъ борьбы», пишетъ одинъ изъ глашатаевъ новаго направленія въ біологіи ¹⁾. Дѣйствительно, ни для кого не тайна, что современная біологія, въ лицѣ ея «молодой школы», находится всецѣло подъ знакомъ витализма.

Представимъ себѣ человека, который силой вещей приведенъ къ перекрестку. Что можетъ заставить его сдѣлать выборъ между двумя противоположными научными направленіями? Что можетъ заставить ученаго, шедшаго долгое время по одному пути, отречься отъ убѣжденій, которыя онъ исповѣдовалъ, и перейти въ лагерь противниковъ? Вопросы эти въ наше время вполне умѣстны, и я позволю себѣ остановиться немного надъ ихъ выясненіемъ.

Конечно, прежде всего рѣшающей инстанціей являются *данныя біологическихъ наукъ*: анатоміи, гистологіи, фізіологій, эмбриологіи, механики развитія, ученія объ эволюціи, и *ихъ сопоставленіе съ данными и законами точныхъ наукъ*: механики, физики и химіи. Сущность дѣла, если выразить коротко, заключалась до сихъ поръ въ возможности подстановки физико-химическаго ряда ряду біологическому. Кто считаетъ такое предпріятіе осуществимымъ теперь или въ будущемъ, тѣмъ самымъ высказывается за «механическое пониманіе» жизни. Но ни одна изъ поименованныхъ наукъ, доставляющихъ матеріалъ для рѣшенія, не можетъ считаться законченной; онѣ всѣ продолжаютъ развиваться, обогащаясь новыми фактами, новыми законами. По временамъ та или другая переживаетъ періодъ особенно плодотворной работы, выдвигаясь далеко впередъ, какъ, на примѣръ, фізіологія въ серединѣ XIX вѣка, гистологія въ концѣ его, какъ современная намъ физика. Науки, подобно живымъ существамъ по теоріи де Фриза, переживаютъ періоды мутации. Такое усиленное развитіе выдвигаетъ каждый разъ новыя точки зрѣнія, открываетъ новыя перспективы и для сопредѣльныхъ наукъ. Отсюда дѣлается совершенно понятнымъ и законнымъ колебаніе

¹⁾ *Adolf Wagner. Der neue Kurs in der Biologie. Stuttgart, 1907.*

курса въ вопросѣ о жизни. Такъ, напримѣръ, механистическое воззрѣніе второй половины XIX вѣка въ глазахъ новѣйшаго историка витализма (Дриша) находитъ себѣ полное объясненіе: 1) въ появленіи теоріи Дарвина, 2) въ установленіи физическаго закона сохраненія энергіи, 3) въ начавшемся изслѣдованіи тонкаго строенія живыхъ существъ; приблизительно также смотритъ на дѣло другой авторъ противоположнаго лагеря (Брейнигъ). Недавно возникшая наука экспериментальная эмбриологія значительно способствовала торжеству современнаго витализма, открывши въ живыхъ существахъ новый и неожиданный рядъ законностей. Она доставила Дришу первое и основное изъ его доказательствъ витализма, къ которому уже съ теченіемъ времени были подобраны другія.

Но не одни данныя естествознанія опредѣляютъ [выборъ между механизмомъ и витализмомъ. Какъ ни относиться къ этому факту, самого факта отрицать нельзя. Тотъ грузъ, который окончательно склоняетъ чашку вѣсовъ, приносится сплошь и рядомъ естествоиспытателемъ извнѣ.

Во всякомъ человѣкѣ, живущемъ сознательной жизнью, есть стремленіе къ выработкѣ извѣстнаго міровоззрѣнія, къ «цѣльному знанію», какъ говорилъ Вл. Соловьевъ. Такое цѣльное знаніе есть синтезъ науки, философіи и религіи, всего, что опредѣляетъ духовный обликъ личности. Еще недавно, въ эпоху господства матеріализма, наука провозглашалась главной составной частью цѣльнаго знанія, опредѣлявшей все остальное, до религіи включительно. Съ тѣхъ поръ, за какія-нибудь 25 лѣтъ, положеніе радикально измѣнилось. Во второй половинѣ XIX вѣка, когда волна матеріализма достигла высшей точки, настоящая философія была въ загонѣ, ей интересовались только немногіе спеціалисты; широкіе круги и естествоиспытатели въ особенности относились къ ней съ пренебреженіемъ. Они отдыхали отъ Гегеля, недавняго кумира, съ именемъ котораго связалось понятіе о высшемъ, кульминаціонномъ пунктѣ философской спекуляціи. Пренебреженіе къ философіи было настолько велико, что оставалась въ тѣни даже колоссальная фигура Шопенгауэра—философа, съ которымъ естествознаніе могло бы жить въ полномъ мирѣ. Но уже въ началѣ послѣдней четверти вѣка замѣчается поворотъ, и первый, за кого ухватывается жаждущая философіи мысль, былъ философъ-естествоиспытатель Кантъ.

«Назадъ къ Канту» сдѣлалось лозунгомъ времени. Труденъ только первый шагъ, и разъ онъ былъ сдѣланъ, движеніе философской мысли стало развертываться все шире, вновь покоряя міръ. Система, вѣрнѣе метафизика, великаго Канта имѣетъ ту особенность, что на ней, какъ на гребнѣ скалы, нельзя стоять долго и, — какъ это было послѣ Канта, въ началѣ XIX вѣка, — такъ и теперь философская мысль раздробилась на множество отгѣнковъ съ явной склонностью къ идеализму.

Возрожденіе философіи не могло не отразиться на естествознаніи. И первыми плодами философскихъ занятій естествоиспытателей явились попытки примѣнить теорію познанія къ образованію естественнонаучныхъ понятій. Физики, химики, физиологи стали снабжать свои книги философскими введеніями, разясняя значеніе тѣхъ или иныхъ научныхъ понятій, устанавливая границы наукъ и ихъ отношеній къ общему міровоззрѣнію, иногда, оставляя свои лабораторіи и микроскопы, писали философскіе трактаты (Оствальдъ, Махъ, Дришъ, Ферворнъ и многіе др.). Разсужденія о томъ, что такое причина и дѣйствіе, какой смыслъ надо придавать понятію силы и закона, сдѣлались модой. И постепенно, подъ прикрытіемъ гносеологическихъ умствованій, въ естествознаніе начала проникать настоящая натурфилософія. Особенно рѣзкій поворотъ, полный разрывъ съ недавнимъ прошлымъ произвела та группа ученыхъ, которая не побоялась ввести въ объясненіе природы понятіе *цѣли*, какъ дѣйствующаго принципа — тѣ много разъ осмѣянные и, казалось, окончательно изгнанные изъ науки *causae finales*, надъ которыми изошрялъ свое остроуміе еще Вольтеръ. Вмѣстѣ съ понятіемъ дѣйствующей *цѣли*, вполне естественно было признать существованіе особаго *субстрата*, носителя *цѣлей*, т.-е. самостоятельнаго психическаго принципа — души. И этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Если прежде душа считалась чѣмъ-то подлежащимъ объясненію съ естественнонаучной точки зрѣнія, теперь она вводится какъ объясненіе естественнонаучныхъ фактовъ.

Само собой разумѣется, такая постановка дѣла должна была вызывать и вызвала протесты: категоріальное значеніе *цѣли* и законность введенія психическаго въ объясненіе природы является и съ чисто философской точки зрѣнія вопросомъ спорнымъ и далеко не рѣшеннымъ. И вотъ, какъ противовѣсъ философскому дуализму въ его различныхъ модификаціяхъ, съ новой силой

развивается его вѣчный противникъ—монизмъ. Подъ знаменемъ монизма собирается и большинство матеріалистически настроенныхъ естествоиспытателей, съ тѣхъ поръ какъ матеріализмъ, не выдержавъ философской критики, пересталъ существовать какъ самостоятельная догма. Тѣ же ученые, которые не рѣшаются примкнуть ни къ тому, ни къ другому направленію и желаютъ во чтобы то ни стало избѣжать метафизики, ищутъ прибѣжища въ лагерѣ позитивизма. Мало-по-малу споръ о специальныхъ научныхъ вопросахъ выносится на болѣе широкую арену и становится частью болѣе общей и глубокой борьбы міровоззрѣній. Это съ полной отчетливостью сознается и высказывается многими современными біологами: достаточно сравнить публичныя лекціи мониста Геккеля и его антипода Рейнке.

Борьба міровоззрѣній, идущая съ особой рѣзкостью въ извѣстныхъ кругахъ естествоиспытателей, есть фактъ. Мы не будемъ останавливаться подробнѣе на причинахъ борьбы, тѣмъ болѣе входитъ въ оцѣнку борющихся сторонъ, укажемъ только на одинъ моментъ, часто упускаемый изъ виду. Корни того или иного міровоззрѣнія заложены слишкомъ глубоко, чтобы ихъ можно было легко уничтожить правильно построенными силлогизмами. Они тѣсно связаны со всей душевной жизнью человѣка, его темпераментомъ, характеромъ, его унаслѣдованными и благопріобрѣтенными свойствами. Совокупность психическихъ проявленій, то, что называютъ душой человѣка, не есть случайная мозаика, а живой и цѣльный организмъ, стремящійся сохранить свое равновѣсіе и установить самочувствіе на возможно высокой точкѣ. Онъ достигаетъ этого самыми различными средствами нерѣдко наперекоръ логикѣ, наперекоръ очевидности. «Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ», эта фраза Пушкина выражаетъ несомнѣнный психологическій фактъ. И съ нимъ приходится считаться даже въ области науки. Цѣлый рядъ психологическихъ изслѣдованій выясняетъ намъ, за послѣдніе годы, значеніе индивидуальности и темперамента въ процессахъ человѣческаго творчества; дальнѣйшая разработка этой крайне интересной области поможетъ вѣроятно объяснить и тѣ непримиримыя противорѣчія между людьми науки, которыя перестаютъ удивлять насъ только въ силу привычки.

Разъ мы примемъ это въ соображеніе, для насъ будетъ вполне ясно, что въ выборѣ между механизмомъ или витализмомъ общее

міровоззрѣніе ученаго можетъ играть большую роль. Вопросъ о дѣйствующемъ началѣ жизни, ея развитіи и происхожденіи слишкомъ тѣсно связанъ съ общимъ философскимъ направлениемъ, чтобы имъ легко можно было поступиться. «Мы можемъ намѣченныя глубокія противоположности міросозерцанія нашихъ дней различать какъ идеализмъ и матеріализмъ», говоритъ неовиталистъ Рейнке. «Они борются между собой какъ свѣтъ съ тьмой, и мы можемъ поэтому говорить о дневномъ воззрѣніи въ противоположность ночному, какъ это дѣлаетъ философъ Фехнеръ, хотя и въ другомъ смыслѣ» ¹⁾).

Такое положеніе дѣлъ значительно осложняетъ спеціально біологическій вопросъ, перенося его на совершенно иную почву. Въ виду коренной противоположности міровоззрѣній противники въ большинствѣ случаевъ не понимаютъ и не хотятъ понять другъ друга — они говорятъ на разныхъ языкахъ. Поэтому въ литературѣ мы рѣдко встрѣтимъ дѣйствительно научный споръ по вопросу о жизни; полемика возникаетъ скорѣе по причинамъ личнаго характера. Обыкновенно виталисты и механисты просто поучаютъ или проповѣдуютъ для извѣстнаго круга слушателей, характеризуя противоположную сторону не въ особенно лестныхъ выраженіяхъ.

Въ нижеслѣдующемъ я попытаюсь представить нѣкоторыя соображенія для выясненія вопроса о томъ направленіи, въ которомъ должна разрабатываться проблема жизни въ научной біологіи. Философское обоснованіе витализма или механизма здѣсь не имѣется въ виду: внутри своей области наука обязана оставаться на почвѣ эмпирическаго реализма — въ этомъ согласны всѣ, — а перевести ея результаты на языкъ любой философской системы для лицъ компетентныхъ не составитъ труда. Это не значитъ, конечно, что философія для естествоиспытателя не нужна. Она необходима уже для того, чтобы точнѣе отграничить уголъ, въ которомъ ему приходится работать, и избѣжать столь обычной иллюзіи считать свою часть за цѣлое.

¹⁾ I. Reinke. Naturwissenschaftliche Vorträge. Heft 4. Der Kampf der Weltanschauungen, S. 46. 1908.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Изъ двухъ противоположныхъ воззрѣній на сущность жизни виталистическое начинается въ послѣднее время брать верхъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что оно перешло отъ защиты къ нападенію и, по убѣжденію его сторонниковъ, одержало побѣду. Разобравшись въ томъ, что представляетъ изъ себя современный витализмъ или «неовитализмъ», какъ его окрестили противники, мы ясно представимъ положеніе дѣлъ на полѣ сраженія. Но не слѣдуетъ думать, что неовитализмъ представляетъ изъ себя единую и цѣльную догму, разрабатываемую какой нибудь опредѣленной школой, — наоборотъ, мы имѣемъ рядъ отдѣльныхъ вождей, изъ которыхъ каждый ведетъ кампанію противъ механизма за свой страхъ и рискъ, иногда сближаясь, иногда расходясь съ своимъ сосѣдомъ. Характеризовать витализмъ, значитъ характеризовать его главнѣйшихъ представителей, а такими могутъ быть признаны *Гансъ Дришъ*, *Іоаннъ Рейнке* и недавно выступившій съ большимъ успѣхомъ *Августъ Пауль*. Изъ числа философовъ, входящихъ въ болѣе тѣсное общеніе съ естествознаніемъ, витализмъ защищаютъ *Эд. фонъ Гартманнъ* и французскій мыслитель *Анри Бергсонъ*. Сущность развиваемыхъ ими ученій и критическія замѣчанія по ихъ поводу составятъ предметъ первой части настоящей работы.

I.

Гансъ Дришъ не только самый талантливый защитникъ витализма, но и вообще, можетъ быть, самая крупная и оригинальная фигура на горизонтѣ современной біологіи. Въ его произведеніяхъ выступаютъ всѣ достоинства и недостатки новаго біологическаго направленія въ необыкновенно рѣзкихъ, подчасъ утрированныхъ чертахъ. Нелишнее отмѣтить, что Дришъ до самаго послѣдняго времени не принадлежалъ къ числу представителей официальной науки и работалъ все время какъ свободный ученый. ¹⁾

Выступивъ на научное поприще въ началѣ 90-хъ годовъ, Дришъ посвятилъ себя работамъ по экспериментальной біо-

¹⁾ Въ настоящее время онъ состоитъ приватъ-доцентомъ въ Гейдельбергѣ.

логіи — механикѣ развитія, какъ назвалъ Вильгельмъ Ру эту новую, созидавшуюся дисциплину. Ея характерной особенностью была планомѣрная постановка опытовъ на ряду съ детальнымъ логическимъ анализомъ всѣхъ наблюдавшихся явленій. Теорія и опытъ развивались здѣсь рука объ руку въ тѣсной связи: безъ теоретическаго толкованія результаты экспериментовъ надъ развитіемъ животныхъ не могли имѣть никакого значенія въ виду крайней сложности условій и противорѣчивости результатовъ. Такое поле дѣятельности какъ нельзя болѣе соответствовало способностямъ молодого ученаго и на ряду съ прекрасными экспериментальными работами въ скоромъ времени стали появляться его труды по общимъ вопросамъ. Методика біологіи, ея мѣсто въ ряду прочихъ наукъ, общая теорія развитія животныхъ, наконецъ анализъ основныхъ явленій жизни и ихъ истолкованіе — таковы темы его трудовъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ на протяженіи 15 лѣтъ. Въ 1893 году появилось теоретическое изслѣдованіе о задачахъ и методѣ біологіи «Die Biologie als selbständige Grundwissenschaft», въ 1894 «Analytische Theorie der organischen Entwicklung», въ 1896 «Maschinentheorie des Lebens», въ 1899 «Die Lokalisation der morphogenetischer Vorgänge», въ 1901 «Die organischen Regulationen», въ 1903 «Die Seele als elementarer Naturfaktor», въ 1904 «Naturbegriffe und Natururteile», въ 1905 г. «Vitalismus als Geschichte und als Lehre» — систематическая сводка главнѣйшихъ доказательствъ витализма. Параллельно съ этимъ расширялось философское образованіе: Шопенгауэръ, Кантъ, Гегель, Аристотель, Махъ постепенно входили въ составъ теоретическаго кругозора, расширяя и углубляя прирожденную спекулятивную способность автора. Въ послѣднихъ трудахъ Дришъ поднимается передъ читателемъ во весь ростъ; онъ считаетъ уже возможнымъ подводить итоги своей дѣятельности. И мы можемъ, думается мнѣ, смотрѣть на истекшій періодъ дѣятельности Дриша какъ на законченное цѣлое, переходящее въ область исторіи — дальше идти въ этомъ направленіи некуда.

Главная сила Дриша заключается въ его способности къ абстрактному мышленію. Мы встрѣчаемъ у него поразительное изощреніе въ логическихъ тонкостяхъ, раздѣленіяхъ, опредѣленіяхъ, которое напоминаетъ до извѣстной степени схоластиковъ. Живи онъ въ средніе вѣка, его почитатели навѣрное выразили

бы свое восхищеніе передъ нимъ, назвавши его *doctor subtilis*. Но Дришъ не только изощренъ, онъ глубокъ, какъ бываетъ глубокъ только нѣмецкій философъ, и, можетъ быть, не менѣе справедливо было бы назвать его *doctor profundus*. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ немного на Канта, вліяніе котораго отражается не только въ его концепціяхъ—признаніи апріорныхъ основъ естествознанія—но и на его стилѣ. Читають Дриша немногіе, и врядъ ли многіе понимаютъ. Чтобы слѣдить за его тонкимъ анализомъ, выраженномъ такимъ тяжеловѣснымъ, подчасъ прямо лапидарнымъ, слогомъ, надо самому пройти извѣстную школу. Вѣроятно, поэтому, сколько-нибудь основательной критики Дриша не появлялось, въ большинствѣ случаевъ она бьетъ мимо цѣли.

Дришъ одинъ изъ первыхъ открыто разорвалъ съ прошлымъ умышленно рѣзкимъ отношеніемъ къ Дарвинизму. «Входить еще въ разсмотрѣніе претензій опровергнутой такъ называемой Дарвиновской теоріи, было бы оскорбленіемъ читателя», писалъ онъ въ 1893 году (*Biologie* p. 31). Стремленіе установить генеалогическое древо организмовъ имѣетъ въ глазахъ Дриша очень мало цѣны. «Наша современная филогенія можетъ доставить только галерею предковъ», его же идеалъ заключается въ созданіи дѣйствительно научной теоретической біологіи въ противѣсъ ранѣе существовавшей эмпирической. Ихъ различіе заключается въ логической обработкѣ понятій. Обычная эмпирическая наука пользуется общими понятіями, носящими собирательный характеръ (*Kollektivbegriffe*); связывая ихъ между собой, она получаетъ законы. Такимъ путемъ, на примѣръ, выводятся въ механикѣ законъ рычага, наклонной плоскости, Кеплеровы законы. Теоретическое познаніе идетъ иной дорогой; оно прежде всего разлагаетъ наблюдаемыя явленія на послѣдніе элементы и изъ полученныхъ путемъ анализа элементарныхъ понятій создаетъ особыя синтетическія понятія—«искусственныя понятія» (*Kunstbegriffe*). При помощи такихъ искусственныхъ понятій строится научная теорія. Въ механикѣ—пользуясь приведенными примѣрами—послѣдними элементами является скорость (v), масса (m); живая сила (mv^2) или величина движенія (mv) есть искусственныя понятія. Законы представляютъ уравненія, въ которыя входятъ составленныя такимъ способомъ искусственныя понятія. Таковъ долженъ быть и путь біологіи, при которомъ

она можетъ хоть немного приблизиться къ идеалу—точнымъ наукамъ.

Пользуясь коллективными понятіями эмпирической біологіи, какъ то: позвоночное, протистъ, клѣтка, дробленіе, секреція, сокращеніе, мы никогда не придемъ къ цѣли. Поэтому и изученіе эволюціи имѣетъ только одно значеніе—открытіе законовъ измѣненія формъ, въ противномъ случаѣ, какъ и все историческое, оно научнаго интереса не представляетъ.

Съ такими предпосылками приступаетъ Дришъ къ изученію явленій жизни. Его основной тезисъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: *среди процессовъ, происходящихъ въ живыхъ существахъ, есть такіе, которые нельзя свести на явленія природы, извѣстныя изъ прочихъ наукъ, они имѣютъ самостоятельную законность (eigengesetzlich), автономны.* Соответственно этому біологія не подчинена физикѣ и химіи, а координирована имъ, является такой же автономной наукой, какъ и послѣдняя. Разъ намъ удастся доказать самостоятельную законность какихъ-либо жизненныхъ процессовъ, невозможность объяснить ихъ машинообразно—мы тѣмъ самымъ докажемъ правоту витализма и можемъ ни мало не беспокоиться голословными утвержденіями механистовъ.

Такихъ «доказательствъ» Дришъ представляетъ три и тѣмъ, по собственному выраженію, утверждаетъ витализмъ на неизбѣмыхъ основаніяхъ.

Конечно, не всѣ процессы, развивающіеся въ живыхъ тѣлахъ, витальны: цѣлый рядъ ихъ объяснимъ физически или химически. Сюда относятся даже такія данныя какъ состояніе агрегаціи протоплазмы, ея тонкая структура. Подобные процессы могутъ быть исключены изъ области специфически жизненнаго, «элиминированы». Механисты говорятъ, что постепенно удастся элиминировать всѣ проявленія жизни, такъ что на долю витализма ничего не останется, но такое воззрѣніе просто «проявленіе догматическаго матеріализма».

Доказательства витализма, данныя Дришемъ, безспорно самая серьезная попытка во всей виталистической литературѣ прошлаго и настоящаго. На нихъ слѣдуетъ остановиться подробно.

Изъ всѣхъ трехъ доказательствъ наибольшій интересъ представляетъ первое, матеріалы для котораго Дришъ заимствовалъ

изъ собственныхъ экспериментальныхъ работъ въ области «Restitutionslehre», т.-е. регуляцій возстановленія формы. Оно касается «типичности мѣста», въ которомъ разыгрываются жизненныя явленія или, какъ выражаетъ это иначе Дришъ, «локализациі морфогенетическихъ процессовъ», и излагается имъ подробно въ сочиненіи подъ такимъ же названіемъ.

Факты, лежащіе въ его основѣ, можно раздѣлить на три ряда. Первый изъ нихъ относится къ дробящимся яйцамъ иглокожихъ (морскихъ ежей и звѣздъ), т.-е. къ самымъ раннимъ стадіямъ развитія.

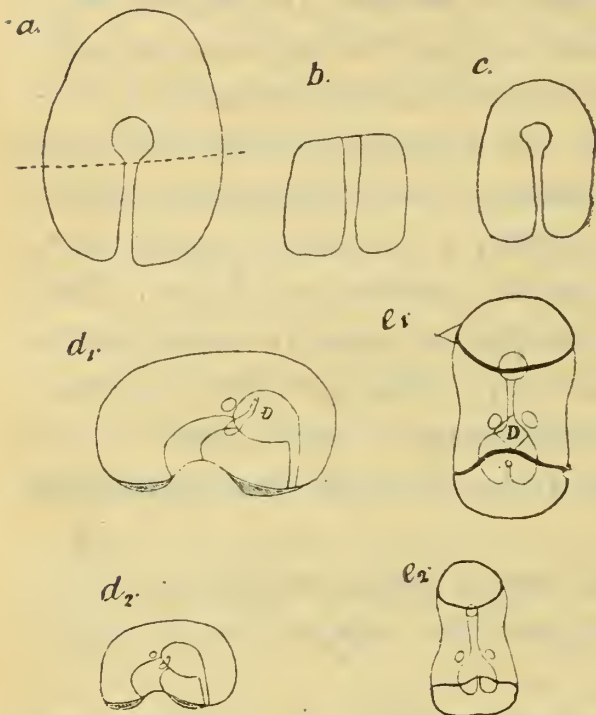

Рис. 1. Стадіи развитія морской звѣзды (*Asterias glacialis*). *a*—контуръ гастролы, горизонтальная линия обозначаетъ направленіе разрѣза; *b*—объектъ непосредственно послѣ операциі; *c*—онъ же, послѣ того какъ возстановилъ эктодерму и первичную кишку; *d*₁, *e*₁—дальнѣйшая стадія развитія (т. наз. бипиннарія) изъ нормальной гастролы (*a*), *d*₁ сбоку, *e*₁ снизу; *d*₂, *e*₂—тоже отъ разрѣзанной гастролы (*e*). Рисунокъ схематизированъ, но пропорціональность сохранена. (Изъ «Vitalismus» Дриша).

1. Возьмемъ дробящееся яйцо морского ежа, состоящее изъ 2 или 4 клѣтокъ дробленія (бластомеровъ) и разъединимъ его на отдѣльныя клѣтки. Каждая изъ нихъ въ отдѣльности въ состояніи дать полную бластулу, гастролу и плутеусъ, однимъ словомъ цѣлый организмъ, отличающійся отъ нормального только величиной. Тоже съ небольшими ограниченіями удастся сдѣлать и въ стадіи дробленія, содержащей 8—16—32 клѣтки.

2. Бластулу морского ежа, имѣющую видъ пузырька, мы можемъ разрѣзать въ любомъ направленіи на части, и каждая изъ нихъ, если только она не очень мала, даетъ начало цѣлому организму.

3. Разрѣзая гастролу морской звѣзды, въ которой уже намѣчены три отдѣла кишки, на три участка (участокъ съ передней, средней и задней кишкой), мы увидимъ, что изъ каждаго участка развивается цѣлый нормальный организмъ, только пропорціонально уменьшенный (рис. 1).

Второй рядъ фактовъ почерпнуть Дришемъ изъ опытовъ съ регенераціей гидроиднаго полипа *tubularia*, (рис. 2).

Отрѣзая у гидроида головку съ вѣнчикомъ щупалецъ, мы найдемъ, что новая головка образуется очень быстро, черезъ 18 часовъ. Она не вырастаетъ, а получается путемъ *перестройки* участка ствола, лежащаго подъ отрѣзанной головкой. Первые стадіи перестройки намѣчаются въ видѣ двухъ красныхъ колецъ, охватывающихъ стволъ—это зачатки двухъ рядовъ щупалецъ. Въ какомъ бы мѣстѣ мы ни стали перерѣзать стволъ, на извѣстномъ разстояніи отъ разрѣза закладываются зачатки щупалецъ; если оставшійся кусочекъ ствола очень малъ, кольца становятся пропорціонально тоньше.

Третій рядъ фактовъ даютъ опыты надъ асцидіей *clavellina*, животнымъ, организованнымъ сравнительно высоко (рис. 3). Тѣло асцидіи состоитъ изъ трехъ частей, при чемъ передняя образуетъ жаберную коробку, пронизанную отверстіями, черезъ которыя циркулируетъ вода. Если отрѣзать коробку, она перестраивается, редуцируетъ всѣ свои органы и превращается въ круглый клѣточный комокъ, а затѣмъ этотъ шаръ даетъ начало цѣлой новой асцидіи. Разрѣзая коробку на части, можно опять-таки получить цѣлыя, но пропорціонально уменьшенныя асцидіи.

Таковы факты, которые Дришъ подвергаетъ анализу. Онъ вводитъ сначала два опредѣленія: каждую часть развивающагося цѣлаго, построенную изъ одинаковыхъ клѣтокъ, онъ называетъ *элементарнымъ органомъ*, процессъ, въ силу котораго возникаетъ такой органъ, *элементарнымъ процессомъ*. Прослѣдимъ всю дальнѣйшую судьбу какого-либо элементарнаго органа, напр. эктодермы, т.-е. перечислимъ все, что изъ него образуется; эту обычную судьбу мы можемъ назвать *перспективнымъ значеніемъ*

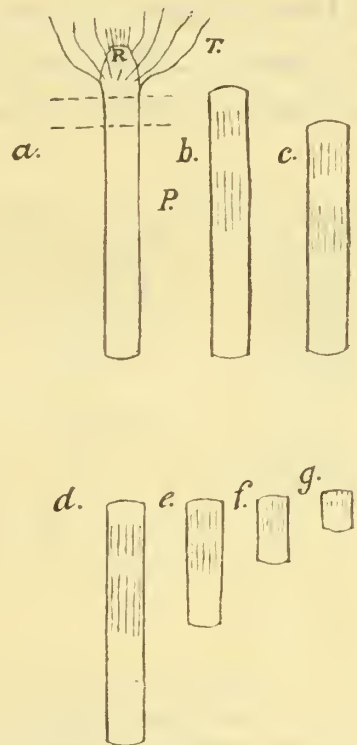

Рис. 2. Гидроидъ тубулярія и его возстановленіе. а—схема гидроида; b и c начало возстановленія послѣ удаленія головки: видны зачатки щупалецъ въ видѣ полосокъ; d—g показываютъ, какъ уменьшается величина участка, изъ котораго возстановляются щупальцы, по мѣрѣ уменьшенія величины ствола, оставшагося отъ операціи. (Изъ «Vitalismus» Дриша).

органа. Но вѣдь эксперименты показываютъ, что при измѣненіи нормальнаго хода развитія элементарный органъ можетъ дать то, чего въ нормальномъ развитіи не даетъ, какъ, на примѣръ, передняя кишка гастролы даетъ и среднюю, и заднюю, иначе говоря, его возможная судьба отличается отъ обычной. Такимъ образомъ кромѣ перспективнаго значенія каждому органу присуща *проспективная потенція*, понимая подъ этимъ терминомъ совокупность возможныхъ направленій развитія, свойственныхъ данному органу.

Познакомимся еще съ однимъ терминомъ изъ ряда многихъ, вводимыхъ Дришемъ. Образованіе, которое состоитъ изъ равнозначныхъ частей, т.-е. имѣющихъ равную перспективную потенцію, Дришъ называетъ *равнопотенціальной системой*.

Таковыми являются гидроидъ тубулярія, жаберная коробка клавеллины. Если же притомъ каждая изъ частей даетъ цѣлое въ нормальныхъ пропорціяхъ, т.-е. гармоничное цѣлое (какъ и происходитъ въ указанныхъ случаяхъ), то подобную систему можно назвать *гармонически - равнопотенціальной системой*.

Послѣ такого анализа результаты произведенныхъ

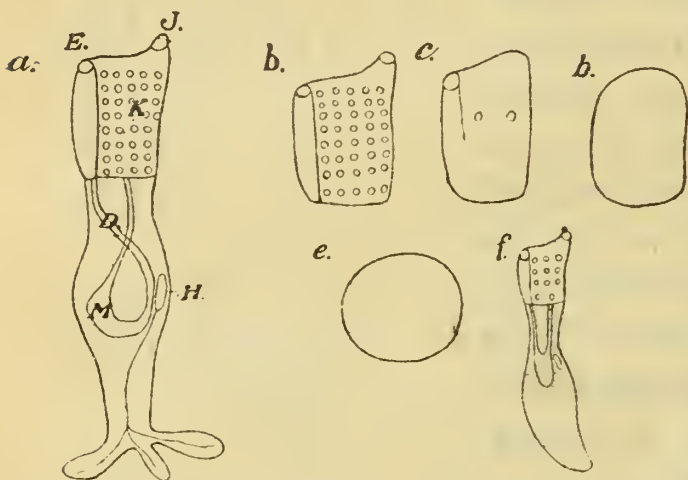

Рис. 3. Асцидія клавеллина и возстановленіе ея изъ жаберной коробки. а—схема асцидіи; б—отрѣзанная жаберная коробка; с, е—постепенное превращеніе ея въ клѣточный шаръ; ф—асцидія, развившаяся изъ шара. (Изъ „Vitalismus“ Дриша).

экспериментовъ можно выразить въ логически строгой формѣ.

Возьмемъ любую изъ частей, дающихъ въ дальнѣйшемъ развитіи цѣлое: одинъ изъ бластомеровъ, отрѣзокъ тубуляріи, жаберную коробку клавеллины. Въ каждой изъ этихъ системъ слѣдуетъ найти какой-нибудь *punctum fixum*; мы можемъ взять за него, на примѣръ, край разрѣза; по отношенію къ такому *punctum fixum* каждый изъ элементовъ регенерирующагося куска занимаетъ *опредѣленное положеніе*. Изъ элемента можетъ выйти любая часть цѣлаго, такъ какъ вѣдь перспективная потенція ихъ всѣхъ одинакова, но на дѣлѣ, въ теченіе регенераціи выходитъ какая-нибудь опредѣленная часть: онъ получаетъ опредѣленное прос-

пективное значеніе. И ясно, что разстояніе даннаго элемента отъ *punctum fixum*, иначе *мѣсто*, занимаемое имъ въ цѣломъ, существенно важно для опредѣленія его проспективнаго значенія. Мы можемъ это выразить слѣдующимъ образомъ: *проспективное значеніе элемента (S) есть функція его разстоянія отъ punctum fixum (a) или его мѣста въ цѣломъ*, т.-е. $S = f(a)$.

Одного этого однако недостаточно.

Опыты показываютъ, что величина отрѣзаннаго куска опредѣляетъ собой величину цѣлаго: маленькій кусочекъ бластулы морского ежа даетъ и маленькій плутеусъ. Слѣдовательно, проспективное значеніе части (S) зависитъ не только отъ ея положенія въ пространствѣ, но и отъ *абсолютной величины системы*. Называя ее *g*, мы скажемъ $S = f(a, g)$.

И этого мало. Слѣдуетъ принять во вниманіе еще третій факторъ, зависящій не отъ характера операции, а отъ *природы* самаго объекта. Онъ опредѣляетъ гармоничное отношеніе частей къ цѣлому, особенную проспективную потенцію каждаго изъ элементарныхъ органовъ, наконецъ, видовую специфичность объекта. Дришъ называетъ его буквой *E*. Въ противоположность двумъ ранѣе разсмотрѣннымъ, перемѣннымъ факторамъ, *E* является *постоянной величиной*. Полный результатъ анализа можно выразить формулой:

$$S = f(a, g, E).$$

Термины *a* и *g* совершенно ясны, но что такое *E*?

Первое предположеніе, которое приходитъ въ голову таково: *E* представляетъ изъ себя «краткое выраженіе физико-химической структуры, тектоники, машины,—понимая это слово въ широкомъ значеніи—т.-е. многообразія, располагающаго въ типическій порядокъ многочисленныя физическія и химическія субстанции и силы» ¹⁾. Такъ по всей вѣроятности представилъ бы себѣ дѣло механистъ. Но позволительно ли представлять величину *E* подобнымъ образомъ?

Здѣсь мы приходимъ къ центральному пункту доказательства витализма.

Если бы развитіе шло единственнымъ, разъ навсегда опредѣленнымъ путемъ, говоритъ Дришъ, мы могли бы считать *E* за

¹⁾ Эта и послѣдующія цитаты взяты изъ книги Дриша „Vitalismus als Geschichte und als Lehre“. Leipzig, 1904.

выраженіе машинности (Machinerie). Но этого нѣтъ; эксперименты показываютъ, что малая часть системы можетъ производить цѣлое; каждый изъ blastomerovъ морского ежа, каждый кусочекъ тубуляріи или клавеллины можетъ, въ зависимости отъ разрѣза, произвести все остальное. Для этого вѣдь «надо безконечное множество машинъ, лежащихъ безконечно близко, на дифференціалъ, другъ отъ друга». И этого мало, кромѣ безконечнаго множества машинъ нормальной величины, надо представить себѣ «безконечное множество другихъ, безконечно различной величины». Понятіе машинности сводится въ данномъ случаѣ къ явному абсурду.

Такимъ образомъ, заключаетъ Дришъ, «величина Е не можетъ быть какимъ-либо физико-химическимъ многообразіемъ, состоящимъ изъ ряда смежныхъ частей (*in einem Nebeneinander*). Она природный факторъ *sui generis*; она выступаетъ на ряду съ извѣстнымъ изъ физики и химіи какъ новая элементарная особенность».

Назовемъ величину Е *энтелехіей*, наполняя старый Аристотелевскій терминъ новымъ содержаніемъ. Существованіе энтелехіи доказываетъ автономію жизненныхъ процессовъ, *доказываетъ витализмъ*.

Это первое доказательство является главнымъ; на выработку его Дришъ затратилъ нѣсколько лѣтъ и впервые формулировалъ его въ 1899 г. Въ 1896 году Дришъ еще склонялся къ отвергаемой имъ теперь машинной теоріи жизни.

Второе доказательство гораздо проще и короче: оно основывается на фактахъ развитіи сложныхъ равнопотенціальныхъ частей. Возьмемъ для примѣра листъ всѣмъ извѣстной бегоніи. Кусочекъ листа можетъ дать начало цѣлому растенію съ корнями, стволемъ, листьями. Если разсматривать его какъ машину, то, разсуждая логически, мы должны предположить машину такого сорта, которая могла бы послѣдовательно, разъ за разомъ, дѣлиться и все-таки оставаться цѣлой. Здѣсь опять никакое «экстенсивное многообразіе» дѣлу помочь не можетъ, и то, что проявляетъ себя въ качествѣ дѣйствующаго агента, можно назвать только энтелехіей.

Третье доказательство почерпнуто Дришемъ изъ анализа движеній живого существа. Оно подробно развито въ книгѣ „Die Seele als elementarer Naturfaktor».

Данныя для доказательствъ доставляетъ, во-первыхъ, анализъ

«поступковъ» (Handlung), во-вторыхъ, результаты экспериментовъ надъ центральной нервной системой.

Анализируя поступки человѣка, какъ они извѣстны намъ изъ обыденной жизни, мы легко увидимъ, что особенность каждаго поступка опредѣлена предшествовавшимъ опытомъ, что она, выражаясь научнымъ языкомъ, «протекаетъ на основаніи историческаго базиса реакціи» (historische Reaktionsbasis). Это отличаетъ организмъ отъ машины фонографа: въ послѣднемъ реакція опредѣлена разъ навсегда предшествовавшей исторіей, въ организмѣ же исторія опредѣляетъ не реакцію, а базисъ реакціи.

Далѣе, поступки вызываются крайне разнообразными раздраженіями, которыя могутъ разнообразно комбинироваться между собой. И сами поступки состоятъ изъ крайне разнообразныхъ реакцій организма, также образующихъ самыя различныя сочетанія. Но при этомъ существуетъ опредѣленное соотношеніе (Zuordnung) между особымъ характеромъ сочетаній въ раздраженіи и особымъ характеромъ сочетаній отвѣта; мы можемъ вести рѣчь объ «индивидуальности соотношенія».

И вотъ «историческое основаніе реакціи» и «индивидуальный характеръ соотношеній» равнымъ образомъ не объяснимы съ машинной точки зрѣнія. Дришъ приводитъ извѣстный примѣръ, какъ незначительное измѣненіе звуковъ рѣчи, одной буквы даже, можетъ произвести страшный эффектъ: «твой отецъ тяжело заболѣлъ» и «мой отецъ тяжело заболѣлъ». Съ другой стороны одинъ и тотъ же эффектъ произведутъ фразы: «твой отецъ умеръ», «dein Vater ist gestorben», «your father is dead» для человѣка, понимающаго три языка.

«То, что опредѣляетъ реакцію» въ поступкахъ, не машина, но родъ «энтелехій»; назовемъ ее «психоидомъ», чтобы оставить терминъ душа, Psyche, для чистой психологіи. Само собой разумѣется, что психофизическій параллелизмъ при такой постановкѣ дѣла, долженъ быть отвергнутъ, и Дришъ переходитъ на сторону защитниковъ взаимодействія души и тѣла, Буссе и Гартманна.

Данныя, заимствованныя изъ экспериментовъ надъ мозговой корой, заключаются въ возможности функціональнаго замѣщенія удаленныхъ частей мозга другими. Опыты надъ животными показываютъ, что выпаденіе той или иной функціи, получающееся при удаленіи двигательнаго или чувствующаго участка мозговой

коры, можетъ въ послѣдствіи исчезать, и утраченная способность до извѣстной степени возстановляться. Въ силу этого центральная нервная система является въ *функциональномъ отношеніи*, «гармонически эквипотенціальной системой», и къ ней въ полной мѣрѣ приложимо первое доказательство, если въ немъ замѣнить слово «форма» функціей.

Итакъ, путемъ строгаго логическаго анализа точно установленныхъ данныхъ Дришъ приходитъ къ признанію въ живыхъ тѣлахъ специфически жизненнаго начала—энтелехія. Но что такое энтелехія? Это не жизненная сила старыхъ авторовъ, не душа, не вещество, это—абстрактное научное понятіе, *Kunstbegriff*. И это все? Вѣроятно, не одинъ читатель Дриша испытывалъ странное чувство: какъ будто онъ въ теченіе анализа постепенно отрывался отъ дѣйствительности и теперь начинаетъ витать въ мірѣ безплотныхъ и, чего добраго, бесплодныхъ, абстракцій. Что приобрѣлъ онъ? Не предлагаютъ ли ему камень вмѣсто хлѣба? Но для того, чтобы понять все значеніе правильно построеннаго абстрактнаго понятія, увидѣть въ немъ дѣйствительный *отвѣтъ*, необходимо познакомиться съ теоріей наукъ Дриша. Она составляетъ предметъ особой книги «*Naturbegriffe und Natururteile*» и изложена вкратцѣ въ «*Vitalismus*». Въ логически построенномъ наукоученіи энтелехія занимаетъ вполне определенное мѣсто.

Задачей науки является по Дришу «упорядоченіе дѣйствительности, полное и безъ противорѣчій» (*vollständige widerspruchlose Ordnung des Wirklichen*). Обратите вниманіе на то, что въ этомъ опредѣленіи практическая цѣль науки оставлена въ сторонѣ, ни слова о возможности овладѣть дѣйствительностью, предвидѣть будущее, измѣнять настоящее (какъ въ знаменитомъ опредѣленіи Генриха Герца, или въ опредѣленіи современнаго біолога Леба). Требованіе экономіи въ научномъ мышленіи, выставленное Махомъ, также не находитъ себѣ мѣста, хотя на родство съ Махомъ въ другихъ отношеніяхъ указываетъ самъ Дришъ. Собственно говоря, опредѣленіе науки, даваемое Дришемъ, можно съ полнымъ правомъ приложить и къ метафизикѣ.

«Дѣйствительное» имѣетъ двоякое происхожденіе: съ одной стороны оно «дано», съ другой оно «мое произведеніе». Мое участіе состоитъ въ образованіи понятій и сужденій, превращаю-

щихъ непосредственно данное въ переработанную «расширенную дѣйствительность». Высшую ступень этой переработки образуетъ наука; для нея *esse*—*conspiri*: быть, значить быть познаваему путемъ понятій. Существуютъ понятія, созданныя исключительно мною, безъ участія даннаго, это—*категоріи*; существуютъ также сужденія, которыя независимы отъ количества предшествовавшего опыта—*апріорныя*. Становясь въ этомъ отношеніи на Кантовскую точку зрѣнія, Дришъ, такъ же какъ и Кантъ, считаетъ возможнымъ построить «чистое естествознаніе», состоящее изъ апріорныхъ сужденій, связывающихъ необходимымъ образомъ апріорныя категоріальныя понятія. Детальное развитіе этой мысли мы найдемъ въ «*Naturbegriffe und Natururteile*», которая является такимъ образомъ, какъ бы современной переработкой «*Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft*», Канта.

Конструируя извѣстнымъ образомъ понятіе «вещи», мы связываемъ съ ней понятіе «свойствъ», путемъ примѣненія категоріи причинности. Для науки имѣютъ особое значеніе «постоянныя свойства» вещей или «*константы*». Мы встрѣчаемъ ихъ обыкновенно въ физикѣ и химіи, но они должны существовать и въ біологіи. Константами физики являются, напримѣръ, удѣльная теплостойкость, электропроводность, механическій эквивалентъ теплоты; ихъ можно выразить числами. Химическія константы болѣе сложны и относительны, «онѣ высказываютъ нѣчто объ отношеніи специфическаго *A* къ специфическому *B*, по отношенію къ третьему специфическому *C*». Относительныя константы можно выразить только мысленно, *цѣлымъ положеніемъ*. Такъ называемое «объясненіе» явленій совершается именно при помощи константъ, хотя, вообще говоря, всякое объясненіе «есть въ высокой степени тавтологія и самообманъ».

Теперь легко можно понять и мѣсто энтелехіи въ научномъ зданіи: *энтелехія есть біологическая константа*, «интенсивное многообразіе высшаго рода». Какъ факторъ или элементъ науки: она есть нѣчто простое, неразложимое, хотя выразить ее можно только путемъ ряда положеній. Энтелехію можно примѣнить и для объясненія жизни: «она объясняетъ не больше, *хотя и не меньше*, любой другой константы, напримѣръ, специфической теплостойкости».

Дришъ останавливается далѣе на отношеніи энтелехіи къ обоимъ основнымъ законамъ энергіи, которые въ его теоріи

науки являются, конечно, «положеніями чистаго естествознанія», т. е. апіорными. Анализъ (подробности котораго читатель найдетъ въ вышеупомянутыхъ трудахъ Дриша) показываетъ, что ученіе объ энтелехіи законамъ энергіи не противорѣчитъ, да иначе и быть не можетъ, «такъ какъ съ этими положеніями ничто не можетъ стоять въ противорѣчій». Но, можетъ быть, сама энтелехія представляетъ изъ себя особый видъ энергіи? Въдъ Оствальдъ, напримѣръ, считаетъ возможнымъ признавать психическое за энергію. Ничто не мѣшаетъ, по мнѣнію Дриша, говорить объ энергіи энтелехіи, причисляя ее къ «скрытой» или «мнимой» энергіи (какъ въ свое время Герцъ вводилъ понятіе «скрытой массы»). «Это ничему не вредитъ, но не приноситъ и никакой пользы».

Но во всякомъ случаѣ опредѣлить точнѣе отношеніе энтелехіи къ энергіи необходимо, такъ какъ разница между живыми и мертвыми тѣлами начинается только тогда, когда мы начинаемъ говорить объ энергіи. Энтелехія должна такъ или иначе вмѣшиваться въ потокъ энергіи, проходящій черезъ живое существо, и ея задача *регулировать* или *компенсировать* разницу потенціаловъ, на подобіе того, какъ электрическій потенціалъ можетъ компенсировать потенціалъ притяженія. Здѣсь энтелехія проявляетъ себя какъ «элементарный факторъ природы».

На этомъ можно остановиться въ изложеніи идей Дриша. Если усвоить себѣ его теоретикопознавательные взгляды, недоумѣніе, вызываемое на первыхъ порахъ ученіемъ объ энтелехіи, исчезаетъ; въ стройной системѣ научнаго знанія витализмъ находитъ себѣ опредѣленное и удобное мѣсто. Но, конечно, чтобы вполнѣ проникнуться этими идеями, требуется извѣстная философская подготовка и, главнымъ образомъ, изученіе Кантовской философіи. Кантъ и Шопенгауэръ даютъ ключъ къ пониманію всего ученія Дриша. Отъ Канта онъ заимствовалъ ученіе объ апіорныхъ положеніяхъ естествознанія, налагающее особый отпечатокъ на всю систему витализма Дриша, отъ Канта и Шопенгауэра ученіе объ автономности отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ. Въ словахъ Канта: «каждая наука представляетъ изъ себя систему;.. ее не слѣдуетъ трактовать какъ надстройку или часть другого зданія, но какъ цѣлое въ себѣ» (*Kritik der Urteilkraft II Theil § 68*)—мы находимъ программу автономіи біологіи, перваго шага на пути къ витализму. Правда, въ даль-

нѣйшемъ развитіи Дришъ принимаетъ не всего Канта, онъ становится въ оппозицію «Критикѣ способности сужденія» по вопросу о значеніи цѣли въ объясненіи природы и старается доказать, что Кантъ былъ скрытымъ виталистомъ. Какъ извѣстно, Кантъ считалъ телеологію, привлеченіе цѣлей для объясненія явленій природы вообще и живыхъ существъ въ частности, только регулятивнымъ принципомъ, а не конститутивнымъ: дѣло происходитъ такъ, какъ если бы въ природѣ были цѣли, но цѣли нельзя вводить въ объясненіе ряда явленій, разсматривать ихъ какъ дѣйствующія причины. Съ этимъ именно и не хочетъ согласиться Дришъ; какъ и большинство современныхъ виталистовъ, онъ ставитъ принципъ цѣли на одну доску съ принципомъ причинности, дѣлаетъ его категоріей. Свое виталистическое ученіе Дришъ прямо называетъ «динамической телеологіей». Сущность аргументаціи Дриша противъ Канта сводится къ слѣдующему. Кантъ допускаетъ для человѣка, для его поступковъ телеологическую законмѣрность, но онъ причисляетъ также человѣка къ природѣ, ergo онъ признаетъ телеологію для извѣстныхъ проявленій ея, отчего же не сдѣлать шагъ дальше и не распространить этотъ «особенный видъ причинности» на всѣ организмы.

Я не буду останавливаться на разборѣ этого аргумента, который, по всей вѣроятности, всякимъ послѣдовательнымъ механистомъ будетъ отнесенъ въ разрядъ паралогизмовъ, и обращусь къ біологической сторонѣ ученія Дриша.

Попытаемся свести въ одно все положительное, что можно найти у Дриша объ энтелехіи. Въ старину былъ обычай излагать результаты ученыхъ наблюденій въ видѣ анаграммъ, изреченій или символическихъ знаковъ, помѣщая ихъ на заглавномъ листѣ книги или въ концѣ; подражая этому, Дришъ могъ бы выражать главнѣйшіе фактическіе результаты своего анализа въ видѣ ученой загадки. Своеобразный, нѣсколько таинственный стиль «высказываній» Дриша прекрасно гармонируетъ съ такой формой. Вотъ въ какомъ видѣ ее можно было бы выразить, пользуясь буквальными выраженіями Дриша, конечно, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ мѣстоименій (ср. Vitalismus p. 242 и слѣд.).

З а г а д к а.

Я — въ расширенномъ смыслѣ дѣйствительный элементарный агентъ природы. Меня знаютъ только въ соединеніи съ матеріальнымъ, хотя я и не свойство матеріи. Хотѣть представить меня какимъ-либо образомъ нельзя. Вопросъ о мѣстѣ моего нахожденія—праздный. Я могу дѣлиться, но при этомъ остаюсь цѣлымъ. Я могу пользоваться факторами внѣшняго міра, чтобы производить и поддерживать то, что нужно мнѣ; у меня есть первичное знаніе и воля, не основанныя на опытѣ. Факторы внѣшняго міра могутъ ограничивать меня, я могу болѣть и умирать. Откуда и какимъ путемъ я произошла, я не знаю, знаю только, что Аристотель первый открылъ меня, и Дришъ основательнымъ образомъ доказалъ мое существованіе. Что я такое?

(Отвѣтъ: энтелехія. Пояснять дальше излишне, ибо «всякое объясненіе есть въ высокой степени тавтологія и самообманъ».)

Но какъ бы мы ни относились къ содержанію понятія энтелехіи, нельзя не удивляться стройности и прозрачности логическаго анализа Дриша. Съ формальной точки зрѣнія его можно считать безупречнымъ: результатъ, къ которому онъ пришелъ, вытекаетъ изъ основныхъ посылокъ съ полной необходимостью, тутъ не о чемъ спорить. Дришъ доказываетъ, что жизненные процессы въ ихъ совокупности есть процессы *sui generis*, имѣющіе свою самостоятельную законность, что въ физикѣ и химіи объясненія для нихъ не находится, и что организмъ не машина—болѣе точно и убѣдительно доказать этого нельзя. Извлекая, далѣе, изъ жизненныхъ процессовъ все таинственное, не поддающееся дальнѣйшему анализу, онъ соединяетъ это въ одно понятіе, одну константу, энтелехію. Правда, названіе это можетъ вызвать возраженія, но вѣдь не въ названіи дѣло. Дришъ самъ считаетъ свои труды первымъ настоящимъ доказательствомъ витализма; прежде было одно чаяніе, порываніе къ свѣту, мысль бродила ощупью, здѣсь же дана строгая система умозаключеній, опирающихся на точно установленныя экспериментальныя данныя. Найдется ли у защитниковъ механизма что-нибудь подобное? Въ этомъ можно сомнѣваться.

Тѣмъ не менѣе и въ трудахъ Дриша найдутся слабыя, уязвимыя мѣста, точки опоры для критики.

Во-первыхъ, вся система въ цѣломъ, какъ и все направленіе мышленія Дриша, носитъ черезчуръ формальный, абстрактный характеръ. Это своего рода чудо техники, какъ въ свое время была Эйфелева башня, которымъ можно восторгаться, но съ которымъ не знаешь хорошо, что дѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, что же должно дѣлать естествознаніе съ энтелехіей,—intensive Mannigfaltigkeit—спрашивать о мѣстѣ нахожденія которой праздное дѣло и которая недоступна количественной оцѣнкѣ? Можетъ ли такой Kunstbegriff вообще что-нибудь значить для естествоиспытателя? Философскій умъ Дриша не позволяетъ смѣшивать психологическое съ біологическимъ и вводить его въ естествознаніе, такъ какъ объектъ психологіи, «моя душа» лежитъ внѣ пространства. Для другихъ виталистовъ, какъ мы увидимъ, въ этомъ отношеніи рамокъ не существуетъ, и они спасаются въ «психическое» всякій разъ, какъ это представляется выгоднымъ. Дришъ этого не дѣлаетъ, предпочитая оставаться при абстрактномъ понятіи, «хотѣтъ представить которое» немислимо. Очевидно, необходимо переработать это понятіе, можетъ быть, расчленивъ или измѣнить, однимъ словомъ подвергнуть основныя данныя новымъ операціямъ, результаты которыхъ были бы пригодны не для одного «наукоученія», а и для лабораторіи. Какъ рабочая гипотеза энтелехія врядъ ли можетъ имѣть значеніе.

Можно пожалѣть, что пріемы и духъ точныхъ наукъ теоретической физики, или «естественной философіи», какъ ее называютъ англичане, остался чуждымъ Дришу. Онъ пользуется, напримѣръ, терминомъ функція и выражаетъ результаты анализа въ формѣ, какъ бы, уравненія—но въ какомъ чисто формальномъ видѣ! Между тѣмъ, если біологіи суждено сдѣлаться когда-нибудь точной наукой, во что вѣритъ и Дришъ, то врядъ ли это можетъ осуществиться безъ помощи математическаго анализа. Если же вступить на эту почву, то поневолѣ придется пожертвовать аристотелевской біологіей, какъ въ свое время пришлось оставить его физику.

Во-вторыхъ,—какъ это ни странно на первый взглядъ—на выработку воззрѣній Дриша большое вліяніе оказало господствовавшее механистическое воззрѣніе и въ частности «машинная теорія» жизни, которую одно время раздѣлялъ онъ самъ. Не то чтобы упомянутыя воззрѣнія вошли въ составъ его системы, нѣтъ, но система отлилась и опредѣлилась въ своихъ главныхъ

направленіяхъ какъ противовѣсъ имъ. Постановка вопросовъ намѣтила и характеръ отвѣтовъ. Механисты увѣряли, что физикой и химіей можно объяснить жизнь, что біологія является наукой подчиненной первымъ двумъ,—Дришъ утверждаетъ противоположное: отрицая подчиненность біологіи, онъ устанавливаетъ ея равноправіе, ставитъ ее на одну доску съ физикой и химіей. Механисты говорили: живое существо есть машина, Дришъ направляетъ всѣ усилія доказать противоположное и выдвигаетъ на сцену специфическій агентъ, котораго конечно въ машинѣ нѣтъ. Въ постановкѣ вопросовъ онъ продолжаетъ стоять на одной почвѣ съ противниками, онъ облачаетъ вопросъ въ форму обычной альтернативы, не допуская возможности чего-либо третьяго.

Эти замѣчанія требуютъ поясненія, но такъ какъ они относятся не только къ Дришу, но и къ другимъ виталистамъ, затрагивая узелъ современной біологіи, то удобнѣе будетъ остановиться на нихъ немного далѣе, а пока перейти къ изложенію взглядовъ другихъ виталистовъ.

II.

Почти въ томъ же направленіи, что и Дришъ, разрабатываетъ идею витализма и Іоганнъ Рейнке, профессоръ ботаники кильскаго университета. На это поприще онъ выступилъ въ концѣ 90-хъ годовъ и съ тѣхъ поръ неустанно проповѣдуетъ недостаточность механистическаго міровоззрѣнія и въ специальныхъ статьяхъ, и въ объемистыхъ книгахъ наполовину научнаго, наполовину философскаго характера, а въ послѣднее время въ рядѣ лекцій, обращенныхъ къ широкой публикѣ¹⁾. Онъ является однимъ изъ главныхъ противниковъ Геккеля и старается насколько возможно парализовать вредное дѣйствіе его монизма, этого «*Nachtansicht*» современной эпохи.

Какія бы тонкія физическія или философскія понятія онъ ни объяснялъ (а о философіи Рейнке говоритъ охотно и много), онъ выражаетъ ихъ всегда яснымъ и простымъ языкомъ; въ этомъ сказывается опытность стараго профессора, знающаго свою

¹⁾ Главные труды Рейнке: *Einleitung in die theoretische Biologie*. Berlin. 1901. *Die Welt als Tat*. Berlin 1899.

аудиторию и ея силы. Логическія тонкости и хитросплетенія, въ которыхъ такъ свободно чувствуетъ себя Дришъ, чужды Рейнке, и въ рѣшительную минуту онъ предпочитаетъ апеллировать къ здоровому смыслу, указывать, что инымъ способомъ онъ себя представить дѣло не можетъ. И однако по существу онъ идетъ той же дорогой, какъ и Дришъ—путемъ логическаго анализа и выработки правильныхъ научныхъ понятій, не связывая однако свой анализъ съ какими-либо спеціальными научными данными, какъ Дришъ.

Новѣйшія воззрѣнія Рейнке на сущность жизненныхъ процессовъ резюмированы имъ чрезвычайно ясно и послѣдовательно въ его естественно-научныхъ лекціяхъ (*Naturwissenschaftliche Vorträge*. Н. 1—4. 1908)¹). Вообще, эти лекціи можно рекомендовать каждому, кто захотѣлъ бы составить себѣ понятіе о міровоззрѣніи Рейнке въ цѣломъ.

Рейнке не признаетъ себя виталистомъ: старинное понятіе *vis vitalis*, съ которымъ онъ связываетъ представленіе о витализмѣ, не привлекаетъ его симпатій. Во многихъ мѣстахъ онъ даетъ себѣ названіе «умѣреннаго механиста», хотя область механическаго недостаточна, по его мнѣнію, для пониманія живыхъ существъ и должна быть дополнена. Такъ какъ эти дополненія оказываются настолько же далекими отъ механизма, какъ и ученіе Дриша, и идутъ въ разрѣзъ съ ходячимъ представленіемъ о механизмѣ, то Рейнке, не взирая на его собственные заявленія, считаютъ однимъ изъ вождей неовитализма.

Что такое *сила*? спрашиваетъ прежде всего Рейнке и опредѣляетъ ее какъ *способность вызывать явленія*. Это опредѣленіе шире обычнаго механическаго опредѣленія, такъ какъ включаетъ въ себя и форму тѣлъ, обуславливающую рядъ явленій, и психическіе процессы—оно почти приближается къ понятію причины. Понятіе силы болѣе широко, чѣмъ понятіе *энергіи*, которая представляетъ изъ себя только способность производить *работу* и является, такимъ образомъ, одной изъ силъ. Энергія подчиняется принципу сохраненія, она не исчезаетъ и не образуется вновь, сила можетъ исчезать, напримѣръ, свѣтопреломляющая сила исландскаго шпата исчезаетъ, когда кристаллъ растворяютъ въ соляной кислотѣ. Энергія есть понятіе количественное, сила—качественное.

¹) Переводятся на русскій языкъ подъ именемъ „Натурфилософія“. С.ПБ. 1909.

Цѣлый рядъ силъ опредѣляетъ *направленіе* какого-либо движенія, сюда относится способность кристалла преломлять лучъ свѣта, раздвоять его, сюда же относится расположеніе желѣзнодорожныхъ рельсъ, опредѣляющихъ направленіе движенія поѣзда. Это силы, зависящія отъ *формы* матеріальной системы, расположенія ея частей—Formkräfte.

Въ механизмахъ или машинахъ, созданныхъ рукой человѣка, мы можемъ отличать силы двоякаго рода: во-первыхъ, силу какъ энергію, на счетъ которой машина производитъ извѣстное количество работы, во-вторыхъ силу какъ форму, опредѣляющую собой направленіе, въ которомъ освобождается энергія, производя нужный эффектъ. Цѣлому ряду разнообразныхъ механизмовъ мы доставляемъ запасъ энергіи одинаковымъ образомъ, скручивая, на примѣръ, упругую стальную пружину, входящую въ ихъ составъ; но эта накопленная энергія, расходуясь, вызываетъ различный эффектъ: въ одномъ механизмѣ приводитъ въ движеніе стрѣлку, показывающую время, въ другомъ звучитъ мелодіей Штраусовскаго вальса, въ третьемъ, наконецъ, приводитъ въ движеніе цѣлое, какъ это бываетъ въ игрушечныхъ паровозахъ. Вездѣ пути освобожденія энергіи предписаны формой, системными условіями или *системными силами*, сама энергія играетъ роль раба.

Эти предварительныя замѣчанія необходимы для пониманія законностей, проявляющихся въ живыхъ тѣлахъ.

Біологическія изслѣдованія привели къ неоспоримому результату, что въ основѣ процессовъ жизни лежатъ сравнительно простые процессы, ихъ можно назвать *элементарными*. Насколько удалось анализировать ихъ, они оказываются физической или химической природы, весьма вѣроятно, что и всѣ они таковы. Направленіе этихъ элементарныхъ физическихъ и химическихъ процессовъ обуславливается, какъ и въ машинахъ, *системными силами*, зависящими отъ конфигураціи организма, на примѣръ, отъ невидимой структуры протоплазмы. Въ этомъ отношеніи живыя тѣла представляютъ далеко идущія аналогіи съ механизмами, и, такимъ образомъ, существуетъ полная возможность говорить о «механистическомъ пониманіи жизни». «Я думаю»,—прибавляетъ Рейнке,—что это воззрѣніе совершенно отлично отъ такъ называемаго витализма, который смѣшивалъ въ одну кучу господствующія и служащія силы» (Naturw. Vort. 3 Heft, p. 67).

Но машины сами собой не возникаютъ, тѣ направляющія системныя силы, которыя дѣлаютъ машину машиной, соединены въ одно гармоническое цѣлое творческой дѣятельностью человѣка. Безъ механика машины немыслимы. Аналогіи¹ этому должны быть и въ живыхъ тѣлахъ. Мы знаемъ, что сложные организмы животныхъ и растеній, въ которыхъ воплощены «системныя условія», образовались путемъ развитія изъ яйцевой клѣтки. Какимъ путемъ это могло произойти? Очевидно, развитіе организма и вся дѣятельность его, связанная съ системными условіями, должны имѣть въ живыхъ тѣлахъ особое «реальное основаніе или причину», подобно тому, какъ умственная работа техника есть причина конструкціи машины. Мы приходимъ, такимъ образомъ, «къ чему-то совершенно новому», къ неизбѣжному признанію особыхъ силъ, которымъ обязана своимъ происхожденіемъ машинная структура, системныя условія въ животныхъ и растеніяхъ. Эти силы Рейнке предлагаетъ назвать «доминантами».

Доминанты, по мысли автора, есть символическое понятіе; они обозначаютъ «наслѣдственно необходимое» (Erbzwang), передающееся отъ поколѣнія къ поколѣнію и вырабатывающее новый организмъ съ его системными условіями. Доминанты, какъ механики, строятъ въ правильной послѣдовательности «цѣлестремительно и цѣлесообразно дѣйствующую структуру»; они объединяютъ въ себѣ цѣлый комплексъ внутреннихъ образующихъ причинъ. Въ первыхъ своихъ трудахъ Рейнке различалъ два сорта доминантъ: рабочія (Arbeits-) и образующія (Bildungsdominanten); въ послѣднее время онъ отождествляетъ рабочіе доминанты, (а, слѣдовательно, и основу инстинктивныхъ дѣйствій животнаго) съ системными силами. Въ этомъ нельзя не видѣть нѣкоторую уступку механизму.

Сопоставленіе доминантъ съ энтелехіей Дриша напрашивается само собой; ихъ сходство отмѣчаетъ и самъ Рейнке. И такъ же, какъ энтелехіа, доминанты представляютъ изъ себя понятіе, символъ (сравни Kunstbegriff Дриша), которымъ мы обозначаемъ «нѣчто неизвѣстное». Представить ихъ какимъ-либо опредѣленнымъ образомъ нельзя, это просто «остатокъ анализа», «идея», «признаніе временнаго агностицизма». Сравненіе съ умственной дѣятельностью техника единственно возможная аналогія для доминантъ, а потому ихъ съ полнымъ правомъ можно назвать «интеллектуальной силой» организмовъ.

Но принадлежатъ ли доминанты къ матеріальнымъ или психическимъ силамъ? И на этотъ вопросъ трудно дать вполне определенный отвѣтъ. «Я лично,—говоритъ Рейнке,—понимаю душу только какъ нѣчто сознательное», и это говоритъ, конечно, не въ пользу психической природы доминантовъ. Психическое, по взгляду Рейнке, представляетъ изъ себя особую *силу*, связанную съ сознаниемъ; она, какъ и доминанты, подчиняетъ себѣ энергію; между психическимъ и матеріальнымъ существуетъ взаимодѣйствіе, каузальная связь. Такимъ образомъ Рейнке выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ психофизическаго параллелизма. «У чело-вѣка, высшей точки въ развитіи живого, мы имѣемъ въ динамическомъ отношеніи дѣло съ силами четырехъ видовъ; при современномъ состояніи біологіи мы можемъ назвать ихъ: энергіей, системными силами, доминантами и сознательными силами духа. О природѣ послѣднихъ мы не можемъ образовать представленія, которое позволяло бы сравнивать ихъ съ извѣстными силами природы».

Такъ какъ психическія силы вліяютъ на матеріальные процессы въ организмѣ, то онѣ, само собой разумѣется, должны войти въ область біологіи. Въ этомъ пунктѣ Рейнке идетъ дальше Дриша, считая возможнымъ раздѣлить витальныя силы на двѣ определенныхъ категоріи—доминанты и душу. Замѣтимъ, что вопросъ о сознательности психическаго и объ отношеніи сознательнаго къ безсознательному принадлежитъ къ числу спорныхъ и рѣшается специалистами-психологами крайне различно, а потому раздѣленіе невѣдомаго остатка біологическаго анализа на доминанты и душу представляетъ въ значительной степени дѣло вкуса. Вѣдь, не находитъ же самъ Рейнке для доминантъ иной аналогіи кромѣ умственной дѣятельности техника.

Сказаннаго, я думаю, достаточно для характеристики взглядовъ Рейнке. Къ тому же читатель, ознакомившійся съ Дришемъ, врядъ ли найдетъ для себя у Рейнке много новаго. Оба они стоятъ на гребнѣ той философской волны, которая ворвалась въ біологію, разрушивъ плотину догматическаго матеріализма, и являются несомнѣнно лучшими и наиболѣе типичными представителями новаго курса. Они работаютъ въ одномъ направленіи, но обращаются къ различному кругу читателей и тѣмъ дополняютъ другъ друга.

III.

Интересно отмѣтить, какъ по мѣрѣ развитія витализма постепенно мѣняется взглядъ на значеніе психическаго въ дѣлѣ объясненія жизненныхъ явленій. Дришъ съ полной послѣдовательностью отрицаетъ возможность такого примѣненія; онъ согласенъ говорить о душѣ, но какъ объ энтелехіи или психоидѣ. Рейнке дѣлаетъ шагъ дальше и выдѣляетъ сознательную душу какъ особый принципъ жизненныхъ явленій; у новѣйшаго представителя витализма Паули сознательно психическое выступаетъ на первый планъ, вмѣщая въ себя весь остающійся отъ анализа остатокъ.

Августъ Паули, профессоръ зоологіи Мюнхенскаго университета, принадлежитъ къ числу тѣхъ теоретиковъ эволюціоннаго ученія (Deszendenztheoretiker), которые, въ противовѣсъ дарвинизму съ особымъ стараніемъ выдвигаютъ и обновляютъ ламаркизмъ и которые сгруппировались вокругъ новаго журнала Zeitschrift für den Ausbau der Entwicklungslehre. Главнымъ трудомъ Паули является объемистая книга «Darwinismus und Lamarckismus» (1906 г.); она сразу выдвинула автора и доставила ему популярность. Для насъ болѣе интересъ представляетъ сводка теоретическихъ взглядовъ Паули, сдѣланная имъ въ статьѣ «Die Anwendung des Zweckbegriffs auf die organische Körper (Zeitschr. f. d. Ausbau d. Entwicklungslehre. Bd. I, H. 1—2, 1907), ее мы и будемъ имѣть въ виду.

Нижеслѣдующая выписка изъ статьи Паули сразу введетъ насъ въ сущность его пониманія жизни. Дѣло идетъ объ опредѣленіи клѣтки и протоплазмы. Приведя обычное опредѣленіе въ формулировкѣ Рихарда Гертвига (изъ Lehrbuch der Zoologie 8 Aufl. 1906), по которому основными жизненными свойствами протоплазмы является «движеніе, раздражимость, способность къ питанію и размноженію», Паули продолжаетъ: «Это обычное пониманіе жизненныхъ свойствъ клѣтки должно быть измѣнено такимъ образомъ: *протоплазма ощущаетъ* ¹⁾, освѣдомлена о своихъ состояніяхъ, слѣдовательно, имѣетъ психологическую субъективность; она *различаетъ* путемъ сопоставленія разнородныхъ состояній, черезъ это раздражается въ своей энергетической

¹⁾ Курсивъ вездѣ мой.

сущности, опредѣляется въ реакціяхъ, состоящихъ въ производствѣ физической работы, которую она направляетъ въ зависимости отъ своего состоянія, при чемъ она стремится благопріятствовать тѣмъ моментамъ, которые сохраняютъ или повышаютъ желательное состояніе, препятствуютъ или удаляютъ нежелательное. Ея дѣйствія въ своихъ реакціяхъ имѣютъ такимъ образомъ рациональное отношеніе къ внутреннимъ состояніямъ, — *qualitates effectus qualitatibus causae respondent*, — они *телеологичны* и *слѣдуютъ психофизической каузальности*; это *поступки* (Handlungen), ихъ производительность ограничена, они унаслѣдованы, выучены, обусловлены повышеніемъ раздраженій» (р. 8).

Читатель проститъ за нѣсколько неуклюжій переводъ длинныхъ періодовъ Паули, если сравнитъ его съ подлинникомъ. Во всякомъ случаѣ то, что хочетъ сказать авторъ, совершенно ясно. Онъ думаетъ, что изученіе клѣтки вступаетъ въ новую, «логически» обусловленную фазу: необходимо создать «психологію клѣтки» и такимъ путемъ отыскивать объясненіе непонятныхъ для насъ жизненныхъ процессовъ. Напомнимъ, что сходные взгляды высказывались 15 лѣтъ назадъ нашимъ соотечественникомъ проф. Фаминцинымъ въ его книгѣ «Естествознаніе и психологія».

Разсмотримъ теперь, какъ Паули обосновываетъ приведенныя положенія.

Исходнымъ пунктомъ для него служитъ понятіе *цѣлесообразности* въ примѣненіи къ живымъ существамъ. Дарвинизмъ, какъ извѣстно, пытался уничтожить это понятіе, т.-е. дать ему простое механическое толкованіе. Попытку эту въ конечномъ итогѣ слѣдуетъ признать неудавшейся: понятіе цѣли просачивается отовсюду, пробивается въ біологію самыми различными путями и мало-по-малу становится ея теоретическимъ узломъ. Въ неомарксизмѣ телеологія выступаетъ какъ главный принципиальный моментъ.

Паули разсуждаетъ далѣе слѣдующимъ образомъ. Разъ мы вводимъ понятіе *цѣли* для объясненія явленій, т.-е. примѣняемъ его въ качествѣ *причины*, объясненіе только тогда будетъ «естественно», когда мы перемѣстимъ его въ объектъ, или вѣрнѣе, въ «субъектъ, носитель подлежащихъ объясненію свойствъ». Только такимъ путемъ устраняется теистическая телеологія, переносящая цѣль въ Творца (въ этомъ устраненіи

теистическаго взгляда Паули усматриваетъ особую заслугу ламаркизма). Такимъ образомъ, живое существо проявляетъ самостоятельную цѣлесообразную дѣятельность—«аутотелеологию». Что же это значитъ? Характернымъ для многочисленныхъ жизненныхъ проявленій цѣлепричины является то, что между причиной и дѣйствіемъ вводится *средній членъ*. При его помощи особенности ожидаемаго дѣйствія отражаются на причинахъ. А отсюда вытекаетъ, что между причиной и дѣйствіемъ существуетъ *отношеніе сужденія* (Urteilsbeziehung). Отношеніе сужденія можетъ возникнуть только при наличности факторовъ ощущающихъ, различающихъ, дѣлающихъ выборъ между тѣмъ или другимъ, ergo цѣлесообразная причинность можетъ быть только *психической* (psychistische).

Весь произведенный ходъ разсужденій является очень знакомымъ; за послѣднія двадцать лѣтъ подобныя мысли излагались въ естественнонаучной литературѣ, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать, и были вполне точно формулированы Коссманномъ въ его трактатѣ о телеологіи. Характернымъ для Паули является быстрое заключеніе къ психическому характеру цѣлепричины,—шагъ, сдѣлать который большинство авторовъ остерегалось.

Но, чтобы правильно примѣнить психическое къ объясненію біологическихъ явленій, необходимо точно опредѣлить природу психическаго и его отношеніе къ матеріальнымъ процессамъ. Въ приведенной мною длинной выпискѣ встрѣчается фраза: «дѣйствія... слѣдуютъ психофизической каузальности». Отсюда, кажется, можно заключить, что Паули дуалистъ и признаетъ существованіе особой душевной субстанціи, дѣйствующей на тѣло, какъ Рейнке, Буссе, Гартманнъ и др. Но дуалистомъ Паули признавать себя не хочетъ. Вотъ какъ высказывается онъ по поводу психическаго.

Причинность, обусловленная психическимъ факторомъ, какъ думаютъ обыкновенно, должна соединяться съ органическими силами, не встрѣчающимися въ мірѣ неорганическомъ. На этомъ основаніи введеніе психическихъ факторовъ должно или повести къ витализму, къ жизненной силѣ старыхъ авторовъ, вполне справедливо оставленной, или вырыть пропасть между органическимъ и неорганическимъ царствомъ. Но и послѣдняго мы допустить не можемъ, такъ какъ для насъ ясно, что первыя живыя существа должны были произойти естественнымъ путемъ

изъ неорганическаго матеріала. Избѣжать затрудненія возможно тѣмъ же способомъ, какъ въ свое время Бунге—именно ввести понятіе цѣлесообразнаго какъ «основное правило при обсужденіи фізіологическихъ реакцій организма», пользоваться имъ какъ «*эвристическимъ принципомъ*». Такое примѣненіе дѣлалъ и Кантъ; онъ считалъ цѣлесообразность принципомъ регулятивнымъ, а не конститутивнымъ. Какъ эвристическій принципъ, понятіе цѣли можетъ быть приложено и къ неорганическому міру; по крайней мѣрѣ, законъ Le Chatelier и Braun'a, устанавливающий внутреннее равновѣсіе химическихъ процессовъ, указываетъ на ихъ аутотелеологію. Само собою разумѣется, что аутотелеологію, какъ эвристическій принципъ, «нельзя представить чувственно», «пытаться субстанціровать ее въ понятіяхъ — неправильно». Поэтому «должны мы понятіе души (клѣточная душа, тѣлесная душа), какъ обозначенія, вводящія въ заблужденіе, совершенно отбросить и замѣнить ее каузальными терминами или такими прилагательными, которыя выражаютъ, что мы имѣемъ въ виду психическій моментъ явленія» (р. 6). Но, прибавляетъ далѣе Паули, такъ какъ эта максима, когда мы подставляемъ ее въ нашъ вопросъ о природѣ, «показываетъ объективное существованіе представленій цѣли внѣ насъ, она не можетъ разсматриваться какъ простая субъективная необходимость нашего разсудка, но обнаруживаетъ свое объективное обоснованіе въ природѣ» и такимъ образомъ къ неоламаркистской телеологіи приложимъ кантовскій терминъ «физическаго реализма».

Надъ этимъ мѣстомъ нельзя не задуматься. Съ одной стороны, аутотелеологія—эвристическій принципъ и его нельзя субстанціровать, съ другой стороны, она имѣетъ объективное обоснованіе въ природѣ и можетъ быть опредѣлена терминами, имѣющими въ виду психическій моментъ. Что же она такое? *Kunstbegriff*, какъ доминанты и энтелехія? Но тогда на какомъ же основаніи совершается примѣненіе вполне точныхъ и опредѣленныхъ психическихъ терминовъ: ощущеніе, различеніе, сужденіе? Что Паули не желаетъ стоять на почвѣ обычнаго психофизическаго параллелизма, это, мнѣ кажется, ясно: тогда вѣдь психическіе факторы никакого объясненія дать не могутъ и привлекать ихъ въ біологію нѣтъ никакой нужды. Очевидно, боязнь теизма и, если позволительно такъ выразиться, естественно научный этикетъ не позволяютъ Паули субстанціровать психи-

ческое и заставляютъ его говорить о сознательной душѣ, не называя ее по имени. Въ противномъ случаѣ гораздо проще было бы примкнуть къ Дришу.

Здѣсь сказывается недостатокъ строгой философской подготовки Паули, необыкновенно ясно выступающій при сравненіи его съ Дришемъ и Рейнке.

Миновавши трудное и щекотливое разъясненіе о природѣ аутотелеологіи (помѣщенное, къ слову сказать, въ примѣчаніи), Паули безпрепятственно идетъ далѣе и доходитъ до результата приведенной въ началѣ главы цитаты, — о необходимости пополнить опредѣленіе клѣткѣ психологическими терминами. Въ разъясненіе этой цитаты я приведу нѣкоторые дальнѣйшія соображенія Паули о психизмѣ клѣтки.

Мы знаемъ аутотелеологію лучше всего изъ личнаго опыта, но въ человѣкѣ, организмѣ сложномъ, она связана съ сложнымъ мозгомъ; если мы будемъ прямо переносить свойства человѣческой психики на клѣтку, мы, совершенно справедливо, заслужимъ упрекъ въ антропоморфизмѣ. Необходимо произвести анализъ психическихъ свойствъ человѣка и редуцировать ихъ, т.-е. свести къ наиболѣе примитивнымъ формамъ, которыя могутъ встрѣтиться и въ клѣткѣ. Производя подобный анализъ, Паули сводитъ аутотелеологическую каузальность къ простѣйшему психическому фактору — *ощущенію*, соединенному съ *энергетическимъ напряженіемъ*. Одного этого фактора достаточно, чтобы понять аутотелеологію клѣтки въ цѣломъ: изъ разнородности ощущеній вытекаетъ *различіе* — основной процессъ познанія, «изъ противоположности ощущеній происходитъ *возбужденіе* (Erregung) и изъ ихъ физическаго напряженія *хотѣніе* (Wollen)». Такимъ образомъ Паули постепенно возстановляетъ въ жизненномъ элементѣ — клѣткѣ всю совокупность психическихъ свойствъ, характеризующихъ поступки человѣка; этимъ же терминомъ «поступки» онъ и обозначаетъ проявленія клѣточной жизнедѣятельности. А такъ какъ анализъ, производимый Паули, въ психологическомъ отношеніи не отличается особой основательностью, то врядъ ли ему удастся избѣжать упрека въ антропоморфизмѣ, который его, видимо, пугаетъ.

Я опускаю дальнѣйшее изложеніе статьи, гдѣ Паули на конкретныхъ примѣрахъ примѣняетъ аутотелеологію и психологію къ объясненію фізіологическихъ явленій. Онъ рассказываетъ

объ органахъ чувствъ растеній, а затѣмъ подробно останавливается на работахъ Павлова по физиологіи пищеваренія, выясняющихъ, между прочимъ, вліяніе психическихъ факторовъ на количество и качество выделяемыхъ секретовъ. Приводимые факты несомнѣнно имѣютъ глубокой интересъ, но къ характеристикѣ теоретическихъ взглядовъ Паули на живое ничего новаго не прибавляютъ.

Шопенгауэръ выставилъ эпиграфомъ къ одному изъ своихъ трактатовъ слѣдующее изреченіе: «Moral predigen ist leicht, moral begründen schwer»; то же, съ соотвѣтственными измѣненіями, можетъ относиться къ попыткамъ ввести психику въ естествознаніе. Говорить о необходимости психологіи клѣтки, описывать съ помощью психологическихъ терминовъ дѣйствія живого существа, даже эволюцію жизни въ цѣломъ—легко и какъ будто понятно, но обосновать это введеніе и поставить психическое въ каузальную связь съ біологическимъ, не выходя при этомъ за предѣлы научной біологіи,—задача трудная и врядъ ли разрѣшимая. Статья Паули положительнаго чего либо въ этомъ отношеніи не даетъ, но она интересна какъ образчикъ взглядовъ и настроеній извѣстной группы зоологовъ начала XX вѣка. Проблемы теоретической біологіи и постановка ихъ въ сущности и теперь тѣ же, что были во времена Аристотеля, болѣе того, они возникаютъ въ умѣ всякаго человѣка, профана, когда онъ начинаетъ поглубже размышлять о жизни. XIX вѣкъ, «вѣкъ естествознанія», занялся ихъ детальной разработкой, но тутъ произошло нѣчто удивительное: по мѣрѣ работы сами проблемы мало-помалу исчезали изъ умственного поля зрѣнія ученаго. За деревьями пропалъ лѣсъ. И теперь мы присутствуемъ вновь при его открытіи, и вновь старыя вѣковѣчныя проблемы получили въ глазахъ прозрѣвшихъ интересъ новизны. Мудрено ли, что простая и естественная формулировка проблемы кажется ученому, привыкшему къ иной рѣчи, цѣлымъ откровеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, содержитъ ли въ себѣ неовитализмъ громаднаго большинства глашатаевъ и проповѣдниковъ новаго курса, начиная съ Бунге, Риндфлейша, Бородина и кончая Шнейдеромъ и Паули, что-нибудь большее, чѣмъ постановку вопроса?

IV.

Я не буду долго останавливаться на взглядахъ другихъ біологовъ виталистовъ, изъ которыхъ первое мѣсто по количеству написаннаго занимаетъ Карлъ Камилло Шнейдеръ. Взгляды его, еще менѣе ясны, чѣмъ взгляды Паули, находятся къ тому же въ періодѣ постоянной эволюціи: онъ самъ уже отмѣчаетъ нѣсколько періодовъ своего витализма. Въ послѣдней статьѣ (*Zeitschrift f. d. Ausbau der Entwicklungslehre Bd. I*) Шнейдеръ называетъ свое новѣйшее направленіе «ейвитализмомъ» и ставитъ въ прямую связь съ *vis vitalis* старыхъ авторовъ. Существуетъ, по его мнѣнію, специфическое живое вещество, оно проявляется всегда въ видѣ зеренъ, видимыхъ или невидимыхъ въ микроскопъ, и при всѣхъ процессахъ, исключая развитіе, остается неизмѣненнымъ. Главная задача живого вещества—сообщать физическимъ и химическимъ процессамъ извѣстное направленіе. Это повтореніе ученія о жизненныхъ единицахъ, господствовавшего въ литературѣ 90-хъ годовъ; Шнейдеръ ставитъ его въ связь съ жизненной силой и сообщаетъ ему особую окраску. «Жизненность» для него—психическій феноменъ, жизненный субстратъ иной, чѣмъ матеріальный, именно психическій. Но здѣсь необходимо прибавить, что Шнейдеръ понимаетъ психическое въ смыслѣ Маха, т.-е. «что психическіе элементы: цвѣта, тона, давленія, теплоощущенія, запахи и т. д., суть реальности, которыя выполняютъ пространство, а не только мерещатся въ мозгу».

На этомъ я позволяю себѣ поставить точку и просить лицъ, заинтересовавшихся Шнейдеромъ, прочесть его статью въ подлинникѣ, такъ какъ передать въ краткихъ словахъ дальнѣйшее философствованіе, на мой взглядъ, невысказано. «Слѣдуетъ радоваться,—говоритъ самъ Шнейдеръ,—если на этой почвѣ понимаешь самъ себя; отъ полного пониманія другихъ, у которыхъ нѣрѣдко недостаетъ самопониманія, легко остаться вдали».

Но виталистическое теченіе не исчерпывается одними специалистами-біологами; въ разработкѣ его приняли участіе и философы, конечно тѣ, для кого область біологіи не является чуждой. Такъ какъ вопросъ о жизненной силѣ обнаруживаетъ непреодолимую склонность погружаться въ область спекуляціи, то выслушать голоса лицъ, компетентныхъ въ этой области,

является положительно необходимымъ. Говоря это, я имѣю въ виду двухъ философовъ: Эдуарда ф. Гартмана и Анри Бергсона.

Обладая громадными спеціальными знаніями во всѣхъ отрасляхъ естествознанія, Гартманнъ имѣлъ полное право сказать свое слово по поводу пониманія жизни, рассчитывая, что оно будетъ принято во вниманіе. Онъ посвятилъ вопросу о жизни одно изъ послѣднихъ произведеній «*Problem des Lebens*», большой томъ въ 430 страницъ. Мы найдемъ въ немъ во-первыхъ, подробную исторію вопроса, изложеніе воззрѣній всѣхъ маломальски выдающихся біологовъ съ середины XIX вѣка, и, во-вторыхъ, крайне ясную и отчетливую формулировку собственныхъ взглядовъ Гартманна.

Основанія, заставляющія Гартманна примкнуть къ витализму, тѣ же, что и у прочихъ виталистовъ: недостаточность обычныхъ, «центральныхъ» силъ физики и механики для объясненія жизни, невозможность объяснить при ихъ помощи цѣлесообразность, которую проявляетъ организмъ въ выборѣ средствъ для защиты и самосохраненія, развитіе и т. д. Выясненіе всего этого составляетъ, въ глазахъ Гартманна, главную заслугу витализма. Но, какъ философъ реалистъ, онъ не довольствуется констатированіемъ факта и построеніемъ абстрактныхъ понятій, вродѣ энтелехіи или доминантъ, а идетъ дальше и пытается точнѣе опредѣлить, въ согласіи съ своей метафизикой, характерныя особенности «*жизненной принципа*». Такимъ образомъ, онъ какъ бы продолжаетъ работу идеалиста Дриша, возводя на расчищенномъ имъ мѣстѣ, зданіе натурфилософіи. И надо отдать справедливость: это зданіе является однимъ изъ лучшихъ архитектурныхъ образцовъ натурфилософскаго стиля.

Новый витализмъ, говоритъ Гартманнъ, долженъ избѣгать трехъ основныхъ ошибокъ стараго, трехъ ложныхъ путей. идя по которымъ онъ всегда будетъ побѣжденъ механизмомъ, *Первый* ложный путь—*материализма*: жизненный принципъ не можетъ быть матеріальнымъ началомъ, хотя бы подъ нимъ понимать вещество болѣе тонкое, эфирное, четвертое или пятое состояніе агрегаціи.

Второй ложный путь—*антропоморфизма*. Такъ какъ жизненный принципъ проявляетъ цѣлесообразную дѣятельность, его одаряли свойствами человѣческаго сознанія, снабжали его знаніемъ физическихъ и химическихъ процессовъ, о которыхъ онъ раз-

мышлялъ, дѣлалъ выборъ и т. д. Изъ него дѣлали родъ «личнаго демона», которымъ былъ одаренъ организмъ, самъ того не подозревая.

Третій путь—*индивидуализаціи*. Признаніе жизненнаго принципа чѣмъ-то индивидуальнымъ, отмѣреннымъ въ извѣстной пропорціи каждой особи. Въ такомъ случаѣ непонятнымъ является его ростъ, убыль, исчезаніе, дѣленіе или сліяніе двухъ принциповъ. Сообразно со всѣмъ этимъ мы должны представлять жизненный принципъ *нематеріальнымъ, безсознательнымъ и надъиндивидуальнымъ* (supraindividuell).

Понятіе матеріи, по воззрѣніямъ современной теоретической физики, сводится къ понятію силы, связанной съ извѣстной точкой пространства какъ центромъ: всякая матерія разлагается въ концѣ-концовъ на рядъ *центральныхъ* силъ. Жизненный принципъ, какъ думаетъ Гартманъ, также представляетъ изъ себя *силу*, но совершенно иного рода, въ отличіе отъ матеріи *не имѣющую центра, т.-е. не исходящую изъ опредѣленнаго мѣста въ пространство*. Будучи силой, жизненный принципъ можетъ дѣйствовать на другія силы, т.-е. на частицы матеріи; вращая и перемѣщая ихъ, онъ можетъ перевести энергію системы изъ одной координатной оси въ другую. Но самъ онъ не есть энергія и потенциала не имѣетъ. Гартманъ, какъ авторъ «Weltanschauung der modernen Physik», вполне проникся духомъ современной механики и энергетики; это позволяетъ ему подробно развивать свой взглядъ на силы, не имѣющія центра, и доказывать, что съ физической точки зрѣнія ихъ можно признать безъ противорѣчія. Конечно, можно спорить, существуютъ ли такія силы въ дѣйствительности, но разъ безъ ихъ помощи нельзя обойтись—введеніе ихъ является позволительнымъ.

Жизненный принципъ можетъ быть только безсознательнымъ. Тотъ, кто не признаетъ безсознательныхъ психическихъ процессовъ, можетъ назвать его психиднымъ; для самого Гартманна онъ будетъ, конечно, психическимъ. Нельзя приписывать безсознательному принципу ни памяти, ни сужденій, ни пріобрѣтенныхъ знаній; онъ дѣйствуетъ, какъ и любая сила, по собственнымъ ему, имманентнымъ законамъ, въ силу необходимости. Слѣдуетъ замѣтить, что безсознательно психическій характеръ имѣютъ, по Гартманну, и атомы, и молекулы, но они представляютъ изъ себя индивидуумы, хотя и низшаго порядка. А жизнен-

ный принципъ не есть что либо индивидуальное т.-е. занимающее въ извѣстное время извѣстное мѣсто въ пространствѣ, онъ только проявляетъ свою дѣятельность на индивидуумахъ, состоящихъ изъ центральныхъ силъ, будь то молекулы или организмы. Они доставляютъ для жизненнаго принципа точку прикрѣпленія—*principium mobile*, другой точки—*principium fixum*—нѣтъ. Дѣйствія жизненнаго принципа, конечно, цѣлесообразны, въ этомъ его главное значеніе, но какой-либо принципиальной разницы между нимъ и матеріей въ этомъ отношеніи не имѣется; его телеологія только выше телеологіи неорганической природы.

Такимъ образомъ жизненная сила занимаетъ опредѣленное мѣсто въ міровомъ цѣломъ, въ своемъ существѣ безсознательномъ и состоящемъ изъ безсознательныхъ, цѣлесообразно дѣйствующихъ силъ. Мы имѣемъ полное право назвать такой жизненный принципъ *метафизическимъ*; Гартманнъ это и дѣлаетъ. Граница между естествознаніемъ и натурфилософіей исчезаетъ; они сливаются въ одно; такъ, конечно, и должно быть для всякаго, кто пытается охватить міровой процессъ въ цѣломъ.

Крайне интереснымъ является взглядъ Гартманна на отношеніе души къ тѣлу, на т. наз. психофизическую каузальность. Гартманнъ, какъ извѣстно, является противникомъ психофизического параллелизма, но въ его системѣ вопросъ о связи души съ тѣломъ получаетъ особое освѣщеніе. Сознательно психическое и безсознательно психическое—два понятія, которыя слѣдуетъ рѣзко разграничивать. *Бессознательное психическое*, съ которымъ мы уже знакомы, такъ какъ въ организмахъ оно совпадаетъ съ жизненнымъ принципомъ, можетъ дѣйствовать на *физическое*. Это вполне понятно: вѣдь и физическое въ сущности безсознательно психическое, только индивидуализованное. Но сознательно психическое имѣетъ гораздо болѣе узкую область: это просто внутренняя сторона безсознательно психического, и его прямое отношеніе къ физическому немислимо. Вопросъ о «дѣйстви души на тѣло» расчленяется такимъ образомъ на два: 1) дѣйствіе безсознательно-психического на физическое — тутъ область «психофизической каузальности» и 2) отношеніе сознательнаго психического къ безсознательному; здѣсь имѣется своего рода «параллелизмъ». Для современнаго витализма такая постановка вопроса представляетъ большой интересъ,

и если бы Паули познакомился съ ней, его изложеніе, вѣроятно, выиграло бы въ ясности.

V.

Во многихъ пунктахъ къ міровоззрѣнію Гартманна близко подходитъ другой философъ, трактующій біологическія проблемы—Анри Бергсонъ, профессоръ философіи въ Collège de France. Его послѣдній трудъ «*L'évolution créatrice*», вышедшій въ 1907 году, выдержалъ за годъ четыре изданія и сдѣлался положительно модной книгой ¹⁾. «Католики читаютъ его; прагматисты имъ пользуются; социалисты его изучаютъ», пишетъ одинъ изъ французскихъ рецензентовъ. Гансъ Дришъ восторженно привѣтствовалъ книгу Бергсона, стараясь обратить на нее вниманіе своихъ соотечественниковъ—и одна эта рекомендація можетъ побудить біолога взяться за ея изученіе.

Изъ обширной и богатой идеями книги Бергсона я приведу лишь то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ пониманію жизни. Бергсонъ, конечно, является виталистомъ, но онъ не заботится о научномъ обоснованіи витализма, а строитъ дальше, и въ этомъ отношеніи его произведеніе, на ряду съ *Problem des Lebens* Гартманна, можно разсматривать какъ завершеніе и логическое продолженіе трудовъ Дриша. Дѣйствительно, понять и представить энтелехію—жизненный принципъ Дриша, нельзя,—Бергсонъ отсюда и начинается: «наша мысль въ ея чисто логической формѣ неспособна представить истинную природу жизни, глубокое значеніе процесса эволюціи». Жизненное начало слишкомъ своеобразно, чтобы его можно уложить въ рамки нашей науки. Основу и сущность жизни составляетъ особый изначальный порывъ, стремленіе—«*élan originel*», никогда не изсякающій, проходящій отъ поколѣнія къ поколѣнію по всему живому; онъ заставляетъ существа жить, развиваться, подчинять своей власти мертвую матерію, эволюционировать. Это единый потокъ, раздробившійся на множество ручейковъ и въ каждомъ изъ нихъ проявляющій какую-либо особую сторону своей природы. Понять жизнь, значитъ понять «*élan originel*»; но ни въ одномъ изъ живыхъ существъ не проявляется онъ вполнѣ, ихъ необходимо брать всѣ вмѣстѣ, въ ихъ безконечномъ разнообразіи.

¹⁾ Переведенъ на русскій языкъ подъ названіемъ «Творческая эволюція».

Но какимъ же путемъ возможно познаніе этой основной сущности жизни? Наука, созданная человѣчествомъ и которой оно такъ гордится, для этой цѣли совершенно непригодна. Что же тогда пригодно? Здѣсь Бергсонъ развиваетъ свою теорію познанія, сплетенную въ одинъ узелъ съ его натурфилософіей—и въ этомъ одна изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ всей системы. Познаніе есть одно изъ проявленій жизни, какъ и сама жизнь; оно раздѣляется на нѣсколько параллельно бѣгущихъ ручьевъ: въ различныхъ отдѣлахъ животнаго царства способность познавать выражена различно не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Интеллектъ человѣка есть одинъ изъ видовъ познания, развившійся въ немъ съ особой силой; его характерная особенность—способность къ логическому мышленію, способность къ геометріи и вообще къ математической обработкѣ дѣйствительности. Интеллектъ по необходимости одностороненъ; онъ предназначенъ для того, чтобы овладѣть мертвой, неорганической природой и сдѣлать изъ нея орудіе человѣка; его настоящая задача—фабрикація, и вмѣсто *homo sapiens* гораздо правильнѣе было бы назвать человѣка *homo faber*—ремесленникъ. Но охватить сущность жизни, вѣчно текущей, вѣчно мѣняющейся, человѣческій интеллектъ съ его наукой рѣшительно не въ состояніи. Жизнь алогична.

Къ счастью интеллектъ не единственный способъ познания; познавать можно при помощи *инстинкта*. Эта способность развита особенно ярко въ одномъ изъ развѣтвленій жизненнаго потока, у членистоногихъ и въ семействѣ перепончатокрылыхъ (осы, пчелы, муравьи) достигаетъ своего апогея. Осы-одиночки могутъ продѣлывать надъ жуками, заготовляя ихъ въ пищу своему потомству, такія сложныя операціи, которыя не подъ силу ученому зоологу. Она знаетъ, гдѣ помѣщаются нервные узлы жука, и находитъ ихъ непосредственно, безъ предварительнаго обученія, въ силу инстинкта. Мы можемъ опредѣлить инстинктъ какъ *непосредственное знаніе вещей*, тогда какъ интеллектъ направленъ на познаніе *отношеній*. И человѣкъ не вполне лишенъ инстинктивнаго знанія. Интеллектъ, логическое мышленіе образуетъ свѣтлое ядро человѣческаго познания, оно окружено менѣе ясной, туманной каймой инстинктивнаго знанія. Это то, что философы называли *интуиціей*, «*Anschauung*», знаніемъ, непосредственно проникающимъ въ суть вещей, безъ сужденій и

логики. Только такимъ интуитивнымъ путемъ можемъ мы понять сущность жизни.

Неспособность интеллекта понять жизнь сказывается въ явной недостаточности двухъ современныхъ воззрѣній теоретической біологіи: механизма и финализма, т.-е. телеологіи. Механическое объясненіе жизни невозможно уже по одному тому, что оно не можетъ принять въ расчетъ времени. Все живое возникаетъ и непрерывно измѣняется, его «точитъ зубъ времени», т.-е. каждый протекшій моментъ накладываетъ на него свой отпечатокъ. Время неустанно течетъ впередъ, а вмѣстѣ съ нимъ мѣняется и жизнь; она, слѣдовательно, никогда не повторяется; а для механическаго міропониманія какъ разъ время *реальной длительности* (*durée*) не имѣетъ, оно тамъ просто «время», «*t*», которое можно заставить двигаться въ любую сторону съ любой скоростью. Такое время приложимо только для объясненій повторяющихся явленій мертвой природы.

Телеологи новѣйшей формации, напримѣръ, неоламаркисты, также стараются втиснуть живое въ неподходящія рамки. Иногда они толкуютъ о сознательной цѣлесообразной дѣятельности, проявляемой живымъ существомъ въ его эволюціи, какъ если бы дѣло шло о человѣкѣ, т.-е. переносятъ особенности человѣческаго интеллекта на основу жизни. Иногда же имъ кажется, что жизнь развивается по извѣстному плану, неизвѣстно кѣмъ и когда начертанному; въ этомъ случаѣ они просто рассматриваютъ прошедшее при свѣтѣ настоящаго. Но въ развитіи жизни никакого плана нѣтъ: жизнь идетъ какъ ей удобнѣе, развивая присущія ей особенности и раздѣляя ихъ между отдѣльными видами, пробуя и терпя неудачи,—она все время *творитъ новое* и направленіе ея творчества предвидѣть нельзя.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе, сколько въ идеяхъ Бергсона содержится новаго. Философски образованный читатель встрѣтитъ въ «Творческой эволюціи», конечно, много знакомаго: интуицію, всплывающую вновь на поверхность философіи, волю какъ основу жизни, подчиненность интеллекта и т. д. Но все это мастерски спаяно въ одно цѣлое, изложено въ блестящей формѣ, и даетъ, въ общемъ, необыкновенно яркое и глубокое освѣщеніе жизни. Можетъ быть, не одинъ біологъ броситъ съ досадой эту книгу, какъ только познакомится съ апологіей интуитивнаго знанія—и онъ много потеряетъ. Ибо то, на что обра-

щаетъ вниманіе Бергсонъ, въ основѣ своей совершенно правильно, можно спорить только о способахъ его выраженія. Возможно, напримѣръ, сводить интуицію на то безсознательное психическое творчество, вопросъ о которомъ усиленно разрабатывается новейшей психологіей. Но, кромѣ того, вполне возможно вводить въ циклъ научнаго познания то, что Бергсонъ считаетъ исключительнымъ достояніемъ интуиціи. Это не будетъ познаніе *естественнонаучное*, познаніе точныхъ наукъ, которое Бергсонъ считаетъ за единственное, но познаніе *историческое*, въ томъ смыслѣ какъ его теорію развиваетъ Риккертъ. Логика исторіи и ея основныя понятія—иныя, чѣмъ въ естествознаніи, и, конечно, попытки уложить историческій процессъ эволюціи въ рамки естествознанія обречены на неудачу. Къ этому положенію, какъ и вообще къ взглядамъ Бергсона на изученіе живого, намъ придется еще вернуться во второй части.

Начавши съ чисто біологическаго вопроса, мы поневолѣ должны были углубиться въ нѣдра натурфилософіи. Интересъ къ натурфилософіи вполне понятенъ и обоснованъ: вѣдь «естествоиспытатель, кромѣ того, человѣкъ, а какъ человѣкъ всегда болѣе или менѣе философъ», замѣчаетъ Гартманнъ. Дѣйствительно, входя въ болѣе близкое соприкосновеніе съ метафизическими системами, вчитываясь въ нихъ и становясь на точку зрѣнія ихъ творца, получаешь особое наслажденіе. Весь міръ начинаетъ казаться обширнымъ свѣтлымъ помѣщеніемъ, гдѣ въ правильномъ порядкѣ расположены различныя стадіи мірового процесса, сведенныя къ ихъ внутренней сущности, и гдѣ ты самъ находишь свое мѣсто; все связано другъ съ другомъ тысячью цѣпей и образуетъ одно гармоничное цѣлое, полное смысла и прекрасное. Это наслажденіе въ значительной степени носитъ эстетическій характеръ, подобно созерцанію художественнаго произведенія, а потому становится понятнымъ парадоксальное на первый разъ утвержденіе Лотце, что въ числѣ соображеній, опредѣляющихъ выборъ между научными гипотезами, слѣдуетъ принимать во вниманіе и эстетическія. Въ любой метафизической системѣ жизни и вопросамъ, связаннымъ съ ней, отводится извѣстное мѣсто, но оно по необходимости ограничено, имѣетъ

значеніе только въ связи съ цѣлымъ и подчиняется ему, какъ болѣе важному. Поэтому, отрываясь отъ созерпанія цѣлаго и переходя въ область конкретной науки съ ея дѣйствительными потребностями, фактами и мелочами, естествоиспытатель начинаетъ чувствовать невольное разочарованіе: философское пониманіе, можетъ быть и правильное, оказывается черезчуръ широкимъ и абстрактнымъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и смѣлымъ. Философъ рѣшается сдѣлать такой выводъ, перешагнуть такую грань, которая работнику въ той или иной области кажется рискованнымъ предпріятіемъ. И это вполне понятно, такъ какъ философъ, рѣшивъ частный вопросъ, идетъ дальше, его цѣль *не здѣсь*; работникъ же останавливается въ раздумьи, зная, что много труда придется еще положить, прежде чѣмъ дѣло получить полную научную ясность. Такимъ, именно, пунктомъ является въ біологіи признаніе особой силы, агента, энтелехіи, души, *elan*, или какъ его тамъ ни называть,—безъ которой объясненіе жизни будетъ невозможно и которая не имѣетъ аналогіи въ неорганической природѣ. Семь разъ примѣръ, а одинъ отрѣжь, говоритъ народная мудрость, а научная мудрость требуетъ: «*principia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*» (Ньютонъ), потому мы должны еще и еще разъ пересмотрѣть тѣмѣрки, которыя витализмъ выдаетъ за единственно возможные.

Гартманнъ, несомнѣнно представлявшій себѣ положеніе дѣлъ яснѣе, чѣмъ кто-либо, пишетъ въ предисловіи къ «*Problem des Lebens*»: «Естествоиспытатели должны въ скоромъ времени освоиться съ мыслью, что телеологическій способъ разсмотрѣнія никоимъ образомъ не нарушаетъ или не прерываетъ этиологическій, при чемъ онъ не только не равнозначущъ съ ними, но занимаетъ высшую ступень (*übergeordnet*), и что натурфилософскій витализмъ *не касается и не ограничиваетъ* область работы и методы естествознанія; такимъ образомъ, бороться противъ него и изгонять его не можетъ представлять никакого интереса для спеціалиста. Какъ только этотъ взглядъ получить господство, между естествознаніемъ и философіей возстановится миръ». Подъ этимъ заявленіемъ, я думаю, охотно подпишется каждый, кто не считаетъ естественнонаучное познаніе за единственное и исчерпывающее всю область человѣческаго знанія; весь вопросъ заключается въ томъ: *идѣ кончается естествознаніе и начинается натурфилософія?*

VI.

Я не думаю, чтобы можно было серьезно оспаривать положительные стороны витализма. Нужно представить себѣ то состояніе, въ которомъ находились наши воззрѣнія на сущность жизни къ началу 90-хъ годовъ XIX столѣтія, и то направленіе, въ которомъ работали теоретики біологіи, и тогда значеніе неовитализма въ исторіи біологіи станетъ совершенно яснымъ. Основные свойства жизни связывали обыкновенно съ свойствами живого *вещества* (*Lebensstoff, matière vivante*), т.-е. протоплазмы. Вещество это,—или смѣсь веществъ, какъ говорили многіе,—конечно крайне сложно съ химической точки зрѣнія, формула его неизвѣстна, получить ее синтетическимъ путемъ пока что не удастся, тѣмъ не менѣе считать его чѣмъ-либо выходящимъ изъ рамокъ физики и химіи нѣтъ никакихъ основаній, а потому можно съ полнымъ правомъ разсчитывать вывести всѣ основные свойства жизни изъ химическихъ и физическихъ свойствъ протоплазмы. Это являлось, такъ сказать, основнымъ положеніемъ. Дальнѣйшая работа въ этомъ направленіи привела къ необходимости расчленить протоплазму и клѣтку на рядъ болѣе простыхъ жизненныхъ единицъ, отличающихся отъ молекулъ лишь болѣе сложностью (физиологическія единицы Спенсера, плазмы Визнера, пангены де Фриза, біобласты Гертвига, біогены Ферворна, біофоры Вейсмана, геммулы Гааке, молекулы-вихри Чермака и др.). Такимъ путемъ въ біологію былъ перенесенъ одинъ изъ основныхъ приѣмовъ физики и химіи—объясненіе цѣлаго изъ свойствъ его гипотетическихъ составныхъ частей. Существованіе упомянутыхъ жизненныхъ единицъ было, конечно, вспомогательной гипотезой, такъ какъ, за исключеніемъ Альтманна, всѣ остальные ученые считали свои единицы невидимыми. Въ цѣломъ рядѣ учебниковъ и монографій мы находимъ попытки объяснить всѣ свойства живыхъ существъ, включая сюда явленія наслѣдственности, путемъ соединенія и распределенія движущихся, дѣлящихся и дифференцирующихся жизненныхъ единицъ. Вопросъ о цѣлесообразности въ устройствѣ и функціяхъ организмовъ иногда прямо отклонялся какъ ненаучный, чаще же разрѣшался ссылкой на теорію Дарвина. Цѣлесообразное устройство и дѣятельность живого существа есть результатъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе,

безжалостно удаляющей все нецѣлесообразное. Иными словами цѣлесообразное считалось приспособленіемъ. Такое «механическое объясненіе» цѣлесообразности находимъ мы въ рѣчахъ Дюбуа Реймона, одного изъ самыхъ крупныхъ мыслителей механистическаго направленія.

Само собой разумѣется, что большая часть біологовъ занималась, какъ и всегда, разработкой специальныхъ вопросовъ, производя фізіологическіе эксперименты, химическіе анализы или микроскопическія наблюденія. Механистическое направленіе, установленное классическими трудами Дюбуа Реймона, Людвига, Гельмгольца, оказалось крайне плодотворнымъ при разработкѣ многихъ частныхъ вопросовъ: процессовъ дыханія, пищеваренія, кровообращенія. Можно сказать, что только тогда стали дѣйствительно научнымъ образомъ понимать эти процессы, когда удалось изгнать жизненную силу старыхъ авторовъ, не поддававшуюся никакому учету. Мудрено ли, что большинство научныхъ работниковъ глубоко увѣровало въ принципы механизма, предполагая, что и то загадочное, что оставалось въ живомъ, будетъ разъяснено въ недалекомъ будущемъ. Но главную опору этой увѣренности доставляли два основныхъ положенія естествознанія, выработанныхъ въ XIX вѣкѣ: законъ сохраненія матеріи и законъ сохраненія энергіи, приложимые ко всѣмъ явленіямъ природы, въ томъ числѣ и живымъ существамъ. Эти всеобъемлющіе законы самымъ категорическимъ образомъ исключали возможность введенія какихъ-либо сверхъестественныхъ силъ, а одной изъ такихъ и была жизненная сила старыхъ авторовъ.

Несомнѣнно, въ катехизисѣ біологовъ было много такихъ пунктовъ, которые такъ и просились на критику. Определенія жизни, въ родѣ того, которое давалъ фізіологъ Ферворнъ: «жизнь есть обмѣнъ веществъ бѣлковыхъ тѣлъ», были, въ сущности говоря, такъ наивны, что легко могли возбудить соблазнъ. И вотъ, когда нашлись ученые, взглянувшіе на современную науку непредубѣжденными глазами и достаточно смѣлые, чтобы выступить съ ея критикой, они нашли для себя благодарную почву. Витализмъ выступилъ сначала какъ критика ходячихъ утвержденій о жизни, и въ этомъ заключается его главное значеніе.

1. Застрѣльщики новаго направленія обратили главное вниманіе на то, что оставалось неизвѣстнымъ въ жизненныхъ прояв-

леніяхъ и яснѣе очертили это. Они показали, что цѣлый рядъ процессовъ съ точки зрѣнія физики и химіи остаются совершенно необъяснимыми, и даже въ такихъ явленіяхъ, какъ движеніе соковъ въ растеніяхъ и проникновеніе питательныхъ веществъ въ животный организмъ, наблюдается рядъ сложныхъ и своеобразныхъ законностей. Механистамъ только кажется, что ихъ легко объяснить, на самомъ же дѣлѣ они этого произвести не могутъ.

2. Вторымъ важнымъ пунктомъ было указаніе на игнорированіе механистами основного свойства жизни. Живое существо не представляетъ изъ себя *вещество* или конгломератъ вещественныхъ частицъ, а нѣчто единое, цѣльное, само себя поддерживающее, обладающее свойствомъ выбирать и дѣйствовать цѣлесообразно, какъ дѣйствуетъ цѣлесообразно человѣкъ. Въ развитіи и дѣятельности организма проявляется рядъ такихъ сложныхъ цѣлесообразныхъ пріемовъ, что сравнивать его съ машиной, какъ это дѣлали механисты, нельзя.

3. Въ тѣсной связи съ развитіемъ этого взгляда находилась и критика дарвинизма, ей занимались болѣе или менѣе всѣ представители витализма. При этомъ выяснилось, что дарвинизмъ не даетъ никакого объясненія для цѣлесообразности. Онъ можетъ, въ крайнемъ случаѣ, объяснить переходъ одной приспособленной формы въ другую, приспособленную къ новымъ условіямъ, но происхожденія цѣлесообразности онъ даже и не затрагиваетъ. Цѣлесообразность есть основное свойство всякаго живого существа, ея происхожденіе связано съ происхожденіемъ жизни.

4. Выдвигая на первый планъ цѣлесообразность, общее регулированіе физико-химическихъ процессовъ, происходящее въ организмѣ, виталисты обратили вниманіе и на его психическую жизнь. А такъ какъ цѣлесообразное извѣстно намъ лучше всего изъ опыта душевной жизни, то сама собой являлась мысль поставить дѣятельность живого существа въ ту или иную зависимость отъ его психическихъ переживаній. Это направленіе нашло себѣ поддержку въ специальной психофизиологической литературѣ, гдѣ господствовавшій до послѣдняго времени паралелизмъ началъ подвергаться усиленной критикѣ.

Къ этому сводилась, въ главныхъ чертахъ, критическая дѣятельность новаго направленія. Какъ я уже указывалъ, мысли,

лежавшія въ его основѣ, не были совершенно новыми, но онѣ были основательно забыты, и для поколѣнія ученыхъ, выросшихъ на механизмѣ, какъ бы не существовали. Витализмъ энергично выдвинулъ и вполне определенно формулировалъ рядъ вопросовъ, безъ которыхъ прогрессъ научной біологіи не возможенъ и которые были отодвинуты въ сторону механизмомъ—въ этомъ, на мой взглядъ, заключается его неоспоримое историческое значеніе.

VII.

Начавши съ критики, витализмъ сталъ постепенно отливаться въ ученіе или систему. Съ этой положительной стороной витализма читатель достаточно ознакомился изъ предшествовавшаго изложенія трудовъ Дриша, Рейнке, Гартманна; онъ могъ убѣдиться въ какое непримиримое отношеніе становятся ихъ выводы къ механической біологіи. Но, изучая процессъ развитія витализма какъ системы, нельзя, мнѣ кажется, не отмѣтить, что приемы и характеръ критики, практиковавшейся виталистами, наложили неизгладимый отпечатокъ на положительную сторону ихъ ученія. Кто хотѣлъ бы ближе опредѣлить свое отношеніе къ неовитализму, долженъ прежде всего выяснитъ свое отношеніе къ его критическимъ приемамъ, къ тѣмъ послѣдкамъ, на которыхъ они зиждутся. А въ нихъ, наряду съ сильными, есть и свои слабыя стороны. Незамѣтная на первый взглядъ, онѣ разрастаются при болѣе внимательномъ изслѣдованіи до такихъ размѣровъ, что начинаютъ сообщать витализму совершенно иную, менѣ контрастную окраску. На выясненіи этого очень важнаго пункта я позволю себѣ остановиться подольше.

1. Первую слабую сторону виталистической критики составляетъ вошедшая въ обиходъ посылка, согласно которой *физику* и *химію*, какъ науки о *мірѣ неорганическомъ*, можно сопоставлять и противопоставлять *біологіи*, какъ наукѣ о *жизни*. Дришъ, на примѣръ, ставитъ физику, химію, кристаллографію и біологію въ одинъ, постепенно усложняющійся рядъ. Конечно, такая классификація съ извѣстной формальной точки зрѣнія является правильной, но она игнорируетъ одно существенное обстоятельство. Если вникнуть поглубже въ смыслъ и истинныя задачи указанныхъ наукъ, то становится ясно, что физика и химія съ одной стороны, кристаллографія и біологія съ другой—науки совер-

шенно различнаго типа и направленія. Оба ряда наукъ имѣютъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ — природой, но изучаютъ его съ различныхъ сторонъ. Кристаллографія и біологія ставятъ задачей изучать формы, въ которыхъ проявляется природа, естественныя *тѣла* (*corpora naturalia*), въ томъ видѣ, какъ они намъ *даны*, — тогда какъ физика и химія устанавливаютъ общія законности явленій природы (*principia naturalia*). И эту задачу онѣ могутъ выполнить лишь путемъ умышленнаго отбрасыванія цѣлаго ряда частныхъ условій, какъ разъ имѣющихъ первостепенное значеніе для естественныхъ тѣлъ. Физика и химія, какъ много разъ указывалось, сами *создаютъ* объекты своего изученія; онѣ конструируютъ свои понятія «вещество», «система» и т. д. и рассматриваютъ явленія природы, лишь поскольку они входятъ въ рамки этихъ понятій.

Въ теоретической физикѣ, гдѣ совершается настоящая научная переработка данныхъ эксперимента и наблюденія, этотъ методъ выступаетъ съ полной прозрачностью. Физикъ изучаетъ твердое состояніе вещества, несжимаемую жидкость и выводитъ рядъ законностей, имѣющихъ значеніе только при наличности опредѣленныхъ предпосылокъ; въ это же самое время онъ нисколько не интересуется вопросомъ, есть ли поверхность у изучаемаго имъ объекта. Съ другой стороны, когда онъ начинаетъ рассматривать поверхность, онъ закрываетъ глаза на многое другое. Аналогичное этому происходитъ и въ химіи.

Такимъ путемъ мы получаемъ въ физикѣ законы натяженія поверхности, движенія жидкости, электрона и еще болѣе общіе законы движенія вообще, въ химіи — законы вѣсовыхъ отношеній, обратимости реакцій, массоваго дѣйствія, — а въ природѣ мы встрѣчаемъ капли, кристаллы, облака: тѣла, въ которыхъ физическіе и химическіе процессы распредѣляются въ извѣстномъ пространствѣ въ извѣстное время. Законности, наблюдаемыя въ тѣлахъ и характерныя для нихъ, совершенно иного порядка; онѣ касаются, если можно такъ выразиться, распредѣленія, направленія и взаимной связи законностей физики и химіи. Ясно, что науки, изучающія естественныя тѣла: біологія, кристаллографія, геологія, ученіе о небесныхъ тѣлахъ, нельзя ставить въ одинъ рядъ съ физикой и химіей. Этого рѣшительно не позволяетъ дѣлать правильно проведенная методологическая классификація.

Отсюда получается выводъ, имѣющій большое принципиальное

значеніе: мы не должны смотрѣть на физику и химію, какъ на единственный образецъ наукъ о *неорганическомъ мірѣ*; иначе, сами того не замѣчая, мы *рискуемъ сузить кругъ неорганической законности, путемъ исключенія тѣхъ законностей, которыя наблюдаются въ естественныхъ тѣлахъ, а тогда положеніе, что витальные процессы *toto genere* различны отъ физико-химическихъ, получаетъ неправильное освѣщеніе.*

Виталистическая критика въ вопросѣ о живомъ и мертвомъ стала на ту же точку зрѣнія, что и ходячій механизмъ, и старалась поразить его же собственнымъ оружіемъ. Механисты признавали живое *вещество* и были вправѣ ждать, что тѣ общія законности, которыя даетъ о веществѣ физика и химія, исчерпаютъ его свойства. Если же мы признаемъ вмѣстѣ съ виталистами, что организмъ не вещество, то, само собой разумѣется, мы должны изъять его изъ предѣловъ компетентности физики и химіи. Обычно думаютъ, что принимая это положеніе, мы тѣмъ самымъ проводимъ рѣзкую грань между живой и неорганической природой, и должны примкнуть къ витализму. Но такой поворотъ, по самому существу дѣла, является неправильнымъ. Механисты чувствуютъ это, хотя и не всегда отдаютъ себѣ яснаго логическаго отчета: поэтому въ отвѣтъ на реституціонные опыты Дриша они указываютъ на восстановленіе формы капель и кристалломъ.

2. Въ связи съ указаннымъ взглядомъ на физику и химію стоятъ попытки опровергнуть механистическое пониманіе жизни путемъ доказательства, что организмъ не машина. Съ легкой руки Ламеттри, озаглавившаго свою матеріалистическую книгу «*L'homme-machine*», сравненіе организма съ машиной пріобрѣло большую популярность. Имъ пользовались фізіологи, чтобы пояснить ту или другую сторону процессовъ въ организмѣ: вѣдь, несомнѣнно, что машина, созданная рукой человѣка, представляется болѣе ясной и понятной, чѣмъ что-либо. Главная аналогія между машиной и организмомъ заключается въ томъ, что оба они съ энергетической точки зрѣнія являются трансформаторами энергіи; доставляемые имъ запасы энергіи они превращаютъ въ механическую и другіе виды рабочей энергіи, теряя при этомъ значительную часть въ видѣ тепла. По Атватеру организмъ человѣка можетъ утилизировать для работы 20% энергіи, т.-е. столько же, сколько лучшія паровыя машины. Увле-

каясь этой аналогіей, легко придти къ такъ называемой машинной теоріи жизни. Къ ней были близки даже такіе біологи какъ Дришъ. И обратно, придя къ убѣжденію, что жизнь есть процессъ совершенно своеобразный, легко отождествить механистическое пониманіе жизни съ Ламеттріевскимъ *homme-machine* и обрушить на этотъ пунктъ главную тяжесть критики. Такъ и поступаютъ, на примѣръ, Дришъ и Рейнке; доказавъ, что организмъ не есть машина, они считаютъ задачу поконченной и витализмъ научно доказаннымъ.

Показать, что организмъ не тождественъ съ машиной, дѣйствительно нетрудно. Всякій знаетъ, что машина строится по плану человѣка, его руками, для его опредѣленныхъ цѣлей, что она представляетъ изъ себя какъ бы дополненіе человѣческихъ рукъ и самостоятельнаго значенія имѣть не можетъ. Естественно, что машина не въ состояніи дѣлиться и расти и т. д. *Но можно ли на этомъ основаніи дѣлать какіе-нибудь дальнѣйшіе выводы?* Развѣ не имѣемъ мы въ природѣ рядъ естественныхъ тѣлъ, которыя несмотря на свою принадлежность къ міру неорганическому, подобно организму не допускаютъ полной аналогіи съ машиной? А вѣдь и они тоже могутъ трансформировать заключающуюся въ нихъ или приносимую извнѣ энергію. Машина не дѣлится—капля или жидкій кристаллъ дѣлится; машина образуется при участіи рукъ человѣка, небесныя тѣла берутъ начало безъ помощи чьихъ-либо рукъ...

Доказательство витализма на основаніи сопоставленія организма съ машиной представляетъ изъ себя, такимъ образомъ, *argumentatio ad hominem*, а не *ad rem*.

3. Третьей слабой стороною (проявляющейся однако не у всѣхъ неовиталистовъ) является осужденное уже Гартманномъ стремленіе ввести *сознательную психическую дѣятельность* въ область біологіи. Одни вводятъ сознательно психическое, чтобы рѣзче подчеркнуть принципиальное различіе между живыми тѣлами и такъ называемыми неодушевленными предметами—такъ поступаетъ, на примѣръ, Рейнке; другіе, не довольствуясь такимъ примѣненіемъ, превращаютъ его въ принципъ объясненія непонятныхъ біологическихъ процессовъ (Паули, Франсе). Отсюда одинъ шагъ до ученія о «взаимодѣйствіи между душой и тѣломъ», «психофизической каузальности», которая такъ усиленно дебатировалась послѣднее время въ психологической литературѣ. А разъ естество-

испытатель сдвигается на такую точку зрѣнія, вовлекается въ обсужденіе этихъ вопросовъ, ему кажется, что механистическое воззрѣніе на жизнь снимается само собой, что о немъ уже и рѣчи быть не можетъ,—нужды нѣтъ, что въ основѣ такого сдвигенія лежитъ *retitio principii*.

Я рѣшительно становлюсь на сторону лицъ, считающихъ введеніе сознательно-психическаго въ кругъ біологическихъ вопросовъ принципиально неправильнымъ приѣмомъ, который кромѣ путаницы ничего принести не можетъ. Подобный приѣмъ просто выводитъ біолога за предѣлы компетенціи его специальности и заставляетъ успокоиваться на такихъ законностяхъ, которыя для него, какъ біолога, не существуютъ. Сознательно психическая жизнь извѣстна намъ только по личному опыту, перенесеніе ея на другихъ животныхъ происходитъ путемъ ряда умозаключеній, при чемъ, чѣмъ ниже спускаемся мы по лѣстницѣ животнаго царства, тѣмъ вопросъ становится темнѣе и неяснѣе. И при всемъ томъ возможность ощущеній не можетъ быть исключена не только въ растеніяхъ, но даже въ тѣлахъ неорганической природы. Для ученаго, смотрящаго на сознательное существо со стороны, рѣчь можетъ идти не о самихъ ощущеніяхъ и ихъ воздѣйствіи на молекулы, а только о субстратѣ, носителѣ этихъ ощущеній, будь то душа или что-нибудь другое. Развивая этотъ взглядъ, мы необходимо должны придти къ признанію существованія силъ въ той или другой формѣ, которыя для меня, ихъ обладателя, являются психическими процессами, на примѣръ, мы должны признать, вмѣстѣ съ Гартманномъ, существованіе нецентральныхъ силъ, или вмѣстѣ съ параллелистами довольствоваться обычными центральными силами, или, наконецъ, представить ихъ еще инымъ образомъ. И эти силы или адекватныя имъ представленія входятъ въ область біологіи, да не только въ нее, а и въ область физики, такъ какъ, отклоняя путь молекулы или электрона, хотя бы въ равнопотенціальной поверхности, они не могутъ быть безразличными для физика. Предполагать, что физика и химія занимаются одной неорганической природой, совершенно неправильно,—они изслѣдуютъ общія законности вещества и его движенія, гдѣ бы они ни происходили, во всей доступной органамъ чувствъ природѣ. И воздѣйствіе духовной субстанціи на траекторію молекулы можетъ составить предметъ изслѣдованія именно физика, никого другого.

Выдѣляя сознательно психическое изъ области точныхъ и біологическихъ наукъ, намъ остается предоставить разсмотрѣніе вопроса о связи сознанія съ видимымъ міромъ наукамъ философскимъ: теоріи познанія, какъ рекомендуетъ напр., Эдм. Кенигъ, или натурфилософіи. А въ такомъ случаѣ цѣлый рядъ виталистическихъ доказательствъ, основанныхъ на сознательности поступковъ человѣка и животныхъ, получаетъ иной, менѣе рѣшительный характеръ.

Сводя вмѣстѣ слабые пункты виталистической критики, можно сказать, что они заключаются: 1) въ произвольномъ суженіи законностей неорганическаго міра, 2) въ перенесеніи центра тяжести вопроса на доказательство положенія «организмъ не машина», положенія далеко не существеннаго, 3) въ произвольномъ расширеніи компетенціи біологіи путемъ внесенія въ нея сознательно-психическаго элемента. Тотъ, кто согласится съ этимъ, долженъ будетъ признать, что неовитализмъ, разрушая ходячій механизмъ въ его временныхъ проявленіяхъ, не касается многихъ корней механистическаго воззрѣнія на жизнь и оставляетъ вопросъ открытымъ.

Съ другой стороны, рѣзкія, разрывающія всѣ связи съ прошлымъ формы, въ которыхъ отливается виталистическій «остатокъ отъ анализа жизни», выработаны, главнымъ образомъ, какъ противовѣсъ вульгарному механизму, составляютъ его антитезу. Рассматривая энтелехію или доминанты *per se*, какъ положительныя естественно-научныя гипотезы, естествоиспытатель врядъ ли получитъ удовлетвореніе. Пародируя извѣстное изреченіе Гегеля, онъ можетъ воскликнуть: «*daran ist naturwissenschaftlich nichts zu erkennen*», и потребовать иныхъ болѣе пригодныхъ для научной работы *Kunstbegriff*'овъ.

Въ этомъ и заключается, по моему убѣжденію, ближайшая задача научной и автономной біологіи: тезисъ и антитезисъ должны перейти въ высшую форму синтеза. И въ основу такого синтеза, на мой взглядъ, можетъ быть положено понятіе объ организмѣ, какъ о естественномъ тѣлѣ или системѣ. Развитие этой мысли составитъ предметъ второй части изслѣдованія.

Вл. Карповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эдмундъ Гуссерль и психологи́сты нашихъ дней.

Проблема истины и знанія является со времени Канта центральнымъ пунктомъ философскихъ изслѣдованій. Вся мощная философская сила XIX-го вѣка посвящена преимущественной разработкѣ этихъ основныхъ понятій; наше время занято почти исключительно гносеологическими и логическими изысканіями; здѣсь сосредоточиваются интересы наиболѣе крупныхъ философскихъ силъ нашей эпохи.

Послѣ бурнаго періода начала XIX-го вѣка и антифилософской реакціи 50-хъ и 60-хъ годовъ философія вступила въ новую эру спокойной и постепенной разработки проблемъ, завѣщанныхъ ей Кантомъ. Самъ Кантъ далеко не сознавалъ еще всѣхъ трудностей, связанныхъ съ послѣдовательнымъ проведеніемъ въ теоріи познанія его точки зрѣнія; въ его системѣ мирно уживаются рядомъ совершенно противоположныя теченія, которыя въ современномъ неокантіанствѣ породили ожесточенную борьбу школъ. Зачатки всѣхъ оттѣнковъ критицизма, которые выросли въ современной гносеологіи до полныхъ и сознательныхъ противоположностей, можно найти и указать въ кантовской системѣ; въ ней они еще мирно уживаются другъ съ другомъ, совершенно незамѣченные творцомъ «Критики».

Ареной самой ожесточенной войны является въ наше время вопросъ объ отношеніи психологіи къ теоріи познанія. Многое можно уже считать выясненнымъ въ этомъ вопросѣ, многое остается еще далеко неяснымъ. Постепенно философія какъ будто склоняется къ полному *изинанію психологіи* изъ теоріи познанія; въ настоящее время можно почти съ увѣренностью сказать, что побѣда въ концѣ-концовъ останется на сторонѣ антипсихологическаго направленія.

Психологизмъ и чистая теорія познанія—вотъ два враждебныхъ лагеря. Трудно опредѣлить границы этихъ понятій; они постепенно и незамѣтно переходятъ одно въ другое. То, что для Виндельбанда будетъ чистой логикой, то для Риккерта окажется чистѣйшимъ психологизмомъ, самъ же Риккертъ явится психологистомъ съ точки зрѣнія Когена.

Кульминаціоннымъ пунктомъ, достигнутымъ антипсихологизмомъ, въ наше время являются «Логическія изслѣдованія» Эд. Гуссерля ¹⁾. Гуссерль отказывается отъ всякаго компромисса съ психологизмомъ; ни нормативность логики, ни «фикція» «сознанія вообще» его не удовлетворяютъ; онъ порываетъ съ нимъ окончательно, доказывая, что ни методъ, ни объектъ логики не имѣютъ ничего общаго съ психологіей.

Въ чемъ выражается характерная черта всякаго психологизма?

Прежде всего въ томъ, что онъ ставитъ истину и познаніе въ исключительную зависимость отъ нашей *субъективной организации*. Это мифологическое понятіе является своего рода «virtus dormitiva» всякаго психологизма. Когда мы наталкиваемся на нѣчто для насъ необъяснимое, нашъ разумъ инстинктивно прячется за такія понятія, которыя даютъ ему фиктивное удовлетвореніе.

Эта «игра въ прятки» ²⁾ со своими понятіями свойственна всякой научной области; еще до сихъ поръ наши научныя понятія нерѣдко продолжаютъ прятаться въ темные уголки мифическихъ фантазій вродѣ невѣсомыхъ жидкостей, атомовъ, силъ и т. д. Нѣтъ такой области, гдѣ бы эта «игра» была развита сильнѣе, чѣмъ въ области психологіи и теоріи познанія ³⁾.

Типичные психологи, вродѣ Гейманса, строятъ всю свою теорію познанія на этой *мифологіи душевныхъ организаций* ⁴⁾; если же спросить ихъ, что же они собственно подразумѣваютъ подъ этой пресловутой организаціей, то они едва ли найдутся дать

¹⁾ Ed. Husserl. Logische Untersuchungen. 2 B. 1900/1.

²⁾ Lipps. Aufgabe der Erkenntnistheorie. Philos. Monatshefte 16, S. 533, 537.

³⁾ Самъ Липпсъ, несмотря на свое ясно выраженное стремленіе изгнать всякій „антропоморфизмъ“ и всякую мифологію изъ теоріи познанія, далеко не свободенъ отъ этой „игры“; вводитъ же онъ въ свою логику такія понятія, какъ „душевная организація“ и др. См. напр., его Логику, пер. Лоссаго, §§ 274—276.

⁴⁾ Heymans. Gesetze und Elemente des wissenschaftlichen Denkens. См. стр. 38; 64—65; 90; 181—188; 242 и др.

ей болѣе точное опредѣленіе, чѣмъ то, которое далъ ей Когенъ: «Физико-психическая организація есть только выраженіе, въ которомъ соединены всѣ тѣ опредѣленія, какія *желательно* было бы познать въ отдѣльности: она обозначаетъ поэтому только общій *X* и *знакъ вопроса*» ¹⁾). Этотъ способъ объяснять извѣстное неизвѣстнымъ, прикрываясь туманомъ неясныхъ понятій, достоинъ мольеровскихъ врачей, но долженъ быть разъ навсегда изгнанъ изъ науки.

Рядъ блестящихъ по своему тонкому остроумію аргументовъ Гуссерля покончилъ, на нашъ взглядъ, окончательно съ теоріей организаціи ²⁾). Онъ приводитъ теорію организаціи къ полному абсурду.

1) Психологическія теоріи, стараясь объяснить истину изъ нашей реальной организаціи, должны допустить, конечно, самый фактъ нашей организаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту безусловную истину, что данная организація дѣйствительно существуетъ. Не допустивъ этой истины *безусловно*, безъ всякихъ ограниченій, психологистъ не можетъ вести своего доказательства, такъ какъ *реально* можно объяснять истину только тогда, когда мы предполагаемъ реальную данность организаціи. Слѣдовательно, психологистъ предполагаетъ то, что хочетъ объяснить; онъ хочетъ объяснить *всякую* истину изъ организаціи и предполагаетъ уже ту *безусловную* для него истину, что данная организація дѣйствительно существуетъ.

Если же онъ, выпутываясь изъ этого круга, будетъ утверждать, что и эта истина сама зависитъ отъ организаціи и ея законовъ, то его нетрудно довести *ad absurdum*. Согласимся, что высшей предпосылкой всякаго объясненія, его принципомъ, можетъ быть только опредѣленное истинное положеніе и отнюдь не самый реальный процессъ или объективный законъ, лежащій въ основѣ ряда явленій, подлежащихъ объясненію. Сама реальность, разумѣется, не можетъ быть предпосылкой или принципомъ объясненія, такъ какъ эту функцію можетъ выполнить только опредѣленное сужденіе; не сама сила тяжести служить, конечно, предпосылкой или принципомъ при объясненіи небесныхъ явленій, а лишь опредѣленное сужденіе, выражающее сущ-

¹⁾ Cohen. Kants Theorie der Erfahrung. S. 210.

²⁾ Log. Untersuch. S. 116—122. B I.

ность этой силы; реальность всегда остается реальностью и никогда не может выполнять логических функций. Это положение очевидно; оно просто устанавливает различие двух несоизмеримых понятий. Теперь докажемъ, что психологистъ долженъ отрицать это самоочевидное положение. Его задача—объяснить истину изъ законовъ организаціи; высшей предпосылкой при его объясненіи служить истина, что данная организація и ея законы дѣйствительно существуютъ; болѣе высокой предпосылки при его объясненіи нѣтъ и быть не можетъ; это его исходный пунктъ; однако, самый этотъ исходный пунктъ требуетъ своего объясненія, такъ какъ онъ тоже есть истина и, слѣдовательно, зависитъ отъ организаціи. Въ чемъ же мы будемъ искать объясненія этой истины? Предпосылки мы уже никакой не можемъ сдѣлать, такъ какъ сама эта истина является высшей изъ возможныхъ предпосылокъ при данномъ объясненіи. Ея объясненіе можетъ лежать только въ самыхъ законахъ организаціи, въ самомъ фактѣ существованія; что невозможно, такъ какъ мы согласились, что принципомъ объясненія можетъ быть только опредѣленная истина о фактѣ, а не самый фактъ.

Это запутанное доказательство выражено Гуссерлемъ крайне туманно въ слѣдующей формулировкѣ: «Та истина, что данная организація и ея законы дѣйствительно существуютъ, должна бы была черпать свое реальное объясненіе изъ того, что эти законы дѣйствительно существуютъ, при чемъ принципы, по которымъ протекаетъ объясненіе, должны были бы быть тождественными съ самыми законами—что является полной нелѣпостью» ¹⁾.

2) Второй аргументъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Міръ зависитъ отъ нашего познанія, онъ есть продуктъ познанія. Но все наше познаніе, поскольку оно истинно, зависитъ отъ нашей организаціи, слѣдовательно, и реальный міръ зависитъ отъ нея же. Но вѣдь сама наша организація есть лишь часть міра, образовавшаяся естественнымъ путемъ въ процессѣ его развитія, слѣдовательно, желая объяснить міръ, мы уже предполагаемъ его въ лицѣ нашей организаціи. «Такимъ образомъ мы ведемъ невинную игру: изъ міра развивается человѣкъ, а изъ человѣка міръ; Богъ творитъ человѣка, а человѣкъ Бога» ²⁾.

¹⁾ Стр. 120 Т. I.

²⁾ Стр. 121.

Возраженіе касается мнимаго противорѣчія между двумя грандіозными міровоззрѣніями современности, между эволюціонизмомъ и критицизмомъ. Міръ, согласно послѣднему, есть продуктъ нашей субъективной познавательной дѣятельности; формы познанія суть условія возможности міра. Однако, само сознаніе со всѣми своими формами есть въ свою очередь реальный продуктъ этого міра; оно появляется на опредѣленной ступени его развитія; когда-нибудь его не было и когда-нибудь оно снова исчезнетъ. Сознаніе есть только эпизодъ въ жизни міра. Какимъ же образомъ міръ можетъ быть продуктомъ своего собственнаго произведенія? Какъ можетъ законъ причинности (какъ форма сознанія) развиваться по закону причинности же?—Логическій кругъ!

Критицизмъ ложно понятый, какъ трансцендентальный психологизмъ, безусловно уничтожается этимъ возраженіемъ; всякая система теоріи познанія, рассматривающая «сознаніе вообще» со всѣми его формами и законами, какъ опредѣленную реальную организацію, разрушается этой аргументаціей. Но въ томъ-то и дѣло, что «сознаніе вообще» и трансцендентальныя формы нашего познанія не есть ничто реальное, что могло бы возникнуть или уничтожиться. Значимость категорій сознанія не могла возникнуть постепенно изъ міра, такъ какъ «ихъ значимость вообще дѣлаетъ впервые возможнымъ понятіе міра, въ которомъ что-нибудь постепенно возникаетъ» ¹⁾. Для Гуссерля самого міръ возможенъ только какъ объектъ истины; безъ истины нѣтъ никакого предмета и, слѣдовательно, и міра. Однако, это утвержденіе не дѣлаетъ міръ реальнымъ продуктомъ нашей субъективной дѣятельности и вообще какой бы то ни было дѣятельности. Истина, которая дѣлаетъ возможнымъ самое понятіе міра, сама не принадлежитъ къ міру и не возникаетъ постепенно въ процессъ его развитія; она вѣчна и неизмѣнна, потому что вневременна. Слѣдовательно, приведенное возраженіе отнюдь не касается критическаго апріоризма вообще, а только извращенныхъ формъ его, приближающихся къ психологизму. Эволюціонная теорія стоитъ въ противорѣчій только съ такимъ критицизмомъ, который самъ запутывается въ сѣтяхъ психологистическихъ противорѣчій; правильно понятый критицизмъ не противорѣчитъ ей, но даетъ ей, какъ всякой теоріи, ея философское обоснованіе.

¹⁾ Rickert. Gegenstand der Erkenntniss. S. 202.

3) Третій аргументъ. Если релятивизмъ ставитъ истину въ зависимость отъ организаціи, то, допуская логически возможность всякой организаціи, какъ бы странно она ни была устроена, онъ долженъ допустить возможность такихъ существъ, которыя на основаніи своей собственной организаціи стали бы отрицать свое собственное существованіе; но вѣдь отрицаніе есть истина, а истина возможна для нихъ только при допущеніи ихъ бытія! Какъ бы мы стали относиться къ самому факту ихъ существованія? Существуютъ они дѣйствительно или только для насъ людей? Если допустимъ теперь, что всѣ мыслящія существа, кромѣ даннаго рода самихъ себя отрицающихъ, исчезаютъ, какъ въ такомъ случаѣ долженъ быть рѣшенъ вопросъ объ ихъ существованіи? «Мысль о томъ, — говоритъ Гуссерль, — что небытіе какой-нибудь специфической организаціи имѣетъ свое основаніе въ этой самой организаціи — полное противорѣчіе». Обосновывающая истину, слѣдовательно, существующая организація должна на ряду съ другими истинами обосновывать и истину своего собственного небытія?!

Таковы три наиболѣе существенные пункта въ критикѣ Гуссерлемъ теоріи организаціи. Предположеніе этого неизвѣстнаго X для объясненія возможности истиннаго познанія ведетъ гносеологію къ полному абсурду и запутываетъ ее въ безысходныхъ противорѣчіяхъ. Какъ принципъ объясненія, организація должна быть сдана въ архивъ вмѣстѣ съ жизненными силами и невѣсомыми жидкостями. Принятіемъ этого неизвѣстнаго X, этой мистической организаціи и ея скрытыхъ формъ-силъ, мы ни въ коемъ случаѣ не создаемъ себѣ теоріи познанія, а только «мистологію познанія» ¹⁾. Однако, роль организаціи въ новѣйшихъ теоріяхъ психологизма не ограничивается этой ролью объяснительнаго принципа. Этотъ неизвѣстный X оказывается въ теоріи познанія опаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Мысля первоначально этотъ X, какъ нѣчто абсолютно неизвѣстное, психологистъ по мѣрѣ надобности начинаетъ надѣлать его общими свойствами, мнимо способствующими объясненію его проблемъ. Онъ начинаетъ мыслить его не какъ совокупность элементовъ, подлежащихъ объясненію, а какъ совокупность прин-

¹⁾ Palagyi. Logik auf dem Scheidewege. S. G. Самъ Palagyi далеко не избѣгаетъ этой „мистологіи“ такъ же, какъ Липпсъ своей „игры въ прятки“. См., напр., стр. 2411.

циповъ, *согласно съ которыми* должно протекать объясненіе въ теоріи познанія. Онъ начинаетъ играть для психологиста роль его символа вѣры; онъ становится для него равнозначнымъ съ *требованіемъ* объяснить наше познаніе изъ естественныхъ законовъ психической природы. Психологистъ не исключаетъ познаніе и истину изъ общей системы природы; онъ требуетъ естественнаго ихъ объясненія, требуетъ физики ¹⁾ или химіи ²⁾ мышленія. «Организація» опасна не какъ принципъ объясненія (какъ таковой она является продуктомъ научной наивности, своего рода *алхиміей* познанія); она опасна какъ символъ этого требованія естественно-научнаго, эмпирическаго объясненія познанія; она опасна, поскольку въ ней выражается, или лучше ею олицетворяется вполне опредѣленный методъ гносеологическаго изслѣдованія; она угрожаетъ превратить истину и знаніе въ функцію естественныхъ, дѣйствительныхъ психическихъ процессовъ. Поэтому недостаточно указать психологисту на ненаучность его объясненія; надо окончательно разбить его требованія, показать неосновательность его основныхъ тенденцій. Эти основныя тенденціи психологизма заключаются въ его стремленіи понять истину и познанія какъ психическіе факты, съ точки зрѣнія ихъ причиннаго происхожденія; для психологиста истина есть часть дѣйствительности, и задача теоріи познанія сводится для него къ изслѣдованію общечеловѣческихъ причинъ возникновенія сужденій съ характеромъ истинности или очевидности ³⁾.

Аргументы психологическаго направленія можно представить приблизительно въ слѣдующемъ видѣ:

Истина выражается всегда въ сужденіи; сужденіе же есть опредѣленная психическая функція, протекающая по опредѣленнымъ естественнымъ законамъ; внѣ сужденія нѣтъ истины; она всегда субъективна; какъ нѣчто объективное, она существуетъ лишь символически въ видѣ написанныхъ предложеній. «Сужденіе, какъ таковое, имѣетъ существованіе только въ живомъ процессѣ сужденія, въ актѣ мыслящаго индивидуума, который совершается внутренно въ опредѣленный моментъ». «Объективное бытіе никогда не принадлежитъ самому сужде-

1) Lipps. Die Aufgabe d. Erkenntnisstheorie. S. 531.

2) Heymans. Gesetze und Elemente. S. 26.

3) Тамъ же. Стр. 3, 9, 22, 24, 26, 97.

нію, а лишь его чувственному знаку, высказанному или написанному предложению ¹⁾). Истина, слѣдовательно, всецѣло зависитъ отъ нашего субъекта, ибо только въ немъ и существуетъ. Логика не имѣетъ никакого другого объекта кромѣ нашихъ психическихъ процессовъ и функцій; но что отличаетъ ее отъ психологіи есть ея практическая тенденція—создать, сообразуясь съ законами нашего естественнаго мышленія, нормы для правильнаго пользованія имъ; въ своей же теоретической части она есть лишь «спеціальная вѣтвь психологіи» ²⁾; ея задача сводится къ изслѣдованію сущности той функціи, для которой въ практической части устанавливаются опредѣленные правила. Всѣ основные законы и формы нашего мышленія выражаютъ не что иное, какъ самую сущность нашего духа. Такъ, напр., основной законъ логики, законъ противорѣчія, выражаетъ, по Зигварту, сущность нашей психической функціи отрицанія. Отрицаніе не есть отдѣльная форма сужденія; оно выражаетъ лишь особый способъ нашего отношенія къ утвердительному сужденію ³⁾; отсюда непосредственно слѣдуетъ психологическая невозможность одновременнаго утвержденія и отрицанія одной и той же теоретической зависимости; мы не можемъ въ одно и то же время къ одному и тому же объекту относиться различнымъ образомъ; если мы чего-либо желаемъ, то мы не можемъ того же самаго въ то же время и въ томъ же отношеніи не желать; если мы выражаемъ по поводу опредѣленнаго предложенія свое отрицательное къ нему отношеніе, то мы не можемъ въ тотъ же моментъ относиться къ нему иначе, т.-е. утверждать, что и выражается иными словами въ извѣстной формулѣ, что два предложенія А есть В и А не есть В не могутъ быть одновременно истинными. Эту психологическую невозможность и выражаетъ законъ противорѣчія; онъ разъясняетъ намъ только значеніе отрицанія и «формулируетъ его сущность и смыслъ въ предложеніи..., которое имѣетъ только ту цѣнность, что оно доводитъ до сознанія того, кто употребляетъ отрицаніе, его собственное дѣйствіе» ⁴⁾.

¹⁾ Sigwart. Logik. I, 27.

²⁾ J. St. Mill. An Examination of Sir W. Hamiltons Philosophy. 461.
Липпсъ Логика, 83.

³⁾ Sigwart. Logik. I, 155 ff.

⁴⁾ Sigwart. Logik. I, § 23 s 189.

Тотъ же психологическій отпечатокъ носятъ на себѣ, по Зигварту, и всѣ основные законы логики; «законъ основанія и слѣдствія, напр., соотвѣтствуетъ закону противорѣчія, какъ основной законъ функционированія нашего мышленія». Такимъ образомъ высшія истины, отъ которыхъ зависитъ все наше познаніе, такъ какъ оно рушится вмѣстѣ съ ними, принимаютъ относительный характеръ; онѣ выражаютъ природу *нашего* мышленія, коренятся въ организаціи *нашего* духа. Отсюда естественный выводъ: всякая истина обладаетъ всеобщностью и необходимостью только для насъ людей или для подобныхъ же видовъ мыслящихъ существъ; иная организація—иные и законы мышленія, иные и истины. *Для насъ* прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками; для какихъ-нибудь существъ, живущихъ на поверхности шара и имѣющихъ случайнымъ образомъ содержаніе только шарообразныхъ поверхностей, такимъ кратчайшимъ разстояніемъ будетъ дуга большого круга. Кто же правъ? Разумѣется, отвѣчаетъ психологистъ, ни тотъ, ни другой абсолютно и каждый для себя; не можемъ же мы всѣхъ мыслящихъ и созерцающихъ существъ связывать тѣми же самыми условіями созерцанія, какія присущи нашему духу; мы созерцаемъ всѣ вещи въ трехмѣрномъ пространствѣ, и для насъ имѣетъ значеніе Эвклидова геометрія; но гдѣ-нибудь возможны такія существа, форма содержанія которыхъ есть четырехмѣрное пространство; для нихъ наша геометрія теряетъ всякій смыслъ; они пользуются какой-нибудь изъ метагеометрическихъ системъ. Все зависитъ отъ того, какъ кто устроенъ.

Напрасно стараются опровергнуть психологизмъ ссылкой на нормативность логики. Наиболѣе распространенное въ настоящее время воззрѣніе устанавливаетъ различіе между психологіей и логикой только какъ методологическое ¹⁾. Объектъ изслѣдованія въ обѣихъ наукахъ одинъ и тотъ же; каждая изъ нихъ подходитъ къ нему лишь съ различныхъ точекъ зрѣнія и съ различными цѣлями. Психологія *объясняетъ* намъ естественный механизмъ нашего мышленія; логика *оцѣниваетъ* продукты его съ точки зрѣнія опредѣленныхъ требованій; одна описываетъ, какъ мы *дѣйствительно мыслимъ*, другая указываетъ намъ, какъ мы

¹⁾ Зигвартъ, Лотце. Въ особенно ясной формулировкѣ это нормативное направленіе выражено у Виндельбанда: Прелюдіи.

должны мыслить, если хотимъ достигнуть истины. «Психологическіе законы суть принципы объясняющей науки», законы же логики суть «нормы», т.-е. «правила оцѣнки» ¹⁾. Всякій актъ мышленія стоитъ подъ вліяніемъ этого «двойного законодательства»; съ одной стороны, онъ является естественнымъ продуктомъ нашей психологической жизни, причиной среди другихъ причинъ; съ другой—онъ рассматривается съ точки зрѣнія его отношенія къ системѣ научныхъ цѣлей; логика рассматриваетъ всякій актъ познанія не какъ часть природы, а только какъ одинъ изъ членовъ телеологической организаціи царства истинъ, предоставляя психологіи изслѣдовать вопросъ объ его происхожденіи и причинной зависимости. Какъ принципы оцѣнки, законы логики по существу отличны отъ законовъ психологіи; въ «нормѣ» проявляется практическая, оцѣнивающая сторона нашего я, которая своей телеологической сущностью возвышаетъ ихъ надъ сферой эмпирическихъ законовъ и переноситъ ихъ изъ области относительнаго въ область абсолютнаго.

Этотъ *норматизмъ* ни въ какомъ случаѣ не можетъ спасти логику отъ психологизма именно потому, что онъ въ основѣ своей содержитъ неизбежный *психологизмъ*.

Законы логики, какъ таковые, отнюдь не суть нормы для правильнаго мышленія ²⁾. Какъ всякое теоретическое предложеніе, они могутъ быть *употребляемы* для нормированія, т.-е. для созданія нормативныхъ положеній, но *сами по себѣ*, по своему внутреннему смыслу они суть чисто теоретическія истины. Возьмемъ для примѣра основной законъ логики—законъ тождества: А есть А. Этотъ законъ высказываетъ только, что *содержаніе* какого-либо понятія всегда тождественно съ самимъ собою; онъ не выражаетъ никакихъ требованій и не предъявляетъ къ намъ никакихъ требованій; для того, чтобы правильно мыслить, я долженъ, конечно, слѣдовать этому закону; но *самъ по себѣ онъ вовсе не предполагаетъ моего желанія правильно мыслить*; онъ истиненъ самъ по себѣ, совершенно независимо отъ моихъ желаній. Для того, чтобы правильно *считать*, я тоже долженъ слѣдовать алгебраическимъ законамъ; изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что алгебраическіе законы суть *нормы правильнаго счета*. Всякій

¹⁾ Windelband. Präludien, III Aufl. 257.

²⁾ Log. Unters. В I, 155—167.

алгебраическій законъ можетъ превратиться въ норму для правительнаго счисленія; но самъ по себѣ онъ остается чисто теоретическимъ закономъ, не содержащимъ въ себѣ никакой мысли нормированія. «Нужно строго различать, говоритъ Гуссерль,—законы, которые только *служатъ* для нормированія, и правила, которыя *сами содержатъ* мысль объ этомъ нормированіи». Всякое теоретическое предложеніе можетъ получить нормативную формулировку, оставаясь по существу чисто теоретическимъ. «Логическіе законы отнюдь не представляютъ исключенія изъ этого правила» ¹⁾. Нельзя просматривать разницу между «*собственнымъ содержаніемъ*» закона и его «*практическимъ примѣненіемъ*». Логическіе законы сами по себѣ не суть нормы, а только могутъ *служить* въ качествѣ нормъ для нашихъ психическихъ процессовъ; они ни въ какомъ случаѣ не являются законами для психического ²⁾; будучи таковыми, они должны были бы предполагать психическое бытіе, и ихъ познаніе зависѣло бы отъ познанія этого бытія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и истинность логики—отъ истинности психологіи. Всякая формулировка логическихъ законовъ *только* какъ правилъ для нормированія психическихъ процессовъ ³⁾ ведетъ поэтому неизбѣжно къ психологизму; ибо для того, чтобы знать, какъ мы должны мыслить, намъ нужно прежде знать, какъ мы дѣйствительно мыслимъ. Законы для психического имѣютъ неизбѣжно психологическую фундировку. Такимъ образомъ «нормативная логика» не только не разрушаетъ психологизма, но неизбѣжно ведетъ къ нему.

Мы уже сказали, что психологиста мало привести ad absurdum, надо въ корнѣ разрушить его основныя тенденціи, выражающіяся въ требованіи примѣненія методовъ естественно-научнаго изслѣдованія къ процессамъ познанія истины. Примитивное философское сознаніе (а на этой ступени именно и стоитъ психологизмъ) не знаетъ иныхъ предметовъ, кромѣ дѣйствительныхъ, и не умѣетъ относиться къ нимъ иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія естественно научнаго объясненія. Предметомъ теоріи познанія является наука и ея идеальные законы; но для психологиста

¹⁾ Стр. 157.

²⁾ Log. Unters. В I, 69—74.

³⁾ Виндельбандъ формулируетъ понятіе нормы слѣд. образомъ: „Eine Norm ist eine bestimmte, durch die Naturgesetze des Seelenlebens herbeizuführende Form der psychischen Bevegung“. Präludien. S. 263.

наука превращается въ «комплексъ психическихъ переживаній» ¹⁾, а ея законы—въ «абстракціи отъ фактическихъ процессовъ мышленія» ²⁾. Отрицаніе всего истинно идеальнаго, стремленіе къ природѣ, къ дѣйствительности, къ «естественному» есть основная тенденція психологизма.

Эти эмпирическія тенденціи его являются результатомъ одного изъ самыхъ опасныхъ психологическихъ предразсудковъ, противъ котораго возставалъ уже Bolzano и позднѣе боролся съ успѣхомъ Herbart.

Для поддержанія своихъ взглядовъ психологистъ всегда ссылается на фактическое содержаніе логики. О чемъ въ ней постоянно идетъ рѣчь? О сужденіяхъ, понятіяхъ, заключеніяхъ, основаніяхъ и т. д. Развѣ все это не психическіе факты, не душевныя переживанія? Всюду находимъ мы въ логикѣ психическія дѣятельности или ихъ продукты, какъ объекты практическаго нормированія. Какъ можетъ быть оправдано стремленіе къ «очищенію» логики отъ психологіи, если логика, «поскольку она вообще есть наука, является только частью или вѣтвью психологіи?» «Своими теоретическими основаніями она вполне обязана психологіи и именно психологіи познанія».

Какъ бы ни казалось все это очевиднымъ, оно *должно* быть ложнымъ; этому учатъ нелѣпыя слѣдствія, неизбѣжно сопряженные съ психологизмомъ, на которыя мы указывали уже выше. Но теперь дѣло не въ слѣдствіяхъ, а наоборотъ въ самыхъ основаніяхъ, въ предпосылкахъ. Логика, конечно, трактуетъ о сужденіяхъ, заключеніяхъ, о разумѣ и разсудкѣ; однако, «будетъ глубокимъ заблужденіемъ, если на этомъ основаніи будутъ ожидать въ логикѣ изслѣдованій о томъ, по какимъ *душевымъ законамъ* происходитъ... наше мышленіе» ³⁾. Законы, по которымъ протекаетъ наша душевная дѣятельность, отнюдь не тождественны съ логическими законами; уже наличность логически неправильнаго, т.-е. несогласнаго съ этими законами мышленія ⁴⁾, свидѣ-

¹⁾ Heymans. S. 23.

²⁾ Тамъ же, стр. 52, 59.

³⁾ Herbart. Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie. В IV, S. 67 der Gesamtausgabe v. Kehrbach.

⁴⁾ Правда, Геймансъ, возражая Гуссерлю, отрицаетъ вообще фактъ неправильнаго мышленія, стараясь доказать, что неправильное мышленіе есть въ сущности незаконченное „лѣнивое“ мышленіе; онъ отрицаетъ возможность

тельствуетъ объ этомъ. Но даже и въ томъ случаѣ, если бы мы не были въ состояніи мыслить иначе, чѣмъ логически, если бы мы достигли того идеальнаго совпаденія «обоихъ законодательствъ», которое Виндельбандъ ¹⁾ считаетъ цѣлью человѣческаго развитія, тогда «сознаніе нормы» будетъ единственной причиной опредѣленія нашихъ мыслительныхъ и волевыхъ процессовъ, — даже тогда законы логики и этики не будутъ совпадать съ естественнымъ закономъ нашего мышленія и хотѣнія. Нельзя смѣшивать «содержаніе закона» съ фактомъ признанія его въ сознаніи, съ фактомъ «сужденія о немъ» ²⁾; послѣднее есть психическая реальность и, какъ таковая, въ качествѣ «мотива мышленія» можетъ причинно обуславливать нашу психическую жизнь *согласно* съ содержаніемъ закона. Само же содержаніе, та истина, которая «должна быть доведена до сознанія», отнюдь не есть психическая реальность и ни въ коемъ случаѣ не можетъ стать звеномъ въ цѣпи психическихъ причинъ. Такъ же, какъ механическіе законы, по которымъ протекаетъ счетъ въ счетной машинѣ не тождественны съ самими законами счета, такъ же и механизмъ нашего мышленія отнюдь не тождественъ съ логическимъ схематизмомъ.

Съ точки зрѣнія психологизма математическіе законы точно также должны бы были быть психологическими законами ³⁾. Въдѣ число дано намъ только въ процессахъ считанія; сложеніе, вычитаніе, дифференцированіе и интегрированіе производятся тоже черезъ посредство нашей психической дѣятельности; однако, никому не придетъ въ голову превратить на этомъ основаніи дифференціальное исчисленіе въ отдѣлъ психологіи. «Математикъ только улыбнется, если ему пожелаютъ навязать психологическія изысканія, якобы способствующія его изслѣдованіямъ». «Съ процессами счета и съ ариѳметическими операціями, какъ фактами, какъ временно опредѣленными психическими актами,

сознательной логической неправильности (стр. 66—67). Суть дѣла отъ этого мало мѣняется. Безсознательно-неправильное заключеніе *логически* остается все-таки неправильнымъ заключеніемъ, и ложная предпосылка, хотя бы она была сдѣлана безсознательно, всегда остается ложной. Фактъ не психологически, а логически неправильнаго мышленія остается непоколебленнымъ этимъ психологическимъ анализомъ неправильности.

1) Windelband. Präludien. Normen und Naturgesetze. S. 284—285.

2) Log. Unters. S. 66; 67—68; 71; 75.

3) Тамъ же S. 168—169.

имѣтъ дѣло, разумѣтся, психологія. Она есть эмпирическая наука о психическихъ фактахъ вообще. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ ариѳметикой. Область ея изслѣдованій извѣстна; она вполне опредѣлена посредствомъ извѣстнаго намъ идеальнаго ряда: 1, 2, 3... Объ индивидуальныхъ фактахъ, о временной опредѣленности нѣтъ въ этой области никакой рѣчи». «Число 5 отнюдь не совпадаетъ съ моимъ или чьимъ-нибудь инымъ актомъ считанія 5-ти» ¹⁾. Число есть внѣвременное, идеальное единство, совершенно независимое отъ чьего бы то ни было сознанія. Математика создаетъ не мои акты считанія, а самыя числа, какъ идеальныя единства, мы сказали бы, какъ развѣтвленія математическихъ категорій. Точно также и логика не имѣтъ никакого дѣла съ моими сужденіями о законахъ истины, а только съ самими этими законами. Не актъ познанія истины интересуется логику, а сама истина, какъ таковая, и ея идеальныя законы.

Основная ошибка всякаго психологизма состоитъ въ томъ, что онъ относится къ истинѣ какъ къ психическому факту, смѣшивая истинный смыслъ сужденія, его содержаніе съ самымъ актомъ сужденія. Здѣсь лежитъ источникъ всѣхъ его заблужденій; отсюда проистекаютъ и всѣ его эмпирическія требованія. Если истина есть фактъ, то она и должна быть изслѣдуема какъ фактъ, т.-е. методомъ эмпирическихъ наукъ.

Нѣтъ ничего абсурднѣе, съ точки зрѣнія Гуссерля, какъ придавать истинѣ характеръ факта ²⁾. Фактическій характеръ имѣтъ только наше познаніе истины, отнюдь не сама истина. Всякій фактъ имѣтъ временный индивидуальный характеръ; онъ возникаетъ и исчезаетъ, онъ можетъ стоять въ причинной связи съ другими фактами; онъ самъ явился, какъ результатъ нѣкоторыхъ реальныхъ условій, и въ свою очередь является условіемъ для другихъ фактовъ; онъ является звеномъ въ безконечной цѣпи причинъ и слѣдствій и подчиненъ закону желѣзной необходимости естественнаго развитія. Все это звучитъ полнымъ абсурдомъ въ примѣненіи къ понятію истины; она не есть нѣчто временное, не можетъ служить причиной чего-нибудь, не можетъ ни возникнуть, ни уничтожиться. Сумма двухъ угловъ въ теугольникѣ всегда равна была двумъ прямымъ, даже тогда,

¹⁾ Стр. 170.

²⁾ Стр. 119.

когда родъ человѣческій еще ничего не зналъ ни о треугольникахъ, ни о прямыхъ углахъ,—и всегда будетъ равна имъ. Это положеніе никогда не можетъ потерять своего истиннаго характера въ примѣненіи къ трехмѣрному пространству; могутъ исчезнуть всѣ существа, созерцающія вещи въ этомъ пространствѣ, вмѣстѣ съ ними можетъ исчезнуть и сама эта форма (допустимъ это!), та истина, что въ трехмѣрномъ пространствѣ сумма угловъ въ треугольникѣ равна $2d$ никогда не можетъ потерять своего значенія.

Едва ли кто-нибудь станетъ серьезно утверждать, что истинность закона Ньютона возникла только тогда, когда онъ его открылъ, что до него этотъ законъ не былъ истиннымъ ¹⁾. Возникать и исчезать можетъ только актъ познанія истины, не сама истина. Истинность сужденія: $2 \times 2 = 4$ не возникаетъ и не исчезаетъ вмѣстѣ съ появленіемъ въ моей головѣ этого сужденія; послѣднее вызвано во мнѣ опредѣленными условіями, создано опредѣленными причинами по законамъ моей психики. Истина же стоитъ внѣ сферы дѣйствія закона причинности; въ приложеніи къ ней онъ теряетъ всякій смыслъ; причинно обусловлены лишь мои *переживанія*, но отнюдь не истинность высказываемыхъ мною суждений; она можетъ быть логически обоснована, но ни въ какомъ случаѣ не причинно обусловлена. Истина не содержится во мнѣ и не зависитъ отъ меня или отъ моей организаціи; это ясно уже изъ того, что есть цѣлый рядъ истинъ, о которыхъ мы еще ничего не знаемъ, а можетъ быть и никогда не узнаемъ, такъ какъ онѣ превосходятъ силу нашего познанія. Возможно, что другія существа, иначе устроенныя, имѣютъ большій познавательный кругозоръ, что они могутъ схватывать такія истины, которыя намъ совершенно недоступны. Тѣмъ не менѣе тѣ истины, очевиднымъ познаніемъ которыхъ мы обладаемъ, не могутъ потерять своего истиннаго характера, не могутъ стать ложными, кто-бы ихъ ни познавалъ,—люди, ангелы или самъ Богъ ²⁾; *то, что истинно, то истинно само по себѣ*, независимо ни отъ какой организаціи. Возможны, конечно, существа, для которыхъ наши истины окажутся недоступными и которыя имѣютъ, если не меньшій, то, по крайней мѣрѣ, совершенно иной логическій кру-

¹⁾ Стр. 128.

²⁾ Стр. 117.

гозоръ; это не значить, что тѣ истины, которыя для насъ имѣютъ очевидное значеніе, становятся для нихъ ложными; они просто не имѣютъ о нихъ никакого представленія.

Вообще, истина существуетъ не для *кого-нибудь*; это лишь неправильный способъ выраженія; *истина есть истина сама по себѣ*; она есть *идеальное логическое единство*, свободное отъ всякаго отношенія къ какой бы то ни было познавательной организации, свободное вообще отъ обязательнаго отношенія къ познающему субъекту ¹⁾. Въ существѣ ея вовсе не лежитъ *требованіе* быть сознанной и познанной; въ ней заключается только «*возможность реализоваться въ актахъ познанія*»; но она отнюдь не выражаетъ *требованія и долженствованія* этой реализации.

Съ этой точки зрѣнія рушится ученіе объ истинѣ, какъ *цѣнности*. Въ основѣ этого ученія неправильный взглядъ на сущность сужденія, какъ на «признаніе цѣнности», какъ на оцѣнку. Всякое сужденіе, являясь съ одной стороны теоретической связью нашихъ представленій, включаетъ въ себя, согласно этому ученію, съ другой стороны, поскольку оно претендуетъ на истину, оцѣнку, и такимъ образомъ та «практическая сторона нашего я», которая проявляется въ нормѣ, участвуетъ и во всякомъ сужденіи. Это ученіе Виндельбанда ²⁾ о практической сущности сужденія ³⁾ легло въ основу риккертской теоріи познанія, согласно которому познаніе есть «признаніе или отрицаніе» трансцендентной цѣнности ⁴⁾; поэтому абсолютная цѣнность истины въ формѣ «*трансцендентнаго долженствованія*» обнаруживается во всякомъ сужденіи, являясь его трансцендентальной основой. Къ сущности всякаго сужденія, къ его логическому «*смыслу*» принадлежитъ занятіе опредѣленной позиціи ⁵⁾ къ этой трансцендентной цѣнности. Эта цѣнность есть предметъ познанія, есть истина, есть трансцендентное долженствованіе. Нормативное направленіе достигаетъ въ Риккертѣ своего апогея. Въ его системѣ находитъ выраженіе и завершеніе старая платоновская мысль о приоритетѣ «высшаго блага» надъ бытіемъ и истиной ⁶⁾.

1) См. стр. 100, 117, 131, 184 ff.

2) Зачатки его мы находимъ уже у Зигварта въ его ученіи объ отрицаніи и у Б. Эрдмана.

3) Windelband. Präludien. Was ist Philosophie. S. 31—33.

4) Rickert. Gegenstand der Erkenntniss. Kap. III, § III, IV und Kap. IV, § I.

5) Stellungnahme zu einem Werthe.

6) Plato. Republik. VI, 509 B.

Истина является одной изъ разновидностей моральнаго долга. Практическая, моральная воля «логически предшествуетъ волѣ къ истинѣ ¹⁾. Истина есть абсолютная цѣнность *κατ'ἐξοχήν*; на мѣсто ея теоретической сущности-значимости ставится ея практически-моральная сущность-цѣнность.

Съ точки зрѣнія Гуссерля мы должны отнести риккертовскую теорію познанія къ психологическимъ направлєніямъ. Психологизмъ Риккерта скрытъ въ его предпосылкахъ и прежде всего въ ученіи объ сужденіи, какъ оцѣнкѣ. Оцѣнка и цѣнность всегда предполагаютъ *оцѣнивающаго субъекта*, хотя бы въ видѣ «сознанія вообще», истина же *трансцендентна* всякому сознанію; она есть чистая логическая значимость, ни отъ какого сознанія независимое единство. Сама по себѣ она не является цѣнностью; цѣнностью она становится только въ ея *отношеніи* къ признающему и этическому сознанію, причѣмъ это отношеніе не является для нея существеннымъ. По существу своему она *аморальна*; она остается истиной совершенно независимо отъ признанія ся кѣмъ-нибудь, и остается вовсе *не въ видѣ «вѣщія»*, а въ видѣ чисто теоретическаго смысла сужденія, *въ видѣ ея логическаго содержанія* ²⁾. «Истина есть истина сама по себѣ, а не для кого-нибудь». Реальная возможность ея познанія кѣмъ-нибудь, ея реализація въ какомъ-нибудь мыслящемъ субъектѣ является для нея случайнымъ и побочнымъ обстоятельствомъ. Сама по себѣ она является вѣвременноымъ и транссубъективнымъ идеальнымъ

¹⁾ Rickert. Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. S. 697 ff.

²⁾ Ученіе Канта о приматѣ практическаго разума надъ теоретическимъ логически несостоятельно уже по одному тому; что всякое «вѣщіе» практическаго разума, предполагая, съ одной стороны, повинующагося субъекта, предполагаетъ, съ другой стороны, какъ чисто формальный факторъ, нѣкоторое *содержаніе* «вѣщія», какъ чисто *теоретическое* единство. Это содержаніе не можетъ быть *продуктомъ* вѣщія, такъ какъ оно возникаетъ лишь въ дѣятельности субъекта, подчиняющагося этому вѣщію. *Нельзя вѣщать* *признать вѣщіе*; можно только *вѣщать* *осуществить нѣчто* (напр. истину), признавая это вѣщіе. Это *нѣчто* должно быть дано, какъ *идея* теоретическаго разума до всякаго вѣщія, въ качествѣ логическаго идеальнаго единства, подлежащаго реализаціи. Всякое «вѣщіе» должно первоначально *знать, что оно вѣщитъ*; безъ этого *теоретическаго* знанія объекта вѣщія *логически* *немыслимъ* самъ актъ вѣщія и, слѣдовательно, безъ теоретическаго разума—практическій. «Трансцендентный долгъ» повелѣваетъ намъ реализовать истину; для этого должно быть дано *теоретическое* различіе между истиной и ложью, иначе его вѣщіе будетъ пустой формальной тавтологіей.

единствомъ; она обладаетъ идеальнымъ бытіемъ—значимостью въ логическомъ царствѣ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ идей. Она не «существуетъ» нигдѣ, ни въ мірѣ, ни въ какомъ-нибудь *Τόπος οὐράνιος*, ни въ божественномъ духѣ; она не витаетъ «гдѣ-то въ пустотѣ», а принадлежитъ къ области «абсолютныхъ логическихъ значимостей», «къ безвременному царству вѣчныхъ и неизмѣнныхъ идей» ¹⁾, въ которомъ міръ со всѣми перипетіями своей вѣчной измѣняемости находитъ свое идеальное отраженіе. «Если нѣтъ никакихъ мыслящихъ существъ, если они вообще исключены порядкомъ вещей и, слѣдовательно, реально невозможны—или если для опредѣленнаго класса истинъ нѣтъ существъ, которыя были бы способны ихъ познать—тогда остаются эти идеальныя возможности безъ выполненной дѣйствительности; тогда схватываніе, познаніе, сознаваніе истинъ нигдѣ и никогда не реализуется. Но всякая истина сама по себѣ остается тѣмъ, что она есть, сохраняетъ свое идеальное бытіе» ²⁾.

Итакъ, истина не есть продуктъ субъективной дѣятельности; субъективны только наши процессы познанія, тѣ акты, которые сообщаютъ смыслъ нашимъ переживаніямъ. Сама истина, какъ идея, лежитъ внѣ сферы всякаго сознанія, будь оно индивидуальнымъ или общимъ—все равно. Въ этомъ лежитъ великая заслуга Гуссерля въ теоріи познанія, что онъ освободилъ истину не только отъ индивидуальной субъективности, но и отъ пресловутаго «сознанія вообще». «Постоянная ссылка,—говоритъ Гуссерль,—на идеальное сознаніе возбуждаетъ непріятное чувство, какъ будто логическіе законы въ сущности обладаютъ значеніемъ только для этого *фиктивного*, идеальнаго случая, вмѣсто эмпирически данныхъ единичныхъ случаевъ». Истины сами по себѣ «не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ этому идеалу» ³⁾.

Теперь возникаетъ вопросъ, какъ можетъ истина, сознанію трансцендентная, отъ него абсолютно независимая, неизмѣнная, вступать въ какія бы то ни было отношенія къ сознанію? Какъ можемъ мы своими актами познанія «схватывать» ее, если она въ нихъ никогда не содержится? Какъ можетъ нѣчто трансцендентное «войти» въ наше сознаніе? Какъ мы можемъ «переживать» его? Абсолютная транссубъективность истины дѣлаетъ не-

¹⁾ Log. Unters. В. I, 130.

²⁾ Стр. 130.

³⁾ Стр. 100.

возможнымъ ея познаніе! Вѣдь входя въ область сознанія, она перестаетъ быть ему трансцендентной, слѣдовательно, мѣняетъ свою сущность! Но вѣдь мы допустили, что истина абсолютно неизмѣнна и вѣчно трансцендентна!

Однако, это возраженіе, которое погубило философію Платона, отнюдь не касается системы Гуссерля. Мы спрашиваемъ прежде всего: О какомъ отношеніи вы говорили? Какого «схватыванія» вы желаете? Не есть ли это «схватываніе» лишь образный способъ выраженія? Никакого *реальнаго* отношенія между истиной и актомъ познанія нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ истина не есть трансцендентная реальность. Надо умѣть ставить вопросы. Въ данномъ случаѣ вопросъ лишенъ всякаго смысла; нельзя спрашивать о *реальномъ* отношеніи тамъ, гдѣ оно вообще невозможно. Какимъ, на примѣръ, образомъ четыре лошадиныхъ ноги «схватываютъ» самое число 4? Какой смыслъ имѣетъ въ данномъ случаѣ самый вопросъ нашъ о «схватываніи», «вхожденіи» и т. д.? Никакого. Между четырьмя какими-нибудь предметами и числомъ 4 нѣтъ никакого *реальнаго* отношенія, ни о какомъ *схватываніи* здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Однако, отношеніе между содержаніями этихъ понятій существуетъ; только оно не есть реальное, а исключительно логическое, какое существуетъ вообще между родомъ и видомъ. Четыре предмета суть всегда частный случай общаго понятія четырехъ, такъ же какъ опредѣленный нюансъ краснаго цвѣта есть частный случай «краснаго вообще»; послѣднее «присутствуетъ» въ каждомъ красномъ объектѣ, но только не реально, а логически, такъ же какъ вообще всякое *species* «присутствуетъ» въ своемъ индивидуальномъ предметѣ. Въ томъ же смыслѣ и истина присутствуетъ и схватывается актомъ познанія; отношеніе между истиной и моимъ сужденіемъ точно такое же, какъ отношеніе между «краснымъ вообще» и отдѣльнымъ индивидуальнымъ моментомъ краснаго. «Истину мы не схватываемъ, какъ всякое другое эмпирическое содержаніе, которое всплываетъ и снова исчезаетъ въ процессѣ психическихъ переживаній; она не есть феноменъ среди другихъ феноменовъ; она является переживаніемъ въ томъ совершенно иномъ смыслѣ, въ какомъ вообще *общее, идея* можетъ быть переживаніемъ. Мы сознаемъ ее такъ же, какъ, на примѣръ, сознаемъ красное вообще въ общемъ сознаніи» ¹⁾. Истина есть «идея»;

¹⁾ Стр. 128.

она занимаетъ небольшой уголокъ въ обширномъ царствѣ общихъ предметовъ; поэтому о реальномъ отношеніи ея къ актамъ нашего познанія не можетъ быть и рѣчи; она не принадлежитъ къ области реальныхъ предметовъ; истина не есть дѣйствительность, такъ же какъ красный цвѣтъ вообще, сознаніе вообще не есть дѣйствительность.

«Истина есть идея» ¹⁾. Это положеніе является центральнымъ пунктомъ гуссерлевской философіи. Здѣсь лежитъ то «принципіально новое», что вноситъ Гуссерль въ логику. Какъ все принципіально новое, оно есть только начало и далеко не свободно отъ противорѣчій.

Въ этомъ положеніи антипсихологизмъ достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта; но въ немъ же заключаются уже и элементы обратнаго паденія къ психологизму. Гуссерль самъ еще далеко не свободенъ отъ упрека въ психологизмъ; и эта *психологическая опасность*, которой до сихъ поръ не избѣгала ни одна теорія познанія, встрѣчаетъ его именно въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ, казалось бы, былъ болѣе всего далекъ отъ нея—въ его геніальномъ ученіи объ «идеяхъ».

Для уясненія его теоріи истины или «чистой логики», какъ онъ ее называетъ, мы должны сдѣлать довольно длинное отступленіе въ самыя глубины его философскаго труда—въ его ученіе объ интенціональныхъ предметахъ и объ идеяхъ.

Интенціональная теорія является въ наше время преобладающимъ теченіемъ въ гносеологіи. Раздвоенность между познаніемъ и его предметомъ, между наукой и бытіемъ, между истиной и дѣйствительностью въ той или иной формѣ признается большинствомъ гносеологическихъ системъ. Философія тождества имѣетъ въ наши дни мало сторонниковъ ²⁾. Въ современной

1) В. I. Стр. 128—130; 187; 190 и др. В. II, 594 ff и др.

2) Только недавно появившееся произведеніе Palàgyi, Logik auf dem Scheidewege, становится въ принципіальное противорѣчіе ко всякому «дуализму» въ теоріи познанія и въ частности къ интенціональной теоріи. Несмотря на психологистическіе и метафизическіе элементы, въ изобиліи имѣющіеся въ этомъ выдающемся произведеніи, оно представляетъ большой гносеологическій интересъ своимъ ярко-выраженнымъ монизмомъ. Своимъ основнымъ монистическимъ принципомъ «единенія истины и дѣйствительности въ Богѣ» оно вводитъ элементы давно забытой шеллинговой философіи тождества въ современную гносеологію. Къ сожалѣнію, Palàgyi считается только съ психологической теоріей интенціональности, поскольку она нашла свое выра-

теоріи познанія господствуетъ кантовскій дуализмъ: дуализмъ формы и содержанія, дуализмъ чувственности и разсудка, науки и природы, истины и познанія и т. д. Одной изъ формъ проявленія этого общаго дуалистическаго направленія современной логики (которое имѣетъ свои глубокіе корни въ исторической традиціи и глубокія причины въ научныхъ интересахъ нашего времени) является и интенціональная теорія, т.-е. теорія раздвоенности и «направленности» акта познанія на его предметъ. Обыкновенно она является молчаливо допущенной предпосылкой при изслѣдованіяхъ; иногда—побочнымъ результатомъ этихъ изслѣдованій, какъ у истинныхъ трансценденталистовъ, напримѣръ, у Когена. Но рѣдко выставляется она, какъ принципіальная точка зрѣнія, какъ дѣйствительная, вполне сознательная теорія. Таковой является она, напримѣръ, у Brentano.

Существеннымъ элементомъ ея представляется ученіе объ объективной направленности психическихъ актовъ. «Всякій психическій феноменъ характеризуется, согласно этой теоріи, тѣмъ, что средневѣковые схоластики называли интенціональнымъ внутреннимъ существованіемъ ¹⁾ предмета и что мы назвали бы теперь отношеніемъ къ содержанію, направленностью на объектъ... имманентной предметностью» ²⁾. При этомъ Brentano оговаривается, что подъ объектомъ «не слѣдуетъ понимать здѣсь реальность». Эта направленность или интенція на объектъ есть во всякомъ психическомъ переживаніи; этимъ моментомъ направленности или интенціи психическіе феномены отличаются отъ всѣхъ другихъ. Воля всегда чего-нибудь хочетъ, представленіе что-нибудь представляетъ, сужденіе о чемъ-нибудь судитъ и т. д. Поэтому Brentano опредѣляетъ психическіе акты, какъ «такіе феномены, которые интенціонально содержатъ въ себѣ предметъ».

Это ученіе Brentano объ интенціональной природѣ психическаго перенесено Гуссерлемъ изъ области психологіи въ область логики; этимъ онъ далъ, съ одной стороны, возможность не психологическаго, а чисто логическаго различенія акта ³⁾ и его пред-

женіе въ психологіи Brentano, и совершенно игнорируетъ попытку Мейнонга и Гуссерля перенести ее на почву теоріи познанія (у Мейнонга Gegenstandstheorie) и логики.

¹⁾ Intentionale Inexistenz.

²⁾ Brentano. Psychologie I, 115.

³⁾ Подъ «актомъ» Гуссерль разумѣетъ всякое интенціональное переживаніе.

мета, а съ другой—создалъ себѣ право примѣнить теорію интенціональности къ логическому царству чистыхъ истинъ; этимъ онъ положилъ начало ученію объ *интенціональности высшаго порядка*, гдѣ *полюсами интенціи* являются не психическій актъ и его объектъ, а идеальная наука и идеальное бытіе ¹⁾).

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться здѣсь на его интенціональной теоріи и интенціональномъ методѣ; поэтому мы ограничимся лишь передачей наиболѣе существенныхъ моментовъ его теоріи предметовъ вообще и идеальныхъ предметовъ въ особенности. Въ этомъ отношеніи интересна параллель съ Кантомъ.

Для Канта предметъ есть продуктъ синтеза многообразнаго матеріала въ формахъ созерцанія и мышленія; оба момента для него одинаково необходимы; пустое категоріальное мышленіе не даетъ еще объекта; категорія должна быть *схематизирована*, т-е. посредствомъ схемы времени должна быть направлена на многообразіе чистаго чувственнаго матеріала; лишь тогда являются для Канта выполненными всѣ необходимыя *формальныя* условія возможности предмета; однако, они создаютъ пока лишь *возможный* предметъ; объектъ долженъ быть поставленъ въ связь съ *матеріальными* условіями опыта, лишь тогда онъ сдѣлается для Канта *настоящимъ предметомъ*. Предметъ долженъ быть *заданъ* или, какъ выражается Когенъ, «*указанъ*» намъ ощущеніемъ ²⁾), чтобы онъ получилъ для насъ значеніе *дѣйствительнаго предмета*. Въ дѣйствительности и природы для Канта нѣтъ предметовъ; *понятіе предмета* совпадаетъ у него съ понятіемъ *дѣйствительнаго, реальнаго объекта* ³⁾); поэтому сама реальность, само время и т. д. отнюдь не могутъ быть предметами, ибо не могутъ быть мыслимы въ категоріяхъ.

¹⁾ Извѣстная, хотя и минимальная доля психологизма остается въ этомъ ученіи, такъ какъ его исходнымъ пунктомъ служить все-таки психологическая теорія.

²⁾ Само ощущеніе не содержится въ объектѣ, оно только указываетъ намъ на присутствіе объекта, какъ магнитная стрѣлка указываетъ на присутствіе магнита; поэтому ощущеніе и вмѣстѣ съ нимъ категорія дѣйствительности имѣютъ чисто методологическій, а не конструктивный характеръ. Ср. Cohen. Kants Theorie der Erfahrung. 2-te Aufl. 483—493.

³⁾ Оба эти понятія у Канта не совпадаютъ: реальность есть только одна сторона, выдѣленная на дѣйствительномъ предметѣ; реальность есть конститутивная категорія, дѣйствительность—только методологическая; но обѣ необходимы.

Не то для Гуссерля. Онъ не подразумѣваетъ подъ предметомъ обязательно реальный объектъ; понятіе предмета не покрывается для него понятіемъ реальности; число «5» есть опредѣленный предметъ, отличный отъ нашего представленія пяти; всякое число мы можемъ складывать, вычитать, логарифмировать, возводить въ степени и т. д. Логарифмировать же свои представленія или понятія есть полный абсурдъ; число есть математическій, а не психологическій предметъ; оно не можетъ быть реальнымъ объектомъ. Подъ предметомъ Гуссерль разумѣетъ все то, что мы имѣемъ въ виду въ актѣ сужденія воспріятія или представленія; то, на что *направленъ* нашъ актъ, что онъ интендируетъ и есть предметъ этого акта—безразлично реальный или нереальный, фиктивный или даже просто абсурдный ¹⁾; онъ никогда не содержится въ актѣ какъ его *реальная составная часть*; онъ *всегда ему трансцендентенъ* ²⁾. Предположимъ, я представляю себѣ бога Юпитера; это значитъ, что я имѣю опредѣленное интенціональное переживаніе, характеризуемое, какъ представленіе; «это интенціональное переживаніе я могу расчленять въ описательномъ ³⁾ анализѣ, какъ мнѣ угодно; чего-нибудь въ родѣ бога Юпитера я въ немъ, разумѣется, не найду: имманентный предметъ не принадлежитъ, слѣдовательно, къ дескриптивному составу моего переживанія» ⁴⁾. Юпитеръ, разумѣется, нигдѣ не существуетъ, и тѣмъ менѣе въ моемъ представленіи. Я могу надѣлять Юпитера самыми разнообразными качествами, напримѣръ, всемогуществомъ, физической силой и т. д.; къ своему представленію, какъ къ психической реальности, я ихъ никакъ не могу отнести.

Несмотря на свою фиктивность, предметъ, который я въ данномъ случаѣ имѣю въ виду, въ основѣ отличенъ отъ моего акта; онъ «присутствуетъ» въ немъ лишь интенціонально, отнюдь не реально. Дѣло нисколько не мѣняется, если предметъ моего интенціональнаго акта не есть фикція; онъ все-таки всегда остается въ основѣ отличнымъ отъ акта; «предметность, вообще говоря, трансцендентна акту» ⁵⁾. То, что я имѣю въ виду, представляя себѣ предметъ, отнюдь не совпадаетъ съ самимъ «актомъ имѣнія

¹⁾ В. II, 353.

²⁾ В. II, Unters. V § II, 14, 20.

³⁾ Deskriptiv.

⁴⁾ В. II, 352.

⁵⁾ В. II, S. 387.

въ виду» и въ немъ не содержится; я могу приписывать предметамъ такіе предикаты, которые въ отношеніи къ моему акту теряютъ всякій смыслъ ¹⁾. Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками; утверждать относительно моего представленія прямой линіи, что оно есть кратчайшее разстояніе, будетъ верхомъ нелѣпости; «субъективное переживаніе не есть то, что въ немъ интенціонально присутствуетъ». Предметъ самъ не принадлежитъ къ переживанію; онъ только *воспринимается*, но не *переживается* и не *создается* ²⁾; это значитъ, что онъ присутствуетъ въ актѣ переживанія только, какъ *интенціональный* предметъ и отнюдь самъ не составляетъ части этого переживанія и не входитъ въ составъ сознательнаго акта. «Міръ никогда не можетъ быть переживаніемъ мыслящаго субъекта. Переживаніемъ является представленіе міра (*das die Welt Meinen*), міръ самъ есть только интенціональный предметъ» ³⁾.

Предметъ всегда трансцендентенъ акту. Однако, эта трансцендентность есть только логическая, а отнюдь не метафизическая; предметъ отличенъ отъ акта не какъ метафизическая сущность, а только какъ логическій субъектъ возможныхъ предикацій, какъ центръ опредѣленныхъ отношеній. *Интенціональное* отношеніе не есть одинъ изъ видовъ *реальнаго* отношенія. О реальномъ отношеніи акта къ предмету, объ ихъ реальномъ взаимодействіи здѣсь и рѣчи быть не можетъ; взаимодействие между моимъ представленіемъ бога Юпитера и самимъ Юпитеромъ, разумѣется, невозможно, такъ какъ бога Юпитера вообще нигдѣ не существуетъ. Интенціональное отношеніе есть особый, совершенно отличный отъ другихъ видъ отношенія; его нельзя свести ни на логическій, ни на причинный, ни на математическій видъ отношенія; его нельзя объяснить, ибо объясненіе есть сведеніе къ болѣе простымъ и понятнымъ намъ элементамъ; мы можемъ только указать на него, описать его, ссылаясь на свои собственные переживанія, но свести его на какой-нибудь другой болѣе намъ извѣстный видъ отношеній—невозможно; оно непосредственно извѣстно намъ изъ собственныхъ переживаній; цѣлый рядъ нашихъ переживаній обладаетъ этой характерной особенностью *относиться къ предмету, имѣя его въ виду*; эта логиче-

¹⁾ Стр. 329.

²⁾ Стр. 327.

³⁾ Стр. 365.

ская проэкція содержанія нашихъ актовъ во внѣ есть основной фактъ нашей жизни и нашего познанія; не признавая его, мы превращаемъ себя въ безжизненные и бессмысленныя тѣла мертвой природы.

«Если насъ спросятъ теперь, какъ нужно понимать, что нѣчто не существующее или трансцендентное можетъ имѣть значеніе интенціональнаго предмета въ актѣ, въ которомъ его вовсе нѣтъ, то на это нѣтъ другого отвѣта, кромѣ того, который мы уже дали и который на дѣлѣ вполнѣ достаточенъ: предметъ есть интенціональный;—это значитъ: у насъ имѣется актъ съ опредѣленнымъ характеромъ интенціи, которая *этой своею опредѣленностью* и дѣлаетъ возможнымъ то, что мы называемъ «интенціей на этотъ предметъ». Отношеніе нашего я (или нашего переживанія) къ предмету есть особенность извѣстныхъ нашихъ переживаній и тѣ переживанія, которыя ее имѣютъ, называются (по опредѣленію) интенціональными переживаніями или актами» ¹⁾.

Формулируемъ сказанное. Предметъ, какъ интенціональный объектъ возможныхъ предикацій, трансцендентенъ акту, въ немъ реально не содержится и въ корнѣ отличенъ отъ него; отношеніе между обоими отнюдь не можетъ быть мыслимо какъ реальное, а только какъ интенціональное, предметъ не «схватывается» актомъ, онъ не переживается и не сознается, онъ только имѣется въ виду, на него направлена наша интенція; это интенціональное отношеніе есть совершенно отличный отъ другихъ видъ отношенія, характеръ котораго намъ непосредственно извѣстенъ изъ собственныхъ переживаній.

Такимъ образомъ, предметъ является для Гуссерля отнюдь не реальнымъ образованіемъ, а чисто логическимъ интенціональнымъ единствомъ; онъ разсматривается имъ только, какъ субъектъ возможныхъ предикацій. Въ этомъ логическомъ смыслѣ предметомъ интенціи можетъ быть въ одинаковой мѣрѣ и реальный, и идеальный, и фиктивный, и даже совершенно абсурдный, «невозможный» предметъ. «*Логически*,—говоритъ Гуссерль,—какія-нибудь семь равныхъ тѣлъ являются въ одинаковой степени семью предметами, какъ и семь мудрецовъ; законъ параллелограмма силъ является въ такой же мѣрѣ *однимъ* предметомъ, какъ и городъ Парижъ». Какъ этотъ предметъ существуетъ и

¹⁾ В. II, 388.

существуетъ ли онъ вообще, съ точки зрѣнія феноменологической логики, совершенно безразлично. Метафизическаго вопроса о сущности предмета Гуссерль не касается; онъ разсматриваетъ его только логически, какъ интенціонально присутствующій въ актѣ субъектъ возможныхъ предикацій; такой субъектъ вовсе не обязанъ быть дѣйствительнымъ объектомъ, онъ можетъ быть чисто идеальнымъ единствомъ, какъ, на примѣръ, всѣ математическіе объекты. Реальные предметы занимаютъ лишь очень небольшую область среди всѣхъ предметовъ извѣстныхъ намъ; одинъ изъ самыхъ вредныхъ научныхъ предразсудковъ—искать предметности только въ области реального; большинство предметовъ, которые мы знаемъ, именно не реальны, а идеальны.

Все царство идеальныхъ предметовъ распадается въ свою очередь на двѣ области: 1) идеальные *единичные* предметы, какъ, на примѣръ, математическія числа, логическіе законы и т. д., или 2) на идеальные *общіе* предметы, какъ, на примѣръ, число вообще, цвѣтъ вообще и т. д. Нашъ интенціональный актъ можетъ быть направленъ, либо на отдѣльныя реальныя вещи или на единичные идеальные предметы, какъ, на примѣръ, въ сужденіи: Сократъ человекъ, или 4 есть четное число; либо на общіе предметы, какъ, на примѣръ, въ сужденіи: человекъ смертенъ, или всѣ логическіе законы апріорны; въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду не отдѣльнаго человека и не отдѣльный логическій законъ, а общее понятіе ихъ—«идею».

Ученіе Гуссерля объ общихъ предметахъ или «идеяхъ» составляетъ наиболѣе оригинальную часть его «Логическихъ изслѣдованій» ¹⁾. Въ этомъ пунктѣ онъ близко подходитъ къ Платону. Можно сказать, что въ лицѣ Гуссерля логика отъ Аристотеля снова возвращается къ принципамъ платонизма, лишь очистивъ и освободивъ его отъ наивностей древняго способа мышленія, просѣявъ его, такъ сказать, сквозь сито современной гносеологіи; въ этомъ соединеніи современной теоріи познанія съ величайшей системой древности, въ соединеніи, которое оказывается одинаково плодотворнымъ какъ для той, такъ и для другой, освобождая первую отъ всякаго психологизма, а вторую отъ ея метафизическаго реализма, заключается безусловно оригинальная черта логики Гуссерля.

¹⁾ В. II, S. 106—221.

Ученіе Гуссерля объ общихъ предметахъ отличается отъ Платона только своею рѣзко выраженной идеальностью; это, конечно, много и даже очень; пожалуй это есть принципиальное отличіе; и тѣмъ не менѣе оно не уничтожаетъ внутренняго родства обѣихъ системъ въ другихъ не менѣе существенныхъ отношеніяхъ. Ихъ противоположность эмпирическимъ теоріямъ абстракціи, ихъ взглядъ на образованіе общихъ понятій, которыя по мнѣнію обоихъ образуются лишь на основѣ эмпирическихъ представленій, но отнюдь не изъ нихъ, ихъ ученіе о трансцендентности идей—настолько сближаютъ ихъ на почвѣ противоположности взглядамъ противныхъ ученій, что дѣлаютъ ихъ системы родственными по существу.

Методъ, которымъ Гуссерль приходитъ къ утвержденію трансцендентности и идеальности общихъ понятій, остается тѣмъ же самымъ методомъ интенцій, если его можно такъ назвать, т.-е. онъ разсматриваетъ общее понятіе, какъ предметъ интенціональнаго акта, онъ анализируетъ наше представленіе этого предмета не съ точки зрѣнія того, что въ немъ реально содержится и что является объектомъ психологическаго анализа, а съ точки зрѣнія того, что актъ имѣетъ въ виду, что онъ интендируетъ; его интересуется не реальная конструкція нашихъ актовъ, а только ихъ интенціональное отношеніе къ предметамъ, которые реально въ нихъ никогда не заключаются. Этимъ методомъ пользуется Гуссерль и въ своемъ ученіи объ идеяхъ.

Предположимъ, что мы разсматриваемъ какой-нибудь красный предметъ; направляя свое вниманіе на моментъ окраски даннаго предмета, мы можемъ выдѣлить его изъ ряда другихъ свойствъ того же предмета и сдѣлать его самостоятельнымъ объектомъ нашего интенціональнаго акта, самостоятельнымъ въ томъ смыслѣ, что мы дѣлаемъ его и притомъ только его, внѣ его отношенія къ другимъ моментамъ, субъектомъ возможныхъ предикацій; относительно этого момента окраски мы можемъ высказывать опредѣленные сужденія *индивидуальнаго* и *временнаго* характера; мы можемъ утверждать, напримѣръ, что данная окраска подъ вліяніемъ опредѣленныхъ химическихъ воздѣйствій можетъ исчезнуть и превратиться въ другую. То, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду, есть опредѣленный индивидуальный, въ данномъ мѣстѣ и въ данное время существующій моментъ; онъ входитъ въ число признаковъ, реально конституирующихъ ле-

жащій передъ нами предметъ; онъ можетъ возникнуть, можетъ исчезнуть, можетъ превратиться во что-нибудь другое.

Но на основѣ воспріятія того же предмета у насъ можетъ возникнуть актъ совершенно иного характера. Имѣя передъ собою тотъ же самый предметъ и обращая свое преимущественное вниманіе на моментъ его окраски, мы можемъ имѣть въ виду не данный, здѣсь и теперь присутствующій индивидуальный моментъ краснаго цвѣта, а красный цвѣтъ вообще, *идею краснаго*, по отношенію къ которой данный моментъ является частнымъ случаемъ ея.

То, что мы имѣемъ въ виду въ первомъ случаѣ, совершенно отлично отъ того, что мы имѣемъ въ виду во второмъ; предметъ перваго акта, этотъ не самостоятельный, однако реально во времени данный моментъ краснаго является такъ же, какъ и конкретное цѣлое, чѣмъ-то индивидуальнымъ, нѣкоторымъ теперь и здѣсь, вмѣстѣ съ нимъ возникающимъ и исчезающимъ, въ различныхъ красныхъ объектахъ *сходнымъ*, но не тождественнымъ. Сама же «краснота» (*die Röte*) (предметъ второго акта) есть нѣкоторое идеальное единство, абсолютно тождественное съ самимъ собой, говорить о возникновеніи и уничтоженіи котораго было бы *противорѣчіемъ*¹⁾. Существуютъ лишь конкретные предметы, индивидуальныя вещи; общіе предметы не могутъ обладать никакимъ реальнымъ бытіемъ ни въ предметѣ, ни внѣ предмета, ни въ сознаніи, ни внѣ сознанія. «Конкретный предметъ отнюдь не содержитъ въ себѣ идею, какъ часть». Человѣкъ вообще не содержится въ отдѣльномъ конкретномъ человѣкѣ, какъ его реальная составная часть; въ отдѣльномъ человѣкѣ *все* конкретно и *все* индивидуально; всѣ его реальныя составныя части *исчезаютъ* вмѣстѣ съ нимъ; въ немъ *все* преходящее, въ немъ нѣтъ ничего вѣчнаго, неизмѣннаго, ничего «общаго». Человѣкъ вообще, какъ содержаніе нашего общаго понятія о человѣкѣ, не можетъ исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этого отдѣльнаго человѣка; поэтому нельзя сказать, что «человѣкъ вообще» есть *общій контуръ* человѣка, совокупность его существенныхъ признаковъ; *поскольку они даны въ отдѣльномъ человѣкѣ*; именно поскольку они даны въ отдѣльномъ человѣкѣ, они и являются всегда чѣмъ то индивидуальнымъ и

¹⁾ В. I, 128.

преходящимъ; общее же вѣчно, поэтому никогда не можетъ реально содержаться въ конкретномъ предметѣ. Реальное гипостазированіе общаго внѣ сознанія абсолютно невозможно ¹⁾).

Въ одинаковой мѣрѣ невозможно и психологическое гипостазированіе общаго въ самомъ нашемъ сознаніи, въ видѣ обобщенныхъ картинъ, созданныхъ путемъ отдѣленія и абстракціи ряда признаковъ отъ ихъ конкретной основы. Такое пониманіе общаго давно разрушено уже изслѣдованіями Юма и Бёркли; оно дѣлаетъ невозможнымъ большую часть нашихъ общихъ понятій; нельзя представить себѣ въ видѣ особой картины треугольника вообще; такой треугольникъ долженъ бы былъ быть ни остро, ни тупо, ни прямоугольнымъ, ни большимъ, ни маленькимъ; какъ представленіе онъ абсолютно невозможенъ.

Въ одинаковой мѣрѣ несостоятельна и миллевская «теорія абстракціи черезъ вниманіе». Она, послѣдовательно проведенная, приводитъ къ отрицанію «общаго». Слѣдуя ей, мы должны принять, что понятіе общаго возникаетъ въ насъ тогда, когда мы при помощи функціи *вниманія* выдѣляемъ на данномъ предметѣ рядъ признаковъ и дѣлаемъ ихъ объектомъ своего исключительнаго интереса; производя такую операцію, мы тѣмъ самымъ освобождаемъ данный комплексъ признаковъ отъ индивидуализирующаго ихъ соединенія съ рядомъ другихъ признаковъ и получаемъ въ результатѣ «общее». Такъ ли это? Получаемъ ли мы посредствомъ такого выдѣленія на данной конкретной основѣ ряда моментовъ или одного момента нѣчто общее? Ни въ какомъ случаѣ. Мы можемъ анализировать данный предметъ или данное представленіе какъ угодно, выдѣлять на немъ какія угодно моменты—ничего «общаго» мы въ нихъ не найдемъ ²⁾). Каждый признакъ, каждый искусственно выдѣленный нами изъ конкретного предмета моментъ, является всегда чѣмъ-то индивидуальнымъ, здѣсь и теперь существующимъ, вмѣстѣ со своимъ предметомъ возникающимъ и исчезающимъ; его отдѣленіе отъ конкретной основы, хотя бы только мнимое, только въ актѣ абстрагирующаго вниманія произведенное, не превращаетъ его въ содержаніе общаго понятія, въ неизмѣнную идею, не можетъ сообщить ему характера безвременности, вѣчности.

¹⁾ В. II, 121.

²⁾ В. II, § 130, 140, 154 и др.

Вопросы философіи, кн. 98.

Онъ продолжаетъ быть тѣмъ индивидуальнымъ признакомъ, какимъ онъ былъ раньше; сужденія, высказываемыя относительно него, имѣютъ также только временный, индивидуальный характеръ. «Отдѣльный индивидуальный моментъ отнюдь еще не есть атрибутъ *in specie*». «Общее», «идея», какъ предметъ интенціональнаго акта, всегда въ корнѣ отлична отъ соотвѣтствующаго ему «конкретнаго»; тѣ предикаты, которые мы можемъ приписывать послѣднему, теряютъ всякій смыслъ въ приложеніи къ общему. «Высказыванія, которыя имѣютъ смыслъ и истинность относительно единичнаго случая, оказываются ложными и бессмысленными относительно «вида» (*species*). Окраска имѣетъ всегда свое опредѣленное мѣсто и время, она распространяется по всему предмету, она возникаетъ и исчезаетъ. Относительно «вида» краски вообще всѣ эти предикаты являются полной бессмыслицей. Если сгораетъ, на примѣръ, домъ, то сгораютъ всѣ его части; индивидуальныя формы и качества, всѣ вообще конституирующіе его части и моменты исчезаютъ. Неужели же сгораютъ вмѣстѣ съ нимъ и соотвѣтствующіе геометрическіе и качественные «виды» (какъ содержанія общихъ понятій) и не есть ли рѣчь объ этомъ полный абсурдъ?»¹⁾ Общее, слѣдовательно, всегда отлично отъ конкретнаго и никогда не можетъ быть на него сведено и изъ него объяснено. На этомъ рушится упомянутая теорія абстракціи; она пытается объяснить происхожденіе общаго изъ единичнаго, представляя себѣ первое, какъ продуктъ генерализирующей силы абстракціи при помощи вниманія; она думаетъ, что выдѣливъ при помощи этой силы опредѣленный моментъ на конкретномъ предметѣ и рассматривая его самого по себѣ, она тѣмъ самымъ превращаетъ его въ общій атрибутъ; при этомъ забывается, что индивидуальный моментъ остается попрежнему индивидуальнымъ и никогда не можетъ превратиться въ атрибутъ *in specie*. Слѣдовательно, приведенная теорія ведетъ просто къ отрицанію того, что она хочетъ объяснить—къ отрицанію общихъ понятій; въ конечномъ счетѣ она принуждена замѣнить общее понятіе словеснымъ знакомъ. Общее понятіе, какъ актъ (а не какъ идея), не есть продуктъ абстракціи; абстракція не можетъ сообщить ему его характерной черты—«общности»; результатъ абстракціи есть всегда нѣчто индиви-

¹⁾ В. II, § 154.

дуальное, какой-нибудь индивидуальный моментъ, выдѣленный на конкретной основѣ; въ самомъ этомъ моментѣ, на примѣръ, красной окраскѣ, намъ уже невозможно болѣе ничего абстрагировать; какъ отдѣльный моментъ онъ является послѣднимъ продуктомъ абстракціи; и, несмотря на это, мы можемъ отнестись къ нему «обобщая», мы можемъ превратить его въ идею; онъ можетъ послужить *основой* для совершенно новаго акта, въ которомъ наша интенція направлена не на данный индивидуальный моментъ, здѣсь и теперь присутствующій, въ опредѣленное время возникшій и черезъ опредѣленное время подлежащій уничтоженію, а тотъ же самый моментъ *in specie*. Послѣдній никакъ не можетъ быть представленъ въ воображеніи, ни отдѣльно, ни на своей конкретной основѣ; конкретно мы можемъ представить себѣ всегда только какой-нибудь опредѣленный частный случай краснаго цвѣта вообще или рядъ такихъ случаевъ, рядъ его нюансовъ; самого краснаго цвѣта вообще мы никакъ не можемъ вообразить и никакъ не можемъ выдѣлить его на конкретной основѣ, такъ какъ онъ въ ней реально не содержится.

Новый актъ, возникающій на той же конкретной основѣ, актъ «общаго сознанія», не есть какая-то новая картина, нарисовавшаяся на фонѣ нашего воображенія; онъ выражаетъ только новый «способъ отношенія нашего сознанія» къ этой основѣ ¹⁾; это новое отношеніе заключается въ томъ, что, имѣя передъ глазами тотъ же предметъ и не создавая въ воображеніи никакихъ новыхъ картинъ, мы *имѣемъ въ виду* не этотъ здѣсь и теперь находящійся предметъ, а тотъ же предметъ *in specie*, въ идеѣ; новый актъ знаменуетъ собою (субъективно) не новое различіе въ матеріалѣ нашего сознанія, а только *новую «форму сознанія»* ²⁾; имѣя субъективно и реально (не интенціонально!) тотъ же самый матеріалъ, одно и то же конкретное представленіе, мы можемъ относиться къ нему различно, т.-е. на его основѣ можемъ строить формально различные акты. «Какъ всѣ фундаментальныя гносеологическія различія, это различіе (индивидуальнаго и общаго) также категоріально. Оно принадлежитъ къ формѣ сознанія. Его происхожденіе лежитъ въ особомъ *способѣ сознанія*, а не въ мѣняющейся матеріи познанія».

1) См. напр. В. II, 109.

2) Тамъ же.

Эта фраза можетъ подать, между прочимъ, поводъ къ недоразумѣнiямъ. Различiе между частнымъ и общимъ «принадлежитъ къ формѣ сознанiя»; его происхожденiе лежитъ въ особомъ способѣ сознанiя. Значить, общiе предметы создаются этой формой сознанiя и внѣ ея не имѣютъ никакого значенiя? Въ такомъ случаѣ они перестаютъ быть сознанiю трансцендентными! Противъ такого толкованiя вышеприведенной цитаты мы рѣшительно возстаемъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь идетъ дѣло не о самихъ общихъ и единичныхъ предметахъ, а о нашихъ *актахъ «имѣнiя въ виду»*; различiе устанавливается между нашимъ «осознанiемъ общаго» и «осознанiемъ частнаго» и утверждается, что *это* различiе категорiально. Подъ матерiей акта познанiя здѣсь разумѣется не интенцiональное содержанiе акта, а только одна изъ реальныхъ сторонъ его конкретной сущности, т.-е. всѣ тѣ реальныя, психическiя части акта, которыя конституируютъ его въ его конкретномъ реальномъ бытiи и притомъ только стороны его содержанiя; матерiя въ этомъ смыслѣ можетъ перемѣниться, оставивъ неизмѣннымъ характеръ акта, т.-е. самую форму отношенiя сознанiя къ его содержанiю и наоборотъ, матерiя можетъ остаться тою же самой, а характеръ акта можетъ измѣниться; послѣднее мы и имѣемъ въ интересующемъ насъ случаѣ¹⁾. Матерiя обоихъ актовъ одна и та же, оба построены на одной и той же конкретной основѣ и содержатъ только одно картинное представлениe, обусловливающее направленность нашего акта на вполне опредѣленный предметъ; но нашъ *способъ отношенiя* къ этой матерiи, къ этой конкретной основѣ акта въ обоихъ случаяхъ иной; одинъ разъ мы имѣемъ въ виду нѣчто индивидуальное, другой разъ—идею: и это различiе въ способѣ нашего отношенiя (не въ самомъ интенцiональномъ предметѣ, который отнюдь не является матерiей акта въ указанномъ смыслѣ) устанавливается на счетъ формы, а не на счетъ матерiи.

Коротко формулируя результаты критики обѣихъ теорiй (Локка и Милля), мы приходимъ къ утвержденiю, что общiя понятiя *не суть продукты абстракцiи*; послѣдняя не въ состоянiи объяснить ихъ характерной интенцiи, которая направлена не на индивидуальное, а на общее.

¹⁾ В. II, V, § 20.

Но что же изъ этого? могутъ возразить намъ изъ другого лагеря, болѣе крайняго; всѣми вашими возраженіями вы создаете только новый аргументъ въ пользу нашей теоріи. Да, мы вполне сознательно отрицаемъ всякія общія понятія; намъ всегда даны только либо индивидуальныя предметы, либо индивидуальные признаки; лишь имена имѣютъ общее значеніе; на основаніи сходства мы прилагаемъ одно и то же имя ко многимъ предметамъ и, наконецъ, такъ «привыкаемъ» съ опредѣленнымъ именемъ ассоціировать нѣкоторый комплексъ элементовъ представленія, что оно начинаетъ играть для насъ значеніе общаго имени. Все индивидуально; это мифическое «общее» принадлежитъ къ царству пустыхъ фикцій и совершенно ненужныхъ вымысловъ; «общность» лежитъ только въ именахъ, поскольку мы «привыкли» ассоціировать ихъ при взглядѣ на сходные предметы; она выражаетъ собою лишь общность опредѣленной психической функціи — со сходными предметами ассоціировать тѣ же самыя имена; намъ никогда не дано *тождественнаго* признака; *тождественной* остается только эта «ассоціативная функція знаковъ».

Этотъ *номинализмъ*, принципиально отрицающій «общее», сдѣлываетъ область теоріи познанія съ психологіей. «Къ сферѣ феноменологіи и прежде всего теоріи познанія принадлежитъ то, что мы имѣемъ въ виду во время нашего высказыванія; далѣе то, что конституируетъ *смыслъ* этого *имѣнія въ виду* (*des Meinens*), какъ этотъ актъ строится изъ другихъ подобныхъ же актовъ, какія существенныя формы и различія онъ обнаруживаетъ. То, что интересуетъ теорію познанія, должно быть указано въ самомъ содержаніи нашихъ переживаній. Если мы среди тѣхъ различій, которыя могутъ быть съ очевидностью указаны въ этой области, находимъ также и различія между общими и индивидуальными представленіями (что безъ сомнѣнія имѣетъ мѣсто), тогда никакой разговоръ о генетическихъ функціяхъ или связяхъ ничего не можетъ ни измѣнить, ни объяснить здѣсь» ¹⁾ Иными словами, теорія познанія занимается нашими актами въ ихъ интенціональномъ отношеніи къ предметамъ, и если мы находимъ опредѣленное различіе въ характерѣ самой интенціи, то никакая психологія не можетъ сгладить

¹⁾ В. II, 144.

этого различія. Какъ бы мы психологически ни анализировали и ни объясняли оба акта (напр., съ общей и единичной интенціей), какія бы условія ни выставляли, какъ необходимы для ихъ реализаціи въ нашемъ сознаніи, какъ бы мы ни понимали ихъ происхожденіе,—установленное различіе въ ихъ интенціо-нальномъ *характерѣ* сохраняется безусловно и ни на какое психологическое *различіе по происхожденію* свести его намъ не удастся, такъ какъ отношеніе между интенціо-нальнымъ актомъ и его объектомъ не есть *реальное* и, слѣдовательно, лежитъ внѣ сферы психологическихъ изслѣдованій. Если психологія познанія берется *замѣнить* данное отношеніе какимъ-нибудь инымъ, психологическимъ, то она берется не за свое дѣло; она можетъ найти новыя взаимоотношенія между тѣми же актами, можетъ установить съ какой-нибудь новой точки зрѣнія ихъ взаимную обусловленность, но измѣнить что-нибудь въ ихъ интенціо-нальномъ характерѣ и замѣнить различіе ихъ интенцій какимъ-нибудь другимъ реальнымъ различіемъ, она безусловно не въ силахъ. Различіе общихъ и единичныхъ понятій дано намъ непосредственно и его нельзя ничѣмъ смыть; все общее вѣчно, все индивидуальное преходяще.

Что же такое представляетъ изъ себя эта общность?

Содержанію общаго понятія не соотвѣтствуетъ ничего *ни въ реальномъ мірѣ, ни въ нашемъ сознаніи*. Какова же сущность общихъ предметовъ? *Реально* они не могутъ существовать ни внѣ нашихъ интенціо-нальныхъ актовъ, ни въ нихъ самихъ; реализмъ и концептуализмъ одинаково невозможны; однако пустой фикціи они также не представляютъ; это ясно уже изъ того, что относительно этихъ общихъ предметовъ возможны *истинныя* сужденія *объективнаго* характера; немислимо считать фикціей такія понятія, какъ понятіе величины, причинности, количества, качества и т. д.; сужденія, высказываемыя относительно нихъ,—напримѣръ, всякая экстенсивная величина можетъ быть измѣрена, или—всякое измѣненіе въ природѣ подчинено закону причинности—обладаютъ абсолютной и апіорной истинностью. Въ нашемъ интенціо-нальномъ актѣ всякая *species* является предметомъ въ полномъ смыслѣ этого слова ¹⁾. Какъ всякій предметъ интенціо-нальнаго акта, она отлична отъ него и не только по-

¹⁾ См., напр., В. II, 123—124 и др.

тому, почему всякій предметъ отличенъ отъ акта, но и въ силу тѣхъ аргументовъ, которые были выставлены противъ концептуализма. Идея трансцендентна нашему сознанию¹⁾; она дана внѣ его, какъ опредѣленное идеальное единство; она лежитъ внѣ времени и пространства въ царствѣ «идеальныхъ предметовъ», въ области безвременной вѣчности; предикаты возникновения и уничтоженія къ ней абсолютно не примѣнимы; весь родъ людской можетъ исчезнуть съ лица земли, могутъ погибнуть всѣ мыслящія существа въ мірѣ—и, по ученію современной физики, даже должны погибнуть, такъ какъ температура вселенной стремится къ абсолютному нулю, — вмѣстѣ съ этимъ исчезнетъ изъ міра всякое сознание — царство вѣчныхъ идей остается въ своей абсолютной неподвижности внѣ сферы вліянія какихъ бы то ни было измѣненій. Всѣ міровые перевороты, какъ прошлые, такъ и будущіе отражаются, какъ *вѣчные типы*, въ этомъ царствѣ идей, какъ въ неподвижномъ зеркалѣ; оно содержитъ въ себѣ а priori все развитіе мірозданія отъ начала до конца. Преломившись сквозь призму времени, міръ уже заранее далъ свое отображеніе въ этихъ сферахъ идеальнаго; сами же эти сферы лежатъ внѣ міра реальности, какъ трансцендентныя идеи.

Здѣсь лежитъ главный пунктъ соприкосновенія Гуссерля съ платонизмомъ. Для обоихъ философовъ міръ идей является вѣчнымъ и неизмѣннымъ, абсолютно неподвижнымъ царствомъ общихъ понятій, внѣ міра явленій и внѣ сферы сознанія лежащихъ идеальныхъ единствъ.

Это сходство не мѣшаетъ однако обоимъ существенно расходиться во взглядѣ на природу своихъ идей. Для Платона слово «идея» есть символъ *абсолютной реальности*; идеальное бытіе есть высшая степень бытія, есть абсолютное бытіе. Совершенно иначе представляетъ себѣ природу идей Гуссерль. Идеи нѣтъ нигдѣ, *реально* она не дана ни въ мірѣ, ни въ сознаніи, она вообще реально не существуетъ; она обладаетъ только идеальнымъ (въ самомъ крайнемъ смыслѣ этого слова) бытіемъ *внѣ времени*, она есть чистая значимость, только логическій субъектъ для возможныхъ предикацій, только *предметъ направленной на нее истины*. Конечно, «тому, кто привыкъ подъ бытіемъ разумѣть только ре-

1) См., напр., В. II; 101, 132—136; 140; 387 и др.

альное бытіе и подъ предметами только реальные предметы, наше реальное ученіе объ общихъ предметахъ и ихъ *бытіи* покажется въ основѣ нелѣпымъ; наоборотъ тотъ, кто принимаетъ рѣчь о нихъ, какъ *указаніе на значимость опредѣленныхъ сужденій* и понимаетъ ихъ, какъ *корреляты для субъектовъ этихъ сужденій*, тотъ не найдетъ въ немъ ничего затруднительнаго» ¹⁾. Нельзя искать для идей какой-нибудь *метафизической сущности*, къ которой мы могли бы ихъ прикрѣпить, какого-нибудь гносеологическаго *носителя* ихъ; онѣ не нуждаются ни въ какомъ носителѣ, ни въ какомъ прикрѣпленіи. Стремленіе найти *опору* для всего идеальнаго въ какомъ-нибудь «сознаніи вообще» или въ «божественномъ духѣ» представляется намъ компромиссомъ съ нашими «реалистическими предразсудками»; эта мнимая *опора* временно удовлетворяетъ нашей «метафизической потребности», но въ существѣ дѣла только заволакиваетъ метафизическимъ туманомъ ясное небо чистой логики; рѣчь о томъ, что безъ этой опоры идеи остаются «висѣть въ воздухѣ», есть порожденіе философской наивности, предпочитающей лучше видѣть ихъ въ метафизическомъ туманѣ, чѣмъ въ чистомъ воздухѣ, и стремящейся все представить себѣ въ созерцаніи, наглядно. «Созерцать» идеи можно было бы во времена Шопенгауэра; въ настоящее время мы относимся скептически ко всякому мистическому «вдохновенію»; во всякомъ случаѣ въ гносеологіи и логикѣ не можетъ быть мѣста этимъ поэтическимъ фантазіямъ. Ссылкой на какого-нибудь «носителя» и на «непосредственное созерцаніе» легко, конечно, отдѣлаться отъ всѣхъ докучливыхъ вопросовъ; но наука не имѣетъ права отдѣлываться отъ нихъ съ легкостью наивной миѳологіи или фантастической поэзіи.

Вопросъ о нашемъ переживаніи «общаго», о его «схватываніи» и познаніи принадлежитъ къ труднѣйшимъ вопросамъ психологіи и логики. Каково происхожденіе нашихъ общихъ понятій съ *субъективной* стороны, какъ *актовъ, въ которыхъ мы мыслимъ идею*? Что значитъ мыслить общее и при помощи какихъ методовъ возможно «схватить» и познать его? Обычное объясненіе этого сводится къ теоріи абстракціи. Методъ, которымъ мы приходимъ къ общему понятію, есть *методъ постепенной абстракціи*; общія понятія суть *абстрактныя представленія*. Однако,

¹⁾ В. II, S. 101.

какъ уже извѣстно, Гуссерль считаетъ невозможнымъ объяснить путемъ абстракціи, въ какой бы формѣ мы ее ни понимали, специфическую черту общности; путемъ этой психической функціи мы можемъ только выдѣлить на данной конкретной основѣ какой-нибудь индивидуальный моментъ или комплексъ такихъ моментовъ; но никогда этимъ путемъ мы не получимъ той характерной формы сознанія, которая присуща всякому общему понятію—именно его «общности», отношенія къ идеѣ. Теорія абстракціи, послѣдовательно проведенная, приводитъ къ отрицанію общаго т.-е. къ чистому номинализму. Болѣе того, она вообще уничтожаетъ всякую возможность мышленія, предполагая, что мышленіе есть процессъ картиннаго, образнаго представленія. Если бы наше мышленіе должно было протекать въ конкретныхъ, вполне опредѣленныхъ созерцательныхъ представленіяхъ и не умѣло бы пользоваться символами, то большинство мыслительныхъ процессовъ сдѣлалось бы невозможнымъ¹⁾. Попробуемъ, напр., картинно мыслить понятіе «религіи»; что мы представляемъ себѣ при этомъ? Какіе образы проносятся у насъ въ головѣ, когда мы слышимъ это слово? Прежде всего образъ освѣщенной церкви и внѣшняго богослуженія; далѣе, когда мы стараемся точнѣе представить себѣ значеніе этого слова, передъ нами проносятся образы греческихъ и индійскихъ божествъ и храмовъ, отдѣльныхъ религіозныхъ дѣятелей, Будды, Христа, Лютера; далѣе мы представляемъ себѣ религіозныя книги и ученія и, наконецъ, удовлетворимся, вѣроятно, сужденіемъ, что религія есть исторія «содержанія» этихъ ученій, при чемъ слова «содержаніе» и «ученіе» представляются первоначально только въ видѣ звуковъ; если мы ихъ пожелаемъ также представить, то передъ нами снова начнутъ витать различныя подходящія, но отнюдь не соотвѣтствующія смыслу картины. Большую часть нашихъ элементарнѣйшихъ понятій мы не можемъ представить себѣ образно въ созерцаніи; мы всюду пользуемся символами и удовлетворяемся только нѣкоторымъ психическимъ стремленіемъ отбросить отъ этого символа все несоотвѣтствующее дѣйствительному понятію и присоединить все требуемое; однако въ большинствѣ случаевъ мы ограничиваемся только этимъ стремленіемъ, осуществить которое обыкновенно оказывается совершен-

¹⁾ В. II; I, кар. 2.

но невозможнымъ. Большая часть нашего мышленія протекаетъ символически; пониманіе этихъ символовъ вовсе не нуждается въ картинномъ созерцаніи ихъ смысла ¹⁾).

Мы *понимаемъ*, напримѣръ, значеніе совершенно абсурдныхъ выраженій, вродѣ кругаго квадрата, но *представить* себѣ ихъ содержаніе мы абсолютно не можемъ ²⁾. «Нужно разъ навсегда ясно представить себѣ, что въ большинствѣ случаевъ не только празднаго и ежедневнаго, но и строго научнаго мышленія образность не играетъ либо никакой роли, либо только ничтожную роль и что мы можемъ... судить и умозаключать... исключительно на основаніи символическихъ представленій» ³⁾. Въ большинствѣ этихъ случаевъ мы ограничиваемся и удовлетворяемся простой *интенціей*, *притязаніемъ* на смыслъ, и рѣдко «выполняемъ» ее въ актуальномъ представленіи. Этой интенціей на смыслъ мы ограничиваемся и при всѣхъ нашихъ общихъ понятіяхъ. Конкретный предметъ, витающій передъ нашимъ воображеніемъ при всякомъ общемъ понятіи, служитъ только символомъ, съ которымъ связана особая форма *психическаго стремленія* къ обобщенію, особая *форма интенціи*. Для образованія общаго понятія, какъ для всякаго акта познанія, нужна, конечно, опредѣленная конкретная основа; нѣкоторый конкретный, созерцательный матеріалъ является необходимымъ условіемъ обобщенія; послѣднее мы можемъ производить только *на* этомъ матеріалѣ, однако только *на* немъ, но не *изъ* него; какъ бы мы ни анализировали этотъ матеріалъ и что бы мы отъ него ни абстрагировали, ничего общаго мы въ немъ не найдемъ; мы всегда будемъ имѣть передъ собою только индивидуальный предметъ или какой-нибудь выдѣленный на немъ индивидуальный моментъ. Для того, чтобы получилось общее понятіе, къ этому акту конкретного воспріятія или представленія долженъ присоединиться еще новый актъ съ совершенно особымъ характеромъ интенцій ⁴⁾. Этотъ новый актъ на той же самой конкретной основѣ строить новый предметъ; его интенція направлена не на теперь и здѣсь присутствующій предметъ или моментъ, а на его идею; онъ относится къ предмету *не абстрагируя*, а *идеируя*, т.-е. усматривая или схватывая его

1) В. II. 66, 67 ff.

2) Стр. 64—65.

3) Стр. 68.

4) Стр. 143.

идею. Этотъ новый актъ сознанія, которымъ предметъ, такъ сказать, освобождается отъ своей индивидуальности и раскрываетъ передъ нашимъ «логическимъ взоромъ» свою идеальную сущность, Гуссерль называетъ *идеацией* ¹⁾. Идеация есть именно та особая *психическая функція* обобщенія, которая даетъ намъ возможность, имѣя въ основѣ опредѣленное представленіе конкретнаго, схватить его идею и построить на немъ общее понятіе. Ее надо строго отличать отъ абстракціи; обѣ являются психическими функціями, но совершенно различными ²⁾; обѣ суть методы построенія общихъ понятій, но обѣ строятъ его съ различныхъ сторонъ. *Абстракція* создаетъ намъ возможность примѣнять данное понятіе въ качествѣ *общаго предиката* къ цѣлому ряду отдѣльныхъ предметовъ, входящихъ въ его объемъ. *Идеация* освобождаетъ этотъ предикатъ отъ его индивидуальнаго характера, сообщаетъ ему абсолютную тождественность идеи (конечно только интенціонально). «Общность» въ обоихъ случаяхъ означаетъ различное; въ первомъ случаѣ это есть *общность предикации*; она основана на *сходствѣ* предметовъ въ *опредѣленномъ отношеніи*; но сходство всегда предполагаетъ абсолютную тождественность *того отношенія*, въ которомъ устанавливается сходство ³⁾; а слѣдовательно, общность въ первомъ смыслѣ предполагаетъ общность во второмъ, какъ *абсолютную тождественность понятія съ самимъ собою*, какъ отсутствіе всякой индивидуальности въ немъ. Индивидуальность создается опредѣленнымъ положеніемъ во времени и въ пространствѣ; все, что во времени—индивидуально, все, что внѣ времени—идеально; опредѣленное положеніе во времени и пространствѣ обуславливаетъ индивидуализацію и «реализацію» идеи; и наоборотъ: въ освобожденіи какого-нибудь момента отъ индивидуализирующаго вліянія его положенія во времени и пространствѣ заключается его идеализація. Если мы возьмемъ рядъ геометрическихъ прямыхъ и рассмотримъ ихъ внѣ времени и внѣ опредѣленности ихъ пространственнаго положенія, то всѣ онѣ сольются въ одну и ту же прямую линію вообще, абсолютно тождественную и лишенную всякой индивидуальности. Эта линія выражается аналитической формулой: $Ax + By + C = 0$, ко-

1) В. I, 129. Нерѣдко онъ называетъ этотъ процессъ также „абстракціей“ въ чисто логическомъ смыслѣ, напр., В. II. Стр. 10 В. I. Стр. 171.

2) В. II Стр. 114, 148—149.

3) Стр. 112—113.

торая своимъ буквеннымъ символомъ лишаетъ ее всякой пространственной опредѣленности, такъ сказать, возвышаетъ ее надъ пространствомъ и освобождаетъ ее отъ его индивидуализирующаго вліянія; вмѣстѣ съ этимъ данная формула лишаетъ ее и ея реальности; она выражаетъ лишь чистый законъ ея построения въ его идеальной общности. Только опредѣливъ числовыя значенія А, В и С, которыми опредѣляется положеніе линіи относительно осей координатъ, т.-е. возвративъ ее индивидуализирующему вліянію ея пространственного положенія, мы снова возвращаемъ ей ея индивидуальность; послѣдняя создается ея пространственной опредѣленностью; разсмотрѣнная внѣ этой опредѣленности всякая линія превращается въ одинъ и тотъ же комплексъ идеальныхъ признаковъ и выражается однимъ и тѣмъ же уравненіемъ: $Ax + By + C = 0$. То же самое относительно времени.

Въ этомъ возвышеніи надъ временемъ и пространствомъ, въ освобожденіи предмета отъ индивидуализирующаго вліянія этихъ «*principia individuationis*» и слѣдуетъ искать сущность идеации. Нельзя смѣшивать эту функцію съ функціей *отвлеченія* отъ времени и пространства; *выбросивъ* изъ даннаго предмета моментъ его протяженія, формы и временности, мы не получаемъ никакого предмета, а только нѣкоторый [ирраціональный остатокъ, рядъ безсвязныхъ и беспорядочныхъ «атомовъ чувственности», какъ ихъ называетъ Зиммель¹⁾], лишенныхъ всякой предметности. Иными словами, производя абстракцію отъ времени и пространства, мы получаемъ гносеологическое понятіе «ирраціональнаго матеріала», а не *логическое* представленіе общаго предмета. Абстрагировать отъ прямой линіи ея протяженную форму совершенно невысказуемо; мы въ результатѣ получимъ абсолютный нуль; однако, мы можемъ лишиться ту же самую конкретную прямую индивидуализирующаго вліянія ея положенія въ пространствѣ и времени, что аналитически выражается тѣмъ, что мы лишаемъ коэффициенты при неизвѣстныхъ членахъ ея уравненія ихъ опредѣленнаго числового значенія, превращая его въ уравненіе общаго вида; послѣднее не выражаетъ абстракціи отъ пространства, а скорѣе наоборотъ—вполнѣ опредѣленный *законъ пространственнаго построения*, только въ его общей формѣ.

¹⁾ Simmel. Vorlesungen über Kant. S. 37.

Могутъ возразить, что внѣ времени и пространства намъ не можетъ быть данъ никакой предметъ; мы ничего не можемъ созерцать внѣ этихъ условій. Совершенно вѣрно. Но вѣдь мы и не утверждаемъ, что мы можемъ «созерцать» общіе предметы. Новый актъ, который является результатомъ идеациі, не даетъ намъ никакой новой созерцательной картины; то, что мы имѣемъ передъ собой въ созерцаніи, остается тѣмъ же самымъ конкретнымъ предметомъ; но на этой конкретной основѣ строится новый актъ, который выражаетъ только наше новое отношеніе къ предмету, новую форму интенціи. Никакихъ новыхъ картинъ не возникаетъ въ нашей психикѣ; возникаетъ лишь новая форма интенціи, т.-е. имѣнія въ виду; но «не всякое имѣніе въ виду (*das Gemeintsein*), говоритъ Гуссерль,—есть созерцаніе». Мы никогда не «видимъ» общихъ предметовъ; мы только стремимся освободить конкретный предметъ отъ индивидуализирующаго вліянія всѣхъ *principia individuationis*¹⁾; въ этомъ *стремленіи* къ тождеству *психологически* и выражается идеациа.

Въ этомъ актѣ идеациі мы «переживаемъ идею», возвышаемся до разсмотрѣнія вещей *sub specie aeternitatis*. Palagyi²⁾ дѣлаетъ это «возвышеніе къ вѣчности» основнымъ закономъ логики и отождествляетъ его съ закономъ тождества; онъ видитъ въ этомъ законѣ воплощеніе всей сущности логики; «законъ тождества есть сама логика»; онъ не выражаетъ простого отождествленія А съ А; онъ выражаетъ возвышеніе *даннаго* А къ вѣчности; онъ дѣлаетъ всякое А вѣчнымъ *содержаніемъ* понятія. Эта формула: А есть А, символизируетъ переходъ конкретного въ царство вѣчныхъ значимостей; она не выражаетъ «повторенія, въ которомъ мы, дѣлая самихъ себя собственнымъ эхо, низводимъ себя на степень автомата и самихъ себя передразниваемъ»³⁾; она возвышаетъ всякое А на степень абсолютной, идеальной тождественности.

Въ актѣ идеациі мы не «создаемъ» идеи, мы только «схватываемъ» ее, становимся въ интенціональное отношеніе къ ней. Одна абстракція никогда не можетъ создать намъ общаго понятія; оно не можетъ возникнуть *изъ* даннаго конкретного со-

1) Мы сомнѣваемся, чтобы этими принципами было только пространство и время.

2) *Logik auf dem Scheidewege*. Стр. 210—229.

3) Тамъ же, стр. 223.

зерцанія, а только *на его основѣ*, при помощи особаго акта—идеаціи, который улавливаетъ непосредственно и а priori *идеи* всѣхъ его моментовъ; данная конкретная основа и всѣ акты отвлеченія являются лишь поводомъ для идеаціи и ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить ея своеобразнаго обобщающаго дѣйствія.

Это ученіе Гуссерля объ идеаціи есть въ сущности лишенное метафизической подкладки и поэтической ненаучности ученіе Платона о «воспоминаніи». Устранивъ наивно-метафизическое ученіе о созерцаніи идей душою до ея земного существованія, мы получимъ взглядъ въ высокой степени сходный съ взглядомъ Гуссерля: общія понятія не возникаютъ изъ нашихъ впечатлѣній; послѣднія лишь пробуждаютъ дремлющія въ нашемъ сознаніи созерцанія идей, являются лишь поводомъ для возникновенія ихъ и отнюдь сами ихъ не содержатъ; отдѣльное конкретное воспріятіе служитъ лишь основой, на которой строится новый актъ «воспоминанія», непосредственно и а priori схватывающій соотвѣтствующую идею; функція «воспоминанія» есть облеченная въ метафизическую оболочку та же самая функція идеаціи. Для обоихъ философовъ наше конкретное воспріятіе не есть то, *изъ чего* мы добываемъ свои общія понятія, а лишь *основа*, на которой мы строимъ новый актъ непосредственнаго отношенія къ идеѣ; для обоихъ въ сущности всякое общее понятіе априорно *по происхожденію* въ томъ смыслѣ, что оно получается только *на основѣ* опыта, но не *изъ* опыта ¹⁾.

Это ученіе Гуссерля объ идеяхъ играетъ огромную роль во всей его логической системѣ; оно является основой всей его логики. Мы уже сказали, что истину онъ тоже понимаетъ какъ идею. Для уясненія этого мы должны сдѣлать еще одно небольшое замѣчаніе.

Каждый конкретный предметъ имѣетъ соотвѣтствующую идею въ царствѣ общихъ понятій. Наши интенціональные акты и переживанія суть также опредѣленные конкретные предметы, именно психическіе феномены; каждому изъ нихъ точно также, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ опредѣленная идея; мы можемъ относиться идеируя не только къ объектамъ, но и къ самимъ

¹⁾ Надо замѣтить, что въ такомъ пониманіи общія понятія оказываются априорными только *по происхожденію*, но не *по ихъ значенію* для познанія; априорность не означаетъ здѣсь необходимости и всеобщности ихъ отношенія къ предметамъ опыта.

актамъ, въ которыхъ мы схватываемъ смыслъ какого-нибудь выраженія или значеніе какого-нибудь слова. Смыслъ и значеніе словъ совершенно отличны отъ нашихъ актовъ, такъ какъ акты постоянно мѣняются, смыслъ же и значеніе остаются тождественными. «Смыслъ есть то, что данное выраженіе высказываетъ, остается тѣмъ же самымъ, кто бы его ни высказывалъ и при какихъ бы обстоятельствахъ... онъ это ни дѣлалъ» ¹⁾. Смыслъ сужденія не состоитъ изъ тѣхъ психическихъ процессовъ, которые сопровождаютъ его высказываніе; сужденіе ничего не говоритъ объ этихъ процессахъ, въ его «смыслъ» эти процессы совершенно не входятъ. Сужденіе $2 \times 2 = 4$ ничего не высказываетъ о моихъ психическихъ переживаніяхъ и тѣхъ актахъ, которые сообщаютъ смыслъ этимъ моимъ переживаніямъ (*bedeutungsverleihende Akte*); всякому сужденію, разумѣется, соотвѣтствуютъ въ психикѣ судящаго опредѣленные акты; но они не принадлежатъ къ смыслу, къ содержанію его сужденія. «Исслѣдователь выставляетъ опредѣленные предложенія. Разумѣется онъ судить при этомъ. Но онъ не хочетъ говорить ни о своемъ, ни о чѣмъ-нибудь другомъ процессѣ сужденія (*das Urteilen*), но именно о соотвѣтствующихъ отношеніяхъ въ самомъ объектѣ (*Sachverhalt*)» ²⁾. Смыслъ его сужденія вѣченъ и неизмѣненъ; онъ является нѣкоторымъ идеальнымъ единствомъ; всѣ же психическіе акты индивидуальны и преходящи; смыслъ, значеніе (*Bedeutung*) есть идея отъ единичныхъ актовъ соотвѣтствующаго «осмысленнаго» переживанія ³⁾. «Идеальность смысла есть частный случай идеальности общаго вообще». «Смыслъ» есть идея, и отдѣльные конкретные случаи этой идеи суть соотвѣтствующіе отдѣльные акты переживанія этого смысла ⁴⁾. «Смыслъ» не входитъ, какъ реальная составная часть, въ наши конкретныя переживанія; онъ транссубъективенъ и абсолютно идентиченъ; наши переживанія его являются лишь частными случаями его реализаціи.

Всякое выраженіе имѣетъ опредѣленный идеальный смыслъ, и всякому смыслу соотвѣтствуетъ опредѣленный, но отъ него отличный интенціанальный предметъ.

¹⁾ В. II. S. 43.

²⁾ Стр. 94.

³⁾ В II; 1, § 30, 31, 32.

⁴⁾ Стр. 97, 101.

Какъ уже сказано, мы можемъ понимать смыслъ какого-нибудь выраженія, не имѣя передъ собою представленія или созерцанія соотвѣтствующаго предмета; въ опредѣленныхъ случаяхъ это непосредственное *присутствіе* предмета въ созерцаніи или воспріятіи возможно; въ такомъ случаѣ Гуссерль говоритъ, что смыслъ можетъ быть «выполненъ»: акты (созерцанія или воспріятія), въ которыхъ данный смыслъ находитъ свое конкретное «выполненіе, онъ называетъ «выполняющими смыслъ актами» (*bedeutungserfüllende Akte*). Такъ, напримѣръ, выполненіе смысла слова «религія» *возможно въ идеалѣ*, возможно въ цѣломъ рядѣ актовъ съ различныхъ сторонъ, постепенно приближающихся къ его «выполненію»; въ идеалѣ мы можемъ, слѣдовательно, представить себѣ возможность *полнаго* выполненія его въ одномъ единственномъ актѣ.

Но часто мы связываемъ съ опредѣленнымъ выраженіемъ такой смыслъ, выполненіе котораго въ созерцаніи абсолютно невозможно, напримѣръ, выраженіе: квадратный кругъ; данное выраженіе имѣетъ свой вполнѣ опредѣленный смыслъ и ему соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленный интенціональный предметъ, именно «невозможный предметъ». Круглый квадратъ далеко не есть только символъ, простое сотрясеніе воздуха. Мейнонгъ вполнѣ справедливо указываетъ на полное различіе обоихъ предметовъ: «сотрясеніе воздуха» и «круглый квадратъ»; какъ написанныя или произнесенныя выраженія, «они не содержатъ въ себѣ ни круглоты, ни четырехугольности; кромѣ того, какъ сказанныя или написанныя, они обезпечены самымъ вѣрнымъ существованіемъ, чего, разумѣется, нельзя было бы утверждать относительно *невозможнаго* предмета, самого «круглаго квадрата» ¹⁾. Это выраженіе «круглый квадратъ» имѣетъ свой смыслъ и имѣетъ свой предметъ; но его смыслъ никогда не можетъ найти своего «выполненія», его предметъ никогда не можетъ быть «данъ» въ созерцаніи; оба момента не могутъ быть соединены въ одно созерцательное цѣлое ²⁾.

Такимъ образомъ, всякій смыслъ можетъ быть характеризованъ какъ возможный или невозможный, смотря по тому, можетъ

1) A. Meinong. Ueber die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften. S. 16.

2) Log. Unt. B. II. S. 574—587.

или не можетъ онъ имѣть свой выполняющій актъ. Это выполненіе можетъ имѣть различныя степени; оно можетъ быть частичнымъ и полнымъ; тамъ, гдѣ смыслъ полностью выполненъ во всестороннемъ, идеальномъ воспріятіи, тамъ мы «имѣемъ абсолютное совпаденіе того, что дано» съ тѣмъ, что мы «имѣемъ въ виду», что мы интендируемъ; тогда «предметность дана намъ именно такъ, какъ мы ее интендируемъ», она «*дѣйствительна*», она «присутствуетъ» передъ нами. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ абсолютное «*adaequatio rei et intellectus*» ¹⁾. Это абсолютное соотвѣтствіе того, что смыслъ опредѣленнаго акта имѣетъ въ виду, съ выполненной данностью предмета въ *возможномъ* созерцаніи, совпаденіе *мыслимое въ идеѣ* и есть истина ²⁾. Истина есть идея абсолютной адекватности, какъ таковой ³⁾. Она не предполагаетъ *дѣйствительнаго* совпаденія, *реальнаго выполненія*; это совпаденіе мыслится въ ней только какъ возможное *только въ идеѣ*. Отдѣльные, единичные акты этого совпаденія суть акты переживанія истины или акты очевидности. Очевидность есть «адекватное воспріятіе истины», есть «переживаніе» истины, *сама же истина есть идея*. Какъ всякая идея она абсолютно независима отъ нашего сознанія и отъ нашего переживанія; она относится къ нашимъ отдѣльнымъ переживаніямъ такъ же, какъ всякая идея относится къ своему частному случаю, какъ, на примѣръ, красный цвѣтъ вообще относится къ различнымъ нюансамъ краснаго цвѣта. Истина не содержится въ нашихъ актахъ, она только *схватывается и переживается*, но никогда въ нашей психикѣ *реально не содержится*; ея реализація въ нашемъ сознаніи означаетъ то же самое, что *реализація общаго въ частномъ*; эта реализація для нея отнюдь не существенна и не обязательна, она только *возможна*. *Реальнаго отношенія* между истиной и актомъ ея познанія *нѣтъ и быть не можетъ* такъ же, какъ не можетъ его быть между пятью моими пальцами и самымъ числомъ «5»; истина не «входитъ» въ наше сознаніе, она только находитъ въ немъ свою конкретную реализацію, какъ всякая идея находитъ свою реализацію въ опредѣленномъ частномъ случаѣ, какъ число «5», напр., реализуется въ моихъ пяти пальцахъ.

¹⁾ В. II. 590.

²⁾ Стр. 594.

³⁾ Стр. 595.

Такимъ образомъ истины занимаютъ лишь небольшой уголокъ въ обширной области общихъ предметовъ; это есть царство чистой науки. Міръ бытія во всѣхъ своихъ деталяхъ отражается въ этомъ царствѣ, какъ въ неподвижномъ зеркалѣ. Каждый предметъ, каждая мельчайшая часть предмета отбрасываетъ туда свою тѣнь, свой идеальный призракъ; и этотъ призракъ, рожденный раньше самого предмета, живетъ тамъ вѣчно внѣ пространства и времени. Міръ истины есть міръ этихъ безтѣлесныхъ и безвременныхъ тѣней, міръ идеальныхъ призраковъ предметности. Бытію въ себѣ всегда соотвѣтствуютъ истины въ себѣ ¹⁾). Истина есть всегда истина о чемъ-нибудь, поэтому необходимо предполагаетъ, мы бы сказали лучше *полагаетъ*, предметъ; истина и бытіе суть два коррелятивныхъ понятія, въ корнѣ отличныхъ ²⁾ и трансцендентныхъ другъ другу. Мы должны строго различать эти два момента—самый предметъ и истину о немъ; послѣдняя можетъ быть сама сдѣлана предметомъ новой истины, на нее направленной, но обѣ будутъ по своему «смыслу» совершенно различны, что вполне доказываетъ и различіе въ ихъ предметахъ, т.-е. различіе между первой истиной и ея предметомъ ³⁾). Рассмотримъ такую истину: прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Если мы рассматриваемъ именно истину о прямой линіи и, слѣдовательно, дѣлаемъ ее предметомъ новой истины, то мы не можемъ приписывать ей тѣхъ предикатовъ, которые она сама приписываетъ своему объекту; истина не есть

¹⁾ В. II. S. 90.

²⁾ Palágyi, какъ послѣдовательный монистъ, отрицаетъ это. Истина и бытіе являются для него только различными способами схватыванія и разсмотрѣнія одного и того же содержанія. *Всякое сужденіе имѣетъ*, по его мнѣнію, *два стороны*, имѣетъ „двойное содержаніе“; съ одной стороны, оно высказываетъ нѣчто о самомъ предметѣ, съ другой—о моемъ переживаніи. «Шаръ катится» означаетъ съ одной стороны, что самъ шаръ катится, а съ другой то, что я вижу, какъ онъ катится или думаю объ этомъ; *содержаніе* въ обоихъ случаяхъ одно и то же, различенъ лишь нашъ способъ разсмотрѣнія или размышленія (Besinnungsweise) (Logik. стр. 232—235); «мы обладаемъ двумя способами толкованія того, что мы непосредственно переживаемъ; одинъ разъ мы говоримъ о *пережитомъ*, т.-е. о самомъ фактѣ; другой разъ о *переживаніи*», т.-е. о впечатлѣніи. Стр. 238. Если бы Palágyi примѣнилъ къ этимъ различнымъ способамъ разсмотрѣнія, къ этимъ противоположнымъ «парамъ сужденій», какъ онъ ихъ называетъ, интенціональный методъ Гуссерля, то онъ увидѣлъ бы, что содержаніе ихъ совершенно различно.

³⁾ В. I. 229.

прямая линія и не можетъ быть кратчайшимъ разстояніемъ. Слѣдовательно, оба момента—съ одной стороны, прямая линія и ея опредѣленное отношеніе къ другимъ линіямъ, именно ея свойство быть кратчайшимъ разстояніемъ и, съ другой стороны, истина о томъ же свойствѣ этой линіи—вполнѣ отличны и трансцендентны другъ другу. Однако, обѣ неизбѣжно предполагаютъ другъ друга; всякій предметъ данъ лишь постольку, поскольку на него направлена истина, его утверждающая. «Ничего не можетъ *быть*, не будучи такъ или иначе опредѣлено; и тотъ фактъ, что оно является такъ или иначе опредѣленнымъ, есть именно *истина сама по себѣ*, которая образуетъ необходимый коррелятъ бытія въ себѣ» ¹⁾. Однако «эта очевидная неотдѣлимость не есть тождественность». Міръ бытія есть интенціональный объектъ науки.

Изъ понятія науки Гуссерль старается изгнать всякій антропологизмъ. Наука не состоитъ въ нашемъ постепенно развивающемся знаніи; она дана, какъ готовая, вѣчная система истинъ, независимо отъ состоянія нашего знанія. «Всякая наука по своему объективному содержанію, какъ теорія, построена изъ одного однороднаго матеріала, она представляетъ комплексъ *смысловъ* (Bedeutungen) in specie» ²⁾. Матерія, изъ которой она состоитъ, не есть наши субъективные процессы сужденія, а только объективное содержаніе, объективный смыслъ этихъ сужденій. Наука не развивается и не прогрессируетъ; развивается и прогрессируетъ лишь наше знаніе. Наука и міръ не суть продукты изслѣдующаго «научнаго сознанія». Для Гуссерля міръ не только не является твореніемъ познающаго я, но даже не можетъ быть рассмотрѣнъ и какъ продуктъ чистой науки. Не надо забывать, что трансцендентальная точка зрѣнія отсутствуетъ въ гуссерлевской логикѣ—и это ея крупный недостатокъ. Съ точки зрѣнія трансцендентальной философіи истинное сужденіе должно само изъ себя, при помощи опредѣленныхъ «методовъ объективации», творить свой предметъ, проэцируя его во внѣ, какъ отличный отъ себя. Не-я отлично отъ я; но оно, какъ не-я, *полагается*

¹⁾ В. I. S. 229. Въ этомъ отношеніи Гуссерль оказывается нѣсколько непоследователенъ. «Невозможные предметы», которые Мейнонгъ причисляетъ къ числу своихъ «бездомныхъ предметовъ», имѣютъ опредѣленное идеальное бытіе; однако, никакія истины о нихъ невозможны.

²⁾ В. II. Стр. 95.

все-таки посредствомъ я. «Я» мы не обьзаны понимать, какъ матафизическій субъектъ или какъ сознаніе вообще; «я» *есть наука*, а наука творитъ міръ бытія, *полагая* его какъ объективный. Отыскать тѣ способы или методы, тѣ основныя «категоріи», посредствомъ которыхъ происходитъ это проэцированіе предмета во внѣ, его объективированіе или опредмечиваніе, и есть задача трансцендентальнаго метода. Гуссерль разсматриваетъ отношеніе акта къ предмету, истины къ бытію, науки къ міру всегда только *статически*, устанавливая ихъ фактическое различіе и необходимую коррелятивность; *динамическую*, трансцендентальнаго разсмотрѣнія для него не существуетъ, именно потому, что онъ стоитъ исключительно на почвѣ интенціональной теоріи. Теорія интенціональности, какъ таковая, находитъ свой предѣлъ *въ фактъ* интенціональнаго отношенія; интенція (направленность) со своей фактической стороны необъяснима; она есть фактъ и, какъ таковой, должна быть признана. Однако *предметность*, несмотря на различіе предметовъ, всюду одна и та же и состоитъ изъ опредѣленныхъ подлежащихъ фиксированію элементовъ. Эти элементы и предметности вообще, различныя стороны ея или «категоріи» суть вмѣстѣ съ тѣмъ и основныя элементы интенціи. Такимъ образомъ, интенція хотя со своей фактической стороны и является простымъ, т.-е. ни на какой другой видъ отношенія несводимымъ отношеніемъ, распадается на цѣлый рядъ объективирующихъ или проэцирующихъ моментовъ, которые только въ своей совокупности даютъ предметъ. Интенція предполагаетъ объективацию. Интенціональная теорія ищетъ такимъ образомъ своего завершенія въ трансцендентальной философіи; сама по себѣ она не закончена; то, что она принимаетъ какъ фактъ, трансцендентальный методъ долженъ, если не объяснить, то *обосновать*; фактъ различія между актомъ и предметомъ, истиной и бытіемъ требуетъ не только статическаго, но и динамическаго разсмотрѣнія; тогда оказывается, что предметъ, несмотря на свое полное отличіе отъ акта, «*творится*» этимъ актомъ. Этотъ «динамизмъ» не слѣдуетъ понимать психически; и аргументы противъ психологическаго толкованія динамической теоріи познанія мы можемъ найти, стоя именно на точкѣ зрѣнія Гуссерля. Интенціональность, подлежащая трансцендентальному обоснованію, вовсе не есть психологическая, а логическая—интенціональность высшаго порядка; это есть раздвоенность и соотнесенность

чистой, идеальной науки и міра. Наука сама изъ себя *творитъ* міръ. Но это творчество не есть дѣятельность; это есть логическое *полаганіе* предмета, какъ субъектъ возможныхъ предикацій. Всякое сужденіе самымъ фактомъ своей логической значимости объективируетъ свое содержаніе, и оно не можетъ этого не дѣлать, оно полагаетъ свое содержаніе, какъ субъектъ такихъ предикатовъ, которые по отношенію къ нему самому теряютъ всякій смыслъ; оно необходимо дѣлаетъ его своимъ предметомъ, тѣмъ фактомъ, на примѣръ, что оно *мнитъ* (meint) его протяженнымъ. Эта объективация принадлежитъ къ *сущности* его логическаго смысла. Не психическій актъ сужденія, а только смыслъ его объективируетъ; эта функція присуща логической значимости, а не психической дѣятельности. Міръ не есть объектъ моей *психики*, ибо сама моя психика есть часть этого міра, а только *объектъ науки*, какъ идеальной и законченной системы логическихъ значимостей.

Наука есть идеальная система и міръ ея объектъ; въ ясной и отчетливой формулировкѣ этого положенія лежитъ историческая цѣнность «Логики» Гуссерля. Наука не возникаетъ и не развивается въ процессъ изслѣдующаго научнаго сознанія, какъ того хочетъ «марбургская школа» съ Когеномъ во главѣ: она есть готовая, вполне законченная система. Не психическое сознаніе и не «чистое мышленіе» строятъ міръ; его строить *наука* при помощи своихъ исключительно конститутивныхъ категорій. Съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія чистой науки въ гуссерлевскомъ смыслѣ, оказываются ненужными и излишними всѣ «рефлексивныя категоріи» Виндельбанда¹⁾ и методологическія категоріи Логики Когена²⁾; въ этой «методологіи изслѣдующаго сознанія» психологизмъ находитъ свое послѣднее убѣжище. Гуссерль своимъ понятіемъ науки изгоняетъ его и отсюда. Не изслѣдующимъ сознаніемъ занимается логика и не тѣми методическими средствами, при помощи которыхъ оно «*достигаетъ*» своего предмета; трансцендентальныя условія *изслѣдованія* логика оставляетъ въ сторонѣ; они не являются конститутивными элементами *науки* и ничего не приносятъ новаго для построенія

1) Windelband. System der Kategorien.

2) Cohen. Logik der reinen Erkenntniss. S. 349—499. Особенно важна въ этомъ отношеніи глава: Das Urtheil der Wirklichkeit. S. 391—428.

міра, ибо міръ есть продуктъ и объектъ науки, а не изслѣдующаго сознанія. Физикъ въ своихъ изслѣдованіяхъ можетъ пользоваться и «гипотезами», и «ощущеніемъ» какъ методами научнаго изслѣдованія. Въ чистой наукѣ ни гипотезы, ни ощущение не имѣютъ мѣста. Методологическое значеніе *ощущенія* въ процессѣ изслѣдованія огромно и потому требуетъ особаго «постулята» въ гносеологіи. Въ этомъ постулатѣ должна быть опредѣлена роль ощущенія въ «нашемъ» познаніи¹⁾. Не содержаніе ощущенія объективируется здѣсь (это есть задача категорій реальности), а само ощущение въ его методическомъ значеніи для *познаванія*²⁾. Единственно возможное для «насъ» средство признать нѣчто дѣйствительнымъ есть аппеляція къ ощущенію; поэтому *ощущеніе, какъ постулатъ*, можетъ имѣть только субъективно-трансцендентальное значеніе; оно указываетъ «намъ» на *дѣйствительное присутствіе* предмета и требуетъ его познанія; но само познаніе выполняется при помощи конститутивныхъ категорій; поэтому ощущение остается только «задачей», лучше сказать, оно *ставитъ намъ задачу*, именно задачу познать указанный ощущеніемъ предметъ, т.-е. объективировать его въ «научномъ сознаніи». Въ самомъ царствѣ истинъ и, слѣдовательно, для теоріи чистой науки этотъ «постулатъ», такъ же какъ и всѣ остальные методологическія основоположенія, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ для чистой науки нѣтъ никакихъ «задачъ», никакихъ требованій; она ничего не ищетъ и не изслѣдуетъ, ибо въ ней все найдено, и все рѣшено. Психологизмъ заключается въ данномъ случаѣ не въ томъ, что методологическія основоположенія, въ кантовской терминологіи—постулаты, *вообще выставляются*; они безусловно имѣютъ свое мѣсто въ теоріи познанія, именно какъ *трансцендентальныя условія изслѣдованія*; психологизмъ заключается въ томъ, что въ нихъ видятъ факторы, *обосновывающіе саму науку*; онъ коренится въ смѣшеніи понятія науки съ понятіемъ изслѣдующаго научнаго сознанія. Гуссерлевское раздѣленіе «поэтическихъ» (субъективныхъ) и идеальныхъ (объективныхъ) условій науки³⁾ предохраняетъ теорію познанія отъ этого смѣшенія и тѣмъ изгоняетъ психологизмъ изъ его послѣдняго убѣжища.

1) Cohen. Kants Theorie der Erfahrung. 484 ff. Logik 391 ff.

2) Kants Theorie d. Erfahrung. 487.

3) Log. Unters. B. I, 110—112; 228 ff.

Этимъ мы закончимъ нашу задачу дать критику современнаго психологизма съ точки зрѣнія Гуссерля.

Однако, самъ Гуссерль далеко не свободенъ отъ психологизма. Мы уже сказали, что психологизмъ встрѣчаетъ его въ томъ самомъ пунктѣ, гдѣ онъ, казалось бы, былъ отъ него дальше всего, именно въ его ученіи объ идеяхъ. Онъ коренится не въ самомъ этомъ ученіи, какъ таковомъ (само по себѣ оно является кульминаціоннымъ пунктомъ антипсихологизма), а въ его примѣненіи къ ученію объ истинѣ и смыслѣ сужденій. Если смыслъ сужденія есть идея, т.-е. общее понятіе для отдѣльныхъ единичныхъ сужденій¹⁾, то чѣмъ оно отличается отъ психологическаго понятія о «сужденіи вообще», или о «данномъ сужденіи вообще»? Точно также, если число есть идея отъ отдѣльныхъ актовъ счисланія²⁾, то чѣмъ отличается оно отъ этихъ «актовъ счисланія вообще»? Онъ, конечно, сознаетъ это и старается освободиться отъ этого психологизма; но тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно освобождается отъ него, тамъ понятіе смысла теряетъ у него значеніе *идеи* отъ отдѣльныхъ психическихъ актовъ и превращается въ недостаточно опредѣленное понятіе «содержанія»³⁾. Въ этомъ отношеніи онъ обнаруживаетъ постоянныя колебанія. Въ нашу задачу не входитъ критика Гуссерля; поэтому мы не имѣемъ возможности прослѣдить подробно эти колебанія. Мы указываемъ только на крупный пробѣлъ въ его системѣ, заполнить который есть задача будущаго; и это есть труднѣйшая задача всей теоріи познанія: отношеніе между истиной, идеальнымъ смысломъ сужденія и самимъ психическимъ процессомъ сужденія. Попытка Гуссерля мыслить это отношеніе, какъ отношеніе общаго къ частному, содержитъ въ себѣ неизбѣжный антропологизмъ; поэтому оно должно быть построено иначе. Какъ? На это должно отвѣтить будущее. Пока оно остается для насъ необъяснимымъ «чудомъ». Одно можно сказать, что эта проблема должна быть рѣшена *положительно*; всякая попытка принципиально отрицать это отношеніе приводитъ къ разрушенію теоріи познанія и тѣмъ уничтожаетъ самое себя. Мы согласны объявить это отношеніе необъяснимымъ чудомъ, но отрицать мы его не можемъ, ибо это равнозначаетъ отрицанію жизнепознанія.

Г. Ланцъ.

1) В. I, 129, 171, 187 и др. В. II, 97, 101 и др.

2) В. I, 171.

3) В. I, 173, 184, В. II, 97, 99 и мн. др.

Проблема абстракціи.

(Объ основаніяхъ достовѣрности сужденій, исключенія изъ которыхъ непредставимы).

I.

Мы опредѣлили ¹⁾ задачу теоріи познанія, какъ сведеніе психологической очевидности, связанной съ извѣстными истинами (такъ называемыми аксіоматическими сужденіями), къ такой конечной или абсолютной достовѣрности, отрицаніе которой было бы не только психологически-невозможно, но и лишено всякаго смысла. Такой исходной точкой всяческой очевидности мы признали *констатированіе наличнаго*, т.-е. непосредственное указываніе на наличныя въ нашемъ опытѣ въ данную минуту переживанія и ихъ качества. Мы видѣли, что существуютъ сужденія, легко сводимыя на это указываніе: такъ называемыя «сужденія воспріятія». Достаточно раскрыть ихъ значеніе, т.-е. отъ словесной ихъ формы перейти къ ихъ настоящему содержанію, т.-е. ухватить вниманіемъ тѣ части непосредственнаго опыта, на какія указываютъ ихъ подлежащее и ихъ сказуемое, чтобы понять, что эти сужденія выражаютъ только фактъ констатированія, а именно фактъ констатированія того, что извѣстное наличное данное (воспріятіе, чувство и т. д.) сознается *сходнымъ* съ другимъ даннымъ (съ представленіемъ о нѣкоторомъ признакѣ) или точнѣе—соотвѣтствующимъ этому данному.

Мы изслѣдовали составъ этихъ сужденій,—мы нашли, что настоящимъ ихъ подлежащимъ всегда является наличное впечатлѣніе—цѣлостное, конкретное переживаніе, ни на что далѣе

¹⁾ См. статью пишущаго эти строки „О понятіяхъ истинности и достовѣрности въ теоріи познанія“. „Вопр. Филос. и Псих.“ 1908 годъ, кн. 94.

не указывающее. (Различіе между такими цѣлостными переживаніями и другими, являющимися только символами чего-то другого, т.-е. понятіями и общими представленіями, мы тоже непосредственно констатируемъ, т.-е. улавливаемъ вниманіемъ, какъ данное). Такимъ образомъ, говоря вмѣстѣ съ Миллемъ, грамматическія, словесныя подлежащія «сужденій воспріятія», собственно говоря, лишены логическаго значенія и служатъ лишь простыми помѣтками—въ той же мѣрѣ, какъ собственные имена. Что же касается грамматическихъ сказуемыхъ этого рода предложеній, то мы нашли, что они—слова *соозначающія*, и ихъ значеніями всегда являются общія представленія о томъ или иномъ качествѣ. Все же предложеніе, въ его цѣломъ, есть въ данномъ случаѣ описаніе того факта, что въ нашемъ непосредственномъ опытѣ извѣстныя наличныя впечатлѣнія сознаются схожими или сочетанными (сливающимися въ извѣстномъ смыслѣ) съ нѣкоторыми, наличными же представленіями о нѣкоторыхъ качествахъ. Напр., когда мы говоримъ «это—бѣлое», мы имѣемъ въ виду соотвѣтствіе наличнаго ощущенія нашему «представленію» о бѣлизнѣ.

Такимъ образомъ, на ряду съ силлогистическимъ способомъ обоснованій истинъ (а любое индуктивное доказательство есть также видъ силлогистическаго обоснованія), для насъ открылся и другой путь: путь сведенія извѣстныхъ сужденій къ непосредственному констатированію нѣ котораго наличнаго факта, т.-е. сознанія сходства или сочетанности нѣ которыхъ наличныхъ переживаній. Правда, этотъ путь доказательства съ помощью, такъ сказать, «непосредственнаго усмотрѣнія», т.-е. сосредоточенія вниманія на данныхъ намъ наличныхъ переживаніяхъ, оказался до сихъ поръ примѣнимымъ только въ одномъ случаѣ: въ обоснованіи «сужденій воспріятія» (которыя нѣ которыми логиками, напр. Зигвартомъ, называются сужденіями аналитическими). Но разъ онъ оказался пригоднымъ хотя бы только въ одномъ этомъ случаѣ, то есть надежда на то, что удастся его примѣнить и въ другихъ.

Настоящая статья имѣетъ своей задачей примѣнить новый способъ обоснованія къ тому классу сужденій, которыя я въ прошлой своей статьѣ называлъ «аксіомами конкретности», т.-е. къ тѣмъ изъ основныхъ истинъ, исключенія изъ которыхъ *непредставимы*, не могутъ быть реализованы въ воображеніи. Сюда

относятся, какъ извѣстно, всѣ, напримѣръ, геометрическія аксіомы, такъ что тему настоящей статьи можно приравнять къ вопросу кантовскихъ «Прологоменъ»: какъ возможны апріорныя синтетическія сужденія въ математикѣ?

Отъ изученныхъ нами простыхъ «сужденій воспріятія», эти сужденія отличаются двумя признаками:

Во-первыхъ, грамматическое ихъ подлежащее является *соозначающимъ* терминомъ, а не простой помѣткой цѣлостнаго переживанія. Терминъ, служащій въ этихъ сужденіяхъ подлежащимъ, указываетъ не на конкретное данное, а на нѣкоторое *понятіе*, т.-е. такое данное, которое является только символомъ или замѣстителемъ извѣстнаго качества или *общаго признака*.

Во-вторыхъ, указываемая въ этихъ сужденіяхъ связь двухъ признаковъ или качествъ переживаній (признака, указываемаго подлежащимъ, и признака, указываемаго сказуемымъ) должна имѣть *всеобщій характеръ*, т.-е. встрѣчаться съ безусловной необходимостью не только среди наличныхъ переживаній, но и среди любыхъ вообще данныхъ, за предѣлами наличнаго опыта. Сужденія воспріятія были *имманентными сужденіями*; ихъ «значимость» ограничивалась предѣлами наличнаго въ данный моментъ опыта; сужденія же конкретности *трансцендентны* (по отношенію къ наличному опыту); ихъ значимость всеобщая и необходимая.

И такъ проблема представляется слѣдующая:

Даны сужденія, въ которыхъ изображается нѣкоторая связь понятій. При этомъ признается за достовѣрное, что такой связи необходимо должны соответствовать не только качества содержащихся въ наличномъ сознаніи переживаній, но и качества всѣхъ рѣшительно переживаній, гдѣ бы, когда бы и въ какой бы связи эти переживанія ни встрѣчались. Высказывая, напр., аксіому о прямой (прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками), мы сознаемъ, что приложимость этого сужденія не ограничивается однѣми только прямыми линіями, наблюдаемыми въ наличномъ опытѣ сейчасъ,—такъ сказать, находящимися передъ нашими глазами. Напротивъ, мы убѣждены въ томъ, что когда бы, гдѣ бы и въ какой бы обстановкѣ мы ни наблюдали прямые линіи, онѣ всегда будутъ представлять собою наикратчайшія разстоянія между двумя точками. Но такъ какъ прямое сравненіе содержанія аксіомы со всѣми тѣми безчисленными

случаями, на которые она указывает, невозможно, то остается только два выхода: либо допустить, что провѣрить и обосновать аксіому вообще совершенно невозможно и слѣдуетъ принимать ее на вѣру, хотя бы ради того чувства абсолютной очевидности, съ которымъ она связана; либо же найти способъ для сведенія аксіоматическаго сужденія къ нѣкоторому сужденію воспріятія, сведя ее абстрактное подлежащее къ извѣстному конкретному данному. Нами избранъ именно этотъ второй путь.

II.

Въ сужденіяхъ всегда изображается нѣкоторая связь, но не цѣлостныхъ конкретныхъ переживаній, а ихъ отдѣльныхъ признаковъ или качествъ. Мы разсуждаемъ не въ представленіяхъ, а въ понятіяхъ, т.-е. не въ живыхъ образахъ, а въ особыхъ отвлеченныхъ значкахъ, такъ же относящихся къ качествамъ впечатлѣній, какъ представленія — къ цѣлостнымъ впечатлѣніямъ. Представленіе говоритъ мнѣ о томъ, что за предѣлами наличнаго опыта существуетъ опредѣленное воспріятіе, замѣстителемъ котораго оно служить. Понятія такіе же замѣстители. Они тоже указываютъ на то, чего въ нихъ самихъ нѣтъ: на *качества* первичныхъ переживаній ¹⁾. Существованіе понятій и представленій, какъ фактовъ непосредственнаго сознанія, не можетъ подлежать спору. Но существованіе тѣхъ первичныхъ переживаній или тѣхъ признаковъ первичныхъ переживаній, на какія они указываютъ—по существу гипотетично и спорно. Какъ бываютъ иллюзіи памяти, такъ возможны и абстрактныя заблужденія. И представленія, и связи понятій суть символы отсутствующихъ реальностей и нуждаются въ вѣрительныхъ грамотахъ. Къ нимъ приложима категорія истины.

Что же собственно обозначаютъ понятія? Не воспріятія, а ихъ *качества* или *признаки*. Какое бы воспріятіе мы ни переживали, мы всегда можемъ уловить въ немъ нѣсколько различныхъ сторонъ. Когда я слышу звонъ колокольчика, я могу различить въ этомъ впечатлѣніи *силу* звука, его типичную *серебристость*, его большую или меньшую *высоту*. На эти стороны конкретныхъ

¹⁾ Ср. статью пишущаго эти строки «Über zwei wissenschaftliche Begriffe d. Denkens». Arch. für. system. Philosophie. 1909, № 1.

переживаній, которыя мы въ нихъ различаемъ, и указываютъ наши понятія. Воспріятію конкретнаго звука съ его различными сторонами или признаками отвѣчаетъ сумма понятій: высота+сила+тембръ. Когда мы утверждаемъ въ абстракціи, что каждый звукъ обладаетъ высотой, силой и тембромъ, то связь понятій въ этомъ отвлеченномъ сужденіи указываетъ на связь *признаковъ*, которые должны наблюдаться въ любомъ живомъ воспріятіи.

Но что такое признаки воспріятій? Что отличаетъ ихъ отъ цѣлостныхъ впечатлѣній? Психологія объ этомъ молчитъ. Для нея, вообще говоря, и самыя воспріятія, и ихъ отдѣльные частичныя признаки одинаково—элементарныя ощущенія ¹⁾. Разумѣется, никто намъ не препятствуетъ называть ощущеніями что угодно. Но слѣдуетъ всегда помнить, что между признакомъ и цѣлостнымъ впечатлѣніемъ существуетъ коренное различіе. Ощущеніе—самостоятельный элементъ, его можно пережить обособленно; признакъ же всегда только часть и никогда не можетъ быть цѣлымъ. Нельзя сказать—«я ощутилъ тембръ», какъ говорятъ «я ощутилъ звукъ». Ощутить можно только цѣлостный звукъ и въ немъ уже уловить или различить тембръ, какъ одинъ его частичный аспектъ.

Каждое конкретное впечатлѣніе вполне довлѣетъ себѣ. Удалите изъ сознанія остальные,—оно останется во всей своей жизненности. Мы можемъ ощущать грохотъ, зубную боль, черное пятно, не воспринимая ничего посторонняго. Но признаки не отдѣлимы отъ цѣлаго, въ которомъ уловила ихъ мысль. Они только въ этомъ цѣломъ и существуютъ, и если исчезаетъ оно, то и они немедленно исчезаютъ. Я не могу вырвать изъ звона ощущеніе его серебристости и ощущать это качество обособленно или выхватить изъ розоваго пятна специфическій нюансъ его цвѣта и видѣть не пятно, а одинъ цвѣтъ, безъ формы и протяженія въ пространствѣ. Качество не элементъ впечатлѣнія, который можно было бы вынуть, посмотреть отдѣльно и положить обратно. Впечатлѣніе не складывается изъ качествъ, какъ мозаичная картина изъ камешковъ. Оно цѣлостно, едино и однородно, и качества какъ бы проникаютъ его насквозь.

¹⁾ Я исключаю, конечно, такого рода психологическіе труды, какъ «Allg. Psych. Joh. Rehmke—съ одной, «Psych. als Erfahrungsw». H. Cornelius, а также психологію Brentano—съ другой стороны.

Получается странное противорѣчіе: единое и простое переживаніе, неразложимое на простѣйшіе элементы, все же заключаютъ въ себѣ множественность. Единый и простой звукъ заключаетъ въ себѣ *тройственное знаніе* о высотѣ, силѣ и тембрѣ; единый зрительный образъ—цвѣтъ, форму, размѣръ. Казалось бы, для каждаго изъ этихъ знаній необходимо *отдѣльное* переживаніе, отдѣльное состояніе сознанія. А между тѣмъ качества воспріятій не существуютъ въ видѣ отдѣльныхъ переживаній: они прикрѣплены къ впечатлѣніямъ и слиты съ ними въ нераздѣльное цѣлое.

Мы оказываемся въ безвыходномъ кругѣ, незамѣченномъ и неразсмотрѣнномъ психологіей. Когда я слышу, какъ звенитъ колокольчикъ и подмѣчаю серебристость этого звона, *знаніе* о признакѣ звука, о специфическомъ его тембрѣ несомнѣнно присутствуетъ въ моемъ опытѣ. Стало-быть, это знаніе мнѣ дано и существуетъ, какъ особое данное. Но вотъ я начинаю перебирать наличные въ сознаніи элементы и убѣждаюсь, что даннаго «серебристость» *въ ихъ числѣ нѣтъ*.

Ощущеніе серебристаго звона не распадается на вторичные элементы, оно простой цѣлостный фактъ, изъ котораго ничего нельзя выдѣлить. Оно можетъ цѣликомъ появиться и цѣликомъ уйти изъ сознанія, но въ немъ нѣтъ отдѣльныхъ частей, которыя можно было бы выхватить и фиксировать въ сторонѣ отъ цѣлаго. Такимъ образомъ качество «серебристость» не есть часть даннаго «звонъ». Но это качество мы тщетно будемъ искать и среди другихъ наличныхъ переживаній. Каждое изъ нихъ цѣлостно, обладаетъ специфическимъ содержаніемъ и не есть признакъ другого. Мы найдемъ въ полѣ сознанія еще особыя мысли, особыя акты вниманія, направленные на ощущеніе звона. Но это тоже специфическія переживанія: они указываютъ на внѣшнюю имъ «серебристость», какъ палецъ на вѣвѣскѣ указываетъ на надпись, но въ себѣ ее не содержитъ. Наконецъ, мы наталкиваемся на понятія: но и они своеобразныя данныя, *указывающія* на качества воспріятія, но не *тождественныя* съ этими качествами. Серебристость, улавливаемая въ воспріятіи, не совпадаетъ съ понятіемъ серебристости.

Получается, что качества воспріятій и существуютъ, и въ то же время не существуютъ. Существуютъ потому, что мы ихъ сознаемъ. Не существуютъ потому, что ни одно изъ конкрет-

ныхъ переживаній въ полѣ нашего опыта не можетъ быть отождествлено съ ними ¹⁾).

Изъ такого логическаго тупика есть только одинъ выходъ: если признаки или качества воспріятій не находятся ни внутри самихъ данныхъ, ни внѣ ихъ, или на ряду съ ними, то стало быть они зависятъ отъ *группировокъ*, въ какихъ переживаются данные. Переживать или ощущать признакъ—означало бы, при такомъ взглядѣ, переживать данные въ опредѣленной группировкѣ или комбинаціи, а имѣть понятіе о признакѣ—переживать символъ, косвенно указывающій на эту комбинацію или группировку.

Анализъ нашего опыта подтверждаетъ такое предположеніе. Когда я слышу звонъ колокольчика и сознаю, что звонъ этотъ серебристый, я вовсе не расчлѣняю моего ощущенія и не выхватываю одну его часть (звонъ остается цѣлостнымъ воспріятіемъ, специфическимъ, качественно опредѣленнымъ и притомъ простымъ даннымъ): я просто *отличаю* его, какъ звукъ опредѣленнаго качества, отъ другихъ звуковъ или представленій о звукахъ, констатирую или сознаю его принадлежность къ опредѣленной, хорошо мнѣ извѣстной группѣ звуковыхъ впечатлѣній. Такимъ образомъ воспріятіе качества есть *сознаніе принадлежности* даннаго къ опредѣленной группѣ переживаній или, точнѣе, — къ одному изъ тѣхъ *составныхъ единствъ*, на которыхъ расчленяется совокупный нашъ опытъ (объ этихъ *единствахъ* будетъ еще сказано ниже). Отвлеченное же понятіе качества есть указаніе на такую принадлежность.

Теперь уже вполнѣ уясняется, почему качество неотдѣлимо отъ впечатлѣнія. Для того, чтобы войти въ составъ группы, необходимо быть налицо. Невозможно констатировать *принадлеж-*

¹⁾ Ср. Арист. *Metaph.* III. 4 и изложенныя тамъ *ἀπορίαι* по поводу единичности (численной или качественной) *общихъ* элементовъ. Либо общее — единично нумерически — тогда оно есть частное (*καθ'ᾧκεῖται*); либо оно единично-качественно, — тогда гдѣ его искать, ибо вѣдь существуетъ (*ἐνεργεία*) только частное и множественное? Въ новѣйшей литературѣ на этихъ затрудненіяхъ подробно останавливается Г. Гомперцъ во II части своей «*Weltanschauungslehre*», стр. 185—186. Съ этой книгой я ознакомился не только послѣ того, какъ написалъ настоящую статью (почти цѣликомъ написанную въ 1905 г.), но и послѣ того, какъ эта статья была *набрана*. (Книга Гомперца появилась почти черезъ годъ послѣ того, какъ настоящая статья была прочитана въ видѣ доклада въ С.-Петербург. Философск. Обществѣ).

ность, не имѣя передъ глазами того комплекса, къ которому принадлежит данное, и одновременно и самое данное. Устраните изъ сознанія впечатлѣніе, и съ нимъ вмѣстѣ вы устраните и его качества, т.-е. непосредственное констатированіе его принадлежности къ тѣмъ или инымъ группамъ.

Бываетъ и такъ, что впечатлѣніе налицо, но нѣтъ знанія о группахъ или единствахъ, къ которымъ оно примыкаетъ. Дѣти могутъ ощущать звуки и даже различать ихъ другъ отъ друга, не улавливая въ переживаемыхъ впечатлѣніяхъ высоту, силу и тембръ. По той же самой причинѣ количество признаковъ воспріятія не является заранѣе опредѣленнымъ, оно способно расти по мѣрѣ роста сознанія и отложенія въ немъ стойкихъ комплексовъ.

Психологія давно уже знаетъ, что качество неотдѣлимо отъ воспріятій, что отдѣльный признакъ, выхваченный изъ цѣлаго, не можетъ ни чувственно ощущаться, ни наглядно переживаться въ фантазіи. Тѣмъ не менѣе, описывая абстракцію, не задумывались представлять дѣло въ такомъ видѣ, что вниманіе удерживаетъ, «фиксируетъ» одинъ изъ признаковъ конкретнаго воспріятія и отбрасываетъ или игнорируетъ остальные. «Abstraktes Denken говоритъ, напр., Шопенгауэръ,—besteht einfach im Fallenlassen einiger Eigenschaften und im Festhalten anderer». Это было бы дѣйствительно «очень просто», если бы отдѣльное качество могло отъединяться отъ прочихъ. Но вѣдь оно только и существуетъ *въ видѣ части нерасторжимаго цѣлаго* и вниманіе, ухватывая одинъ признакъ, необходимо получаетъ въ придачу всю сумму остальныхъ признаковъ. Это очень неудобная премія, но отъ нея ему не отдѣлаться. Вдобавокъ, въ цѣлостномъ единомъ переживаніи (напр., ощущеніи звука) нѣтъ вообще *никакихъ* частей, *никакихъ* различимыхъ элементовъ, на которые могло бы направляться вниманіе. Если брать это ощущеніе обособленно, то оно вполнѣ однородно; съ какой стороны ни взгляни, оно все—одно и то же.

Если думать, какъ думали до сихъ поръ, что качество есть часть впечатлѣнія и въ немъ самомъ пребываетъ, то выдѣленіе отдѣльнаго качества становится необъяснимой загадкой и абстракція — *логической невозможностью*. Къ какой уловкѣ должно прибѣгнуть вниманіе, чтобы постоянно имѣя передъ собою цѣльное конкретное впечатлѣніе, видѣть въ немъ различныя стороны, да еще отдѣлять ихъ другъ отъ друга?

Гдѣ беретъ начало абстракція? Обычное воззрѣніе утверждаетъ, что воспріятія сравниваются между собой и совпадающія ихъ свойства фиксируются. Но если для вниманія невозможно попеременно выхватывать и фиксировать въ каждомъ переживаемомъ впечатлѣніи то одну, то другую сторону, если всѣ онѣ неизбѣжно должны представляться ему сразу,—то для него одинаково невозможно, при разсмотрѣніи *рядовъ* впечатлѣній, останавливать свой взоръ на однородныхъ ихъ качествахъ, совершенно игнорируя остальные. Понятія при такихъ условіяхъ совершенно не могло бы образоваться, потому что вмѣстѣ съ однородными качествами напр., тождественнымъ тембромъ, размѣстятся въ полѣ вниманія и всѣ прочія, съ ними связанныя, такъ что въ результатѣ получится не актъ вниманія, направленный на одинъ признакъ, а актъ вниманія, сразу направленный на всѣ признаки.

Не забудемъ, что каждый фактъ нашего сознанія—стало быть и отвлеченное знаніе о признакахъ или качествахъ впечатлѣній—долженъ быть либо специфическимъ даннымъ, т.-е. цѣлостнымъ, конкретнымъ переживаніемъ, — либо группою такихъ данныхъ. Указаніе на *дѣятельность* субъекта, на то, что онъ въ процессѣ абстракціи *активно* проявляетъ себя, какъ бы накладывая на переживаемыя впечатлѣнія печать своей воли—потому уже должно быть признано неприемлемымъ, что какого бы мнѣнія ни держаться объ активной роли субъекта,—результаты его внутренней дѣятельности, поскольку они проявляются въ сознаніи и такимъ образомъ становятся намъ извѣстны, должны носить такую же форму, какъ всѣ остальные факты сознанія т.-е. быть специфическими переживаніями. Пусть, дѣйствительно, абстрактное знаніе есть результатъ дѣятельности субъекта. Во всякомъ случаѣ, это знаніе *существуетъ*, оно налично въ непосредственномъ опытѣ и, какъ всѣ составныя части этого опыта, должно быть *даннымъ*, т.-е. содержаніемъ сознанія, или группою такихъ данныхъ.

Прѣтоу *φεδος* всѣхъ теорій абстракціи—какъ допускающихъ активность субъекта, такъ и отрицающихъ его дѣятельность—заключается въ ошибочномъ допущеніи, что качества заключены въ воспріятіяхъ, въ видѣ составныхъ элементовъ, слитыхъ въ цѣлое нерасторжимою связью. Въ противность этимъ теоріямъ, приводящимъ къ логическому абсурду, мы утверждаемъ, что

качества или признаки *не вкраплены* въ само впечатлѣніе, а составляютъ какъ бы рефлексъ, бросаемый на него *извне*—положеніемъ его въ нашемъ опытѣ.

III.

Мнѣ хотѣлось бы разобрать и устранить нѣсколько недоразумѣній, которыя могли бы возникнуть при разсмотрѣніи изложенныхъ взглядовъ. Рѣчь идетъ о постоянномъ вопросѣ, гдѣ граница между психологіей и теоріей познанія? Можетъ показаться на первый взглядъ, что устанавливая сущность того, что мы зовемъ «качествами» впечатлѣній, я схожу на психологическую почву и строю психологическія теоріи. На самомъ дѣлѣ я остаюсь вѣрнымъ своему методу: сведенію психологической очевидности къ достовѣрности *непосредственнаго констатируванія*, или же другими словами, сведенію всего нашего знанія къ такъ называемымъ «сужденіямъ воспріятія». Конечно, весь нашъ непосредственный опытъ есть нѣчто, данное намъ въ сознаніи, и въ этомъ смыслѣ можетъ быть названъ психическимъ, такъ что и указываніе на него (что и составляетъ сущность моего метода) можетъ быть названо психологическимъ указываніемъ. Но поскольку я не иду дальше этого указыванія и всѣми словесными средствами моей аргументаціи только направляю вниманіе моего читателя или слушателя на факты его непосредственнаго опыта,—я остаюсь въ области абсолютной достовѣрности и меня нельзя упрекнуть въ психологизмъ, т.-е. въ пользованіи научными методами, имѣющими своей предпосылкой тѣ самыя исходныя аксіоматическія сужденія, достовѣрность которыхъ я ставлю своей задачей оправдать.

Примѣнительно къ вопросу о качествахъ мой методъ заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего, я устанавливаю какъ фактъ, (пользуясь сужденіями воспріятія), что мой наличный непосредственный опытъ складывается изъ суммы переживаній, обособленныхъ и отграниченныхъ другъ отъ друга. Переживанія эти могутъ быть ясными или смутными, но поскольку они непосредственно даны, поскольку мы находимъ ихъ въ нашемъ опытѣ, они даны въ видѣ обособленныхъ единицъ, такъ что каждая изъ этихъ составныхъ частей нашего опыта выступаетъ какъ отличная отъ другихъ. Это наше первое «констатируваніе».

На ряду съ нимъ можно сдѣлать второе. Отграниченныя и обособленныя другъ отъ друга переживанія, изъ которыхъ состоятъ опытъ, не только просто нами испытываются, но сопровождаются еще знаніемъ объ ихъ качествахъ. Я не просто имѣю въ своемъ опытѣ зрительное переживаніе пятна, но еще и знаю, что оно бѣлое. Спрашивается: есть ли это знаніе о качествахъ составная часть наличнаго переживанія, такъ что послѣднее можно было бы раздѣлить на два отличныхъ другъ отъ друга переживанія (напр. въ случаѣ воспріятія зрительнаго пятна на воспріятіе бѣлизны и воспріятіе пространственной формы), или въ нашемъ непосредственномъ опытѣ такого раздѣленія не имѣется? Нетрудно непосредственно убѣдиться, что *переживанія изъ качествъ не состоятъ*. Воспріятіе зрительнаго пятна не есть отдѣльное воспріятіе бѣлизны—отдѣльное воспріятіе формы. Громкій паровозный свистокъ не есть отдѣльное воспріятіе громкости—отдѣльное воспріятіе «паровознаго» тембра—звука. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собой не сумму или совокупность, не нѣчто составное, а цѣлостное и единое данное, въ которомъ мы—это намъ извѣстно какъ фактъ,—только какъ бы вторично различаемъ или узнаемъ отдѣльныя его качества. *Противоположность между испытываніемъ суммы раздѣльныхъ переживаній и усмотрѣніемъ качествъ въ единомъ переживаніи—есть фактъ непосредственнаго нашего опыта.*

Теперь спрашивается, что присоединяется къ впечатлѣнію, когда дано усмотрѣніе его качества? Я слышу звукъ и слышу, что онъ громкій. Что же присоединяется въ этомъ узнаваніи громкости звука къ простому испытыванію звука? Всякій скажетъ, что нельзя узнать звукъ, какъ громкій, не имѣя воспоминанія или представленія о громкихъ и тихихъ звукахъ. Мы сознаемъ, что данный звукъ—громкій, т.-е. сознаемъ то, что онъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ разрядомъ воспоминаній образуетъ нѣкоторое высшее единство. У человѣка, не имѣющаго воспоминаній, могутъ быть конкретныя воспріятія, но не можетъ быть знанія объ ихъ качествахъ. Всѣ слова, обозначающія качества: бѣлый, громкій, круглый, тяжелый—означаютъ непосредственно сознаваемую принадлежность къ извѣстнымъ составнымъ частямъ опыта; знаніе о качествахъ есть знаніе о непосредственно сознаваемой или непосредственно данной *группировкѣ* переживаній.

Мнѣ хотѣлось бы еще разъ отмѣтить, что этотъ взглядъ на

природу качествъ переживаній не есть *психологическая теорія*: мы просто констатируемъ то, что дано намъ въ непосредственномъ опытѣ: *во-первыхъ*, несомнѣнную разницу между знаніемъ о нѣсколькихъ качествахъ нѣкотораго конкретнаго переживанія — и простой суммой конкретныхъ переживаній; *во-вторыхъ*, присутствіе въ знаніи о качествѣ самаго того содержанія, къ которому качество относится (напр., въ воспріятіи громкости самаго громкаго звука); *въ-третьихъ*, непосредственно сознаваемое объединеніе переживаній въ группы (звуки, пятна, запахи, вкусы, шумы, скрипы, шорохи и т. д.). Вся задача предшествующей аргументаціи состояла только въ воздѣйствіи на вниманіе читателя, въ сосредоточеніи этого вниманія на фактахъ непосредственного опыта.

Скажутъ, что если-бы изложенные факты дѣйствительно составляли часть наличной данности, то они тѣмъ самымъ необходимо были-бы уже заранѣе извѣстны всякому человѣку и не приходилось бы «обращать на нихъ вниманія» при помощи словесныхъ воздѣйствій. Но никогда не слѣдуетъ забывать, что наши мысли, какъ психическія переживанія, не совпадаютъ съ ихъ *значеніемъ*, т.-е. съ тѣмъ, на что эти мысли указываютъ. Мышленіе наше въ большинствѣ случаевъ состоитъ только въ смутномъ чувствованіи особаго «вкуса» словъ («ореола», — *fringe* — какъ выражается Джэмсъ), а не въ отчетливой реализаціи ихъ значенія.

Необходимо отъ неопредѣленнаго, всегда сильно окрашеннаго грамматической функціей «психологическаго» «вкуса» или «смысла» словъ перейти къ отчетливому знанію о томъ, на что собственно эти слова указываютъ. Психологическій смыслъ слова есть тоже нѣчто непосредственно-данное, но смутное, неопредѣленное, многозначное. Его фактическое содержаніе тѣсно сплетено съ цѣлымъ рядомъ неоправданныхъ постулатовъ (возьмите, напр., слово «предметъ», включающее въ себя цѣлую гипотезу). Задача философскаго размышленія заключается въ выдѣленіи изъ этого смутнаго цѣлаго гипотетическихъ, постулятивныхъ его частей. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что самая непосредственная данность — одна для наивнаго сознанія, другая — для философскаго. У перваго вниманіе поглощено смутнымъ содержаніемъ словъ; у втораго поле вниманія занято не словами, не ихъ звуковой оболочкой и не ихъ смутными психологическими

«ореолами», а тѣми данными, на которыя слова указываютъ. Повернуть вниманіе отъ связанныхъ съ мысленно или устно произнесенными словами смутныхъ психологическихъ содержаній къ тому, что обозначается словами—въ этомъ и состояла моя психологическая задача. Но какъ только переходъ у читателя совершился, какъ только его удалось поставить лицомъ къ лицу съ той данностью, на которую указываютъ слова и которая обыкновенно упускается изъ виду, т.-е. не присутствуетъ въ полѣ вниманія, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ даны и тѣ «констатированія», которыя изложены выше. Если же у огромнаго большинства констатированій этихъ на лицо нѣтъ, то, повторяю, исключительно потому, что нѣтъ на лицо въ полѣ вниманія и самой данности, а есть только смутныя психологическія содержанія словъ. Непосредственная данность, указываемая словами, въ то же время и заслонена ими.

Нѣчто непосредственно-данное, (въ логическомъ смыслѣ) не означаетъ еще «чего-то постоянно наличнаго» (въ психологическомъ смыслѣ). Мы очень часто думаемъ о словахъ, не думая о тѣхъ содержаніяхъ, которыя словами обозначаются. Классическій примѣръ такой мысли — извѣстное Лермонтовское двустишіе:

«И Терекъ, прыгая, какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ».

Конечно, Лермонтовъ хорошо зналъ, что у львицы не имѣется гривы, но поглощенный модуляціей словъ, онъ, разумѣется, не думалъ о львицѣ. Въ сущности рѣшительно всѣ метафоры, (а метафорами переполнена наша рѣчь) основаны на томъ фактѣ, что мы мыслимъ преимущественно *въ словахъ* и ихъ «ореолахъ», а не въ фактахъ, обозначаемыхъ словами. Этимъ же объясняются и математическіе софизмы, а также многія абстрактныя заблужденія. Лѣность мысли — фактъ того же порядка. Вся философія есть борьба съ этой лѣностью, борьба съ мышленіемъ въ метафорахъ и словахъ. Психологически—она есть давленіе, поворачивающее вниманіе отъ слова и его психологическаго «ореола» къ игнорируемой непосредственной данности.

Мой взглядъ на качество впечатлѣній можно формулировать еще такъ: ни одно отдѣльное впечатлѣніе, взятое обособлено, внѣ связи съ остальными переживаніями, не можетъ обладать качествами; оно обладаетъ только специфичностью; качества же

могутъ принадлежать только такимъ впечатлѣніямъ, которыя входятъ въ составъ нѣкотораго объединеннаго цѣлаго, нѣкотораго составного опыта. Поскольку въ нѣкоторомъ воспріятіи «улавливаются» или узнаются качества, постольку оно есть только составная часть нѣкотораго болѣе обширнаго цѣлаго.

Далѣе: узнаваніе качествъ предполагаетъ наличность соотвѣтствующихъ этимъ качествамъ группъ или, по крайней мѣрѣ, мысли, знанія объ этихъ группахъ. Для того, чтобы я узналъ данное пятно, какъ бѣлое, у меня должно быть въ наличности «представленіе» бѣлаго, ибо самое-то переживаніе качества есть не болѣе какъ сознаніе сопринадлежности, соединенности въ высшее единство, этого наличнаго представленія съ наличнымъ зрительнымъ воспріятіемъ. Отсюда уже вытекаетъ нѣкоторое «всеобщее и необходимое» предсказаніе на будущее: если въ будущемъ мнѣ будетъ дано знаніе о качествѣ «бѣлое», то вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ дано и знаніе о соотвѣтствующей группѣ переживаній.

Здѣсь мы совершенно не касаемся вопроса, чѣмъ является въ психологическомъ отношеніи знаніе: мы имѣемъ въ виду только *нѣкоторую составную часть опыта*; о природѣ этой составной части опыта гносеологу задумываться не нужно: для него она (т.-е. часть опыта) простой фактъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ говорить объ этихъ непосредственно - констатируемыхъ составныхъ частяхъ опыта, какъ объ общихъ или «генерическихъ» представленіяхъ, вообще—въ психологическихъ терминахъ. Но считаемъ очень важнымъ оговорить (и настоятельно просимъ читателя разъ навсегда запомнить эту оговорку), что мы будемъ пользоваться психологическими терминами исключительно для удобствъ изложенія: для приданія ему большей конкретности. Сама же психологическая сторона вопроса ни въ какой мѣрѣ не затрагиваетъ нашихъ выводовъ: существуютъ ли генерическія представленія или ихъ нѣтъ, (какъ утверждаютъ нѣкоторые психологи), для нашей цѣли совершенно не важно, для насъ важно, что существуетъ *нѣкоторая часть опыта*, сознаніе сопринадлежности съ которой составляетъ узнаваніе качествъ: это — фактъ, нами непосредственно констатируемый. Всѣ же споры о психологической природѣ этой составной части, хотя могутъ быть весьма интересны для психологіи, но не могутъ ни въ какой мѣрѣ затронуть нашихъ выводовъ.

IV.

Всѣ данныя, наличныя въ опытѣ, расположены отдѣльными группами. Человѣкъ вышелъ на улицу: увидѣлъ синее небо съ бѣгущими по немъ облаками, цвѣтныя пятна домовъ, силуэты двигающихся фигуръ, камни мостовой и панели; услышалъ шарканье ногъ, крики, шорохъ колесъ, звонки конокъ, свистки пароходовъ; ощутилъ запахъ зелени, аромат духовъ прошедшей мимо него дамы, запахъ кушанья изъ открытаго окна ресторана; почувствовалъ бодрящее оживленіе, жизнерадостность, увѣренность въ своихъ силахъ. Всѣ его зрительныя впечатлѣнія сливаются въ своей совокупности въ одно пестрое сочетаніе пятенъ; всѣ звуки, уловленные его ухомъ — въ одинъ общій рокотъ и гулъ; всѣ чувства въ общее самочувствіе... Эта пестрота, этотъ рокотъ — эти группы, состоящія изъ множества данныхъ и все же противопоставляющіяся другъ другу, какъ особыя самостоятельныя единицы, — существуютъ настолько же несомнѣнно, какъ отдѣльныя, конкретныя данныя, изъ которыхъ строятся группы. *Намъ даны не просто переживанія, но переживанія, собранныя въ пучки.* Нашъ опытъ непосредственно распадается на *составныя единства.*

Затруднительно отчетливо формулировать, что обусловливаетъ такое соединеніе: всего ближе мы подойдемъ къ истинѣ, если скажемъ, что отдѣльныя данныя, хотя и различающіяся одно отъ другого, объединяются въ пучки или группы специфическимъ состояніемъ сознанія — чувствомъ сходства или сопринадлежности. Не слѣдуетъ только предполагать, что и это состояніе сознанія мы должны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ *узнавать*, какъ таковое: его узнавать не нужно, потому что *не узнаваніе его, а простая наличность въ сознаніи* опредѣляетъ соединеніе данныхъ въ составныя пучки или группы.

Когда въ полѣ вниманія совмѣстно выступаютъ два данныхъ, то возможны два случая: либо эта пара сопровождается особымъ специфическимъ состояніемъ — сознаніемъ сопринадлежности или сходства, — и тогда оба данныхъ сознаются соединенными въ группу; либо это специфическое сознаніе отсутствуетъ, и тогда переживаемыя данныя сознаются просто различными.

Было бы ошибкою думать, что мы сами классифицируемъ воспріятія и лишь вторично создаемъ изъ нихъ группы, сортируя

ихъ по мысленнымъ ящикамъ: вотъ звукъ и его мѣсто среди другихъ звуковъ; вотъ пятно—его надо отнести къ зрительнымъ впечатлѣніямъ; вотъ ароматъ—его слѣдуетъ положить къ запахамъ. На самомъ дѣлѣ происходитъ обратное: воспріятія даны намъ пучками, — принудительно, независимо отъ нашей воли, они навязаны намъ въ такомъ видѣ и уже въ зависимости отъ того, въ какомъ изъ данныхъ пучковъ мы встрѣчаемъ отдѣльное воспріятіе, мы вторично причисляемъ его къ тому или иному разряду.

Теорія ассоціаціи говорила, что ассоціируется однородное съ однороднымъ. Получается такая картина, словно элементы сознанія, первоначально другъ отъ друга оторванные, вторично, механическимъ образомъ, слагаются въ пучки и системы, располагаясь по тождественнымъ признакамъ. Но если сравнивать *отдѣльныя* впечатлѣнія, то въ нихъ нельзя отыскать ни малѣйшаго слѣда однородности. Мы беремъ простыя переживанія — цвѣта, запахи, звуки; ихъ нельзя уже болѣе раздробить на простѣйшіе *конкретные* элементы, которые могли бы оказаться тождественными, а раздробленіе на *абстрактные* элементы предполагаетъ выдѣленіе однороднаго. Мы вертимся въ логическомъ кругѣ.

Трудность устраняется сразу, если допустить вмѣстѣ съ нами, что не ассоціація объясняется однородностью, а, напротивъ, однородность ассоціированностью. То, что въ непосредственномъ опытѣ дано, какъ часть группы, какъ элементы ассоціированнаго пучка, сознается какъ однородное элементамъ, входящимъ въ тотъ же пучокъ. Установленіе однороднаго качества есть просто *констатируваніе факта*, что оба однородныя впечатлѣнія даны намъ въ непосредственномъ опытѣ, какъ части одного цѣлаго, одной ассоціированной группы. Грохотъ выстрѣла и крики разносчика потому лишь однородныя данныя, что составляютъ въ непосредственномъ опытѣ части одного цѣлаго — одного «пучка» или *единства* звуковъ.

Теперь вернемся къ вопросу, какъ происходитъ узнаваніе впечатлѣнія и въ чемъ оно состоитъ.

Не одни только чувственные ощущенія даются постоянно пучками. То же самое относится и къ представленіямъ. Если сумма зрительныхъ впечатлѣній, наличныхъ въ чувственномъ опытѣ, является особою единицею — составнымъ высшимъ единствомъ, отграниченнымъ отъ остальныхъ ощущеній, то и сумма зритель-

ныхъ представлений, наличныхъ въ полѣ сознанія — такая же особая единица, отдѣленная отъ остальныхъ представлений. Наряду съ группами впечатлѣній, въ нашемъ опытѣ есть группы воспоминаній. Наконецъ, есть объемистые комплексы, куда входятъ и впечатлѣнія и представленія. Вся сумма элементовъ, наличная сейчасъ въ моемъ опытѣ, разбита на отдѣльныя группы — на пучки: зрительный, слуховой, осязательный, обонятельный и т. д., и во всѣ такіе комплексы входятъ не одни воспріятія, но и образы исчезнувшихъ данныхъ, которые я нахожу въ памяти. Воспринимая красную занавѣску и вспоминая кровавое пятно, я сознаю однородность этихъ данныхъ, т.-е. вижу, что оба они принадлежатъ къ одному непосредственно-данному ассоціативному комплексу переживаній.

Теперь уже нетрудно сказать, въ чемъ тайна *узнаванія* впечатлѣній. Передо мной новое воспріятіе. Оно примкнуло въ непосредственномъ опытѣ къ опредѣленному комплексу переживаній. Ставя этотъ комплексъ въ поле вниманія, констатируя его отношеніе къ другимъ пучкамъ или группамъ, я тѣмъ самымъ *узнаю* впечатлѣніе, опредѣляю его природу и качество. Пусть я нашелъ, что новое ощущеніе примкнуло къ звуковому комплексу: я уже знаю, что оно — звукъ. Вотъ первая абстрактная сторона, первый признакъ новаго впечатлѣнія. Очевидно, что «сторона» эта не содержится въ самомъ данномъ, а есть сознаніе его принадлежности къ опредѣленному комплексу переживаній.

Обычно въ психологіи говорится, что мы сравниваемъ новое данное съ имѣющимися у насъ представленіями и такимъ образомъ опредѣляемъ его природу. Но что значитъ этотъ процессъ сравніванія? Данное, воспринимаемое сейчасъ, не можетъ быть тождественное съ представленіемъ. Это двѣ различныхъ реальности. Обѣ онѣ — просты, ни на что далѣе не сводимы, неразложимы ни на какіе составные элементы, и потому я рѣшительно недоумѣваю, что же можно въ нихъ сравнивать и отождествлять? Очевидно, весь процессъ сравніванія просто-напросто сводится къ *констатированію*, что оба данныя вмѣстѣ составляютъ одно сложное цѣлое, одинъ общій комплексъ, отграниченный и обособленный отъ другихъ, какъ совокупность желтыхъ драконовъ на обояхъ моего кабинета составляетъ одинъ общій желтый узоръ, а совокупность всѣхъ цвѣтовыхъ пятенъ, находящихся на этихъ обояхъ, — одну общую пеструю поверхность.

Остается сказать нѣсколько словъ о природѣ тѣхъ «пучковъ» или «группъ», на какія расчлененъ опытъ. Не нужно представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, будто въ каждый изъ нихъ въ любой моментъ нашего опыта входятъ всѣ рѣшительно воспріятія или, по крайней мѣрѣ, представленія даннаго вида; напр., будто въ наличное у меня сейчасъ звуковое «единство» входятъ всѣ представленія о когда-либо испытанныхъ мною звукахъ. Разумѣется, ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ. Я просто констатирую, что цѣлостный объемъ моего опыта представляется расколотымъ на опредѣленные составныя части. Когда я говорю о «пучкахъ», то я имѣю въ виду *именно эти части*, а вовсе не составляющія ихъ единичныя ощущенія. Единичныя ощущенія могутъ смѣняться, приходить и уходить; но *самое расчлененіе опыта* остается при этомъ неизмѣннымъ. Приглядываясь къ объему моего опыта, я констатирую, что онъ *нацѣло расчлененъ* на извѣстное число раздѣльныхъ участковъ: напр., на ощущенія, чувства и мысли. Каждый участокъ, при всей измѣнчивости своего состава, остается опредѣленной и неизмѣнной составной частью въ строѣ совокупнаго опыта. Если бы мы проснулись завтра съ новымъ расчлененіемъ на участки, то всякое впечатлѣніе представлялось бы намъ новымъ, небывалымъ; мы ни одного не узнали бы.

Участки могутъ даже перекрещиваться между собой и все же оставаться опредѣленными. Напр., опытъ нацѣло разлагается на представленія и первичныя переживанія. Но онъ же нацѣло разлагается и на познавательныя переживанія—съ одной стороны, чувство—съ другой. Эти два дѣленія перекрещиваются. Есть чувства представляемыя, а не дѣйствительно переживаемыя. Тѣмъ не менѣе участокъ опыта «чувства» есть нѣчто иное, чѣмъ участокъ опыта «представленія»: оба эти «единства» встрѣчаются въ разныхъ дѣленіяхъ опыта.

Мысли наши обладаютъ способностью—указывать на опредѣленные участки, на которые расчленяется опытъ, именно, *на самые участки*, какъ особаго рода единства, изъ которыхъ складывается строй или система опыта, а не на единичныя переживанія и не на суммы единичныхъ переживаній, изъ которыхъ состоятъ участки. Такъ что когда я говорю *бѣлый*, то я имѣю въ виду не сумму «бѣлыхъ» ощущеній или представленій, а одно изъ тѣхъ составныхъ единствъ, одинъ изъ участковъ, на

которые расчленяется «зрительное» единство. Мы стоимъ только обратитъ взоръ къ наличнымъ ощущеніямъ или представленіямъ, чтобы узнать, что это единство—не выдумка, что дѣйствительно въ совокупномъ строѣ опыта есть участокъ зрительный, а этотъ участокъ, въ свою очередь, состоитъ изъ единствъ—блага, краснаго и т. д.

Говоря о качествахъ, мы стало-быть всегда имѣемъ въ виду непосредственно намъ данное *расчлененіе* опыта, а не суммы единичныхъ переживаній. Поэтому лучше говорить не о группахъ или пучкахъ, изъ которыхъ состоитъ опытъ, а объ *единствахъ*, на которыя онъ расчленяется.

До сихъ поръ мы рассматривали переживаніе качествъ только примѣнительно къ отдѣльному воспріятію: при этомъ мы пришли къ выводу, что узнавать качество впечатлѣнія значитъ сознавать его принадлежность къ нѣкоторой составной части опыта, къ нѣкоторой группѣ, къ нѣкоторому единству. Но поскольку сама эта составная часть опыта не является ближе опредѣленной, постольку и обусливаемая ею качества должны являться только предварительнымъ различеніемъ какихъ-то, неопредѣленныхъ еще, свойствъ. Психологически такая неопредѣленность выражается въ хорошо всѣмъ извѣстномъ смутномъ чувствѣ «знакомости», связанномъ съ извѣстными, не до конца еще узанными воспріятіями. Сознаніе принадлежности впечатлѣнія къ *нѣкоторой* составной части опыта не есть еще *опредѣленное* качество, а есть просто *нѣкоторое* качество. Когда я говорю: «это—свистъ», я не просто констатирую принадлежность къ нѣкоторой составной части опыта; я указываю на принадлежность переживанія къ *вполнѣ опредѣленному* единству.

Въ чемъ же можетъ состоять эта опредѣленность? Очевидно, не въ простой специфичности. Всякое переживаніе специфично и въ этомъ смыслѣ обладаетъ опредѣленностью, т.-е. нѣкоторой опредѣленной природой, непосредственно даваемой въ опытѣ. Но одно дѣло—ощутить что-нибудь, другое же *узнать* это нѣчто. Можно видѣть, напримѣръ, красный цвѣтъ, ощущать его специфическую природу и все-таки не знать, что онъ красный. Есть опредѣленное впечатлѣніе, но нѣтъ опредѣленнаго о немъ знанія, и хотя его природа *дана*, нельзя ее считать *познанной*.

Если бы опредѣленные группы, къ которымъ примыкають переживанія (когда мы различаемъ ихъ качества) были только въ томъ же смыслѣ «опредѣленными», какъ любое специфичное впечатлѣніе, то мы не знали бы опредѣленныхъ сужденій: «вотъ красное», «вотъ—свистъ», «вотъ—квадратъ». Намъ пришлось бы ограничиться констатированіями: «вотъ данное, примкнувшее къ этому», «вотъ данное, похожее на вотъ то». Очевидно, что тѣ части нашего опыта, къ которымъ примыкають переживанія, помимо непосредственной специфичности, обладаютъ еще инымъ видомъ опредѣленности, допускающимъ не только переживаніе ихъ «природы», но и вполне точное ея узнаваніе.

Когда мы узнаемъ качество и даемъ ему опредѣленное имя, скажемъ напр., «свистъ»,—констатируется принадлежность впечатлѣнія къ извѣстной составной части опыта и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется эта часть. Психологическая сторона дѣла насъ, конечно, и въ этомъ случаѣ не интересуеть. Для насъ важно констатировать фактъ, что въ знаніе о качествѣ впечатлѣнія, на ряду съ знаніемъ о принадлежности впечатлѣнія къ извѣстной составной части опыта, входитъ знаніе и о самой этой части. Но если качество отдѣльнаго впечатлѣнія есть не болѣе какъ констатированіе того, что оно есть *часть группы*, то и знаніе о самыхъ этихъ группахъ, очевидно, есть такое же констатированіе, и какъ немыслимо узнать впечатлѣніе, если брать его отдѣльно отъ его «группы», отъ той высшей составной части опыта, къ которой мы находимъ его принадлежащимъ, такъ нельзя узнать и самую эту часть, беря ее какъ нѣчто отдѣльное, выдѣляя изъ еще болѣе объемистаго единства. Очевидно, что послѣднимъ единствомъ будетъ *весь объемъ опыта*, такъ что имена качествъ *суть значки для опредѣленія того мѣста, которое одаренное этимъ качествомъ данное занимаетъ въ составномъ цѣломъ нашего наличнаго опыта.*

Я говорю здѣсь объ идеалѣ узнаванія — о томъ, конечно, только идеально воображаемомъ случаѣ, когда узнаваніе не остановилось на полу-пути (на нѣкоторой, хотя бы и очень объемистой, но все-же еще подчиненной составной части опыта), а дѣйствительно доведено до конца. Въ дѣйствительности, большинство нашихъ впечатлѣній опредѣлено качественно весьма смутно. Какъ рѣдко мы думаемъ даже о цвѣтахъ, когда смотримъ на окружающую природу! Еще рѣже мы восходимъ въ

нашемъ узнаваніи выше. Въ большинствѣ случаевъ происходитъ остановка на нѣкоторой сравнительно іерархически не очень высокой составной части опыта, которая уже сама не узнается, а просто символически (посредствомъ мысли) указывается. Но эта психологическая сторона, разумѣется, нисколько не устраняетъ неоспоримости установленнаго нами факта, что всякій шагъ знанія, всякій шагъ узнаванія есть констатированіе принадлежности къ нѣкоторому высшему единству, что только то обладаетъ опредѣленностью, чья принадлежность къ этому высшему единству констатирована и что поэтому полная опредѣленность, узнаваніе, доведенное до конца, есть система или лѣстница констатированій, восходящая къ законченному единству всего объема непосредственнаго опыта.

Выражая все сказанное нѣсколько иными словами, можно резюмировать нашу мысль слѣдующимъ образомъ:

Нашъ наличный, непосредственный опытъ, поскольку составныя его части не просто переживаются, но и узнаются, не есть хаотическое сплетеніе переживаній, а представляетъ собою стройную систему отмежеванныхъ одна отъ другой и расположенныхъ въ іерархическомъ порядкѣ группъ. Первую группу или высшее единство составляетъ весь объемъ опыта, т.-е. сумма всѣхъ входящихъ въ него переживаній. Мы можемъ символически мыслить объ этомъ единствѣ, пользуясь, напр., такимъ понятіемъ, какъ «сознаваемость», «существованіе въ сознаніи» и т. п.

Эта высшая группа раздѣлена на нѣсколько подчиненныхъ, противопологающихся одна другой: скажемъ на группы впечатлѣній, представленій и чувствъ. Объ этихъ подчиненныхъ единствахъ мы опять-таки можемъ символически мыслить и когда, напр., мы говоримъ «чувство», мы имѣемъ въ виду одно изъ нѣсколькихъ опредѣленныхъ единствъ, изъ которыхъ состоитъ высшее единство «весь опытъ».

Группа впечатлѣній распадается, въ свою очередь, на подчиненныя группы низшихъ порядковъ, напр., зрительная на группу красныхъ, голубыхъ и т. д. впечатлѣній.

Узнаваніе состоитъ въ томъ, что мы констатируемъ принадлежность даннаго впечатлѣнія къ опредѣленной группѣ, а затѣмъ узнаемъ и эту группу, какъ опредѣленную составную часть вышшаго единства. Узнаваніе, доведенное до конца или вполне точное узнаваніе, являлось бы, такимъ образомъ, точнымъ опредѣ-

леніемъ мѣста, занимаемаго нѣкоторымъ даннымъ въ системѣ непосредственнаго опыта. Очевидно, что это узнаваніе имѣетъ своей предпосылкой наличность этой системы и только по отношенію къ ней и обладаетъ вообще смысломъ. Но за то, разъ эта система дана, то даны съ полной объективной опредѣленностью и всѣ «мѣста» этой системы, такъ что узнаваніе впечатлѣнія и его качествъ (возможное только въ томъ случаѣ, если это впечатлѣніе является составной частью системы) должно по отношенію къ этой системѣ носить всегда однозначный и опредѣленный характеръ.

Современныя логическія теоріи, притомъ самыя разнородныя (назову хотя бы Гуссерля и Риккерта), стараются провести рѣзкую грань между психологической природой понятія и логическимъ его значеніемъ, при чемъ часто съ особой настоятельностью подчеркивается, что *значеніе* понятія не есть нѣчто *данное*, не есть конкретное психологическое содержаніе. Въ доказательство указывается на то, что понятія, какъ психологическія содержанія, множественны, измѣнчивы и неопредѣленны, логическій же ихъ смыслъ представляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ единичнымъ и постоянно самому себѣ равнымъ. Превосходное обоснованіе этой истины можно найти въ логическихъ изслѣдованіяхъ Гуссерля (Log. Unters., I). Мы вполне присоединяемся къ этому взгляду и желали бы дополнить его только указаніемъ, что логическимъ смысломъ понятія является *указываемое имъ опредѣленное мѣсто въ системѣ нашего непосредственнаго опыта*. Поскольку въ нашихъ понятіяхъ указываются *качества* переживаній (а мы постараемся показать ниже, что къ такому указыванію качествъ сводится въ конечномъ счетѣ смыслъ всякаго понятія, даже сложнѣйшихъ понятій отношеній), постольку каждое наше понятіе есть только знакъ, направленный на опредѣленное мѣсто въ системѣ нашего наличнаго опыта. Это мѣсто не есть психологическое переживаніе; но въ извѣстномъ смыслѣ его можно назвать чѣмъ-то намъ *даннымъ*, поскольку данной, а не нами составленной, является и группировка переживаній, составляющихъ наличный нашъ опытъ. Логически любое понятіе, любой терминъ, обозначающій нѣкоторое качество, предполагаетъ существованіе опредѣленной системы опыта (т.-е. опредѣленной іерархической группировки данныхъ), въ которой это понятіе или этотъ терминъ указываютъ на опредѣленное мѣсто. Это

мѣсто представляется всегда чѣмъ-то единственнымъ и постоянно самому себѣ равнымъ: гдѣ бы, кто бы и при какихъ бы условіяхъ ни говорилъ о «красномъ» и «кругломъ», эти термины всегда относятся къ тому же предмету» (разумѣется, не въ смыслѣ вещи, а въ смыслѣ общемъ—объекта мышленія): къ системѣ опредѣленнымъ образомъ сгруппированныхъ содержаній и къ опредѣленному мѣсту этой системы. Не забудемъ, что условіемъ приложенія понятія къ нѣкоторому содержанію является узнаваніе этого содержанія: узнаваніе же всегда предполагаетъ наличность опредѣленной, самой-себѣ равной системы опыта.

Такимъ образомъ логическимъ смысломъ понятія является не колеблющееся психологическое переживаніе, а нѣчто, говоря съ Гуссерлемъ, «идеальное»: а именно, опредѣленное мѣсто въ опредѣленной системѣ; исчерпывающимъ опредѣленіемъ понятія было бы такое, которое съ полной ясностью и опредѣленностью указывало бы на это мѣсто. Разумѣется, такое опредѣленіе не могло бы быть болѣе словеснымъ: оно должно было бы сводиться къ непосредственному указыванію. Каждое понятіе есть имя собственное—разумѣется не по отношенію къ входящимъ въ его объемъ индивидуальнымъ даннымъ, но по отношенію къ тому опредѣленному мѣсту въ опредѣленной, единичной системѣ опыта, на которое оно указываетъ. Можно сказать, что по отношенію къ этой системѣ нѣтъ вообще *общихъ* терминовъ: существуютъ только индивидуальныя названія для опредѣленныхъ ея мѣстъ. Такъ, терминъ «красный»—общій по отношенію къ краснымъ впечатлѣніямъ—есть въ то же время *индивидуальное названіе* того мѣста, которое занимаетъ въ наличномъ опытѣ группа красныхъ содержаній сознанія. Въ этомъ же смыслѣ и всѣ остальные названія качествъ являются индивидуальными названіями.

Мы близко подошли къ спору между реализмомъ и номинализмомъ. Существуютъ ли *universalia* внѣ индивидуальныхъ объектовъ? Поскольку современная логика усматриваетъ въ каждомъ понятіи нѣкоторый «идеально-существующій» смыслъ, независимый отъ психологической сущности понятія, какъ переживанія—она естественно склоняется къ реализму, и напр., теорія Гуссерля есть самый подлинный логическій реализмъ (ср. *Logische Untersuch.* Bd. II стр. 634 ff). Каково наше отношеніе къ этому спору? Мы опредѣляемъ «идеальное содержаніе» понятій, какъ вполне опредѣленное мѣсто въ опредѣленной же іерархической системѣ

опыта. Мѣсто это не есть нѣчто независимое отъ индивидуальныхъ содержаній сознанія, т.-е. нѣчто, что могло бы существовать и безъ нихъ. Но въ то же время оно является несомнѣнно чѣмъ-то единичнымъ, какъ единична и та іерархическая система опыта, который составляетъ условіе всякаго узнаванія. Общее можетъ называться общимъ только по отношенію къ множественности входящихъ въ его логическій объемъ индивидуальныхъ объектовъ; но какъ точное и опредѣленное мѣсто нѣкоторой системы, оно само является единичнымъ.

V.

Независимо отъ всякихъ психологическихъ теорій мы констатировали:

1) Что переживанія даны намъ группами и принадлежность къ той или иной группѣ опредѣляетъ сознаваемые нами качества переживаній.

2) Что группы эти составляютъ систему, въ которой высшимъ іерархическимъ единствомъ служитъ весь объемъ опыта.

3) Что доведенное до конца узнаваніе качества впечатлѣнія предполагаетъ не только констатированіе принадлежности впечатлѣнія къ нѣкоторой группѣ, но и констатированіе положенія этой группы во всей системѣ опыта, т.-е. восхожденіе отъ частнаго подчиненнаго единства къ высшему.

На послѣднемъ пунктѣ слѣдуетъ остановиться подробнѣе. Дѣло идетъ объ условіяхъ приложимости къ впечатлѣніямъ опредѣленныхъ понятій, напр., красное, круглое, кислое. Для того, чтобы имѣть возможность сдѣлать это съ полной увѣренностью, сказать съ полнымъ логическимъ правомъ «это красное», — необходимо — утверждаемъ мы — не просто констатировать принадлежность къ нѣкоторой группѣ, но точно опредѣлить и положеніе этой группы во всей іерархической системѣ опыта. Но, конечно, это не значитъ, что въ *психологическомъ* фактѣ узнаванія всегда содержится восхожденіе къ высшему единству. Психологически мы всегда мыслимъ въ особыхъ символическихъ переживаніяхъ, очень часто даже прямо въ словахъ, и руководимся слѣпымъ чувствомъ увѣренности (логическимъ инстинктомъ). Требованіе же восходить къ высшему единству касается не психологическихъ символовъ (понятій, какъ психическихъ данныхъ)

и не ихъ вторично-символическихъ замѣстителей (словъ), а логическаго смысла мышленія. Предполагается, что значеніе понятій остается неизмѣнно-тождественнымъ. Это же возможно лишь при томъ условіи, что тождественными остаются и качества, на которыя указываютъ понятія. Очевидно, что послѣдней предпосылкой должно являться существованіе опредѣленнымъ образомъ расчлененной совокупной системы опыта. Не будь ея, этой постоянно-тождественной и самой себѣ равной системы, не могло бы быть рѣчи и о неизмѣнной тождественности качествъ, а стало быть и о постоянствѣ понятій. «Красное» въ одинъ моментъ моего опыта могло бы означать одно, въ другой—нѣчто совершенно другое, въ зависимости отъ случайной ассоціаціи. Простая специфичность переживаній или тѣхъ группъ, къ которымъ они принадлежатъ, ничѣмъ не можетъ намъ помочь въ данномъ случаѣ, ибо специфичность есть просто сознаніе нѣкоторой *качественности*, а отнюдь не *знаніе* о качествахъ или тождественности даннаго качества съ нѣкоторымъ инымъ, раньше переживавшимся. Поэтому должны быть отвергнуты нѣкоторыя существующія въ наукѣ попытки видѣть въ узнаваніи качествъ непосредственное переживаніе или усмотрѣніе «абстрактныхъ сущностей», «общихъ элементовъ» или прямо «видовыхъ идей» (*species*), какъ хотѣлось бы, съ одной стороны, Ремке, съ другой (въ нѣсколько иномъ смыслѣ) — Гуссерлю. Это гносеологическое возрожденіе платонизма повидимому совершенно не сознаетъ, что недостаточно «имѣть передъ собой» или «непосредственно усматривать» «специфическую идею» (хотя бы идею «краснаго»); надо еще *узнать* эту идею, какъ таковую. Въ противномъ случаѣ мы будемъ имѣть передъ собой только лишнее специфическое переживаніе, а никакъ не знаніе о неизмѣнно-тождественномъ качествахъ. Такое знаніе возможно только въ томъ случаѣ, если будетъ налицо опредѣленнымъ образомъ расчлененная, неизмѣнная *система* опыта, и будетъ принципиально возможно относить къ этой системѣ, восходя къ высшему ея единству, каждое узнаваемое впечатлѣніе.

Спрашивается: что гарантируетъ намъ неизмѣнность самой этой системы? Очевидно, самый фактъ узнаванія (логическаго) т.-е. знанія, что данное качество абсолютно-тождественно съ переживавшимся раньше. Это знаніе предполагаетъ, что оба качества

отнесены къ той же системѣ. Если бы послѣдняя измѣнилась, то немедленно прекратилась бы возможность всякаго отождествленія, и всѣ наши понятія совершенно утратили бы свой смыслъ, точнѣе—всякій смыслъ. До тѣхъ поръ, пока мы вообще будемъ что-нибудь узнавать, т.-е. признавать въ извѣстномъ отношеніи тождественнымъ съ бывшимъ ранѣе, мы будемъ имѣть передъ собой нѣкоторую неизмѣнную систему опыта. Съ исчезновеніемъ или измѣненіемъ ея сразу утратится непрерывность сознанія, и все должно будетъ намъ представляться абсолютно-новымъ, не поддающимся субсуммированію подъ наши прежнія понятія.

Въ виду этого, имѣя передъ собой понятіе, мы можемъ указать *a priori* на нѣкоторыя абсолютно значимыя (*absolut-giltige*) условія его приложимости: верховное изъ этихъ условій—наличность той системы опыта, въ отношеніи къ коей понятіе почерпаетъ весь свой смыслъ. Намъ скажутъ: ну, а если эта система измѣнится? Въ такомъ случаѣ совершенно утратили бы свой смыслъ всѣ существующія у насъ понятія (значеніе коихъ абсолютно-опредѣленное), и если допустить, что слова остались бы тѣ же, то значеніе ихъ было бы уже инымъ, и «красное», «круглое», «прямое», «два» и т. д. означали бы не то, что сейчасъ.

Изъ опредѣленія истиннаго смысла понятія, *какъ опредѣленнаго мѣста въ опредѣленной системѣ опыта*, вытекаетъ крайне важное положеніе о достовѣрности нѣкоторыхъ апріорныхъ сужденій, имѣющихъ видимость синтетическихъ.

Когда мы устанавливаемъ различіе между аналитическими и синтетическими сужденіями, мы имѣемъ въ виду нѣкоторое отношеніе между особыми *психологическими* содержаніями, которыя принято называть понятіями. Это—особаго рода символы или значки, ассоціативно связанные съ словами. Долго въ логикѣ господствовало убѣжденіе, что обслѣдованіе соотношеній между этими психическими реальностями и есть ея настоящая задача. Только за послѣднее время въ этой области замѣчается нѣкоторый поворотъ, въ связи съ общимъ крушеніемъ такъ называемаго *психологизма* въ логикѣ. Все болѣе и болѣе выясняется, что изученіе тѣхъ сложныхъ образованій, которыя заслуживаютъ названія «психическихъ понятій» или «*Begriffsvorstellungen*», а также законовъ сцѣпленій, смѣны, возникновенія этихъ образованій и условій появленія сопровождающихъ ихъ чувствъ (напр., чувства убѣжденности или увѣренности), составляетъ неотъемлемую за-

дачу психологіи, логикѣ же подлежитъ обратиться къ разсмотрѣнію *значенія* или *смысла* этихъ символическихъ (т.-е. на что-то внѣ ихъ находящееся указывающихъ) данныхъ; что ей слѣдуетъ изучать не самые символы, а тѣ объекты или тѣ соотношенія, которыя этими символами замѣщаются или символизируются. Для такого разграниченія между психологіей и логикой особенно много сдѣлали—въ психологіи Brentano, въ теоріи познанія—Husserl.

Если разсмотрѣть съ этой точки зрѣнія дѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія, то окажется, что это дѣленіе скорѣе носитъ психологическій, нежели чисто-логическій характеръ. Что мы называемъ аналитическимъ сужденіемъ? Такую связь двухъ понятій, гдѣ сказуемое ничего не прибавляетъ къ содержанію подлежащаго, такъ что, мысля подлежащее, мы тѣмъ самымъ мыслимъ и сказуемое. Мысля напр., понятіе «тѣло», мы тѣмъ самымъ мыслимъ и присущую ему протяженность. Значитъ-ли это, что сказуемое (протяженность) появляется только при раскрытіи смысла подлежащаго (тѣла)? Едва ли это можно сказать. Идеальный случай аналитическаго сужденія тотъ, при которомъ мы *сами строимъ* понятіе подлежащаго, путемъ произвольнаго опредѣленія, при чемъ, въ видѣ признака, включаемъ въ него будущее сказуемое сужденіе. Это значитъ, что въ психологическій *субстратъ* подлежащаго включенъ психологическій-же субстратъ сказуемаго; что идеальнымъ аналитическимъ сужденіемъ мы должны назвать такое, гдѣ подлежащимъ является составной символъ, сложенный изъ нѣсколькихъ другихъ символовъ. А разъ такъ, то ненужно никакого развертыванія символовъ, никакого выходненія за ихъ психологическую природу, никакого восхожденія къ ихъ смыслу: достаточно расчлененія, анализа составнаго символа на входящіе въ него символическіе же элементы.

Разумѣется изъ такого рода аналитическихъ сужденій не построишь никакихъ знаній, кромѣ утомительныхъ тождесловій. Это будетъ арифметическое сложение и размѣщеніе понятій, безъ восхожденія къ ихъ наглядной (*anschaulich*) основѣ, то самое безплодное комбинированіе, надъ которымъ иронизировалъ Шопенгауэръ. Мысль будетъ безконечно вращаться въ области символическаго, т.-е. имѣющаго значеніе условныхъ значковъ. Для знанія необходимо иное: необходимо отъ психологическаго суб-

страта понятій восходитъ къ ихъ истинному значенію, т.-е. къ тѣмъ объектамъ и соотношеніямъ, которые ими символизируются.

Мы знаемъ (изъ всего вышеизложеннаго), какого рода эти объекты и соотношенія. Мы видѣли, что любое изъ нашихъ понятій указываетъ на нѣкоторое опредѣленное мѣсто въ іерархической системѣ нашего опыта. Такимъ образомъ, всякое понятіе имѣетъ своею необходимою предпосылкою опредѣленный, неизмѣнно-тождественный строй этой системы. Въ психологическій субстратъ даннаго понятія (напр., понятія «кривой», «красный») понятіе объ этомъ строѣ не входитъ. Когда мы мыслимъ нѣкоторое понятіе, мы просто переживаемъ извѣстное символическое содержаніе или систему символическихъ содержаній; о строѣ же всего нашего опыта мы, конечно, совершенно не думаемъ. Поэтому мы можемъ сказать, что этотъ строй со всѣми его особенностями не является составной частью нашихъ понятій, что однако не мѣшаетъ ему быть ихъ неизмѣнною и логически-необходимою предпосылкою. Это сказывается тотчасъ же, какъ только мы отъ психологическаго переживанія понятія, т.-е. отъ простаго «держанія въ умѣ» символическаго значка, переходимъ къ логическому раскрытію его смысла. Немедленно, «путемъ созерцанія» (какъ напр., въ геометріи, гдѣ это проявляется особенно ясно) понятіе наше становится въ необходимыя соотношенія съ цѣлымъ рядомъ другихъ, на первый взглядъ, совершенно казалось бы постороннихъ ему понятій (напр., понятіе о прямой съ понятіемъ о кратчайшемъ разстояніи).

Это и есть «синтетическія сужденія *argiori*». Спрашивается: откуда они берутся? Кантовскій отвѣтъ гласилъ, какъ извѣстно: «изъ созерцанія». Подъ мышленіемъ Кантъ подразумѣвалъ сцѣпленіе и соединеніе психологическихъ субстратовъ понятій, т.-е. символическихъ замѣстителей. Но это взглядъ чисто-психологическій. Конечно, психологическое мышленіе, т.-е. схождение и расхождение понятій въ сопровожденіи чувства увѣренности или достовѣрности (или, какъ любятъ говорить нормативисты, «сознанія абсолютнаго долженствованія», какъ будто это сознаніе съ столь громкимъ титуломъ не такое же психологическое чувство!), конечно *механизмъ* мысли ни въ чемъ иномъ, какъ въ группировкѣ символическихъ содержаній, не состоитъ; но на ряду съ этими символическими содержаніями существуетъ еще и ихъ логическій смыслъ, и для того, чтобы его обнаружить, нужно перейти

къ *созерцанію*, т.-е. повернуть вниманіе отъ психологическихъ субстратовъ понятій, отъ того, что Джэмсъ называетъ «ореолами» словъ, а мы въ обыденной рѣчи—мыслями, къ тому, на что эти «ореолы» и мысли указываютъ, т.-е. къ расположеннымъ въ іерархическомъ порядкѣ группамъ «наглядныхъ» переживаній, составляющимъ нашъ непосредственный опытъ.

Тогда окажется, что ни одно изъ нашихъ понятій не можетъ имѣть никакого смысла, если брать его въ обособленномъ видѣ. Что вся его логическая природа заключается въ опредѣленномъ соотношеніи къ извѣстному опредѣленному мѣсту въ системѣ нашего опыта, а черезъ это и къ ряду другихъ, вполне опредѣленныхъ понятій. И эти-то необходимыя соотношенія и составляютъ синтетическія сужденія *arguēti*.

Синтетическими эти сужденія могутъ быть названы потому, что ничто въ психологической природѣ необходимо между собою связанныхъ понятій не указываетъ на такую необходимую связь. Въ психологической природѣ понятія «голубой» нѣтъ ничего, что препятствовало бы связывать это понятіе съ понятіемъ «стонъ» или «ароматъ»: и дѣйствительно поэты имѣютъ нѣкоторое *психологическое* право говорить о «голубыхъ звукахъ». Въ психологической природѣ понятія «прямая» нѣтъ ничего, что заставляло бы его связывать съ понятіемъ «кратчайшее разстояніе»; и дѣйствительно *психологически* ничто не мѣшаетъ намъ «мыслить» о линіяхъ кратчайшихъ, нежели прямая. Но если мы повернемъ наше вниманіе къ тому опредѣленному мѣсту въ системѣ нашего опыта, на которое указываетъ понятіе «голубой», то окажется, что это мѣсто указывается также и понятіями «не-звукъ», «не-стонъ», «не-запахъ»; и если мы повернемъ наше вниманіе къ мѣсту, указываемому понятіемъ «прямая», то усмотримъ, что это же мѣсто указывается и понятіемъ «кратчайшее разстояніе».

Каждое понятіе, если брать его логическій смыслъ, представляетъ собою постулатъ. Въ любомъ изъ нихъ содержится требованіе—имѣть въ виду только опредѣленные составныя части опыта и совершенно игнорировать остальные. Сопоставленіе понятій въ сужденіи есть своего рода сложное приказаніе *и не всегда это приказаніе выполнимо*.

Если кто-нибудь вамъ вздумалъ бы приказать: «ищи предметъ въ этой комнатѣ, но прежде удались изъ нея и ни подъ какимъ видомъ не смѣй въ нее возвращаться», то вы сочли бы говоря-

щаго сумасшедшимъ. Но всѣ сужденія, противорѣчащія «конкретности», не что иное, какъ такія же приказанія.

Пускай вамъ говорятъ, напримѣръ: «звонъ бываетъ голубой или желтый». Это значитъ, что вы должны искать данное, примыкающее къ звуковой группѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не примыкающее къ ней, а входящее въ составъ иныхъ группъ. Ясно, что это требованіе невыполнимо, что такое данное не можетъ быть найдено, и не только среди наличныхъ въ опытѣ представленій, но и вообще—среди любыхъ данныхъ. Невоплотимость такого рода сужденій, заключающихъ въ себѣ противорѣчивыя требованія, обнаруживается прежде всего на представленіяхъ, находящихся въ наличномъ сознаніи. Но ихъ ложность не ограничивается этой сферой. Значеніе ея сохраняется для любого рода переживаній. Ни одно изъ нихъ не можетъ удовлетворять требованію—входить въ опредѣленный комплексъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не входить въ него.

Сужденіе, невоплотимое въ представленіяхъ, т.-е. противорѣчащее конкретности, имѣетъ видъ синтетическаго сужденія; на первый взглядъ оно не заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Между тѣмъ противорѣчіе существуетъ. Недоразумѣніе происходитъ отъ того, что понятія, составляющія сужденія, берутся въ неразвернутомъ видѣ, не во всей своей законченной полнотѣ, а лишь въ первомъ фазисѣ своего «выясненія». Когда я говорю «звонъ», я не конструирую *весь рядъ* постулатовъ, заключенныхъ въ этомъ понятіи, а ограничиваюсь лишь первой ступенью: указаніемъ на звуковую группу. Точно такъ же, говоря «голубой», я, не развертывая всей цѣпи требованій, заключенныхъ въ этомъ понятіи, ограничиваюсь указаніемъ «голубой» группы. Въ виду этого и получается впечатлѣніе, будто въ содержаніи обоихъ понятій нѣтъ противорѣчащихъ признаковъ. Но стоитъ развернуть эти содержанія—и скрытое противорѣчіе выступаетъ. Указывая на одну изъ составныхъ частей опыта «звонъ», я тѣмъ самымъ отличаю ее отъ противоположныхъ, и сужденіе: «звонъ не можетъ быть голубымъ», по отношеніи къ развернутому понятію, безусловно оказывается аналитическимъ. Сужденіе это имѣетъ значеніе рѣшительно для всякаго сознанія, гдѣ существуютъ сопоставляемыя понятія, гдѣ есть «звонъ» и есть «голубое», а стало быть и соотвѣтствующій этимъ понятіямъ іерархическій строй опыта. Отсюда его всеобщность и необходимость и безусловная аподиктическая достовѣрность.

Такимъ образомъ, невоплотимость сужденія, невозможность его конкретно реализовать, не болѣе какъ показатель того, что въ сужденіи заключены постулаты, прямо противорѣчащіе другъ другу. Непредставимость сводится къ противорѣчивости и потому, по существу дѣла, оказывается вполне правымъ Юмъ, относившій математическія аксіомы къ категоріи аналитическихъ истинъ.

Изложенная теорія абстракціи вообще имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ Юмомъ ¹⁾, въ особенности съ его «Distinction of reason». Юмъ совершенно ясно понималъ (чего до сихъ поръ многіе не хотятъ понять), что признаки и качества впечатлѣній не могутъ быть, въ свою очередь, конкретными, психическими реальностями; онъ понималъ, что качество или признакъ не есть часть или элементъ даннаго, а выражаетъ лишь принадлежность послѣдняго къ нѣкоторому комплексу переживаній. Сознаніе такой принадлежности Юмъ, какъ извѣстно, называлъ *сходствомъ*. Противъ такой терминологіи мы ничего въ принципѣ не имѣли бы возразить, если бы не существовало понятіе *о различныхъ степеняхъ сходства*, предполагающее, что самое сознаніе «сходства» для опредѣленія его степени или природы мы должны, въ свою очередь, распознать, находя между различными «сходствами» «сходства» вторичнаго порядка и т. д. до безконечности. Въ такой именно «regressus ad infinitum» впалъ нѣмецкій психологъ Корнеліусъ, пространно рассуждающій о рядахъ сходства и не замѣчающій, что каждый этотъ рядъ предполагаетъ уже завершеною безконечность логическихъ актовъ.

Мы выбрали терминъ «принадлежность», потому что такое обозначеніе не сбиваетъ съ толку мысль и не наводитъ ее на предположенія о различныхъ степеняхъ или видахъ принадлежности. Когда я узнаю данное, т.-е. сознаю его принадлежность къ опредѣленному комплексу переживаній, то само сознаніе принадлежности не должно быть, въ свою очередь, узаннымъ. Я просто переживаю его въ его специфической особенности и уже самое это переживаніе опредѣляетъ объединеніе данныхъ въ различные пучки или группы. Разумѣется этимъ не исключается возможность, что путемъ дальнѣйшей абстракціи на ряду съ *сознаніемъ* принадлежности образуется и *понятіе* принадлежности. Что же касается степеней «сходства», то различіе ихъ

¹⁾ *Hume*, Treatise on Human Nature VI ed. by Th. H. Green and Th. Grose. London, 1898, pp. 332—333. Указанное мѣсто не воспроизведено въ «Inquiry».

опредѣляется не тѣмъ, что существуютъ различные виды сознанія принадлежности (сознаніе это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не узнается какъ таковое, а просто переживается и потому не можетъ обладать видами),—а тѣмъ, что одни данныя примыкаютъ къ большому количеству одинаковыхъ комплексовъ и такимъ образомъ мало отличаются между собой, другія же, наоборотъ, примыкаютъ совмѣстно только къ двумъ-тремъ комплексамъ и такимъ образомъ они обнаруживаютъ большія различія ¹⁾. Пурпуровый и розовый кругъ болѣе схожи, чѣмъ пурпуровый и голубой, потому что примыкаютъ совмѣстно не только къ комплексамъ «зрительные образы», «круглые», но еще и къ комплексу «красные», тогда какъ голубой кругъ къ послѣднему комплексу не примыкаетъ.

VI.

Въ сжатой формулѣ сущность моего взгляда на возможность синтетическихъ сужденій а priori, относящихся къ математикѣ, можно выразить такъ:

До сихъ поръ ошибочно полагали, что качества, которые мы улавливаемъ въ нашихъ воспріятіяхъ, принадлежатъ самимъ этимъ воспріятіямъ, представляютъ ихъ составныя части или элементы. Такъ что если брать отдѣльное воспріятіе обособленно, то въ немъ самомъ можно усмотрѣть его качества, какъ въ мозаикѣ составляющіе ее камешки. Естественнo, что при такомъ взглядѣ на дѣло представлялось совершенно необъяснимымъ, какимъ образомъ можно а priori дѣлать предположенія о связи качествъ неиспытанныхъ еще воспріятій, и еще болѣе казалось необъяснимымъ, какимъ чудомъ проблематическія эти предположенія, въ видѣ аксіомъ геометріи, оказываются самыми достовѣрными и неоспоримыми изъ всѣхъ нашихъ сужденій.

Особенность моего взгляда заключается единственно въ томъ, что я вижу въ качествахъ воспріятій не элементы или составныя части послѣднихъ, а *сознаніе ихъ принадлежности* къ тѣмъ единствамъ или группамъ переживаній, на какія расчленяется опытъ. Такимъ образомъ, если брать воспріятіе обособленно, внѣ связи съ цѣлостнымъ объемомъ непосредственнаго опыта, то въ этомъ обособленномъ воспріятіи, хотя и обладающемъ специфичностью, *нельзя однако же открыть ни одного качества* и поэтому о такомъ воспріятіи нельзя высказывать ни одного

¹⁾ Ср. Аристотель, *Metaph.*, книга V (IV), гл. 9, о понятіяхъ *ἁπλοῦς* и *ἀπλοῦς*; ср. также Husserl, *Log. Unt.* о понятіяхъ тождества и сходства.

сказуемаго. Это будетъ *ὅλη ἀρίστης* Аристотеля въ различіе отъ надѣленныхъ качествами содержаній, отъ *ὅλου*, которыя возможны только въ *контекстѣ* непосредственнаго опыта.

Такимъ образомъ, узнавъ сущность качествъ и опредѣливъ ее какъ сознаніе принадлежности къ опредѣленной составной части непосредственнаго опыта, мы неизбежно должны признать въ этомъ опытѣ съ его типичной специфической структурой *необходимое условіе* узнаванія качествъ впечатлѣній. А потому всѣ сужденія о качествахъ—изъ сужденій о неиспытанныхъ еще впечатлѣніяхъ, т.-е. изъ сужденій, по отношенію къ наличному опыту *трансцендентныхъ*,—превращаются въ сужденія о составѣ и строѣ нашего наличнаго опыта, т.-е. въ *имманентныя сужденія воспріятія*. Отсюда ихъ неоспоримая достовѣрность.

Наличный строй нашего непосредственнаго опыта играетъ въ данномъ случаѣ ту же роль, какъ у Канта—трансцендентальная апперцепція,—роль условія не только отвлеченнаго знанія, но даже и конкретнаго опыта, т.-е. переживанія единичныхъ воспріятій, надѣленныхъ сознаваемыми качествами. Такое переживаніе надѣленныхъ качествами воспріятій становится возможнымъ только въ томъ случаѣ, если строй нашего наличнаго опыта сохраняется, т.-е. остается тождественнымъ, ибо только по отношенію къ этому строю существуютъ и могутъ узнаваться качества.

Но у Канта остается необъяснимымъ, какимъ образомъ апріорный пространственный, если говорить о геометріи, синтезъ, производимый нашимъ субъектомъ до всякаго знанія, до всякой рефлексіи, становится намъ извѣстнымъ и притомъ въ видѣ достовѣрныхъ сужденій,—апріорныхъ, всеобщихъ и необходимыхъ,—тогда какъ мы должны бы были только эмпирически узнавать о результатахъ этого синтеза (проф. М. И. Каринскій). По взгляду же, развитому нами, такое апріорное знаніе—необходимое слѣдствіе того факта, что узнаваніе всѣхъ пространственныхъ качествъ обусловлено *наличнымъ строемъ* нашего непосредственнаго опыта и поэтому достаточно опознанія этого строя для составленія всеобщихъ, необходимыхъ и предваряющихъ всякій опытъ сужденій о пространственныхъ качествахъ.

Выражаясь еще болѣе сжато, я могу выразить свой взглядъ такъ: *всѣ сужденія о качествахъ впечатлѣній имѣютъ своимъ невысказываемымъ, но постояннымъ подлежащимъ совокупный строй нашего наличнаго опыта, и въ отношеніи этого подлежащаго являются единичными сужденіями воспріятія.*

Л. Габриловичъ.

Ученіе Плотина о мысли и бытіи ¹⁾).

Вопросъ о реальномъ существованіи есть можетъ быть самый основной вопросъ для философствующей мысли. Разумѣется, все его значеніе раскрывается передъ нею лишь постепенно; разумѣется также, что лишь въ конечномъ результатѣ своего развитія ей суждено придти къ мотивированному всѣмъ ея предшествовавшимъ ходомъ убѣжденію, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительнымъ для нея, т.-е. соотвѣтствующимъ требованіямъ ея неустрашимыхъ законовъ способомъ лишь въ томъ случаѣ, если уже въ самой его постановкѣ не будетъ въ скрытомъ видѣ содержаться отрицанія такихъ законовъ, т.-е. лишь при извѣстной, строго опредѣленной формулировкѣ. Но въ началѣ своего развитія мысль человѣческая такъ далека отъ сомнѣнія въ правильности того пониманія существованія, которое подсказывается непосредственнымъ сознаніемъ, что все ея вниманіе направлено лишь на *изслѣдованіе объекта*, который по ея убѣжденію обладаетъ такимъ реальнымъ существованіемъ, на установленіе верховнаго источника и основного состава предлагающаго ей въ своей абсолютной самостоятельности внѣшняго міра. Вскорѣ однако многочисленность заблужденій внѣшнихъ чувствъ, измѣнчивость ихъ свидѣтельствъ и вскрытое Зенономъ безысходное противорѣчіе между *конечными* по своему непосредственному содержанію опредѣленіями чувственного міра въ его основныхъ формахъ пространства и движенія и *безконечнымъ* процессомъ не останавливающейся въ своемъ анализѣ ни передъ какимъ предѣломъ мысли,—это несоотвѣтствіе между чувственнымъ міромъ и требованіями, предъявляемыми мыслью къ міру

¹⁾ Пробная лекція, прочитанная въ Московскомъ Университетѣ.

реально существующему, побуждаютъ внести къ понятію реального существованія одно чрезвычайной важности дополненіе: оно сохраняетъ свой основной характеръ самостоятельнаго пребыванія, абсолютной данности, но въ то же время опредѣляется уже какъ *истинное* существованіе въ отличіе отъ ложнаго, лишь чувственно, субъективно кажущагося, и это настоящее бытіе оказывается *единственнымъ объектомъ разумной мысли*, такъ что уже Парменидъ видитъ себя въ правѣ заявить: мысль и бытіе—одно и то же (τὸ.. αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι). Другими словами—мысль съ неизбежностью направляется на *адекватное ей* сущее.

Слѣдуетъ оцѣнить во всей полнотѣ значеніе этого шага. Міръ, «какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ», устанавливается черезъ соотнесеніе съ природой мысли, и тѣмъ самымъ *истинное* бытіе оказывается какъ бы въ нѣкоторой зависимости отъ *разумнаго* познанія. Но въ чемъ эта зависимость? Ея признаніе, при всей его важности, заключаетъ въ себѣ и чрезвычайно большую опасность. Разъ «бытіе въ себѣ», за которымъ вѣдь сохранился его первоначальный характеръ абсолютной данности или полной самостоятельности, разъ это бытіе должно быть адекватнымъ коррелятомъ мысли и имѣть въ ней критерій своей «истинности», то первый и неизбежный выводъ относительно него таковъ, что мысль должна найти въ немъ лишь *надъленную самостоятельнымъ существованіемъ* совокупность тѣхъ же логическихъ моментовъ, которые до сихъ поръ образовывали *ея* сущность. «Истинное» бытіе оказывается гипостазированною мыслью, противопоставленною мысли познающей. Таковы продукты всей предшествующей Плотину рраціоналистической философіи, таково по крайней мѣрѣ ихъ значеніе въ постепенности историко-философскаго развитія онтологической проблемы. Идеи Платона, формы Аристотеля, атомы и пустота «матеріалистовъ», все это—гипостазированные логическіе принципы, которые существуютъ отдѣльно отъ мысли и въ которыхъ она находитъ адекватные объекты для своего познанія. Здѣсь не приходится уже говорить о томъ, что для всѣхъ этихъ философовъ является неосуществимой задачей выдѣлить изъ общей совокупности представляемаго внѣшнимъ міромъ *содержанія* его логическіе, постигаемые исключительно разумомъ и такимъ образомъ подлежащіе превращенію въ истинно-сущее элементы, такъ что Платонъ постоянно колеблется, для какихъ предметовъ, т.-е.

для какихъ ингредиентов внѣшняго міра признать идеи и для какихъ—нѣтъ, а Аристотель находится въ постоянномъ затрудненіи, какія части этого міра отнести къ матеріи и какія—къ логически познаваемой формѣ: если ограничиваться разсмотрѣніемъ *содержанія* открывающагося передъ индивидуумомъ міра опыта, то въ *ею* предѣлахъ нѣтъ мѣста для какихъ-либо универсальныхъ логическихъ принциповъ, и всѣ извлекаемые изъ него и надѣляемые самостоятельнымъ существованіемъ элементы остаются фикціями воображенія или вѣры. Намъ существенно теперь отмѣтить другой недостатокъ этой точки зрѣнія. При полной внѣшности, которую бытіе сохраняетъ здѣсь по отношенію къ мысли, эта послѣдняя будетъ представлять лишь *замкнутое въ себя отображеніе* бытія, и соотвѣтствіе возникающей въ ней при познаніи *копіи* съ вполне отдѣльнымъ отъ нея оригиналомъ будетъ лишь вполне случайнымъ совпаденіемъ. Гдѣ же въ этомъ случаѣ критерій правильности познанія, гдѣ порука, что оно представляетъ собою истинное знаніе о дѣйствительномъ бытіи? Чтобы найти такой критерій, надо иначе формулировать самый характеръ отношенія между мыслью и ея объектомъ, замѣнивъ соотвѣтствіе между ними реальной зависимостью объекта отъ мысли или его реальномъ совпаденіемъ съ нею. Именно на этотъ послѣдній путь и вступилъ Плотинъ, и этотъ путь привелъ его къ важному преобразованію въ понятіи умопостигаемаго бытія, которое у него впервые вполне сознательно отбрасываетъ признакъ самостоятельнаго пребыванія. Правда, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, Плотинъ, несмотря на всю строгость и послѣдовательность своей мысли, все же не оказался въ состояніи освободиться отъ стремленія къ гипостазированію нѣкоторыхъ основныхъ своихъ понятій, и моментъ метафизическаго бытія въ себѣ, изгнанный въ одномъ мѣстѣ системы, вернулся въ другихъ, что повлекло для общаго его построенія рядъ безысходныхъ затрудненій. Но благодаря высокой отвлеченности и строгой логической выдержанности содержанія его верховныхъ принциповъ, мы все же оказываемся въ состояніи прослѣдить, какое мѣсто и какое значеніе отводится для понятія бытія въ предѣлахъ его системы, поскольку онъ исходитъ исключительно изъ внутренняго характера и взаимной связи этихъ принциповъ. Въ то же время придется однако постоянно отмѣчать ту общую перемѣну, которая вносится во все

построеніе постигающимъ его паденіемъ—перестановкой на догматическую точку зрѣнія.

Основнымъ принципомъ философіи Плотина является понятіе *верховнаго первоначала*, вся природа котораго исчерпывается однимъ моментомъ абсолютнаго *единства*. Необходимость признанія такого первоначала опредѣляется прежде всего потребностью обосновывать всякое данное многообразіе въ нѣкоторомъ высшемъ единствѣ, представляющемъ для такого многообразія условіе, безъ котораго невозможно самое его существованіе: «все не-единое,—говоритъ Плотинъ въ 15-ой гл. 3-ей кн. 5-ой энн.,—сохраняется силой единаго и есть то, что оно есть благодаря ему; если оно не стало единымъ и состоитъ изъ многихъ частей, то про него еще нельзя сказать «оно есть». А въ другомъ мѣстѣ (VI, 9, 1) онъ пытается показать это рѣшающее значеніе единства на рядѣ разнообразнѣйшихъ примѣровъ: «все сущее является сущимъ въ силу единства, и это справедливо какъ относительно того, что прежде всего и основнымъ образомъ обозначается какъ сущее, такъ и относительно того, что на какомъ бы то ни было (побочномъ) основаніи причисляется къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы было это сущее, еслибы оно не было единымъ: вѣдь если отнять у него единство, оно не было бы тѣмъ, чѣмъ оно называется. Нельзя говорить о войскѣ, если оно не будетъ представлять единства, нельзя также говорить ни о хорѣ, ни о стадѣ, если они не образуютъ единаго. Но вѣдь точно также не можетъ быть рѣчи о домѣ или кораблѣ, если въ нихъ нѣтъ единства, такъ какъ вѣдь и домъ и корабль представляютъ нѣчто единое, и если это единое отбросить, то домъ уже не будетъ домомъ, а корабль—кораблемъ... Точно также тѣла растений и животныхъ, изъ которыхъ каждое есть нѣчто единое,—теряя это единство, если ихъ разрубаютъ на части,—тѣмъ самымъ утрачиваютъ свою прежнюю сущность, переставая быть тѣмъ, чѣмъ они были, но становятся другими и притомъ такими, что снова представляютъ нѣкоторое единство. Равно и здоровье мы имѣемъ тогда, когда тѣло организовано въ нѣкоторое единство, и красоту, когда части подчинены общему единству, и добродѣтель души, когда она объединена въ *одномъ* принципѣ и въ *одной* гармоніи». Даже столь общіе и основные принципы, какъ мысль и бытіе—даже и они представляютъ собою нѣкоторую двойственность (слѣд., множественность), поскольку бытіе, какъ объектъ мысли, неразрывно соотне-

сено съ нею (и наоборотъ); слѣд., ни въ мысли, ни въ умопости-
гаемомъ бытіи мы не можемъ имѣть наивысшаго принципа, и
ихъ двойственность должна быть объединена въ одномъ верхов-
номъ началѣ (III, 8, 8). Такимъ образомъ единство, какъ съ
необходимостью постулируемое всякимъ множествомъ, есть вер-
ховное для него условіе, а потому, когда ставится вопросъ о
природѣ общаго для всего сущаго *первоначала*, оно, казалось
бы, естественно должно быть въ существѣ своемъ опредѣлено
какъ *Единое*. Но тутъ же оказывается, что, *ставъ первоначаломъ*,
моментъ единства существеннымъ образомъ мѣняетъ свой харак-
теръ: пока онъ былъ высшимъ условіемъ многообразнаго, въ
качествѣ принципа его объединенія, онъ былъ неразрывно съ
нимъ связанъ и предполагалъ это многообразное въ такой же
мѣрѣ, въ какой и самъ предполагался имъ; теперь, какъ перво-
начало, отъ котораго все зависитъ и *которое само уже ни отъ
чего не зависитъ*, онъ долженъ явиться самодовлѣющимъ и за-
конченнымъ (*αὐτάρκης καὶ τέλειος*), такъ что связь его съ сово-
купностью всего имъ обусловленнаго оказывается уже не взаимной,
а *односторонней*. Прежде единство было условіемъ бытія вслѣд-
ствіе нѣкоторой неизбежно данной въ этомъ послѣднемъ раз-
личности и множественности; такимъ образомъ само единство,
какъ такое, *не было сущимъ*. Этотъ характеръ долженъ остаться
за нимъ и теперь, и Плотинъ категорически и неоднократно
заявляетъ, что его первоначало есть условіе бытія, а потому само
не должно быть мыслимо какъ существующее: оно за предѣлами
сущности, за предѣлами существованія, объ немъ нельзя сказать
«оно есть». Но съ другой стороны, какъ говорить о чемъ-то
абсолютно самодовлѣющемъ, имѣющемъ себѣ причину не внѣ
себя, а въ себѣ самомъ (*αἴτιον ἑαυτοῦ*, VI, 8, 14), не приписывая
ему нѣкоторой реальности? И вотъ мы видимъ, какъ (въ 13-ой
гл. 6-ой кн. 6-ой энн.) Плотинъ дѣйствительно заявляетъ: «если
безъ единаго... нельзя ни помыслить, ни сказать что, то какъ воз-
можно, *чтобы не существовало* то, безъ чего нельзя ни помыслить
ни сказать чего-либо?.. Поэтому его надо обозначить какъ *еди-
ное сущее* (*ἐν ὄν*), но не—сущее, а потомъ единое; ибо въ су-
щемъ и единомъ было бы уже нѣкоторое множество». Итакъ,
единое должно быть существующимъ. Плотинъ оказывается не
въ состояніи до конца продержаться на той точкѣ зрѣнія, что
логическій принципъ объясненія бытія не долженъ самъ подвер-

гаться разсмотрѣнію въ отношеніи къ онтологическимъ предикатамъ. Его представленіе первоначала, какъ *даннаго* въ абсолютной полнотѣ и самодовлѣющей завершенности принципа съ неотразимостью увлекаетъ его на догматическую почву. А между тѣмъ, вступивъ на нее, первоначало это попадаетъ въ безысходно противорѣчивое положеніе. Съ одной стороны, какъ имѣющее свою природу въ чистомъ единствѣ, оно *не можетъ быть надѣляемо реальностью*, такъ какъ это внесло бы въ него неизбежную множественность и противорѣчило бы обязательной для него *простотѣ*; съ другой стороны, неспособность послѣдовательно разсматривать его не какъ реальное побуждаетъ дѣлать относительно его рядъ утвержденій, которыя всѣ имѣютъ смыслъ лишь подъ условіемъ *самобытнаго его существованія*. Мы уже указали, что такого рода утвержденіемъ является опредѣленіе его какъ *вполнѣ независимаго, самодовлѣющаго и всесовершеннаго* (въ смыслѣ полной законченности и завершенности). На *этой же* почвѣ возникаетъ *вполнѣ* противорѣчащій первоначальной природѣ единства выводъ Плотина (также уже намѣченный выше), что Единое не можетъ быть дано *вмѣстѣ* съ множествомъ, т.-е. въ *существенной для себя* связи съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, аргументируетъ Плотинъ, если бы оно было дано *вмѣстѣ* со множествомъ, то оно въ совокупности съ этимъ множествомъ образовало бы нѣкоторое новое множество, которое бы въ свою очередь нуждалось въ высшемъ связующемъ его единствѣ, и при томъ въ единствѣ, которое — во избѣжаніе прогресса въ безконечность — уже не было бы дано «*вмѣстѣ*» съ тѣмъ, что имъ обусловлено, но пребывало бы въ себѣ, въ полной отъ него независимости. О такомъ самостоятельномъ условіи (продолжаетъ Плотинъ) не пришлось бы говорить лишь въ томъ случаѣ, если бы бытіе объединяющаго множество принципа по самой природѣ своей могло имѣть мѣсто *лишь въ связи* съ этимъ множествомъ, лишь въ составѣ образуемаго имъ сложнаго цѣлаго; но тогда оно было бы поставлено въ зависимость отъ другого, не существовало бы *какъ простое*, а, отрицая существованіе простого, неизбежно пришлось бы отрицать и существованіе какого-либо сложнаго, которое вѣдь есть всегда не что иное, какъ совокупность простыхъ частей (V, 6, 3). Этотъ послѣдній доводъ открыто обосновываетъ независимость Единого отъ подчиненнаго ему множества на признаніи самостоятельно присущей Единому, какъ абсолютно простому моменту,

реальности, и т. о. получается возможность установить, что вводимая здѣсь Плотинѣмъ *трансцендентность* Единого по отношенію ко всякому множеству покоится на предпосылкѣ *догматической*, прямо противорѣчащей основному логическому стимулу системы (стимулъ этотъ: единство есть принципъ для объединенія множества) и самимъ же Плотинѣмъ сплошь и рядомъ категорически отрицаемой.

Неудивительно поэтому, что подъ дѣйствіемъ двухъ несогласимыхъ между собою факторовъ Единое Плотина оказывается въ особенно неблагоприятномъ положеніи въ основномъ для себя вопросѣ—въ вопросѣ *о характерѣ его отношенія къ обосновываемому имъ міру*. Оно должно быть источникомъ всей реальности для этого міра; а между тѣмъ его трансцендентность, основанная на его самостоятельной реальности, упраздняетъ для него возможность *логической* связи съ міромъ: «объ немъ истина, что оно *не* находится гдѣ-либо,—говоритъ Плотинъ,—и ложь, что оно — гдѣ-либо,—иначе оно было бы въ другомъ» (V, 5, 9), а быть въ другомъ ему—*при его трансцендентности*—конечно невозможно. Съ другой же стороны, вытекающая изъ его единства абсолютная его простота, исключаящая изъ его содержанія всякое реальное опредѣленіе, лишаетъ его возможности быть первоначаломъ въ качествѣ «совокупности всей реальности» (*omnitude realitatis*), по образцу Бога позднѣйшаго сознанія, который, какъ гипостазированная сумма всѣхъ положительныхъ опредѣленій, получаетъ возможность полагать міръ какъ свое временное ограниченіе или частичное отрицаніе. Но за то этотъ же его характеръ единства, отъ котораго *должно* зависѣть всякое множество, помогаетъ возстановить нарушенную моментомъ трансцендентности логическую связь Единого съ міромъ. Единое не должно находиться въ чемъ-либо другомъ, но оно и не должно покидать чего-либо; оно не должно быть нигдѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно быть *вездѣ*; слѣд., «повсюду оно будетъ въ самомъ себѣ» (*πανταχοῦ ἔσται ἐφ' ἑαυτοῦ*), и «не будетъ чего-либо, что имѣло бы его въ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—чего-либо, что его бы въ себѣ не имѣло» (*οὐδεὺς ἔνός ἐχούτος αὐτὸ οὐδ' αὖ μὴ ἔχουτος*, V, 5, 9).

Въ приведенныхъ словахъ Плотина съ большою ясностью проступаетъ та борьба, которую вызванная самодовлѣющей реальностью Единого *трансцендентность* его по отношенію къ міру непрестанно ведетъ съ *имманентностью* міра въ Единомъ, обу-

словливаемой логической зависимостью міра отъ Единого. Сказывающееся здѣсь противорѣчіе (по справедливому замѣчанію Zeller'a оно коренится уже въ основномъ понятіи «самодовлѣющаго первоначала») является непримиримымъ въ предѣлахъ платиновскихъ предпосылокъ, и потому Плотину приходится обратиться къ ряду сравненій и картинныхъ образовъ, чтобы хоть этимъ путемъ замѣнить невозможность логической формулировки. «Представь себѣ источникъ, у котораго уже нѣтъ другого начала и который излился во всѣ рѣки, но при этомъ не разошелся въ нихъ, а спокойно пребываетъ въ полной цѣлости; и точно также представь, что рѣки, истекшія изъ него, еще не устремились въ разныя мѣста и находятся всѣ вмѣстѣ, но каждая уже знаетъ, куда она направитъ свои струи. Или вообрази жизнь огромнаго растенія, которая распространилась по нему повсемѣстно, тогда какъ источникъ ея пребываетъ на мѣстѣ и не разсѣялся повсюду, прочно оставаясь въ одномъ корнѣ. Именно онъ далъ растенію всю его обильную жизнь, но самъ остался какъ и былъ, не имѣя (этой) обильной жизни въ себѣ, но являясь ея первоначаломъ» (III, 8, 10). Кромѣ того, особенно охотно прибѣгаетъ Плотинъ къ образу свѣта, непрерывно исходящаго изъ пребывающаго неизмѣннымъ солнца.—Но во всѣхъ этихъ сравненіяхъ только сказываются съ одинаковой силой обѣ намѣченныя нами тенденціи, и всѣ они лишь констатируютъ установленное нами противорѣчіе. Поэтому намъ нѣтъ нужды останавливаться на специальномъ ихъ разборѣ и нѣтъ надежды найти въ нихъ ключъ къ разрѣшенію иллюстрируемой ими неразрѣшимой проблемы.

Основной характеръ верховнаго платиновскаго принципа является въ настоящее время вполне опредѣленнымъ. Плотинъ оказывается не въ состояніи мыслить его иначе какъ реальнымъ, но въ то же время—вслѣдствіе присущаго ему абсолютнаго единства—принужденъ помѣщать его за *предѣлами бытія*. Это послѣднее до сихъ поръ еще не было введено законнымъ образомъ въ общій строй системы, и теперь надлежитъ обратиться къ разсмотрѣнію, какимъ образомъ Единое обуславливаетъ его возникновеніе. И въ этомъ—наиболѣе для насъ важномъ—вопросѣ *дедукціи бытія у Плотина* тотчасъ же снова обнаруживается двойственность характера Единого. Какъ принципъ верховнаго единства, оно прежде всего требуетъ подчиненнаго

ему и подлежащаго логическому соотнесенію съ нимъ множества. Какъ непостижимымъ образомъ существующая сверхъ-реальность оно въ своемъ замкнутомъ и самодовлѣющемъ бытіи, казалось бы, должно было противиться созданію чего-либо, выходящаго за его предѣлы. Чтобы сдѣлать такое созданіе возможнымъ, Плотину приходится принять всѣ мѣры, чтобы отличить свое первоначало отъ истинно-сущаго наподобіе парменидовскаго бытія, (для котораго вѣчный покой, всесторонняя неизмѣнность является столь же неизбѣжной сколь и роковой необходимостью—роковой потому, что надѣленное такой природой первоначало тѣмъ самымъ лишается возможности быть первоначаломъ—не допуская ничего внѣ себя, для чего оно могло бы служить условіемъ). Онъ долженъ поэтому подчеркнуть въ своемъ Единомъ ту сторону, по которой оно еще не причастно бытію и предшествуетъ ему, и надѣлать его моментомъ причинности, извлеки этотъ моментъ изъ понятія верховнаго условія всякаго бытія—хотя бы цѣною явнаго *petitio principii*. Надо доказать, что единое создаетъ нѣчто другое, т.-е. что оно является первоначаломъ. «Конечно,—аргументируетъ Плотинъ,—отъ него должно произойти что-нибудь: иначе—*какимъ же оно было бы первоначаломъ?*» (1-ая гл. 4-ой кн. 5-ой энн.). Этотъ моментъ причинности—на все же неизбѣжно онтологическомъ языкѣ Плотина—облекается въ форму творческаго акта, которымъ Единое—въ силу своего абсолютнаго совершенства и по аналогіи со всѣмъ сколько-нибудь совершеннымъ—создаетъ въ избыткѣ своемъ свое другое. *ὁῶν ὑπερερρύη καὶ τὸ ὑπερπλήρες αὐτοῦ πεποίηκεν ἄλλο* (V, 2, 1).

Что же полагается, создается первоначаломъ? Моментъ единства въ первоначалѣ требуетъ, чтобы это было нѣкоторое множество. Моментъ сверхреальнаго совершенства—чтобы это была непосредственно слѣдующая въ нисходящемъ порядкѣ ступень совершенства—абсолютная реальность. Какъ уже нами указывалось выше, множественность, имѣющая мѣсто въ реальности, есть прежде всего двойственность неизбѣжно сопряженныхъ другъ съ другомъ бытія и мысли, а потому эти два принципа и выступаютъ какъ первый продуктъ «перелившагося черезъ край» Единаго. Заклучая уже въ себѣ нѣкоторую множественность, они въ то же время являютъ собою и возможно полное единство, такъ какъ, вводя первое—основное—различеніе, они вмѣ-

стѣ съ тѣмъ постулируютъ *объединеніе* противопоставленныхъ въ этомъ различіи началъ—объединеніе, создаваемое не только наличностью общаго имъ обоимъ верховнаго условія, но и нѣкоторою основною *тождественностью самой ихъ природы*. Здѣсь мы имѣемъ уже не простое соотвѣтствіе между истиннымъ бытіемъ и постигающею его мыслью, а требованіе полного ихъ совпаденія: «разумъ и бытіе—одно и то же ($\nu\omicron\upsilon\varsigma \kappa\alpha\iota \delta\upsilon \tau\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$),—категорически заявляетъ Плотинъ во 2-ой гл. 4-й кн. 5-ой энн.,—ибо объекты ($\pi\rho\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha$) разума не предшествуютъ ему, подобно тому какъ объекты чувственнаго воспріятія предшествуютъ этому послѣднему, но самъ разумъ и есть не что иное какъ его объекты ($\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma \delta\epsilon \nu\omicron\upsilon\varsigma \tau\grave{\alpha} \pi\rho\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha$)». Особенно характеренъ и важенъ при этомъ тотъ путь, которымъ достигается постулируемая здѣсь тождественность между $\delta\upsilon$ и $\nu\omicron\upsilon\varsigma$. Первая его часть—провозглашеніе истинно-сущаго адекватнымъ *объектомъ* мысли, отождествленіе $\delta\upsilon$ и $\nu\omicron\eta\tau\acute{o}\nu$ —уже была пройдена въ предшествующемъ развитіи философской мысли, и здѣсь Плотину оставалось лишь повторить уже добытую формулу— $\epsilon\upsilon \tau\grave{\eta} \epsilon\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\alpha, \tau\acute{o} \delta\upsilon \kappa\alpha\iota \tau\acute{o} \nu\eta\tau\acute{o}\nu$ V, 3, 5. Но затѣмъ онъ дѣлаетъ еще чрезвычайно важный шагъ впередъ и заявляетъ, что истинное бытіе и есть по самой природѣ своей не что иное, какъ мыслимость, какъ нахожденіе въ $\nu\omicron\upsilon\varsigma$ ’ѣ: тамъ, гдѣ бытіе носитъ чувственный характеръ, гдѣ оно имѣетъ въ своей основѣ чувственную матерію, оно не можетъ имѣть мѣста въ разумѣ ($\tau\acute{o}\upsilon\tau\omega \nu \omicron\upsilon\chi \epsilon\nu \tau\omicron\upsilon \nu\omicron\phi \tau\acute{o} \epsilon\iota\upsilon\alpha\iota$); но что касается тѣхъ объектовъ, которые свободны отъ (такой) матеріи, для нихъ *бытіе заключается въ томъ, чтобы быть мыслимыми* ($\alpha\delta\epsilon \epsilon\sigma\tau\iota\nu \acute{\alpha}\nu\lambda\alpha, \epsilon\iota \nu\epsilon\nu\acute{o}\eta\tau\alpha\iota, \tau\omicron\upsilon\tau’ \epsilon\sigma\tau\iota\nu \alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma \tau\acute{o} \epsilon\iota\upsilon\alpha\iota$) VI, 2, 8. Здѣсь связь бытія съ разумомъ становится уже непосредственной, истинно-сущее выступаетъ какъ имманентное *содержаніе* мысли,—и только скрытая аналогія съ сознаніемъ, неизбежно заключающимъ въ себѣ моментъ (рефлексивной) раздвоенности, заставляетъ еще признавать здѣсь наличность и нѣкотораго различія. Въ концѣ нашего изложенія мы увидимъ, что это различіе, которое Плотинъ все же стремится удержать, чтобы сохранить необходимую ему *двойственность* мысли и бытія и тѣмъ мотивировать верховное ихъ объединеніе въ единомъ первоначалѣ, — что различіе это обосновывается имъ путемъ соображеній, не вытекающихъ непосредственно изъ *первоначально установленнаго* имъ характера бытія и мысли. Между тѣмъ при-

знанное здѣсь тожество тотчасъ же даетъ право на выводъ чрезвычайной важности, который въ глазахъ Плотина является рѣшающимъ стимуломъ, чтобы признать правильность проводимаго имъ взгляда на отношеніе между бытіемъ и разумомъ. «Если бы разумъ не былъ тожественъ со своимъ объектомъ,—говоритъ Плотинъ,—то онъ не былъ бы истиной; ибо тогда разумъ, постигающій объекты (*τὰ ὄντα*), имѣлъ бы въ себѣ лишь *отображеніе* ихъ, отличное отъ самихъ объектовъ, а это не—истина» (V, 3, 5). И если бы знаніе разума обуславливалось *внѣшними* ему объектами, то какой имѣлъ бы онъ критерій, чтобы различать, истинны ли его представленія или нѣтъ, т.-е. соотвѣтствуютъ ли они объектамъ или нѣтъ; и истина была бы въ объектахъ, а не въ разумѣ (V, 5, 1). Эти соображенія представляются для Плотина настолько убѣдительными, что на почвѣ ихъ онъ считаетъ себя въ правѣ установить *основную природу истины*: «настоящая истина (*ἡ ὄντως ἀληθεῖα*) согласуется не съ чѣмъ-либо другимъ, но лишь съ собою, и она не утверждаетъ и не есть что-либо иное помимо самой себя, и есть именно то, что она утверждаетъ» (V, 5, 2). Мы видимъ, т. о., какъ самому Плотину произведенное имъ отождествленіе раскрывается въ глубочайшей (и м. б. непреходящей) сторонѣ своего значенія,—тожество мысли и бытія оказывается необходимымъ условіемъ для подлинной истинности познанія.

Основной успѣхъ, сдѣланный Платиномъ въ вопросѣ объ отношеніи между мыслью и бытіемъ, нами въ настоящее время установленъ. Но чтобы быть въ состояніи дать этому отношенію окончательную оцѣнку, намъ надлежитъ еще прослѣдить, *чему именно* приписываетъ Плотинъ то истинное бытіе, существеннымъ смысломъ котораго онъ призналъ мыслимость, или нахождение въ *νοῦς*ѣ. Опредѣляясь въ своей природѣ подъ вліяніемъ двухъ намѣченныхъ выше фактовъ платиновскаго мышленія, принимаемая имъ совокупность истинно-реального должна будетъ обнаружить и свою относительную правомѣрность и свою конечную несостоятельность.

По ученію Плотина истинное бытіе принадлежитъ *идеямъ*. Концепцію ихъ онъ извлекъ изъ платоновской системы, сохранивъ за ними приписывавшееся имъ Платономъ значеніе образцовыхъ реальностей и измѣнивъ лишь въ установленномъ выше смыслѣ *характеръ присущаго имъ существованія*. Такимъ обра-

зомъ истинно-сущее, которое было соединено съ разумомъ въ одну нерасторжимую двоицу и этимъ путемъ представляло первый шагъ отъ Единого въ сторону множественности, — это сущее оказывается содержащимъ въ своихъ предѣлахъ новую множественность и превращается въ цѣлую систему надѣленныхъ бытіемъ сущностей, появленіе которыхъ въ дедуктивномъ ходѣ развитія платиновской системы представляется на первый взглядъ совсѣмъ немотивированнымъ, и которыя получаютъ возможность замѣнить собою первоначальное, основное сущее, казалось бы, лишь въ силу историческихъ вліяній. Но если мы внимательнѣе прослѣдимъ, какъ описываетъ Плотинъ творческую роль верховнаго единого первоначала въ процессѣ созиданія имъ міра, то мы увидимъ, что эта множественность идей является необходимымъ слѣдствіемъ *логическаго* характера принимаемого имъ единства.

«Оно какъ бы перелилось черезъ край, и его преизбытокъ создалъ другое». Подъ этимъ «другимъ» обыкновенно разумѣютъ двойственность бытія и разума. Но взглянемся точнѣе, какъ возникаетъ это «другое»? «А то, что возникло, — продолжаетъ Плотинъ, обратилось къ Единому и получило полноту, и (тогда) оказалось взирающимъ на себя и т. о. стало разумомъ. И неподвижное его пребываніе по отношенію къ Единому создало бытіе, а направленное на себя созерцаніе создало разумъ». Въ этомъ мѣстѣ *то, что непосредственно возникаетъ изъ Единого*, уже съ достаточною ясностью отличается отъ бытія и отъ разума. Оно оказывается предшествующимъ тому и другому, при чемъ какъ сущее, такъ и разумъ возникаютъ благодаря тому, что непосредственное «истеченіе» или продуктъ Единого «обращается» къ нему и *опредѣляется черезъ него*. Поэтому въ своей собственной природѣ оно оказывается еще вполне неопредѣленнымъ, и мы дѣйствительно видимъ, что Плотинъ въ рядѣ мѣстъ характеризуетъ это непосредственное истеченіе какъ *ἄπειρον*, *ἀόριστον*, *βλέπον ἀνοήτως*, *ὅφισ οὐπω ἰδοῦσα* (въ двухъ послѣднихъ опредѣленіяхъ черезъ сравненіе съ «безсознательнымъ зрѣніемъ» подчеркивается моментъ его «обращенія» къ Единому, непосредственно предшествующій «зрѣнію сознательному» — опредѣленной созерцательной дѣятельности разума). Что же касается бытія и разума, то первое (какъ видно и изъ приведеннаго. и изъ ряда другихъ мѣстъ) есть продуктъ опредѣленія *неопредѣленною суб-*

*стра*та черезъ Единое,—опредѣленія, въ результатъ котораго создается реальность, точно разграниченная въ самыхъ своихъ нѣдрахъ и прочно укрѣпленная во введенныхъ въ нее различіяхъ,—а это значитъ—реальность, образующая множественность систематически связанныхъ формъ; съ своей стороны разумъ есть не что иное, какъ проникновенность всей совокупности названныхъ формъ принципомъ единства и соотнесеніе ихъ съ этимъ принципомъ. Означая на своемъ образномъ языкѣ производимую оформленность какъ «покой» (V, 1, 7: *στάσις τοῖς νοητοῖς ὁρισμός καὶ μορφή*), а объединяющій содержаніе разума переходъ отъ одного объекта разума къ другому какъ «движеніе» разума, Плотинъ сводитъ поэтому различіе между бытіемъ и разумомъ къ слѣдующей, выполнѣ теперь для насъ понятной формулировкѣ: «идея (т. е. умопостигаемое бытіе) имѣетъ свою сущность въ *покоѣ*, являясь предѣломъ въ разумѣ, а разумъ есть ея *движеніе*, такъ что все—и покой и движеніе—есть одно» (VI, 2, 8).

Такимъ образомъ мы видимъ, что и разумъ и бытіе возникаютъ въ результатъ опредѣленія нѣкоторой полагаемой Единымъ неопредѣленности черезъ это Единое. Означенная неопредѣленность должна поэтому—согласно нашей интерпретаціи—образовать выполнѣ реальный ингредиентъ создаваемыхъ Единымъ началъ. И дѣйствительно, изучая структуру основныхъ принциповъ системы Плотина, мы находимъ, что такъ какъ его бытіе представляетъ собою уже не простое единство, а связанную въ одно цѣлое *множественность* «идей», то онъ различаетъ въ предѣлахъ этого бытія съ одной стороны—нѣкоторое индивидуальное своеобразіе, конституирующее каждую изъ идей, а съ другой—*нѣкоторую общую основу для нихъ всѣхъ*, обозначая первое—какъ форму (*μορφή*) отдѣльной идеи, а вторую—какъ ихъ *матерію*. Эта послѣдняя (которую Плотинъ, какъ основу *умопостигаемаго* міра и въ отличіе отъ матеріи чувственныхъ вещей называетъ *матеріей интеллигибельной*—*ἄλη νοητή*) и представляетъ собою такимъ образомъ не что иное, какъ лежащій въ основѣ совокупности идей и въ себѣ еще неопредѣленный черезъ индивидуальныя формы субстратъ, исполняя, слѣдовательно, ту же функцію, которую при изображеніи *возникновенія міра изъ Единого* Плотинъ приписываетъ непосредственно создаваемой Единымъ *неопредѣленности*. Отожествленіе умопостигаемой матеріи съ этой неопредѣленностью становится поэтому очень вѣроят-

нымъ, и вѣроятность эта переходитъ въ увѣренность, когда мы въ одномъ мѣстѣ встрѣчаемъ заявленіе Плотина, что умопостигаемая матерія есть безпредѣльность, полагаемая непосредственнымъ творческимъ актомъ Единого. «Матерія и въ области умопостигаемаго также есть безпредѣльное,—указываетъ Плотинъ въ 15-ой гл. 4-ой кн. 2-ой энн.,—и возникаетъ это безпредѣльное изъ безпредѣльности Единого, или изъ его мощи, или изъ его вѣчности,—и притомъ такъ, что безпредѣльность не находится въ самомъ Единомъ, но Единое создаетъ ее».

Установивъ этимъ путемъ значеніе умопостигаемой матеріи Плотина, мы не только оказываемся въ состояніи ввести ее въ связанный контекстъ съ совокупностью платиновскихъ принциповъ, тогда какъ до сихъ поръ ея появленіе въ системѣ Плотина объяснялось исключительно вліяніемъ платоновскаго или аристотелевскаго построенія (Zeller, Vacherot, J. Simon), или же получало совершенно фантастическое толкованіе (какъ, напр., въ новѣйшей работѣ о Плотинѣ, принадлежащей проф. Drews'у, гдѣ авторъ отождествляетъ ее съ порождаемой разумомъ міровою душой); мы кромѣ того получаемъ здѣсь окончательный матеріалъ для завершенія нашей оцѣнки системы верховныхъ принциповъ Плотина съ установленныхъ нами для такой оцѣнки исходныхъ точекъ зрѣнія. Если создаваемая Единымъ умопостигаемая матерія имѣетъ свою цѣлью—какъ и «не-бытіе» (*μη ὄν*) Платона въ его «Софистѣ»—обосновывать возможность множественности идей, при чемъ Плотинъ прямо заявляетъ, что «раздѣленіе частей другъ отъ друга имѣетъ въ своей основѣ матерію, такъ какъ это она подверглась (при этомъ) расчлененію», то намъ представляется правомѣрнымъ выставить утвержденіе, что умопостигаемая матерія есть съ логической стороны не что иное, какъ моментъ *неопредѣленнаго множества*, съ необходимостью постулируемый лежащимъ въ первоначалѣ понятіемъ единства. Единство есть единство множества; если дано единство, оно непременно должно быть соотнесено съ нѣкоторымъ многообразіемъ, а потому единое въ природѣ своей первоначально прежде всего необходимымъ образомъ полагаетъ принципъ такого многообразія—неопредѣленную матерію, изъ сочетанія которой съ единствомъ первоначала и должна возникнуть вся система возможныхъ опредѣленій. Но здѣсь вступаетъ въ силу второй—онтологическій—стимулъ платиновскаго міросозерцанія. Единое

первоначало не есть лишь принципъ чистаго единства, оно есть *ἐν ᾧ*—высшая реальность, или точнѣе сверхреальность, которая является творческимъ факторомъ, создающимъ рядъ *постепенно убывающихъ въ своемъ совершенствѣ формъ бытія*. Поэтому непосредственно полагаемое имъ начало—интеллигибельная матерія—также провозглашается правда за извѣстную *реальность* (въ отличіе отъ матеріи міра чувственнаго — низшаго): «тамъ», т.-е. въ области умопостигаемаго, «форма есть нѣчто истинное, — говоритъ Плотинъ,—а слѣд., таковъ же и субстратъ. Поэтому тѣхъ, кто объявляетъ матерію сущностью, слѣдовало бы считать поступающими правильно, если бы они говорили о той—умопостигаемой—матеріи. Ибо въ томъ мірѣ субстратъ есть сущность» (II, 4, 5). Однако, въ силу своей неопредѣленности она не можетъ быть гипостазирована какъ самостоятельный, *второй по степени совершенства своего* принципъ, а потому въ общей системѣ Платиновскихъ началъ она оказывается лишь постулируемымъ природой первоначала ингредиентомъ *основной* создаваемой этимъ первоначаломъ реальности, и въ качествѣ такой реальности выступаетъ верховная двойственность разума и бытія, въ существенномъ ихъ тождествѣ между собой.

Но въ данномъ контекстѣ отождествленность этихъ двухъ началъ уже не рассматривается Платиномъ исключительно какъ раствореніе умопостигаемаго бытія въ природѣ разума, сводящее сущность этого бытія къ обусловленности мыслью; она выступаетъ у него какъ нѣкоторая *реально существующая* связанность отдѣльныхъ идей въ одномъ общемъ единствѣ, при чемъ многообразіе отдѣльныхъ идей обозначается какъ бытіе, а ихъ связанность въ одномъ цѣломъ—какъ разумъ. «Тамъ все вмѣстѣ,—говоритъ Плотинъ,—и тѣмъ не менѣе все отдѣлено другъ отъ друга... Разумъ есть все вмѣстѣ и въ то же время—не вмѣстѣ, такъ какъ каждый составной моментъ есть особая сила; а разумъ въ своей полнотѣ обнимаетъ все, какъ родъ—виды, и какъ цѣлое—части» (V, 9, 6). Такимъ образомъ, соотнесенность бытія съ разумомъ получаетъ уже интересъ и важность не постольку, поскольку этимъ путемъ осуществляется необходимое условіе для возможности истиннаго знанія (хотя именно этотъ мотивъ выдвигался какъ основной при отождествленіи названныхъ началъ), а поскольку здѣсь устанавливается нѣкоторая *метафизическая реальность*, превосходящая по своему совершенству, а

потому предваряющая въ своемъ бытіи міръ чувственного воспріятія. Приходится указать для этой реальности конкретное содержаніе, не извлеченное изъ чувственного міра и независимое отъ него, и здѣсь Плотинъ видитъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ образу, столь же обаятельному по своему непосредственному впечатлѣнію, сколь и безсильному рѣшить свою — правда неосуществимую — задачу, освободить человѣческія представленія отъ неизбѣжныхъ для нихъ эмпирическихъ формъ, выразивъ ихъ въ ихъ абсолютной — въ дѣйствительности не имѣющей мѣста — сущности: «Пусть появится въ душѣ сіяющій обликъ шара, который въ себѣ вмѣщаетъ все — либо въ движеніи, либо въ покоѣ, или же — одно въ движеніи, другое — въ покоѣ». Это — образъ чувственного міра, за которымъ Плотинъ вводитъ теперь образъ его творца — міра умопостигаемаго. «Удерживая этотъ обликъ въ мысли, представь себѣ другой, отвлеки отъ перваго всю массу его вещества; отвлеки также пространственныя опредѣленія и всякое свое представленіе о матеріи и не пытайся замѣнить первый обликъ другимъ, менѣе вещественнымъ по составу своему; но, воззвавъ къ богу, создавшему шаръ, обликъ котораго ты имѣешь въ себѣ, моли его сойти (туда). И онъ явится во всемъ убранствѣ своемъ, со всѣми богами, находящимися въ немъ, и единый, и вмѣщая всѣхъ, какъ и каждый изъ нихъ вмѣщаетъ всѣхъ, ибо всѣ связаны въ одно и отличны своими отдѣльными силами, но своею основной великой силой всѣ — одно. Или скорѣе — единый верховный богъ есть вмѣстѣ всѣ они; ибо, по возникновеніи всѣхъ ихъ, въ немъ нѣтъ никакого ущерба. Всѣ они — вмѣстѣ, и каждый въ то же время — особо отъ другихъ, не отдѣляясь какимъ-либо промежуткомъ и не имѣя никакой чувственной формы» (V, 8, 9). Все должно быть во всемъ — этого требуетъ принципъ логическаго единства въ отношеніи къ подчиненному ему множеству. Но это «все во всемъ» должно быть надѣлено своимъ особымъ, независимымъ отъ эмпирическаго міра содержаніемъ, такъ какъ оно вѣдь «реально существуетъ» *до него*. И мы видимъ, что на требованіе такого содержанія Плотинъ въ состояніи отвѣтить лишь рядомъ ничего не говорящихъ отрицательныхъ предикатовъ...

«Реальное существованіе» умопостигаемаго міра оторвало его отъ міра чувственного, и съ такимъ трудомъ достигнутое отождествленіе бытія и разума лишилось черезъ то возможности

выполнить свое призваніе необходимаго условія въ познаніи истины: бытіе чувственнаго міра не могло уже быть постигнуто въ своемъ настоящемъ значеніи, и различеніе степеней бытія соотвѣтственно степенямъ совершенства привело къ признанію реальности чувственнаго міра тѣнью бытія (V, 6, 6), а его познаніе—призракомъ истиннаго знанія. Съ другой стороны, «подлинная истина», стиснутая въ предѣлахъ интеллигибельнаго міра, съ неизбежностью выродилась въ интеллектуальную интуицію, въ которой—какъ уже было въ нѣкоторой мѣрѣ видно и изъ приведенныхъ выше примѣровъ—въ концѣ-концовъ стираются всѣ логическія различія—истинный покой есть въ то же время истинное движеніе, и т. п.

Равнымъ образомъ, гипостазированіе верховнаго Единого помѣшало ему быть истиннымъ обоснованіемъ для міра умопостижимаго; поскольку Единое имѣетъ бытіе въ себѣ, связь его съ этимъ міромъ остается непонятной. Міръ идей уже вмѣщаетъ въ себѣ всю полноту реальности и находитъ себѣ всю полноту объединенія—въ единствѣ *разума*. Единое верховное первоначало въ своей трансцендентности оказывается для него уже излишнимъ. И чтобъ сохранить своего Бога—свое Единое—какъ верховное начало въ системѣ принциповъ отождествленнаго съ бытіемъ разума, Плотинъ долженъ бы былъ ввести его—какъ основной ингредиентъ—въ *предѣлы этой системы*. Разумѣется, такой шагъ былъ неосуществимъ для его постоянно стремившейся къ гипостазированію отдѣльныхъ принциповъ объясненія мысли. Разумѣется, такое поглощеніе Бога разумомъ могло бы быть достигнуто лишь цѣною отказа отъ *пантеизма* и замѣны его *панлогизмомъ*. Но *лишь этимъ* путемъ вопросъ о природѣ верховнаго начала получилъ бы постановку соотвѣтствующую основнымъ законамъ познающей мысли, которая лишь послѣ этого и можетъ принять на себя всю тяжесть его разрѣшенія.

А. Кубицкій.

По поводу одной замѣчательной книги.

Книга Вейнингера «Поль и характеръ» вышла въ хорошемъ переводѣ и хорошемъ изданіи. Книга эта уже обратила на себя вниманіе, и она заслуживаетъ вниманія. Нехорошо только, если Вейнингеръ станетъ моднымъ, если получатъ широкое распространеніе нѣкоторыя его идеи, которыя могутъ показаться пикантными и занимательными, идеи, имѣвшія оправданіе въ страстной субъективности его богатой индивидуальности, но вредныя и пошлыя въ массовомъ потребленіи. Такъ хотѣлось бы, чтобы Вейнингера оцѣнили, и такъ не хотѣлось бы, чтобы вейнингеріанство стало модой. Въ юношеской книгѣ Вейнингера есть геніальный размахъ, отъ мрачной книги этой вѣетъ свѣжестью. Это очень возбуждающая и одухотворяющая книга. Вейнингеръ сынъ нѣмецкой духовной культуры, въ немъ чувствуется духъ Канта, Шопенгауэра, Шеллинга, Р. Вагнера, духъ германскаго идеализма и романтизма. Но есть въ немъ и глубокое отличіе отъ современной нѣмецкой культуры и философіи. Книга Вейнингера, книга юноши 22 лѣтъ, — быть можетъ, самое яркое явленіе современной германской культуры; послѣ Ницше ничего уже не было въ этой мельчающей культурѣ столь знаменательнаго. Въ книгѣ этой духъ германскаго идеализма и романтизма доходитъ до религіозной муки. Одна лишь черточка отдѣляетъ Вейнингера отъ религіознаго принятія христіанства, и то, что онъ не можетъ переступить этой черточки, губить его. Вейнингеръ не приходитъ къ религіозному миру, но онъ проникнутъ благоговѣйной, почти религіозной любовью къ истинѣ и правдѣ и внушаетъ другимъ любовь къ совершенству. Въ этомъ онъ родственъ такимъ писателямъ, какъ Фихте, Карлейль, Л. Толстой; онъ благотворно дѣйствуетъ даже въ томъ случаѣ, когда высказываетъ завѣдомо ложныя идеи.

Въ книгѣ Вейнингера чаруютъ не его теоретическія идеи, слишкомъ часто преувеличенныя и невѣрныя, а неуловимое дыханіе всей этой книги.

Въ книгѣ разлито дыханіе вѣчнаго идеализма, глубокая и страстная вражда къ позитивизму, къ культу количествъ и временности, любовь къ качествамъ и вѣчности. Наибольшій успѣхъ будутъ имѣть специфическіе взгляды Вейнингера на женщину, на бисексуальность человѣческаго существа и пр. Во взглядахъ этихъ есть много интереснаго, но хотѣлось бы обратить вниманіе на совсѣмъ другіе стороны книги. Въ своемъ ученіи о геніальности Вейнингеръ всего болѣе возвышается надъ духомъ нашего времени, всего болѣе самъ геніаленъ. Въ романтизмѣ была вѣчная сторона и ее то и развиваетъ Вейнингеръ, который проводитъ духъ романтизма черезъ очистительный огонь философскаго критицизма. Чувствуется также родство Вейнингера съ Карлейлемъ, съ его культомъ героевъ. Наша эпоха нуждается въ возрожденіи самой идеи геніальности. Ужъ почти никто не связываетъ въ наше время своей мечты о возрожденіи человечества съ геніальностью, всѣ связываютъ мечту о новой жизни съ властью количествъ, съ механикой силъ. «Универсальная апперцепція, всеобщее сужденіе, полная вѣвременность»—вотъ въ чемъ видитъ Вейнингеръ сущность геніальности. «Геніальнымъ слѣдуетъ назвать человѣка тогда, когда онъ живетъ въ сознательной связи съ міровымъ цѣлымъ. Только геніальное и есть божественное въ человѣкѣ». «Геній—это тотъ человѣкъ, который достигъ сознанія собственнаго я». Но по глубокой мысли Вейнингера: «высочайшій индивидуализмъ есть высочайшій универсализмъ». «Въ геніи и раскрывается вполнѣ идея человѣка. Онъ возвѣщаетъ намъ на вѣчныя времена, что такое человѣкъ: объектъ, субъектомъ котораго служитъ вся вселенная». *Геніальность*, по оригинальному ученію Вейнингера, присуща не только тѣмъ людямъ, которыхъ принято называть геніями. «Геніальность есть идея, къ которой одинъ подходитъ ближе, другой остается вдали отъ нея, идея, къ которой одинъ приближается быстро, другой подходитъ къ ней, быть можетъ, только къ концу своей жизни». Вейнингеръ горячій сторонникъ платоновскаго ученія объ идеяхъ, и ко всѣму онъ примѣняетъ платоновскій методъ; для него и мужское, и женское, и геніальность—идеи, съ которыми эмпирическая дѣйствительность совпадаетъ въ большей или

меньшей степени. Идея геніальности—основная идея Вейнингера; въ ней онъ видитъ спасеніе, въ ней—вселенность, полнота бытія и вмѣстѣ съ тѣмъ самосознаніе я, утвержденіе личности. Геніальность есть сознаніе цѣнностей, положительное отношеніе къ вещамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ геніальность есть освобожденіе отъ власти времени—внѣвременность. Геніальность Вейнингеръ отличаетъ отъ таланта, такъ какъ основнымъ признакомъ генія является универсальность воспріятія, чего у таланта можетъ и не быть. Геніальность можетъ быть у людей просто даровитыхъ, и даже у людей бездарныхъ въ иныя минуты жизни; въ минуты великаго страданія или экстаза можетъ явиться геніальность, озареніе, универсальное воспріятіе вещей. Замѣчательно также ученіе Вейнингера о памяти, съ которымъ онъ связываетъ сознаніе я, сознаніе цѣнности, геніальность и внѣвременность. «Идеаломъ генія явилось бы такое существо, у котораго столько же «перцепцій», сколько «апперцепцій». Съ памятью связана и потребность въ безсмертіи. Память есть побѣда надъ временемъ, есть утвержденіе своего я противъ власти времени. Въ главѣ о логикѣ и этикѣ Вейнингеръ связываетъ съ памятью этическихъ и логическихъ нормы. Онъ своеобразно интерпретируетъ нормативный критицизмъ и дѣлаетъ широкіе выводы изъ этого ученія.

Но всего болѣе нужно сказать, что Вейнингеръ замѣчательный психологъ, ясновидецъ душевныхъ стихій. Онъ очень своеобразно понимаетъ задачи психологіи, и его заслуги передъ психологіей будутъ еще признаны. Вейнингеръ относится съ ѣдкимъ и остроумнымъ отрицаніемъ къ «психологіи безъ души»; онъ хочетъ вернуть психологіи утерянную душу; въ этомъ онъ расходится не только съ позитивистами, но и съ большей частью неокантіанцевъ. Вейнингеръ мечтаетъ о новой наукѣ—характерологіи или теоретической біографіи, которая должна замѣнить старую бездушную и отвлеченную психологію. У него есть идея новой конкретной психологіи, которая изучала бы то, чѣмъ совсѣмъ не занималась старая психологія, изучала бы, напр., психологическія проблемы «убійства, дружбы, одиночества». Вейнингеръ и изучаетъ конкретно-психологическія проблемы—мужественности, женственности, геніальности, даровитости, материнства, эротики и т. п. Многія психологическія наблюденія и обобщенія Вейнингера поражаютъ силой своей интуиціи, безъ которой нельзя быть настоящимъ психологомъ. Психологія тогда лишь выйдетъ на новый

и плодотворный путь, когда она не ограничится изслѣдованіемъ ощущеній и элементарныхъ и самыхъ общихъ душевныхъ явленій познанія, воли и чувства, а сдѣлаетъ объектомъ своего изслѣдованія такія сложныя и конкретныя явленія, какъ, напр., идолопоклонство, страданіе, дѣтскость, гордость, тоска, аскетизмъ и пр. Конкретныя и сложныя, подлинно «психическія» явленія современной психологіей не только не изслѣдуются, но и не могутъ изслѣдоваться по характеру ея метода. Вейнингеръ тутъ дѣйствуетъ очень возбуждающе, онъ прокладываетъ новый путь. До Вейнингера никѣмъ не было предпринято такое психологическое изслѣдованіе мужественности (М) и женственности (Ж). Въ этой области у Вейнингера поражаетъ смѣсь почти геніальныхъ интуицій, глубокихъ прозрѣній характера «женщины» съ очень невѣрными, несправедливыми и ни на чемъ не основанными обобщеніями. Въ отношеніи Вейнингера къ Ж есть что-то мучительное и загадочное. Та страстность, съ которой Вейнингеръ отрицаетъ въ Ж душу, отрицаетъ всякое отношеніе Ж къ логикѣ, къ этикѣ, къ геніальности, къ сознанію «я», къ истинѣ и правдѣ, таитъ въ себѣ что-то нездоровое, какой-то пережитый ужасъ. Правда, Вейнингеръ говоритъ не о женщинѣ, а о Ж, какъ платоновской идеѣ, которую можно найти и у мужчинъ, равно какъ у женщинъ можно найти начало М. Но конструкція Вейнингера логически произвольна и несостоятельна, такъ какъ онъ приписываетъ М. все положительно цѣнное и дѣлаетъ мужчину носителемъ М, а Ж приписываетъ все отрицательное, лишенное цѣнности, и дѣлаетъ женщину носителемъ Ж. Произвольность, субъективность и несправедливость основного построенія Вейнингера не помѣшали ему сказать горькую правду о женщинахъ. Ученіе о генидѣ, какъ характерномъ состояніи женщины, очень вѣрно и интересно. Вѣрно и то, что лишь мужчина истолковываетъ женскую гениду. Очень глубоко также ученіе о противоположности между сексуальностью и эротикой. Съ эротикой Вейнингеръ связываетъ чувство противоположности между личностью и родомъ и чувство искупленія и спасенія. Ж есть лишь проеція во внѣшній міръ грѣха М, а любовь есть жажда искупленія грѣха. Мужчина никогда не любитъ женщину, и женщина не достойна любви; онъ лишь влагаетъ въ женщину «душу», влагаетъ свою идею совершенства, свою цѣнность. Такова идея чистой эротики. Сенсуальное же отношеніе

къ женщинѣ есть источникъ грѣха и рабства. Вейнингеръ и приходитъ къ проповѣди крайняго аскетизма, въ которомъ видить освобожденіе отъ Ж, т.-е. отъ грѣха и зла.

У Вейнингера есть напряженное, страстное чувство личности, чувство «я», и не менѣе страстная, негодующая вражда къ роду. Все безличное, стихійное, животное, родовое ненавистно Вейнингеру. Въ этомъ Вейнингеръ стоитъ на очень высокой ступени сознанія, и книга его гениально отражаетъ тотъ кризисъ родовой стихіи, который такъ болѣзненъ для современнаго человѣчества. Самосознаніе личности, сознаніе высшей природы человѣка возстаетъ противъ рабства у безличной родовой стихіи. Вейнингеръ потому такъ и ненавидитъ Ж, что видить въ этомъ началѣ стихію, враждебную личности, враждебную разуму и совѣсти, привязывающую къ роду, къ родовой производительности, стихію враждебную безсмертію. Чувство личности и жажда безсмертія приводитъ Вейнингера къ отрицанію материнства. Онъ развѣнчиваетъ материнство, такъ какъ видить глубокую противоположность между творчествомъ новыхъ поколѣній и творчествомъ духовныхъ цѣнностей. Для него материнство есть безсознательный, животный инстинктъ и потому не возвышающій женщины. Тутъ Вейнингеръ близокъ къ Платону. Вл. Соловьевъ тоже шелъ отъ Платона, но онъ зналъ христіанскій исходъ. Вейнингеръ ведетъ непрерывную борьбу противъ стихійности и безсознательности во имя разума и сознанія. Въ этомъ онъ противится духу времени, духу декадентскаго сознанія, погруженнаго въ безсознательныя, противныя всякимъ нормамъ стихіи. Онъ борется также съ декадансомъ этическимъ, съ отрицаніемъ абсолютнаго характера морали, съ современной безпринципностью и аморальностью. Вейнингеръ критикой своей служитъ духовному возрожденію, обращенію человѣка къ вѣчнымъ цѣностямъ и къ безсмертію.

Вейнингеръ стоитъ на почвѣ кантовской философіи; но онъ не походитъ на обычный типъ неокантіанца,—въ сущности позитивиста: онъ понимаетъ, что самое важное у Канта—его ученіе о двойственности человѣческой природы, его моральная философія. Вейнингеръ глубоко чтитъ философію, въ этомъ онъ типичный нѣмецъ. Онъ не только идеалистъ, но спиритуалистъ, соединяетъ критицизмъ Канта съ спиритуалистической монадологіей Лейбница. Но спиритуализмъ Вейнингера дуалистическій,

оставляетъ разорванность духа и плоти и враждебенъ плоти. Если бы Вейнингеръ пришелъ къ христіанскому сознанію черезъ новую философію, то преодолѣлъ бы дуализмъ, и спиритуализмъ его сталъ бы монотистическимъ, не отрицающимъ плоть, а одухотворяющимъ плоть. На Вейнингерѣ видны мертвенность и безсиліе безрелигіознаго романтическаго идеализма.

При всей психологической проницательности Вейнингера, при глубокомъ пониманіи злого въ женщинѣ, въ немъ нѣтъ вѣрнаго пониманія «сущности женщины и ея смысла во вселенной». Всѣ свои надежды Вейнингеръ возлагаетъ на окончательную побѣду мужественности надъ женственностью, что и будетъ побѣдой духа надъ плотью, міра вѣчнаго надъ міромъ тлѣннымъ. И христіанство видитъ въ женщинѣ злое начало, учитъ, что женская природа оказалась особенно воспріимчивой ко злу, но христіанство же учитъ, что женская природа оказалась воспріимчивой и къ величайшему добру, оплодотворилась Духомъ Божьимъ и родила во плоти Сына Божьяго. Только вѣра въ Христа могла бы спасти Вейнингера отъ мрачнаго взгляда на женщину. Ученіе Вейнингера объ эротикѣ заключаетъ въ себѣ часть истины, но онъ не доходитъ до идеи эротическаго соединенія мужчины и женщины въ вѣчномъ бытіи. Эротика Вейнингера призрачна, въ ней не достигается реальное бытіе. Культъ Мадонны для него обманъ, мечта любви—иллюзія. Человѣкъ остается самъ съ собой, одинъ, ему недоступна реальная любовь къ другому и другимъ. Вейнингеръ призываетъ къ героическому усилю *самоспасенія*, освобожденія собственными силами отъ плоти, отъ этого міра, отъ женщины. Но помощи неоткуда ждать, благодати нѣтъ. Въ этой идеи самоспасенія есть гордыня и самомнѣніе. Вейнингеръ покончилъ съ собой, и въ книгѣ его есть предчувствіе этого срашнаго конца. Вейнингеръ любитъ Христа и христіанство, но Христосъ для него лишь религіозный геній, лишь великій основатель религіи. Онъ видитъ въ еврействѣ ту же злую силу, что и въ женщинѣ, а подвигъ Христа видитъ въ побѣдѣ надъ еврействомъ ¹⁾. И ждетъ онъ новаго религіознаго

¹⁾ Вражда Вейнингера къ „еврейству“ не имѣетъ ничего общаго съ вульгарнымъ антисемитизмомъ и не можетъ быть использована антисемитическими инстинктами. Для точки зрѣнія Вейнингера современный антисемитизмъ самъ проникнутъ духомъ „еврейства“. Во взглядахъ на еврейство Вейнингеръ слѣдуетъ главнымъ образомъ за Р. Вагнеромъ.

генія, который опять побѣдитъ «еврейство», заразившее всю нашу культуру. «Навстрѣчу новому еврейству рвется къ свѣту новое христіанство. Человѣчество жаждетъ основателя новой религіи, и битва близится къ рѣшительному концу, какъ въ первомъ году нашей эры. Человѣчеству снова приходится выбирать между еврействомъ и христіанствомъ, гешефтомъ и культурой, женщиной и мужчиной, родомъ и личностью, нецѣннымъ и цѣнностью, земной и высшей жизнью,—между Ничто и Богомъ». Если бы Вейнингеръ почувствовалъ, что Христосъ былъ не основателемъ религіи, а религіей, онъ менѣе мрачно представлялъ бы себѣ свою судьбу въ мірѣ. Но онъ почувялъ, что міръ идетъ къ новой религіозной жизни, что наступаютъ времена рѣшительнаго выбора. Вейнингеръ—одинъ изъ немногихъ людей современной культуры, которые громко свидѣтельствуютъ о религіозныхъ исканіяхъ и мукахъ и предваряютъ религіозное возрожденіе.

Н. Бердяевъ.

По поводу автобіографіи Фр. Ницше.

Въ началѣ зимы 1908 г. впервые появилось въ печати и тотчасъ же разошлось первое изданіе автобіографіи Ницше, подъ заглавіемъ «Ессе Номо» или «Какъ становишься тѣмъ, что есть» ¹⁾. Второе изданіе предполагается закончить къ будущей осени. Такъ называемыя посмертныя изданія въ большинствѣ случаевъ носятъ характеръ не полной принадлежности ихъ автору, поскольку они готовятся для печати чужими руками, однако, «Ессе Номо» принадлежитъ къ ряду тѣхъ немногихъ, которыя были вполне закончены и отдѣланы для печати ихъ собственнымъ авторомъ. Рукопись «Ессе Номо» была отослана Ницше въ 1888 году въ готовомъ видѣ издателю Науманну, и только внѣшнія событія—задержка съ иностранными переводами, которые должны были появиться одновременно, затѣмъ болѣзнь Ницше и уже независящія отъ него соображенія—помѣшали ея немедленному опубликованію. Несмотря на опредѣленное и не разъ выраженное желаніе Ницше видѣть автобіографію въ печати до появленія «Переоцѣнки всѣхъ цѣнностей» ²⁾, распорядители его литературнаго наслѣдства, главнымъ образомъ Базельскій профессоръ Овербекъ, рѣшаютъ остановить уже начатое печатаніе. Овербекъ убѣждаетъ въ этомъ и одного изъ наиболѣе вѣрныхъ друзей Ницше—Петра Гаста, и 8-го марта 1889 года пишетъ издателю съ окончательнымъ приказаніемъ разобрать уже готовый шрифтъ первыхъ двухъ листовъ. Дѣловая помѣтка фирмы на письмѣ Овербека заканчивается коротко и просто вопросомъ о начатомъ изданіи. Рукопись переходитъ сначала на храненіе къ Петру Гасту; въ

¹⁾ „Wie man wird, was man ist“.

²⁾ „Umwerthung aller Werthe“.

1893 году Гастъ передаетъ ее сестрѣ Ницше Елизаветѣ Ферстерѣ-Ницше. Но и въ полное изданіе сочиненій Ницше, подъ руководствомъ участниковъ т. наз. Архива-Ницше ¹⁾, автобіографія не помѣщается. Сестра Ницше пишетъ по этому поводу слѣдующее: «До тѣхъ поръ, пока такія возмутительныя и неправдивыя книги и статьи о Фридрихѣ Ницше, которыя, хотя теперь уже рѣже, но все еще появляются въ печати, находятъ читателей, не отвараживающихся отъ нихъ съ полнымъ негодованіемъ, до тѣхъ поръ, представляется мнѣ, время опубликованія еще не наступило» ²⁾. Только въ началѣ этой зимы, въ октябрѣ 1908 года, появляется, наконецъ, первое изданіе «Ессе Номо» съ того самаго собственноручнаго манускрипта Ницше, который двадцать лѣтъ тому назадъ былъ отосланъ авторомъ его издателю.

Книга заключаетъ въ себѣ, кромѣ автобіографіи, *послѣсловіе* руководившаго изданіемъ доцента лейпцигскаго университета Рауля Рихтера ³⁾. Начинаясь односторонней параллелью между Ницше и Фихте, послѣсловіе Рихтера заключаетъ въ себѣ затѣмъ исторію написанія «Ессе Номо» и всѣ колебанія съ его напечатаніемъ. Въ рядѣ выдержекъ сообщена переписка Ницше по этому поводу съ друзьями и издателемъ; потому я не буду здѣсь останавливаться на этомъ вопросѣ; я не предполагаю также передавать здѣсь содержанія «Ессе Номо» въ частностяхъ. Основная цѣль этой статьи указать тѣ моменты, которые представляются мнѣ существенными для безпристрастной оцѣнки этого произведенія ⁴⁾.

1) „*Friedrich Nietzsche's Werke*“. Gross 8° gesamt-Ausgabe; 2 Abth. und Klein 8° gesamt-Ausgabe; 2 Abth.

2) El. Förster-Nietzsche: „*Das Leben Friedrich Nietzsche's*“ II B. 1904. S. 891.

3) Ему же принадлежатъ, между прочимъ, сравнительно лучшія въ Германіи лекціи о Ницше: „*Friedrich Nietzsche, sein Leben und sein Werk*“ Lpzg., 1903.

4) Выдержки изъ „Ессе Номо“ будутъ въ дальнѣйшемъ отмѣчены буквами Е. Н. и указаніемъ страницъ. Выдержки изъ писемъ взяты мною большею частью изъ біографіи Ницше, составленной его сестрою; точное заглавіе книги уже дано выше, для краткости онѣ будутъ помѣчены буквами F. N. Цитаты изъ „*Also sprach Zarathustra*“ (A. s. Z.) и другія цитаты изъ полнаго изданія Ницше относятся къ страницамъ полнаго изданія малаго октава.

Въ примѣчаніяхъ приведены въ оригиналѣ только тѣ слова Ницше, которыя представляютъ особенныя затрудненія для перевода и во всякомъ случаѣ заключаютъ непередаваемые художественныя цѣнности.

Какъ всѣ произведенія Ницше, такъ и «Ессе Номо» даютъ прежде всего неисчерпаемый матеріалъ для непониманія какъ со стороны такъ называемыхъ ницшеанцевъ, часто односторонне преувеличивающихъ то, что въ ученіи Ницше является далеко не самымъ существеннымъ, такъ и со стороны множества людей, въ которыхъ прочно засѣвшія ассоціаціи исключаютъ возможность правильной оцѣнки того или другого новаго содержанія. Но съ другой стороны, «Ессе Номо», опять-таки, какъ всѣ произведенія Ницше, заключаетъ въ себѣ богатый источникъ глубокаго психическаго самоанализа, въ которомъ всякій философъ-психологъ найдетъ для себя рѣдкія цѣнности, и всякій живой человѣкъ встрѣтитъ вопросы, побуждающіе его къ серьезному размышленію. Автобіографія написана, какъ и большая часть произведеній Ницше, въ одинъ порывъ вдохновенія: отъ 15-го октября до 4-го ноября 1888 года, года, уже богатаго для Ницше результатами творчества.

Раньше чѣмъ приступать къ самой автобіографіи, существенно представить себѣ прежде всего условія ея возникновенія и тотъ фонъ психическихъ состояній, выраженіемъ которыхъ она въ значительной степени является.

Условія въ жизни Ницше, предшествовавшія написанію автобіографіи, глубоко трагичны. Можно желать уединенія и радоваться ему, но трудно желать одиночества. Между тѣмъ именно на холодное и полное одиночество обреченъ былъ Ницше съ его чуждыми окружавшимъ его людямъ стремленіями, печалью и радостями. Въ теченіе всей жизни Ницше идетъ трагедія борьбы необыденнаго человѣка со своимъ одиночествомъ. Всѣ произведенія Ницше отражаютъ на себѣ моменты этой борьбы. Но, можетъ быть, ярче всѣхъ именно его автобіографія говоритъ о его послѣдней побѣдѣ и о его послѣднемъ и окончательномъ пораженіи. Въ началѣ 1888 года, въ мартѣ, Ницше пишетъ письмо сестрѣ, слѣдующіе отрывки изъ котораго ясно свидѣтельствуютъ о состояніи его души. «Я испытываю невыносимое напряженіе днемъ и ночью, вызываемое той задачей, которая мнѣ поставлена и абсолютной неблагопріятностью всѣхъ остальныхъ условій для рѣшенія этой задачи: въ послѣднемъ лежитъ во всякомъ случаѣ главное зло. Чувство одиночества, недостатокъ любви, общая неблагодарность и даже безсовѣстность по отношенію ко мнѣ». ...«Почему лишенъ я всякаго утѣшенія, всякаго

глубокаго сочувствія, всякаго сердечнаго почитанія? Мое здоровье, подъ вліяніемъ необычайно красивой погоды, хорошаго питанія и энергичныхъ прогулокъ остается въ достаточно хорошемъ состояніи. Ничто не болитъ—только бѣдная душа. Не хочу умолчать и о томъ, что зима была чрезвычайно богата духовными приобрѣтеніями для моей главной задачи, слѣдовательно, и духъ не боленъ. Все здорово, болитъ только бѣдная душа» (F. N. 844—845). И затѣмъ осенью того же года: «Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ то, что почти всякое письмо, приходящее ко мнѣ вотъ уже въ теченіе ряда лѣтъ, звучитъ для меня цинизмомъ: и въ доброжелательныхъ отношеніяхъ ко мнѣ больше цинизма, чѣмъ въ любой ненависти. Я скажу это каждому изъ моихъ друзей въ лицо, что никто изъ нихъ не нашелъ ни разу нужнымъ дать себѣ трудъ *изучить* какъ слѣдуетъ хоть одно изъ моихъ произведеній: я угадываю по малѣйшимъ признакамъ, что даже содержаніе остается имъ неизвѣстнымъ» (F. N. 845; E. N. 114—115).

Только одно событіе 1887—88 года можетъ быть упомянуто какъ примѣръ положительнаго отношенія къ идеямъ Ницше: Георгъ Брандесъ открываетъ въ университетѣ Копенгагена курсъ лекцій о философіи Ницше. Изъ писемъ Ницше видно, съ какимъ благодарнымъ удивленіемъ принимаетъ онъ это проявленіе серьезнаго интереса и вниманія ¹⁾. Но, конечно, не это событіе само по себѣ, но, главное, сила творчества и радость творчества создаютъ для Ницше возможность еще разъ преобороть тяжелое и гнетущее его одиночество. Онъ переселяется въ Туринъ, гдѣ и городъ, и климатъ удовлетворяютъ его, и ему удается только въ творествѣ увидѣть радость жизни, и только въ его свѣтѣ взглянуть на прошлое, настоящее и будущее. Въ этомъ настроеніи, въ день своего рожденія, Ницше начинаетъ свою автобіографію аккордомъ радости и освобожденія «Въ этотъ совершенный день, когда все спѣетъ, и золотится не одна только виноградная лоза, солнечный лучъ освѣтилъ мнѣ мою жизнь: я взглянулъ назадъ, я взглянулъ вдаль; я еще ни разу не видалъ такъ много и такихъ хорошихъ вещей за одинъ разъ. Но напрасно похоронилъ я сегодня мой сорокъ четвертый годъ. Я былъ въ правѣ это сдѣлать: то что въ немъ было жизнью, то

¹⁾ Письма Ницше къ Брандесу присоединены этимъ послѣднимъ въ 1893 году къ его статьѣ о Ницше отъ 1888 г. См. Georg Brandes, Essays „Menschen und Werke“. Frankfurtam. M., 1894. стр. 221—224.

спасено, то бессмертно. Первая книга «Переоцѣнки всѣхъ цѣнностей», «Пѣсни Заратустры», «Сумерки боговъ», мой опытъ философіи молотомъ—все это подарки этого года, даже послѣдней четверти этого года. *Какъ могъ бы я не быть благодаренъ всей моей жизни?»*¹⁾.

Съ психологически вполне понятной послѣдовательностью Ницше въ этомъ настроеніи освобожденія начинаетъ автобіографію не для людей, но главное для себя. Онъ пишетъ сестрѣ: «Я пишу въ эту золотую осень, лучшую какую я когда-либо пережилъ, взглядъ на свою жизнь, только для самого себя»... (F. N. 891). Если бы въ эту минуту кто-нибудь смогъ подать ему дружескую руку пониманія, или даже только сохранить ему въ дальнѣйшемъ покой его уединенія, эта его побѣда, можетъ быть, не была бы послѣдней. Но не случилось ни того, ни другого. Я укажу на нѣкоторыя послѣдующія событія этой осени, которыя характеризуютъ въ общемъ тѣ отношенія, которыя Ницше приходилось переживать. Въ отвѣтъ на посылку «Der Fall Wagner» онъ получаетъ жестокой и несправедливый ударъ отъ дружеской руки М. Ф. Мейзенбургъ; его отвѣтъ на него или, вѣрнѣе, одинъ среди многихъ написанныхъ и не отосланныхъ отвѣтовъ (см. F. N. 893) свидѣтельствуетъ о всей той горечи и боли, съ которой онъ принялъ это новое доказательство непониманія своихъ ближайшихъ друзей. Съ другой стороны, нѣкоторые озлобленные вагнеріанцы переходятъ всякія границы въ своей личной жадѣ мщенія (см. F. N. 194—195). Среди враждебныхъ нападеній не слышно ни одного дружескаго голоса. Какъ приговоръ жестокости его современниковъ и трусости или нерадивости его друзей, звучатъ теперь слова и вопросъ Ницше: «Дѣломъ чести моихъ друзей было бы встать на защиту моего имени и моей общественной безопасности и создать мнѣ ограду, за которой я могъ бы не подвергаться грубому извращенію: я самъ

¹⁾ „An diesem vollkommenen Tage, wo alles reift und nicht nur die Traube braun wird, fiel mir eben ein Sonnenblick auf mein Leben: ich sah rückwärts, ich sah hinaus, ich sah nie so viele und so gute Dinge auf einmal. Nicht umsonst begrub ich heute mein vierundvierzigstes Jahr, ich durfte es begraben, was in ihm Leben war, ist gerettet, ist unsterblich. Das erste Buch der *Umwertung aller Werthe*, die *Lieder Zarathustra's*, die *Götzen-Dämmerung*, mein Versuch, mit dem Hammer zu philosophieren.—Alles Geschenke dieses Jahrs, sogar seines letzten Vierteljahrs! *Wie sollte ich nicht meinem ganzen Leben dankbar sein?*“

не долженъ бы ни однимъ пальцемъ шевелить съ этой цѣлью!» — «Какъ это происходитъ, что никто и никогда не чувствуетъ себя оскорбленнымъ, когда меня осыпаютъ поношеніями?» (F. N. 895—896). Имѣя въ виду чрезвычайно неблагопріятныя отношенія окружающихъ, для которыхъ упомянутыя служатъ только типическими и наиболѣе близкими примѣрами, становится понятнымъ, что радостный подъемъ въ началѣ автобіографіи не могъ остаться продолжительнымъ.

Вскорѣ мысль писать автобіографію только для себя замѣняется другою. Ницше все еще надѣется убѣдить людей, объяснить имъ, что онъ есть и чего онъ хочетъ. Онъ рѣшаетъ печатать автобіографію, и даже сразу на трехъ языкахъ (французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ), такъ какъ давно уже у него крѣпнеть увѣренность, что другіе народы болѣе способны понять его, чѣмъ его соотечественники, или, вѣрнѣе, полусоотечественники, такъ какъ онъ часто и намѣренно подчеркиваетъ свое полуславянское происхожденіе. Въ автобіографіи онъ выражаетъ эту увѣренность слѣдующими словами: «Въ Вѣнѣ, въ С.-Петербургѣ, въ Стокгольмѣ, въ Копенгагенѣ, въ Парижѣ и Нью-Йоркѣ, — всюду я найденъ; я остаюсь неизвѣстнымъ только въ плоской странѣ Европы—Германіи»... (Е. Н. 55)¹⁾. И дальше: «Мои естественные читатели и слушатели уже и теперь—русскіе, скандинавы и французы; будутъ ли они ими и впредь все болѣе?». (Е. Н. 112).

Рѣшая печатать «Ессе Номо», Ницше указываетъ два основныхъ мотива, которыми онъ руководится: первый—прекратить разсужденія и споры о себѣ, какъ о данной частной личности, связать свое въ умахъ другихъ людей, такъ же какъ оно связано для него самого, только со своими идеями, въ частномъ заставить видѣть общее, а не въ общемъ частное. Ясно выраженъ этотъ мотивъ, напр., въ слѣдующей выдержкѣ одного изъ писемъ того времени: «Вопросъ *кто я* раскрытъ мною съ полною ясностью для всей ближайшей вѣчности въ произведеніи, которое сейчасъ находится въ печати. Въ дальнѣйшемъ уже никто и никогда не долженъ заботиться обо мнѣ, не только о тѣхъ вещахъ, ради которыхъ я существую» (Е. Н. Послѣсловіе. 143).

¹⁾ См. также Предисловіе къ „Nietzsche contra Wagner“. Gesamte Ausgabe Bd. VIII. S. 83.

Второй мотивъ для напечатанія автобіографіи—подготовить ея къ задуманной теоретической части философіи, къ большому труду: «Переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей». Въ письмѣ къ Науманну, Ницше называетъ автобіографію «въ высшей степени подготовляющимъ произведеніемъ». Въ письмѣ 20 ноября 1888 года къ Георгу Брандесу онъ говоритъ о ней, какъ о прологѣ къ «Переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей». Рядъ выписокъ изъ писемъ приведенныхъ въ послѣсловіи Р. Рихтера и въ біографіи Ферстеръ-Ницше выражаютъ въ разныхъ формахъ эти два основныхъ мотива.

Постепенное исчезновеніе радостнаго подъема духа отзывается на тонѣ автобіографіи; Ницше пишетъ ее не спокойно, онъ пишетъ съ вызовомъ. Послѣднія главы уже не носятъ тѣни той радости побѣды, которая звучитъ въ началѣ «Ессе Номо». Но въ концѣ, такъ же какъ и въ началѣ, автобіографія совершенно свободна отъ какихъ бы то ни было личныхъ нападокъ. Ницше страдаетъ не за себя лично и не по поводу того или другого отдѣльнаго случая, онъ страдаетъ о своей задачѣ и «о человѣкѣ вообще». (A. S. Z. 421).

Таковъ потокъ настроеній, создающій психологическій фонъ автобіографіи. На немъ она должна выступить болѣе отчетливо въ своихъ детальныхъ очертаніяхъ.

Второй шагъ къ серьезному пониманію «Ессе Номо» требуетъ предварительнаго выясненія отношенія къ этому произведенію, какъ къ автобіографіи.. Представленіе объ автобіографіи соединяется съ рядомъ привычныхъ ассоціацій, которыя однако въ данномъ случаѣ окажутся неподходящими. Два пункта въ этомъ направленіи, во избѣжаніе предотвратимыхъ недоразумѣній, должны быть во всякомъ случаѣ приняты во вниманіе. Если двое людей произносятъ одни и тѣ же слова, то это еще не значитъ, что содержаніе этихъ словъ должно быть одинаковымъ. Было бы глубокимъ заблужденіемъ предполагать, что со словомъ я связывается у Ницше то, что привычно связываютъ съ нимъ въ обыденной жизни. Для Ницше оно является, совершенно такъ же какъ и другія собственныя имена, употребляемые имъ въ его произведеніяхъ, только способомъ выразить въ болѣе образной формѣ общія задачи и идеи своего ученія. Какъ выше приведенныя слова письма («въ дальнѣйшемъ уже никто и никогда не долженъ заботиться обо мнѣ, но только о вещахъ, ради ко-

торыхъ я существую»), такъ и весь первый параграфъ введенія Ницше въ «Ессе Номо», не говоря уже о множествѣ другихъ прямыхъ и косвенныхъ указаній и подтвержденій той же мысли, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что слова: «Wer ich bin» — «Кто я» — суть не что иное, какъ краткая формула для выраженія: «какова сущность того ученія, котораго я являюсь провозвѣстникомъ». Въ формѣ, не допускающей двухъ толкованій, указываютъ на ту же *сверхличную*, эвристическую цѣнность «собственныхъ именъ» слѣдующія замѣчанія Ницше: «Я никогда не затрагиваю личностей, — я употребляю то или другое лицо только какъ сильное увеличительное стекло, съ помощью котораго можно сдѣлать видимымъ *общее*, но ускользающее, но съ трудомъ улавливаемое зло» (Е. Н. 26). И дальше, по поводу употребленія (въ «Unzeitgemässen») именъ Вагнера и Шопенгауэра Ницше замѣчаетъ: «я воспользовался двумя извѣстными и даже еще не установленными типами, какъ пользуются случаемъ, чтобы нѣчто выразить, чтобы имѣть въ распоряженіи пару лишнихъ формулъ, лишнихъ знаковъ, лишнихъ словесныхъ образовъ» (Е. Н. 73—74). На отсутствіе обычнаго отношенія къ своему «я» у Ницше указываетъ и Рауль Рихтеръ въ своемъ послѣсловіи. Онъ подчеркиваетъ тотъ важный фактъ, что все мышленіе и всѣ переживанія Ницше «никогда не были направлены къ выгодамъ собственной личности, къ ея славѣ, ея самолюбію, ея счастью, наоборотъ, они всегда являлись служеніемъ во имя сущности поставленныхъ цѣнностей» (Е. Н. Послѣсловіе, 149). Итакъ, всюду, гдѣ Ницше говоритъ о своемъ я, онъ говоритъ въ немъ и черезъ него о той общей задачѣ, которая поглощаетъ всю его жизнь и всѣ его интересы. Понятно, что при этомъ эта личная форма выраженія принимаетъ размѣры, соотвѣтствующіе ея сверхличному содержанію. Имѣя это въ виду, можно только повторить мнѣніе Рихтера: то, что при поверхностномъ взглядѣ въ словахъ Ницше представляется выраженіемъ крайняго возвышенія личности, при углубленіи во внутреннюю сущность сказаннаго является полнымъ энтузіазма къ своей задачѣ самоподчиненіемъ (Е. Н. Послѣсловіе, 150).

Второй пунктъ стоитъ въ связи съ первымъ. Не менѣе чѣмъ тотъ, кто приметъ «я» Ницше за личное я обыденнаго употребленія, ошибется и тотъ, кто ожидаетъ найти въ автобіографіи Ницше такъ называемую «объективную» передачу внѣшнихъ со-

бытій и частныхъ данныхъ о его характерѣ и его жизни (Е. Н. Послѣсловіе, 153). Рауль Рихтеръ, не впадъ въ первую, вполнѣ впадаетъ во вторую ошибку. Можно поражаться тому противорѣчію въ самомъ себѣ, съ которымъ выражается это ожиданіе невозможнаго, того, что по крайней мѣрѣ въ автобіографіяхъ гениальные люди займутся «объективнымъ» освѣщеніемъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ переживаній, другими словами, взглянуть на міръ не своими, но чужими, «объективными» глазами. Въ примѣненіи къ Ницше-проповѣднику требованія смотрѣть на вещи *своими* глазами—это ожиданіе звучитъ почти что трагической ироніей. Автобіографія Ницше не имѣетъ въ виду давать и не даетъ ни по отношенію къ его личному я, ни по отношенію къ внѣшнимъ условіямъ его жизни «объективныхъ» сообщеній и описаній, но именно поэтому она имѣетъ въ виду и даетъ возможность взглянуть въ самую сущность творческихъ оцѣнокъ ея автора, именно поэтому она составляетъ настоящую не только «объективную», но положительную цѣнность для дальнѣйшихъ серьезныхъ изслѣдованій того, чѣмъ и во имя чего жилъ, мыслилъ, чувствовалъ, страдалъ и радовался гениальный автобіографъ.

Послѣ того какъ выясненъ психическій фонъ, на которомъ создалась автобіографія и указаны главнѣйшія недоразумѣнія, могущія помѣшать ея правильной оцѣнкѣ, остается сдѣлать еще шагъ и подойти къ самому ея содержанію. Но къ произведеніямъ Ницше можетъ быть въ особенной степени приложима мысль, что настоящее цѣлое—едино съ формою своего выраженія, едино со своимъ постепеннымъ развитіемъ. Поэтому цѣль слѣдующихъ страницъ не есть попытка передать то, что можно *найти* въ «Ессе Номо», но скорѣе только—указать, что можно *искать* въ немъ, въ связи съ распредѣленіемъ его содержанія, въ томъ видѣ, въ какомъ даетъ его самъ авторъ.

Заратустра говоритъ: большое въ человѣкѣ—то, что можно любить въ человѣкѣ—это, что онъ является *переходомъ* къ высшему, а не самодовлѣющей цѣлью. Въ первыхъ главахъ «Ессе Номо» Ницше даетъ образъ именно такого человѣка, въ которомъ въ высшей степени воплощается этотъ моментъ движенія, моментъ перехода, перехода отъ крайняго напряженія существующихъ оцѣнокъ, когда человѣкъ, или идея, или чувство становятся «*décadent*» въ собственномъ смыслѣ этого слова, къ слѣ-

дующей стадіи—новыхъ чувствованій, новыхъ утвержденій и переоцѣнки стараго. Въ этой стадіи человѣкъ *становится* тѣмъ, что онъ *есть*. Такой человѣкъ *перехода* къ дальнѣйшему есть для Ницше—«Ессе Номо».

Первыя главы «Warum ich so weise bin» (14—29), Warum ich so klug bin (30—51) заключаютъ въ себѣ вскрытую на основаніи единственнаго въ своемъ родѣ самоанализа картину условій возникновенія, развитія отдаленнѣйшихъ цѣлей человѣческой сущности, въ образѣ которой Ницше воплощаетъ откровенія, переживанія и стремленія своей философіи. Въ этихъ главахъ онъ ставитъ человѣку трудную задачу «стать тѣмъ, что онъ есть,» и указываетъ внутреннія и внѣшнія условія этого пути къ самому себѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ и свои новыя оцѣнки для ряда проблемъ, затрагиваемыхъ и не затронутыхъ, рѣшаемыхъ и не рѣшенныхъ старой моралью. Если бы это слово не носило въ себѣ слишкомъ много традиціоннаго содержанія, которому Ницше бросилъ смертельный вызовъ, можно бы было сказать, что эти первыя главы заключаютъ въ себѣ основныя положенія этики Ницше. Вопросы *отношеній* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: отношенія къ людямъ—милосердіе и возмездіе, отношеніе къ самому себѣ—выборъ враговъ (для философа—выборъ проблемъ), достойныхъ вниманія, а не пренебреженія, условія уединенія и внутренней чистоты, условія питанія, климата, отдыха (роль чтенія, знаніе музыки),—все это, поскольку оно является условіемъ творчества, условіемъ движенія, условіемъ нахожденія самого себя, является объектомъ переоцѣнки и выбора. «Удавшійся человѣкъ» самъ является отбирающимъ принципомъ, «критеріемъ выбора» и многое отбрасываетъ какъ негодное.

Вѣрнаго спутника всѣхъ новыхъ утвержденій, переоцѣнокъ и выбора Ницше видитъ во *внутреннемъ инстинктивномъ чувствѣ*. Нужно имѣть тончайшее чутье къ его проявленію, необходимо удалять все, что можетъ мѣшать ему, и тогда возникаетъ въ человѣкѣ то, что Ницше называетъ *вѣрностью инстинкта* (Instinktsicherheit, Instinktgiwissheit), указанія котораго человѣкъ не смѣшаетъ въ себѣ ни съ какими другими побужденіями. Въ немъ лежитъ залогъ освобожденія отъ всего извнѣ привнесеннаго и возможность движенія по пути къ тому, чтобы стать тѣмъ, что есть.

Та огромная роль, которую Ницше приписываетъ внутреннему инстинктивному чувству, какъ критерію оцѣнки, невольно вызываетъ въ воспоминаніи роль *δαίμων* у Сократа и категорическаго императива, въ его чистой формѣ, въ затѣмъ привнесеннаго опредѣленнаго содержанія у Канта. Только *δαίμων* Сократа является по преимуществу критеріемъ отрицанія, между тѣмъ какъ «инстинктъ» Ницше утверждаетъ и отрицаетъ въ одинаковой степени. И не болѣе чѣмъ императивъ Канта, внутреннее инстинктивное чувство Ницше имѣетъ въ виду оправданіе распушенности и своеволія, это разумѣется изъ всего ученія Ницше съ полной очевидностью. Къ слишкомъ многому обязываетъ передъ собою этотъ критерій. Стоитъ припомнить хотя бы слѣдующія слова Заратустры:

«Ты свободенъ, говоришь ты? Твою основную мысль хочу я слышать, а не то, что ты сбросилъ то или другое ярмо. Таковъ ли ты, чтобы *смытъ* сбросить это ярмо? Есть люди, которые, сбросивъ свое подчиненіе, сбросили вмѣстѣ съ тѣмъ и то послѣднее, что было въ нихъ цѣннымъ. Свободенъ отъ чего? До этого дѣла нѣтъ Заратустрѣ. Но ясно долженъ возвѣстить мнѣ твой взоръ — для чего? Способенъ ли ты поставить себѣ самъ свое добро и свое зло, и признать свою волю надъ собою закономъ? Способенъ ли ты самъ стать судьей и мстителемъ своего закона? Ужасно одиночество съ судьей и мстителемъ собственнаго своего закона» ¹⁾. (A. s. Z., 92).

Въ этомъ соединеніи указаній внутренняго инстинктивнаго чувства съ огромностью отвѣтственности передъ самимъ собою лежатъ границы, которыя способны переступить только очень немногіе, сильные волею и творчествомъ. «Я законъ только для тѣхъ, кто со мною, я не законъ для всѣхъ» (A. s. Z., 415).

¹⁾ «Frei nennst du dich? Deinen herrschenden Gedanken will ich hören und nicht, dass du einem Joche entronnen bist.

«Bist du ein Solcher, der einem Joche entronnen *durfte*? Es giebt manchen, der seinen letzten Werth wegwarf, als er seine Dienstbarkeit wegwarf.

«Frei wovon? Was schierr das Zarathustra! Hell aber soll mit dein Auge künden: frei *wozu*?

«Kannst du dir selber dein Böses und dein Gutes geben und deinen Willen über dich selbst aufhängen wie ein Gesetz? Kannst du dir selber Richter sein und Rächer deines Gesetzes?

«Furchtbar ist das Alleinsein mit dem Richter und Rächer des eigenen Gesetzes».

За этими первыми главами, посвященными вопросу нахождения человеком самого себя, слѣдуютъ главы, характеризующія сущность произведений Ницше.

Первая изъ нихъ («Warum ich so gute Bücher schreibe», 52—63) даетъ общую характеристику отношеній къ читателямъ, особенностей стиля и содержанія. Далѣе идутъ главы о каждомъ произведеніи въ отдѣльности. «Die Geburt der Tragödie» («Рожденіе трагедіи», 63—69), съ ея первымъ діонисовскимъ утвержденіемъ, съ первымъ осужденіемъ декадентства въ видѣ односторонней переоцѣнки разума въ лицѣ Сократа. «Die Unzeitgemässen» («Unzeitgemässe Betrachtungen» — «Соображенія, не соотвѣтствующія времени», 69—75), съ ихъ вызовами міру, ведутъ къ кризису въ «Menschliches Allzumenschliches» («Человѣческое слишкомъ человѣческое», 75—82), памятнику разрушенныхъ и побѣжденныхъ идеаловъ, «памятнику суроваго самовоспитанія». «Morgengöthe» («Утренняя заря», 82—85), которою Ницше начинаетъ «свой походъ противъ морали», и «Die fröhliche Wissenschaft» («Радостная наука», 86) готовятъ окончательное освобожденіе и новый высшій синтезъ въ «Also sprach Zarathustra» («Такъ говорилъ Заратустра», 87—102). Каждая изъ этихъ главъ заключаетъ въ себѣ исторію возникновенія разбираемаго произведенія, основные мотивы, которые являлись для Ницше рѣшающими при его написаніи, и отношенія, въ которыхъ оно стоитъ для него къ прошлому, настоящему и будущему развитію поставленной задачи.

Также и то настроеніе, которое по преимуществу выразилось въ «Menschliches Allzumenschliches», и повело къ установленію такъ называемой «позитивистической» фазы въ развитіи Ницше, получаетъ здѣсь опредѣленное и глубокое освѣщеніе. Но, какъ уже было сказано, было бы по меньшей мѣрѣ наивнымъ ожидать, чтобы собственные взгляды Ницше на его произведенія должны были необходимо совпасть съ «объективными» взглядами его «историковъ». И само собой разумѣется, что для оцѣнки его развитія выраженные имъ самимъ взгляды представляютъ и по глубинѣ, и по тонкости анализа несравненно болѣе цѣнный источникъ для серьезныхъ соображеній о сущности и значеніи его ученія, чѣмъ какія бы то ни было конструкціи въ этомъ направленіи, вродѣ, напримѣръ, той, которую даетъ Рауль Рихтеръ въ послѣдней, наименѣе удачной главѣ уже упомянутыхъ

выше лекцій о Ницше ¹⁾. Стараясь примирить всевозможные другіе «объективные», но тѣмъ не менѣе прямо противорѣчивые взгляды на Ницше, Рихтеръ самъ ставитъ его въ связь съ такимъ разнообразіемъ извѣстныхъ философскихъ ученій, что въ результатъ безслѣдно исчезаетъ всякая внутренняя связь идей, и мы уже имѣемъ дѣло не съ ученіемъ Ницше, какъ цѣлымъ, но съ рядомъ, не имѣющихъ самихъ по себѣ существеннаго значенія, отдѣльныхъ частей, вырванныхъ изъ цѣлаго, во имя Прокрестова принципа: втиснуть все новое, чего бы это ни стоило, въ извѣстныя рамки. «Also sprach Zarathustra» является для Ницше высшимъ пунктомъ его творчества. Заратустра утверждаетъ, — «до оправданія, до освобожденія также и всего прошедшаго» (Е. Н., 101). Если Ницше говоритъ объ ученіи Заратустры, какъ о самомъ возвышенномъ, самомъ глубокомъ, что когда бы то ни было дано человѣчеству, то и тутъ далека должна быть мысль о какомъ бы то ни было самовосхваленіи. Надо вникнуть въ то, какъ описываетъ Ницше состояніе своего творчества, чтобы понять его *безличное* отношеніе къ своимъ произведеніямъ. Они *даны* ему, и какъ о данныхъ ему, *не* какъ о *своихъ* говоритъ онъ при ихъ обсужденіи: «Понятіе откровенія даетъ выраженіе для происходящаго въ томъ смыслѣ, что внезапно, съ непередаваемою точностью и тонкостью, нѣчто становится *видимымъ*, слышимымъ; нѣчто, что потрясаетъ, что перевертываетъ до глубины души. Слушаешь, не ищешь, берешь, не спрашивая кто даетъ; какъ молнія вспыхиваетъ мысль, съ необходимостью, въ формѣ не допускающей сомнѣнія,—я никогда не имѣлъ выбора». «Все происходитъ въ высшей степени произвольно, но какъ бы въ потокѣ ощущенія свободы, безусловности, мощи, божественности... Произвольность образа, сравненія — всего удивительнѣе; исчезаетъ представленіе о томъ, что образъ, что сравненіе. Все дается какъ самое близкое, самое простое, самое вѣрное» (Е. Н., 91—92) ²⁾.

1) Richter. l. c. «Die geschichtliche Bedeutung dieser Philosophie». Стр. 277 и далѣе.

2) Der Begriff Offenbarung, in dem Sinn, dass plötzlich, mit unsäglichlicher Sicherheit und Feinheit, Etwas *sichtbar*, hörbar wird, Etwas, das Einen im Tiefsten erschüttert und umwirft, beschreibt einfach den Thatbestand. Man hört, man sucht nicht; man nimmt, man fragt nicht, wer da giebt; wie ein Blitz leuchtet ein Gedanke auf, mit Nothwendigkeir, in der Form ohne Zögern,—ich habe nie

Предварительно вникнувъ въ это настроеніе, надо прочесть слова Ницше о Заратустрѣ.—«Эта книга, говорящая черезъ тысячелѣтія, есть не только высшая книга, которая только существуетъ, настоящая книга горнаго воздуха,—весь фактъ чловѣка лежитъ въ безконечной глубинѣ подъ нею,—но она въ то же время и самая глубокая, рожденная изъ самаго внутренняго богатства правды» ¹⁾ (Е. Н., 9). И тогда эти слова явятся выраженіемъ не невѣроятнаго самомнѣнія, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, но дѣйствительно для обычнаго состоянія людей полумѣръ и полужеланій—выраженіемъ почти невѣроятной, глубокой, искренней и безграничной убѣжденности въ своей правдѣ, притомъ правдѣ не полученной отъ другихъ, не выдуманной, но данной, найденной такою, какъ она есть, въ самой глубинѣ и на самой высотѣ внутренней жизни, въ полномъ законченномъ и недоступномъ никакому произвольному измѣненію совершенствѣ.

Заратустрою заканчивается первая часть задачи Ницше—установленіе основныхъ утвержденій (Ja-Sagen), и начинается вторая отрицающая и переоцѣнивающая уже на основаніи утвержденного (Nein thun). Вторая часть задачи Ницше—во имя *да* жизни сказать *нѣтъ* всему, что недостойно ея. «Послѣ того, что утверждающая часть моей задачи была рѣшена, встала на очередь другая часть—отрицающая, разрушающая: переоцѣнка до сихъ поръ существовавшихъ цѣнностей, великій бой, вызовъ для окончательнаго рѣшенія» ²⁾ (Е. Н., 102—103). Описаніе этой второй части начинается главою «Jenseits von Gut und Böse» («По

eine Wahl gehabt.... «... Alles geschieht im höchsten Grade unfreiwillig, aber wie in einem Sturme von Freiheits-Gefühl, von Unbedingt-sein, von Macht, von Göttlichkeit... DieUnfreiwilligkeit des Bildes, des Gleichnisses ist das Merkwürdigste; man hat keinen Begriff mehr, was Bild, was Gleichniss ist, Alles bietet sich als der nächste, der richtigste, der einfachste Ausdruck».

(См. также Gesamt. Ausgabe. Bd. VI. VI.).

¹⁾ «Dies Buch, mit einer Stimme über Jahrtausende hinweg, ist nicht nur das höchste Buch, das es giebt, das eigentliche Höhenluft-Buch—die ganze Tatsache Mensch liegt in ungeheurer Ferne unter ihm, es ist auch das tiefste, das aus dem innersten Reichtum der Wahrheit herausgeborene».

²⁾ «Nachdem der jasagende Teil meiner Aufgabe gelöst war, kam die neinsagende, neinthuende Hälfte derselben an die Reihe: die Umwertung der bisherigen Werthe selbst, der grosse Krieg,—die Heraufbeschwörung eines Tags der Entscheidung».

ту сторону добра и зла», 102—104) книги отрицанія и разрушенія по преимуществу, книги «критики современности», «безъ пощады и снисхожденія». Она продолжается въ главѣ «Genealogie der Moral» («Генеалогія морали» 104—105), гдѣ однако встаетъ уже и созиданіе новаго на мѣстѣ разрушеннаго.

Въ «Genealogie der Moral», по поэтическому изображенію Ницше, послѣ черновой работы, сначала холоднаго изслѣдованія, затѣмъ сомнѣній и безпокойнаго исканія, въ концѣ концовъ всякій разъ при раскатахъ грома «среди густыхъ тучъ становится видимой новая истина» ¹⁾ (Е. Н., 104).

Въ «Götzen-Dämmerung» («Сумерки кумировъ», 105—107), по выраженію Ницше, старыя истины падаютъ, какъ переспѣвшіе плоды отъ дуновенія мощнаго вѣтра приближающейся все болѣе и болѣе необозримой задачи переоцѣнки всѣхъ цѣнностей.

Послѣднія главы носятъ на себѣ въ особенности отпечатокъ переживанія кровью затрагиваемыхъ проблемъ. Глава «Der Fall Wagner» (108—115) начинается словами: «Чтобы справедливо оцѣнить это произведеніе, надо страдать о судьбѣ музыки, какъ отъ открытой раны» ²⁾ (Е. Н., 108).

Послѣдняя глава «Ессе Номо» носитъ названіе «Warum ich ein Schicksal bin» («Почему я являюсь рокомъ», 106 — 126). Новыя утвержденія требуютъ переоцѣнокъ, переоцѣнки требуютъ отрицанія стараго, того, что раньше казалось незыблемымъ. Отрицаніе неотдѣлимо отъ утвержденія (Е. Н., 117—119). Но разъ возвѣщены новыя цѣнности и указаны новые пути, то уже никто и ничто не въ силахъ сдѣлать такъ, какъ бы ихъ не было. Ихъ творецъ и провозвѣстникъ можетъ потому сказать съ полнымъ правомъ: «я ихъ радостный вѣстникъ и съ этимъ самымъ я становлюся рокомъ» ³⁾ (Е. Н., 106).

На двухъ враговъ падаетъ въ этой послѣдней главѣ сила отрицанія Ницше, съ роковой необходимостью вытекающаго изъ вновь поставленныхъ имъ утвержденій. Первый врагъ—«добрые, доброжелательные, добродѣтельные» («die Guten, die Wohlwol-

¹⁾ A. M. Schluss jedes Mal unter schauerlichen Detonationen, eine neue Wahrheit zwischen dicken Wolken sichtbar».

²⁾ «Umdieser Schrift gerecht zu werden, muss man am Schicksal der Musik wie an einer offenen Wunde leiden».

³⁾ Ich bin deren froher Botschafter, ebendamit bin ich auch ein Schicksal».

lenden, die Wohlthätigen») (Е. Н., 118). Ницше ссылается въ «Ессе Номо» на слова Заратустры: «Добрые не способны къ творчеству, добрые—всегда начало конца» (Е. Н., 120; А. s. Z., 310). «И того, кто творить, ненавидятъ они больше всего, того, кто преступаетъ ихъ старыя скрижали и цѣнности; его они называютъ преступникомъ» ¹⁾ (А. s. Z., 310). Второй принципиальный врагъ Ницше—христіанская мораль вообще. Съ ея ученіемъ самоотреченія и самообезличенія (Entpersönlichung, Entselbstung), съ ея ученіемъ возмездія, она представляется Ницше величайшимъ преступленіемъ противъ сущности человѣка, противъ утвержденія творчества. Она есть преступленіе противъ самой жизни. Въ этихъ послѣднихъ главахъ, характеризуя своихъ «враговъ», Ницше еще разъ съ особенной ясностью характеризуетъ самого себя, т.-е. сущность своего ученія. Противъ творческаго безсилія «добродѣтельныхъ», для которыхъ всякое преступаніе ихъ старыхъ признанныхъ цѣнностей есть преступленіе, ставитъ онъ творческую силу новаго утвержденія и безпощадной переоцѣнки. Морали самоотреченія, самообезличенія противопоставляетъ онъ задачу найти себя, *стать тѣмъ, что есть*.

За автобіографіей слѣдуетъ одинъ изъ діонисовскихъ дифирамбовъ, пѣснь Заратустры «Слава и вѣчность» («Ruhm und Ewigkeit» Е. Н., 127—130). Ницше самъ предполагалъ напечатать ее, какъ заключеніе къ «Ессе Номо», но не далъ въ этомъ направленіи окончательнаго рѣшенія. Послѣднее упоминаніе о ней, въ первыхъ числахъ января 1889 года, заключаетъ просьбу издателю прислать рукопись стихотворенія обратно, но не даетъ дальнѣйшихъ объясненій по этому поводу.

Послѣ «Ессе Номо» Ницше пишетъ еще «Ницше противъ Вагнера» (Nietzsche contra Wagner), и въ теченіе нѣкотораго времени у него являются сомнѣнія, которое изъ этихъ двухъ произведеній должно раньше появиться въ печати. Рѣшая въ пользу послѣдняго, Ницше предполагаетъ опубликовать затѣмъ «Ессе Номо» на трехъ языкахъ—французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ—въ 1890 году, но во всякомъ случаѣ до появленія «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей».

¹⁾ «—Die Guten—die können nicht schaffen, die sind immer den Anfang vom Ende».

«Den Schaffenden hassen sie am meisten: den, der Tafeln bricht und alte Werthe, den Brecher,—den heissen sie Verbrecher».

Уже въ послѣднихъ главахъ «Ессе Номо» ясно чувствуется вся накопившаяся горечь одиночества; въ концѣ 1888 года происходитъ еще одно событіе, само по себѣ ничтожное, но переполняющее мѣру всею жизнью накопленнаго страданія. Ницше получаетъ письмо, въ которомъ ему, подъ видомъ истины, сообщается низкая ложь о единственномъ еще близкомъ ему человѣкѣ, его сестрѣ. По сообщенію письма, она даетъ свое согласіе на напечатаніе статьи своего мужа, направленной противъ «Also sprach Zarathustra». «Пустое сердце бьется ровно», но израненное сердце философа-поэта, въ связи съ напряженной умственной дѣятельностью послѣднихъ мѣсяцевъ, не выдерживаетъ еще и этого удара. Онъ приходитъ въ состояніе крайняго возбужденія, сопровождающееся полною потерей сна, и прибѣгаетъ къ сильнымъ наркотическимъ средствамъ. Одиночество встаетъ во всемъ своемъ обнаженномъ ужасѣ и побѣждаетъ человѣка. О томъ, какое значеніе имѣло упомянутое ложное письмо для послѣдняго и окончательнаго пораженія Ницше въ его тяжелой борьбѣ, свидѣтельствуется полное негодованія и отчаянія письмо Ницше мужу сестры, заключающее, между прочимъ, слѣдующія слова: «Я принимаю одно за другимъ наркотическія средства и все-таки не въ состояніи спать, сегодня я приму столько, чтобы потерять разсудокъ» (F. N., 896—897).

1888 годъ принесъ съ собою послѣднюю побѣду радости творчества надъ пустотой окружающаго, и свидѣтелемъ ея останется первый побѣдный аккордъ начала «Ессе Номо», но онъ же сталъ годомъ и послѣдняго пораженія. Имъ трагедія жизни Ницше заканчивается.

Годы, слѣдующіе за началомъ болѣзни Ницше, могутъ служить косвеннымъ подтвержденіемъ выше указаннаго и весьма существеннаго для пониманія «Ессе Номо» факта той подчиненной роли, которую играло въ его жизни его личное «я», въ обычномъ смыслѣ этого слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, насколько его принципиальныя требованія устраненія всякаго снисхожденія и пощады ставились имъ для борьбы во имя широкихъ общихъ идей, сложныхъ глубокихъ требованій «дальняго», а никакъ не во имя притязаній на непосредственно ближнее, являющагося цѣлью—какъ съ обще-филофской, такъ и съ психологической точки зрѣнія поверхностнаго и грубаго—т. наз. эгоистическаго міровоззрѣнія. Даже и въ болѣзни, гдѣ часто скрытые мотивы словъ

и дѣйствій людей выступаютъ съ особенной рѣзкостью, личное «я» Ницше остается попрежнему безъ проявленія; слишкомъ стало для него органическимъ полное отсутствіе «эгоизма» — въ собственномъ смыслѣ этого слова. Вотъ что пишетъ по этому поводу его сестра: «Невозможно передать того, какой это былъ трогательный больной. Тонкость его чувствованій, благородство всего его характера, деликатность и желаніе доставить радость проявлялись захватывающимъ образомъ. Даже врачи не умѣли иначе объяснить этотъ необычайный типъ больного, какъ тѣмъ, что все его существо такъ было проникнуто благородствомъ и духовностью, что даже и въ то время когда воля исчезла, и онъ не могъ болѣе дѣйствовать во имя опредѣленныхъ цѣлей, въ этомъ отношеніи въ его поведеніи не произошло никакихъ перемѣнъ» (F. N., 925). Необычное впечатлѣніе производилъ онъ и на своихъ посѣтителей. Какъ примѣръ могутъ быть приведены слова Н. Lichtenberger, профессора университета Нанси, проводшаго недѣлю въ 1898 году въ Веймарѣ, мѣстопробываніи Ницше въ послѣдніе годы его жизни ¹⁾.

«Cette fin de vie n'est pas sinistre, ni lamentablement funèbre comme on pourrait aisément se l'imaginer. Il y a dans le lent déclin de cet amant enthousiaste de la vie, de cet apologiste de l'énergie, de ce prophète du Surhomme, je ne sais quelle beauté mélancolique et apaisante... Son front est toujours admirable, son regard, qui semble comme «tourné vers le dedans», a une expression indéfinissable et profondément émouvante» (F. N., 930).

Вопросъ о томъ, насколько болѣзнь могла уже отразиться на заключительныхъ главахъ «Ессе Номо» затрагивается (часто даже относительно большинства произведеній Ницше), къ сожалѣнію, не только людьми, считающими ненормальнымъ все, что не соотвѣтствуетъ ихъ личнымъ «нормамъ», и не только «медиками», по удачному выраженію Рауля Рихтера, но и такъ называемыми друзьями Ницше. На самомъ же дѣлѣ этотъ вопросъ имѣетъ для серьезной оцѣнки его произведеній самое второстепенное значеніе. О томъ, что до 1888 г. физическія страданія никогда не отзывались на ясности его мышленія, свидѣтельствуетъ самъ Ницше въ самомъ началѣ «Ессе Номо». «Всѣ болѣзненные со-

¹⁾ Есть русскій переводъ сочиненія Lichtenberger: «Философія Ницше». Изд. журнала «Популярно научная библіотека». Перев. подъ ред. Генкеля. 1906 г.

стоянія интеллекта, даже та частичная потеря сознанія, которую ведетъ за собою лихорадка, до сихъ поръ оставались мнѣ вполне чуждыми, съ ихъ признаками и ихъ обычностью мнѣ пришлось знакомиться только научнымъ способомъ» (Е. Н., 15).

Но и помимо этого свидѣтельства, не все ли равно, насколько былъ человѣкъ здоровъ или боленъ, если въ его произведеніяхъ цѣлый рядъ непредубѣжденныхъ и чувствующихъ серьезность жизни людей напр., Георгъ Брандесъ¹⁾, нашли и находятъ гораздо болѣе глубокое и цѣнное содержаніе, чѣмъ во множествѣ произведеній лицъ, о здоровьѣ которыхъ никогда и ни въ комъ не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія.

Изданіе «Ессе Номо» появилось въ типѣ Luxus—изданія. Книга въ 154 страницы стоитъ 20 марокъ и еще болѣе роскошное изданіе—50 марокъ (приблизительно 10 и 25 рублей). Однако, тако изданіе такъ-же мало соотвѣтствуетъ серьезности настроенія Ницше, какъ мало соотвѣтствовало бы ему небрежное изданіе на плоской и сѣрой бумагѣ. Въ этомъ типѣ изданія, отдавая должное добрымъ стремленіямъ издателя, можетъ быть, только еще лишній разъ подчеркивается то, что время серьезнаго отношенія къ тому цѣнному, что далъ единственный въ своемъ родѣ психологъ среди философовъ, еще не настало.

Какъ уже сказано, все первое изданіе разошлось въ Германіи цѣликомъ тотчасъ же послѣ его появленія. Цѣны немногихъ возвращенныхъ въ продажу экземпляровъ возрасли уже почти вдвое. Но и это врядъ ли можно разсматривать какъ большой шагъ впередъ къ серьезному изученію Ницше, скорѣе это свидѣтельствуемъ о развитіи того ницшеанства, о которомъ было упомянуто выше. И врядъ ли самъ Ницше могъ бы болѣе быть доволенъ этимъ моднымъ успѣхомъ своего произведенія. Не даромъ говоритъ онъ въ «Ессе Номо»: «Какъ могъ бы я съ этимъ чувствомъ разстоянія даже только желать быть читаемымъ тѣми «современными», которыхъ я знаю!» (Е. Н., 52—53).

¹⁾ Еще въ то время, когда Ницше въ Германіи оставался вполне неизвѣстнымъ, Георгъ Брандесъ пишетъ о немъ, какъ о выдающемся умѣ, произведенія котораго вполне заслуживаютъ того, «чтобы ихъ изучали, обсуждали, оспаривали и усваивали» (G. Brandes. Essays, I. c., 137).

«Ессе Номо», такъ же какъ и Заратустра—«Книга для никого и для всякаго» («Ein Buch für Alle und Keinen»). Ницше пишетъ ее *для всякаго*, въ комъ пробивается источникъ своей собственной сущности, для всякаго, въ комъ этотъ источникъ можетъ по временамъ разливаться широкимъ потокомъ, съ однимъ стремленіемъ и одною радостью—стать тѣмъ, что есть; и ни *для кого* пишетъ онъ, такъ какъ онъ пишетъ не изъ необходимости общенія, но *изъ необходимости творчества*. Надо припомнить еще разъ уже приведенное выше описаніе его творчества: «Внезапно, съ непередаваемой точностью и тонкостью нѣчто становится *видимымъ*, слышимымъ; нѣчто, что потрясаетъ, что перевертываетъ до глубины души. Слушаешь, не ищешь; берешь, не спрашивая, кто даетъ; какъ молнія вспыхиваетъ мысль, съ необходимостью, въ формѣ, не допускающей сомнѣнія».

Каковъ бы ни былъ пріемъ новаго произведенія Ницше, какъ бы разнообразны, положительны или отрицательны ни были мнѣнія и отношенія къ его содержанію, но то, что написано такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ психологическія цѣнности огромнаго значенія, стоящія внѣ похвалъ и внѣ порицаній.

В. Н. Половцова.

Новыя книги и брошюры, полученные въ редакціи.

Vaschide, N. Essai sur la Psychologie de la Main. Paris. 1909. Ст. 504. Ц. 12 fr. (Bibliotheque de philosophie expérimentale dirigée par M. Peillaube.).

Гордины В. и А. Подражательно-понимательный методъ для обученія грамотѣ. Вильна. 1909. Ст. 45. Ц. 20 к.

Зензиновъ, М. М. Чай и пошлина. М. 1909. Ст. 16. Ц. 5 к.

Ильинъ, Вл. Матеріализмъ и эмпириокритицизмъ. Москва. 1909. Ст. 438. Ц. 2 р. 60 к. Изд. «Звена».

Кванинъ, Семекъ. У моря. Одесса. 1909. Ст. 16. Ц. 10 к.

Крассовскій, С. С. О языкахъ и нравахъ. Вып. I и II. Спб. Ст. 64 + 100. Ц. 1 вып. 50 к.

Рейснеръ, М. А. Андреевъ и его социальная идеологія. Спб. 1903. Ст. 152. Ц. 1 р. Изд. «Посѣва».

Реми де Гурмонъ. Леда и Джіоконда. Спб. 1909. Ст. XII + 204. Ц. 1 р. 50 к. Изд. «Посѣва».

Розановъ, В. Итальянскія впечатлѣнія. Спб. 1909. Ст. VIII+316. Ц. 1 р. 50 к.

Рубинштейнъ, М. М. Идея личности какъ основа міровоззрѣнія. Москва. 1909. Ст. IV+124. Ц. 70 к.

Савеловъ, Л. М. Въ защиту ученыхъ архивныхъ комиссій. Тверь. 1905.

Его-же. Рѣчь, сказанная предсѣдателемъ «Историко-родословнаго общества въ Москвѣ».

Сикорскій, И. А. Психологическія основы воспитанія и обученія. Кіевъ. 1909. Изд. 3-ье. Ст. 112. Ц. 1 р.

С.-Петербургскій родительскій кружокъ (1884—1909). Спб. 1909.

Суровикинъ, В. А. Отъ Остроужскаго до Тобольска. Москва. 1905.

Тарле, Е. В. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Ч. I. Спб. 1909. Ст. 315.

Уставъ общества «Домбратской дружины». Харьковъ. 1909.

Филевскій, Іоаннъ. О значеніи христіанства для науки. Харьковъ. 1909. Ст. 16. Ц. 20 к.

Его же. Н. В. Гоголь, какъ религіозный публицистъ. Харьковъ. 1909. Ст. 14.

Volkman, Paul. Materialistische Epoche und monistische Bewegung. Berlin. 1909. Ст. 30 Ц. 1 М.

Изданія «Посредника»:

Толстой, Л. Большая медвѣдица. Ц. 2 к.

Его-же. Богъ одинъ у всѣхъ. Ц. 2 к.

Его-же. Ильясъ. Ц. 2 к.

Его-же. Три сына. Ц. 3 к.

Его-же. Ассирійскій царь. Ц. 2 к.

Его-же. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Ц. 3 к.

Его-же. Крестникъ. Ц. 3 к.

Его-же. Много ли человѣку земли нужно? Ц. 3 к.

Его-же. Три старца. Ц. 3 к.

Его-же. Упустишь огонь, не потушишь. Ц. 3.

Его-же. Сказка объ Иванѣ дуракѣ. Ц. 4 к.

Лукъянская, В. Отвѣтъ мертвеца. Ц. 2 к.

Сенкевичъ, Г. Янко музыкантъ. Ц. 2.

Гюго, В. Бѣдные люди. Ц. 3 к.

Бѣлая одежда. Ц. 3 к.

Безродная, Ю. Великодушный Голиафъ. Ц. 3 к.

Гончаръ-самоучка. Ц. 3 к.

Телешовъ, Н. Домой. Ц. 3 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Дочь китайскаго вельможи. Ц. 3 к.

Додэ, А. Крушеніе корабля. Ц. 3 к.

Омелько—бѣглый каторжникъ. Ц. 3 к.

Смирновъ, В. Пѣвецъ Муса. Ц. 3 к.

Горбуновъ-Посадовъ, Принцъ-калѣка. Ц. 3 к.

Телешовъ, Н. Съ Богомъ! Ц. 3 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Христіаночка. Ц. 3 к.

Его-же. Милосердные звѣри. Ц. 4 к.

Гоголь, Н. В. Старосвѣтскіе помѣщики. Ц. 4 к.

Его-же. Шинель. Ц. 5 к.

Его-же. Какъ поссорился Ив. Ив. съ Ив. Никиф. Ц. 8 к.

Его-же. Жизнь. Ц. 3 к. Москва 1909 г.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ ПРОДАЮТСЯ:

Проф. А. И. Введенскій. Философскіе очерки. *Вып. I.* О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Цѣна 1 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. 4-е изд. Цѣна 2 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. 2-е изд., вновь редактированное проф. А. И. Введенскимъ по 4-му нѣмецк. 2 тома. Цѣна 4 руб.

Т Р У Д Ы

С.-Петербургскаго Философскаго Общества:

Выпускъ I. Декартъ. Метафизическія размышленія. Перев. подъ редакціей и со статьей проф. А. И. Введенскаго. Декартъ и раціонализмъ. Цѣна 1 р.

Выпускъ II и III. Малебраншъ. Исканіе истины. Перев. подъ ред. и со статьей Э. Л. Радлова. Цѣна 5 руб.

Выпускъ IV. Беркли. Трактатъ о началахъ чело-вѣческаго знанія. Перев. подъ ред. и со статьей Н. Г. Дебольскаго. Цѣна 40 коп.

Выпускъ V. Аристотель. Этика. Перев. и вступительная статья Э. Л. Радлова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Философскія изслѣдованія, == == обозрѣнія и проч.,

издаваемыя подъ редакціей проф. Г. Челпанова.

СОДЕРЖАНІЕ.

- Т. I. Вып. 2-й. Щербина, А. М. Ученіе Канта о вещи въ себѣ.
Вайнштейнъ, А. Э. Ученіе о реальности по Шубертъ-Зольдерну.
Челпановъ, Г. И. Авенариусъ и его школа.
- Т. I. Вып. 3-й. Щербина, А. М. Ученіе Канта о вещи въ себѣ (окончаніе).
Зѣньковскій, В. В. Современное состояніе психофизической проблемы.
Шпеттъ, Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта (Введеніе).
Челпановъ, Г. И. Апріоризмъ и эмпиризмъ (отвѣтъ проф. Гилярову).
- Т. I. Вып. 4-й. Шпеттъ, Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта.
Челпановъ, Г. И. Рецензія на соч. И. С. Продана „О памяти“.
Отчетъ о дѣятельности Псих. Семинаріи за 1902—1906 г.
- Т. II. Вып. 5-й. Блонскій. Ученіе Беркли о реальности.

Цѣна за каждый выпускъ 1 р.

Складъ изданія въ редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ и въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Москва, Моховая, противъ Университета.

Вышла изъ печати новая книга:

Памяти Л. И. Поливанова.

(Къ 10-лѣтію его кончины).

Изданіе Общества бывшихъ воспитанниковъ гимназіи
Л. И. Поливанова.

Портретъ. Біографическій очеркъ.—Влад. Соловьевъ: Некрологъ Л. И. Поливанова.—Л. Лопатинъ: Личность и взгляды Л. И. Поливанова.—Л. Бѣльскій: Л. И. Поливановъ какъ педагогъ.—В. Гіацинтовъ: Къ характеристикѣ Льва Ивановича.—А. Венкстернъ: Л. И. Поливановъ и Шекспировскій кружокъ.—А. Сливицкій: Л. И. Поливановъ по личнымъ моимъ воспоминаніямъ и по его письмамъ.—Изъ бумагъ Л. И. Поливанова: Философскія размышленія. Письмо къ начинающей романисткѣ. — Приложение: Положеніе о преміи имени Л. И. Поливанова.

Особенный интересъ представляетъ матеріалъ, принадлежащій перу Л. И. Поливанова: двѣ вышеупомянутыя статьи его изъ неизданныхъ бумагъ и вошедшіе въ „Воспоминанія“ А. Сливицкаго многочисленныя отрывки изъ писемъ Л. И. Поливанова (отъ поры гимназической до послѣднихъ лѣтъ его жизни).

Предназначая сборникъ главнымъ образомъ для тѣхъ, кто лично зналъ и цѣнилъ Л. И. Поливанова, и прежде всего для его многочисленныхъ учениковъ, составители сборника надѣются, что оригинальная личность Л. И. Поливанова и его дѣятельность на поприщѣ науки, литературы и общественно-педагогическомъ привлечутъ къ себѣ и общій интересъ, за предѣлами круга людей, его знавшихъ.

Цѣна 1 р. 75 к.

Доходъ отъ изданія поступаетъ въ Общество бывшихъ воспитанниковъ гимназіи Л. И. Поливанова.

Складъ изданія при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. (Москва, Пименовская ул., с. д.) — Телефонъ № 5—26, 66—13.

V-474
K476
ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ

ГОДЪ XX.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга IV (99).

СЕНТЯБРЬ-ОКТАБРЬ.—1909 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнерева и К^о.

Пименовская ул., соб. домъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Алексѣй Сергѣевичъ Бѣлкинъ †. М. К. Любавскаго. . .	I

Задачи современной психологіи Г. Челпанова	285
Ближайшія задачи экспериментальной педагогики. Н. Виноградова.	309

Витализмъ и задачи научной біологіи въ вопросѣ о жизни. Вл. Карпова.	523
Прагматизмъ. Ал. Балабана	574
Предметъ и методъ соціологіи. В. М. Хвостова	619
Русскій послѣдователь Г. Когена. П. И. Новгородцева.	636
Отчетъ о международномъ конгрессѣ по психологіи въ Женевѣ 1909 г. В. Волковичъ и З. Столица.	662

Критика и библіографія.

І. Библіографическій листокъ.

Извѣстія и замѣтки.

Анкета по вопросу о постановкѣ преподаванія психологіи
въ мужской гимназіи.

Полемика.

Что такое объективная психологія. В. Бехтерева. 685

Объявленія.

Алексѣй Сергѣевичъ Бѣлкинъ.

(† 17 іюля 1909 г.)

Въ лицѣ скончавшагося 17 іюля сего года А. С. Бѣлкина русская философская наука потеряла одного изъ скромныхъ, но идеально одушевленныхъ работниковъ, пожертвовавшихъ ей всѣмъ—молодостью, матеріальнымъ достаткомъ, карьерою, семейнымъ счастьемъ...

Алексѣй Сергѣевичъ былъ сынъ богатаго московскаго коммерсанта. Родился онъ 13 сентября 1856 г. Среднее образованіе получилъ въ Московской практической академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1875 году. По выходѣ изъ этой школы Алексѣю Сергѣевичу предстояло сдѣлаться ближайшимъ помощникомъ и съ теченіемъ времени замѣстителемъ своего отца по веденію крупнаго мѣхового дѣла, перваго тогда въ Москвѣ, приносившаго его владѣльцу огромный доходъ. Но у Алексѣя Сергѣевича уже съ ранняго дѣтства былъ зажженъ иной огонь въ душѣ. Кажется, двухъ лѣтъ отъ роду лишился онъ своей матери. Никто ему ея не замѣнилъ. Родительскій домъ, вся обстановка, все, что наполняло жизнь этого дома, сдѣлались ему чужды. Въ его запискахъ сохранился трогательный рассказъ о томъ, какъ онъ ребенкомъ еженедѣльно ѣздилъ навѣщать свою маму на Пятницкое кладбище, какъ онъ часто думалъ объ уходѣ къ ней, и какъ по связи съ этимъ роились въ его головѣ,

давили его дѣтскій умъ неотвязные вопросы бытія... «Задумчивый мальчикъ», говорили объ немъ родные и знакомые. Алексѣй Сергѣевичъ, такимъ образомъ, рано сталъ философомъ... На этомъ психическомъ фундаментѣ, заложенномъ въ дѣтствѣ, шла и дальнѣйшая его духовная стройка. Поступивъ въ школу (Московскую Практическую Академію) для технической выучки, Алексѣй Сергѣевичъ жадно ловилъ тамъ все, что расширяло умственный кругозоръ, формировало жизненное міросозерцаніе, все, что давало работу и пищу мысли. Съ особенною любовью изучалъ онъ математику и естественныя науки, исторію и литературу. Благодарнымъ словомъ поминалъ онъ заботы тогдашняго инспектора Практической академіи И. М. Живаго о разностороннемъ образованіи своихъ питомцевъ, объ ихъ внѣклассномъ чтеніи, а также превосходные уроки исторіи, которые давалъ академистамъ покойный П. П. Мельгуновъ. Уже въ средней школѣ чтеніе, пріобрѣтеніе знаній сдѣлались для Бѣлкина стихіею жизни, необходимою, какъ воздухъ, какъ пища... За недѣлю до начала выпускныхъ экзаменовъ онъ писалъ своему другу А. В. О. о томъ тяжеломъ положеніи, которое ожидаетъ его по выходѣ изъ школы, когда придется съ 9 часовъ утра до 10 вечера сидѣть въ магазинѣ. «Самъ ты согласишься, что при такихъ занятіяхъ не останется времени для чтенія. А если я не буду читать на иностранныхъ языкахъ, на примѣръ, то кромѣ лишенія удовольствія отъ чтенія книги предстоитъ еще пріятная перспектива забыть и то, что я зналъ до сихъ поръ. Не читая ничего, не предаваясь умственнымъ занятіямъ, вѣдь, наконецъ, очерствѣешь, отстанешь!..»

Не болѣе двухъ лѣтъ могъ вынести юный Бѣлкинъ тяжелой жизни магазиннаго сидѣльца. Состояніе его

духа было за это время крайне подавленное. «Нѣтъ никого, кто бы подкрѣпилъ во мнѣ падающую надежду,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ.—Я одинъ наединѣ съ самимъ собою и предъ лицомъ страшной дѣйствительности. Я тебѣ, моя милая бумага, передаю мои грустные мысли, хоть ты, я знаю, и не заплачешь». Грустные мысли состояли въ томъ, какъ трудно выбиться ему на дорогу иную, чѣмъ та, которая ему разстилалась. Эта дорога, писалъ Бѣлкинъ, «устлана коврами, тепла, доходна, но для меня невыносима». «Кончайся скорѣе, борьба, мнѣ стало не въ ногу... Мнѣ кажется, что я просто съ ума сойду. Одно мнѣ утѣшеніе: разговоръ съ Лелей, музыка и чтеніе. Отнимите ихъ, и я погибъ!»

Вопли души Бѣлкина были, наконецъ, услышаны, и весною 1877 года ему дана была возможность готовиться по классическимъ языкамъ къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Уроки начались 20 апрѣля 1877 г. и кончились въ августѣ 1878 года. Чтобы не терять времени, Бѣлкинъ поступилъ въ августѣ 1878 года на историко-филологическій факультетъ стороннимъ слушателемъ съ тѣмъ, чтобы по выдержаніи весною экзамена на аттестатъ зрѣлости зачислиться сразу на второй курсъ. Но увы! этой надеждѣ не пришлось такъ скоро сбыться. На экзаменѣ въ шестой гимназіи Бѣлкинъ, по его разсказу, надѣлалъ въ русскомъ сочиненіи нѣсколько грамматическихъ ошибокъ, невозможныхъ для него въ обычномъ, спокойномъ состояніи. Время тогда было суровое,—самый расцвѣтъ Толстовскаго режима,—и двери университета, уже полуоткрытыя, захлопнулись передъ Бѣлкинымъ. Но на этотъ разъ онъ не ослабѣлъ духомъ и съ новою энергіею принялся за подготовку къ экзаменамъ подъ руководствомъ извѣстнаго преподавателя гимназіи

Е. И. Бѣлявскаго и покойнаго профессора Н. Г. Зубкова. Усилія его увѣнчались, наконецъ, желаннымъ успѣхомъ, и 21 іюня 1880 года Бѣлкинъ получилъ аттестатъ зрѣлости въ Вяземской гимназіи, а въ августъ того же года зачислился студентомъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета.

Шесть лѣтъ просидѣлъ Бѣлкинъ на студенческой скамѣ, два года стороннимъ слушателемъ и четыре года полноправнымъ студентомъ. За это время онъ неустанно и всесторонне работалъ надъ своимъ научнымъ образованіемъ. Его интересы дѣлились между философскими и историческими науками, которыми онъ занимался не только потому, что состоялъ студентомъ историческаго отдѣленія, но и по внутреннему побужденію, по интересу къ нимъ. Близкимъ людямъ разностороннія занятія Бѣлкина казались по временамъ доказательствомъ того, что онъ ни на чемъ еще не сосредоточился, что онъ ошибочно попалъ на историко-филологическій факультетъ, что по складу его ума ему слѣдовало бы быть на физико-математическомъ. Бѣлкинъ отвѣчалъ, что его интересы лежатъ преимущественно въ области логики, психологіи, исторіи философіи и исторіи точныхъ наукъ. «Я сказалъ также,—пишетъ онъ въ февралѣ 1882 года,—что у меня именно таково направленіе ума, что меня интересуетъ всегда болѣе не то, что говорится, а почему говорится такъ, а не иначе, и вѣрно ли это». И дѣйствительно уже студентомъ Бѣлкинъ проштудировалъ логику Милля и Бэна, психологическіе труды Бэна, Спенсера, Рибо, Троицкаго, исторію философіи Льюиса, Куно-Фишера, Кузэна, проштудировалъ творенія нѣкоторыхъ философовъ: Платона, Бэкона, Адама Смита, Джемса, Милля, Огюста Конта, Спенсера, Дарвина и

др. Кандидатское сочиненіе изготовлено было имъ на тему о теоріи нравственнаго чувства Адама Смита.

По окончаніи курса въ университетѣ, весною 1884 г. для Алексѣя Сергѣевича снова сталъ роковой вопросъ: «а дальше что»? Студенты, показавшіе свое усердіе и успѣхи въ научныхъ занятіяхъ, обыкновенно остаются при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Алексѣй Сергѣевичъ, по своему обычаю, и тутъ опоздалъ, во-время не представилъ кандидатскаго сочиненія, которое давало бы право его руководителю М. М. Троицкому возбудить вопросъ объ оставленіи Бѣлкина при университетѣ.

Повидимому Матвѣй Михайловичъ и не совсѣмъ увѣренъ былъ въ своемъ ученикѣ, въ его усидчивости и способностяхъ. Но Алексѣя Сергѣевича это обстоятельство не обезкуражило, и онъ рѣшился отправиться для продолженія своего образованія за границу, ближайшимъ образомъ въ Берлинъ, куда онъ и прибылъ 19 октября 1885 года.

Въ Берлинѣ Алексѣй Сергѣевичъ прослушалъ въ зимнемъ семестрѣ 1885—1886 года курсы по исторіи философіи Целлера и Дейссена, введеніе въ философію и этику Паульсена и принималъ дѣятельное участіе въ семинаріи Целлера по Аристотелю и Паульсена по Юму. На весенній семестръ 1886 года Бѣлкинъ перѣхалъ въ Лейпцигъ и здѣсь работалъ въ психофизиологической лабораторіи Вундта и слушалъ лекціи по психологіи. Эти занятія были, такъ сказать, завершеніемъ его студенческихъ студій, послѣ чего онъ принялся уже за подготовку къ магистерскому экзамену по философіи. Этотъ экзаменъ Алексѣй Сергѣевичъ выдержалъ въ Казани, въ весеннемъ семестрѣ 1891 года. 27 и 28 апрѣля 1892 г. Бѣлкинъ прочиталъ двѣ пробныя лекціи въ Московскомъ уни-

верситетѣ на темы: «Нравственная философія Адама Смита» и «Законъ внушенія Броуна и его вліяніе на психологію Бенеке», послѣ чего принятъ былъ въ число приватъ-доцентовъ Московскаго университета по кафедрѣ философіи.

Для Алексѣя Сергѣевича началась многотрудная преподавательская дѣятельность, въ которую онъ погрузился всецѣло. Въ качествѣ приватъ-доцента А. С. читалъ курсъ по исторіи новой англійской философіи (въ 1892—1893 г.), специальный курсъ по Платону и Аристотелю (въ 1893—1894 г., въ 1894—1895 г.), по исторіи средневѣковой философіи (въ 1895—1896 г.), по психологіи. Одновременно съ тѣмъ А. С. читалъ лекціи по исторіи греческой философіи на коллективныхъ урокахъ Общества учительницъ и воспитательницъ (въ 1892—1893, 1893—1894), по психологіи на педагогическихъ курсахъ (въ 1894—1895) и давалъ уроки педагогики въ Маріинскомъ училищѣ (съ осени 1893 до весны 1896), Екатерининскомъ институтѣ, женской гимназіи г-жи Ржевской. При необыкновенной добросовѣстности А. С. подготовка къ лекціямъ и урокамъ поглощала почти все его рабочее время. Къ этому надо присоединить дѣятельность его въ качествѣ члена (съ 1892 года) и секретаря (съ 1894 г.) Психологическаго общества, члена Комиссіи по организаціи домашняго чтенія и редакціи «Библіотеки для самообразованія». А. С. живо интересовался трудами Психологическаго общества и принималъ участіе въ дебатахъ по поводу читавшихся тамъ рефератовъ. Памятны его выступленія при обсужденіи вопроса о свободѣ воли, занявшемъ нѣсколько засѣданій. Но особенно много поработалъ А. С. для Комиссіи по организаціи домашняго чтенія. Имъ составлены были планъ занятій философіею и программа чтенія по логикѣ, психо-

логіи и педагогикѣ, напечатанныя въ «Сборникахъ» означенной комиссіи. Въ качествѣ редактора «Библіотеки для самообразованія» А. С. редактировалъ переводъ логики Минто и подобралъ для него примѣры и задачи, а также переводъ психологіи Бэна.

Но надо было думать и о написаніи диссертациі. А. С. избралъ темою для своей магистерской диссертациі логическое ученіе Уэвеля. Онъ хотѣлъ прослѣдить прежде всего полемику Уэвеля съ Миллемъ и причины сравнительнаго неуспѣха теорій Уэвеля, а также то вліяніе, которое оказалъ Уэвель на дальнѣйшее развитіе логики, иногда сближающейся болѣе съ Уэвелемъ, чѣмъ съ Миллемъ. Написать диссертацию въ Москвѣ въ скоромъ времени было мало шансовъ. Съ другой стороны, А. С. сильно интересовался методами экспериментальныхъ изслѣдованій психическихъ явленій, съ которыми онъ ознакомился въ лабораторіи Вундта въ 1886 году. Все это въ общей сложности и заставило его просить заграничной командировки, которая и дана было ему осенью 1896 года.

Сначала онъ поселился было въ Берлинѣ. Здѣсь помимо занятій въ королевской библіотекѣ Бѣлкинъ собиралъ свѣдѣнія о постановкѣ преподаванія педагогики въ среднихъ школахъ и университетахъ Германіи въ виду того, что хотѣлъ по возвращеніи въ Москву продолжать преподаваніе педагогики въ среднихъ школахъ и начать его въ университетѣ. Въ октябрѣ 1897 года онъ переѣхалъ въ Геттингенъ, чтобы работать въ психологическомъ институтѣ проф. Георга Миллера. Выборъ руководителя обусловился тѣмъ, что Миллеръ получилъ превосходную подготовку, нужную для экспериментатора-психолога, занимался математикой, анатоміей, фізіологіей и извѣстенъ самостоятельными трудами въ области фізіологіи и пси-

хофизики, за что получилъ почетное званіе доктора медицины. Подъ руководствомъ Миллера А. С. сосредоточился на изслѣдованіи пространственнаго воспріятія и продѣлалъ въ его лабораторіи множество опытовъ. Параллельно съ этимъ А. С. старался выработать изъ себя самостоятельнаго экспериментатора-психолога на манеръ проф. Миллера и съ этою цѣлью старался овладѣть всѣми нужными естественно-научными дисциплинами. Онъ слушалъ не только курсы психологіи Миллера, но и курсы анатоміи проф. Меркеля, фізіологіи Мейснера, анатоміи мозга и гистологіи проф. Калліуса, участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ по этимъ предметамъ и настолько овладѣлъ техникою эксперимента въ области психологіи, что оказался въ состояніи самъ создавать нужные для психологическихъ опытовъ аппараты (одинъ изъ этихъ аппаратовъ находится теперь въ помѣщеніи психологическаго семинарія Московскаго университета). Работа по Уэвелю отошла на задній планъ, и все вниманіе А. С. занялъ вопросъ о воспріятіи пространства.

Кромѣ опытовъ А. С. привелъ для себя въ извѣстность и перечиталъ всю относящуюся сюда литературу. Весь добытый матеріалъ онъ сгруппировалъ въ систему, разнесъ по рубрикамъ. Оставалось только приняться за его литературную обработку, но судьба рѣшила иначе.

Въ августѣ 1900 года А. С. вернулся изъ-за границы и тяжело заболѣлъ неврастеніемъ. Онъ прохворалъ всю осень и часть весны и только въ февралѣ съ трудомъ началъ чтеніе курса логики, порученнаго ему факультетомъ. Здоровье его было подорвано въ конецъ, и всѣ знавшіе близко покойнаго Бѣлкина ясно замѣтили это. Въ послѣдующіе годы А. С. читалъ только логику въ университетѣ и велъ практи-

ческія занятія по этому предмету, но уже устранялся отъ всѣхъ другихъ занятій. Пребываніе его въ должности секретаря Психологическаго общества за это время (1900—1903 гг.) было почти номинальнымъ. Даже и лекціи въ университетѣ онъ нерѣдко пропускалъ, вызывая нареканія и подчасъ злобные комментаріи людей, судящихъ другихъ съ высоты собственной душевной низости. Эти нареканія и злобные комментаріи, а также необходимость имѣть заработокъ заставили А. С. весною текущаго года разстаться съ университетомъ и поступить на должность библіотекаря Государственной Думы. Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ А. С. въ разговорѣ съ пишущимъ эти строки выражалъ надежду, что авось теперь ему удастся написать свои диссертациі (матеріалы были у него собраны и для диссертациі объ Уэвелѣ). Это онъ ставилъ задачею своей жизни, необходимымъ оправданіемъ ея въ глазахъ окружающихъ его людей, которые въ большинствѣ относились скептически къ его занятіямъ и стремленіямъ и подчасъ очень грубо это выражали (укажу для примѣра на В. В. Розанова, бывшаго товарища Бѣлкина по университету, который въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ писаній позволилъ себѣ даже поглумиться надъ А. С. Бѣлкинымъ). Передъ тѣмъ, какъ вступить въ отправленіе своей должности, Бѣлкинъ отправился за границу для того, чтобы полѣниться въ Киссингенѣ и познакомиться съ парламентскими библіотеками на Западѣ. Но уже на дорогѣ съ нимъ случился припадокъ и обморокъ. По пріѣздѣ въ Берлинъ онъ тяжело занемогъ, и свезенъ былъ однимъ изъ своихъ давнишнихъ знакомыхъ въ санаторію, гдѣ и скончался неожиданно 17 іюля. А. С. умеръ, повидимому, отъ астмы, развившейся на почвѣ артеріосклероза. Надо

сказать, что несмотря на огромную мускульную силу, которую онъ развивалъ гимнастическими упражненіями, А. С. въ общемъ былъ сосудомъ скудельнымъ. Уже со временъ студенчества жаловался онъ на разные недуги и недомоганія. Товарищи, зная его силу, по-смѣивались надъ этимъ, приписывали все мнительности покойнаго. Но, повидимому, А. С. передавалъ настоящія, а не мнимыя ощущенія.

Сгорѣла жизнь Алексѣя Сергѣевича. Остался его прахъ, богатая и тщательно подобранная библіотека, нѣсколько писанныхъ курсовъ и отдѣльныхъ лекцій и грудa всевозможныхъ конспектовъ, замѣтокъ, выписокъ, описаній опытовъ и т. д. Кто можетъ соединить и оживить всѣ эти *membra disjecta*? — Повидимому, никто.

Такъ стало-быть Алексѣй Сергѣевичъ по пусту проработалъ весь свой вѣкъ? Не хочется такъ думать, и нѣтъ основаній къ такому заключенію. Алексѣй Сергѣевичъ внесъ въ жизнь свою немалую долю нравственныхъ цѣнностей. Прежде всего онъ явилъ собою примѣръ стойкаго и беззавѣтно-самоотверженнаго служенія наукѣ, чистому знанію. Такіе примѣры не часты, и надо думать, что они не остаются безъ вліянія на окружающую среду. Затѣмъ А. С. кое-чѣмъ и подѣлился изъ пріобрѣтенныхъ имъ знаній съ питомцами какъ высшей, такъ и средней школы.

У всѣхъ, кто близко зналъ покойнаго, онъ навсегда останется въ памяти, какъ сердечный, отзывчивый на чужое горе и радость человѣкъ, всегда готовый придти на помощь совѣтомъ, сочувствіемъ и дѣломъ, и память эта навсегда будетъ соединена съ любовью и благодарностью къ почившему.

Матвѣй Любавскій.

Задачи современной психологіи ¹⁾.

Въ настоящемъ собраніи я считаю вполне цѣлесообразнымъ рассмотреть вопросъ, имѣющій, какъ мнѣ кажется, важное практическое значеніе, какъ въ научномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, именно вопросъ о томъ, какъ нужно понимать *задачи современной психологіи*. Вопросъ этотъ очень широкій и вслѣдствіе этого на первый взглядъ неопредѣленный, но онъ тотчасъ пріобрѣтеть полную опредѣленность, если я скажу, что намѣреваюсь рассмотреть *сравнительную цѣнность различныхъ методовъ изслѣдованія въ современной психологіи*.

Предлагая вашему вниманію этотъ, такъ сказать, программный вопросъ, я исхожу изъ убѣжденія, что для успѣховъ науки очень важно отъ времени до времени подвергать пересмотру вопросы этого рода. Относительно всѣхъ наукъ можно сказать, что въ нихъ часто подъ вліяніемъ различныхъ условій правильное пониманіе задачъ затемняется и потому во всѣхъ наукахъ программные вопросы нуждаются въ постоянномъ пересмотрѣ. Въ особенности же это справедливо по отношенію къ психологіи, задачи и предметъ которой, какъ извѣстно, никогда не были опредѣлены въ такой мѣрѣ точно, чтобы не вызывать сомнѣній.

Итакъ, какими методами должна пользоваться современная психологія? Я этотъ вопросъ считаю очереднымъ вопросомъ, вопросомъ жизненной важности, вопросомъ, на-

¹⁾ Докладъ, читанный 2-го іюня 1909 г. на второмъ Всероссийскомъ съѣздѣ по педагогической психологіи. Примѣчанія вставлены послѣ прочтенія доклада.

стойчиво ждущимъ своего рѣшенія. Кажется, что если бы нужно было характеризовать, какъ современное русское образованное общество относится къ задачамъ психологіи, то на это лучше всего можно было бы отвѣтить въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Въ настоящее время принято думать, что существуютъ двѣ психологіи—съ одной стороны новая, современная, научная, экспериментальная психологія, а съ другой стороны прежняя психологія, не-экспериментальная, основанная на такъ-называемомъ самонаблюденіи, философская или даже метафизическая, которая уже отжила свое время и сдѣлалась достояніемъ исторіи или, если выразиться правильнѣе, должна сдѣлаться достояніемъ исторіи.

Я не рѣшаюсь сказать, всѣ ли, кому приходится оцѣнивать значеніе методовъ современной психологіи, согласились бы подписаться именно подъ этой формулой, признать ее своей, но рѣшительно утверждаю, что очень многіе, если не всѣ, у насъ дѣйствуютъ такъ, какъ если бы эта формула была совершенно правильна и имѣла руководящее значеніе. Въ настоящее время очень многіе склонны думать, что нужно совершенно прекратить всѣ тѣ изслѣдованія, которыя производятся помимо эксперимента, и заниматься изслѣдованіемъ только такихъ вопросовъ, къ которымъ примѣнимъ экспериментъ.

Я нахожу, что эта формула совершенно неправильна и что она въ очень ложномъ видѣ изображаетъ современное положеніе задачъ психологіи. Мнѣ кажется, что эта формула, принятая, впрочемъ, не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ, является очень серьезнымъ препятствіемъ для правильнаго развитія психологіи въ особенности потому, что многіе, ошибочно отождествляя *экспериментальную* психологію съ *эмпирической*, только къ одной экспериментальной психологіи считаютъ возможнымъ прилагать эпитетъ „научный“.

Я предполагаю рассмотреть, дѣйствительно ли психологія, называемая экспериментальной, *дѣлаетъ излишнимъ*

все то, что было признано въ прежней психологiи. Мнѣ представляется совершенно очевиднымъ, что послѣ того, какъ въ психологiи стали съ большимъ успѣхомъ и съ большой пользой для психологiи примѣнять экспериментальные методы изслѣдованiя, ничего изъ того, что было принято до сихъ поръ въ психологiи, не дѣлается излишнимъ; прибавилось нѣчто новое, очень существенное, но ничего изъ прежняго не отвергнуто, а потому нельзя говорить, что есть двѣ психологiи. Есть только одна психологiя; экспериментальной психологiи, какъ особой *научной дисциплины*, вовсе не существуетъ, а есть только экспериментальные методы изслѣдованiя.

Разсмотримъ, въ чемъ заключается сущность экспериментального метода изслѣдованiя, *вноситъ ли онъ что-либо принципиально новое въ психологическое изслѣдованiе*, а, главнымъ образомъ, *исключаетъ ли онъ что-либо изъ тѣхъ способовъ изслѣдованiя, которые были прежде приняты или нѣтъ.* Для этого прежде всего необходимо условиться относительно того, что слѣдуетъ называть *экспериментомъ*.

Какъ извѣстно, общее опредѣленiе эксперимента сводится къ слѣдующему. Если мы изучаемъ какiя-нибудь психическiя событiя или явленiя въ томъ видѣ, въ какомъ они совершаются въ дѣйствительности, причемъ мы не вмѣшиваемся въ ходъ событiй, то это будетъ изученiемъ при помощи простого воспрiятiя или наблюденiя. Мы, на примѣръ, подмѣчаемъ какой-либо случай ассоціацiи по сходству, мы воспринимаемъ какое-либо послѣдовательное изображенiе. Все это случаи простого наблюденiя психическихъ явленiй. Такого рода изученiе принято называть обыкновенно изслѣдованiемъ при помощи *самонаблюденiя*.

Съ другой стороны, мы можемъ изучать психическiя явленiя, *вмѣшиваясь въ ходъ этихъ явленiй*, произвольно *созида*я эти явленiя, вызывая ихъ искусственнымъ путемъ и измѣняя тѣ *условія*, при которыхъ они возникаютъ. При такомъ изученiи психическихъ явленiй, какъ и при изученiи явленiй природы, открывается возможность устанавливать

причинную связь явленій. Это будетъ изученіемъ при помощи эксперимента. Если я, напримѣръ, хочу опредѣлить роль внушенія, то могу это сдѣлать, если искусственно вызову это явленіе и стану измѣнять условія, при которыхъ происходитъ внушеніе.

Спрашивается, есть ли коренное различіе между экспериментальнымъ изслѣдованіемъ и изслѣдованіемъ при помощи простого самонаблюденія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ станетъ совершенно яснымъ, если мы дифференцируемъ понятіе эксперимента.

Понятіе эксперимента можно употреблять въ *двухъ* различныхъ значеніяхъ. Съ одной стороны, оно можетъ быть тождественнымъ съ наблюденіемъ явленія, произвольно нами вызываемаго или произвольно нами создаемаго. Это будетъ тотъ случай, когда мы изучаемъ какое-либо явленіе, вызывая его по собственному произволу. Существеннымъ для этого эксперимента является то, что мы создаемъ явленіе, что мы его вызываемъ искусственно. Это будетъ экспериментъ въ *широкомъ* смыслѣ слова.

Но экспериментъ можно понимать и въ другомъ смыслѣ, именно какъ изученіе явленій при *условіяхъ*, которыя могутъ быть *видоизмѣняемы*. Это будетъ экспериментъ въ *узкомъ* смыслѣ слова, когда мы, напримѣръ, измѣняя тѣ или другія фیزیологическія условія, измѣняемъ связанные съ ними психическіе процессы. Существеннымъ для этого вида эксперимента является то, что въ немъ могутъ быть видоизмѣняемы условія, при которыхъ совершается изучаемое явленіе. Всѣ виды экспериментальнаго изслѣдованія въ психологіи могутъ быть подведены подъ эти два основныхъ типа, и оба они примѣняются въ современной психологіи.

Но спрашивается, примѣнялись ли въ прежней психологіи эти два способа изслѣдованія, или же они были совершенно чужды прежней психологіи, психологіи самонаблюденія и составляютъ достояніе только современной психологіи? Я думаю, что и въ прежней психологіи примѣнялся какъ тотъ, такъ и другой видъ эксперимента. Что первый видъ экс-

перимента можетъ быть примѣняемъ—это совершенно ясно. Мы можемъ *вызывать* искусственно, по собственному произволу, то или другое душевное состояніе, представленіе, чувство. Для того, чтобы убѣдиться, что между прежней психологіей и современною никакой существенной разницы нѣтъ, мы рассмотримъ какое-нибудь изслѣдованіе при помощи эксперимента, какъ онъ примѣняется въ современной психологіи, т.-е. при помощи внѣшняго воздѣйствія и какъ онъ могъ примѣняться въ прежней психологіи.

Положимъ, что современный психологъ въ психологической лабораторіи хочетъ изучить природу сужденія. Какъ онъ долженъ будетъ поступить для этого? Это онъ станетъ дѣлать приблизительно слѣдующимъ образомъ. Онъ ставитъ различные вопросы, на которые испытуемый субъектъ долженъ дать отвѣтъ. Давая отвѣтъ въ формѣ сужденія, онъ переживаетъ сужденіе и затѣмъ, описывая этотъ процессъ, онъ доставляетъ матеріаль, на основаніи котораго мы дѣлаемъ предположенія относительно природы сужденія. Что въ такого рода изслѣдованіи мы имѣемъ дѣло съ изслѣдованіемъ, имѣющимъ экспериментальный характеръ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Изученію подвергается искусственно вызываемое явленіе ¹⁾.

Но что дѣлалъ прежній психологъ, когда ему нужно было высказать свой взглядъ на природу сужденія и когда онъ дѣлалъ изслѣдованіе только лишь при помощи самонаблюденія? Онъ точно такимъ же образомъ ставилъ себѣ вопросъ, отвѣчалъ на него въ формѣ сужденія, а затѣмъ старался на самомъ себѣ прослѣдить свои переживанія. Повторяя многократно это явленіе, онъ описывалъ затѣмъ свои переживанія и дѣлалъ заключенія относительно изучаемаго процесса. Есть ли какая-либо существенная разница между тѣмъ, что дѣлалъ прежній психологъ, и тѣмъ, что дѣлаетъ психологъ, изучающій при помощи эксперимента? Мнѣ кажется, нѣтъ.

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе см. статью: „Объ экспериментальномъ изслѣдованіи высшихъ умственныхъ процессовъ“. Вопросы философіи кн. 96.

Но можно утверждать, что въ самонаблюденіи можетъ быть примѣняемъ и второй видъ эксперимента, т.-е. мы можемъ *вызывать* тѣ или другія состоянія, которыя мы и *измѣняемъ* по собственному произволу. Въ самомъ дѣлѣ, вызвавъ въ себѣ какое-нибудь состояніе, напримѣръ, какое-либо представленіе, я всегда могу что-нибудь къ нему прибавить, что-нибудь отъ него отнять. Всѣ такія видоизмѣненія я могу производить въ моемъ внутреннемъ опытѣ и, что самое существенное, безъ какого-либо *воздѣйствія извнѣ*, безъ примѣненія какихъ бы то ни было приборовъ и т. п.; напримѣръ, я вызываю какое-нибудь представленіе съ извѣстною интенсивностью; я могу эту интенсивность ослабить, усилить; могу что-либо присоединить, что-либо отнять, какой-нибудь звукъ я могу мыслить безъ интенсивности и т. п. Словомъ, я могу измѣнять то или иное переживаемое мною психическое состояніе. Возможность произвольнаго видоизмѣненія содержанія нашей духовной дѣятельности ясно показываетъ, что и въ прежней психологіи, въ психологіи такъ называемаго самонаблюденія примѣнялся „экспериментъ“. Какой бы фактъ ни описывалъ психологъ, утверждая, что онъ занимается просто самонаблюденіемъ, на самомъ дѣлѣ вѣдь онъ не описываетъ его на основаніи единичнаго переживанія. Онъ рассматриваетъ описываемый фактъ при различныхъ условіяхъ, а это связано съ примѣненіемъ эксперимента, который можно было бы назвать *внутреннимъ экспериментомъ* въ отличіе отъ *внѣшняго эксперимента*, который по преимуществу примѣняется въ современной экспериментальной психологіи. Различіе между внутреннимъ и внѣшнимъ экспериментомъ сводится къ тому, что во второмъ мы производимъ *видоизмѣненіе психическихъ состояній при помощи внѣшняго воздѣйствія*.

Но получается ли отъ этого какое-либо существенное видоизмѣненіе? Мнѣ кажется, что принципиальной разницы между этими двумя способами изслѣдованія нѣтъ, хотя, разумѣется, едва ли кто-нибудь станетъ оспаривать, что на сторонѣ эксперимента при помощи внѣшняго воздѣйствія есть огромныя преимущества.

Несомнѣнно, что въ экспериментѣ при помощи внѣшняго воздѣйствія мы получаемъ результаты наиболѣе точные и что въ немъ мы имѣемъ наиболѣе совершенную форму психологическаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе между изслѣдованіемъ при помощи эксперимента и между изслѣдованіемъ при помощи самонаблюденія разниа только по *количеству, по степени*. То, что въ процессѣ самонаблюденія изслѣдуется на одномъ лицѣ, то здѣсь можно изслѣдовать на множествѣ лицъ. То, что тамъ изучается на сравнительно немногихъ случаяхъ, здѣсь можетъ изучаться на безгранично большемъ числѣ случаевъ. Вслѣдствіе того, что благодаря внѣшнему эксперименту устраняются ошибки, зависящія отъ индивидуальныхъ особенностей, результаты, получаемые въ настоящее время при помощи экспериментовъ, дѣлаются безспорно точными, несравненно болѣе точными, чѣмъ получавшіеся прежде. Поэтому имъ нужно отдать предпочтеніе передъ прежнимъ способомъ изслѣдованія.

Но получается ли что-либо *принципіально новое* въ этомъ способѣ изслѣдованія? Я рѣшительно утверждаю, что нѣтъ. И прежняя психологія постоянно примѣняла экспериментъ, и только *систематическое и планомерное* примѣненіе эксперимента составляетъ достояніе новѣйшей психологіи.

Что новѣйшая экспериментальная психологія не привноситъ чего-либо принципіально новаго, можно показать при помощи слѣдующихъ соображеній. Прежній психологъ пользовался самонаблюденіемъ. Психологъ, производящій экспериментъ, не устраняетъ самонаблюденія, а только, такъ сказать, расширяетъ его. Онъ, благодаря эксперименту, увеличиваетъ *количество* собираемыхъ имъ фактовъ, самые факты онъ элиминируетъ отъ случайностей. Онъ, такъ сказать, *улучшаетъ* изучаемые факты. Но вѣдь и въ экспериментальномъ изслѣдованіи расширяется и увеличивается то же самое самонаблюденіе, которое являлось основой прежней психологіи. Экспериментальный методъ изслѣдованія *предполагаетъ* методъ самонаблюденія: нельзя изслѣдовать какія-либо психическія явленія безъ того, чтобы не прибѣгать

къ самонаблюденію. Вѣдь если испытуемый субъектъ даетъ показанія относительно тѣхъ или иныхъ переживаній, то всѣ эти показанія суть показанія на основаніи самонаблюденія. Ясно, что безъ самонаблюденія нельзя произвести никакого психологическаго эксперимента. Самонаблюденіе совсѣмъ не исключается экспериментальнымъ методомъ изслѣдованія. Если къ этому прибавить, что психологи, занимающіеся экспериментальными изслѣдованіями, совѣтуютъ обращать вниманіе на особенности въ самонаблюденіи испытуемыхъ при производствѣ эксперимента, они подробно опрашиваютъ испытуемыхъ лицъ относительно ихъ переживаній, то это является дополнительнымъ доказательствомъ въ пользу важности самонаблюденія.

Нельзя говорить объ исключеніи самонаблюденія экспериментальнымъ способомъ наблюденія еще по той причинѣ, что вѣдь *не всѣ же явленія психическія могутъ быть изучаемы экспериментально*. Какъ же быть съ тѣми явленіями? Вѣдь по отношенію къ нимъ мы поставлены въ безвыходное положеніе—или совсѣмъ ихъ не изучать, или изучать по прежнему способу т.-е. при помощи самонаблюденія. Такъ какъ остается только этотъ послѣдній путь, то ясно, что изслѣдованіе при помощи простого самонаблюденія не исключается введеніемъ экспериментальнаго способа изслѣдованія.

Если въ послѣднее время принято говорить о возможности и желательности *объективнаго изученія психическихъ явленій*, то этотъ терминъ объективнаго изученія нужно понимать въ очень условномъ смыслѣ. Нельзя понятіе объективнаго изученія примѣнять къ психологіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно примѣняется въ физическихъ наукахъ. Нельзя психическія явленія изучать объективно такъ, какъ изучаются, напримѣръ, явленія кровообращенія, дыханія и т. п. Можно вполне согласиться съ предположеніемъ, что, изучая объективныя проявленія психическихъ явленій, физическіе симптомы психическихъ явленій, изъ ихъ взаимнаго соотношенія мы получаемъ возможность дѣлать за-

ключенія относительно природы психическихъ явленій; но вѣдь совершенно ясно, что, такъ сказать, позади физическихъ выраженій мы предполагаемъ *психическія* явленія, потому что вѣдь мы о нихъ и говоримъ, хотя они, можетъ быть, въ данномъ случаѣ недоступны для нашего сознанія. Если мы говоримъ на основаніи объективнаго наблюденія относительно природы психическихъ явленій, то совершенно ясно, что *мы говоримъ о нихъ въ терминахъ нашего самонаблюденія*. Такимъ образомъ, если изученіе взаимоотношеній физическихъ симптомовъ открываетъ намъ отношенія между психическими явленіями, которыя не доступны для нашего самонаблюденія, то такое изученіе не будетъ объективной психологіей, потому что въ концѣ концовъ мы открываемъ связи между психическими явленіями, которыя извѣстны намъ изъ нашего *самонаблюденія*. Весьма часто говорятъ, что мы должны допустить существованіе такъ называемыхъ бессознательныхъ явленій, не доступныхъ намъ изъ нашего самонаблюденія, что въ этомъ смыслѣ они имѣютъ, такъ сказать, физиологическій, объективный характеръ. Но относительно понятія бессознательнаго я долженъ сдѣлать слѣдующія два замѣчанія. Вообще, бессознательныя явленія суть тоже явленія психическія, потому что, на мой взглядъ, понятіе психическаго шире понятія сознательнаго, а во-вторыхъ, о дѣйствительномъ характерѣ бессознательнаго мы знаемъ по преимуществу изъ нашего самонаблюденія; мы умозаключаемъ о нихъ въ томъ случаѣ, когда мы не можемъ объяснить изъ самонаблюденія возникновенія тѣхъ или иныхъ психическихъ процессовъ.

Такимъ образомъ ясно, что *нельзя самонаблюденія устранить изъ психологіи*. Оно *всегда лежитъ въ основѣ и экспериментальной, и такъ называемаго объективнаго изученія психическихъ явленій*.

Если въ настоящее время выдвигаютъ на первый планъ экспериментальную психологію, то есть опасность, что это будетъ понято въ томъ смыслѣ, что всѣ другіе методы

изслѣдованія имѣють второстепенное значеніе; но это едва ли будетъ справедливо по отношенію, напримѣръ, къ такъ называемому *генетическому* методу психологіи. Можетъ ли онъ быть устраненъ изъ психологіи, долженъ ли онъ уступить мѣсто экспериментальной психологіи? Я думаю, что этого отнюдь нельзя утверждать. Въдѣ сюда относятся такія области, какъ психологія животныхъ, какъ психологія ребенка и такая важная отрасль, какъ *соціальная психологія*, такъ называемая „*Völkerpsychologie*“ т.-е. психологія, занимающаяся изученіемъ тѣхъ проявленій духовной жизни, которыя являются продуктомъ соціальнаго общенія, какъ напримѣръ, развитіе моральнаго чувства, миѣы, развитіе рѣчи, развитіе искусства и т. п. Изученіе этихъ явленій важно не только само по себѣ, но и для общей психологіи, потому что законы, найденные въ каждой изъ этихъ областей, важны не только въ томъ отношеніи, что мы узнаемъ, какъ шло развитіе моральнаго чувства въ чело-вѣчествѣ, но мы въ этомъ находимъ матеріаль для выясненія развитія общихъ законовъ психической жизни. Этотъ видъ психологическаго изслѣдованія уже принесъ свои плоды. Между тѣмъ, когда рѣчь идетъ о содержаніи и задачахъ современной психологіи, то этотъ видъ изслѣдованія какъ бы отодвигается на задній планъ по сравненію съ экспериментальной психологіей, что нужно считать несправедливымъ, потому что по плодотворности результатовъ генетическая психологія стоитъ не ниже экспериментальной.

Сторонники исключительно экспериментальной психологіи должны, конечно, отрицать все то, что было въ прежней психологіи, другими словами, все то, что не имѣетъ экспериментальнаго характера, и прежде всего должны отрицать значеніе всѣхъ тѣхъ психологическихъ *теорій*, которыя возникаютъ независимо отъ эксперимента. Всѣ такія теоріи принято осуждать, какъ философскія или даже какъ метафизическія. Мнѣ кажется, что пренебрежительное отношеніе именно къ этимъ теоріямъ является серьезнымъ

препятствіемъ для развитія психологіи. Я не стану разсматривать, откуда берутся эти теоріи. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣчу только, что я говорю о тѣхъ теоріяхъ, которыя *не* получены экспериментальнымъ путемъ. Теоріи, какъ извѣстно, противопоставляются фактамъ и эти послѣдніе въ глазахъ многихъ имѣютъ большее научное значеніе, чѣмъ какіе бы то ни было теоріи. Но важное значеніе теорій должно быть тотчасъ признано, какъ только мы примемъ во вниманіе, что всякая наука состоитъ не только изъ фактовъ, но равнымъ образомъ и изъ теорій, которыя создаются часто независимо отъ фактовъ. Онѣ часто представляютъ собою такъ наз. гипотезы, предположенія. Это предположенія, которыя не покрываются извѣстными намъ фактами, которыя именно потому и создаются, что для нихъ нѣтъ соотвѣствующихъ фактовъ. Но теоріи эти таковы, что изъ нихъ часто могутъ быть сдѣланы весьма важные выводы. Такъ обстоитъ дѣло во всѣхъ наукахъ, такъ обстоитъ дѣло и въ психологіи. Эту часть психологіи я назвалъ бы *теоретической* психологіей или еще правильнѣе *дедуктивной* психологіей. Всѣ вопросы, касающіеся общихъ свойствъ сознанія: вниманія, апперцепціи, воли и т. п., опредѣленій сознательнаго и безсознательнаго и т. п. рѣшаются въ области именно теоретической психологіи.

Но какъ слѣдуетъ отнестись къ этой части психологіи, слѣдуетъ ли ее сохранить, или, какъ не добытую экспериментальнымъ путемъ, слѣдовательно, какъ мало точную, отбросить. Я думаю, что эту часть психологіи не только нельзя отбрасывать, какъ отжившую, какъ устарѣлую, а напротивъ, это есть *та часть психологіи, безъ которой не могутъ существовать никакія вообще психологическія изслѣдованія, въ томъ числѣ и экспериментальныя.*

Самыя простыя соображенія методологическаго характера могутъ намъ показать, что постановкѣ всякаго эксперимента всегда предшествуетъ постановка проблемы, теоріи. Если бы у насъ предварительно не существовали какія-либо теоріи, то у насъ не могло бы быть основаній про-

извести этотъ, а не другой какой-либо экспериментъ. Поэтому безъ теоретической части психологіи такъ называемая экспериментальная психологія превратилась бы въ бессмысленное собираніе фактовъ, ни для чего ненужныхъ. Въдѣ факты собираются для того, чтобы подтвердить или опровергнуть какую-либо теорію. Теоріи же создаются далеко не всегда изъ обобщенія фактовъ, а весьма часто путемъ *дедуктивнымъ*.

Итакъ, въ психологіи теоретическая или дедуктивная часть является чрезвычайно важной: *безъ нея невозможна экспериментальная психологія*. Конечно, это утвержденіе очень многимъ покажется совершенно неожиданнымъ. Многимъ можетъ показаться, что это утвержденіе имѣетъ въ свою очередь только теоретическій характеръ и въ качествѣ такового неубѣдительно. Но стоитъ обратиться къ современному состоянію научной психологіи въ Германіи въ связи съ развитіемъ экспериментальной психологіи для того, чтобы убѣдиться въ справедливости защищаемаго мною положенія.

Состояніе психологіи въ Германіи самымъ явственнымъ образомъ показываетъ, что въ *психологіи теоретическая часть имѣетъ огромное значеніе*. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите въ руки „Очерки психологіи“ Вундта, одного изъ самыхъ видныхъ представителей современной экспериментальной психологіи, и рассмотрите, что представляютъ его разсужденія относительно апперцепціи, ассоціаціи, актуальности и т. п. Есть ли это продуктъ экспериментальнаго изслѣдованія или просто теоріи? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что просто теоріи. Если Вундтъ, всю свою жизнь посвятившій созиданію экспериментальной психологіи, не отвергаетъ теорій, то я думаю, что мы можемъ пойти по его слѣдамъ. Рассмотрите „*Toppsychologie*“ Штумпфа и вы увидите, что наряду съ экспериментами идутъ очень тонкія разсужденія теоретическаго характера. Въ настоящее время въ Германіи тѣ ученые, которые занимаются экспериментально-психологическими изслѣдованіями, считаются

съ существующими спорными теоріями. Въ числѣ чистыхъ теоретиковъ въ Германіи я могъ бы назвать въ послѣднее время Гуссерля и Липпса. Тѣмъ не менѣе ихъ взгляды и теоріи не оставляются безъ вниманія экспериментаторами: экспериментальныя изслѣдованія послѣдняго времени весьма часто приводятся въ связь съ ихъ теоріями: ихъ теоріи являются поводомъ для экспериментальнаго изслѣдованія. Напримѣръ, въ школѣ Кюльпе въ Вюрцбургѣ. Виртъ, помощникъ Вундта въ завѣдываніи Лейпцигскимъ институтомъ экспериментальной психологіи, выпуская свою книгу „О явленіяхъ сознанія“, представляющую сплошь продуктъ экспериментальныхъ изслѣдованій, признается, какъ многимъ онъ обязанъ взглядамъ Липпса ¹⁾ А что представляютъ собою выдающіяся теченія въ современной нѣмецкой психологіи—appercepціонная психологія, такъ удачно вытѣсняющая ассоціативную психологію и такъ называемая „функциональная“ психологія, выводы которой имѣютъ такую важность не только для психологіи, но и для фізіологіи—именно для теоріи мозговой локализаци; представляютъ ли они собою продуктъ теоріи или продуктъ экспериментальнаго изслѣдованія? Мнѣ кажется, на этотъ вопросъ можно отвѣтить безъ всякихъ колебаній, что они представляютъ продуктъ теоріи.

Да и самое устройство и веденіе психологическихъ институтовъ въ Германіи показываетъ, какъ тамъ смотрятъ на связь теоретической психологіи съ психологіей экспериментальной. Работы психологическихъ институтовъ приводятся въ связь съ работами философскихъ семинарій. Это знакъ того, какую важность придаютъ тамъ руководители институтовъ философскому образованію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и теоретической психологіи. Укажу, напримѣръ, на институтъ Мейнонга въ Грацѣ, Марбе во Франкфуртѣ, Кюльпе въ Вюрцбургѣ. Результаты такой совмѣстной работы называются въ томъ, что изслѣдованія молодыхъ психологовъ

¹⁾ См. его *Die experimentelle Analyse der Bewusstseinsphenomene* 1908. Vorwort стр. VII.

по экспериментальной психологіи въ Германіи обнаруживаютъ солидное теоретическое образованіе.

Есть въ настоящее время направленіе психологіи, которое называется *описательнымъ* или *феноменологическимъ*. Его отличительной чертой является то, что оно ставитъ своей цѣлью описаніе тѣхъ или иныхъ психическихъ процессовъ. Такова, на примѣръ, психологія Липпса, Гуссерля, Мейнонга. Ихъ описанія не представляютъ экспериментальнаго изслѣдованія, а изслѣдованіе при помощи самонаблюденія. Здѣсь изслѣдуются вопросы о психологической природѣ понятій, процесса абстракціи, сужденія, неконкретнаго мышленія и т. п. Это все такіе вопросы, относительно которыхъ даже съ трудомъ можно утверждать, что они могутъ изслѣдоваться экспериментальнымъ путемъ. Въ послѣднее время эти вопросы изслѣдуются экспериментально въ психологическомъ институтѣ вюрцбургскаго профессора Кюльпе. Теоріи указанныхъ писателей частью подтвердились. Этотъ примѣръ очень ясно показываетъ, что теоріи были предложены раньше, чѣмъ приступили къ экспериментальному изслѣдованію, которое въ значительной мѣрѣ подтвердило ихъ.

Многимъ кажется, что *постановка экспериментовъ происходитъ независимо отъ теорій*. Блестящимъ опроверженіемъ этого является настоящій основатель экспериментальной психологіи—Фехнеръ. Какъ извѣстно, онъ впервые блистательно приложилъ числовые данныя къ анализу душевныхъ явленій, первый выработалъ методы экспериментальнаго изслѣдованія. Спрашивается, чѣмъ же онъ руководился при своемъ изслѣдованіи? Многіе думаютъ, что онъ, физикъ, просто задался цѣлью перенести на изслѣдованіе душевныхъ явленій тѣ методы, которыми онъ пользовался при изслѣдованіяхъ физическихъ. Можно утверждать, что въ дѣйствительности было не такъ. Онъ пришелъ къ открытію экспериментальныхъ методовъ, руководимый теоретическимъ интересомъ. Онъ хотѣлъ именно опредѣлить взаимоотношеніе между душой и тѣломъ. Въ поискахъ за рѣшеніемъ этого вопроса

онъ и пришелъ къ примѣненію экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія психическихъ явленій.

Замѣтимъ дальше, что если употреблять строго научную терминологию, то нужно будетъ признать, что собственно экспериментальной *психологии* не существуетъ, есть только экспериментальные *методы* изслѣдованія. Экспериментальная психологія была бы особой психологіей только въ томъ случаѣ, если бы она имѣла свое особое *содержаніе*; на самомъ же дѣлѣ она своего содержанія не имѣетъ. Она изслѣдуетъ тѣ самые вопросы, которые рѣшала и прежняя психологія безъ помощи эксперимента, но при помощи простого наблюденія. Здѣсь разница только въ *методахъ*, но не въ *содержаніи*. Вслѣдствіе этого никакъ нельзя сказать, что есть особая экспериментальная психологія. Въ настоящее время все содержаніе ея входитъ въ составъ психологии просто. Въ самомъ дѣлѣ, почему какое-либо положеніе, которое доказано экспериментально, напримѣръ, относительно ассоціаціи, вниманія и т. п., должно входить въ составъ именно экспериментальной психологии, а не психологии просто. Въдѣ и въ прежней психологии трактуется объ ассоціаціи, о вниманіи съ той самой точки зрѣнія, которая можетъ интересовать психолога-экспериментатора.

Положеніе экспериментальной психологии таково, что, хотя она прибавила нѣчто *новое, нѣкоторое безспорное усовершенствованіе*, но она ничего изъ прежней психологии не отвергла. Она ничего не исключаетъ изъ того, что было въ прежней психологии, и потому тѣ, которые говорятъ, что теперь есть только экспериментальная психологія или, по крайней мѣрѣ, должна существовать только экспериментальная психологія, потому что она болѣе совершенная, уподобляются тому человѣку, который сказалъ бы, что онъ въ настоящее время совсѣмъ не хочетъ пользоваться способомъ передвиженія при помощи хожденія, потому что существуетъ способъ усовершенствованнаго передвиженія при помощи воздухоплаванія. Вѣрно то, что передвиженіе при помощи аэроплановъ представляетъ болѣе усовершенствованный спо-

собъ передвиженія, но вѣдь онъ совершенно не устраняетъ способа передвиженія при помощи хожденія. По самой своей природѣ человѣкъ навѣрное никогда не будетъ въ состояніи отказаться отъ хожденія. При чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ передвиженіе при помощи аэроплановъ является совершенно непримѣнимымъ въ то время, какъ хожденіе вполне примѣнимо. Совершенно такимъ же образомъ обстоитъ и въ психологіи: въ ней есть проблемы, по отношенію къ которымъ экспериментъ совершенно не примѣняется.

Итакъ, экспериментальный способъ изслѣдованія ничего не отвергаетъ изъ прежней психологіи; онъ только самъ прибавляетъ нѣчто *новое, болѣе совершенное*, но вѣдь *прибавленіе чего-либо новаго вовсе не предполагаетъ, что все прежнее устраняется*. Если кто въ этомъ согласенъ со мной, то онъ согласится также и въ томъ, что противопоставленіе экспериментальной психологіи прежней психологіи, будто бы метафизической, ни на чемъ не основано.

Надо покончить съ противопоставленіемъ психологіи экспериментальной психологіи теоретической. Многимъ кажется, что если признать законность экспериментальной психологіи, то это значитъ отрицать теоретическую и, наоборотъ, если кто-либо настаиваетъ на важности теоретической, то это значитъ, что онъ отрицаетъ экспериментъ. Самое правильное признать, что одно не исключаетъ другого. Если кромѣ того признать, что психологическія теоріи не только не являются лишними, а напротивъ, необходимы, ибо безъ теоретической психологіи невозможна экспериментальная психологія, то сдѣлается яснымъ, что нѣтъ двухъ психологій, есть только одна психологія, въ составъ которой входятъ вопросы, изслѣдуемые при помощи экспериментальныхъ методовъ.

Для того, чтобы видѣть, что предлагаемая мною поправка въ общепринятой формулѣ имѣетъ *практическое значеніе*, я постараюсь сдѣлать изъ нея выводы именно примѣнительно къ учебному дѣлу.

Прежде всего съ этой точки зрѣнія совершенно ясно, какъ мы должны оцѣнивать *значеніе экспериментальной психологии*. Какъ извѣстно, еще недавно многіе очень скептически относились къ экспериментальной психологіи, но успѣхи ея за послѣднюю четверть столѣтія показали огромную плодотворность употребляемыхъ ею методовъ изслѣдованія. Рѣшены многія проблемы, которыя прежде совсѣмъ не поддавались рѣшенію. Тѣ факты, которые обнаружилились благодаря экспериментальнымъ методамъ изслѣдованія, выдвинули новыя проблемы. Къ изслѣдованію многихъ проблемъ примѣнены экспериментальные методы изслѣдованія, которые, хотя не дали еще прочныхъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе обѣщаютъ въ будущемъ быть очень плодотворными. Сфера приложенія экспериментальныхъ методовъ все больше и больше расширяется, такъ что со временемъ, можно надѣяться, очень многія проблемы, которыя въ настоящее время не поддаются рѣшенію, будутъ разрѣшены. Въ настоящее время такъ много психологическихъ проблемъ изучается при помощи экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія, что разработка многихъ отдѣловъ психологіи невозможна безъ примѣненія экспериментальныхъ методовъ.

Такое значеніе экспериментальной психологіи обязываетъ стремиться къ тому, чтобы у насъ въ Россіи изученіе экспериментальныхъ методовъ и примѣненіе ихъ распространялось все больше и больше. Желательно, чтобы во всѣхъ русскихъ университетахъ и во всѣхъ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ для этого имѣются подходящіе руководители, были учреждены институты экспериментальной психологіи. Очень желательно также, чтобы въ ближайшее время всѣ кафедры психологіи у насъ въ Россіи были заняты преподавателями, знакомыми съ экспериментально-психологической техникой. Но съ другой стороны я думаю, что въ настоящее время *интересъ къ экспериментальной психологіи совершенно напрасно заслоняетъ собою всѣ другіе виды изслѣдованія*. По моему мнѣнію, другія отрасли психологіи, напримѣръ,

генетическая психологія, должны составлять предметъ такой же заботливости, какъ и развитіе экспериментальной психологіи. Въ особенности я позволю себѣ обратить вниманіе на теоретическую психологію, безъ которой экспериментальная психологія можетъ выродиться въ просто ремесленную технику. Будутъ производить эксперименты по какому-нибудь принятому шаблону, подобно тому, какъ этимъ вообще можетъ заниматься ремесленникъ. Вѣдь простой работникъ знаетъ, какъ что-либо дѣлается, но не знаетъ, почему такъ дѣлается. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли производить какіе-либо эксперименты, напримѣръ, относительно ассоціацій, если у насъ нѣтъ какой-либо собственной классификаціи ассоціацій? Можно ли произвести какіе-либо эксперименты относительно вниманія, если у насъ нѣтъ какой-либо предварительно построенной теоріи вниманія?

Мнѣ кажется, поэтому, что теоретическую психологію нужно поставить на должное мѣсто. При постановкѣ преподаванія психологіи въ высшей школѣ слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы теоретическое образованіе *предшествовало* изученію и примѣненію экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія, потому что, какъ я только что указалъ, безъ основательной теоретической подготовки нельзя производить какихъ бы то ни было экспериментовъ. Если такъ называемая экспериментальная психологія составляетъ только часть психологіи просто, то не слѣдуетъ стремиться къ изученію ея одной, а слѣдуетъ изучать психологію вообще. Если изученіе теоретической психологіи представляется такимъ важнымъ, то ясно, что не слѣдуетъ предъявлять требованія, чтобы, напримѣръ, въ средней школѣ изучалась только экспериментальная психологія, потому что ограничивая даже изученіе психологіи той частью, гдѣ не примѣняются экспериментальные методы изслѣдованія, мы будемъ имѣть вполне достаточно важнаго матеріала для изученія.

Таковы выводы по отношенію къ научной разработкѣ психологіи и къ постановкѣ ея въ высшей и средней школѣ.

Но этимъ не исчерпываются тѣ практическіе выводы, которые можно сдѣлать изъ указаннаго мною положенія. Если признать неразрывную связь экспериментальной психологіи съ теоретической, то сдѣлается яснымъ, что нельзя заводить *лабораторій* тамъ, гдѣ нѣтъ опытныхъ руководителей, потому что, не говоря уже о сложности самихъ психологическихъ экспериментовъ, отсутствіе достаточной теоретической подготовки сдѣлаетъ работу безплодной ¹⁾.

1) Я говорю о *лабораторіяхъ* для самостоятельныхъ изслѣдованій, а не о *Психологическихъ кабинетахъ*, представляющихъ коллекцію приборовъ для демонстрацій. Цѣлесообразность этихъ послѣднихъ я вполне признаю и даже самъ въ настоящее время занятъ составленіемъ такой коллекціи для гимназій, но я рѣшительно протестую противъ предоставленія людямъ недостаточно подготовленнымъ психологическихъ *лабораторій* для *самостоятельныхъ изслѣдованій*.

Въ подтвержденіе своевременности поднятаго мною вопроса могу сослаться на то, что на Международномъ Психологическомъ Конгрессѣ, происходившемъ въ Женевѣ, въ іюлѣ текущаго года, по поводу экспериментальной психологіи высказывались тѣ же взгляды, которые защищаю и я (см. отчетъ о конгрессѣ въ настоящемъ №). Могу сослаться также на то, что послѣ прочтенія моего доклада появилась статья Вундта „О чистой и прикладной психологіи“ (*Psychologische Studien V. Band, I. und 2. Heft. 1909*), въ которой онъ совершенно такимъ же образомъ оцѣниваетъ значеніе современной экспериментальной дидактики и отношеніе теоретической психологіи къ прикладной, какъ это дѣлаю и я. Вотъ, напр., что онъ говоритъ о практическомъ значеніи экспериментальной дидактики: „Каждый опытный педагогъ согласится съ тѣмъ, что для общихъ задачъ воспитанія и обученія *всестороннее психологическое образованіе* несравненно плодотворнѣе, чѣмъ собираніе отдѣльныхъ техническихъ опытовъ на основаніи собственныхъ или чужихъ экспериментовъ“. Статья его, вызванная, повидимому, желаніемъ высказаться по поводу того направленія, которое защищается въ „Экспериментальной дидактикѣ“ проф. Меймана, заканчивается слѣд. резюме: „Поспѣшное стремленіе къ практическому примѣненію приводитъ къ такимъ понятіямъ, въ которыхъ повторяется точка зрѣнія психологіи способностей. Шаблонное примѣненіе понятій способностей заставляетъ отступать на задній планъ описаніе и экспериментальный анализъ психическихъ процессовъ... Гдѣ современная психологія изъ черезчуръ ревностнаго стремленія служить практикѣ превращается въ технику заучиванія наизусть (*eine rückständige Memoriertechnik*), въ ученіе объ образованіи характера, тамъ на эти практическія слѣдствія можно смотрѣть какъ на вѣрный знакъ того, что они и въ теоріи находятся на ложномъ пути. Если такой изслѣдователь, какъ Мейманъ, который въ своихъ прежнихъ работахъ представилъ блестящіе образцы своей способности анализа психологическихъ проблемъ, вслѣдствіе слишкомъ продолжительнаго

Нельзя, далѣе, поручать собираніе психологическаго матеріала лицамъ неопытнымъ, потому что это легко можетъ привести къ собиранію никому ненужнаго матеріала и къ напрасной потерѣ времени. Такого рода собираніе матеріала должно быть предоставлено только лицамъ съ серьезной научно-психологической подготовкой ¹⁾.

Если кто-нибудь подумалъ, что я сколько-нибудь хотѣлъ умалить значеніе экспериментальной психологіи, тотъ со-

или даже исключительнаго занятія методами обученія и подобными практическими вопросами, попалъ на такой сомнительный путь (*auf solche bedenkliche Wege gerathen ist*), то чего же въ такомъ случаѣ ожидать отъ экспериментальныхъ педагоговъ, которые безъ такой подготовки (*Vorbereitung*)...хотятъ сформировать воспитаніе и обученіе? Имъ нужно только посоветовать, чтобы они сдѣлались прежде всего всесторонне образованными, а не односторонне ориентированными психологами и затѣмъ приступать къ вопросу, какъ слѣдуетъ ставить новыя задачи въ педагогикѣ.“ Послѣднія слова Вундта какъ будто бы обращаетъ къ русскимъ экспериментальнымъ педагогамъ.

Приводя послѣднія слова Вундта, я позволилъ бы себѣ выразить надежду, что, можетъ быть, они окажутся достаточнымъ предостереженіемъ для руководителей С.-Петербургской Психологической Лабораторіи въ ихъ чрезвычайномъ стремленіи распространять лабораторіи по экспериментальной дидактикѣ среди русскихъ педагоговъ. Если моимъ предостереженіямъ они не придавали никакой цѣны, то авторитетъ Вундта въ ихъ глазахъ долженъ имѣть безспорное значеніе. Въдѣ не даромъ же они прилагаютъ усилія къ тому, чтобы сочиненіе Вундта „Физиологическая психологія“ сдѣлалось доступнымъ для русскаго читателя.

Въ качествѣ образчика того, какъ въ Германіи смотрятъ на психологическія лабораторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, я приведу выдержку изъ только что вышедшаго номера *Zeitschrift für angewandte Psychologie* (1909. Н. 1. und 2, стр. 115), журнала, посвященнаго прикладной психологіи: „Устройство маленькихъ психологическихъ лабораторій въ разныхъ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ отсутствуетъ надзоръ специалиста (*wo die fachliche Aufsicht fehlt*) и гдѣ кажущаяся точность аппаратовъ и кривыхъ можетъ сдѣлаться предметомъ злоупотребленія, было бы настоящимъ несчастіемъ“ (*geradezu ein Unglück*). Очевидно, въ Германіи ясно сознается опасность такихъ лабораторій, распространеніе которыхъ Петербургская лабораторія ставитъ себѣ въ заслугу.

¹⁾ При чтеніи доклада я называлъ такого рода матеріалъ „экспериментальнымъ хламомъ“ и думаю, что это названіе совершенно справедливо. Если экспериментально-психологическими изслѣдованіями занимаются для упражненія, то это можно вполне одобрить, но если неопытные люди думаютъ, что собранный ими матеріалъ можетъ имѣть научное значеніе, то они занимаются собираніемъ „экспериментальнаго хлама“.

вершенно неправильно меня понялъ. Ничего подобного у меня въ намѣреніяхъ не было; я думалъ только о томъ, чтобы удержать ее отъ вырожденія, чтобы она не сдѣлалась псевдонаукой. Предлагая приводить изученіе экспериментальной психологіи въ связь съ теоретической, я исхожу изъ убѣжденія, что такимъ образомъ можно *уилубить* экспериментальныя изслѣдованія и сдѣлать ихъ болѣе серьезными. Я думаю не объ устраненіи экспериментальной психологіи, а *объ основательности ея разработки*. Я не думаю утверждать, что цѣнность экспериментальной психологіи ниже цѣнности теоретической; я хочу только предостеречь отъ опасныхъ послѣдствій пренебреженія теоретической психологіей. Я боюсь того плодящагося *дилеттантизма* въ психологіи, когда очень многіе думаютъ, что въ психологіи можно производить изслѣдованія или собирать факты съ такой же легкостью, съ какой дѣти собираютъ гербарій или коллекцію насѣкомыхъ ¹⁾. Собранная коллекція насѣко-

¹⁾ Эти слова мои подтвердились полностью. Во время преній выяснилось, что нѣкоторые преподаватели психологіи, устроившіе у себя психологическія лабораторіи, занялись изслѣдованіемъ умственныхъ способностей учащихся при помощи тѣхъ психологическихъ приборовъ, которые у нихъ имѣлись въ распоряженіи (измѣреніемъ времени реакціи, изслѣдованіями при помощи тахистоскопа и т. п.). Они ставили, какъ они сами выражались, „діагнозы“. По ихъ словамъ, эти диагнозы принимались въ соображеніе Педагогическими совѣтами. Они даже утверждали, что ихъ диагнозы всегда оказывались безошибочными. Такое поспѣшное практическое примѣненіе психологическихъ измѣреній показываетъ, что они слишкомъ недостаточно *теоретически* подготовлены для самостоятельныхъ изслѣдованій. По этой причинѣ они и думаютъ, что какіе-либо данныя, полученныя на тахистоскопѣ, могутъ являться указателемъ вообще умственныхъ способностей учащихся. Смѣю увѣрить такихъ экспериментаторовъ, что въ современной экспериментальной психологіи нѣтъ такихъ методовъ изслѣдованія, при помощи которыхъ можно было бы устанавливать „діагнозы“, пригодные для руководства Педагогическаго совѣта. Преподаватели, которые предлагаютъ свои экспериментальныя изслѣдованія Педагогическимъ совѣтамъ для руководства, заблуждаются и невольно вводятъ въ заблужденіе и другихъ. Я убѣжденъ, что при болѣе глубокомъ теоретическомъ знакомствѣ съ психологіей они были бы въ состояніи разобраться въ ошибочности своихъ примѣненій. Очевидно, руководителя Петербургской психологической лабораторіи, снабжая ихъ психологическими приборами, не снабдили указаніемъ, что ихъ изслѣдованія не могутъ носить такого характера, чтобы Педагогическіе совѣты могли ими руководствоваться.

мыхъ или растений все же можетъ быть полезна, а собранные любителемъ психологическіе факты никому кромѣ самого собирателя не нужны. Ни одинъ психологъ не пожелаетъ ими воспользоваться, потому что всегда у него можетъ быть подозрѣніе относительно того, правильно ли фактъ описанъ. Натуралистъ можетъ воспользоваться коллекціей гимназиста для того, чтобы сдѣлать свои выводы относительно фауны или флоры той или другой мѣстности, а ученый едва ли рѣшится воспользоваться психологическими фактами, описанными лицами завѣдомо лишенными теоретической подготовки.

Я бы даже думалъ, что коллекціонерство можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вреднымъ, потому что оно способно порождать дилеттантизмъ. Сколько, напримѣръ, въ послѣднее время развелось всевозможныхъ *анкетъ* для разрѣшенія психологическихъ вопросовъ. Но вѣдь для того, чтобы произвести анкету, необходима теоретическая подготовка: надо умѣть и вопросъ поставить, и умѣть истолковать психологически полученные результаты.

Если мы примемъ, что экспериментальная психологія только часть психологіи, то изъ этого положенія можно сдѣлать слѣдующій практической выводъ. Если кто-нибудь почему-либо не можетъ заниматься изслѣдованіемъ душевной жизни при помощи экспериментовъ, то это не значитъ, что для него вообще закрытъ доступъ для изученія и даже для самостоятельной разработки психологіи. Есть еще огромныя области психологіи теоретической и психологіи генетической, которыя *могутъ доставить необычайно богатый матеріалъ для самостоятельнаго изслѣдованія* ¹⁾.

¹⁾ Эти слова были мною произнесены, и вслѣдствіе этого для меня совсѣмъ непонятно, какъ могъ предсѣдатель сѣзда, академикъ В. М. Бехтеревъ, въ своемъ заключительномъ словѣ, очевидно, по моему адресу выразить „пожеланіе, чтобы наука не загонялась искусственно въ привилегированныя палаты университетовъ, а пошла бы по широкому и открытому пути практическаго примѣненія къ жизни“ (см. газету „Рѣчь“ № 152). Изъ сказаннаго мною совершенно очевидно, что я не требую того, чтобы „наука искусственно загонялась въ привилегированныя палаты университетовъ“. Но я думаю, что

Такимъ образомъ ясно, что предметомъ нашихъ заботъ должна быть не только экспериментальная психологія, но и другія отрасли психологіи, и въ особенности ея теоретическая часть.

Резюмируя свой докладъ, я бы сказалъ, что съ моей точки зрѣнія весьма желательно, чтобы положенъ былъ конецъ противопоставленію психологіи экспериментальной—психологіи просто. Мнѣ кажется, что только при признаніи, что психологія едина, что экспериментальная психологія есть только составная часть психологіи просто, создадутся условія, обеспечивающія правильное развитіе психологіи; тогда, можно надѣяться, и развитіе психологіи пойдетъ по правильному пути и психологическія знанія потекутъ по правильному руслу ¹⁾.

Г. Челпановъ.

долгъ университетскихъ преподавателей быть на стражѣ научности; если наука перестаетъ быть наукой, если она извращается, мы обязаны на это указывать. Если она по состоянію своего развитія не можетъ быть разрабатываема внѣ университета или вообще высшаго учебнаго заведенія, то она не должна выходить за предѣлы высшихъ учебныхъ заведеній. Я именно это утверждаю относительно экспериментальной психологіи. Методы ея еще слишкомъ несовершенны, чтобы они могли имѣть практическое примѣненіе, но на ряду съ этимъ я думаю, что всякій интересующійся психологіей можетъ самостоятельно разрабатывать психологію. Такъ какъ слова, приведенныя мною въ текстѣ, были дѣйствительно сказаны на сѣздѣ, то я рѣшительно протестую противъ словъ предсѣдателя. Между обереганіемъ науки отъ профанціи и искусственнымъ запираніемъ ея въ стѣнахъ университетовъ есть огромное различіе.

1) Я позволю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе по поводу заключительныхъ словъ предсѣдателя сѣзда, академика В. М. Бехтерева. „Въ своемъ заключительномъ словѣ акад. Бехтеревъ, по словамъ газеты „Рѣчь“ № 152, подчеркнул, что въ великомъ спорѣ между теоретиками и экспериментаторами не оказалось ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей“. Такъ какъ противъ сторонниковъ исключительно экспериментальной психологіи выступалъ я съ цѣлью убѣдить или привлечь на свою сторону, то, очевидно, что сказать, что въ этомъ вопросѣ не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, значитъ сказать, что докладъ мой не имѣлъ никакого значенія. Я думаю, что предсѣдателю сѣзда не принадлежитъ привилегія производить оцѣнки докладовъ тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ въ числѣ моихъ оппонентовъ. Если предсѣдатель, принимавшій участіе въ преніяхъ, объявляетъ, что противникъ не былъ въ состояніи побѣдить его, то вѣдь это равносильно провозглашенію себя непобѣдимымъ! Я думаю далѣе, что у предсѣдателя не было никакихъ данныхъ для оцѣнки результатовъ сѣзда. У него нѣтъ никакихъ основаній

для утверждѣнія, что на сѣздѣ не было *лицъ согласныхъ со мною*, а разъ у него такихъ основаній нѣтъ, то онъ и не можетъ утверждать, пользуясь образомъ сраженія, что не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Съ своей стороны могу привести безспорныя доказательства того, что на сѣздѣ были лица, согласныя со мною. Послѣ сѣзда мною было получено отъ участниковъ сѣзда письмо, покрытое 70 подписями, въ которомъ они выражаютъ солидарность съ высказанными мною взглядами.

Наконецъ, мнѣ кажется, что предсѣдатель сѣзда при оцѣнкѣ результатовъ преній пользовался неправильнымъ „методомъ“. О результатѣ преній нужно судить не по тому, что было въ залѣ сѣзда, а по тому, что будетъ *послѣ* сѣзда, когда о содержаніи преній узнаютъ лица заинтересованныя. Предметомъ спора былъ не столько вопросъ объ отношеніи между теоріей и экспериментомъ, сколько о выводахъ изъ этого положенія, именно, *могутъ ли преподаватели гимназій заводить психологическія лабораторіи для самостоятельныхъ изслѣдованій умственныхъ способностей*. Я на этотъ вопросъ отвѣчаю отрицательно. Руководители Петербургской психологической лабораторіи на этотъ вопросъ *не дали никакого отвѣта*. А. П. Нечаевъ могъ прямо сказать: „я думаю, что въ психологін, дѣйствительно, есть методы для распознаванія умственныхъ способностей учащихся; эти методы изслѣдованія доступны для преподавателей гимназій. Преподаватели гимназій поступаютъ вполне хорошо, заводя у себя лабораторіи для такихъ изслѣдованій“. Однако, ничего подобнаго А. П. Нечаевъ не сказалъ.

А если кто-либо изъ преподавателей гимназій, который уже завелъ у себя лабораторію, вслѣдствіе того, что не нашелъ поддержки въ лицѣ А. П. Нечаева, станетъ *сомнѣваться* въ своемъ правѣ ставить „діагнозы“? Это я склоненъ считать побѣдой тѣхъ, кто выступалъ въ защиту теоретической психологін.

Увѣренъ ли предсѣдатель сѣзда въ томъ, что тѣ, которые до сихъ поръ относились *скептически* къ устройству психологическихъ лабораторій для изслѣдованія умственныхъ способностей учащихся, послѣ преній на сѣздѣ не станутъ относиться совсѣмъ *отрицательно* къ такимъ лабораторіямъ?

Будутъ ли педагогическіе совѣты съ такимъ же вниманіемъ относиться къ психологическимъ діагнозамъ, какъ это иногда они дѣлали до сихъ поръ. Нельзя ли думать, что гг. преподаватели, переставши соблазняться ролью „діагностовъ“, перестанутъ заводить у себя и лабораторіи? Все это покажетъ ближайшее будущее. Вотъ здѣсь слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искать „побѣдителей и побѣжденныхъ“, а не въ залѣ сѣзда.

Ближайшія задачи экспериментальной педагогики *).

Во время сегодняшняго собранія довольно много говорилось о такъ называемомъ педологическомъ движеніи, о той, по преимуществу экстенсивной работѣ, которая направлена на изученіе дѣтской природы—во всемъ ея объемѣ. Извѣстно то опредѣленіе основной задачи педологіи, которое мы находимъ ясно выраженнымъ уже 13 лѣтъ тому назадъ у одного изъ піонеровъ этой науки—Крисмана, поскольку эта задача усматривается, говоря словами Крисмана, въ томъ, чтобы собрать все, что касается существа и развитія дитяти, и разъ собранъ этотъ матеріалъ, педологія должна свести его въ одно систематическое цѣлое. Единственною цѣлью педологіи должно быть всестороннее естественно-научное изученіе дитяти, ведущее къ полному пониманію его природы. Педологія должна предпринять изслѣдованія въ области дѣтской жизни, чтобы на установленныхъ такимъ образомъ фактахъ могли быть построены общія основы воспитанія. Она должна все свое вниманіе сконцентрировать, какъ въ фокусѣ, на дитяти, чтобы всѣ силы, всѣ приспособленія, всѣ изысканія сосредоточивались около этого центра, способствуя тѣмъ самымъ болѣе основательному исполненію поставленной задачи. Такимъ образомъ, задача педологіи—изученіе дитяти во всемъ объемѣ его

¹⁾ Докладъ, прочитанный на Второмъ Съѣздѣ Педагогической Психологіи въ С.-Петербургѣ 1-го іюня 1909 года.

существа, при чемъ педологія, по мнѣнію представителя этой молодой дисциплины, не составляетъ части какой-либо другой науки,—она стоитъ отдѣльно, на самостоятельномъ, именно ей присущемъ мѣстѣ ¹⁾. Уже какъ особая отрасль этой науки или, вѣрнѣе, какъ особая дисциплина, возникшая на почвѣ педологіи, является экспериментальная педагогика, которая главнымъ орудіемъ изслѣдованія считаетъ не наблюденіе въ широкомъ смыслѣ, а экспериментъ, при чемъ она ставитъ (или, по крайней мѣрѣ, должна ставить) и опредѣленные педагогическія цѣли (мы знаемъ, что матеріаль, собранный педологіей, можетъ быть использованъ самыми разнообразными дисциплинами теоретическаго характера—и общей фізіологіей, и общей психологіей, и зоопсихологіей, и антропологіей и т. п.). Намъ извѣстенъ и тотъ количественный успѣхъ, который связанъ съ педологическимъ движеніемъ. Тотъ же Крисманъ еще въ 1896 году указывалъ на массу матеріала, собраннаго въ Америкѣ, главнымъ образомъ, при помощи метода опросовъ. Теперь этотъ матеріаль возросъ до размѣровъ еще болѣе внушительныхъ. За послѣднее десятилѣтіе и въ Западной Европѣ мы видимъ сильно выраженный интересъ къ педологическимъ изслѣдованіямъ, при чемъ здѣсь педагогическіе вопросы чаще, чѣмъ въ Америкѣ, выставляются на первый планъ при изученіи природы дитяти. Здѣсь именно экспериментальная педагогика выдѣляется изъ педологіи и пытается занять относительно самостоятельное мѣсто. И здѣсь мы встрѣчаемъ значительное количество работъ, посвященныхъ изученію самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской жизни, и видимъ уже попытки подвести итоги тѣмъ изслѣдованіямъ, какъ это, на примѣръ, дѣлаетъ Э. Мейманъ въ своихъ „Лекціяхъ по экспериментальной педагогикѣ“. Уже около 10 лѣтъ тому назадъ это педологическое движеніе нашло свой отзвукъ и у насъ, и еще въ 1901 году явилась работа А. П. Нечаева, посвященная попыткѣ использовать данныя эксперименталь-

1) O. Chrismann. Paidologie. Iena, 1896, S. 5—6.

ной психологіи въ дидактическихъ цѣляхъ ¹⁾. За послѣдніе годы вышелъ еще цѣлый рядъ изслѣдованій, принадлежащихъ лицамъ, группирующимся вокругъ петербургской лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи. Работы эти частью напечатаны въ „Книжкахъ педагогической психологіи“, частью выпущены въ видѣ отдѣльных изданій. Во всякомъ случаѣ, количественно и у насъ накопилось уже достаточно матеріала изъ области педологіи и экспериментальной педагогики. Но если бы мы теперь попытались суммировать тѣ результаты, которые дали всѣ эти изслѣдованія—заграницей и у насъ,—результаты въ отношеніи педагогики, то едва ли бы качественное значеніе этихъ результатовъ соотвѣтствовало количественной цѣнности собраннаго матеріала. Здѣсь именно возникаетъ вопросъ, какъ весь собранный матеріалъ былъ использованъ для педагогическихъ цѣлей и какъ велико значеніе всѣхъ полученныхъ доселѣ данныхъ для рѣшенія важнѣйшихъ педагогическихъ проблемъ? Получили ли основные вопросы педагогики новое теоретическое освѣщеніе и можно ли на почвѣ полученныхъ до сихъ поръ педологическихъ данныхъ произвести коренную реформу педагогическаго дѣла, указать новые пути для педагогики въ широкомъ смыслѣ и намѣтить тѣ средства, которыя казались бы наиболѣе цѣнными для достиженія поставленныхъ цѣлей? Едва ли можно на всѣ эти вопросы отвѣтить вполне утвердительно. Наоборотъ, разсматривая то духовное достояніе, которое до сихъ поръ собрано совокупными усиліями довольно многочисленныхъ изслѣдователей, мы находимъ его относительно бѣднымъ, бѣднымъ именно по сравненію съ той массой разнообразныхъ неотложныхъ и насущныхъ вопросовъ, которые

¹⁾ А. П. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Спб. 1901. Я долженъ упомянуть, что въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ (теперь закрытомъ) еще въ концѣ девятидесятихъ годовъ истекшаго столѣтія дѣлались попытки познакомить русское общество съ нарождающимся движеніемъ. Первая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ покойному прив.-доценту московскаго университета В. М. Михайловскому.

встають передъ современнымъ педагогомъ. Матеріаль, который лежитъ передъ нами, является слишкомъ недостаточнымъ, чтобы на почвѣ его производить коренную реформу педагогики. Наоборотъ, быть можетъ, многіе изъ насъ, прослушавъ достаточно докладовъ изъ области педологии и экспериментальной педагогики, уѣдутъ отсюда съ довольно тяжелымъ чувствомъ, что въ своей обыденной практической работѣ намъ придется руководиться той же традиціонной педагогикой, которую мы практиковали и прежде и научная несостоятельность которой во многихъ отношеніяхъ является какъ бы общепризнанной? Мало того, мы видимъ, что и пролагатели новыхъ путей при начертаніи полной картины воспитательнаго процесса невольно увлекаются на тотъ же путь традиціонной педагогики, хотя въ отдѣльныхъ пунктахъ педагогическаго воздѣйствія они и пытаются быть свободными отъ всякой рутины и стремятся раскрыть новые горизонты.

Естественно задать себѣ вопросъ: гдѣ же лежитъ причина этого столь еще несовершеннаго состоянія педологическаго изслѣдованія, такъ далекаго отъ того, чтобы, опираясь на результаты такого изслѣдованія, можно было реформировать современную педагогику? Несомнѣнно, здѣсь не одна причина, а нѣсколько, и нѣкоторыя изъ нихъ легко бросаются въ глаза. Это, прежде всего, молодость самой науки, ея недавнее возникновеніе и очень непродолжительное существованіе, измѣряемое двумя-тремя десятками лѣтъ, за каковой промежутокъ времени совершенно невозможно получить какихъ-либо законченныхъ и непрекаемыхъ выводовъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ сторонамъ дѣтской природы. Къ этому присоединяется сложность самаго изслѣдованія, въ связи съ разнообразіемъ тѣлесныхъ и душевныхъ функцій, которыя являются объектомъ изученія и которыя важно проанализировать не только въ ихъ изолированной дѣятельности, но и въ ихъ совмѣстной работѣ, да еще во всемъ довольно длинномъ процессѣ дѣтскаго развитія. Наконецъ, нужно имѣть въ виду

несовершенство методовъ научнаго изслѣдованія, о чемъ такъ много говоритъ Мейманъ въ своихъ „Лекціяхъ по экспериментальной педагогикѣ“, въ особенности если мы будемъ имѣть въ виду рассчитанные, главнымъ образомъ, на собраніе наивозможно большаго матеріала методы американскихъ педологовъ. Но едва ли всѣ эти причины вполне объясняютъ малую плодотворность полученныхъ до сихъ поръ результатовъ въ области педологическихъ изслѣдованій. Несомнѣнно, есть причины болѣе глубокія, кроющіяся въ самомъ существѣ педологическихъ изслѣдованій, въ особенности въ первой и наиболѣе ранней стадіи существованія молодой дисциплины. Намъ уже приходилось упоминать, что педологическія работы являются въ высшей степени цѣнными для самыхъ разнообразныхъ чисто-теоретическихъ дисциплинъ, и мы знаемъ, что изслѣдованія дѣтской природы часто имѣли своею главною цѣлью не чисто педагогическіе, а обще-научные интересы. Это можно сказать о многихъ педологическихъ работахъ какъ въ Америкѣ, такъ и въ западной Европѣ. Такъ, даже извѣстный трудъ Прейера („Душа ребенка“) былъ предпринятъ, по свидѣтельству самого изслѣдователя, именно въ чисто-научныхъ, а не педагогическихъ цѣляхъ. То же самое можно сказать объ извѣстныхъ работахъ Болдуина, гдѣ на первый планъ выдвигаются интересы антропологическіе и соціологическіе, а не собственно педагогическіе ¹⁾. Это обстоятельство, глубоко важное съ научной точки зрѣнія, однако едва ли всегда благопріятно именно для педагогики. При такой постановкѣ изслѣдованія естественно могли выступать на первое мѣсто вопросы, интересные именно для теоретической науки, и, наоборотъ, могли затушевываться, а иногда и совершенно обходиться, проблемы, имѣющія первостепенное значеніе въ глазахъ педагога. Этимъ, быть можетъ, до нѣкоторой степени объясняется относительно малая плодотворность для педагогики болѣе раннихъ педо-

¹⁾ Baldwin, The mental development in the child and in the race. Ero же, Social und moral interpretations of mental development.

логическихъ изслѣдованій. Здѣсь же, быть можетъ, лежить и источникъ извѣстнаго возраженія противъ педологіи Мюнстерберга, прямо заявлявшаго, что педологія не должна питаться крохами, падающими со стола психологіи (въ частности экспериментальной психологіи), а должна испечь свой собственный хлѣбъ. Правда, въ послѣдніе годы мы видимъ попытки, въ педологическихъ работахъ, болѣе точно ставить педагогическія проблемы и искать отвѣта на нихъ въ процессѣ педологическаго изслѣдованія. Такимъ образомъ, изъ педологіи, въ широкомъ пониманіи этого термина, постепенно выдѣляется экспериментальная педагогика. Мы уже упоминали о попыткѣ Меймана подвести итоги этого рода изслѣдованій, итоги какъ въ отношеніи методовъ, такъ и въ отношеніи педагогическихъ результатовъ. Однако и въ настоящее время многія важнѣйшія педагогическія проблемы еще не затронуты педологическими изслѣдованіями, и послѣднія чаще всего касаются менѣе важныхъ вопросовъ изъ области педагогики, именно—вопросовъ дидактическихъ, а не педагогическихъ въ широкомъ смыслѣ. Да и здѣсь, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, нѣкоторыя изъ болѣе крупныхъ проблемъ очень далеки отъ окончательной разработки, отъ того, чтобы основные методы обученія могли быть построены уже на почвѣ экспериментальныхъ данныхъ. Что же касается другихъ болѣе педагогическихъ, чѣмъ собственно дидактическихъ вопросовъ, то они въ современной экспериментальной педагогикѣ разработаны и разрабатываются еще слишкомъ слабо, иногда будучи затрагиваемы совершенно случайно и не являясь предметомъ болѣе углубленнаго научнаго изслѣдованія. Обо всемъ этомъ мы надѣемся сказать болѣе подробно ниже, здѣсь же только замѣтимъ, что правильная постановка проблемы—если и вездѣ, то при педологическомъ изслѣдованіи въ особенности—является однимъ изъ важнѣйшихъ условій для плодотворности самой работы. Ясное и отчетливое представленіе вопроса, его значенія именно для воспитанія, а не для какихъ-либо другихъ цѣлей, въ значительной степени опредѣляетъ и харак-

теръ самага изслѣдованія, его планъ и отчасти самые результаты. При этомъ мы разумѣемъ здѣсь не только частные вопросы, столь важные иногда именно съ точки зрѣнія практическаго воспитанія, но и самыя общія проблемы, то или иное отношеніе къ которымъ должно быть установлено какъ бы передъ началомъ болѣе углубленнаго спеціального изслѣдованія. Правда, многія изъ этихъ проблемъ рѣшаются совсѣмъ не экспериментальной педагогикой, а находятъ для себя отвѣтъ въ самыхъ разнообразныхъ дисциплинахъ, на почвѣ знакомства съ которыми формируется міровоззрѣніе человѣка,—однако, педологическія изслѣдованія все-таки могутъ проливать нѣкоторый свѣтъ и на эти вопросы, а въ то же время хотя бы провизорное рѣшеніе или установленіе только гипотетическаго отношенія къ этимъ проблемамъ является совершенно неизбѣжнымъ для педолога еще на порогѣ спеціального научнаго изслѣдованія. Сюда мы относимъ такіе вопросы, какъ вопросы о самой сущности воспитанія, о цѣли воспитанія, о педагогикѣ какъ наукѣ и какъ искусствѣ и т. п. То или иное рѣшеніе этихъ пропедевтическихъ проблемъ является въ высшей степени важнымъ и при постановкѣ болѣе спеціальныхъ вопросовъ, тѣснѣе связанныхъ съ практикой воспитанія. Такъ въ высшей степени важно выясненіе самага понятія воспитанія, будемъ ли мы разумѣть здѣсь сознательное воздѣйствіе взрослого человѣка на ребенка на протяженіи всего процесса дѣтскаго развитія или же будемъ обозначать воспитаніе, какъ совокупность всѣхъ самыхъ разнообразныхъ вліяній, испытываемыхъ человѣкомъ съ первыхъ дней жизни до эпохи поздняго юношества независимо отъ участія сознательной воли взрослыхъ. Несомнѣнно, отъ того или иного рѣшенія поставленныхъ вопросовъ будетъ въ значительной степени зависѣть и отношеніе къ тому, повидимому, очень радикальному теченію педагогической мысли, которое извѣстно подъ именемъ т. н. свободнаго воспитанія. Равнымъ образомъ, въ высшей степени важно выяснить и предѣлы воспитательнаго воздѣйствія, въ связи съ фактомъ наслѣд-

ственности, поскольку съ этимъ обстоятельствомъ приходится особенно серьезно считаться на практикѣ — въ процессѣ индивидуализированія воспитанія. Затѣмъ, проблемой первостепенной важности является вопросъ о цѣли воспитанія. Правда, цѣль эта ставится совсѣмъ не экспериментальной педагогикой, а указывается въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ воспитателей, вырабатывающимся, въ свою очередь, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ. Смыслъ человѣческаго существованія вообще, опредѣляемый съ той или иной философской точки зрѣнія, является, несомнѣнно, важнѣйшимъ изъ этихъ факторовъ. Но здѣсь естественно можетъ возникнуть вопросъ, можетъ ли эта цѣль, этотъ смыслъ человѣческаго существованія опредѣляться воспитателями, а не устанавливаться въ послѣдствіи самимъ объектомъ воспитательнаго воздѣйствія, въ видѣ той гармоніи цѣлей, о которой такъ много говорятъ защитники упомянутого свободнаго воспитанія. Само собою понятно, что при такомъ взглядѣ активность воспитателя должна быть сведена до минимума. Далѣе, если мы опредѣлимъ цѣль воспитанія такъ, какъ она большею частью опредѣляется въ теоретической педагогикѣ, именно какъ стремленіе къ гармоническому развитію лучшихъ сторонъ человѣческой природы, то вмѣстѣ съ такимъ опредѣленіемъ естественно возникаетъ вопросъ о томъ, какія стороны человѣческаго существа называть лучшими и почему, и въ чемъ можетъ выражаться упомянутая гармонія. Мало того, естественно явится вопросу, насколько необходима эта гармонія и не является ли она нѣкоторымъ насиліемъ надъ частными индивидуальными расположеніями, наиболѣе ярко выраженными и поэтому какъ бы нуждающимися въ обостреніи и возвышеніи надъ другими, а не въ нивелированіи—хотя бы и въ интересахъ гармоніи. Далѣе, эта же формулировка цѣли воспитанія естественно приводитъ къ вопросу о воспитаніи индивидуальности и личности. Если мы подъ индивидуальностью будемъ разумѣть совокупность всѣхъ особенностей даннаго индивидуума, а подъ личностью — совокупность

только высшихъ или наиболѣе цѣнныхъ проявленій нашей психики, то понятно, что въ зависимости отъ того, какъ мы конкретнѣе опредѣлимъ цѣль воспитанія—развитіе индивидуальности или созданіе личности—будетъ находится и самый планъ изслѣдованія опредѣленнаго дѣтскаго индивидуума, въ данномъ случаѣ являющагося объектомъ воспитательнаго воздѣйствія. Вѣдь если цѣнны всѣ особенности, свойственныя данному индивидууму, то всѣ онѣ заслуживаютъ одинаковаго вниманія въ процессѣ научнаго изслѣдованія или, въ данномъ случаѣ, педологическаго изученія, и, далѣе, въ практикѣ воспитанія всякая, даже самая мелкая черта требуетъ сохраненія и обостренія тѣмъ болѣе, чѣмъ она является исключительно специфическимъ достояніемъ даннаго индивидуума. Наоборотъ, если мы будемъ опредѣлять личность какъ совокупность наиболѣе высшихъ и наиболѣе сложныхъ проявленій нашей психики, то въ такомъ случаѣ въ процессѣ педологическаго изслѣдованія, конечно, могутъ выступать на первый планъ наиболѣе цѣнные комплексы, имѣющіе преимущественное значеніе при воспитаніи личности въ только что приведенномъ пониманіи. Быть можетъ, въ такомъ случаѣ можно говорить даже о нѣкоторомъ нивелированіи—не въ смыслѣ сознательнаго стиранія природныхъ задатковъ, а въ смыслѣ стремленія довести всѣ объекты воспитательнаго воздѣйствія до наивозможно высокаго уровня—именно въ отношеніи наиболѣе цѣнныхъ сторонъ нашей психики. Что при этомъ вторженіи принципа оцѣнки вносится нѣкоторый субъективный моментъ, этого, конечно, никакъ нельзя отрицать, но этотъ элементъ субъективизма является совершенно неустранимымъ изъ понятія о цѣли воспитанія. Съ нимъ мы встрѣчаемся и въ другихъ пунктахъ, связанныхъ съ выясненіемъ понятія личности, какъ, напр., въ вопросѣ объ отношеніи между индивидуумомъ и обществомъ и въ другихъ аналогичныхъ вопросахъ. Само собою понятно, что какъ бы мы ни понимали воспитаніе личности, для насъ имѣетъ громадное значеніе изученіе индивидуальности, какъ совокупности всѣхъ индивидуальных

особенностей, — но здѣсь возникаетъ скорѣе практической вопросъ—объ изученіи индивидуальности въ условіяхъ коллективной школьной обстановки, когда это всестороннее изученіе является неосуществимымъ и когда въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается, быть можетъ, неизбежный компромиссъ. Все это показываетъ всю сложность проблемы оцѣли воспитанія даже при традиціонномъ опредѣленіи этого термина и вскрываетъ неотложную потребность выясненія всѣхъ этихъ вопросовъ на порогѣ чисто экспериментальнаго изслѣдованія. Не менѣе важны и другіе пропедевтическіе вопросы педагогики, которые рѣдко выясняются передъ самыми педологическими изслѣдованіями. Здѣсь нельзя не упомянуть о такомъ вопросѣ, какъ вопросъ объ отношеніи между педагогикой, какъ наукой, и педагогикой, какъ искусствомъ. Быть можетъ, настоящая педагогика является въ извѣстномъ смыслѣ искусствомъ только потому, что она опирается еще на очень несовершенныя и неполныя научныя данныя, подобно тому, какъ это можно сказать о нѣкоторыхъ отдѣлахъ медицины? Или, быть можетъ, въ самомъ существѣ педагогической дѣятельности есть своеобразное творчество, которое нельзя отождествлять съ конструктивнымъ элементомъ, имѣющимъ мѣсто и во всякомъ теоретическомъ изслѣдованіи? Всѣ эти вопросы важны опять и съ точки зрѣнія экспериментальной педагогики, поскольку при извѣстномъ отвѣтѣ на эти вопросы и въ процессѣ педологическаго изслѣдованія центръ тяжести будетъ перенесенъ на воспитателя или учителя, а не на ученика.

Такимъ образомъ, предварительное выясненіе общихъ педагогическихъ вопросовъ оказывается въ высшей степени важнымъ для самыхъ разнообразныхъ педологическихъ изслѣдованій, и игнорированіе этого обстоятельства, несомнѣнно, является одною изъ причинъ малой плодотворности многихъ работъ по экспериментальной педагогикѣ. Все это свидѣтельствуетъ, между прочимъ, какое важное значеніе именно здѣсь имѣетъ постановка проблемы, точное опредѣленіе предмета изслѣдованія и цѣли изученія.

Если мы теперь обратимъ вниманіе на содержаніе большинства педологическихъ изслѣдованій, то сразу же замѣтимъ, что объектомъ работы изъ этой научной области является, главнымъ образомъ, интеллектуальная дѣятельность въ ея различныхъ развѣтвленіяхъ, между тѣмъ какъ эмоціональныя и волевыя проявленія до сихъ поръ изслѣдованы въ высшей степени недостаточно, хотя громадное значеніе для педагогики именно этихъ процессовъ общеизвѣстно. Да и интеллектуальная дѣятельность является предметомъ педологическаго изслѣдованія нерѣдко въ тѣхъ частяхъ, которыя имѣютъ далеко не первостепенное значеніе въ процессѣ воспитанія, въ особенности поскольку здѣсь идетъ рѣчь именно о сознательномъ воздѣйствіи. Это можно, на примѣръ, сказать и о тѣхъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ въ области памяти, практическое значеніе которыхъ, при всей ихъ теоретической важности, быть можетъ, не такъ велико, какъ это нерѣдко представляется, разъ въ концѣ-концовъ здѣсь все сводится къ извѣстнымъ природнымъ расположеніямъ, и самое функціонированіе памяти имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности въ видѣ своеобразнаго процесса приспособленія. Что касается эмоціональной и волевой сферъ, то мы уже отмѣтили бѣдность изслѣдованій въ этихъ именно областяхъ, да и въ имѣющихся здѣсь работахъ мы часто не встрѣчаемъ такой постановки проблемъ, которая имѣла бы преимущественное значеніе для педагогики. Это можно сказать о многихъ изслѣдованіяхъ, особенно американскихъ, изъ области эстетической, религіозной и другихъ эмоцій, гдѣ мы встрѣчаемъ массу сырого матеріала и очень мало выводовъ, цѣнныхъ именно съ педагогической точки зрѣнія. Несомнѣнно, это обстоятельство въ значительной степени объясняется тою же несовершенною и иногда очень произвольною постановкой вопросовъ, о чемъ мы уже не разъ упоминали.

Но если въ настоящее время многія изъ душевныхъ дѣятельностей, имѣющія столь важное значеніе въ процессѣ воспитанія, являются еще далеко не изслѣдованными во

всей своей полнотѣ, то мы еще дальше отстоимъ отъ того, чтобы имѣть передъ собою изображеннымъ весь процессъ душевнаго развитія, ясная картина котораго является совершенно необходимой для успѣшнаго выполненія плана воспитательнаго воздѣйствія на протяженіи всѣхъ стадій роста. Больше всего въ области педологическихъ изслѣдованій поспѣшилось, повидимому, дидактикѣ какъ на Западѣ, такъ и у насъ, поскольку не разъ упоминавшійся Мейманъ въ своихъ лекціяхъ по педагогикѣ, рѣшается подвести экспериментальный фундаментъ подъ эту именно дисциплину и поскольку первыя работы по экспериментальной педагогикѣ у насъ были посвящены также дидактическимъ проблемамъ. Но и здѣсь еще много невыясненнаго и нерѣшеннаго. Не говоря уже о методологіи такихъ наукъ, какъ исторія или исторія литературы, даже и въ отношеніи болѣе элементарнаго обученія можно было бы пожелать гораздо большей опредѣленности, хотя количественно здѣсь, повидимому, и достаточно матеріала. Но вмѣсто разбрасыванія, которое очень часто встрѣчается именно въ этой области, можно было бы пожелать большей сосредоточенности на опредѣленныхъ немногихъ проблемахъ, но за то уже здѣсь довести изслѣдованіе до желательнаго конца. Такъ вполнѣ естественно было бы избрать предметомъ особенно тщательнаго изученія проблему орѳографіи, разработкѣ которой на Западѣ посвящено уже достаточно изслѣдованій. Результаты произведенныхъ до сихъ поръ работъ едва ли можно считать окончательными, и тѣмъ болѣе выводы какого-либо одного изслѣдователя едва ли можно положить въ основу опредѣленныхъ дидактическихъ приемовъ, какъ это мы видимъ сейчасъ у насъ. Мы знаемъ также, какую остроту орѳографическая проблема получила нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ, именно въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ, гдѣ былъ выработанъ проектъ упрощенія правописанія, который для своего теоретическаго обоснованія неизбежно долженъ былъ бы придти въ соприкосновеніе съ тѣми данными, которыя имѣются по этому

вопросу въ экспериментальной психологіи. И однако, несмотря на все это, мы доселѣ не встрѣчаемъ у насъ попытки систематически разработать проблему ореографіи, когда бы она сдѣлалась предметомъ планомѣрно поставленныхъ экспериментовъ, которые въ результатѣ могли бы дать выводы въ высшей степени цѣнные съ точки зрѣнія практической педагогики.

Каковъ же выводъ изъ всѣхъ нашихъ довольно длинныхъ замѣчаній о существенныхъ особенностяхъ современныхъ педологическихъ изслѣдованій? Мы думаемъ, что успѣхъ дальнѣйшихъ работъ въ области экспериментальной педагогики будетъ въ значительной степени зависѣть отъ того, насколько будетъ установлена тѣсная связь между постановкой проблемъ и ихъ жизненнымъ значеніемъ, тою ролью, которую эти изслѣдованія будутъ играть для школы и жизни, поскольку между этими сферами есть постоянная неразрывная связь. Самая постановка проблемъ диктуется, конечно, не экспериментальными изслѣдованіями, а общимъ міровоззрѣніемъ, педагогическими потребностями, совокупностью тѣхъ отношеній, которыя устанавливаются на почвѣ взаимодѣйствія между школой и жизнью. Въ виду всего этого и экспериментальная педагогика, прежде всего, должна сдѣлать объектомъ своего изслѣдованія тѣ вопросы, которые выдвигаются на первый планъ именно взаимодѣйствіемъ указанныхъ факторовъ. Естественнo было бы желать, чтобы уже и у насъ сложившаяся организація, группирующаяся вокругъ лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи, взяла на себя трудъ намѣтить всѣ эти вопросы, дать имъ извѣстное систематическое расположеніе и сдѣлать ихъ предметомъ тщательныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій. Въ данномъ случаѣ уже есть возможность коллективной работы, и этою возможностью надо воспользоваться въ указанныхъ цѣляхъ. Только на почвѣ такой коллективной дѣятельности, подчиненной извѣстному плану и поставленной въ тѣсную связь съ жизненными педагогическими потребностями, и возможно ожидать

плодотворныхъ результатовъ для педагогики во всемъ широкомъ пониманіи этого термина. Въ противномъ случаѣ возможно то разочарованіе, то крушеніе надеждъ, которое отчасти уже имѣло мѣсто въ отношеніи экспериментальной психологіи вообще, гдѣ полученные до сихъ поръ результаты слишкомъ бѣдны по сравненію съ тѣми упованіями, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ находили такое горячее выраженіе именно въ этой области. Разочарованіе въ отношеніи экспериментальной педагогики будетъ тѣмъ острѣе и тяжелѣе, чѣмъ тѣснѣе связь ожидаемыхъ результатовъ съ практической педагогикой, съ конкретною жизнью школы, современное состояніе которой во многихъ отношеніяхъ представляется намъ такъ мало удовлетворительнымъ. Поэтому, совсѣмъ не проникаясь расхолаживающимъ пессимизмомъ, а, наоборотъ, бодро смотря въ будущее экспериментальной педагогики, мы все же считаемъ необходимымъ указать и на возможность, при извѣстныхъ условіяхъ, упомянутыхъ неудачъ, хорошо сознавая, что эта „последняя лестъ будетъ горше первой“.

Н. Виноградовъ.

Витализмъ и задачи научной біологіи въ вопросѣ о жизни.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

I.

Гансъ Дришъ сказалъ въ одной изъ своихъ статей: «въ естественно-научномъ отношеніи мы живемъ еще въ среднихъ вѣкахъ». Этотъ афоризмъ можетъ показаться на первый взглядъ просто краснымъ словцомъ, но въ дѣйствительности онъ совершенно правильно характеризуетъ цѣлый рядъ направленій научной мысли и, прежде всего, способы постановки и рѣшенія біологическихъ вопросовъ.

На самомъ дѣлѣ, вспомнимъ обычную формулировку коренного вопроса біологіи. Она гласитъ: «что такое *жизнь*?»; и отвѣтъ, который пытаются дать, строится соотвѣтственно вопросу: «*жизнь* есть и т. д...» Не напоминаетъ ли эта попытка схватить сущность чисто *абстрактнаго* понятія и выразить его въ другихъ болѣе или менѣе абстрактныхъ терминахъ типичные приемы средневѣковой схоластики? Прибавимъ къ этому, что опредѣляемое понятіе «жизнь», не есть научный терминъ, *Kunstbegriff*, а слово, заимствованное изъ обиходнаго лексикона и употребляемое въ неодинаковомъ смыслѣ.

Неудобство такого приѣма, какъ исходной точки для научныхъ изслѣдованій, заключается въ томъ, что онъ невольно и незамѣтно толкаетъ мысль на путь гипостазированія понятій. Въ средніе вѣка это привело къ спору номиналистовъ съ реалистами, въ современной біологіи мы видимъ борьбу, во многомъ напоминающую этотъ старый споръ, при чемъ позицію реализма отстаиваютъ неовиталисты. И невольно кажется, что въ развитіи уче-

нія о специфическомъ жизненномъ агентѣ формулировка вопроса играетъ не послѣднюю роль.

Но и помимо этого: всѣ попытки дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, что такое жизнь, ведутъ къ болѣе или менѣе формальному опредѣленію, или просто къ фразѣ, непригодность которой очень скоро становится ясной для каждаго. Читатель можетъ найти цѣлый рядъ такихъ опредѣленій въ классическихъ лекціяхъ Клода Бернара по общей физиологіи ¹⁾, и, я думаю, не безынтересно будетъ привести нѣкоторыя изъ нихъ. Опредѣленіе *Аристотеля* гласитъ: «Жизнь есть питаніе, ростъ и одряхлѣніе, причиной которыхъ служитъ принципъ, имѣющій цѣль въ самомъ себѣ, энтелехія» ²⁾. По опредѣленію *Биша*, «жизнь есть совокупность явленій, которыя сопротивляются смерти»; *Тревинаусъ* опредѣлялъ жизнь какъ «постоянное однообразіе явленій при разнообразіи внѣшнихъ явленій», *Ламаркъ*—какъ «состояніе вещей, которое даетъ возможность органическаго движенія подъ вліяніемъ возбудителей». Эти опредѣленія относятся къ самому началу 19-го вѣка, но вотъ опредѣленіе *Герберта Спенсера*, изъ второй половины 19-го вѣка; «жизнь есть опредѣленная комбинація разнородныхъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, въ соотвѣтствіи со внѣшними сосуществованіями и послѣдствіями». Самъ *Клодъ Бернаръ* пополняетъ собранныя имъ опредѣленія двумя блестящими и получившими широкую извѣстность афоризмами: «жизнь есть созиданіе», «жизнь есть смерть».

Ни одно изъ многочисленныхъ опредѣленій жизни, дававшихся въ разныя времена учеными различныхъ направленій не получило права гражданства въ наукѣ, но иначе и быть не можетъ. Если бы мы захотѣли такимъ же точно путемъ опредѣлить сущность паровоза, абстрагировать его «*virtus locomotiva*», то, вѣроятно, этотъ совершенно ясный механизмъ предсталъ бы передъ нами въ новомъ и странномъ освѣщеніи.

Но если мы не можемъ точно опредѣлить жизнь, всякій понимаетъ, что мы обозначаемъ этимъ словомъ совокупность свойствъ

¹⁾ Жизненные явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Перев. Антоновича. Спб. 1878, 1-я лекція.

²⁾ „Но вотъ этотъ-то принципъ и требуется уловить и узнать“, прибавляетъ *Клодъ Бернаръ*. Знаменитый физиологъ навѣрное не предполагалъ, что черезъ какія-нибудь двадцать лѣтъ послѣ его смерти опредѣленіе *Аристотеля* будетъ выдвинуто вновь и поставлено во главу угла біологіи.

и проявленій, присущихъ опредѣленнымъ *тѣламъ*, которыя являются ея носителями. Геологъ можетъ говорить о жизни земли, минералогъ о жизни кристалла, употребляя этотъ терминъ въ переносномъ смыслѣ; для біологіи, которая одна употребляетъ его въ прямомъ смыслѣ, носителемъ жизни является вполнѣ опредѣленный классъ *тѣлъ—живыхъ существъ* или *органовъ*. Не вещество, какъ утверждаютъ нѣкоторые ученые съ первой же строчки ¹⁾, упуская изъ виду, что подобное утвержденіе сразу предрѣшаетъ многое и нуждается еще въ доказательствѣ, а именно *тѣло* или *существо*. А поэтому настоящая наука о жизни, общая біологія, можетъ быть только *теоріей организмовъ*. Это прекрасно понималъ *Вильгельмъ Ру*, основатель «механики развитія», и въ своей недавней программѣ ²⁾ вмѣсто обычнаго опредѣленія жизни онъ опредѣляетъ живое существо.

II.

Пытаясь ближе уяснить себѣ сущность организмовъ или живыхъ существъ, мы найдемъ прежде всего, что *организмы* относятся къ болѣе широкому разряду *естественныхъ тѣлъ*, или системъ. Такой пріемъ опредѣленія былъ широко распространенъ у старыхъ авторовъ, откуда перешелъ въ элементарные учебники естествознанія; въ научной литературѣ послѣдняго времени мы встрѣчаемъ его рѣдко (В. Ру).

Знаменитый въ свое время *Блюменбахъ* въ «Учебникѣ естественной исторіи», вышедшемъ въ концѣ 18-го вѣка и выдержавшемъ большое количество изданій, пишетъ о естественныхъ тѣлахъ слѣдующимъ образомъ. «§ I Всѣ тѣла, находящіяся на поверхности нашей земли или внутри ея, являются себя или въ томъ самомъ видѣ и свойствахъ, какіе они приняли изъ рукъ Творца и получили благодаря дѣйствию предоставленныхъ самимъ себѣ естественныхъ силъ, или такъ, какъ измѣнили и передѣлали ихъ люди и животныя для опредѣленныхъ цѣлей или какъ измѣнили ихъ простой случай. На этомъ различіи основывается извѣстное подраздѣленіе тѣлъ на естественныя (*naturalia*) и приготовленныя

¹⁾ См. напр. Allgemeine Physiologie Ферворна, „Es wird demnach die Betrachtung der lebendigen Substanz... den Ausgangspunkt der allgemeinen Physiologie bilden müssen» (5 Aufl. p. 64).

²⁾ W. Roux. Die Entwicklungsmechanik, ein neuer Zweig der biologischen Wissenschaft. 1905.

искусственнымъ путемъ (artefacta). Первыя составляютъ предметъ естественной исторіи» ¹⁾).

Это опредѣленіе вѣрно указываетъ на характерное свойство естественныхъ тѣлъ: самостоятельность ихъ возникновенія, путемъ дѣйствія силъ, присущихъ ихъ частямъ, но оно грѣшитъ нѣкоторой узостью. Само собой понятно, что къ категоріи естественныхъ тѣлъ относятся не только тѣла на и подъ землею — облака, капли, кристаллы, организмы, но и сама земля и всѣ небесныя тѣла. Куда бы мы ни взглянули, мы видимъ или естественныя тѣла, или обломки ихъ, или то или иное ихъ сочетаніе.

Когда говорятъ: «организмъ представляетъ изъ себя естественное тѣло», то на этомъ положеніи долго не останавливаются, такъ какъ оно представляется просто общей фразой. Между тѣмъ для правильной постановки теоріи организмовъ этотъ вопросъ имѣетъ первостепенное значеніе: *прежде чѣмъ опредѣлять свойства, присущія организму какъ таковому, мы должны выяснить свойства, общія ему съ другими естественными тѣлами.*

Какъ возникаетъ въ насъ понятіе о тѣлѣ вообще, гносеологическій и психологическій анализъ этого процесса совершенно выходитъ изъ рамокъ нашей задачи. Для насъ естественное тѣло есть нѣчто данное въ повседневномъ опытѣ и въ своихъ общихъ чертахъ знакомое. Намъ необходимо только опредѣлить его свойства болѣе точно и научно, а на этомъ пути намъ невольно приходится натолкнуться на вопросъ: какія науки должны заниматься и занимаются разсмотрѣніемъ естественныхъ тѣлъ?

Въ прежнее время существовала одна наука, ставившая себѣ задачей изученіе всѣхъ естественныхъ тѣлъ; она носила названіе естественной исторіи. Но это время давно прошло: совокупность фактовъ, относящихся къ естественнымъ тѣламъ разрослась до такой степени, что сдѣлалось не подъ силу вмѣстить ихъ въ одинъ трудъ, излагать одному человѣку. Послѣднюю попытку въ этомъ родѣ представляетъ Космосъ Александра Гумбольдта. Теперь естественная исторія распалась на множество отдѣльных дисциплинъ, изученіемъ каждаго естественнаго тѣла занимается

¹⁾ *Blumenbach*. Handbuch der Naturgeschichte. Цитирую по 7 изданію. Göttingen. 1803.

нѣсколько наукъ, каждая наука дробится въ свою очередь на отдѣлы, требующіе особыхъ спеціалистовъ и т. д. Несомнѣнно, такое раздѣленіе научнаго труда является крайне плодотворнымъ для развитія нашихъ знаній о природѣ и необходимымъ по существу дѣла, но, къ сожалѣнію, общія, руководящія точки зрѣнія, имѣющія силу для всѣхъ дисциплинъ естественной исторіи, отсутствуютъ при этомъ на задній планъ. Спеціалистъ, выросшій и состарѣвшійся въ родной лабораторіи или музеѣ, подвергается такимъ образомъ опасности потерять изъ виду пониманіе цѣлаго и истинную оцѣнку своего рабочаго метода.

Старинное названіе «естественная исторія» вполне отчетливо выражало одно очень важное для научной методики обстоятельство; оно показывало, что въ ученіи о естественныхъ тѣлахъ соединяются *два приѣма или метода изученія: естественнонаучный и историческій*. Одной своей стороною естественная исторія примыкаетъ и опирается на общія науки о веществѣ и силахъ: механику, физику и химію, съ другой стороны она изучаетъ тѣла съ точки зрѣнія ихъ измѣненій во времени, какъ историческіе процессы. Въ имѣющихся теперь налицо отдѣльныхъ дисциплинахъ или проводится какая-нибудь одна точка зрѣнія или смѣшиваются обѣ, не всегда достаточно ясно разграничиваясь другъ отъ друга.

Такая двойная точка зрѣнія имѣетъ громадное значеніе для уясненія себѣ естественныхъ тѣлъ въ полномъ ихъ объемѣ. Для каждаго естествоиспытателя въ высшей степени важно отдавать себѣ полный отчетъ, гдѣ кончается естествознаніе и начинается исторія, а также, какое значеніе имѣютъ они въ отдѣльности при изученіи природы. Но такое пониманіе, какъ всякій знаетъ, встрѣчается не особенно часто. И виною этому является не столько индифферентизмъ естествоиспытателей, сколько недостаточная разработка и спутанность понятій о естественнонаучномъ и историческомъ, господствовавшая даже среди философовъ, психологовъ и историковъ, спеціально занимавшихся вопросами научной методики. Дѣло доходило не разъ до попытки подвести исторію цѣликомъ подъ категорію естественныхъ наукъ, найти историческіе законы, подобные естественно-научнымъ. И впервые у Виндельбанда и Риккерта мы находимъ совершенно ясное, отчетливое разграниченіе естественныхъ наукъ и исторіи какъ *двухъ типовъ* нашего познанія, вполне различныхъ по своей *логической* структурѣ.

Книга нѣмецкаго профессора *Генриха Риккерта*, ученика Виндельбанда, переведенная на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Границы образованія естественнонаучныхъ понятій.—Логическое введеніе въ историческія науки. «Спб. 1904, является трудомъ капитальной важности,—я сказалъ бы даже,—заслуживаетъ быть настольной книгой всякаго естествоиспытателя, желающаго осмыслить результаты, полученные за своимъ рабочимъ столомъ. И, если даже не вполне соглашаться съ взглядами автора на естествознаніе и оставлять открытымъ вопросъ о сведеніи естествознанія и исторіи къ болѣе глубокому единству—надо все-таки сознаться, что исходныя точки намѣчены у Риккерта необыкновенно ясно и помогаютъ разобраться въ одномъ изъ трудныхъ вопросовъ. Я позволю себѣ немного остановиться на этомъ замѣчательномъ трудѣ.

Задачей науки является, по Риккерту, «преодолѣніе безконечнаго многообразія міра». Міръ такъ, какъ онъ есть, безконечно разнообразенъ, онъ не имѣетъ для насъ начала во времени, достижимаго предѣла въ пространствѣ и является въ видѣ безконечнаго множества отдѣльныхъ формъ и процессовъ. Охватить все это многообразіе умомъ, дать точное «отображеніе» міра человѣческой интеллектъ не способенъ, не способна къ этому и наука. Ея задача—сдѣлать возможнымъ познаніе дѣйствительности путемъ упрощенія ея, путемъ приведенія ея въ такую форму, что она становится «обозримой», однимъ словомъ—преодолѣніе многообразія. Въ цѣляхъ упрощенія умъ человѣческой пользуется всегда однимъ приемомъ: онъ образуетъ *понятія*.

Съ подобнымъ взглядомъ намъ уже пришлось встрѣтиться при изложеніи ученія Дриша: въ правильномъ образованіи понятій и Дришъ видитъ первую задачу науки.

Задача познанія міра во всей ея совокупности выполняется двумя основными науками: *естествознаніемъ* и *исторіей*. Отсюда именно начинаются оригинальные взгляды Риккерта. Онъ доказываетъ, что *логическое построеніе* этихъ основныхъ наукъ различно, такъ какъ *понятія*, образуемыя естествознаніемъ и исторіей *совершенно иныя*. Въ обычной логикѣ мы такого разграниченія не находимъ, но это потому, что школьная логика со временъ Аристотеля, въ сущности говоря, логика естественныхъ наукъ, и ея теорія построенія понятій имѣетъ своимъ образцомъ естествознаніе.

Понятія, которыя являются пригодными для естественно-научной обработки міра, должны удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ.

Въ ихъ основу нерѣдко кладутся понятія, заимствованныя изъ обыденной жизни (напримѣръ «животное», «растеніе»), но въ такомъ случаѣ они должны подвергнуться переработкѣ. Логически пригодное понятіе должно быть *опредѣленнымъ*, это значитъ, его можно вполне выразить помощью одного или нѣсколькихъ сужденій; оно должно быть *общимъ*, т.-е. быть примѣнимымъ къ извѣстнаго рода формамъ и явленіямъ независимо отъ мѣста и времени, наконецъ, необходимымъ или, выражаясь точнѣе, *обще-обязательнымъ*. Формируя логическое понятіе вещи или отношенія, мы умышленно изгоняемъ изъ него цѣлый рядъ данныхъ, воспринимаемыхъ нами въ непосредственномъ опытѣ, оставляемъ въ сторонѣ временныя, мѣстныя отношенія, все индивидуальное, т.-е. совершаемъ абстракцію. Если разложить извѣстныя научныя понятія отношеній въ сужденіе, мы получимъ такъ называемые *законы природы*, которые представляютъ изъ себя, такимъ образомъ, иной способъ выраженія общихъ, опредѣленныхъ и обще-обязательныхъ понятій. Слѣдуя неуклонно по пути упрощенія, наука создаетъ все болѣе и болѣе общія понятія и законы, а вмѣстѣ съ тѣмъ все больше суживается разнообразіе тѣхъ дѣйствительныхъ вещей и отношеній, которыя она кладетъ въ основу пониманія міра. И, постепенно, всѣ міровые процессы, сводятся въ глазахъ естествознанія къ одному процессу движенія, а все разнообразіе веществъ къ одному основному веществу—эффиру. Немалую помощь на этомъ пути оказываютъ науки математическія: съ ихъ помощью многообразіе явленій переводится на многообразіе чиселъ и отношеній. Въ точныхъ наукахъ совершается почти полный переходъ естествознанія въ математику, переходъ вполне возможный, такъ какъ логическія основы ихъ другъ другу не противорѣчатъ.

Такова структура естественныхъ наукъ, хорошо знакомая каждому, такъ какъ основныя особенности ихъ выяснялись много разъ. Характернымъ является здѣсь отвлеченіе отъ непосредственно даннаго, выраженіе его при помощи общихъ понятій и законовъ. Какъ это ни звучитъ парадоксально, но эмпирическая *дѣйствительность* въ наиболѣе разработанныхъ отдѣлахъ естествознанія совершенно *исчезаетъ*, исчезаетъ представленіе о процессахъ, совершающихся въ извѣстномъ мѣстѣ и времени, остаются только ряды конструкцій или символовъ и математическихъ отношеній между ними.

Ясно, что одна такая наука не можетъ удовлетворить запросамъ челоѣка. Вѣдь и то, что дѣйствительно существуетъ, что происходило и происходитъ въ своихъ *индивидуальныхъ особенностяхъ*, представляетъ немалый интересъ для челоѣческой мысли. Изучать все это—*процессы, происходящіе въ определенномъ мѣстѣ и времени, которые разъ были и больше не повторяются*—призваны науки *историческія*. Какъ и естествознаніе, исторія не можетъ дать исчерпывающаго отображенія того, что происходитъ въ дѣйствительности; она также упрощаетъ свою задачу при помощи понятій, но только понятія ея совершенно иныя, особой логической конструкціи. Въ этомъ, по мнѣнію Раккерта, ея характерная особенность, а не въ томъ, что историческія науки—науки о духѣ, а естественныя—науки о матеріи, какъ думаютъ многіе; сама психологія по своей логической структурѣ и задачамъ относится къ естествознанію.

Такимъ образомъ эмпирическую дѣйствительность можно изучать съ двухъ точекъ зрѣнія: «она становится *природой*, коль скоро мы рассматриваемъ ее такимъ образомъ, что при этомъ имѣется въ виду общее,—*исторіей*, когда имѣется въ виду частное». Отсюда вытекаетъ, что законовъ исторіи въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ слово законъ въ естествознаніи, быть не можетъ, это *contradictio in adjecto*.

Основнымъ понятіемъ исторіи является понятіе «историческаго индивидуума»; это представленіе объ извѣстномъ лицѣ (Гете), предметѣ (листъ березы, который я сорвалъ) или явленіи (землетрясеніе въ Лиссабонѣ), конструированное особымъ образомъ, въ виду извѣстной цѣли. Когда, на примѣръ, мы говоримъ о Гете, мы имѣемъ въ виду не анатомическое строеніе его внутреннихъ органовъ, а его произведенія и то, что такъ или иначе имѣетъ къ нимъ отношеніе. Историческій индивидуумъ, какъ выражается Риккертъ, есть «индивидуумъ относимый къ извѣстной цѣнности», поэтому историческое образованіе понятій является по существу телеологическимъ.

Установивъ понятія тѣхъ или иныхъ историческихъ индивидуумовъ, наука должна связать полученные ряды въ одно болѣе общее цѣлое, въ *процессъ*, т.-е. установить «историческую связь». Такимъ же путемъ связываются между собой и отдѣльные процессы. Руководящимъ принципомъ служить для этого болѣе широкое понятіе «историческаго развитія». Какъ и всѣ остальные

историческія понятія, «развитіе» также связывается съ извѣстной цѣнностью; мы выбираемъ извѣстныя стороны явленій, ихъ исходную и конечную точки, пользуясь извѣстнымъ критеріемъ и отбрасывая все, не представляющее для насъ въ настоящее время интереса. Только такимъ путемъ можетъ быть достигнуто обзорѣніе безконечно сложной эмпирической дѣйствительности. Конечно, исторія, какъ наука, должна выработать такія цѣнности, которыя были бы общеобязательными, только тогда ея понятія будутъ лишены произвола; въ установленіи этихъ необходимыхъ цѣнностей лежитъ главная трудность дѣла, и здѣсь врядъ ли возможно обойтись безъ участія метафизики. На этомъ вопросѣ однако мы не будемъ останавливаться, такъ какъ для насъ онъ не особенно важенъ, и перейдемъ къ пункту, имѣющему прямое отношеніе къ нашей темѣ.

Хотя логическая структура естествознанія и исторіи совершенно различна, въ современныхъ наукахъ естественнонаучное и историческое часто бываетъ слито въ одно цѣлое. Мы имѣемъ цѣлый рядъ историческихъ элементовъ въ естествознаніи, какъ его необходимую составную часть. Ихъ можно найти и въ физикѣ и въ химіи, но больше всего конечно въ біологіи; достаточно упомянуть о палеонтологіи, о родословномъ деревѣ организмовъ, о происхожденіи человѣка. Такая книга какъ «*Natürliche Schöpfungsgeschichte*» Геккеля представляетъ изъ себя чистѣйшую историческую біологію. Но и въ самомъ ученіи о жизни намъ постоянно приходится наталкиваться на такія черты эмпирической дѣйствительности, которыя всецѣло выходятъ за предѣлы естествознанія, такъ какъ объяснимы лишь исторически. Легко понять, какія недоразумѣнія могутъ возникать на этой почвѣ, и Риккертъ вполне справедливо указываетъ на смѣшеніе двухъ различныхъ методовъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ разногласія между виталистами и механистами.

Такимъ образомъ поставленный нами въ началѣ главы вопросъ: «какія науки занимаются изученіемъ естественныхъ тѣлъ?», получаетъ въ трудѣ Риккерта совершенно опредѣленное освѣщеніе. *Вся естественныя тѣла составляютъ предметъ изученія какъ естествознанія, такъ и исторіи.* Въ отдѣльныхъ существующихъ наукахъ—безразлично, сколько бы ихъ ни было—эти точки зрѣнія могутъ быть перемѣшаны, но мы должны стремиться яснѣе разграничивать ихъ, такъ какъ методика естествознанія, его логи-

ческая структура совершенно иная, чѣмъ въ исторіи. Имѣя въ виду эту коренную противоположность, мы можемъ избѣжать въ естествознаніи постановки вопросовъ, неразрѣшимыхъ съ его методами, попросту сказать, для него не существующихъ.

III.

За послѣднее время мы встрѣчаемъ въ литературѣ двѣ крайне интересныя попытки примѣнить къ изученію живыхъ существъ исключительно одну точку зрѣнія, доказать, что ихъ истинное пониманіе возможно только путемъ естествознанія или путемъ исторіи. Вмѣстѣ взятыя онѣ служатъ прекрасной иллюстраціей къ ученію Риккерта.

Первый взглядъ былъ высказанъ *Дришемъ*. Ополчась противъ теоріи Дарвина, Дришъ объявилъ войну всему историческому въ біологіи, считая его совершенно излишнимъ и ненаучнымъ. Всѣ филогенетическія разсужденія могутъ создать только родословное древо, галерею семейныхъ портретовъ — къ чему они? Настоящая научная біологія должна найти законы, для нея интересенъ вопросъ, какія причины могутъ вызвать то или иное измѣненіе формы, а не каковы предки того или другого животного. Поэтому большинство современныхъ понятій въ біологіи образовано совершенно неправильно и ненаучно: это понятія собирательныя (т.-е. въ нихъ слишкомъ много историческаго, такъ какъ собирательное понятіе близко къ «историческому индивидууму» Риккерта); біологія же должна анализировать явленія, доходить до элементовъ, строить свои «искусственныя понятія» и устанавливать между ними закономерную зависимость.

Ясно, что идеаль Дриша — чистая естественнонаучная біологія. Мы видѣли уже, какъ Дришъ примѣняетъ этотъ методъ на практикѣ для доказательства витализма. Правда, въ послѣднемъ доказательствѣ, къ которому онъ пришелъ въ 1903 году, на сцену выступаетъ «историческій базисъ реакціи», но Дришъ пользуется этимъ понятіемъ съ естественнонаучной точки зрѣнія.

Совершенно противоположное направленіе встрѣчаемъ мы у *Берсона*. Онъ принципиально отрицаетъ возможность понять живыя существа съ помощью тѣхъ методовъ, которыя положены въ основу точныхъ наукъ, методовъ «геометрическихъ», какъ онъ ихъ называетъ. Но, считая такіе методы единственно науч-

ными, единственно присущими человѣческому интеллекту, Бергсонъ принужденъ, конечно, констатировать банкротство науки въ дѣлѣ объясненія жизни и призываетъ на помощь «непосредственное проникновеніе» — интуицію. То, что заставляетъ его скептически относиться къ научному (= естествонаучному) методу, коренится въ невозможности при его средствѣ познавать дѣйствительно происходящія измѣненія жизни: указанный методъ оперируетъ съ абстрактными понятіями времени, съ математическимъ *t*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ важно абсолютное время, протекшее отъ начала жизни, ея длительность, «*durée*», которая накладываетъ опредѣленный отпечатокъ на все живое. Точно также наука не въ состояніи осмыслить эволюцію жизни, ея пути, изгибы и развѣтвленія; они для нея «непредвидимы», какъ продукты свободнаго творчества.

Уже изъ того немногаго, что приведено здѣсь, нетрудно увидѣть, что методъ познанія, который, по мнѣнію Бергсона, долженъ восполнить недочеты научнаго метода, въ сущности очень близокъ къ историческому методу Риккерта. Дѣйствительно, «*durée réelle*», опредѣляющая состояніе живого существа въ данный моментъ, должна войти, какъ необходимая составная часть, въ характеристику историческаго индивидуума. И совершенно бесплодно пытаться, оставаясь на почвѣ чистаго естествознанія, открыть законы появленія новыхъ формъ, это были бы тѣ же «историческіе законы», невозможность которыхъ доказывается Риккертомъ. Интуиція, къ которой прибѣгаетъ французскій философъ, какъ къ *ultimum refugium*, не должна насъ смущать: если отдѣлить отъ нея ея мистическую половину, а остальное перевести на трезвый школьный языкъ, въ ней нетрудно будетъ признать много общихъ чертъ съ «исторической логикой», тѣмъ болѣе, что послѣдняя сама не чужда метафизикѣ. Бергсонъ считаетъ, напримѣръ, человѣческое интуитивное знаніе слабымъ проблескомъ того инстинкта, который такъ пышно развился у нѣкоторыхъ членистоногихъ; но инстинктъ онъ опредѣляетъ какъ непосредственное знаніе вещей, той эмпирической дѣйствительности, которая по Риккертѣ недоступна естествознанію и подлежитъ другой логической обработкѣ.

При чтеніи книги Бергсона родство его взглядовъ съ Риккертомъ выступаетъ необыкновенно ясно но, повидимому, французскій философъ не считался съ трудомъ своего нѣмецкаго

коллеги; онъ шелъ вполнѣ самобытнымъ путемъ. Одинаковы были ихъ исходныя точки—признаніе недостаточности естествонаучной логики (Бергсонъ отождествляетъ ее съ логикой вообще), и этимъ объясняется остальное.

По выходѣ «Творческой эволюціи», Дришъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о ней. Онъ напечаталъ подробный рефератъ¹⁾, въ которомъ обращаетъ вниманіе своихъ соотечественниковъ на Бергсона — «философа біолога», «выдающагося человѣка». Вся статья, написанная въ крайне сочувственномъ тонѣ, невольно вызываетъ на размышленіе: что же это значить? Походъ въ Каноссу? Очевидно, Риккертъ правъ; чистое естествознаніе само по себѣ недостаточно для пониманія дѣйствительности, и, доводя до конца какую-нибудь одну точку зрѣнія, мы незамѣтно приходимъ къ другой, ей противоположной.

IV.

Трудъ Бергсона поучителенъ для насъ еще въ одномъ отношеніи. Онъ представляетъ изъ себя настойчивую попытку доказать, что интуитивный методъ познания, который мы считаемъ эквивалентомъ историческаго метода Риккерта, приложимъ только къ познанію живыхъ существъ. Вездѣ, гдѣ только можно, Бергсонъ проводитъ рѣзкую разницу между мертвой матеріей (*matière brute*), подчиняющейся законамъ механики, и живыми существами: «*Durée réelle*» имѣетъ значеніе только для послѣднихъ, и развѣ для всего міра, «*tout*». На разницѣ познания зиждется, главнымъ образомъ, и его витализмъ. Именно, Бергсонъ предполагаетъ, что способъ познания долженъ соответствовать объекту познания, что не только метафизика опредѣляется гносеологіей, но и обратно: та или иная сущность явленія требуетъ соответствующей теоріи познания. Здѣсь происходитъ, выражаясь языкомъ индуcской философіи, сліяніе познающаго съ познаваемымъ. А такъ какъ жизнь невозможно охватить геометрической логикой интеллекта, то она есть, по своей природѣ, нѣчто совершенно особое. Въ сравненіи съ мертвой матеріей жизненный потокъ обладаетъ особой силой: распространяться,

¹⁾ Zeitschr. f. Ausbau der Entwickl. Lehre. 1908.

захватывать, прогрессировать. Какъ будто въ началѣ созданія живому веществу сообщенъ былъ особый импульсъ, толчокъ — «elan», какъ называетъ его Бергсонъ, и этотъ толчокъ продолжаетъ дѣйствовать непрерывно, не только не ослабѣвая со временемъ, но, наоборотъ, усиливаясь.

Врядъ ли можно оспаривать, что мысли Бергсона имѣютъ глубокіе корни, слѣдуетъ обратить вниманіе только на то, какъ легко переоцѣнить значеніе этого «elan» для пониманія живыхъ существъ. Жизнь развивается; она имѣетъ исторію и не можетъ быть вполне уяснена безъ знанія исторіи, это вѣрно; но вѣдь такъ же развивается, такъ же имѣетъ свою исторію и «мертвая природа»; всѣ частныя естественныя системы, изъ которыхъ она складывается. Параллельно съ ростомъ и развитіемъ организмовъ идетъ развитіе земного шара, его атмосферы, морей; условія существованія солнечной системы, количество энергіи, выбрасываемой солнцемъ, также измѣняются. Если мы старѣемъ, то старѣетъ и наша земля, и тѣ химическія соединенія, тѣ минералы, которые она производила на зарѣ своего существованія, вновь уже не образуются, они только распадаются. Подобно Прейеру и нѣкоторымъ другимъ біологамъ, Бергсонъ рассматриваетъ все живое какъ одинъ гигантскій развивающійся индивидуумъ — въ рендантъ къ этому можно также смотрѣть на всю совокупность воды, находящейся на земномъ шарѣ, имѣя въ виду, конечно, не абстрактное H_2O , а жидкость, паръ или ледъ съ его мѣняющимся составомъ. Химическія свойства морской воды несомнѣнно не тѣ, что были прежде; капли дождя, падающія теперь, должны разниться отъ тѣхъ, которыя падали въ палеозойскую эпоху, такъ какъ составъ атмосферы измѣнился и т. д., и т. д. «Durée réelle» имѣетъ полное значеніе не только для живыхъ существъ, но и для всѣхъ естественныхъ тѣлъ, включая сюда даже атомы, которые, по воззрѣнію современной физики, подвергаются эволюціи.

Поскольку развитіе жизненныхъ формъ идетъ въ силу внутреннихъ автономныхъ импульсовъ, поскольку въ нихъ участвуютъ измѣненія окружающихъ естественныхъ тѣлъ — это вопросъ, который во многомъ еще не выясненъ и который нельзя ставить краугольнымъ камнемъ біологіи. Выдающійся палеонтологъ Штейнманнъ въ своемъ трудѣ «Geologische Grundlagen der Abstammungslehre. 1908», приводитъ много примѣровъ тому,

какъ однородныя измѣненія начинали появляться одновременно у многихъ живыхъ существъ, отличныхъ другъ отъ друга по организациіи и не состоящихъ между собой въ родствѣ. Такимъ путемъ появлялись сходныя измѣненія въ раковинахъ моллюсковъ, совершался переходъ споровыхъ растеній въ цвѣтковые, и, по видимому, шло развитіе млекопитающихъ изъ низшихъ холодно-кровныхъ формъ. Причиной такихъ одновременныхъ массовыхъ измѣненій могло быть только измѣненіе окружающей среды, а это указываетъ на тѣсную связь и параллелизмъ въ развитіи разнородныхъ естественныхъ системъ. Если измѣненія живыхъ существъ болѣе быстры, интенсивны и болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманія, то это не говоритъ еще въ пользу ихъ принципиальнаго отличія и невозможности трактовать всѣ естественныя системы съ общей точки зрѣнія.

Вообще, ходячее представленіе о мертвой «матеріи», одинаковости и повторяемости ея процессовъ есть только физическая абстракція, необходимая для цѣлей самой науки, но недостаточная при изученіи дѣйствительности. Что это сознаютъ и лучшие представители физики, доказываетъ недавняя рѣчь берлинскаго профессора Планка: «Die Einheit des physikalischen Weltbildes. 1909». Указавъ, что въ будущемъ основнымъ подраздѣленіемъ физическихъ процессовъ будетъ обратимость или необратимость ихъ, Планкъ дѣлаетъ многозначительное добавленіе. «Обратимые процессы», говоритъ онъ, «имѣютъ тотъ недостатокъ, что они всѣ (samt und sonders) идеальны; въ дѣйствительной природѣ не происходитъ ни одного обратимаго процесса» (стр. 18).

Если мы прибавимъ къ этому, что и вообще «матерія» въ дѣйствительности не существуетъ, что мы встрѣчаемъ ее лишь какъ матеріалъ той или иной естественной системы, то необходимость, для болѣе глубокаго пониманія тѣла, считается съ ихъ исторіей, выступить съ полной ясностью.

Такой историческій индивидуумъ, какъ та планета, на которой мы живемъ, изучается въ историческомъ отношеніи очень усердно, доказательствомъ чему служитъ особая наука, историческая геологія; но мы имѣемъ данныя, позволяющія заключить, что даже такія, по видимому однородныя, тѣла, какъ капли и кристаллы различныхъ веществъ, при желаніи могутъ съ успѣхомъ служить объектомъ историческаго изученія. Для доказательства я позволю сослаться на работы Бахметьева, профессора физики Софійскаго

университета. Они относятся къ специальному вопросу, застыванію переохлажденныхъ капель нитротолуола ¹⁾).

Суть ихъ, въ немногихъ словахъ, такова. Бахметьевъ помѣщалъ въ воду капли расплавленного р-нитротолуола, вещества съ химической стороны вполне извѣстнаго, и опредѣлялъ температуру, при которой онѣ застываютъ. Въ этотъ моментъ прозрачная капля превращается въ твердый шарикъ и падаетъ на дно, такимъ образомъ температура застыванія можетъ быть опредѣлена вполне точно. Слѣдуетъ замѣтить, что температура застыванія или плавленія, что одно и то же, считается постоянной для опредѣленнаго химическаго соединенія и, въ качествѣ константы, служитъ для его характеристики. Можно переохладить вещество, задержать его отвердѣніе, но опять-таки до температуры, которая, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ постоянной. Капли, въ опытахъ Бахметьева, брались опредѣленной величины, условія, въ которыхъ онѣ находились во время переохлажденія, были одинаковы, и, тѣмъ не менѣе, результаты получились совершенно неожиданные: въ температурѣ застыванія отдѣльныхъ капель оказалось громадное различіе. Одинъ взглядъ на чертежи, приложенные къ работѣ Бахметьева, сразу показываетъ это. Есть капли, застывающія при $t^{\circ} 46^{\circ}$, и другія при $t^{\circ} 24^{\circ}$, т. е. разница въ t° застыванія достигаетъ 22 градусовъ! Между этими крайними пунктами застываютъ остальные капли, но нѣтъ двухъ капель тождественныхъ. Разницу полученныхъ результатовъ нельзя объяснить неодинаковостью внѣшнихъ условій; она превышаетъ также возможные погрѣшности опыта и должна быть отнесена на счетъ индивидуальности капель. Разсматривая подробнѣе таблицы, легко убѣдиться, что вблизи извѣстныхъ температуръ, застываетъ большее количество капель, что застываніе происходитъ какъ бы періодами. Это соотвѣтствуетъ ранѣе полученнымъ даннымъ Таманна о періодичности появленія кристаллическихъ зародышей въ теченіе процесса кристаллизаціи; но тѣмъ не менѣе того полного единообразія, котораго мы въ правѣ ожидать отъ простаго вещества, не получается.

¹⁾ *Bachmetiew*. Ueberkaltungserscheinungen bei schwimmenden Nitrotoluol-Kügelchen. Записки Импер. Акад. Наукъ по физ.-мат. отд. 8 серія, т. 10. № 7. 1900.

Bachmetiew. Biologische Analogien bei schwimmenden p. Nitrotoluol-Kügelchen. Jenaische Zeitschrift f. Naturwissenschaft. Bd. 37. 1902.

Не ограничиваясь однимъ этимъ, Бахметьевъ производилъ отборъ капель. Собирая тѣ, которыя застываютъ вблизи известной t^0 , онъ сплавлялъ ихъ и вновь опредѣлялъ t^0 застыванія капель, полученныхъ изъ этой порціи. При этомъ между различными порціями оказывалась известная разни́ца, но она по-прежнему сопровождалась индивидуальными колебаніями.

Тщательныя изслѣдованія проф. Бахметьева имѣютъ большое принципиальное значеніе. И конечно, не для физики и химіи въ ихъ современной постановкѣ, такъ какъ для химіи не особенно важно, существуютъ ли шесть или болѣе модификацій нитротолуола, а для физики періодичность въ появленіи кристаллическихъ зародышей была уже установлена ранѣе. Но эти работы представляютъ изъ себя первую попытку проникнуть въ болѣе детальное изученіе тѣхъ естественныхъ тѣлъ (капель), которыя мы привыкли трактовать съ обычной физико-химической точки зрѣнія, какъ однородное вещество известнаго состоянія агрегации. Капли дождя падаютъ одна за другой, стучатъ въ крышу, расплываются, сливаются и исчезаютъ. Для насъ онѣ всѣ одинаковы: «какъ двѣ капли воды», говоримъ мы, желая обозначить высшую степень сходства. Изслѣдованія Бахметьева говорятъ: нѣтъ. Присмотритесь ближе къ нимъ, изучите ихъ въ отдѣльности и вы найдете, что врядъ ли есть двѣ вполне схожія. Капли такіе же *индивидуумы* съ ихъ безконечнымъ разнообразіемъ фізіономій, какіе мы привыкли встрѣчать въ мірѣ организмовъ, и соотвѣтственно своей индивидуальности даютъ различные отвѣты на воздѣйствія внѣшней среды. Сравненіе капель съ организмами проведено самимъ Бахметьевымъ во второй статьѣ; интересно отмѣтить, что толчокъ къ изученію переохлажденія простыхъ жидкостей дали его предшествовавшія работы о переохлажденіи соковъ внутри организма (t^0 замерзанія бабочекъ).

Другой примѣръ можетъ доставить намъ форма твердыхъ естественныхъ тѣлъ—снѣжинокъ. Замерзая, вода кристаллизуется въ гексагональной системѣ, въ видѣ шестиугольных табличекъ или призмъ. Но снѣжинка имѣетъ болѣе сложную форму, она представляетъ изъ себя сростокъ кристалловъ. Относительно формы снѣжинокъ обычно въ литературѣ приводится мало указаній, такъ какъ и работъ по этому вопросу немного. Только въ книгѣ *Вейнберга* ¹⁾ можно найти сводку всѣхъ результатовъ

¹⁾ Снѣгъ, иней, градъ, ледъ и ледники. 1908.

по этому вопросу. Они поразительны. Описанныя и сфотографированныя формы снѣжинокъ можно раздѣлить приблизительно на 50 типовъ, обращая вниманіе на кристаллографическія особенности. Но и въ предѣлахъ одного типа нѣтъ двухъ сходныхъ формъ: каждая снѣжинка есть особый, не повторяющійся *индивидуумъ*.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній для проведенія принципиальнаго различія между міромъ живыхъ тѣлъ и такъ называемой мертвой природы, какъ это дѣлаетъ Бергсонъ. Границы отдѣльныхъ наукъ нельзя считать за границы эмпирической дѣйствительности. Всѣ естественныя тѣла съ извѣстной точки зрѣнія подобны другъ другу: они допускаютъ естественно научное и историческое трактованіе. И если существуетъ на самомъ дѣлѣ интуиція, какъ непосредственное проникновеніе въ предметы и явленія видимаго міра, то она не ограничивается нашими ближайшими родственниками—организмами, а должна распространяться и на всю природу, какъ объ этомъ училъ великій натур-философъ Шопенгауэръ.

V.

Послѣ этого длиннаго, но необходимаго въ методологическомъ отношеніи отступленія, мы можемъ возвратиться къ ученію объ организмахъ. Само собой разумѣется, теорія организма является, въ согласіи съ идеаломъ Дриша, наукой естественной по преимуществу; историческое имѣетъ для нея значеніе главнымъ образомъ какъ предѣлъ ея компетенціи.

Пытаясь въ дальнѣйшемъ набросать пути, которыми, по моему мнѣнію, могла бы слѣдовать теорія организмовъ, я прошу читателя, въ избѣжаніе недоразумѣній, заранее имѣть въ виду, что я не претендую на созданіе сколько-нибудь разработанной теоріи. Все нижеслѣдующее есть просто набросокъ, возможная программа—и только.

Разсматривая организмы какъ одинъ изъ видовъ обширнаго рода естественныхъ тѣлъ, мы можемъ считать этотъ пріемъ правильнымъ и плодотворнымъ лишь въ томъ случаѣ, если между организмами и прочими тѣлами обнаруживается рядъ свойствъ, существенно важныхъ для ихъ характеристики, если свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о капляхъ, кристаллахъ и т. д. могутъ оказать намъ услугу при созданіи теоріи организмовъ. Мнѣ кажется,

что на это мы можемъ разсчитывать. Подготовительныя работы въ этомъ направленіи начаты уже давно: нѣкоторые біологи съ интересомъ изучаютъ явленія неорганическаго міра въ надеждѣ воспользоваться ими для цѣлей своей науки; достаточно назвать имена *Раубера*, *Румблера*, *Пжибрама*. Въ сводкахъ, сдѣланныхъ двумя послѣдними авторами ¹⁾, можно найти всю относящуюся сюда литературу. Изъ физиковъ *Леманъ*, пораженный сходствомъ своихъ жидкихъ кристалловъ съ живыми существами, придаетъ этому явленію большое значеніе для уясненія организмовъ. *Фишель* въ одной изъ специальныхъ работъ надъ яйцами ктенофоръ намѣчаетъ взглядъ на организмъ какъ на систему, во многомъ близкій къ развиваемымъ здѣсь. Но въ то время какъ одни ученые считаютъ аналогіи между каплями, кристаллами и организмами идущими такъ далеко, что надѣются получить при ихъ помощи объясненіе чуть ли не всѣхъ явленій жизни, другіе — обращая главное вниманіе на существующія различія, — считаютъ проведеніе подобныхъ аналогій праздною игрою ума. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ, конечно, виталисты. Если они и начинаютъ говорить о кристаллахъ, то только для того, чтобы показать ихъ коренное различіе отъ организмовъ, выдвигая иногда въ качествѣ тяжелаго орудія критерій одушевленности (Рейнке). На тонкія сопоставленія регенерацій кристалловъ и организмовъ, сдѣланныя Пжибрамомъ, который доказываетъ, что выводы Дриша должны распространяться и на кристаллы, Дришъ отвѣчаетъ указаніемъ на бесполезность общихъ аналогій. Такимъ путемъ, по его мнѣнію, можно доказать все, что угодно. Аргументъ подавляющій, но сила его немного ослабляется тѣмъ, что, вообще говоря, ничто не спасаетъ отъ софистики, и аналитическій методъ самого Дриша въ искусныхъ рукахъ можетъ привести къ тѣмъ же послѣдствіямъ.

Мнѣ кажется, что истина, какъ это часто бываетъ, лежитъ посрединѣ между обѣими крайностями. Ясно, что организмъ не кристаллъ и не капля какого-нибудь вещества, но, съ другой стороны, существующія аналогіи настолько интересны, что пренебрегать ими нельзя, и при осторожномъ пользованіи онѣ могутъ

¹⁾ *Rhumbler*. Aus dem Lückengebiet zwischen organismischer und anorganismischer Materie. Ergebnisse d. Anat. Bd. 15. 1905.

Przibram. Kristall-Analogien zur Entwicklungsmechanik der Organismen. Arch. f. Entw. Mecbanik. Bd. 22. 1906.

служить прекраснымъ *эвристическимъ принципомъ*. Такое сужденіе налагаетъ на насъ обязанность заняться выясненіемъ свойствъ, общихъ организмамъ и другимъ естественнымъ тѣламъ. Мы должны вступить, такимъ образомъ, на путь, проложенный знаменитымъ англійскимъ мыслителемъ *Спенсеромъ*, который ясно видѣлъ единство всѣхъ системъ міра, понимая слово система въ самомъ широкомъ смыслѣ, и изложилъ общіе принципы ихъ эволюціи въ первомъ томѣ своей синтетической философіи—«Основныхъ началахъ».

Въ качествѣ конкретныхъ примѣровъ естественныхъ тѣлъ, я прошу имѣть въ виду какое-нибудь небесное тѣло, каплю воды, кристаллъ любого вещества, газовую молекулу и т. д.

Вотъ что получится, если сопоставить главнѣйшія свойства всѣхъ этихъ тѣлъ.

1) Естественныя тѣла представляютъ изъ себя болѣе или менѣе сложныя *системы*, т.-е. образованія, составленныя изъ отдѣльныхъ частей, связанныхъ въ одно цѣлое силами, принадлежащими самимъ частямъ. Обнаружить это возможно двоякимъ путемъ: или наблюдая образованіе системы или разлагая систему при помощи особыхъ *пріемовъ*. Въ томъ и другомъ случаѣ части, составляющія систему, оказываются въ свою очередь *системами*. Какъ далеко можетъ идти подобный анализъ? Современная наука доказываетъ сложный составъ атомовъ, которыхъ до послѣдняго времени можно было считать образованіями простыми, и оставляетъ въ качествѣ самыхъ простыхъ, неподдающихся пока разложенію, одни лишь электроны. Слѣдуетъ замѣтить, что теоретическія разсужденія, доведенныя до крайнихъ предѣловъ еще Лейбницемъ, давно указывали на сложность частей, принимаемыхъ за элементарныя; мало того, они доказываютъ, что въ нашемъ разложеніи мы никогда не дойдемъ до конца, т.-е. никогда не перестанемъ ощущать необходимости въ болѣе простыхъ элементахъ.

Систему можно расчленять на части различнаго порядка, это зависитъ отъ точки зрѣнія, съ которой мы желаемъ ее изучать: для физика интересны составляющія систему молекулы, химикъ желаетъ разложить и самыя молекулы на атомы, геологъ обращаетъ вниманіе на пласты, астрономъ можетъ принять всю планету за точку. Такое подраздѣленіе можетъ быть и искусственнымъ, т.-е. просто нужнымъ для извѣстной цѣли *пріемомъ*, въ

этомъ случаѣ составныя части не могутъ существовать или не существовали сами по себѣ. Для общаго ученія о естественныхъ тѣлахъ, такое дѣленіе, конечно, не представляетъ интереса.

Мы говоримъ, что естественная система образуется при участіи силъ, свойственныхъ системамъ-частямъ; здѣсь мы сталкиваемся съ кореннымъ и труднѣйшимъ вопросомъ всего ученія: какъ изъ соединенія многихъ индивидуальныхъ системъ получается вновь система-индивидуумъ? Прежде всего съ этимъ вопросомъ столкнулись химики: свойства молекулъ водорода и кислорода исчезаютъ при соединеніи ихъ въ молекулу воды, вмѣсто нихъ появляется нѣчто новое и единое. Впослѣдствіи оказалось, что въ сложныхъ молекулахъ нѣкоторыя свойства частей могутъ сохраняться и какъ бы просвѣчивать изъ-за свойствъ цѣлаго, это привело Оствальда къ ученію объ аддитивныхъ и конститутивныхъ свойствахъ молекулъ. Но, въ сущности говоря, этотъ вопросъ—часть болѣе общаго вопроса, относящагося не только къ молекуламъ, но и ко всѣмъ естественнымъ тѣламъ. Капля воды, кристаллъ льда представляютъ изъ себя нѣчто большее, чѣмъ сумму сближенныхъ газовыхъ молекулъ, это цѣлое единое, точно также и многоклеточный организмъ есть единое цѣлое, во многомъ подобное тѣмъ единицамъ-клеткамъ, изъ которыхъ онъ составляется. Не входя въ детальное разсмотрѣніе поставленнаго общаго вопроса, я позволю себѣ указать, что при попыткахъ его углубленія нельзя такъ рѣзко разграничивать физическіе и химическіе процессы, какъ это обычно дѣлаютъ, считая связи, проявляющіяся въ каплѣ или кристаллѣ чисто физическими, а въ молекулѣ—химическими. Я сошлюсь въ этомъ отношеніи на физиковъ, которые считаютъ возможнымъ признавать въ жидкости особыя «жидкія» молекулы, построенныя, напримеръ, для воды, по типу nH_2O . Весьма вѣроятно, что при изученіи системъ въ цѣломъ, связи, существующія между ихъ частями, выступаютъ передъ нами въ иномъ свѣтѣ и позволяютъ лучше понять тотъ единый принципъ конструкціи, который выступаетъ пока голымъ фактомъ.

Здѣсь приходится снова обратить вниманіе на одинъ пунктъ, о которомъ уже шла рѣчь въ первой части. Изученіе большинства естественныхъ тѣлъ выходитъ изъ рамокъ физики и химіи. Эти науки изслѣдуютъ главнымъ образомъ общія свойства вещества и процессы въ немъ, оставляя изученіе тѣлъ, какъ таковыхъ, осо-

бымъ дисциплинамъ, которыя съ точки зрѣнія физики и химіи являются прикладными. Такъ, напримѣръ, ученіе о газовыхъ шарахъ было изложено систематически, въ связи съ вопросами метеорологіи и астрономіи, лишь недавно. Ученіе о капляхъ нигдѣ систематически не излагается; хотя отдѣльныя главы его и служили предметомъ изслѣдованія физиковъ, но ихъ интересуетъ капля главнымъ образомъ какъ иллюстрація общихъ законовъ поверхности, а не сама по себѣ. Кристаллы составляютъ достояніе отдѣльной науки, физикъ же знаетъ лишь кристаллическое состояніе вещества и т. д. Только недоступныя глазу молекулы, гипотетическіе атомы и корпускулы относятся всецѣло къ области физики и химіи. Нельзя отрицать, что кинетическая теорія газовъ, стехіометрическіе законы химіи, явленія электролиза и радиоактивности доставляютъ вѣскія основанія для признанія этихъ невидимыхъ единицъ за естественныя тѣла—индивидуумы, но то универсальное примѣненіе, которое пытаются сдѣлать изъ нихъ, полагая, что ихъ однихъ достаточно для пониманія природы, представляетъ изъ себя непозволительный пріемъ упрощенія дѣйствительности. Все это важно помнить, чтобы не предъявлять къ физикѣ и химіи такихъ запросовъ, на которые они, по сложившемуся порядку, не могутъ отвѣчать.

2) Естественныя тѣла кажутся намъ всегда болѣе или менѣе рѣзко *отграниченными* отъ окружающаго міра; если составляющія ихъ части малы и находятся на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, мы можемъ говорить о *поверхности* тѣла въ геометрическомъ смыслѣ (поверхность земли, облака, капли). Въ дѣйствительности, непрерывной поверхности ни одна сложная система не имѣетъ, такъ какъ между поверхностными частями постоянно проходятъ снаружи внутрь и изнутри наружу отдѣльныя части—того же порядка, какъ ближайшія составныя части естественнаго тѣла или меньшія.

Признавая поверхностный слой тѣла за геометрическую поверхность, мы тѣмъ самымъ даемъ тѣлу извѣстную геометрическую *форму*. Форма естественнаго тѣла обыкновенно прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе и является первой ступенью его изученія. Объяснить съ *естественнонаучной* точки зрѣнія форму тѣла, понять, почему именно кристаллъ поваренной соли имѣетъ видъ куба, планета Сатурнъ свои кольца, а лягушка двѣ пары конечностей—невозможно. Если мы будемъ ссылаться

на форму частей, то будемъ лишь отодвигать вопросъ, не рѣшая его. Въ каждомъ естественномъ тѣлѣ существуетъ та «видовая специфичность», которая входитъ, какъ одна изъ составныхъ частей въ «энтелехію» Дриша; для естествознанія она будетъ «константой», неподдающейся дальнѣйшему анализу, такъ какъ здѣсь—предѣлъ естествознанія. Объясненіе формы возможно лишь путемъ *исторіи*.

Задача естествознанія въ дѣлѣ изученія формъ, заключается, во-1-хъ, въ ихъ логической классификаціи, во-2-хъ, въ томъ, чтобы изучать ихъ *измѣненія* и причины измѣненій. Когда естественное тѣло помѣщено въ условія, благопріятныя для свободнаго проявленія его внутреннихъ силъ, т.-е., по возможности изолировано отъ дѣйствія внѣшнихъ системъ, оно принимаетъ опредѣленную, свойственную ему форму, которую можно считать нормальной. Для газовыхъ и жидкихъ системъ такой является форма шара; для твердыхъ—одна изъ тридцати двухъ кристаллическихъ формъ. Формы организмовъ болѣе разнообразны, но ихъ исходной точкой является, повидимому; шаръ, изъ котораго пытались вывести большинство сложныхъ органическихъ формъ, ограниченныхъ кривыми поверхностями. Сложность и разнообразіе органическихъ формъ, само по себѣ, не представляетъ чего-либо исключительнаго, достаточно вспомнить тѣ сложныя формы, которыя образуютъ кристаллическіе сростки (напр., узоры льда на стеклахъ, дерево Сатурна).

3) Ни одно изъ естественныхъ тѣлъ, встрѣчающихся въ природѣ, не является однороднымъ; всѣ они въ большей или меньшей степени *дифференцированы*, анизотропны, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Иногда части, составляющія систему, имѣютъ различный химическій составъ, какъ, напр., составныя части земной коры; тогда дифференцировка прямо бросается въ глаза; въ другихъ случаяхъ отдѣльные участки, если ихъ выдѣлить, кажутся одинаковыми, напр., части капли, кристалла. Но и въ этихъ случаяхъ система, какъ таковая, обнаружитъ неоднородность, стоитъ принять во вниманіе направленіе движенія отдѣльныхъ частей или направленіе связей, существующихъ между ними. Прежде всего, части, расположенныя въ поверхностномъ слоѣ, имѣютъ инныя свойства, чѣмъ расположенныя въ глубинѣ, уже по одному тому, что онѣ подвергаются различному воздѣйствію съ двухъ сторонъ, внутренней и внѣшней. Это въ свою очередь должно отражаться

на слоѣ, лежащемъ подъ поверхностью, отдѣльныя части котораго также должны испытывать неодинаковыя воздѣйствія и т. д. Физика выработала ученіе о такъ называемомъ поверхностномъ натяженіи, по которому поверхностный слой представляетъ изъ себя какъ бы упругую пленку, сдавливающую массу капли или кристалла. Одно время такое представленіе считалось чисто фиктивнымъ, перечисленіемъ свойствъ капли въ цѣломъ на ея поверхность; теперь нѣкоторые физики принимаютъ дѣйствительное измѣненіе поверхностнаго слоя. Какъ бы тамъ ни было, неоднородность капли остается фактомъ, даже если оставить безъ вниманія ея центръ, свойства котораго совершенно не опредѣлены. Неоднородность кристалла представляетъ фактъ всѣмъ извѣстный.

Разъ въ тѣлѣ существуетъ дифференцировка, процессы перемѣщенія и распредѣленія энергіи совершаются по опредѣленнымъ направленіямъ; линіи ихъ распространенія можно назвать *векторами тѣла*, а самое свойство *векторіальностью*. Векторіальность лучше всего изучена въ кристаллахъ и считается ихъ основнымъ и характернымъ свойствомъ, но, въ дѣйствительности, она присуща всѣмъ естественнымъ тѣламъ. Только въ кристаллахъ векторы идутъ параллельными пучками; въ капляхъ и другихъ тѣлахъ сферической формы они направляются, вѣроятно, радіально; въ тѣлахъ сложнаго строенія, расположеніе ихъ конечно будетъ сложнымъ. Совокупность векторовъ въ связи съ пограничными условіями опредѣляетъ *организацию тѣла*.

Понятіе «организации» не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіемъ «структура», какъ это иногда дѣлаютъ. Организация всегда обозначаетъ распредѣленіе частей въ цѣломъ, тогда какъ структура—распредѣленіе частей въ выбранной извѣстнымъ образомъ части этого цѣлага. Кристаллическая структура наблюдается въ любой малой части кристалла, организация только въ цѣломъ кристаллѣ съ его ядромъ и поверхностью. Физика, изучая вещество, имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ структурой. На ряду съ формой, организация служитъ главной характеристикой естественнаго тѣла, поэтому живыя существа, въ которыхъ дифференцировка и направленія процессовъ выступаютъ съ особой ясностью, и имѣютъ особое право называться организмами.

4) Какъ бы ни были разнообразны физическіе и химическіе процессы, разыгрывающіеся въ естественныхъ тѣлахъ, ихъ мож-

но въ самомъ общемъ видѣ представить такъ. Каждое тѣло получаетъ во время известное количество энергіи, положимъ a , и выдѣляетъ изъ себя также известное количество энергіи— b ; a и b могутъ быть равны, могутъ быть неравны; соответственно этому тѣло будетъ находиться въ состояніи энергетическаго равновѣсія, накапливать или терять энергію. Такой процессъ прекратится только въ томъ случаѣ, если тѣло совершенно изолировать отъ другихъ при абсолютномъ нулѣ температуры—случай врядъ ли возможный.

Детали этого процесса будутъ крайне разнообразны, въ зависимости прежде всего отъ свойствъ самаго тѣла. Въ силу своей неоднородности ни одно естественное тѣло не можетъ относиться пассивно—если можно такъ выразиться—къ получаемой имъ энергіи. Оно будетъ ее *распредѣлять и выдѣлять въ известныхъ направленіяхъ, обусловленныхъ его организаціей*, одновременно съ этимъ превращая одинъ видъ энергіи въ другой. Поэтому каждое естественное тѣло является *трансформаторомъ* энергіи. Лучъ свѣта, падающій на кристаллъ исландскаго шпата раздвояется; нагрѣемъ кристаллъ, и онъ обнаружитъ вблизи известныхъ граней противоположные заряды электричества; коснемся капли масла кристалломъ соды, и капля измѣнитъ форму, передвинется и т. д. Это будетъ *отвѣтъ* тѣла, особый для каждаго вида. Въ живыхъ существахъ трансформация и упорядоченіе энергіи, конечно, сильнѣе бросаются въ глаза, ихъ отвѣты легче прочесть всякому, но принципиальной разницы между ними и другими естественными тѣлами въ этомъ отношеніи не существуетъ. Если нѣкоторые ученые и теперь не прочь призвать для объясненія отвѣтовъ организма направляющую жизненную силу, то я напому, что сами физики, по примѣру Максвелля, для уясненія упорядоченія движенія охотно прибѣгаютъ къ представленію о «демонѣ», производящемъ сортировку молекулъ. Одно другого стоитъ.

На характеръ процессовъ, идущихъ въ естественномъ тѣлѣ, т.-е. на характеръ его отвѣта, большое вліяніе оказываютъ известные постоянныя условія внѣшней среды и, прежде всего, температура. На этомъ фактѣ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ онъ можетъ освѣтить нѣкоторыя стороны живыхъ существъ, кажушіяся исключительными.

Извѣстно, что каждая система можетъ существовать лишь въ

извѣстныхъ температурныхъ предѣлахъ. Капля воды, на примѣръ, существуетъ какъ таковая лишь при t^0 отъ 0 до 100^0 С.; переходъ за указанныя границы вызываетъ уничтоженіе системы—капли, ея переходъ въ паръ или твердое тѣло. Для кристалловъ мы имѣемъ высшую точку ихъ существованія—температуру плавленія или возгонки; наша земля съ ея твердой корой могла образоваться лишь тогда, когда температура раскаленной газовой массы понизилась до извѣстной степени. Температура испаренія или плавленія измѣняется въ зависимости отъ давленія, но существуетъ опредѣленная температура, выше которой, при любомъ давленіи, жидкость переходитъ въ паръ или твердое тѣло въ жидкость, эта температура называется критической.

Когда стали изучать химическія разложенія тѣла подъ вліяніемъ тепла, т. наз. диссоціаціи, понятіе критической температуры было перенесено и въ область химіи. Критической температурой диссоціаціи называется такая температура, выше которой извѣстное соединеніе, напр., H_2O существовать не можетъ; оно начинаетъ распадаться на составныя части—диссоциироваться.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удастся сохранить систему въ прежнемъ видѣ и по достиженіи той или иной критической температуры, но въ такомъ случаѣ равновѣсіе системы становится неустойчивымъ.

Я привожу эти общеизвѣстные факты, чтобы напомнить о вліяніи, которое оказываетъ близость системы къ одной изъ критическихъ температуръ, на быстроту, интенсивность и характеръ процессовъ, протекающихъ въ естественныхъ тѣлахъ. Многіе физическіе и химическіе процессы, идущіе легко при t^0 , близкой къ критической, съ удаленіемъ отъ нея замедляются и даже совершенно прекращаются. Поразительный примѣръ доставляютъ жидкіе кристаллы, изученные за послѣднее время Леманомъ и Форлендеромъ.

Мы привыкли соединять съ кристалломъ понятіе о твердомъ тѣлѣ, почти неизмѣняющимъ свою форму, не способномъ передвигаться или самопроизвольно дѣлиться, и, дѣйствительно, при обычной температурѣ кристаллы не обладаютъ этими свойствами. Ихъ не обнаруживаютъ и кристаллы *para-azo-zimt-saureäthylester'a* или прочихъ веществъ, изученныхъ Леманомъ. Но если расплавить эти вещества и затѣмъ охладить, держа при температурѣ не особенно удаленной отъ критической, то они

кристаллизуются въ совершенно необычной формѣ—въ видѣ полужидкихъ капель, цилиндриковъ съ закругленными краями, палочекъ и т. д. Такіе «жидкіе кристаллы» обладаютъ характерной для кристалловъ анизотропией, но въ то же время и рядомъ новыхъ свойствъ: напр., они могутъ двигаться, червеобразно изгибаясь, могутъ сливаться, образуя двойныя или тройныя формы, могутъ, наконецъ, самопроизвольно распадаться на двѣ части—дѣлиться. Оживленныя проявленія тѣлъ, которыхъ мы привыкли видѣть неподвижными, «мертвыми», несомнѣнно должны были привести въ изумленіе изслѣдователя, и они выразились въ томъ названіи, которое Леманъ далъ имъ: «*scheinbar lebende Kristalle*» — кажущіеся живыми кристаллы. Какъ бы ни относиться къ этимъ формамъ, несомнѣнно, что близость къ критической температурѣ плавленія играетъ большую роль въ характерѣ проявляемыхъ ими процессовъ; стоитъ охладить препаратъ, и живые кристаллы переходятъ въ другія, «мертвыя» модификаціи.

Другимъ примѣромъ можетъ служить раскаленное газообразно-жидкое солнце. Мы знаемъ, что форма его поверхности непрерывно измѣняется; тамъ и здѣсь выбрасываются протуберанцы, какъ гигантскіе псевдоподіи; солнечныя пятна постоянно образуются и исчезаютъ; корона, каждый разъ какъ ее удастся наблюдать, предстаетъ въ новомъ видѣ. И мы знаемъ также, какая участь ждетъ солнце, когда его температура понизится: покрытое твердой корой оно будетъ измѣнять свою форму такъ же медленно, какъ земля.

Несомнѣнно, что и на характеръ процессовъ у живыхъ существъ имѣетъ большое вліяніе близость ихъ химическихъ соединеній (протоплазмы) къ критической температурѣ распададенія. На это обстоятельство обратилъ особое вниманіе англійскій ученый *Мартинъ* ¹⁾. Дѣйствительно, быстрыя измѣненія формы живыхъ существъ, идущія такимъ скорымъ темпомъ обмѣнъ энергіи и вещества, все, что сообщаетъ организму его «жизненность», возможно только потому, что сложныя химическія соединенія, находясь вблизи критическаго предѣла, распадаются подъ вліяніемъ незначительныхъ раздраженій. Для большинства животныхъ и растений критическая температура немного выше

¹⁾ Цитирую по журналу: *Knowledge and scientific News*. June 1905.

40° С, когда протоплазма окончательно распадается на свои составныя части, свертывается; при пониженіи температуры ниже optimum органическіе процессы замедляются и замираютъ, какъ замираетъ, напр., лейкоцитъ человѣка въ каплѣ крови при комнатной температурѣ.

Развивая это простое положеніе, истинность котораго врядъ ли можно оспаривать, Мартинъ приходитъ къ любопытнымъ выводамъ о возможности существованія организмовъ въ ту эпоху, когда температура земли была еще высока и объ вѣроятномъ химическомъ составѣ такихъ огнеупорныхъ существъ.

Сравнивая организмы съ прочими естественными тѣлами всегда необходимо имѣть въ виду указанное обстоятельство и сопоставлять естественныя тѣла при температурахъ, соотвѣтственно удаленныхъ отъ критической. Потому-го, между прочимъ, возможно сравненіе организма съ пламенемъ свѣчи, аналогія, которая всегда пользовалась успѣхомъ.

5) Естественное тѣло можетъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока внѣшнія силы, дѣйствующія на отдѣльныя части его, уравновѣшиваются связями, существующими между частями. Разъ внѣшнія силы переходятъ предѣлъ, тѣло раздробляется, испаряется, вообще перестаетъ быть, какъ таковое. Меньшія силы могутъ вызвать натяженіе связей, перемѣщеніе ихъ, нарушить распредѣленіе частей, но по удаленіи воздѣйствіе тѣло стремится придти въ прежнее состояніе. Конечно, полного тождества не получается; обычно въ тѣлѣ можно констатировать наличность т. наз. «остаточныхъ» измѣненій, болѣе или менѣе бросающихся въ глаза. Такъ, напримѣръ, намагничивая кусокъ желѣза вполнѣ свободного отъ магнетизма, «дѣвственнаго», по выраженію физиковъ, посредствомъ помѣщенія его въ индукціонную спираль, а затѣмъ размагничивая пропусканіемъ тока въ обратномъ направленіи, мы уже измѣняемъ свойства куска. При вторичномъ намагничиваніи онъ потребуеъ иного количества энергии: знакъ того, что въ немъ возникли остаточныя измѣненія, о которыхъ безъ помощи точнаго измѣренія мы не могли и предполагать. Подобныя измѣненія, наслаиваясь на тѣлѣ за все время его существованія, образуютъ «историческій базисъ», по выраженію Дриша.

Сопоставляя различныя состоянія тѣла до, во время и послѣ опредѣленнаго воздѣйствія на него внѣшней среды, мы приходимъ къ

понятію о *равновѣсіи*, играющемъ большую роль въ механикѣ, физикѣ и химіи. Оно всецѣло опредѣляетъ *направленіе процессовъ, идущихъ въ системѣ*, слѣдовательно и *характеръ ея отвѣта*. Въ упомянутыхъ наукахъ существуетъ большое количество теоремъ, относящихся къ различнымъ частнымъ случаямъ равновѣсія; для ихъ формулировки прибѣгаютъ къ математическому ученію о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, въ частности къ вариационному исчисленію. Образцомъ для нихъ можетъ служить механическій принципъ возможныхъ перемѣщеній, установленный еще *Лагранжемъ*: механическая система находится въ равновѣсіи, когда сумма возможныхъ перемѣщеній ея частей равна нулю. Переводя это положеніе на языкъ энергетики, мы найдемъ два возможныхъ случая равновѣсія системы: когда ея потенциалъ будетъ максимумъ или минимумъ, причемъ въ первомъ случаѣ равновѣсіе будетъ неустойчивымъ, во второмъ—устойчивымъ. Направленіе химическихъ процессовъ въ системѣ, какъ оно изучается термодинамикой, опредѣляется ея вторымъ закономъ и получаетъ сходную формулировку: процессы, идущіе въ системѣ, стремятся перевести ее въ такое состояніе, когда свободная энергія ея будетъ минимумъ, и наоборотъ энтропія—максимумъ. *Больцманъ*, основываясь на статистической механикѣ и теоріи вѣроятностей, далъ новую, болѣе широкую формулировку понятія энтропіи, сводя ее къ «вѣроятному состоянію» системы, и тогда направленіе движеній системы мы должны представить, какъ переходъ ея изъ менѣе вѣроятнаго въ болѣе вѣроятное состояніе.

Факты, лежащіе въ основѣ приведенныхъ законовъ, допускаютъ и другую болѣе свободную формулировку; ничто не мѣшаетъ говорить о «стремленіи системы къ самосохраненію», о ея «борьбѣ», о «приспособленіи» и «приспособляемости», послѣднее, если имѣть въ виду остаточныя измѣненія. Физикъ *Гильомъ* въ своей рѣчи о «жизни матеріи» ¹⁾ дѣлаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ сопоставленій въ этомъ направленіи. Если дѣло окончилось для системы хорошо, она не уничтожилась и продолжаетъ благополучно существовать, дѣйствія, обнаруженные ею, можно назвать, вмѣстѣ съ Паули, «цѣлесообразными» и признать въ ней «аутотелеологию». По существу, дѣло отъ этого

¹⁾ Archives des sciences physiques et naturelles. Т. 9. 1900. Интересныя данныя приводятся также въ книгѣ индуса *Бозе* (Bose. Response in the living et non living 1903).

не измѣнится, тѣмъ болѣе, что самыя точныя формулировки механики по вопросамъ равновѣсія не свободны отъ антропоморфическихъ воззрѣній, за что ее уже не разъ упрекали въ «миѳологіи». Но именно это-то обстоятельство и представляетъ для насъ большую цѣнность; очевидно, есть свойства, присущія всякой системѣ какъ индивидууму, и, формулируя ихъ, трудно избѣжать тѣхъ выраженій, которыя мы привыкли примѣнять къ наиболѣе близкимъ для насъ системамъ-организмамъ.

б) Цѣлый рядъ явленій въ организмахъ, описанныхъ подъ именемъ *регенераціи* и *реституціи*, находитъ себѣ такія аналогіи въ области другихъ системъ, что позволительно считать это свойство принадлежащимъ всѣмъ естественнымъ тѣламъ въ большей или меньшей степени.

Сущность явленія заключается въ томъ, что система послѣ удаленія части ея вещества, и связаннаго съ этимъ нарушенія формы, вновь принимаетъ свойственную ей форму. При этомъ въ однихъ случаяхъ возстановленіе происходитъ путемъ привлеченія вещества изъ внѣшняго міра, т.-е. тѣло получаетъ не только прежнюю *форму*, но и *объемъ*; въ другихъ случаяхъ возстанавливается *только форма* при уменьшенномъ *объемѣ*; система перестраивается для покрытія дефекта. Классическимъ примѣромъ возстановленія перваго рода можетъ служить регенерація кристалла въ маточномъ растворѣ. Это явленіе было подробно изучено многими изслѣдователями, между прочимъ маститымъ анатомомъ Рауберомъ и Пжибрамомъ; послѣдній, кромѣ того, сдѣлалъ подробную сводку всего вопроса. Возстановленіе формы безъ привлеченія новаго вещества обнаруживаютъ въ неорганическомъ мірѣ жидкія системы: Бюкли уже 10 лѣтъ назадъ, разбирая экспериментъ Дриша надъ гастролой морской звѣзды, указывалъ на аналогіи съ каплей жидкости.

Явленія регенераціи въ своей основѣ тѣсно связаны съ устойчивымъ состояніемъ равновѣсія системы, о которомъ шла рѣчь въ предыдущемъ параграфѣ. Это есть частные и нерѣдко болѣе сложные случаи общаго закона. Поэтому стремленіе выдвинуть эти явленія на первый планъ, придать имъ какое-то исключительное значеніе для пониманія организмовъ и ихъ развитія врядъ ли можно считать особенно удачнымъ приѣмомъ. Съ легкой руки В. Ру и Оскара Гертвига, привлечшихъ эти—въ сущности говоря патологическіе—эксперименты въ область теоре-

тической біологіи, работы о регенераціи буквально наводнили литературу. Объ ихъ количествѣ можетъ составить представленіе всякій, кто пересмотритъ сводки, дѣлаемыя Барфуртомъ въ *Ergebnisse der Anatomie* за послѣдніе 15 лѣтъ. Невольно приходится вспомнить Тарда и его «Законы подражанія». Но выводъ изъ всѣхъ этихъ работъ для общей біологіи можетъ быть только одинъ: способность регенераціи у различныхъ животныхъ, на различныхъ стадіяхъ развитія и въ различныхъ органахъ происходитъ въ крайне различной степени. Полная регенерація, какъ въ знаменитыхъ опытахъ Дриша, происходитъ сравнительно рѣдко; эти случаи можно помѣстить на одномъ концѣ ряда, тогда другой конецъ образуютъ случаи полного отсутствія регенераціи. Это одно уже показываетъ, что для объясненія регенераціи требуется принимать во вниманіе не только общія свойства организмовъ, но еще въ большей степени частныя свойства изслѣдуемаго животного. А такъ какъ ни одно изъ животныхъ, съ которыми удобно экспериментировать, ни гастролы иглокожихъ, ни гидроиды, ни туникаты, никѣмъ никогда, кромѣ морфологовъ, не изучались, то для детальнаго, дѣйствительно научнаго анализа ихъ потенцій никакихъ точекъ опоры нѣтъ. Остается спекулировать, смотря по вкусу ученаго, о «морфогенныхъ субстанціяхъ», или «морфогенной душѣ» или прямо извлечь все неизвѣстное и индивидуализировать его въ видѣ «энтелехіи». Успѣху такого рода анализа немало способствуетъ изумленіе читателя передъ новыми и неожиданными фактами, о которыхъ сообщаетъ экспериментаторъ, и передъ которыми оба останавливаются въ безпомощности. Но такое положеніе вещей создавалось въ наукѣ не разъ, и это полезно имѣть въ виду. Еще недавно способность клѣтокъ «дѣлать выборъ» казалась чѣмъ-то таинственнымъ; подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новыхъ и интересныхъ данныхъ легко было признать здѣсь специфическую витальность. Когда же физическая химія взялась за систематическое изученіе вопроса объ осмосѣ черезъ коллоидныя перепонки, открылись такія тонкія и чувствительныя измѣненія пропускной способности пленокъ, что способность выбора клѣтокъ можетъ быть учтена при помощи обычныхъ физическихъ и химическихъ регуляцій. Указывая на все это, я желаю лишь подчеркнуть психологическій моментъ, играющій немалую роль въ распространеніи научныхъ теорій.

7) Общія черты въ развитіи естественныхъ системъ были такъ подробно указаны *Спенсеромъ*, что на этомъ можно здѣсь и не останавливаться. Напомню лишь формулу Спенсера: всѣ системы при своемъ развитіи переходятъ изъ однороднаго неустойчиваго состоянія въ разнородное устойчивое, иначе говоря, развитіе идетъ путемъ интеграціи и дифференціаціи. Нетрудно видѣть въ этой формулѣ общія черты съ физическимъ ученіемъ о равновѣсіи.

8) Прежде чѣмъ кончить съ естественными тѣлами, мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое косвеннымъ образомъ указываетъ на общность ихъ свойствъ. Это одинаковые результаты примѣненія статистическаго метода, такъ называемой «статистики варіацій». Когда мы измѣримъ рядъ однородныхъ проявленій индивидуумовъ одного и того же рода, будь то ихъ величина, вѣсъ, быстрота возможнаго движенія и т. д., и затѣмъ выразимъ результаты графически въ видѣ кривой, то, при достаточно большомъ количествѣ измѣреній, получается кривая извѣстнаго вида, такъ называемая «кривая погрѣшностей» или Гаусса. Мы находимъ такую кривую, взвѣсивая сѣмена извѣстнаго вида бобовъ, измѣряя ростъ взрослыхъ мужчинъ какой-нибудь расы, опредѣляя быстроту, съ какой рѣшаютъ задачу школьники 12 лѣтъ и т. д. и т. д. Очевидно, распредѣленіе той или иной способности между большимъ числомъ индивидуумовъ подчиняется извѣстной законности. Но такую же въ сущности кривую Максвеллъ положилъ въ основу кинетической теоріи газовъ, выражая быстроту распредѣленія скоростей между отдѣльными молекулами газа, и результаты его выводовъ, согласные съ опытомъ, оправдываютъ предположеніе. Закономѣрность общественной жизни и закономерность движеній молекулъ свидѣтельствуютъ о томъ, что *проявленіе индивидуальности совершается вездѣ однообразно.*

Мы разсмотрѣли тѣ свойства естественныхъ тѣлъ, которыя можно считать общими имъ всѣмъ и сдѣлали это въ самой краткой и общей формѣ. Чтобы эти аналогіи пріобрѣли достаточную убѣдительность, ихъ нужно продумать самому, дополняя конкретными примѣрами, что читатель, знакомый съ естественными науками, произведетъ безъ особаго труда. Выводы изъ всего приведеннаго напрашиваются сами собой.

Современный витализмъ допускаетъ, что процессы въ живыхъ тѣлахъ происходятъ при помощи тѣхъ же силъ, которыя физики и химики изучаютъ въ лабораторіяхъ, но только считаетъ ихъ вторичными, *служебными*. Теперь уже не одинъ серьезный виталистъ не утверждаетъ, что для рѣшенія частнаго вопроса о мышечномъ сокращеніи или проведеніи возбужденія по нерву не обойтись безъ участія жизненной силы. Специфической особенностью живыхъ существъ, полагающей глубокую пропасть между ними и мертвой природой, считается: особое направленіе процессовъ въ извѣстномъ мѣстѣ, послѣдовательность, съ какой они вступаютъ въ дѣйствіе, выборъ нужнаго процесса, однимъ словомъ, общее руководство физическими и химическими силами, указывающее на единство организма. Но какъ разъ въ этомъ пунктѣ сравнительное изученіе естественныхъ тѣлъ умѣряетъ претензіи витализма: *такое общее руководство физическими и химическими процессами мы встрѣчаемъ во всѣхъ естественныхъ тѣлахъ*. Это свойство всякой индивидуальной системы. Вездѣ мы находимъ слѣды организаціи, векторы, пограничныя условія, вездѣ система старается сохранить себя, приспособиться къ измѣнившимся условіямъ, вездѣ она трансформируетъ энергію особымъ, свойственнымъ ей образомъ. Каждая система развивается, дифференцируется и умираетъ. Вопросъ о томъ, какъ это все происходитъ, надо сознаться, во многомъ невыясненъ; вездѣ, при болѣе глубокомъ анализѣ, мы натолкнемся на какой-то сомнительный остатокъ. Поэтому витализмъ, при желаніи проводить свою точку зрѣнія во что бы то ни стало, имѣетъ право мечтать о витализаціи всей «мертвой природы», на зло своимъ противникамъ, желавшимъ механизировать жизнь. *Les extrémités se touchent*.

Изложенная точка зрѣнія даетъ возможность научной біологіи спокойно работать надъ ея главной задачею—созданіемъ теоріи организмовъ. Область неизвѣстнаго велика, но она не должна насъ смущать; когда въ наукѣ нѣтъ полной теоріи капли, тес- ріи кристалла, вполне естественно, что объ организмѣ мы знаемъ еще меньше. Съ другой стороны, то положительное, что намъ извѣстно о каждомъ естественномъ тѣлѣ, можетъ послужить руководящей нитью при изученіи всѣхъ остальныхъ. Если бы потребовалось характеризовать однимъ словомъ занятую нами позицію, очевидно отличающуюся и отъ витализма, и отъ классическаго механизма, я назвалъ бы ее просто „*натурализмомъ*“.

VI.

Проведеніе болѣе детальныхъ аналогій между организмами и другими естественными тѣлами, какъ, на примѣръ, приравниваніе клѣтки къ каплѣ коллоиднаго раствора, не приноситъ никакой пользы; оно въ состояніи только вызвать справедливый скептицизмъ и скомпрометировать все направленіе. *Каждая система есть нѣчто своеобразное, и работаетъ при помощи своихъ особыхъ средствъ.* Опредѣляя организмъ *per genus*, какъ естественное тѣло, теорія организмовъ исполняетъ только первую половину задачи, вторая, столь же необходимая, заключается въ опредѣленіи его *per differentiam specificam*, въ тѣхъ особенностяхъ, которыя свойственны исключительно живымъ существамъ. Конечно, и въ этомъ направленіи настоящая статья можетъ только намѣтить вопросы и дать отдѣльные соображенія, выражающія личное мнѣніе автора.

Старое, въ значительной степени отжившее, раздѣленіе біологіи на морфологію и фізіологію можетъ быть примѣнено и здѣсь, какъ предварительный пріемъ расчлененія матеріала; поэтому мы приведемъ сначала общія данныя о *формѣ* организмовъ, чтобы перейти затѣмъ къ ихъ *функции*, и на основаніи имѣющагося матеріала попытаемся выяснитъ специфическія особенности и организацію живого тѣла.

Вступая въ область живыхъ существъ, мы сталкиваемся прежде всего съ громаднѣйшимъ разнообразіемъ органическихъ формъ. Описаніе и каталогизированіе ихъ началось уже давно, но со времени появленія теоріи Дарвина главныя усилія морфологовъ были направлены на приведеніе организмовъ въ генетическую связь; идеаломъ классификаціи сдѣлалось родословное дерево. Такая классификація является, конечно, исторической, такъ какъ самое понятіе родства служитъ для выраженія опредѣленной исторической связи. Но историческое понятіе «родство» понемногу стало отождествляться съ естественнонаучнымъ понятіемъ «сходство» на томъ основаніи, что родственники должны быть схожи между собой, и тогда возникли во множествѣ попытки установить родственныя связи не при помощи палеонтологіи, а просто путемъ сравненія между собой нынѣ живущихъ организмовъ. Сначала дѣло шло какъ будто гладко, и идеи Геккеля, главнаго законодателя въ этой области, воспринимались съ благодарностью морфологами, но болѣе глубокая

разработка частныхъ вопросовъ не замедлила вызвать разочарованіе и сильную оппозицію «геккелизму». Въ настоящее время мы болѣе чѣмъ когда-либо далеки отъ родословнаго древа, и палеонтологія все чаще и чаще обнаруживаетъ простое сходство, «конвергенцію», тамъ, гдѣ прежде видѣли родство. Палеонтологъ Штейнманнъ настойчиво выдвигаетъ положеніе Ламарка: «les races des corps vivants subsistent toutes, malgré leur variations» и недалеко, вѣроятно, то время, когда найдутся защитники знаменитаго афоризма Линнея: «tot numeramus species, quot in initio creavit infinitum ens». Во всякомъ случаѣ, теперь можно болѣе спокойно отнестись къ попыткѣ соединить постоянство видовъ и эволюцію, чѣмъ, напримѣръ, въ 70-хъ годахъ, когда такую попытку дѣлалъ ботаникъ Вигандъ.

Для общей теоріи организмовъ всѣ эти споры значенія не имѣютъ; она изучаетъ и классифицируетъ формы съ другой точки зрѣнія, которую въ противоположность генетической можно назвать *геометрической*. Интересно отмѣтить, что опытъ такого изученія формъ, «проморфологіи», былъ сдѣланъ также Геккелемъ въ «Generelle Morphologie» (1866 г.), и успѣха не имѣлъ. Геккель сводилъ всѣ существующія формы къ опредѣленнымъ стереометрическимъ фигурамъ, главнымъ образомъ многогранникамъ. Попытка рациональной классификаціи была возобновлена спустя 30 лѣтъ Гааке¹⁾, который мечталъ о рациональной систематикѣ, когда любую форму можно будетъ математически вывести изъ основной, подобно тому какъ изъ общаго уравненія коническихъ сѣченій можно вывести уравненіе круга, эллипса, гиперболы и параболы. Такая систематика позволитъ предсказать новыя формы, возможные, но еще не осуществившіяся. Въ частности Гааке выводилъ всѣ формы изъ шара (эллипсоидъ, овоидъ и т. д.); принимая, кромѣ того, во вниманіе распредѣленіе сходныхъ частей, онъ помѣщалъ въ число основныхъ формъ и многогранники, при чемъ этотъ второй рядъ формъ шелъ параллельно первому.

Подобныя попытки классификаціи формъ проходились, обыкновенно, молчаніемъ: вкусы и симпатіи ученыхъ были направлены въ иную сторону, да и значеніе ихъ для большинства было неясно. Можно надѣяться, что въ будущемъ, съ распростране-

¹⁾ Haacke. Grundriss der Entwicklungsmechanik. 1897.

ніемъ пониманія исторической біологіи и болѣе научной подготовки морфологовъ, и раціональная систематика получитъ дальнѣйшее развитіе.

Изученіе тонкаго микроскопическаго строенія организмовъ, составлявшее за послѣдніе полвѣка главную задачу морфологіи, дало возможность раздѣлить всѣ организмы на двѣ основныхъ группы: одноклѣточные или простѣйшія и многоклѣточные. Въ основу дѣленія была положена элементарная морфологическая единица—клѣтка, въ которой большинство морфологовъ привыкло въ скоромъ времени видѣть и фізіологическую единицу. И вотъ, на ряду съ обычной фізіологіей, которая развивалась своимъ путемъ, нисколько не заботясь о клѣткахъ, стали появляться попытки фізіологическаго пониманія сложнаго организма, какъ колоніи клѣтокъ. Такое пониманіе вскорѣ натолкнулось на большія трудности: организмъ многоклѣточныхъ совершенно эквивалентенъ въ фізіологическомъ отношеніи организму простѣйшаго, какимъ же образомъ колонія клѣтокъ можетъ быть эквивалентна клѣткѣ? Цѣлый рядъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ можно упомянуть ботаника *Сакса*, морфолога *Седжвика*, фізіолога *Шенка*, сталъ говорить о переоцѣнкѣ клѣтки и ея значенія; за послѣднее время особенно энергично работаетъ въ этомъ направленіи *Родс*, стараясь доказать, что и съ анатомической точки зрѣнія клѣтки должны отступить на второй планъ, такъ какъ въ организмѣ синцитіи преобладаютъ надъ клѣтками. Если даже и не заходить такъ далеко, приходится все-таки признать, что клѣтки сложнаго организма, несмотря на морфологическое сходство съ одноклѣточными существами, имѣютъ совершенно иное фізіологическое значеніе, чѣмъ послѣднія,—онѣ подчинены цѣлому, регулируются имъ въ своихъ отправленіяхъ до мельчайшихъ подробностей, какъ бы теряютъ въ цѣломъ свою индивидуальность. Мы приходимъ здѣсь къ явленію, повторяющемуся во всѣхъ сложныхъ системахъ: сумма единицъ становится вновь единицей, цѣлое какъ бы равняется части. Выясненіе и углубленіе этого вопроса составляетъ одну изъ важныхъ задачъ теоріи организмовъ, но для ея разрѣшенія морфологія и фізіологія должны вступить въ самый тѣсный союзъ.

Форма даннаго организма, будь то простѣйшій или многоклѣточный, постижима только исторически, на что я уже ука-

зывалъ, но средства, помощью которыхъ она осуществляется, доступны естествознанію. Въ этомъ отношеніи морфологія даетъ намъ многое. Она указываетъ, что всякій организмъ, не исключая и самыхъ простыхъ, представляетъ изъ себя *разнородную* систему; въ него на ряду съ специально органическими частями включены въ большомъ количествѣ самостоятельныя системы—кристаллическія и жидкія. Достаточно разсмотрѣть въ поляризованномъ свѣтѣ разрѣзъ различныхъ частей какого-нибудь позвоночнаго животнаго или любого растенія, чтобы убѣдиться, какую роль играютъ въ нихъ двоякопреломляющія образованія. Всѣ растительныя оболочки, соединительнотканныя, мышечныя, нервныя волокна, хрящи и кости, большинство роговыхъ образований анизотропны. Если же мы вспомнимъ, что не всѣ кристаллическія образованія обнаруживаютъ двоякую преломляемость, то, можетъ быть, безъ большой погрѣшности можно считать всѣ форменныя твердыя образованія, находящіяся внутри, на поверхности и между клѣтками кристаллическими. Намъ не должно смущать, что эти образованія не имѣютъ правильной формы кристалла, такъ какъ «многогранникъ роста», какъ называется эту форму кристаллографія, требуетъ для своего образованія извѣстныхъ условій роста, которыя въ организмѣ замѣнены другими; чтобы констатировать кристаллическую структуру достаточно векторіальности.

Жидкія включенія являются второй составной частью организмовъ. Они встрѣчаются въ каждой клѣткѣ, образуя капли большей или меньшей величины, иногда, какъ у растеній, выполняютъ большую часть клѣтки. Въ большихъ количествахъ жидкія массы встрѣчаются въ сосудистой системѣ.

Всѣ эти вторичныя системы можно разсматривать какъ «остаточныя измѣненія» — результатъ тѣхъ внѣшнихъ воздѣйствій, которымъ подвергался организмъ за время своего существованія. Подобно геологическимъ пластамъ они образуютъ лѣтопись тѣла, по которой можно читать его исторію. Постепенное осажденіе кристаллическихъ системъ образуетъ все болѣе и болѣе усложняющійся скелетъ, закрѣпляющій достигнутую форму и служащій базисомъ для новыхъ измѣненій. Жидкія системы въ свою очередь принимаютъ участіе въ опредѣленіи формы организма: стремясь принять свойственную имъ сферическую форму, онѣ обуславливаютъ собой *turgor vitalis*.

Нахожденіе кристаллическихъ образованій дѣлаетъ понятнымъ присутствіе въ организмахъ прямыхъ линій, плоскостей, правильныхъ угловъ, какъ это, напр., замѣчается у иглокожихъ, т.-е. всего того, что позволило Геккелю сводить часть формъ организма къ многогранникамъ. Формы, свойственныя всему живому, ограничены кривыми поверхностями и, по всей вѣроятности, имѣютъ исходной точкой шаръ, на что указываютъ, кромѣ простѣйшихъ, яйцевыя клѣтки большинства животныхъ.

Попытаемся теперь представить себѣ организмъ въ возможно простомъ видѣ. Мы можемъ для этой цѣли взять за исходную точку какое-нибудь одноклѣточное существо и освободить его мысленно отъ всѣхъ вторичныхъ элементовъ, твердыхъ и жидкихъ включеній. Произведя такую операцію, мы получимъ образованіе, болѣе всего напоминающее голую амебу, и, дѣйствительно, съ давнихъ поръ амeba считалась первичной формой жизни. Но и такой очищенный организмъ съ морфологической точки зрѣнія не будетъ однороднымъ, такъ какъ въ немъ останется одно включеніе, никогда не отсутствующее и составляющее, очевидно, его неотъемлемую принадлежность, я разумѣю, ядро. Существующія нынѣ органическія системы всѣ являются сложными, составленными изъ двухъ системъ: тѣла и ядра. Какимъ путемъ возникъ подобный составъ, вопросъ историческій и врядъ ли разрѣшимый; мы не знаемъ даже гомологичны ли другъ другу ядра различныхъ простѣйшихъ, такъ какъ ничто не указываетъ на ихъ происхожденіе изъ общаго корня. Въ этихъ вопросахъ можно только гадать и строить гипотезы; возможно, напримѣръ, что обособленные ядра возникли путемъ соединенія въ одно разсѣяннаго ядернаго вещества, но также возможно предполагать симбіозъ, слитіе двухъ самостоятельныхъ системъ, изъ которыхъ одна и есть ядро. Подобное предположеніе дѣлали относительно хлорофильныхъ зеренъ, самостоятельныхъ системъ, во многомъ напоминающихъ ядро. Мы не знаемъ, далѣе, представляетъ ли изъ себя само ядро простую или составную систему; рядъ фактовъ, наблюдающихся при его дѣленіи, говоритъ скорѣе въ пользу послѣдняго.

Но если появленіе ядра—историческая тайна, для біологіи остается не менѣе важная задача: выяснить его значеніе въ организмѣ. Изслѣдованія мюнхенскаго зоолога *Рихарда Гертвига* и его многочисленныхъ учениковъ уяснили намъ въ этомъ отношеніи

многое. Они показали, что ядро и тѣло клѣтки представляютъ изъ себя двѣ физиологическія системы, находящіяся въ тѣсномъ соотношеніи другъ съ другомъ и стремящіяся установить между собой извѣстное равновѣсіе. Цѣлый рядъ явленій клѣточной жизни: ростъ, максимальная величина, дѣленіе, интенсивность жизнедѣятельности зависятъ прежде всего отъ величины ядра сравнительно съ величиной клѣточного тѣла. Это вполне подтверждаетъ давно уже извѣстный фактъ участія ядра въ процессѣ обмѣна веществъ. По схемѣ физиолога Ферворна, всѣ вещества, воспріятыя клѣткой, ассимилируются только тогда, когда они пройдутъ предварительно черезъ ядро и подвергнутся въ немъ переработкѣ.

Позволительно ли сдѣлать еще шагъ и вообразить простѣйшій организмъ какъ единичную систему, хотя бы въ родѣ гипотетической безъядерной монеры Геккеля? Мнѣ кажется—да, если не упускать изъ виду, что это лишь пріемъ, могущій оказать услугу при разработкѣ теоріи организма.

Дойдя такимъ образомъ до конца морфологическаго анализа, мы встрѣчаемъ организмъ въ видѣ микроскопическаго комочка прозрачнаго тягучаго вещества, который очень соблазнительно признать за каплю густого коллоидальнаго раствора, гидросоля. Рѣшить этотъ вопросъ, т.-е. приравнять систему - организмъ системѣ-каплѣ,—возможно, лишь изучивъ его *организацию*. Но здѣсь мы должны оставить на время морфологию и перейти на физиологическую почву.

VII.

Въ энергетическомъ отношеніи организмъ, какъ и всякое естественное тѣло, представляетъ изъ себя трансформаторъ энергіи. Отъ прочихъ естественныхъ тѣлъ, встрѣчающихся на землѣ, организмы отличаются: во - 1-хъ, крупнымъ масштабомъ процесса обмѣна энергіи, во - 2-хъ, тѣмъ, что этотъ процессъ тѣсно связанъ съ обмѣномъ вещества, такъ какъ большая часть энергіи поступаетъ въ организмъ въ видѣ сложныхъ химическихъ соединеній.

По вычисленіямъ *Рубнера* ¹⁾ общее количество энергіи, прохо-

¹⁾ *Rubner*. Das Problem der Lebensdauer und seine Beziehungen zum Wachstum und Ernährung 1908, и Kraft und Stoff im Haushalte der Natur. 1909.

дящей въ теченіе всей жизни черезъ организмъ, есть величина постоянная для даннаго вида и можетъ служить для его характеристики. Количество энергіи, проходящее въ единицу времени, зависитъ отъ величины организма; такъ какъ на единицу поверхности выдѣляется приблизительно одинаковое количество энергіи, то мелкія животныя въ одно и то же время пропускаютъ черезъ себя сравнительно больше энергіи,—живутъ быстрее. Такимъ образомъ, по Рубнеру, количество энергіи является мѣриломъ продолжительности жизни.

Исслѣдованіями Рубнера и въ особенности опытами американскаго ученаго *Атватера*, поставленными въ грандіозныхъ размѣрахъ, вполне доказано подчиненіе организмовъ закону сохранения энергіи. Количество энергіи, теряющееся въ видѣ тепла во время ея круговорота, достигаетъ 20%, какъ въ лучшихъ машинахъ. Такимъ образомъ и въ организмахъ превращеніе энергіи сопровождается разсѣяніемъ извѣстной части ея, т.-е. организмы подчиняются второму закону термодинамики и увеличиваютъ энтропію солнечной системы.

Въ такомъ видѣ относятся организмы къ энергіи, если изучать ея обмѣнъ en bloc, подсчитывая приходъ и расходъ, какъ это дѣлаютъ фізіологи. Но болѣе глубокій вопросъ о томъ, какъ распредѣляется энергія внутри системы, по какимъ путямъ она идетъ, является еще во многомъ темнымъ; въ его разработкѣ фізіологіи приходится идти объ руку съ морфологіей, пользуясь ея указаніями и въ свою очередь указывая ей то, чего она сама не способна увидѣть.

Прежде всего мы можемъ раздѣлить всю энергію, проникающую въ организмъ, на двѣ части. Одна, значительно большая, трансформируется и въ скоромъ времени выдѣляется изъ организма; на счетъ этой, такъ сказать *проходящей*, энергіи организмъ совершаетъ свою работу. Другая, сравнительно небольшая, равная, по Рубнеру, приблизительно $\frac{1}{25}$ части общаго количества, *остается* въ организмѣ и употребляется для замѣщенія тратъ въ самой системѣ и ея роста. Носителями проходящей энергіи являются безазотистыя части пищи: углеводы, жиры и безазотистый остатокъ отъ расщепленія бѣлковъ; остающаяся энергія связана главнымъ образомъ съ бѣлками.

Если исключить сравнительно небольшую часть энергіи, выдѣляющуюся изъ организма въ видѣ нестройныхъ тепловыхъ

колебаній, то вся остальная энергія, какъ проходящая такъ и остающаяся, проявляется въ упорядоченномъ, «стройномъ» видѣ: проходящая—какъ движеніе массъ или потокъ электроновъ, остающаяся—какъ потенциальная энергія структурныхъ образований организма, тѣхъ вторичныхъ системъ, о которыхъ была рѣчь въ предыдущей главѣ. Оставляя пока въ сторонѣ частности и рассуждая въ самомъ общемъ видѣ, мы не имѣемъ основаній предполагать, что процессъ упорядоченія энергіи при ея трансформации совершается въ организмѣ иначе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ естественныхъ тѣлахъ. Это значить, что онъ связанъ съ наличностью особыхъ направленій, канализующихъ энергію, *векторовъ*, совокупность которыхъ даетъ *организацию* системы.

Слѣды векторовъ выступаютъ съ полной отчетливостью въ тѣхъ остаточныхъ измѣненіяхъ, которыя наслаиваются на организмѣ въ теченіе всей его жизни, и которыя подъ именемъ структурныхъ подробностей мы изучаемъ въ микроскопъ. Концентрическая слоистость, радіальная исчерченность и различныя скульптурныя подробности клѣточныхъ оболочекъ, всѣ волокнистыя образования, встрѣчающіяся въ такомъ изобиліи въ животномъ организмѣ, какъ-то: волокна соединительной ткани, фибриллы мышечныя и нервныя, палочковидныя образования железистыхъ клѣтокъ и т. д.—всѣ эти гистологическія детали указываютъ на извѣстное пространственное направленіе химическихъ и физическихъ процессовъ, поведшихъ къ ихъ осажденію. И если даже учитывать то обстоятельство, что кристаллическая структура волоконъ и оболочекъ предполагаетъ свободу дѣйствія силъ, присущихъ частямъ этихъ образований (такъ какъ система требуетъ для своего образованія свободнаго дѣйствія силъ), то все-таки ихъ оріентировка и нѣкоторыя особенности формы заставляютъ признать направляющее дѣйствіе организма. Легко убѣдиться, далѣе, что въ сложныхъ организмахъ встрѣчаются векторы двухъ категорій: одни, принадлежащія организму въ цѣломъ,—по нимъ, напримѣръ, образуются волокна сухожилія—другія, присущія элементарнымъ составнымъ частямъ системы, клѣткамъ. Примѣромъ послѣднихъ можетъ служить система лучей, идущихъ отъ centrosомы въ лейкоцитахъ.

Конечно, мы не должны ожидать, что всѣ векторы организма будутъ выгравированы съ такой ясностью, что ихъ сейчасъ же удастся увидѣть въ микроскопъ. Возможны остаточныя измѣне-

нія молекулярнаго порядка, быстро стирающіяся или обратимыя, существованіе которыхъ тѣмъ не менѣе является фізіологическимъ постулатомъ. Такими будутъ, напримѣръ, пути распредѣленія проходящей энергіи въ клѣткахъ, у простѣйшихъ, или въ томъ мыслимо - простомъ безъядерномъ организмѣ, который мы выставили какъ прототипъ. Я знаю, что въ этомъ пунктѣ мы рискуемъ вызвать возраженія морфологовъ. Достойно удивленія, съ какимъ упорствомъ лучшіе спеціалисты въ этой области отказываются признать организацію въ амѣбѣ и вообще въ «недифференцированной протоплазмѣ» на томъ основаніи, что не видятъ ея, хотя въ другихъ отношеніяхъ такого ригоризма не проявляютъ, что доказываютъ ихъ спекуляціи о невидимыхъ жизненныхъ единицахъ. Между тѣмъ, если принять во вниманіе даже то, что удастся наблюдать, слѣдя за амѣбой: ея форму, особую для каждаго вида (напр., вытянутую у амѣбы *limax*, у которой она не вполнѣ скругляется даже въ покоѣ), опредѣленное положеніе сократительной вакуоли, характерную форму псевдоподій и токовъ внутри тѣла во время движенія, если принять во вниманіе явленія, происходящія въ ея тѣлѣ во время каріокинеза,—признаніе векторовъ и связанной съ ними организаціи является прямо логической необходимостью. Я не говорю уже о близко родственныхъ голымъ амѣбамъ формъ, вырабатывающихъ раковину, какъ фораминиферы, или лучистый скелетъ, какъ солнечники, гдѣ векторіальность оставляетъ стойкіе слѣды, одинъ фактъ движенія амѣбы въ извѣстномъ направленіи, указывая на переходъ химической энергіи пищи въ упорядоченное движеніе массы, немыслимъ безъ признанія организаціи. На это я указывалъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ въ статьѣ, посвященной анализу движенія амѣбы.

Допуская, такимъ образомъ, векторіальность и организацію живого существа, какъ такового, намъ необходимо поближе выяснить ихъ характерныя особенности. Мы подходимъ здѣсь вплотную къ основному для теоріи организма вопросу и, по временамъ, невольно должны вступать на зыбкую почву гипотезы.

Такъ какъ дѣятельность организма почти цѣликомъ базируется на химическихъ процессахъ, то его векторы—по крайней мѣрѣ главнѣйшіе—указываютъ на пути ихъ распространенія. Химическій процессъ протекаетъ не только во времени, но и въ пространствѣ; возникая въ одной точкѣ, онъ передается сосѣдней

и постепенно, идя отъ точки до точки, доходитъ до конечнаго пункта. Разсматриваемый такимъ образомъ онъ представляетъ изъ себя *химическую волну*. Физическая химія удѣляетъ немного вниманія распространенію химическихъ процессовъ въ пространствахъ, и теоретически разработано, насколько мнѣ извѣстно, лишь распространеніе химическихъ реакцій въ газахъ, въ частности такъ называемая волна взрыва, теорія которой была дана впервые проф. В. А. Михельсономъ. Классическимъ примѣромъ химической волны въ сложномъ организмѣ можетъ служить процессъ проведенія возбужденія по нерву. Съ давнихъ поръ извѣстно образное сравненіе нерва съ дорожкой пороха; поджигая порохъ съ одного конца мы получаемъ волну взрыва, передающуюся къ другому концу, и въ этомъ опытѣ видѣли лучшую иллюстрацію передачи нервного возбужденія. Въ послѣднее время Нернстъ даетъ точную физико-химическую теорію процесса нервного возбужденія, сводя его къ движенію электролитовъ, но и въ такомъ видѣ его можно разсматривать какъ частный случай химической волны. Не подлежитъ сомнѣнію, что научная разработка пространственнаго распространенія химическихъ процессовъ, необходима для того, чтобы поставить на твердыя ноги теорію организмовъ. Это вопросъ, который біологія адресуетъ физикѣ и химіи. Пока не получено на него точнаго отвѣта, приходится разсуждать въ самомъ общемъ видѣ, предполагая, что законы волнообразнаго движенія вообще примѣнимы и къ частному случаю химическихъ волнъ, т.-е. волей неволей пускаться въ спекуляцію.

Мы имѣемъ основанія, такимъ образомъ, представить простѣйшій амебоподобный организмъ какъ арену дѣятельности многочисленныхъ химическихъ волнъ. Начинаясь чаще всего на поверхности, въ результатѣ внѣшнихъ воздѣйствій, онѣ распространяются вглубь, затухаютъ, отражаются, интерферируютъ. Одиночныя волны, въ зависимости отъ амплитуды ихъ колебанія, т.-е. интенсивности процесса, вѣроятно не оставляютъ послѣ себя глубокихъ слѣдовъ; проходя разъ за разомъ по одному направленію или образуя стоячую волну, онѣ могутъ сдѣлаться видными и для глаза. Въ дѣлѣ обнаруженія ихъ мы должны возлагать надежды не столько на обычную гистологическую технику, сколько на болѣе тонкіе оптическіе методы, примѣнимые на живомъ, напр., на изслѣдованіи въ поляризованномъ или монохрома-

тическомъ свѣтѣ, на Schlieren-methode, ультра-микроскопъ и т. п. Но представляется ли какая-нибудь возможность уже теперь уловить направленіе волнъ-векторовъ, связать ихъ между собой, однимъ словомъ, хоть немного понять *планъ организаціи* простѣйшаго существа, или эта попытка преждевременна? Мнѣ кажется, что нѣкоторыми данными мы располагаемъ, и они-то позволяютъ—конечно со всевозможными оговорками—высказать извѣстные соображенія. Я приведу давно знакомые факты изъ жизни простѣйшихъ.

Прежде всего явленія амебоиднаго движенія. Выросты тѣла, извѣстные подъ именемъ псевдоподій, несомнѣнно соотвѣтствуютъ направленію физическихъ и химическихъ волнъ—векторовъ. Они отходятъ почти всегда перпендикулярно къ поверхности тѣла и отъ любой ея точки. Проводя мысленно соотвѣтствующие векторы внутри тѣла, мы получимъ въ общемъ ихъ расположеніе по радіусамъ. Геометрическое мѣсто пересѣченія ихъ образуетъ векторіальный центръ. У амебъ обо всемъ этомъ мы можемъ только догадываться, но у лейкоцитовъ, этихъ амебъ сложнаго организма, можно воочию видѣть и центръ и радіально идущіе отъ него лучи. Этотъ центръ гистологи называютъ центросомой.

Второй рядъ фактовъ доставляютъ явленія дѣленія. Мы знаемъ теперь, что всѣ простѣйшія дѣлятся способомъ, крайне сходнымъ съ каріокинезомъ высшихъ организмовъ. Оставляя въ сторонѣ дѣленіе ядра, указывающее, между прочимъ, на самостоятельность и сложность этой системы, обратимъ вниманіе на дѣленіе тѣла. Оно состоитъ въ томъ, что въ тѣлѣ появляются два центра, вокругъ которыхъ и группируется вещество образующихся дочернихъ системъ. Центры могутъ имѣть форму зерна или пластинки, и къ нимъ всегда идутъ въ радіальномъ направленіи тонкіе лучи; иногда центръ представляетъ не самостоятельное образованіе, а лишь точку схожденія лучей. Несомнѣнно, что центры дѣленія простѣйшихъ аналогичны центросомамъ высшихъ животныхъ, а тамъ ясно удастся видѣть, какъ два центра образовались путемъ дѣленія одного. Ученые давно уже обратили вниманіе на поразительное сходство лучистыхъ фигуръ при каріокинезѣ съ рисунками силовыхъ линій въ магнитномъ полѣ и строили на этомъ различныя соображенія о характерѣ процесса.

У близкихъ къ амебамъ солнечниковъ тонкія радіально идущія псевдоподіи заключаютъ въ себѣ болѣе плотную осевую

часть, своего рода скелетъ. Лучи скелета сходятся въ центрѣ, и, какъ доказалъ Шаудиннъ, при дѣленіи солнечника этотъ центръ играетъ роль центросомы, а часть лучей скелета переходитъ въ лучистыя фигуры дѣленія. Здѣсь, совершенно ясно, что одна и та же организація проявляетъ себя и въ движеніи, и въ дѣленіи.

Принимая во вниманіе, что значительная часть потенціальной энергіи, входящей въ эти простые организмы, тратится на движеніе и дѣленіе, мнѣ кажется возможнымъ предположить, что въ приведенныхъ данныхъ содержатся указанія на *характеръ организаціи, свойственной простѣйшимъ органическимъ системамъ*. Мы можемъ ее представить въ главныхъ чертахъ какъ *радіальное расположеніе векторовъ, сходящихся въ одинъ центръ*, т.-е. свести первичную организацію къ центрировкѣ. Эта мысль не является новой, но ее не высказывали обыкновенно въ общемъ видѣ, а примѣняли къ частнымъ случаямъ, какъ, напримѣръ, Мартинъ Гейденгайнъ въ своей грубо морфологической теоріи органическихъ лучей. Мы встрѣчаемся далѣе въ морфологической литературѣ съ представленіями о центросомѣ какъ динамическомъ центрѣ силъ, какъ центрѣ, изъ котораго выходитъ импульсъ движенію и т. д. Они свидѣтельствуютъ о сознаніи важности этого образованія для пониманія клѣтки, но формулируются лишь въ самыхъ общихъ и неясныхъ чертахъ.

Преобладаніе радіального направленія химическихъ волнъ сдѣлается намъ до извѣстной степени понятнымъ, если мы примемъ въ соображеніе сферическую форму элементарнаго организма и наличность раздраженій внѣшняго міра, падающихъ на любую часть поверхности. Наиболѣе сильно должны дѣйствовать, конечно, слагающія по нормали; онѣ будутъ въ состояніи оставить послѣ себя болѣе стойкіе слѣды, оріентировать извѣстнымъ образомъ молекулы, вообще говоря, проторить дорогу. Но подобнаго рода соображенія относятся болѣе къ вопросу о возникновеніи системы, т.-е. выводятъ насъ въ область исторіи. Для естественно-научной теоріи организація есть нѣчто данное, непрерывно передающееся отъ одной системы другой по наслѣдству. Другое дѣло, если бы удалось точно доказать, что радіальная организація позволяетъ перевести систему изъ одного состоянія въ другое кратчайшимъ путемъ, мы получили бы тогда ея полное теоретическое обоснованіе и могли бы заложить прочный фундаментъ для теоріи организма.

VIII.

Въ организмѣ происходитъ постоянный круговоротъ вещества; отдѣльныя системы входятъ въ него, ассимилируются, распадаются и выходятъ, и тѣмъ не менѣе онъ сохраняетъ свою организацію. Какъ примирить это? Является ли первичная организація чѣмъ-либо стойкимъ и неизмѣннымъ? Какого характера связи, существующія между ея отдѣльными частями? Таковы дальнѣйшіе вопросы, требующіе вниманія.

Я указывалъ уже на раздѣленіе энергіи resp. вещества, входящаго въ организмъ, на двѣ неравныя части: большую, проходящую черезъ организмъ, и меньшую, остающуюся въ немъ. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ главнымъ образомъ азотистыя соединенія—бѣлки. Само собой разумѣется, что остающееся вещество не только отлагается въ видѣ тѣхъ или иныхъ структурныхъ особенностей, оно содержится и въ той прозрачной какъ стекло плазмѣ, которой мы любуемся у простѣйшихъ.

Совершенно естественно поэтому предположить, что субстратомъ химическихъ волнъ являются по преимуществу легко распадающіяся и сгорающія вещества первой категоріи, вторыя же, къ которымъ примѣнимо названіе *пластическихъ*, образуютъ какъ бы остовъ плазмы и даютъ точки прикрѣпленія для первыхъ. Возможно, напримѣръ, представить, — какъ это и дѣлалось не разъ, — что оба вещества въ совокупности образуютъ сложную молекулу, при чемъ пластическое явится ея ядромъ, а къ нему въ видѣ боковыхъ, легко отщепляющихся цѣпей присоединяются вещества сгорающія. Тогда опорой организаціи явятся пластическія вещества; они будутъ поддерживать и сохранять ее во время полного распаденія веществъ другой категоріи.

Мы можемъ представить все это нагляднымъ образомъ въ видѣ слѣдующей «модели». Вообразимъ себѣ рядъ паръ, танцующихъ мазурку и соединенныхъ между собою въ цѣпь такимъ образомъ, что каждый кавалеръ положилъ лѣвую руку на плечо кавалера, находящагося впереди. Въ правой рукѣ у кавалеровъ дамы. Весь рядъ представляетъ изъ себя рядъ протоплазменныхъ молекулъ, лежащихъ по радіусу-вектору; кавалеры соотвѣтствуютъ пластическимъ ядрамъ молекулъ, дамы побочнымъ цѣпямъ. По данному сигналу дамы одна за другой отрываются отъ своихъ кавалеровъ, переходятъ къ слѣдующему или оставляютъ ихъ со-

всѣмъ, и это движеніе перекатывается по всей цѣпи какъ химическая волна. Отдѣльные лица могутъ, оставляя свои мѣста въ цѣпи, соединяться въ группы, соотвѣтственно микросомамъ или мелкимъ зѣрнамъ, всегда разсѣяннымъ въ протоплазмѣ, могутъ образовать самостоятельныя вторичныя системы, могутъ и совсѣмъ уходить изъ залы. Образовавшійся пробѣлъ заполняется соединеніемъ оставшихся. Воображая множество рядовъ, подобныхъ описанному, расположенныхъ радіально къ центру залы, мы получимъ схему всей первичной организаціи въ разрѣзѣ. Ее легко усложнить, устанавливая связи между кавалерами сосѣднихъ цѣпей, напримѣръ, образуя изъ нихъ кольца, подобныя тѣмъ концентрическимъ кругамъ, которые прорѣзываютъ лучистую систему у лейкоцитовъ, вводя добавочныя цѣпи и т. д.

Хотя пластическія вещества могутъ оставаться въ организмѣ долго, даже до конца его жизни, врядъ ли было бы правильно представлять себѣ первичную организацію какъ нѣчто неизмѣнное и стойкое. Лучистыя образованія при каріокинезѣ, которыя гистологи охотно называютъ нитями или сократительными волокнами, такъ же легко исчезаютъ, какъ и образуются. Нервные фибриллы, какъ показываютъ изслѣдованія Телло, не являются стойкими образованіями и въ зависимости отъ функцій животнаго измѣняются въ числѣ и видѣ. Наконецъ «токи», видимые въ тѣлѣ амёбы при ихъ движеніи, свободное перемѣщеніе въ немъ различныхъ включеній и ядеръ, прямо указываютъ на возможность обширныхъ сдвиженій и перегруппировокъ среди молекулъ плазмы. Ближе къ дѣйствительности поэтому предположить, что въ лишенныхъ внутренняго скелета, «недифференцированныхъ» тѣлахъ, организація есть нѣчто лабильное, постоянно нарушающееся и восстанавливающееся вновь въ томъ видѣ, который болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ момента. Это можно свободно допустить, если признать за молекулами свойство ориентироваться извѣстнымъ образомъ въ зависимости отъ мѣста, занимаемаго ими въ цѣломъ. Мы встрѣчаемъ подобную ориентировку въ кристаллахъ, но тамъ она является стойкой, — почему въ физикѣ кристаллическое состояніе и твердое состояніе агрегаціи считаются даже синонимами, — и это обстоятельство прежде всего не позволяетъ проводить слишкомъ далекихъ аналогій между кристалломъ и организмомъ. Но кромѣ твердыхъ кристалловъ ориентировка встрѣчается и въ кристаллическихъ капляхъ

или жидкихъ кристаллахъ Лемана, гдѣ отдѣльныя части могутъ легко сдвигаться и вновь принимать прежнее направленіе. Последнія образованія, въ которыхъ поляризаціонный аппаратъ обнаруживаетъ центрировку въ видѣ радіальнаго расположенія оптическихъ осей и наглядно показываетъ ея возстановленіе послѣ деформаций, ближе всѣхъ естественныхъ тѣлъ подходятъ къ организмамъ.

Весьма вѣроятно, что центрировка присуща всѣмъ жидкимъ каплямъ какъ кристаллическимъ, такъ и некристаллическимъ и обусловливается радіальнымъ направленіемъ силовыхъ линій, что прямо вытекаетъ изъ ученія о поверхностномъ натяженіи. Только въ кристаллическихъ жидкостяхъ ее можно увидать благодаря анизотропіи составныхъ частей, отсутствующей или очень слабой въ обычныхъ жидкостяхъ. Все это позволяетъ намъ понять, почему между движеніемъ амебы и капли жидкости, напр., масла или ртути, замѣчается нѣкоторое дѣйствительное сходство, заставлявшее ученыхъ примѣнять законъ поверхностнаго натяженія къ амебѣ. Несомнѣнно, что сходство организаціи имѣетъ глубокое значеніе для пониманія обѣихъ системъ, но объ ихъ отождествленіи, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Лабильность организаціи служитъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для различнаго рода регуляцій формы: всѣмъ извѣстна та легкость, съ какой залѣчиваютъ свои раны простѣйшіе организмы. Въ то время какъ кристаллъ возстановляетъ дефектъ, притягивая вещество изъ окружающаго раствора, и получаетъ вновь прежнюю форму и объемъ, амеба, послѣ потери части вещества, быстро возстановляетъ форму при уменьшенномъ объемѣ, какъ капля или жидкій кристаллъ. Сущность регуляцій одна и та же вездѣ: система выведена изъ состоянія равновѣсія и стремится кратчайшимъ путемъ придти въ новое равновѣсіе; въ какой мѣрѣ это новое состояніе отличается отъ прежняго, зависитъ отъ характера инсульта и другихъ причинъ; оно можетъ быть неотлично на глазъ отъ прежняго, но можетъ повести и къ образованію новой формы. Принципіально, процессъ дѣленія, который разсматриваютъ обыкновенно какъ специфическую особенность живыхъ существъ, относится къ категоріи регуляцій формы и представляетъ ея частный случай, когда устойчивое равновѣсіе для системы-индивидуума становится невозможнымъ и осуществляется только въ тѣхъ дочернихъ системахъ, на ко-

торья она распадается. Кажущееся самопроизвольнымъ дѣленіе жидкихъ кристалловъ представляетъ большой интересъ для біологіи въ томъ отношеніи, что оно выводитъ организмы изъ ихъ исключительнаго положенія и даетъ надежду, при сравнительномъ изученіи обоихъ процессовъ дѣленія, глубже проникнуть въ ихъ производящія причины.

Намъ остается затронуть еще одинъ вопросъ. Мы предположили, слѣдуя установившемуся обычаю, что протоплазма состоитъ изъ молекулъ; какой же характеръ имѣютъ связи, существующія между молекулами? можно ли ихъ опредѣлить точнѣе? Я не думаю, чтобы кто-нибудь въ наше время могъ опредѣленно отвѣтить на это. Спускаясь въ міръ молекулъ, мы на каждомъ шагу сталкиваемся съ такими явленіями, для которыхъ старья, провизорныя схемы, установленныя физикой и химіей, оказываются совершенно неподходящими, а новыя не получили еще точной формулировки. Много лѣтъ назадъ *Пфлюгеръ* высказалъ мысль, что вся протоплазма, слѣдовательно весь простѣйшій организмъ, представляетъ изъ себя одну гигантскую молекулу. Мысль эта представляется очень привлекательной, особенно, если сравнить ее съ противоположнымъ утвержденіемъ, по которому протоплазма есть смѣсь веществъ; но надо сознаться, что химія до сихъ поръ не знаетъ подобныхъ молекулъ и не можетъ сообщить свѣдѣній объ ихъ свойствахъ. Съ различныхъ сторонъ мы приходимъ къ одному и тому же выводу, что органическая система представляетъ изъ себя нѣчто своеобразное: она соединяетъ въ себѣ одной свойства, которыя мы привыкли изучать по отдѣльности въ различныхъ системахъ, и въ этомъ смыслѣ ее, конечно, можно называть «автономной».

IX.

Въ такомъ, приблизительно, видѣ можно изобразить характерныя особенности простѣйшаго безъядернаго организма, пользуясь данными современной морфологіи и фізіологіи. Не слѣдуетъ забывать, что развитой въ предыдущемъ взглядъ на первичную организацію есть только общая схема; радіальное расположение векторовъ представляетъ изъ себя какъ бы канву, на которой могутъ вышиваться разнообразные узоры. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ просто уже по одному тому, что всѣ существующія простѣйшія и всѣ клѣтки представляютъ

изъ себя двойную систему, образованную изъ плазмы и ядра. Поэтому къ векторамъ, входящимъ въ составъ первичной организаціи плазмы, (которая является, повидимому, доминирующей) нужно присоединить еще векторы, связывающіе эту организацію съ ядромъ. Они выступаютъ вполне ясно только во время дѣленія, въ видѣ линій, связывающихъ хромосомы съ центросомами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, ядро становится въ центрѣ первичной организаціи, насколько можно судить по расположенію лучей протоплазмы; это замѣчается въ яйцевыхъ клѣткахъ многихъ животныхъ послѣ ихъ созрѣванія. Я не могу входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе вопроса объ организаціи самого ядра, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, укажу только, что, по моему мнѣнію (высказанному въ работѣ о каріокинезѣ у бобовъ), ядро есть сложная система, образованная изъ соединенія системъ болѣе простыхъ, какими я считаю не хроматиновые петли, а хроматиновые зерна или хромеры. Эти зерна обладаютъ способностью дѣлиться путемъ перешнурованія, подобно дѣленію самого клѣточного тѣла и, можетъ быть, обладаютъ такой же радіальной организаціей. Я высказываю это, конечно, какъ простую гипотезу.

Въ сложной многоклѣточной системѣ появляется новая организація, подчиняющая себѣ первичныя организаціи ея составныхъ частей и служащая основой ея индивидуальности. Какъ переходную ступень отъ одноклѣточныхъ къ многоклѣточнымъ мы можемъ разсматривать многоядерные организмы (инфузорія *Opalina*, водоросль *Caulerpa*). Въ нихъ мы можемъ предполагать наличность многихъ центровъ, судя по одновременному нахожденію многихъ каріокинетическихъ фигуръ, и въ то же время по отношенію къ обмѣну энергіи и движенію организмъ проявляетъ единство. Съ другой стороны такіе организмы отличаются отъ многоклѣточныхъ главнымъ образомъ отсутствіемъ перегородокъ между отдѣльными составными частями, и иногда поразительно напоминаютъ ихъ по формѣ, какъ, напр., водоросль *Caulerpa*, имѣющая листья и корни.

Зная, что проявленія организма, каковъ онъ ни будь, въ сущности представляютъ изъ себя варіаціи на одну и ту же тему, мы въ правѣ ожидать, что организація сложной системы построена по принципу первичной. Это значитъ, что въ ея основѣ лежатъ векторы—пути, по которымъ распространяются волны энергіи,

только они проходятъ уже черезъ отдѣльныя системы, вплетаясь въ ихъ организацію, и связываютъ ихъ между собой. Эти векторы высшаго порядка группируются также въ центры, центры вступаютъ между собой въ новыя, болѣе или менѣе сложныя связи. Планъ организаціи сложной системы уже въ значительной степени доступенъ глазу, особенно тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ дифференцированной нервной системой, и въ его изученіи морфологія дѣлаетъ съ каждымъ днемъ блестящіе успѣхи. Только истолковать его своими силами она, конечно, не въ состояніи.

На этомъ мѣстѣ можно остановиться. Дальнѣйшая разработка намѣченныхъ вопросовъ совершенно выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи, принципиальной по своему характеру, а положенные въ основу ея взгляды на задачи научной біологіи въ вопросѣ о жизни, я надѣюсь, достаточно уже выяснены. Ихъ можно формулировать приблизительно такъ.

Общая біологія представляетъ изъ себя естественно-научную дисциплину, изучающую одно изъ естественныхъ тѣлъ—организмъ. Ея ближайшая задача создать общую теорію организма, включающую въ себя какъ тѣ проявленія, которыя общи ему съ другими тѣлами-индивидуумами, такъ и тѣ, которыя представляютъ его специфическія особенности. Руководящей нитью на этомъ пути могутъ служить, во-первыхъ, понятіе объ *організаціи* системы, выражающее пространственное распредѣленіе энергіи внутри системы въ данный моментъ, и, во-вторыхъ, понятіе о *равновѣсіи*, опредѣляющее измѣненіе распредѣленія энергіи, а слѣдовательно и организаціи за извѣстный промежутокъ времени. *Естественно-научное объясненіе отвѣтовъ, даваемыхъ организмомъ, регуляцій, регенерацій, всего того, что обозначаютъ словомъ жизнь, должно сводиться къ установленію законовъ, по которымъ происходитъ измѣненіе организаціи и ея переходъ въ новое состояніе равновѣсія*; это будутъ какъ бы геометрическія параллели энергетическимъ законамъ о равновѣсіи, и *формулировка ихъ въ научной теоріи организмовъ должна быть математической*. Можно надѣяться, что векторіальный анализъ, математическая дисциплина о величинахъ, имѣющихъ направленіе въ пространствѣ, найдетъ себѣ здѣсь подходящее примѣненіе.

Но если бы даже осуществилась вполнѣ та теорія организмовъ, которую мы считаемъ идеаломъ естественно-научной біологіи, познаніе организмовъ останется для насъ неполнымъ безъ знанія ихъ исторіи. Сліяніе данныхъ теоріи и исторіи дастъ воз-

можно полное *естественно-историческое* пониманіе живыхъ существъ, составляющее важную часть пониманія природы.

Здѣсь на короткій срокъ мы должны возвратиться къ Риккерту и его воззрѣнію на природу, изложенному выше. Мы пользовались его раздѣленіемъ наукъ, какъ исходной точкой разсужденія и взяли его взгляды цѣликомъ, безъ комментаріевъ. Теперь можетъ быть уместно внести въ нихъ небольшую поправку въ томъ, что касается естествознанія. Нельзя, на мой взглядъ, считать идеаломъ и основной цѣлью естественныхъ наукъ выработку самыхъ общихъ понятій, какъ-то: энергія, матерія, эфиръ, движеніе или сведеніе мірового цѣлаго на движеніе элементарныхъ однородныхъ единицъ, — дѣлать такъ, значитъ неясно различать средство отъ цѣли. Всѣ указанная понятія и относящіеся къ нимъ наиболѣе общіе законы суть лишь средства, при помощи которыхъ мы можемъ наиболѣе точно и сжато описывать природу, символы или приемы для «техническаго овладѣванія» ею, а никакъ не конечная цѣль въ познаваніи природы. Это недоразумѣніе, характерное для «вѣка естествознанія», происходитъ отъ неправильнаго взгляда на физику и химію какъ на основныя науки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ въ значительной своей части являются прикладными для пониманія дѣйствительно существующей природы, такъ же какъ и математика. Все, что мы встрѣчаемъ въ природѣ, отъ электроновъ до млечнаго пути, есть тѣла, индивидуумы, похожіе или непохожіе на насъ самихъ, малые и большіе, изолированные или спаянные между собой; мы видимъ уничтоженіе однихъ, появленіе на ихъ развалинахъ новыхъ, и такъ безъ конца. Задача естествознанія заключается въ классификаціи всѣхъ извѣстныхъ тѣлъ, изученіи ихъ закономерностей и взаимныхъ связей, а не въ упраздненіи большинства изъ нихъ. Такимъ образомъ и естествознаніе имѣетъ въ концѣ концовъ дѣло съ индивидуумами, но только изучаетъ ихъ съ иной точки зрѣнія, чѣмъ исторія.

Установленіе точныхъ границъ и задачъ отдѣльныхъ наукъ имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ это можетъ казаться научнымъ работникамъ, склоннымъ считать подобныя разсужденія за схоластическія тонкости. Оно одно въ состояніи открыть дверь для правильной *философіи природы*, за которую въ простотѣ душевной очень многіе въ наше время считаютъ изложеніе высшихъ абстракцій физики, химіи и психологіи, предлагаемое имъ подъ названіемъ монизма.

Вл. Карповъ.

Прагматизмъ.

I.

Работа американцевъ въ области духа вышла изъ періода исключительнаго заимствованія и ассимиляціи чужой мысли. Она начинаетъ становиться продуктивной, и въ настоящее время европейская философія интересуется первымъ дѣтищемъ философствующихъ янки, въ которомъ обнаруживаются специфически характерныя черты его родителей.

Исходнымъ пунктомъ новаго направленія, названнаго прагматизмомъ, послужила статья американскаго мыслителя Пирса (Ch. Peirce) «Какъ сдѣлать наши идеи ясными» («How to make our ideas clear»), помѣщенная въ журналѣ «Popular science Monthly», янв. 1878 г.

Въ ней Пирсъ, указывая, что наши увѣренности (beliefs) суть руководящія правила для дѣйствія, говоритъ, что для того, чтобы раскрыть значеніе мысли, намъ надо лишь опредѣлить поступокъ, къ которому она способна привести; практическій результатъ этой мысли и представляетъ для насъ единственное ея значеніе. Этотъ тезисъ не обратилъ на себя вниманія, пока У. Джемсъ (W. James), извѣстный американскій психологъ, спустя двадцать лѣтъ, не положилъ его въ основу своего міросозерцанія, и въ рядѣ философскихъ работъ, при сотрудничествѣ профессоровъ Dewey, Santayana, Pringle-Pattison, Schiller, Bawden и др., не развилъ изъ него цѣлой системы.

Трудно было составить себѣ цѣльное понятіе о томъ, чего хочетъ прагматизмъ, ибо положенія его были разбросаны въ многочисленныхъ статьяхъ по разнымъ американскимъ и англійскимъ періодическимъ изданіямъ, изъ которыхъ назовемъ: Mind, Hibbert Journal, Philosophical Review, Journal of Philosophy и др.

Лишь въ послѣднее время вышли въ свѣтъ двѣ книги: 1) William James «Pragmatism—a new name for some old ways of thinking», 1908 ¹⁾ и 2) F. C. S. Schiller «Studies in Humanism», London, 1907 ²⁾, въ которыхъ новая доктрина представлена въ болѣе или менѣе систематическомъ изложеніи.

«Pragmatism» Джемса является сборникомъ восьми популярныхъ лекцій, прочитанныхъ частью въ Бостонѣ, частью въ Нью-Йоркѣ за періодъ 1906—1907 гг. Книга отличается обиліемъ мѣткихъ сравненій, ясностью и живостью изложенія, въ которомъ часто проскальзываетъ столь свойственный писателямъ англо-саксонской расы юморъ. Въ смыслѣ глубины и обстоятельности обработки темы она уступаетъ книгѣ Шиллера «Этюды о гуманизмѣ».

Хотя прагматическая литература содержитъ еще и другія произведенія, вродѣ—James «Will to Believe», 1897 ³⁾; Schiller «Humanism», 1903, того же автора «Personal Idealism», 1902; Santayana «The life of reason», 1905; Dewey «Beliefs and Realities» въ Phil. Review, XV и др., но вышеупомянутыя «Pragmatism» и «Studies in Humanism», представляя новое ученіе болѣе основательно и цѣльно, послужатъ намъ руководящимъ источникомъ при ознакомленіи читателей съ прагматизмомъ.

Прагматизмъ не представляетъ собою законченной, замкнутой системы: онъ находится въ стадіи броженія. Главная характерная черта его метода, красной нитью связывающаго часто противорѣчивые тезисы, состоитъ въ томъ, что человѣкъ со своими потребностями ставится исходнымъ началомъ всѣхъ интеллектуальныхъ и практическихъ цѣнностей. Нѣтъ ничего абсолютнаго, трансцендентнаго, сущаго *an sich*, независимо отъ человѣческихъ интересовъ и цѣлей. Вся наша психическая жизнь заполнена усиліями, желаніями и стремленіями, дающими жизнь и направленіе мысли, назначеніе которой исчерпывается исключительно служеніемъ нашимъ замысламъ. Интеллектъ является орудіемъ воли, и все мышленіе есть процессъ, возникающій подъ давленіемъ психическихъ переживаній. Мысль и продуктъ ея, міросозерцаніе, суть отраженіе взаимодействія психическихъ состояній человѣка,

1) У. Джемсъ. „Прагматизмъ—новое имя для нѣкоторыхъ старыхъ путей мысли“.

2) Ф. Шиллеръ, „Этюды о гуманизмѣ“.

3) Есть русскій переводъ.

и потому, какъ говоритъ Джемсъ, исторія философіи «въ большей мѣрѣ есть исторія извѣстныхъ столкновений человѣческихъ темпераментовъ» ¹⁾).

Міръ и факты окрашиваются въ соотвѣтствующія индивидуальности тона. «Какого бы темперамента ни былъ философъ по призванію, онъ, философствуя, пытается пропитать данный фактъ своимъ характеромъ» ²⁾. Въ зависимости отъ этого Джемсъ раздѣляетъ людей на двѣ категоріи—на чутко, нѣжно-мыслящихъ (*tender-minded*) и жестко-мыслящихъ (*tough-minded*). Къ первымъ причисляетъ онъ раціоналистовъ, идеалистовъ, оптимистовъ, религіозныхъ, волюнтаристовъ, монистовъ и догматиковъ; ко вторымъ—эмпириковъ, сенсуалистовъ, матеріалистовъ, атеистовъ, фаталистовъ, плюралистовъ и скептиковъ. Первые исходятъ изъ универсальныхъ положеній и спускаются къ частнымъ; вторые, наоборотъ, склонны къ индуктивному образу мышленія. Обѣ стороны относятся другъ къ другу, если не враждебно, то во всякомъ случаѣ съ нескрываеомой ироніей; тѣ считаютъ этихъ грубыми, жестокими,—послѣдніе же называютъ первыхъ поэтами, сантиментальными и трусами. Съ своей стороны Джемсъ называетъ первыхъ интеллектуалистами, вторыхъ—эмпириками. Но тѣ и другіе односторонни: ученія ихъ въ отдѣльности, каждое само по себѣ, не въ состояніи удовлетворить насущнымъ потребностямъ человѣческой души. «За сто пятьдесятъ прошедшихъ лѣтъ прогрессъ науки явственно склонялся къ расширенію матеріальнаго космоса и къ умаленію человѣческаго достоинства. Въ результатѣ получился ростъ натуралистическихъ или позитивистскихъ настроеній. Человѣкъ по отношенію къ природѣ не законодатель, онъ скорѣе въ роли питомца, воспринимающаго (*absorber*). Природа стоитъ непоколебимо, и онъ принужденъ къ ней приспособляться. Предоставьте ему восхвалять, какъ бы это ни было безчеловѣчно, правду и подчиниться ей! Романтическіе порывы и храбрость исчезли, мечта матеріалистична и угнетена. Идеалы кажутся какъ бы инертнымъ и случайнымъ продуктомъ фізіологіи» ³⁾).

Не лучше обстоитъ дѣло, если обратиться въ сторону идеалистовъ. Вы освобождаетесь благодаря имъ отъ унижающаго

¹⁾ „Pragmatism“, 6.

²⁾ Ibid., 7.

³⁾ „Pragmatism“, 16.

васъ матеріализма, «но вы платите за ваше избавленіе потерей сообщенія съ конкретными сторонами жизни. Большая часть абсолютистовъ-философовъ обитаетъ на такой высотѣ абстрактной мысли, что они никогда не считаютъ нужнымъ спуститься внизъ» ¹⁾. Они создаютъ міръ, говоритъ Джемсъ, путемъ мышленія. Чистая мысль всемогуща и въ состояніи создавать и разрушать міры. Въ такой концепціи человѣкъ не находитъ точки опоры, онъ испытываетъ головокруженіе и чувствуетъ себя потеряннымъ въ хаосѣ міровъ, готовыхъ каждую минуту исчезнуть. Ни абсолютъ, ни Богъ—не въ состояніи предохранить отъ катаклизма, ибо оба понятія суть продукты раціоналистическаго мышленія и въ равной степени оказываются непостижимыми и чуждыми человѣческому уразумѣнію. Требуется философія, которая бы не только упражнялась въ интеллектуальныхъ абстракціяхъ, но и могла установить реальныя соотношенія между внѣшнимъ міромъ и интересами людей.

Матеріалисты предлагаютъ факты, но безъ идеаловъ; идеалисты—идеалы, но безъ фактовъ: ни то, ни другое, взятое отдѣльно, недостаточно для всесторонняго удовлетворенія человека. И потому Джемсъ, обращаясь къ своей аудиторіи, восклицаетъ: «я предлагаю предметъ, неудачно названный прагматизмомъ, какъ философію, могущую удовлетворить обоимъ родамъ требованій. Она можетъ остаться религіозной, подобно раціонализму, но въ то же время, подобно эмпиризму, она въ состояніи поддержать совершенную близость къ фактамъ» ²⁾.

Прагматическій методъ есть прежде всего способъ упорядоченія метафизическихъ диспутовъ, которые иначе были бы нескончаемы. Есть ли міръ единство или множество? Управляется ли рокомъ или онъ свободенъ? Матеріаленъ или духовенъ? Споры относительно такихъ понятій не приводятъ ни къ чему. И Джемсъ говоритъ: «прагматическій методъ въ такихъ случаяхъ пытается истолковать каждое понятіе, идя по слѣдамъ его соотвѣтствующихъ практическихъ результатовъ. Что за разница произошла бы, если скорѣе это, чѣмъ то, понятіе было бы истиною? Если невозможно отмѣтить какой бы то ни было практической разницы, альтернативы тогда означаютъ практически одну и ту же

¹⁾ Ibid., 19.

²⁾ „Pragmatism“, 33.

вещь, и споръ празденъ. Всякій разъ, когда споръ серьезенъ, мы должны быть въ состояніи показать нѣкоторую практическую разницу, которая должна послѣдовать, если та или другая сторона права» ¹⁾. Понятія, не имѣющія по своимъ послѣдствіямъ никакихъ отношеній къ нашимъ требованіямъ и цѣлямъ, оставаясь отвлеченными съ точки зрѣнія притязаній жизни, не могутъ быть предметомъ нашего вниманія: они представляютъ собою лишній балластъ для нашего мышленія.

Прагматизмъ сохраняетъ въ философіи позицію эмпиризма, но, какъ говоритъ Джемсъ, «вдвойнѣ, въ болѣе радикальной и въ менѣе предосудительной формѣ, чѣмъ это когда-либо предполагалось. Прагматизмъ рѣшительно и разъ навсегда поворачивается спиной къ кучѣ устарѣлыхъ привычекъ, столь дорогихъ профессиональнымъ философамъ. Онъ отворачивается отъ абстракцій и ненадежныхъ положеній, отъ словесныхъ рѣшеній, отъ вредныхъ апріорныхъ аргументовъ, отъ неподвижныхъ принциповъ, замкнутыхъ системъ, псевдо-абсолютовъ и первоначалъ. Онъ обращается къ конкретнымъ и измѣримымъ вещамъ, къ фактамъ, къ дѣйствию и силѣ» ²⁾. Ему ненавистны догматизмъ и манерничанье раціоналистовъ. Всѣ эти—Субстанція, Разумъ, Богъ, Абсолютъ, Энергія и т. д., при прикосновеніи къ нимъ ножа прагматическаго анализа, исчезаютъ безслѣдно, какъ призраки. Прагматическій методъ заставляетъ искать въ такихъ словахъ ихъ наличную цѣнность (cash-value), онъ заставляетъ ихъ работать въ потокѣ опыта. Прагматизмъ не столько разрѣшеніе проблемъ, сколько программа для работы и, въ особенности, указаніе способовъ, которыми существующія реальности могутъ быть измѣняемы. «Теоріи дѣлаются такимъ образомъ орудіями, а не отвѣтами на загадки». Прагматизмъ предъявляетъ къ концепціямъ одно требованіе: онѣ должны практически работать; онѣ—орудія, съ помощью которыхъ человѣкъ долженъ расширять опытъ и совершенствовать тѣмъ свою жизнь. Безъ этого понятія бесполезны и непродуктивны. «Прагматизмъ отнимаетъ отъ нашихъ теорій ихъ чопорность, дѣлаетъ ихъ гибкими и направляетъ каждую къ работѣ» ³⁾.

Но было бы ошибочно утверждать, что прагматизмъ совер-

¹⁾ „Pragmatism“, 45.

²⁾ Ibid., 51.

³⁾ „Pragmatism“, 53.

шенно враждебенъ по отношенію къ отвлеченнымъ вопросамъ. Онъ ихъ принимаетъ, если съ ихъ помощью открывается путь къ частнымъ вещамъ, если они, такимъ образомъ, работаютъ (work). Ему не важны словесные выводы: прагматизмъ налегаетъ, главнымъ образомъ, на практическую плодотворность понятій. Абстракціи, отвѣчающія извѣстнымъ потребностямъ, полезны. Существуетъ обширный классъ людей, нуждающихся въ такихъ абстракціяхъ, которыя приносятъ имъ опредѣленное утѣшеніе и моральный отдыхъ; поскольку такія абстракціи выполняютъ это, постольку прагматизмъ ихъ признаетъ. «Какъ только оно (абсолютное) доставляетъ отраду, оно несомнѣнно, небезплодно; оно обладаетъ опредѣленной цѣнностью; оно исполняетъ конкретную функцію» ¹⁾. То же самое и съ религіозными понятіями. «Если теологическія идеи доказываютъ свою цѣнность для конкретной жизни, онѣ будутъ для прагматиста въ той мѣрѣ истинны, въ какой онѣ выполняютъ свою цѣнность» ²⁾. Никакая мысль не должна быть отвергнута, пока не убѣдятся въ ея бесплодности. Всѣ теоріи для провѣрки своихъ правъ на существованіе должны доказать своими результатами свою пригодность къ жизни. Въ этомъ отношеніи прагматизмъ терпимъ: онъ не имѣетъ ничего предвзятаго, никакихъ догматовъ, кромѣ стремленія споспѣшествовать интересамъ жизни. Всѣ работающіе на пользу человѣчества, на какихъ бы разнообразныхъ поприщахъ ни подвизались—должны пользоваться этимъ методомъ, который лежитъ, какъ сказалъ молодой итальянскій прагматистъ Parini, «посреди нашихъ теорій, подобно коридору въ отелѣ. Безчисленныя комнаты выходятъ въ него. Въ одной—вы можете найти человѣка, пишущаго атеистическую книгу; въ ближайшей комнатѣ—нѣкто на колѣняхъ молить о вѣрѣ и силѣ; въ третьей—химикъ изслѣдуетъ свойства тѣлъ; въ четвертой—вымышляется система идеалистической метафизики; въ пятой—доказывается ея несостоятельность. Но всѣмъ этимъ людямъ принадлежитъ этотъ корридоръ, и каждому изъ нихъ, чтобы попасть въ свою комнату или уйти изъ отеля, нужно проходить по корридору» ³⁾. Этотъ единственный путь—корридоръ необходимъ для всѣхъ тружениковъ, воодушевленныхъ благомъ человѣчества. Они всѣ

¹⁾ Ibid, 73.

²⁾ „Pragmatism“. 73.

³⁾ „Pragmatism“, 54.

должны помнить, что, главнымъ образомъ, обогащаютъ жизнь не первоначала, принципы, категоріи, а «конечныя вещи, результаты, послѣдствія и факты» ¹⁾).

Въ нашемъ мышленіи всегда имѣются понятія, и нашъ насущный интересъ заключается въ томъ, чтобы имѣть критерій, опредѣляющій годность или негодность понятія и дающій намъ указанія относительно достовѣрности какой-либо концепціи. Передъ нами встаетъ вопросъ, что такое вѣрное, истинное понятіе, что такое истина?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, прагматизмъ пытается выяснить отношеніе логики къ психологіи.

Опытъ исторіи показалъ намъ неустойчивость нашихъ понятій. Мышленіе наше не есть непогрѣшимый въ своей истинности факторъ: оно подвержено случайнымъ вліяніямъ и, постоянно приспособляясь и исправляя свои ошибки, измѣняетъ свое содержаніе. Мнѣніе интеллектуалистовъ, что мышленіе имѣетъ свою сферу, независимую отъ человѣческой психики, произвольно. Мышленіе не механической процессъ, какъ, напр., тяготѣніе; оно не носитъ въ себѣ специфическаго интереса—*sui generis*, но связано генетически и телеологически съ эмотивной стороной человѣческой психики. Каждая мысль носитъ въ себѣ цѣль и стремленіе къ удовлетворенію замысловъ, вызвавшихъ ее на порогъ сознанія. Прагматическая логика не можетъ найти доводовъ за причисленіе познавательныхъ процессовъ къ какому-то особому міру, независимому отъ міра человѣческихъ потребностей. Она считаетъ себя дочерью психологіи: она вышла изъ нѣдръ человѣческихъ инстинктовъ, чувствъ, желаній и цѣлей. И если путемъ отбора она сдѣлалась отдѣльной дисциплиной, тѣмъ не менѣе основанія ея принциповъ остаются строго психологическими. «Самыя фундаментальныя концепціи Логики, вродѣ «необходимости», «увѣренности», «самоочевидности» и «истинности» ^{Видѣ} суть первоначально виды процессовъ, представляющихъ собою не что иное, какъ психическіе факты. Нераздѣльно сопровождаются онѣ особенными психическими чувствованіями. Что называется ихъ «строго-логическое» значеніе связано съ ихъ психологической сущностью, и если когда-либо эта связь на дѣлѣ разрывается, ихъ смыслъ просто исчезаетъ» ²⁾. Указывая

¹⁾ Ibid., 55.

²⁾ Schiller, „St. in Humanism“, 83.

на психологическую подкладку концепціи «несомнѣнности» или «увѣренности» (certainty), которымъ обыкновенно приписывается исключительное логическое значеніе, Шиллеръ говоритъ, что «логическая увѣренность совершенно связана съ психологической увѣренностью» ¹⁾.

Основные логическія функціи, какъ, напр., подразумѣваніе, пониманіе, различеніе, отождествленіе, сужденіе и заключеніе суть психологическіе процессы и не имѣютъ ничего общаго съ *idée rigée*. Это все постулирующія операции, на основаніи извѣстнаго опыта, вселяющія въ насъ увѣренность въ вѣроятную безошибочность ихъ выводовъ; но строго «логической» необходимости въ нихъ нѣтъ. Возьмемъ логическій принципъ тождества: онъ не болѣе, какъ постулатъ, полезный и желательный во многихъ случаяхъ. Этотъ постулатъ является результатомъ не столько небрежности съ нашей стороны или невнимательности по отношенію къ находящимся въ «тождественныхъ» вещахъ различіямъ, какъ, говоря словами Шиллера, «онъ (постулатъ)—сознательный актъ телеологическаго мышленія, совершаемаго вопреки замѣченнымъ различіямъ» ²⁾.

Теорія чистой мысли не объясняетъ намъ ясно происхожденія логическихъ аксіомъ: онѣ намъ даны изъ какой-то надзвѣздной сферы и глухи къ нашимъ нуждамъ и чувствамъ.

Но вѣрно ли, что мы достигаемъ истины, лишь подавляя въ себѣ стремленія и желанія? «Возьмемъ обыденный аргументъ: этотъ міръ—нехорошъ, поэтому долженъ быть лучшій. Это поκειται на желаніи добра и на постулатѣ совершенства. Если постулированіе вообще негодно, и желаніе является только препятствіемъ къ достиженію истины, ясно слѣдуетъ, что этотъ аргументъ безнадежно алогиченъ, что и согласно съ постояннымъ утвержденіемъ интеллектуалистовъ-логиковъ. Скверный міръ есть логическая очевидность противъ, а не за осуществленіе лучшаго». ³⁾ Прагматическій методъ протестуетъ противъ такой абстрактной и апріорной спекуляціи и кладетъ въ основу свою, что сужденіе тогда хорошо, когда оно направляетъ насъ на вѣрный путь и дѣлаетъ насъ способными открывать желательныя для насъ вещи. Побуждаемое желаніями нашими су-

1) Schiller, „St. in Humanism“, 84.

2) Schiller, „St. in Humanism“, 85.

3) Ibid., 91.

ждение становится для насъ большей частью весьма полезнымъ, ибо «оно можетъ побуждать къ болѣе активному освѣдомленію, къ болѣе проницательному наблюденію, къ болѣе настойчивому экспериментированію. Логикъ, объявляющій *de non apparentibus et non existentibus eadem est ratio*, отказывающійся искать то, что ему надобно, только по той причинѣ, что онъ этого не видитъ, не стремящійся по ту сторону кажущагося,—откровенно говоря, глупецъ» ¹⁾).

Значеніе логики, какъ необходимаго фактора для нашего поведенія, не отрицается прагматизмомъ. Логика приноситъ намъ неоцѣнимую услугу своей функціей оцѣнки, провѣрки и сличенія фактовъ, но ея претензія быть послѣдней, неизмѣнной инстанціей въ руководствѣ нашей судьбой не можетъ считаться заслуживающей уваженія. Логика тѣсно связана съ нашей психической жизнью, лишь изъ нея черпаетъ она свое содержаніе. Въ отличіе отъ описательной психологіи, логика—дисциплина нормативная; ея постулаты суть нормы для оцѣнки нашего опыта, но нормы, надо не забывать, не вѣчныя, не абсолютныя, но такія, использованіе которыхъ должно сопровождаться всегда сознаніемъ ихъ относительной годности и временной примѣнимости, какъ полезныхъ, но не вполне надежныхъ инструментовъ. Потребуется поколѣніе или два философовъ, говоритъ Шиллеръ, «чтобы убѣдиться, что существенныя функціи обобщеній—это примѣненіе ихъ къ частностямъ, что онѣ дѣйствительно вѣрны лишь потому и тогда, когда онѣ употребляются; что ихъ отвлеченіе, поэтому, отъ времени, мѣста и индивидуальности только поверхностно и иллюзорно и что, коротко, онѣ—инструменты для контроля и усовершенствованія человѣческаго опыта» ²⁾).

Если логика отрѣшится отъ интеллектуалистическихъ предразсудковъ и будетъ работать рука объ руку съ психологіей, первой ея задачей тогда окажется опредѣленіе понятія истины.

Что такое истина? Въ средѣ психическихъ явленій существуютъ, какъ эмпирическіе факты, правдивыя утвержденія, ошибки и, такъ называемыя, притязанія на истину (*claims to truth*). Какой методъ долженъ примѣняться логикой для различенія этихъ ка-

¹⁾ „Studies in Humanism“, 92.

²⁾ „St. in Humanism“, 113.

тегорій? Говорятъ, истина должна соотвѣтствовать дѣйствительности; знаніе, представляющее какъ бы умственную копию реальныхъ фактовъ, есть истина. Но это опредѣленіе не выдерживаетъ никакой критики, ибо всякое представленіе какого-либо факта есть лишь его аббревіатура; адекватнымъ же познаніемъ факта мы будемъ владѣть тогда, если намъ окажется доступной абсолютная его сущность. Можемъ ли мы обольщаться такой увѣренностью? Не будетъ ли поэтому всякое утвержденіе неполнымъ, приблизительнымъ? Тѣмъ не менѣе, опредѣленіе вещей необходимо: мы должны знать, насчетъ чего мы споримъ. Многія истины, какъ насъ учитъ опытъ науки и мышленія, оказались несостоятельными вполнѣдствіи, и мы, поэтому, прежде чѣмъ присвоить какому-нибудь понятію этотъ почетный терминъ, должны относиться съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ къ каждому притязанію на истину, и сохранять его лишь за тѣми понятіями, которыя достойны его. Принимая во вниманіе, что каждое утвержденіе заключаетъ въ себѣ притязаніе на истину, наша осмотрительность должна усугубиться. Формальная логика не отвѣчаетъ на вопросъ, „какъ принятая истина можетъ быть отличима отъ простаго притязанія, и какимъ образомъ это послѣднее можетъ сдѣлаться годнымъ». 1) Она оказывается въ этомъ отношеніи безсильной: она оперируетъ надъ познавательными актами, независимо отъ ихъ конкретной приложимости. «Она рассматриваетъ значеніе какого-нибудь предложенія, какъ нѣчто ему собственное, вродѣ формы словъ, отдѣльно отъ ихъ употребленія». 2) Но понятія или предложенія, рассматриваемыя и употребляемыя внѣ ихъ отношеній къ фактамъ, къ намѣреніямъ, въ нихъ заключающимся, теряютъ свой смыслъ, ибо всякое значеніе ихъ носить извѣстное отношеніе къ дѣйствительности; каждое понятіе въ этомъ отношеніи телеологично, въ немъ заключается намѣреніе высказать это отношеніе къ реальному міру, которое насъ интересуетъ. На каждое понятіе возлагается, такимъ образомъ, ожиданіе: оно должно содѣйствовать намъ въ выясненіи нашего положенія въ космосѣ. Отвѣчаютъ его функции возложеннымъ на него ожиданіямъ — оно принимается въ инвентарь годнаго мышленія, иначе оно отбрасывается. Оцѣнка

1) Ibid., 148.

2) „St. in Humanism“, 149.

этихъ функцій и придаетъ понятіямъ большую или меньшую степень истинности. Истина, слѣдовательно, говоритъ Шиллеръ, «есть форма цѣнности, а логическое сужденіе—оцѣнка; но мы еще не подняли вопроса, что побуждаетъ насъ къ установленію или опроверженію этой цѣнности, каковы наши руководящіе принципы въ оцѣнкѣ нашего опыта. Отвѣтъ на этотъ вопросъ вводитъ насъ прямо въ сердце прагматизма. Сверхъ того, отвѣтъ на этотъ вопросъ есть прагматизмъ и даетъ объясненіе тому, на какомъ основаніи прагматизмъ заявляетъ о владѣніи имъ критеріемъ истинности. Ибо прагматизмъ утверждаетъ, что онъ имѣетъ простой отвѣтъ, открытый для наблюденія и легко провѣряемый. Онъ просто предлагаетъ намъ пойти къ фактамъ и наблюдать активныя операціи нашего знанія. Если только мы такъ поступимъ, мы откроемъ, что во всемъ активномъ знаніи вопросъ, истинно утвержденіе или нѣтъ,—рѣшается однообразно и просто. Это рѣшается по его послѣдствіямъ, его поведеніемъ по отношенію къ интересу, побудившему къ утвержденію; его отношеніемъ къ намѣренію, поставившему вопросъ. Излишне добавлять къ этому, что послѣдствія должны быть хороши. Ибо поскольку утвержденіе удовлетворяетъ или споспѣшествуетъ цѣли изслѣдованія, которой оно обязано своимъ существованіемъ, постольку оно истинно; если оно противорѣчитъ или не оправдываетъ ее—оно непроизводительно, бесполезно и фальшиво. И «истинное», и «ложное», мы видѣли, суть интеллектуальныя формы добра и зла. Другими словами, истина есть то, что полезно для созданія науки; ложь—что бесполезно или вредно для той же цѣли. Наука подобно этому хороша, если вноситъ гармонію въ нашу жизнь; если она этого не достигаетъ это псевдонаука или забава» ¹⁾).

Опредѣляется поэтому правильность или ложность какого-нибудь отвѣта на задачу лишь вліяніемъ его на изслѣдованіе, въ которомъ заинтересованы наши замыслы. Истинность отождествляется здѣсь съ благомъ, съ пользой.

Но благо истины можетъ оказаться, какъ мы то видимъ въ обыденной жизни, въ противорѣчій по отношенію къ жизненнымъ интересамъ отдѣльнаго индивида, и тутъ Шиллеръ добавляетъ: «...—когда мы сказали, что истина оцѣнивается по сво-

¹⁾ „Studies in Humanism“, 154.

имъ послѣдствіямъ для какой-либо цѣли, мы постоянно имѣли въ виду социальный характеръ истины и совершенно въ общемъ смыслѣ» ¹⁾.

Прагматизмъ не упускаетъ изъ виду, что такое опредѣленіе истины относительно: она зависитъ скорѣе отъ ближайшей, непосредственной цѣли, чѣмъ отъ конечнаго идеала, на который она должна походить. Такое опредѣленіе несомнѣнно лишаетъ истину ея ореола, ея непоколебимой, казалось, авторитетности.

Она вѣрна, пока обслуживаетъ какую-нибудь цѣль, и можетъ быть отставлена, если окажется истина, полнѣе отвѣчающая тому же назначенію. Это не должно насъ смущать, «...время, быть можетъ, перестать сѣтовать на то, что истина, способная совершенствоваться и расти, поэтому не абсолютно вѣрна и—нѣчто ложное, достойное презрѣнія» ²⁾. Абсолютной истиной мы никогда не будемъ владѣть; человѣческая же истина является просто ступенью, по которой мы взбираемся къ высшимъ истинамъ.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что истина есть логическая цѣнность, а притязаніе на нее—притязаніе на владѣніе такою цѣнностью. Оцѣнка такихъ притязаній (claims) производится прагматическимъ путемъ, т.-е. дѣйствіемъ ихъ результатовъ на силу ранѣе установленной истины. Удалось такому притязанію всецѣло разрушить предшествовавшую истину, оно пріобрѣтаетъ характеръ значительной, вѣской истины. Поколебалось оно лишь прежнюю истину, но не уничтожило совсѣмъ,—степень истинности обоихъ утвержденій менѣе значительнаго характера. Такимъ образомъ, возникаютъ разнообразнѣйшіе оттѣнки истинъ, начиная «съ той смиренной, которая удовлетворяетъ какой-нибудь цѣли, хотя бы она была низкой цѣлью нѣкоего подчиненнаго предмета, и кончая тѣмъ неисповѣдимымъ идеаломъ, который удовлетворялъ бы всякой цѣли и объединилъ бы всѣ старанія» ³⁾.

Пока же тотъ идеаль недостижимъ, и намъ остается пользоваться временными истинами, которыя насколько могутъ, приносятъ немалую пользу. Какъ говоритъ Джемсъ, «правды живутъ

¹⁾ Ibid., 155.

²⁾ „Studies in Humanism“, 156.

³⁾ Ibid., 158.

на дѣлѣ, большей частью, по кредитной системѣ. Наши мысли и увѣренности циркулируютъ, пока ничто не воспрепятствуетъ этому, подобно тому, какъ пребываютъ въ обращеніи банковскія ассигнаціи, пока кто-нибудь не отказывается отъ нихъ» ¹⁾.

Мы считаемся съ истиной въ той мѣрѣ, въ какой мы ею пользуемся, и готовы отказаться отъ нея, въ случаѣ неуспѣшнаго ея функционированія. «Система Птолемея, пространство Эвклида, логика Аристотеля, схоластическая метафизика были достаточны на протяженіи вѣковъ, но человѣческій опытъ перелился черезъ эти границы, и теперь мы называемъ эти понятія лишь относительно истинными или истинными въ предѣлахъ этого опыта» ²⁾.

Итакъ, истины не существуютъ какъ извѣчныя, невѣдомой силой поставленныя царить надъ человѣческимъ міромъ, но онѣ дѣлаются, и дѣлаются людьми. Вопросъ, какъ притязанія возводятся въ степень истины, и какъ эта послѣдняя отличается отъ заблужденія, представляетъ прагматическую *par excellence* проблему дѣланія истинъ (*the making of truths*), рѣшаемую прагматической точкой зрѣнія, а именно: въ претензіи на истину нѣтъ ничего имманентнаго, что говорило бы намъ объ ея истинности; оцѣнка производится лишь по ея послѣдствіямъ. Истина дѣлается во время непрерывнаго опыта, къ которому побуждаютъ насъ интересы и стремленія наши. Знаніе растетъ въ объемѣ и истинности путемъ успѣшной провѣрки старыхъ знаній и ассимиляціи свѣжаго научнаго матеріала. Этотъ послѣдній не только воспринимается, но и активно работаетъ: онъ, сливаясь и дополняя, измѣняетъ старыя системы, которыя укрѣпляются и расширяютъ размѣръ своихъ функцій. Онѣ, можно было бы сказать, дѣлаются болѣе организованными и связными (*coherent*), но это не отвѣчаетъ дѣйствительности, ибо «связность» и «организованность» — лично наши понятія и относятся къ нашимъ цѣлямъ: это мы судимъ насчетъ значимости этихъ понятій. И то, что мы въ нихъ постигаемъ, — это споспѣшествованіе ими нашимъ замысламъ; это ихъ продуктивность въ смыслѣ гармонированія нашего опыта» ³⁾. Что касается истинъ *a priori*,

¹⁾ „Pragmatism“, James, 207.

²⁾ Ibid., 223.

³⁾ „Studies in Humanism“, 195.

онѣ могутъ считаться, какъ и всѣ истины, постулатами, подлежащими контролю и использованію для того, чтобы получить право на обращеніе.

Лежитъ ли въ сдѣланныхъ прагматическимъ путемъ истинахъ несозданное, несдѣланное людьми ядро абсолютной, трансцендентной истины,—этотъ вопросъ не можетъ быть принятъ прагматизмомъ, ибо онъ не разрѣшимъ. Несправедливо ожидать отъ прагматизма разрѣшенія затрудненія, стоящаго предъ лицомъ всѣхъ теорій познанія. Въ нихъ, во всѣхъ—начало познанія окутано тайной, которая угнетаетъ прагматизмъ въ меньшей степени, чѣмъ его соперницъ, ибо онъ—не ретроспективная теорія. Значеніе прагматизма не столько въ объясненіяхъ прошлаго, сколько въ попыткѣ опредѣлить отношеніе настоящаго момента къ будущему. Прошлое умерло, оставивъ намъ въ наслѣдіе множество фактовъ. Но не эти послѣдніе захватываютъ наше вниманіе; «...что насъ дѣйствительно побуждаетъ знать—это, какъ дѣйствовать въ виду будущаго» ¹⁾.

Дѣланіе истины влечетъ необходимо за собой *ipso facto* и дѣланіе дѣйствительности (*the making of reality*). Въ самомъ дѣлѣ, если наши познавательные процессы исходятъ изъ субъективныхъ интересовъ, опредѣляющихъ направленіе ихъ мысли, ясно, что если мы не будемъ стремиться, не будемъ искать—мы не найдемъ и не откроемъ реальныхъ вещей, которыхъ мы не искали. «Онѣ, вслѣдствіе этого будутъ отсутствовать на нашей картинѣ міра и пребудутъ несуществующими для насъ. Чтобы сдѣлаться для насъ реальными, онѣ должны ранѣе сдѣлаться гипотетически реальными предметами интереса; а какъ такое дѣланіе объектовъ интереса совершенно въ нашей волѣ, то, въ полномъ значеніи этого слова, ихъ открытіе есть дѣланіе дѣйствительности» ²⁾. Наши идеи, увѣренности, желанія etc., будучи существенными и необходимыми элементами нашего знанія, преобразовывающаго въ дѣйствительности нашъ опытъ, должны разсматриваться, какъ реальныя силы, которыя не должны упускаться изъ виду философской мыслью. Онѣ измѣняютъ дѣйствительность; за примѣромъ недалеко ходить: «реальности культурной жизни суть воплощенія идей и желаній цивилизованнаго

¹⁾ Ibid, 198.

²⁾ „Studies in Humanism“, 199.

Вопросы философіи, кн. 99.

человѣка» ¹⁾. Мiръ можетъ быть разсматриваемъ, какъ отраженiе нашихъ интересовъ въ жизни: онъ есть то, что мы и наши предки мудро или наивно искали и научились творить, соразмѣрно нашей наукѣ и силѣ.

Однако, субъективное толкованiе генезиса истины и дѣйствительности сопровождается затрудненiемъ, ибо дѣланiе истинъ и реальныхъ вещей предполагаетъ извѣстное принятiе факта, которое, хотя какъ гласить слово «принятiе»—волевого характера, все же скрываетъ глухое начало, предсуществовавшее до того момента, какъ мы открыли вещь. Каждый фактъ имѣетъ двоякое значенiе. Въ болѣе широкомъ смыслѣ фактъ есть каждая вещь, которая дѣйствуетъ, включая сюда и функцiи воображенiя, иллюзiй, сновидѣнiй и галлюцинацiй. Въ этомъ смыслѣ фактъ предшествуетъ различенiю между явленiями и дѣйствительностью. «Чтобы отличить его, мы назовемъ его первичной дѣйствительностью (*primary reality*). Ея существованiе, въ важномъ значенiи слова, неотрицаемо; ибо она—точка отправленiя и конечный пробный камень всѣхъ нашихъ теорiй дѣйствительности, наталкивающихъ лишь на ея метаморфозы» ²⁾. Эта *primary reality* можетъ быть названа независимой отъ насъ, если это кому-либо удобно; мы, конечно, не сдѣлали ее, но нашли. Нашли же ее неудовлетворяющей насъ, почему она и подверглась нашему воздѣйствию. Она поэтому не можетъ считаться реальнымъ фактомъ или дѣйствительностью, ибо она, сама въ себѣ—хаосъ, сырой материалъ, вещество, изъ котораго реальный мiръ лишь дѣлается нами. Она нуждается въ нашей обработкѣ, которая путемъ отбора и оцѣнки отдѣляетъ «реальное» отъ «нереального»; «лишь послѣ того, какъ такiе процессы работали надъ «*primary reality*», обнаруживается различiе между просто явленiемъ и дѣйствительностью» ³⁾. Смѣшивать послѣднiя два понятiя невозможно. Лишь послѣднее—реальность, ибо опытъ нашъ имѣетъ дѣло не съ хаотическимъ, аморфнымъ материаломъ, но съ уже переработаннымъ силой нашихъ познавательныхъ актовъ, побуждаемыхъ при этомъ къ тому нашими волевыми импульсами. Эта реальность, такимъ образомъ, наше активное творчество.

Реальность инертна: она подобна древнему оракулу не отвѣ-

¹⁾ „*Studies in Humanism*“, 199.

²⁾ *Ibid.*, 187.

³⁾ „*St. in Humanism*“, 187.

часть, пока къ ней не обратятся съ вопросомъ. Чтобы получить отвѣтъ, мы стараемся использовать всѣ средства, находящіеся въ нашемъ распоряженіи; этимъ самымъ мы творимъ, пробуемъ къ жизни несуществовавшія до того для нашего сознанія потенціи. Въ единомъ процессѣ мы творимъ истины и съ ними реальный міръ; въ этомъ актѣ творчества захвачена вся наша организація, всѣ наши желанія, замыслы и стремленія. Такимъ образомъ зависимость реального міра отъ нашей воли дѣлается ясной. Дѣйствительность не есть фактъ *an sich*, предсуществующій нашему сознанію. Она есть фактъ «въ познаніи, туда непосредственно вносимый или удаляемый изъ него дѣйствіемъ нашей мысли. Поэтому проблема познанія состоитъ не въ томъ, какъ можетъ мысль породить истину относительно дѣйствительности. Скорѣе—какъ можемъ мы лучше описать непрерывный познавательный процессъ, создающій наши системы истинъ и способствующій приобрѣтенію нами дѣйствительности?» ¹⁾.

Прагматизмъ является не только генетической теоріей истины, но и генетической теоріей мірозданія. Внѣшній міръ *im Werden*: онъ дѣлается и передѣлывается, онъ пластиченъ. Пластичность же эта создается нами. Вновь открытые факты обогащаютъ наше знаніе, которое въ дѣйствительности «всегда измѣняетъ познающаго; а какъ этотъ—реаленъ и часть реального міра, то этотъ послѣдній на самомъ дѣлѣ измѣняется» ²⁾. Подъ вліяніемъ новыхъ истинъ поведение наше получаетъ другое направленіе, и въ ходъ космическихъ событій вводится элементъ варіантовъ. Актъ познанія не потому способенъ измѣнить дѣйствительность, что онъ представляетъ собою лишь явленіе чистаго интеллекта. «Въ прагматической концепціи—знаніе есть вступленіе къ акту» ³⁾,

Что называется только знаніемъ—есть лишь отрывокъ сложнаго процесса, въ интегральномъ состояніи своемъ разрѣшающагося въ дѣйствіи. Вліяніе наше распространяется не только на живыя существа, но и на физическій міръ. Ошибочно сказать, что неодушевленные вещи не замѣчаютъ нашего знанія и не измѣняются имъ. Онѣ реагируютъ на мыслительныя операціи въ той мѣрѣ, въ какой онѣ ими захватываются. «Что онѣ не отвѣчаютъ болѣе разумно (*intelligently*) и, поэтому, названы нами

¹⁾ Ibid., 426.

²⁾ „Studies in Humanism“, 439.

³⁾ Ibid., 440.

неодушевленными—обязано ихъ громадной духовной отчужденности отъ насъ или, быть можетъ, нашей неспособности ихъ понимать, нашей неловкости и недостатку сноровки въ нашихъ манипуляціяхъ, что не даетъ этимъ неодушевленнымъ вещамъ случая развернуть ихъ психическую природу» ¹⁾. Но пластичность ихъ, какъ и всего космоса, очевидна. Если существуютъ факты, поддающіеся нашему вліянію, на ряду съ фактами, кажущимися неизмѣняемыми, — все же прагматическая теорія пластичности не можетъ быть отвергнута, ибо эти неизмѣняющіяся вещи требуютъ еще нашего акта для ихъ болѣе полного уразумѣнія, и тогда ихъ пластичность возникнетъ параллельно съ ростомъ нашей правды о нихъ: «...даже если бы мы могли какъ-нибудь узнать неэмпирически и a priori, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ міръ совершенно неподатливъ, мы не могли бы пользоваться такимъ знаніемъ, ибо мы не знали бы, что означаютъ эти пункты» ²⁾.

Эта теорія пластичности вызываетъ конфликтъ съ научной концепціей детерминизма. Основы физическаго міра кажутся потрясенными. Дѣйствительно, если вещи пластичны и силой нашего воздѣйствія измѣняются, — всѣ правильности, всѣ закономерности исчезаютъ и уступаютъ мѣсто произволу случая. Явленія могутъ подвергаться превращеніямъ вопреки всякимъ космическимъ законамъ. Прагматизмъ смѣло подходит къ этому конфликту. Детерминизмъ, говоритъ онъ, рассматриваетъ научные постулаты, какъ выраженіе высшей истины. На пунктахъ все сводится къ благоговѣйной надеждѣ: «Если бы я узналъ всѣ прецеденты, я могъ бы высчитать всѣ послѣдствія», — что скорѣе стремленіе и желаніе, чѣмъ позитивное положеніе. Детерминистъ долженъ помнить, что весь ходъ явленій никогда не будетъ имъ de facto высчитанъ, вслѣдствіе чего онъ, какъ и волюнтаристъ, могутъ, не грѣша противъ логики, сойтись на мысли, что случайности возможны. Нѣтъ у нихъ обоихъ практическаго доказательства обратнаго. Такимъ образомъ, прагматически разнища между ихъ теоріями исчезаетъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, прагматизмъ устанавливаетъ примиряющую теорію детерминованнаго индетерминизма.

¹⁾ Ibid. 444.

²⁾ „Studies in Humanism“, 445.

Если, говоритъ онъ, детерминисты утверждаютъ, что «свободные» акты vyplываютъ изъ даннаго положенія, и альтернативы существуютъ для каждаго разума при данныхъ условіяхъ,—не слѣдуетъ ли, что какая бы альтернатива ни была выбрана, она всегда будетъ находиться въ связи съ предшествовавшими обстоятельствами? Здѣсь не будетъ никакого перерыва, пробѣла въ связной цѣпи явленій. Если наши цѣли или желанія побуждаются соотвѣтствующими условіями, можно сказать, что другого хода вещей не могло быть; но это—заблужденіе. Альтернатива, будучи принятой, покажется одинаково разумной, ибо, въ дѣйствительности, она была порождена предшествовавшими ей событіями. Детерминистъ пріобрѣтаетъ увѣренность въ предвидѣніи хода вещей лишь *ex post facto*, послѣ того, какъ цѣлый рядъ событій совершился на его глазахъ и привелъ его къ опредѣленному заключенію. Онъ можетъ утверждать, что извѣстный рядъ явленій приводитъ къ извѣстному результату. Но это лишь теорія: практически нашъ детерминистъ не въ состояніи высчитать заранѣе, пройдетъ ли еще разъ этотъ рядъ явленій въ прежнемъ порядкѣ, ибо разнообразіе возможностей, могущихъ измѣнить этотъ рядъ и тѣмъ привести къ другому результату, неисчислимо. Чтобы не быть нескромнымъ, детерминистъ долженъ «въ силу недостаточнаго знанія отвергнуть возможность предсказанія и тѣмъ избѣгнуть опроверженія» ¹⁾).

Альтернативы причинно связаны съ антецедентами и въ то же время способствуютъ индетерминизму природы, ибо каждый ходъ вещей, выражающійся въ альтернативахъ, возможенъ и тѣмъ обуславливаетъ другое теченіе явленій. Если свойство вещей таково, что при варіаціи условій, онѣ создаютъ альтернативы, онѣ этимъ самымъ порождаютъ множество разумныхъ возможностей «и выборъ между ними создаетъ реальную свободу» ²⁾). Физиономія міра не единственно возможная: міръ съ такимъ же правомъ могъ бы, въ зависимости отъ другой альтернативы, быть другимъ. И прагматизмъ задаетъ вопросъ: почему альтернативы, кажушіяся дѣйствительными, должны считаться нереальными? Потому что утвержденіе о нихъ связано съ отрицаніемъ возможности науки? Но ей ничто не грозитъ: «методологическіе

1) „St. in Humanism“, 404.

2) Ibid., 405.

постулаты, какъ таковыя, не могутъ быть опровержимы; они могутъ лишь выйти изъ употребленія» ¹⁾). Почему намъ не принять, какъ фактъ, эмпирическую реальность психологическаго индетерминизма, слѣдуя призыву нашего непосредственнаго сознанія, подсказывающаго намъ свободу? «Здѣсь есть постоянный рискъ принимать вѣроятность, какъ нѣчто, содержащее высшую правду. Но это не такъ вредно, какъ если бы считать ее совсѣмъ несодержащей правды. И для нашего гуманизма оказывается, весьма естественно, лучшимъ рискъ довѣриться вѣроятности, чѣмъ уничтожить ее безъ всякаго повода» ²⁾). Психологическій индетерминизмъ, какъ естественный инцидентъ, прагматизмъ усматриваетъ въ ростѣ привычекъ («St. in Hum.», 409), въ способности нашей сохранять извѣстную пластичность. Природа абсолютно детерминованная или совершенно хаотическая одинаково негодна для нашего міра. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ наука была бы совершенно невозможной. Въ первомъ случаѣ она была бы бесплодной и безцѣльной: природа, будучи недоступной нашему воздѣйствію, не могла бы быть познана и обрабатываема. Во второмъ—наши усилія оказались бы немнѣе тщетными—образовать какой бы то ни было порядокъ для нашего опыта. Детерминистическій индетерминизмъ ничуть не приходитъ въ коллизію съ научнымъ значеніемъ закона, какъ концепціи, могущей быть заранѣе высчитанной. Постоянство закономерности явленій есть эмпирический фактъ наблюденія. Изъ опыта мы узнаемъ, что природа вообще совпадаетъ съ постулатами закономерности, и что она ихъ дѣлаетъ настолько приложимыми къ практической жизни, что мы ихъ можемъ называть истинами. «Но опытъ никогда вполне не можетъ гарантировать утвержденіе, что привычки природы абсолютно фиксированы и постоянны. Ибо, наоборотъ, мы можемъ доказать, что даже самые фундаментальные законы могутъ измѣняться,—мы будемъ надѣяться, развиваясь въ нѣчто лучшее» ³⁾). Постулаты науки суть методологическіе принципы, полезные своей работой, но придавать имъ и кажущемуся детерминизму ихъ опсрацій трансцендентную сущность—прагматизмъ не можетъ.

¹⁾ „St. in Humanism“, 405.

²⁾ Ibid, 408.

³⁾ „St. in Humanism“, 410.

Результаты человѣческой свободы слишкомъ очевидны, чтобы можно было ее отрицать. Она можетъ быть лишь умалена въ своемъ значеніи. Противъ свободы можно возразить, что она производитъ самыя ничтожныя измѣненія и то лишь на верхней оболочкѣ земного шара; человѣкъ не можетъ измѣнить ходъ звѣздъ, регулировать вращеніе земли или предотвратить конечное угасаніе солнечной системы. «На что можно возразить: во-первыхъ, наше вліяніе не теряетъ своего значенія оттого, что не можетъ управлять космическими массами; во-вторыхъ, наши интересы, главнымъ образомъ, ограничены земной поверхностью, — и это означаетъ не мало: можемъ ли мы или не можемъ обрабатывать ее; въ-третьихъ, степень возможности нашей измѣнять ходъ вещей зависитъ отъ размѣра нашей способности дѣлать вещи пластичными для нашихъ цѣлей; въ-четвертыхъ, съ отважностью и наукой мы можемъ найти міръ намного пластичнѣе, чѣмъ мы осмѣливаемся даже думать. Наука только въ начальномъ періодѣ, и человѣчество лишь начало довѣряться ей» ¹⁾).

Прагматизмъ хочетъ вѣрить въ расширеніе нашего могущества. Вѣру онъ признаетъ важнымъ факторомъ нашей жизни. Вѣра есть логическій результатъ, вытекающій изъ ненадежности всего нашего знанія. Постулаты наши суть продукты нашей воли; мы хотимъ вѣрить въ ихъ пригодность для каждаго частнаго случая. На вѣрѣ, такимъ образомъ, зиждется вся наука и мышленіе. Говоря словами Шиллера: «поскольку, поэтому, мышленіе основывается на постулатахъ, и постулаты не доказаны и открыты сомнѣнію еще вначалѣ, постольку приверженность къ нимъ предполагаетъ вѣру, т.-е. вѣру въ подтвержденіе, которое еще послѣдуетъ. Не должны ли мы сказать тогда, что въ самыхъ корняхъ разума мы признаемъ элементы вѣры?» ²⁾). Вѣра—явленіе, глубоко пустившее корни въ душу человѣка и сильно отражающееся на его жизни. Все начинается у насъ и кончается восклицаніемъ: *credo ut intelligam*. Наличное сознаніе наше кроетъ въ себѣ религіозныя начала, — можно ли найти возраженія противъ ихъ функцій, если, какъ мы видѣли, вся наука и мышленіе базированы на вѣрѣ? «Я съ трудомъ, поэтому, понимаю, почему религіозное принятіе, какъ, напримѣръ, существованіе

¹⁾ Ibid, 412.

²⁾ «St. in Hum», 357.

Бога, должно требовать другого, болѣе строгаго доказательства, и почему теологу воспрещается процедура, которая всегда почтенна и иногда доблестна для мужа науки?» ¹⁾ Предположенія научнаго познанія и религіозной вѣры тѣ же самыя. Нельзя отрицать, что разница въ пользованіи тѣми же принципами приводитъ къ разнымъ послѣдствіямъ. Это различное пользованіе принципами обусловливается разницей въ фактахъ. Въ обыкновенной жизни мы имѣемъ дѣло съ внѣшнимъ міромъ, ощущаемымъ органами чувствъ; въ наукѣ—съ этимъ же самымъ, но нѣсколько менѣе непосредственно. Въ каждомъ случаѣ наши гипотезы относятся къ фактамъ открытымъ, видимымъ и доступнымъ наблюденію—въ то время, какъ религіозное сознаніе принуждено прибѣгнуть къ болѣе бѣдному полю провѣрки, а, именно, къ внутренней интроспекціи. Менѣе богатый опытъ, открывающійся религіознымъ влеченіямъ, въ связи съ злоупотребленіями религіозными принципами въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, задержалъ интеллектуальное развитіе религіознаго познанія. Вѣра сдѣлалась генетическимъ терминомъ для всего, что связано съ отсутствіемъ знанія; она сдѣлалась убѣжищемъ для убоявшихся борьбы за жизнь и считается до сихъ поръ условіемъ умственной лѣни.

Прагматическій методъ способенъ различить точно между годнымъ и негоднымъ употребленіемъ вѣры: «онъ можетъ показать, что не вѣрѣ пренебрегать работой разума и не разуму отклонять помощь вѣры, и что поле опыта настолько просторно и невоздѣлано, что мы никогда не будемъ раскаиваться, если введемъ, съ цѣлью совершенствовать плоды человѣческой жизни, въ обработку его и религію» ²⁾.

Вѣра—реальная сила, которая можетъ дѣйствовать, «измѣняя и формируя дѣйствительность реальныхъ вещей» ³⁾. Мы не должны относиться къ очевидностямъ религіознаго познанія, поэтому, съ бѣльшимъ подозрѣніемъ, чѣмъ къ очевидности научнаго познанія, «ибо психологическая очевидность достаточна, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, во всѣхъ очевидностяхъ есть психологическая сторона, которую не доглядѣли» ⁴⁾. Религія—личное дѣло

¹⁾ Ibid., 362.

²⁾ «St. in Humanism», 368.

³⁾ Dewey, «Beliefs and Realities», 127.

⁴⁾ «Studies in Humanism», 363.

человѣка, постигающаго свою зависимость отъ міровой жизни. «Бываютъ минуты унынія у насъ всѣхъ, когда мы болѣемъ отъ себя самихъ, утомляясь отъ тщетныхъ стремленій. Наша собственная жизнь рушится, и мы впадаемъ въ положеніе расточительнаго сына. Мы желали бы тогда все бросить, кинутся на шею отцу, и быть поглощеннымъ абсолютомъ, какъ капля, растворяемая въ рѣкѣ или морѣ» ¹⁾.

Съ гносеологической точки зрѣнія прагматизмъ приглашаетъ «отправляться отъ «субъективнаго» и естественнымъ путемъ достигнуть «объективнаго» въ силу непосредственнаго развитія, которое создаетъ всѣ различія, дѣлаетъ ихъ «трансцендентными», ибо оно ихъ содержитъ и примиряетъ, но никогда ихъ ложно не толкуетъ какъ абсолютныя» ²⁾. Всѣ эти «трансцендентныя» вещи не могутъ быть независимыми отъ насъ; онѣ означаютъ лишь, что въ нашемъ опытѣ «находятся извѣстныя черты, которыя удобно описывать, какъ независимые факты, силы, личности, etc., въ силу особенностей ихъ поведенія» ³⁾. Въ этомъ смыслѣ все это закононо, но все это, какъ говоритъ James (Journal of Philos., II, 5, 118), «интра-экспериментальное дѣло». Оно дѣлается ложнымъ только, когда искажается въ метафизическую догму и облекается чудодѣйственной способностью выскакивать изъ предѣловъ опыта. Такія акробатическія продѣлки прагматизмомъ отвергаются.

Независимыя вещи какъ идеализма, такъ и реализма—абсолютная мысль и абсолютные факты; оба понятія непостижимы. Эти «независимыя» вещи не выходятъ изъ опыта; онѣ имъ обрабатываются, и, какъ говоритъ Шиллеръ, «независимая реальность, которая постулирована, послѣ всего, не является независимой отъ опыта, но подчинена ему, ее гармонирующему; она не абсолютна, она означаетъ «real» въ и для опыта. Она, поэтому, можетъ быть въ такой же мѣрѣ реальной, какъ тотъ опытъ, но никогда не можетъ сдѣлаться болѣе реальной. Внѣшній міръ и мои ближніе въ немъ, дѣйствительно, «независимы» отъ меня, ибо утвержденіе этого существенно для моего дѣйствія» ⁴⁾,

Прагматизмъ лишь не задается вопросомъ относительно онтологической сущности этихъ «внѣшнихъ, независимыхъ» вещей;

¹⁾ «Pragmatism», 292.

²⁾ «Studies in Humanism», 457.

³⁾ «St. in Humanism», 461.

⁴⁾ Ibid., 474.

онъ считаетъ ихъ необходимыми для опыта, полезными инструментальными понятіями. Онъ не хочетъ уподобиться крайнему субъективизму, необходимо кончающему абсурднымъ солипсизмомъ, остающимся, къ огорченію философовъ, логически возможнымъ и неопровержимымъ. «Мы могли бы, еслибъ хотѣли этого, принять солипсистскую точку зрѣнія, еслибъ желали принять на себя всѣ послѣдствія. Кто-нибудь логически въ достаточной мѣрѣ разстроенный, могъ бы настаивать на томъ, что онъ—единственный, всемогущій творецъ всего его опыта. Если онъ падаетъ въ канаву, онъ могъ бы себѣ апплодировать за тонкій юморъ самообмана. Если, коснувшись огня, онъ обжигается, онъ можетъ съ гордостью указать на себя, какъ на создавшаго этотъ огонь. И если вамъ наскучило, и вы подходите и ударяете его по ушамъ, онъ могъ бы еще приписать оскорбленіе плохому регулированію своей творческой фантазіи! Коротко говоря, никакой логикъ не могъ бы его опровергнуть, пока онъ самъ не отказался бы признавать приключившіеся ему инциденты собственными или считать ихъ характерными для своей особы» ¹⁾.

Мысль о реальномъ мірѣ есть прагматическій принципъ, всегда успѣшно работающій. Солипсистская теорія не алогична. Обыкновенно лишь міръ сна, въ отличіе отъ состоянія бодрствованія, считается солипсистскимъ явленіемъ, ибо онъ—наше творчество; но фундаментальной разницы между обоими состояніями сна и бодрствованіями невозможно установить. То, какъ и другое, протекаетъ во времени и пространствѣ, и оба содержатъ вещи и отношенія между ними. Теоретически къ каждому изъ нихъ не слѣдуетъ относиться различно. Поводъ лишь практической: «міръ грезъ (сновъ)—болѣе низкой цѣнности для нашихъ замысловъ, и потому считается «нереальнымъ» ²⁾. «Реалистическая интерпретація, поэтому, нашей бодрствующей жизни и «независимая реальность» міра нашего опыта не представляютъ неизбѣжнаго слѣдствія, какъ только имѣютъ прагматическій смыслъ; онѣ не заключаютъ дѣйствительной несообразности» ³⁾.

Противъ реализма прагматизмъ говоритъ: «Реальность, нами утверждаемая, поэтому, вовсе не экстраментальна; она имѣетъ своей сущностью отношенія къ опыту, который служитъ для ея

¹⁾ «St. in Humanism», 472.

²⁾ Ibid., 473.

³⁾ Ibid.,

истолкованія; если реализмъ принимается, какъ обозначеніе отрицанія принадлежности опыта и реальности другъ къ другу, онъ дѣлается метафизикой» ¹⁾. Тѣ же самыя соображенія примѣняются прагматизмомъ по отношенію къ идеализму. Умъ не можетъ быть реальнымъ безъ какого-нибудь «реального міра», подлежащаго нашему уразумѣнію, равно какъ и реальный міръ не можетъ сдѣлаться таковымъ безъ содѣйствія разума: идея и фактъ нераздѣльны. Но «если, тѣмъ не менѣе, можетъ казаться, что вѣсы, въ концѣ-концовъ, склоняются къ субъективной сторонѣ, ибо послѣ всего еще возможно, что каждая индивидуальная душа можетъ когда-нибудь, при пробужденіи, найти реальность ея міра со всѣми ея работами, уничтоженными за одну ночь,—вина кроется не въ нашей теоріи, но въ дѣйствительныхъ фактахъ. Ибо, какъ мы видѣли, реальный міръ не совпадаетъ со всеобщностью бытія, со всѣмъ абсолютнымъ опытомъ. Онъ—отборъ, произвольность и неадекватность котораго возбуждаютъ сомнѣнія, одной только «вѣрой» не разрѣшимыя» ²⁾.

II.

Приемъ, встрѣченный новой доктриной въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ Италіи, гдѣ она нашла горячихъ адептовъ, подъ руководствомъ Раріні основавшихъ во Флоренціи для пропаганды прагматическаго ученія органъ Leonardo, не можетъ считаться восторженнымъ. Новѣйшая философская мысль, даже въ такой классической странѣ эмпиризма, какъ Англія, не говоря уже о Германіи и Франціи, обнаруживаетъ явное тяготѣніе къ идеализму. Вліяніе не только представителей отвлеченнаго мышленія въ этихъ странахъ, какъ, напримѣръ, Гринъ, Брэдли въ Англіи; Бергсонъ, Фулье, Бутру во Франціи; Виндельбандъ, Эйкенъ, Риккертъ, Когенъ, Дильтей, Вундтъ и др. въ Германіи, но и все яснѣе опредѣляющееся въ области точныхъ наукъ направленіе противъ господствовавшаго въ ней до послѣдняго времени эмпирико-механическаго теченія, создали не вполне благопріятную въ данный моментъ почву для распространенія прагматизма, сохраняющаго, несмотря на нѣкоторыя идеалистическія тенденціи, радикально-

¹⁾ «St. in Humanism», 482.

²⁾ Ibid., 484.

эмпирическій характеръ. Отчасти этимъ обстоятельствомъ, а также и не въ меньшей мѣрѣ существующимъ партикуляризмомъ національной мысли можно объяснить, что на послѣднемъ философскомъ конгрессѣ въ Гейдельбергѣ прагматизмъ подвергся яркимъ нападкамъ со стороны, главнымъ образомъ, интеллектуалистовъ. Пока прагматизмъ пребываетъ для большей части мыслящей публики неизвѣстнымъ, чему виной отсутствіе переводной прагматической литературы. Въ послѣднее время интересъ къ новому движенію повышается; въ философскихъ періодическихъ изданіяхъ то и дѣло начинаютъ появляться статьи и критическія замѣтки о прагматизмѣ. Отмѣтимъ между ними слѣдующія: Lalande, *Pragmatisme*, *Revue philosophique*, 1906; тамъ же, янв. 1908, его же *Pragmatisme, humanisme et vérité*; тамъ же, 1908, Chide, *Pragmatisme et intellectualisme*; Parodi, *Le pragmatisme*, *La revue de metaphysique et de moral* I, 1908; Baron—*Revue de philosophie* № 6, 1909; *La theorie de la connaissance dans le pragmatisme*; A. Schinz, *Antipragmatisme*, Paris, Alcan, 1909,—рецензію на эту книгу см. въ *Revue philosophique*, juin 1909; Paulhan, *Antipragmatisme et hyperpragmatisme*; Visan, *Mercure de France*, dec. 1907. Въ нѣмецкой литературѣ: Jerusalem, *Der Pragmatismus*, *Deutsche Literaturzeitung*, № 4, 1908; Robert R. Rusk, *Die pragmatische und humanistische Strömung in der modernen engl. Philosophie*, *Jenaer Diss*; 1906; Stein, *Pragmatismus*, *Archiv für systematische Philosophie*, II, 1908; Kr. B. R. Aars, *Pragmatismus und Empirismus*, *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, Band 135, Heft 1, Mai, 1909; Lorenz-Ightham, *Das Verhältnis des Pragmatismus zu Kant*, *Kant Studien*, Band XIV, Heft 1, 1909; того же автора изложеніе прагматизма въ «*Internationale Wochenschrift*», Bd. II, № 29—31. Въ итальянской литературѣ: Aliostta—*La Cultura Filosofica*, Firenze, 1909, № 2, «*Il pragmatismo anglo-americano*»; Calderoni—*Rivista di Psicologia applicata*, Bologna, 1909, № 3: «*Una difficoltà del metodo pragmatistico*». Въ англо-американской період. печати мы находимъ наиболѣе проявляемый къ прагматизму интересъ. Журналы: *Philosophica Review*, *Journal of Philosophy*, *Psych. and Scient. Methods*, *Mind*, *Hibbert Journal*, *Fortnightly Review*, *Quarterly Review* изобилуетъ статьями о прагматизмѣ за и противъ. Слѣдуетъ упомянуть, что королевская академія наукъ въ Даніи, для которой нѣкогда Шопенгауэръ писалъ свое «*Основаніе морали*», назна-

чила интернаціональную премію за работы объ отношеніи прагматизма къ критицизму.

Первымъ учителемъ своимъ прагматики считаютъ Протагора, учившаго, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей; послѣднимъ же, непосредственно предшествовавшимъ возникновенію новой доктрины, Джемсъ считаетъ Джонъ-Стюарта Милля, которому онъ и посвящаетъ свою книгу со слѣдующими словами: «памяти Джонъ-Стюарта Милля, отъ котораго я впервые позналъ прагматическую ясность ума и котораго воображеніе мое представляетъ вождемъ нашимъ, если бы онъ нынѣ былъ въ живыхъ. («Pragmatism»)». Какъ и послѣдній, прагматизмъ отвергаетъ трансцендентальность знанія, ставя непосредственнымъ источникомъ его опытъ и наличное сознаніе, а содержаніемъ его — факты и замыслы. Всякія универсальности и апріорныя концепціи могутъ оказаться полезными инструментами для опыта, но не могутъ претендовать на абсолютную независимость отъ человѣческихъ интересовъ. Философская мысль не имѣетъ ничего присущаго ей отдѣльно отъ замысловъ и желаній человѣка. Отдаляясь изъ сферы непосредственныхъ психическихъ переживаній въ область абстракціи, развертывая свою механическую прямолинейность до конечнаго предѣла, она становится абберраціей дѣйствительности и создаетъ чудовищныя конструкціи, не имѣющія никакого базиса, никакого отношенія къ реальному міру, гдѣ страдаетъ и стремится человѣкъ. Не удивительно, поэтому, что всѣ метафизическія системы терпятъ крушеніе одна за другой, являя этимъ наглядное доказательство безсилія одной мысли къ плодотворной дѣятельности. Главная ошибка большинства доктринъ—это слѣдовать указаніямъ *idée pure* на счетъ существованія міра внѣ человѣка; этотъ міръ оказывается трансцендентнымъ, независимымъ и подчиняющимъ себѣ человѣка. Прагматизмъ беретъ на себя задачу произвести революцію въ духѣ Коперника: онъ хочетъ сдѣлать человѣка центромъ, отъ котораго исходятъ и къ которому тяготѣютъ міры. Человѣкъ освобождается изъ рабскаго плѣна вліяющихъ на него космическихъ силъ и дѣлается ихъ властелиномъ. Философія прагматизма, такимъ образомъ, является антропоцентрической, персональной. Человѣкъ всемогущъ, онъ измѣняетъ и создаетъ дѣйствительность; руководящимъ началомъ при этомъ являются его чувства, его стремленія—элементы его воли, которой и подчиненъ возникшій изъ нея иѣдръ интел-

лектъ, лишь путемъ отбора изъ фактовъ обширнаго, но сравнительно ограниченнаго опыта сдѣлавшійся полезнымъ, хотя и не вполне надежнымъ сотрудникомъ. Воля пользуется его услугами, поскольку данный опытъ гарантируетъ непогрѣшимость его функцій, и всякая попытка его перейти за предѣлы опыта встрѣчаетъ съ ея стороны энергичный отпоръ. Воля—направляющій факторъ человѣческой дѣятельности. Въ этомъ отношеніи прагматизмъ представляетъ собою доктрину волюнтаризма, но волюнтаризма не этического въ духѣ Фихте, и не метафизическаго въ духѣ Шопенгауэра, но личнаго, схватываемаго каждымъ субъектомъ въ актѣ психическаго самонаблюденія, какъ основное начало, побуждающее его къ дѣйствию. Воля освобождаетъ человѣка отъ предвзятыхъ нормъ, отъ непоколебимыхъ законовъ, навязываемыхъ ему интеллектомъ. Она открываетъ ему свободный путь и вселяетъ въ него вѣру въ возможность всеосуществленія, наполняя душу его неутолимой жаждой активной работы. Прагматизмъ—жизнерадостная и ободряющая теорія; она воодушевляетъ человѣка къ новымъ завоеваніямъ и къ новому творчеству. Прагматизмъ отвергаетъ возраженія своихъ противниковъ-интеллектуалистовъ, что тезисъ Протагора ведетъ къ крайнему субъективизму, къ произволу личной воли, и отвергаетъ не логическимъ путемъ, но ссылаясь на наличное сознаніе, на здравый некритикующій разумъ (*common sense*), подсказывающій намъ существованіе внѣшняго міра со множествомъ индивидуумовъ. Онъ сознаетъ, что концепція монистической воли, къ которой неизбежно приводитъ положеніе о созиданіи истинъ и дѣйствительности, становится антигуманитарной и абсолютной идеей, и онъ, памятуя способность нашей логической спекуляціи, приводитъ къ неожиданнымъ и непостижимымъ выводамъ, со свойственнымъ ему практическимъ чутьемъ, обращается въ сторону внутренней интуиціи, непосредственнаго чувства. Претензія логики на абсолютную компетентность игнорируется, и прагматизмъ ничуть не приходитъ въ смущеніе, если противникамъ, во всеоружіи логическаго аппарата, удастся показать несостоятельность его ученія. Сфера его аргументаціи лежитъ еще и въ другой плоскости: это—область его интуицій, его вѣрованій, его непосредственныхъ психическихъ переживаній и данныхъ активнаго опыта. Нашу волю мы ощущаемъ и чувствуемъ въ себѣ, и тѣмъ не менѣе рядомъ съ этимъ «понятіе независимаго внѣш-

няго міра и независимыхъ другихъ личностей несомнѣнно работаетъ, философскіе аргументы безсильны противъ него» («Studies in Humanism», 474). Нѣтъ сомнѣнія, что сама концепція воли непостижима безъ усилія преодолѣть препятствія, внѣ ея лежащія. Необходимо существованіе трансцендентнаго міра, надъ которымъ оперировала бы воля, въ стремленіи ассимиляціи и подчиненія его себѣ. Воля и внѣшній міръ не представляютъ собою антиноміи; они — дополняющіе и коррелятны другъ къ другу элементы. Воля при томъ не абсолютна въ своей власти; она ограничивается требованіемъ опыта, налагающаго на ея поползновенія извѣстнаго рода отвѣтственность. Но здѣсь мы наталкиваемся на затрудненіе. Является вопросъ, какъ сочетать прагматическія making of truth and reality съ неизбѣжностью подчиненія даннымъ опыта?

Прагматизмъ учитъ, что опытъ является нашимъ творчествомъ, продуктомъ нашей волевой дѣятельности: наши замыслы и интересы побуждаютъ насъ къ поискамъ, въ результатъ чего и возникаетъ опытъ. Но могутъ ли обнаруженныя въ опытѣ препятствія и ограничивающія волю черты считаться ея же творчествомъ? Какъ можно допустить, чтобы она себѣ самой создавала непреодолимая подчасъ преграды? Является ли она, поэтому, главнымъ моментомъ въ появленіи реальностей?

Если я, скажемъ, побуждаемый какимъ-нибудь желаніемъ, открываю глаза, и взору моему представляется комплексъ внѣшнихъ вещей, въ правѣ ли я утверждать, что онѣ мною созданы, что онѣ вполнѣ зависимы въ своемъ бытіи отъ моего желанія поднять вѣки? Мой волевой актъ является въ данномъ случаѣ лишь однимъ изъ множества другихъ неизвѣстныхъ для меня условій, но никакъ не можетъ считаться единственнымъ причиннымъ явленіемъ для возникновенія реальныхъ вещей. Лишь во взаимодействіи всѣхъ этихъ условій появляется дѣйствительность, и наше участіе въ этомъ созидающемъ процессѣ отнюдь не преобладающее. Моя воля не исчерпываетъ всего акта; сознанию моему являются не только желательныя вещи, но вещи, совершенно чуждыя моимъ интересамъ и цѣлямъ. Это внушаетъ мнѣ неискоренимую мысль объ ихъ независимости отъ моихъ желаній и намѣреній: онѣ объективны. Здѣсь, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о «making», а скорѣе о «нахожденіи» реальностей.

Прагматизму, обращающемуся въ конечныхъ своихъ выводахъ за помощью къ *common sense*, тѣмъ болѣе непростительна эта ошибка. Опытъ обыденной жизни наглядно обнаруживаетъ недостаточность одного желанія нашего для появленія или измѣненія фактовъ. Появленіе Америки на географическихъ картахъ въ значительной мѣрѣ обязано волѣ Колумба, но можемъ ли мы утверждать, что она имъ создана? Зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, поставлены были имъ на пути своихъ замысловъ такія неимоверныя препятствія, которыя пришлось ему преодолевать не безъ опасности для жизни? Вѣдь, гораздо легче было бы создать Америку, не выѣзжая изъ предѣловъ Европы, однимъ лишь сознательнымъ выраженіемъ своего желанія. Одно изъ двухъ: если внѣшній міръ является мнѣ въ опытѣ, создающемся моей волей, я, въ силу присущаго мнѣ гедоническаго начала, устранилъ бы заранѣе всѣ препоны и противорѣчія, заключающіяся въ немъ, тормозящія и дѣлающія тщетными мои усилія; если же существуютъ въ опытѣ извѣстныя черты, ограничивающія мою свободу и наперекоръ моимъ желаніямъ неотразимыя,—этотъ опытъ не можетъ считаться моимъ творчествомъ. Онъ долженъ быть признанъ въ значительной степени независимымъ отъ меня и зачастую подчиняющимъ меня своимъ императивамъ. Я принужденъ съ нимъ считаться и приспособляться къ нему; я «открываю» въ немъ данную неподатливость или извѣстное сопротивление, но не «дѣлаю» таковыхъ.

Безусловно, внѣ нашего сознанія дѣйствительность для насъ не существуетъ. Но есть ли сознаніе съ его содержаніемъ всецѣло продуктъ нашей воли, и будутъ ли всѣ вещи, появляющіяся въ немъ въ силу одной лишь фантазіи или нашего желанія, прагматически работать?

Прагматизмъ различаетъ двѣ категоріи реальныхъ вещей; возникающихъ въ состояніи бодрствованія и въ состояніи сна. Вещи перваго состоянія представляютъ цѣнности болѣе высокаго качества въ сравненіи съ вещами второго, ибо лучше «работаютъ» (*work*). Если бы мы, искушаемые красотой или желательностью для насъ вещей второй категоріи, попытались оперировать и довольствоваться лишь ими, намъ пришлось бы испытать горькое разочарованіе: онѣ оказались бы фиктивными, и нашъ міръ грозилъ бы намъ чреватыхъ послѣдствіями. Намъ пришлось бы прибѣгнуть къ вещамъ первой категоріи, хотя бы менѣе симпатич-

нымъ. Здѣсь обнаруживается необходимость подчиненія. Наше мышленіе, заключающее въ себѣ телеологическій принципъ, призывается отвергнуть негодныя, неработающія явленія и прибѣгнуть къ оперированію лишь активно-годными. Передъ нами выборъ, но мы выбираемъ изъ-подъ палки инстинкта самосохраненія! Не скрывается ли въ этомъ, вопреки намѣреніямъ новой доктрины, сознаніе нашей подчиненности, и можемъ ли мы утверждать, что сознаніе со своимъ содержаніемъ есть продуктъ нашей воли. Прагматизму, представляющему, въ сущности, доктрину, основанную на психологизмѣ, на наличности внутреннихъ переживаній, не слѣдовало бы удаляться въ область абстракцій, отрываясь отъ психологическаго самонаблюденія, которое исключительно и можетъ считаться достовѣрнымъ знаніемъ, поскольку, конечно, эмпирическое наблюденіе является лучшимъ его источникомъ. Опытъ этого наблюденія учитъ, что не всякая мысль, не всякое представленіе вызывается нашимъ желаніемъ или замысломъ. Явленія тщетнаго, безплоднаго воспоминанія, съ одной стороны, и извѣстные каждому факты навязчивости какой-либо идеи, представленія или мелодіи, преслѣдующихъ насъ часами, вопреки желаніямъ нашимъ,—съ другой, могутъ служить намъ примѣромъ неполной власти воли надъ интеллектомъ. На патологическіе инциденты вродѣ абуліи или явленія гипертрофіи воли у маньяковъ мы не будемъ указывать,—практическая жизнь даетъ богатый матеріалъ для убѣжденія въ томъ, что какъ интеллектъ, такъ и воля не могутъ быть умалены въ своемъ отдѣльномъ значеніи; что сферы ихъ функцій, хотя и находятся въ тѣсной связи, но въ зависимости отъ психической констелляціи могутъ раздѣляться, и каждая изъ нихъ можетъ оказаться довлѣющей по отношенію къ другой. Если генетически интеллектъ и подчиненъ чувству, желанію, инстинкту и т. д., нѣтъ сомнѣнія, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи онъ пріобрѣтаетъ извѣстную независимость и способность подавлять волевые импульсы. Онъ дѣлается необходимымъ факторомъ въ человѣческой жизни, ибо представляетъ собою продуктъ естественнаго отбора и приспособленія, и, какъ таковой, можетъ диктовать волѣ пріобрѣтенныя имъ путемъ долгаго опыта знанія. Напрасно видитъ въ немъ прагматизмъ своего *enfant terrible*: изъ того, что интеллектомъ столь часто злоупотребляли, распространяя его операнія за предѣлы его компетенціи, не слѣдуетъ впадать

въ неменѣе опасную крайность и отнимать у него принадлежащее ему по праву значеніе. Прагматизмъ при этой попыткѣ не увеличиваетъ, но ослабляетъ мощь человѣка.

Однимъ изъ важнѣйшихъ положеній прагматизма, вытекающихъ изъ борьбы его съ пріоритетомъ мысли, является его генетическая теорія истины.

Прагматизмъ, какъ мы видѣли, признаетъ въ истинѣ не абсолютное значеніе, но преходящее, относительное. Истина это то, что работаетъ, что споспѣшествуетъ и двигаетъ человѣчество впередъ; она не есть ничто, *suī generis*, независимое, заключающее въ себѣ самоцѣль, но является понятіемъ, практическіе результаты котораго хороши для нашихъ замысловъ; она скорѣе—біологическій инструментъ. Истина признается прагматизмомъ, какъ логическая цѣнность («St. in Hum.», 157), но, въ отличіе отъ рационалистическихъ теорій познанія, онъ настаиваетъ на томъ, что эти цѣнности входятъ въ обиходъ логики не на основаніи собственно логической очевидности, но прагматическимъ путемъ, т.-е. испытаніемъ ихъ дѣйствій на заключающіеся въ нихъ замыслы наши, при чемъ дѣйствія эти должны соотвѣтствовать замысламъ. Такого рода успѣшный результатъ дѣлаетъ какое-либо утвержденіе истиной. «Успѣхъ, поэтому, въ оцѣнкѣ «истины» есть относительное условіе, относительное къ замыслу, на который притязаетъ правда. Одно и то же предложеніе можетъ быть «истиннымъ» для меня и «ложнымъ» для васъ, если наши замыслы (*purposes*) различны». («St. in Hum.», 193). Критеріемъ истины, такимъ образомъ, служатъ — продуктивность и удовлетворяемость. Каждая истина должна давать результаты, которые, въ свою очередь, должны удовлетворять нашимъ цѣлямъ и желаніямъ,—тогда только она дѣлается логической цѣнностью.

Заслуга прагматизма не маловажна въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, съ новой силой выдвигается впередъ гуманитарная сторона въ понятіи «истина», столь часто оставляемая въ пренебреженіи мыслителями гегельянскаго толка. Понятіе абсолютной истины для чеовѣка непостижимо, ибо какъ все, такъ и истина не можетъ не быть относительной концепціей. Она не приходитъ вполнѣ готовой въ сознаніе, но возникаетъ въ человѣческомъ опытѣ. Истины провѣряются и оцѣниваются, онѣ должны выдержать извѣстное испытаніе, пока получаютъ достоинство, опредѣляемое ихъ званіемъ. Какъ критическій ме-

тодѣ истины прагматизмъ, нельзя отрицать, содержитъ здоровое зерно, но надо сознаться, страдаетъ нѣкоторой односторонностью, извращающей значеніе истины.

Исчерпывается ли понятіе истины лишь продуктивностью и удовлетворимостью, качествами чисто утилитарными и субъективными; или къ нимъ слѣдуетъ присоединить критерій болѣе объективнаго характера? Если бы приводимые прагматизмомъ критеріи отвѣчали всѣмъ требованіямъ истины, то къ ней слѣдовало бы причислить сужденія, вызываемыя у наивныхъ людей продѣлками какого-нибудь мистификатора, или же собственныя мнѣнія плута, чьи аферы работаютъ и удовлетворяютъ, по крайней мѣрѣ, его самого. Шиллеръ, сознавая затрудненіе, указываетъ на социальный моментъ образованія истины, что, безспорно, придаетъ ей болѣе устойчивый и объективный характеръ; она дѣлается интеръ-индивидуальнымъ явленіемъ и выходитъ за предѣлы личной очевидности. Непосредственная надежность какого-либо утвержденія пріобрѣтаетъ тѣмъ большую силу, чѣмъ меньше встрѣчаетъ она противорѣчій въ согласованіи съ переживаніями «*Denkgenossen*», на которыхъ вліяетъ то же утверждение. Понятіе, работающее такимъ образомъ, что вызываетъ общее согласіе всѣхъ, оперирующихъ имъ, несомнѣнно, имѣетъ большую годность для обращенія въ наукѣ и мышленіи, чѣмъ лишь лично какимъ-либо субъектомъ или группой таковыхъ испытываемая увѣренность въ истинности утвержденія.

Но чѣмъ объяснить, въ такомъ случаѣ, исчезновеніе изъ нашего обихода многихъ положеній, служившихъ въ прошломъ несомнѣнными правдами для всего общества? Не является ли даже очевидность коллективная ненадежнымъ критеріемъ истины?

Передъ нами встаетъ во всей своей трудности проблема истины, надъ разрѣшеніемъ которой въ настоящее время упорно работаютъ многочисленныя теоріи познанія, изъ коихъ слѣдуетъ указать на слѣдующія: нормативная или интеллектуалистическая съ Риккертомъ во главѣ, имманентная—съ Шуппе, эмпиріо-критицистическая—съ Авенариусомъ и, наконецъ, прагматическая школа. Первая утверждаетъ, что цѣль познанія есть само познаніе, и истина—то, что логически удовлетворяетъ, независимо отъ вреда и пользы для жизни. «*Wahrheit ist nichts anderes als Inbegriff der als wertvoll anerkannten Urteile*» (Rickert, «*Der Gegenstand der Erkenntniss*», 63). Здѣсь главный критерій

истины—логическая очевидность, которая, какъ справедливо замѣчаетъ Шиллеръ, сводится къ психологическому переживанію увѣренности. Что это переживаніе, къ которому, въ сущности, примыкаетъ критерій, выставляемый имманентной школой, какъ непосредственное чувство достовѣрности, не можетъ служить доказательствомъ истинности какого-либо понятія, видно изъ того, что многія изъ нашихъ убѣжденій оказываются въ послѣдствіи заблужденіями. Въ насъ самихъ, независимо отъ фактовъ, не заключается источникъ достовѣрности; критерій истины двухъ этихъ школъ неполный.

Подъ другимъ угломъ разсматривается истина эмпирио-критицистической школой: ея критерій приближается къ прагматическому, а именно: истина имѣетъ инструментальный, біологическій характеръ, ея значеніе находится въ тѣсной связи съ само-сохраненіемъ моего «я». Но полезность не есть исключительный моментъ истины; многія истины оказываются безусловно гибельными, и, наоборотъ, ложь можетъ оказаться для насъ полезной.

Гдѣ же заключается вѣрное опредѣленіе истины? Если подъ этимъ понятіемъ подразумѣвается правильность сужденія, кроющаго въ себѣ извѣстное отношеніе между предметами сознанія, то надо признаться, что истина сохраняетъ всегда относительный характеръ, ибо предметы нашего сознанія не адекватны трансцендентнымъ ихъ прототипамъ; они не болѣе, какъ аббревіатуры, упрощенія послѣднихъ, и согласованность во взаимныхъ отношеніяхъ предметовъ нашего сознанія не можетъ служить гарантіей ихъ объективной реальности.

Въ этомъ отношеніи прагматизмъ правъ, не признавая за истиной абсолютнаго значенія: людямъ приходится довольствоваться преходящими, релятивными истинами. У насъ является задача найти для нихъ критерій, ибо, не владея болѣе надежными, мы принуждены прибѣгнуть къ пользованію имѣющимися у насъ истинами, которыя, какъ показываетъ опытъ, служатъ весьма полезными средствами для нашей дѣятельности, позволяя намъ заранѣе во многихъ случаяхъ разсчитывать ходъ явленій. Какъ говоритъ Джемсъ, «важность для человѣческой жизни владѣть точными увѣренностями относительно сущности фактовъ есть общеизвѣстная вещь. Мы живемъ въ мірѣ реальностей, которыя могутъ быть безконечно полезными или безконечно вредными. Мысли, дающія намъ свѣдѣнія относительно пер-

выхъ, какъ и вторыхъ, считаются истинными»... (Pragmatism, 202). Провѣряются же онѣ и оцѣниваются, какъ мы видѣли, практическими результатами ихъ.

Безусловно, истины должны быть доказаны и провѣрены; прагматизмъ въ этомъ отношеніи болѣе требователенъ, чѣмъ остальные теоріи; наличная очевидность не можетъ служить гарантіей истинности какого-либо понятія; истина должна работать, и въ соотвѣтствіи ея дѣйствія съ возлагаемыми на нее ожиданіями кроется залогъ ея пригодности. Затрудненіе заключается здѣсь въ томъ, что прагматизмъ придаетъ функціямъ мышленія и истинъ лишь практическое значеніе: должна ли истина работать исключительно практически или же можетъ быть признана чисто теоретическимъ путемъ—для прагматизма праздный вопросъ. Теорія, говоритъ онъ, телеологична; ея смыслъ и назначеніе выражаются въ практическихъ результатахъ. Теорія и практика совпадаютъ: первая является лишь извѣстной стадіей второй, и принципиальной разницы между обѣими не существуетъ. Каждая истина должна, поэтому, приводить къ практическимъ послѣдствіямъ. «Человѣческій интересъ необходимъ для существованія истины. Если говорятъ, что истина имѣетъ результаты, и что неимѣющая таковыхъ—безсмысленна, то это означаетъ, что истина имѣетъ отношеніе къ нѣкоторому человѣческому интересу. Ея послѣдствія должны относиться къ кому-нибудь и къ какому-нибудь замыслу. Если выяснено, что истина, которую мы разсматриваемъ, есть истина для человѣка, и что «послѣдствія» такъ или иначе находятся въ связи съ человѣческими интересами, то совершенно лишнее прибавлять, что эти послѣдствія должны быть практическими... Ибо всѣ послѣдствія, рано или поздно, практическія, въ смыслѣ вліянія на наши поступки. Если они не измѣняютъ хода событій непосредственно, они измѣняютъ нашъ собственный характеръ, и тѣмъ служатъ причиной измѣненія нашихъ поступковъ»... («St. in Hum.», 5).

По прагматизму мысль и истина не статическое явленіе, но дѣйствующій, активный, толкающій къ работѣ факторъ. Но всѣ ли продукты нашего сознанія обладаютъ такимъ свойствомъ? Какое вліяніе, напр., на наши поступки можетъ оказать истинность существованія вновь открытой звѣзды или добытая цѣлымъ рядомъ изслѣдованій палеонтологовъ истина о принадлежности даннаго ископаемаго организма къ извѣстному геологиче-

скому періоду? Несомнѣнно, такія истины «работаютъ», но этотъ предикатъ въ данныхъ случаяхъ чисто теоретическаго свойства: ихъ работа проявляется въ томъ, что онѣ оправдываютъ возложенныя на нихъ ожиданія, т.-с. звѣзды и окаменѣлый организмъ у каждаго астронома и палеонтолога должны вызвать одинаковое или приблизительно одинаковое сужденіе; но въ чемъ выражаются практическіе результаты этихъ истинъ, кромѣ чисто внутренняго акта согласія неясно. Если эти истины вліяютъ извѣстнымъ образомъ на міросозерцаніе людей, то возможно, что косвенно онѣ и отражаются на дѣйствительный міръ, измѣняя поведеніе человѣка, но это не всегда обязательно. Не всякое понятіе или представленіе ведетъ къ акту; существуютъ извѣстныя условія взаимодѣйствія психическихъ элементовъ, между коими немаловажны: съ одной стороны, сознаніе практической приложимости даннаго понятія, съ другой—желаніе, позывъ къ дѣйствію, для того, чтобы вызвать актъ. Каждый сознательный или волевой процессъ подвергается задержкѣ (*Hemmung*) или подкрѣпленію (*Unterstützung*). Прагматизмъ правъ, когда утверждаетъ, что въ каждомъ понятіи скрывается нѣкоторый замыселъ, какое-либо желаніе: человѣкъ всегда ищетъ удовлетворенія и пользы. Но между этими послѣдними приходится различать такія, напр., которыя получились въ *результатъ* отъ практическаго примѣненія понятія, являющагося средствомъ, — и, съ другой стороны, такого рода удовлетворенія и пользы, когда они вытекаютъ *непосредственно* изъ самаго понятія, служащаго тогда, въ нѣкоторомъ родѣ, самоцѣлью. Первые можно назвать практическимъ результатомъ понятія, во второмъ случаѣ операція послѣдняго не выходитъ изъ предѣловъ теоретическаго примѣненія. Въ предъявленіи требованій къ какой-либо вещи, или, скажемъ, проблемѣ, можно быть разныхъ мнѣній. Одна и та же проблема воли, напр., можетъ быть вызвана разными мотивами и отвѣчать разнымъ интересамъ. Метафизикъ ищетъ въ ней удовлетворенія пытливости своего интеллекта; моралистъ—основанія своей доктрины; юристъ—утвержденія юридической отвѣтственности; книгоиздатель, наконецъ, печатающій о ней книгу—просто барыша. Требованіе метафизика къ проблемѣ остается чисто «теоретическимъ»; въ отличіе отъ остальныхъ, онъ не ждетъ никакихъ практическихъ результатовъ, и все же нельзя отрицать, что эта

проблема для него телеологична: она является потребностью его души, въ ней отражаются сокровеннѣйшія стремленія его «я» отозваться на волнующія его загадки потусторонняго міра. Одно уже непосредственное бытіе этой проблемы въ его сознаниі доставляетъ ему родъ интеллектуальнаго удовлетворенія, граничащаго съ религіознымъ. Если прагматизмъ отвергаетъ такое безплодное въ практическомъ смыслѣ занятіе, онъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ выключить изъ своей программы такія области человѣческихъ интересовъ, какъ эстетику, религію, идеалы далекаго будущаго, не говоря уже о метафизикѣ. Нельзя отрицать, что генетически каждая функція интеллекта и воли отправляетъ какое-нибудь конкретное, практическое назначеніе, проявляющееся въ оперированіи предметами реальнаго міра въ поискахъ удовлетворенія чисто біологическаго характера. Эти функціи сохраняютъ свое значеніе, поскольку результаты ихъ споспѣшествуютъ сохраненію и развитію организма. Но съ теченіемъ времени онѣ пріобрѣтаютъ интересъ *per se*, независимо отъ своихъ послѣдствій; изъ средствъ достиженія какого-либо замысла онѣ превращаются въ самоцѣли. На ряду съ результатами дѣлается цѣннымъ и само исканіе: эмоціи, возбуждаемыя сознаниемъ результата активнаго процесса, сопровождаются эмоціями, возникающими отъ самаго протеканія этого процесса. Новѣйшая психологія такъ и различаетъ: чувство отъ предмета (*Gegenstandsgefühle*), приходящія изъ интенціальнаго сознанія, направленнаго на вещи и цѣли,—и чувства протеканія (*Verlaufsgefühle*), непосредственно вызываемыя актомъ исканія, независимо отъ возможныхъ послѣдствій его. Математикъ, сидя надъ сложнымъ вычисленіемъ, или филологъ, дешифрируя старинныя письмена, могутъ равно увлекаться какъ заключительными плодами своихъ трудовъ, такъ и самимъ процессомъ своихъ изслѣдованій. Въ послѣднемъ случаѣ эмоціи, можно сказать, совершенно безкорыстны; онѣ имѣютъ болѣе субъективный характеръ и, несомнѣнно, представляютъ цѣнности, достигающія въ отдѣльных случаяхъ значительной степени. Эта эмансипація функцій отъ своего назначенія, основанная въ сущности на психологическомъ законѣ привыканія, проявляется въ разнообразнѣйшихъ видахъ, начиная съ ученаго, разсматривающаго науку, какъ самоцѣль, а не какъ средство улучшенія жизни, и кончая гурманомъ или скопидомомъ, для которыхъ ѣда и деньги потеряли

свое инструментальное значеніе и превратились въ предметъ исключительнаго интереса an sich.

Прагматизмъ или, какъ называетъ его Шиллеръ, примѣняющій этотъ методъ ко всѣмъ сторонамъ человѣческаго бытія, гуманизмъ, чтобы оставаться строго человѣчнымъ, обязанъ разобратся въ такого рода цѣнностяхъ: признать полезныя и отвергнуть принявшія болѣзненный характеръ, но считать ихъ огульно, за исключеніемъ одной религіи, лишнимъ балластомъ для человѣка, оттого лишь, что онѣ не работаютъ практически—односторонне. Гуманизмъ въ этомъ отношеніи нѣсколько сухъ. Въ человѣческой душѣ неискоренимы извѣстныя черты, къ которымъ можно причислить и стремленіе выйти изъ своего одиночества и слиться со Всецѣлымъ, и всю пеструю гамму настроеній, навѣваемыхъ радостями и печалями жизни, и весь тотъ богатый міръ внутреннихъ переживаній, что вдохновляетъ поэта, вѣрующаго и мыслителя. Все это составляетъ цѣнное достояніе души; оно не вызываетъ непремѣнно къ дѣйствию и остается внутреннимъ богатствомъ человѣка; прагматизмъ будетъ полнѣе отвѣчать своему назначенію—отражать въ себѣ всѣ оттѣнки человѣческой души, если къ сферѣ своихъ чисто практическихъ интересовъ онъ приобщитъ и эти, неотъемлемыя для человѣка цѣнности. Впрочемъ, и самъ гуманизмъ не удовлетворяется одной лишь практической стороной человѣческой дѣятельности. Приходятъ минуты унынія и сомнѣнія, и взоры гуманизма устремляются въ сторону Непознаваемаго. «Просыпается могучее стремленіе спастись отъ личности, погрузиться въ силы, никакого уваженія къ «я» не питающія, и предоставить приливу подниматься, пусть даже грозитъ намъ при этомъ гибель» (James, «Will tu believe» 90), и «положеніе, въ которомъ принужденъ себя видѣть индивидъ по отношенію къ тому, что онъ называетъ Божественнымъ—есть положеніе безпомощности и жертвы. Ибо послѣ всего, что мы сказали и сдѣлали, въ конечномъ пунктѣ, мы все же зависимъ отъ Всего» (Ibidem). Также: «я твердо не вѣрю, что нашъ человѣческій опытъ есть высшая форма существующаго въ мірѣ опыта. Я скорѣе вѣрю, что во многомъ мы находимся въ отношеніи ко Всему, какъ наши любимцы собачьей и кошачьей породы къ общему человѣческой жизни» («Pragmatism», 299).

Кругъ нашихъ интересовъ не исчерпывается полезностью и продуктивностью. Масштабъ этихъ понятій, примѣняемыхъ для

оттѣнки мысли и истинъ прагматическимъ методомъ, оказывается на дѣлѣ недостаточнымъ. Не въ каждомъ замыслѣ кроется обязательно элементъ полезности, если признавать за послѣдней, въ концѣ-концовъ, какъ того хочетъ прагматизмъ, исключительно біологическое значеніе.

Культура человѣчества не была бы на такой ступени безъ свободнаго порыва отдѣльныхъ личностей перейти границы своей субъективной сферы интересовъ, ради торжества какой-либо идеи или для блага общества. Если здѣсь усматривается исканіе пользы, то таковое въ данномъ случаѣ носитъ идеальный характеръ: оно выражается и исчерпывается для даннаго индивидуума въ извѣстнаго рода духовномъ удовлетвореніи. Мученики идеи и вѣры видятъ свою пользу въ совершенно другой области, чѣмъ заурядный человѣкъ. Вообще, понятіе полезности содержитъ въ себѣ чисто субъективный моментъ; оно подразумѣваетъ извѣстное отношеніе, несомнѣнно, ко внѣшнимъ вещамъ, но, въ сущности, оно означаетъ внутреннее психическое состояніе удовлетворенія, которое есть не что иное, какъ чувство. Послѣднее, въ отличіе отъ воспріятій, представленій и мыслей, остается совершенно внутреннимъ субъективнымъ состояніемъ. Въ то время, какъ воспріятіе, представленіе и мысль содержаніемъ своимъ имѣютъ вещи и отношенія между ними, чувство, наоборотъ никакого содержанія не имѣетъ: оно исключительно переживаніе эмотивныхъ состояній удовольствія или неудовольствія, и, какъ таковое, во всѣхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ оно менѣе подвержено анализу, ибо, если оно и имѣетъ извѣстное отношеніе къ предметамъ сознанія, то, въ большей мѣрѣ, чувство обусловливается элементами ирраціональными и подсознательными. Поэтому изученіе чувствъ не выходитъ изъ области самонаблюденія и не можетъ сдѣлаться предметомъ объективнаго изслѣдованія. Во-первыхъ, потому, что невозможно установить точно связь чувства съ другими психическими процессами; во-вторыхъ, потому, что оно не имѣетъ никакого содержанія и, слѣдовательно, никакихъ признаковъ, по которымъ оно могло бы объективироваться, т.-е. быть опредѣлено и сообщаемо другимъ лицамъ. Внѣшніе признаки, на основаніи которыхъ мы судимъ о наличности того или другого чувства, возбуждаемаго у даннаго субъекта извѣстными вещами, не могутъ считаться адекватнымъ выраженіемъ качественности или интенсивности эмотивнаго состоянія:

это послѣднее остается вполне доступнымъ и ощущаемымъ лишь для переживающаго его субъекта и ускользаетъ для воспріятія и познанія посторонними лицами. Всякая попытка установить нормативный порядокъ, по которому данныя вещи должны возбуждать извѣстныя переживанія и въ силу этого дѣлаться цѣнностями, страдаетъ апріорностью сужденія. Прагматизмъ, усматривая лишь въ практическихъ результатахъ какого-либо понятія способность удовлетворенія, совершаетъ методологическую ошибку; кто, какъ не онъ самъ, протестуетъ противъ всякихъ предвзятостей, нормъ, универсальностей и тому подобныхъ апріорныхъ конструкцій.

Телеологическій принципъ, какъ руководящее начало человеческой дѣятельности, толкуется прагматизмомъ весьма узко, но ошибка, совершаемая послѣднимъ, принимаетъ крупныя размѣры, когда телеологія дѣлается экстро-индивидуальной концепціей, когда сама истина пріобрѣтаетъ характеръ цѣлесообразности и полезности. Это является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прагматической теоріи дѣланія правды и дѣйствительности. Если человѣкъ способенъ дѣлать правды, естественно, что онъ будутъ отвѣчать его замысламъ и желаніямъ.

Но всѣ ли высказываемыя нами утвержденія, въ послѣдствіи ходомъ событій подтверждаемыя и возводимыя въ рангъ истинъ, порождаются нашими интересами, или существуетъ извѣстное давленіе извнѣ, принуждающее насъ сдѣлать или признать то или другое утвержденіе, дѣлающееся вопреки нашимъ желаніямъ правдой?

Несомнѣнно, что «если утвержденіе дѣлается цѣннымъ и поэтому «правдивымъ», его послѣдствія должны быть «хороши». Они могутъ испытать приписываемую имъ истинность лишь путемъ споспѣшествованія или сопротивленія интересу, путемъ удовлетворенія или воспрепятствованія замыслу, который ведетъ къ возникновенію утвержденія. Если они дѣлаютъ одно, утвержденіе «хорошо» и *pro tanto* «вѣрно»; если они дѣлаютъ другое, оно—«скверно» и «ложно». («*St. in Hum.*», 6). Но это можетъ касаться лишь тѣхъ утвержденій, которыя должны по своимъ результатамъ соотвѣтствовать нашимъ цѣлямъ и потребностямъ; прагматизмъ въ данномъ случаѣ упускаетъ изъ виду, что не всѣ утвержденія, дѣлающіяся затѣмъ истинами, вызваны нашими желаніями. Въ самомъ дѣлѣ, если возьмемъ такой примѣръ:

нѣкто на основаніи извѣстныхъ симптомовъ высказываетъ предположеніе о существованіи у него такой-то болѣзни, что впоследствии констатируется врачами и самимъ фактомъ; или же, у многочисленныхъ пассажировъ на пароходѣ, при начавшемся на немъ пожарѣ, исторгается утвержденіе, что пока явится помощь, ихъ пароходъ сгоритъ, а съ нимъ погибнетъ большая часть пассажировъ. Пожаръ истребляетъ пароходъ и изъ всѣхъ пассажировъ какимъ-то чудомъ спасается лишь нѣсколько человекъ въ истерзанномъ видѣ; утвержденіе, такимъ образомъ, дѣлается истиной. Можно ли сказать, что утвержденія, высказанныя больнымъ и пассажирами, скрывали замыселъ или извѣстное желаніе, и что эти высказанныя утвержденія менѣе истинны оттого, что они оказались столь пагубными? Предикатъ «хорошо», употребляемый Шиллеромъ въ такомъ случаѣ, носитъ характеръ не утилитарный, практическій, но чисто логическій, ибо если утвержденіе и содержало замыселъ, то этотъ послѣдній вытекалъ не только изъ волевыхъ импульсовъ, но скорѣе, изъ побужденій очевидности, увѣренности, несомнѣнности,—мотивовъ, относимыхъ къ разряду логическихъ. Эти истины имѣютъ характеръ объективный, независимый отъ нашихъ личныхъ усмотрѣній. Въ томъ и заключается основное значеніе истины, что она остается таковой—хочу ли я этого, или нѣтъ. Отнимать у нихъ оттѣнокъ необходимости и неизбежности равносильно созданію личнаго произвола. Истина, какъ регулирующее, инструментальное начало жизни и имѣющее основаніемъ своимъ закономерность явленій, потеряла бы свой смыслъ. Языкъ, культура, социальная жизнь и наука утратили бы свое значеніе, если бы они были плодами всецѣло нашихъ преходящихъ настроеній и замысловъ; жизнь наша стала бы хаосомъ.

Процессъ отстаиванія истинъ двойственъ—въ немъ принимаютъ участіе два фактора: объективный и субъективный міры. Отдавать приматъ одному въ ущербъ другому—произвольное толкованіе; въ этомъ отношеніи кантовскій дуализмъ остается по днесь единственно вѣрной и непоколебимой концепціей.

Чтобы избѣгнуть произвола, гуманизмъ методологически приходитъ къ утвержденію детерминизма въ природѣ, благодаря которому дѣлается возможной наука, фиксируя извѣстную связь явленій и тѣмъ позволяя намъ заранѣе ихъ высчитывать. Но прагматизму становится скоро ясно, что если все въ мірѣ обу-

словлено, человекъ безсиленъ, все должно подчиняться Року. Выходъ изъ этого положенія прагматизмъ усматриваетъ въ индетерминизмѣ, коренящемся въ существованіи альтернативъ. «Наша моральная «свобода», кажется, указываетъ на моральное переходное состояніе между состояніемъ ангела и состояніемъ дьявола. Она какъ бы лежитъ въ необусловленности характера, неокрѣпшаго еще въ своихъ привычкахъ къ добру и злу, но пока еще чуткаго къ призывамъ обоихъ. Подобно этому, интеллектуальныя перспективы исчезли бы для умовъ, значительно болѣе совершенныхъ, а равно и для значительно менѣе совершенныхъ, чѣмъ наши. Разумъ, который бы непогрѣшимо выбиралъ сразу лучшія средства для реализаціи своихъ цѣлей, не приходилъ бы въ замѣшательство отъ альтернативъ такъ же, какъ и умъ, слишкомъ тупой для того, чтобы замѣтить болѣе одного очевиднаго хода» («St. in Num.», 402).

Несовершенство нашей природы создаетъ альтернативы, дѣлающія насъ свободными. Выборъ между ними даетъ основаніе множеству возможностей, которыя всѣ разумны, ибо обусловлены какимъ-нибудь мотивомъ. Оба направленія: детерминизмъ и индетерминизмъ оказываются лишенными своихъ ужасныхъ послѣдствій, и «намъ не приходится ниспровергать алтаря науки, и приносить себя на немъ въ жертву: свобода, казавшаяся потерянной, пока лишь одно теченіе природы казалось рациональнымъ, понятнымъ и вычисляемымъ, — возрождается, если мы вспомнимъ, что два и болѣе кажутся постижимымъ, ибо они равно естественны и доступны вычисленію» («St. in Num.», 405). Прагматизмъ пріобрѣтаетъ свободу; но не должно ли насъ нѣсколько смущать необыкновенное условіе ея, именно, несовершенство человеческой природы? Высшая ступень разума, равно какъ и его низшая, одинаково не искали и не создавали бы альтернативъ; лишь переходная между ними ступень обладаетъ свободой. Прогрессъ несомнѣненъ: идеалы совершенства вдохновляютъ и самую доктрину прагматизма: не явствуетъ ли, что предъ нами раскрывается печальная перспектива? Пока мы, оставаясь несовершенными, еще «свободны», но, по мѣрѣ приближенія къ идеалу совершенства, мы все болѣе и болѣе теряемъ въ своей свободѣ, ибо альтернативы оказываются менѣе необходимыми; онѣ будутъ все болѣе исключаться самымъ процессомъ совершенствованія. Развертываніе нашего поведенія будетъ имѣть

единственно возможное направленіе, ибо, будучи всезнающими и всемогущими, мы не будемъ теряться въ поискахъ и противорѣчивыхъ актахъ, служащихъ доказательствами нашего несовершенства. Но эта экономія мышленія и дѣйствія будетъ насъ связывать не менѣе, чѣмъ въ прошломъ; наше совершенство насъ детерминируетъ, и мы лишены возможности разнообразія и переменъ въ нашихъ поступкахъ, и если у насъ сохранится чувство свободы, мы съ сожалѣніемъ будемъ оглядываться назадъ, въ глубь прошедшихъ вѣковъ, когда, не будучи всемогущи, мы все же владѣли свободой. Идеальное совершенство въ то же время связано желѣзными законами детерминизма, одинаково присущаго созданіямъ высшаго и низшаго порядка. Не лучше ли не стремиться, въ такомъ случаѣ, къ совершенству и оставаться свободными?

Но прагматизмъ не отступаетъ отъ своего утвержденія. Онъ, вѣрный своему принципу, прибѣгаетъ къ позитивному, непосредственному самонаблюденію: онъ отказывается заглядывать въ метафизическую область проблемы, которую рѣшаетъ практически. Обѣ теоріи—и детерминизмъ, и индетерминизмъ каждый въ отдельности непрактиченъ. Первый исключаетъ альтернативы: никакой человекъ не могъ бы поступать иначе, чѣмъ онъ поступаетъ; моральная отвѣтственность и осуществленіе идеаловъ и замысловъ остаются иллюзіей, если же «*per contra*», ходъ событій не обусловленъ, мы должны отбросить одно только предположеніе, что онъ можетъ быть узнанъ и высчитанъ, и въ результатѣ природа сводится къ хаосу. Мы должны пожертвовать или нашимъ знаніемъ или собою. («*St. in Hum.*», 395). Конфликтъ между обѣими концепціями чисто теоретическій, отвлеченный; на дѣлѣ наука возможна, благодаря детерминизму явленій, позволяющему намъ высчитывать ихъ ходъ и заранѣе подготовиться для приспособленія къ нимъ; такимъ образомъ, обусловленность и закономерность даютъ намъ возможность дѣйствовать, и дѣйствовать для нашего блага. Съ другой стороны, абсолютная свобода воли въ отношеніи мышленія и морали немыслима, ибо какъ то, такъ и другія всегда предполагаютъ извѣстныя нормы, мотивирующія направленіе нашихъ дѣйствій,—свобода, такимъ образомъ, связана съ детерминизмомъ: одно не исключаетъ другого. «Другими словами, прагматическая разница между обѣими соперничающими теоріями склоняется къ исчезнове-

нію; на практикѣ обѣимъ сторонамъ остается спрятать въ карманъ (to pocket) свои метафизики и дѣйствовать разумно; въ теоріи различія таковы, что ихъ вліяніе на практикѣ весьма отдаленнаго и, главнымъ образомъ, эмотивнаго свойства. Наоборотъ, для здраваго разсудка здѣсь нѣтъ практической разницы; вся метафизическая контroversія, поэтому, является вздорной и должна разсматриваться съ крайнимъ равнодушіемъ. И не должно ли такъ, въ самомъ дѣлѣ, быть въ мірѣ, гдѣ мысль является второстепенной по отношенію къ акту?» («St. in Num.», 408).

Въ этихъ словахъ кроется все евангеліе прагматизма. Если логика оказывается безсильной, если благодаря ей создается густая сѣть ловушекъ и противорѣчій, стоящихъ неисчислимыми преградами для человѣка на пути къ его совершенству, единственно возможный исходъ и спасеніе—это оставить резонерство и теоретизированіе и обратиться къ вѣрѣ и здравому разсудку, а главное къ работѣ. Чистая мысль носитъ въ себѣ ядъ сомнѣній; она разлагаетъ наши намѣренія, прежде чѣмъ они успѣли оформиться. Она дѣлаетъ насъ смѣшными и беспомощными. Для человѣка существуетъ альтернатива: пойти на зовъ common sense, вѣрнаго спутника нашей жизни, или послѣдовать императивамъ чистой мысли. Въ первомъ случаѣ его ждетъ жизнь, полная дѣйствія, работы и развлеченій, во второмъ—безплодное скитаніе по дебрямъ горнихъ областей, гдѣ онъ, въ состояніи головокруженія и теряя равновѣсіе, мутнымъ взоромъ улавливаетъ плывущіе куда-то міры и падаетъ въ разверзающуюся передъ нимъ бездну. Вольно каждому пойти по любому пути; но живущій въ насъ инстинктъ жизни указываетъ намъ пальцемъ на первый. Прагматизмъ есть философія этого направленія: онъ практиченъ и жизнерадостенъ; онъ полонъ силъ и хочетъ брать отъ жизни все, что можетъ; лишь въ общеніи съ міромъ опыта, лишь въ пропитанныхъ запахомъ земли вещахъ черпаетъ онъ свою силу и содержаніе. Какъ реакція, какъ протестъ противъ интеллектуализма, какъ страстный призывъ къ непосредственной жизни съ ея пестрымъ, кипучимъ разнообразіемъ, прагматизмъ займетъ безусловно крѣпкую позицію въ области мысли. Въ немъ кроется здоровое зерно: въ отличіе отъ геометрической манеры логической мысли, онъ, хотя нѣсколько скупъ, но все же съ большимъ вниманіемъ, относится къ ирраціональнымъ элементамъ нашей психики. Его философема въ данномъ

отношеніи полнѣе отражаетъ человѣческую душу, чувствующую въ себѣ частицу космоса, чѣмъ *idée pure*. Эта послѣдняя отвѣчаетъ лишь императивамъ критическаго сознанія; она оставляетъ въ пренебреженіи требованія чувствъ; не допускаетъ она рядомъ съ собой равноцѣннаго для жизни спутника—вѣру: и въ то время, какъ она вращается въ *circulus vitiosus*, прагматизмъ раздвигаетъ рамки нашей жизни; онъ наполняетъ насъ надеждой и жизненной силой; онъ увлекаетъ впередъ на работу и пользование жизнью. Между двумя доктринами—пессимизмомъ и оптимизмомъ—прагматизмъ занимаетъ среднюю позицію, а именно, позицію меліоризма. Міръ самъ по себѣ вовсе не безотраденъ; въ то же время счастья *ap sich* въ немъ нѣтъ. Мы можемъ его добыть путемъ лишь неуспянныхъ стремленій и работъ. Но мѣръ нашего совершенствованія осуществляется благо.

Чтобы прагматизмъ завоевалъ человѣческое сознаніе всецѣло, болѣе чѣмъ сомнительно. Исторія человѣческой мысли представляетъ шатаніе сознанія то въ сторону отвлеченной абстракціи, то въ сторону практической дѣятельности. Человѣческая организація двойственна. Реальный міръ призывомъ своихъ интересовъ привлекаетъ нашъ умственный взоръ, но предѣльность его богатства не можетъ удовлетворить тоскующую по Вѣчному, по Абсолюту душу. На ряду съ земными потребностями не угасаетъ въ человѣкѣ религія Непознаваемаго, интуиція потусторонняго міра. Въ человѣческой душѣ борются два начала, и они ищутъ своего синтеза. Поскольку прагматизмъ проникнется этимъ и расширитъ предѣлы своей терпимости по отношенію къ «непрактическимъ» сторонамъ бытія, постольку онъ сблизится съ человекомъ и полнѣе будетъ отвѣчать своему назначенію, какъ гуманитарной философіи.

Что касается генетической теоріи истины, то она нуждается въ развитіи своихъ положеній. Для жизни и прогресса нужна истина, которая какъ цементъ связывала бы безчисленные части того цѣлаго, что называется прагматическимъ космосомъ,—иначе онъ разсыпется. Нужны нормы извѣчныя, незыблемыя, на фундаментахъ которыхъ могли бы создаваться и умирать истины-инструменты. Какъ бы онѣ ни назывались: категоріи ли ума, космическіе ли законы или императивы морали и религіи,—безъ нихъ немыслима гармоническая координація міра: онъ представлялъ бы хаосъ, нелѣпый произволъ. Будутъ ли онѣ достигнуты или

нѣтъ, но человѣческая пытливость никогда не дастъ себя усыпить реальными фактами здраваго разсудка: она вѣчно будетъ искать и томиться...

Нельзя не признать, что прагматизмъ является отголоскомъ общечеловѣческаго конфликта вѣры и мысли. Имъ затрогивается и съ новой силой выдвигается на форумъ человѣческаго сознанія эта вѣчная драма. Суждено ли ему разрѣшить эту проблему, едва ли можетъ быть принято въ расчетъ; заслуга его въ томъ, что онъ возбудилъ снова интересъ къ ней.

Алек. Балабанъ.

Предметъ и методъ соціологіи.

(*G. Simmel. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. 1908.*)

I.

Раздѣленіе человѣческаго знанія на отдѣльныя научныя дисциплины вызвано, въ общемъ, тою же потребностью, какою вызывается всякое раздѣленіе труда. И въ области науки раздѣленіе труда является средствомъ сдѣлать трудъ интенсивнѣе и разнообразнѣе. Чѣмъ шире поэтому становится область научной работы, чѣмъ разностороннѣе дѣлается матеріаль и разнообразнѣе применяются методы и приемы изслѣдованія, тѣмъ больше прогрессируетъ раздѣленіе науки. При этомъ, конечно, въ историческомъ ходѣ процесса обособленія научныхъ дисциплинъ другъ отъ друга строго-логической планомѣрности нѣтъ; самыя разнообразныя обстоятельства могутъ сдѣлать извѣстную область знанія предметомъ самостоятельнаго изученія, при чемъ не послѣднюю роль могутъ играть даже тѣ или иные индивидуальныя особенности склада ума отдѣльнаго изслѣдователя. Конечно, не всѣ попытки выдѣленія самостоятельныхъ научныхъ дисциплинъ даютъ одинаково прочные результаты; здѣсь имѣетъ мѣсто своеобразный отборъ, вносящій извѣстную регулировку въ этотъ процессъ. Чѣмъ больше развивается научное знаніе, тѣмъ интенсивнѣе становится однако стремленіе внести чисто-логическую планомѣрность въ процессъ раздѣленія наукъ, обратить исторически сложившееся разнообразіе дисциплинъ въ строго-логическую систему. И само собою разумѣется, что въ области науки, которая сама есть систематизированное знаніе, такая систематическая классификація вполне возможна и по существу

необходима. Только вполне точное опредѣленіе каждой научной отрасли съ точки зрѣнія ея предмета и ея мѣста среди другихъ наукъ даетъ возможность правильно установить и характеръ наиболѣе подходящихъ къ ней методовъ и приѣмовъ изслѣдованія.

Въ особенности нуждаются въ такомъ опредѣленіи тѣ науки, которыя только еще начинаютъ обособляться отъ другихъ областей знанія. О такихъ наукахъ часто происходятъ споры, касающіеся самой правомѣрности ихъ существованія. Только та наука имѣетъ право на обособленное существованіе, которая изслѣдуетъ достаточно опредѣленный и обособленный кругъ явленій или которая разсматриваетъ матеріалъ опыта съ достаточно опредѣленной въ своей обособленности точки зрѣнія. Въ настоящее время едва ли не первое мѣсто среди научныхъ дисциплинъ по спорности своего права на существованіе занимаетъ такъ называемая соціологія. Нельзя сказать, чтобы вполне ясенъ для всѣхъ былъ ея предметъ и методъ, а потому неясными остаются и грани, отдѣляющія ее отъ другихъ наукъ. Есть попытки построить соціологію на базисѣ біологическихъ данныхъ, есть попытки истолковать ее, какъ философію исторіи; въ послѣднее время очень сильно даетъ чувствовать себя теченіе, сближающее соціологію съ соціальной психологіей.

При этихъ условіяхъ не можетъ не остановить на себѣ вниманія толстый томъ, почти въ 800 страницъ убористаго шрифта, носящій на себѣ имя Георга Зиммеля и озаглавленный этимъ загадочнымъ терминомъ «Соціологія». У приступающаго къ его чтенію имѣются всѣ основанія думать, что подобное изслѣдованіе должно насъ очень подвинуть въ правильной постановкѣ вопроса о предметѣ и методѣ соціологіи. Вотъ почему читатель, не жалѣя времени и труда, устремляется черезъ густой и не всегда легко проходимый лѣсъ многочисленныхъ страницъ новой книги. Къ сожалѣнію, для меня, по крайней мѣрѣ, результаты оказались не вполне соответствующими тому труду, который долженъ былъ затратить авторъ на свое изслѣдованіе, а читатель—на ознакомленіе съ нимъ. Мнѣ кажется, что, въ общемъ, Зиммель этимъ новымъ трудомъ не оправдалъ тѣхъ ожиданій, которыя могли бы быть вызваны его появленіемъ. Едва ли тѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, безъ очень значительныхъ поправокъ и дополненій могутъ стать прочнымъ достояніемъ науки.

Въ виду особенностей изложенія и плана работы Зиммеля, о которыхъ придется говорить позже, общія положенія о предметѣ и методѣ соціологіи, которыя особенно важны въ книгѣ, посвященной именно этой дисциплинѣ, должны быть извлекаемы читателемъ изъ разныхъ мѣстъ обширной книги, и имъ отведено въ общемъ гораздо меньше мѣста, чѣмъ это слѣдовало бы, если принять во вниманіе сложность вопроса и его спорность.

Мнѣ кажется, что общія точки зрѣнія автора по этимъ вопросамъ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ.

1. Предметомъ соціологіи, въ отличіе отъ другихъ общественныхъ наукъ, является, по мнѣнію Зиммеля, не *содержаніе* общественной жизни, а *форма* ея. При этомъ различіе между содержаніемъ и формой авторъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ, весьма тяжелыхъ и трудно поддающихся переводу, фразахъ: «Содержаніемъ, какъ бы матеріей общенія, я называю все то, что происходитъ въ индивидахъ, непосредственно конкретныхъ мѣстахъ всякой исторической дѣйствительности, какъ влеченіе, интересъ, цѣль, склонность, психическое состояніе и движеніе, и притомъ происходитъ такъ, что изъ этого или въ этомъ возникаетъ дѣйствіе на другихъ и принятіе ихъ дѣйствій (*das Empfangen ihrer Wirkungen*). Сами по себѣ эти матеріалы, которыми наполняется жизнь, эти мотивировки, которыя ее направляютъ, еще не соціальны. Ни голодъ, ни любовь, ни трудъ, ни религіозность, ни техника, ни функціи и результаты разсудка не означаютъ еще процесса общенія, какъ они даны намъ непосредственно и въ чистомъ своемъ смыслѣ; они приводятъ къ процессу общенія лишь тогда, когда преобразуютъ изолированное существованіе индивидовъ рядомъ другъ съ другомъ въ опредѣленные формы существованія другъ вмѣстѣ съ другомъ и другъ для друга, въ такія формы, которыя подходятъ подъ общее понятіе взаимодѣйствія. Процессъ общенія есть, слѣдовательно, въ безконечно разнообразныхъ видахъ проявляющаяся форма, въ которой индивиды на основаніи интересовъ—чувственныхъ или идеальныхъ, моментальныхъ или длительныхъ, сознательныхъ или безсознательныхъ, каузально обуславливающихъ или телеологически влекущихъ—срастаются въ единство, и въ предѣлахъ которой эти интересы осуществляются» (стр. 6). Хотя содержаніе и форма составляютъ единую и неразрывную реальность общественной жизни, но форма общенія, какъ абстракція, можетъ быть пред-

метомъ самостоятельнаго изученія. Дѣло въ томъ, что одни и тѣ же формы общенія могутъ встрѣчаться при самомъ различномъ содержаніи общественной жизни, и, наоборотъ, одни и тѣ же содержанія могутъ укладываться въ разныя формы. Такъ, напр., «хозяйственный интересъ реализуется какъ въ формѣ конкуренціи, такъ и въ видѣ планомѣрной организаціи производителей, какъ черезъ посредство замыканія отъ другихъ хозяйственныхъ группъ, такъ и путемъ присоединенія къ нимъ; религіозныя содержанія жизни требуютъ, оставаясь по содержанію тождественными, то болѣе свободной, то болѣе централизованной формы общенія» и т. д. (стр. 9). Въ то время, какъ другія общественныя науки изучаютъ разныя содержанія общественной жизни, соціологія смотритъ на явленія, сюда относящіяся, исключительно съ точки зрѣнія формъ общенія и различныхъ степеней, въ которыхъ проявляется фактъ общенія между людьми.

2. Соціологія, по мнѣнію Зиммеля, должна быть строго отдѣляема отъ *соціальной психологіи*. Конечно, въ основѣ общенія между людьми лежатъ психическіе процессы, происходящіе въ отдѣльныхъ людяхъ, и эти процессы составляютъ матеріалъ для соціологическаго разсмотрѣнія. Но самое это разсмотрѣніе по своему характеру абстрактно, и это абстрагированіе кладетъ грань между соціологіей и психологіей. Соціологія занимается не изученіемъ духовныхъ процессовъ, происходящихъ во вступающихъ въ общеніе индивидахъ, но формами самаго общенія, какъ самостоятельнымъ объектомъ изслѣдованія. Какъ физическія науки не становятся отдѣлами психологіи, хотя и онѣ возникаютъ въ концѣ-концовъ изъ надлежащей обработки духовныхъ содержаній, такъ и соціологія сохраняетъ свою самостоятельность отъ психологіи. «Такимъ образомъ, данныя соціологіи суть духовные процессы, непосредственная дѣйствительность которыхъ прежде всего раскрывается въ психологическихъ категоріяхъ; но послѣднія, хотя и необходимы для описанія фактовъ, остаются внѣ *цѣли* соціологическаго разсмотрѣнія, которая заключается скорѣе въ самой предметности общенія (*Sachlichkeit der Vergesellschaftung*), опирающейся на духовные процессы и часто изображаемой только при ихъ посредствѣ» (стр. 24). Такъ, при соціологическомъ разсмотрѣніи явленія вражды, «для насъ представляетъ интересъ не самъ по себѣ протекающій въ каждомъ изъ двухъ индивидовъ духовный рядъ, но синопсисъ обоихъ подъ категоріей единенія

и раздвоенія» (стр. 23). Что касается соціальной психологіи, то она не составляет самостоятельной науки, такъ какъ нѣтъ особой соціальной души, въ качествѣ предмета ея изслѣдованія. Она представляетъ только отдѣлъ индивидуальной психологіи и имѣетъ своей задачей разрѣшеніе вопроса: «какое видоизмѣненіе претерпѣваетъ духовный процессъ индивида, если онъ протекаетъ подъ опредѣленными вліяніями окружающей общественной среды?» (стр. 561).

3. Зиммель констатируетъ существенное различіе между *соціальнымъ единствомъ и единствомъ внѣшней природы*. Наподобіе Кантовскаго вопроса: «какъ возможна природа?», онъ ставитъ въ спеціальномъ экскурсѣ вопросъ: «*какъ возможно общество?*», — и даетъ на него слѣдующій отвѣтъ. «Рѣшительное различіе общественнаго единства отъ природнаго единства состоитъ въ слѣдующемъ: послѣднее — съ предполагаемой здѣсь Кантовской точки зрѣнія — совершается исключительно въ наблюдающемъ субъектѣ, произведено только имъ и изъ чувственныхъ элементовъ, которые сами по себѣ не связаны; напротивъ, общественное единство непосредственно реализуется его элементами, такъ какъ они сознательны и синтетически активны, и не нуждается въ наблюдателѣ. Положеніе Канта: связь никогда не можетъ заключаться въ вещахъ, такъ какъ она создается только субъектомъ, непримѣнима къ общественной связи, которая фактически непосредственно совершается въ «вещахъ», каковыми въ данномъ случаѣ оказываются индивидуальныя души. Она, какъ синтезъ, естественно, остается чисто духовной и не стоитъ въ параллели съ пространственными образованіями и ихъ взаимодействіями. Но объединеніе не нуждается здѣсь ни въ какомъ факторѣ, кромѣ его элементовъ, такъ какъ каждый изъ нихъ выполняетъ функцію, которая по отношенію къ внѣшнему міру выполняется дѣятельностью наблюдателя: сознаніе образованія единства съ другими и *есть* здѣсь фактически все единство, о которомъ идетъ рѣчь... Общество есть единство объективное, не нуждающееся въ постороннемъ наблюдателѣ» (стр. 28—29). Но при этомъ объективномъ характерѣ связи, отдѣльные элементы, объединенные въ общество, сохраняютъ и свою самостоятельность. «Части пространственнаго бытія сливаются въ сознаніи наблюдателя въ такое единство, котораго не достигаетъ общеніе индивидовъ. Именно благодаря тому, что предметами

синтеза здѣсь оказываются самостоятельныя существа, духовные центры, личныя единства, они сопротивляются тому абсолютному объединенію въ душѣ другого субъекта, которому должна покоряться безличность неодушевленныхъ вещей. Такимъ образомъ, совокупность людей образуютъ единство реально въ гораздо большей степени, а идеально—въ гораздо меньшей степени, чѣмъ столъ, стулья, софа, коверъ и зеркало образуютъ «обстановку комнаты» или рѣка, лугъ, деревья, домъ—«ландшафтъ» или на картинѣ «изображеніе» (стр. 29). Поэтому при изученіи общества необходимо считаться не только съ объединяющими индивидовъ процессами духовной жизни, но и съ индивидуальной самостоятельностью каждаго члена, съ тѣмъ неравенствомъ, которое существуетъ между ними при ихъ принципиальной равноцѣнности. Отсюда выводится авторомъ наиболѣе важное изъ апріорныхъ условій изученія общества. «Общественная жизнь, какъ таковая, построена на предположеніи принципиальной гармоніи между индивидомъ и социальнымъ цѣлымъ... Если бы социальная дѣйствительность безпрепятственно и безошибочно обуславливалась этимъ принципиальнымъ предположеніемъ, то мы имѣли бы совершенное общество,—не въ смыслѣ этического или эвдемонистическаго совершенства, но соответственно самому понятію: такъ сказать, не *совершенное* общество, но совершенное *общество*. Для индивида, въ качествѣ а priori его социального существованія, является постоянное соответствіе его индивидуальнаго бытія съ окружающими слоями, коренная необходимость его особенностей, обусловленныхъ его внутренней психической жизнью, для жизни цѣлаго. Поскольку онъ не реализуетъ этого а priori или не находитъ реализованнымъ, постольку онъ и не социаленъ, постольку общество не есть непрерывное взаимодействіе, какимъ оно должно быть по своему понятію» (стр. 44).

4. Несмотря на всю важность, которую имѣетъ понятіе общенія и общественности для человѣка, не это понятіе, по мнѣнію Зиммеля, даетъ намъ мѣрило для *оцѣнки* явленій человѣческой жизни. Такимъ мѣриломъ является понятіе «человѣчества» (Menschheit), въ основѣ котораго лежитъ идея индивида, а не общества; общество имѣетъ значеніе лишь, какъ одно изъ средствъ, при помощи которыхъ индивидъ развиваетъ въ себѣ человѣческія свойства, идетъ къ идеалу. «Матеріаль для идеи

человѣчества и исходящихъ отъ нея вопросовъ составляютъ индивиды, и для нея является уже второстепеннымъ обстоятельствомъ, производятся ли вклады этихъ индивидовъ въ осуществленіе и развитіе этой идеи въ формѣ общенія, или же въ формѣ чисто личной дѣятельности, выражающей въ мышленіи, настроеніи, художественномъ творествѣ, въ біологическомъ улучшеніи или ухудшеніи расы, или въ религіозномъ отношеніи къ богамъ и идоламъ. Въ какой-либо изъ подобныхъ формъ, конечно, должно протекать существованіе и дѣятельность индивида, и она образуетъ технику или промежуточное звено, черезъ посредство коихъ индивидуальность можетъ стать практически дѣйствительнымъ элементомъ человѣчества. Но при всей неоспоримой необходимости этихъ отдѣльныхъ формъ, среди которыхъ выше всего стоитъ общеніе, методическими полюсами разсмотрѣнія человѣческой жизни остаются однако: человѣчество и индивидъ» (стр. 774).

5. Къ изслѣдованію соціологическихъ явленій Зиммель находитъ необходимымъ примѣнить совершенно особенный *микроскопическій методъ*. «Въ общемъ, — говоритъ онъ, — соціологія ограничивалась тѣми соціальными явленіями, при которыхъ взаимодѣйствующія силы уже выкристаллизовались изъ ихъ непосредственныхъ носителей, по меньшей мѣрѣ, въ идеальныя единства. Государство и промышленные союзы, организаціи духовенства и семейные союзы, хозяйственные учрежденія и военный строй, цехи и общины, образованіе классовъ и промышленное раздѣленіе труда, — эти и имъ подобные органы и системы какъ будто исчерпывали общество и заполняли область науки о немъ» (стр. 18). Однако, «изъ названныхъ образованій, которыя составляютъ обычный предметъ науки объ обществѣ, совершенно невозможно вывести дѣйствительную, данную въ опытѣ жизнь общества; безъ участія безчисленныхъ, въ отдѣльности малообъемистыхъ синтезовъ, которымъ въ большей части посвящены настоящія изслѣдованія, жизнь общества распалась бы на множество разрозненныхъ системъ... Здѣсь идетъ дѣло какъ бы о микроскопически-молекулярныхъ процессахъ внутри человѣческаго матеріала, которые однако и являются настоящимъ *процессомъ*, уже потому сплетающимся или гипостазирующимся въ этихъ макроскопическихъ твердыхъ единствахъ и системахъ. Мы постоянно связываемся тѣмъ, что люди другъ на друга поглядываютъ и что они

другъ друга ревнуютъ; что они пишутъ другъ другу письма и совмѣстно обѣдаютъ; что они, совершенно независимо отъ всякихъ уловимыхъ интересовъ, симпатически и антипатически соприкасаются; что благодарность сообщаетъ альтруистическому предоставленію неразрывно связующія послѣдствія; что одинъ у другого спрашиваетъ дорогу и что они другъ для друга наряжаются и украшаются, и что имѣютъ мѣсто вообще тому подобныя тысячи отношеній, разыгрывающихся между людьми, моментальныхъ или длительныхъ, сознательныхъ или безсознательныхъ, безслѣдно проходящихъ или обильныхъ послѣдствіями, изъ которыхъ вполнѣ случайно выбраны эти примѣры... Дѣло идетъ о томъ, чтобы примѣнить принципъ безконечно-многихъ и безконечно-малыхъ дѣйствій къ сосуществованію общества такъ же, какъ онъ съ успѣхомъ примѣненъ къ наукамъ о послѣдовательности: къ геологіи, къ біологической теоріи развитія, къ исторіи» (стр. 19 и сл.).

Этого рода анализу общественныхъ явленій посвященъ почти весь обширный трудъ Зиммеля, за исключеніемъ первой, сравнительно небольшой главы, и нѣсколькихъ экскурсовъ, трактующихъ объ общихъ и принципиальныхъ вопросахъ. Во второй главѣ обстоятельному разбору подвергается вопросъ о значеніи *численности* для соціальной группы, при чемъ съ особенною детальною анализируются отличительные признаки союзовъ изъ двухъ и изъ трехъ членовъ. Предметомъ третьей главы является изученіе *формъ властвованія и подчиненія*; рассматриваются случаи подчиненія одному лицу, цѣлой группѣ и объективному принципу, а затѣмъ анализируются разныя степени подчиненія. Въ четвертой главѣ обстоятельно выясняется значеніе *спора* въ соціальной жизни и разныя формы, которыя принимаетъ антагонизмъ между людьми; въ особенности долго останавливается авторъ на явленіи конкуренціи. Въ пятой главѣ авторъ, выяснивъ, какимъ образомъ люди вообще могутъ сноситься между собой и уяснить другъ другу содержаніе своего внутренняго міра, особо останавливается на *тайнѣ* и *тайныхъ обществахъ*. Соціальные круги различаются по характеру объединяющей людей связи и по степени сплоченности; они могутъ вступать между собой во взаимодѣйствіе. Выясненію этого «*скрещиванія соціальныхъ круговъ*» и его вліянія на выработку индивидуальности посвящена глава шестая, отчасти повторяющая выводы болѣе ран-

няго сочиненія Зиммеля «Соціальная дифференціація». Предметомъ разсмотрѣнія въ главѣ седьмой является *блѣдный*, какъ членъ соціальной группы, занимающій въ ней своеобразное положеніе. *Самосохраненіе соціальной группы*, его условія и формы, которыя оно принимаетъ, анализируются въ главѣ восьмой, при чемъ попутно, въ особыхъ экскурсахъ, изслѣдуются вопросы о наслѣдственности должностей, о соціальной психологіи, о вѣрности и благодарности. Глава девятая, посвященная вопросу о значеніи *пространственныхъ отношеній* для соціальной жизни, включаетъ въ себя любопытный экскурсъ о соціологіи внѣшнихъ чувствъ, главнымъ образомъ, о томъ, какое значеніе въ общественныхъ отношеніяхъ имѣютъ зрѣніе, слухъ и обоняніе. Последняя—десятая глава, такъ же какъ и шестая въ значительной мѣрѣ повторяющая разсужденія, высказанныя въ «Соціальной дифференціаціи», посвящена вопросу о *ростѣ соціальныхъ группъ и обѣ образованіи индивидуальности*. Я считаю возможнымъ не останавливаться болѣе подробно на содержаніи этихъ главъ, такъ какъ оно было уже изложено С. А. Котляревскимъ въ «Вопр. фил. и псих.», 1908 г., кн. 95.

Во всѣхъ этихъ главахъ разбросано очень много интересныхъ наблюденій и оригинальныхъ замѣчаній. Нельзя не пожалѣть, однако, о томъ, что авторъ чрезвычайно скупъ на общіе выводы и совершенно не позаботился о систематизаціи своего обширнаго матеріала. Онъ самъ не разъ предупреждаетъ, что его трудъ не имѣетъ исчерпывающаго значенія и представляетъ лишь попытку примѣненія новаго метода къ ряду отдѣльныхъ вопросовъ (см. примѣчанія къ оглавленію и на стр. 17). Но и при такомъ планѣ книги можно было бы въ болѣе высокой степени позаботиться о систематичности и наглядности въ расчлененіи и расположеніи матеріала. Теперь же длиннѣйшія главы, въ которыхъ подъ рядъ трактуются безъ передышки иногда довольно разнообразные вопросы, вдругъ перебиваются уже совсѣмъ мало съ ними связанными экскурсами, а по прочтеніи каждой главы и всего труда читатель не получаетъ почти никакихъ руководящихъ обобщеній отъ автора. Въ этомъ видѣ книга представляется скорѣе довольно хаотическимъ собраніемъ матеріаловъ, нежели систематическимъ изслѣдованіемъ, и едва ли оправдываетъ слишкомъ громкое и претенціозное заглавіе, данное ей авторомъ.

Но это все, конечно, болѣе внѣшніе недостатки. Посмотримъ

какъ обстоитъ дѣло съ основными положеніями автора по существу.

II.

Я не могу вполне согласиться съ тѣми положеніями о предметѣ и методѣ социологіи, которыя выставлены въ книгѣ Зиммеля и выше были мною сведены къ пяти тезисамъ. Въ дальнѣйшемъ я постараюсь изложить тѣ недоумѣнія и возраженія, которыя возникаютъ у меня по поводу этихъ положеній.

1. Какъ мы видѣли, Зиммель считаетъ предметомъ социологіи *форму* общенія, взятую въ абстракціи, тогда какъ *содержаніе* общественной жизни составляетъ предметъ изученія отдѣльныхъ общественныхъ наукъ. Я думаю, что здѣсь въ основѣ заключается до извѣстной степени правильная мысль, но выражена она антитезой «формы» и «содержанія» едва ли удачно и ясно. Дѣло въ томъ, что названныя понятія, въ примѣненіи ихъ особенно къ духовнымъ и социальнымъ процессамъ, приводятъ къ большимъ недоразумѣніямъ. Что именно понимается здѣсь подъ формой и что должно быть означено содержаніемъ? Нельзя сказать, чтобы смыслъ этихъ понятій былъ вообще очень опредѣлительнъ. Но обыкновенно подъ формой разумѣется нѣкоторое болѣе или менѣе *постоянное соотношеніе* элементовъ содержанія, которое остается неизмѣннымъ при перемѣнѣ этихъ элементовъ. Такъ называемыя формы воззрѣнія—пространство и время—неизмѣнно обуславливаютъ всякое содержаніе опыта. Геометрическая форма предмета остается неизмѣнной при смѣнѣ вызываемыхъ имъ ощущеній свѣта или цвѣта. Формы мышленія, изучаемыя логикой въ качествѣ постояннаго порядка логической мысли, противоплагаются измѣнчивому содержанію мысли. Въ особенности отчетливо выясняется указанный смыслъ понятія «формы» въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно прилагается къ явленіямъ жизни. Живой организмъ узнается по его относительно неизмѣнной формѣ, которая поддерживаетъ его тождество съ самимъ собою при постоянномъ обмѣнѣ веществъ, лежащемъ въ основѣ жизненнаго процесса. Но то ли же самое имѣемъ мы въ данномъ случаѣ? Самъ Зиммель даетъ намъ основаніе сказать, что такого соотношенія въ данномъ случаѣ не имѣется. Онъ указываетъ, что одна и та же форма можетъ примѣняться къ различнымъ содержаніямъ общественной жизни, но, съ другой

стороны, и одно и то же содержаніе можетъ принимать различныя формы. При такомъ положеніи дѣла остается неяснымъ, почему именно порядокъ общенія между людьми называется формой, а тѣ разнообразныя интересы, побужденія и стремленія, которыя приводятъ къ процессу общенія и преслѣдуются въ этомъ процессѣ, должны быть именуемы содержаніемъ общественной жизни? Сравнительнаго постоянства или устойчивости мы ни тамъ, ни здѣсь не имѣемъ.—Нельзя сказать и того, чтобы одинъ изъ этихъ элементовъ являлся *опредѣляющимъ*, а другой *опредѣляемымъ*. Если способы общенія извѣстнымъ образомъ отражаются на характерѣ стремленій и наклонностей людей, то, съ другой стороны, и характеръ интересовъ и наклонностей не можетъ не класть своего отпечатка на способы сношеній между людьми: вѣдь не всѣ виды и способы общенія одинаково пригодны для преслѣдованія всѣхъ безъ различія интересовъ!—Едва ли можно истолковать дѣлаемое Зиммелемъ противоположеніе формы и содержанія и въ томъ смыслѣ, что процессъ общенія есть форма, какъ нѣчто *внѣшнее*, тогда какъ содержаніе общественной жизни составляютъ *внутреннія* переживанія людей. Вѣдь, по ученію Зиммеля, и процессъ общенія есть результатъ внутренней связи между людьми, связи, которая, по его собственному выраженію, заключается въ самихъ «вещахъ», каковыми въ данномъ случаѣ являются вступающіе въ общеніе люди (индивидуальныя души).—Я думаю поэтому, что гораздо цѣлесообразнѣе было бы формулировать отношеніе между соціологіей и другими общественными науками, не прибѣгая къ неясному въ данномъ случаѣ противопоставленію формы и содержанія. Можно сказать просто, что соціологія имѣетъ своимъ предметомъ изученіе процесса общенія между людьми независимо отъ тѣхъ интересовъ, удовлетвореніе которыхъ достигается при посредствѣ этого общенія, тогда какъ многія изъ другихъ общественныхъ наукъ изучаютъ процессы общенія именно съ точки зрѣнія ихъ соотношенія къ спеціальнымъ интересамъ. Такъ, напр., политическая экономія въ значительной степени посвящена выясненію тѣхъ процессовъ общенія, которые возникаютъ на почвѣ хозяйственныхъ интересовъ. Что же касается еще цѣлаго ряда общественныхъ наукъ, то о нихъ приходится сказать, что онѣ вообще *процессомъ* общенія, какъ таковымъ, не занимаются. Предметомъ ихъ разсмотрѣнія являются извѣстныя содержанія мысли

или чувства, которыя сложились у людей въ результатѣ ихъ общенія и, оказывая сами извѣстное соціальное воздѣйствіе, объективировались. Эти науки имѣютъ дѣло не съ процессомъ соціальной жизни людей, но съ *продуктами* этой жизни, взятой какъ процессъ творчества, и разсматриваютъ эти продукты не съ генетической точки зрѣнія, т.-е. не съ точки зрѣнія ихъ происхожденія, а только съ логически-систематизирующей. О такихъ объективныхъ продуктахъ соціального творчества, являющихся потомъ для науки предметомъ логическаго анализа, Зиммель упоминаетъ, напр., на стр. 558—9, разсуждая объ «объективно-духовномъ содержаніи, которое уже не является чѣмъ-то психологическимъ». Къ этому разряду наукъ относятся догматическая юриспруденція, грамматика и т. п.

2. Эти соображенія приводятъ насъ ко второму тезису Зиммеля. Я не могу согласиться съ тѣмъ разобщеніемъ соціологіи и соціальной психологіи, какъ отдѣльныхъ дисциплинъ, на которомъ настаиваетъ Зиммель. Въ самомъ дѣлѣ, это разобщеніе представляется совершенно невыполнимымъ, если стать на только что выясненную точку зрѣнія относительно предмета соціологіи. Съ этой точки зрѣнія, соціологія есть наука, занимающаяся изученіемъ процессовъ общенія между людьми, какъ таковыхъ. Но самые процессы общенія вѣдь не являются феноменами какой-либо таинственной сущности въ видѣ «соціальной души», витающей гдѣ-то внѣ человѣческихъ индивидовъ. Самъ Зиммель постоянно подчеркиваетъ ту мысль, что процессъ человѣческаго общенія сводится къ взаимодѣйствію отдѣльныхъ людей. Если это взаимодѣйствіе становится предметомъ особаго изученія, то именно въ виду того, что въ психикѣ каждаго изъ индивидовъ происходятъ серьезныя измѣненія именно подъ вліяніемъ общенія, въ связи съ общеніемъ. Нельзя изучать процессъ общенія, отвлекаясь отъ этихъ измѣненій въ психикѣ индивидовъ, такъ какъ онъ и состоитъ именно въ этихъ измѣненіяхъ. А между тѣмъ, по Зиммелю, изученіе этихъ измѣненій въ психикѣ индивида составляетъ предметъ особой отъ соціологіи науки—соціальной психологіи! Мнѣ кажется, что, абстрагируя соціологію, какъ науку о процессахъ общенія между людьми, отъ соціальной психологіи, мы только лишимъ одну изъ этихъ двухъ дисциплинъ всякаго содержанія, а это показываетъ, что *соціологія и соціальная психологія находятся въ тѣснѣйшей и неразрыв-*

ной связи, или даже, что мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, просто *совпадаютъ другъ съ другомъ*. Мы не можемъ изучать социальный процессъ иначе, какъ подвергая анализу тѣ психическіе процессы, которые происходятъ въ индивидахъ при общеніи ихъ между собою. Я полагаю поэтому, что именно социальная психологія и составляетъ тотъ отдѣлъ соціологіи, который имѣетъ своимъ предметомъ раскрытіе общихъ законовъ жизни и развитія общества. Кромѣ этого отдѣла, система соціологіи должна содержать въ себѣ другой, посвященный гносеологическому изслѣдованію вопроса о природѣ общества и установленію методологіи социальныхъ наукъ. Этимъ и исчерпывается содержаніе соціологіи, какъ основной науки объ обществѣ. Всѣ остальные вопросы составляютъ предметъ изслѣдованій отдѣльных общественныхъ и историческихъ дисциплинъ.—Совершенно ошибочно утвержденіе Зиммеля, что социальная психологія, какъ ученіе объ измѣненіяхъ въ психикѣ индивидовъ, есть лишь глава или отдѣлъ индивидуальной психологіи. Дѣло въ томъ, что эти измѣненія психики, создающіяся въ процессѣ общенія, столь сложны, столь разнообразны и въ то же время подлежатъ столь своеобразной закономерности, что при ихъ изученіи приходится примѣнять не тѣ приемы и методы, которыми пользуется индивидуальная психологія при разрѣшеніи своихъ обычныхъ задачъ. Этого достаточно, чтобы признать, что соціологія или социальная психологія есть наука, особая отъ индивидуальной психологіи.

Такимъ образомъ, я считаю практически невыполнимымъ и теоретически неправильнымъ предложенное Зиммелемъ обособленіе соціологіи и социальной психологіи. Нельзя отдѣлить изученіе процесса общенія и его формъ отъ изученія тѣхъ процессовъ, которые разыгрываются въ психикѣ вступающихъ въ общеніе людей и въ общей сложности составляютъ самый процессъ общенія. Въ социальныхъ наукахъ предметомъ абстрактнаго изученія можно дѣлать лишь нѣкоторыя произведенія социального процесса, тѣ обьективировавшіяся содержанія мысли и чувства, которыя извѣстны подъ именемъ языка, религій, нравовъ и т. п. Эти произведенія, какъ мы видѣли, могутъ быть сдѣланы предметомъ чисто логическаго анализа, будучи взяты въ абстракціи отъ процесса своего происхожденія. Этимъ такія *систематическія* науки, какъ догматическая юриспруденція, грам-

матика, догматическое богословіе, отличаются отъ наукъ, изучающихъ законѣрность процессовъ, наукъ *феноменологическихъ*, по терминологіи Вундта. Наиболѣе общей изъ феноменологическихъ наукъ объ обществѣ является социологія; другія науки объ обществѣ, принадлежащія къ этой группѣ, изучаютъ общественные процессы лишь въ какомъ-либо специальномъ ихъ приложеніи (образованіе хозяйственныхъ отношеній, правовыхъ и т. п.).

Мнѣ кажется, что самъ Зиммель своею книгою лучше всего подтверждаетъ положеніе, что нельзя обособить социологію отъ социальной психологіи. Въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлаетъ онъ на протяженіи 700 страницъ своего труда, какъ не анализируетъ тѣ духовные процессы, которые происходятъ въ индивидахъ подъ вліяніемъ общенія ¹⁾? Въ одномъ мѣстѣ Зиммель, какъ бы забывъ о своемъ утвержденіи, что социологія имѣетъ предметъ, отличный отъ социальной психологіи, самъ даетъ именно такую характеристику своему труду. На стр. 30 мы читаемъ, что его книга «изслѣдуетъ происходящія въ концѣ-концовъ въ индивидахъ процессы, которые обуславливаютъ общественное бытіе индивидовъ, и при томъ изслѣдуетъ не какъ временно-предшествующія причины для этого результата, но какъ частичные процессы того синтеза, который мы, взятый въ общемъ, называемъ обществомъ».

3. Едва ли можно вполне согласиться и съ той формулой, въ которой Зиммель выражаетъ различіе общества, какъ духовнаго единства, отъ единства внѣшняго. физическаго міра. По Зиммелю выходитъ, какъ будто бы единство въ физическій міръ вносится всецѣло нашимъ познающимъ интеллектомъ, тогда какъ связь индивидовъ въ обществѣ имѣетъ реальный объективный характеръ. Такая постановка грозитъ привести насъ къ полной субъективности внѣшняго міра, къ иллюзионизму или солипсизму. Не вдаваясь въ метафизическія концепціи, которыхъ избѣ-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить трудъ Зиммеля хотя бы съ трудами Тарда „Законы подражанія“, „Социальная логика“, „Социальные этюды“ или съ недавно вышедшей книгой Россъа „Social Psychology“, 1908. Я не вижу разницы съ трудомъ Зиммеля ни въ характерѣ разбираемыхъ вопросовъ, ни въ методахъ изслѣдованія и полагаю, что Россъу не болѣе удалось отграничить социальную психологію отъ социологіи (см. гл. I), чѣмъ Зиммелю; въ обоихъ случаяхъ границы получаются весьма неясныя и расплывчатыя.

гаетъ и Зиммель въ своемъ трудѣ, замѣтимъ только, что основнымъ постулатомъ эмпирической науки является предположеніе извѣстнаго согласія между формами нашего мышленія и объективной связью опыта. Съ этой точки зрѣнія между предметами объективнаго, внѣшняго міра должна быть извѣстная связь, которая затѣмъ нами въ большей или меньшей степени познается при помощи анализирующей и синтезирующей работы мысли. Это положеніе, впрочемъ, признаетъ и Зиммель. На стр. 43 онъ говоритъ: «наша познавательная жизнь покоится на предположеніи предустановленной гармоніи между нашими духовными, хотя бы и индивидуальными энергіями, и внѣшнимъ, объективнымъ бытіемъ». Разъ это такъ, то нельзя утверждать, что единство во внѣшній міръ привносится исключительно наблюдающимъ и познающимъ субъектомъ; оно должно быть въ немъ и помимо нашего познанія. Конечно, для правильной иллюстраціи этого единства не слѣдуетъ, подобно Зиммелю, брать такіе искусственно-создаваемые человѣкомъ агрегаты вещей, какъ «обстановка комнаты»; гораздо лучше оно иллюстрируется такими примѣрами, какъ лѣсъ, дерево, кусокъ металла и даже объединяемая силою тяготѣнія куча камней или песку; я уже не говорю о такихъ единствахъ, какъ, напр., планетная система. Разница же между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ сводится при правильной постановкѣ дѣла къ тому, что связи внутренняго міра мы познаемъ непосредственнымъ переживаніемъ, тогда какъ о связяхъ міра внѣшняго, физическаго мы судимъ только при помощи абстрактныхъ понятій, не имѣющихъ адекватнаго замѣщенія ни въ какихъ представленіяхъ. Мы не имѣемъ непосредственнаго знанія о физическомъ мірѣ, но передаемъ наши соображенія о немъ въ абстрактныхъ сужденіяхъ и понятіяхъ, имѣющихъ лишь символическое значеніе.

Существеннымъ недостаткомъ соображеній Зиммеля о предметѣ соціологіи является, на мой взглядъ, то обстоятельство, что онъ, съ другой стороны, совершенно игнорируетъ еще одно отличіе между міромъ физическимъ и духовнымъ, чуть ли не болѣе важное въ данномъ отношеніи. Мнѣ кажется, что рѣшительную грань между міромъ физическихъ явленій и міромъ духовныхъ и соціальныхъ отношеній полагаетъ совершенно *различный характеръ причинности*, господствующей въ той и другой области. Въ то время, какъ въ мірѣ физическомъ все сводится

къ отношеніямъ количественнымъ, и основнымъ принципомъ естествознанія является такъ называемый законъ сохраненія энергіи, осложняемый обыкновенно закономъ разсѣянія или обезцѣненія энергіи, въ мірѣ духовномъ и социальномъ на первый планъ выдвигается качественная сторона и опредѣляющимъ принципомъ оказывается законъ нарастанія психической энергіи. Мнѣ думается, что только это различіе въ характерѣ причинности и можетъ пролить надлежащій свѣтъ на міръ социальныхъ отношеній. Я не буду останавливаться, однако, на этомъ пунктѣ, такъ какъ недавно болѣе подробно говорилъ о немъ на страницахъ «Вопросовъ философіи и психологіи» въ статьѣ «Къ вопросу о свободѣ воли».

4. Что касается замѣчаній Зиммеля о «человѣчествѣ», какъ окончательномъ мѣрилѣ оцѣнки, то я думаю, что въ такихъ эмпирическихъ работахъ, какой является трудъ Зиммеля, лучше совсѣмъ не останавливаться на подобныхъ проблемахъ. Всякая проблема оцѣнки неизбежно включаетъ въ себя метафизическіе элементы, изслѣдованіе которыхъ настолько сложно, что должно составлять предметъ особаго анализа. Замѣчанія, сдѣланныя Зиммелемъ на двухъ заключительныхъ страницахъ книги, слишкомъ мало обоснованы. Скажу только, что и здѣсь едва ли Зиммель выполнѣ точно опредѣлилъ значеніе момента общественности. Если даже соглашаться съ нимъ, что послѣднимъ моментомъ, подлежащимъ оцѣнкѣ, является человѣкъ, а не цѣлыя общества, то во всякомъ случаѣ на общество нельзя смотрѣть только какъ на одно изъ средствъ, при помощи которыхъ индивидъ достигаетъ идеала «человѣчества». Значеніе общества гораздо больше: оно есть *необходимое условіе, безъ котораго немислимъ самый индивидъ, стремящійся къ идеалу «человѣчества»*. Мы можемъ представить себѣ человѣка въ качествѣ разумнаго и моральнаго существа, (а вѣдь только такое существо интересуетъ въ данномъ случаѣ Зиммеля: рѣчь идетъ о построеніи масштаба этической оцѣнки) только, какъ члена общества, и внѣ общества нѣтъ и человѣка, какъ такового. Не даромъ социологи спорятъ о томъ, что именно является абстракціей и что истинной реальностью: *человѣческая личность или общество*. Я думаю, что какъ общество, такъ и личность, взятая въ отдѣльности, въ одинаковой степени являются абстракціями отъ цѣльнаго жизненнаго процесса, состоящаго въ общественномъ взаимодействіи личностей.

5. Предлагаемый Зиммелемъ методъ «микроскопическаго» анализа соціальныхъ отношеній, несомнѣнно, имѣетъ большую цѣнность, и я лично считаю наиболѣе важными именно тѣ части обширной книги, гдѣ излагаются результаты его примѣненія. Но и здѣсь трудъ Зиммеля представляется одностороннимъ, если принять во вниманіе данное ему авторомъ широкое заглавіе «Соціологія». Соціологія, какъ наука, должна анализировать не только эти «молекулярные» процессы въ обществѣ, но и показывать, какъ изъ нихъ слагаются процессы болѣе широкаго свойства. Если до сихъ поръ эта наука, по правильному замѣчанію Зиммеля, слишкомъ односторонне занималась макроскопическими изслѣдованіями, то самъ Зиммель придаетъ ей односторонне-обратный характеръ. Онъ слишкомъ увлекается мелочами соціальной жизни и далеко не всегда достаточно ясно намѣчаетъ путь, ведущій отъ нихъ къ болѣе широкимъ и мощнымъ теченіямъ. Вотъ почему и чтеніе книги Зиммеля такъ утомляетъ читателя монотонностью изложенія и мелочностью содержанія.

Очень возможно, что не каждый, кто читалъ книгу Зиммеля, согласится съ возраженіями, изложенными въ настоящей замѣткѣ. Авторъ замѣтки на это и не рассчитываетъ. Но онъ считалъ бы весьма желательнымъ дальнѣйшее выясненіе затронутыхъ здѣсь вопросовъ. Въ особенности важнымъ представляется коренной вопросъ объ отношеніи соціологіи и соціальной психологіи, такъ какъ его постановкой и разрѣшеніемъ предопредѣляется и рѣшеніе вопроса о предметѣ и методѣ соціологіи. Безъ разрѣшенія этихъ вопросовъ оказывается непрочнымъ самое существованіе соціологіи, какъ самостоятельной науки ¹⁾.

В. М. Хвостовъ.

¹⁾ Эта замѣтка была уже набрана, когда я ознакомился со статьей г. Франка „Сущность соціологіи“, помѣщенной въ Русской Мысли, сентябрь 1909 г. Во многомъ наши замѣчанія сходятся, въ особенности по вопросу объ отношеніи между соціологіей и соціальной психологіей. Г. Франкъ приходитъ къ выводу, что нѣтъ „иного пути къ превращенію соціологіи въ точную и методологически ясную науку, кромѣ сліянія ея съ соціальной или „интерментальной“ психологіей“ (стр. 50).

Русскій послѣдователь Германа Когена.

I.

(В. А. Савальскій. Основы философіи права въ научномъ идеализмѣ. Марбургская школа философіи. Когенъ, Наторпъ, Штаммлеръ и др. Т. I. М. 1908. IV+360.)

Заглавіе книги, лежащей передъ нами, способно возбудить въ читателѣ нѣкоторыя ожиданія. Можно такъ или иначе оцѣнивать заслуги философовъ марбургской школы; можно относиться къ нимъ критически и даже отрицательно, но едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что ихъ опыты по этикѣ и философіи права занимаютъ выдающееся и первостепенное мѣсто въ современной философской литературѣ. Съ этими опытами нельзя не считаться, ихъ надо оцѣнить въ ихъ значеніи, въ добытыхъ ими результатахъ. Было бы большою заслугой передъ русской философской литературой выполнить эту задачу, и каждый читатель, интересующійся современной борьбою философскихъ школъ, съ понятнымъ интересомъ откроетъ произведеніе г. Савальскаго. Однако, того, кто возьметъ на себя далеко не легкій трудъ внимательно прочесть эту объемистую книгу, ждетъ тягостное разочарованіе: онъ найдетъ, что усилія автора не соотвѣтствуютъ трудности задачи, и что путь, избранный имъ, не есть путь правильный и ведущій къ цѣли.

Конечно—и это надо сказать съ самаго начала—задача, поставленная себѣ авторомъ, была не изъ легкихъ. Изслѣдованіе ученій хотя бы одного Когена представляется чрезвычайно труднымъ. Но если бы г. Савальскій сосредоточилъ свои силы на одномъ этомъ, то, при всей трудности предмета, онъ получилъ бы, вѣроятно, болѣе удовлетворительные результаты. Однако, въ своемъ трудѣ г. Савальскій не ограничивается изло-

женіемъ и истолкованіемъ ученій Когена: онъ выступаетъ съ чрезмѣрной претензіей рѣшить споръ современной философіи между критицизмомъ, позитивизмомъ и мистицизмомъ, а сверхъ того и между различными направленіями критицизма. Вознося Когена, а вмѣстѣ съ нимъ и себя на нѣкоторую сверхчеловѣческую высоту, онъ созерцаетъ оттуда съ сожалѣніемъ и укоромъ ошибки и заблужденія тѣхъ, кто не пріобщился еще этой высшей мудрости. Но нѣтъ ничего удивительнаго, что съ этой головокругоужительной высоты не все хорошо видно, что, вознесшись на нее, автору не только трудно производить спокойный анализъ: у него не хватаетъ зрѣнія, чтобы правильно видѣть то, что лежитъ передъ нимъ. Многое остается въ туманѣ, иное и вовсе скрывается изъ глазъ. На своемъ марбургскомъ Олимпѣ г. Савальскій предается славословіямъ и величаніямъ въ честь Когена, или же занимается судомъ надъ иначе мыслящими. А научный анализъ и философское безпристрастіе отъ этого страдаютъ, и его работа производитъ впечатлѣніе недодѣланной, недоконченной и черезчуръ субъективной.

Съ перваго взгляда книга г. Савальскаго кажется очень внушительной,—обширный томъ съ обиліемъ ссылокъ и примѣчаній, со всѣмъ аппаратомъ учености, съ очевидными слѣдами большого труда и прилежанія. Но вчитываясь въ эту книгу внимательно, тотчасъ же замѣчаешь, что этотъ научный обликъ ея искажается какимъ-то инороднымъ духомъ. Вмѣсто чисто научнаго и критическаго отношенія къ своему предмету, у г. Савальскаго встрѣчаешь элементы поклоненія и обожанія, переходящіе порою въ фанатическое увлеченіе и столь же фанатическую нетерпимость. Въ книгѣ г. Савальскаго есть свой герой—Когенъ, онъ совершаетъ сказочные подвиги и великія дѣла, онъ преодолеваетъ всяческія затрудненія, которыхъ никто до него преодолѣть не могъ, и г. Савальскій не устаетъ его славословить, такъ что мѣстами диссертация нашего автора впадаетъ въ тонъ акаѳиста, а методъ его изъ научнаго и аналитическаго становится даже не богословскимъ, а просто панегирическимъ. Я приведу сейчасъ нѣкоторые изъ слѣдовъ этого сектантскаго отношенія къ предмету, проникающаго всю книгу г. Савальскаго. Я буду слѣдовать въ порядкѣ страницъ его книги и долженъ замѣтить, что восхваленія идутъ въ ней все время crescendo, начиная съ болѣе умѣренныхъ и переходя къ болѣе торжествен-

нымъ, при чемъ, какъ и подобаетъ важности случая, все кончается величественнымъ аккордомъ на послѣдней страницѣ.

На стр. 14 г. Савальскій заявляетъ, что система Когена есть не просто интересное явленіе въ философіи нашего времени, а переворотъ въ исторіи послѣкантианскаго идеализма. На стр. 21 онъ видитъ въ явленіи Когена особое благоволеніе *генія философіи*, который по его словамъ, «на примѣрѣ Когена пожелалъ еще разъ засвидѣтельствовать необычайное богатство понятій и точекъ зрѣнія критической философіи Канта»; въ этомъ заключается, по словамъ г. Савальскаго, «самое замѣчательное событіе въ философіи нашихъ дней». На стр. 24—25 г. Савальскій говоритъ о томъ, какъ «геній философіи въ лицѣ Когена раскрывается... *новую философскую систему*». Тутъ же г. Савальскій ставитъ Когена по самостоятельности его философскаго творчества на ряду съ Фихте, Гегелемъ и Шопенгауэромъ, а далѣе выясняется, что онъ ставитъ его и выше ихъ. Система философіи Когена, читаемъ мы на 41 стр., овладѣваетъ самыми основными тенденціями современнаго научнаго духа и стремится дать имъ удовлетвореніе. Замыслы ея—на стр. 42—признаются «грандіозными». На стр. 69 и 91 Когенъ у г. Савальскаго съ честью выходитъ изъ безвыходныхъ противорѣчій и затрудненій; онъ «исправляетъ неточности Канта» (стр. 72), онъ освобождаетъ его систему отъ колебаній (стр. 48); «онъ выдерживаетъ до конца линію предѣльныхъ опыту понятій» (99) и въ то время какъ «вся послѣкантианская философія борется съ понятіемъ вещи въ себѣ и оперируетъ понятіемъ свободы и умопостижимаго характера», въ то время какъ и «Фихте и Гегель, и Шопенгауэръ и современные неохихтеанцы не могутъ преодолѣть этихъ понятій», Когенъ все преодолеваетъ и надъ всѣмъ торжествуетъ.

Неудивительно, если г. Савальскій находитъ у Когена и поражающія своей смѣлостью заключенія (стр. 106), и ослѣпительныя по своей яркости мысли (стр. 194), и важныя открытія (113—114 и 216), и стройность и гармонію въ архитектурникѣ системы (142), и необыкновенную смѣлость, энергію и ясность, съ которой онъ «овладѣваетъ... глубочайшей сущностью научныхъ тенденцій времени» (144). Онъ даетъ и «разрѣшеніе проблемы философіи права» (202), и «рѣшеніе проблемы научной этики» (158). Восторгъ г. Савальскаго достигаетъ своего кульминаціон-

наго пункта въ концѣ книгѣ (стр. 360), когда нашъ увлеченный авторъ объявляетъ, что въ «сердцѣ» философіи Когена... «слышится біеніе пульса эпохи Возрожденія, Духа Европейскаго Просвѣщенія и Культуры». Такъ этотъ философъ, котораго на стр. 174 г. Савальскій называетъ необычнымъ въ философскихъ произведеніяхъ именемъ *маэстро*, представляется ему единственнымъ, несравненнымъ, обладающимъ тайною устранять безвыходныя затрудненія и разрѣшать задачи, которыя доселѣ казались неразрѣшимыми. Понятно, что въ концѣ концовъ г. Савальскому приходитъ въ голову поставить странный по своей претенціозности вопросъ: «система Когена есть ли истина?» И молодой авторъ поучаетъ насъ, что система эта дѣйствительно есть истина—не въ томъ смыслѣ, чтобы она давала систему готовыхъ аксіомъ, а въ томъ, что она «указуетъ пути для отысканія истины». Г. Савальскій разъясняетъ далѣе, что въ этой философіи открываются «вѣрныя средства для спасенія человѣчества», каковыми слѣдуетъ признать науку и государство.

Читая эти восторженные отзывы о Когенѣ, можно дѣйствительно подумать, что въ философіи случилось нѣчто необыкновенное, что на долю нашего времени, благодаря открытіямъ марбургскаго профессора, выпалъ завидный жребій найти если не законченную истину, то прямой и вѣрный путь къ ней.

Получается впечатлѣніе, что передъ нами какой-то особовдохновенный философъ, исключительно счастливый искатель истины, у котораго есть рѣдкій даръ разрѣшать самыя трудныя задачи и самыя трагическія противорѣчія.

Но не только самъ по себѣ Когенъ въ глазахъ г. Савальскаго такой замѣчательный философъ, и тѣ, кто слѣдуетъ за нимъ, становятся замѣчательными и крупными мыслителями. Приближеніе къ нему, пріобщеніе къ его духу даетъ человѣку почетное и видное положеніе, а уклоненіе отъ него обрекаетъ на грубыя заблужденія. Да не подумаетъ кто-либо, что тутъ я преувеличиваю. Я цитирую только собственныя слова г. Савальскаго. На стр. 9 онъ утверждаетъ, что къ Когену постепенно примыкаютъ виднѣйшіе въ современной литературѣ писатели: Наторпъ, Штаммлеръ, Штадлеръ, Форлендеръ, Кассиреръ, Штаудингеръ и многіе другіе. Съ пылкостью вѣрующаго прозелита г. Савальскій всѣхъ ихъ относитъ къ числу виднѣйшихъ, а на стр. 16 онъ утверждаетъ, что приверженцы, послѣдователи

и ученики Германа Когена, раздѣляя его методы, распространяютъ ихъ на новыя и новыя области знанія, вырастая въ *крупныя научныя величины*. Многіе изъ нихъ, какъ говоритъ г. Савальскій, вслѣдъ за Форлендеромъ, являются даже самостоятельными мыслителями, но на стр. 24 (примѣч.) мы узнаемъ отъ него, что эти послѣдователи (какъ напр. Штаммлеръ) «дѣлаютъ грубѣйшія ошибки всего чаще тамъ, гдѣ занимаютъ самостоятельное положеніе относительно Когена».

Понятно, что при этомъ условіи г. Савальскій считаетъ правильнымъ при разногласіи различныхъ философовъ марбургской школы ближе держаться къ Когену (стр. 243, 329 примѣч., 348—349). Лишь въ религіозной философіи онъ болѣе склоняется къ Наторпу (стр. 193—194).

Эти указанія г. Савальскаго, что «надо слѣдовать ближе указаніямъ Когена, а не Штаммлера» (329), напомнили мнѣ средне-вѣковую схоластическую мудрость, которая въ лицѣ Альберта Великаго говорила: надо знать, что во всемъ томъ, что касается вѣры и нравственности, слѣдуетъ болѣе довѣрять Августину, чѣмъ философамъ, въ медицинѣ—Галену и Гиппократу, въ изученіи явленій природы—Аристотелю. Такъ и г. Савальскій думаетъ: въ дѣлѣ вѣры надо ближе держаться Наторпа, а во всемъ остальномъ Когена. Самый слогъ г. Савальскаго принимаетъ порою тонъ евангельскаго повѣствованія. Такъ, на стр. 155 онъ пишетъ: «Говоритъ Когенъ: философія Канта образуетъ систему. Кто разрушаетъ эту систему въ этикѣ, тотъ разрушаетъ ее также и въ логикѣ. Здѣсь все единство, отъ котораго нельзя отнять ни одной части».

Само собою разумѣется, что въ соотвѣтствіи съ этимъ превознесеніемъ Когена и его школы стоитъ и мнѣніе г. Савальскаго о другихъ философахъ.

Такъ, на стр. 26 г. Савальскій единымъ духомъ обвиняетъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Локка, Юма, а кстати ужъ и Конта, Милля и Спенсера въ томъ, «что они въ своихъ построеніяхъ порвали живую связь съ наукой, наукой математическаго естествознанія и поняли задачу философіи метафизически, а рѣшали ее или путемъ геніальничанія, какъ Фихте, Шеллингъ, Гегель и Шопенгауэръ, или въ психологическихъ терминахъ, какъ напр., въ англо-французскомъ позитивизмѣ». Послѣ этого смѣлаго и суммарнаго приговора читатель такъ и ждетъ, что г.

Савальскій, подобно одному изъ героевъ Тургеневскаго «Дыма», скажетъ: всѣ эти философы относятся къ Когену, «какъ отроги Альпъ къ Монблану».

Я остановился съ нѣкоторой подробностью на этихъ особенностяхъ книги г. Савальскаго, потому что отсюда объясняются всѣ ея существенные недостатки. Элементъ поклоненія вытѣсняетъ въ ней элементъ изслѣдованія; г. Савальскій болѣе восхваляетъ, чѣмъ анализируетъ, и вмѣсто того чтобы дать намъ настоящее научное произведеніе, онъ даетъ лишь слабую попытку его выполненія. И это именно оттого, что онъ подходитъ къ Когену не съ критическимъ масштабомъ, а съ благоговѣйнымъ обожаніемъ. Тамъ, гдѣ хочется видѣть въ разбираемомъ трудѣ сомнѣнія и вопросы, гдѣ эти вопросы сами собою возникаютъ при чтеніи Когена, авторъ спѣшитъ подвести итоги, заполняя пробѣлы расточительными похвалами, и когда у него прерывается нить изслѣдователя, къ его услугамъ готовъ богатый запасъ усвоеннаго имъ панегирическаго лексикона.

Конечно, поклоненіе Когену—это личное дѣло г. Савальскаго, это дѣло вѣры, дѣло спеціальнаго откровенія. Если онъ вѣритъ въ Когена, какъ мусульманинъ въ Магомета, это — интимная область его чувствъ, въ которую мы даже не имѣемъ права вмѣшиваться.

Однако, мы имѣемъ право требовать, чтобы эта спеціальная вѣра автора не отражалась на научномъ характерѣ его работы. Къ сожалѣнію, я не могу сказать, чтобы вѣра г. Савальскаго не оставила слѣдовъ на его научномъ анализѣ. Въ послѣдующемъ разборѣ я и постараюсь указать результаты того своеобразнаго увлеченія автора своимъ предметомъ, которое мы находимъ въ диссертации г. Савальскаго. Мы увидимъ, что это увлеченіе чрезвычайно повредило ему даже въ пониманіи Когена, которому онъ поклоняется, и что получить правильное представленіе объ этомъ философѣ по книгѣ г. Савальскаго невозможно.

II.

Я начну свой разборъ съ указанія нѣкоторыхъ второстепенныхъ погрѣшностей диссертации г. Савальскаго. Эти погрѣшности могли бы показаться мелкими и случайными, если бы онѣ не встрѣчались у нашего автора въ такомъ прискорбномъ изобиліи.

Мелкія въ отдѣльности, онѣ свидѣтельствуютъ въ совокупности о дурной привычкѣ г. Савальскаго обходиться въ иныхъ случаяхъ безъ справокъ и ссылокъ, писать безъ надлежащей вдумчивости и должнаго вниманія, по памяти, сохранившей къ услугамъ автора иногда поверхностныя, а иногда невѣрныя свѣдѣнія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особой дилеттантской манерой, съ небрежнымъ отношеніемъ къ подробностямъ, съ неряшливой обработкой цѣлаго. У г. Савальскаго нѣтъ той критической осторожности, которая составляетъ самое существо научнаго отношенія къ предмету: она замѣняется у него съ одной стороны восторгомъ предъ Когеномъ и нетерпимостью къ иначе мыслящимъ, а съ другой—смѣлостью въ обобщеніяхъ и небрежностью въ доказательствахъ.

Съ первыхъ же строкъ диссертации на 3 стр. я встрѣчаю положеніе, которое заставляетъ меня поставить знакъ вопроса и даже не одинъ, а нѣсколько знаковъ вопроса. «Творческая игра генія,—пишетъ г. Савальскій,—въ непрестанной борьбѣ понятій между собой создаетъ системы, базируя ихъ всякій разъ на одномъ изъ трехъ возможныхъ источниковъ познанія: на чувственномъ опытѣ, разумѣ, интуиціи, въ своихъ заключеніяхъ приводя къ міровоззрѣніямъ матеріализма, идеализма, мистицизма». Спрашивается: откуда г. Савальскій взялъ, что системы философіи базирують всякій разъ на *одномъ* источникѣ познанія; почему онъ утверждаетъ, что матеріализмъ опирается только на чувственный опытъ, если со временъ Демокрита въ немъ можно обнаружить умозрительные и метафизическіе элементы, почему идеализмъ считается опирающимся только на разумъ, если у цѣлаго ряда идеалистовъ можно открыть ярко выраженные мистическіе элементы. Ошибка въ общемъ опредѣленіи тотчасъ же даетъ себя знать въ частномъ выводѣ, ибо на стр. 4 г. Савальскій относитъ къ раціоналистамъ и Платона, и Фихте, и даже Шеллинга, у котораго съ особенной яркостью на ряду съ раціоналистическимъ элементомъ выражается романтическій и религіозный. Здѣсь же на 4 стр. г. Савальскій обнаруживаетъ и злоупотребленіе терминами, имѣющими совершенно опредѣленный смыслъ. Онъ беретъ хорошо извѣстный терминъ Влад. Соловьева: «критика отвлеченныхъ началъ», обозначающій сравнительную оцѣнку отвлеченныхъ началъ съ указаніемъ ихъ необходимаго *синтеза*, и употребляетъ это выраженіе для опредѣ-

ленія *аналитическаго* изслѣдованія отвлеченныхъ началъ въ ихъ самобытномъ развитіи. Столь же произвольно на одной изъ послѣдующихъ страницъ (13) терминъ, «конкретный идеализмъ», употребленный кн. С. Н. Трубецкимъ, г. Савальскій примѣняетъ къ характеристикѣ системы Когена, можно сказать діаметрально противоположной по духу системѣ кн. Трубецкого; при этомъ терминъ «конкретный идеализмъ» онъ путаетъ съ другимъ терминомъ: «положительный идеализмъ», который употребляется Влад. Соловьевымъ и имѣетъ совершенно иное значеніе. Далѣе мы ознакомимся и съ болѣе серьезными философскими прегрѣшеніями автора, я не буду поэтому перечислять тѣхъ многочисленныхъ мелкихъ недоразумѣній, которыя возбуждаются его философскими экскурсами. Перехожу непосредственно къ его страннымъ утвержденіямъ изъ области юриспруденціи. На стр. 216 г. Савальскій говоритъ объ открытіи огромной важности, дѣлающимъ эпоху въ конструкціи понятій юриспруденціи. Это открытіе заключается въ томъ, что юридическое отношеніе имѣетъ свои апріорныя условія, свои необходимыя категоріи, а именно: субъектъ, объектъ, отношеніе и правило отношенія. Юриспруденція, говоритъ г. Савальскій, не понимаетъ этихъ категорій, Когенъ же ихъ установилъ и философски обосновалъ. Замѣчу здѣсь, что самъ Когенъ не въ этомъ полагаетъ свою заслугу и что отъ этого мнимаго открытія юриспруденція даже не пошевеливается. На стр. 217 г. Савальскій уже самъ дѣлаетъ открытіе, хотя и не заявляетъ объ этомъ, считая, что это всѣмъ извѣстно: современное отношеніе родителей къ дѣтямъ, по его мнѣнію, сводитъ родителей «скорѣе на роль попечителей». Почему понятіе попечительства, этого совершенно опредѣленнаго института гражданскаго права, связаннаго съ извѣстнымъ возрастомъ несовершеннолѣтнихъ, считается совпадающимъ съ понятіемъ родительской власти, объ этомъ можно только догадываться. На стр. 292 читателю преподносится открытіе еще болѣе удивительное. Вотъ какъ формулируетъ его г. Савальскій: «юриспруденція, какъ намъ извѣстно, различаетъ правоспособность юридическаго субъекта и его дѣеспособность и эту послѣднюю считаетъ рѣшающимъ для понятія юридическаго субъекта, такъ какъ правоспособный, но не дѣеспособный есть *persona alieni juris* (а не *persona sui juris*), т.-е. въ юридическомъ смыслѣ не есть вполне родившійся, вполне образовавшійся че-

ловѣкъ - лицо». Я не допускаю мысли, чтобы г. Савальскій не зналъ, что рѣшающимъ моментомъ для признанія субъекта права является не дѣеспособность, а правоспособность; едва ли также могъ онъ не знать, что состояніе подвластности въ семейныхъ отношеніяхъ вовсе не совпадаетъ съ понятіемъ недѣеспособности. Очевидно, г. Савальскій употребляетъ эти термины не въ строго-юридическомъ, а въ разговорномъ ихъ значеніи, но эта крайне неосторожная терминологія приводитъ къ весьма страннымъ результатамъ. Столь же странно на стр. 297 читать, что формула, подъ которую юристъ подводитъ юридическое отношеніе, есть формула *do ut des, facio ut facias*. Частный типъ правоотношеній почему-то объявляется тутъ общимъ.

Но еще болѣе непростительны тѣ промахи г. Савальскаго, которые относятся къ области исторіи философіи права, составляющей специальный предметъ его занятій.

На стр. 212 я нахожу у г. Савальскаго слѣдующее утвержденіе: «естественное состояніе было психологіей человѣческой природы и соотвѣтственно рисовало людей или какъ злыхъ и слѣдовательно способныхъ только къ вѣчной войнѣ между собой (Гоббсъ и Спиноза) или какъ добрыхъ и слѣдовательно способныхъ къ миру (Г. Гроцій, Локкъ, Монтескье, Руссо)». Оставляя въ сторонѣ странный стиль автора, у котораго естественное *состояніе* *висуетъ* людей, какъ злыхъ, я спрошу, возможно ли включать въ общую скобку съ одной стороны Гоббса и Спинозу, а съ другой—Гуго Гроція, Локка, Монтескье и Руссо. Въ отличіе отъ Гоббса, Спиноза признавалъ, что люди *отъ природы* стремятся къ гражданскому состоянію (см. напр. *Tractatus Polit.* VI, 1) и хотя въ противорѣчій съ этимъ онъ утверждалъ, что люди по природѣ враги, но именно это противорѣчіе должно было бы удержать г. Савальскаго отъ утвержденія, что по теоріи естественнаго состоянія Спинозы люди «способны *только къ вѣчной войнѣ между собой*». Неправильнымъ является также уравниеніе Локка и Руссо съ Гуго Гроціемъ и Монтескье. Если бы г. Савальскій раскрылъ *De jure belli ac pacis* (Lib. I, cap. II, IV) и *Esprit des lois* (Livre I, ch. II), онъ убѣдился бы въ томъ, что по Гуго Гроцію и Монтескье склонность къ миру и общежитію вытекаетъ не изъ доброты естественнаго человѣка, а изъ его слабости, и что въ частности Гуго Гроцій вовсе не считаетъ естественныхъ людей исключительно добрыми людьми. Скорѣе

можно согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые (какъ напр. проф. Шершеневичъ), считаютъ Гроція близкимъ къ утвержденію, что «враждебное отношеніе другъ къ другу и составляетъ черту первобытнаго состоянія».

На стр. 310 г. Савальскій пишетъ: «въ рѣшеніи этого вопроса Когенъ стоитъ всецѣло на точкѣ зрѣнія новой и новѣйшей культуры, высказанной впервые Макиавелли и сформулированной потомъ у Гуго Гроція: *civitas est perfectus coetus liberorum hominum*». Странно, что «точка зрѣнія новой и новѣйшей культуры» характеризуется у г. Савальскаго формулой, имѣющей весьма древнее происхожденіе. Если бы онъ справился хотя бы въ руководствѣ Чичерина по исторіи политическихъ ученій, онъ узналъ бы, что опредѣленіе Гроція заимствовано у Цицерона и Аристотеля. Утверждать, что эта точка зрѣнія высказана впервые у Макиавелли, сугубо неправильно: и потому, что ее высказывали до него, и потому, что какъ разъ къ ученію Макиавелли о государствѣ, какъ о принудительной и обуздывающей власти, формула Гроція мало подходитъ. Но всего болѣе странно, что у г. Савальскаго и Макиавелли, и Гуго Гроцій, и Когенъ ставятся на одну доску. Непонятно, какъ онъ не замѣтилъ, что опредѣленіе Когена: «государство, какъ міръ духовъ», еще далѣе отстоитъ отъ ученія Макиавелли, чѣмъ формула Гуго Гроція. И если между всѣми этими взглядами есть нѣчто общее, то оно во всякомъ случаѣ можетъ быть установлено не чрезъ формулу Гроція.

На стр. 315 читаемъ слѣдующее: «государственный абсолютизмъ Гоббса и Гегеля есть, на точкѣ зрѣнія научнаго идеализма, тотъ же анархизмъ: они оба возводятъ эмпирическое въ абсолютное, оба отрицаютъ смыслъ и значеніе идеи, какъ регулятивы и максимы». Это явно невѣрное мнѣніе находитъ свое разъясненіе на стр. 359, гдѣ г. Савальскій говоритъ объ «утвержденіи Гегеля, которое гласитъ, что существующее разумно». Знаменитое утвержденіе Гегеля, высказанное имъ въ предисловіи къ «Философіи права», столько разъ подвергалось всяческимъ обсужденіямъ, что для г. Савальскаго стыдно приводить его въ извращенномъ видѣ. Гегель говорилъ о разумности *дѣйствительнаго*, а не существующаго, при чемъ, какъ извѣстно, не все существующее онъ считалъ дѣйствительнымъ. Но, сохранивъ въ своей памяти невѣрную формулу, г. Савальскій безъ колебаній

и оговорокъ отождествляетъ Гегеля съ Гоббсомъ и обвиняетъ его въ отрицаніи «идеи, какъ регулятива и максимы». Тому, кто знакомъ съ «Философіей права» Гегеля, подобныя утвержденія покажутся, конечно, лишь повтореніемъ старыхъ недоразумѣній, давно уже разъясненныхъ въ философской литературѣ.

Всѣ указанные мною недочеты разбираемой книги въ высшей степени характерны, тѣмъ болѣе что они далеко не исчерпаны мною. Они обнаруживаютъ какъ нельзя ярче невниманіе г. Савальскаго къ отѣнкамъ, къ различіямъ. Не разъ встрѣчаемъ мы въ его книгѣ легкое обращеніе съ именами и фактами. Все это свидѣтельствуетъ не о частныхъ и возможныхъ у каждаго промахахъ, а о цѣлой манерѣ, ему лично свойственной.

III.

Я отмѣтилъ до сихъ поръ нѣкоторыя изъ второстепенныхъ упущеній г. Савальскаго, характеризующихъ его дилеттантскую манеру. Невольно возникаетъ вопросъ: только ли въ мелочахъ обнаруживается этотъ дилеттантизмъ, не является ли онъ общимъ тономъ разбираемой книги. Къ сожалѣнію, и на этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно. При значительномъ трудѣ, затраченномъ на свою диссертацию, г. Савальскій не сумѣлъ дать ей надлежащую обработку не только въ частностяхъ, но и въ цѣломъ.

Прежде всего нельзя не обратить вниманія на слѣдующее серьезное обстоятельство. Въ работахъ, посвященныхъ изслѣдованію того или другого ученія, мы привыкли встрѣчать вступительныя главы, въ которыхъ говорится объ идейныхъ вліяніяхъ, подъ которыми сложилась изслѣдуемая доктрина. Съ удивленіемъ приходится констатировать, что у г. Савальскаго ничего подобнаго нѣтъ. Когенъ является у него изъ Канта, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Однако, на стр. 40, а еще яснѣе на стр. 247 самъ г. Савальскій признаетъ, что въ систему Когена «вошли не только элементы изъ Платона, но изъ Фихте и Гегеля». Естественнo было бы дать хотя бы краткую вступительную главу съ анализомъ этихъ элементовъ. Ничего подобного у г. Савальскаго нѣтъ. Особенно больно чувствуется этотъ пробѣлъ въ отношеніи къ Гегелю. Во многихъ отношеніяхъ параллель между Когеномъ и Гегелемъ напрашивается сама собой, а г. Саваль-

скій отдѣляется тутъ лишь краткими замѣчаніями и этотъ существенной важности пунктъ остается у него невыясненнымъ. Еще менѣе выясненнымъ является у г. Савальскаго отношеніе Когена къ Фихте. Въ началѣ своей книги онъ очень категорически утверждаетъ, что «Фихте со всѣмъ своимъ содержаніемъ не дѣлаетъ *никакого шага* впередъ по сравненію съ Кантомъ» (стр. 14); къ концу же работы онъ настолько измѣнилъ свой взглядъ, что указанное категорическое утвержденіе отнесъ къ числу «важнѣйшихъ опечатокъ» своей книги и постарался смягчить его нейтрализующей вставкой. Въ соотвѣтствіи съ этимъ на стр. 300 (въ примѣчаніи) и 304 онъ признаетъ, что Когенъ и въ терминологіи, и въ нѣкоторыхъ общихъ понятіяхъ дѣлаетъ заимствованіе у Фихте. При такой невыясненности вопроса о значеніи Фихте, какъ могъ рѣшить г. Савальскій споръ между неохихтеанцами и марбургской школой. Ни этотъ споръ, ни тѣмъ болѣе споръ между позитивизмомъ, критицизмомъ и мистицизмомъ у г. Савальскаго не только не рѣшенъ, но даже и не поставленъ сколько-нибудь удовлетворительно.

Но я не буду настаивать на этихъ пунктахъ; по сложности своей они, конечно, далеко превышаютъ предѣлы постановки вопроса въ разбираемой книгѣ. Я предъявлю къ диссертации г. Савальскаго минимальныя требованія; я разсмотрю, насколько въ его работѣ выполнены общеобязательныя правила научнаго анализа при изложеніи и истолкованіи Когена. Вѣдь это и былъ въ сущности основной и главный предметъ изслѣдованія г. Савальскаго. Посмотримъ, что онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи.

Научное безпристрастіе требуетъ говорить о предметѣ то, что ему соотвѣтствуетъ, не преувеличивая и не преуменьшая его значенія. Въ изложеніи г. Савальскаго я не нахожу этого безпристрастія: стремясь представить Когена въ видѣ нѣкоторой общеобязательной истины, онъ то подымаетъ его вверхъ, то опускаетъ внизъ и только никакъ не можетъ поставить на собственное мѣсто. Вотъ это я постараюсь теперь показать. Съ самаго начала я встрѣчаю у г. Савальскаго одну любопытную особенность въ постановкѣ вопроса, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что панегирическій стиль его диссертации не представляетъ только внѣшней оболочки его разсужденій, что онъ соотвѣтствуетъ внутреннему существу отношенія г. Савальскаго къ своему предмету.

На стр. 9 онъ пишетъ: «Марбургская школа исходитъ изъ того пониманія Канта, какое развито въ трактатахъ Германа Когена, въ которыхъ по понятіямъ школы, особенно въ лицѣ младшихъ представителей ея, процессъ интерпретаціи Канта закончился и данъ искомый выходъ черезъ Канта и за Канта».

Во всей разбираемой диссертациіи едва ли найдется мѣсто болѣе характерное,—тутъ сказался весь ея догматизмъ, вся ея схоластическая вѣра въ законченные догматическіе итоги, въ окончательно найденные выходы и рѣшенія. Точно такъ же послѣдователи Тома Аквинскаго утверждаютъ, что въ твореніяхъ великаго отца церкви содержится законченная интерпретація Аристотеля. Я понялъ бы еще, если бы г. Савальскій говорилъ объ истолкованіи того или другого изъ отдѣльныхъ взглядовъ Канта,—хотя и здѣсь кто скажетъ, что удалось закончить его интерпретацію. Но г. Савальскій говоритъ о цѣлой системѣ; онъ говоритъ о томъ, что она окончательно разъяснена у Когена въ томъ своеобразномъ истолкованіи Канта, которое есть вмѣстѣ и продолженіе его. И если эту систему г. Савальскій объявляетъ найденнымъ выходомъ и окончательной интерпретаціей Канта, это значитъ, что онъ стоитъ не на научной, а на схоластической точкѣ зрѣнія. Добывая свои рѣшенія и отстаивая ихъ отъ нападеній скептицизма, наука не можетъ считать своего достоинства законченнымъ и неизблемымъ, она предполагаетъ возможность критики, возможность новыхъ рѣшеній, — вотъ этого научнаго и критическаго духа нѣтъ у г. Савальскаго.

Я привелъ сейчасъ одно мѣсто разбираемой книги, изъ котораго можно судить, что у Когена, по мнѣнію г. Савальскаго, интерпретація Канта достигла своего кульминаціоннаго пункта, и затѣмъ не разъ г. Савальскій противопоставляетъ Когеновское пониманіе Канта традиціонному, увѣряя, что сущность Кантовскаго критицизма правильно понимается только у Когена. Однако, онъ не довольствуется этимъ: ему мало сказать, что Когенъ есть удачный истолкователь Канта, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что Когенъ и творецъ новой системы, обозначающей собою поворотный пунктъ въ критической философіи. Казалось бы, что слѣдовало утверждать что-нибудь одно изъ двухъ: или Когенъ *только вѣрный интерпретаторъ* Канта, и тогда г. Савальскій правъ, нападая на невѣрное традиціонное истолкованіе Кантовой системы, или же Когенъ *радикально измѣнилъ* осно-

ванія этой системы, и тогда какой смыслъ имѣютъ нападки г. Савальскаго на традиціонное истолкованіе Канта. Такова дилемма, изъ которой онъ не нашелъ и даже не искалъ выхода, между тѣмъ какъ она неизбежно представляется при внимательномъ изученіи предмета. Онъ запутался въ этомъ пунктѣ въ противорѣчіяхъ настолько очевидныхъ, что надо удивляться, какъ ему самому это не бросилось въ глаза. Достаточно прочесть и сопоставить нѣсколько отдѣльныхъ мѣстъ изъ III главы разбираемаго труда, чтобы видѣть всю противорѣчивость положеній автора.

Такъ, на стр. 111 по поводу изложенія Когеномъ Кантовскаго моральнаго закона онъ пишетъ: «Выводы и заключенія Когена при изложеніи моральнаго закона Канта получаютъ принципиально новый смыслъ и новое значеніе. Это не значитъ, однако, что Когенъ пришелъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ Кантъ, а только, что Когенъ въ ходѣ разсужденій Канта подчеркнул другіе моменты этой дедукціи, чѣмъ это дѣлали философы и комментаторы Канта до сихъ поръ, и такимъ образомъ далъ другое направленіе для логическаго состава понятій критической философіи».

Я рѣшительно не знаю, какъ понять это мѣсто, какъ согласить его внутреннюю противорѣчивость: оказывается, что Когенъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ Кантъ, не пришелъ и, однако, придалъ «принципиально новый смыслъ» и «другое направленіе» критической философіи. Какъ отличить другое направленіе отъ другихъ выводовъ, это остается неяснымъ.

То же противорѣчіе встрѣчаетъ насъ на 117 стр., гдѣ также одновременно утверждается, что Когенъ измѣнилъ «радикально составъ понятій критической философіи» и что къ другимъ выводамъ онъ не пришелъ. Это противорѣчіе находитъ свое объясненіе только въ пристрастіи г. Савальскаго къ Когену: когда нужно упрекнуть другихъ интерпретаторовъ Канта, Когенъ является у него самымъ вѣрнымъ истолкователемъ критической философіи; когда же кажется ему, что для прославленія Когена этого мало, онъ энергично подчеркиваетъ различіе Когена отъ Канта. Такъ на стр. 25 читаемъ:

«Философскій геній Когена вырабатываетъ себя въ тѣснѣйшемъ соприкосновеніи съ Кантомъ и вырастаетъ какъ бы непосредственно изъ него... И тѣмъ не менѣе Когенъ не просто истолкователь Канта. Разницы между Кантомъ и Когеномъ

столько же, сколько разницы между Кантомъ и Фихте, Кантомъ и Гегелемъ, Кантомъ и Шопенгауэромъ...»

Я сдѣлаю наиболѣе благопріятное для г. Савальскаго предположеніе, что онъ относитъ это утвержденіе ко второму періоду въ развитіи Когена, хотя изъ текста разбираемой книги этого и не видно, но вѣдь онъ же самъ разъясняетъ, что между первой и второй системой Когена нѣтъ принципиальнаго различія (142 стр.)

Теперь я хотѣлъ бы указать, къ какимъ дальнѣйшимъ противорѣчіямъ приводитъ г. Савальскаго его стремленіе выдать Когена въ одно и то же время и за вѣрнаго истолкователя системы Канта, и за радикальнаго ея преобразователя. Достаточно привести немногіе примѣры, болѣе характерные.

На стр. 93 г. Савальскій утверждаетъ, что въ критической философіи Канта психологическая и метафизическая дедукція моральнаго закона имѣютъ лишь провизорное и второстепенное значеніе, а *главное значеніе* имѣетъ трансцендентальная дедукція. Но если подъ трансцендентальной дедукціей понимать вслѣдъ за Когеномъ «оріентированіе на фактъ научнаго опыта», то ясно, что Кантъ такой дедукціи въ отношеніи къ моральному закону не далъ. Это настолько безспорно, что г. Савальскій и самъ это признаетъ какъ своими собственными словами, такъ и словами Когена. На стр. 104 онъ говоритъ, что Кантъ не указалъ соотвѣтствующаго факта науки для этики. «Если бы такой фактъ оказался...», замѣчаетъ г. Савальскій, «явилась бы возможность говорить о трансцендентальной (а не только метафизической и психологической) дедукціи понятій этики». Такимъ образомъ здѣсь признается, что Кантъ не далъ трансцендентальной дедукціи понятій этики. Еще яснѣе то же положеніе высказывается на стр. 37. Но въ такомъ случаѣ, какой же смыслъ имѣетъ упрекъ традиціонному пониманію Канта, что оно въ выводеніи моральнаго закона по Канту не даетъ трансцендентальной дедукціи.

Приведу еще одно замѣчаніе г. Савальскаго, высказываемое имъ по отношенію къ традиціонному пониманію Канта. Въ той же третьей главѣ онъ разбираетъ извѣстное обвиненіе въ формализмѣ нравственнаго закона Канта, и на стр. 118 утверждаетъ, что съ точки зрѣнія Когена этотъ упрекъ не имѣетъ никакого смысла. Я самъ считаю и всегда считалъ, что этотъ упрекъ основанъ на недора-

зумѣніи; но сказать, что онъ и вовсе не имѣетъ смысла, это значитъ имѣть въ виду не дѣйствительнаго Канта, а какого-то другого.

Въ самомъ дѣлѣ не кто иной, какъ Когенъ хорошо объяснилъ, что если неправильно упрекать формальный принципъ Канта въ безсодержательности, то съ полнымъ правомъ можно было видѣть у него недостатокъ въ томъ отношеніи, что онъ не указалъ перехода отъ формы къ содержанію, не указалъ связи между формой и содержаніемъ ¹⁾. А между тѣмъ, какъ поясняетъ Когенъ въ другомъ мѣстѣ, безъ этой связи съ опредѣленнымъ содержаніемъ, безъ этого шага къ дѣйствительности самоопредѣленіе остается только задачей ²⁾. Такъ объясняетъ Когенъ обычный упрекъ Канту въ формализмъ его нравственнаго закона. А г. Савальскій говоритъ, что этотъ упрекъ не имѣетъ никакого смысла.

Если бы г. Савальскій потрудился справиться, какъ старые философы критиковали формализмъ Кантовой этики, если бы онъ заглянулъ хотя бы въ «Философію права» Гегеля, онъ увидѣлъ бы, что упреки въ формализмъ не были столь лишены смысла, какъ это ему кажется. Онъ нашелъ бы, что эти упреки въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли въ виду именно тотъ недостатокъ моральной философіи Канта, на который указываетъ и Когенъ.

Вообще говоря, та глава, гдѣ г. Савальскій возстаетъ противъ традиціоннаго пониманія Канта, оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи. Обвиняя это традиціонное пониманіе въ неправильномъ истолкованіи Канта, нашъ авторъ на стр. 68, 99, 104 своего труда *дѣйствительнаго историческаго* Канта толкуетъ такъ, что почти во всемъ совпадаетъ съ этимъ традиціоннымъ пониманіемъ. Оказывается такимъ образомъ, что традиціонное пониманіе г. Савальскій упрекаетъ не въ томъ, что оно невѣрно интерпретируетъ подлиннаго Канта, а въ томъ, что оно несогласно съ Когеновскимъ продолженіемъ Кантовой философіи. И когда недоумѣвающий читатель станетъ доискиваться объясненій, про какого Канта говорится въ трудѣ г. Савальскаго, онъ получитъ отвѣтъ только въ одномъ изъ случайныхъ

1) Ethik des reinen Willens S. 261 (по перв. изд.).

2) Ibid. S. 329.

примѣчаній на стр. 266—267, гдѣ объявляется, что на самомъ дѣлѣ надо имѣть въ виду не одного Канта, а нѣсколькихъ «Кантовъ», такъ какъ есть «Кантъ историческій», «Кантъ традиціонный», «Кантъ марбургскій» и т. д.

Тутъ-то читатель понимаетъ, что когда г. Савальскій упрекалъ обычное воззрѣніе въ неправильномъ пониманіи Канта, онъ имѣлъ въ виду не настоящаго историческаго кенигсбергскаго Канта, а Канта марбургскаго, или, точнѣе говоря, то сложное образованіе, которое самъ онъ называетъ необычнымъ наименованіемъ: «Канто-Когенъ» (стр. 64 примѣч., стр. 277 примѣч. и въ друг. мѣстахъ.)

Однако, порицать обычное воззрѣніе за то, что оно имѣло въ виду Канта, а не «Канто-Когена», и неправильно, и странно ¹⁾. Г. Савальскій смѣшиваетъ въ своей критикѣ два совершенно различныхъ понятія: то, что онъ называетъ «возвращеніемъ къ Канту» и что онъ понимаетъ, какъ *продолженіе* Канта, съ тѣмъ, что всѣ мы называемъ *истолкованіемъ* Канта въ его подлинныхъ и собственныхъ ученіяхъ. Отсюда и получилась та путаница, которую я отмѣтилъ.

IV.

Если нападая на традиціонное пониманіе Канта, г. Савальскій имѣлъ въ виду не настоящаго кенигсбергскаго Канта, а «Канта марбургскаго», какъ онъ выражается, то надо сказать, что и Ко-

¹⁾ Въ числѣ другихъ истолкованій Канта г. Савальскій, между прочимъ, подвергаетъ подробному разбору и мое изложеніе основныхъ началъ критической философіи въ книгѣ „Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ“. Г. Савальскій очень облегчилъ свою задачу, взявъ для разбора мой краткій очеркъ, имѣющій въ моемъ трудѣ лишь вводное значеніе, вмѣсто того чтобы обратиться къ Куно Фишеру и Виндельбанду. Но онъ облегчилъ свой путь и въ другомъ отношеніи, изобразивъ мои взгляды не такъ, какъ они изложены въ моей книгѣ, а такъ, какъ ему нужно было для цѣлей критики. При этомъ получились величайшія странности. Для того, чтобы приписать мнѣ чужіе взгляды, г. Савальскій прибѣгаетъ къ слѣдующему приему: беретъ излагаемая мною положенія Канта и утверждаетъ, что это говорю я (такъ, на стр. 188 онъ цитируетъ въ качествѣ моихъ словъ очень хорошо извѣстное мѣсто „Критики практическаго разума“ въ моемъ изложеніи, между тѣмъ какъ именно въ отношеніи къ этому мѣсту я въ своей книгѣ высказываю извѣстныя сомнѣнія). Въ другихъ же случаяхъ, излагая будто бы мои взгляды, онъ просто пишетъ свое, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мои дѣйствительныя утвержденія. Я бы назвалъ подобное искаженіе

гена онъ изложилъ намъ не настоящаго, не марбургскаго, а развѣ только московскаго. Какъ вмѣсто Канта намъ былъ изображенъ Канта-Когенъ, такъ вмѣсто Когена мы, къ сожалѣнію, получили только Когено-Савальскаго.

Сколько-нибудь удовлетворительное изложеніе взглядовъ Когена мы имѣемъ только въ первыхъ главахъ труда г. Савальскаго, гдѣ рѣчь идетъ о первомъ періодѣ философскаго развитія марбургскаго философа. Но главный предметъ изслѣдованія г. Савальскаго—философія права Когена, а она слагается лишь во второмъ періодѣ. Здѣсь изложеніе нашего автора полно грубѣйшихъ ошибокъ, промаховъ и пробѣловъ. Приходится сказать, что написалъ онъ много, а сказалъ мало, и это оттого, что его книга совершенно необработана: чѣмъ далѣе она подвигается къ концу, тѣмъ болѣе она имѣетъ характеръ черновыхъ записокъ, не сведенныхъ въ систему. Безконечныя длиннѣйшія примѣчанія, въ которыхъ иногда содержится болѣе важное, чѣмъ въ текстѣ, постоянныя отступленія въ сторону и постоянныя повторенія, все это страшно удлинняетъ книгу. При этомъ страсть г. Савальскаго къ полемическимъ выпадамъ нерѣдко заставляетъ его терять путеводную нить: прежде чѣмъ выяснитъ какое-нибудь понятіе, г. Савальскій начинаетъ полемизировать, прерывая на десятки страницъ ходъ послѣдовательнаго изложенія, и читатель вслѣдъ за авторомъ теряется въ этой невозможной череполосицѣ.

Приведу примѣры. На стр. 156 г. Савальскій начинаетъ свой подходъ къ философіи права съ цитаты изъ «Этики чистой воли», кратко и очень неполно указываетъ планъ этики Когена и затѣмъ тотчасъ же переходитъ къ полемикѣ съ Штаудингеромъ и Спекторскимъ. Это ведетъ къ большимъ неудобствамъ для систематическаго изложенія. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать естественному ходу мысли Когена, г. Савальскій слѣдуетъ за возраженіями Спекторскаго, берется тутъ же разяснять по поводу идеи Бога у Когена конецъ его книги, прежде чѣмъ разяснить ея начало, упускаетъ при этомъ изъ виду самое главное и основное понятіе этики Когена, каковымъ является понятіе юридическаго лица, и оставляетъ невыясненной основную методу

моихъ взглядовъ недобросовѣстнымъ, если бы не видѣлъ, что такому же искаженію подверглись у г. Савальскаго и взгляды Когена. Тутъ просто сказалось неумѣнье автора разбираться въ чужихъ воззрѣніяхъ.

этики Когена, т.-е. методу ориентированія этики въ юриспруденціи. Между тѣмъ не выяснить эти два пункта—понятіе юридическаго лица и идею ориентированія этики въ юриспруденціи—это значитъ оставить въ тѣни два центральныхъ и исходныхъ основанія «Этики чистой воли».

Остановимся сначала на второмъ изъ указанныхъ пунктовъ, посмотримъ, какъ понимаетъ г. Савальскій ориентированіе этики въ юриспруденціи. Самъ Когенъ именно въ этомъ полагаетъ главную заслугу своего этического ученія, тотъ шагъ впередъ, который онъ дѣлаетъ по сравненію съ Кантомъ. Понятно, какъ важно выяснить, есть ли тутъ дѣйствительная заслуга или нѣтъ. Къ сожалѣнію, г. Савальскій не только не разъясняетъ этого пункта, а, наоборотъ, запутываетъ и затемняетъ его.

На стр. 152—153 онъ различаетъ два вида ориентированія простое и квалифицированное. Ориентировать просто какое-либо понятіе въ «фактѣ науки» значитъ изложить его, какъ принципъ законмѣрности научнаго познанія; ориентировать понятіе квалифицированно, это значитъ ориентировать его въ фактѣ науки съ цѣлью его обоснованія, изложить понятіе какъ принципъ для дедукціи этого факта. Замѣчаемъ это опредѣленіе и идемъ далѣе.

На стр. 198 и 199 г. Савальскій пытается освѣтить частный вопросъ объ ориентированіи этики въ юриспруденціи, при чемъ онъ считается здѣсь съ возраженіями Спекторскаго. Тутъ начинаются собственныя разъясненія нашего автора, и надо сказать въ высшей степени неудачныя. Для понятія ориентированія этики въ юриспруденціи онъ даетъ не одно, а цѣлый рядъ опредѣленій, противорѣчащихъ другъ другу и невѣрныхъ по существу.

Мы до сихъ поръ слышали отъ г. Савальскаго объ ориентированіи понятій въ фактѣ науки. Но вотъ Спекторскій дѣлаетъ замѣчаніе, что юриспруденція наука несовершенная и что ориентированіе этики въ фактѣ несовершенной науки не можетъ быть плодотворнымъ и полемизируя со Спекторскимъ, г. Савальскій дѣлаетъ неожиданный поворотъ въ сторону. На стр. 198 онъ вдругъ объявляетъ, что когда Когенъ ориентируетъ свою этику въ юриспруденціи, то это ориентированіе касается не теорій о правѣ и государствѣ, а факта права и государства и юриспруденціи, какъ науки, поскольку она въ своихъ ученіяхъ констатируетъ этотъ фактъ.

Я долженъ сказать, что это совершенно непонятно и неприемлемо именно съ точки зрѣнія Когена. Оріентированіе какого-либо понятія не можетъ касаться факта права и государства, а только факта науки о правѣ и государствѣ; если же г. Савальскій далѣе говоритъ, что оно касается юриспруденціи какъ науки, поскольку она въ своихъ ученіяхъ констатируетъ этотъ фактъ, то я замѣчу на это, что такой юриспруденціи, которая бы только констатировала фактъ права и государства, нѣтъ, а если бы и была такая юриспруденція, то на ней нельзя было бы оріентировать ни этики, ни чего-либо другого. Юриспруденція существуетъ именно въ своихъ различныхъ направленіяхъ, которыя не только констатируютъ, но и конструируютъ фактъ права и государства; если же г. Савальскому въ данномъ случаѣ юриспруденція нужна только для того, чтобы констатировать фактъ права и государства, то спрашивается, при чемъ тутъ наука.

Но высказавши свое первое положеніе, г. Савальскій сейчасъ же его бросаетъ и замѣняетъ другимъ: «различныя теоріи объясняющія фактъ права и государства, и различное конкретное историческое содержаніе самаго факта, говоритъ онъ,... все это важно постольку, поскольку удостовѣряетъ наличность факта юридическаго опыта. Оріентированіе происходитъ не въ теоріяхъ объ этомъ фактѣ, а въ самомъ фактѣ, въ тѣхъ его условіяхъ, которыя дѣлаютъ его логически возможнымъ». Но неужели г. Савальскій не понимаетъ, что фактъ юридическаго опыта не то же, что фактъ права и государства, а условія, которыя дѣлаютъ юридическій опытъ логически возможнымъ, не то же, что констатированіе факта права и государства.

Не удовлетворившись этимъ, г. Савальскій дѣлаетъ третій и новый поворотъ мысли: «чтобы сказать предварительно проще и популярнѣе, создается своя теорія юридическаго опыта и въ немъ, этомъ опытѣ оріентируются понятія этики». — Это по крайней мѣрѣ понятно, но сдѣлавъ это утвержденіе, г. Савальскій не замѣтилъ, что попалъ въ очень опасное положеніе и въ противорѣчіе съ своимъ первымъ опредѣленіемъ — тамъ онъ говорилъ, что оріентированіе касается не теорій о правѣ и государствѣ, которыхъ много и которыя противорѣчатъ другъ другу, теперь же онъ утверждаетъ, что для оріентированія создается своя теорія юридическаго опыта, т.-е. берется одна изъ теорій, которая можетъ оказаться и невѣрной.

Но недоразумѣнія этимъ не кончаются. На той же самой 199 стр. г. Савальскій даетъ еще новое, по счету четвертое, опредѣленіе ориентированія: «ориентированіе, говоритъ онъ, отнюдь не означаетъ уравниенія, или подмѣны и замѣны однихъ понятій другими, а является указаніемъ сходства и различія, въ которомъ при подробномъ разсмотрѣніи чѣмъ напряженнѣе выступаютъ сходства, тѣмъ напряженнѣе различіе». Но въ такомъ случаѣ что же новаго представляетъ собою это пресловутое ориентированіе этики въ юриспруденціи. Вѣдь если рѣчь идетъ только о сравненіи этическихъ понятій и юридическихъ и объ указаніи ихъ сходства и различія, то въ такомъ случаѣ всѣ мы согласны съ Когеномъ и не видно, въ чемъ его особенность. Полемизируя со Спекторскимъ, г. Савальскій старается придать мысли Когена по возможности безобидный и удобопріемлемый видъ, но въ результатѣ изъ оригинальной эта мысль дѣлается банальной. Становится совершенно непонятнымъ, почему это ранѣе у г. Савальскаго говорилось о грандіозныхъ замыслахъ Когена, объ его ослѣпительно-яркихъ мысляхъ. Тутъ намъ приходится взять Когена подъ защиту отъ истолкованій г. Савальскаго. Мысль объ ориентированіи этики въ юриспруденціи совершенно неудачна, но она вполне оригинальна, она приводитъ къ совершенно особенному построенію этической системы. Это какъ разъ и не выяснено у г. Савальскаго.

Въ связи съ этимъ стоитъ другой пунктъ, на который я указалъ: г. Савальскій совершенно не понялъ той центральной роли, которая принадлежитъ у Когена идеѣ юридического лица. И здѣсь опять-таки мы встрѣчаемся съ совершенно оригинальной особенностью въ этическомъ ученіи Когена: г. Савальскій ея не замѣтилъ.

На стр. 158 нашъ авторъ приводитъ то мѣсто изъ «Этики чистой воли», въ которомъ Когенъ устанавливаетъ свои основныя положенія. Г. Савальскій обрываетъ цитату какъ разъ передъ тѣми словами, гдѣ Когенъ, самъ подчеркивая свою мысль, переходитъ къ идеѣ юридического лица.

На стр. 170 г. Савальскій лишь мимоходомъ роняетъ неясную фразу, что въ юриспруденціи, именно въ понятіи субъекта права, юридического лица, этика находитъ базу для своего понятія человѣка. Тутъ онъ опять подходитъ къ понятію юридического лица, излагаетъ чрезвычайно важныя для Когена стр.

66—78 («Этики чистой воли») и опять упускаетъ въ своемъ изложеніи тѣ пункты, гдѣ у Когена говорится болѣе выпукло о юридическомъ лицѣ. Между прочимъ г. Савальскій упускаетъ изъ вида, что Когенъ говоритъ не объ ассоціаціяхъ вообще, а объ *юридическихъ* ассоціаціяхъ (S. 72), дѣлая удареніе на терминѣ: *юридическій*. Затѣмъ отъ ассоціацій г. Савальскій прямо переходитъ къ государству, между тѣмъ какъ у Когена государство становится основнымъ понятіемъ только чрезъ понятіе юридического лица, являясь, по его выраженію образцовымъ примѣромъ понятія юридического лица для понятія нравственнаго челоѣка (Ethik des r. W. S. 75).

На стр. 305 г. Савальскій еще разъ по ходу изложенія приближается къ другому отдѣлу «Этики чистой воли», гдѣ Когенъ снова очень опредѣленно подчеркиваетъ значеніе въ его теоріи идеи юридического лица, и въ третій разъ онъ пропускаетъ соотвѣтствующія разъясненія излагаемаго философа (S. 212 — 257 Ethik d. r. W.).

Въ этихъ систематическихъ упущеніяхъ я вижу результатъ неяснаго представленія о томъ значеніи, которое принадлежитъ у Когена понятію юридического лица. Въ этомъ убѣждаетъ меня и то, что когда г. Савальскій на стр. 311 наконецъ-то кратко и бѣгло касается этого важнаго для Когена пункта, онъ переворачиваетъ ходъ мысли Когена и пропускаетъ болѣе важныя для него мѣста. Это легко показать, сличивъ шагъ за шагомъ изложеніе г. Савальскаго съ подлиннымъ текстомъ Когена.

Понятно, что г. Савальскій даже и не поставилъ себѣ вопроса, правъ ли Когенъ въ своемъ пониманіи юридического лица? Вѣдь это идея далеко не безспорная. Не говоря уже о томъ, что были теоріи, совершенно отрицающія понятіе о юридическомъ лицѣ, какъ особомъ субъектѣ права, въ новѣйшее время выдвигаются ученія, которыя въ опредѣленіи юридического лица противопоставляютъ этическому моменту техническій и устраняютъ моральную сторону этого понятія. Такой поворотъ мысли совершенно не подкрѣпляетъ паѣоса Когена въ отношеніи къ юридическому лицу. Если г. Савальскій ни о чемъ этомъ не упоминаетъ, это служитъ только лишнимъ подтвержденіемъ, что онъ не уяснилъ себѣ самага центрального хода въ ученіи Когена.

Но пробѣлы въ книгѣ г. Савальскаго этимъ не ограничиваются: совершенно неудовлетворительнымъ является и его изложеніе

ученія Когена о государствѣ. Въ апофеозѣ государства самъ г. Савальскій видитъ вѣнецъ этики Когена. Тѣмъ болѣе лежала на немъ обязанность подробнѣе выяснитъ развитіе этой идеи въ «Этикѣ чистой воли».

Что же мы находимъ по этому вопросу у нашего автора? Нѣсколько бѣгло написанныхъ страницъ въ концѣ книги, въ которыхъ самые трудные пункты скрыты, самыя серьезныя противорѣчія не указаны. Этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе непростителенъ, что самъ Когенъ въ соответствующихъ мѣстахъ указалъ возможность возраженій, которыя могутъ быть ему сдѣланы, и отмѣтилъ затрудненія, которыя связаны съ его ученіемъ. Г. Савальскій вмѣсто этого стремится представить взгляды Когена на государство въ ясномъ и непротиворѣчивомъ единствѣ. Удивительно, что имъ почти не подвергнута анализу IX глава «Этики чистой воли» (объ идеѣ Бога), въ которой понятіе государства представляется въ новомъ освѣщеніи.

Основной взглядъ Когена на государство выражается въ его утвержденіи на стр. 230 («Этики чистой воли»), что значеніе государства лежитъ не въ его актуальной дѣйствительности, а въ его достоинствѣ, какъ *руководящаю этическаю принципа самосознанія*. У Когена есть цѣлый рядъ выраженій, подчеркивающихъ эту руководящую нравственную роль государства, и читая эти выраженія, получаешь впечатлѣніе, что здѣсь воспроизводится ученіе Гегеля съ его признаніемъ за государствомъ значенія нравственной субстанціи, на лонѣ которой воспитывается личность. У Когена, какъ и у Гегеля, государство говоритъ лицу: только во мнѣ и черезъ меня ты можешь достигнуть истиннаго чело-вѣческаго самосознанія (S. 231).

Однако, изъ дальнѣйшаго оказывается, что Когенъ не только не раздѣляетъ взгляда Гегеля на государство, какъ на дѣйствительность нравственной идеи, но даже считаетъ этотъ взглядъ тяжелой ошибкой (S. 372). Въ противоположность Гегелю онъ полагаетъ, что дѣйствительность нравственности слѣдуетъ искать въ той цѣли, которая поставлена нравственному дѣйствию,—въ томъ, чтобы быть безконечнымъ (S. 380). Эту безконечность мы находимъ въ чело-вѣчествѣ: въ немъ заключается высшее выраженіе самосознанія нравственной личности (S. 390).

Казалось бы, что тутъ есть очевидное противорѣчіе: ранѣе (S. 76) утверждалось, что высшая цѣль этики—единство чело-

вѣка—достигается въ государствѣ, теперь же дѣйствительность нравственной идеи усматривается въ безконечномъ развитіи человечества. Самъ Когенъ видитъ, что тутъ можно усмотрѣть противорѣчіе, и спѣшитъ отразить его замѣчаніемъ, что между государствомъ и человечествомъ существуетъ соотношеніе, такъ какъ государство только въ союзѣ всего человечества, а человечество только въ союзѣ государствъ находитъ свое завершеніе (S. 411).

Нельзя сказать, чтобы это разъясненіе представляло надежный выходъ изъ затрудненія. Прежде всего естественно спросить, что разумѣется здѣсь подъ союзомъ государствъ? Терминъ *Saatenbund* берется тутъ, очевидно, не въ обычномъ юридическомъ смыслѣ договорнаго соединенія государствъ для извѣстныхъ цѣлей: здѣсь разумѣется та связь между государствами, которая объединяетъ ихъ въ единое человечество и которая стоитъ надъ ними, какъ *нѣчто высшее*. Но въ такомъ случаѣ то значеніе, которое придавалось ранѣе государству, ослабляется.

Подчиняя государство идеѣ человечества, Когенъ вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняетъ, что государство, какъ этический принципъ, есть государство справедливости, которое своей единственной цѣлью имѣетъ нравственное самосознаніе (S. 582).

Наконецъ, какъ опору для вѣры, что, несмотря на всѣ искаженія и затемненія путей права и государства, человечеству все-таки обезпеченъ вѣчный прогрессъ къ добру, Когенъ вводитъ въ свое построеніе идею Бога (S. 428).

Таковъ сложный ходъ мысли Когена. Идея государства входитъ тутъ въ сочетаніе съ другими идеями и подчиняется имъ, ея руководящее нравственное значеніе ограничивается ея связью съ другими принципами. У г. Савальскаго вся эта сложность исчезаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрывается органическая связь отдѣльных элементовъ мысли Когена. Объ идеѣ Бога г. Савальскій говоритъ ранѣе, при разборѣ возраженій Спекторскаго, и внѣ связи съ общимъ ходомъ мысли Когена въ IX-й главѣ; о союзѣ государствъ, къ которому Когенъ возвращается нѣсколько разъ, онъ и вовсе не упоминаетъ, равно какъ не упоминаетъ и о проблемѣ соотношенія между государствомъ и человечествомъ. Но болѣе того: попытка г. Савальскаго разъяснить апоѳеозу государства не только не освѣщаетъ, а скорѣе запутываетъ дѣло. Разъясняя смыслъ утвержденія, что «государство

является руководящимъ для самосознанія индивида», г. Савальскій на стр. 318 приходитъ къ заключенію, что есть нѣчто третье, чему подчиняются индивидъ и государство, а именно—идея лица, самосознаніе, нравственный разумъ; и потому, какъ утверждаетъ самъ авторъ, индивидъ правъ и подчиняясь государству, и уклоняясь отъ подчиненія ему, соотвѣтственно своему моральному творчеству. Но вѣдь это весьма отличается отъ того, чему учить Когенъ: центръ тяжести переносится тутъ въ личное моральное творчество, тогда какъ у Когена онъ лежитъ въ руководящемъ значеніи идеи государства. Нельзя не сказать, что тутъ снова мы достигаемъ пункта, гдѣ подлинная мысль Когена выбрасывается за бортъ. Г. Савальскій устраняетъ оригинальный оттѣнокъ его системы, замѣняя его своими собственными разсужденіями. Если бы вмѣсто этого г. Савальскій произвелъ настоящій анализъ IX главы «Этики чистой воли», онъ, можетъ быть, убѣдился бы, что весь замыселъ Когена объ ориентированіи этики въ юриспруденціи и о трансцендентальной дедукціи моральнаго закона терпитъ здѣсь свое крушеніе.

V.

Я поставилъ своей цѣлью показать, насколько вѣрно изложилъ г. Савальскій Когена. Послѣ разбора *самыхъ основныхъ* пунктовъ «Этики чистой воли» въ освѣщеніи г. Савальскаго, мы могли убѣдиться, что *ни одинъ изъ этихъ пунктовъ* у него не выясненъ: почти сплошь они даже не поняты имъ.

На страницахъ этого журнала нѣтъ направленій покровительствуемыхъ и угнетаемыхъ; но ко всѣмъ направленіямъ специальный органъ русской философской мысли долженъ предъявить одинаковыя требованія законченности и послѣдовательности. Разбирая съ этой точки зрѣнія произведеніе г. Савальскаго, мы должны сказать, что оно заслуживаетъ полной мѣры порицанія, которая въ подобныхъ случаяхъ можетъ имѣть мѣсто. Нѣкоторую пользу могла бы принести первая часть книги, въ которой излагается ученіе перваго періода въ развитіи Когена, но и эта часть проигрываетъ какъ отъ обычныхъ недостатковъ изложенія автора, такъ и отъ связи со второй частью, въ которой позднѣйшее ученіе Когена передается въ совершенно искаженномъ видѣ. Для пользы дѣла г. Савальскому слѣдовало бы всю

эту часть радикально переработать, ибо въ своемъ настоящемъ видѣ она непригодна для ознакомленія съ «Этикой чистой воли».

Но эта переработка можетъ удался г. Савальскому лишь тогда, когда онъ болѣе серьезно займется своимъ предметомъ и отрѣшится при этомъ отъ ферулы Когена. Обидно и горько, что скудныя у насъ научныя силы вступаютъ на ложный путь суетнаго догматизма, вмѣсто того, чтобы укрѣплять въ себѣ духъ анализа и критики. И вдвойнѣ обидно и горько, когда въ области философіи права ищутъ руководства въ мертвящей схоластикѣ Германа Когена. Г. Савальскій нашелъ у него бѣшеніе эпохи возрожденія, а въ наше время поднимаются проблемы страшной сложности и остроты, которыя и не снились старымъ эпохамъ и вѣкамъ. Предъ этой совокупностью современныхъ исканій система марбургскаго профессора предстаетъ во всей скудости и безпомощности неудачнаго кабинетнаго измышленія ¹⁾.

П. Новгородцевъ.

¹⁾ Блестящую характеристику этической системы Когена во всей ея недостаточности и односторонности далъ кн. Е. Н. Трубецкой въ этомъ журналѣ, кн. 97. Изъ его краткой статьи читатель почерпнетъ болѣе для знакомства съ Когеномъ, чѣмъ изъ обширнаго тома г. Савальскаго.

Отчетъ о международномъ конгрессѣ по психологіи въ Женевѣ 1909 г.

I.

Шестой международный конгрессъ по психологіи въ Женевѣ отъ 3—7-го августа 1909 года, несмотря на свою разностороннюю программу, не былъ однако слишкомъ хаотиченъ и далъ много цѣннаго его участникамъ. Цѣльности вынесеннаго впечатлѣнія много способствовала инициатива организаціоннаго комитета, заранѣе намѣтившаго программу съ цѣлью ограничить число сообщеній по отдѣльнымъ, произвольно избираемымъ докладчиками вопросамъ. Мѣра эта понизила количество этихъ случайныхъ докладовъ съ 200, фигурировавшихъ на предыдущемъ международномъ съѣздѣ, до 40, что значительно облегчило задачу устроителей и внесло большую стройность и систематичность въ расписаніе занятій.

Собравшаяся многочисленная аудиторія философовъ въ первоначальномъ значеніи слова, т.-е. любителей мудрости (превышавшая вмѣстѣ съ профессиональными философами и психологами 500 человекъ), наглядно убѣдилась на конгрессѣ, какъ широка и всеобъемлюща психологія, какъ велико количество дифференцировавшихся ея вѣтвей и какого жгучаго интереса не только для спеціалистовъ, но и для большой публики, полны ея проблемы, о чемъ свидѣтельствовало уже переполненіе аудиторій на засѣданіяхъ, назначавшихся по одному и тому же вопросу.

Программа конгресса была дѣйствительно разносторонняя.

На ряду съ состояніями сознанія, онъ удѣлилъ особое мѣсто психологіи и подсознательныхъ явленій; оставивъ въ сторонѣ познаніе и волю, сосредоточилъ свое вниманіе на изученіе чув-

ства и, въ частности, религіознаго чувства; удѣлилъ мѣсто и сравнительной психологіи, посвятивъ нѣсколько засѣданій психологіи животныхъ. Наконецъ, кромѣ вопросовъ, касающихся *содержанія* душевныхъ явленій, были разработаны вопросы *методологическіе*, рассмотрѣно *приложеніе* психологіи къ нормальной и врачебной педагогикѣ и поставленъ вопросъ *формальной* характера о внѣшнемъ усовершенствованіи психологической дисциплины, необходимомъ въ видахъ наиболѣе плодотворной коллективной, международной работы въ области изученія душевныхъ явленій.

По этому послѣднему вопросу предложено ввести нѣкоторые общіе приемы при экспериментальномъ изслѣдованіи душевныхъ явленій, главнымъ образомъ, въ примѣненіи къ показаніямъ экспериментируемаго лица (докл. д-ра филос. *Otto Lipmann*, Берлинъ: *Die Wertung der Resultate von Aussage-Experimenten*).

Затѣмъ указана желательность общепринятой классификаціи и номенклатуры (при помощи цифровыхъ знаковъ) красокъ, число которыхъ, по докладу проф. *Thiery* (Louvain) доходитъ до 80.000 оттѣнковъ. Такая классификація значительно облегчила бы работы экспериментаторовъ въ данной области. Въ результатѣ докладовъ (проф. физиол. *Nagel*, Роштокъ, Германія; завѣд. лабор. произв. гобеленовъ *Th. Valette*; проф. физиол. *Asher*, Бернъ; проф. *Thiery*, указывавшихъ на трудности подобной классификаціи, въ связи съ нѣкоторыми проектами)—для выработки классификаціи избрана международная комиссія, въ которую вошли: *Nagel*, *Asher*, *Thiery*, *Yerkes* (Нью-Йоркъ), *Larguier* (Лозанна).

По тому же вопросу *формальной* усовершенствованія ради внутренняго прогресса докладчики проф. псих. *Baldwin* (Америка) и проф. псих. *Claparède* (Женева), каждый со своей стороны, указывали, въ виду существующаго смѣшенія психологическихъ терминовъ и понятій, на необходимость упорядоченія психологической терминологіи cadaго изъ языковъ, взятаго въ отдѣльности, и выработки, если не тождественной, то, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствующей, равнозначной *международной* терминологіи—на основаніи предложенныхъ ими общихъ принциповъ, въ связи съ требованіями cadaго языка. Делегатъ Франціи проф. филос. *Bertrand* (Ліонъ) предложилъ начать предстоящую работу съ точнаго опредѣленія къ слѣдующему конгрессу

нѣкотораго, очень небольшого количества психологическихъ терминовъ.

Предсѣдатель общества эсперантистовъ *René de Saussure* (Женева) и три другихъ эсперантиста (Англія, Швейцарія, Россія), говоря на своемъ языкѣ (включенномъ въ число пяти официальныхъ языковъ конгресса, что не мѣшало, однако, нѣкоторой части присутствующихъ выразить неудовольствіе по поводу его употребленія) и отмѣчая его достоинства для международного обмѣна мыслей, обратили вниманіе конгресса на подготовительные труды эсперантистовъ по выработкѣ научной международной терминологіи.

Въ связи съ вопросомъ о терминологіи завѣд. псих. лабор. *Courtier* (Парижъ) внесъ свой проектъ, заслушанный предварительно въ секціи *Institut général psychologique* въ Парижѣ¹⁾ и представляющій цѣлую систему символовъ и знаковъ примѣнительно къ психологіи, по образцу химіи и математики—своего рода стенографію для международного употребленія, подвергнувшуюся критикѣ со стороны проф. псих. *Ferrari* (Болонья).

По обсужденіи вопроса о терминологіи, избрана комиссія (*Baldwin, Claparède, Lipmann, Ferrari*) и на нее возложено составленіе доклада къ слѣдующему конгрессу объ общихъ мѣрахъ единства примѣнительно къ психологіи.

Надо надѣяться, что избранная комиссія отнесется отрицательно къ проекту *Courtier*, такъ какъ при всей желательности исполнѣ установленнаго единообразія въ употребленіи терминовъ, что, дѣйствительно, должно значительно облегчить и упростить пониманіе и разрѣшеніе психологическихъ вопросовъ — предложенная имъ символика не только сдѣлаетъ психологическія сочиненія доступными однимъ спеціалистамъ и послужить препятствіемъ къ весьма желательной и цѣнной популяризаціи науки,

¹⁾ Цѣль этого учрежденія, существующаго со времени международного конгресса по психологіи въ Парижѣ въ 1900 г. содѣйствіе всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами общему развитію психологіи. Институтъ устраиваетъ публичные доклады, организуетъ цѣлый рядъ собственныхъ засѣданій по секціямъ, издаетъ журналъ, открываетъ психологическія и физиологическія лабораторіи. Предс. акад. *d'Arsonval*; секретарь *С. Юрьевичъ* (состоитъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ). Во время Женеваго конгресса въ частномъ засѣданіи члены института познакомили присутствующихъ съ задачами института.

она, кромѣ того, положить предѣлъ естественному росту психологическихъ понятій, среди которыхъ далеко еще не всѣ вполнѣ опредѣлились; помимо этого, въ интересахъ научности, врядъ ли позволительно совокупность сложныхъ, безконечно подвижныхъ и разнообразныхъ явленій, замыкать въ сухія таблицы ничего не говорящихъ, мертвыхъ буквъ и цифръ.

II.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію вопросовъ по существу, раскрывающихъ содержаніе психологіи и психологическаго изслѣдованія, мы, прежде всего, отмѣтимъ въ работахъ конгресса въ указанномъ направленіи *методологическую* точку зрѣнія, сказавшуюся не только тамъ, гдѣ специально имѣлось въ виду разсмотрѣть и установить наиболѣе плодотворные приемы душевныхъ явленій, но также въ разработкѣ такихъ общихъ вопросовъ, какъ психологія религіозныхъ явленій, психологія чувства, психологія подсознательнаго и, наконецъ, психологія животныхъ.

Ни по одному изъ перечисленныхъ вопросовъ конгрессъ не могъ придти къ крупнымъ результатамъ, такъ какъ докладчики, пользуясь каждый своимъ методомъ, стояли на разныхъ, часто непримиримыхъ точкахъ зрѣнія и не понимали другъ друга. Во всѣхъ указанныхъ областяхъ обнаружилось удивительное разногласіе въ истолкованіи душевныхъ явленій, и пренія уходили не на углубленіе вопроса, что было бы наиболѣе существенно, но возможно только при условіи *одной* руководящей точки зрѣнія,—а на защиту каждымъ своего метода, и вся работа конгресса во всѣхъ этихъ направленіяхъ можетъ быть охарактеризована не болѣе, не менѣе, какъ исканіе метода. Разумѣется, и это—почтенная задача. Вотъ почему, хотя изъ обсужденія не было вынесено систематически стройныхъ, цѣнныхъ знаній по каждому вопросу, однако, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ получилось нѣчто положительное, такъ какъ всякое разностороннее освѣщеніе вопроса, ничего не разрѣшая и не сообщая по существу, ставитъ тѣмъ не менѣе путеводныя вѣхи изслѣдованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ особенно очевидной простую истину: чтобы столкнуться и придти къ чему-нибудь, надо говорить на одномъ языкѣ, употреблять одно и то же орудіе изслѣдованія.

Перейдемъ къ фактамъ. Въ вопросѣ о религіозныхъ состояніяхъ сознанія извѣстный психологъ *Höffding* (Копенгагенъ) въ своемъ докладѣ *Problème et méthode de la psychologie de la religion*, пользуясь чисто психологической точкой зрѣнія, охарактеризовалъ данныя явленія, какъ фактъ опыта, независимо отъ того, отмѣчается ли онъ при помощи субъективнаго или объективнаго наблюденія, т.-е. переживаетъ ли его въ себѣ самъ наблюдатель или только отмѣчаетъ религіозныя проявленія въ другихъ. Всякое чувство есть слѣдствіе какой-нибудь потребности низшаго или высшаго характера, потребности къ достиженію извѣстныхъ цѣнностей; что касается религіознаго чувства, оно возникаетъ, въ связи съ сознаніемъ собственной ограниченности, безсилія, какъ слѣдствіе оцѣнки нашего индивидуальнаго опыта въ достиженіи цѣнностей, при чемъ, въ зависимости отъ опыта, принимаетъ тотъ или другой оттѣнокъ: страха, надежды, смиренія радости или горя; благоговѣнія или негодованія и пр.

Разграниченіе потребностей — органическихъ, интеллектуальныхъ, эстетическихъ и моральныхъ совершается только на извѣстной ступени человѣческаго развитія, что отражается на характерѣ религіи.

Въ классическую эпоху религія включаетъ въ себя и знаніе, и нравственность, вообще, всю духовную жизнь; все въ Богѣ для Блаженнаго Августина. Обособленіе религіозныхъ интересовъ свидѣтельствуетъ о новомъ критическомъ періодѣ, когда только и становится возможной психологія религіи. Съ развитіемъ человечества измѣняется и содержаніе религіи: въ естественной религіи человѣкъ стремится къ сохраненію своего физическаго существованія, какъ наивысшей цѣнности; въ моральныхъ религіяхъ роль цѣнности играетъ нравственность.

Наконецъ, религія должна разсматриваться не только какъ индивидуальный фактъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ социальное явленіе, испытывающее вліяніе среды, традицій, а также личности великихъ основателей религій.

По мнѣнію другого изслѣдователя психологіи религіозныхъ явленій *James Leuba* (Брун Мауѳ), выдвинувшаго въ своемъ сообщеніи биологическую точку зрѣнія, философы слишкомъ субъективно судятъ о всякомъ религіозномъ сознаніи приписывая ему непремѣнно возвышенный характеръ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности религія есть проявленіе *всѣхъ жизненныхъ силъ*,

стремленіе къ удовлетворенію потребностей, къ достиженію цѣнностей при содѣйствіи сверхчеловѣческой силы или Бога. Область религіознаго опыта такъ же подлежитъ научному изученію, какъ и прочія явленія душевной жизни.

Въ преніяхъ, продолжавшихся нѣсколько засѣданій, разбирались вопросы о причинности религіозныхъ состояній сознанія, о значеніи личнаго религіознаго опыта, о связи религіозныхъ явленій съ аномальными состояніями сознанія, о взаимоотношеніи религіи и науки, религіи и социологіи, религіи и теологіи.

Въ защиту теологіи выступилъ краснорѣчивый ораторъ іезуитъ *Racheu*; убѣжденный мистикъ *Лютославскій* (Варшава) свидѣтельствовалъ передъ многочисленной аудиторіей о собственномъ обращеніи къ вѣрѣ и другихъ фактахъ религіознаго опыта; психіатры (*Ladame*, Женева, и др.) предлагали примѣнить къ изученію религіозныхъ явленій психопатологическій методъ; было сдѣлано предложеніе, повидимому, матеріалистомъ, не считающимся съ душевными явленіями и отрицающимъ значеніе самонаблюденія, проф. фізіол. *Raphael Dubois* (Ліонъ) совершенно исключить религію изъ сферы научнаго изученія, какъ чисто догматическую область.

Психологическая, біологическая, теологическая, мистическая, психопатологическая, матеріалистическая точки зрѣнія выдвигались одна за другой. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ ораторы (*Лютославскій*, *Racheu*), увлеченные миссіонерскимъ пыломъ, все болѣе и болѣе переходили изъ области науки на религіозную почву, въ область вѣры, вдаваясь въ анализъ мистическихъ переживаній. Въ заключеніе преній проф. *Höffding* еще разъ указалъ апологетамъ религіи, что наука, какъ таковая, должна искать *естественнаго* объясненія явленій и если мы не можемъ найти причины явленій, мы еще не въ правѣ заключать о причинѣ сверхестественнаго характера.

Предс. конгресса проф. *Flournoy* (Женева), подтвердивъ эту же мысль, напомнилъ, что наука не можетъ ни доказать, ни опровергнуть существованія Бога, и за предѣлами науки намъ остается область вѣры, коренящейся въ нашихъ эмоціяхъ и въ нашей волѣ.

Такимъ образомъ, въ итогъ четырехъ засѣданій и горячихъ преній получился выводъ, что религіозныя переживанія являются фактомъ психологическаго опыта и должны быть разсматривае-

мы въ психологіи только съ психологической, а не метафизической точки зрѣнія, но этотъ выводъ и былъ исходнымъ пунктомъ доклада Геффдинга, и пренія (правда, отрицательнымъ путемъ) только подчеркнули его справедливость.

III.

По вопросу о психологіи чувствованій интересный докладъ представилъ проф. филос. *Külpe* (Würzburg). Указавъ отличительные признаки чувствованій и признаки, общіе съ другими душевными явленіями, и представивъ своеобразную классификацію видовъ чувствованій, на ряду съ краткимъ перечисленіемъ теорій, авторъ доклада подробно остановился на *методахъ* и результатахъ изслѣдованія, отмѣчая трудности послѣдняго.

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, докладъ не былъ обсужденъ и вызвалъ лишь нѣсколько замѣчаній частнаго характера (напр. наблюденіе проф. филос. *Bovet* (Невшатель), что терминъ чувство прилагалось экспериментируемыми имъ субъектами къ самымъ разнообразнымъ состояніямъ сознанія и, слѣдовательно, употребляется, вообще, въ самыхъ различныхъ смыслахъ и т. п.).

Докладомъ проф. *Külpe* и небольшимъ сообщеніемъ проф. филос. *Ogden* (Америка) о связи эстетическаго состоянія съ различными проявленіями чувства былъ, собственно говоря, исчерпанъ весь отдѣлъ о чувствованіяхъ, такъ какъ работа д-ра *Sollier* (Франція) *Le sentiment cénesthésique*, тоже причисленная къ этой категоріи, носила чисто спеціальный характеръ, касаясь явленія, съ одной стороны граничащаго съ ощущеніями, съ другой—проливающего свѣтъ на факты раздвоенія личности.

По теоріи докладчика чувство, называемое имъ *ценестезическимъ*, присоединяясь къ органическимъ ощущеніямъ, (съ которыми его часто смѣшиваютъ), сообщаетъ имъ характеръ *личныхъ* ощущеній; при отсутствіи этого чувства органическія ощущенія переживаются нами, но не относятся къ нашему я (раздвоеніе личности); такимъ образомъ, чувство это составляетъ одинъ изъ элементовъ личности. Иначе говоря, гипотеза *Sollier* указала новый *путь* для изученія явленія раздвоенія личности.

Специалистами по данному вопросу (невр. *Morton Prince*—Бостонъ, д-ръ *Leroy*—Парижъ, проф. *Bertrand*—Ліонъ, проф. *Leuba*

и др.) высказаны замѣчанія, отнюдь не подорвавшія *методологическаго* значенія предложенной гипотезы, но отмѣтившія трудности, съ которыми надо считаться при изслѣдованіи, при чемъ г. *Лютославскій* указалъ на необходимость различенія я и личности.

Явленіе раздвоенія личности естественнымъ образомъ выдвинулось и въ вопросѣ о подсознательныхъ состояніяхъ. Въ этомъ вопросѣ, опять съ поразительной ясностью, обнаружилось различіе принятыхъ докладчиками *методовъ* изслѣдованія.

Проф. фил. *Dessoir* (Берлинъ), исходя изъ понятія *сознаніе* и отмѣчая въ подсознательныхъ состояніяхъ ту же характерную черту, что и въ сознаніи, а именно—*связываніе, синтезъ*, прибѣгъ для своего изслѣдованія къ *психо-аналитическому методу* и попытался при его помощи отмѣтить основныя особенности подсознательныхъ состояній.

Проф. *Morton Prince*, избравшій *психо-физиологическій методъ*, пошелъ еще далѣе въ своемъ анализѣ и, подраздѣливъ всѣ подсознательныя явленія на *сосознательныя* (*coconscious*), имѣющія такой же психическій характеръ, какъ и явленія сознанія (то же, что у *Dessora*) и *безсознательныя* (*unconscious*), являющіяся результатомъ физиологическихъ, мозговыхъ процессовъ и только въ итогѣ сопровождающіяся сознаніемъ.

Наконецъ, д-ръ *Pierre Janet* (Парижъ) ограничился въ своемъ докладѣ исключительно сферой патологическихъ явленій (различныя разстройства личности, относимыя имъ къ *психастеніи* и *истеріи*), пользуясь такимъ образомъ *психо-патологическимъ методомъ* ¹⁾.

Въ преніяхъ были также высказаны *методологическія* замѣчанія: такъ, напримѣръ, проф. *Munpunsck* (Швейцарія) и г. *Лютославскій* отмѣтили гипотетическій характеръ физиологической теоріи безсознательнаго. Кромѣ того, послѣдній указалъ, что не должно быть поспѣшности въ обобщеніяхъ, дѣлаемыхъ иногда на основаніи индивидуальныхъ случаевъ. Проф. *Pickler* (Будапештъ) поставилъ докладчикамъ въ упрекъ, что они ограничились однѣми теоріями, между тѣмъ какъ въ подобномъ вопросѣ особенно важно живое наблюденіе и пр.

¹⁾ *Pierre Janet* отсутствовалъ, но прислалъ свой докладъ, который подвергался обсужденію.

IV.

Психологія животныхъ такъ же сильно заинтересовала участниковъ конгресса, какъ и *психологія религіозныхъ явленій*. Конечно, не участіе къ жизни животныхъ играло въ данномъ случаѣ роль, а значеніе *психологіи животныхъ*, какъ метода для изслѣдованія душевныхъ явленій человѣка: подробный анализъ реакцій, наблюдаемыхъ въ животномъ мірѣ, естественнымъ образомъ привелъ изслѣдователей къ сложной, неразрѣшимой, но вѣчно волнующей человѣка философской проблемѣ *духа и тѣла*.

Интересный докладъ въ связи съ демонстраціей представилъ предс. общ. коломбофиловъ *Thauziès* (Франція)—какимъ образомъ ориѣнтируются почтовые голуби при своемъ полетѣ. На основаніи многочисленныхъ опытовъ и детальнаго изученія склонностей и привычекъ, обнаруживаемыхъ почтовыми голубями, докладчикъ отрицаетъ, чтобы они руководились зрѣніемъ или обладали спеціальнымъ внѣшнимъ чувствомъ—чувствомъ направленія или, наконецъ, запоминали самыя передвиженія, которымъ ихъ подвергаютъ при перевозкѣ. По его мнѣнію, голуби руководствуются особыми магнетическими токами, исходящими изъ земли—вотъ почему они никогда не поднимаются при своемъ полетѣ высоко надъ землею, очень быстро и вѣрно опредѣляя направленіе, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отмѣчается совершенно особенное и вполне опредѣленное состояніе атмосферы, затрудняющее воспріятіе ими магнетическихъ токовъ.

Нѣсколько серій голубей, происходящихъ изъ разныхъ мѣстъ, были выпущены докладчикомъ на площади, на глазахъ собравшихся конгрессистовъ и почти всѣ, за очень немногимъ исключеніемъ, принявъ должное направленіе, прибыли по назначенію, о чемъ были получены извѣстія по телеграфу.

При обсужденіи доклада была отмѣчена необыкновенная быстрота полета (120—150 километровъ въ часъ), приведены нѣкоторыя данныя изъ жизни другихъ животныхъ и возбужденъ вопросъ г. *Лютославскимъ*, не наблюдается ли и въ жизни человѣка явленіе, отмѣченное докладчикомъ, на примѣръ,—въ дѣтской игрѣ въ жмурки и т. п.

Было сдѣлано еще нѣсколько частныхъ сообщеній по психологіи животныхъ: проф. *Favre* (Парижъ) представилъ общій

планъ для разработки психологіи животныхъ, проф. экс. псих. *Meyer* (Колумбія) познакомилъ со своими опытами надъ слухомъ рыбъ, проф. зоол. *Yung* (Женева) привелъ нѣкоторыя данныя объ ощущеніяхъ сырости у моллюсковъ.

Интересное сообщеніе прислалъ проф. сравн. психол. *Verkes* (Нью-Йоркъ): *Scientific method in animal psychology*. Онъ проводитъ мысль, что психологія животныхъ должна развиваться при помощи совершенно тѣхъ же *методовъ*, какъ и общее изученіе душевныхъ явленій. Отмѣчая значеніе экспериментальныхъ изслѣдованій (между прочимъ, русскаго фізіолога Павлова, на котораго ссылались въ работахъ конгресса и другіе ученые), онъ особенно подчеркиваетъ необходимость простого метода *наблюденія*, въ интересахъ наиболѣе вѣрнаго представленія о внутреннихъ переживаніяхъ животнаго. По его мнѣнію, искусственная обстановка эксперимента стѣсняетъ животныхъ и заставляетъ ихъ обнаруживать не тѣ свойства, которыя для нихъ обычны.

Возлагая большія надежды на строго *научную* работу въ области психологіи животныхъ, авторъ сообщенія высказываетъ увѣренность, что изученіе различенія красокъ животными, изслѣдованіе ихъ памяти и привычекъ прольютъ свѣтъ на соотвѣтствующіе обще-психологическіе и педагогическіе вопросы.

Изъ всей психологіи животныхъ возбудилъ наибольшее вниманіе и вызвалъ наибольшее количество горячихъ преній, какъ и слѣдовало ожидать, философскій вопросъ о *тропизмахъ*. И хотя тропизмы разбирались докладчиками почти исключительно въ примѣненіи къ животнымъ, — невольно слушавшіе и возражавшіе прилагали полученные выводы къ человеку, что, разумѣется, отражалось на страстности возраженій и повышало интересъ.

Наиболѣе категорическія утвержденія по вопросу о тропизмахъ заключалъ докладъ проф. фізіол. *Loeb'a* (Калифорнія). Двадцать лѣтъ тому назадъ докладчикъ первый примѣнилъ къ животному міру терминъ *тропизмъ*, употреблявшійся до того лишь въ ботаникѣ для обозначенія реакцій организма на дѣйствіе свѣта, тяжести и т. п. факторовъ, на основаніи физико-химическихъ законовъ. Такой же характеръ носятъ, по мнѣнію проф. *Loeb'a*, реакціи животнаго организма на тѣ же факторы. Животныя необходимымъ образомъ движутся къ источнику свѣта

или отъ него; то, что мы называемъ волей животнаго, на самомъ дѣлѣ есть тропизмъ; *психическія* явленія объясняются при помощи *физико-химическихъ* законовъ.

Не ограничившись сужденіемъ о животныхъ, проф. *Loeb* пошелъ еще далѣе въ своемъ докладѣ и высказалъ предположеніе, что ученіе о тропизмахъ можетъ быть примѣнено не только въ психіатріи, но и въ нормальной психологіи: весьма вѣроятно, по его мнѣнію, что человѣкъ, дѣйствующій подъ вліяніемъ какой-нибудь идеи, на самомъ дѣлѣ выполняетъ свое дѣйствіе вслѣдствіе извѣстнаго совершающагося въ немъ химическаго процесса.

Другой специалистъ по тому же вопросу д-ръ *Bohn* (Парижъ) рассмотрѣлъ болѣе подробно въ своемъ сообщеніи самый механизмъ и ихъ свойства, объясняя, какое дѣйствіе животнаго можетъ быть названо тропизмомъ и какое—нѣтъ.

Третій докладъ на ту же тему, присланный проф. *Jennings* (Балтимора), не отрицая, въ общемъ, существованія тропизмовъ въ животномъ мірѣ и подчеркивая ихъ разнообразіе, въ зависимости отъ организма, значительно, однако, ограничилъ ихъ примѣненіе. Проф. *Jennings* предлагаетъ въ своемъ докладѣ твердо держаться разъ установленнаго, опредѣленнаго смысла тропизма, а именно, понимать подъ тропизмомъ реакцію организма на опредѣленный стимулъ извнѣ, реакцію, благодаря которой организмъ *ориентируется*, т.-е. принимаетъ и удерживаетъ извѣстное направленіе. Всѣ реакціи, не заключающія въ себѣ *ориентированія* (а таковыхъ большинство), не могутъ ни въ какомъ случаѣ быть названы тропизмами.

Различіе точекъ зрѣнія, сказавшееся уже въ докладахъ, особенно ярко обнаружилось въ преніяхъ. Нашлись сторонники теоріи проф. *Loeb'a* и ожесточенные противники, а задача истинныхъ психологовъ состояла въ томъ, чтобы оберечь пренія отъ какой бы то ни было метафизики (т.-е. не только спиритуалистической, но и матеріалистической, которую сторонники ея часто считаютъ строго научной точкой зрѣнія). Проф. *Höfddind* указалъ на безсиліе науки передъ проблемой духа и тѣла, остающейся неразрѣшимой, вслѣдствіе чего, вмѣсто того, чтобы ставить одинъ рядъ явленій въ причинное отношеніе къ другому, слѣдуетъ остановиться на точкѣ зрѣнія параллелизма. Вмѣсто того, чтобы отрицать душевную жизнь, не естественнѣе ли, наоборотъ, предположить ее даже въ растеніи, даже въ цвѣткѣ,

который мы втыкаемъ въ петлицу, испытывая при этомъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти?

Г. *Лютославскій* упрекнулъ естествоиспытателей въ логической ошибкѣ, заключающейся въ томъ, что они, на основаніи частныхъ посылокъ, почерпнутыхъ изъ опыта, высказываютъ, въ видѣ заключенія, общія отрицательныя сужденія: изъ того, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдаются тропизмы, вовсе не слѣдуетъ, что не можетъ быть никакой другой причинности въ дѣйствіяхъ животнаго или человѣка, кромѣ тропизмовъ, и утвержденіе, что человѣкъ поступаетъ только детерминистически, есть уже метафизика.

Въ итогѣ отмѣчено большое *методологическое* значеніе проф. *Loeb'a*, но вмѣстѣ съ тѣмъ указано, что нѣкоторые факты изъ жизни животныхъ могутъ быть истолкованы и въ пользу, и противъ тропизмовъ (*Pictet—Женева*); что, на ряду съ подчиненіемъ тропизму, животное можетъ проявлять и борьбу за существованіе, такъ, напр., букашка ползетъ въ тѣнь, если свѣтъ ей вреденъ (*Claparède—Женева*).

Проф. *Loeb* отвѣтилъ на послѣднее возраженіе, что могутъ быть разные тропизмы, одинъ сильнѣе другого, но къ нимъ совершенно не приложимо понятіе пользы и вреда. Если и кажется, что дѣйствіе животнаго можетъ быть объяснено безъ помощи тропизма, то это только иллюзія: высшія животныя, и человѣкъ всегда поступаютъ детерминистически, хотя и кажется, что они свободны.

V.

Особое мѣсто въ работахъ конгресса было отведено экспериментальной психологіи, какъ одному изъ *методовъ* изслѣдованія душевныхъ явленій. Работы въ этой области могутъ быть подраздѣлены на двѣ категоріи: 1) доклады о результатахъ изслѣдованія душевныхъ явленій, добытыхъ экспериментальнымъ путемъ; 2) наглядное ознакомленіе съ экспериментальными приборами.

На основаніи экспериментальныхъ данныхъ, а именно—многочисленныхъ опытовъ психо-фізіологическаго характера, частью опровергающихъ, частью ограничивающихъ роль трехъ полукружныхъ каналовъ лабиринта въ воспріятіяхъ положенія на-

шего тѣла по сравненію съ вертикальной линіей, — докладчикъ проф. *Bourdon* (Rennes), изложилъ новую теорію, согласно съ которой въ составъ данныхъ воспріятій входятъ, главнымъ образомъ, мускульныя ощущенія давленія и усилія, а также ощущенія суставныя и кожныя.

Что же касается лабиринта, онъ можетъ имѣть значеніе, по мнѣнію докладчика, лишь для опредѣленія положенія головы, а не всего тѣла, и если укрѣпить неподвижно голову такъ, чтобы статическое чувство совершенно бездѣйствовало, наклонъ тѣла тѣмъ не менѣе будетъ ощущаться благодаря наличности другихъ перечисленныхъ выше ощущеній. Некоординированность же движеній, на которую ссылаются, какъ на доказательство роли лабиринта, прекрасно объясняется нѣкоторымъ разстройствомъ въ мускульныхъ ощущеніяхъ.

Кромѣ воспріятій положенія нашего тѣла въ пространствѣ разсматривались и другіе виды воспріятій: такъ, напримѣръ, предложена теорія для объясненія ощущенія влажности проф. *Yung* и *Alurtz*.

Докладчикъ г. *Балмалонъ* (Москва) познакомилъ съ результатами эксперимента, произведеннаго надъ тремястами лицъ для опредѣленія сущности эстетическаго чувства. Въ итогѣ разнообразныхъ опытовъ съ различными комбинаціями красокъ и звуковъ получается выводъ, что въ основѣ эстетическаго чувства лежитъ принципъ сходства.

Другой экспериментаторъ д-ръ *Weszeley* (Будапештъ) представилъ сообщеніе объ анкетѣ по методу Бинэ, доставившей нѣкоторые матеріалы для индивидуальной психологіи. Согласно сообщенію, смотря по описаніямъ видѣнной картины и показаннаго предмета, всѣ экспериментируемыя лица могли быть отнесены къ двумъ группамъ, изъ которыхъ одна отличалась болѣе сильнымъ развитіемъ *воображенія*, другая—*мышленія*, при чемъ обнаружилось превосходство послѣдней группы въ численномъ отношеніи, изъ чего можно заключить, что наша школа больше развиваетъ умъ, чѣмъ прочія свойства. Группа лицъ съ преобладаніемъ мышленія, въ свою очередь, насчитывала нѣсколько подраздѣленій; типы, придерживающіеся точнаго описанія видѣннаго; типы, больше размышляющіе по поводу воспринятаго, чѣмъ описывающіе видѣнное; эрудиты, пользующіеся предлогомъ, чтобы выложить собственныя знанія и т. п.

Нѣсколько докладовъ было посвящено ознакомленію съ экспериментальными приборами. Такъ, напримѣръ, проф. *Michotte* (Бельгія) демонстрировалъ усовершенствованный имъ тахистоскопъ; проф. *Leuba* познакомилъ съ приборомъ для измѣренія длительности движеній; проф. *Ducceschi* (Аргентина) представилъ сообщеніе о своемъ аппаратѣ, графически регистрирующемъ умственные процессы; проф. психол. *Alrutx* (Швеція) подробно описалъ приборъ, предназначенный для экспериментальнаго изученія медіумическихъ явленій и сообщилъ о произведенныхъ опытахъ, заставляющихъ предположить, что нѣкоторые лица надѣлены интенсивной нервной энергіей, оказывающей свое воздѣйствіе даже на неодушевленные тѣла, чѣмъ и объясняются такъ называемыя спиритическія или медіумическія явленія, и т. д.

Помимо докладовъ, съ усовершенствованными экспериментальными приборами можно было ознакомиться на выставкѣ при конгрессѣ, экспонентами которой явились выдающіеся механики Германіи, Франціи и Швейцаріи—специалисты по изготовленію приборовъ по экспериментальной психологіи: *Zimmermann* (Лейпцигъ), *Joos* (Франкфуртъ), *Spindler und Hoyer* (Геттингенъ), *Tainturier* (Парижъ), *Verdin* (Парижъ), *Schaerer* (Бернъ), *Peuer*, *Favarger* (Невшатель).

Д-ръ филос. *Peters* (Франкфуртъ) демонстрировалъ здѣсь приборъ, построенный по методу *Marbe* (*Marbe'sche Russmethode*), дающій возможность графически изобразить человѣческую разговорную рѣчь въ видѣ законченныхъ зигзаговъ отъ подвижного пламени на бумажной лентѣ, примѣнимый также и къ другимъ опытамъ.

Выставлено множество различныхъ хронографовъ и хроноскоповъ, аппаратовъ для изслѣдованія памяти, приборовъ для графическаго изображенія пульсаціи крови, усовершенствованныхъ регистраторовъ и т. п. экспериментальныхъ приборовъ¹⁾.

Помимо экспериментированія, докладчиками конгресса не забыты и нѣкоторые другіе методы. Такъ, проф. полит. эк. *Raretto* (Лозанна) и пр. психол. *Brown* (Лондонъ) сообщили о примѣненіи математическаго метода къ опытному изслѣдованію душевныхъ явленій. Д-ръ филос. г-жа *Hoesch-Ernst* (Мюнхенъ) и

¹⁾ Кромѣ экспериментальныхъ приборовъ выставка заключала въ себѣ литературный отдѣлъ съ новѣйшими сочиненіями по психологіи и отдѣлъ прикладного характера по психологіи ребенка.

г-жа *Полозова* (Россія) прибѣгли къ біографическому методу: первая, съ цѣлью выясненія психологіи геніальности, познакомила съ итогомъ своихъ долготѣхнхъ наблюденій, объектомъ которыхъ служилъ въ высшей степени музыкально одаренный мальчикъ; вторая, говоря о чудесахъ, о силѣ вліянія Іоанна Кронштадскаго, сообщила о немъ біографическія свѣдѣнія и дала характеристику его личности.

VI.

Остается сказать о постановкѣ и разработкѣ конгрессомъ вопросовъ практическаго приложенія психологіи. Вопросы эти слѣдующіе: 1) методы педагогической психологіи, 2) психологическая подготовка педагоговъ, 3) примѣненіе психологическихъ познаній къ воспитанію и обученію нормальныхъ и аномальныхъ дѣтей.

Фундаментальнымъ докладомъ по первымъ двумъ вопросамъ явился докладъ извѣстной своими работами въ области психофизиологіи, а въ послѣднее время и педологіи д-ра медіц. г-жи *Ютейко* (Варшава-Брюссель).

Исходя изъ положенія, что ребенокъ есть сложное синтетическое цѣлое, докладчица указала на необходимость анализа этого цѣлаго и изслѣдованія его элементовъ, въ отдѣльности взятыхъ, въ ихъ ростѣ и развитіи. По ея мнѣнію, большую услугу въ подобномъ изученіи природы ребенка можетъ оказать *математическій* методъ, а именно изображеніе результатовъ изслѣдованія съ помощью кривыхъ (кривыя роста, вѣса, объема черепа и пр.; кривыя мускульной силы, чувствительности къ осязанію, близорукости, памяти, вниманія и т. п.) Каждая кривая должна разсматриваться какъ результатъ взаимодействія многочисленныхъ факторовъ, изъ которыхъ одни стремятся повысить, другіе понизить кривую. Математическое разложеніе и вычисленіе такой кривой можетъ помочь при психологическомъ изслѣдованіи полученныхъ результатовъ, такъ какъ математическіе факторы (параметры), полученные вслѣдствіе разложенія кривой, суть не что иное, какъ выраженіе психо-физиологическихъ факторовъ, и количественное взаимоотношеніе послѣднихъ должно равняться отношенію математическихъ факторовъ другъ къ другу. Такимъ образомъ, желательна совмѣстная работа математиковъ и психологовъ.

Этого мало. Въ основу своего доклада г-жа *Ютейко* положила совершенно правильную мысль, что педологія или изученіе ребенка, необходимое въ цѣляхъ наиболѣе успѣшнаго развитія педагогики и общей психологіи, не можетъ разрабатываться безъ участія педагоговъ, но, конечно, имъ должна быть дана соотвѣтствующая подготовка.

Въ горячихъ преніяхъ, послѣдовавшихъ за докладомъ, очень ясно выразился взглядъ участниковъ конгресса на экспериментированіе, какъ общій психологическій методъ и, въ частности, на примѣненіе его, съ приложеніемъ математическихъ вычисленій, къ изученію природы ребенка. Оппонентамъ показалось, будто докладчица пропагандируетъ только свой методъ, пренебрегая остальными (чего на самомъ дѣлѣ не было). Поэтому, не только были перечислены другіе возможные способы изученія ребенка, какъ-то *тесты*, на подобіе составленныхъ *Binet et Simon* (д-ръ *Decroly*—Брюссель), наблюденіе ребенка съ колыбели (г-жа *Szyc*—Варшава) и пр., но особенно было подчеркнуто, что въ педологіи на ряду съ экспериментированіемъ громадную роль играютъ обще-психологическія познанія или такъ называемая чистая, теоретическая психологія (свящ. *Jeanjean*,—Бельгія), и что *качественное* проникновеніе въ самыя явленія важнѣе количественнаго ихъ измѣренія (проф. психол. *Patini*—Неаполь), при чемъ проф. *Patini* отмѣтилъ, что экспериментаторы еще не вступили въ фазу настоящей педагогической психологіи и всѣ ихъ работы слѣдуетъ отнести не къ экспериментальной психологіи, а къ экспериментальной методологіи.

Такимъ образомъ, удѣливъ, какъ выше было сказано, особое вниманіе экспериментальной психологіи, конгрессъ, тѣмъ не менѣе, призналъ, что этимъ способомъ изслѣдованія далеко не исчерпываются всѣ психологическіе методы; болѣе того, настойчивые голоса утверждали, что экспериментированіе, при всемъ его *громадномъ неотъемлемомъ* значеніи, не можетъ и не должно стоять на первомъ планѣ, вытѣсняя собой простое наблюденіе.

Что касается второго затронутого докладомъ г-жи *Ютейко* вопроса о необходимости психологической подготовки педагоговъ, онъ вызвалъ особенно горячо высказанныя замѣчанія, что объясняется наличностью среди членовъ конгресса довольно значительнаго числа педагоговъ средней школы, а кромѣ того, злободневностью, такъ сказать, самаго вопроса. Дѣйствительно, боль-

шинство педагоговъ прекрасно понимаетъ потребность времени и жаждетъ приложить свои силы къ разработкѣ педологіи вмѣстѣ съ психологами, но часто не умѣетъ взяться за дѣло, а отсутствіе общенія и рознь между двумя корпораціями мѣшаетъ, какъ отмѣтила и докладчица, успѣху совмѣстной работы.

Г-жа *Schus* указала въ своей рѣчи, какъ важно поднять уровень педагоговъ во всѣхъ странахъ и какое большое значеніе это явленіе имѣло бы и для развитія педологіи.

Преп. псих. *Jonckheere* (Брюссель) сообщилъ, что въ Бельгіи принимаются мѣры для ознакомленія будущихъ педагоговъ съ педологіей и что курсъ педологіи съ 1905 года введенъ въ программу *Ecole normale*.

Св. *Jeanjean* подчеркнул настоятельную необходимость общей коллективной работы въ виду сложности педологической проблемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, что всякая поспѣшность можетъ повредить дѣлу, подорвать значеніе педологическихъ выводовъ, вслѣдствіе чего требуется большое терпѣніе и осторожность со стороны изслѣдователей.

Главнымъ выразителемъ стремленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасеній педагоговъ за свое неумѣніе явился преп. *Jules Dubois* (Женева), въ заключеніе своей рѣчи предложившій избрать международную комиссію, которая бы начертала планъ для совмѣстной работы педагоговъ и психологовъ.

Комиссія, по его мнѣнію, должна: 1) намѣтить вопросы, подлежащіе разработкѣ; 2) изыскать средства для психологической подготовки педагоговъ; 3) согласовать дѣятельность психологовъ, педагоговъ и врачей на поприщѣ педологіи.

Конгрессъ весьма сочувственно встрѣтилъ сдѣланное предложеніе, но не могъ его осуществить за недостаткомъ времени, и выразилъ пожеланіе, чтобы комитетъ по устройству будущаго международного психологическаго конгресса позаботился о назначеніи подобной комиссіи.

Третій вопросъ практическаго приложенія психологіи—примѣненіе психологическихъ познаній къ воспитанію и обученію нормальныхъ и аномальныхъ дѣтей, заинтересовалъ, не менѣе первыхъ двухъ, собравшуюся многочисленную аудиторію.

Къ обсужденію были намѣчены различные проекты классификаціи, по преимуществу аномальныхъ дѣтей, произведенной въ педагогическихъ цѣляхъ. Но проф. *Schuyten* (Брюссель), извѣст-

ный своими работами по школьной психологіи, сообщилъ объ опытахъ классификаціи *нормальныхъ* учениковъ: онъ раздѣлилъ учащихся на три группы и занялся только тѣми двумя группами, ученики которыхъ были ниже и выше средняго уровня, подвергнувъ ихъ подробному, точному изслѣдованію, главнымъ образомъ со стороны физическаго развитія и памяти; въ основу построенной имъ вслѣдъ за изученіемъ классификаціи положено различіе въ обращеніи съ дѣтьми (болѣе или менѣе строгомъ или мягкомъ).

Говоря объ аномальныхъ дѣтяхъ, докладчики подчеркивали, что дѣленіе на аномальныхъ и нормальныхъ имѣетъ лишь практическое значеніе, такъ какъ понятіе нормальности есть понятіе идеальное, только критерій для сравненія, и если трудно иногда установить степень аномальности, то еще болѣе трудно опредѣлить ея причину, почему педагогъ, имѣющій дѣло съ аномальными дѣтьми, долженъ обладать прекрасной психологической подготовкой и въ классификаціи долженъ видѣть лишь вспомогательное средство, придавая ей чисто служебное значеніе.

Д-ръ *Decroly* (Брюссель), настаивая въ своемъ докладѣ на исключительно практическомъ значеніи и поэтому подвижномъ характерѣ классификаціи, отъ школьнаго врача и педагога требуетъ *основательнаго* знанія причинъ подмѣченной аномаліи, затрудняющей успѣхи ребенка; слишкомъ поспѣшное, поверхностное наблюденіе заставляетъ принять за причину и выдвинуть на первый планъ показатель вторичнаго порядка лишь потому, что онъ болѣе бросается въ глаза, и ребенка совершенно неправильно относятъ въ этомъ случаѣ къ разряду *лѣнивыхъ, невнимательныхъ, лживыхъ* и т. п.

Каждый случай аномаліи требуетъ самаго внимательнаго изслѣдованія причинъ, что высказалъ и другой докладчикъ, преп. *Persigout* (Франція), отмѣтившій въ своемъ сообщеніи явленіе множественности причинъ, благодаря которой тождественные случаи часто объясняются совершенно различными явленіями. Предложенная имъ классификація заключаетъ въ себѣ три большихъ группы (аномаліи органическія, умственныя и педагогическія) и массу подраздѣленій.

По мнѣнію д-ра *Heller'a* (Вѣна) наилучшимъ средствомъ для опредѣленія степени аномальности является изслѣдованіе активнаго вниманія.

Что касается изслѣдованія памяти, одни, подобно проф. *Schuyten*'у придавали ему первенствующее значеніе (д-ръ *Lipmann*—Берлинъ), другіе выразили по этому поводу сомнѣніе (г-жа *Szye*).

Проекты классификаціи также подверглись критикѣ (проф. *de Sanctis*—Римъ, д-ръ *Ley*—Бельгія, проф. *Nayras*—Ліонъ и др.), но общая польза классификаціи, какъ хорошаго вспомогательнаго педагогическаго средства, была признана всѣми, при чемъ подчеркивалось, что классификація, производимая въ педагогическихъ цѣляхъ, какъ имѣющая чисто практическое значеніе, можетъ не имѣть ничего общаго съ медицинской точкой зрѣнія, и проф. *Schuyten* предложилъ дѣлить всѣхъ аномальныхъ дѣтей на двѣ большія группы: способныхъ и неспособныхъ къ школьному обученію, а проф. *Couwelaert* (Фрейбургъ) указалъ на желательность возможно большей индивидуализаціи въ обученіи при минимальной общеобязательной программѣ.

Интересныя данныя по педологіи, въ дополненіе къ теоретической разработкѣ психо-педагогической проблемы, дала выставка или вѣрнѣе ея крошечный психо-педагогическій отдѣлъ съ качественно цѣннымъ, но количественно очень незначительнымъ матеріаломъ. Центральное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимала демонстрація способовъ обученія и пособій, употребляемыхъ для занятій съ отсталыми дѣтьми; кромѣ того выставлены ихъ работы.

Выставлено кое-что изъ педагогической литературы (въ томъ числѣ и русской) и собраны нѣкоторыя данныя по психологіи ребенка: таблицы съ кривыми (*Нечаевъ*—Петербургъ); анкета по рисованію (*Claparède*—Женева), дающая возможность судить о памяти, воображеніи, наблюдательности рисовальщиковъ; анкета по дѣтскому чтенію (*Балталоуъ*—Москва) и пр.

Кромѣ выставки, дополненіемъ къ психо-педагогическому отдѣлу конгресса послужили предложенныя конгрессистамъ демонстраціи: 1) *ритмической гимнастики* (проф. *Jacques-Dalcroze*—Женев. консерв.), приучающей поступившихъ въ консерваторію дѣтей къ ритму въ музыкѣ путемъ производства ими подъ музыку машинальныхъ ритмованныхъ движеній и вырабатывающей замѣчательную точность движеній, на ряду съ самообладаніемъ; 2) новой школы (дир. *Schwarz-Buys*, *Corpet*, ок. Женевы, основанной по образцу нѣмецкихъ школъ д-ра *Lietz* въ прекрасной сельской обстановкѣ и вырабатывающей изъ своихъ учениковъ

и ученицъ здоровыхъ духомъ и тѣломъ, самостоятельныхъ гражданъ.

Въ общемъ итогѣ конгрессъ 1909 года охватилъ своими работами довольно обширную область малосознательныхъ и малоизученныхъ душевныхъ явленій, разбираясь въ психологическихъ свойствахъ малолѣтняго, подмѣчая аналогичныя себѣ черты въ животномъ мірѣ и погружаясь въ бездонныя мистическія пучины религіозности и безсознательнаго. Область продуманной мысли, яснаго мышленія, сознанія *par excellence* оставлена имъ въ сторонѣ и надо полагать, что будущій международный конгрессъ по психологіи, назначенный на 1913 годъ въ Америкѣ подъ предсѣдательствомъ *Бальвина* (при почетномъ предсѣдателѣ *Джемсѣ*), не оставитъ безъ вниманія этой ожидающей своего разрѣшенія проблемы, и комитетъ предстоящаго конгресса (*Baldwin, Titchener, Cattell, Sanford*) ¹⁾ включить ее въ программу.

В. Волковичъ и З. Столица.

¹⁾ Въ международный комитетъ пропаганды избраны отъ Россіи проф. Г. И. Челпановъ и д-ръ І. Ютейко.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Альвердянцъ, М. Я. Пребываніе императора Николая въ Эчміадзинѣ и въ Тифлисѣ, по даннымъ армянскаго археолога. Спб. 1909. Ст. 26.

Апостоловъ, Л. Я. Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, великій философъ земли русской. Тифлисъ. 1909. Ст. 53.

Бехтеревъ, В. Задачи и методъ объективной психологіи. Спб. 1909. Ст. 12.

Boistel, M. A. Conception des personnes morales. Genève. 1904.

Vilfredo Pareto, M. L'individuel et le social. Genève. 1904.

Виндельбандъ, В. Философія въ нѣмецкой духовной жизни XIX столѣтія. Пер. М. Рубинштейна. Москва. 1910. Ст. 150. Ц. 80 к.

Gaupp, R. Психологія ребенка. Спб. 1910. Ст. 136. Ц. 75 к.

Голинская, Софія. Товарищество для улучшенія сельскаго хозяйства въ разныхъ земляхъ. Москва. 1909. Ст. 58.

David, I.-El. Observations de psychologie canine. Genève. 1903.

James William. Précis de Psychologie. Trad. par. E. Bouclin и G. Bertier. Paris. 1909. Ст. XXXV I+623. Ц. 10 fr.

Demoor, Jean. Ненормальныя дѣти и воспитаніе ихъ дома и въ школѣ. Москва. 1909 Ц. 1 р. Ст. XIX—364.

Demolius, Ed. Classification sociale. 1904.

Зайцевъ, Л. М. Отвѣтственность при массовыхъ преступленіяхъ. Кіевъ. 1909. Ст. VIII+52. Ц. 50 к.

Zbinden, H. Influence de la vie psychique sur la santé. Genève. 1903.

Seligmann, R. Kausalität. Berlin. 1909. Ст. 12.

Его-же. Zur Philosophie der Individualität. Berlin. 1909. Ст. 5.

Его же. Synthese der Empfindungen. Leipzig. 1909. Ст. 13.

Claparède, Ed. Quelques mots sur la définition de l'hystérie. Genève. 1907. Ст. 22.

Его-же. Rapport sur le laboratoire de psychologie. Genève. 1907. Ст. 36.

Колоцца, Д. А. Дѣтскія игры, ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Пер. съ итальянскаго подъ ред. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха. Москва. 1909. Ст. XVIII + 264. Ц. 1 р. 50 к.

Кондорсе, М. Прогрессъ человѣческаго разума. Перев. І. А. Шапиро, подъ ред. В. Н. Сперанскаго съ вступ. очерк. проф. М. М. Ковалевскаго. Спб. 1909. Ст. XV + 251. Ц. 1 р. 50 к.

Лай, В. А. Экспериментальная педагогика. Москва. 1909. Ст. XII + 211. Ц. 65 к.

Левитовъ, Павелъ. На современныя темы. Екатеринославъ. 1909. Ст. 104. Ц. 50 к.

Лэзанъ, К. А. Новые пути ознакомленія дѣтей съ математикой. Ст. 131. Ц. 55 к.

Maeder, Alphonse. Contributions à la psychopatologie de la vie quotidienne. 1906 г. Genève.

Markowa, Klawdia. Contribution à l'étude de la perception stéréognostique. Genève. 1909. Ст. 82.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1908 годъ. Спб. 1909. Ст. 277 + 82 + 49.

Penel, R. Science et atheisme. 1907. Genève.

Постановленія перваго всероссійскаго съѣзда учителей городскихъ училищъ по положенію 1872 г. Спб. 1909. Ст. 20.

Reinke, Johannes. Néovitalisme et rôle de la finalité en biologie. Genève. 1904.

Сикорскій, И. А. Начатки психологіи. Кіевъ. 1909. Ст. VI + 138. Ц. 1 р. 35 к.

Списокъ главнѣйшихъ періодическихъ изданій, имѣющихся въ библіотекѣ Спб. университета. Спб. 1909. Ст. 100.

Stein, Ludwig. Was heisst philosophie? Genève. 1904.

Струве, Алексѣй. Надъ моремъ. Драма. Москва. 1909. Ст. 58.

Судницынъ, Д. Краткій историческій обзоръ главнѣйшихъ философскихъ ученій. Владиміръ. 1909. Ст. XII + 93. Ц. 60 к.

Фишеръ, Куно. Исторія новой философіи. Т. VI Фихте, его жизнь, сочиненія и ученіе. Спб. 1909. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Ст. 733. Ц. 4 р. 50 к.

Flournoy, Th. Automatismes téléologiques antisuicides. 1907 г. Genève.

Volkman, Paul. Naturwissenschaften und Monismus. Leipzig. 1909. Ст. 38. Ц. 1 М.

Шульцъ, Іоганнъ. Разъясняющее изложеніе «Критики чистаго разума». Пер. подъ ред. Б. А. Фохта. Москва. 1910. Ст. II. + 145. Ц. 1 р. 10 к.

Эйкенъ Р. Основныя проблемы современной философіи религіи. С. И. Поварнина. Спб. 1909. Ст. Ц. 75 к.

Jung, C.-G. Associations d'idées familiales. 1907 Genève.

Изданія «Посредника»:

В. Савихинъ. Кривая доля. Ц. 1½ к.

О. Шмидтъ. Галя. Ц. 1½ к.

А. Юшко. Божья земля. Ц. ¾ к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Красная дѣвица. Ц. 1 к.

Его же. Золотое колечко. Ц. 1 к.

С. Голинская. Товарищества для улучшенія сельскаго хозяйства въ разныхъ земляхъ. Ц. 12 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ и С. Дурюлинъ. Памяти Н. В. Гоголя. Ц. 25 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Свободное воспитаніе № 8. Ц. 25 к.

А. Юшко. Божья земля, лучш. изд. Ц. 2 к.

Кэтъ Дугласъ - Виггинъ. Счастье бѣднаго малыша. Въ облож. Ц. 20 к.

Л. Н. Толстой. Ассирійскій царь Ассархадонъ. Ц. 1 к.

Его-же. Богу или мамонѣ? Ц. 1 к.

А. Аполловъ. Борьба свѣта съ тьмою. Ц. 1 к.

В. Гюго. Бѣдные люди. Ц. 1 к.

Ю. Безродная. Великодушный Голиафъ. Ц. 1 к.

Л. Н. Толстой. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Ц. 1 к.

Н. Телешовъ. Домой. Ц. 1 к.

Е. Некрасова. Іоаннъ воинъ. Ц. 1 к.

Л. Н. Толстой. Любовь. Ц. 1 к.

Его же Много ли человѣку земли нужно? Ц. 1 к.

А. Апполовъ. Необыкновенный случай. Ц. 1 к.

Д. Никольскій. О табакѣ и вредѣ его куренія. Ц. 1 к.

В. Короленко. Пріемышъ. Ц. 1 к.

В. Гаршинъ. Сигналъ. Ц. 1 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Христіаночка. Ц. 1 к.

К. Лезанъ. Свободное обученіе математикѣ. Ц. 1 к.

Извѣстія и замѣтки.

Анкета по вопросу о постановкѣ преподаванія психологіи въ мужской гимназіи.

Московское Психологическое Общество поставило цѣлью ознакомиться съ результатами четырехлѣтняго *опыта* въ преподаваніи психологіи въ средней школѣ. Оно желаетъ получить обоснованный отвѣтъ на вопросъ, *въ какой мѣрѣ введеніе психологіи въ кругъ предметовъ гимназическаго преподаванія оказалось целесообразнымъ, и какія желательныя измѣненія или реформы въ постановкѣ преподаванія этого предмета.* Для этой цѣли оно рѣшило обратиться къ преподавателямъ психологіи съ просьбой отвѣтить на вопросы, которые содержатся въ прилагаемомъ при этомъ вопросникѣ.

Отвѣты желательны по возможности подробные, но Общество можетъ довольствоваться и краткими отвѣтами.

Общество желаетъ ознакомиться со взглядами преподавателей, основанными на *опытѣ* преподаванія, а не теоретическихъ соображеніяхъ. Желательно, чтобы тѣ или другія сужденія, оцѣнки и т. п. сопровождались указаніемъ на какіе-либо примѣры, случаи и т. п., вообще подтверждались какими-нибудь фактическими доказательствами. Но Общество можетъ довольствоваться и просто сужденіями по тому или другому вопросу.

Желательно получить отвѣты на всѣ поставленные вопросы, но если кто-либо изъ преподавателей дастъ опредѣленные отвѣты только на нѣкоторые изъ вопросовъ, то Общество будетъ довольствоваться и этимъ.

Отвѣты могутъ быть присылаемы съ подписью или анонимно. Предпочтительнѣе съ подписью, чтобы въ случаѣ сомнѣнія можно было обратиться за личнымъ разъясненіемъ.

Если авторъ желаетъ, чтобы его имя отнюдь не опубликовывалось, то объ этомъ просятъ заявить. Во всякомъ случаѣ, если отвѣты даже будутъ присланы съ подписью, то Общество гарантируетъ полную анонимность.

Въ виду особенной важности разрѣшенія поставленной задачи Психологическое Общество надѣется, что всѣ преподаватели психологіи отнесутся сочувственно къ его предложенію и пришлютъ отвѣты на поставленные вопросы.

Предсѣдатель Психологическаго Общества *Л. М. Лопатинъ*.

Товарищъ Предсѣдателя *Г. И. Челпановъ*.

Отвѣтъ просятъ прислать по возможности скорѣе и не позже 1-го декабря по адресу: Москва, редація журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», Чернышевскій пер., д. № 9.

1) Въ какой мѣрѣ психологія, какъ учебный предметъ, оказалась доступной пониманію учащихся. Каковъ приблизительный процентъ совсѣмъ не усваивающихъ психологію. Въ какой части психологія оказывается наименѣе доступной. Если предметъ оказывается совсѣмъ недоступнымъ, то какова, по вашему мнѣнію, причина этого, напр., недостаточное развитіе учащихся, недостатокъ времени или вообще какая-нибудь другая причина.

2) Привнесъ ли этотъ предметъ что-либо новое въ учебной жизни, или онъ остается совершенно незамѣтнымъ. Вызываетъ ли онъ интересъ. Способствуетъ ли умственному развитію учащихся. Если да, то въ чемъ это выражается. Можно ли что-нибудь сказать о благотѣльномъ воздѣйствіи этого предмета на учащихся. Способствуетъ ли болѣе сознательному отношенію при изученіи другихъ предметовъ, напр.: литературы, физики, исторіи и проч. Каковъ отзывъ объ этомъ другихъ преподавателей.

3) Не вызываетъ ли этотъ предметъ желанія дальнѣйшаго изученія при помощи чтенія. Какія книги или статьи читаютъ учащіеся и въ какой мѣрѣ ихъ усваиваютъ. Не ведутся ли какія-нибудь внѣклассныя практическія занятія, въ чемъ они состоятъ и каковы результаты. Не пишутъ ли они сами сочиненій, не составляютъ ли конспектовъ. Нельзя ли получить тѣ или другіе для ознакомленія. (По использованіи они будутъ возвращены.)

4) Не наблюдали ли вы случаевъ, когда учащіеся благодаря изученію этого предмета въ гимназіи возымѣли желаніе впоследствии отдаться спеціально изученію этого предмета.

5) Считаете ли вы въ конечномъ счетѣ этотъ предметъ желательнымъ въ средней школѣ или думаете, что онъ былъ бы болѣе уместенъ въ университетѣ. Каково отношеніе преподавателей другихъ предметовъ къ психологіи.

6) Каково отношеніе учащихся къ этому предмету. Считаютъ для себя обременительнымъ. Не выдѣляютъ ничѣмъ отъ другихъ предметовъ. Придаютъ особенную важность этому предмету.

7) Не желательно ли сокращеніе или увеличеніе программы. Какіе именно вопросы желательно прибавить или какіе вопросы желательно исключить изъ программы. Какіе вопросы по преимуществу интересуютъ учащихся. На какихъ вопросахъ вы сами останавливаетесь наиболѣе. Какое приблизительно количество уроковъ приходится въ теченіе учебнаго года на преподаваніе психологіи.

8) Не излагаете ли вы вопросовъ, выходящихъ за предѣлы программы, напр., подробно разсматриваете вопросы объ эстетическомъ чувствѣ, моральномъ чувствѣ и т. п. Каковы ваши наблюденія относительно ознакомленія учащихся съ подобными вопросами.

9) Не пользовались ли вы при преподаваніи психологіи приборами для психологическихъ экспериментовъ. Есть ли у васъ приборы и какіе именно. Какіе именно вы производили эксперименты. Находились ли эксперименты въ связи съ курсомъ, или демонстрированіе носило случайный характеръ. Производили ли вы эксперименты только въ классѣ или вели практическія занятія и внѣ класса. Каково ваше мнѣніе относительно результатовъ преподаванія экспериментальной психологіи.

10) Обнаруживается ли у учащихся какой-либо интересъ къ вопросамъ философскимъ, съ которыми приходится сталкиваться при преподаваніи психологіи. Напр., вопросы объ отношеніи души и тѣла, о свободѣ воли и т. п. Не считаете ли вы желательнымъ расширить преподаваніе философской пропедевтики путемъ «введенія философіи».

11) Не желательны ли вообще какія-либо реформы въ постановкѣ преподаванія психологіи. Въ какомъ отношеніи психологія должна стоять къ логикѣ. Не желательно ли преподаваніе психологіи предварять преподаваніемъ логики. Какія вообще существуютъ препятствія для правильной постановки преподаванія психологіи.

12) Не можете ли вы отъ себя сообщить какія-нибудь свѣдѣнія относительно положенія психологіи въ средней школѣ, независимо отъ тѣхъ вопросовъ, которые предложены въ данномъ вопросникѣ.

П о л е м и к а.

Что такое объективная психологія.

На страницахъ «Вопросовъ философіи и психологіи» нѣсколько времени тому назадъ ¹⁾ появилась статья г. Щербины подъ заглавіемъ «Возможна-ли психологія безъ самонаблюденія». Изъ этой статьи можно убѣдиться, что, хотя она и испещрена подлинными выдержками изъ различныхъ мѣстъ одной моей работы, относящейся къ объективной психологіи ²⁾, тѣмъ не менѣе она вовсе не даетъ представленія ни о задачахъ, ни о методѣ объективной психологіи.

Въ этомъ, конечно, я нисколько не виню автора статьи; его задача и не состояла въ томъ, чтобы познакомить читателя съ основой того ученія, которое я называю объективной психологіей; напротивъ того, его задача была исключительно полемическаго характера; это-то обстоятельство и останавливало меня до сихъ поръ отъ того, чтобы войти въ объясненія по этому поводу съ авторомъ вышеуказанной статьи,—тѣмъ болѣе, что послѣдній уже въ первыхъ же строкахъ своего труда даетъ совершенно неправильное освѣщеніе предмета, заявляя, что моя работа объ «Объективной психологіи» будто бы даетъ «ясное представленіе о взглядахъ на сущность психологіи, господствующихъ среди лицъ, специально занятыхъ изученіемъ отправленій чело-вѣческаго тѣла».

Врядъ ли нужно говорить здѣсь, что ни о какомъ господствѣ взглядовъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, особенно

¹⁾ «Вопросы философіи и психологіи». Ноябрь 1908 г.

²⁾ В. Бехтеревъ. «Обоснованіе объективной психологіи». „Вѣстникъ Психологіи“. Г. IV, вып. I и III—1907 г. „Объективная Психологія“, вып. I—1907 г.

если принять во вниманіе, что самое ученіе, именуемое мною «объективной психологіей», возникло лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

При томъ, если подъ лицами, специально занятыми изученіемъ отпращиваній человѣческаго тѣла, авторъ понимаетъ врачей, то онъ допускаетъ при этомъ сугубую погрѣшность, полагая безъ достаточныхъ основаній, что именно среди врачей господствуютъ взгляды объективной психологіи. Врядъ ли нужно приводить здѣсь имена врачей-психологовъ съ чисто субъективнымъ направленіемъ. Они должны быть извѣстны лицамъ, занимающимся психологіей. Въ частности, по отношенію къ себѣ лично замѣчу, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, что, выдвигая объективную психологію, какъ особую научную дисциплину, я вовсе не исключаю тѣмъ самымъ субъективной психологіи, которой были посвящены еще недавно нѣкоторые изъ моихъ изслѣдованій. Въ доказательство укажу на работу «О личномъ и общемъ сознаніи», помѣщенную нѣсколько времени назадъ въ томъ же «Вѣстникѣ Психологіи» (1904 г.) и на опубликованную мною ранѣе работу «О локализациі сознательной дѣятельности» ¹⁾ и еще ранѣе на мою же работу «Границы сознанія» ²⁾.

Что касается моихъ взглядовъ на вопросъ объ отношеніи объективной психологіи къ субъективной, то я говорю объ этомъ вполне опредѣленно въ своей амстердамской рѣчи, посвященной объективному изслѣдованію нервно-психической дѣятельности ³⁾. Эту рѣчь я заключаю между прочимъ слѣдующими словами:

«Само собой разумѣется, что выступленіе объективной психологіи на арену научнаго развитія ни въ чемъ не можетъ ограничивать вполне законнаго развитія субъективной психологіи, которая, вооружившись экспериментальнымъ методомъ изслѣдованія, сдѣлала за послѣднее время замѣчательные успѣхи, но всегда и вездѣ должно имѣть въ виду строгое разграниченіе одной на-

1) Рѣчь, сказанная на Пироговскомъ съѣздѣ въ г. Кіевѣ. Отд. изд. Спб., 1906.

2) Рѣчь, сказанная на годичномъ актѣ Казан. Университета 1896 г. и отд. изд. Казань, 1896.

3) В. Бехтеревъ. „Объ объективномъ изслѣдованіи нервно-психической дѣятельности“. Рѣчь, сказанная 4-го сентября 1907 г. на международномъ конгрессѣ по психіатріи, психологіи и обществ. призрѣнію душевно-больныхъ. См. Труды упомянутаго Съѣзда, „Обозрѣніе Психіатріи“ 1907 г. и отд. изд. К. Риккера, 1908 г.

учной дисциплины отъ другой. Тотъ, кто изслѣдуетъ субъективный міръ человѣка, долженъ помнить, что это изслѣдованіе можетъ вестись только путемъ самонаблюденія, хотя бы и поставленнаго въ условія эксперимента, при чемъ результаты своего самонаблюденія онъ не долженъ произвольно переносить на другихъ лицъ, а тѣмъ болѣе на душевно-больныхъ или на животныхъ. Тотъ же, кто будетъ отдавать свой трудъ объективной психологіи, долженъ имѣть въ виду только одинъ объективный методъ изслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ строго воздерживаться отъ невольнаго увлеченія субъективными терминами и субъективными же объясненіями внѣшнихъ проявленій нервно-психической дѣятельности человѣка».

Такимъ образомъ, утверждая, что вышеуказанная работа даетъ ясное представленіе о взглядахъ на сущность психологіи «среди лицъ, спеціально занятыхъ изученіемъ отклоненій человеческого тѣла», авторъ по отношенію ко мнѣ опять-таки не правъ, потому что онъ совершенно не говоритъ о моихъ взглядахъ на психологію вообще и субъективную въ частности и останавливается лишь на томъ предметѣ, которому были посвящены мои позднѣйшія изслѣдованія въ данной области, ограничившись притомъ лишь одной моей работой и не касаясь вовсе другихъ моихъ изслѣдованій въ той же области ¹⁾.

Цѣлый рядъ такихъ и другихъ подобныхъ недоразумѣній, встрѣчающихся повсюду въ статьѣ автора, заставилъ меня долгое время воздерживаться отъ объясненій по поводу вышеупо-

¹⁾ Здѣсь я не говорю о болѣе старой своей работѣ въ этой области „Объективная психологія и ея предметъ“, помѣщенной въ „Вѣстн. психологіи“ за 1904 и въ „Revue scientifique“ за 1906, но о болѣе позднѣйшихъ работахъ, напечатанныхъ однако до появленія въ свѣтъ упомянутой статьи г. Щербины. Изъ этихъ работъ назову здѣсь работу: „О методахъ объективнаго изслѣдованія нервно-психической сферы“ сообщ. въ научныхъ собраніяхъ клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней 24 мая 1907 г. (реф. имѣются въ медицинской литературѣ). „Объективное изслѣдованіе нервно-психической дѣятельности“. Труды международного съѣзда по психіатріи и психологіи въ г. Амстердамѣ за 1907 г.—„О репродуктивной и сочетательной дѣятельности въ движеніяхъ“. „Обозрѣніе Психіатріи“, 1908 г.—„Первоначальная эволюція дѣтскаго рисунка въ объективномъ изученіи“, сообщ. въ Р. Общ. Норм. и Патол. Психологіи за 1908 г. (реф. въ медиц. литературѣ и въ „Нивѣ“).—„Объективное изслѣдованіе нервно-психической сферы въ младенческомъ возрастѣ“. Докладъ сдѣланный въ Комитетѣ Педологическаго Института въ апрѣлѣ 1908 (реф. въ мед. литературѣ и вышло отд. изд.).

мянutoй статьи и ограничиться только разъясненіями по существу вопроса, которыя изложены были на страницахъ «Новаго Слова» ¹⁾).

Но то обстоятельство, что статья г. Щербины появилась на страницахъ столь уважаемаго журнала, какъ «Вопросы философіи и психологіи», склонило меня послѣ многихъ колебаній къ тому, чтобы отказаться отъ первоначально принятаго рѣшенія и дать на его страницахъ соотвѣтствующія разъясненія въ устраненіе тѣхъ недоразумѣній, которыя могла оставить въ умахъ читателей вышеуказанная статья г. Щербины.

При этомъ я не нахожу возможнымъ входить въ какія-либо подробности, дабы избѣгнуть сказаннаго мною въ другихъ работахъ, и не разбиваться въ мелочахъ, а потому ограничусь только самыми краткими разъясненіями, освѣщающими сущность предмета,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя разъясненія моихъ взглядовъ въ связи со статьею г. Щербины читатели могутъ найти въ упомянутой моей рѣчи, сказанной въ ноябрѣ 1908 г. и помѣщенной въ «Новомъ Словѣ» за февраль 1909 г.

Остановимся съ самаго начала на коренномъ положеніи, которое ставитъ авторъ въ резюме своихъ разсужденій по поводу множества отрывочныхъ и безсистемныхъ выдержекъ изъ моей работы, представляющей въ сущности лишь введеніе въ объективную психологію: на страницѣ 540 авторъ говоритъ буквально слѣдующее: 1) «Г. Бехтеревъ стремится создать *объективную* (курсивъ автора) науку, которая, оставивши безъ вниманія данныя самонаблюденія, изслѣдовала бы физическіе и фізіологическіе процессы: внѣшнія раздраженія, вызываемыя ими измѣненія въ организмъ и проистекающія отсюда внѣшнія дѣйствія послѣдняго. Правда, главное вниманіе при этомъ обращается на изученіе мозга и нервной системы; но, строго говоря, такое предпочтеніе извѣстныхъ фізіологическихъ явленій слѣдуетъ считать простой непослѣдовательностью, несознанной зависимостью отъ метода самонаблюденія. Лишь принимая во вниманіе психическія переживанія, доступныя непосредственному только самонаблюденію, мы можемъ ставить вопросъ: какими фізіологическими процессами сопровождаются эти переживанія? Въ против-

¹⁾ В. Бехтеревъ: „Задачи и методъ объективной психологіи“. Рѣчь, сказанная въ память открытія клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ ноябрѣ 1908. См. „Новое Слово“. Февраль 1909.

номъ случаѣ у насъ нѣтъ *объективнаго критерія* (курсивъ мой), руководясь которымъ, мы могли бы оказывать предпочтеніе однимъ явленіямъ, происходящимъ въ организмѣ, по сравненію съ другими». Далѣе авторъ подчеркиваетъ, что объективная психологія вводитъ въ кругъ своего изслѣдованія сердечныя и сосудодвигательныя функціи организма, и не признаетъ для себя яснымъ, почему при этомъ приходится говорить о новой наукѣ, называемой «объективной психологіей», которая, по его мнѣнію, ни по предмету изслѣдованія, ни по методу будто бы не отличается отъ фізіологіи. По мнѣнію автора «въ такомъ нововведеніи, очевидно, сказывается, помимо желанія самого автора, признаніе за міромъ психическихъ переживаній самостоятельнаго значенія».

Здѣсь авторъ не правъ отъ начала до конца. Даже въ первыхъ строкахъ своего положенія, когда онъ говоритъ, что объективная психологія изслѣдуетъ «внѣшнія раздраженія, вызываемыя ими измѣненія въ организмѣ и проистекающія отсюда внѣшнія дѣйствія послѣдняго», онъ не правъ, такъ какъ научная дисциплина, которую я стараюсь защищать, имѣетъ цѣлью изучать не просто внѣшнія раздраженія, вызываемыя ими измѣненія въ организмѣ и проистекающія отсюда внѣшнія дѣйствія послѣдняго, а внѣшнія проявленія нервно-психической сферы въ связи съ прошлымъ индивидуальнымъ опытомъ, о чемъ я опредѣленно говорю въ цѣломъ рядѣ страницъ, особенно 14, 20, 22, 23, 29 и 30, своего труда ¹⁾, а это далеко не то, что утверждаетъ г. Щербина. Дѣло, слѣдовательно, не въ раздраженіяхъ, не въ вызываемыхъ ими измѣненіяхъ организма и не въ проистекающихъ отсюда внѣшнихъ дѣйствіяхъ, а именно въ тѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ нервно-психической сферы, которыя стоятъ въ связи съ прошлымъ индивидуальнымъ опытомъ.

Если бы авторъ обратилъ вниманіе на этотъ пунктъ, то онъ, безъ сомнѣнія, не сталъ бы утверждать, что предпочтеніе извѣстныхъ фізіологическихъ явленій, т.-е. отправленій мозга, въ этомъ случаѣ слѣдуетъ считать «простой непослѣдовательностью, несознанной зависимостью отъ метода самонаблюденія». Дѣло не въ методѣ самонаблюденія, а въ томъ, что вліяніе прошлаго индивидуальнаго опыта на внѣшнія реакціи обусловливается въ

¹⁾ Ссылку даю на страницы отдѣльнаго изданія „Объективная Психологія“, вып. I, такъ какъ соотвѣтственнаго номера „Вѣстника Психологіи“ подъ рукой у себя не имѣю.

животномъ царствѣ отправлениями высшихъ центровъ нервной системы (гдѣ, конечно, она имѣется). Это же вліяніе прошлаго индивидуальнаго опыта безъ обращенія къ методу самонаблюденія даетъ и *объективный* критерій тѣхъ отправленій нервной системы, которыя принято называть психическими и которыя мы предпочитаемъ называть нервно-психическими, признавая, что нѣтъ ни одного психическаго акта безъ нервнаго процесса.

Дѣло въ томъ, что всѣ обыкновенные рефлексъ суть тѣ отправления, на проявленія которыхъ личный или индивидуальный опытъ ничѣмъ не сказывается и которыя, развиваясь машинообразно отъ начала до конца, являются результатомъ врожденныхъ и унаслѣдованныхъ условій.

Врядъ ли нужно говорить, что прошлый индивидуальный или личный опытъ проявляется болѣе всего въ двигательной сферѣ, и потому эта сфера и является главнымъ предметомъ изслѣдованія объективной психологіи ¹⁾. Однако, нѣтъ основанія исключать изъ ея вѣдѣнія вазомоторныя и секреторныя функціи организма. Хотя эти послѣднія функціи чаще всего обнаруживаются въ условіяхъ проявленія обыкновеннаго рефлекса, но не подлежитъ сомнѣнію, что при развитіи аффектовъ или т.-наз. *эмоцій* они стоятъ въ извѣстной зависимости отъ прошлаго индивидуальнаго опыта и съ этой стороны должны входить въ предметъ изученія объективной психологіи, какъ все, чѣмъ характеризуется психическая или нервно-психическая дѣятельность.

Когда человѣкъ, хогя бы остающійся неподвижнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ краснѣетъ въ лицѣ, или у него появляются на глазахъ слезы, то всякій, безъ сомнѣнія, согласится, что это обозначается иногда больше въ проявленіяхъ его нервно-психической сферы, нежели цѣлый рядъ движеній въ другомъ случаѣ. Равнымъ образомъ ребенокъ, глотающій слюну при видѣ лакомаго блюда, представляетъ собою не менѣе яркій примѣръ внѣшнихъ проявленій его нервно-психической сферы, нежели его движенія въ томъ или другомъ случаѣ.

Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ сферу вѣдѣнія «объективной психологіи» должны входить не одни только двигательные акты, но и такія функціи, какъ движеніе сосудовъ

¹⁾ См. подробнѣе въ моей работѣ „Значеніе изслѣдованія двигательной сферы для объективнаго изученія нервно-психической дѣятельности человѣка“. Р. Врачъ 1909.

тѣла и отдѣленіе пищеварительныхъ железъ (слюнные железы вѣдь относятся къ пищеварительнымъ), а въ условіяхъ эксперимента надъ животными (о чемъ собственно и шла рѣчь въ цитируемомъ г. Щербиной мѣстѣ моей работы ¹⁾ и отдѣленіе почекъ, половыхъ органовъ и т. п.

Однако, изученіе внѣшнихъ проявленій всѣхъ этихъ функцій въ «объективной психологіи» производится не съ той цѣлью, чтобы распознать, что при этомъ творится въ «душѣ» человѣка или животнаго или въ ихъ субъективномъ мірѣ, иначе говоря, какія переживанія при этомъ они испытываютъ, а для того, чтобы выяснитъ соотношеніе этихъ внѣшнихъ проявленій нервно-психической сферы, обнаруживающихся при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ, съ прошлымъ индивидуальнымъ опытомъ.

Теперь возникаетъ вопросъ: чѣмъ же обособляется новая научная дисциплина отъ фізіологіи? Конечно, если подъ фізіологіей понимать изученіе всѣхъ вообще отправленій организма въ широкомъ смыслѣ слова, тогда не останется мѣста не только для объективной психологіи, но и для субъективной психологіи, такъ какъ вѣдь и субъективныя переживанія не могутъ быть представляемыми отдѣльно отъ организма и его отправленій ²⁾. Но до сихъ поръ было принято подъ фізіологіей понимать науку о жизни, а такъ какъ психическія отправленія, какъ признавалось многими, не необходимы въ жизненныхъ отправленіяхъ организма, или по крайней мѣрѣ не составляютъ существа жизненныхъ отправленій, то они обособлялись въ особую науку, именуемую психологіей.

Этому, конечно, существенно помогало то обстоятельство, что психологія до послѣдняго времени пользовалась совершенно особымъ методомъ,—методомъ самонаблюденія. Но что не въ одномъ только методѣ состоитъ разграниченіе другъ отъ друга научныхъ дисциплинъ, доказываетъ то, что та же фізіологія пользуется для своихъ цѣлей исключительно механическими, физическими и химическими методами, и тѣмъ не менѣе она обосо-

¹⁾ В. Бехтеревъ: „Объективная психологія“, стр. 34.

²⁾ Въ доказательство можно сослаться на то, что ни одно руководство по фізіологіи до сихъ поръ не обходится безъ разсужденій о произвольныхъ движеніяхъ, психическихъ процессахъ и т. п.; притомъ же данныя „фізіологіи органовъ чувствъ“ основаны въ значительной мѣрѣ на субъективномъ методѣ самонаблюденія.

бляется и отъ механики, и отъ физики, и отъ химіи самымъ предметомъ изслѣдованія, а не однимъ только методомъ своимъ. То же самое явленіе наблюдается и въ другихъ научныхъ дисциплинахъ: вездѣ и всюду главнымъ критеріемъ для обособленія одной науки отъ другой служитъ предметъ изслѣдованія.

Если теперь мы скажемъ, что предметомъ «объективной психологіи», какъ и «субъективной психологіи», служитъ психическая или собственно нервно-психическая сфера, то станетъ понятнымъ, почему «объективная психологія» должна быть обособлена отъ фізіологіи и почему она въ названіи своемъ удерживаетъ понятіе психологіи, хотя и съ добавленіемъ «объективной».

Это положеніе уяснится еще болѣе, если мы примемъ во вниманіе, что всѣ происходящія въ насъ психическіе процессы не могутъ быть *de facto* обособляемы отъ нервныхъ процессовъ, происходящихъ въ мозгу. Какого бы воззрѣнія ни держались мы на природу психической сферы, но нынѣ, кромѣ спиритовъ, кажется, уже никто изъ серьезныхъ представителей науки не отрицаетъ самаго факта существованія того или другого (и во всякомъ случаѣ—неразрывнаго) соотношенія между субъективными переживаніями и объективными измѣненіями нервной ткани головного мозга. Иначе говоря, субъективные процессы, нами переживаемые, мы не можемъ мыслить внѣ мозга и не можемъ ихъ допускать безъ тѣхъ или иныхъ объективныхъ измѣненій, происходящихъ въ мозгу.

Пусть эти измѣненія не всегда ближе намъ извѣстны, но они тѣмъ не менѣе должны существовать въ видѣ преемственныхъ измѣненій въ цѣлой цѣпи нервныхъ элементовъ или нейроновъ, начиная съ измѣненій въ воспринимающемъ раздраженія внѣшнемъ органѣ, въ центростремительныхъ его проводникахъ, въ воспринимающихъ центрахъ мозга, въ межцентральныхъ связяхъ и въ рядѣ другихъ центровъ до отводящихъ нервныхъ возбужденія или отвѣтныхъ центровъ включительно, и, наконецъ, въ центробѣжныхъ волокнахъ, достигающихъ периферическихъ аппаратовъ въ видѣ мышцъ и железъ.

Это положеніе, хотя и согласуется вполне съ данными субъективной психологіи, но ничуть не составляетъ прямого изъ нея вывода. Оно скорѣе является необходимымъ постулатомъ изъ данныхъ анатоміи и особенно фізіологіи и патологіи мозговыхъ

полушарій. Если же это положеніе признать непреложнымъ или по крайней мѣрѣ вполне допустимымъ, какъ гипотезу, то, очевидно, является возможнымъ изучать соотношеніе внѣшнихъ проявленій нервно-психической сферы, обнаруживающихся при данныхъ условіяхъ въ связи съ прошлымъ индивидуальнымъ опытомъ, безъ обращенія къ анализу одновременно происходящихъ субъективныхъ переживаній,—тѣмъ болѣе, что послѣднія непосредственно доступны изученію только на себѣ самомъ, а не на другихъ.

Какъ бы то ни было, объективная психологія, не мѣшая ни сколько субъективистамъ ставить свои задачи изслѣдованія, имѣетъ въ виду выяснить тѣ соотношенія, которыя существуютъ между внѣшними нервно-психическими реакціями и возбуждавшими ихъ внѣшними же поводами не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ.

Объективнымъ критеріемъ для отличія собственно нервно-психическихъ процессовъ отъ чисто нервныхъ функцій или обыкновенныхъ рефлексовъ, какъ мы говорили уже выше, служитъ то, что во внѣшней нервно-психической реакціи мы открываемъ всегда вліяніе прошлаго индивидуальнаго опыта, основанное на репродуктивной и сочетательной дѣятельности нервной системы, тогда какъ въ чисто нервныхъ или простыхъ рефлекторныхъ реакціяхъ обнаруживается всегда лишь дѣйствіе прирожденнаго или наслѣдственнаго нервнаго механизма, устанавливающаго вполне опредѣленное, неизмѣнное и притомъ не стоящее ни въ какой зависимости отъ прошлаго индивидуальнаго опыта соотношеніе между внѣшней реакціей и подѣйствовавшимъ на организмъ внѣшнимъ раздраженіемъ. Иначе говоря, въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о такихъ внѣшнихъ реакціяхъ, выполняемыхъ нервной системой, въ которыхъ играютъ роль слѣды отъ бывшихъ ранѣе воздѣйствій или раздраженій, а во второмъ случаѣ мы имѣемъ лишь простую впередъ и навсегда предопредѣленную дѣятельность прирожденнаго или наслѣдственнаго нервнаго механизма.

Г. Щербина почему-то полагаетъ, что, когда рѣчь идетъ о «слѣдахъ», то въ этомъ случаѣ дѣло идетъ собственно о привычкѣ «мыслить процессы въ терминахъ фізіологіи» и о гипотетическихъ предположеніяхъ, а не о «фактахъ, доступныхъ непосредственному наблюденію и провѣркѣ; вѣдь въ самомъ дѣлѣ,—

замѣчаетъ онъ,—никто не можетъ видѣть тѣхъ слѣдовъ, которые отпечатлѣваются при каждомъ отдѣльномъ раздраженіи въ мозгу».

Конечно, если подъ «фактами, доступными непосредственному наблюденію и провѣркѣ», авторъ понимаетъ случаи, когда можно что-нибудь непосредственно видѣть и осязать, то о «слѣдахъ» въ этомъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи, но развѣ достовѣрнымъ въ наукѣ признается только то, что можно «видѣть» или «непосредственно наблюдать»? Вѣдь въ такомъ случаѣ нельзя будетъ говорить и о многомъ другомъ, хотя бы даже о простомъ ощущеніи, о которомъ такъ много трактуетъ субъективная психологія и которое недоступно непосредственному самонаблюденію, такъ какъ мы распознаемъ въ себѣ лишь представленія, основанныя на ощущеніяхъ, а не сами ощущенія.

Во всякомъ случаѣ, если мы говоримъ о «слѣдахъ» въ объективной психологіи, то понимаемъ подъ ними, вопреки мнѣнію г. Щербины, нѣчто доступное строго-объективной научной провѣркѣ. Для этого ненужно, конечно, «видѣть тѣ слѣды, которые отпечатлѣваются при каждомъ отдѣльномъ раздраженіи въ мозгу». Достаточно имѣть въ виду лишь точно доказанные научные факты, а таковые несомнѣнно въ данномъ случаѣ имѣются. Между прочимъ, убѣдительное объективное доказательство существованія объективныхъ слѣдовъ въ нервно-психической сферѣ можно почерпнуть изъ опытовъ съ воспроизведеніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Такъ, производившіеся у насъ опыты г-жи Штакельбергъ показали, что если изъ ряда воспроизведенныхъ и невозпроизводимыхъ непосредственно зрительныхъ впечатлѣній брать затѣмъ для воспроизведенія половину новыхъ впечатлѣній и половину прежнихъ изъ числа невозпроизводимыхъ непосредственно, то результаты въ отношеніи дальнѣйшаго воспроизведенія оказываются безусловно болѣе благопріятными для тѣхъ впечатлѣній, которыя давались раньше, но совершенно не воспроизводились непосредственно ¹⁾. Изслѣдуя затѣмъ репродуктивно-сочетательную дѣятельность въ сферѣ личныхъ дви-

¹⁾ Здѣсь можно видѣть между прочимъ доказательство того, что методъ объективнаго изученія въ смыслѣ сохраненія „слѣдовъ“ въ нервно-психической сферѣ даетъ больше, нежели методъ самонаблюденія, какъ чисто субъективный.

женій по методу, выработанному въ нашей лабораторіи ¹⁾, мы убѣждаемся, что можно получить репродуктивную отвѣтную реакцію въ движеніяхъ въ теченіе нѣкотораго времени даже и послѣ того, какъ рядъ раздраженій (напр. звуковыхъ или свѣтовыхъ), на который должна производиться отвѣтная двигательная реакція, уже прекратился (опыты ж. в. Нерненъ и Добро-творской) ²⁾. При этомъ сохраняется и прежній темпъ этихъ отвѣтныхъ движеній, обнаруживающихся послѣ прекращенія соотвѣтствующихъ раздраженій. Врядъ ли можно объяснить себѣ эти факты иначе какъ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ оживляется съ прежнимъ темпомъ слѣдъ, оставшійся отъ бывшаго ранѣе возбужденія центровъ и дающій при оживленіи импульсъ къ возобновленію втеченіе нѣкотораго времени прежней двигательной реакціи.

Такимъ образомъ здѣсь въ существованіи слѣдовъ, оставляемыхъ въ нервныхъ центрахъ внѣшними впечатлѣніями можно убѣдиться строго объективнымъ путемъ, не обращаясь къ субъективнымъ показаніямъ, которыя, кстати сказать, въ этомъ случаѣ ничего и не даютъ.

Далѣе при работахъ съ т. наз. сочетательными рефлексами мы имѣемъ слѣдующій фактъ: если мы возьмемъ раздраженіе, вызывающее обыкновенный двигательный рефлексъ, напр., электрическій токъ въ примѣненіи на подошву человѣка, вызывающій рефлекторный актъ въ видѣ отдергиванія ноги, и будемъ его сочетать, т. - е. давать его одновременно нѣсколько разъ съ такимъ индифферентнымъ для даннаго случая впечатлѣніемъ, какъ, напр., свѣтъ электрической лампочки накаливанія или звукъ обыкновеннаго электрическаго звонка, то уже вскорѣ мы получимъ то же отдергиваніе ноги на свѣтъ или на звукъ безъ примѣненія электрическаго раздраженія. Явленіе это, объективно доказуемое и регистрируемое пишущими приборами, безъ сомнѣнія можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія сочетанія «слѣда» отъ электрическаго раздраженія съ впечатлѣніемъ отъ свѣта или звука. Эти опыты удаются даже и въ томъ случаѣ, если сочетаніе обоихъ раздражителей будетъ производиться не

¹⁾ В. Бехтеревъ. „О репродуктивной и сочетательной дѣятельности въ сферѣ движеній“. „Обозр. Психіатр.“, 1908 г.

²⁾ См. В. Бехтеревъ. О репродуктивной и сочетательной реакціи въ движеніяхъ. „Обозр. психіатріи“ 1908.

одновременно, а, напрімѣръ, свѣтовое или звуковое раздраженіе будетъ раздѣлено отъ электрическаго раздраженія извѣстнымъ промежуткомъ времени, въ чемъ мы имѣемъ также безспорное и строго объективное доказательство существованія слѣдовъ, оставаемыхъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ въ нервно-психической сферѣ.

Само собою разумѣется, что подъ «слѣдами» мы понимаемъ не какія-либо грубо-анатомическіе отпечатки, а лишь молекулярныя измѣненія нервной ткани мозговыхъ центровъ, остающіяся послѣ временнаго ихъ возбужденія и облегчающія съ теченіемъ времени развитіе прежняго процесса возбужденія.

Кстати замѣтимъ, что гипотеза «физиологическихъ слѣдовъ» въ объясненіи памяти допускается и психологами-субъективистами, о чемъ почему-то г. Щербина не упоминаетъ въ своей замѣткѣ.

Теперь мы можемъ сказать по второму и послѣднему изъ положеній автора, которое онъ ставитъ въ резюме своей статьи. Это второе его положеніе гласитъ такъ:

2) «Вопреки основному требованію—тоже оставить безъ вниманія самонаблюденіе, какъ методъ, не обладающій полной объективностью, г. Бехтеревъ, о чемъ мы уже упоминали выше, все-таки не находитъ возможнымъ отказаться отъ употребленія такихъ понятій, какъ психическій, психика, сознательный, безпокойство, пріятное извѣстіе, голодъ и т. п., которыя пріобрѣтаютъ опредѣленный смыслъ лишь благодаря непосредственному знакомству съ собственными переживаніями». (Не выписываю дальше этого положенія, такъ какъ въ остальномъ дѣло идетъ главнымъ образомъ о развитіи той же самой мысли; о томъ же, что заслуживаетъ особаго вниманія, будетъ сказано мною особо.)

Это второе положеніе автора также основано на явномъ недоразумѣніи. Прежде всего въ своихъ работахъ объ объективной психологіи я рѣшительно устраниаю такіе термины, какъ «сознательный» «сознаніе». «Пріятное извѣстіе» въ цитированной авторомъ статьѣ фигурируетъ лишь, тамъ, гдѣ я пользуюсь примѣромъ въ видѣ поясненія своей мысли, а вовсе не въ основоположеніяхъ объективной психологіи.

Если рѣчь идетъ въ другомъ мѣстѣ о безпокойствѣ, то г. Щербина, вѣроятно, упускаетъ изъ вида, что есть не только психическое, но и «физическое» безпокойство, которое не имѣетъ ничего общаго съ безпокойствомъ въ сферѣ субъективныхъ пе-

реживаній. Напротивъ того, можно признать, что именно терминъ безпокойство перенесенъ въ субъективную психологію изъ міра физическаго. Равнымъ образомъ и голодъ—терминъ вполнѣ объективный и чисто фізіологическій. Поэтому нѣтъ никакого основанія устранять эти термины изъ объективной психологіи.

Что послѣдняя должна устранить изъ своего обихода спеціальныя термины субъективной психологіи, но, конечно, не тѣ, которые введены въ послѣднюю изъ физическихъ наукъ,—объ этомъ я опредѣленно говорю и въ томъ трудѣ, который подвергся критикѣ г. Щербины: «Имѣя своей прямою цѣлью изучать соотношеніе между внѣшними раздраженіями и объективными проявленіями нервно-психической дѣятельности,—говорю я,—объективная психологія должна выбросить изъ своего обихода и всѣ метафизическіе термины, усвоенные субъективной психологіей,—какъ воля, разумъ, желаніе, влеченіе, чувство, память и т. п.» ¹⁾.

О томъ же предметѣ я говорю и въ другихъ своихъ работахъ, относящихся къ области объективной психологіи. Такъ, въ работѣ «Объективное изслѣдованіе душевно-больныхъ» ²⁾ я высказываюсь не менѣе опредѣленно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Въ учебникахъ психологіи и психіатріи говорятъ обыкновенно о сознаніи, о волѣ, о вниманіи и т. п., не подозрѣвая, что эти термины на самомъ дѣлѣ и мало опредѣленны и опираются исключительно на самонаблюденіе. Держась объективной точки зрѣнія при изслѣдованіи нервно-психической сферы душевнобольныхъ, слѣдовало бы говорить о положительномъ или отрицательномъ общемъ тонѣ или настроеніи—вмѣсто веселаго или грустнаго расположенія духа, о процессахъ впечатлѣнія—вмѣсто процессовъ воспріятія, о закрѣпленіи или фиксированіи слѣдовъ и ихъ оживленіи—вмѣсто запоминанія или воспоминанія, о смѣнѣ и сочетаніи слѣдовъ другъ съ другомъ—вмѣсто теченія и ассоціаціи идей, о раздвоеніи личности—вмѣсто раздвоенія сознанія, о внѣшнихъ реакціяхъ психо-рефлекторнаго (мимика, жесты и пр.), психо-органическаго (отношеніе къ пищѣ, половыя проявленія и пр.), психо-автоматическаго (походка и

¹⁾ В. Бехтеревъ. „Объективная психологія“. Вып. I. 1907 г. Стр. 30.

²⁾ В. Бехтеревъ. «Обозрѣніе Психіатріи» 1907 г.

локомоція вообщє, рядъ сложныхъ привычныхъ движеній, игра на инструментахъ, шитьє и пр.), психо-индивидуальнаго (поступки и дѣйствія) и символическаго характера (рѣчь, письмо и пр.)».

Въ томъ же положеніи г. Щербина отмѣчаетъ, что объективная психологія стремится познать не только языкъ, нравы, обычаи и законы народовъ, но также науку, религію, философію, поэзію и изящныя искусства. По автору, всѣ эти вещи «могутъ сдѣлаться предметомъ изученія лишь для того, кто способенъ воспроизвести ихъ въ своемъ сознаніи (*sic!*) и затѣмъ изслѣдовать ихъ при помощи самонаблюденія». Для меня непосильно уяснить себѣ, какъ можно воспроизвести въ своемъ сознаніи языкъ, нравы, обычаи, законы, науку, религію, философію, поэзію и изящныя искусства цѣлыхъ народовъ и особенно какъ ихъ строго-научно изслѣдовать при помощи самонаблюденія.

Стоя на двухъ противоположныхъ точкахъ зрѣнія, мы, какъ мнѣ кажется, въ этомъ именно пунктѣ врядъ ли можемъ сойтись другъ съ другомъ,—если г. Щербина полагаетъ, что всѣ вышеуказанныя явленія подлежатъ *только* субъективному изученію, благодаря воспроизведенію ихъ въ своемъ сознаніи и «при помощи самонаблюденія» Если субъективныя проявленія нервно-психической сферы отдѣльнаго лица можно еще, руководясь аналогіей, воспроизводить въ себѣ самомъ (дурно ли, хорошо ли—это другой вопросъ), то никакъ нельзя представить себѣ, какъ можно съ такой же субъективной точки зрѣнія,—признавая мнимую аналогію съ самимъ собою, при помощи воспроизведенія въ своемъ сознаніи, строго-научно изучать проявленія собирательной психики цѣлаго народа, его языка, нравовъ, обычаевъ, быта отдѣльныхъ племенъ, законовъ, общественнаго устройства, индустріи и науки, ихъ философіи, религіи, ихъ поэзии и изящныхъ искусствъ ¹⁾, Я держусь того мнѣнія, (которое было высказано мною и въ другой работѣ ²⁾), что общественная психологія и психологія народовъ болѣе, чѣмъ какая-либо другая

1) Во избѣжаніе излишнихъ недоразумѣній, считаю нужнымъ оговориться, что, обходя здѣсь молчаніемъ сложный *вопросъ о солипсизмѣ*, я напередъ заявляю отводъ противъ всякихъ преній по этому предмету, какъ не имѣющему прямого отношенія къ содержанію настоящей статьи.

2) В. Бехтеревъ. «Объективное изслѣдованіе нервно-психической дѣятельности». Рѣчь на сѣздѣ въ Амстердамѣ 4-го сентября 1907 г. См. Труды названнаго сѣзда и „Обозрѣніе Психіатріи“, за 1907 г.

психологія, должны пользоваться методомъ объективной психологіи, такъ какъ всѣ эти проявленія дѣятельности народныхъ массъ изучаются и должны изучаться не съ точки зрѣнія субъективныхъ народныхъ переживаній, о чемъ вообще трудно и судить, а въ соотношеніи съ тѣми вліяніями въ настоящемъ и прошломъ, которыя послужили для нихъ внѣшними условіями.

Послѣ всего сказаннаго не приходится вовсе останавливаться на заключительномъ утвержденіи автора, будто бы «для объективной психологіи возникаетъ трудная дилемма: либо, пользуясь методами, заимствованными у физики и фізіолоіи, и сохраняя полную научную *объективность*, она должна оставить *совершенно въ сторонѣ психическіе процессы*, — либо, признавая *дѣйствительность этихъ послѣднихъ*, но заранѣе отвергнувъ самонаблюденіе, она не находитъ *метода для изученія этихъ фактовъ*» (курсивъ автора).

Вышеуказанная дилемма существуетъ лишь въ воображеніи г. Щербины, который никакъ не хочетъ отрѣшиться отъ пониманія психическихъ процессовъ, какъ исключительно лишь субъективныхъ процессовъ. Авторъ видитъ поэтому внутреннее противорѣчіе въ попыткѣ создать науку о фактахъ, «доступныхъ», по его мнѣнію, будто бы «непосредственно только самонаблюденію», отвергая въ то же время пользованіе самонаблюденіемъ. Я же вижу внутреннее противорѣчіе въ томъ, что субъективная психологія, имѣя дѣло съ фактами, «доступными непосредственно только самонаблюденію» и пользуясь лишь «методомъ самонаблюденія», простираетъ право изслѣдованія не только на свое «я», что вполне законно, но и на чужое «я», что уже безъ особыхъ основаній предполагаетъ полную аналогію или даже тождественность чужого «я» съ своимъ «я» (а какъ велика эта тождественность, показываетъ намъ пышное развитіе за послѣднее время такъ наз. индивидуальной психологіи) и даже простираетъ право изслѣдованія съ тѣмъ же методомъ самонаблюденія,—предполагая, опять-таки, пресловутую аналогію,—на психику народовъ, на психику душевнобольныхъ до идіотовъ включительно, на ребенка и, наконецъ, на животныхъ, не исключая даже и такихъ, какъ насѣкомыя ¹⁾).

1) Даже великій Ч. Дарвинъ, создатель чисто механическаго ученія о происхожденіи видовъ, въ своей работѣ о выраженіи эмоцій, очевидно, подѣ

«Нѣтъ!—скажемъ мы субъективистамъ-психологамъ въ этомъ случаѣ: — Довольно уже и безъ тогоросло за періодъ цѣлаго ряда вѣковъ тяжелыхъ заблужденій на почвѣ приложенія субъективной мѣрки (основанной на самонаблюденіи) къ разнымъ проявленіямъ общественной и личной жизни человѣка ¹⁾. Довольно испытаній и притомъ испытаній самыхъ тяжелыхъ и позорныхъ для своей исторіи пережило человѣчество отъ одного только понятія объ «абсолютно-свободной волѣ» человѣка, основаннаго на неограниченномъ субъективизмѣ въ психологіи. Настало время дать мѣсто и строго-объективному изученію нервно-психической дѣятельности человѣка, которое имѣетъ своею прямою цѣлью изслѣдованіе соотношеній между внѣшними раздраженіями и внѣшними же нервно-психическими реакціями,—соотношеній, основанныхъ на прошломъ опытѣ.

В. Бехтеревъ.

вліяніемъ господствующихъ взглядовъ, не воздержался мѣстами отъ чисто «субъективныхъ» объясненій рассматриваемыхъ явленій въ животномъ царствѣ, которыя однако вполне могутъ быть истолкованы съ чисто объективной стороны, какъ я доказываю въ своей рѣчи въ память Ч. Дарвина въ торжественномъ засѣданіи совѣта Психо-Неврологическаго Института въ апрѣлѣ 1909 г. («Біологическое развитіе мимики съ точки зрѣнія объективной психологіи»).

¹⁾ См. Бехтеревъ. „Объективно-психологическій методъ въ примѣненіи къ изученію преступленія“. Докладъ, сдѣланный при открытіи Криминалогическаго Института въ С. П.—гѣ. «Вѣстникъ Европы», за 1909 г.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ ПРОДАЮТСЯ:

Проф. А. И. Введенскій. Философскіе очерки. *Вып. I.* О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Цѣна 1 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. 4-е изд. Цѣна 2 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. 2-е изд., вновь редактированное проф. А. И. Введенскимъ по 4-му нѣмецк. 2 тома. Цѣна 4 руб.

Т Р У Д Ы

С.-Петербургскаго Философскаго Общества:

Выпускъ I. Декартъ. Метафизическія размышленія. Перев. подъ редакціей и со статьей проф. А. И. Введенскаго. Декартъ и рационализмъ. Цѣна 1 р.

Выпускъ II и III. Малевбраншъ. Исканіе истины. Перев. подъ ред. и со статьей Э. Л. Радлова. Цѣна 5 руб.

Выпускъ IV. Беркли. Трактатъ о началахъ чело-вѣческаго знанія. Перев. подъ ред. и со статьей Н. Г. Дебольскаго. Цѣна 40 коп.

Выпускъ V. Аристотель. Этика. Перев. и вступительная статья Э. Л. Радлова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Вышла изъ печати новая книга:

Памяти Л. И. Поливанова.

(Къ 10-лѣтію его кончины).

Изданіе Общества бывшихъ воспитанниковъ гимназій
Л. И. Поливанова.

Портретъ. Біографическій очеркъ.—Влад. Соловьевъ: Некрологъ Л. И. Поливанова.—Л. Лопатинъ: Личность и взгляды Л. И. Поливанова.—Л. Бѣльскій: Л. И. Поливановъ какъ педагогъ.—В. Гіацинтовъ: Къ характеристикѣ Льва Ивановича.—А. Венкстернъ: Л. И. Поливановъ и Шекспировскій кружокъ.—А. Сливицкій: Л. И. Поливановъ по личнымъ моимъ воспоминаніямъ и по его письмамъ.—Изъ бумагъ Л. И. Поливанова: Философскія размышленія. Письмо къ начинающей романисткѣ. — Приложение: Положеніе о преміи имени Л. И. Поливанова.

Особенный интересъ представляетъ матеріалъ, принадлежащій перу Л. И. Поливанова: двѣ вышеупомянутыя статьи его изъ неизданныхъ бумагъ и вошедшіе въ „Воспоминанія“ А. Сливицкаго многочисленные отрывки изъ писемъ Л. И. Поливанова (отъ поры гимназической до послѣднихъ лѣтъ его жизни).

Предназначая сборникъ главнымъ образомъ для тѣхъ, кто лично зналъ и цѣнилъ Л. И. Поливанова, и прежде всего для его многочисленныхъ учениковъ, составители сборника надѣются, что оригинальная личность Л. И. Поливанова и его дѣятельность на поприщѣ науки, литературы и общественно-педагогическомъ привлечутъ къ себѣ и общій интересъ, за предѣлами круга людей, его знавшихъ.

Цѣна 1 р. 75 к.

Доходъ отъ изданія поступаетъ въ Общество бывшихъ воспитанниковъ гимназій Л. И. Поливанова.

Складъ изданія при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. (Москва, Пименовская ул., с. д.) — Телефонъ № 5—26, 66—13.

НОВАЯ КНИГА: ПУТИ КЪ ИСТИНѢ

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРКЪ

соч. П. Е. СТОЯНА.

До сихъ поръ въ русской популярно-философской литературѣ ни разу не затрагивался вопросъ о социальномъ характерѣ истины, объ общихъ условіяхъ ея нахожденія и о способахъ выработки міросозерцанія. Предлагаемая вниманію читателей книга г. Стояна является первою попыткой такого рода. Широкий вопросъ о „путяхъ къ истинѣ“ въ ней впервые обсуждается по методу научнаго сопоставленія голыхъ фактовъ, безъ замалчиванія или обхожденія щекотливыхъ вопросовъ.

Содерж. Что такое истина и какъ ее ищутъ. Наука и философія. Ложныя идеи и предразсудки. Ораторы и профессора. Книжное дѣло и библіотеки. Какъ искать истину. Ломка взглядовъ. Новая область познанія. Душа и міръ. Реформы. Эсперанто.

Цѣна 1 р. 25 к.

Того же автора брошюра „Безсмертіе души“ (съ научной точки зрѣнія). Цѣна 15 коп.

Продаются въ главныхъ магазинахъ.

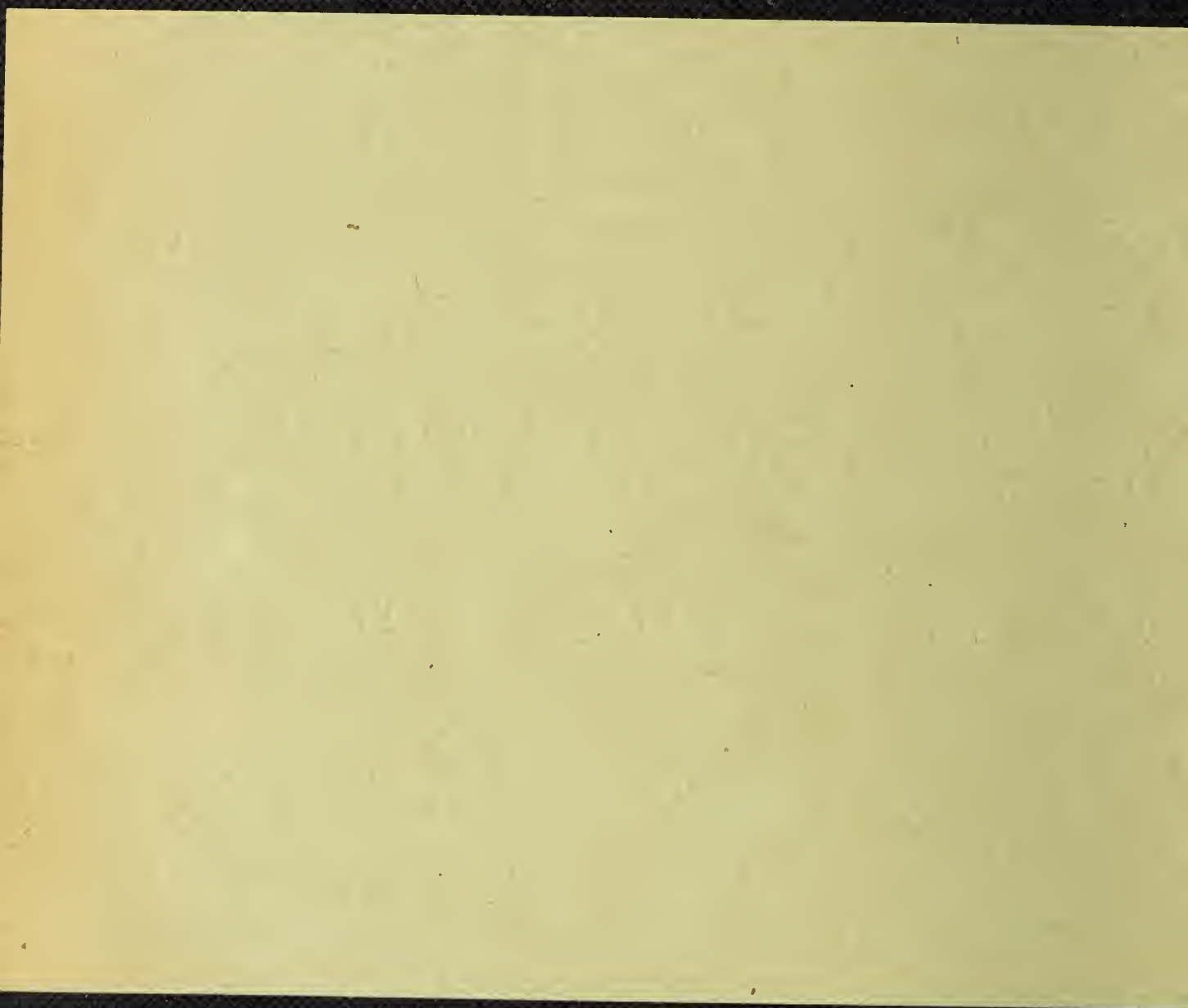
Выписывающіе изъ склада изданія пользуются безпл. пересылкой. Налож. платежъ на 10 коп. дороже. Деньги можно прислать почт. марками (новаго образца). Съ требованіями обращ. въ г. Трубчевскъ (Орлов.) В. Я. Макушкину. (Складъ изданія.)

Профессоръ М. С. Корелинъ.

ОЧЕРКИ
ИТАЛЬЯНСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Издание 2-е. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала
„Вопросы Философіи и Психологіи“. (Москва,
Б. Чернышевскій, д. 9, кв. 5).

474 416
ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XX.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга V (100).

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ.—1909 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. домъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Русская идея. (Переводъ съ французскаго Г. А. Рачинскаго.) Вл. С. Соловьева.	323
Соціальный организмъ. В. М. Хвостова.	357
Соціальное міровоззрѣніе Джона Рескина. С. Н. Булгакова	395
Ученіе Шопенгауэра о правѣ и государствѣ. С. О. Грузенберга.	705
Теорія способностей въ современной психологіи. А. Лазурскаго.	722
Вильгельмъ Шуппэ и идея универсальной имманентности. Г. Ланца	757
Критика и библіографія.	
I. Библіографическій листокъ.	800
Московское Психологическое Общество.	
(Отчеты о засѣданіяхъ).	
Полемика.	
Къ вопросу о съѣздѣ по педагогической психологіи и комментаріяхъ Г. И. Челпанова. А. П. Нечаева	805
«Нужны ли психологическія лабораторіи для самостоятельныхъ изслѣдованій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ?» (Отвѣтъ А. П. Нечаеву.) Г. И. Челпанова .	811
Матеріалы для журнальной статистики.	815
Указатель статей, рецензій и замѣтокъ, напечатанныхъ въ журналѣ «Вопросы Философіи и Психологіи» за двадцатилѣтіе 1889—1909 г.	
Объявленія.	

Русская идея¹⁾.

Переводъ съ французскаго. Г. А. Рачинскаго.

Цѣль этихъ страницъ не въ томъ, чтобы сообщить какія-либо подробности о современномъ положеніи Россіи, исходя изъ того предположенія, что она является страной неизвѣстной Западу, страной, о которой на Западѣ имѣютъ ложныя представленія.

Не говоря уже о многочисленныхъ переводахъ, которые сроднили Европу съ образцовыми произведеніями нашей литературы, мы видимъ теперь, въ особенности во Франціи, выдающихся писателей, поставившихъ себѣ цѣлью ознакомленіе европейской публики съ Россіей и выполняющихъ это дѣло много лучше, чѣмъ это быть можетъ удалось бы русскому. Приведу только два французскихъ имени: Анатоль Леруа-Болье далъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи „Имперія царей“ весьма правдивое, весьма полное и прекрасно составленное изложеніе нашего политическаго, общественнаго и религіознаго положенія, а виконтъ де-Вогюэ въ цѣломъ рядѣ блестящихъ работъ, по-

¹⁾ Настоящая статья представляетъ переводъ доклада, прочитаннаго Владиміромъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ въ 1888 году въ Парижѣ на французскомъ языкѣ кружку лицъ, интересовавшихся затронутыми въ немъ вопросами. Въ томъ же году „Русская идея“ была отпечатана отдѣльной брошюрой и выпущена въ свѣтъ парижскимъ книгоиздательствомъ „Librairie académique Didier—Perrin et Co“. По содержанію своему статья стоитъ въ тѣсной связи съ вышедшей въ концѣ того же 1888 года книгой Соловьева „La Russie et l'Église universelle“, представляющей краткое изложеніе ненаписанныхъ авторомъ второй и третьей частей „Исторіи и будущности теократіи“. Статья появляется въ первый разъ на русскомъ языкѣ.

Переводчикъ.

священныхъ русской литературѣ, отнесся къ своему предмету не только, какъ знатокъ его, но и какъ энтузіастъ.

Благодаря этимъ писателямъ и еще многимъ другимъ, просвѣщенная часть европейской публики должна быть достаточно ознакомлена съ Россіей во всемъ, что касается многообразныхъ сторонъ ея реального существованія. Но это знакомство съ русскими дѣлами оставляетъ всегда открытымъ вопросъ другого порядка, весьма затемненный могущественными предразсудками, вопросъ, который и въ самой Россіи въ большинствѣ случаевъ получалъ лишь нелѣпые разрѣшенія. Безполезный въ глазахъ нѣкоторыхъ, слишкомъ смѣлый по мнѣнію другихъ, этотъ вопросъ, въ дѣйствительности является самымъ важнымъ изъ всѣхъ для русскаго, да и внѣ Россіи онъ не можетъ показаться лишеннымъ интереса для всякаго серьезно мыслящаго человѣка. Я имѣю въ виду вопросъ о *смыслѣ существованія Россіи* во всемирной исторіи.

Когда видишь, какъ эта огромная имперія съ бѣльшимъ или меньшимъ блескомъ въ теченіи двухъ вѣковъ выступала на міровой сценѣ, когда видишь, какъ она по многимъ второстепеннымъ вопросамъ приняла европейскую цивилизацію, упорно отбрасывая ее по другимъ болѣе важнымъ, сохраняя такимъ образомъ оригинальность, которая, хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тѣмъ не менѣе своеобразнаго величія,—когда видишь этотъ великій историческій фактъ, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую онъ скрываетъ за собою или открываетъ намъ; каковъ *идеальный* принципъ, одушевляющій это огромное тѣло. какое новое слово этотъ новый народъ скажетъ человѣчеству; что желаетъ онъ *сдѣлать* въ исторіи міра? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ мы не обратимся къ общественному мнѣнію сегодняшняго дня, что поставило бы насъ въ опасность быть разочарованными событіями послѣдующаго дня. Мы поищемъ отвѣта въ вѣчныхъ истинахъ религіи. Ибо *идея націи есть не то, что она сама думаетъ о себѣ во времени, но то, что Богъ думаетъ о ней въ вѣчности.*

I.

Разъ мы признаемъ существенное и реальное единство человѣческаго рода,—а признать его приходится, ибо это есть религіозная истина, оправданная раціональной философией и подтвержденная точной наукой,—разъ мы признаемъ это субстанціональное единство, мы должны разсматривать человѣчество въ его цѣломъ, какъ великое собирательное существо или соціальный организмъ, живые члены котораго представляютъ различныя націи. Съ этой точки зрѣнія очевидно, что ни одинъ народъ не можетъ жить въ себѣ, чрезъ себя и для себя, но жизнь каждаго народа представляетъ лишь опредѣленное участіе въ общей жизни человѣчества. Органическая функція, которая возложена на ту или другую націю въ этой вселенской жизни,—вотъ ея истинная національная идея, предвѣчно установленная въ планѣ Бога.

Но если человѣчество и дѣйствительно представляетъ нѣкоторый большой организмъ, то не слѣдуетъ забывать однако, что мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣла съ организмомъ чисто физическимъ, и слѣдуетъ помнить, что члены и элементы, изъ коихъ онъ состоитъ—націи и индивиды—суть существа моральныя. А коренное условіе моральнаго существа лежитъ въ томъ, что особая функція, которую оно призвано выполнять во вселенской жизни, идея, которою опредѣляется его существованіе въ мысли Бога, никогда не выступаетъ въ качествѣ матеріальной необходимости, но только въ формѣ моральнаго обязательства. Мысль Бога, являющаяся безусловнымъ рокомъ для вещей, для существа моральнаго только долгъ. Но хотя и очевидно, что долгъ можетъ быть выполненъ или не выполненъ, можетъ быть выполненъ хорошо или дурно, можетъ быть принятъ или отвергнутъ, невозможно съ другой стороны допустить, чтобы эта свобода могла измѣнить провиденціальныя планы или лишить моральный законъ его дѣйственности. Моральное воздѣйствіе Бога не можетъ быть

менѣе могущественнымъ, чѣмъ его физическое воздѣйствіе. Поэтому слѣдуетъ признать, что въ мірѣ моральномъ есть также роковая необходимость, но роковая необходимость косвенная и обусловленная. Призваніе или та особая идея, которую мысль Бога полагаетъ для cadaго моральнаго существа—индивида или націи—и которая открывается сознанию этого существа, какъ его верховный долгъ, — эта идея дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ какъ реальная мощь, она опредѣляетъ во всѣхъ случаяхъ бытіе моральнаго существа, но дѣлаетъ она это двумя противоположными способами: она проявляется, какъ законъ жизни, когда долгъ выполненъ, и какъ законъ смерти, когда это не имѣло мѣста. Моральное существо никогда не можетъ освободиться отъ власти божественной идеи, являющейся смысломъ его бытія, но отъ него самого зависитъ носить ее въ сердцѣ своемъ и въ судьбахъ своихъ, какъ благословеніе или какъ проклятіе.

Только что сказанное мною есть общее мѣсто или должно было бы быть таковымъ для всякаго—я не скажу христіанина—но хотя бы монотеиста. И дѣйствительно противъ этихъ мыслей не находятъ никакихъ возраженій, когда онѣ предлагаются въ общихъ формахъ; протестъ обычно бываетъ направленъ противъ примѣненія ихъ къ національному вопросу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ общее мѣсто внезапно превращается въ мистическую мечту, и аксіома становится субъективной фантазіей. „Кому была когда-либо открыта мысль Бога о какой-либо націи, кто можетъ говорить народу о его долгѣ? Проявлять свою мощь, преслѣдовать свой національный интересъ, вотъ все, что надлежитъ дѣлать народу, и долгъ патріота сводится къ тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей въ этой национальной политикѣ, не навязывая ей своихъ субъективныхъ идей. А для того, чтобы узнать истинные интересы націи и ея дѣйствительную историческую миссію, есть только одно вѣрное средство, это—спросить у самого народа, что онъ объ этомъ думаетъ, призвать на совѣтъ общественное

мнѣніе?“ Однако, есть нѣчто странное въ этомъ, повидимому, столь здоровомъ сужденіи.

Это эмпирическое средство узнать истину рѣшительно непримѣнимо тамъ, гдѣ мнѣніе націи дробится, что имѣетъ мѣсто почти всегда. Какое изъ общественныхъ мнѣній Франціи есть истинное: мнѣніе католиковъ или мнѣніе франъ-масоновъ? И разъ я русскій, какому изъ національныхъ мнѣній долженъ я пожертвовать моими субъективными идеями: мнѣнію официальной и офиціозной Россіи, *Россіи настоящаго*, или тому мнѣнію, которое исповѣдуютъ нѣсколько милліоновъ нашихъ старовѣровъ, этихъ истинныхъ представителей традиціонной Россіи, *Россіи прошлаго*, для которыхъ наша церковь и наше государство въ ихъ настоящемъ видѣ суть царство Антихриста; а то, можетъ быть, не обратиться ли намъ еще и къ нигилистамъ: вѣдь они, быть можетъ, являютъ собой *будущее* Россіи.

II.

Мнѣ не зачѣмъ настаивать на этихъ трудностяхъ, разъ исторія даетъ въ подтвержденіе моего положенія доказательство прямое и общеизвѣстное. Если въ философіи исторіи вообще есть твердо установленныя истины, то таковой слѣдуетъ считать то положеніе, что конечное призваніе еврейскаго народа, истинный смыслъ его существованія существенно связаны съ мессіанской идеей, т.-е. съ идеей христіанской. Однако, не похоже на то, чтобы общественное мнѣніе и національное чувство евреевъ было особенно благорасположено къ христіанству. Я не хочу обращаться съ избитыми упреками къ этому единственному въ своемъ родѣ и таинственному народу, который въ концѣ-концовъ вѣдь есть народъ пророковъ и апостоловъ, народъ Иисуса Христа и Пресвятой Дѣвы. Этотъ народъ еще живъ и по словамъ Новаго Завѣта его ожидаетъ полное возрожденіе и обновленіе: „Весь Израиль спасется“ (Рим., XI, 26). И я считаю нужнымъ сказать, хотя и не могу доказать

здѣсь правоты своего утвержденія ¹⁾):— „ожесточеніе“ евреевъ не есть единственная причина ихъ враждебнаго положенія по отношенію къ христіанству. Въ Россіи въ особенности, гдѣ никогда не дѣлали попытки приложить къ евреямъ начала христіанства, осмѣлимся ли мы потребовать отъ нихъ, чтобы они были болѣе христіанами, чѣмъ мы сами? Я хотѣлъ только напомнить тотъ замѣчательный историческій фактъ, что народъ, предназначенный даровать міру христіанство, выполнилъ эту миссію лишь противъ воли своей, что въ громадномъ большинствѣ своемъ и въ теченіи восемнадцати вѣковъ онъ упорно отметаеъ божественную идею, которую онъ носилъ въ лонѣ своемъ и которая была истиннымъ смысломъ его существованія. Посему не можетъ уже считаться дозволеннымъ теперь говорить, что общественное мнѣніе націи всегда право, и что народъ никогда не можетъ заблуждаться въ своемъ истинномъ призваніи или отвергать его.

Но быть можетъ этотъ приведенный мною историческій фактъ самъ представляетъ лишь религіозный предразсудокъ, и роковая связь, предполагаемая между судьбами израильскаго народа и христіанствомъ—лишь субъективная фантазія? Я могу привести, однако, чрезвычайно простое доказательство, ярко освѣщающее реальный и объективный характеръ приведеннаго нами факта.

Если взять нашу христіанскую Библію, собраніе книгъ, начинающееся книгой Бытія и кончающееся Апокалипсисомъ, и разобрать ее помимо какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій, какъ простой историческій и литературный памятникъ, то мы принуждены будемъ признать, что передъ нами произведеніе законченное и гармоничное: созданіе неба и земли и паденіе человѣчества въ лицѣ перваго Адама—въ началѣ, возстановленіе человѣчества въ лицѣ второго Адама или Христа—въ центрѣ, и въ концѣ—

¹⁾ Я пытался сдѣлать это въ двухъ этюдахъ по еврейскому вопросу, изъ которыхъ одинъ былъ подвергнутъ разбору въ „Revue française“, сентябрь и октябрь 1886.

апокалиптический апофеозъ, созданіе неба новаго и земли новой „въ нихъ же правда живетъ“, откровеніе преображеннаго и прославленнаго міра, Новаго Іерусалима, нисходящаго съ небесъ, скиніи, гдѣ Богъ съ людьми обитаетъ (Апок. XXI). Конецъ произведенія связанъ здѣсь съ началомъ, созданіе міра физическаго и исторія человѣчества объяснены и оправданы откровеніемъ міра духовнаго, представляющаго совершенное единеніе человѣчества съ Богомъ. Дѣло завершено, кругъ замкнулся, и даже съ чисто эстетической точки зрѣнія ощущается удовлетвореніе. Посмотримъ теперь, какъ заканчивается Библія евреевъ. Послѣдняя книга этой Библіи есть „Дибрэ—га—ямимъ“, книга Паралипоменонъ, и вотъ заключеніе послѣдней главы этой книги: „Такъ говоритъ Киръ, царь Персидскій: „Всѣ царства земли далъ мнѣ Ягве, Богъ небесный; и Онъ повелѣлъ мнѣ построить ему домъ въ Іерусалимѣ, что въ Іудеѣ. Кто есть изъ васъ—изъ всего народа Его? Да будетъ Ягве, Богъ его, съ нимъ и пусть онъ туда идетъ!“ Между этимъ заключеніемъ и заключеніемъ христіанской Библіи, между словами Христа во славу Его: „Я Альфа и Омега, начало и конецъ; я даю жаждущему отъ источника воды живой даромъ; побѣдившій унаслѣдуетъ все, и Я буду его Богомъ и онъ будетъ Мнѣ сыномъ“, между этими словами и словами царя персидскаго, между этимъ домомъ, который надлежитъ воздвигнуть во Іерусалимѣ іудейскомъ, и жилищемъ Бога и съ нимъ людей въ новомъ Іерусалимѣ, сходящемъ съ небесъ, контрастъ воистину поразительный. Съ точки зрѣнія евреевъ, отвергающихъ великую универсальную развязку своей національной исторіи, открытую въ Новомъ завѣтѣ, пришлось бы признать, что сотвореніе неба и земли, призваніе, возложенное на патріарховъ, миссія Моисея, чудеса Исхода, откровеніе на Синаѣ, подвиги и гимны Давида, мудрость Саломона, вдохновеніе пророковъ—что всѣ эти чудеса и вся эта святая слава привели въ концѣ-концовъ лишь къ манифесту языческаго царя, повелѣвающаго горсткѣ евреевъ выстроить второй Іеруса-

лимскій храмъ, тотъ храмъ, бѣдность котораго по сравненію съ великолѣпіемъ перваго вызвала слезы у старцевъ Іудеи, и который впослѣдствіи былъ расширенъ и украшенъ Идумейцемъ Иродомъ лишь для того, чтобы быть окончательно разрушеннымъ солдатами Тита. Итакъ, не субъективный предразсудокъ христіанина, а памятникъ національной мысли самихъ евреевъ ясно доказываетъ, что внѣ христіанства историческое дѣло Израиля потерпѣло крушеніе, и что слѣдовательно народъ можетъ при случаѣ не понять своего призванія.

III.

Я не отклонился отъ своего предмета, говоря о Библии евреевъ. Ибо въ этой прерванной Библии въ этомъ контрастѣ величественнаго начала и жалкаго конца есть нѣчто, напоминающее мнѣ судьбы Россіи, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія исключительно націоналистической, господствующей у насъ въ данное время и соединяющей въ молчаливомъ согласіи Каиафъ и Иродовъ нашей бюрократіи съ зилотами воинствующаго панславизма.

Дѣйствительно, когда я думаю о пророческихъ лучахъ великаго будущаго, озарявшихъ первые шаги нашей исторіи, когда я вспоминаю о благородномъ и мудрому актѣ національнаго самоотреченія, создавшемъ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ русское государство въ дни, когда наши предки, видя недостаточность туземныхъ элементовъ для организаціи общественнаго порядка, по своей доброй волѣ и по зрѣлому размышленіи призвали къ власти скандинавскихъ князей, сказавъ имъ достопамятныя слова: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, приходите княжить и владѣть нами“. А послѣ столь оригинальнаго установленія матеріальнаго порядка не менѣе замѣчательное водвореніе христіанства и великолѣпный образъ Св. Владиміра, усерднаго и фанатическаго поклонника идоловъ, который, почувствовавъ неудовлетворительность язычества и испытывая внутреннюю потребность въ истинной рели-

гій, долго размышлялъ и совѣщался, прежде чѣмъ принять эту послѣднюю, но, ставъ христіаниномъ, пожелалъ быть имъ на самомъ дѣлѣ и не только отдался дѣламъ милосердія, ухаживая за больными и бѣдными, но проявилъ большее проникновеніе евангельскимъ духомъ, чѣмъ крестившіе его греческіе епископы; ибо этимъ епископамъ удалось только путемъ утонченныхъ аргументовъ убѣдить этого, нѣкогда столь кровожаднаго, князя въ необходимости примѣнять смертную казнь къ разбойникамъ и убійцамъ: „Боюсь грѣха“, говорилъ онъ своимъ духовнымъ отцамъ. И затѣмъ, когда за этимъ „краснымъ солнышкомъ,“ — такъ народная поэзія прозвала нашего перваго христіанскаго князя, — когда за этимъ краснымъ солнышкомъ, озарявшимъ начало нашей исторіи, послѣдовали вѣка мрака и смутъ, когда послѣ долгаго ряда бѣдствій, оттѣсненный въ холодные лѣса сѣверовостока, притупленный рабствомъ и необходимостью тяжелаго труда на неблагодарной почвѣ, отрѣзанный отъ цивилизованнаго міра, едва доступный даже для пословъ главы христіанства ¹⁾, русскій народъ опустился до грубаго варварства, подчеркнутаго глупой и невѣжественной національной гордостью, когда, забывъ истинное христіанство Св. Владиміра, московское благочестіе стало упорствовать въ нелѣпыхъ спорахъ объ обрядовыхъ мелочахъ, и когда тысячи людей посылались на костры за излишнюю привязанность къ типографскимъ ошибкамъ въ старыхъ церковныхъ книгахъ, — внезапно въ этомъ хаосѣ варварства и бѣдствій подымается колоссальный и единственный въ своемъ родѣ образъ Петра Великаго. Отбросивъ слѣпой націонализмъ Москвы, проникнутый просвѣщеннымъ патріотизмомъ, видящимъ истинныя потребности своего народа, онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы внести, хотя бы насильственно, въ Россію ту цивилизацію, которую она презирала, но которая была ей необходима; онъ не только призываетъ эту чу-

¹⁾ Смотри интересный этюдъ отца Пирлинга, Римъ и Москва, 1547—1579.

жду ю цивилизацію, какъ могучій покровитель, но самъ идетъ къ ней, какъ смиренный служитель и прилежный ученикъ; и несмотря на крупные недочеты въ его характерѣ, какъ частнаго лица, онъ до конца являетъ достойный удивленія примѣръ преданности долгу и гражданской доблести. И вотъ, вспоминая все это, говоришь себѣ: сколь велико и прекрасно должно быть въ своемъ конечномъ осуществленіи національное дѣло, имѣвшее такихъ предшественниковъ, и какъ высоко должна, если она не хочетъ упасть, ставить свою цѣль страна, имѣвшая во времена своего варварства своими представителями Св. Владиміра и Петра Великаго. Но истинное величіе Россіи—мертвая буква для нашихъ лже-патріотовъ, желающихъ навязать русскому народу историческую миссію на свой образецъ и въ предѣлахъ своего пониманія. Нашимъ національнымъ дѣломъ, если ихъ послушать, является нѣчто, чего проще на свѣтѣ не бываетъ, и зависитъ оно отъ одной единственной силы—силы оружія. Добить издыхающую оттоманскую имперію, а затѣмъ разрушить монархію Габсбурговъ, помѣстивъ на мѣстѣ этихъ двухъ державъ кучу маленькихъ независимыхъ національныхъ королевствъ, которыя только и ждутъ этого торжественнаго часа своего окончательнаго освобожденія, чтобы броситься другъ на друга. Дѣйствительно, стоило Россіи страдать и бороться тысячу лѣтъ, становиться христіанской со Св. Владиміромъ и европейской съ Петромъ Великимъ, постоянно занимая при этомъ своеобразное мѣсто между Востокомъ и Западомъ, и все это для того чтобы въ послѣднемъ счетѣ стать орудіемъ „великой идеи“ сербской и „великой идеи“ болгарской!

Но, скажутъ намъ, не въ этомъ дѣло: истинная цѣль нашей національной политики это—Константинополь. Повидимому, грековъ уже перестали принимать въ расчетъ, а вѣдь у нихъ есть тоже своя „великая идея“ панэллинизма. Но самое важное было бы знать, съ чѣмъ, во имя чего можемъ мы вступить въ Константинополь? Что можемъ мы

принести туда, кромѣ языческой идеи абсолютнаго государства, принциповъ цезарепапизма, заимствованныхъ нами у грековъ и уже погубившихъ Византію? Въ исторіи міра есть событія таинственныя, но нѣтъ безсмысленныхъ. Нѣтъ! Не этой Россіи, какой мы ее видимъ теперь, Россіи, измѣнившей лучшимъ своимъ воспоминаніямъ, урокамъ Владиміра и Петра Великаго, Россіи, одержимой слѣпымъ націонализмомъ и необузданнымъ обскурантизмомъ, не ей овладѣть когда-либо вторымъ Римомъ и положить конецъ роковому восточному вопросу. Если благодаря нашимъ ошибкамъ этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ къ вящей нашей славы, онъ будетъ разрѣшенъ къ вящему нашему униженію. Если Россія будетъ упорствовать на пути гнетущаго обскурантизма, на который она вновь вступила теперь, мѣсто на Востокѣ займетъ другая національная сила, въ значительной степени менѣе одаренная, но за то и значительно болѣе устойчивая въ своихъ ограниченныхъ духовныхъ силахъ. Болгары, вчера еще столь любезные намъ и покровительствуемые нами, сегодня презрѣнные бунтовщики въ нашихъ глазахъ, завтра станутъ нашими торжествующими соперниками и господами древней Византіи.

IV.

Не слѣдуетъ впрочемъ преувеличивать эти пессимистическія опасенія. Россія еще не отказалась отъ смысла своего существованія, она не отреклась отъ вѣры и любви первой своей юности. Въ ея волѣ еще отказаться отъ этой политики эгоизма и національнаго оупѣнія, которая неизбежно приведетъ къ крушенію нашу историческую миссію. Фальсифицированный продуктъ, называемый общественнымъ мнѣніемъ, фабрикуемый и продаваемый по дешевой цѣнѣ оппортунистической прессой, еще не задушилъ у насъ національной совѣсти, которая сумѣетъ найти болѣе достовѣрное выраженіе для истинной русской идеи. За этимъ не надо далеко ходить: она здѣсь, близко—эта истинная

русская идея, засвидѣтельствованная религіознымъ характеромъ народа, прообразованная и указанная важнѣйшими событіями и величайшими личностями нашей исторіи. И если этого недостаточно, то есть еще болѣе великое и вѣрное свидѣтельство—откровенное Слово Божіе. Я не хочу сказать, чтобы въ этомъ Словѣ можно было найти что-либо о Россіи: напротивъ, молчаніе его указываетъ намъ истинный путь. Если единственный народъ, о которомъ спеціально пеклось божественное провиденіе, былъ народъ израильскій, если смыслъ существованія этого единственного въ своемъ родѣ народа лежалъ не въ немъ самомъ, но въ приуготованномъ имъ христіанскомъ откровеніи, и если, наконецъ, въ Новомъ Завѣтѣ уже нѣтъ рѣчи о какой-либо отдѣльной національности и даже опредѣленно указывается, что никакой національный антагонизмъ не долженъ болѣе имѣть мѣста, то не слѣдуетъ ли вывести изъ всего этого, что въ первоначальной мысли Бога націи не существуютъ внѣ ихъ органическаго и живого единства,—внѣ человечества? И если это такъ для Бога, то это должно быть такъ и для самихъ націй, поскольку онѣ желаютъ осуществить свою истинную идею, которая есть не что иное, какъ образъ ихъ бытія въ вѣчной мысли Бога.

Смыслъ существованія націй не лежитъ въ нихъ самихъ но въ человечествѣ. Но гдѣ же оно, это человечество? Не является ли оно лишь абстрактнымъ существомъ, лишеннымъ всякаго реального бытія? Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что рука и нога реально существуютъ, а человѣкъ въ его цѣломъ есть лишь абстрактное существо. Впрочемъ, зоологамъ извѣстны животныя (принадлежащія по большей части къ низшему классу *actinozôa*: медузы, полипы и т. д.), представляющія въ сущности лишь весьма дифференцированные и живущіе обособленной жизнью органы, такъ что животное въ его цѣломъ существуетъ лишь въ идеѣ. Таковъ былъ и образъ существованія человѣческаго рода до христіанства, когда въ дѣйствительности существовали лишь *dissecta membra* вселенскаго

человѣка,—племена и націи, раздѣленные или частично связанные внѣшней силой, когда истинное существенное единство человѣчества было лишь обѣтованіемъ, пророческой идеей. Но эта идея *стала плотью*, когда абсолютный центръ всѣхъ существъ открылся во Христѣ. Съ тѣхъ поръ великое человѣческое единство, вселенское тѣло Богочеловѣка, реально существуетъ на землѣ. Оно несовершенно, но оно существуетъ; оно несовершенно, но оно движется къ совершенству, оно растетъ и расширяется во внѣ и развивается внутренно. Человѣчество уже не абстрактное существо, его субстанціальная форма реализуется въ христіанскомъ мірѣ, въ вселенской Церкви.

Участвовать въ жизни вселенской Церкви, въ развитіи великой христіанской цивилизаціи, участвовать въ этомъ по мѣрѣ силъ и особыхъ дарованій своихъ, вотъ въ чемъ, слѣдовательно, единственная истинная цѣль, единственная истинная миссія всякаго народа. Это—очевидная и элементарная истина, что идея отдѣльнаго органа не можетъ обособлять его и ставить въ положеніе противоборства къ остальнымъ органамъ, но что она есть основаніе его единства и солидарности со всѣми частями живого тѣла. И съ христіанской точки зрѣнія нельзя оспаривать приложимости этой совершенно элементарной истины ко всему человѣчеству, которое есть живое тѣло Христа. Вотъ почему самъ Христосъ, признавъ въ послѣднемъ словѣ своемъ къ апостоламъ существованіе и призваніе *всѣхъ націй* (Матѣ. XXVIII, 19), не обратился самъ и не послалъ учениковъ своихъ ни къ какой націи въ частности: вѣдь для Него онѣ существовали лишь въ своемъ моральномъ и органическомъ союзѣ, какъ живые члены одного духовнаго и реальнаго тѣла. Такимъ образомъ христіанская истина утверждаетъ неизмѣнное существованіе *націй* и правъ *національности*, осуждая въ то же время *націонализмъ*, представляющій для народа то же, что эгоизмъ для индивида: дурной принципъ, стремящійся изолировать отдѣльное существо превращеніемъ различія въ раздѣленіе, а раздѣленія въ антагонизмъ.

V.

Русскій народъ—народъ христiанскій, и, слѣдовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себя вопроса, что сдѣлаетъ Россiя чрезъ себя и для себя, но что она *должна сдѣлать* во имя христiанскаго начала, признаваемого ею и во благо всего христiанскаго міра, частью котораго она предполагается. Она должна, чтобы дѣйствительно выполнить свою миссію, всѣмъ сердцемъ и душой войти въ общую жизнь христiанскаго міра и положить всѣ свои національныя силы на осуществленіе, въ согласіи съ другими народами, того совершеннаго и все-ленскаго единства человѣческаго рода, непреложное основаніе котораго дано намъ въ Церкви Христовой. Но духъ національнаго эгоизма не такъ то легко отдаетъ себя на жертву. У насъ онъ нашелъ средство утвердиться, не отрекаясь открыто отъ религіознаго характера, присущаго русской національности. Не только признается, что русскій народъ—народъ христiанскій, но напыщенно заявляется, что онъ—христiанскій народъ по преимуществу, и что Церковь есть истинная основа нашей національной жизни; но все это лишь для того, чтобы утверждать, что *Церковь имѣется исключительно у насъ*, и что мы имѣемъ монополію вѣры и христiанской жизни. Такимъ образомъ Церковь, которая въ дѣйствительности есть нерушимая скала все-ленскаго единства и солидарности, становится для Россiи палладіумомъ узкаго національнаго партикуляризма, а зачастую даже пассивнымъ орудіемъ эгоистической и ненавистнической политики.

Наша религія, поскольку она проявляется въ вѣрѣ народной и въ богослуженіи, вполне православна. Русская Церковь, поскольку она сохраняетъ истину вѣры, непрерывность преемственности отъ апостоловъ и дѣйственность таинствъ, участвуетъ по существу въ единствѣ вселенской Церкви, основанной Христомъ. И если къ несчастью это единство существуетъ у насъ только въ скрытомъ со-

стоянии и не достигаетъ живой дѣйствительности, то въ этомъ виноваты вѣковыя цѣпи, сковывающія тѣло нашей Церкви съ нечистымъ трупомъ, удушающимъ ее своимъ разложеніемъ.

Официальное учрежденіе, представителями котораго являются наше церковное управленіе и наша богословская школа, поддерживающее во что бы то ни стало свой партикуляристическій и односторонній характеръ, безспорно не является собою живую часть истинной вселенской Церкви, основанной Христомъ. Для того, чтобы выразить, что представляетъ собою въ дѣйствительности это учрежденіе, мы уступимъ слово автору, свидѣтельство котораго имѣетъ въ данномъ случаѣ исключительную цѣнность. Одинъ изъ самыхъ выдающихся вождей „русской партіи“, горячій патріотъ и ревностный православный, въ своемъ качествѣ славянофила открытый врагъ Запада вообще и римской церкви въ частности, питающій отвращеніе къ папству и чувство омерзѣнія къ іезуитамъ, И. С. Аксаковъ, не можетъ быть заподозренъ въ предвзятомъ нерасположеніи къ нашей національной церкви, какъ таковой. Съ другой стороны, хотя Аксаковъ и раздѣлялъ предразсудки и заблужденія своей партіи, онъ стоялъ выше обыденныхъ панславистовъ не только по своему таланту, но и по своей добросовѣстности, по искренности своей мысли и прямотѣ своихъ словъ. Долгое время преслѣдуемый администраціей, приговоренный къ молчанію на двѣнадцать лѣтъ, онъ лишь въ послѣдніе годы своей жизни получилъ, въ качествѣ личной хотя и всегда проблематической привилегіи, относительную свободу говорить въ печати то, что думаетъ.

VI.

Итакъ, выслушаемъ этого честнаго и весьма авторитетнаго свидѣтеля. Онъ опирался въ своемъ сужденіи на длинный рядъ неоспоримыхъ фактовъ, которые намъ здѣсь приходится выпустить; намъ довольно будетъ и того, что это говоритъ онъ:

„Наша церковь, со стороны своего управленія, представляется теперь у насъ какою-то колоссальною канцеляріей, прилагающей,—съ неизбѣжною, увы, канцелярскою офиціальною ложью,—порядки нѣмецкаго канцеляризма къ пасенію стада Христова... ¹⁾ Но съ организаціею самаго управленія, т.-е. съ организаціею пастырства душъ, на началѣ государственнаго формализма, по образу и подобию государства, съ причисленіемъ служителей церкви къ сонму слугъ государственныхъ, не превращается ли и сама церковь въ одно изъ отправленій государственной власти, не становится ли она одной изъ функцій государственнаго организма—говоря отвлеченнымъ языкомъ, или говоря проще—не поступаетъ ли она и сама на службу къ государству?... Повидимому, церкви дано лишь правильное благоустройство,—введенъ, наконецъ, необходимый порядокъ... Повидимому такъ, но случилась только одна бездѣлица: убyla душа; *подмѣненъ идеалъ*, т.-е. на мѣстѣ идеала церкви очутился идеалъ государственный и правда внутренняя замѣщена правдой формальною, внѣшнею... Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ государственнымъ элементомъ и *государственное міросозерцаніе*, какъ тонкій воздухъ, почти нечувствительно прокралось въ умъ и душу едва ли не всей, за немногими исключеніями, нашей церковной среды и стѣснило разумѣніе до такой степени, что живой смыслъ настоящаго призванія церкви становится уже ей теперь малодоступенъ... ²⁾ Встрѣчаются просвѣщенные духовныя лица, истинно горюющія о недостаточно благоустроенномъ состояніи церкви, требующія отъ правительства изданія свода законовъ церковныхъ... между тѣмъ, болѣе тысячи статей находимъ мы въ сводѣ законовъ, опредѣляющихъ покровительство государства церкви и отношеніе полиціи къ вѣрѣ и вѣрующимъ“...

„На стражѣ русскаго православія стоитъ государственная власть, съ обнаженнымъ, подъятымъ мечомъ,— „храни-

¹⁾ Сочиненія И. С. Аксакова. Т. IV, стр. 124.

²⁾ Тамъ же, стр. 125, 126.

тельница догматовъ господствующей вѣры и блюстительница всякаго въ святой церкви благочинія,“ — готовая покарать малѣйшее отступленіе отъ того церковнаго, ею оберегаемаго „правовѣрія“, которое установлено не только изволеніемъ Святого Духа, вселенскими и помѣстными соборами, святыми отцами и всею жизнью церкви,—но, для большей крѣпости и съ значительными добавленіями, также и Сводомъ Законовъ Россійской имперіи. Приведенныя нами выше подлинныя выраженія заимствованы изъ этого Свода... ¹⁾ Тамъ, гдѣ нѣтъ живого внутренняго единства и цѣлости, тамъ внѣшность единства и цѣлости церкви можетъ держаться только насиліемъ и обманомъ“... ²⁾.

По поводу жестокаго преслѣдованія, возбужденнаго церковными и гражданскими властями противъ мѣстной протестантской секты (штундистовъ) на югѣ Россіи, Аксаковъ выражаетъ живое чувство справедливаго негодованія:

„Отучать острогомъ отъ алканія духовной пищи, не предлагая взамѣнъ ничего, отвѣчать острогомъ на искреннюю потребность вѣры, на запросы недремлющей религіозной мысли, острогомъ доказывать правоту православія,—это значитъ посягать на самое существенное основаніе святой вѣры—основаніе искренности и свободы, подкапываться подъ самое вѣроученіе православной церкви и давать въ руки своему противнику, протестантизму, побѣдоносное оружіе“ ³⁾.

И однако оказывается, что уголовные законы съ ихъ „острогомъ“, столь возмущившимъ нашего патріота, безусловно необходимы для поддержанія „господствующей церкви“. Наиболѣе искренніе и разумные защитники этой церкви (какъ на примѣръ историкъ Погодинъ, цитируемый въ числѣ многихъ другихъ нашимъ авторомъ) откровенно признаются, что, разъ религіозная свобода будетъ допущена въ Россіи, половина православныхъ крестьянъ отпа-

¹⁾ Тамъ же, стр. 84.

²⁾ Тамъ же, стр. 100.

³⁾ Тамъ же, стр. 72.

детъ въ *расколъ* (схизма старовѣровъ, весьма многочисленныхъ, несмотря на всѣ преслѣдованія), а половина высшаго общества перейдетъ въ католичество.

„Что свидѣтельствуется этими словами? спрашиваетъ Аксаковъ: то, что цѣлая половина членовъ православной церкви, половина русскихъ крестьянъ, половина женщинъ русскаго образованнаго общества только по наружности принадлежать православной церкви и удерживаются въ ней только страхомъ государственнаго наказанія... Такъ это положеніе нашей церкви? Таково, стало-быть, ея современное состояніе? Недостойное состояніе, не только прескорбное, но и страшное! Какой преизбытокъ кощунства въ оградѣ святыни, лицемѣрія вмѣсто правды, страха вмѣсто любви, растлѣнія при внѣшнемъ порядкѣ, безсовѣстности при насильственномъ огражденіи совѣсти,—какое отрицаніе въ самой церкви всѣхъ жизненныхъ основъ церкви, всѣхъ причинъ ея бытія, — ложь и безвѣріе тамъ, гдѣ все живетъ, есть и движется истиною, и вѣрою, безъ нихъ же въ церкви „ничтоже бысть“!.. Однакожь не въ томъ главная опасность, что закралось зло въ среду вѣрующихъ, а въ томъ, что оно получило въ ней *право гражданства*, что такое положеніе церкви истекаетъ изъ положенія, созданнаго ей государственнымъ закономъ, и такая аномалія есть прямое порожденіе нормы, излюбленной для нея и государствомъ, и самимъ нашимъ обществомъ“... ¹⁾).

„Вообще, у насъ въ Россіи, въ дѣлѣ церкви, какъ и во всемъ, ревнивѣе всего охраняется благовидность, *decorum*,—и этимъ большею частью и удовлетворяется наша любовь къ церкви, наша лѣнивая любовь, наша лѣнивая вѣра! Мы охотно жмуримъ глаза, и въ своей дѣтской боязни „скандала“ стараемся завѣсить для своихъ собственныхъ взоровъ и для взора міра многое, многое зло, которое, подъ покровомъ внѣшняго „благолѣпія“, „благоприличія“, „благообразія“ какъ ракъ, какъ ржавчина, точитъ и подъѣдаетъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 91.

самый основной нервъ нашего духовно-общественнаго организма“ ¹⁾).

„Нигдѣ такъ не боятся правды, какъ въ области нашего церковнаго управленія, нигдѣ младшіе такъ не *трусятъ* старшихъ, какъ въ духовной іерархіи, нигдѣ такъ не въ ходу „ложь во спасеніе“, какъ тамъ, гдѣ ложь должна бы быть въ омерзѣніи. Нигдѣ, подъ предлогомъ змѣиной мудрости, не допускается столько сдѣлокъ и компромиссовъ, унижающихъ достоинство церкви, ослабляющихъ уваженіе къ ея авторитету. Все это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка вѣры въ силу истины“... ²⁾).

„Въ томъ-то и страшная бѣда наша, что все обнаруживаемое теперь въ печати, и еще несравненно худшее,—все это мы знали и знаемъ, и со всѣмъ этимъ ужились и уживаемся, примирились и примиряемся. Но на такомъ постыдномъ мирѣ и постыдныхъ сдѣлкахъ не удержится миръ церкви, и они равняются въ дѣлѣ истины, если не предательству, то пораженію“ ³⁾).

„Если судить по словамъ ея защитниковъ, наша церковь уже не „малое, но вѣрное стадо“, а стадо великое, но невѣрное, котораго „пастыремъ добрымъ“ — полиція, насильно, дубьемъ загоняющая овецъ въ стадо!.. Соответствуетъ ли такой образъ церкви образу церкви Христовой? Если же не соответствуетъ, то она уже не есть Христова,—а если не Христова, то что же она? Ужъ не государственное ли только учрежденіе, полезное для видовъ государственныхъ,—какъ и смотрѣлъ на нее Наполеонъ, признававшій, что религія—вещь для дисциплины нравовъ весьма пригодная?.. Но церковь есть такая область, гдѣ никакое искаженіе нравственной основы допущено быть не можетъ, и тѣмъ болѣе въ принципѣ, гдѣ никакое отступленіе отъ жизненнаго начала не остается и не можетъ остаться безнаказаннымъ,—гдѣ, если солгано, то солгано уже „не

¹⁾ Тамъ же, стр. 42.

²⁾ Тамъ же, стр. 35.

³⁾ Тамъ же, стр. 43.

человѣкамъ, а Духу“. Если церковь не вѣрна завѣту Христову, то она есть самое безплодное, самое аномальное явленіе на землѣ, заранѣе осужденное словомъ Христовымъ“ ¹⁾.

„Если церковь въ дѣлѣ вѣры прибѣгаетъ къ орудіямъ недуховнымъ, къ грубому вещественному насилію, то это значитъ, что она отрекается отъ своей собственной духовной стихіи, сама себя отрицаетъ, перестаетъ быть „церковью“,—становится государственнымъ учрежденіемъ, т.-е. государствомъ, „царствомъ отъ міра сего“,—сама обрекаетъ себя на судьбу мірскихъ царствъ“... ²⁾ Она отрекается симъ отъ самой себя, отъ собственной причины бытія, осуждаетъ сама себя на мертвенность и безплодіе“... ³⁾.

„Въ Россіи не свободна *только* русская совѣсть... Оттого и коснѣетъ религіозная мысль, оттого и водворяется мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, и мертвенность духа заступаетъ жизнь духа, и мечъ духовный—слово—ржавѣетъ, упраздненный мечомъ государственнымъ, и у ограды церковной стоятъ не грозные ангелы Божіи, охраняющіе ея входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели, какъ орудія государственной власти,—эти стражи нашего русскаго душеспасенія, охранители догматовъ русской православной церкви, блюстители и руководители русской совѣсти“... ⁴⁾.

И вотъ, наконецъ, послѣдній выводъ изъ этого строгаго разсмотрѣнія дѣла:

„Духъ истины, духъ любви, духъ жизни, духъ свободы... въ его спасительномъ вѣяніи нуждается русская церковь“ ⁵⁾!

VII.

Установленіе, покинутое Духомъ истины, не можетъ быть истинной Церковью Бога. Чтобы признать это, намъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 91, 92.

²⁾ Тамъ же, стр. 111.

³⁾ Тамъ же, стр. 93.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 83, 84.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 127.

нѣтъ надобности отрекаться отъ религіи отцовъ нашихъ, отказываться отъ благочестія православнаго народа, отъ его священныхъ преданій, отъ всѣхъ чтимыхъ имъ святынь. Напротивъ того, совершенно очевидно, что единственное, чѣмъ мы должны пожертвовать истины ради, это—лже-церковнымъ учрежденіемъ, столь хорошо охарактеризованнымъ нашимъ православнымъ писателемъ,—учрежденіемъ, основаннымъ на раболѣпствѣ и матеріальномъ интересѣ и дѣйствующимъ путемъ обмана и насилія.

Система правительственнаго матеріализма, опиравшаяся исключительно на грубую силу оружія и не ставившая ни во что моральное могущество мысли и свободного слова,—эта матеріалистическая система привела уже насъ однажды къ севастопольскому разгрому. Совѣсть русскаго народа нашла правдивое выраженіе въ лицѣ его монарха и громко заговорила. Россія принесла покаяніе и воспрянула въ актѣ справедливости—въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ актъ, составившій славу великаго царствованія, представляетъ изъ себя однако только начало. Дѣло соціальнаго освобожденія не можетъ ограничиваться однимъ матеріальнымъ порядкомъ. Тѣло Россіи свободно, но національный духъ все еще ждетъ своего 19-го февраля. А вѣдь однимъ тѣломъ своимъ и чисто матеріальной работой Россія не можетъ выполнить своей исторической миссіи и выявить свою истинную національную идею. А какъ ей выявиться этой бѣдной русской идеѣ, когда она заточена въ тѣсную тюрьму, лишена воздуха и свѣта, когда сторожатъ ее злые и ревнивые евнухи? Не возвращаясь вспять къ царствованію Николая I и не подражая великимъ ошибкамъ этого великаго государя, можемъ мы исправить существенные недостатки въ незавершенномъ дѣлѣ Александра II. Не надо искушать Провидѣніе, слишкомъ скоро забывая преподанные намъ имъ историческіе уроки. Позволительно надѣяться, что религіозное чувство, добрая воля и здравый смыслъ, отличающіе нынѣ царствующаго императора, оградятъ его отъ превратно мыслящихъ

совѣтниковъ, желающихъ навязать ему губительную политику, осужденную и приговоренную подъ Севастополемъ.

Религіозное и умственное освобожденіе Россіи есть въ настоящую минуту для нашего правительства дѣло, такой же настоятельной необходимости, какимъ тридцать лѣтъ тому назадъ являлось освобожденіе крѣпостныхъ для правительства Александра II. Крѣпостная зависимость также была въ свое время чѣмъ-то полезнымъ и необходимымъ. Равнымъ образомъ и офиціальная опека, наложенная на національный духъ Россіи, могла быть благодѣтельной, когда этотъ духъ былъ еще въ дѣтскомъ состояніи; въ настоящее время она можетъ только придушить его. Безполезно все снова и снова повторять, что нашъ національный организмъ полонъ здоровья и силы, словно надо быть непременно слабымъ и больнымъ, чтобы можно было тебя задушить. Каковы бы ни были внутренно присущія русскому народу качества, они не могутъ проявляться нормальнымъ образомъ, пока его совѣсть и его мысль остаются парализованными правящимъ насиліемъ и обскурантизмомъ. Прежде всего необходимо дать свободный доступъ чистому воздуху и свѣту, снять искусственныя преграды, удерживающія религіозный духъ нашей націи въ обособленіи и бездѣятельности, надо открыть ему прямой путь къ полной и живой истинѣ.

Но истины боятся, потому что она каѳолична, т.-е. вселенская. Во что бы то ни стало хотятъ имѣть свою особую религію, русскую вѣру, императорскую Церковь. Она не является цѣнной сама по себѣ, за нее держатся какъ за атрибутъ и санкцію исключительнаго націонализма. Но не желающіе пожертвовать своимъ національнымъ эгоизмомъ вселенской истинѣ не могутъ и не должны называться христіанами.

У насъ идутъ приготовленія къ торжественному празднованію девятисотлѣтія христіанства въ Россіи. Но повидимому мы поспѣшили съ этимъ праздникомъ. Если послушать нѣкоторыхъ патріотовъ, то придешь къ мысли, что

крещеніе св. Владиміра, столь дѣйственное для самого князя, для его націи было лишь крещеніе водой и что намъ слѣдовало бы принять вторичное крещеніе духомъ истины и огнемъ любви. И дѣйствительно это второе крещеніе безусловно необходимо, если не для всей Руси, то по крайней мѣрѣ для той части нашего общества, которая въ настоящее время говоритъ и дѣйствуетъ. Чтобы стать христіанской, она должна отречься отъ новаго идолослуженія, менѣе грубаго, но не менѣе нелѣпаго и значительно болѣе вредоноснаго, чѣмъ идолослуженіе нашихъ языческихъ предковъ, отвергнутое св. Владиміромъ. Я говорю о новомъ идолослуженіи, объ эпидемическомъ безуміи націонализма, толкающемъ народы на поклоненіе своему собственному образу, вмѣсто высшаго и вселенскаго Божества.

VIII.

Чтобы удержать и проявить христіанскій характеръ Россіи, намъ нужно окончательно отречься отъ ложнаго божества нашего вѣка и принести въ жертву истинному Богу нашъ національный эгоизмъ. Провидѣніе поставило насъ въ особыя условія, которыя должны сдѣлать эту жертву болѣе совершенной и болѣе дѣйственной. Существуетъ элементарный моральный законъ, одинаково обязательный какъ для индивидовъ, такъ и для націй и выраженный въ словахъ Евангелія, повелѣвающихъ намъ, прежде чѣмъ принести жертву къ алтарю, примириться съ братомъ, имѣющимъ что-либо противъ насъ. У русскаго народа есть братъ, имѣющій тяжелыя обвиненія противъ него, и намъ нужно помириться съ этимъ народомъ — братомъ и врагомъ — для начала принесенія въ жертву нашего національнаго эгоизма на алтарь вселенской Церкви.

Это не вопросъ чувства, хотя и чувство должно было бы имѣть свое мѣсто во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Но между сантиментальной политикой и политикой эгоизма и насилія есть нѣчто среднее: политика нравственной обязательности или справедливости. Я не хочу разсматривать

здѣсь притязаній поляковъ на возстановленіе ихъ стараго королевства, ни тѣхъ возраженій, которыя русскіе съ полнымъ правомъ могутъ имъ противопоставить. Дѣло не въ осуществленіи проблематическихъ плановъ, а въ очевидной и неоспоримой несправедливости, отъ которой намъ слѣдуетъ отказаться во всякомъ случаѣ. Я говорю о гнусной системѣ руссификаціи, которая имѣетъ дѣло уже не съ политической автономіей, но нападаетъ на національное существованіе, на самую душу польскаго народа. Обрушить Польшу, значитъ убить націю, имѣющую весьма развитое самосознаніе, имѣвшую славную исторію и опередившую насъ въ своей интеллектуальной культурѣ, націю, которая и теперь еще не уступаетъ намъ въ научной и литературной дѣятельности. И хотя при этихъ условіяхъ окончательная цѣль нашихъ руссификаторовъ по счастью недостижима, однако все, что предпринимается для ея осуществленія не становится отъ этого менѣе преступнымъ и зловреднымъ. Эта тираническая руссификація, тѣсно связанная съ еще болѣе тираническимъ разрушеніемъ греко-уніатской церкви, представляетъ воистину національный грѣхъ, тяжелымъ бременемъ лежащій на совѣсти Россіи и парализующій ея моральныя силы.

Бывали случаи, что великія націи въ теченіе долгаго времени одерживали побѣды въ неправомъ дѣлѣ. Но Провидѣніе, въ особой заботливости о спасеніи нашей національной души, спѣшитъ, повидимому, показать намъ съ полной очевидностью, что сила, даже побѣдоносная, ни на что не пригодна, когда ею не руководитъ чистая совѣсть. Нашъ историческій грѣхъ отнялъ у послѣдней нашей войны ея практическіе результаты, а вмѣстѣ съ ними ея моральную цѣнность; онъ преслѣдовалъ на Балканахъ нашихъ побѣдоносныхъ орловъ и остановилъ ихъ передъ стѣнами Константинополя; отнявъ у насъ увѣренность и порывъ народа, вѣрнаго своей миссіи, этотъ грѣхъ навязалъ намъ вмѣсто триумфа, купленнаго столькими героическими усиліями, униженіе Берлинскаго конгресса, и въ заключеніе прогналъ

насъ изъ Сербіи и Болгаріи, которымъ мы хотѣли оказать покровительство, продолжая угнетать Польшу.

Эта система гнета, примѣняемая не къ одной только Польшѣ, какъ ни плоха сама по себѣ, становится еще значительно хуже отъ того вопіющаго противорѣчія, въ которомъ она стоитъ къ великодушнымъ освободительнымъ идеямъ и безкорыстному покровительству, на которыя русская политика всегда заявляла свое преимущественное право. Эта политика по необходимости пропитана лживостью и лицемеріемъ, отнимающими у нея всякій престижъ и дѣлающими невозможнымъ какой-либо прочный успѣхъ. Нельзя безнаказанно написать на своемъ знамени свободу славянскихъ и другихъ народовъ, отнимая въ то же время національную свободу у поляковъ, религіозную свободу у униатовъ и русскихъ раскольниковъ, гражданскія права у евреевъ.

Не въ такомъ состояніи, съ устами загражденными, съ завязанными глазами и съ душой, раздираемой противорѣчіями и угрызеніями совѣсти, надлежитъ идти Россіи на свое историческое дѣло. Намъ уже были даны два тяжелыхъ урока, два строгихъ предостереженія: въ Севастополѣ, во-первыхъ, и затѣмъ при еще болѣе знаменательныхъ обстоятельствахъ—въ Берлинѣ. Не слѣдуетъ ждать третьяго предостереженія, которое можетъ быть и послѣднимъ. Раскаяться въ своихъ историческихъ грѣхахъ и удовлетворить требованіямъ справедливости, отречься отъ національнаго эгоизма, отказавшись отъ политики руссификаціи и признавъ безъ оговорокъ религіозную свободу,—вотъ единственное средство для Россіи приготовить себя къ откровенію и осуществленію своей дѣйствительной національной идеи, которая—этого не слѣдуетъ забывать—не есть отвлеченная идея или слѣпой рокъ, но прежде всего нравственный долгъ. Русская идея, мы знаемъ это, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ нѣкоторымъ опредѣленнымъ аспектомъ идеи христіанской, и миссія нашего народа можетъ стать для насъ ясна, лишь когда мы проникнемъ въ истинный смыслъ христіанства.

IX.

Вотъ уже около тридцати или сорока лѣтъ какъ болѣе или менѣе почтенные писатели проповѣдуютъ намъ какъ во Франціи, такъ и въ Россіи ¹⁾ нѣкоторое идеальное христіанство и идеальную церковь, духовное царство свободного братства и совершенной любви. Таковъ конечно идеаль, т.-е. будущее церкви. Доктрина этихъ авторовъ есть пророчество. Но чтобы не быть *лжепророчествомъ*, она должна была бы указать намъ прямой путь и дѣйствительныя средства къ осуществленію этого абсолютнаго идеала. Идеаль, если онъ только не пустая мечта, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ осуществимымъ совершенствомъ того, что уже дано. Развѣ отказомъ отъ прошлаго вселенской Церкви и разрушеніемъ ея формы, какъ она намъ дана въ настоящемъ, можемъ мы придти къ идеальному царству братства и совершенной любви? Это было бы лишь довольно неумѣстнымъ приложеніемъ закона отцеубійства, правящаго нашей смертной жизнью. Въ этой жизни, опредѣляемой состояніемъ извращенности природы, новое поколѣніе достигаетъ пользованія дѣйствительностью, лишь неблагородно вытѣсняя своихъ предковъ, но потому-то это преступное существованіе и длится лишь одно мгновеніе; и если Кроносъ, искалѣчивъ и вытѣснивъ стараго Ураноса, самъ былъ въ свою очередь устраненъ Зевсомъ, котораго ему не удалось проглотить, то и этотъ новый богъ вступилъ на оскверненный престолъ лишь для того, чтобы со временемъ потерпѣть подобную же участь. Таковъ законъ фальсифицированной и извращенной жизни, жизни, которой не надлежало бы быть, ибо она скорѣе смерть, чѣмъ жизнь; и въ силу этого человѣчество, истомленное нескончае-

¹⁾ Я имѣю въ виду, по отношенію къ Франціи, то, что Анатолий Леруа-Болье такъ удачно называлъ „темной и безсильной школой Бордасъ-Дюмулена и Гюз“ (см. *Либеральные католики*, стр. 182). Въ Россіи идеи Бордасъ-Дюмулена были восприняты Хомяковымъ, который положилъ свой выдающійся талантъ на популяризацию этихъ идей, придавъ имъ ложную видимость греко-россійскаго православія.

мостью бѣдствія, въ смертельной тоскѣ ждало, какъ истиннаго спасителя, *Сына Бога, который не былъ бы соперникомъ своего Отца*. И теперь, когда этотъ истинный Сынъ, не замѣщающій, но являющій въ себѣ и прославляющій Отца, пришелъ и далъ возрожденному человѣчеству, вселенской Церкви, законъ безсмертной жизни, пытаются подъ новой маской ввести въ саму эту Церковь, въ этотъ организмъ истинной жизни, упраздненный законъ смерти!

На самомъ дѣлѣ во вселенской Церкви прошлое и будущее, традиція и идеаль не только не исключаютъ другъ друга, но равно существенны и необходимы для созданія истиннаго настоящаго человѣчества, его благосостоянія въ данное время. Благочестіе, справедливость и милосердіе, чуждыя всякой зависти и всякому соперничеству, должны образовать устойчивую и нерасторжимую связь между тремя основными дѣйствующими силами соціального и историческаго человѣчества, между представителями его прошлаго единства, его настоящей множественности и его будущей цѣлостности.

Принципъ прошлаго, или *отчества* осуществленъ въ Церкви *священствомъ*, духовными отцами, старцами или старѣйшинами по преимуществу (*prêtre* отъ пресвитеръ—*senior*), представителями на землѣ небеснаго Отца, Ветхаго деньми. И для всеобщей или каѳолической Церкви должно существовать общее или интернаціональное священство, централизованное и объединенное въ лицѣ общаго Отца всѣхъ народовъ, верховнаго первосвященника. Очевидно въ самомъ дѣлѣ, что національное священство не можетъ, какъ таковое, быть представителемъ общаго отчества, долженствующаго равно обнимать всѣ націи. Что же касается до соединенія различныхъ національных клировъ въ одно вселенское тѣло, то оно можетъ быть осуществлено лишь при посредствѣ реального и постояннаго интернаціональнаго центра, могущаго по праву и на дѣлѣ противодѣйствовать всѣмъ партикуляристическимъ тенденціямъ.

Реальное единство семьи не можетъ существовать пра-

вильнымъ и устойчивымъ образомъ безъ общаго отца или кого-либо, замѣщающаго его. Чтобы создать изъ индивидовъ и народовъ семью, реальное братство, необходимо осуществить здѣсь на землѣ отческій принципъ религіи въ церковной монархіи, которая дѣйствительно могла бы объединить вокругъ себя всѣ національные и индивидуальныя элементы и служить имъ постоянно живымъ образомъ и свободнымъ орудіемъ небеснаго отчества.

Вселенское или интернаціональное священство съ Верховнымъ Первосвященникомъ, какъ единственнымъ центромъ, отображаетъ, одухотворяя его, первый возрастъ человечества, когда всѣ народы въ дѣйствительности были соединены общностью происхожденія и тождественностью религіозныхъ идей и правилъ жизни. Въ этомъ истинное *прошлое* человеческого рода, прошлое, не лежащее гнетомъ на настоящее, но служащее ему устойчивой основой, и не исключющее будущаго, но по существу единое съ нимъ; что же касается *настоящаго* человечества, то оно является намъ опредѣленнымъ многообразіемъ націй, стремящихся сплотиться въ *законченныя тѣла* или государства, имѣющія каждое отдѣльный независимый центръ, свѣтскую власть или мірское правительство, представляющее и направляющее объединенную дѣятельность національныхъ силъ. Интересы человечества въ цѣломъ не существуютъ для государства и свѣтскаго правительства, обязанности котораго ограничены той частью человеческого рода, во главѣ которой оно стоитъ. Вселенская Церковь, пребывая чрезъ посредство священническаго чина, объединеннаго въ лицѣ Верховнаго Первосвященника, хранительницей религіи всеобщаго отчества, великаго и вѣчнаго прошлаго нашего рода, не исключаетъ однако наличнаго многообразія націй и государствъ. Церковь не можетъ только ни въ какомъ случаѣ санкціонировать,—и въ этомъ она является вѣрнымъ орудіемъ истины и воли Божіей,—раздоровъ и борьбы между націями, какъ окончательнаго состоянія человеческого общества. Истинная Церковь всегда осудитъ доктрину,

утверждающую, что нѣтъ ничего выше національныхъ интересовъ, это новое язычество, творящее себѣ изъ націи верховное божество, этотъ ложный патріотизмъ, стремящійся стать на мѣсто религіи. Церковь признаетъ права націй, нападая въ то же время на національный эгоизмъ; она уважаетъ власть государства, но противоборствуетъ его абсолютизму.

Національныя различія должны пребыть до конца вѣковъ; народы должны оставаться на дѣлѣ обособленными членами вселенскаго организма. Но и самъ этотъ организмъ долженъ также существовать на дѣлѣ; великое человѣческое единство не должно существовать лишь въ видѣ скрытой силы или абстрактнаго существа, но должно воплотиться въ видимомъ соціальномъ тѣлѣ, явная и непрестанная центростремительная сила котораго могла бы противодействовать множеству центробѣжныхъ силъ, раздирающихъ человѣчество.

Чтобы достигнуть идеала совершеннаго единства, нужно опираться на единство *не совершенное, но реальное*. Прежде чѣмъ объединиться въ свободѣ, нужно объединиться въ послушаніи. Чтобы возвыситься до вселенскаго братства, націи, государства и властители должны подчиниться сначала вселенскому *сыновству*, признавъ моральный авторитетъ общаго отца. Забвеніе тѣхъ чувствъ, которыя народы должны питать къ религіозному прошлому человѣчества, было бы весьма плохимъ предзнаменованіемъ для будущаго этого послѣдняго. Когда съешь нечестіе, пожинаешь отнюдь не братство.

Истинная будущность человѣчества, надъ которой намъ надлежитъ потрудиться, есть *вселенское братство, исходящее изъ вселенскаго отчества чрезъ непрестанное моральное и соціальное сыновство*. Это будущее, которое для осуществленія полнаго идеала должно согласить интересы настоящей жизни съ правами прошлаго, было во всѣ времена представляемо въ церкви Бога *истинными пророками*. Общеніе Бога съ людьми или вселенская Церковь (въ широкомъ

смыслъ этого слова), имѣя въ священствѣ орудіе своего основного религіознаго единства и въ мірской власти орудіе своей наличной національной множественности, должна вы-явить также свою абсолютную *цѣлостность*, свое свободное и совершенное единство при посредствѣ пророковъ, свободно воздвигаемыхъ Духомъ Божиимъ для просвѣщенія народовъ и ихъ властителей и непрестанно указывающихъ имъ на *совершенный* идеалъ человѣческаго общества.

Х.

Такимъ образомъ всѣ три члена соціальнаго бытія *одновременно* представлены въ истинной жизни вселенской Церкви, направляемой совокупностью всѣхъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ силъ: духовнаго авторитета вселенскаго первосвященника (непогрѣшимаго главы священства), представляющаго истинное непреходящее прошлое человечества; свѣтской власти національнаго государя (законнаго главы государства), сосредоточивающаго въ себѣ и олицетворяющаго собою интересы, права и обязанности настоящаго; наконецъ, свободнаго служенія пророка (вдохновеннаго главы человѣческаго общества въ его *цѣломъ*), открывающаго начало осуществленія идеальнаго будущаго человечества. Согласіе и гармоническое дѣйствіе этихъ трехъ главныхъ факторовъ является первымъ условіемъ истиннаго прогресса. Верховный Первосвященникъ есть представитель истиннаго, вѣчнаго отчества, а не ложнаго отчества языческаго Кроноса (Времени), пожирающаго своихъ дѣтей. Онъ, напротивъ, находитъ свою жизнь лишь въ ихъ жизни. Вѣрный стражъ преданія, утверждающій его неизмѣнное единство, вселенскій первосвященникъ не имѣетъ надобности отвергать ни законныхъ интересовъ настоящаго, ни благородныхъ порывовъ къ идеалу совершенному; для добраго огражденія прошлаго ему не нужно связывать настоящаго и закрывать дверь передъ будущимъ. Съ своей стороны глава національнаго государства, если онъ достоинъ вру-

ченной ему власти, долженъ мыслить и дѣйствовать какъ истинный сынъ вселенской Церкви (представленной Верховнымъ Первосвященникомъ), и тогда онъ есть истинный образъ и орудіе Сына и вѣчнаго Царя, того, кто творить не свою волю, но волю Отца и желаетъ быть прославленнымъ лишь для того, чтобы въ Себѣ прославить Отца. Наконецъ, свободный инициаторъ прогрессивнаго соціальнаго движенія, пророкъ, если только онъ вѣренъ своему великому призванію, если онъ согласуетъ свое личное вдохновеніе съ вселенскимъ преданіемъ и свою свободу—истинную свободу чадъ божіихъ—съ сыновнимъ благоговѣніемъ къ священному авторитету и со справедливымъ уваженіемъ къ законнымъ властямъ и правамъ, становится истиннымъ орудіемъ Святого Духа, глаголавшаго устами пророковъ и одушевляющаго вселенское тѣло Христа, побуждая его стремиться къ безусловному совершенству. Чѣмъ совершеннѣе единеніе этихъ трехъ одновременныхъ представителей прошлаго, настоящаго и будущаго человѣчества, тѣмъ рѣшительнѣе побѣда вселенской Церкви надъ роковымъ закономъ времени и смерти, тѣмъ тѣснѣе связь, соединяющая наше земное существованіе съ вѣчной жизнью божественной Троицы.

Какъ въ Троицѣ каждая изъ трехъ ипостасей есть совершенный Богъ, и тѣмъ не менѣе, *въ силу ихъ единосущности*, существуетъ только одинъ Богъ, ибо ни одно изъ этихъ трехъ лицъ не имѣетъ отдѣльнаго бытія и никогда не находится внѣ субстанціональнаго и нераздѣльнаго единства съ двумя другими, точно такъ же каждый изъ трехъ главныхъ чиновъ теократическаго общества владѣетъ дѣйствительной верховной властью, при чемъ однако это не предполагаетъ трехъ различныхъ абсолютныхъ властей во вселенской церкви или въ какой-либо ея части, ибо три представителя богочеловѣческой верховной власти должны быть *безусловно солидарны* между собой, являясь лишь тремя главными органами единаго общественнаго тѣла, выполняющими три основныя функціи единой коллективной жизни.

Въ божественной Троицѣ третье лицо предполагаетъ два первыхъ въ ихъ единствѣ. Такъ оно должно быть и въ социальной тройцѣ человѣчества. Свободная и совершенная организациа общества, представляющая призваніе истинныхъ пророковъ, предполагаетъ союзъ и солидарность между властью духовной и властью свѣтской, Церковью и государствомъ, христіанствомъ и національностью. Между тѣмъ этого союза и этой солидарности нѣтъ больше. Они разрушены возстаніемъ Сына противъ Отца, ложнымъ абсолютизмомъ національнаго государства, пожелавшаго стать всѣмъ, оставаясь однимъ, и поглотившаго авторитетъ Церкви, удушившаго социальную свободу. Ложная царская власть породила ложныхъ пророковъ, и антисоциальный абсолютизмъ государства естественно вызвалъ антисоциальный индивидуализмъ прогрессивной цивилизациа. Великое социальное единство, нарушенное націями и государствами, не можетъ сохраниться надолго для индивидовъ. Разъ человѣческое общество не существуетъ болѣе для каждаго человѣка какъ нѣкоторое органическое цѣлое, солидарной частью котораго онъ себя чувствуетъ, общественныя связи становятся для индивида внѣшними и произвольными границами, противъ которыхъ онъ возмущается и которыя онъ въ концѣ-концовъ отбрасываетъ. И вотъ онъ достигъ свободы, но той свободы, которую смерть даетъ органическимъ элементамъ разлагающагося тѣла. Этотъ мрачный образъ, которымъ славянофилы такъ злоупотребляли въ своей борьбѣ съ Западомъ и которому радовалась ихъ національная гордость, долженъ былъ бы внушать намъ совершенно обратныя чувства. Не на Западѣ, а въ Византіи первородный грѣхъ націоналистическаго партикуляризма и абсолютическаго цезарепапизма впервые внесъ смерть въ социальное тѣло Христа. А отвѣтственная преемница Византіи есть русская имперія. И теперь Россія есть единственная христіанская страна, гдѣ національное государство безъ оговорокъ утверждаетъ свой исключительный абсолютизмъ, дѣлая изъ церкви атрибутъ національности и по-

слушное орудіе мірской власти, гдѣ это устраненіе божественнаго авторитета не уравнивается даже (насколько это возможно) свободою человѣческаго духа.

Второй членъ соціальной тройцы,—государство или свѣтская власть,—въ силу своего посредствующаго положенія между двумя другими, является главнѣйшимъ орудіемъ поддержанія или разрушенія цѣлостности вселенскаго тѣла. Признавая начало единства и солидарности, представляемое Церковью, и сводя во имя этой солидарности къ справедливой мѣрѣ все то неравенство, которое проистекаетъ изъ свободной дѣятельности частныхъ силъ, государство является могучимъ орудіемъ истинной соціальной организациі. Напротивъ того, замыкаясь въ отъединенномъ и эгоистическомъ абсолютизмѣ, государство теряетъ свою истинную нерушимую основу и непогрѣшимую санкцію своей соціальной дѣятельности и оставляетъ вселенское общество безъ защиты противъ „тайны нечестія.“

Въ силу историческихъ условій, въ которыя она поставлена, Россія являетъ наиболѣе полное развитіе, наиболѣе чистое и наиболѣе могущественное выраженіе абсолютнаго національнаго государства, отвергающаго единство Церкви и исключаящаго религіозную свободу. Если бы мы были языческимъ народомъ, мы конечно могли бы окончательно кристаллизироваться въ сказанномъ состояніи. Но народъ русскій—народъ въ глубинѣ души своей христіанскій, и непомѣрное развитіе, которое получилъ въ немъ антихристіанскій принципъ абсолютнаго государства, есть лишь обратная сторона принципа истиннаго, начала христіанскаго государства, царской власти Христа. Это есть *второе* начало соціальной Тройцы, и дабы проявить его въ правдѣ и истинѣ, Россія должна прежде всего поставить это начало на то мѣсто, которое ему принадлежитъ, признать и утвердить его не какъ единственный принципъ нашего *обособленнаго* національнаго существованія, но какъ второй изъ трехъ главныхъ дѣятелей вселенской соціальной жизни, въ неразрывной связи съ которой мы должны пре-

бывать. Христіанская Россія, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету вселенской церкви (священству Отца) и отвести подобающее мѣсто общественной свободѣ (дѣйствию Духа). Русская имперія, отъединенная въ своемъ абсолютизмѣ, есть лишь угроза борьбы и безконечныхъ войнъ. Русская имперія, пожелавшая служить вселенской Церкви и дѣлу общественной организаціи, взять ихъ подъ свой покровъ, внесетъ въ семейство народовъ миръ и благословеніе.

„Не добро быть человѣку одному.“ То же можно сказать и о всякой націи. Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ мы были крещены Св. Владиміромъ во имя животворящей Троицы, а не во имя безплоднаго единства. Русская идея не можетъ заключаться въ отреченіи отъ нашего крещенія. Русская идея, историческій домъ Россіи требуетъ отъ насъ признанія нашей неразрывной связи съ вселенскимъ семействомъ Христа и обращенія всѣхъ нашихъ національных дарованій, всей мощи нашей имперіи на окончательное осуществленіе соціальной тройцы, гдѣ *каждое* изъ трехъ главныхъ органическихъ единствъ, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не въ отъединеніи отъ двухъ другихъ, поглощая или истребляя ихъ, но въ утвержденіи безусловной внутренней связи съ ними. Возстановить на землѣ этотъ вѣрный образъ божественной Троицы—вотъ въ чемъ русская идея. И въ томъ, что эта идея не имѣетъ въ себѣ ничего исключительнаго и партикуляристическаго, что она представляетъ лишь новый аспектъ самой христіанской идеи, что для осуществленія этого національнаго призванія намъ не нужно дѣйствовать *противъ* другихъ націй, но *съ* ними и *для* нихъ—въ этомъ лежитъ великое доказательство, что эта идея есть идея истинная. Ибо истина есть лишь форма Добра, а Добру невѣдома зависть.

Вл. Соловьевъ.

Парижъ, 23 мая 1888.

Соціальный организмъ.

I.

Въ наукахъ о соціальныхъ отношеніяхъ людей кореннымъ является вопросъ о природѣ общества, какъ предмета ихъ изученія. Общество сдѣлалось объектомъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія давно, но до сихъ поръ существуютъ крупныя разногласія по самымъ основнымъ вопросамъ, которые связаны съ его изученіемъ. Вслѣдствіе этого не отличаются ясностью и опредѣленностью и взгляды ученыхъ на то, какими методами слѣдуетъ пользоваться при изученіи общества, и даже на то, какъ слѣдуетъ называть ту науку, которая занимается этимъ изученіемъ. Въ то время, какъ одни говорятъ о соціологіи, другіе предпочитаютъ называть эту науку соціальной психологіей, третьи отождествляютъ обѣ эти научныя дисциплины, а четвертые скептически относятся къ возможности какой бы то ни было науки объ этомъ предметѣ.

Въ частности *три вопроса* объ обществѣ, на мой взглядъ, оказываются самыми основными въ этомъ спорѣ, и на нихъ даются самые различные отвѣты. Первый изъ этихъ вопросовъ можно было бы назвать вопросомъ о *реальности* общества. Составляетъ ли человѣческое общество нѣчто реальное, самостоятельно существующее, или же оно есть не что иное, какъ наше измышленіе, научная фикція, которая примѣняется лишь для удобства изложенія, какъ средство покороче выражать наши мысли? На этотъ основной вопросъ нѣкоторые изслѣдователи даютъ самый категориче-

скій отрицательный отвѣтъ. Такъ, профессоръ Н. И. Карѣевъ въ своемъ „Введеніи въ изученіе соціологіи“, стр. 103 (изд. 1897 г.) заявляетъ: „Личность есть единственное реальное существо, съ которымъ имѣетъ дѣло соціологія“. Ему вторитъ проф. Л. И. Петражицкій, который въ своей „Теоріи права“ (т. I, стр. 191) не менѣе категорически учитъ: „Государственная и вообще общественная власть есть не воля и не сила, вообще не нѣчто реальное, а эмоціональная проекція, эмоціональная фантазма“ (см. также стр. 37, 84, 101—102, 164—165 и т. д.). Въ противовѣсъ этому можно выдвинуть не менѣе рѣшительныя заявленія противоположнаго содержанія. Такъ, извѣстный соціологъ Пауль Бартъ въ своемъ трудѣ „Философія исторіи, какъ соціологія“ (стр. 237) выставляетъ такой тезисъ: „Мы не должны забывать, что отдѣльный человѣкъ (какъ это открылъ Контъ и, независимо отъ него, Вундтъ) есть только абстракція, что только общество дѣйствительно живетъ, и что единичныя личности, насколько дѣло касается усвоенія ихъ идей и отношенія къ ихъ дѣятельности среди современниковъ, сильно зависятъ отъ этихъ послѣднихъ“.

Если вопросъ о реальности общества получить разрѣшеніе въ положительномъ смыслѣ, то возникаетъ новый вопросъ, настолько тѣсно съ нимъ связанный, что его можно считать даже просто другою редакціей перваго. Этотъ вопросъ состоитъ въ томъ, можно ли разсматривать общество, какъ особаго рода *единство*, какъ единое существо, или же оно представляетъ собою простую сумму, простой агрегатъ существующихъ какъ самостоятельныя единства человѣческихъ индивидовъ? Если и этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ въ пользу общества, какъ особаго единства, то нельзя не поставить третьяго вопроса: къ какому именно роду единствъ принадлежитъ общество? Въ частности важно опредѣлить, можно ли общество называть *органическимъ* единствомъ, и если можно, то въ какомъ именно смыслѣ?

Однако, прежде чѣмъ приступать къ рѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ, необходимо ихъ *правильно* поставить. Для этой

цѣли надлежитъ точно установить смыслъ тѣхъ понятій, о примѣненіи которыхъ къ обществу идетъ въ данномъ случаѣ споръ. Такими понятіями оказываются: 1) понятіе реальности, 2) понятіе единства и 3) понятіе организма. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ и опредѣленіе этихъ понятій заведетъ насъ далеко за предѣлы вопроса о природѣ общества, но оно является безусловно необходимымъ. Изъ изученія соціологической и особенно юридической литературы я вынесъ совершенно опредѣленное заключеніе, что масса споровъ въ данной области вызывается именно тѣмъ, что авторы изслѣдованій объ обществахъ высказываются въ томъ или иномъ смыслѣ, не взявъ на себя предварительнаго труда объяснить своимъ читателямъ, а, можетъ быть, уяснить съ надлежащей точностью и самимъ себѣ смыслъ названныхъ общихъ понятій.

Я понимаю, конечно, что всѣ три понятія, выше указанные, принадлежать къ числу основныхъ гносеологическихъ и логическихъ категорій. Знаю я также и то, что въ философіи далеко не установилось единообразныхъ опредѣленій этихъ понятій, и что серьезныя разногласія между различными философскими системами возникаютъ именно на почвѣ этихъ опредѣленій. Но я не ставлю себѣ задачи въ этомъ сравнительно краткомъ очеркѣ вдаваться въ критику основныхъ философскихъ проблемъ. Я удовольствуюсь тѣмъ, что изложу тѣ опредѣленія необходимыхъ для насъ понятій, которыя представляются мнѣ лично наиболѣе правильными, и затѣмъ попытаюсь съ точки зрѣнія этихъ опредѣленій отвѣтить на поставленные вопросы о природѣ общества. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что и данныя мною опредѣленія и примѣненіе ихъ къ обществу вызовутъ возраженія и разногласія. При спорности и сложности вопроса иначе и быть не можетъ, а на обладаніе абсолютной истиной я не заявляю претензій. Но мнѣ хочется своимъ очеркомъ содѣйствовать, по крайней мѣрѣ, опредѣленности и ясности въ постановкѣ вопросовъ, являющихся коренными въ наукахъ о человѣческомъ обществѣ.

II.

Итакъ, подвергнемъ разсмотрѣнію общіе и основные вопросы о томъ, 1) что такое реальность, 2) что такое единство и 3) что такое единство органическое или организмъ.

1. *Реальность.* Какъ я сказалъ, это понятіе принадлежитъ къ числу самыхъ основныхъ, но и самыхъ спорныхъ философскихъ категорій. Въ дальнѣйшемъ я постараюсь его охарактеризовать въ томъ видѣ, въ какомъ оно, на мой взглядъ, полагается въ основу всякой эмпирической науки. Я не хочу этимъ сказать, что всѣ представители эмпирическаго знанія такъ опредѣляютъ реальность, какъ я ее опредѣлю дальше. Напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ высказываютъ несогласныя съ нашими воззрѣнія. Но я хочу только указать, что я не буду подымать космологическихъ или онтологическихъ проблемъ. Я буду говорить о реальности въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе необходимо для ученаго, довольствующагося изученіемъ данныхъ опыта и не выходящаго за его предѣлы. Только въ предѣлахъ эмпирическаго знанія мы будемъ въ настоящемъ очеркѣ изслѣдовать вопросъ о природѣ человѣческаго общества.

Какъ мнѣ кажется, единственной антитезой понятію реальности въ эмпирической наукѣ является понятіе *фантастическаго*, измышленнаго и только воображаемаго. Все фантастическое представляетъ собою произвольное созданіе нашего мышленія, которое комбинируетъ изъ данныхъ опыта синтезы, въ опытѣ не встрѣчающіеся. Въ противоположность этому, реальное есть то, что основано на опытѣ, вполне соотвѣтствуетъ его даннымъ. Это не значитъ, конечно, что въ построеніи картины реального не участвуетъ мышленіе. Мышленіе является неизбѣжнымъ элементомъ нашего знанія и неразрывно связано съ опытомъ. Въ самомъ опытѣ непременно участвуетъ мышленіе, такъ какъ безъ его помощи мы не можемъ совершить ни одного шага въ направленіи къ расчлененію слитнаго матеріала опыта

на отдѣльные элементы. Вотъ почему безплодными представляются мнѣ размышленія, вродѣ тѣхъ, которымъ предается извѣстный юристъ Еллинекъ на стр. 114 своего „Общаго ученія о государствѣ“. Придя къ заключенію, что государственное единство есть логически неизбѣжный синтезъ нашей мысли, Еллинекъ дальше съ нѣкоторой грустью продолжаетъ: „обладаетъ ли этотъ синтезъ трансцендентнымъ значеніемъ по отношенію къ міру нашего внутренняго опыта, соотвѣтствуетъ ли ему что-либо въ объективной природѣ, существуютъ ли въ какой-либо формѣ и независимо отъ нашего мышленія тѣ единства, которыя мы съ логической необходимостью создаемъ, примѣняя категорію цѣли, мы не знаемъ и не можемъ знать при тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ научная мысль“. Вполнѣ соглашаясь по существу съ этими словами почтеннаго государствовѣда, я замѣчу только, что напрасно Еллинекъ думаетъ, что все высказанное имъ относится только къ такому сложному явленію, какъ государство. Мы не можемъ съ полною увѣренностью и не выходя за предѣлы науки сказать ни объ одномъ рѣшительно явленіи, что именно соотвѣтствуетъ ему въ трансцендентномъ для нашего сознанія мірѣ, независимо отъ нашего мышленія. Вѣдь всѣ наши знанія обусловлены мышленіемъ. Поэтому синтезъ, необходимый для нашего мышленія, если онъ въ то же время соотвѣтствуетъ даннымъ опыта, и есть единственная доступная намъ реальность. Отличіе реального отъ фантастическаго состоитъ лишь въ томъ, что синтезъ фантастическій не встрѣчается въ опытѣ, тогда какъ тѣ синтезы нашей мысли, которые мы считаемъ реальностями, соотвѣтствуютъ даннымъ опыта, сопоставленнымъ между собою и подвергнутымъ такимъ образомъ критической провѣркѣ.

Надлежитъ различать двѣ категоріи реального. Съ одной стороны мы имѣемъ *реальность вѣншнюю, фізическую міра*. Эту реальность составляютъ объекты, которые мы стараемся мыслить, какъ существующіе независимо отъ нашего сознанія и воспріятія и занимающіе извѣстное мѣсто въ пространствѣ.

Конечно, міръ физическихъ объектовъ, воспринимаемыхъ нашими чувствами, намъ приходится сооружать изъ элементовъ опыта, окрашенныхъ субъективно, такъ какъ мы познаемъ эти объекты лишь при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ. Но мы принимаемъ всѣ доступныя намъ мѣры, чтобы элиминировать изъ этой картины субъективные элементы и придать ей возможно болѣе объективный, независящій отъ особенностей человѣческаго воспріятія, характеръ. Идеаломъ естествознанія, вѣроятно, никогда вполнѣ не достижимымъ, является построение такой картины физического міра, въ которой ничего субъективнаго не осталось бы, которая соотвѣтствовала бы трансцендентной реальности, наличность коей составляетъ предметъ нашего твердаго убѣжденія.

Съ другой стороны, мы имѣемъ *міръ внутренняго опыта, міръ духовной, психической реальности*. При построении картины этого міра намъ уже не приходится элиминировать никакихъ элементовъ. Этотъ міръ не воспринимается нами при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, но онъ нами непосредственно переживается. Его составляютъ наши мысли, чувства, акты воли. Пространственныхъ элементовъ въ этомъ мірѣ нѣтъ; духовная жизнь протекаетъ во времени, и категория пространства примѣняется мышленіемъ лишь къ міру физическихъ объектовъ. Міръ духовный не поддается по этому и точному измѣренію: духовныя явленія не могутъ быть точно выражены въ величинахъ экстенсивныхъ и поддаются лишь приблизительному измѣренію со стороны своей интенсивности. Это—реальность такого рода, что ее нельзя воспринять при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, т.-е. видѣть, осязать, ибо и сами внѣшнія чувства входятъ въ ея составъ.

2. *Единство*. Весь нашъ опытъ самъ по себѣ представляетъ слитное цѣлое. Даже разграниченіе опыта внѣшняго и внутренняго требуетъ усилій мысли и до сихъ поръ не можетъ считаться вполнѣ законченнымъ, а, вѣроятно же всего, и никогда не будетъ закончено, такъ какъ намъ не удастся

полная елиминація суб'єктивнихъ елементовъ изъ картины внѣшняго міра. Для этой цѣли мы неустанно сопоставляемъ между собою свои собственныя воспріятія и воспріятія другихъ людей, но выйти вообще изъ предѣловъ данныхъ суб'єктивнаго воспріятія и мышленія мы не можемъ. Тѣмъ болѣе приходится отмѣтить наличность той же слитности въ предѣлахъ опыта внѣшняго и внутренняго, взятыхъ въ отдѣльности. И тотъ, и другой опытъ состоитъ изъ слитной рѣки переживаній, въ которой нѣтъ даннаго непосредственно раздѣленія на элементы и рѣзкаго отграниченія элементовъ другъ отъ друга. Такое раздѣленіе вносится въ опытъ *актами нашего мышленія*, приступающаго къ его обработкѣ. Мысль наша по природѣ своей относительнона и уясняетъ себѣ все лишь при помощи сопоставленія, сравненія и отвлеченія. Для этихъ операцій необходимо расчлененіе слитнаго опыта на отдѣльные элементы, которые затѣмъ мыслью приводятся въ соотнесеніе между собою, какъ отдѣльныя единства. Безъ созданія такихъ единствъ мышленіе обойтись не можетъ.

Конечно, при этой расчленяющей дѣятельности мысль пользуется данными опыта; она конструируетъ въ качествѣ единствъ то, что и въ опытѣ является болѣе или менѣе тѣсно связаннымъ между собою. „Предметомъ“ для насъ является всегда извѣстное соотнесеніе элементовъ опыта, болѣе или менѣе устойчивое. Но тѣмъ не менѣе рѣшающій голосъ въ этихъ вопросахъ принадлежитъ мышленію. Въ опытѣ опредѣленныхъ граней между предметами не существуетъ. Поэтому признаніе группы элементовъ единствомъ зависитъ въ конечномъ счетѣ отъ той точки зрѣнія, которой руководится въ каждомъ данномъ случаѣ наша мысль. Въ этомъ смыслѣ и можно говорить вслѣдъ за Вундтомъ (Logik, I, 449), что „вопросъ, данъ ли предметъ или нѣтъ, въ концѣ-концовъ постоянно повидимому рѣшается приговоромъ (Machtspruch) мысли, который находитъ для такого дѣйствія во внѣшнихъ условіяхъ воспріятія достаточные мотивы, но никогда не находитъ принудительныхъ основа-

ній“. Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы, напримѣръ, считать единствомъ ту землю, на которой живемъ? Достаточныхъ мотивовъ для такого выдѣленія земли въ самостоятельный объектъ имѣется немало, но противъ такой конструкции можно возразить, что земля, взятая отдѣльно отъ планетной системы и солнца, является не реальнымъ предметомъ, а простой абстракціей. Но и планетная система, взятая внѣ связи со всѣмъ міромъ оказывается такой же абстракціей. Такимъ образомъ, даже эти основныя для насъ единства оказываются въ значительной степени условными: на самомъ дѣлѣ они неразрывно связаны со всѣмъ міромъ опыта и самостоятельно не существуютъ. И самый родъ единства, къ которому мы причисляемъ извѣстный матеріаль опытъ, можетъ оказаться различнымъ въ зависимости отъ той точки зрѣнія, на которой мы стоимъ въ каждый данный моментъ. Такъ, куча песку для техника оказывается единствомъ развѣ только съ точки зрѣнія вещества, напримѣръ, какъ строительный матеріаль, подлежащій смѣшенію съ известью; для дѣтей же, которыя на морскомъ берегу сооружаютъ изъ нея крѣпость, она является единствомъ и съ точки зрѣнія формы.

3. *Орианизмъ*. Изъ изложеннаго ясно уже, что мы можемъ различать нѣсколько видовъ единствъ, смотря по тому принципу, который кладется мышленіемъ въ основаніе единства. Зигвартъ въ своей Логикѣ (Logik 3-te Aufl. II, § 78) предлагаетъ слѣдующую схему. Мы можемъ объединять элементы опыта съ точки зрѣнія *вещества*, т.-е. однородности ихъ качествъ, и съ точки зрѣнія *индивидуальной структуры*, т.-е. порядка соотношенія элементовъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы можемъ обращать вниманіе просто на *геометрическую форму* тѣла или же на тотъ *принципъ*, который лежитъ въ основѣ соотношенія частей и которымъ это соотношение обусловливается и объясняется. Такимъ принципомъ можетъ быть въ свою очередь либо причина, либо цѣль. Поэтому приходится различать индивидуальныя единства *причиннаго* и *цѣлевого* характера (каузальныя и телеологическія

единства). Построя первыя, мы выводимъ структуру, какъ результатъ дѣйствія извѣстныхъ намъ заранѣ причинъ. При построеніи вторыхъ мы производимъ объединеніе элементовъ въ единство, принимая во вниманіе видимый для насъ и интересующій насъ единый результатъ совмѣстнаго дѣйствія частей и уже, отправляясь отъ результата, судимъ о тѣхъ причинахъ, которыя его вызываютъ. Такимъ образомъ, телеологическое разсмотрѣніе не противорѣчитъ принципу причинности и не исключаетъ его. Но мы къ нему прибѣгаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда самый синтезъ создается нами во вниманіе къ тому *конечному результату*, который получается отъ совмѣстнаго дѣйствованія элементовъ и по отношенію къ которому вызвавшія его причины стоятъ въ качествѣ средствъ, при помощи которыхъ достигается результатъ, насъ интересующій, т.-е. цѣль единства. Болѣе всего данныхъ мы имѣемъ для построенія такихъ единствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда самыя части, входя въ составъ сложнаго соединенія, мѣняють свой характеръ или свою форму, въ зависимости отъ общей цѣли этого соединенія. Это мы имѣемъ, напримѣръ, въ сложной машинѣ, части которой пригнаны другъ къ другу. Принимая во вниманіе, что элементы сложнаго единства, взятые подъ другимъ угломъ зрѣнія, часто разсматриваются, какъ самостоятельные предметы, мы начинаемъ говорить о *коллективныхъ единствахъ*, т.-е. такихъ, которыя во вниманіе къ своему единому результату нами объединяются, но состоятъ изъ самостоятельныхъ единицъ. Понятіе „индивида“ мы примѣняемъ къ телеологическому единству въ томъ случаѣ, когда извѣстная структура, т.-е. извѣстный опредѣленный порядокъ соотношенія элементовъ, оказывается необходимымъ для достиженія цѣли единства, когда онъ, другими словами, съ неизбѣжностью вытекаетъ изъ самаго характера общаго результата, достигаемаго единствомъ. Въ этомъ смыслѣ индивидомъ является каждый біологическій организмъ, животное или растеніе. Эта же квалифікація прилагается, впрочемъ, иногда и къ причиннымъ единствамъ, какъ, напр.,

къ кристаллу. Хотя здѣсь единство создается чисто каузальною точкою зрѣнія, но его порядокъ, въ данномъ случаѣ—форма кристалла, съ необходимостью вытекаетъ изъ причинъ, создающихъ единство. Кристаллъ поэтому образуетъ собою явленіе, переходное отъ живой природы къ неживой.

Продолжая дальше эти разсужденія, мы можемъ намѣтить слѣдующее различіе между телеологическими единствами, непосредственно важное для нашихъ цѣлей. Каждое такое единство объединяется, какъ сказано, своимъ конечнымъ результатомъ, своей цѣлью. Но эта цѣль можетъ быть для него поставлена *извнѣ*, какимъ-нибудь постороннимъ для него агентомъ, или же она можетъ заключаться *въ немъ самомъ*. Перваго рода комбинацію представляетъ собою каждая машина, сооружаемая человѣкомъ. Мы имѣемъ здѣсь сочетаніе частей, выполняющее опредѣленную работу. Но это сочетаніе сознательно сооружено человѣкомъ и служить достиженію цѣли, поставленной строителемъ. Такого рода телеологическія единства, объединенныя цѣлью, извнѣ поставленной и сооруженныя внѣшнимъ, независимымъ отъ нихъ строителемъ, мы называемъ *механическими*. Имъ противопоставляются единства *органическія* или *организмы*, которыя тѣмъ отличаются, что они сами себя организуютъ, не имѣя никакого внѣшняго, отдѣльнаго и независимаго отъ нихъ строителя, что они носятъ свою цѣль въ самихъ себѣ ¹⁾.

1) Я употребляю здѣсь слово „механизмъ“ въ смыслѣ *телеологическаго* единства, составляющаго противоположность „организму“, и для большей ясности, въ качествѣ примѣра механизма, беру *машину, построенную человекомъ*. Именно въ этомъ значеніи слово механизмъ важно въ примѣненіи къ *человѣческому обществу* и, въ частности, къ *государству* и даетъ возможность провести опредѣленную и наглядную грань между механическими и органическими тесрями общества, какъ это выяснится ниже. Но, конечно, слово механизмъ можетъ быть употребляемо и въ иныхъ, болѣе широкихъ значеніяхъ. Механизмомъ можно называть всякое сочетаніе элементовъ неорганическаго міра, которое неспособно къ внутреннему развитію, не ведетъ своей собственной жизни и цѣликомъ исчерпывается *каузальнымъ* физико-химическимъ объясненіемъ. Однако, и въ этомъ смыслѣ понятіе механизма,

Между механизмомъ и организмомъ есть большое сходство, но и существенная разница. Какъ организмъ, такъ и механизмъ суть телеологическія единства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ сочетаніе элементовъ, расположенныхъ въ томъ порядкѣ, который необходимъ для полученія опредѣленнаго результата. Машина, благодаря соотношенію своихъ частей, даетъ опредѣленное и желательное для ея строителя направленіе запасу энергіи, которая получается ею извнѣ. Точно такъ же и организмъ при помощи опредѣленнаго расположенія элементовъ, опредѣленной структуры, даетъ извѣстное направленіе получаемому извнѣ (при посредствѣ питанія и дыханія) запасу энергіи. Но въ то время, какъ механизмъ строится извнѣ, организмъ самъ себя сооружаетъ и обладаетъ способностью расти и даже размножаться, которой не надѣленъ механизмъ. Цѣль біологическаго организма лежитъ въ немъ самомъ. Она состоитъ въ поддержаніи *жизни*, въ активномъ приспособленіи къ средѣ и даже въ воздѣйствіи на эту среду въ интересахъ біологическаго организма. Однимъ словомъ явленіе жизни кладетъ рѣзкую грань между механизмомъ и біологическимъ организмомъ. И это различіе проявляется въ томъ, что самая связь частей съ цѣлымъ въ біологическомъ организмѣ гораздо крѣпче, нежели въ механизмѣ, зависимость частей отъ цѣлаго больше. Каждый органъ біологическаго организма, будучи отдѣленъ отъ цѣлаго, по общему правилу, разрушается, чего нельзя сказать о частяхъ машины.

Такимъ образомъ, исходя изъ анализа той противоположности, которая существуетъ между механизмомъ и біологическимъ организмомъ, мы приходимъ къ выводу, что разницу составляетъ присущая организму способность къ самостоятельной жизни, выражающейся въ развитіи и размноженіи. Органическое единство носить свою цѣль въ себѣ и

хотя уже не съ такой наглядностью, какъ въ текстѣ, противопоставалось бы понятію организма, который ведетъ свою жизнь, не могущую быть исчерпанной однимъ только сочетаніемъ физико-химическихъ процессовъ. См. къ изложенному также R. Schmidt, Allgemeine Staatslehre, I, SS. 156 fgg. (1901).

выступаетъ въ мірѣ реальностей, какъ *активный факторъ*, самостоятельно реагирующій на окружающую среду. Въ дальнѣйшемъ намъ надлежитъ выяснить, однимъ ли міромъ животныхъ и растеній, единствъ біологическаго порядка, должно ограничиваться примѣненіе понятія организма, опредѣляемаго въ указанномъ смыслѣ?

III.

Послѣ установленія необходимыхъ для насъ общихъ понятій и опредѣленій, мы можемъ перейти къ вопросу о *человѣческомъ обществѣ* и разсмотримъ: 1) Является ли общество людей особой реальностью? 2) Слѣдуетъ ли разсматривать его, какъ особое единство? 3) Можно ли квалифицировать общество, какъ организмъ? Мы начнемъ нашъ анализъ съ вопроса о томъ, можно ли разсматривать челоѣческое общество, какъ единство.

1) *Единство челоѣческаго общества*. Мы имѣемъ въ опытѣ много основаній для того, чтобы разсматривать общество людей, какъ единство. Дѣло въ томъ, что не соотвѣтствовало бы фактамъ, если бы мы смотрѣли на общество просто, какъ на сумму отдѣльныхъ людей. *Свойства* общества не опредѣляются всецѣло свойствами тѣхъ людей, изъ которыхъ оно составляется; общество достигаетъ своею дѣятельностью и такихъ *результатовъ*, которые недоступны отдѣльнымъ людямъ. Остановимся на томъ и другомъ явленіи.

Профессоръ Петражицкій утверждаетъ, что „всякое психическое явленіе происходитъ въ психикѣ одного индивида и только тамъ, и его природа не измѣняется отъ того, происходитъ ли что-либо иное гдѣ-либо, между индивидами, надъ ними, въ психикѣ другихъ индивидовъ, или нѣтъ, существуютъ ли другіе индивиды или нѣтъ“ („Теорія права“, I, стр. 102). Я уже имѣлъ случай отмѣтить (см. мои „Этюды по современной этикѣ“, стр. 196), что такое представленіе безусловно неправильно. Общеніе далеко не является такой безразличной вещью для индивида. Мало того: можно ска-

затѣ, что человѣческій индивидъ, какъ существо разумное и говорящее, мыслимъ только въ обществѣ и выросъ на почвѣ соціальной жизни. Въ общества люди не могли бы говорить, а, не обладая даромъ членораздѣльной рѣчи, они не могли бы и мыслить абстрактно. Все это ясно само собою. А затѣмъ рядъ общеизвѣстныхъ фактовъ показываетъ намъ, въ какой степени люди мѣняются, когда они находятся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ общенія. Криминалисты первые обратили вниманіе на такъ называемую *психологію толпы*. Наблюденія показали, что человѣкъ, находящійся и дѣйствующій въ толпѣ, совершаетъ часто поступки, на которые онъ не пошелъ бы, если бы не было вліянія толпы. Толпа обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что эмоціи, преобладающія у большинства ея членовъ, усиливаются въ значительной степени, благодаря взаимному внушенію, оказываемому другъ на друга ея членами. Эти эмоціи обращаются въ стихійныя теченія, силъ которыхъ только съ большимъ трудомъ могутъ сопротивляться отдѣльные индивиды. Многіе неспособны къ такому сопротивленію и подъ вліяніемъ толпы совершаютъ самыя жестокія преступленія или оказываютъ чудеса героизма, на которыя сами потомъ изумляются. Притомъ, какъ отмѣчаетъ Сигеле въ своемъ изслѣдованіи о „преступной толпѣ“ (стр. 42 — 43), толпа обыкновенно предрасположена скорѣе къ злу, чѣмъ къ добру. Это происходитъ оттого, что люди сходятся между собою болѣе въ отрицательныхъ свойствахъ, чѣмъ въ положительныхъ; поэтому, въ то время, какъ положительныя свойства, различныя у разныхъ людей, въ толпѣ другъ друга не только не усиливаютъ, но напротивъ, взаимно уничтожаются, отрицательныя свойства имѣютъ тенденцію слагаться и усиливаться. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ толпѣ развивается еще особое сознаніе своего могущества и безотвѣтственности отдѣльныхъ членовъ, которое также вліяетъ на ихъ поведеніе. Всего этого достаточно для иллюстраціи того положенія, что общество не есть простой агрегатъ членовъ. Входящіе въ него люди мѣняются уже въ

силу пребыванія въ обществѣ, и общество отличается особыми чертами психики, которыя присущи ему именно въ силу того, что оно есть общество. Мы можемъ съ полнымъ основаніемъ утверждать, что общество есть единство, обладающее своими особенными свойствами.

Точно такъ же нетрудно показать, что общество своей дѣятельностью производитъ результаты, недоступные отдѣльному человѣку. Уже Прудонъ предложилъ вопросъ: „Двѣсти гренадеровъ въ нѣсколько часовъ воздвигли Луксорскій обелискъ; думаетъ ли кто-нибудь, что одинъ человѣкъ могъ бы сдѣлать то же самое въ двѣсти дней?“ (цитировано у Zenker, *die Gesellschaft*, II, 44). Экономическія выгоды сотрудничества слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ слѣдовало останавливаться. — Среди *продуктовъ общественной дѣятельности* особенно важны: языкъ, нравы, религія, наука, искусство. Конечно, въ созданіи всѣхъ этихъ продуктовъ принимаетъ участіе индивидуальное творчество. Но они получаютъ общественное значеніе, превращаются въ соціальныя силы лишь тогда, когда становятся достояніемъ массы людей. При этомъ въ процессъ усвоенія обществомъ идеи и изобрѣтенія отдѣльныхъ людей мѣняются въ своемъ характерѣ. Имъ не только приходится выдерживать поединки съ конкурентными идеями, которыя такъ хорошо описалъ Тардъ въ своей „Соціальной логикѣ“, но приходится приспособиться ко всей соціальной традиціи. Этотъ процессъ приспособленія новой идеи къ традиціи, охарактеризованный недавно Балдуиномъ¹⁾, состоитъ или въ томъ, что идея заставляетъ традицію перестроиться, или же, гораздо чаще, въ томъ, что идея сама видоизмѣняется такъ, чтобы ее можно было безъ труда включить во всю массу соціальной традиціи. Такимъ образомъ, чаще всего идея, становясь достояніемъ общества, утрачиваетъ значительную долю той оригинальности, которой она отличалась, будучи впервые

¹⁾ *Baldwin*, Social and ethical interpretations in mental development (1906), стр. 459 слл. См. также *Vierkandt*, die Stetigkeit im Kulturwandel (1908 г.).

высказана ея индивидуальнымъ изобрѣтателемъ. Это явленіе и приводитъ къ тому, что мысли, кристаллизовавшіяся въ наукѣ, въ нравахъ, въ религіи, въ искусствѣ, представляютъ изъ себя въ конечномъ счетѣ общественные продукты, результатъ сотрудничества массы людей, а не продукты индивидуальнаго творчества, которое выступаетъ въ этомъ процессѣ, какъ важный, но не единственный агентъ. Ясно, что мы имѣемъ полное право говорить объ особыхъ продуктахъ общественнаго творчества.

Принимая все это во вниманіе, мы можемъ утверждать, что на основаніи данныхъ опыта общество является единствомъ, а не простой суммой отдѣльныхъ людей, такъ какъ оно обладаетъ своими собственными свойствами, проявляющимися въ законахъ коллективной психологіи, и создаетъ свои собственные продукты творчества. И при томъ, общество есть *единство коллективное*, такъ какъ оно состоитъ изъ такихъ элементовъ, которые мы съ полнымъ основаніемъ рассматриваемъ также, какъ единства.

Но въ этомъ отношеніи нѣтъ большой разницы между человѣческимъ обществомъ и *сложнымъ біологическимъ организмомъ*. Дѣло въ томъ, что и сложный біологическій организмъ является также коллективнымъ единствомъ. Онъ представляетъ собою общество клѣтокъ, часть которыхъ связана въ сплоченныя болѣе тѣсно ткани, а часть пребываетъ въ подвижномъ состояніи (кровяные шарики). Каждая такая клѣтка, даже если она не образуетъ самостоятельнаго одноклѣточного животнаго, есть все же живой организмъ, приспособившійся къ тому, чтобы функционировать въ качествѣ составной части, органа болѣе сложнаго организма. Въ многоклѣточномъ организмѣ клѣтки соединены по принципу раздѣленія труда: отдѣльныя клѣтки и ткани специализируются на выполненіи опредѣленныхъ функцій сложнаго цѣлаго. Поэтому ботаникъ Рейнке (Reinke, *Einleitung in die theoretische Biologie*, 1901, S. 219) уподобляетъ такое растеніе, какъ дубъ, государству біологическихъ единицъ.

Можно провести цѣлый рядъ частныхъ аналогій между

обществомъ и сложнымъ животнымъ или растительнымъ организмомъ. И тамъ, и здѣсь примѣняется одинъ и тотъ же принципъ *раздѣленія труда*. Въ дифференцированномъ человѣческомъ обществѣ этотъ принципъ сказывается не менѣе наглядно, чѣмъ въ обществѣ біологическихъ клѣтокъ. На этомъ принципѣ покоится вся экономическая и политическая организація современнаго государства. Далѣе, существованіе сложнаго цѣлаго и тамъ и здѣсь не зависитъ отъ происходящей постоянно *смѣны отдельныхъ элементовъ*. Въ біологическомъ организмѣ происходитъ постоянно обмѣнъ веществъ, который не мѣшаетъ признанію единства этого организма и далъ поводъ сравнивать такой организмъ съ фонтаномъ, гдѣ также форма сохраняется при постоянной смѣнѣ матеріи. Но такой же обмѣнъ веществъ происходитъ и въ человѣческихъ обществахъ: поколѣнія и индивиды мѣняются, а народъ, какъ цѣлое, остается тѣмъ же самымъ. Этотъ пунктъ выдвинуть былъ уже римскимъ юристомъ конца республики Алфеномъ въ его извѣстномъ разсужденіи о природѣ судебной коллегіи, помѣщенномъ въ Дигестахъ Юстиніана (D. 5, 1, L. 76) ¹⁾. Далѣе, аналогія замѣчается и въ томъ отношеніи, что біологическій организмъ способенъ къ *росту* и увеличенію своего объема; но ростъ составляетъ нормальное явленіе и въ эволюціи человѣческаго общества. Остановка прироста населенія разсматривается, какъ явленіе ненормальное, причины котораго нуждаются всегда въ особомъ выясненіи. Наконецъ, можно говорить даже и о способности человѣческаго общества къ *размноженію* при посредствѣ способа, аналогичнаго размноженію біологическихъ организмовъ путемъ дѣленія: такой случай мы имѣемъ при отдѣленіи отъ государства колоніи, которая, обращаясь въ самостоятельное общество, воспроизводитъ у себя общественный и политическій строй метрополіи. Всѣ эти аналогіи мнѣ представляются вполне правомѣрными.

¹⁾ См. мою „Исторію римскаго права“ (изд. 4-е, 1908 г.), § 62, III.

На основаніи всего изложеннаго я считаю себя въ правѣ утверждать, что мы имѣемъ совершенно достаточныя эмпирическія данныя, чтобы признать человѣческое общество единствомъ.

2) *Органическая природа общественнаго единства.* Нетрудно показать, что это коллективное единство должно быть отнесено къ категоріи органическихъ, если понимать организмъ въ смыслѣ, который былъ выше установленъ. Мы видѣли, что различіе между организмомъ и механизмомъ сводится къ тому, что организмъ самъ себя строитъ, способенъ къ жизни и развитію, тогда какъ механизмъ сооружается независимымъ отъ него внѣшнимъ строителемъ и самостоятельной жизнью не надѣленъ. Слѣдовательно, для подведенія общества людей подъ категорію органическихъ единствъ слѣдуетъ выяснитъ, живетъ ли общество самостоятельною жизнью, подлежащей своей особой закономѣрности? Такъ на самомъ дѣлѣ и ставился вопросъ въ тянущемся изстари спорѣ о природѣ общества. Построенныя по этому поводу теоріи можно раздѣлить на двѣ основныя группы.

Такъ называемыя *теоріи общественнаго договора*, при всѣхъ свойственныхъ имъ варіантахъ, проводили по существу *механическое* воззрѣніе на природу человѣческаго общества.

Съ точки зрѣнія этихъ теорій общество представляется чѣмъ-то вродѣ машины, которая сознательно сооружается людьми для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Общество не есть естественное образованіе, а *искусственное* сооруженіе. Какъ правильно отмѣтилъ Эспинасъ („Соціальная жизнь животныхъ“, изд. 2-е, стр. 15), это ясно уже изъ того, что мыслители этой школы предпосылаютъ общественному договору состояніе, которое они называютъ *естественнымъ*; тѣмъ самымъ они даютъ понять, что люди, соединяясь, чтобы жить подъ общими законами, выходятъ изъ этого состоянія и вступаютъ въ состояніе искусственное. Гоббсъ прямо говоритъ: „Согласіе или единодушіе, устанавливающееся само собой между животными, естественно, тогда какъ между людьми оно обусловлено соглашеніемъ и потому искус-

ственно“ (цитировано у Эспинаса). Нечего распространяться о томъ, что подобныя теоріи неправильны, если ихъ понимать исторически или генетически: государство и общество по общему правилу не возникаютъ въ результатъ такого сознательнаго соглашенія людей. Но онѣ неправильны и въ томъ случаѣ, если имъ не придавать такого генетическаго значенія, а смотрѣть на нихъ просто, какъ на разсужденія о внутренней природѣ общества. Въ жизни общества, конечно, имѣетъ значеніе разумная воля отдѣльныхъ индивидовъ и разумное ихъ соглашеніе, которое одно только и можетъ быть названо договоромъ. Но такая воля выступаетъ здѣсь лишь какъ одинъ изъ факторовъ, далеко не имѣющій рѣшающаго значенія. Далеко не все опредѣляется сознательно поставляемыми цѣлями людей. Мы видѣли уже, что мысль индивида, чтобы стать общественнымъ достояніемъ, соціальной силой, должна приспособиться къ общественной традиціи и что она при этомъ измѣняетъ свой характеръ. Далѣе, при томъ постоянномъ творчествѣ, которымъ характеризуется всякій психическій процессъ, совершается ли онъ въ одномъ индивидѣ или же получается изъ взаимодействія индивидовъ, вступающихъ въ общественныя отношенія между собою ¹⁾, результаты реализуемыхъ идей никогда не отвѣчаютъ вполнѣ ожиданіямъ тѣхъ людей, которыми эти идеи реализуются. Каждой идеѣ приходится осуществляться въ обстановкѣ, уже измѣненной самимъ процессомъ проведенія ея въ жизнь, и потому не соответствующей той обстановкѣ, при которой идея зародилась. Уже поэтому практическіе результаты идеи не могутъ вполнѣ отвѣчать ожиданіямъ, которыя съ нею первоначально связывались. А затѣмъ, идеи никогда и не бываютъ безошибочны; намъ не удалось вполнѣ овладѣть ни одной стороной окружающаго насъ міра; поэтому реализація идеи неизбежно обнаруживаетъ тѣ ошибки, которыя въ ней имѣ-

¹⁾ См. объ этомъ мою статью „Къ вопросу о свободѣ воли“ въ „Вспр. Фил. и Псих.“ 1939 г., кн. 96.

лись. Все это приводитъ къ тому, что послѣдствія нашихъ сознательныхъ и рассчитанныхъ дѣйствій всегда болѣе или менѣе расходятся съ нашими ожиданіями, что наши цѣли никогда вполнѣ не достигаются, и намъ приходится ставить себѣ новыя, неожиданныя цѣли. Все это составляетъ содержаніе того основного закона общественной эволюціи, который Вундтъ назвалъ закономъ *гетерогоніи цѣлей*. Спенсеръ говоритъ объ аналогичномъ принципѣ, придавая ему болѣе широкое значеніе и именуя его закономъ возрастанія количества слѣдствій (см. Wundt, System der Philosophie, I, 326 fgg. Logik, III, 281. Ср. Спенсеръ, „Основные начала“, ч. II, гл. XX). Законъ гетерогоніи цѣлей поясняетъ намъ, почему не все въ исторической жизни опредѣляется сознательно поставляемыми цѣлями людей. Очень многое въ общественныхъ процессахъ отъ воли индивидовъ не зависитъ и совершается въ порядкѣ особой закономѣрности, присущей именно общественной жизни. Поэтому даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда такія общественныя образованія, какъ государства, сооружаются, повидимому, по сознательному рѣшенію людей — такіе примѣры предлагаетъ намъ новѣйшая исторія, — въ конечномъ счетѣ судьба такого образованія все же зависитъ отъ многихъ причинъ, сознательному учету не поддающихся. Будетъ ли такое образованіе способно къ прочной жизни и развитію, зависитъ отъ того, насколько окажутся способными къ прочному объединенію тѣ элементы, изъ которыхъ оно составилось, и насколько этому благопріятствуютъ тѣ внѣшнія условія, въ которыхъ придется существовать новой общественной организаціи.

Исходя изъ этихъ соображеній, мы должны отдать рѣшительно предпочтеніе той группѣ общественныхъ теорій, которая могутъ быть названы *органическими* и которая ведутъ свое начало еще отъ Аристотеля (см. вступительный очеркъ въ названной книгѣ Эспинаса). Съ точки зрѣнія этихъ теорій общество оказывается естественнымъ образованіемъ, продуктомъ закономѣрной эволюціи міра. Оно

развивается по особымъ законамъ, ему присущимъ. Оно имѣетъ свою собственную жизнь, опредѣляемую имманентными для общества условіями, а не какимъ-либо внѣшнимъ строительствомъ. Въ этомъ смыслѣ общество, несомнѣнно, принадлежитъ къ разряду единствъ органическихъ, а не механическихъ.

3) *Общество людей, какъ вполне реальная величина.* Послѣ всего сказаннаго едва ли есть необходимость въ особенно детальныя разсужденія для выясненія вопроса о томъ, составляетъ ли человѣческое общество реальность и въ какомъ именно смыслѣ. Конечно, общество есть вполне реальная величина. Но только — это реальность не внѣшняго, физическаго міра, а *міра духовнаго*. Общество есть совершенно реальный процессъ междупсихическаго взаимодействия составляющихъ его индивидовъ, процессъ, который мы конструируемъ, какъ особое единство и притомъ органическое, такъ какъ въ немъ проявляется особаго рода закономерность, не укладывающаяся въ рамки индивидуальной психологіи и выражающаяся въ понятіи *общественной жизни и развитія*. Будучи единствомъ психическаго міра, общество, конечно, неосвязаемо, невидимо, неслышимо ¹⁾. Но всѣ эти свойства оно раздѣляетъ съ другими явленіями ду-

¹⁾ Само собою разумѣется, что духовная дѣятельность общества, какъ и отдѣльнаго человѣка, получаетъ внѣшнее физическое выраженіе въ тѣхъ вещахъ, которыя соотвѣтствуютъ произведеніямъ духа: въ книгахъ, статуяхъ, картинахъ, постройкахъ и т. п. Съ другой стороны, тѣ условія внѣшняго міра, въ которыхъ протекаетъ духовная дѣятельность общества, вліяютъ на характеръ этой дѣятельности. Если, тѣмъ не менѣе, я называю общество духовнымъ организмомъ, настаиваю на томъ, что общество невидимо, неслышимо и т. д., то этимъ я хочу сказать, что самая связь, соединяющая общество, создающая изъ отдѣльныхъ людей социальное единство, есть, конечно, связь психическая, а не физическая. Физическія вещи и физическая обстановка, выше упомянутыя, имѣютъ для изслѣдователя общества интересъ лишь постольку, поскольку онѣ находятъ себѣ отраженіе въ духовныхъ процессахъ, происходящихъ въ обществѣ. Подчеркивать все это необходимо, такъ какъ для людей, начинающихъ размышлять объ обществѣ, обыкновенно, именно отсутствіе видимой, механической или физической связи между людьми, составляющими общество, оказывается главнымъ препятствіемъ къ принятію воззрѣнія на общество, какъ на реальное единство.

ховнаго міра; вѣдь и наши мысли, чувства, акты воли также непротяженны и не подлежатъ воспріятію съ помощью внѣшнихъ чувствъ, и все это не мѣшаетъ имъ быть несомнѣнными реальностями. Реально общество и реальны такіе его продукты, какъ языкъ, нравы, право, религія, наука и т. п. Было бы странно и противно всѣмъ даннымъ опыта отрицать реальность этихъ явленій; никакихъ гносеологическихъ основаній для такого отрицанія усмотрѣть невозможно.

Вполнѣ точно квалифицируется человѣческое общество, если мы его назовемъ не просто организмомъ, а *соціальнымъ организмомъ*. Тогда этотъ предикатъ—соціальный—покажетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло не съ біологической единицей, но съ единствомъ другого рода, съ единствомъ, основаннымъ на *духовной, психической связи*. Предлагаемая терминологія сводится къ тому, чтобы понятіе организма считать *родовымъ*, разумѣя подъ нимъ всякое телеологическое единство, способное къ жизни и развитію. Въ предѣлахъ этого рода надлежитъ различать два *видовыхъ* понятія: *организмъ біологическій*, т.-е. растеніе или животное, въ которомъ мы сталкиваемся съ пространственной физической связью элементовъ, и организмъ *соціальный*, который объединяется исключительно связью духовной, психической.

Этимъ разнымъ характеромъ связи, объединяющей элементы того или другого вида организмовъ, объясняются и тѣ отдѣльныя различія, которыя должны быть констатированы между обоими видами и которыя непременно должны быть принимаемы во вниманіе, чтобы органическая теорія общества избѣжала опасности чрезмѣрнаго злоупотребленія біологическими аналогіями. Этой опасности не избѣжали многіе изслѣдователи, которые отыскивали въ общественномъ организмѣ полное подобіе организма біологическаго; они не стѣснялись говорить о кровеносной и пищеварительной системахъ общества, о нервныхъ путяхъ и центрахъ общественнаго организма (см., напр., Спенсеръ, „Соціальный организмъ“, въ „Опытахъ“, ч. I) и доходили даже

до того, что пытались измѣрять вышину человѣческихъ обществъ (см. Вормсъ, „Общественный организмъ“, 61). Такія чрезмѣрные увлеченія біологіей въ значительной степени повредили органическимъ теоріямъ общества, такъ какъ съ упоминаніемъ о нихъ стали связывать представленіе именно о такого рода натянутыхъ и неподходящихъ къ дѣлу картинахъ общественныхъ явленій. При правильномъ пониманіи истинной природы соціального организма всѣ исходящія изъ такихъ ошибокъ возраженія противъ органическихъ теорій отпадаютъ.

Будучи сплоченъ духовной, психической связью, общественный организмъ оказывается, въ общемъ, гораздо *подвижнѣе біологическаго*. Въ біологическомъ единствѣ структура является обыкновенно весьма мало подвижной и очень устойчивой. Поэтому мы впередъ можемъ указать всѣ тѣ органы, которые необходимы для животнаго или растенія опредѣленнаго типа. Напротивъ, структура человѣческихъ обществъ менѣе устойчива и допускаетъ самыя разнообразныя варіаціи и измѣненія. Она гораздо подвижнѣе и структуры обществъ животныхъ, потому что въ основѣ ея лежитъ, главнымъ образомъ, *общественная традиція*, передающаяся путемъ воспитанія старшихъ поколѣній младшими, тогда какъ въ основѣ обществъ животныхъ лежитъ почти исключительно *инстинктъ*, создаваемый фізіологической наследственностью. Наконецъ, и положеніе отдѣльных элементовъ въ обществѣ гораздо свободнѣе, нежели положеніе клѣтокъ въ біологическомъ единствѣ. Въ послѣднемъ клѣтки прочно прикрѣплены къ своимъ спеціальнымъ функціямъ и лишь въ узкихъ размѣрахъ осуществимо принятіе на себя одной клѣткой или органомъ той работы, которая составляетъ миссію другого органа или клѣтки. Напротивъ, въ человѣческихъ обществахъ часто въ этомъ отношеніи открывается большая свобода отдѣльнымъ элементамъ. Конечно, при кастовомъ режимѣ и здѣсь индивиды весьма прочно прикрѣплены къ опредѣленнымъ профессіямъ. Но въ демократическихъ обществахъ, какъ, напр., Соединенные

штаты Сѣв. Америки, возможны даже такія явленія, какъ замѣщеніе должности президента лицомъ, которое свою жизнь начало въ качествѣ простаго рабочаго. Всѣ эти различія не возбуждаютъ нашего удивленія, если мы примемъ во вниманіе принципиально иной характеръ связи, объединяющей элементы человѣческаго общества, сравнительно со связью элементовъ біологическаго организма.

Нѣтъ никакой нужды вводить для общества людей особое понятіе *надъ-организма*, предлагаемое нѣкоторыми соціологами. Особенности общественнаго организма достаточно отдѣляются именно этимъ предикатомъ „общественный или соціальный“, который указываетъ на психическую природу даннаго единства.

IV.

Процессъ общественнаго развитія состоитъ во взаимодействіи психикъ тѣхъ людей, которые составляютъ общество. Въ результатъ этого взаимодействия получается запасъ идей и чувствъ, которые не представляютъ чьего-либо индивидуальнаго достоянія, но могутъ быть разсматриваемы, какъ достояніе всего общества. Эти идеи и чувства и составляютъ содержаніе права, нравовъ, общепризнанной религіи, науки и т. д. Въ общей совокупности они образуютъ то, что можно бы было назвать *общественнымъ сознаниемъ*. Въ выработкѣ этого сознанія принимаютъ участіе не только живущіе въ данный моментъ люди. Въ этомъ процессѣ участвуютъ и сошедшія со сцены поколѣнія. Идеи умершихъ уже людей часто воспринимаются обществомъ и становятся соціальными силами. Такъ общественное сознаніе и обращается въ нѣкую объективную силу, которая воздѣйствуетъ властно на индивидовъ. Продукты общественнаго сознанія, будучи въ каждый данный моментъ взяты внѣ генетическаго разсмотрѣнія, могутъ быть изучаемы чисто *систематически*, съ точки зрѣнія уясненія ихъ содержанія. Такъ возникаютъ такія систематическія науки, какъ грамматика языка, догматическая юриспруденція, догматическое богословіе и т. д.

Если же предметомъ научнаго изслѣдованія становятся самыя процессы возникновенія этихъ продуктовъ, то мы получаемъ науки *историческія*, рассматривающія эти процессы во всей ихъ конкретности, или же такія дисциплины, какъ сравнительная исторія права, сравнительная исторія религій, теоретическая и историческая наука политической экономіи: эти послѣднія дисциплины занимаются изученіемъ *типическихъ* общественныхъ процессовъ, имѣющихъ мѣсто при удовлетвореніи отдѣльныхъ интересовъ: юридическихъ, религіозныхъ, хозяйственныхъ. Наконецъ, наука, изучающая вообще процессы, изъ которыхъ складывается общественная жизнь и развитіе, независимо отъ того, какіе спеціальныя интересы преслѣдуются людьми, вступающими въ общеніе, называется *соціологіей* или общей наукой о человѣческомъ обществѣ. Всѣ эти науки принадлежатъ къ числу *наукъ о духѣ*, и я не вижу разницы между соціологіей и такъ называемой соціальной или коллективной психологіей ¹⁾.

Общественное сознаніе, конечно, не представляетъ изъ себя какой-либо особой субстанціи. Являясь продуктомъ взаимодействія отдѣльныхъ психикъ, оно и живетъ въ этихъ психикахъ. Но это не мѣшаетъ ему быть предметомъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія, такъ какъ процессъ взаимодействія людей очень сложенъ, подлежитъ особой закономерности и долженъ быть изучаемъ съ помощью особыхъ научныхъ методовъ. Вотъ почему коллективная или соціальная психологія, вопреки мнѣнію Зиммеля, не можетъ быть рассматриваема, какъ отдѣлъ индивидуальной психологіи, но составляетъ совершенно особую науку объ обществѣ.

Каждый членъ общества находится подъ воздѣйствіемъ

¹⁾ См. мою статью „Предметъ и методъ соціологіи“ въ „Вопр. Фил. и Псих.“ 1909 г. кн. 99. Въ этомъ же приблизительно смыслъ высказывается и М. М. Ковалевскій въ только что вышедшемъ I томѣ своей „Соціологіи“ (1910). Онъ полагаетъ, что коллективная психологія принадлежитъ всецѣло къ области соціологіи, и ея вопросы должны быть включены въ сферу соціологіи (стр. 16 и 27).

общественнаго сознанія. Разобравшись въ самомъ себѣ, каждый изъ насъ долженъ признать, что львиная доля его внутренняго содержанія, его міровоззрѣнія почерпнута имъ изъ окружающей общественной среды. Эта среда вліяетъ на индивида съ самаго его рожденія посредствомъ плано-мѣрнаго воспитанія и обученія и путемъ непланомѣрнаго постоянного воздѣйствія на него; индивидъ постоянно дышитъ той общественной атмосферой, которая создалась вокругъ него. Огромное большинство людей на всю жизнь остается при томъ традиціонномъ міровоззрѣніи, которое у нихъ сложилось этимъ путемъ. И лишь весьма немногимъ, особенно сильнымъ натурамъ, суждено на почвѣ усвоенія традиціоннаго общественнаго міровоззрѣнія создавать собственные новые синтезы, выступать съ новыми оригинальными идеями. Мы уже отмѣтили, что эти идеи, чтобы стать соціальнымъ достояніемъ, должны выдержать борьбу съ традиціей, въ которой онѣ или сами къ ней приспособляются или же приспособляютъ ее въ себѣ. Послѣднее бываетъ въ рѣдкихъ случаяхъ великихъ открытій, производящихъ переворотъ въ міровоззрѣніи людей.

При такихъ условіяхъ проблемой оказывается уже не общественная реальность, но самый индивидъ въ смыслѣ самостоятельной личности. Мы видимъ, что личность есть почти всецѣло созданіе окружающаго общества. Возникаетъ поэтому вопросъ, почему же не всѣ члены общества одинаковы между собою во всѣхъ подробностяхъ своего міровоззрѣнія, разъ они всѣ черпаютъ его изъ одного и того же резервуара общественнаго сознанія? Этотъ вопросъ разрѣшается тѣмъ, во-первыхъ, что люди не одинаковы въ біологическомъ отношеніи; они являются на свѣтъ съ разными природными способностями и уже поэтому не одинаково воспринимаютъ содержаніе общественнаго сознанія: есть между ними и заурядныя личности, и гении, и идіоты. Съ другой стороны, въ болѣе или менѣе сложномъ обществѣ отдѣльные люди занимаютъ неодинаковое общественное положеніе. Поэтому они поставлены не въ одни и тѣ же

условія относительно самаго воспріятія содержанія общественнаго сознанія. Одни воспринимаютъ его въ большемъ объемѣ, другіе—въ меньшемъ, на однихъ исходящіе изъ общественной среды лучи падаютъ подъ однимъ угломъ, на другихъ—подъ другимъ. Каждый индивидъ представляетъ собою своеобразно помѣщенный фокусъ, въ которомъ преломляются эти лучи. Поэтому и результаты получаются различные. Во всякомъ случаѣ даже сознаніе собственной личности, какъ особаго и самостоятельнаго цѣлаго, дорожащаго своими особенностями, составляетъ результатъ общественной эволюціи. Такое сознаніе можетъ появиться лишь у членовъ сложнаго и дифференцированнаго соціального организма, которые при столкновеніяхъ другъ съ другомъ начинаютъ чувствовать свои особенности. Почти отсутствуетъ это сознаніе личности у представителей мало культурныхъ и мало дифференцированныхъ обществъ или классовъ общества ¹⁾.

Руководствуясь этими фактами, мы начинаемъ понимать сомнѣнія тѣхъ соціологовъ, которые даже ставятъ вопросъ, не есть ли личность простая абстракція? Конечно, человѣкъ, рассматриваемый изолированно отъ создающей его общественной среды, есть абстракція. Такихъ людей не бываетъ.

Отправляясь отъ аналогичныхъ соображеній, нашъ соотечественникъ Е. В. де-Роберти (см. его книгу „Новая постановка основныхъ вопросовъ соціологіи“, 1909) приходитъ къ весьма оригинальному построенію. Считая психологію наукой о культурно развитой человѣческой личности, о моральной или нравственной личности, онъ указываетъ, что такая личность есть произведеніе двухъ факторовъ: біологическаго и соціальнаго. Личность въ указанномъ смыслѣ возможна только на почвѣ общественности и представляетъ собою конечный продуктъ общественнаго развитія. Обще-

¹⁾ См. объ этомъ *Durkheim*, „La division du travail social“. Булле, „Эгалитаризмъ“ (1904). Зиммель, „Соціальная дифференціация“.

ственность есть надъ-органическое явленіе; у однихъ живыхъ существъ ея характеръ остается чисто инстинктивнымъ, и она не поддается дальнѣйшему развитію, у другихъ, именно у людей, характеръ общественности является все болѣе и болѣе сознательнымъ и потому способнымъ къ измѣненію и развитію. Развитіе состоитъ въ томъ, что на почвѣ чисто біологическаго общенія — психофизическаго взаимодействія — развивается постепенно то сложное и производное взаимодействие, которое де-Роберти называетъ психологическимъ. Такимъ образомъ, надъ-органическое явленіе общественности слѣдуетъ за явленіемъ жизненнымъ, но предшествуетъ явленію психологическому.

Отсюда дѣлается выводъ, что соціологія не должна быть основана на психологическомъ фундаментѣ. Напротивъ, психологія сама коренится въ соціологіи. Она представляетъ науку производную, которая опирается на біологію и соціологію. Она является въ то же время наукой конкретной, въ отличіе отъ абстрактной соціологіи. „Психологическое явленіе необходимо предполагаетъ предварительное существованіе одной или нѣсколькихъ коллективныхъ психикъ, уже наложившихъ свою печать на церебральныя силы отдѣльныхъ біологическихъ особей“ (стр. 94).

Это построеніе во всей его полнотѣ не представляется мнѣ пріемлемымъ, такъ какъ авторъ, на мой взглядъ, слишкомъ узко понимаетъ задачи психологіи, сводя ея роль къ изученію только культурно развитой, нравственной личности (стр. 71). Поэтому онъ утверждаетъ, напримѣръ, что „психологическія въ тѣсномъ смыслѣ слова переживанія совершенно неизвѣстны и недоступны міру животныхъ, даже самыхъ высшихъ, самыхъ близкихъ къ человѣку по своей психофизической, нервно-мозговой организаціи, но чуждыхъ той прочной коллективной постановки наблюденій и опыта, которою вырабатывается отвлеченная идеологія, логически стройное знаніе и сопутствующая ему цѣлесообразная дѣятельность“ (стр. 51). Все это стоитъ въ тѣсной зависимости отъ общефилософскихъ воззрѣній автора, на разборъ

которыхъ мы не можемъ останавливаться въ настоящемъ очеркѣ. Г. де-Роберти считаетъ, повидимому, самое раздѣленіе наукъ на науки о природѣ и духѣ подлежащимъ устраненію; по крайней мѣрѣ, онъ говоритъ о „бесодержательномъ дуализмѣ матеріи и духа, утратившемъ нынѣ свой первоначальный смыслъ и служащемъ лишь средствомъ для различенія сравнительно болѣе простыхъ естественныхъ агрегатовъ отъ другихъ, сравнительно болѣе сложныхъ“ (стр. 219). Но, если оставить въ сторонѣ эту своеобразную терминологию, то останется весьма яркое выраженіе той правильной мысли, что психологія культурнаго человѣка, нравственной личности, есть въ значительной степени произведеніе общественнаго процесса, что личность, въ смыслѣ сознающей себя индивидуальности, составляетъ продуктъ двухъ факторовъ: біологическихъ данныхъ и воздѣйствія общественной среды. „Коллективная группа,—говоритъ г. де-Роберти въ другомъ своемъ трудѣ (Frédéric Nietzsche, 2 ed. 1903, p. 146),—есть производящая причина для индивида, для нравственной личности; всякое общество должно представляться намъ примитивной формой, низшей ступенью соціальной жизни, а индивидъ, напротивъ, долженъ насъ поражать, какъ форма послѣдующая, поздно появившаяся, высшая соціальная ступень“. „Личность или общественная особь есть существо коллективное по преимуществу. Она въ каждую эпоху представляетъ собою равнодѣйствующую длиннаго ряда группировокъ, современныхъ и историческихъ“, („Новая постановка“, стр. 266).

V.

Нѣкоторые ученые, какъ, на примѣръ, Гиддингсъ (Giddings, „The principles of sociology“, 1898, p. 420), Балдуинъ (Baldwin, „Social and ethical interpretations“, 1906, p. 459 sq.), называютъ общество *организацией*, желая этимъ отличить его отъ біологическаго организма. Я не думаю, чтобы слѣдовало принять это предложеніе. Терминъ организація произ-

водитъ впечатлѣніе чего-то менѣе естественнаго, болѣе механическаго, чѣмъ живой организмъ. Но я думаю, что этимъ терминомъ въ соціологіи можно воспользоваться въ иномъ приложеніи, слѣдуя тѣмъ соображеніямъ, которыя по этому поводу высказываетъ Вундтъ (Wundt, „Logik“, 3-te Aufl., III, SS. 638 fgg.).

Общественныя соединенія могутъ быть весьма разнообразны по характеру той психической связи, которая объединяетъ составляющихъ ихъ людей. Мы различаемъ союзы семейные и родовые, территоріальныя, политическія, культурныя, религіозныя, экономическія и т. п. Сообразно съ этимъ союзъ можетъ быть болѣе или менѣе прочнымъ, связь членовъ съ нимъ—болѣе или менѣе принудительной, продукты его дѣятельности могутъ имѣть болѣе или менѣе самостоятельный характеръ, не носящій отпечатка чьей-либо индивидуальности, его свойства могутъ болѣе или менѣе удаляться отъ свойствъ входящихъ въ него личностей. Однимъ словомъ, наличность самостоятельной общественной жизни можетъ проявляться въ союзѣ съ большей или меньшей рельефностью, и можно прослѣдить самыя разнообразныя градаціи отъ соціальнаго организма съ ярко выраженнымъ характеромъ общественнаго единства и до простаго агрегата отдѣльныхъ людей, въ которомъ общественныя черты проявляются весьма слабо. Чѣмъ менѣе въ союзѣ проявляется самостоятельная общественная жизнь, тѣмъ больше для него значенія имѣетъ сознательная индивидуальная дѣятельность составляющихъ его отдѣльныхъ людей, тѣмъ болѣе онъ начинаетъ напоминать искусственно сооружаемую людьми для достиженія своихъ цѣлей машину или же представляется простымъ случайнымъ соединеніемъ элементовъ, въ которомъ мало выраженъ характеръ единства. Вотъ почему сознательно образованные союзы, въ которыхъ сравнительно большую роль продолжаетъ играть личное творчество и сравнительно мало проявляются специфическія черты законмѣрности общественной жизни, съ значительнымъ основаніемъ могутъ быть названы соціальными.

ми организаціями и тѣмъ разграничены отъ соціальныхъ организмовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. отъ такихъ союзовъ, въ которыхъ специфическія черты соціального единства выражены болѣе ярко.

Предложеніе Вундта состоитъ въ томъ, чтобы считать соціальными организмами лишь тѣ общественныя единства, которыя подобны человѣческой личности въ разнообразіи поставляемыхъ ими себѣ цѣлей и въ измѣнчивости этихъ цѣлей. Такія единства претендуютъ на весьма широкую власть надъ отдѣльными личностями; никто не можетъ быть одновременно членомъ двухъ такихъ единствъ сразу, а иногда самая принадлежность лица къ такому единству получаетъ принудительный характеръ. Лучшимъ примѣромъ такого единства является современное *государство* съ его принудительнымъ характеромъ и весьма разносторонней дѣятельностью. Другую группу—группу *соціальныхъ организацій*—составляютъ союзы, преслѣдующіе совершенно опредѣленные цѣли. Отдѣльный индивидъ не такъ тѣсно связанъ съ подобными союзами, обыкновенно можетъ свободно вступать въ нихъ и оставлять ихъ и можетъ одновременно принадлежать къ нѣсколькимъ такимъ союзамъ. Сюда относятся, на примѣръ, ученныя и промышленныя общества, благотворительныя и просвѣтительныя организаціи и т. п.

Въ той же плоскости движется мысль Р. Вормса, когда онъ предлагаетъ (Worms, „Philosophie des sciences sociales“, 1903, I, p. 24 sqq.) считать за общество въ настоящемъ смыслѣ слова только самодовлѣющую общественную группу, т.-е. такую, которая въ случаѣ нужды могла бы довольствоваться своими собственными силами. Аналогичныя соображенія заставляютъ Зиммеля („Соціальная дифференціація“, стр. 23) указывать, что „границы собственно соціального существа можно видѣть тамъ, гдѣ взаимодействие личностей между собой проявляется не только въ ихъ субъективныхъ состояніяхъ или поступкахъ, но создаетъ объективное образованіе, которое обладаетъ извѣстной независимостью отъ отдѣльныхъ участвующихъ въ немъ личностей“.

Современная политическая жизнь насквозь проникнута сознаниемъ, что государство есть вполнѣ реальная величина, соціальный организмъ, выступающій съ собственной индивидуальностью, какъ могущественная волевая активность. Государство считается неизмѣннымъ, несмотря на смѣну поколѣній, смѣну лицъ, стоящихъ во главѣ правленія и даже самихъ формъ правленія. Поэтому государство, пережившее революцію, которая радикально измѣнила его форму правленія, тѣмъ не менѣе не освобождается отъ своихъ долговъ и отъ обязанностей, наложенныхъ на него международными договорами; даже всѣ существующіе въ немъ законы, кромѣ тѣхъ, которые отмѣнены происшедшимъ переворотомъ, остаются въ силѣ, такъ какъ государство не измѣнилось въ своей индивидуальности. Съ другой стороны, изъ этого же представленія о государствѣ, какъ о реальномъ единствѣ, вытекаетъ взглядъ на всѣхъ лицъ, которымъ поручены тѣ или другія публичныя функціи, какъ на органовъ государства, призванныхъ служить не своему личному интересу, а интересу общегосударственному. (См. Эсмень, „Основные начала государственнаго права“, изд. Солдатенкова, 1878, I, стр. 2 слл.).

Въ другихъ общественныхъ соединеніяхъ, не столь могущественныхъ и самостоятельныхъ, какъ государство, и преслѣдующихъ спеціальныя цѣли, органическая природа общества проявляется не столь рѣзко и наглядно. Но тѣмъ не менѣе, всѣ эти соціальныя организаціи (по терминологіи Вундта) представляются намъ общественными реальностями. Было бы большою ошибкой смотрѣть на нихъ какъ на простые агрегаты лицъ или на искусственныя сооруженія, а всего менѣе—какъ на фикціи. Теорія соціальнаго организма даетъ намъ возможность правильно поставить и ученіе права о такъ называемыхъ *юридическихъ лицахъ*. Юридическое лицо представляется мнѣ явленіемъ совершенно аналогичнымъ лицу физическому. И то, и другое не составляетъ простаго факта, но то и другое является фактомъ, получившимъ извѣстное признаніе со

стороны права и соотвѣтственную юридическую квалификацію.

Индивидъ появляется на свѣтъ путемъ естественнаго рожденія. Но, чтобы получить значеніе физическаго лица, субъекта права и обязанностей, родившійся человѣкъ долженъ быть признанъ правомъ за правоспособное существо. Право можетъ отказать ему въ такомъ признаніи совсѣмъ (античный рабъ) или же признать правоспособность съ ограниченіями и оговорками. Точно такъ же возникаетъ и лицо юридическое. Естественнымъ путемъ, по законамъ соціальной жизни, возникаетъ общественное единство. Право можетъ его признать и надѣлать его правоспособностью; тогда оно становится юридическимъ лицомъ. Право можетъ его отвергнуть и признать даже подлежащимъ уничтоженію; тогда мы имѣемъ запрещенную преступную организацію, которая однако же представляетъ собою не меньшую соціальную реальность, чѣмъ и признанный союзъ. Право можетъ, наконецъ, игнорировать такую организацію. Тогда она дѣйствуетъ фактически, не пользуясь защитой права.

Будучи несомнѣнной психически-соціальной реальностью, юридическое лицо имѣетъ всѣ данныя, чтобы за нимъ признать и *дѣеспособность*. Для признанія дѣеспособнымъ существо должно обладать разумной волей. Но такой волей дѣйствительно обладаетъ юридическое лицо. Только воля эта относится къ области не индивидуальной психологіи, а коллективной или соціальной. Она вырабатывается по законамъ соціального процесса, путемъ взаимодействія волей тѣхъ лицъ, которыя входятъ въ составъ юридическаго лица въ качествѣ его членовъ или органовъ. Юридическое лицо можетъ поэтому совершать правонарушенія въ лицѣ своихъ органовъ и нести за нихъ отвѣтственность. Конечно, къ нему непримѣнимы обычныя репрессіи уголовного права, рассчитанныя на волю индивидуально-психологическую. Но для него могутъ быть созданы репрессіи особаго рода, какъ способы давленія на волю коллективно-психологиче-

скую, на волю соціальную. И вообще не только дѣеспособность, но и правоспособность юридического лица должна опредѣляться особыми нормами, считающимися съ отличительными свойствами соціально-психического организма, съ естественными законами его жизни и дѣятельности.

Такимъ образомъ, ученіе о соціальномъ организмѣ подводитъ прочный фундаментъ подъ ту теорію юридического лица, которая въ спеціальной юридической литературѣ связывается съ именами Безелера, Гирке и Регельсбергера ¹⁾ и которая въ моихъ глазахъ является единственно правильной конструкціей этого юридического явленія, имѣющаго первостепенное значеніе въ практической жизни. Въ особенности важно стать на точку зрѣнія ученія о соціальномъ организмѣ, чтобы правильно разрѣшить столь важные на практикѣ вопросы объ отвѣтственности юридическихъ лицъ за дѣйствія ихъ агентовъ. По нашей теоріи, дѣйствія агентовъ въ предѣлахъ ихъ полномочій должны быть считаемы дѣйствіями самой соціальной организаціи, составными частями которой эти агенты являются.

VI.

Мы установили, что продуктомъ эволюціи соціальнаго организма является сознающая себя и свои особенности человѣческая личность. Такая личность не расплывается въ соціальной группѣ. Будучи тѣсно съ нею связана и даже зная, что своимъ происхожденіемъ и преобладающей долей своего запаса идей и чувствъ она обязана обществу, она тѣмъ не менѣе разсматриваетъ и себя самое, какъ самостоятельную величину, требуетъ уваженія къ себѣ и сво-

¹⁾ *Beseler*, „*Volksrecht und Juristenrecht*“ (1843 г.) стр. 18, слл. *Gierke*, „*Deutsches Privatrecht*“, I. (1895 г.), стр. 456, слл. *Его же*, „*Das Wesen der menschl. Verbände*“ (1902 г.). *Regelsberger*, „*Pandekten*“, стр. 289, слл. Ср. мою „Систему римскаго права“ (изд. 4-е. 1908 г.), вып. I, § 28. См. также *Mischoud*. „*La théorie de la personnalité morale*“. 1906.

имъ особенностямъ, отстаиваетъ свою индивидуальную свободу. Такую личность мы называемъ *нравственной личностью*.

Появленіе нравственной личности въ свою очередь отражается на дальнѣйшей эволюціи соціальнаго организма. Мыслящій индивидъ непрестанно работаетъ надъ познаніемъ самого себя и всего окружающаго міра. Предметомъ анализа для его мысли является и само общество, его породившее, со всѣми законами своей жизни и развитія. Анализъ обнаруживаетъ и тотъ *антагонизмъ*, который появляется между личностью и обществомъ. Антагонизмъ этотъ неизбѣженъ, потому что самостоятельная личность на первыхъ же порахъ не преминетъ разойтись во многихъ своихъ воззрѣніяхъ и интересахъ съ тѣми воззрѣніями, которыя сдѣлались частью общественнаго сознанія, и съ тѣми интересами, которые, согласно тому же сознанію, рассматриваются какъ интересы всего соціальнаго организма. Сознаніе этого антагонизма часто заставляетъ личность вступить въ борьбу съ окружающимъ ее обществомъ, не исполнять его требованій и принимать мѣры для уклоненія отъ повиновенія общественной власти. Общество же, съ своей стороны, принимаетъ мѣры самозащиты отъ такихъ личностей, подвергаетъ ихъ наказаніямъ и принудительно на нихъ воздѣйствуетъ.

Но результаты анализа условій соціальной жизни, производимаго отдѣльными индивидами, также становятся общественнымъ достояніемъ. Путемъ такого анализа, въ которомъ работа однихъ индивидовъ восполняется работой другихъ и высказанныя идеи взаимно провѣряютъ другъ друга, создается *наука объ обществѣ и о поведеніи людей въ обществѣ*, которая сама составляетъ часть общественнаго сознанія. Научныя положенія не могутъ не вліять на содержаніе тѣхъ идеаловъ, которыми вдохновляются отдѣльные люди, а затѣмъ и цѣлыя массы людей. Содержаніе этихъ идеаловъ находитъ себѣ болѣе или менѣе полное и удачное проявленіе въ нормахъ *права*, т.-е. въ тѣхъ правилахъ, при посредствѣ которыхъ соціальный организмъ въ

лицѣ органовъ своей соціальной воли регулируетъ свою структуру и положеніе отдѣльныхъ своихъ членовъ.

Выучиваясь лучше понимать самого себя, соціальный организмъ выучивается и лучше владѣть собою. Онъ постепенно проникается сознаниемъ нежелательности того антагонизма, который возникаетъ между нимъ и сознающей свою индивидуальность, стремящейся къ свободѣ личностью. Въ результатѣ онъ сознательно начинаетъ принимать мѣры къ уменьшенію этого антагонизма. Мѣры эти состоятъ въ томъ, что онъ реформируетъ свою собственную структуру въ духѣ возможно большей личной свободы. Сверхъ того, онъ заботится и объ облегченіи для отдѣльной личности возможно большаго приспособленія къ требованіямъ соціальнаго цѣлаго. Для этого приходится вести борьбу съ анти-соціальными свойствами личности. *Наказаніе* не является главнымъ средствомъ этой борьбы. Задача наказанія, по преимуществу, — карательная, и оно примѣняется къ уже происшедшимъ конфликтамъ личности и общества. Что же касается предупредительнаго средства противъ такихъ конфликтовъ, то таковымъ является, главнымъ образомъ, *воспитаніе и образованіе*, которое должно привести каждую личность къ ясному пониманію выгодъ общежитія и интересовъ соціальнаго организма. Въ томъ-же направленіи дѣйствуетъ и та положительная поддержка, которую общество оказываетъ личности для обезпеченія каждому индивиду условій существованія, соотвѣтствующихъ человѣческому достоинству.

Конечною цѣлью развитія соціальнаго организма въ этомъ направленіи является достиженіе такого состоянія общества, когда установится *полная гармонія между личностью и соціальнымъ цѣлымъ*, и когда сдѣлается осуществимымъ такой строй, который предоставлялъ бы полную свободу каждой личности, не подвергая при этомъ риску цѣлость и прочность соціальнаго организма. Достигнувъ такого состоянія, общество будетъ представлять собою массу людей, въ высокой степени дифференцированныхъ, но однако тѣсно спло-

ченныхъ взаимнымъ уваженіемъ и сознаниемъ своей общественной солидарности. Такіе индивиды будутъ съ полнымъ уваженіемъ и терпимостью относиться къ особенностямъ другъ друга; антисоціальныхъ наклонностей они не будутъ обнаруживать, такъ какъ всѣ будутъ проникнуты сознаниемъ своей связи съ общественнымъ единствомъ и одинаковымъ пониманіемъ общихъ имъ всѣмъ соціальныхъ нуждъ и интересовъ, интересовъ того цѣлаго, членами котораго всѣ они являются. Если общее благо будетъ требовать отъ нихъ извѣстныхъ жертвъ, то такія жертвы будутъ приноситься вполнѣ добровольно, безъ всякаго принужденія. Совершенно сознательная „солидарность“ сдѣлаетъ излишней принудительную общественную власть и всякія принудительныя организаціи. Индивиды будутъ объединяться въ свободные общественные союзы, побуждаемые къ этому общностью интересовъ: такіе союзы будутъ образовывать между собою не менѣе свободныя федераціи. Можетъ быть, все *человѣчество* вступитъ въ тѣсную органическую связь между собою, связь, несомнѣнно отсутствующую въ наше время. Въ этой федераціи *человѣчества* не исчезнутъ индивидуальности исторически сложившихся народовъ, но эти индивидуальности на почвѣ общаго культурнаго сотрудничества будутъ относиться другъ къ другу съ полной терпимостью и уваженіемъ.

Конечно, такой строй *человѣчества* и отдѣльныхъ народовъ не будетъ отвѣчать понятію *государства* въ современномъ смыслѣ слова, такъ какъ неизбѣжную характеристику современнаго государства составляетъ присущая ему принудительность. Государство эволюціонируетъ въ свободный союзъ, который окажется качественно отличнымъ отъ породившаго его въ своемъ развитіи государства.

Принимая во вниманіе эту способность соціальнаго организма вырабатывать своей эволюціей сознающую себя и отстаивающую свою свободу личность, а затѣмъ и самому эволюціонировать въ духѣ свободнаго строя, Фуллье называетъ общество „*договорнымъ организмомъ*“ (*l'organisme con-*

tractuel) и признаетъ теорію общественнаго договора правильной въ томъ смыслѣ, что она отбѣняетъ именно эту сторону дѣла (см. Фулье, „Современная наука объ обществѣ“, 1895 г.). Я считалъ бы такое названіе для общества опаснымъ, такъ какъ оно способно породить представленіе, будто бы развитіе общества, вошедшаго въ эту стадію сознательнаго стремленія къ свободному строю, становится искусственнымъ или механическимъ процессомъ. Такое представленіе было бы весьма ошибочнымъ. Процессъ развитія общества никогда не перестаетъ быть органическимъ. Общество, перешедшее въ фазисъ сознательнаго развитія, не превращается въ искусственно-сооружаемую людьми машину. Свободный строй общества является, какъ мы убѣдились, результатомъ вполне закономѣрной и въ этомъ смыслѣ органической эволюціи самого общества. Если въ этомъ процессѣ участвуютъ *идеи* людей, то ничего страннаго тутъ нѣтъ: мы не переставали подчеркивать, что общество есть организмъ психическій, а не біологическій. Въ его развитіи дѣйствуетъ психическая причинность со своимъ основнымъ закономъ творческаго синтеза ¹⁾. Общество само вынашиваетъ въ своихъ нѣдрахъ сознательно мыслящую личность и такимъ образомъ проясняетъ и содержаніе общественнаго сознанія. Общество создаетъ своей закономѣрной эволюціей и личность, и ея стремленіе къ свободѣ, а для самого себя порождаетъ стремленіе къ освобожденію отъ принудительности въ своемъ строѣ. Однимъ словомъ, развитіе общества на почвѣ стремленія къ свободѣ личности и къ гармоническому примиренію личности и общества не перестаетъ быть тѣмъ закономѣрнымъ процессомъ, какимъ оно бываетъ всегда и вездѣ. Этотъ процессъ не перестаетъ быть процессомъ *органическимъ*, ибо въ немъ проявляется присущая обществу самостоятельная жизнь, выражающаяся въ способности организоваться и развиваться

¹⁾ См. мою статью „Къ вопросу о свободѣ воли“ въ „Вопр. Фил. и Псих.“ 1909 г., кн. 96.

безъ участія внѣшняго строителя, независимаго и отдѣльнаго отъ самаго общества. Принудительность вовсе не является необходимымъ условіемъ органическаго единства. Общество, въ которомъ отдѣльные члены свободно развиваются, и въ которомъ солидарность устанавливается безъ принужденія, не перестаетъ быть органическимъ единствомъ. Органическая связь его только укрѣпляется такой эволюціей въ направленіи къ свободному строю.

В. М. Хвостовъ.

Соціальное міровоззрѣніе Джона Рескина¹⁾.

Рескинъ родился въ 1819 г., а умеръ въ 1900 г., въ самомъ началѣ нашего вѣка. Одна изъ крупнѣйшихъ лондонскихъ газетъ, сообщая въ январѣ 1900 г. о его смерти, выразилась такъ: „онъ былъ изъ рода Исаи, мы въ немъ лишились послѣдняго изъ пророковъ“. И въ то время, какъ англійская пресса воздавала честь покойному, какъ истинному пророку, общественное мнѣніе, повидимому, единодушно подтверждало этотъ приговоръ печати. Почти тѣ же слова, въ которыхъ англичане оцѣнивали значеніе и характеръ Карлейля, произнесены были и для оцѣнки общей фізіономіи Рескина. Рескинъ, въ противоположность Карлейлю, вышедшему изъ народа, родился въ Лондонѣ въ богатой семьѣ „честнаго купца“, происходившаго родомъ изъ Шотландіи, но потомъ переселившагося на югъ Англіи. Однако, его біографія имѣетъ сходство съ біографіей Карлейля въ томъ отношеніи, что рѣшающую роль и въ его воспитаніи сыграла мать, и черезъ мать въ него вошелъ тотъ же самый духъ пуританизма, индипендентства и бібліократіи, который вселился въ извѣстную часть англійскаго общества въ эпоху англійской революціи и англійской реформаціи. То религіозное пламя, которое зажглось еще въ войскахъ Кромвеля, было донесено черезъ Карлейля и Рескина благодаря ихъ матерямъ и до нашихъ

¹⁾ Настоящій очеркъ представляетъ собою главу изъ курса по исторіи соціальныхъ ученій въ XIX вѣкѣ и печатается здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ читанъ авторомъ съ кафедръ.

дней. О томъ, какъ велико было значеніе пуританскаго элемента и въ частности вліяніе Библіи и библеизма въ воспитаніи Рескина, рассказываетъ онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ (въ *Praeterita*).

„Лишь только я овладѣлъ искусствомъ бѣгло читать, какъ моя мать начала со мною чтеніе Библіи, которое никогда не прерывалось до самаго поступленія моего въ Оксфордскій университетъ. Мы читали стихи по очереди, и она сначала наблюдала надъ интонаціей моего голоса и поправляла неправильности, пока не добивалась съ моей стороны правильнаго и твердаго пониманія тѣхъ стиховъ, которые я былъ въ состояніи постичь... Такимъ образомъ она начинала съ перваго стиха книги Бытія и непрерывно продолжала всю Библію до послѣдняго стиха Апокалипсиса... чтобы на слѣдующій разъ снова начать съ книги Бытія. Если названіе было трудно, то оно служило лучшимъ упражненіемъ для произношенія; если глава была скучна, то она являлась урокомъ терпѣнія; если же она была для меня непонятна, то отъ этого выигрывало мое обученіе вѣрѣ.“ Этотъ довольно механический способъ чтенія, тѣмъ не менѣе, сослужилъ свою службу. „Хотя,—говоритъ Рескинъ,—я и пріобрѣлъ позднѣе довольно значительныя свѣдѣнія по части математики, метеорологіи и по другимъ наукамъ имѣлъ много учителей, но смѣло признаю, что усвоеніе этихъ главъ,—а этимъ я обязанъ матери,—было самой драгоценной и въ итогѣ единственно существенной частью всего моего образованія“. Вѣрность его Библіи удивительна. Когда онъ переживалъ тяжелый религіозный кризисъ на 39 г. жизни (эти религіозныя сомнѣнія продолжались у него почти 10 лѣтъ до 50 лѣтъ), то на основаніи его сочиненій почти нельзя было его уловить, потому что то же обильное цитированіе Библіи на каждомъ шагу остается во всѣхъ сочиненіяхъ ¹⁾).

¹⁾ Одна изъ лучшихъ монографій, посвященныхъ Рескину, принадлежащая перу Брюнгенса, такъ и озаглавлена: „Рескинъ и Библія“ и изслѣдуетъ сочиненія Рескина и его отношеніе къ Библіи и библеизму.

Рядомъ съ Библіей, по англійскому обычаю, Рескинъ съ 7 лѣтъ началъ обучаться латинскому языку, а 12-ти—языку греческому, такъ что шутя онъ изучилъ многое изъ классиковъ наизусть и вообще получилъ основательное классическое образованіе. Именно это соединеніе, съ одной стороны, библеизма, а съ другой—классицизма, мы наблюдаемъ у англичанъ иногда тамъ, гдѣ не ожидаемъ встрѣтить, (напр., Гладстонъ, одинъ изъ величайшихъ людей Англіи, былъ изслѣдователемъ Гомера и вмѣстѣ съ тѣмъ знатокомъ библейскихъ книгъ). Эта типичная черта англійскаго воспитанія, черта высокой культуры, отличаетъ и Рескина. Съ 12 лѣтъ на него оказываетъ вліяніе уже англійская литература и англійское искусство, на ряду съ классической литературой, но особенно большое значеніе въ это время получаетъ его любовь къ природѣ. Извѣстно, что у Рескина эстетическая оцѣнка, чувство прекраснаго, во всѣхъ его сужденіяхъ играетъ центральную роль. Извѣстно также, что полжизни Рескинъ посвятилъ вопросамъ эстетики, и его съ одинаковымъ правомъ причисляютъ къ числу своихъ представителей теорія и исторія искусства, какъ и исторія соціальной мысли. Это чувство прекраснаго, по его собственнымъ словамъ, воспитывалось у него прежде всего чувствомъ природы и религіозно-проникновеннымъ отношеніемъ къ ней. Здѣсь опять-таки библеизмъ и эстетизмъ соединяются въ одно неразрывное цѣлое, и когда онъ описываетъ красоту природы, онъ нечувствительно переходитъ къ настроеніямъ библейскаго характера. Чтобы ощутить эти настроенія Рескина, приведу самый маленькій отрывокъ. Между прочимъ одна изъ излюбленныхъ мыслей его состоитъ въ томъ, что красота природы сильнѣе всего открывается не въ Альпахъ, не на Кавказѣ, не въ мѣстахъ, подавляющихъ величіемъ природы, а въ ея обыденной простой красотѣ, и тотъ, кто не умѣетъ цѣнить простого цвѣтка, тотъ ничего не понимаетъ въ красотѣ природы. „Сорвите простую былинку,—говоритъ Рескинъ,—вглядитесь съ минуту попристальнѣе въ этотъ узкій саблевидный зеленый стебе-

лекъ, выточенный наподобіе желобка. Онъ не особенно крѣпокъ, довольно малъ, нѣсколько тонкихъ длинныхъ линий сливаются въ немъ въ одной точкѣ, далеко несовершенный, довольно неясный и незаконченный, отнюдь не представляющій образца тѣхъ художественныхъ произведеній, о которыхъ природа сильно заботится, и создана, повидимому, эта былинка только для того, чтобы ея блѣдный пустой стебелекъ, слабый и мягкій, переходящій незамѣтно въ печальныя коричневыя прожилки корней, былъ сегодня затоптанъ ногами, а завтра брошенъ въ печь. Однако,—продолжаетъ онъ,—подумайте хорошенько и разсудите, какой изъ всѣхъ пышныхъ цвѣтовъ, благоухающихъ въ лѣтнемъ воздухѣ, какое изъ всѣхъ могучихъ, красивыхъ деревьевъ, чарующихъ зрѣніе и услаждающихъ вкусъ, будь то величественная пальма, или сосна, высокій ясень или крѣпкій дубъ, душистое лимонное дерево или обремененная плодами виноградная лоза,—какое изъ нихъ, повторяю, такъ сильно любимо людьми и такъ высоко чтимо Богомъ, какъ эта нѣжная, слабая, зеленая травка“. Любовь къ природѣ, путешествіе по Англіи, по ея холмамъ и озерамъ, а впослѣдствіи путешествіе по Альпамъ, по континенту, сыграли огромную роль въ воспитаніи Рескина.

Къ этому вліянію присоединился и общій эстетическій характеръ его воспитанія. Рано умершій отецъ старался знакомить его съ произведеніями искусства, и Рескинъ жилъ въ теплой атмосферѣ, не зная бѣдности, не зная жизненной тягости, въ атмосферѣ культурно-эстетическаго купечества. Такимъ образомъ прошло дѣтство, и наступила пора поступленія въ университетъ, въ Оксфордъ, гдѣ, согласно традиціямъ высокаго общества, къ которому старался примкнуть его отецъ, онъ поступилъ на богословскій факультетъ. Университетскіе годы ничего особеннаго не принесли Рескину. Политика и въ это время, и позднѣе не интересовала его. Онъ называлъ себя самъ „старымъ тори“ и инстинктивно не одобрялъ демократическихъ учрежденій. Его отношеніе къ парламентской демократіи, пре-

зрѣніе какъ къ „баллотировочнымъ ящикамъ“, было сходно съ отношеніемъ Карлейля. Преобладаніе эстетическаго интереса является его отличительной чѣртой въ это время. Первый его трактатъ посвященъ вопросамъ эстетики и озаглавленъ „Поэзія архитектуры“. Вліяніе Тернера и Карлейля въ началѣ 20-хъ годовъ его жизни становится для него рѣшающимъ и глубокимъ. Особенно же ученіе Карлейля о герояхъ и героическомъ произвело на него очень сильное впечатлѣніе. Двадцати трехъ лѣтъ Рескинъ выпускаетъ книгу, которая посвящена вопросамъ искусства и вообще эстетики, подъ названіемъ: „Современные живописцы“. Въ этой книгѣ критеріемъ искусства является вѣрность дѣйствительности, правдѣ, природѣ. Вѣрность природѣ въ красотѣ, по его мнѣнію, является самымъ важнымъ условіемъ для эстетическаго воспріятія. Конечно, искусство не имѣетъ своей задачей натуралистическое воспроизведеніе дѣйствительности, напротивъ, оно воспроизводитъ дѣйствительность совершенную, идеи предметовъ. Рескинъ настаиваетъ, что „у каждой травки, у cadaго цвѣтка и дерева есть своя идеальная форма, та форма, къ которой стремится приблизиться всякій отдѣльный представитель вида, свободный отъ случайныхъ вліяній или болѣзней“. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Каждая травинка или цвѣтокъ въ полѣ имѣетъ свою особую, характерную и совершенную красоту. У всякаго изъ нихъ есть своя сфера распространенія, свое выраженіе и своя функція. Высшее искусство это то, которое умѣетъ схватывать эти специфическія черты, которое развиваетъ и освѣщаетъ ихъ, находитъ имъ надлежащее мѣсто въ пейзажѣ и тѣмъ усиливаетъ впечатлѣніе, которое должна произвести картина“. Указывая искусству задачу воспроизведенія дѣйствительности въ ея идеалѣ, Рескинъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ ему еще и другую задачу, именно возбужденія нравственнаго чувства облагороженія. Настоящая красота, по его мнѣнію, воспитываетъ нравственное чувство, и настоящій художникъ отличается возвышенностью цѣли, къ которой направлена его дѣятель-

ность. Поэтому „истинная художественная критика никогда не можетъ состоять въ простомъ приложеніи правиль; она можетъ быть справедлива только въ томъ случаѣ, если основана на живой симпатіи къ безчисленнымъ инстинктамъ и мѣняющимся стремленіямъ человѣческой природы, если она облагорожена и охраняема неизмѣнной любовью ко всякому созданію Творца, предназначенному Имъ быть прекраснымъ и признанному Имъ добрымъ“. Слѣдовательно, эстетика у Рескина пролагаетъ прямой путь къ человѣческой жизни, идеаламъ, надеждамъ и социальнымъ упованіямъ. И путь этотъ, мы увидимъ, естественно и прямо приводитъ его черезъ эстетику къ социальнымъ вопросамъ. „Отличительный характеръ этихъ моихъ книгъ, какъ очерковъ по вопросамъ искусства,—говоритъ Рескинъ,—заключается въ томъ, что въ нихъ все въ концѣ-концовъ сводится къ человѣческимъ страстямъ или надеждамъ. Каждый принципъ въ живописи, установленный мною, прослѣживается до какого-нибудь факта матеріальной или духовной жизни. Въ моихъ сочиненіяхъ объ архитектурѣ я отдаю въ концѣ-концовъ предпочтеніе одной школѣ передъ другой на основаніи ихъ сравнительнаго вліянія на жизнь рабочаго,—вопроса, о которомъ забывали всѣ другіе авторы, касавшіеся этого предмета, или котораго они не удостоивали своимъ вниманіемъ“.

Слѣдующимъ сочиненіемъ Рескина по эстетикѣ было: „Венеціанскіе камни“. Какъ показываетъ названіе, сочиненіе посвящено венеціанскимъ памятникамъ архитектуры, при чемъ оно стремится выяснитъ связь между характеромъ этого искусства, національнымъ характеромъ венеціанцевъ и нравственнымъ состояніемъ эпохи, именно ея невѣріемъ. Такимъ образомъ, эстетическая проблема исторіи искусства, ставится здѣсь, какъ нравственная проблема. Этой постановкой онъ дѣлаетъ слѣдующій шагъ въ своемъ приближеніи къ социальнымъ вопросамъ жизни. Связь эту онъ понималъ и признавалъ, и въ одномъ изъ своихъ сочиненій самъ охарактеризовалъ. Слѣдующимъ образомъ

говорилъ онъ позднѣе о послѣдовательности своихъ произведеній: „Въ 20 лѣтъ, — пишетъ самъ о себѣ Рескинъ въ 1875 г., — я писалъ „Современные живописцы“, въ 30 — „Камни Венеціи“, въ 40 — „Послѣднему, что и первому“, въ 50 — „Вступительныя Оксфордскія лекціи“, и если я когда-нибудь кончу „Fors Clavigera“, то ею опредѣлится мое духовное состояніе въ 60 лѣтъ. Въ „Современныхъ живописцахъ“ я указалъ на общую связь безпредѣльной природы съ сердцемъ человѣка, указалъ, что скала, волна и былинка являются необходимыми элементами его духовной жизни. Теперь же, заклиная васъ украшать землю и охранять всю ея красоту, я только восполняю то, чему училъ прежде и что является логическимъ слѣдствіемъ моихъ прежнихъ работъ. Въ „Камняхъ Венеціи“ я сообщилъ законы строительнаго искусства и поучалъ тому, какъ красота cadaго творенія, cadaго зданія, воздвигнутаго людьми, зависитъ отъ счастья жизни рабочихъ. Въ „Послѣднему, что и первому“ разъяснены законы этой жизни и зависимости счастья этой жизни отъ Солнца правды. „Вступительныя Оксфордскія лекціи“ учатъ насъ тому, что жизнь нужно прожить достойнымъ образомъ, и что дивныя законы красоты и труда должны быть признаны какъ высшими, такъ и низшими классами англійскаго общества; а въ *Fors Clavigera* я, наконецъ, устанавливаю взаимныя отношенія этихъ двухъ классовъ и громко провозглашаю, что міръ и счастье, какъ для тѣхъ, кто наверху, такъ и для тѣхъ, кто внизу, какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ возможны только при охраненіи своего человѣческаго достоинства подъ единственнымъ владычествомъ Бога, соблюдающаго всѣхъ здѣсь падающихъ людей и ангеловъ, въ вѣчныхъ узахъ, подъ мракомъ, до суда великаго дня и дарующимъ служащимъ Ему полную свободу, наслѣдіе всего, что любящій Творецъ можетъ даровать своимъ созданіямъ и вѣчный Отецъ своимъ дѣтямъ“.

Связь эстетики съ соціальнымъ вопросомъ устанавливается здѣсь самымъ авторомъ съ полной ясностью.

Проявленіе интереса къ соціальнымъ вопросамъ выразилось раньше всего въ его нападкахъ на утилитаризмъ и механическое пониманіе прогресса, въ которомъ онъ представляетъ большое сродство съ Карлейлемъ ¹⁾. Вліяніе Карлейля на Рескина вообще не подлежитъ сомнѣнію, и оно имѣетъ не только литературное происхожденіе, но основывается на личномъ ихъ знакомствѣ, состоявшемся въ 1851 г.

Съ 1855 г., т.-е. приблизительно съ 36 г. жизни Рескина, начинается его знакомство съ политической экономіей. Самъ онъ съ весьма большимъ пренебреженіемъ говоритъ о политической экономіи, какъ наукѣ, и въ предисловіи къ лекціямъ по политической экономіи и искусству замѣчаетъ про себя, что онъ не читалъ политико-экономическихъ сочиненій, кромѣ Адама Смита. То, что онъ пытался читать послѣ, производило на него впечатлѣніе, можетъ быть, и нужныхъ соціальныхъ работъ, но настолько бѣдныхъ и грубыхъ, что онъ относился къ нимъ пренебрежительно. Съ того же 1855 г., подъ вліяніемъ Мориса, извѣстнаго главы христіанскихъ соціалистовъ, Рескинъ начинаетъ заниматься съ рабочими рисованіемъ и интересоваться вообще ихъ эстетическимъ образованіемъ. Въ 1857 г. онъ издаетъ сочиненіе, которое носитъ названіе: „Радость на вѣки и ея рыночная цѣна, или политическая экономія искусства“. Здѣсь онъ изслѣдовалъ вопросъ о сохраненіи артистическихъ способностей націи.

Въ 1859 г. вышла одна изъ важныхъ его книгъ по соціальному вопросу подъ заглавіемъ: „Послѣднему, что и первому“ — „Unto this Last“ ²⁾. Что касается общаго характера его дѣятельности въ послѣдній періодъ жизни, то можно согласиться съ Джономъ Гобсономъ, (извѣстнымъ экономистомъ, написавшимъ весьма обстоятельную монографію о

¹⁾ О Карлейлѣ вообще см. очеркъ «Карлейль и Толстой» (*Новый Путь*, декабрь, 1904 года — *Вопросы Жизни*, январь, 1905 года). Изложеніе и критика соціального утилитаризма (особенно у Р. Овена) и общаго міровоззрѣнія Карлейля даны въ предыдущихъ главахъ настоящаго курса (изданнаго литографированнымъ путемъ для слушателей автора).

²⁾ Это заглавіе взято изъ евангельской притчи о расчетѣ съ рабочими.

Рескинъ подъ заглавіемъ: „Рескинъ, какъ соціальный реформаторъ“). Гобсонъ говоритъ, что „Рескинъ посвятилъ на служеніе своей соціальной идеѣ всю остальную свою трудолюбивую жизнь. Въ исторіи литературы не найти болѣе героическаго примѣра человѣка, одиноко борящагося съ равнодушіемъ публики и нескрываемымъ презрѣніемъ большинства образованныхъ классовъ. Кабинетные экономисты, доктринально разсуждавшіе о принципахъ политической экономіи, не имѣя ни малѣйшихъ практическихъ свѣдѣній въ области производства и потребленія, открыто называли его невѣжественнымъ фанатикомъ. Друзья — литераторы и художники — оплакивали его, какъ человѣка, выступившаго въ безумный и бесполезный крестовый походъ. Большинство читателей, прощавшихъ ему его дерзкія мысли ради прекраснаго языка, которымъ онъ были высказаны, считало его утопистомъ. Съ этимъ враждебнымъ потокомъ, съ этой непроницаемой преградой равнодушія или непониманія Рескинъ мужественно боролся въ теченіе 30-ти лѣтъ, пробуя всякое оружіе изъ литературнаго арсенала, чтобы найти доступъ къ сердцу и разуму своего народа. Бросая взглядъ на списокъ изданныхъ имъ сочиненій, мы находимъ все то же удивительное разнообразіе сюжетовъ, съ какимъ встрѣчаемся въ раннюю эпоху его литературной дѣятельности; но каковы бы ни были ихъ заглавія и ихъ непосредственная тема—исторія живописи, теорія образованія скалъ, техника рисованія, романы въ прозѣ и стихахъ, воспитаніе, религія, война, какова бы ни была аудиторія—оксфордскіе студенты, архитектурная школа, дѣловые люди, воспитанницы гимназій, рабочіе, ученики военныхъ школъ, общественно-критическое направленіе всегда преобладало въ нихъ надъ формальнымъ сюжетомъ, всегда одушевляло и часто поглощало его“.

Изъ сочиненій Рескина, носящихъ соціальный характеръ, кромѣ названнаго „Послѣднему, что и первому“, заслуживаютъ упоминанія слѣдующія: „*Munera Pulveris*“ (Дары праха), гдѣ онъ ставитъ индивиду извѣстныя условія нрав-

ственного развитія, какъ необходимыя для осуществленія общественныхъ реформъ. Затѣмъ, „Сезамъ и лиліи“, гдѣ тѣ же условія указываются для представителей просвѣщенныхъ классовъ. Затѣмъ, въ 1866 г. „Вѣнокъ изъ вѣтвей дикой оливы“, гдѣ ставится вопросъ, что такое трудъ. „Время и теченіе“ — это изложеніе простымъ языкомъ для рабочихъ-пробочниковъ воззрѣній Рескина и нѣкоторые практическіе выводы изъ нихъ. Наконецъ, самое важное сочиненіе по рабочему вопросу „Fors Clavigera“, что значитъ: „Судьба, заколачивающая гвозди“. Это мудреное названіе требуетъ нѣкотораго объясненія. Подъ общимъ заглавіемъ „Fors Clavigera“ изданы письма, выпускаемыя Рескинымъ въ теченіе ряда лѣтъ по разнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ. Темы „Fors Clavigera“ чрезвычайно пестры. Онѣ касаются вопросовъ теоретическихъ и практическихъ, соціальныхъ и эстетическихъ и т. д. ¹⁾.

Прежде чѣмъ переходить къ общей характеристикѣ воззрѣній Рескина, скажу нѣсколько словъ еще о его стилѣ. Уже приведенныя мною названія его сочиненій достаточно показываютъ, насколько необычны приемы его литературнаго

1) Названіе же имѣетъ такой смыслъ: слово Fors значитъ въ переводѣ на англійскій языкъ понятіе судьбы, т.-е. внѣшняго рока, опредѣляющаго положеніе человѣка, затѣмъ понятіе могущества личности, которая борется съ этимъ рокомъ и, наконецъ, понятіе—удѣла, окончательнаго результата, который получается вслѣдствіе борьбы рока и личности. Когда опредѣляется, такимъ образомъ, судьба личности, то судьба какъ бы вбиваетъ гвоздь, окончательно опредѣляя его положеніе. Тотъ же Гобсонъ замѣчаетъ, что „Fors Clavigera“ занимаетъ исключительное положеніе не только среди сочиненій Рескина, но и во всей новѣйшей литературѣ. Изобилующее блестящей и мелкой сатирой, трогательнымъ и проникающимъ въ душу паѳосомъ, остроумными и филологическими и иными изслѣдованіями, глубокимъ анализомъ причинъ и слѣдствій жизненныхъ явленій,—это сочиненіе является въ своемъ цѣломъ самой полной, свободной и сильной критикой англійской жизни 19-го столѣтія. Какъ и всѣ великія произведенія, эту книгу слѣдуетъ разсматривать какъ нѣчто цѣлое, такъ какъ, несмотря на неправильность формъ и на небольшіе перерывы во времени, раздѣляющіе ея отдѣльныя части, она объединяется цѣлностью той личности, наиболѣе вѣрнымъ выраженіемъ которой она является“. На русскій языкъ переведена только часть „Fors Clavigera“, которая составляетъ довольно толстый томъ въ изданіи „Посредника“.

изложенія. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ Карлейлемъ. Какъ къ языку Карлейля нужно привыкать, нужно съ нимъ примиряться, на него соглашаться, такъ и къ изложенію Рескина, его разбросанности, къ его литературной манерѣ перескакиванія отъ одного сюжета къ другому, къ его произвольному сочетанію разныхъ темъ и сюжетовъ тоже нужно привыкнуть и примириться. Я не могу сказать про себя лично, чтобы былъ большимъ поклонникомъ манеры изложенія какъ Карлейля, такъ и еще болѣе Рескина, поэтому не могу съ воодушевленіемъ и другимъ внушать это поклоненіе. Если оригинальность литературной манеры Рескина не подлежитъ сомнѣнію, зато это же своеобразие составляетъ немалое препятствіе при знакомствѣ съ Рескинымъ.

Что касается общихъ основаній критики общественнаго устройства у Рескина, то, какъ я уже указывалъ, это Библія, Ветхій и Новый Завѣтъ. Самыя основныя предпосылки его выводятся изъ тѣхъ или иныхъ библейскихъ ученій или текстовъ. Я приведу одно мѣсто, гдѣ наиболѣе ясно выражены принципіальныя основы и задачи этой критики. „Гдѣ,—спрашиваетъ Рескинъ,—формула нашихъ обязанностей въ дѣлѣ милосердія? Раскройте Евангеліе отъ Матѳея и прочтите слова Христа: „Алкалъ Я и вы дали Мнѣ ѣсть; былъ нагъ и вы одѣли Меня; былъ странникомъ и вы приняли Меня“. Накормить бѣднаго,—пишетъ Рескинъ,—не заслуживающаго, работающаго, добраго и благорасположеннаго, а просто голоднаго! Справедливо, безусловно справедливо, что человѣкъ, не желающій работать, не долженъ ѣсть. Помните это каждый разъ, когда садитесь за столъ. Да, господа и госпожи, прежде чѣмъ испросить Божіе благословеніе, задайте себѣ каждый разъ вопросъ: сколько вы сегодня проработали, чтобы заслужить свой обѣдъ? „Одѣтъ нагого?..“—6000 лѣтъ люди ткутъ, и что изъ этого вышло? Каждая голая стѣна должна быть покрыта пурпуровой тканью и каждая слабая грудь защищена отъ холода разноцвѣтными одѣянiями. И что же мы сдѣлали вмѣсто того?.. Красота нашихъ

прелестныхъ дѣтей развѣ не предоставлена въ жертву позору бѣдствій и нищеты, въ то время какъ природа, лучше понимающая свою задачу, прикрываетъ выводокъ птицъ въ гнѣздѣ и волчатъ въ ихъ логовищѣ? А зимній снѣгъ развѣ не прикрываетъ неприкрытыхъ нами и не служитъ ли саваномъ для незарытыхъ нами? И каждый зимній вѣтеръ развѣ не возноситъ къ небу души жертвъ для свидѣтельства противъ васъ въ будущей жизни, согласно словамъ Христа: „Я былъ нагъ и вы не одѣли Меня!“ Пріютить бѣднаго?.. — бооо лѣтъ люди уже строятъ и что мы изъ этого сдѣлали? У муравьевъ и бабочекъ есть ячейки для ихъ дѣтенышей, а наши маленькія дѣти покоятся на гнилой соломѣ, въ домахъ, служащихъ имъ гробами; и каждую ночь съ угловъ нашихъ улицъ раздаются вопли безпріютныхъ: „былъ странникомъ и вы не пріютили Меня“. Но, — продолжаетъ Рескинъ, накормивъ народъ, одѣвъ его и давъ ему пріютъ, мы не исполнимъ еще нашего долга по отношенію къ нему: намъ нужно еще возвысить его до пониманія имъ искусствъ, наукъ и всѣхъ сферъ духовной дѣятельности такъ, чтобы онъ находилъ въ немъ наслажденіе. „Въ темницѣ былъ и вы посѣтили Меня“, — говоритъ Христосъ. Нищета и невѣжество, пороки, — вотъ темница для души, и кто изъ насъ думаетъ освободить изъ нихъ душу? Сострадательные люди ставятъ въ главную вину богатымъ то, что они отказываютъ бѣднымъ въ хлѣбѣ, и вопли работниковъ, у которыхъ удержана плата, доходятъ до слуха Господа Саваоа. Увы, не лишеніе пищи самое жестокое и не вопли о ней самые сильные — жизнь дороже пищи, богатые лишаютъ бѣдныхъ не только пищи, но и добродѣтели, мудрости и спасенія. Вы — овцы безъ пастыря и не пастбища недоступны вамъ, а присутствіе его. Пища! Можетъ быть, еще спорны ваши права на нее и вамъ слѣдуетъ добиваться другихъ правъ. Требуйте крохъ со стола, если хотите, но требуйте ихъ какъ дѣти, а не какъ псы. Требуйте своего права быть накормленными, много еще громче требуйте права быть святыми, совершенными и безупречно чистыми. Странныя слова

въ примѣненіи къ рабочимъ! Что? Святими?.. Эти люди въ грубой одеждѣ, съ грубыми рѣчами на устахъ, осужденные на множество позорныхъ и невыразимо грязныхъ работъ? Совершенными?.. Эти существа съ потухшимъ взоромъ, искривленными членами и медленно работающимъ умомъ? Чистыми?.. Эти люди, полные чувственности и низкихъ страстей, съ гноящимся тѣломъ и грубой душой? Все это можетъ быть вѣрно, но при всемъ этомъ они самыя святыя, совершенныя и чистыя существа на землѣ въ данное время. Очень можетъ быть они и таковы, какими вы ихъ описываете, но и въ этомъ случаѣ они чище насъ, оставляющихъ ихъ въ такомъ положеніи“.

Приведенный отрывокъ вводитъ въ критику соціального строя у Рескина и даетъ понять, въ чемъ ея основы и каковъ ея характеръ. Основы эти, съ одной стороны, религіозныя, съ другой эстетическія. Рескинъ не отказался отъ своей любви къ красотѣ и не пересталъ считать красоту началомъ самодовлѣющимъ. Но онъ увидѣлъ, что это просвѣтленіе міра красотой встрѣчаетъ препятствіе въ соціальной дисгармоніи и потому, естественно, художникъ, стремящійся къ красотѣ, сталъ передъ соціальнымъ вопросомъ. „Намъ нужно любить не фрески, — говоритъ Рескинъ, — а Бога и Его твари. Нужны смиреніе, милосердіе, нужна самоотверженность, нужно воздержаніе... Пусть нація будетъ здорова, счастлива, чиста въ своихъ радостяхъ, мужественна въ своихъ дѣлахъ и величественна въ своихъ влеченіяхъ, привязанностяхъ, и тогда искусство въ ней и кругомъ нея забьетъ такъ же свободно, какъ пѣна стремительнаго потока. Людямъ нужны добродѣтели прежде всякихъ знаній и искусствъ; странѣ нужна соціальная организація, основанная на справедливости и честности, прежде любой школы искусствъ; прежде, чѣмъ воспѣвать людямъ красоту, нужно прислушаться къ страшному призыву человѣческихъ бѣдствій о помощи“, голосъ, который кажется Рескину „ревомъ кровавой рѣки“. Слова книги Бытія получаютъ тогда болѣе широкое и прекрасное значеніе. Садамъ

Божіимъ являются не привилегированныя картины горъ, деревьевъ и цвѣтовъ, а юдоль бѣдствій, гдѣ произрастають нѣжные, живые цвѣты съ порванными листьями и поломанными стеблями, „которые скрываются тамъ—во мракѣ сырыхъ улицъ“.

Такъ, обратившись къ соціальному вопросу, Рескинъ не пересталъ быть эстетикомъ и художественнымъ критикомъ, но онъ расширилъ свое пониманіе задачъ искусства и въ этомъ расширенномъ видѣ оно вмѣстило въ себя и политическую экономію, и соціальный вопросъ. Обратившись къ политической экономіи, Рескинъ натолкнулся здѣсь прежде всего на условность ея критеріевъ и ея матеріалистическихъ предпосылокъ, а прежде всего на то понятіе объ „экономическомъ человѣкѣ“, которое выработала классическая школа политической экономіи, опираясь, съ одной стороны, на Бентама и философію просвѣтительства, а съ другой, на манчестерство. Предпосылка „экономическаго человѣка“ состоитъ въ томъ, что человѣкъ въ экономической жизни руководится только экономическимъ расчетомъ, только себялюбіемъ и своекорыстіемъ. Исходя изъ этой предпосылки, классическая политическая экономія и вообще вся теоретическая политическая экономія строятъ свои теоріи. Рескинъ въ своихъ лекціяхъ „Послѣднему, что и первому“ отказался ее принять по той причинѣ, что она не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо люди въ такой же степени руководятся въ своей жизни, въ своихъ дѣйствіяхъ чувствомъ симпатіи, любви и привязанности, какъ и себялюбіемъ. Поэтому онъ заявляетъ: „Я отнюдь не отвергаю и не сомнѣваюсь въ правильности выводовъ этой науки, если принять ея послышки. Я просто не интересуюсь этими выводами, какъ не интересовался бы выводами науки о гимнастическихъ упражненіяхъ, если бы она исходила изъ предположенія, что люди лишены скелетовъ. При этомъ можно было бы доказать, что обучающихся крайне удобно скатывать въ шарики, сплющивать въ лепешку или вытягивать въ длинные канаты и что, разъ это будетъ продѣ-

лано, можно ввести въ расчетъ и скелеть, сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ полученныхъ результатахъ. Всѣ эти разсужденія могутъ быть чрезвычайно логичны, выводы вполне правильны, но только вся такая наука окажется ни къ чему неприменимой. Современная экономическая наука какъ разъ находится въ такомъ положеніи. Признавая, что человѣкъ не лишенъ скелета, она исходитъ изъ обратнаго положенія, что онъ состоитъ исключительно изъ костей и выводитъ соотвѣтствующую окостенѣвшую теорію прогресса изъ отрицанія въ человѣкѣ души. Показавъ, гдѣ предѣлъ того, что можетъ быть получено изъ костей и построивъ рядъ геометрическихъ фигуръ изъ череповъ и плечевыхъ костей, она успѣшно доказываетъ неудобство появленія души“.

Для правильной оцѣнки этого сужденія, а также и всѣхъ дальнѣйшихъ сужденій Рескина необходимо не забывать, что подъ политической экономіей Рескинъ все время имѣетъ въ виду или классическую политическую экономію или то, что называется манчестерской школой, т.-е. то направление экономической мысли, которое было въ Англіи господствующимъ, даже почти исключительнымъ, и которое считаетъ существующій экономическій строй естественнымъ, неизмѣннымъ, нормальнымъ, основаннымъ на разумномъ расчетѣ, на разумномъ эгоизмѣ и, такимъ образомъ, самодовлѣющимъ. Противъ такой самоувѣренности и самодовольства, которое было тѣмъ больше, что питалось убѣжденіемъ своей научной обоснованности, Рескинъ и направляетъ свою разрушительную критику. Онъ подвергаетъ сомнѣнію и отрицанію самыя ея основныя положенія. Начавъ съ „экономическаго человѣка“, онъ переходитъ къ понятіямъ мѣновой цѣнности о благѣ и богатствѣ. Манчестерская политическая экономія, какъ мы знаемъ, въ своихъ понятіяхъ о богатствѣ руководится также чисто внѣшними, условными признаками. Она въ этомъ отношеніи стоитъ почти на уровнѣ меркантилистической мысли, т.-е. изслѣдуетъ богатство совершенно абстрактно, внѣ общественно

соціального значенія этого богатства. Напротивъ, Рескинъ отказывается признать и допустить такую отвлеченность, отказывается признать самое понятіе богатства. „По количеству накопленныхъ богатствъ, — говоритъ онъ, — нельзя судить о томъ, является ли оно добромъ или зломъ для націи, обладающей ими. Дѣйствительное ихъ значеніе зависитъ отъ ихъ нравственного свойства, подобно тому, какъ значеніе математической величины зависитъ отъ ея алгебраическаго знака. Извѣстное накопленное промышленное богатство можетъ служить, съ одной стороны, указателемъ существованія честной промышленности, прогрессивной энергіи и производительной изобрѣтательности, а съ другой—гибельной роскоши, безжалостной тираніи и разоряющаго мошенничества“. „Нѣкоторыя богатства тяжелы отъ пролитыхъ человѣческихъ слезъ, какъ плохо убранный урожай тяжелъ отъ несвоевременныхъ дождей, и иное золото блеститъ ярче, чѣмъ оно того заслуживаетъ“. „Одна сумма денегъ является порожденіемъ дѣятельности творческой, другая же—дѣятельностью, сгубившей въ 10 разъ больше, чѣмъ произвела. Благодаря имъ, множество рукъ оказались парализованными, какъ бы онѣмѣвшими отъ ядовитаго растенія, энергія массы мужественныхъ людей—надорванной, безчисленные производительныя предпріятія—подавленными, громадное количество труда получило ложное направленіе и множество лживыхъ печатей благосостоянія наложено на безплодныя пустыни и раскаленные плавильныя печи. Кажущееся благосостояніе въ дѣйствительности можетъ оказаться только позолоченнымъ указателемъ глубокаго разоренія, злодѣйской пригоршней денегъ, собранныхъ съ побережья, о которое обманнымъ образомъ разбить корабль, узломъ тряпокъ, содранныхъ мародерами съ погибшихъ честныхъ солдатъ, цѣною за землю горшечника, служащую могилой какъ мѣстныхъ гражданъ, такъ и странниковъ“. „Насколько я знаю,—продолжаетъ Рескинъ,—никогда еще въ исторіи не встрѣчалось примѣра чего-либо болѣе постыднаго для человѣческаго ума, чѣмъ современ-

ный взглядъ, по которому коммерческое правило покупать на самомъ дешевомъ и продавать на самомъ дорогомъ рынкѣ есть или можетъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, быть полезнымъ правиломъ народной экономіи. Покупать на самомъ дешевомъ рынкѣ?—да, но благодаря чему рынокъ этотъ сталъ дешевле? Уголь отъ вашихъ балокъ, можетъ быть, очень дешевъ послѣ пожара, и кирпичи дешевы на вашихъ улицахъ послѣ землетрясеній, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы пожары и землетрясенія были благодѣтельны для націи. Продавать на самыхъ дорогихъ рынкахъ? Да, безспорно, но въ силу чего явились эти ваши дорогіе рынки? Вы выгодно продали сегодня вашъ хлѣбъ, но кому? Умирающему ли бѣдняку, который отдалъ за него послѣдніе свои гроши и уже никогда не будетъ нуждаться въ хлѣбѣ; богачу ли, который завтра же принудитъ васъ продать ему и вашу ферму; или же, наконецъ, солдату, направляющемуся разгромить то побережье, въ которое вы вложили все свое состояніе?“ Истинное богатство, поэтому, связано съ тѣмъ значеніемъ, которое оно имѣетъ для человѣка. „Та страна наиболѣе богата,—разсуждаетъ Рескинъ,—которая питаетъ наибольшее количество благородныхъ и счастливыхъ людей; тотъ человѣкъ наиболѣе богатъ, который болѣе усовершенствовалъ всѣ стороны своей жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ самое широкое благотворное вліяніе какъ личное, такъ и матеріальное на жизнь другихъ людей“.

Политическую экономію, которая господствуетъ, Рескинъ называетъ меркантильной и противъ нея направляетъ свою критику. По его мнѣнію, меркантильная политическая экономія противоположна настоящей политической экономіи. Политическая экономія меркантильная имѣетъ въ виду мѣновыя цѣнности или богатство, но въ дѣйствительности это богатство „есть сила, которая, подобно электричеству, дѣйствуетъ только при существованіи равенства или противоположностей. Сила рубля въ нашемъ карманѣ вполнѣ зависитъ отъ отсутствія его въ карманѣ нашего сосѣда. Если бы послѣдній не нуждался въ немъ, онъ былъ бы без-

полезенъ и для васъ; степень его власти вполнѣ зависитъ отъ того, насколько вашъ сосѣдъ нуждается или желаетъ обладать имъ, и искусство богатѣть, въ обычномъ смыслѣ меркантильныхъ экономистовъ, есть неизбежное также искусство удерживать ближняго въ состояніи бѣдности“. Политическая же экономія въ настоящемъ смыслѣ слова „учить просто производству, сохраненію и наиболѣе совершенному и цѣлесообразному распредѣленію предметовъ полезныхъ и пріятныхъ. Фермеръ, своевременно убирающій сѣно, кораблестроитель, правильно вбивающій болту въ здоровый лѣсъ, архитекторъ, воздвигающій зданіе изъ хорошихъ кирпичей и на хорошо разведенной известкѣ, хозяйка дома, заботящаяся объ обстановкѣ своей гостиной и о томъ, чтобы на кухнѣ ничего не пропадало даромъ, пѣвецъ, правильно пользующійся своимъ голосомъ, никогда не насилуя его, все это политико-экономы въ истинномъ и конечномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они постоянно содѣйствуютъ богатству и благосостоянію того народа, къ которому принадлежатъ. Но меркантильная экономія, экономія торга или платы, означаетъ накопленіе въ рукахъ отдѣльной личности законнаго права или власти надъ трудомъ другихъ, и такое право неизбежно предполагаетъ бѣдность или задолженность, съ одной стороны, и соотвѣтствующую богатству власть—съ другой. Поэтому истинная политическая экономія есть та, которая учитъ народъ производить предметы, служащіе для жизни, и презирать и уничтожать все, что ведетъ къ гибели“.

Протестуя противъ условности и отвлеченности цѣнностей политической экономіи, Рескинъ становится внѣ ея. Онъ смотритъ на экономическую науку глазами простого, наивнаго наблюдателя. Здѣсь Рескинъ часто становится на ту точку зрѣнія, на которой стоитъ, напр., нашъ Толстой и другіе мыслители этого склада, когда начинаютъ критиковать или разбирать экономическія ученія, имѣющія условную цѣнность и условное значеніе, съ точки зрѣнія или безусловности или же простого здраваго смысла. Часто при

этомъ получаютъ недоразумѣнія совершенно неустранимыя, потому что извѣстная условная терминологія, условность понятій совершенно неизбѣжна при всякомъ научномъ изслѣдованіи, спеціальному, обособляющему изученіи, и приходится мириться съ этой условностью, какъ неизбѣжнымъ зломъ, но въ то же время очень часто, если не всегда, такіе вопросы и сомнѣнія со стороны здраваго смысла бываютъ полезны въ томъ отношеніи, что перетряхиваютъ, заставляютъ пересмотрѣть такія понятія, которыя иначе вслѣдствіе привычности своей начинаютъ быть сами собою разумѣющимися. Поэтому и Рескинъ въ извѣстномъ смыслѣ правъ, въ особенности по отношенію къ манчестерской политической экономіи, а въ извѣстномъ смыслѣ совершенно неправъ, потому что, если даже признать справедливость нѣкоторыхъ его разсужденій, то они мало пригодны для научно-техническаго изученія тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ отношеній, съ которыми имѣетъ дѣло политическая экономія.

Другая особенность Рескина, такъ же какъ и Карлейля, Толстого и другихъ мыслителей этого склада, это стремленіе этизировать политическую экономію, сдѣлать ее наукой не только технической, изслѣдующей спеціальныя вопросы и технику средствъ, но и заставить ее принимать во вниманіе потребности этического сознанія. Это стремленіе къ этизированію политической экономіи и вообще соціальной науки, если оно не заходитъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, если оно не приводитъ къ разрушенію самыхъ основъ науки, бываетъ только полезнымъ, потому что дѣйствительно политическая экономія по своимъ задачамъ и основаніямъ можетъ и должна быть наукой этической, какъ бы прикладной этикой.

Исходя изъ такого расширеннаго пониманія экономическихъ доктринъ, которое придаетъ имъ Рескинъ, мы не удивимся, если найдемъ у него, наконецъ, и такое опредѣленіе богатства: „Нѣтъ иного богатства, кромѣ жизни,— жизни, подразумѣвая всю силу любви, радости и прекло-

ненія. Люди ошибаются, если они, какъ дѣти, предполагають, что бесполезныя вещи, вродѣ наростовъ на раковинѣ или кусочковъ краснаго и синяго камня, имѣють цѣнность, и, чтобы отыскать ихъ, затрачивають значительное количество труда, которое слѣдовало бы употреблять на развитіе и украшеніе жизни; или, если они представляютъ себѣ, что условія собственнаго ихъ существованія, необходимыя для пользованія всякой вещью — какъ напримѣръ, миръ, довѣріе, любовь, должны быть размѣнены на золото, желѣзо и наросты на раковинахъ. Въ дѣйствительности слѣдовало бы учить, что истинныя жилы и вены богатства краснаго, а не золотого цвѣта, что онѣ находятся въ тѣлахъ, а не въ скалахъ, и что конечное назначеніе богатства заключается въ производствѣ возможно большаго количества человѣческихъ существъ съ могучей грудью, съ острымъ зрѣніемъ, съ радостнымъ сердцемъ, что самый доходный изъ всѣхъ видовъ національной промышленности — изготовленіе душъ хорошаго качества. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы считать пріобрѣтеніе денегъ единственнымъ богатствомъ страны, настоящая политическая экономія, или, лучше сказать, человѣческая экономія, должна была бы учить народы стремиться и трудиться для пріобрѣтенія вещей, приводящихъ къ жизни, и презирать и уничтожать вещи, ведущія къ разложенію. Законное основаніе богатства, такимъ образомъ понимаемаго, можетъ заключаться только въ трудѣ и въ потребности труда, въ томъ, что человѣкъ трудящійся долженъ получить полное вознагражденіе за свой трудъ и если онъ не хочетъ тратить его сегодня, то имѣетъ право сохранить его и истратить завтра. Такимъ образомъ ремесленникъ, работающій каждый день и каждый день понемногу откладывающій, становится наконецъ обладателемъ нѣкоторой накопленной суммы, на которую онъ имѣетъ неотъемлемое право. Въ сферѣ общественной жизни прежде всего необходимо выяснить въ національномъ сознаніи ту истину, что работникъ имѣетъ право хранить то, что онъ справедливо пріобрѣлъ.

До этого пункта мы согласны съ экономистами и охотно допускаемъ неравенство состояній. Но только крупныя богатства создаются не этимъ путемъ. Никто не становится очень богатымъ, благодаря своему собственному труду и своей собственной бережливости. Тутъ всегда играютъ роль доходы съ чужого труда, а это уже несправедливое основаніе богатства: власть тѣхъ, кто обладаетъ деньгами и употребляетъ ихъ на пріобрѣтеніе денегъ, надъ тѣми, кто зарабатываетъ деньги“. Съ этой точки зрѣнія существуетъ большая разница, если выражается однѣми и тѣми же мѣновыми цѣнностями какая-нибудь порнографическая картина или какое-нибудь дрянное дешевое платье, или же хлѣбъ, или же, какъ наприм., сравниваетъ въ другомъ мѣстѣ Рескинъ, картины Тинторето или какая-нибудь скверная олеографія. Внутренняя цѣнность предмета осуществляется способностью воспріятія его, такъ же какъ картина существуетъ только для знатока, способнаго цѣнить ея красоту, какъ лошадь существуетъ только для ѣздока. Если нѣтъ способности пользоваться, цѣнить данный предметъ, то онъ не имѣетъ никакой цѣнности. Такимъ образомъ, извѣстныя лица, которые не обладаютъ способностью воспріятія извѣстныхъ впечатлѣній, оказываются внутренно и навсегда неспособными къ богатству. „Вообще, — говоритъ Рескинъ, — никакая благородная вещь не можетъ быть богатствомъ ни для кого, кромѣ какъ для высоко развитой личности. По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ способность потребителя, увеличивается дѣйствительная цѣнность утилизируемаго предмета, во всей своей полнотѣ она можетъ существовать лишь при доведенномъ до совершенства искусствѣ пользованія и при полномъ природномъ соотвѣтствіи“. Для цѣнности благъ имѣетъ значеніе какъ ихъ количество, такъ и правильное ихъ распредѣленіе. Поэтому, — разсуждаетъ Рескинъ, — если меркантильный экономистъ заговорить съ нами о цѣнности, напр., въ тысячу фунтовъ стерлинговъ, вы должны спросить его, во-первыхъ, для удовлетворенія какихъ человѣче-

скихъ потребностей предназначается эта тысяча фунтовъ стерлинговъ, для кого существуютъ эти предметы и, наконецъ, въ какомъ количествѣ они существуютъ. Поэтому здѣсь могутъ быть три различныхъ случая: если данный видъ цѣнности или данный видъ труда для рабочихъ является безусловно вреднымъ, то какова бы ни была его мѣновая цѣнность, онъ есть трудъ неисчислимо дорогой и ничѣмъ некупаемый; то же самое очень дорогимъ является трудъ тяжелый и утомительный для рабочихъ, напротивъ, трудъ интересный и пріятный, хотя бы онъ выражался въ тѣхъ же самыхъ предметахъ, есть не трудъ, а игра, или художество, и онъ же является истиннымъ источникомъ созданія богатства, онъ, по опредѣленію Рескина, есть источникъ счастья и радости людей. Затѣмъ одинъ и тотъ же трудъ въ зависимости отъ состоянія способности къ труду трудящагося, можетъ имѣть тоже разное значеніе въ социальной экономіи; такъ трудъ, легкій для взрослыхъ, можетъ быть тяжелъ для дѣтей, въ такомъ случаѣ онъ будетъ дорогимъ, несмотря на всю дешевизну дѣтскаго труда. Наконецъ, цѣнность труда измѣняется въ зависимости отъ распредѣленія труда во времени. Въ связи съ изслѣдованіемъ отношеній между трудящимся и объектомъ его труда, слѣдовательно, въ связи съ вниманіемъ, которое Рескинъ оказываетъ не только производству благъ, но и потребленію, стоитъ та особенность разсужденій Рескина и вмѣстѣ съ тѣмъ его научная экономическая заслуга, что онъ является однимъ изъ раннихъ въ англійской литературѣ защитниковъ такъ называемой экономіи высокой заработной платы, другими словами, онъ высказываетъ и доказываетъ ту очень простую и вѣрную мысль, что рабочій, хорошо оплачиваемый, не переутомленный трудомъ, въ особенности имѣющій извѣстный интересъ къ труду, является и болѣе производительнымъ. Вслѣдствіе этого наиболѣе оплачиваемый трудъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и трудъ дешевый. Если мы вспомнимъ, какія ученія на этотъ счетъ существовали въ той политической экономіи,

какую имѣлъ передъ собою Рескинъ, если мы вспомнимъ теорію заработнаго фонда, вообще пессимистическую теорію заработной платы, не допускающую ея улучшенія, то увидимъ, что непредубѣжденный и свѣжій взглядъ чело-вѣка со стороны увидѣлъ здѣсь то, чего не видѣли глаза специалистовъ. Въ вопросѣ о заработной платѣ Рескинъ отстаиваетъ двѣ идеи, совершенно парадоксальныя, но въ то же время первостепенной соціальной важности. Отно-сительно уровня заработной платы онъ отстаиваетъ равен-ство заработной платы для всѣхъ рабочихъ даннаго вида труда. Лекціи подъ заглавіемъ „Послѣднему, что и перво-му“ имѣютъ въ виду, какъ показываетъ само заглавіе, эту идею. Рескинъ считаетъ, что „однимъ изъ курьезнѣйшихъ фактовъ чело-вѣческихъ заблужденій является отрицаніе со стороны политико-экономовъ возможности такой опредѣ-ленной платы въ то время, какъ во всѣхъ важнѣйшихъ и во многихъ неважныхъ областяхъ труда здѣсь на землѣ она уже имѣется въ дѣйствительности“. Онъ указываетъ, что „вѣдь мы не продаемъ съ аукціона должности перваго министра или епископа, не различаемъ при оплатѣ гене-раловъ, докторовъ или юристовъ, вообще представителей духовнаго труда. Почему же это различіе по отношенію къ представителямъ труда физическаго? Единственно пра-вильная система отношенія ко всякому роду работы со-стоитъ въ опредѣленной платѣ за нее, при чемъ хорошій рабочій будетъ всегда занятъ, а дурной нѣтъ. При лож-ной, противоестественной и гибельной системѣ дурной ра-бочій имѣетъ всегда возможность предлагать свой трудъ за половинную цѣну, и въ силу этого или замѣщать хоро-шихъ или принуждать послѣднихъ работать за половинную плату“. Конечно, „этотъ вопросъ объ установленіи равной заработной платы или общаго минимума заработной платы въ своемъ практическомъ проведеніи представляетъ огром-ную трудность. Въ то же время нельзя не поставить Рес-кину въ большую заслугу, что онъ такъ понялъ значеніе этого вопроса. Рескинъ останавливается еще и на томъ,

какимъ образомъ обезпечить эту равную заработную плату нормальнымъ спросомъ и предложеніемъ, т.-е., короче говоря, устранить опасность безработицы. Забота Рескина состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы держать постоянно определенное количество рабочихъ независимо отъ случайностей спроса на предметы ихъ производства. Способъ, какъ этотъ вопросъ разрѣшается свободной конкуренціей, не удовлетворяетъ Рескина, и онъ предлагаетъ, чтобы плата рабочимъ, которая выплачивается имъ за рабочій періодъ, предусматривала возможность перерыва, когда они будутъ безъ труда, и чтобы за меньшій періодъ труда они получали бы такую плату, которая обезпечивала бы ихъ существованіе не только тогда, когда они работаютъ, но и тогда, когда не работаютъ. Можно удивляться тому наивному разрѣшенію этого труднаго и великаго вопроса, которое предложилъ Рескинъ. Но, конечно, постоянное колебаніе спроса на трудъ есть постоянная угроза, возникающая изъ отношеній капиталистическаго хозяйства, и Рескинъ совершенно справедливо на это указалъ (впрочемъ, вмѣстѣ съ большинствомъ социалистовъ).

Въ дальнѣйшей критикѣ организаціи труда Рескинъ останавливается на вопросѣ о его раздѣленіи. Современное раздѣленіе труда стремится къ удешевленію издержекъ производства посредствомъ повышенія производительности труда, но въ то же время оно механизуетъ трудъ, разлагаетъ его на отдѣльныя, несложныя и неинтересныя операціи, слѣдовательно, деградируетъ рабочихъ съ той стороны, которую больше всего цѣнитъ Рескинъ, обѣдняетъ ихъ жизнь. Потому естественно, что Рескинъ является непримиримымъ врагомъ современнаго раздѣленія труда. Трудъ, который долженъ быть воплощеніемъ красоты, идеи, творчества, искусствомъ, становится бессмысленнымъ, тяжелымъ, убивающимъ. Рескину рисуется идеаль, по которому каждое созданіе труда является какъ бы художественнымъ произведеніемъ; но художникъ любитъ свое произведеніе, онъ радуется ему, для него трудъ не каторга, а естествен-

ное выраженіе его духовной сущности, т.-е. творчество. И превратить хозяйственное производство, трудъ, направленный къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, въ такое художественное творчество, напоить его красотой, таковы идеалы Рескина. Конечно, здѣсь онъ до такой степени расходится съ окружающей его дѣйствительностью, что не нужно даже указывать на это. Но не слѣдуетъ забывать, что и всякій идеаль расходится съ дѣйствительностью. Идеаль постольку и есть идеаль, поскольку онъ расходится и противорѣчитъ дѣйствительности и указываетъ ей идеальныя нормы того, чѣмъ она должна быть. Но въ то же время ни одинъ экономическій писатель 19 вѣка не выразилъ съ такой силой и болью тоску по цѣльной жизни, по гармоніи и поэзіи труда. Болѣе опозитизировать производительный трудъ и его осмыслить, сдѣлать привлекательнымъ, чѣмъ это сдѣлалъ Рескинъ, нельзя; но, конечно, тѣмъ чернѣе стала для него дѣйствительность. Эстетическая критика капитализма оказывалась еще болѣе непримиримой, нежели соціальная, соціальная критика мало касалась идеального содержанія труда, его психологіи, его моральной основы, она все-таки не идетъ такъ глубоко и такъ далеко, какъ идетъ эта критика, основанная на требованіи идеального преобразованія труда, отношеній человѣка къ природѣ, къ объектамъ труда. Замѣтимъ впрочемъ, что эта эстетическая критика отнюдь не противорѣчитъ критикѣ соціальной. Между прочимъ одинъ изъ младшихъ современниковъ Рескина, Моррисъ, который былъ одновременно и эстетическимъ критикомъ, и соціалистомъ, до извѣстной степени совмѣщаетъ и идеи Рескина, и идеалы соціализма. Обращаясь къ соціальной организаціи производства, или лучше сказать, къ ея дезорганизаціи, мы уже естественно ожидаемъ встрѣтить у Рескина непримиримое отношеніе къ принципу свободной конкуренціи. Преувеличенія Рескина въ этой критикѣ не мѣшаютъ общей принципіальной ея справедливости. Что касается этихъ преувеличеній, то главное изъ нихъ заключается въ томъ, что Рескинъ становится

въ совершенно непримиримыя отношенія къ обмѣну и прибыли, проистекающей изъ этого обмѣна, считая, что прибыль происходитъ изъ обмана: „Существуютъ два главныхъ заблужденія, — говоритъ Рескинъ, — провозглашеніе которыхъ дураками міра сего радуется сердца мошенниковъ: во-первыхъ, что путемъ постоянного обмѣна и взаимнаго обмана при мѣновыхъ сдѣлкахъ, два обмѣнивающихся лица, начавъ съ глинянаго горшка, чередующагося съ желѣзнымъ котелкомъ, могутъ нажить два состоянія; это—принципъ *торговли*. Во-вторыхъ, что мѣшокъ Іуды превратился въ мѣшокъ фокусника и что если мистеръ Г. положить туда свой котелокъ и также подождетъ немного, то онъ вынетъ оттуда два котелка, полные рыбы; это принципъ *процента и роста*“. „Явный грабежъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Рескинъ,—какъ онъ ни грубъ, но если совершается смѣло и открыто, не развращаетъ душу человѣка. Но скрытый грабежъ, прячущійся самъ отъ себя, узаконенный, подлый и трусливый и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующійся почетомъ, разрываетъ всѣ фибры тѣла и души. И грабители Европы, дѣйствительные виновники всѣхъ братоубійственныхъ войнъ, это капиталисты, т.-е. люди, живущіе на процентъ другихъ людей, вмѣсто того, чтобы получать опредѣленную плату за свой. Они все время держали рабочихъ въ бѣдности, невѣжествѣ и грѣховности, чтобы имѣть возможность, пользуясь этимъ невѣжествомъ, присваивать себѣ продукты ихъ труда. Но вотъ сознаніе этого своего положенія слегка пробуждается въ рабочихъ, и, рано или поздно, капиталистамъ придется встрѣтиться лицомъ къ лицу съ рабочими, какими они сами ихъ создали“. Изъ этихъ словъ можно подуматъ, что Рескинъ приближается къ социалистамъ и что его критика торговли и прибыли на капиталъ можетъ быть понята въ смыслѣ социалистическомъ. Однако, такое заключеніе меньше всего справедливо; Рескина такъ-же мало можно причислить къ социалистамъ, какъ и Карлейля, т.-е. въ сущности онъ въ такой же мѣрѣ сторонникъ социализма, какъ и его противникъ,

и, сближаясь съ соціализмомъ въ критикѣ капитализма, онъ въ цѣломъ рядѣ весьма существенныхъ пунктовъ отъ него отличается.

Вопросъ соціальной реформы для Рескина формулируется такъ: „Какимъ образомъ общество можетъ устроить жизнь своихъ членовъ такъ, чтобы имѣть наибольшее количество благородныхъ и счастливѣйшихъ существъ?“ Отвѣчая на этотъ вопросъ, Рескинъ устанавливаетъ нѣкоторыя условія, отъ которыхъ это зависитъ. Прежде всего такимъ условіемъ является здоровье, но здоровье есть нѣчто полученное или не полученное отъ рожденія и въ виду того, что тяжелая наслѣдственность обременяетъ имѣющихъ несчастье ей подвергнуться различными болѣзнями, то Рескинъ не останавливается передъ тѣмъ, передъ чѣмъ не останавливаются и древніе философы Платонъ и Аристотель, передъ необходимостью урегулированія брачныхъ союзовъ въ интересахъ будущаго поколѣнія. Ни одна форма распущенности не пагубна такъ, какъ распущенность въ формѣ брака, поэтому Рескинъ развиваетъ проектъ о бракѣ съ разрѣшенія государства и о запрещеніи антисоціальныхъ браковъ. Очень трудно коротко высказаться по существу относительно этихъ вопросовъ и въ частности такой ихъ постановки. Я всегда держался того убѣжденія, что вопросъ о народонаселеніи, а, слѣдовательно, и тотъ вопросъ, который здѣсь занимаетъ Рескина, именно объ оздоровленіи населенія и о наслѣдственности, которую оно получаетъ, есть, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ общаго соціальнаго вопроса, и съ тѣмъ большей энергіей приходится это подчеркивать, чѣмъ меньше вниманія ему удѣляютъ, чѣмъ больше хотятъ его затѣнить и смазать. Для оздоровленія общества Рескинъ ставитъ еще второе условіе—хорошее воспитаніе. Рескинъ былъ педагогомъ и воспитателемъ по призванію. Достаточно перечитать его различныя сочиненія, чтобы увидѣть, какъ много вниманія отводится здѣсь вопросу о воспитаніи. Въ сво-

ихъ соціальныхъ схемахъ Рескинъ воспитанію придаетъ важную роль. Придавать такое значеніе воспитанію, мнѣ кажется, вообще означаетъ черту глубокаго пониманія природы человѣческихъ отношеній и углубленныхъ размышлений надъ соціальнымъ вопросомъ. Недаромъ Платонъ, который развилъ планъ соціальной реформы и построилъ первую систему социализма, воспитаніе поставилъ какъ первое условіе общественнаго преобразованія, и, конечно, можно только согласиться съ Рескинымъ относительно значенія воспитанія. Особенно приходится это подчеркнуть потому, что при томъ механическомъ пониманіи экономическихъ и соціальныхъ отношеній, которое внѣдрилось съ легкой руки манчестерской политической экономіи, теперь интересуются гораздо больше внѣшними отношеніями, въ которыхъ развивалась человѣческая личность, и гораздо меньше интересуются самими личностями. И, конечно, при внимательномъ отношеніи къ вопросу о воспитаніи его трудность становится ясна сама собой. Рескинъ въ свою заботу о хорошемъ воспитаніи включаетъ, между прочимъ, обезпеченіе для дѣтей хорошихъ жилищъ и воспитаніе до зрѣлаго возраста, при чемъ, хотя онъ признаетъ семью и придаетъ огромное значеніе семейному воспитанію, но въ то же время допускаетъ нѣсколько социалистическое расширеніе власти правительства по надзору за воспитаніемъ, считая, что такое общественное дѣло, какъ воспитаніе, не можетъ быть поручено компетенціи отдѣльныхъ семей. Большое значеніе придаетъ онъ физическому усовершенствованію и физическому воспитанію. Это—черта не только эстетика, воспитаннаго на античныхъ статуяхъ, но и англичанина. Какъ извѣстно, англичане гораздо больше интересуются физическимъ развитіемъ, нежели континентальная молодежь и въ особенности наша русская. Рядомъ съ физическимъ усовершенствованіемъ должно воспитывать уваженіе и состраданіе къ людямъ.

Какъ разрѣшается у Рескина вопросъ объ организациіи промышленной дѣятельности? Общее его воззрѣ-

ніе здѣсь сводится къ тому, что въ основаніе общественной организаціи должны быть положены групповыя различія, проистекающія изъ различія подготовки и естественныхъ данныхъ. Общество, какъ онъ представляетъ его себѣ, въ отличіе отъ социалистовъ и вмѣстѣ съ Карлейлемъ, не построяется изъ равнаго, приблизительно одинаковаго матеріала. Нѣтъ, это многоэтажное зданіе, въ которомъ каждый этажъ занимаетъ свое соотвѣтствующее мѣсто, или, иначе сказать, это не атомическое, а органическое строеніе общества. Орудія труда, затѣмъ власть капитала, землевладѣніе, все это должно быть предоставлено въ нормально организованномъ обществѣ тѣмъ, кто умѣетъ ими пользоваться, при чемъ должно быть оказано особое вниманіе специальнымъ способностямъ и развитію этихъ способностей. Рескинъ говоритъ о непреодолимыхъ различіяхъ въ матеріалѣ, изъ котораго сотканы люди, и эти непреодолимые различія являются для него аргументомъ противъ равенства, какъ въ области экономической, такъ и въ области политической. Равенство при этомъ понимается Рескинымъ въ смыслѣ грубаго равненія подъ одно, грубой нивеллировки личностей, при которой не принимаются во вниманіе различіе ихъ естественныхъ дарованій, естественныхъ способностей. Равенству, понимаемому въ смыслѣ равненія подъ одно, Рескинъ противопоставляетъ свою особую градацію по способностямъ, такъ сказать, человеческую іерархію, основанную на естественномъ различіи способностей. Какъ видите, идея Платона, высказанная имъ въ „Республикѣ“ и положенная въ основу ея устройства: градація различныхъ способностей и предпочтеніе высшихъ дарованій низшимъ, находитъ свое отраженіе у Рескина, подобно тому, какъ раньше она отразилась и у Карлейля въ культѣ героевъ или духовной аристократіи, надѣленной не только правами, но и обязанностями. Вотъ то завершеніе общественной организаціи, тотъ куполь, который долженъ увѣнчать общественное зданіе, но есть и фундаментъ. Этимъ фундаментомъ Рескинъ считаетъ ра-

боту, наиболее тяжелую и унижительную. Онъ говорить, что напрасно отрицать, будто не существуетъ работъ тяжелыхъ и унижительныхъ или, какъ онъ опредѣляетъ ихъ, рабскихъ, въ смыслѣ низкаго качества этого труда. Эти рабскія работы могутъ быть въ нормально организованномъ обществѣ сведены до минимума и должны быть, конечно, сокращаемы отчасти болѣе разумнымъ распределеніемъ труда, при которомъ нѣкоторые виды рабскихъ работъ сдѣлаются нецѣлесообразны, отчасти вслѣдствіе измѣненій въ области потребленія. Напр., работа водолаза, добывающаго жемчугъ, можетъ сдѣлаться ненужной, потому что прекратится употребленіе жемчуга. Но во всякомъ случаѣ остается извѣстная часть общественно-необходимаго труда, которая по своей тяжести и безинтересности является рабской. Это тѣ мысли, которыя занимали Фурье, изобрѣтшаго для этихъ работъ особая самоотверженные когорты. Для низшихъ работъ должны быть приурочены лица съ низшими способностями. Тѣ, которыя не призваны по своимъ естественнымъ способностямъ къ какимъ-либо высшимъ работамъ, обязаны заниматься низшими. Если исключить этотъ фундаментъ рабскихъ работъ, то всѣ остальные отрасли ручного труда, производящія цѣнности въ рескинскомъ смыслѣ, т.-е. предметы, которые служатъ къ жизни и ея украшенію, расширенію и радости, эти отрасли должны быть облагорожены эстетически и потому тѣ работы, которыя въ настоящее время представляются грубыми и механическими, какъ, напр., работы изъ дерева, глины, камня и металла, должны стать изящными искусствами, а потому и художественно-промышленное образованіе, развитіе художественной промышленности является задачей общества.

Какъ же можетъ быть организованъ трудъ для этихъ работъ? По мнѣнію Рескина, который и здѣсь остается неофеодалистомъ, наилучшая форма организациі труда суть промышленныя гильдіи или средневѣковые цехи. Онъ проектируетъ превращеніе профессиональныхъ союзовъ, трэдъ-

юніоновъ, въ промышленныя гильдіи, которыя приняли бы на себя роль капиталистовъ-предпринимателей и устанавливали бы качество и количество товаровъ. Въ основѣ организаціи этихъ гильдій должна лежать добровольная кооперація индивидуумовъ; на всѣ предметы должны ежегодно быть устанавливаемы цѣны и размѣръ заработной платы, а, слѣдовательно, и прибыли. Доступъ въ гильдіи долженъ быть свободный, при чемъ личности, не желающія принадлежать къ гильдіи, предоставляются свободной конкуренціи. Гильдіи контролируютъ не только производство, но и торговлю, причемъ слѣдятъ какъ за розничными, такъ и за оптовыми фирмами. Всѣ общественныя предпріятія, удовлетворяющія нужды общества, должны находиться въ завѣдываніи самого общества. Конкуренцію Рескинъ думаетъ побѣдить, слѣдовательно, не соціалистическимъ преобразованиемъ общества, но возвращеніемъ къ тому порядку, когда ея вообще не было.

Въ основѣ соціальной реформы должна лежать земельная реформа. Принимая во вниманіе отрицательное отношеніе Рескина къ городамъ, къ городской жизни, къ городской концентраціи, понятно, что земельная реформа должна играть особую роль въ системѣ Рескина. Но и здѣсь, при разработкѣ плана земельной реформы, мы наталкиваемся на тотъ же романтизмъ, съ которымъ Рескинъ, идеализируя феодальный строй, стремится къ его возстановленію въ новое время. Въ цѣляхъ обезпеченія землепользованія и охраны права аренды должно быть установлено соотвѣтствующее законодательство, но оно не должно устранять и существованія земельной аристократіи или крупныхъ земельныхъ собственниковъ, которые при этомъ получаютъ значеніе какъ бы государственныхъ чиновниковъ, государственныхъ пенсіонеровъ. „Правильное отношеніе государства къ аграрному вопросу, — говоритъ Рескинъ, — заключается, несомнѣнно, въ томъ, чтобы оно предоставило тѣмъ изъ своихъ гражданъ, которые того заслуживаютъ, земельныя участки различной величины, соотвѣтственно съ ихъ

справедливыми желаніями и доказанными способностями; а затѣмъ, обезпечивъ, такимъ образомъ, cadaго земель, государство должно имѣть такой же бдительный надзоръ за его обращеніемъ съ землей, какой оно имѣетъ за его обращеніемъ съ женой и прислужой. Предоставляя каждому по возможности полную свободу, оно должно вмѣшиваться въ случаяхъ крупныхъ неурядицъ въ хозяйствѣ или злоупотребленія властью. Что же касается древнихъ знатныхъ родовъ, которые должны всегда быть и до извѣстной, хотя и слабѣйшей степени теперь еще дѣйствительно являются благороднѣйшими, монументальными, архитектурными сооруженіями государства, живыми храмами священныхъ преданій и культа героевъ,—то имъ должно быть предоставлено въ постоянное пользованіе столько земли, сколько необходимо для того, чтобы они могли вести образъ жизни, приличный ихъ званію; *но ихъ доходы никоимъ образомъ не должны состояться изъ земельной ренты; точно также не должны они принимать никакого (даже самаго отдаленнаго и посредственнаго) участія во взиманіи ренты.* Это дѣло, не подобающее дворянамъ. Ихъ доходы, подобно доходу короля, должны опредѣляться и выплачиваться государствомъ“. Чѣмъ, спрашивается, мотивируются эти странныя, романтическія, неоправданныя привилегіи для этихъ родовъ? Такъ какъ Рескинъ вообще не мыслить никакого права безъ соотвѣтственной обязанности, то для этой привилегированной части населенія онъ начертываетъ цѣлый кругъ обязанностей, наиболѣе ей свойственныхъ. Исходя изъ предположенія, конечно, довольно произвольнаго, что аристократическіе земельные роды, въ силу наслѣдственной культуры, представляютъ собою наиболѣе культурный, мыслящій и вообщее духовно-утонченный элементъ страны, онъ ставитъ имъ наиболѣе высокія задачи въ обществѣ, именно, во-1-хъ, охранять законы и порядки, бороться съ преступностью, во-2-хъ, своей предусмотрительностью и своимъ трудолюбіемъ, какъ онъ выражается, исполнять какъ бы роль Провидѣнія для неразумныхъ, сла-

быхъ и лѣнивыхъ. На ихъ обязанности должно лежать созданіе такой системы производства и распредѣленія богатствъ, которая бы предохранила низшіе классы отъ гибели, болѣзней, голода и другихъ послѣдствій и безразсудства; они же должны находить для всѣхъ, согласно способностямъ каждаго, подходящій родъ дѣятельности. Для правильной оцѣнки этого проекта, впрочемъ, нужно принять во вниманіе тѣ своеобразныя историческія традиціи Англіи и ея атмосферу политической свободы. Наконецъ, третья задача, которую долженъ выполнять этотъ классъ, быть учеными и художниками, доставлять знанія и эстетическія наслажденія менѣ развитымъ массамъ. Конечно, Рескинъ ждетъ всего этого отъ идеальной аристократіи, но даже отъ современной ему, „несмотря на весь ея упадокъ“, онъ все-таки ждетъ нѣкоторыхъ услугъ въ этомъ направленіи, и нужно сказать, что въ исторіи Англіи связь наиболѣе выдающихся дѣятелей различныхъ отраслей знанія съ земельной аристократіей признавалась многократно, такъ что извѣстныя историческія основанія Рескинъ могъ находить въ защиту своей мысли.

Такимъ образомъ, планъ Рескина представляетъ изъ себя зданіе феодализма, но реставрированное и модернизированное, при чемъ онъ зародился у него подъ впечатлѣніемъ зрѣлища анархіи, неорганизованности общества, „въ настоящее время, когда каждый заботится о себѣ и нисколько не печется о своихъ братьяхъ“. Въ этомъ осужденіи существующаго строя Рескинъ сошелся бы съ социалистами, но онъ ищетъ такого порядка, который былъ бы свободенъ отъ необузданной конкуренціи не впереди, а позади, и подобно тому какъ Карлейль въ „Прошломъ и Настоящемъ“ настоящему противопоставляетъ органическій, блтовой хозяйственный строй средневѣкового монастыря, такъ и Рескинъ, идеализируя феодальныя отношенія, стремится ихъ реставраціей побѣдить свободу конкуренціи. Подобно Платону въ „Республикѣ“, въ отличіе отъ новѣйшихъ системъ—демократической, социалистической, а тѣмъ

болѣе анархической, въ основу своего идеала Рескинъ положилъ идеи не равенства, но *іерархіи*, *авторитета*, подчиненія, повиновенія, порядка—эти выраженія не сходятъ съ устъ Рескина. „Не должны ли мы стремиться къ такому идеалу народной жизни, при которомъ возвышеніе по ступенямъ общественной лѣстницы будетъ не столько плѣнять, сколько страшить лучшихъ людей, и когда главнымъ стремленіемъ каждого гражданина будетъ не выходъ изъ положенія, считаемаго непочетнымъ, а исполненіе долга, возложеннаго на него по праву рожденія?“ „Признаніе дисциплины и вмѣшательства,—говоритъ Рескинъ въ другомъ мѣстѣ,—лежитъ въ самомъ корнѣ человѣческаго прогресса и власти, и принципъ невмѣшательства или предоставленія человѣка собственнымъ силамъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности есть принципъ смерти; что гибель грозитъ ему, гибель безспорная и окончательная, если онъ предоставляетъ на произволь собственныхъ силъ свою страну, своихъ собратій, свою собственную душу, что вся жизнь человѣка, если это здоровая жизнь,—должна быть посвящена тому, чтобы постоянно пахать и очищать, порицать и помогать, управлять и карать и что только въ признаніи великаго принципа принужденія и вмѣшательства въ національную дѣятельность, онъ и можетъ надѣяться обрѣсти тайную защиту отъ національнаго безчестія. Я нахожу,—продолжаетъ онъ,—что народъ имѣетъ право требовать образованія отъ правительства, но лишь поскольку онъ признаетъ себя обязаннымъ повиноваться этому правительству. Я думаю, что онъ имѣетъ право требовать работы отъ своихъ правителей, но лишь поскольку онъ признаетъ за послѣдними право руководить и дисциплинировать его работу; и лишь поскольку массы предоставляютъ людямъ, признаннымъ ими за правителей, отцовскій авторитетъ, удерживающій ребячество національной фантазіи и направляющій своенравіе національной энергіи, постольку онъ и имѣютъ право требовать, чтобы ни одно изъ народныхъ бѣдствій не оставалось безъ помощи, ни

одно изъ злополучій — неисправленнымъ; чтобы при каждомъ горѣ, при каждой наготѣ, при каждой гибели видна была протянутая рука помощи и приподнятый ограждающій щитъ отца“. Не надо забывать, трудна и неразрѣшима въ окончательной формѣ проблема отношеній между личностью и обществомъ и насколько антиномичны они по самому своему существу. И самая идея социализма, социалистической организаціи производства и покоящихся на ней общественныхъ соотношеній, основывается на принужденіи, государственномъ авторитетѣ, при чемъ государственныя полномочія проведены здѣсь еще глубже и дальше, чѣмъ въ настоящее время. Если мы станемъ искать выхода изъ этого затрудненія, то намъ останется лишь стать на точку зрѣнія еще болѣе радикальную, послѣдовательнаго индивидуалистическаго анархизма, разрушающаго и государственность и самый социализмъ. Практически у социалистовъ достаточнымъ разрѣшеніемъ вопроса считается обыкновенно принципъ мажоритарный, по которому въ государствѣ, основанномъ на демократическихъ началахъ, руководящимъ является правительство, созданное подсчетомъ голосовъ, правами большинства. Можно сомнѣваться, дѣйствительно ли вносится твердый этический принципъ такимъ разрѣшеніемъ вопроса. Рескинъ и Карлейль въ своихъ парадоксальныхъ и смѣлыхъ попыткахъ разрѣшить этотъ вопросъ на почвѣ іерархической идеи, посредствомъ возстановленія феодальнаго средневѣковаго строя, ставятъ самую жгучую проблему объ отношеніяхъ между личностью и обществомъ, о правахъ государства и отдѣльныхъ гражданъ. Сущность этой проблемы заключается именно въ томъ, на какихъ началахъ можетъ быть организована власть, обладающая не только авторитетомъ силы, какимъ обладаетъ вообще всякая государственная власть, но и нравственнымъ авторитетомъ, слѣдовательно, власть, которая свои требованія превращаетъ въ нравственныя обязанности для подданныхъ. И если освободить идею Рескина отъ ея парадоксальной

неофеодалистической формулировки, то трудно принципиально возразить что-нибудь противъ мысли, что права и обязанности одинаково какъ у представителей государственной власти, такъ и у подданныхъ, подчиненныхъ этой власти, должны находиться въ нѣкоторой нравственной гармоніи; и лишь постольку, поскольку эта гармонія іерархизма поддерживается въ обществѣ, оно обезпечено отъ деспотизма носителей власти, хотя бы эта власть и была основана на мажоритарныхъ и демократическихъ началахъ.

У Рескина мы находимъ, далѣе, ту же идею организациі промышленности, которая высказана и у Карлейля, именно идею „капитановъ промышленности“, какъ бы героевъ (въ карлейлевскомъ смыслѣ) промышленной жизни, которые по своимъ личнымъ особенностямъ по преимуществу пригодны для этого дѣла и несутъ свои общественныя обязанности съ сознаниемъ отвѣтственности передъ обществомъ. „Правительство и кооперація во всѣхъ дѣлахъ — таковы законы жизни, анархія и конкуренція — законы смерти“. „Не свобода, а непрекословное повиновеніе извѣстному закону и назначеннымъ лицамъ; не равенство, а признаніе всего лучшаго и отверженіе всего худого“. Вотъ афоризмы, въ которыхъ вкратцѣ можно выразить основную мысль Рескина.

Какъ и Карлейль, Рескинъ отстаиваетъ духовную аристократію въ интересахъ народа, демократіи, въ интересахъ большинства общества. И у Рескина мы найдемъ цѣлый рядъ насмѣшекъ надъ парламентомъ, надъ партіями, надъ парламентской „говорильней“, какъ онъ выражается. Въ письмахъ *Fors Clavigera* онъ открыто самъ называетъ себя противникомъ либерализма, хотя, впрочемъ, прибавляетъ къ этому, что многія вещи онъ охотно уничтожилъ бы; подавивъ всякую революцію. Рескинъ предостерегаетъ рабочихъ отъ увлеченія пустозвонной „говорильней“ парламента, хотя все-таки выборы и всеобщее избирательное право считаетъ лучшимъ способомъ выбора правительства, но только высказывается при этомъ противъ равноправности голосованія, при которомъ не принимается во

вниманіе возрастъ, имущественное положеніе, опытъ и умъ. Такимъ образомъ, одинъ изъ „хвостовъ“ „четыре-хвостной“ формулы, именно *равное* избирательное право, Рескинъ, съ своей точки зрѣнія, призналъ подлежащимъ устраненію. Рескинъ полагаетъ, что для большинства людей „неограниченная и непрекословная покорность высшей волѣ правительства или власти, выражающей собою духовныя силы націи, составляетъ, какъ онъ выражается,—врожденное естественное и вѣчное свойство большей части рода человѣческаго и, чѣмъ больше вы ихъ предоставите свободной волѣ, тѣмъ больше они превратятся въ рабовъ“. Истинное орудіе прогресса есть разумъ „капитановъ промышленности“, которые должны поддерживать порядокъ среди низшихъ и всегда подымать ихъ до того уровня, до котораго эти низшіе способны подняться. При этомъ истиннымъ стимуломъ общественнаго прогресса для Рескина, какъ и для Карлейля, является личная человѣческая воля и дисциплина личности. „Всякое дѣйствительное приближеніе рода человѣческаго къ истинному счастью,—говоритъ Рескинъ,—должно совершаться путемъ индивидуальныхъ, а не общественныхъ усилій. Нѣкоторыя общія мѣры могутъ помочь этому движенію. Нѣкоторые пересмотрѣнные законы могутъ служить ему руководствомъ, но и мѣра, и законъ, которые прежде всего должны быть установлены, касаются личной жизни каждаго“. Поэтому идея личной отвѣтственности и личного долга въ высшей степени дорога Рескину. На основаніи сказаннаго, легко опредѣлить его отношеніе къ соціализму. Насколько соціализмъ является міровоззрѣніемъ, отрицающимъ свободу конкуренціи, Рескинъ идетъ не только объ руку съ соціалистами, но до извѣстной степени даже дальше ихъ, однако онъ отличается отъ соціалистовъ практическими способами разрѣшенія этихъ вопросовъ. Принципы свободы, которые полагаются въ основу либерализма и манчестерства, онъ называетъ неисчерпаемымъ, безграничнымъ, непостижимымъ безуміемъ. „Пошлете ли вы вашего ребенка въ комнату,

гдѣ столь уставленъ прекрасными винами и фруктами, нѣкоторые изъ которыхъ отравлены? Скажете ли вы ему: выбирай свободно, милое дитя! Тебѣ такъ полезно имѣть свободу выбора, это образуетъ твой характеръ, формируетъ твою индивидуальность. Если ты возьмешь отравленный кубокъ или попробуешь отравленную землянику, — ты умрешь до наступленія дня, но зато ты приобрѣтешь достоинство свободного ребенка!“... Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о свободѣ слѣдующее: „Мы кричимъ противъ деспотизма... Но способны ли мы къ свободѣ? Да, кисть Тинторето, Корреджіо, Рейнольдса и Веласкеза свободна какъ воздухъ и въ то же время вѣрна, но только унаслѣдованная пятивѣковая дисциплина позволяетъ имъ быть свободными и творить чудеса. Повинуйтесь, и вы будете свободны также, но и въ большемъ и маломъ истинная свобода заключается въ *справедливомъ повиновеніи*“. Любопытно, что эти идеи высказываются Рескинымъ въ письмахъ къ рабочимъ, въ лекціяхъ къ рабочимъ и вообще въ тѣхъ сочиненіяхъ по рабочему вопросу, которыя за радикализмъ не находили себѣ мѣста въ нѣкоторыхъ англійскихъ журналахъ.

Что касается разныхъ практическихъ начинаній Рескина, то, какъ легко и а priori догадаться, здѣсь мы имѣемъ рядъ великодушныхъ, часто увлекательныхъ чудачествъ; таковымъ прежде всего является отношеніе Рескина къ машинамъ. Пожалуй, можно обойтись безъ смѣшныхъ рассказовъ о его поѣздкѣ въ 1876 г. на сѣверъ Англіи по-старинному на лошадяхъ, на долгихъ, о его желаніи, выраженномъ впрочемъ въ полущуточной формѣ, уничтоженія желѣзныхъ дорогъ въ Англіи. Мы не станемъ подробно останавливаться на его стремленіи къ возрожденію изготовленія тканей ручнымъ способомъ и ручными приборами. Рескинъ питалъ ненависть къ паровой силѣ, къ тому, что составляетъ основной нервъ промышленнаго капитализма. Рескинъ считалъ и, исходя изъ своихъ основныхъ посылокъ, по-своему справедливо, что паровая сила, т.-е. машинное производство со-

всѣми связанными съ нимъ отраслями труда и прежде всего добываніе рудъ изъ-подъ земли, каменноугольныя копи, металлургическая промышленность, все это отравляетъ современную жизнь и убиваетъ современнаго человѣка. Ужасныя условія работы въ копахъ, одуряющее дѣйствіе этой работы, смрадъ дыма, который нависъ надъ городами Англіи, обезображеніе пейзажа, чему Рескинъ придавалъ такое огромное, такое первостепенное значеніе, затѣмъ поглощеніе запаса національной энергіи посредствомъ этого служенія матеріальной силѣ пара и вообще опошленіе жизни, которое вносится машинной нивелировкой, — вотъ что дѣлаетъ его врагомъ машины. Здѣсь не надо тратить много словъ для критики этой стороны воззрѣній Рескина, потому что относительная правота его очевидна, а наивность его практическихъ предложеній достаточно вскрывается реальной политической экономіей. Обличеніе и критику городской промышленности, обычную въ устахъ Толстого, слышимъ мы и изъ устъ Рескина; не даромъ Толстой такъ любитъ и рекомендуетъ Рескина. Эта критика основана, съ одной стороны, на высшихъ гуманныхъ мотивахъ, а съ другой — на недостаточномъ вниманіи къ суровой дѣйствительности. Въ этомъ сужденіи звучитъ извѣстный привкусъ соціального барства (какъ и у Толстого); дѣйствительная тягота человѣческой жизни и дѣйствительная трудность борьбы съ природой за жизнь здѣсь не дооцѣнивается, и интересы этой борьбы слишкомъ легко приносятся въ жертву интересамъ эстетическимъ; но какъ бы послѣдніе ни были цѣнны, все же въ сравненіи съ этой первой основной нуждой, нуждой въ хлѣбѣ насущномъ, они не имѣютъ рѣшающаго значенія. Если бы названные писатели одновременно съ критикой машинъ, съ критикой городской промышленности, городской концентраціи населенія указали еще и путь къ облегченію этой тяготы, то нельзя было бы не сочувствовать имъ въ высочайшей степени. Если бы они указали путь повышенія емкости территоріи относительно населенія, другими словами, способъ прокормленія растущаго числа ртовъ въ деревнѣ, то

конечно, эта критика была бы принята человечествомъ, но пока такія указанія остаются соціальнымъ донъ-кихотствомъ, которое тѣмъ страннѣе, чѣмъ меньше оно считается съ дѣйствительными трудностями положенія.

Дальнѣйшая критика машинъ у Рескина въ общемъ сливается съ соціалистической критикой, не отрицающей темныхъ сторонъ машиннаго производства, но въ то же время вполне признающей общую его необходимость. Соціалистическая критика въ этомъ отношеніи впадаетъ, можетъ быть, въ противоположную крайность. Въ своемъ механизированіи всей человѣческой жизни, отношеній человѣка къ природѣ и общественныхъ отношеній, она вообще отводитъ машинѣ слишкомъ много мѣста въ своихъ идеальныхъ проекціяхъ. Машина все-таки отдѣляетъ человѣка отъ жизни съ природой, что такъ дорого въ земледѣліи. Почти сливается съ соціалистической у Рескина критика современной соціальной праздности, которая основана на машинномъ производствѣ, обогащающемъ капиталистовъ. Рескинъ рисуетъ жизнь владѣльцевъ богатыхъ дачъ и домовъ, примыкающихъ къ лондонскому пригороду, такъ: „Изъ мужчинъ,—говоритъ онъ,—ихъ женъ и дѣтей, живущихъ въ этихъ домахъ, не наберется, вѣроятно, и одной пятой лицъ, знающихъ какую-нибудь обыкновенную мужскую или женскую работу, понимающихъ, что такое счастье, и умѣющихъ его достигать. Мужчины, конечно, умѣютъ писать и дѣлать выкладки; ежедневно отправляются они въ городъ, чтобы добывать необходимыя средства къ жизни; женщины и дѣти умѣютъ, можетъ быть, читать что-нибудь легкое, вульгарно танцовать и скверно играть на фортепіано, для показу; но ни одинъ членъ подобнаго семейства не умѣетъ въ общемъ ни стряпать, ни мести, ни вбить гвоздя въ стѣну, ни вбить сваю, ни выпрясть нитку. Еще менѣе способны они къ какой-нибудь тонкой работѣ. Они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о живописи, ни о скульптурѣ, ни объ архитектурѣ; изъ наукъ они знаютъ столько, и то не вполне, сколько требуется для того, чтобы болѣе или менѣе объяснить духъ м-ра Пеппера (англій-

скій фокусникъ, показывающій духовъ при помощи системы зеркалъ), и для того, чтобы не вѣрить въ какого-нибудь другого духа кромѣ этого, особенно въ Святого Духа; они совершенно незнакомы съ классической литературой ни нашей, ни какой-нибудь другой страны; ихъ сады не доставляютъ имъ никакого удовольствія, потому что у нихъ нѣтъ ни расположенія, ни силъ, чтобы работать въ этихъ садахъ. Женщинамъ и дѣвушкамъ удовольствіе доставляютъ только визиты другъ къ другу, въ фальшивыхъ волосахъ, въ дешевыхъ нарядахъ изъ пестрыхъ матерій, изготовленныхъ машинами, въ ботинкахъ съ высокими каблуками, образцы которыхъ взяты ими у парижскихъ проститутокъ низшаго разряда; мужчины ни къ чему другому не способны, кромѣ плутовства въ дѣлахъ; они не знаютъ никакихъ другихъ удовольствій, кромѣ куренія да ѣды, и не имѣютъ ни малѣйшаго представленія и ни малѣйшей способности составить себѣ представленіе о томъ, что въ этомъ мірѣ было совершено великаго или что произошло хорошаго“. Въ такихъ чисто-толстовскихъ словахъ рисуетъ Рескинъ жизнь современнаго празднаго общества и, дѣйствительно, съ точки зрѣнія развитія личности положеніе празднаго въ этомъ обществѣ еще менѣе завидно, нежели положеніе трудящагося и обремененнаго.

Что касается практическихъ начинаній Рескина, то они имѣютъ двоякій характеръ: съ одной стороны, филантропическій, а съ другой — романтически-предпринимательскій. Широкая филантропія, помощь нуждающимся поглотила огромныя средства Рескина и огромный его заработокъ. Рескинъ принадлежитъ къ числу людей, въ наибольшей степени осуществлявшихъ личную денежную благотворительность въ теченіе своей жизни. Изъ систематическихъ его начинаній слѣдуетъ упомянуть о книгоиздательствѣ ручнымъ способомъ безъ рекламы. Эти артистическіе приемы отразились потомъ на типографскомъ дѣлѣ. Рескинъ захотѣлъ издать свои сочиненія наилучшимъ образомъ, какъ это представлялось ему достойнымъ, и они печатались въ одной изъ деревень на произведенной ручнымъ способомъ бума-

гѣ, ручной типографіей, при чемъ они были очень дороги и распространялись въ большомъ количествѣ лишь благодаря исключительной популярности Рескина. Однако, этотъ опытъ не имѣлъ большого значенія. Другой болѣе интересный опытъ представляетъ попытка основать такъ называемую гильдію св. Георга. Подъ этимъ наименованіемъ Рескинъ и рескиніанцы мечтали объ образованіи чего-то въ родѣ толстовскихъ колоній въ стремленіи возвратиться на землю и соединить земледѣліе съ ручнымъ промысломъ. Проектъ этой гильдіи св. Георга былъ развитъ Рескинымъ въ письмахъ къ рабочимъ подъ названіемъ *Fors Clavigera*; была выработана особая декларация, въ которой выражались религіозно-этические принципы этой гильдіи, но эта гильдія почти не осуществилась въ дѣйствительности, и послѣ неудачной попытки, изъ которой ничего не вышло, самъ проектъ былъ сданъ въ исторію. Третьимъ начинаніемъ былъ музей, имени Рескина, въ Шеффилдѣ, основанный имъ самимъ, для художественной промышленности. Четвертое начинаніе, связанное съ его антипатіей къ городу, — устройство фабрики сукна съ домашнимъ трудомъ на островѣ Майнѣ, — это опять-таки мелочь, интересная лишь въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ Рескина. Наконецъ, какъ при его жизни, такъ и послѣ его смерти основывался рядъ обществъ его имени; особенно большое значеніе, и теперь это является общепризнаннымъ, имѣетъ вліяніе Рескина для развитія художественной промышленности и для развитія вкуса. (Въ этомъ отношеніи значеніе Рескина отмѣчено въ извѣстной книгѣ Зомбарта „О современномъ капитализмѣ“, въ главѣ о художественной промышленности).

Для русскаго общества наиболѣе цѣнны и плодотворны слѣдующія стороны міровоззрѣнія Рескина: общее религіозно-этическое пониманіе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, идея іерархическаго устройства общества и правительства въ противоположность формально механическому равенству, и указанія на значеніе личности и ея духовнаго роста и самоусовершенствованія для всей общественной жизни.

Ученіе Шопенгауэра о правѣ и государствѣ ¹⁾).

«Sentimus reperimurque nos aeternos
esse».

Spinoza.

Вопросъ о политико-правовомъ міропониманіи Шопенгауэра до сихъ поръ все еще представляетъ крупный пробѣлъ въ исторіи философіи права: своеобразная попытка геніальнаго апостола пессимизма примирить апологию небытія съ постулатами соціальнаго строительства и понынѣ не нашла себѣ въ литературѣ сколько-нибудь яркаго освѣщенія, хотя прилежный библіографъ Шопенгауэра—Фердинандъ Лабанъ—приводитъ въ своемъ хронологическомъ обзорѣ литературы о немъ («Die Schopenhauer—Literatur» Versuch einer chronologischen Uebersicht derselben von Ferdinand Laban. Leipzig. 1886) около тысячи монографій, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ вопросамъ его системы.

По досадному недоразумѣнію исторія философіи права и понынѣ все еще упорно отказывается признать за Шопенгауэромъ права гражданства въ этой молодой и не оперившейся наукѣ: по справедливому замѣчанію Оскара Дамма «политическія и правовыя представленія Шопенгауэра пережили такую же судьбу, какъ и его система: десятки лѣтъ сряду оставались они никому неизвѣстными и никѣмъ не изслѣдованными. Строгая наука о правѣ и понынѣ не придаетъ никакого значенія франкфуртскому мыслителю».

Такое обидное забвеніе соціальныхъ идеаловъ Шопенгауэра представляется тѣмъ болѣе непонятнымъ, что политико-право-

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ Философскомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

вое credo «западнаго Будды» заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія—какъ въ высшей степени поучительная и едва ли даже не единственная въ своемъ родѣ аберрація философскаго мышленія: съ точки зрѣнія паталогіи соціально-политическаго строительства смѣлая попытка Шопенгауэра—построить своеобразную конструкцію аскетическаго «государства-намордника», конструкцію, завѣдомо несостоятельную по самой логической структурѣ своей,—отмѣчаетъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ и яркихъ по своему драматизму эпизодовъ въ исторіи постановки соціально-политическихъ идеаловъ ¹⁾).

Лишь за послѣднее десятилѣтіе въ нѣмецкой литературѣ замѣчаются робкія попытки освѣтить политическое міросозерцаніе Шопенгауэра какъ болѣе или менѣе самостоятельный эпизодъ въ исторіи философіи права. Первая попытка въ этомъ направленіи—монографія Карла Вейгта «*Политическія и соціальныя воззрѣнія Шопенгауэра*» («Die politischen und socialen Anschauungen Schopenhauer's» von Karl Weigt. Erlangen. 1899)—показываетъ, однако, какъ рискованно освѣщать политико-правовое credo философа подъ угломъ заранѣе данной исторической перспективы: оперируя надъ матеріаломъ безо всякой системы и критическаго чутія, Вейгтъ полагаетъ, что анализъ преемственной связи между правовыми воззрѣніями и основными положеніями пессимизма Шопенгауэра вовсе не «вытекаетъ съ неумолимой необходимостью изъ задачи критика». Пессимистическіе постулаты Шопенгауэровой философіи представляются Вейгту не мрачнымъ куполомъ,

1) Бѣглый очеркъ воззрѣній Шопенгауэра на природу права и государства читатель найдетъ въ трудахъ Адольфа Тренделенбурга („*Naturrecht auf dem Grunde der Ethik*“), Иммануила Германа Фихте („*Die philosophischen Lehren von Recht, Staat und Sitte in Deutschland, Frankreich und England*“), Юлія Фрауэнштедта („*Schopenhauers' Geschichtsphilosophie*“), Карла Отто Эрдмана („*Das monarchische Gefühl*“), Эдуарда Гартмана („*Das sittliche Bewusstsein*“), Рудольфа Лемана („*Schopenhauer*“), Адольфа Венкштерна („*Marx*“), а также въ трудахъ Куно Фишера, Иоганна Фолькельта и другихъ историковъ Шопенгауэра. Русскіе авторы (за исключеніемъ Вл. Штейна и отчасти проф. Н. М. Коркунова), по большей части, обходятъ этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ. Интересный докладъ проф. В. Н. Сперанскаго „Ученіе Шопенгауэра о правѣ и нравственности“, прочитанный въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 27 ноября 1899 г., представляетъ,—если не ошибаюсь,—единственную въ нашей литературѣ монографію, посвященную этому вопросу. (См. въ „*Вопросахъ философіи и психологіи*“ отчетъ о засѣданіяхъ Московскаго Психологическаго Общества“ за ноябрь 1899 г.)

вѣнчающимъ величественное зданіе его системы, а скорѣе—тѣмъ-то навѣяннымъ той исторической обстановкой и культурно-общественной средой, въ которой жилъ и творилъ этотъ «мрачный геній». Уже самая ссылка автора на «французскую революцію и господство Наполеона», на «вліяніе потока времени», какъ на историческіе мотивы Шопенгауэрова пессимизма, свидѣтельствуешь о крайне поверхностномъ знакомствѣ Вейгта съ исторіей пессимизма вообще и историческимъ генезисомъ Шопенгауэровой системы—въ частности.

Не болѣе удачна и вторая попытка въ этомъ направленіи—монографія Оскара Дамма «*Шопенгауэрова философія права и государства*» («Schopenhauer's Rechts und Staats-Philosophie». Darstellung und Kritik derselben. Eine Monographie von Oskar Damm. Halle a S. Verlag von Kaemmerer. 1901). Даммъ ставитъ своей задачей «критическій обзоръ не соціальныхъ и политическихъ воззрѣній Шопенгауэра, а его «*философіи права*» и въ то же время признаетъ, однако, что правовыя представленія творца «Міра, какъ воли и представленія»,—въ противоположность Канту, Фихте, Шеллингу, Гегелю и Гербарту—«носятъ отрывочный и рудиментарный характеръ», такъ-какъ «Шопенгауэръ отнюдь не былъ государствовѣдомъ по призванію... и не создалъ законченной системы философіи права»; врядъ ли, однако, представляется возможнымъ говорить при такихъ условіяхъ о какой-либо «философіи права» въ смыслѣ стройной законченной концепціи правопониманія, тѣмъ болѣе, что «Шопенгауэръ»,—по словамъ самого же Дамма,—«избралъ предметомъ своихъ размышленій жизнь и страданіе вообще»—т.-е. безотносительно къ тѣмъ или инымъ соціально-политическимъ идеаламъ, «интересуясь вопросами права и соціального строительства лишь постольку, поскольку они приходили, какъ составные элементы, въ его систему».

Попытка «дать, съ одной стороны, критическій обзоръ воззрѣній Шопенгауэра на право и государство и прослѣдить, съ другой стороны, связь между этими воззрѣніями и всей, вообще, его системой» приводитъ автора къ пессимистическому выводу, что «подвести подъ извѣстныя рубрики и логическія построенія разрозненныя и бѣглыя замѣчанія Шопенгауэра по вопросу о природѣ права и государства и примирить противорѣчіе между ними—дѣло весьма трудное».

Къ сожалѣнію Даммъ, какъ и Вейгтъ, не вскрылъ этого противорѣчія, породившаго, по его мнѣнію, столь обидное равнодушіе историковъ философіи права къ Шопенгауэру: всего менѣе, конечно, можетъ вскрыть и примирить это противорѣчіе (какъ наивно полагаетъ авторъ) указаніе на чисто внѣшнее сходство (признаваемое, впрочемъ, и самимъ Шопенгауэромъ) между нѣкоторыми чертами міропониманія Аристотеля, Гоббеса, Сенеки и другихъ мыслителей и представленіями «франкфуртскаго отшельника» о природѣ права и государства; а между тѣмъ въ раскрытіи внутренней преемственной связи между метафизическими построєніями и воззрѣніями Шопенгауэра на природу права и государства и кроется ключъ къ объясненію непримиримой внутренней антиноміи между нравственнымъ міропониманіемъ и политико-правовымъ *credo* Шопенгауэра, антиноміи,—въ которую—какъ мы увидимъ—логически неизбѣжно разрѣшается не только Шопенгауэровъ, но и *всякій* вообще пессимизмъ, какъ апологія небытія ¹⁾).

Отправляясь отъ этого положенія, попытаемся прослѣдить, ближайшимъ образомъ, преемственную связь между нравственными и политико-правовыми воззрѣніями Шопенгауэра и вскрыть внутреннее противорѣчіе между ними, поскольку оно покоится на указанной выше антиноміи.

Опредѣляя право, какъ «ослабленную юридическими законами мощь», Шопенгауэръ впадаетъ, въ сущности, въ *definitio per se*, такъ какъ вводитъ въ понятіе права признакъ *правовыхъ же* явленій (право есть *юридическій* законъ, ослабляющій мощь=*право* есть *правовое* явленіе, ослабляющее мощь=*право* есть *право*=*x* есть *x*.)

Указанный логическій порокъ (*definitio per idem*) Шопенгауэрова опредѣленія права объясняется, какъ мы увидимъ, молчаливымъ смѣшеніемъ понятій права и нравственности, смѣшеніемъ,—проходящимъ красною нитью черезъ всю его теорію права и

¹⁾ Анализъ *гносеологическаго* происхожденія указанной внутренней антиноміи между нравственнымъ міропониманіемъ и политико-правовыми воззрѣніями Шопенгауэра читатель найдетъ въ моемъ изслѣдованіи „*Нравственная философія Шопенгауэра*“. Критика основныхъ началъ философіи Шопенгауэра. Изданіе П. П. Сойкина. Спб., 1901, стр. 46—68. Раскрытію этой внутренней связи и критическому анализу *философскихъ предпосылокъ* ученія Шопенгауэра о правѣ и государствѣ и посвящена настоящая статья.

государства. Противопоставляя праву понятіе несправедливости, Шопенгауэръ конструируетъ это послѣднее понятіе какъ первоначальное и положительное, а первое, напротивъ, какъ производное и отрицательное: право возможно лишь какъ отрицаніе неправа (Unrecht)—гласить основной тезисъ ученія Шопенгауэра о правѣ и государствѣ.

Построя понятіе права какъ чисто моральное переживание, Шопенгауэръ вполне послѣдовательно приходитъ къ выводу, что самое различіе между *fas* и *nefas*, между областью права и неправа немыслимо безъ нравственного критерія нашего поведения.

Негативная природа права характеризуется, ближайшимъ образомъ, какъ отпоръ несправедливости и чисто пассивная сторона конфликта между индивидуальными волями. Всякое правонарушеніе, причиняя мнѣ боль, свидѣтельствуетъ *toto genere* о безмѣрной силѣ подтвержденія воли къ жизни (*Bejahung des Willens zum Leben*) правонарушителя, доходящей до полного отрицанія (*Verneinung*) моей воли. «Это чисто моральное значеніе,—говоритъ Шопенгауэръ въ «Мірѣ какъ волѣ и представленіи»,—есть единственное, какое только имѣетъ право и несправедливость для человѣка, какъ человѣка, а не какъ гражданина, и которое, слѣдовательно, оставалось бы и въ природномъ состояніи (общезитія): оно составляетъ содержаніе и основу всего того, что называется *естественнымъ правомъ*, хотя правильнѣе было бы называть его *моральнымъ правомъ*, такъ какъ власть его простирается лишь на дѣянія человѣка и возникающее изъ нихъ самосознаніе его индивидуальной воли, называемой совѣстью» (стр. 405) ¹⁾. При такомъ пониманіи права, какъ моральной стихіи, Шопенгауэръ—какъ и слѣдовало ожидать—смотритъ на науку о правѣ, какъ на нравственно-философскую дисциплину, предметъ которой—изученіе индивидуальной воли, какъ среды соціальныхъ мотивовъ поведения. Конфликтъ между индивидуальными волями, составляющій тему *belli omnium contra omnes*, регулируется преподанными разумомъ нормами поведения: во избѣжаніе страданій, причиняемыхъ намъ вторженіемъ другихъ людей въ сферу нашей воли, человѣкъ добровольно отказался отъ причиненія страданій другимъ только для того,

¹⁾ Всѣ цитаты изъ „Міра какъ воли и представленія“ Шопенгауэра приведены по русскому изданію. (Переводъ А. Фета. Изданіе третье. М., 1892 г.)

чтобы цѣною такого отказа предотвратить свои собственныя страданія: «такое легко придуманное разумомъ и постепенно усовершенствованное методическимъ эгоизмомъ средство,—говоритъ Шопенгауэръ (*ibid.*, стр. 408), —и есть государственный уговоръ или законъ».

Моментомъ возникновенія государственнаго общежитія Шопенгауэръ считаетъ договорное соглашеніе — тезисъ, безспорно навѣянный соціальною философіей Руссо. Степень совершенства государственнаго уклада общежитія обусловливается тѣмъ, примѣшивается ли къ договорному началу анархія или деспотизмъ: республики тяготеютъ къ анархіи, монархія—къ деспотизму; средній же типъ государственнаго бытія—конституціонная монархія—къ господству партій.

«Чтобы основать совершенное государство,—говоритъ Шопенгауэръ,—надо прежде всего создать такія существа, природа коихъ допускаетъ, чтобы они всюду жертвовали собственнымъ благомъ во имя общественнаго благополучія» (*ibid.*, стр. 408). Ближе всѣхъ тяготеетъ къ такому идеалу наслѣдственная монархія: «возможно уже достигъ нѣкотораго успѣха тѣмъ, что есть одна фамилія, благосостояніе коей совершенно неотдѣлимо отъ благосостоянія страны, такъ что она - то, по крайней мѣрѣ, въ главномъ, не можетъ не споспѣшествовать одному безъ другого» (*ibid.*, стр. 408).

Если для морали важны исключительно лишь внутреннія душевныя побужденія, то для права, какъ для «морали наизнанку», представляетъ интересъ лишь объективная сторона поведения человѣка; отсюда объясняется, почему—по словамъ Шопенгауэра—«государство никому не возбраняетъ постоянно носить въ помышленіи убійство и отравленіе другого, доколѣ оно увѣрено, что страхъ передъ топоромъ или колесомъ будетъ постоянно сдерживать проявленія такого умысла» (*ibid.*, стр. 409).

Задача уголовного правосудія сводится всецѣло къ тому, чтобы противопоставить всякому возможному мотиву неправоты другой контръ-мотивъ, перевѣшивающій первый; въ этомъ смыслѣ уголовный кодексъ представляетъ собою не что иное, какъ возможно полный перечень противодѣйствующихъ мотивовъ ко всѣмъ предполагаемымъ преступнымъ дѣяніямъ.

Конструкція государства, какъ условія нравственной свободы, представляется Шопенгауэру сплошнымъ недоразумѣніемъ, осно-

ваннымъ на грубомъ смѣшеніи понятій нравственной и политической свободы: если право и ограждаетъ авторитетъ нравственныхъ нормъ, то дѣлаетъ это не по нравственнымъ побужденіямъ, а исключительно лишь изъ эгоистическаго расчета, на что указывалъ еще Аристотель въ извѣстной сентенціи: «цѣль государства — благополучіе гражданъ» (τέλος μὲν οὖν πόλεως το εἶναι τὸ αὐτὸ δι' ἐστὶν το εἶναι εὐδαιμονίῳ καὶ καλῶς) и Гоббесъ въ своемъ «Левіаѳанѣ»: «первымъ закономъ да будетъ общественное благополучіе». («*Salus publica prima lex esto*») ¹⁾.

Такъ какъ въ основѣ всякаго правомѣрнаго союза и законодательства лежитъ чистое естественное или, какъ называетъ его Шопенгауэръ, — «моральное право», то философія должна предоставить компетенціи науки о правѣ изслѣдованіе вопросовъ о происхожденіи и содержаніи понятія права, объ обязательной силѣ договоровъ, о цѣли и природѣ государства и, наконецъ, о такъ называемомъ «правѣ наказанія» (*jus puniendi*).

Любопытны воззрѣнія Шопенгауэра на природу и цѣль уголовного правосудія: почерпая свое обоснованіе въ положительномъ законодательствѣ, освященномъ моральнымъ авторитетомъ общественнаго договора, институтъ наказанія имѣетъ своей цѣлью исполненіе закона, какъ угрозы правонарушителю. Срав-

¹⁾ Въ нѣмецкой литературѣ взглядъ Шопенгауэра на природу преступленія и задачи уголовного правосудія раздѣляетъ Куно Фишеръ въ своей монографіи «*Ueber das Verhältniss zwischen Willen und Verstand im Menschen*»: «шопенгауэрова теорія уголовного права, усвоенная Куно Фишеромъ во всей полнотѣ» — писалъ я въ своемъ предисловіи къ переводу этой монографіи (Куно Фишеръ: «*Воля и разумъ*». Пер. со 2-го нѣм. изд. С. О. Грузенберга съ приложеніемъ критико-біографическаго очерка С. О. Грузенберга: «Куно Фишеръ, черты изъ его жизни и преподават. дѣятельности». Спб. Изд. В. Ротенштерна, 1909 г., стр. 33—35) покоится на грубомъ смѣшеніи понятій (*quaternio terminorum*), подрывающемъ всякую научную цѣнность этой устарѣлой доктрины: Шопенгауэръ, а вслѣдъ за нимъ и Куно Фишеръ молчаливо отпираясь отъ предпосылокъ эмпирическаго детерминизма, провозглашаютъ принципъ безызвѣстнаго господства закона причинности надъ міромъ явленій; отсюда объясняется, почему оба они предпріимаютъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о свободѣ воли, а, слѣдов., и о нравственной отвѣтственности преступника и неизбежно допускаютъ грубое смѣшеніе понятій «вины» и «преступленія», «нравственной отвѣтственности» и «нравственной свободы», между тѣмъ какъ на противоположеніи и разграниченіи этихъ понятій покоится, по мнѣнію самого же Шопенгауэра, принципиальное различіе между правомъ и нравственностью».

нивая государство съ «общественнымъ намордникомъ», сдерживающимъ произволъ и эгоизмъ гражданъ, Шопенгауэръ полагаетъ, что какъ законъ, такъ и исполненіе его направлены не на настоящее, а исключительно лишь на перспективу будущаго: этотъ послѣдній моментъ—представленіе о будущемъ—и отличаетъ законъ отъ мести, которая исчерпывается всецѣло моментомъ прошедшаго. Формула воздаянія зломъ за зло—«око за око, зубъ за зубъ»—представляется Шопенгауэру «антиморальной заповѣдью»: онъ прямо недоумѣваетъ, какъ можно не только что оправдать, но даже объяснить эту формулу какими бы то ни было разумными основаніями: «ни одинъ человѣкъ не уполномоченъ»—по его словамъ—«выступать въ качествѣ чисто моральнаго судьи и воздаятеля и наказывать проступки другого болью, которую онъ ему причиняетъ, а, слѣдовательно, налагать ему за это покаяніе. Это было бы скорѣе самонадѣянностью; отсюда—библейское: «мнѣ отмщеніе, — и азъ воздамъ». Отрицая за государствомъ право «моральнаго суда» надъ гражданами, Шопенгауэръ признаетъ за нимъ, однако, право налагать veto на область правонарушенія: въ этихъ видахъ—учить Шопенгауэръ—государство въ правѣ прибѣгать къ уголовной репрессіи, цѣль которой—устрашеніе правонарушителя.

Государство—не условіе нравственной свободы, а всего лишь «средство, съ помощью коего вооруженный разумомъ эгоизмъ старается избѣжать своихъ же собственныхъ, на него же обращенныхъ дурныхъ послѣдствій, при чемъ каждый споспѣшествуетъ благополучію всѣхъ, потому что видитъ въ немъ залогъ своего собственнаго благоденствія» (ibid, 416).

Государство безсильно, однако, достичь когда-либо полнаго осуществленія своей цѣли, ибо страданіе, какъ метафизическое ядро жизни, а по утоленіи его скука—неизбѣжный удѣлъ земной юдоли человѣка. Пламя людской вражды—источникъ вѣчной discordiae naturae—никогда не угаснетъ въ сердцѣ человѣка: «изгнанная извнѣ, всемогущая Эрида, обращается наружу, возвращается въ государство, какъ грозный бичъ войны, требуя въ большемъ размѣрѣ и разомъ, въ видѣ накопившагося долга, кровавыхъ жертвъ, которыя были отняты у нея въ отдѣльных случаяхъ мудрыми государственными мѣропріятіями» (ibid, стр. 417).

Таковъ, въ краткихъ чертахъ, взглядъ Шопенгауэра на природу государства, какъ носителя *временнаго правосудія*; «но со-

вершенно иное дѣло—*вѣчное правосудіе*: оно господствуетъ—по словамъ Шопенгауэра — «не въ государствѣ, а во вселенной,—независимо отъ человѣческихъ учрежденій, не подвержено случайности или ошибкамъ... непогрѣшимо и незыблемо» (ibid, стр. 417).

Антитеза между преходящимъ и вѣчнымъ міровымъ правосудіемъ, тяготѣющимъ надъ «княжествомъ тьмы въ пандемоніумѣ Мильтона», раскрываетъ нашему сознанію двоякую перспективу міропониманія—антитезу между міромъ какъ «явленіемъ» (Erscheinung) и міромъ какъ «вещью въ себѣ» (Ding an sich). Какъ явленіе, «міровой процессъ представляется Шопенгауэру проявленіемъ творческой стихійной силы—«воли къ жизни» (Wille zum Leben), проступающемъ въ нашемъ сознаніи какъ всеединое міровое начало, призывавшее къ жизни пестрый міръ явленій; эта «воля къ жизни», составляющая сущность (primum movens) всякой жизни—насквозь ненасытное влеченіе, неугомонный порывъ (Drang) — безъ цѣли, безъ мѣры, безъ основанія: она—слѣпая безотчетная жажда жить; только претвореніе ея вовнѣ отпечатлѣвается въ нашемъ мозгу, какъ явленія, подпадающія подъ тиски времени, пространства и желѣзнаго закона причинности; сама же воля къ жизни, какъ метафизическій первообразъ, какъ логическая модель міра, по природѣ своей абсолютно не зависитъ отъ времени, пространства и закона причинности, сковывающаго всѣ ея проявленія» ¹⁾.

Такъ какъ воля къ жизни, будучи по самой природѣ своей источникомъ неисцѣлимыхъ страданій, абсолютно не способна развиваться или претерпѣвать какія бы то ни было измѣненія во времени, то объ усовершенствованіи нравственнаго міропорядка не можетъ быть и рѣчи: отсюда вытекаетъ основной тезисъ пессимизма Шопенгауэра. Тезисъ этотъ гласитъ: «въ сущности всякая жизнь есть страданіе». Отправляясь отъ этого положенія, Шопенгауэръ вполне послѣдовательно приходитъ къ выводу, что небытіе міра слѣдуетъ предпочесть его бытію, и что единственный путь къ избавленію отъ мукъ и страданій жизни — абсолютное пресѣченіе міра и всякаго бытія.

¹⁾ См. мою монографію: „Пессимизмъ какъ вѣра и міропониманіе“. Опытъ критическаго анализа и классификаціи основоположеній и выводовъ пессимизма. Москва, 1908, стр. 14, 15, 16 и слѣд. (напеч. въ апрѣльской и іюньской книжкахъ „Вопросовъ Философіи“ за 1908 г.). С. Г.

Проповѣдь аскетизма, какъ пути къ полному пресѣченію воли къ жизни и «единственного лѣкарства» для избавленія отъ мукъ бытія, неизбежно приводитъ Шопенгауэра къ апологіи «космическаго самоубійства міра»: «вмѣстѣ съ отрицаніемъ и отмѣной воли,—учитъ Шопенгауэръ,—отмѣняется (въ аскетизмѣ) и все ея проявленіе, даже, наконецъ, общія ея формы — время и пространство,—а также послѣдняя ея форма — субъектъ и объектъ. Нѣтъ воли,—нѣтъ представленія, нѣтъ міра: передъ нами остается одно ничто!.. Для тѣхъ, у кого (подобно аскетамъ) воля обратилась вспять и отрицаетъ себя самое, весь этотъ нашъ столь реальный міръ со всѣми его солнцами и млечными путями превращается въ ничто!..» ¹⁾.

Пессимизмъ, какъ проповѣдь пресѣченія бытія и «космическаго самоубійства міра», не только дѣлаетъ тщетной постановку политико-соціальныхъ идеаловъ, но исключаетъ даже самую возможность соціального строительства, да и не одну только возможность, но и надобность во *всякомъ* вообще укладѣ общегитія.

«Всякое нравственное (и политико-правовое) жизнеученіе,—писалъ я въ другомъ мѣстѣ ²⁾,—каковы бы ни были его основанія и конечные выводы, возможно лишь при одномъ молчаливомъ и неотъемлемомъ условіи и покоится на одномъ постулатѣ,—что жить стоитъ, что жизнь есть наивысшее благо. Въ этомъ смыслѣ всякая мораль, (какъ и всякая политико-правовая философія)—оптимистична, такъ какъ она говоритъ міру и жизни побѣдное «да» и такимъ путемъ впервые создаетъ возможность сознательнаго и разумнаго прогресса, направленнаго на достиженіе возможнаго максимума человѣческаго счастья. Безъ этого молчаливаго постулата жизни, безъ этой апологіи міра немыслима никакая этика, никакая культура, потому что всякая мораль и культурный ростъ человѣчества возможны и нужны лишь постольку, поскольку признается нужнымъ и цѣннымъ земное существованіе человѣка»... Проповѣдуя отреченіе отъ міра, отрицая самую надобность жизни и культуры, пессимизмъ дѣлаетъ невозможной да и ненужной самую постановку соціальныхъ

¹⁾ Ibid., стр. 37—39.

²⁾ Ibid., стр. 40—44. Ср. также мое изслѣдованіе „Нравственная философія Шопенгауэра“. Критика основныхъ началъ философіи Шопенгауэра. Изданіе П. П. Софкина. Сиб. 1901, стр. 84—94. С. Г.

идеаловъ и ставить крестъ надъ культурными стремленіями и политико-правовыми нормами всякаго общежитія. Нельзя печаловаться объ усовершенствованіи соціального типа человѣка, нельзя проповѣдовать борьбу за соціальное счастье человѣчества, проповѣдуя въ то же самое время отреченіе отъ жизни и пресѣченіе всякаго бытія.

Политико-правовое *credo* Шопенгауэра, поскольку оно покоится на философскихъ предпосылкахъ его пессимизма, разрѣшается, такимъ образомъ, въ непримиримую внутреннюю антиномію (одновременное признаніе и отрицаніе культуры и соціального прогресса).

Тезисъ этой антиноміи гласитъ: послѣдняя цѣль мірового процесса состоитъ въ абсолютномъ пресѣченіи всякаго бытія и аскетическомъ отреченіи отъ жизни: поэтому всѣ усилія человѣческой культуры должны сводиться не къ подтвержденію, а, наоборотъ, къ полному отрицанію всякихъ проблесковъ воли къ жизни, а такъ какъ соціально-политическіе постулаты человѣчества лелѣютъ мечту о достиженіи возможнаго максимума человеческого счастья и стремятся къ *утвержденію* воли къ жизни путемъ усовершенствованія соціального уклада общежитія, то, слѣдовательно, они идутъ въ разрѣзъ съ конечной цѣлью мірового процесса (абсолютнымъ пресѣченіемъ всякаго бытія) и тѣмъ самымъ *отдаляютъ* человѣчество отъ перехода міра изъ нѣчто въ ничто.

Такъ гласитъ тезисъ. Антитезисъ, напротивъ, утверждаетъ: такъ какъ цѣль всякаго государственнаго общежитія — общественное благополучіе, а несправедливость и всякое правонарушеніе, угрожая общественному благополучію, причиняютъ намъ боль, отрицая, подавляя въ насъ нашу волю къ жизни, то право должно быть обороной отъ всякой несправедливости; такъ какъ, далѣе, наиболѣе цѣлесообразнымъ и «усовершенствованнымъ» юридическимъ средствомъ для достиженія этой цѣли служить «государственный уговоръ или законъ», то въ немъ и должно почерпать свой *raison d'être* государство, какъ «общественный намордникъ», сдерживающій ненасытный эгоизмъ гражданъ; а такъ какъ изъ всѣхъ формъ государственнаго общежитія «наслѣдственная монархія» ближе всего отвѣчаетъ этой цѣли, то эта послѣдняя форма правленія и должна быть признана наиболѣе пригоднымъ «средствомъ, съ помощью коего вооруженный

разумомъ эгоизмъ старается избѣжать своихъ же собственныхъ на него же обращенныхъ послѣдствій» и тѣмъ самымъ способствовать возможно болѣе интенсивному *подтвержденію* воли къ жизни.

Тезисъ постулируетъ абсолютное пресѣченіе міра и проповѣдуетъ полное *отрицаніе* воли къ жизни; антитезисъ, напротивъ, отправляется отъ апологіи бытія и постулируетъ государственный укладъ общежитія какъ «усовершенствованное методическое средство» для болѣе утонченнаго и рафинированнаго *подтвержденія* воли къ жизни; тезисъ исключаетъ *toto genere* всякую, вообще, возможность культурнаго роста человѣчества, всякую надобность въ какомъ бы то ни было укладѣ государственнаго общежитія и, превращая міръ въ кладбище заживо погребенныхъ соціальныхъ стремленій, съ логической неизбѣжностью разрѣшается въ проповѣдь вселенскаго соціального анархизма; антитезисъ, напротивъ, постулируетъ «наслѣдственную монархію» какъ единственный пріемлемый типъ соціального строительства и, превращая государство въ «общественный намордникъ», съ логической неизбѣжностью разрѣшается въ проповѣдь соціально-политическаго монархизма.

Указанная внутренняя антиномія между нравственными постулатами и политико-правовыми воззрѣніями Шопенгауэра, антиномія,—насколько мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно,—ускользавшая даже отъ самыхъ проницательныхъ историковъ философіи права и до сихъ поръ еще не нашедшая себѣ сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія въ богатой литературѣ о Шопенгауэрѣ, невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе критика какъ совершенно исключительная и едва ли не *единственная* въ исторіи философіи права абerraція философскаго мышленія. Съ этой стороны неудачная попытка Шопенгауэра построить своеобразную конструкцію «государства - намордника» (конструкцію, за вѣдомо несостоятельную по самой логической структурѣ своей) и примирить ее съ апологіей небытія пріобрѣтаетъ особый интересъ и поучительную тенденцію для историка судебъ русской философской мысли,—благодаря близкому родству между нравственными воззрѣніями Шопенгауэра и Льва Николаевича Толстого: въ этомъ смыслѣ сходство между нравственнымъ жизнепониманіемъ Шопенгауэра и Толстого—явленіе далеко, конечно, не случайное въ глазахъ историка пессимизма: оно не-

избѣжно вытекаетъ изъ всей логической конструкціи пессимизма, какъ несостоятельнаго, по самой природѣ своей, спекулятивнаго построения, разрѣшающагося *toto genere* въ апологію соціального небытія и исключаящаго въ корнѣ *ratio essendi* всякой культуры, всякаго прогресса и соціального строительства: «Отрицая государство, семью и собственность, — писалъ я въ другомъ мѣстѣ о пессимизмѣ Л. Н. Толстого, — эти корни, питающіе древо всякаго человѣческаго общежитія, отрицая самую надобность земного существованія человѣка, Толстой проповѣдуетъ, однако, въ то же самое время (какъ и Шопенгауэръ) дѣятельную любовь къ людямъ, требуя въ то же самое время подтвержденія воли къ жизни».

Въ этомъ смыслѣ «оба мыслителя (Шопенгауэръ и Толстой) впадаютъ въ непримиримую внутреннюю антиномію: оба они требуютъ, съ одной стороны, полного *отреченія отъ міра и пресѣченія жизни*, а, съ другой стороны, проповѣдуютъ состраданіе и дѣятельную любовь къ людямъ, требуя интенсивнаго *подтвержденія воли къ жизни*. Съ этой стороны не только Шопенгауэровъ, но и всякій, вообще, пессимизмъ, поскольку онъ требуетъ отрицанія жизни и міра, съ логической неизбежностью разрѣшается въ указанную внутреннюю антиномію — одновременное требованіе и отрицаніе жизни» ¹⁾.

Коренная ошибка (*прѳтерон* *φεῦδος*) ученія Шопенгауэра и Л. Н. Толстого о государствѣ, разрѣшающагося въ непримиримую внутреннюю антиномію, кроется, — какъ я показалъ это въ другомъ мѣстѣ, — въ логически несостоятельномъ (на ихъ языкѣ) понятіи «прогресса» какъ темы міровой исторіи ²⁾: въ ту же самую антиномію неизбежно разрѣшается всякій пессимизмъ, поскольку онъ постулируетъ «космическое самоубійство» — какъ послѣднюю цѣль, вѣнчающую куполъ міровой исторіи. Единственный типъ государственнаго общежитія, логически возможный съ точки зрѣнія проповѣди пресѣченія бытія и отрицанія воли къ жизни — *государство-скитъ*, монастырь; единственный типъ нравственнаго канона, пріемлемый съ точки зрѣнія аполо-

¹⁾ См. мою бесѣду съ Максомъ Нордау о пессимизмѣ Л. Н. Толстого въ моемъ письмѣ изъ Парижа, напечат. въ № 198 „Новостей“ за 1902 г., стр. 2.

²⁾ Болѣе подробный разборъ указанной антиноміи читатель найдетъ въ моей монографіи „Пессимизмъ какъ *вѣра* и *міропониманіе*“. М. 1908, стр. 16—17.

гѣи небытія—этика нигилизма съ ея суровой проповѣдью аскетическаго подавленія всякихъ проблесковъ воли къ жизни.

Для правильной оцѣнки исторической перспективы пессимизма Шопенгауэра и Л. Н. Толстого весьма характерна одна поучительная черта, присущая жизнепониманію обоихъ мыслителей: въ философіи Шопенгауэра, какъ и въ проповѣди Л. Н. Толстого, антиномія между нравственными воззрѣніями и политико-соціальными постулатами находитъ себѣ примиреніе въ высшемъ синтезѣ—этикѣ состраданія и дѣятельной любви къ людямъ, философія міровой скорби разрѣшается въ проповѣдь вселенской любви къ человѣку.

Нельзя, однако, возлюбить ближняго своего, не возлюбивъ самой жизни, какъ наивысшаго самоцѣннаго блага: «нельзя проповѣдовать любовь къ людямъ,—писалъ я въ другомъ мѣстѣ¹⁾»,—проповѣдуя въ то же время отвращеніе ко всему живущему, ненависть къ самой жизни... Проповѣдовать любовь къ людямъ на ряду съ отрицаніемъ самой жизни—значитъ проповѣдовать любовь на кладбищахъ, среди мертвецовъ!..» Безъ апологіи міра немыслима никакая этика, невозможно никакое соціальное строительство: пессимизмъ, въ смыслѣ проповѣди небытія и аскетическаго пресѣченія воли къ жизни, исключаетъ *toto genere* всякую этику, потому что всякая мораль, всякая соціальная философія прежде всего—оптимистична и въ этомъ смыслѣ разрѣшается въ апологію жизни, какъ наивысшаго самоцѣннаго блага: законъ вселенской любви, эросъ—въ Платоновомъ смыслѣ этого слова—въ то же время непреложный законъ соціальной любви къ человѣку: только въ немъ почерпаетъ свое обоснованіе всякое соціальное творчество: безъ этой любви къ человѣку, безъ вѣры въ соціальное безсмертіе личности и самодовлѣющую цѣнность жизни, какъ наивысшаго блага—мертвы всѣ скрижали соціальной этики, бесплодна всякая борьба за земное счастье и соціальное усовершенствованіе человѣка... Интуитивнымъ чутьемъ великаго художника-моралиста Левъ Толстой прозрѣлъ эту истину, примирившую его съ жизнью и подавившую поднятый имъ въ душѣ бунтъ противъ міра. Въ этомъ смыслѣ весьма поучительны драгоцѣнныя строки «русскаго Шопенгауэра», которые

¹⁾ Ср. мое изслѣдованіе „*Нравственная философія Шопенгауэра*“. Критика основныхъ началъ философіи Шопенгауэра. Изданіе П. П. Сойкина. Спб., 1901, стр. 84—94.

я позволю себѣ привести дословно, заимствуя ихъ изъ письма ко мнѣ Л. Н. Толстого: «Всегда считалъ жизнь величайшимъ благомъ, за которое нельзя быть достаточно благодарнымъ» — пишетъ великій старецъ въ письмѣ ко мнѣ, датированномъ 3 марта 1909 года: «Чѣмъ больше живу и чѣмъ больше приближаюсь къ смерти, тѣмъ сознаніе этого блага становится во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе ¹⁾».

Одинъ изъ «послѣднихъ моги канъ пессимизма» — Эдуардъ Гартманъ, — доведшій въ своей «Философіи безсознательнаго» пессимистическіе постулаты Шопенгауэра до *pes plus ultra*, идетъ еще дальше и утверждаетъ, что въ сущности «пессимизмъ есть лишь неправомѣрное употребленіе слова «оптимизмъ»».

То же психологическое противорѣчіе сказалось и въ социальномъ обликѣ Шопенгауэра: драматическій расколъ между философіей «западнаго Будды» и политической обстановкой его вѣка посѣялъ въ душѣ этого печальника о человѣкѣ непримиримый разладъ между міромъ, какъ *представленіемъ*, и міромъ, какъ *волей*, между міромъ, какъ онъ жилъ въ его представленіи, и міромъ, какъ жилъ въ немъ онъ самъ со своей неукротимой волей и безудержнымъ ураганомъ страстей, радостей и страданій: отверженный семьей и академической средой, одинокимъ отшельникомъ жилъ и умеръ этотъ «неукротимый укротитель міра» — чуждаясь бурной политической жизни своей родины, жилъ въ себѣ, въ своемъ призрачномъ «мірѣ какъ представленіи», не зная любви и радостей семейнаго счастья. Когда въ 1848 году надъ его родиной пронесся грозный ураганъ революціи, и вся передовая Германія проливала на баррикадахъ кровь за свободу, онъ — краса и гордость своего вѣка и народа — переживалъ въ своей душѣ другую, еще болѣе грозную и сокрушительную революцію — неугасимый бунтъ противъ міра, какъ юдоли зла, неисцѣлимыхъ страданій и безсмысленной суеты жизни...

«Чего только мы не пережили!» — патетически восклицаетъ Шопенгауэръ въ письмѣ къ своему «первому апостолу» — Юліусу Фрауэнштедту, датированномъ 2 марта 1849 года: «вообра-

¹⁾ Позволяю себѣ привести драгоцѣнныя строки изъ письма ко мнѣ великаго писателя въ виду ихъ исключительнаго психологическаго и автобіографическаго интереса.

зите себѣ баррикаду на мосту и защитниковъ ея, стоящихъ вплоть до самого моего дома, цѣлящихъ и стрѣляющихъ въ войска, занимающія Фааргассе, отвѣтные выстрѣлы, потрясающіе домъ, ревъ голосовъ у запертой двери моей комнаты...» ¹⁾—такъ описываетъ Шопенгауэръ съ эпическимъ спокойствіемъ безстрастнаго историка одинъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ народнаго возстанія въ памятный день 18 сентября...

«Чего только *мы* не пережили!» — Какая горькая иронія звучитъ въ этомъ «*мы*»!..

Чужой въ семьѣ своей, чуждый своей родинѣ, ея политическимъ тревогамъ и радостямъ, чуждый всему міру, этому «княжеству тьмы въ пандемоніумѣ Мильтона», онъ,—этотъ непримиримый врагъ жизни,—не зналъ, не сознавалъ, какая глубокая и величественная симфонія соціальныхъ восторговъ звучитъ въ этомъ побѣдномъ «*мы*!» Словно равнодушный зритель, безстрастно наблюдалъ онъ волнующееся море головъ, море сердецъ, слившихся на баррикадахъ въ одномъ біеніи, въ одномъ порывѣ. Что были для него невѣдомые ему восторги и побѣдные клики его братьевъ, проливавшихъ кровь въ борьбѣ за свободу родины? Вѣдь *его* родиной былъ весь «міръ какъ воля и представленіе»!..

И кто знаетъ—быть можетъ въ эти минуты «франкфуртскій отшельникъ» мучительнѣе, чѣмъ когда-либо, переживалъ острую тоску одиночества, сознавая со жгучей болью, какая глубокая пропасть легла въ его душѣ между двумя непримиримыми врагами: «*я*» и «*мы*»!.. Такъ жилъ, такъ переживалъ міровую драму этотъ одинокій узникъ, томившійся въ мрачномъ «пандемоніумѣ Мильтона»...

«Когда германское юношество проливало кровь за свободу родины,—говоритъ Куно Фишеръ,—Шопенгауэръ, какъ будто онъ совершенно не принадлежалъ къ этому юношеству, удалился въ философское уединеніе въ Рудольфштадтъ и написалъ сочиненіе о законѣ достаточнаго основанія». Въ своемъ *curriculum vitae* онъ заявилъ, что «его отечество обширнѣе, чѣмъ Германія, и что онъ призванъ служить человечеству не кулакомъ, а головою» ²⁾,

1) См. Куно Фишеръ: „Артуръ Шопенгауэръ“. Изд. Моск. Психол. Общ. М. 1896, стр. 93.

2) См. Куно Фишеръ: „Артуръ Шопенгауэръ“. Изд. Моск. Психол. Общ. М. 1896, стр. 30—31.

«Обширнѣе, чѣмъ Германія!» Да вѣдь его отечествомъ былъ «весь міръ со всѣми его солнцами и млечными путями», весь этотъ «столь реальный міръ», сотканный изъ свѣтлыхъ грезъ художника-мыслителя!.. И въ *этомъ* мірѣ, въ мірѣ Платоновыхъ идей,—Шопенгауэръ чувствовалъ себя не одинокимъ узникомъ, а гордымъ «побѣдителемъ міра» и глубже, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, сознавалъ всю мощь, всю красоту интеллектуальной любви къ человѣку...

Равнодушный къ землѣ съ ея призрачными радостями и скорбями, Шопенгауэръ былъ въ этомъ безплотномъ мірѣ «никогда не бывающихъ и всегда пребывающихъ идей» отважнымъ полководцемъ, бросившимъ смѣлый вызовъ «міру какъ волѣ», волшебствомъ своей силы и немеркнувшимъ блескомъ мрачнаго генія увлекъ онъ народныя массы на грозный бой за свободу страждущаго человѣчества, скованнаго желѣзными цѣпями «всеединой міровой воли».

Когда—незадолго передъ смертью—друзья угасавшаго философа спросили его, —гдѣ бы онъ желалъ покоиться послѣ смерти, Шопенгауэръ отвѣтилъ: «Все равно: они найдутъ меня» ¹⁾).

«Они найдутъ меня!»—какимъ безоблачнымъ величіемъ вѣетъ отъ этихъ трогательныхъ словъ!.. Какой ликующій благовѣстъ жизни звучитъ въ этомъ радостномъ предвкушеніи соціального безсмертія!..

И кто знаетъ,—быть можетъ, въ минуту разлуки съ міромъ, когда похолодѣвшія старческія уста философа безпомощно прошептали послѣднее «прости»,—быть можетъ, только тогда—въ первый и послѣдній разъ—два лютыхъ, ненавистныхъ врага его—«я» и «мы»—слились воедино въ послѣднемъ біеніи сердца и нашли себѣ, наконецъ, примиреніе въ послѣднемъ вздохѣ, какъ въ высшемъ синтезѣ соціальной любви къ человѣку ²⁾).

Семень Грузенбергъ.

¹⁾ См. Куно Фишеръ: „Артуръ Шопенгауэръ“. Изд. Моск. Псих. Общ. М. 1896, стр. 124.

²⁾ Пользуюсь случаемъ выразить признательность моимъ почтеннымъ оппонентамъ—профессору А. И. Введенскому, пр.-доценту И. И. Лапшину, Н. Г. Дебольскому и П. Б. Струве—за указанія, сдѣланныя ими въ преніяхъ по поводу настоящей статьи, прочитанной въ качествѣ доклада въ засѣданіи Петербургскаго Философскаго Общества.

Теорія способностей въ современной психологіи¹⁾.

I.

Какъ ни разнообразны направленія и теоріи современной научной психологіи, однако едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что всѣ они тщательно избѣгаютъ пользоваться въ своихъ объясненіяхъ понятіемъ «душевной способности», въ томъ, по крайней мѣрѣ, значеніи этого слова, какое было придано ему основателемъ *Vermögenstheorie* Хр. Вольфомъ и его послѣдователями. Согласно общему взгляду, метафизическое понятіе душевной способности не можетъ имѣть мѣста въ эмпирической наукѣ, какою въ настоящее время является психологія, и должно быть навсегда изгнано изъ нея, какъ былъ въ свое время изгнанъ, напр., флогистонъ изъ научной химіи. Указаніе на то, что та или иная гипотеза является, въ сущности, возвратомъ къ «старой, метафизической, давно оставленной» теоріи способностей, служить обыкновенно однимъ изъ существенныхъ аргументовъ противъ такой гипотезы въ глазахъ большинства лицъ, серьезно занятыхъ изученіемъ явленій душевной жизни²⁾. И надо сказать, что такой страхъ передъ теоріей душевныхъ способностей имѣетъ свои, очень вѣскія основанія. Постараемся резюмировать важнѣйшія изъ нихъ, пользуясь для этой цѣли главнымъ образомъ сочиненіями Гербарта³⁾ и Бенеке⁴⁾, которые больше всѣхъ другихъ сдѣлали для того, чтобы окончательно дискредитировать упомянутую теорію.

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Спб. Философскаго общества 4 декабря 1908 г.

²⁾ См., напр., Wundt. *Grundzüge d. Physiol. Psychol.* 5-te Aufl. Bd. II, S. 31.

³⁾ Гербартъ. *Психологія*. Перев. А. Нечаева. Спб. 1895 г.

⁴⁾ Beneke. *Psychologische Skizzen*. Bd. I und II.

Прежде всего, теорія способностей совершенно не оправдала того назначенія, ради котораго она была создана. Главная ея задача заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы объединить факты, добытые описательной, эмпирической психологіей, и дать имъ раціональное объясненіе. На дѣлѣ же все сводилось къ тому, что подбирали рядъ душевныхъ явленій, болѣе или менѣе похожихъ другъ на друга, и объединяли ихъ въ одну общую группу, называя эту группу особымъ именемъ, напр., память, разсудокъ, воображеніе и т. д. Затѣмъ въ основу этой группы клали особую силу или способность, которая при дѣйствіи соотвѣтствующаго раздражителя, сама изъ себя, неизвѣстнымъ образомъ, производила всѣ проявленія, относящіяся къ этой группѣ. Такимъ образомъ, пріемами, годными лишь для первоначальнаго обзора, для предварительной, сравнительно грубой классификаціи душевныхъ явленій, хотѣли воспользоваться съ цѣлью дать объясненіе этихъ самыхъ явленій. Въ результатѣ объясненіе если и получалось, то чисто словесное: сказать, что въ основѣ процесса воспроизведенія лежитъ особая способность памяти, и въ то же время не дать никакого опредѣленія этой способности, не показать, какимъ образомъ она возникаетъ и развивается, въ какомъ отношеніи находится къ другимъ способностямъ, какъ образуетъ свои проявленія,—это значитъ сказать ничего не значащій звукъ, пустое слово.

Кромѣ того, самый подборъ душевныхъ явленій и объединеніе ихъ въ общія группы производились большею частью поверхностно, на основаніи чисто внѣшняго сходства или различія, не входя въ сколько-нибудь глубокій анализъ обстоятельствъ и условій, вызывавшихъ и сопровождавшихъ данное проявленіе. Брели какой-нибудь душевный процессъ, нерѣдко очень сложный, составленный изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ (напр., аффекты, нравственныя сужденія, общественныя чувства) и прямо приписывали его той или иной элементарной способности, заботясь не столько объ анализѣ процесса, сколько о томъ, подъ какую рубрику слѣдуетъ его подвести. При этомъ совершенно не обращалось вниманія на то, что нерѣдко явленія, по своему внѣшнему виду очень сходныя (напр., различные виды аффекта гнѣва, или же напряженное, настойчивое стремленіе къ выполненію какой-нибудь задачи и т. п.), могутъ вызываться совершенно разными причинами и, сообразно этому, въ своей основѣ

и въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи рѣзко различаться другъ отъ друга. Особенно часто бываетъ это съ процессами, болѣе или менѣе сложными; но не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что иногда и простыя явленія или, вѣрнѣе, кажущіяся для нашего сознанія простыми при болѣе глубокомъ анализѣ оказываются очень и очень сложными.

Было еще одно возраженіе, представлявшее особую важность для того времени, когда названные выше авторы вели свою борьбу противъ теоріи способностей, но до нѣкоторой степени еще и теперь сохранившее свое значеніе: гипотеза душевныхъ способностей оказывалась совершенно непримѣнимой къ изученію и истолкованію душевныхъ явленій въ томъ видѣ, какъ они нами непосредственно переживаются. Всѣ тѣ процессы, которые мы можемъ наблюдать въ нашемъ сознаніи, носятъ характеръ текучести и измѣнчивости, всегда болѣе или менѣе сложны и никогда не повторяются въ одномъ и томъ же видѣ. Этимъ текучимъ и измѣнчивымъ состояніямъ сознанія противопоставляется рядъ неподвижныхъ, рѣзко обособленныхъ одна отъ другой сущностей, какимъ-то неизвѣстнымъ образомъ воздѣйствующихъ другъ на друга, но никогда не переходящихъ одна въ другую. Всякія посредствующія звенья между конкретными содержаніями душевной жизни и отвлеченными способностями, ихъ производящими, совершенно отсутствовали. Въ то же время, сообразно общему направленію мысли и интересовъ той эпохи, главный интересъ психологовъ былъ сосредоточенъ именно на разграниченіи наиболѣе основныхъ душевныхъ способностей и опредѣленіи ихъ роли и взаимодѣйствія, въ то время какъ описаніе и анализъ конкретныхъ проявленій душевной жизни мало кого привлекали. Въ противоположность естественнымъ наукамъ, наука о душевныхъ явленіяхъ восходила не отъ частныхъ явленій къ общимъ, а наоборотъ, отъ общихъ къ частнымъ, не имѣя къ тому же въ своемъ распоряженіи достаточныхъ средствъ, чтобы вывести эти частныя явленія изъ общихъ принциповъ. Въ результатъ всего этого психологія, по мѣткому выраженію Гербарта, превращалась въ миѳологію, вмѣсто того, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ она должна была бы быть, т.-е., точной индуктивной наукой.

Благодаря этимъ недостаткамъ, теорія способностей оставляла неразрѣшенными цѣлый рядъ неясностей и противорѣчій, на ко-

торыя и указывали ея противники. Такъ, напр., стараясь свести каждую группу однородныхъ душевныхъ проявленій къ дѣйствию той или иной способности, она въ то же время совершенно не занималась вопросомъ о томъ, что дѣлается съ этой способностью *до* ея проявленій: возникновеніе отдѣльныхъ способностей, исторія ихъ развитія, колебанія въ ихъ напряженности, — всѣ эти и подобные имъ вопросы оставлялись совершенно внѣ области психологическаго изслѣдованія (Бенеке).

Далѣе, по отношенію къ внѣшнимъ раздражителямъ теорія способностей предполагала, что различныя способности каждая по своему перерабатываютъ полученный извнѣ матеріалъ, одну и ту же *матерію*.

„Эту матерію чувственность должна *воспринять*, при чемъ поднимается вопросъ о причинномъ отношеніи между внѣшнимъ міромъ и человѣкомъ. Если оно отрицается, то должно будетъ признать чувственность скорѣе способностью *порождающей*. Ту же самую матерію память должна сохранить, а фантазія, не трогая этого сохраненія, представить въ новыхъ образахъ; и разумокъ, опять-таки не трогая этихъ новыхъ образовъ, долженъ образовать изъ нея понятія, а способность желанія — измѣнить ее въ желанное и ненавистное, — и опять продукты фантазіи, понятія, желанія и т. д., сохраненные памятью и смѣшанные, при случаѣ, съ новой матеріей, должны подвергнуться дѣйствию новой перерабатывающей способности. Или, если это кажется непонятнымъ, то, можетъ быть, память прячетъ въ свой чуланчикъ только одну часть матеріи, а другая часть отдается фантазіи, третья — разумку, четвертая — способности желанія и т. д.“ (Гербартъ, Учебникъ психологіи, стр. 131).

Въ описаніи и разграниченіи отдѣльныхъ душевныхъ процессовъ допускалось также много неточностей и произвольнаго. Такъ, въ своемъ стремленіи приписать всѣ, сколько-нибудь важныя проявленія душевной жизни дѣятельности особыхъ элементарныхъ способностей, психологи доходили до того, что, напр., даже такое неопредѣленное и сложное проявленіе, какъ всеобщее стремленіе къ счастью выставляли въ качествѣ простого влеченія; то же было съ самолюбіемъ, общественными чувствами и т. д. При этомъ строго раздѣляли высшія способности отъ низшихъ, проводя между тѣми и другими рѣзкую границу; эта граница въ способностяхъ представленія проходила между воображеніемъ и разумомъ, въ способностяхъ чувствованія — между чувственнымъ удовольствіемъ и эстетическимъ чувствомъ, въ способностяхъ желанія — между страстью и обдуманномъ выборомъ. Между тѣмъ, уже и тогда указывалось, а дальнѣйшіе наблю-

денія и анализы подтвердили это съ еще большей наглядностью, — до какой степени шаткой и неопредѣленной является эта пограничная линія, какъ много общихъ элементовъ заключаютъ въ себѣ высшія и низшія душевныя переживанія, и какъ постепенны и незамѣтны бываютъ переходы между ними.

Надо сказать, что въ своей борьбѣ съ теоріей способностей противники ея не ограничивались одной только критикой, а работали также и въ положительномъ направленіи, стараясь намѣтить тѣ проблемы, на разрѣшеніи которыхъ должна была сосредоточиться новая психологія, указывая новые приемы и методы, которыми при этомъ можно было бы пользоваться. И опытъ послѣдующаго полстолѣтія показалъ, насколько плодотворны были эти указанія, какъ много новаго и важнаго внесли они въ изученіе душевной жизни и дѣятельности человѣка.

Главная, наиболѣе существенная особенность совершившагося въ психологіи переворота заключалась, на нашъ взглядъ, въ томъ, что центръ тяжести психологическихъ изслѣдованій былъ перенесенъ съ изученія души и ея способностей на изученіе *явленій* сознанія и ихъ взаимоотношеній. Сторонники новаго направленія настаивали на томъ, что нельзя сразу начинать съ вершины зданія, съ конечныхъ обобщеній, надо прежде всего разобратся въ томъ дѣйствительно простѣйшемъ и основномъ, что дано намъ непосредственно, именно въ фактахъ сознанія. Эти факты необходимо изучать со всей возможной тщательностью и при томъ какъ можно болѣе подробно и обстоятельно, при чемъ методы и приемы изслѣдованія должно заимствовать, главнымъ образомъ, у естественныхъ наукъ и математики. Даже въ томъ случаѣ, если допустить существованіе способностей, какъ чего-то находящагося внѣ нашего сознанія и въ то же время лежащаго въ основѣ всѣхъ сознательныхъ процессовъ, даже и тогда придется разсматривать ихъ по аналогіи съ нашими сознательными переживаніями, т.-е., какъ тѣ же впечатлѣнія и представленія, накоплявшіяся послѣдовательно въ извѣстномъ направленіи и всякій разъ оставлявшія все новые и новые слѣды въ бессознательной сферѣ даннаго человѣка (Бенеке). Факты надо объяснять фактами же, и при томъ такъ, чтобы объясненіе носило наглядный характеръ, а не сводилось бы къ пустой, лишенной всякаго содержанія игрѣ словами.

Эта основная тенденція новаго направленія—во всѣхъ своихъ

гипотезахъ и построенияхъ придерживаться какъ можно ближе фактовъ, доставляемыхъ намъ непосредственнымъ сознаніемъ—оказалась, повторяемъ, чрезвычайной плодотворной для дальнейшей научной разработки различныхъ вопросовъ психологіи. Эмпирическому изслѣдованію данъ былъ могучій толчокъ, и цѣлый рядъ проблемъ былъ пересмотрѣнъ и изслѣдованъ съ новой точки зрѣнія.

Однако, вмѣстѣ съ этимъ придется также отмѣтить, что тѣ значительные результаты, которые въ настоящее время достигнуты экспериментальной психологіей, касаются не столько объясненія психическихъ явленій, сколько ихъ точнаго разграниченія и описанія. Психологъ-экспериментаторъ устанавливаетъ точное соотношеніе между увеличеніемъ раздраженія и соотвѣствующимъ приростомъ ощущенія, показываетъ, какимъ образомъ увеличивается время реакціи вмѣстѣ съ возрастаніемъ сложности процесса и какъ оно измѣняется въ зависимости отъ различныхъ побочныхъ условій, точно регистрируетъ періодическія колебанія вниманія, описываетъ различные виды памяти, устанавливаетъ кривую постепеннаго забыванія разъ воспринятаго впечатлѣнія или группы впечатлѣній и т. д., все въ томъ же родѣ. Когда же дѣло доходитъ до объясненія сущности, основы того или иного процесса, то, страннымъ образомъ, всѣ эти точныя описанія и подсчеты оказываются въ большинствѣ случаевъ недостаточными для того, чтобы, исходя изъ нихъ, построить сколько-нибудь законченную теорію даннаго процесса, и приходится обыкновенно пользоваться разсужденіями и соображеніями, ничего общаго съ экспериментомъ не имѣющими. Чтобы не быть голословнымъ, напомнимъ о противорѣчивыхъ толкованіяхъ Веберовскаго закона, о различныхъ теоріяхъ вниманія, о спорѣ, который до сихъ поръ существуетъ между ассоціативной теоріей памяти и теоріей самопроизвольнаго всплыванія представленій, наконецъ, о гипотезѣ Ланге-Джемса, значеніе которой, несмотря на большое число произведенныхъ съ тѣхъ поръ изслѣдованій относительно пульса и дыханія при разныхъ аффектахъ, все-таки до сихъ поръ такъ и остается неяснымъ.

Это обстоятельство служитъ нерѣдко поводомъ къ несправедливымъ нападкамъ на экспериментальный методъ, къ совершенно неправильному утвержденію, будто экспериментальныя

изслѣдованія, требуя громадной затраты труда и времени, даютъ въ результатѣ только общеизвѣстныя истины, не будучи въ состояніи сколько-нибудь способствовать разрѣшенію важнѣйшихъ психологическихъ проблемъ. Ниже намъ придется еще разъ коснуться этого вопроса, здѣсь же ограничимся лишь указаніемъ на то, что психологическій экспериментъ работаетъ именно въ томъ направленіи, которое было ему указано его родоначальниками, т.-е., въ направленіи точнаго *описанія и анализа* непосредственно воспринимаемыхъ явленій сознанія, и нѣтъ ничего удивительнаго, если, выходя изъ предѣловъ этой задачи и пытаясь указать скрытую основу этихъ явленій, онъ даетъ меньше, нежели отъ него ожидаютъ. Это не значитъ, чтобы психологическій экспериментъ былъ вовсе непригоденъ къ рѣшенію подобнаго рода вопросовъ; это значитъ только, что для этой цѣли слѣдуетъ измѣнить самый способъ его приложенія.

II.

Итакъ, старая теорія способностей подверглась справедливому осужденію, и на ея мѣсто было возведено зданіе новой, научной психологіи, основанной прежде всего на точномъ и обстоятельномъ изученіи явленій сознанія.

Однако, если мы зададимъ себѣ вопросъ, дѣйствительно ли удалось теорію способностей совершенно и безслѣдно изгнать изъ научной психологіи, то къ удивленію придется дать на это отрицательный отвѣтъ: слѣды теоріи способностей, въ большей или меньшей степени, въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ, можно найти какъ у прежнихъ, наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ этой теоріи, такъ и у нѣкоторыхъ выдающихся психологовъ нашего времени.

Бенеке, подвергая рѣзкой критикѣ старую теорію способностей, въ то же время самое понятіе способности, какъ чего-то не признаваемого нами непосредственно, но лежащаго въ основѣ сознательныхъ явленій, считаетъ не только полезнымъ, но даже необходимымъ для научной психологіи. Мнѣніе это онъ основываетъ на двухъ соображеніяхъ: во-первыхъ, «изъ ничего—ничего не бываетъ», и возникновеніе въ нашемъ сознаніи представленій, чувствъ, желаній и т. п. должно имѣть какой-нибудь исходный пунктъ, какое-нибудь реальное основаніе; во-вторыхъ,

въ сознаніи каждаго человѣка наблюдаются отъ времени до времени пустые промежутки, которые, въ силу потребности научнаго объясненія, должны быть такъ или иначе заполнены ¹⁾).

Способности, по мнѣнію Бенеке, являются наиболѣе стойкими и постоянными элементами нашей душевной жизни. Правда, его понятіе способности значительно отличается отъ того, что раньше называли этимъ именемъ. У Бенеке мы имѣемъ дѣло скорѣе со слѣдами прежнихъ впечатлѣній, сохраняющимися въ безсознательной сферѣ, съ разнообразными навыками, образовавшимися вслѣдствіе продолжительной дѣятельности въ томъ или иномъ направленіи, и оказывающими вліяніе на дальнѣйшую дѣятельность. Но въ этомъ измѣненномъ видѣ Бенеке не только считаетъ необходимымъ защищать понятіе душевной способности, но и подвергаетъ его дальнѣйшей детальной разработкѣ. Такъ, по его мнѣнію, существуютъ первичныя, врожденныя способности (*Urvermögen*), присущія человѣку еще до перваго опыта, напр., способность зрѣнія вообще. Отъ нихъ слѣдуетъ отличать *Angelegtheiten*, или наклонности, образовавшіяся уже впослѣдствіи, по мѣрѣ того какъ слѣды опыта, результаты раздраженій извѣстнаго рода отлагались послѣдовательно на первичной способности; примѣръ—способность созерцанія зеленого цвѣта. Далѣе, различаются *Bildungsmoment*—то внѣшнее воздѣйствіе (напр., свѣтовое или слуховое раздраженіе), благодаря которому способность начинаетъ проявляться въ сознаніи, и *Bildungsprocess*, т.-е., самый способъ возникновенія этихъ сознательныхъ проявленій и т. д. ²⁾

Болѣе радикальнымъ въ данномъ отношеніи является Герbartъ, совершенно отрицающій за понятіемъ душевной способности какое бы то ни было положительное значеніе. Однако, и у этого наиболѣе сильнаго противника разбираемой теоріи мы находимъ нѣкоторыя понятія, сильно напоминающія то самое ученіе, противъ котораго онъ борется. Такъ, по мнѣнію Гербарта, представленія, будучи вытѣснены изъ сознанія, «превращаются въ стремленіе къ представиванію и, какъ такое стремленіе, они продолжаютъ не уменьшаясь, отчего ихъ представляемое должно снова возвратиться, коль скоро будутъ побѣ-

¹⁾ Beneke, loco cit, стр. 11—13.

²⁾ Beneke, loco cit, стр. 49—54.

ждены препятствія, которыми они стѣснялись ¹⁾. Это стремленіе къ представливанію отнюдь нельзя считать аналогичнымъ самому представленію и лишь происходящимъ въ безсознательной сферѣ; напротивъ, оно опредѣляется, какъ «дѣятельность, продолжающаяся въ то время, какъ ея эффектъ, который она приносила бы въ силу своихъ свойствъ, удерживается чѣмъ-нибудь чуждымъ». Далѣе еще разъ подчеркивается, что «стремленія къ представливанію никогда не являются въ сознаніи непосредственно, потому что, превращаясь въ стремленіе, представленія тотчасъ же вытѣсняются изъ сознанія» (ibid, стр. 119).

По поводу этихъ «стремленій къ представливанію», недоступныхъ непосредственно нашему сознанію и въ то же время лежащихъ въ основѣ всѣхъ сознательныхъ процессовъ, Бенеке справедливо замѣчаетъ, что они представляютъ собою, въ сущности, не что иное, какъ тѣ же душевныя способности. И если Гербартъ, тѣмъ не менѣе, считалъ возможнымъ, не входя въ дальнѣйшій анализъ названнаго понятія, пользоваться имъ при построеніи своей механики представленій, то это происходило, какъ намъ кажется, по слѣдующей причинѣ. Психологія Гербарта опредѣляется имъ самимъ, какъ «наука, основанная на опытѣ, метафизикѣ и математикѣ». Согласно же метафизикѣ Гербарта, отдѣльныя представленія суть не что иное, какъ самосохраненія души, оберегающей себя отъ нарушенія со стороны другихъ простыхъ качественныхъ реальностей. Поэтому «очень легко понимаемымъ метафизическимъ основаніемъ, по которому противоположныя представленія сопротивляются другъ другу, служить *единство души*, самосохраненіями которой они являются» (ibid., стр. 110). Нужно ли объяснить борьбу и взаимодействіе представленій, или возникновеніе ихъ въ сознаніи, или вышеупомянутое стремленіе къ представливанію, или, наконецъ, непосредственно сознаваемое единство нашего «я», всюду выдвигается этотъ основной принципъ, именно дѣятельность и единство души, какъ реальной основы всѣхъ нашихъ душевныхъ переживаній.

Само собою разумѣется, что послѣдующая эмпирическая и фізіологическая психологія не могла уже довольствоваться такого рода объясненіями. На смѣну «стремленія души къ представи-

¹⁾ Гербартъ, loco cit, стр. 56.

ванію» явились ученія объ активной апперцепціи или о непосредственномъ воздѣйствіи фізіологическаго субстрата на теченіе душевныхъ явленій. Ниже мы постараемся показать, что и эти попытки объясненія все же едва ли удачно восполнили пробѣлъ, оставшійся въ психологіи за изгнаніемъ душевныхъ способностей.

Итакъ, психологи, наиболѣе способствовавшіе ниспроверженію теоріи способностей, оказываются сами не вполне свободными отъ ея вліянія и понятій. Но, быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что упомянутая теорія была еще слишкомъ близка къ нимъ, что они еще не успѣли вполне отрѣшиться отъ ея взглядовъ и предразсудковъ? Однако, если мы обратимся къ нѣкоторымъ изъ современныхъ намъ психологовъ, то увидимъ, что и у нихъ приходится отмѣтить то же самое.

Много чертъ, напоминающихъ теорію способностей, находимъ мы у Липпса ¹⁾. По мнѣнію этого автора, психологія есть ученіе о явленіяхъ или феноменахъ сознанія. Но такъ какъ «явленія всегда предполагаютъ существованіе чего-то являющагося въ нихъ», то задача психологіи сама собою раздѣляется на двѣ части. Первая часть чисто описательная; она состоитъ въ регистрированіи, анализѣ, сравненіи и приведеніи въ систематическій порядокъ обнаруживаемыхъ нами содержаній сознанія, а также въ открытіи закономерности, которую можно непосредственно въ нихъ замѣтить. Вторая часть, объяснительная, заключается въ установленіи причинной связи между содержаніями сознанія. Эта послѣдняя задача необходимымъ образомъ выводитъ психологію за предѣлы сознанія, такъ какъ всякая причинная зависимость есть отношеніе необходимой связи между фактами *объективной дѣйствительности*, а не между субъективными переживаніями. Другими словами, причинное соединеніе переживаній сознанія есть и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ причиннымъ соединеніемъ нѣкоторой реальности, непосредственно нами не сознаваемой; эта послѣдняя лежитъ въ основѣ переживаній сознанія, которыя и мыслятся нами, какъ ея «явленія» (стр. 10—11). Липпсъ называетъ ее «реальнымъ я», «личностью», «психическимъ индивидуумомъ», «душой» и т. д. Само собою разумѣется, что различныя особенности и качества этого «реальнаго я» мы не

1) Т. Липпсъ. Руководство къ психологіи. Перев. Лихарева. Спб. 1907.

можемъ познавать непосредственно, а можемъ только мыслить, исходя при этомъ изъ явленій сознанія; качества реального «я» всегда останутся для насъ ничѣмъ инымъ, какъ *склонностями* или возможностями того или иного сознательнаго переживанія. Однако, это обстоятельство ничуть не опровергаетъ необходимости мыслить «реальное я»: вѣдь и реальный субстратъ физическихъ явленій—матерія—можетъ быть познаваемъ нами только посредственнымъ путемъ, именно, при помощи изученія и анализа самыхъ явленій (стр. 13—14).

Это различіе между явленіями сознанія и ихъ реальнымъ субстратомъ Липпсъ проводитъ съ чрезвычайной настойчивостью и послѣдовательностью. Такъ, напр., онъ указываетъ на то, что, говоря объ ассоціаціи сходства, слѣдуетъ имѣть въ виду сходство не содержаній сознанія, а тѣхъ реальныхъ процессовъ, которые лежатъ въ ихъ основѣ. Тотъ способъ, какимъ содержанія ощущеній и представленій соприкасаются или соединяются другъ съ другомъ въ сознаніи, имѣетъ для него въ данномъ случаѣ второстепенное значеніе; бываетъ даже, что два процесса, сходные въ своей основѣ, проявляются въ сознаніи не вполне одинаково, и тѣмъ не менѣе, ассоціируются другъ съ другомъ по сходству (стр. 57—59). Точно такое же объясненіе получаетъ у него чувство времени, расположеніе нашихъ душевныхъ переживаній во временной послѣдовательности. Основу здѣсь составляетъ непрерывно прогрессирующее преобразование тѣхъ процессовъ, которые въ своей совокупности составляютъ наше «реальное я»; «сознательнымъ коррелятомъ стадіи, болѣе удалившейся впередъ, является сознаніе о *раньше*, сознательный же коррелятъ менѣе далекой стадіи состоитъ въ сознаніи о *позже*» (98—99).

По мнѣнію Іерузалема ¹⁾, факты заставляютъ насъ различать, съ одной стороны, явленія или переживанія сознанія, воспринимаемые нами непосредственно, а съ другой—психическія склонности или предрасположенія. Эти послѣднія недоступны непосредственному воспріятію и являются, такимъ образомъ, чисто вспомогательными понятіями, образованными по аналогіи съ понятіемъ потенціальной энергіи. Въ основѣ ихъ лежитъ упражненіе, къ которому и сводится, въ концѣ концовъ, образованіе

¹⁾ Руководство психологіи. Спб. 1907 г.

всякаго рода психическихъ (а также и фізіологическихъ?) способностей. При этомъ опредѣленно указывается, что было бы совершенно неправильнымъ видѣть въ психическихъ склонностяхъ тѣ же явленія сознанія (напр., представленія), только опустившіяся ниже порога сознанія и ждущія подходящаго момента, чтобы вновь появиться. Слѣдуетъ различать склонности психическія и фізіологическія. Въ основѣ всѣхъ важнѣйшихъ проявленій душевной жизни лежатъ особыя склонности, иногда психическія, иногда фізіологическія, а чаще и тѣ и другія вмѣстѣ. Что касается, наконецъ, отношенія психическихъ склонностей къ нашему я или непосредственно воспринимаемому единству сознанія (стр. 13), то на этотъ счетъ мы не находимъ въ названномъ сочиненіи достаточно ясныхъ указаній.

У другихъ авторовъ мы находимъ значительныя разногласія какъ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вообще считать понятіе душевныхъ способностей чѣмъ-то отличающимся отъ понятія психическихъ переживаній, такъ и по вопросу о сущности или причинѣ душевныхъ способностей.

Такъ, Тиченеръ ¹⁾ видитъ въ склонностяхъ «явленія, исключительно принадлежащія къ области фізіологіи и біологіи», но въ то же время имѣющія важное значеніе и для науки о душевной жизни. Физическія склонности, «такъ сказать, указываютъ пути, которыми обыкновенно слѣдуютъ душевные процессы. Душевные процессы не обязаны своимъ возникновеніемъ этимъ склонностямъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ специфическое ощущеніе краснаго цвѣта обязано своимъ возникновеніемъ особенному возбужденію сѣтчатой оболочки и зрительнаго центра въ мозгу; но эти склонности прорѣзываютъ каналы (!), по которымъ движется потокъ сознательныхъ процессовъ, а слѣдовательно опредѣляютъ направленіе, которое долженъ принять этотъ потокъ». И далѣе: «хотя тѣлесныя наши склонности никогда не становятся сознательными—самонаблюденіе не обнаруживаетъ никакого специфическаго процесса, соотвѣтствующаго этимъ склонностямъ,—но мы встрѣчаемъ такія душевныя явленія, которыя можно совершенно законнымъ образомъ привести въ связь съ тѣми несомнѣнными біологическими фактами, которымъ дается названіе «склонностей». Такимъ путемъ мы, какъ психологи, мо-

¹⁾ Очерки психологіи. Перев. Чепинской. Спб. 1898 г.

жемъ убѣдиться въ существованіи склонностей, хотя лишены возможности непосредственно испытывать ихъ». Такимъ же точно образомъ, «узнавъ изъ біологіи о существованіи склонностей, мы можемъ считать ихъ условіями душевнаго склада и на основаніи ихъ объяснять фундаментальныя различія между душами, чего иначе не въ состояніи были бы сдѣлать» (стр. 88—91).

Юдль ¹⁾ считаетъ неправильными какъ установленіе многихъ обособленныхъ способностей, такъ и попытки свести все разнообразіе душевной жизни къ дѣйствию одной какой-нибудь основной способности, напр., способности ощущенія, представленія, воли и т. п.; болѣе тщательный анализъ показываетъ намъ, что при такомъ выведеніи различныхъ сложныхъ функцій изъ одной простѣйшей мы невольно уже съ самаго начала молчаливымъ образомъ предполагаемъ существованіе тѣхъ особенностей, которыми характеризуется данная сложная функція. Въ виду этого Юдль предлагаетъ принять установившееся тройное дѣленіе на умъ, чувство и волю. При этомъ однако онъ указываетъ, что «ощущеніе, чувство и стремленіе являются не отдѣльными силами или способностями, а лишь тремя различными формами или способами проявленія общаго процесса первичной психической реакціи у человѣка; въ этомъ процессѣ, въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій, то одна, то другая сторона является болѣе выраженной и благодаря этому выдѣляется нами, какъ нѣчто самостоятельное,—либо непосредственно, либо путемъ логической абстракціи, въ цѣляхъ научнаго изслѣдованія». На самомъ же дѣлѣ во всякомъ психическомъ процессѣ неизмѣнно присутствуютъ, въ большей или меньшей степени, всѣ три стороны первичной психической реакціи. И только въ болѣе сложныхъ переживаніяхъ, благодаря включенію большого количества промежуточныхъ звеньевъ, эти стороны одного и того же процесса кажутся намъ раздѣленными и обладающими извѣстной самостоятельностью (стр. 128—139).

Наконецъ, цѣлый рядъ другихъ авторовъ видитъ въ понятіи душевной способности исключительно только классификаціонный терминъ, своего рода ярлыкъ для обозначенія группы сходныхъ между собою явленій. При этомъ тщательно указывается, что нельзя разсматривать отдѣльныя способности, какъ самостоятельныя, другъ отъ друга обособленные факторы, при чемъ

¹⁾ Lehrbuch der Psychologie. Stuttgart. 1896.

въ доказательство этого выдвигаются обыкновенно слѣдующія два положенія: во-первыхъ, непосредственное сознаніе каждаго человѣка свидѣтельствуеть о единствѣ душевныхъ переживаній, о томъ, что всякій психическій процессъ непременно относится нами къ нашему я, какъ воспринимающему, чувствующему и реагирующему центру; во-вторыхъ, во всякомъ безъ исключенія психическомъ актѣ мы встрѣчаемъ непременно всѣ три основныя способности или стороны душевной жизни, ощущеніе, чувство, стремленіе, и только путемъ отвлеченія, благодаря преобладанію той или иной стороны, можно выдѣлить ее, какъ нѣчто самостоятельное.

Интересенъ этотъ второй доводъ, который принадлежитъ къ числу излюбленныхъ и приводится очень часто. Ниже читатель увидитъ, что мы сами отнюдь не склонны признавать полной самостоятельности отдѣльныхъ душевныхъ способностей и, не предрѣшая заранѣе окончательно этого вопроса, думаемъ однако, что между ними существуютъ вполне опредѣленные взаимоотношенія, сводящіяся въ концѣ концовъ къ функціональному, а можетъ быть и генетическому единству. Однако мы въ то же время никакъ не можемъ признать убѣдительнымъ то соображеніе, что если проявленія отдѣльныхъ способностей (геср. отдѣльныхъ сторонъ или формъ душевной жизни) всегда встрѣчаются вмѣстѣ, то это значитъ, что и самыя способности представляютъ нѣчто единое, однородное. Вѣдь ученіе о способностяхъ или склонностяхъ неизбѣжно предполагаетъ, что каждая способность имѣеть своихъ опредѣленныхъ возбудителей, внѣшнихъ или внутреннихъ. А такъ какъ окружающая насъ внѣшняя среда, точно такъ же какъ и внутренняя (содержаніе сознанія) всегда отличается крайней сложностью, то нѣтъ ничего удивительнаго, если въ каждый данный моментъ имѣются налицо возбудители всѣхъ нашихъ основныхъ способностей. Правда, степень вліянія различныхъ возбудителей въ разное время можетъ очень рѣзко измѣняться, но вѣдь этому какъ разъ и соотвѣтствуетъ то обстоятельство, что въ каждомъ психическомъ процессѣ мы находимъ болѣе выраженными то однѣ, то другія стороны. Такимъ образомъ, постоянное совмѣстное нахожденіе въ каждомъ психическомъ актѣ извѣстныхъ проявленій еще не свидѣтельствуеть непременно объ однородности способностей, лежащихъ въ основѣ этихъ проявленій.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, что понятіе душевной способности или склонности отнюдь не принадлежитъ къ числу забытыхъ или совершенно оставленныхъ современной психологіей. И если многіе авторы пользуются имъ исключительно въ цѣляхъ классификаціонныхъ, для обозначенія извѣстнаго класса однородныхъ явленій, то другіе вкладываютъ въ него, наоборотъ, совершенно реальное содержаніе. Это содержаніе нѣкоторые сводятъ исключительно къ особенностямъ физической организаціи, тогда какъ другіе, наоборотъ, считаютъ необходимымъ признавать существованіе какъ физическихъ, такъ и психическихъ склонностей.

Есть еще одно обстоятельство, которое, на нашъ взглядъ, также свидѣтельствуетъ о крупномъ пробѣлѣ, образовавшемся въ научной психологіи вслѣдъ за паденіемъ старой теоріи душевныхъ способностей. Это — значительное распространеніе психологической теоріи апперцепціи, въ томъ видѣ, какъ мы ее встрѣчаемъ, напр., у Вундта, Липпса и другихъ ея сторонниковъ. Для того, чтобы показать, какимъ образомъ понятіе активной апперцепціи является въ психологіи какъ бы замѣстителемъ стараго ученія о душевныхъ способностяхъ, резюмируемъ здѣсь вкратцѣ основныя черты апперцептивной теоріи, взявши ее въ изложеніи одного изъ наиболѣе авторитетныхъ ея представителей, именно—В. Вундта ¹⁾.

Ученіе объ апперцепціи неразрывно связано у Вундта съ ученіемъ о сознаніи, такъ какъ первымъ и наиболѣе существеннымъ результатомъ дѣятельности апперцепціи является болѣе ясное сознаніе даннаго впечатлѣнія или, какъ образно выражается Вундтъ, вхожденіе этого впечатлѣнія «въ фиксаціонную точку сознанія». Поэтому для выясненія понятія апперцепціи необходимо также коснуться вопроса о сознаніи и различныхъ его степеняхъ.

Прежде всего, Вундтъ рѣзко критикуетъ распространенный взглядъ, будто отдѣльныя представленія, а также ихъ связи, однажды нами воспринятыя, продолжаютъ существовать въ томъ же самомъ видѣ и внѣ нашего сознанія, оказывая вліяніе на теченіе сознательныхъ процессовъ и будучи готовы, при благоприятныхъ условіяхъ, снова появиться надъ порогомъ сознанія.

¹⁾ Grundzüge d. Physiol. Psychol. 5-te Aufl. Bd. III.

Такое пониманіе, по мнѣнію Вундта, совершенно не соотвѣтствуетъ ни даннымъ внутренняго опыта, ни современному состоянію нашихъ знаній о дѣятельности центральной нервной системы. Нельзя разсматривать отдѣльныя представленія, какъ какія-то обособленныя сущности, субстанціи, которыя, однажды возникнувъ, продолжаютъ затѣмъ вѣчно существовать, то появляясь въ сознаніи, то снова изъ него исчезая. Гораздо правильнѣе будетъ въ каждомъ отдѣльномъ представленіи видѣть не элементарную субстанцію, а скорѣе сложную дѣятельность, функцію, которую мы постепенно усваиваемъ себѣ путемъ опыта и упражненія и отъ которой, при отсутствіи повторенія, мы можемъ снова постепенно отучиться. Дѣятельность эта нашимъ сознаніемъ воспринимается, какъ представленіе; когда же представленіе исчезаетъ изъ сознанія, то это значитъ, что дѣятельность, какъ таковая, прекратилась, а вмѣсто нея осталось «психическое предрасположеніе» (*psychische Disposition*), сущность котораго навсегда останется для насъ неизвѣстной.

Точно также и въ фізіологическомъ отношеніи было бы абсурдомъ предположить, что фізіологическій отпечатокъ, соотвѣтствующій тому или иному представленію, отлагается гдѣ-нибудь въ опредѣленномъ мѣстѣ, напримѣръ, въ особой клѣткѣ коры головного мозга. И здѣсь также мы имѣемъ дѣло не съ элементарными, однородными отпечатками, а со сложными дѣятельностями, распространяющимися одновременно на различные участки коры и послѣ своего прекращенія оставляющими за собой предрасположеніе къ повторному ихъ возникновенію. Это предрасположеніе, по мнѣнію Вундта, сводится, вѣроятно же всего, къ извѣстному перемѣщенію молекулъ, подобно тому какъ во взрывчатыхъ веществахъ особое расположеніе молекулъ дѣлаетъ возможнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, наступленіе взрыва, хотя бы въ данный моментъ этого взрыва и не было. Отличіе же физическихъ предрасположеній отъ психическихъ заключается въ томъ, что по отношенію къ первымъ мы можемъ надѣяться со временемъ болѣе детально ознакомиться съ ихъ сущностью, тогда какъ сущность вторыхъ навсегда останется для насъ загадкой, такъ какъ они лежатъ за сознаніемъ, а дѣятельность психологіи разъ навсегда ограничена предѣлами сознанія (стр. 331).

Всѣ тѣ соединенія, о которыхъ только что говорилось, именно,

соединеніе группы ощущеній въ представленіе или нѣсколькихъ ассоціативно связанныхъ представленій въ болѣе или менѣе сложный рядъ совершаются самопроизвольно, независимо отъ нашего я. Наряду съ этимъ, однако, внутренній опытъ свидѣтельствуешь, что во всѣхъ сколько-нибудь сложныхъ актахъ душевной жизни непременно участвуетъ еще одинъ факторъ, который обычно называютъ вниманіемъ и который Вундтъ предлагаетъ называть апперцепціей. «Существуетъ несомнѣнная потребность, наряду съ простымъ сознаніемъ представленія или перцепціей, обозначить особымъ именемъ также схватываніе (Erfassung) его вниманіемъ,—почему я и позволяю себѣ употребить терминъ апперцепція именно въ этомъ болѣе широкомъ значеніи» (стр. 333).

Съ субъективной стороны вниманіе или апперцепція «всегда сопровождается своеобразнымъ чувствомъ, которое, подобно всѣмъ элементарнымъ ощущеніямъ и чувствамъ, не поддается ближайшему опредѣленію; непосредственное же самонаблюденіе свидѣтельствуешь намъ, что чувство это родственно тѣмъ, которыя сопровождаютъ собой всякій волевой актъ», почему его и можно назвать «чувствомъ дѣятельности (Thätigkeitsgefühl)». Въ однихъ случаяхъ это чувство дѣятельности уже съ самаго начала входитъ въ составъ процесса вниманія, такъ что происходящія затѣмъ въ сознаніи перемѣны (вхожденіе того или иного представленія въ фиксаціонную точку сознанія) кажутся какъ бы произведенными нами самими; такіе случаи Вундтъ называетъ активной апперцепціей. Въ противоположность этому термину пассивная апперцепція обозначаетъ тѣ случаи, когда чувство активности возникаетъ уже вторичнымъ путемъ, въ качествѣ реакціи на внѣшнее впечатлѣніе, внезапно появившееся въ сознаніи и не соотвѣтствующее всему его содержанію. Какъ активная, такъ и пассивная апперцепція имѣють своимъ результатомъ увеличеніе ясности впечатлѣнія и усиленіе его интенсивности.

Кромѣ чувства дѣятельности, дальнѣйшій анализъ процесса апперцепціи указываетъ также на присутствіе и другихъ элементовъ, болѣе или менѣе постоянныхъ. Таковы, между прочимъ: задержка всѣхъ другихъ представленій, не связанныхъ непосредственно съ представленіемъ, составляющимъ въ данный моментъ объектъ апперцепціи; мышечныя ощущенія напряженія и связанный съ ними чувственный тонъ, усиливающий собою первичное чувство дѣятельности; наконецъ, возникновеніе въ сознаніи

воспроизведенныхъ представленій, связанныхъ путемъ ассоціаціи съ мышечными ощущеніями и своимъ дѣйствиємъ усиливающихъ интенсивность воспринимаемаго образа. Однако, всѣ эти элементы являются второстепенными, добавочными, между тѣмъ какъ центральную, характерную черту всего процесса составляетъ упомянутое выше чувство дѣятельности. Это обстоятельство заставляетъ Вундта разсматривать процессъ апперцепціи, какъ волевой актъ, болѣе или менѣе сложный по своему составу. Въ случаяхъ пассивной апперцепціи мы имѣемъ, по его мнѣнію, простой волевой актъ, въ которомъ возникшее побужденіе тотчасъ же влечетъ за собой реакцію; активная же апперцепція приравнивается къ сложному волевому акту, въ которомъ мотивами дѣйствія являются тѣ самые слѣды прежнихъ впечатлѣній, или психическія предрасположенія, о которыхъ говорилось выше.

Такимъ образомъ, вопросъ объ апперцепціи сводится въ концѣ концовъ къ вопросу о сущности чувства дѣятельности, составляющаго, такъ сказать, сердцевину всего процесса. Слѣдуетъ ли его считать простымъ симптомомъ, признакомъ или, какъ выражается Вундтъ, однимъ изъ условій (хотя и наиболѣе существеннымъ), необходимыхъ для возникновенія апперцептивной связи представленій? Или же мы имѣемъ здѣсь дѣло съ причиной, съ нѣкоторымъ активнымъ началомъ, дѣятельность котораго влечетъ за собой тѣ или иныя перемѣны въ сознаніи? Въ этомъ отношеніи Вундтъ, какъ на это уже не разъ указывали его оппоненты, высказывается не всегда одинаково ясно и категорично: въ полемикѣ съ своими противниками онъ энергично протестуетъ противъ попытокъ приписать ему созданіе какой-то новой душевной способности и подчеркиваетъ феноменалистическій характеръ чувства дѣятельности. Между тѣмъ, въ самомъ описаніи процесса апперцепціи всюду проглядываетъ тенденція выдѣлить чувство дѣятельности изъ числа всѣхъ остальныхъ содержаній сознанія и приписать ему выдающуюся, особо важную роль. Такъ, напр., по его словамъ, въ случаяхъ ассоціативной связи представленій (которую онъ противопоставляетъ апперцептивной ихъ связи) отсутствуетъ то вліяніе, «которое въ нашемъ сознаніи выражается непосредственно лишь въ формѣ чувства дѣятельности, но которое, въ то же время, если въ него вдуматься глубже, должно быть отождествлено нами съ общимъ сложнымъ предрасположеніемъ сознанія (*Zusammengefasste An-*

lage des Bewusstseins), обозначаемымъ нами обыкновенно словомъ «я». Въ виду этого намъ кажутся справедливыми тѣ упреки въ непослѣдовательности и въ противорѣчїяхъ съ самимъ собою, которые посылаются по адресу Вундта нѣкоторыми изъ его критиковъ ¹⁾).

Но допустимъ даже, что въ чувствѣ дѣятельности мы будемъ видѣть только явленіе сознанія, всегда сопровождающее собою апперцептивную связь представленій. Въ такомъ случаѣ ему, какъ и всѣмъ другимъ содержаніямъ сознанія, должно соотвѣтствовать свое психическое предрасположеніе, подобное тѣмъ, о которыхъ говорилось уже выше. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы за одними душевными переживаніями признавать существованіе такихъ предрасположеній, а за другими — отрицать ихъ; кромѣ того, въ противномъ случаѣ было бы непонятно, какимъ образомъ чувство дѣятельности можетъ опираться, въ качествѣ своихъ мотивовъ, на слѣды прежде воспринятыхъ представленій, т.-е., на тѣ же *psychische Dispositionen*. Далѣе, такъ какъ чувство дѣятельности имѣетъ особенно важное значеніе въ нашей душевной жизни, то и соотвѣтствующее ему предрасположеніе также должно стоять выше другихъ предрасположеній, вліяя на нихъ и регулируя ихъ дѣятельность. Въ результатѣ мы получаемъ не только рядъ душевныхъ склонностей или способностей, но даже и своеобразную іерархію этихъ способностей.

Итакъ, психологическая теорія апперцепціи, будучи доведена до послѣднихъ своихъ логическихъ выводовъ, неминуемо возвращаетъ насъ къ тому же самому ученію о психическихъ склонностяхъ или способностяхъ.

III.

Спрашивается теперь, чѣмъ объяснить такую живучесть понятія душевной склонности или способности, такое странное тяготѣніе психологовъ самыхъ различныхъ направленій къ употребленію терминовъ и понятій, казалось бы, давно отжившихъ и утратившихъ свое значеніе? Быть можетъ, здѣсь сказывается сила традиціи, устойчивость старыхъ привычекъ и предразсудковъ, которая и въ научной области бываетъ иногда немногимъ меньше, нежели въ обыденной жизни?

¹⁾ См., напр., критическій обзоръ теоріи апперцепціи въ книгѣ Pillsbury *L'attention*, Paris. 1906.

Намъ кажется, что такое объясненіе было бы несправедливымъ, и что частое употребленіе названныхъ терминовъ обусловливается не привычкой, а дѣйствительною потребностью, которая сознается или, вѣрнѣе, чувствуется многими современными психологами. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся показать, что потребность эта дѣйствительно существуетъ, и что понятіе душевной склонности или способности можетъ оказать значительныя услуги при разработкѣ нѣкоторыхъ наиболѣе темныхъ и загадочныхъ вопросовъ современной психологіи. При этомъ мы будемъ стараться все время придерживаться *чисто эмпирической точки зрѣнія*, т.-е., разсматривать душевныя способности исключительно только въ качествѣ вспомогательнаго понятія, рабочей гипотезы, полезной лишь постольку, поскольку она помогаетъ разобратся въ явленіяхъ сознанія и выяснить ихъ связи и взаимоотношенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., по вопросу объ анатоμο-фізіологической сторонѣ основныхъ способностей) намъ придется высказать нѣкоторыя соображенія, касающіяся также и матеріальной стороны душевныхъ процессовъ; однако, исходнымъ пунктомъ и злѣсь останутся для насъ все-таки явленія сознанія, а главной цѣлью — наиболѣе полное и отчетливое выясненіе всѣхъ тѣхъ условій, внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя такъ или иначе вліяютъ на возникновеніе и ходъ этихъ явленій.

Для того, чтобы показать, въ какихъ именно случаяхъ понятіе душевной склонности или способности можетъ оказаться полезнымъ для цѣлей психологическаго анализа, я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ, при чемъ начну съ одного наблюденія, сдѣланнаго мною недавно надъ самимъ собою. Однажды лѣтомъ я сидѣлъ въ комнатѣ, погруженный въ чтеніе и обдумываніе спеціального трактата по психологіи. Сочиненіе было написано сухимъ, отвлеченнымъ языкомъ, и мнѣ стоило довольно значительнаго напряженія слѣдить за ходомъ мыслей автора. Главныя же мои усилія были направлены на то, чтобы сопоставить отдѣльныя мысли, высказываемыя авторомъ и, объединивши ихъ между собою, уловить общую, основную идею всего сочиненія. Кромѣ того, по временамъ я припоминалъ мысли, высказанныя тѣмъ же авторомъ въ другомъ его сочиненіи, читанномъ мною раньше, и старался привести ихъ въ связь съ предметомъ моего настоящаго чтенія. Черезъ нѣкоторое время я оставилъ книгу

и, выйдя въ садъ, направился вдоль дорожки къ небольшой полянѣ, окруженной деревьями. Деревья эти я видѣлъ уже много разъ и, какъ это бываетъ съ хорошо знакомыми предметами, интересовался обыкновенно уже не столько цѣлымъ, сколько деталями, отдѣльными особенностями и частичными перемѣнами, наприимѣръ: какъ растутъ плоды на яблонѣ, начали ли косить сѣно на полянѣ, отчего сломалась вѣтка на березѣ, или—какъ красиво выдѣляются темно-зеленые листья и черныя узловатыя вѣтви дуба на темно-синемъ небесномъ фонѣ, какъ силенъ ароматъ травъ, пригрѣтыхъ полуденнымъ солнцемъ, и т. д. На этотъ же разъ, когда я остановился и оглядѣлся кругомъ, поляна вмѣстѣ съ окружающими ее деревьями вдругъ представилась мнѣ какъ нѣчто цѣлое, какъ одна общая картина. Это сознаніе или чувство единства было настолько живо и такъ рѣзко отличалось отъ предшествовавшихъ воспріятій, получавшихся отъ тѣхъ же объектовъ, что невольно обратило на себя мое вниманіе.

Постараемся отдать себѣ отчетъ въ томъ, что именно произошло въ данномъ случаѣ. Чтеніе психологическаго трактата, сопровождавшееся напряженными попытками сопоставить и привести во взаимную связь отдѣльныя его мысли, вызвало усиленную дѣятельность той склонности или того неизвѣстнаго намъ механизма, дѣйствіе котораго мы называемъ объединяющей дѣятельностью сознанія («комплексная апперцепція единства» по терминологіи Липпса). Предметомъ объединенія служили при этомъ различныя отвлеченныя мысли и соображенія, касавшіяся изученія душевныхъ процессовъ и во время чтенія почти всецѣло заполнявшія мое сознаніе. Когда же я вышелъ въ садъ, то содержаніе сознанія рѣзко измѣнилось: на мѣсто отвлеченныхъ мыслей, относившихся къ психологіи, вниманіе мое всецѣло сосредоточилось на яркихъ, конкретныхъ образахъ и впечатлѣніяхъ отъ окружавшихъ меня предметовъ. Но наряду съ этимъ разъ возбужденный и еще не успѣвшій успокоиться механизмъ объединяющей апперцепціи продолжалъ дѣйствовать, его дѣятельность комбинировалась съ новымъ содержаніемъ, заполнившимъ мое сознаніе, и въ результатѣ возникло то необычное переживаніе, о которомъ говорилось выше. Объяснить возникновеніе объединяющей дѣятельности «конstellляціей сознанія» или содержаніемъ «апперципирующихъ массъ» представленій въ данномъ случаѣ очевидно невозможно, такъ какъ представленія и мысли,

вызванныя во мнѣ чтеніемъ психологическаго трактата, не имѣли по своему содержанію ничего общаго съ тѣми впечатлѣніями, которыя заполнили мое сознаніе, когда я вышелъ въ садъ. Приходится допустить существованіе неизвѣстнаго намъ механизма, который не можетъ быть всецѣло сведенъ къ различному содержанію и группировкѣ представленій и который мы называемъ способностью объединенія, объединяющей апперцепціей и тому подобными именами.

Случаи, подобные только что описанному, вовсе не являются въ нашей душевной жизни чѣмъ-то рѣдкимъ, исключительнымъ, а, наоборотъ, повторяются очень часто и притомъ въ примѣненіи къ самымъ различнымъ сторонамъ душевной дѣятельности. Возьмемъ, напр., то, что называютъ психическимъ темпомъ, т.-е., большую или меньшую скорость психическихъ процессовъ, болѣе или менѣе быстрое теченіе и смѣну различныхъ переживаній, наполняющихъ наше сознаніе въ каждый данный моментъ. Скорость эта у одного и того же лица въ разное время бываетъ различной. Положимъ, что человѣку некуда торопиться, что окружающая его обстановка однообразна и монотонна, что событія смѣняются медленно и постепенно. Сообразно этому замедляется и весь темпъ его психической жизни: воспріятія и движенія, сужденія и поступки дѣлаются медленными и неторопливыми. Каждый психическій процессъ требуетъ большаго времени для своего возникновенія и развитія, — и не потому, чтобы измѣнилось самое содержаніе воспріятій, чувствъ и представленій, чтобы ихъ сочетаніе сдѣлалось болѣе затрудненнымъ или ихъ теченіе чѣмъ-нибудь затормозилось, — а только потому, что весь темпъ психической жизни замедлился. Тотъ неизвѣстный намъ механизмъ, который лежитъ въ основѣ психическаго темпа, тѣ мало изученныя особенности нервно-психической организаціи, которыми обуславливается ускореніе или замедленіе душевной жизни, измѣнили свою дѣятельность въ зависимости отъ окружающей обстановки; и это измѣненіе отразилось также и на скорости тѣхъ процессовъ, которые не имѣютъ къ этой обстановкѣ никакого прямого, непосредственнаго отношенія.

Но вотъ условія перемѣнились. Человѣкъ принялся за выполненіе какой-нибудь технической работы, требующей съ его стороны большой ловкости и быстроты въ движеніяхъ, наблюдательности и быстрой сообразительности. Весь темпъ его психи-

ческой жизни ускорился. И если вы въ это время, оторвавши его отъ работы, зададите ему какой-нибудь совершенно посторонній, не относящійся къ его работѣ вопросъ (при условіи, конечно, чтобы его вниманіе сосредоточилось на этомъ вопросѣ), то убѣдитесь въ большинствѣ случаевъ, что отвѣты его, даже помимо его собственнаго желанія, будутъ отличаться большей быстротой и опредѣленностью, чѣмъ въ другое время ¹⁾).

До сихъ поръ дѣло шло о такихъ склонностяхъ или predisposicijahъ, которыя возникали благодаря дѣйствию извѣстныхъ возбудителей, продолжались въ теченіе нѣкотораго, не особенно продолжительнаго времени и затѣмъ снова постепенно прекращались. Но еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу теоріи способностей является, на нашъ взглядъ, существованіе длительныхъ, стойкихъ индивидуальныхъ способностей или качествъ, образующихъ въ своей совокупности то, что называется характеромъ или личностью.

Возьмемъ хотя бы тѣ же самыя способность къ объединенію (объединяющая апперцепція) и быстроту умственныхъ процессовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что разные люди обладаютъ этими качествами въ различной степени. Не даромъ большая или меньшая быстрота умственныхъ, а также и другихъ душевныхъ процессовъ служитъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ, кардинальныхъ признаковъ въ классификаціи темпераментовъ; а вѣдь извѣстно, что тѣ стороны личности, которыя принято объединять въ понятіи темперамента, отличаются наибольшей устойчивостью и постоянствомъ, обнаруживаются чуть ли не въ первые же дни и даже часы послѣ рожденія ²⁾ и, по всей вѣроятности, являются прирожденными, т.-е., переданными по наслѣдству. Что касается способности къ объединенію, то какъ часто приходится наблюдать случаи, когда изъ двухъ человѣкъ одного и того же возраста, получившихъ одинаковое образованіе и занятыхъ одной и той же профессіей, даже приблизительно одинаково одаренныхъ въ смыслѣ воспріимчивости и памяти, тѣмъ не менѣе одинъ мыслить преимущественно конкретными

¹⁾ Существованіе подобнаго рода „моторной установки“ находитъ себѣ въ настоящее время косвенное подтвержденіе также и въ нѣкоторыхъ экспериментальныхъ работахъ.

²⁾ См. Лесгафтъ: Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Спб. 1900 г., стр. 144.

образами, яркими, живыми, но въ то же время отрывочными и мало между собой связанными, между тѣмъ какъ другой, наоборотъ, проявляетъ значительную склонность къ сопоставленію отдѣльных фактовъ и болѣе или менѣе широкимъ обобщеніямъ и выводамъ. Когда подобные случаи приходится наблюдать на взрослыхъ людяхъ, то можно еще, пожалуй, привести возраженіе, что въ основѣ указаннаго различія лежатъ не субъективныя особенности болѣе или менѣе элементарнаго характера, а скорѣе сложное сочетаніе разнообразныхъ представленій и привычекъ, такъ или иначе сложившихся подъ вліяніемъ воспитанія, условій предшествовавшей дѣятельности, вліяній окружающей среды, вообще долгаго жизненнаго опыта. Но подобныя же индивидуальныя разницы, въ не менѣе сильной степени, можно наблюдать также и на школьникахъ 13—14 лѣтъ, воспитывающихся въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи ¹⁾. Мало того, встрѣчаются иногда случаи, когда описанное выше различіе въ способахъ и характерахъ мышленія приходится наблюдать—правда, въ зачаточномъ видѣ, но все же достаточно отчетливо—у двухъ родныхъ братьевъ, 6—7-лѣтняго возраста, выросшихъ въ одной и той же семьѣ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ ²⁾. Въ подобныхъ случаяхъ существованіе индивидуальныхъ склонностей или предрасположеній выступаетъ съ особенной яркостью.

Дѣятельность этихъ индивидуальныхъ предрасположеній или «основныхъ наклонностей» обладаетъ, между прочимъ, одной характерной чертой, которая для насъ здѣсь представляетъ особый интересъ. Она заключается въ томъ, что проявленія наклонностей, какъ внѣшнія, доступныя непосредственному наблюденію со стороны окружающихъ (мимика, жесты, поступки), такъ и внутреннія (различныя душевныя переживанія, слабо проявляющіяся во внѣ) далеко не всегда находятся въ соотвѣтствіи съ дѣйствительной степенью развитія данной наклонности. Каждому изъ насъ приходилось наблюдать случаи, когда человѣкъ, поставленный въ необычныя для него условія, бываетъ непохожъ на самого себя. Веселый, общительный и разговорчивый

¹⁾ См. въ моихъ „Школьныхъ характеристикахъ“ особенности умственной сферы у испытуемыхъ Борисова и Валицкаго.

²⁾ См. случай, описанный А. И. Неклюдовой въ „Вѣстникѣ Психологіи“, за 1907 г. въ статьѣ: „Матеріалы по вопросу о развитіи характеровъ въ дѣтскомъ возрастѣ“.

въ кружкѣ хорошо знакомыхъ ему лицъ, онъ дѣлается молчаливымъ, осторожнымъ и сосредоточеннымъ, если попадетъ внезапно въ среду, совершенно для него незнакомую и чуждую. Или же, обладая въ обычное время сильно развитымъ интересомъ къ отвлеченнымъ вопросамъ и незаурядной способностью разсуждать и дѣлать обобщенія, онъ, подъ вліяніемъ сильной усталости, совершенно утрачиваетъ на нѣкоторое время эти свои характерныя качества. Однако, такая рѣзкая переменна проявленій вовсе не означаетъ столь же рѣзкаго (хотя бы даже и временнаго) измѣненія соотвѣтствующихъ наклонностей у даннаго человѣка. Всѣ эти временныя измѣненія личности являются только *кажущимися*, а не *дѣйствительными*. Они зависятъ отъ того, что наши сознательныя проявленія складываются не только изъ субъективныхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ наклонностей или предрасположеній, но также и изъ весьма измѣнчивыхъ и колеблющихся объективныхъ вліяній. Стоитъ помѣстить даннаго человѣка въ прежнюю обстановку, и онъ немедленно снова проявитъ свои обычные, присущія ему особенности. Эти основныя индивидуальныя особенности его личности продолжали, слѣдовательно, существовать и дѣйствовать все время, и только временно замаскировывались несоотвѣтствующими имъ проявленіями. Такимъ образомъ, самый фактъ существованія кажущихся измѣненій личности, самая возможность противопоставить другъ другу, съ одной стороны, постоянныя, устойчивыя направленія въ дѣятельности нервно-психической организаціи, а съ другой—измѣнчивыя конкретныя проявленія той же самой организаціи свидѣтельствуетъ, на нашъ взглядъ, о томъ, что понятіе душевной склонности или способности заслуживаетъ со стороны психологовъ болѣе внимательнаго отношенія, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Спрашивается теперь, что такое представляютъ изъ себя эти склонности или предрасположенія, какъ болѣе кратковременныя, о которыхъ говорилось въ началѣ этой главы, такъ и болѣе устойчивыя, длительныя, составляющія въ своей совокупности личность или характеръ? Можемъ ли мы, при современномъ состояніи психологіи и фізіологіи, привести ихъ въ связь съ другими, болѣе изученными явленіями и, быть можетъ, даже вывести ихъ изъ этихъ послѣднихъ?

Среди довольно разнообразныхъ попытокъ такъ или иначе

объяснить природу душевныхъ склонностей или способностей особеннаго вниманія заслуживаютъ, на нашъ взглядъ, два объясненія, нерѣдко, впрочемъ, совмѣщающіяся одно съ другимъ и взаимно дополняющія другъ друга: во-первыхъ, фізіологическое, сводящее всякаго рода предрасположенія и склонности къ особенностямъ въ устройствѣ и дѣятельности нервной системы, во-вторыхъ, психологическое, пытающееся объяснить склонности при помощи сознательныхъ и безсознательныхъ ассоціацій.

Фізіологическая теорія ограничиваетъ задачи психологіи предѣлами сознанія. Тамъ, гдѣ прекращается сознаніе, начинается мозговой процессъ, изслѣдованіе котораго должно производиться согласно принципамъ и методамъ фізіологіи, а не психологіи. Поэтому душевныя склонности, какъ недоступныя нашему сознанію, должны разсматриваться нами исключительно съ ихъ фізіологической стороны, какъ мозговые процессы или какъ особенности въ организаціи нервной системы, составляющія одно изъ необходимыхъ условій возникновенія тѣхъ или иныхъ сознательныхъ процессовъ.

Такая точка зрѣнія имѣетъ, конечно, свои основанія. Согласно принципу психо-фізическаго параллелизма мы должны стремиться къ тому, чтобы для каждаго душевнаго переживанія, для каждой безъ исключенія стороны въ нашей сознательной дѣятельности установить соотвѣтствующій имъ анатомо-фізіологическій коррелятъ. И всякаго рода душевныя склонности и предрасположенія, конечно, не должны представлять исключенія изъ этого общаго правила.

Не слѣдуетъ только забывать, что тотъ же принципъ психо-фізическаго параллелизма, будучи проведенъ сколько-нибудь послѣдовательно, предоставляетъ и психологу право самостоятельнымъ путемъ установить связь между явленіями, подлежащими его изслѣдованію, не прибѣгая въ наиболѣе важныхъ случаяхъ къ методамъ и аналогіямъ, взятымъ изъ другой области.

Какъ уже сказано выше, насъ здѣсь интересуетъ не столько вопросъ объ отношеніи между духомъ и тѣломъ, сколько задача чисто методологическаго характера: насколько полезной можетъ оказаться та или иная точка зрѣнія для болѣе детальнаго изученія проблемы психическихъ предрасположеній? И приходится сознаться, что въ этомъ отношеніи фізіологія даетъ пока еще крайне мало. Не говоря уже о полномъ нашемъ невѣдѣніи

относительно анатомо-физиологическаго коррелата различныхъ высшихъ способностей, какъ напр., способности къ отвлеченію и обобщенію, волевого усилія, творческаго воображенія, большаго или меньшаго развитія нравственнаго чувства, даже многія сравнительно низшія и элементарныя душевныя качества не могутъ быть объяснены сколько-нибудь удовлетворительно при помощи данныхъ современной физиологіи. Примѣры: процессъ ассоціаціи представленій, большая или меньшая быстрота умственныхъ процессовъ, наконецъ, явленія привыканія и памяти,—относительно всего этого мы въ настоящее время можемъ высказывать исключительно только предположенія, очень скудно обоснованныя на фактическихъ данныхъ. Такъ, напр., по вопросу, имѣющему кардинальное значеніе для ученія о душевныхъ склонностяхъ, именно, по вопросу о физиологическомъ субстратѣ привычекъ и о процессѣ привыканія мы не можемъ даже приблизительно сказать, въ чемъ онъ заключается: слѣдуетъ ли его объяснить (какъ это думаетъ Вундтъ ¹⁾) особыми перемѣнами въ организаціи, напр., своеобразнымъ перемѣщеніемъ молекулъ, или же мы имѣемъ здѣсь дѣло съ возникновеніемъ новаго мозгового процесса, который непрерывно, хотя бы и въ очень слабой степени, продолжается въ теченіе всего времени существованія привычки. Правда, при этомъ ссылаются обыкновенно на тотъ, уже давно установленный фактъ, что повторное раздраженіе нерва черезъ извѣстные промежутки времени повышаетъ постепенно его возбудимость, а также на аналогичныя явленія въ центральной нервной системѣ ²⁾. Но вѣдь этотъ фактъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что нервному аппарату, точно такъ же, какъ и психическому, свойственны явленія привыканія; сущность же этихъ явленій, скрытый ихъ механизмъ попрежнему остается неизвѣстнымъ.

Въ прежнее время охотно ссылались, да и теперь еще нерѣдко ссылаются на особенности тѣлосложенія (степень развитія мышечной, или жировой ткани, быстроты и силы кровообращенія и т. д.), какъ на основу различныхъ душевныхъ склонностей и, прежде всего, такъ называемаго темперамента. Однако, позд-

¹⁾ Grundzüge der Physiol. Psychol. 5-te Aufl. Bd. III, s. 330.

²⁾ Ibidem, т. I, стр. 69—70 и 95 (о процессахъ такъ назыв. «Uebung» и «Bahnung»).

нѣйшіе изслѣдователи темпераментовъ Генле ¹⁾, Фулье ²⁾ приходятъ къ тому заключенію, что тѣлосложеніе играетъ въ образованіи темперамента лишь второстепенную роль, главною же основою его слѣдуетъ считать различныя особенности въ дѣятельности центральной нервной системы, какъ напр.: болѣе или менѣе значительное напряженіе (тонусъ) нервной системы (Генле), быстроту или медленность, силу или слабость совершающихся въ ней процессовъ, преобладаніе процесса распадѣнія или, наоборотъ, возстановленія нервной ткани (Фулье) и т. п. Такимъ образомъ и здѣсь мы оказываемся приведенными въ концѣ концовъ къ тѣмъ же самымъ мало изученнымъ особенностямъ въ устройствѣ и дѣятельности нервной системы, относительно которыхъ существуетъ пока еще много догадокъ и мало сколько-нибудь точно установленныхъ фактическихъ данныхъ.

Болѣе разработанной представляется ассоціаціонная теорія, которая видитъ въ склонностяхъ и предрасположеніяхъ прочно установившіяся группы представленій, такъ или иначе между собой связанныхъ и, благодаря привычкѣ и частому повторенію, сдѣлавшихся, наконецъ, неразрывною составной частью нашей личности.

Въ прежнее время во всѣхъ подобныхъ объясненіяхъ очень важную роль играли безсознательныя представленія (или другія понятія, имъ аналогичныя), при чемъ дѣятельность этихъ безсознательныхъ представленій разсматривалась по аналогіи съ тѣмъ, что намъ приходится наблюдать въ своемъ сознаніи. Въ настоящее время представители ассоціаціонной психологіи большею частью совмѣщаютъ ассоціаціонное объясненіе съ фізіологическимъ, совершенно отрицая существованіе безсознательной психической жизни и сводя всякаго рода безсознательную дѣятельность исключительно къ однимъ только мозговымъ процессамъ. Преемственность же между представленіями, то исчезающими изъ сознанія, то снова въ немъ возникающими, устанавливается при помощи непрерывно длящихся фізіологическихъ процессовъ, такъ или иначе связанныхъ съ возникновеніемъ этихъ представленій. Соотвѣтственно этому и самыя представленія разсматриваются не какъ простыя, неизмѣнныя сущности, то вхо-

1) *Antropologische Vorträge*, Н. I, 1876 г.

2) *Temperament et caractère*, Paris, 1895.

дящія въ наше сознание, то снова скрывающіяся за его порогомъ, но скорѣе какъ сложные комплексы, каждый разъ заново составляющіеся изъ группы разнородныхъ ощущеній.

Однако, намъ кажется, что такой взглядъ, являясь несомнѣннымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ разработки ассоціационной теоріи, едва ли можетъ дать что-нибудь новое по отношенію къ разбираемому нами вопросу о сущности психическихъ склонностей или предрасположеній. Теоретически—безсознательная ассоціація представленій здѣсь отрицается, а вмѣсто нея признается только взаимная связь отдѣльныхъ мозговыхъ процессовъ. На практикѣ же, благодаря крайней скудости фізіологическихъ свѣдѣній въ этой области, приходится говорить просто о «матеріальныхъ слѣдахъ» или «отпечаткахъ», соответствующихъ тому или иному представленію, и по аналогіи съ происходящей въ сознании ассоціаціей представленій строить чисто гипотетическія схемы взаимной связи, существующей между этими слѣдами или отпечатками. Получаются описанія, вродѣ слѣдующаго:

„Я вижу черную тучу, другими словами, чувствительныхъ клѣтокъ моей мозговой коры достигло идущее отъ сѣтчатой оболочки раздраженіе $Rc_{\text{туча}}$, психическій коррелятъ котораго составляетъ зрительное ощущеніе черной тучи. Ассоціація идей, получая данное ощущеніе, присоединяетъ къ нему цѣлый рядъ представленій, между прочимъ и представленіе дождя. Этому, примыкающему къ зрительному ощущенію тучи, представленію дождя соответствуетъ въ клѣткахъ воспоминанія моей мозговой коры матеріальное возбужденіе $Rv_{\text{дождь}}$. Последняго возбужденія сперва не существовало, и въ клѣткахъ воспоминанія имѣлось до этого одно лишь матеріальное предрасположеніе $Rl_{\text{дождь}}$, которое было отложено въ этихъ клѣткахъ однимъ или многими прежними зрительными ощущеніями дождя. Прежде этому Rl не соответствовало ничего психическаго и оно представляло собой одинъ лишь матеріальный слѣдъ, скрытый образъ воспоминанія. Но послѣ того, какъ ассоціація идей видоизмѣнила Rl въ Rv , къ послѣднему присоединяется психическій коррелятъ, представленіе дождя. Равнымъ образомъ сюда постоянно присоединяется множество другихъ представленій и такимъ образомъ надъ порогомъ сознания все время поднимаются или, какъ чаще говорятъ, *воспроизводятся* скрытые образы воспоминанія. Данный процессъ и называется нами ассоціаціей идей“ 1).

Такимъ образомъ, несмотря на введеніе фізіологическихъ терминовъ, методологическая сторона дѣла, въ сущности, очень

1) Т. Цигенъ. Фізіологическая психологія. 3-е русское изданіе. Спб. 1909 г. Стр. 242.

мало измѣнилась. Самая схема построения процесса осталась такой же, какой она была и при допущеніи гипотезы безсознательныхъ представленій: соединеніе представленій (resp. ихъ матеріальныхъ отпечатковъ) въ ряды или группы и вліяніе прежде воспринятыхъ рядовъ на содержаніе сознанія въ каждый данный моментъ. Между тѣмъ, какъ уже было выше сказано, насъ здѣсь больше всего интересуеетъ именно методологическая сторона, т.-е., вопросъ о томъ, насколько ассоціационная теорія можетъ въ дальнѣйшемъ способствовать разработкѣ и выясненію сложной и запутанной проблемы психическихъ склонностей или способностей.

Въ предыдущей главѣ мы уже имѣли случай говорить о тѣхъ возраженіяхъ, которыя были направлены Вундтомъ противъ гипотезы безсознательныхъ представленій и соотвѣтствующихъ имъ матеріальныхъ слѣдовъ или отпечатковъ, локализованныхъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, на примѣръ, въ той или иной мозговой клѣткѣ. И дѣйствительно, экспериментальное изслѣдованіе процесса ассоціаціи съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ въ томъ, что нельзя разсматривать представленія какъ отдѣльныя недѣлимые сущности, сцѣпляющіяся другъ съ другомъ и помогающія другъ другу подняться надъ порогомъ сознанія. Новѣйшіе ассоціационисты, какъ уже было сказано, идутъ дальше въ своемъ анализѣ и считаютъ такими недѣлимыми элементами не представленія, а тѣ ощущенія, изъ которыхъ слгаается каждое представленіе. Однако, на это справедливо возражаютъ, что отдѣльныхъ, недѣлимыхъ ощущеній, строго говоря, также не существуетъ: состояніе сознанія въ каждый данный моментъ представляетъ изъ себя сложный процессъ, отдѣльныя части котораго тѣсно и неразрывно между собой связаны и въ то же время находятся въ состояніи постояннаго и непрерывнаго измѣненія («потокъ сознанія» Джемса). Для болѣе удобнаго описанія процессовъ сознанія мы можемъ схематизировать ихъ, разлагая каждый процессъ на группу элементарныхъ ощущеній и устанавливая между этими ощущеніями извѣстныя ассоціаціи; но переносить такую, завѣдомо искусственную схему также и на явленія безсознательной жизни мы не имѣемъ никакого права, такъ какъ это значило бы заранѣе предрѣшить всѣ тѣ вопросы, которые должны явиться конечною цѣлью изслѣдованія и для сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія которыхъ у насъ въ настоящее время имѣется еще слишкомъ мало данныхъ.

Наиболѣе привлекательными сторонами ассоціаціонной теоріи являются, съ одной стороны, крайняя ея простота и несложность, а съ другой—возможность примѣнить ассоціаціонную точку зрѣнія къ объясненію огромнаго большинства нашихъ душевныхъ переживаній. «Прямо изумительно,—говоритъ Джемсъ,—какую массу операций духа можемъ мы объяснить на основаніи принциповъ ассоціаціи». Дѣйствительно, установленіе связи между самыми разнообразными душевными переживаніями, благодаря ихъ смежности или сходству, представляетъ собою такое явленіе, которое встрѣчается буквально на каждомъ шагу. Однако, не слѣдуетъ забывать, что крайняя простота и однообразіе въ объясненіи такихъ сложныхъ и разнообразныхъ явленій, какъ психическія, не могутъ уже сами по себѣ не быть подозрительны. И болѣе глубокія и послѣдовательныя попытки изучить способы ассоцірованія хотя бы только однихъ представленій указываютъ на то, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ это кажется съ перваго взгляда. Такъ, напр., Гербартъ, рассматривая образованіе рядовъ представленій съ чисто только формальной его стороны, независимо отъ содержанія представленій, насчитываетъ, тѣмъ не менѣе, цѣлыхъ десять различныхъ формъ, въ которыхъ могутъ проявляться эти ряды. Указавши затѣмъ, что каждая изъ этихъ формъ обусловливаетъ собою также особый способъ сочетанія рядовъ между собою, названный авторъ въ заключеніе прибавляетъ: «этого достаточно, чтобы показать, какъ много возможностей должно постоянно держать въ умѣ, если угодно точно изучить психическій механизмъ» (*loc. cit.*, стр. 218—220).

Мало того. Самая основа теоріи, именно, процессъ соединенія представленій благодаря ихъ сходству или смежности, представляется и по настоящее время явленіемъ, въ высшей степени загадочнымъ. Все чаще и чаще раздаются голоса, указывающіе на то, что такъ называемые «основные законы ассоціацій» слѣдуетъ считать не объясненіемъ, а простымъ схематическимъ описаніемъ тѣхъ проявленій, которыя намъ приходится наблюдать въ своемъ сознаніи; основная же причина этихъ проявленій заключается вовсе не въ самомъ способѣ взаимоотношенія представленій другъ къ другу, а въ чемъ-то совершенно иномъ ¹⁾.

¹⁾ См., напр., у Sollier: *Essai critique et théorique sur l'association en psychologie*. Paris. 1907.

Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ разбираемая нами проблема психическихъ склонностей или предрасположеній. Съ точки зрѣнія ассоціаціонной психологіи психическія склонности суть не что иное, какъ сложное цѣлое, составленное изъ большого количества связанныхъ между собою представленій и слѣдовъ, психическихъ и матеріальныхъ; въ связи съ воспоминаніями о своихъ прежнихъ переживаніяхъ эти слѣды составляютъ то, что называется личностью. Итакъ, личность есть совокупность представленій и матеріальныхъ слѣдовъ, составляющихъ фізіологическій субстратъ этихъ представленій. Между тѣмъ обстоятельный и глубокий анализъ проблемы ассоціирования представленій (въ частности—отношенія, существующаго между ассоціациями сходства и смежности) приводитъ А. П. Нечаева къ слѣдующему выводу:

„Наше я (насколько оно проявляется въ нашемъ сознаніи) есть нѣчто, всегда съ нами пребывающее и связывающее собою цѣлый рядъ измѣняющихся душевныхъ состояній. Сознаніе личности характеризуется моментомъ отождествленія. Наше я (какъ нѣчто, неразличимое отъ самого себя) въ то же время „непосредственно извѣстно“. Вотъ единственный случай, когда возможно примѣнить понятіе непосредственной извѣстности или непосредственного узнаванія, въ смыслѣ неразличенія главной группы психическихъ элементовъ, смѣняемаго различеніемъ сопутствующихъ душевныхъ явленій и, въ связи съ нимъ, порождающаго сознаніе тождества!.. Всѣ представленія (какъ доказалъ Леманъ) узнаются при помощи ассоціаціи смежности, но при этомъ необходимо, чтобы воспроизводимое по ассоціаціи представленіе, въ свою очередь, само было намъ „знакомо“ и чтобы, въ концѣ-концовъ, весь этотъ процессъ узнаванія опирался на что-нибудь, уже не требующее дальнѣйшаго узнаванія, знакомое „непосредственно“. Это условіе какъ разъ и будетъ соблюдено, если воспроизводимое „знакомое“ представленіе (при помощи котораго что-нибудь узнается) ассоціировано съ какимъ-нибудь психическимъ элементомъ, входящимъ въ составъ устойчиваго, „неизмѣнно“ пребывающаго въ сознаніи комплекса—личности“ 1).

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія традиціоннаго ассоціационизма, получается кругъ: личность есть совокупность ассоціацій, и въ то же время каждая отдѣльная ассоціація предполагаетъ уже заранѣе существующимъ представленіе о личности.

Что касается стремленія свести всѣ разнообразныя способности къ какой-нибудь одной (чаще всего къ ощущеніямъ, воспринятымъ и воспроизведеннымъ), то наблюденія показываютъ, что такого рода попытки далеко не всегда увѣнчиваются успѣ-

1) Нечаевъ, „Ассоціація сходства“. Спб. 1905 г., стр. 230—231.

хомъ. Выше нами были приведены примѣры, что существованіе у какого-нибудь лица извѣстныхъ психическихъ склонностей (въ видѣ ли стойкихъ индивидуальныхъ особенностей, или въ видѣ временныхъ предрасположеній, вызванныхъ дѣйствіемъ того или иного внѣшняго возбудителя) далеко не всегда можетъ быть выведено изъ содержанія представленій, наполнявшихъ сознаніе этого человѣка въ моменты, предшествовавшіе данному. Существуютъ также и другія наблюденія, говорящія противъ возможности разложить безъ остатка любую изъ такъ называемыхъ высшихъ способностей на другія, болѣе элементарныя.

Интересны въ этомъ отношеніи результаты изслѣдованій А. Бинэ, пытавшагося экспериментальнымъ путемъ выяснить психологическую природу отвлеченнаго мышленія. На основаніи цѣлаго ряда тщательно поставленныхъ наблюденій и опытовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что всѣ существующія на этотъ счетъ теоріи (номинализмъ, реализмъ, концептуализмъ) находятъ себѣ до нѣкоторой степени подтвержденіе въ данныхъ нашего сознанія. Какъ словесныя представленія, такъ и конкретные образы отдѣльныхъ реальныхъ предметовъ играютъ, несомнѣнно, важную роль въ процессѣ мышленія, но наряду съ ними существуютъ и при извѣстныхъ условіяхъ обнаруживаются сознаніемъ также и тѣ общія, полуотвлеченныя представленія, возможность которыхъ такъ категорически отрицалъ Беркли (примѣръ: отчетливый образъ дамы, одѣтой въ платье, о которомъ, однако, испытываемый не можетъ сказать, черное оно или бѣлое, темное или свѣтлое). Однако, всѣми этими образами и представленіями процессъ мышленія еще не исчерпывается; даже общія представленія не составляютъ его сущности, а лишь утилизируются мышленіемъ какъ символы, лишенные частныхъ признаковъ и потому болѣе пригодные для обозначенія цѣлаго. Основу же процесса отвлеченія составляетъ, согласно конечному выводу автора, «направленіе мысли къ совокупности вещей», *intention de l'esprit*, почему онъ, въ отличіе отъ вышеупомянутыхъ теорій, окрещиваетъ свой взглядъ названіемъ *интенціонизма* ¹⁾.

Другимъ примѣромъ невозможности свести нѣкоторыя изъ высшихъ способностей къ совокупности другихъ, низшихъ, мо-

1) А. Binet. Etude expérimentale de l'intelligence. Paris. 1903. Гл. VIII: „La pensée abstraite et ses images“.

жетъ служить слѣдующее наблюдение, сдѣланное нами относительно школьниковъ 12—13-лѣтняго возраста ¹⁾. На основаніи очень подробно составленныхъ характеристикъ нами были подвергнуты «характерологическому анализу» нѣкоторыя сложныя проявленія ихъ личности, въ томъ числѣ такія, которыя слѣдуетъ отнести къ дѣятельности творческаго воображенія, какъ сочинительство, изобрѣтательность и т. п. Другими словами, мы старались установить, какія болѣе элементарныя качества сопровождаютъ собой всякій разъ наличность творческаго воображенія въ характеристикѣ того или иного мальчика. Такими постоянными спутниками оказались: возбудимость и сила аффектовъ, значительное вліяніе ихъ на волевою дѣятельность человѣка, преобладаніе пассивнаго вниманія надъ активнымъ и, наконецъ, наличность эстетическихъ потребностей въ той или иной формѣ. Однако, дальнѣйшій анализъ показалъ, что перечисленныя качества сами по себѣ еще не могутъ составить творческаго воображенія, такъ какъ, несмотря на немногочисленность нашихъ характеристикъ (всего 11), попадались мальчики, у которыхъ всѣ эти качества были на лицо, и, тѣмъ не менѣе, творческое воображеніе отсутствовало. Такимъ образомъ, пришлось сдѣлать выводъ, «что перечисленныя выше качества, даже будучи развиты въ значительной степени, не влекутъ еще за собой непременно также и наличность творческаго воображенія. Очень можетъ быть, что качества эти находятся съ нимъ въ тѣсной связи, составляя ту почву, на которой оно только и можетъ зародиться. Но для того, чтобы творческая дѣятельность могла возникнуть, необходимы еще и какіе-то другіе элементы, сущность которыхъ въ настоящее время не поддается сколько-нибудь точному изученію» (стр. 162).

Всѣ приведенные факты и соображенія свидѣтельствуютъ, какъ намъ кажется, о томъ, что для рѣшенія проблемы душевныхъ склонностей или способностей ассоціативная теорія оказывается совершенно недостаточной. Она можетъ быть очень полезной въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется описать, проанализировать и представить въ наглядномъ, полусхематическомъ видѣ какой-нибудь не особенно запутанный душевный процессъ, при чемъ наиболѣе поддаются ассоціативному объясненію такіе процессы,

¹⁾ См. „Школьныя характеристики“, гл. V, 3.

въ которыхъ преобладаетъ объективная сторона, находящаяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ раздражителей, а именно: процессы воспріятія и воспоминанія, дѣйствія, обусловленные какимъ-нибудь внѣшнимъ впечатлѣніемъ или взаимной борьбой внѣшнихъ впечатлѣній и воспоминаній и т. д. Тамъ же, гдѣ требуется болѣе глубокое проникновеніе въ тѣ субъективные элементы, которые неизбѣжно участвуютъ во всякомъ сколько-нибудь сложномъ психическомъ актѣ, ассоціативныя объясненія дѣлаются уже гораздо менѣе ясными, а главное — почти всегда чисто гипотетическими.

А. Лазурскій.

Вильгельмъ Шуппэ и идея универсальной имманентности.

Нашъ вѣкъ въ философскомъ отношеніи является вѣкомъ возрожденія и перерожденія логики. Виндельбандъ характеризуетъ его, какъ вѣкъ философскаго ренесанса; точнѣе было бы назвать его вѣкомъ логическаго ренесанса.

Современная философія всецѣло погружена въ то огромное море идей, которое оставила намъ въ наслѣдство нѣмецкая спекуляція первой половины 19-го вѣка; мы живемъ въ ея атмосферѣ, дышимъ ея завѣтами и проблемами. Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель были мертвыми лишь для мертваго же времени грубаго матеріализма, потерявшаго въ своемъ безжизненномъ мірѣ атомовъ свое собственное я. Однако, это «я» не могло надолго затеряться въ мірѣ матеріи; оно быстро нашло себя и возродилось въ нашемъ логическомъ вѣкѣ, лишь яснѣе сознавъ и оцѣнивъ свою собственную сущность. Въ немъ возродился гигантскій духъ и Канта, и Фихте, и Гегеля; ихъ мощной силой продолжаетъ двигаться нашъ вѣкъ.

Какъ вѣкъ ренесанса, движимый тѣми внутренними противорѣчіями, которыя смутно таятся въ его первоисточникѣ, онъ по необходимости распался на рядъ взаимно противоположныхъ теченій, изъ которыхъ однако въ каждомъ можно найти извѣстную долю истины. На одну изъ этихъ противоположностей—психологизма и чистой логики—мы указывали въ нашей статьѣ объ Эд. Гуссерлѣ ¹⁾. Теперь мы беремъ другое не менѣе, если не болѣе важное противоположеніе имманентной и трансцендентной школы.

¹⁾ См. „Вопросы Филос. и Псих“, кн. 98, стр. 393—443.

Проблема трансцендентности споконъ вѣковъ является одной изъ основныхъ философскихъ проблемъ. Современная логика придаетъ этой проблемѣ совершенно своеобразное освѣщеніе: на мѣсто трансцендентной реальности появляется трансцендентная значимость (Geltung, Bedeutung, Gültigkeit); платоновская идея превращается въ логическое единство чистаго понятія. Весь міръ распадается на два огромныхъ царства: царство бытія и царство идеальныхъ логическихъ значимостей — «нормъ» или «идей». Примѣромъ перваго можетъ служить любой реальный предметъ или любое во времени протекающее событіе. Примѣромъ втораго мы возьмемъ такое понятіе, какъ «истина» или «смыслъ» какого-либо сужденія.

Этотъ «смыслъ» не есть реальная или дѣйствительная «вещь»; нельзя смѣшивать его также и съ мыслью; смыслъ не есть мысль, ибо мысль, какъ психическое состояніе, можетъ исчезнуть; истинность же ея, ея смыслъ остается неизмѣннымъ логическимъ единствомъ ¹⁾. Истина и смыслъ лежатъ внѣ сферы нашихъ психическихъ процессовъ и не могутъ быть затронуты никакими измѣненіями въ составѣ реального міра. Мы можемъ, въ крайнемъ случаѣ, становиться къ истинѣ въ опредѣленное отношеніе, можемъ познавать ее, но сама по себѣ она остается всегда трансцендентной нашему познанію. Она-то и есть тотъ «предметъ познанія», на который послѣднее «направляется» и съ которымъ оно «согласуется» ²⁾. Этотъ «предметъ познанія» не есть объектъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, не есть реальная данность, но вѣчная внѣвременная истина или «трансцендентное велѣніе», которому должно подчиняться наше сознаніе. «Логическое» становится такимъ образомъ прямою противоположностью «психическаго» или «сознательнаго» вообще и никакими операціями не можетъ быть добыто изъ него; оба лежатъ въ совершенно различныхъ и несоизмѣримыхъ областяхъ. Они не могутъ мыслиться реально соединенными или смѣшанными другъ съ другомъ; никакіе комплексы изъ бытія и значимости абсолютно невозможны; никакое реальное отношеніе между ними немыслимо, ибо «реальное,—какъ говоритъ Мейнонгъ,—никогда не можетъ стоять къ идеальному въ реальномъ, а всегда только въ идеаль-

1) См. Husserl, „Logische Untersuchungen“. B. I.

2) См. Rickert, „Gegenstand der Erkenntniss“.

номъ отношеніи» ¹⁾. Мы сказали бы больше того: то «идеальное», которому учить трансцендентная школа, въ своей изолированности отъ всякаго сознанія, вообще не можетъ стоять ни въ какихъ отношеніяхъ ни къ реальному, ни къ сознательному. Логическій смыслъ нашихъ сужденій и ихъ истинность или ложность совершенно и принципиально отрываются отъ нашихъ актовъ сознанія и переносятся вътакую область гносеологической абстракціи, которая при послѣдовательномъ проведеніи уже абсолютно закрываетъ имъ всякій обратный путь къ нашему сознанію. Изъ Риккертскаго царства «трансцендентнаго долженствованія» или Гуссерлевской сферы «чистыхъ идей» для истины уже нѣтъ возврата обратно къ человѣку. И Риккертъ, и Гуссерль стараются, конечно, найти или возсоздать этотъ обратный путь; но едва ли всѣ эти попытки можно разсматривать иначе, какъ неудачный компромиссъ съ имманентными тенденціями гнесеологии ²⁾.

Какъ видимъ, трансцендентная точка зрѣнія въ теоріи познанія сопряжена съ огромными затрудненіями, которыя при послѣдовательномъ проведеніи должны неизбежно привести ее къ парадоксальному изолированію человѣка отъ всякой связи съ логическимъ міромъ; удаленное на необитаемый островъ метафизическихъ «значимостей», все «логическое» оказывается недоступнымъ ни для какой реальности, а всего менѣе для психическаго субъекта. Логическое никогда не можетъ присутствовать въ «насъ», ибо психологически мы никогда не переживаемъ самого логическаго «смысла», никогда не имѣемъ самой истины, а всегда лишь опредѣленный характеръ психическаго сознанія, опредѣленную модификацію чувства, которую Авенариусъ называетъ «діалектической эпихарактеристикой фиденціала» ³⁾. Психологически нельзя говорить объ истинѣ, а только о чувствѣ истинности, какъ о нѣкоторомъ переживаніи или характерѣ, находящемся въ ближайшемъ родствѣ съ чувствомъ очевидности или увѣренности. Мы можемъ разлагать и анализировать этотъ характеръ сколько намъ угодно; никакого намека на истину (въ логиче-

¹⁾ Meinong, „Ueber Annahmen“. S. 124.

²⁾ Систематическая критика всѣхъ этихъ компромиссовъ имѣла бы большое значеніе для теоріи познанія, ибо она показала бы полную несостоятельность чисто трансцендентной школы. Въ нашей статьѣ мы можемъ лишь въ очень краткихъ чертахъ коснуться этой критики.

³⁾ Avenarius, „Kritik der reinen Erfahrung“. B. II, § 652.

скомъ смыслѣ идеальнаго единства значимости) мы въ немъ никогда не найдемъ; одно есть временная реальность, другое—бевременная значимость, одно есть чувство, другое—смыслъ.

Какъ бессмысленно было бы въ «Критикѣ чистаго разума» искать музыкальную мелодію, такъ же бессмысленно въ реальномъ, психическомъ процессѣ искать истину или смыслъ. Они абсолютно раздѣлены точкой зрѣнія трансцендентности. Послѣдовательное мышленіе неизбежно приходитъ къ отрицанію всякой связи между ними ¹⁾. Такимъ образомъ не только человѣкъ, но и всякое сознаніе, поскольку оно претендуетъ на «осмысленность», является съ этой точки зрѣнія сплошнымъ чудомъ. Трансцендентная философія, даже въ своемъ новѣйшемъ видоизмѣненіи, оказывается поэтому совершенно не въ силахъ разрѣшить проблему познанія, какъ отношенія субъекта къ объекту, т.-е. къ истинѣ. Эта невозможность вытекаетъ изъ ея исходнаго пункта, которымъ въ существѣ дѣла является совершенно самостоятельная, ни отъ чего независимая, самодовлѣющая данность трансцендентной значимости (Gültigkeit).

Для разрѣшенія этой проблемы философія должна возвратиться къ идеѣ универсальной имманентности въ томъ видѣ, въ какомъ она нашла свое выраженіе въ первомъ и второмъ періодѣ философіи Фихте. Тогда станетъ ясно, что «смыслъ» не можетъ быть отдѣленъ отъ сознанія, ибо онъ есть не что иное, какъ чистое сознаніе, тогда и вопросъ объ ихъ отношеніи отпадетъ самъ собою, ибо они окажутся въ основѣ тождественными. Исторію одного изъ такихъ «возвращеній» мы и хотимъ рассказать здѣсь читателю. Мы выбрали для этого логическую систему В. Шуппэ потому, что онъ является наиболѣе глубокимъ и наиболѣе идеалистическимъ представителемъ современной имманентной школы. Мы не могли также избѣжать постоянныхъ ссылокъ на Когена и Авенариуса, такъ какъ всѣ трое взаимно дополняютъ другъ друга. На примѣрѣ этихъ выдающихся мыслителей, сдѣлавъ изъ ихъ мыслей сами собою навязывающіяся слѣдствія, мы попытаемся въ краткихъ чертахъ набросать нашу точку зрѣнія универсальной имманентности, граничащей съ абсолютнымъ психологическимъ скептицизмомъ и, однако, сохраняющей возмож-

¹⁾ См. 93-ю кн. „Вопросовъ Философ. и Псих.“, статью Б. Яковенка, стр. 410—412.

ность познанія въ ея полной неприкосновенности. Мы попытаемся распространить точку зрѣнія имманентной объективности и на всѣ наши психическіе акты, на всего психическаго индивидуума и постараемся показать, что психическій индивидуумъ, въ силу именно своей объективности, никогда не можетъ стать субъектомъ познанія, что психика наша всегда остается внѣ всякой связи съ идеальной значимостью чистой истины, ибо проклятіе объективности, вѣчно тяготящееся надъ нею, воздвигаетъ непроходимую пропасть между «нами» и царствомъ чистой науки. Субъектомъ познанія остается тогда единое, вѣчно равное самому себѣ сознание, которое вполне тождественно съ самой истиной и смысломъ. Въ этой распространенной объективности и видимъ мы универсальность имманентной точки зрѣнія. Все послѣдующее изложеніе уяснить эту мысль.

Основное положеніе всей имманентной философіи заключается въ трехъ словахъ: міръ есть сознание; онъ не «продуцируется» и не «создается» сознаниемъ, но именно есть сознание; послѣднее не противостоитъ своему субъекту, какъ отъ него независимый и въ свою очередь объективный процессъ, какъ самостоятельная дѣятельность или сущность, но образуетъ съ нимъ неразрывное цѣлое. «Эта совмѣстная данность обѣихъ составныхъ частей (субъектъ и объектъ) есть основной фактъ и долженъ служить намъ основной предпосылкой»¹⁾. Обыкновенно представляютъ себѣ сознание въ видѣ какого-то духа, витающаго надъ вещами и отражающаго ихъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ. Это глубоко неправильно. Сознание само по себѣ, безъ сознаваемого объекта, есть абсолютное ничто, пустая абстракція. Предметъ и строящая его категоріи познанія представляютъ одно нераздѣльное единство, которое не можетъ быть разложено на два самостоятельныхъ, другъ отъ друга независимыхъ и равноправныхъ объекта. Какъ нельзя мыслить свѣта вообще внѣ опредѣленной окраски или опредѣленную окраску внѣ свѣта, такъ же нельзя представить себѣ совершенно пустого познанія или предмета внѣ познанія, ибо поскольку мы его представляемъ или мыслимъ, постольку мы уже переносимъ его въ сознание и конструируемъ изъ его элементовъ²⁾.

1) Schuppe, „Erkenntnisstheoretische Logik“. Bonn 1878, стр. 145.

2) „Желаніе мыслить объектъ самъ по себѣ есть contradictio in re: это значитъ желать нѣчто мыслить не мысля при этомъ“. „Logik“. Ст. 143. Ср.

Оба они необходимо предполагаютъ другъ друга и ни одинъ «не можетъ быть мыслимъ безъ того, чтобы тотчасъ же не былъ мыслимъ и другой»¹⁾. Одно безъ другого является столь же абстрактнымъ моментомъ, какъ, напр., красный цвѣтъ внѣ его пространственнаго протяженія; они первоначально принадлежатъ другъ другу вмѣстѣ и лишь абстрагирующее познаніе раздѣляетъ ихъ, при чемъ въ результатѣ этого дѣленія отнюдь не получаютъ двѣ самостоятельныя вещи, какъ, напр., при дѣленіи треугольника на двѣ половины, а только два совершенно абстрактныхъ и реально другъ безъ друга немислимыхъ момента, какъ если бы мы треугольникъ раздѣлили на протяженность и треугольность. Вообще, такъ наз. формы сознанія или мышленія никогда не могутъ быть отдѣлены отъ своего содержанія и представлены въ видѣ самостоятельныхъ силъ или функцій²⁾. Такимъ стремленіемъ къ реальному раздѣленію ихъ особенно обладаютъ сторонники психологизма и психологистическіе интерпретаторы Канта вродѣ Куно Фишера. Въ этомъ сказывается неумѣнье обращаться съ абстрактными понятіями, «слабость абстракціи»³⁾, какъ выражается Шуппэ. Дѣло въ томъ, что, изолируя, напр., пространство отъ его содержанія и мысля его въ видѣ какого-то пустого сосуда, мы по существу дѣла всегда уже заполняемъ этотъ «сосудъ» какимъ-нибудь содержаніемъ, хотя бы, напр., мыслимъ его чернымъ или темнымъ. Абсолютно пустого пространства, независимо отъ чувственныхъ качествъ, мыслить совершенно нельзя, ибо оно тогда изъ реального пространства превращается въ чисто математическій законъ рядоположности; оно теряетъ свою реальность; и если мы пытаемся мыслить его такъ, то мы неизбѣжно заполняемъ его, т.-е. не доводимъ нашей абстракціи до конца, въ чемъ и выражается ея слабость. Полная и послѣдовательная абстракція заканчивается сознаніемъ невозможности мыслить форму и содержаніе реально отдѣленными другъ отъ друга. Для того, кто мыслить ихъ раздѣльными потенціями, останется навсегда непонятнымъ, какимъ же

т. 34, 69. См. также Schubert von Soldern, „Ueber Transcendenz des Subjects und des Objekts“. S. 16, гдѣ доказывается, что если трансцендентное можетъ быть мыслимо, то оно перестаетъ быть трансцендентнымъ.

1) „Logik“. S. 26.

2) „Logik“. S. 15—26; 150, 160.

3) Ib. S. 16.

чудомъ они соединяются другъ съ другомъ, входятъ другъ въ друга. Вопросъ о «подведеніи подъ категоріи» становится неразрѣшимой проблемой. Для Шуппэ же его принципиально не существуетъ, ибо онъ никогда не отдѣлялъ формы отъ содержанія. «Кто сознаетъ логическую нераздѣльность обѣихъ составныхъ частей,—говоритъ онъ,—тому никогда не придетъ въ голову мысль начать объяснять возможность ихъ соединенія въ одно цѣлое, такъ какъ скорѣе твердо устанавливается невозможность ихъ раздѣленія» ¹⁾.

То же самое сохраняетъ силу и относительно всего нашего мышленія и сознанія; мышленіе всегда существуетъ вмѣстѣ со своимъ объектомъ и на немъ и «спрашивать, какимъ образомъ не имѣющее объекта и содержанія, но уже реальное мышленіе или сознаніе можетъ впитать въ себя нѣчто внѣ сознанія лежащее и сдѣлать его своимъ объектомъ,... совершенно бессмысленно» ²⁾. «Мышленіе и бытіе суть чисто абстрактные моменты одного и того же предметнаго единства и отнюдь не самостоятельныя вещи» ³⁾. Сознаніе всегда неразрывно соединено со своимъ объектомъ и образуетъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое, «первоначальное цѣлое бытія вообще» ⁴⁾. Одно необходимо предполагаетъ другое и именно потому, что оба принципиально являются однимъ и тѣмъ же ⁵⁾. Объектъ есть лишь особое состояніе сознанія, лишь конкретное его опредѣленіе или «содержаніе».

Понятіе содержанія у Шуппэ принципиально отличается отъ того же понятія въ трансцендентной школѣ; его надо строго отличать отъ понятія интенціональнаго объекта у Гуссерля и у Мейнонга. Именно интенціональное отношеніе сознанія къ его предмету (или содержанію—все равно) совершенно отсутствуетъ

¹⁾ Ib. S. 29. Ср. т. S. 69; 89.

²⁾ Ib., S. 85.

³⁾ Ib., S. 17, 25, 73, 74 и др.

⁴⁾ „Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik“, S. 34.

⁵⁾ Что эта идентификація субъекта и объекта является основной точкой зрѣнія Шуппэ, слѣдуетъ уже изъ его фундаментальнаго понятія „я, какъ объектъ“. Выше изложенное понятіе субъекта и объекта, какъ абстрактныхъ моментовъ, отнюдь не противорѣчитъ идеѣ тождества, какъ выяснится изъ дальнѣйшаго понятія объекта, какъ конкретнаго состоянія общаго понятія „сознаніе“.

у Шуппэ. Предметъ не «схватывается» сознаниемъ, не «встрѣчается» ¹⁾ съ нимъ и не «направляется» на него, но изначала образуетъ съ нимъ абсолютно недѣлимое и единое цѣлое. Сознаніе не можетъ быть «направлено» на предметъ уже по одному тому, что оно не мыслимо само по себѣ, внѣ его предмета; интенціональный же актъ, хотя бы онъ былъ и необходимо связанъ со своимъ предметомъ, представляетъ самъ по себѣ опредѣленное единство и можетъ быть анализируемъ совершенно независимо отъ своего предмета, какъ это и дѣлаетъ Гуссерль въ 5-мъ и 6-мъ своемъ «Исслѣдованіи». Шуппэ же никогда не можетъ придти въ голову представить себѣ мысль отдѣленной отъ ея объекта, ибо объектъ данъ непосредственно вмѣстѣ съ мыслью и заключается въ ней. Не то что онъ лежитъ внутри нея (какъ будто отъ мысли можетъ еще что-то остаться по удаленіи объекта!), но онъ состоитъ изъ нея, его бытіе вполне исчерпывается этой мыслью. Объектъ не интендируется и даже не создается категоріями ²⁾, какъ какими-то загадочными функциями или силами духа, но всецѣло состоитъ изъ категорій, которыя отнюдь не суть формы или элементы какой-то духовной субстанции, но именно элементы объективнаго міра, элементы конституирующіе понятіе не духа, а именно матеріи. Категоріи (т.-е. формы сознанія вродѣ вѣчности, причинности и т. д.) присутствуютъ по существу дѣла не въ «насъ», а въ самихъ объектахъ ³⁾, ибо изъ нихъ впервые конституируется дѣйствительный міръ ⁴⁾, который и состоитъ ни изъ чего другого, какъ изъ ихъ конкретныхъ проявленій и сочетаній, отнюдь не превращаясь благодаря этому во что-то безтѣлесное и имматериальное.

Категоріи проявляются въ сужденіи. Но и это обстоятель-

1) „Logik“, S. 508, 532 ff.

2) Мы пользуемся этимъ терминомъ въ совершенно кантовскомъ смыслѣ для обозначенія апріорныхъ элементовъ объективности или основныхъ методовъ объективации (реальность, вѣчность, причинность и т. д.) Предметъ вообще есть сложное понятіе; элементы, конституирующіе это понятіе, мы и называемъ категоріями.

3) „Was durch die Art der Aneignung (Kategorien) produziert worden ist, kann ja immer wie im Vorhandenen oder im Objekte enthalten dargestellt werden“. „Logik“, S. 97.

4) „Grundriss der Erkenntnisstheorie“, S. 45.

ство не нарушаетъ ихъ объективности и не превращаетъ въ какую-то независимую отъ матеріальнаго міра, духовно-субъективную форму, ибо сужденіе въ гносеологическомъ смыслѣ отнюдь не есть психическій актъ, а скорѣе актъ чистаго сознанія, актъ объективации. Сужденіе есть не что иное, какъ объективная связь чувственныхъ датъ, и именно не связываніе, а связь. «Оно не соединяетъ вмѣстѣ того, что было предварительно разъединено, но только называетъ родъ совмѣстнаго бытія чувственныхъ датъ». Сужденіе есть сознаніе связи или сознаніе единства, а сама эта связь въ объектѣ или единство объекта есть въ свою очередь не что иное, какъ форма сознанія или сужденія. Такимъ образомъ міръ не творится и не интендируется мышленіемъ, но состоитъ изъ отдѣльныхъ актовъ мышленія или «смысла», т.-е. изъ сужденій. Нѣтъ никакой другой объективности, кромѣ объективности самаго сужденія. Сужденіе = объектъ и обратно: объектъ = сужденіе. Между мышленіемъ и объектомъ всегда стоитъ знакъ равенства, а отнюдь не знакъ интенціональной зависимости. «Мышленіе бытія = мыслимому бытію» ¹⁾. Предметъ есть вполнѣ опредѣленное состояніе мышленія (въ широкомъ смыслѣ сознанія вообще) и мышленіе есть именно сознаніе вполнѣ опредѣленной объективной связи. Формы мышленія суть въ то же время и формы дѣйствительности ²⁾, ибо дѣйствительность есть не что иное, какъ истина въ мышленіи.

Съ особенной ясностью эта мысль о тождествѣ мышленія и объективности—основная мысль имманентной философіи — выступаетъ у Шуппэ въ его ученіи о причинности ³⁾. Послѣднюю онъ понимаетъ (соединяя всѣ три релятивныхъ категоріи Канта) какъ всякую необходимую связь чувственныхъ впечатлѣній или датъ. Эта связь есть одно изъ условій существованія объективнаго міра; будь онъ абсолютно разрозненъ и безъ всякой связи, онъ не могъ бы получить названіе объективнаго; причинность есть основной моментъ объективности. И однако сущность ея заключается въ чистой мысли, ея бытіе чисто интеллектуальнаго характера. Отъ этого нисколько не уменьшается

¹⁾ Leclair, „Beiträge zu einer monistischen Erkenntnistheorie“, S. 19.

²⁾ „Die logischen Allgemeinbegriffe fallen mit den obersten Gattungen des Seienden zusammen“ „Logik“, S. 112. Cp. m. S. 116; Grundriss S. 79.

³⁾ „Logik“, S. 387. ff. Grundriss, S. 58—77.

ея объективность; разумѣется, причинная связь не можетъ быть воспринята въ видѣ краснаго пятна, или звука, или вкуса; разумѣется сущность ея заключается не въ воспріятіи, а въ чисто интеллектуальномъ моментѣ мышленія; но отъ этого она не перестаетъ быть той самой связью, которая соединяетъ чувственные даты въ единство объективнаго процесса или вещи. Она заключается (anhaften) въ самой объективной дѣйствительности, ибо благодаря ей-то дѣйствительность и дѣлается впервые объективной, и отнюдь не перекладывается въ какой-то субъективный центръ. Оставаясь родомъ мышленія, она продолжаетъ «принадлежать къ дѣйствительному міру» ¹⁾. Такимъ образомъ родъ мышленія превращается въ способъ бытія и интенціональность—этотъ распространеннѣйшій философскій предразсудокъ—устраняется сама собой, ибо нѣтъ болѣе разницы между мышленіемъ и объективностью ²⁾.

¹⁾ „Grundriss der Erkenntnistheorie“, S. 59.

²⁾ Такому монистическому пониманію противорѣчатъ какъ будто нѣсколько ясно сказанныхъ у Шуппэ фразъ. Онъ нѣсколько разъ упорно повторяетъ, что сознаніе отлично отъ бытія. См., напр., „Logik“, S. 26, 27, 33, 72, 89, 145, 148 и др. Но, во-первыхъ, бытіе, конечно, и для мониста отлично отъ сознанія, ибо оно есть лишь его конкретное состояніе; а во-вторыхъ, тамъ гдѣ у Шуппэ дѣйствительно проскальзываетъ интенціональность, это происходитъ не вслѣдствіе дуализма мышленія и дѣйствительности, а вслѣдствіе сохранившагося у него въ самомъ понятіи сознанія дуализма между „данностью“ и „чистымъ мышленіемъ“ (Denken als solches). Именно бытіе (а не объективность) состоитъ, согласно его ученію (и эта черта дѣлаетъ его чистымъ кантіанцемъ), изъ воспріятій и разсудочнаго синтеза ихъ; поэтому, хотя разсудочный синтезъ (Denken als solches, Denken im engeren Sinne) и составляетъ самую сущность объективности, онъ все же не совпадаетъ съ понятіемъ бытія, такъ какъ бытіе включаетъ въ себя еще и чувственные даты. Поэтому, когда онъ говоритъ о сознаніи какъ о чемъ-то противостоящемъ своему содержанію, усвояющемъ и обрабатывающемъ его, однимъ словомъ, какъ о чемъ-то „направленномъ“, интенціональномъ, онъ разумѣетъ всегда уже не сознаніе, какъ общую форму и общее качество всякаго имманентнаго бытія, а специальное сознаніе оформливающего мышленія въ противоположность данности. Между ними сохраняется у него дуализмъ и, если угодно, своего рода интенціональность. Мы отрицаемъ только интенціональность между мышленіемъ, лучше—формами мышленія и объектомъ; ибо объективность вполне тождественна съ этими формами и изъ нихъ состоитъ. Слѣдовательно, направленность формы на ея ирраціональное содержаніе у него остается и уничтожается только направленность формальнаго сознанія на объектъ, ибо объектъ состоитъ изъ этихъ формъ сознанія. Мы

Отношеніе между объектомъ и субъектомъ перестаетъ быть интенціональнымъ и превращается въ чисто логическое отношеніе абстрактнаго къ конкретному. Объектъ есть лишь конкретизація или спецификація сознанія. Между ними существуетъ такое же отношеніе, какъ между общимъ понятіемъ всякой дѣятельности и ея частнымъ проявленіемъ. Если, напр., поется пѣснь, то разумѣется не существуетъ пѣнія внѣ пѣсни; пѣніе не «схватываетъ» и не «направляется» на пѣснь, какъ на отличный отъ него самого объектъ; оно только конкретно проявляется въ пѣсни, какъ общее опредѣленіе того рода бытія, которымъ обладаетъ пѣснь, какъ таковая. Такова сущность всякой глагольной формы вообще (Verbalform), что она всегда опредѣляетъ посредствомъ общаго понятія соотвѣтствующей дѣятельности (пѣть, дѣлать, чувствовать, мыслить и т. д.) какое-нибудь явленіе ¹⁾. Совершенно такого же рода отношеніе выражается въ словахъ «боль чувствуется», «книга воспринимается», «объектъ сознается»; какъ боль есть лишь конкретное проявленіе дѣятельности чувства вообще, книга — дѣятельности воспріятія вообще, такъ и объектъ есть лишь конкретное проявленіе или состояніе дѣятельности сознанія вообще, при чемъ слово «дѣятельность» понимается здѣсь въ смыслѣ только общаго опредѣленія того способа, какимъ существуютъ данные объекты. «Ясно,—говоритъ Шуппэ,—что всѣ эти дѣятельности, мыслимыя безъ своего объекта, суть только родовыя понятія» ²⁾. Точно также ясно, что ихъ объекты суть не что иное, какъ конкретныя проявленія этихъ дѣятельностей, т.-е. частные виды этихъ общихъ понятій ³⁾. Дѣятельность въ этомъ смыслѣ не есть ничто само-

обращаемъ особенное вниманіе на эту двусмысленность въ понятіи содержанія, которая страшно затемняетъ пониманіе его логики. Содержаніе, какъ ирраціональный матеріалъ и содержаніе, какъ объектъ—двѣ совершенно различныя вещи, и однако Шуппэ promiscue употребляетъ оба понятія. Дѣло сильно запутывается еще тѣмъ, что сознаніе мыслится то какъ общій способъ бытія всѣхъ имманентныхъ объектовъ, т.-е. какъ идея объективности, то какъ абстрактный моментъ, т.-е. происходитъ страшная путаница между понятіемъ „идеи“ и „абстрактнаго момента“, которая проходитъ черезъ все его ученіе объ общихъ понятіяхъ.

1) „Grundriss der Erkenntnistheorie“, S. 134. „Logik“, S. 509 f.

2) „Logik“, S. 534.

3) „Sehen und Hören sind Zustände, und das Objekt, welches man hört und sieht, ist nichts für sich bestehendes, welches von der Thätigkeit des Sehens

стоятельное; она не существуетъ въ видѣ независимой отъ объекта силы или возможности, но дана всегда лишь въ своемъ объектѣ, какъ его родовое опредѣленіе; точно также объектъ не есть результатъ или продуктъ какой-то внутренней, отличной отъ него работы или энергіи, а только специальный случай общаго понятія, выраженного въ данномъ родѣ дѣятельности. Поскольку этотъ объектъ, воплощая въ себѣ идею даннаго рода дѣятельности, является частнымъ видомъ по отношенію къ этому роду, онъ называется у Шуппэ «объектомъ вида», «Objekt der Species» ¹⁾. Такъ опредѣленная пѣснь является объектомъ вида по отношенію къ общему понятію «пѣніе»; опредѣленная рѣчь является такимъ же объектомъ вида по отношенію къ общему понятію «говореніе», опредѣленное ощущение, напр., краснаго цвѣта—по отношенію къ общему понятію «ощущеніе» и т. д. Отношеніе между этими «объектами вида» и соотвѣствующими имъ «дѣятельностями» отнюдь не есть реальное или интенціональное, а исключительно логическое отношеніе абстрактнаго къ конкретному. Объектъ вида не есть лежащая внѣ дѣятельности цѣль, на которую эта послѣдняя могла бы направляться, а лишь конкретное ея состояніе, съ которымъ этотъ объектъ логически совпадаетъ и имъ исчерпывается.

Къ общимъ понятіямъ «мышленіе», «чувствованіе», «сознаніе» также принадлежатъ «объекты видовъ», которые и называются въ прямомъ и обычномъ смыслѣ объектами. Такимъ образомъ объектъ въ смыслѣ предмета есть по существу своему объектъ вида ²⁾, т.-е. конкретное состояніе сознанія. Сознанію не на что «направляться»; ибо все, на что оно могло бы направляться, лежитъ въ его предѣлахъ и состоитъ изъ его элементовъ (пространство, время, вещьность, ощущение и т. д.).

Здѣсь мы должны предотвратить маленькое недоразумѣніе,

oder Hörens getroffen und berührt würde, sondern nur die Species dieses durch Sehen und Hören nur von Seiten seiner Gattung bezeichneten Zustandes“. „Logik“, S. 508.

¹⁾ „Logik“, S. 508; 532—535. Grundriss, S. 144.

²⁾ „Zum Denken, Fühlen und Wollen gehört als wesentliches Moment, ohne welches diese Thätigkeiten gar nicht gedacht werden können, die allgemeine Vorstellung eines Objekts, eines Etwas was gedacht, gefühlt, gewollt wird. Wird hinzugesetzt, was das ist, so ist es handgreiflich das Objekt der Species“. „Grundriss der Erkenntnisstheorie“, S. 144.

которое однако нерѣдко влечетъ за собою крупныя и весьма печальныя послѣдствія, искажая цѣлыя философскія системы. Желая доказать принципиальную логическую разницу между предметомъ и актомъ его сознанія, философы часто прибѣгаютъ къ весьма плачевной аргументаціи; а именно, говорятъ они: сознаніе непротяженно и нематеріально, а предметъ протяженъ и матеріаленъ; слѣдовательно, если не реально, то по крайней мѣрѣ логически, какъ субъекты возможныхъ предикацій, они всегда различны и даже трансцендентны другъ другу ¹⁾. Ихъ ошибка заключается въ томъ, что сознаніемъ они считаютъ только психическое, только духовное; они забываютъ, что пространство и матерія являются такими же видами сознанія вообще, какъ чувство или воля; поэтому отнюдь нельзя сказать, что сознаніе непротяженно; оно, разумѣется, протяженно, но лишь постольку, поскольку оно проявляется въ формѣ пространства. Все есть сознаніе, а поэтому и сознаніе есть все и лишь какъ общее опредѣленіе оно есть ничто. Оно есть «все во всемъ и въ то же время ничто изъ всего» ²⁾.

Итакъ, нѣтъ сознанія, какъ независимой, самостоятельной, отличной отъ объекта духовной силы, которая бы направлялась на него, схватывала бы и усваивала его (*vis assimilativa*); оно вполне тождественно съ общимъ опредѣленіемъ имманентнаго бытія; сознаніе вообще, говоритъ Риккертъ, есть только другое имя для имманентнаго бытія. Оно имѣется только въ самихъ объектахъ, или лучше—«на нихъ», какъ общій способъ ихъ существованія, и отнюдь не должно быть мыслимо въ видѣ какой-то усваивающей силы или отражающей субстанціи.

Этотъ призракъ усваивающей силы сознанія—*vis assimilativa*—проносится въ видѣ упорной и неотвязчивой идеи черезъ всю исторію философіи. Даже въ наше время эта фантазія продолжаетъ играть еще огромную роль. Исторія философіи есть борьба противъ этого призрака за идею монизма. Эта идея даетъ единство пестрой смѣнѣ философскихъ системъ и объединяетъ ихъ въ одномъ стремленіи: выработать такое понятіе субъекта

¹⁾ См. напр. аргументацію Гуссерля: „*Logische Untersuchungen*“. В. II. S. 327, 829, 352, 353, 387.

²⁾ Nicolaus Cusanus. Par. Ausg. 1514. De non aliud. S. 156, 159. (Цитируется по Кассиреру) и др.

и объекта, при которомъ оправдывалось бы парменидовское тождество бытія и мышленія. Греческая философія вся полна этой тенденціей и лишь въ своемъ завершеніи, въ лицѣ аристотелевской системы она уклоняется въ сторону отъ своего основного принципа. Его ученіе о двухъ разсудкахъ, изъ которыхъ одинъ (*νοῦς παθητικός*) является исключительно пассивной, воспринимающей отдѣльныя впечатлѣнія функціей души, другой (*νοῦς ποιητικός*), наоборотъ, активной, творческой, но за то всему чувственному міру трансцендентной силой, создающей лишь общіе принципы метафизическаго знанія—это ученіе легло въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ дуалистическихъ тенденцій средневѣковой схоластики и мистики. Въ своей интеллигибельной трансцендентности, превращенный въ среднихъ вѣкахъ въ какую-то космическую потенцію, человѣческій разумъ въ лицѣ *νοῦς ποιητικός* противостоитъ чувственному міру опыта, какъ самостоятельная и независимая отъ него познавательная сила. Однако, уже у самихъ средневѣковыхъ аристотеликовъ—особенно александрійскаго направленія—обнаруживается снова тенденція возвратить разумъ міру и понять чувственную дѣйствительность какъ продуктъ интеллектуальной обработки ¹⁾. Средневѣковый платонизмъ, воспитанный въ школѣ Плотина, наоборотъ, весь проникнутъ идеей тождества. Интеллектъ и интеллигибельный объектъ не противостоятъ другъ другу, какъ чуждыя и независимыя сущности; они тождественны по происхожденію и въ высшемъ единствѣ сливаются въ одно ²⁾. Съ другой стороны, сами интеллигибельные объекты, т.-е. идеи, являются ничѣмъ инымъ какъ формами чувственнаго міра, оставаясь въ то же время «прирожденными формами» нашего духа ³⁾. Такимъ образомъ истинная сущность дѣйствительнаго міра переносится въ интеллектъ, который создаетъ идеи, какъ высшія предпосылки для обработки и пониманія эмпирической дѣйствительности.

Новая эра начинается философской системой, въ развитіи

¹⁾ См. Ernst Cassirer, „Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit“. B. I, S. 108—121.

²⁾ „Ipsium intelligibile propria est intellectus perfectio unde intellectus in actu et intelligibile in actu sunt unum„. Marsilius Ficinus: „Theologia Platonica de immortalitate animorum, lib. XI. Cap. I. (Цитируется у Кассирера.)

³⁾ См. Cassirer. B. I; 101—104.

которой яснѣ всего выступаетъ борьба этихъ двухъ началъ; это система Николая Кузанскаго. Идея тождества настолько сложно и тѣсно переплетается въ его системѣ съ идеей отображающей дѣятельности сознанія, что становится почти невозможнымъ понять его систему, какъ единую и законченную. Но какъ бы онъ ни понималъ сущность нашего познающаго духа, во всякомъ случаѣ въ божественномъ интеллектѣ онъ устраняетъ всякую разницу между субъектомъ и объектомъ ¹⁾. Противоположность между предметомъ и познающимъ его духомъ здѣсь уничтожается, такъ какъ Богъ есть не что иное, какъ чистая и неограниченная дѣятельность сознанія ²⁾, присутствующая цѣликомъ въ каждомъ своемъ твореніи или объектѣ, и относящаяся къ міру объектовъ такъ, какъ единый свѣтъ относится къ многоразличнымъ цвѣтамъ, присутствуя въ каждомъ изъ нихъ, какъ ихъ общее понятіе ³⁾. Съ особенной ясностью эта монистическая идея выступаетъ у Кампанеллы и у мистиковъ. Духъ можетъ, согласно ученію Кампанеллы, только потому понимать внѣшнія вещи, что онъ въ нихъ превращается, такъ сказать, теряетъ себя самого, становясь предметомъ; знаніе, говоритъ онъ, есть превращеніе въ объектъ и потеря собственной индивидуальности ⁴⁾. *Cognoscere est fieri rem cognitam*—познать—значитъ сдѣлаться самой познанной вещью—мысль, значеніе и цѣнность которой еще до сихъ поръ не вполне сознаны. К. Фишеръ въ своемъ изложеніи Фихте блестяще формулировалъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ: «дѣйствительная вещь есть не что иное, какъ потерянное въ своемъ созерцаніи я» ⁵⁾. «Я» именно должно исчезнуть и потеряться, чтобы возникла вещь; оно должно разбить свою неограниченность и кон-

1) См. *De filiatione Dei*. fol. 67 в. „*Purissimus intellectus omne intelligibile intellectum esse facit: cum omne intelligibile in ipso intellectu sit intellectus ipse*“. (Цит. по Кассиреру.)

2) Или „зрѣнія“, какъ выражается Кузанскій. См. *De quaerendo Deum* fol. 198 а.

3) См.: *De apice theoriae*. fol. 220 а.

4) „*Scire est alienari, alienari est insanire et perdere proprium esse et aequirere alienum: ergo non est sapere res, prout sunt, sed fieri res et alienatio. Sed alienatio est furor et insania, tunc enim insanit homo, cum in aliud esse convertitur*“. Campanella: *Metaphisica*. P. I. Lib. I. Cap. I. Art. IX.

5) К. Fischer, „*Geschichte der neueren Philosophie*“. B. VI, S. 357.

центрироваться въ объектъ. Объектъ есть ограниченное въ своей дѣятельности сознаніе, его конкретное состояніе. Эта идея конкретизаціи впервые, кажется, появляется у Бруно. Какъ разумъ нашъ можетъ дойти до понятія абсолютнаго единства лишь путемъ постепенной «абстракціи», такъ, наоборотъ, само это единство лишь путемъ «конкретизаціи» можетъ создать міръ ¹⁾. Между абсолютнымъ единствомъ и міромъ единичныхъ вещей Бруно устанавливаетъ точно такое же отношеніе, какое Фихте устанавливаетъ между «я» и міромъ ²⁾; и если принять во вниманіе неоплатоновскіе элементы его ученія, согласно которымъ высшее единство является въ то же время абсолютнымъ тождествомъ и индифферентностью разума и дѣйствительности ³⁾, то Бруно окажется несравненно ближе къ Фихте и Шеллингу, чѣмъ Спиноза. Недаромъ Шеллингъ озаглавилъ одно изъ главныхъ своихъ произведеній «Bruno».

Неоплатонизмъ вмѣстѣ со своей позднѣйшей модификаціей—мистицизмомъ, является особенно типичнымъ поборникомъ идеи тождества. Родство между познающимъ и познаваемымъ, провозглашенное Мейстеромъ Еккартомъ за основной философскій принципъ, является основнымъ положеніемъ неоплатонизма, особенно въ лицѣ его главнаго представителя и основателя Плотина. Бытіе возможно только какъ бытіе мысли ⁴⁾. Бытіе интеллигибельнаго міра есть продуктъ интеллектуальной дѣятельности, «энергіи» мышленія. Интеллектъ не противостоитъ интеллиги-

¹⁾ „Такъ позвольте же намъ,—говоритъ Бруно,—возвышаясь къ совершенному познанію, упрощать множество, такъ какъ единство, нисходя къ творчеству вещей, принимаетъ конкретные образы. Процессъ нисхожденія совершается отъ единого существа къ безконечно многимъ индивидамъ и безчисленнымъ видамъ, восхожденія же наоборотъ отъ этихъ къ тѣмъ“. Перев. съ нѣмек. изданія: Giordano Bruno, „Von der Ursache, dem Princip und dem Einen. Aus dem italienischen übersetzt von A. Lasson“, S. 108. Ср. m. „Sigillus sigillorum“. Op. lat. II. 2, 213 f.

²⁾ „Und ebenso ist auch das Vermögen immer auf Eine Wirklichkeit beschränkt, weil es immer nur ein spezifisches und besonderes Dasein hat“ Ib. S. 67.

³⁾ „Der Göttliche Verstand und die absolute Einheit ist ohne irgend eine Vorstellung das was versteht und das was verstanden wird in einem zugleich“. Ib. S. 108.

⁴⁾ „Ὁρθῶς ὅρα τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶ τε καὶ εἶναι“. „εἰ σὲ παρ' αὐτοῦ καὶ εἰ αὐτοῦ νοεῖ, αὐτοῖς ἐστὶν ἃ νοεῖ“. Plotini Enneades. Enn. V, 9,5,

бельному міру, какъ низависимое отъ него существо, которое отражало бы отдѣленную отъ него дѣйствительность; но сама эта интеллигибельная дѣйствительность есть не что иное, какъ интеллектъ; она вполне совпадаетъ съ нимъ ¹⁾, являясь ничѣмъ инымъ, какъ царствомъ чистыхъ понятій въ божественномъ духѣ.—Что придаетъ особенную цѣнность и «современность» системѣ Плотина, это принципиальное отождествленіе бытія и истины. Бытіе возможно только благодаря истинѣ и есть не что иное, какъ сама истина. «Абсолютная истина не согласуется съ чѣмъ-то другимъ, а только сама съ собой, и она не высказываетъ ничего другого, кромѣ себя самой; она есть; и то, что она есть, она и высказываетъ» ²⁾. Истина и бытіе—одно и то же; бытіе есть содержаніе истины.

Въ этихъ зачаткахъ новой философіи сказано все, что великимъ до-кантовскимъ раціоналистамъ пришлось разработать и продумать, чтобы передать эти проблески мысли самому Канту, въ рукахъ котораго имъ суждено было развиваться въ систему. Послѣ того, какъ Спиноза отождествилъ порядокъ вещей съ логическимъ порядкомъ идей и Лейбницъ въ своихъ «Nouveaux Essais» показалъ, что природа вещей есть не что иное, какъ природа нашего духа и его «прирожденныхъ идей»,—лишь послѣ этого Кантъ могъ произнести свою гордую фразу о томъ, что «разумъ предписываетъ законы природѣ», и объединить весь міръ въ высшемъ основоположеніи своей критики «я мыслю».

Этотъ краткій историческій очеркъ идеи монизма показываетъ намъ, что имманентную философію въ широкомъ смыслѣ нельзя понимать какъ «школу», какъ преходящую систему. Идея универсальной имманентности есть въ то же время и универсальная идея всей западно-европейской философіи; ея корни лежатъ въ самой глубокой древности, ея первые проблески неясно бродили уже въ умахъ Парменида и Гераклита (λόγος), ея движеніе и развитіе есть движеніе и развитіе европейской философіи. Въ свѣтѣ этой идеи осмысливается та пестрая смѣна «другъ другу противорѣчащихъ системъ», въ которой философскій дилетан-

1) „οὐ τοίνυν δεῖ οὕτω ἔξω τὰ νοητά ζητεῖν οὔτε τύπους ἐν τῷ νῷ τῶν ὄντων λεγεῖν εἶναι οὔτε τῆς ἀληθείας ἀποστεροῦντας αὐτόν ἀγνωσίαν τε τῶν νοητῶν ποιεῖν καὶ ἀνοπαρξίαν καὶ ἔτι αὐτόν τόν νοῦν ἀναιρεῖν. Enn. V, 5,2.

2) „Ὡστε καὶ ἡ ὄντως ἀλήθεια οὐ συμφρονούσα ἀλλ' ἄλλ' ἑαυτῇ, καὶ οὐσέν παρ' αὐτήν ἄλλο λέγει καὶ ἔστι καὶ ὃ ἐστι τοῦτο καὶ λέγει“. Enn. V. 5,2.

тизмъ ищетъ обыкновенно обоснованія своего скептическаго настроенія. Философія получаетъ въ ней единство своего развитія и смыслъ своего движенія впередъ. Дать философскія основы точнаго имманентнаго знанія, т. - е. дать научную теорію познанія, такова главная задача философіи. Въ этомъ смыслѣ современное намъ имманентное теченіе является наслѣдникомъ и носителемъ великой исторической традиціи. И сколько бы оно, въ лицѣ своихъ крайнихъ представителей, ни старалось оградить себя отъ «прошлаго», сколько бы эти послѣдніе ни критиковали Канта и нѣмецкую спекуляцію, они до мозга костей остаются проникнутыми философскими понятіями и задачами того времени.

Итакъ, основная идея имманентной философіи есть идея тождества бытія и сознанія; и именно не въ томъ смыслѣ, что сознаніе есть бытіе, а въ томъ, что бытіе есть всегда бытіе сознанія. Всякая объективность проистекаетъ изъ субъекта и является лишь спеціальнымъ случаемъ проявленія его общей, неограниченной дѣятельности. Различныя стороны или моменты объективности суть лишь «направленіе сознанія» (*Richtungen des Bewusstseins*), какъ выражается Когенъ. Коротко формулируя эту идею въ терминахъ Шуппэ, мы можемъ сказать, что объектъ есть всегда объектъ вида, т.-е. конкретное проявленіе или опредѣленіе сознанія вообще. Въ этой формулѣ Шуппэ непосредственно соприкасается съ Фихте. Не-я, объектъ есть лишь акциденція Я¹⁾—таково глубочайшее положеніе фихтевской философіи; и въ этомъ отношеніи имманентная школа есть лишь возрожденіе фихтеанства. Это положеніе необычайной важности. Имъ устраняется пропасть между объективностью и субъективностью и изгоняется послѣдній призракъ вещи въ себѣ. Самая сущность объективности заключается въ томъ, что она есть опредѣленное состояніе сознанія; именно, все «предметное» въ предметѣ есть чистое сознаніе. Предметъ есть въ существѣ своемъ мысль (или лучше смыслъ); онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда объективированныхъ моментовъ (пространство, время, реальность и т. д.); и каждый изъ этихъ моментовъ есть не что иное, какъ состояніе сознанія. Нельзя сказать, что предметъ продуцируется сознаніемъ.

¹⁾ См. полное собр. соч. Fichte. В. I. „Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre“, S. 142.

емъ, творится имъ, какъ самостоятельной силой. Онъ не творится, а цѣликомъ состоитъ изъ сознательныхъ элементовъ, не переставая однако быть матеріальнымъ предметомъ. Какъ отъ прямой линіи ничего не останется, если мы выкинемъ изъ нея моментъ прямоты, такъ и отъ предмета ничего не останется, если мы удалимъ изъ него моментъ сознанія. Объектъ есть не что иное, какъ сконцентрированное, сгущенное до конкретности, до опредѣленности сознаніе. Общее понятіе сознанія, такъ сказать, специализируется въ различныхъ направленіяхъ; оно принимаетъ форму то пространства, то времени, то вещи и т. д. Эти конкретныя проявленія общаго понятія «сознаніе» и являются различными сторонами или моментами объективности (категоріями) ¹⁾ и въ своихъ различныхъ комбинаціяхъ съ ощущеніями даютъ предметъ. Тѣмъ самымъ, что общее понятіе «сознаніе» принимаетъ опредѣленные, конкретные образы, оно превращается въ предметъ; оно именно не творитъ предмета, а превращается въ него, реализуется въ немъ, какъ общее понятіе прямой, реализуется въ данной, конкретной прямой. Въ этомъ заключается сущность фихтевскаго понятія «ограниченія». Всякое «не-я» есть лишь ограниченное, т.-е. принявшее опредѣленную форму, вдвинутое въ опредѣленные рамки «я». Всякое опредѣленное, ограниченное состояніе сознанія есть объектъ; въ этомъ заключается сущность какъ объективности, такъ и сознанія—они по существу—есть одно и то же. «Я есть необходимое тождество субъекта и объекта: субъектъ-объектъ» ²⁾.

Въ такомъ пониманіи крайне просто разрѣшается основной вопросъ трансцендентальной философіи: почему предметы согласуются съ познаніемъ? почему познаніе имѣетъ право притязанія на объективность? Да потому, что объективность есть не что иное, какъ само познаніе. «Оно имѣетъ значеніе для всего существующаго именно потому, что оно есть само существующее» ³⁾. Необходимость, господствующая въ самихъ объектахъ, есть именно необходимость познанія. «Бытіе не покоится само въ себѣ; но мышленіе впервые заставляеть его возникнуть» ⁴⁾.

¹⁾ Эти конкретизаціи и спецификаціи сознанія, его „ограниченія“ и называетъ Шуппе формами мышленія. См. „Logik“. S. 25, 92 ff., 106 и др.

²⁾ Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre. B. I. S. 98. (Примѣчаніе.)

³⁾ Schuppe. „Logik“, S. 112.

⁴⁾ Cohen. „Logik der reinen Erkenntniss“, S. 28.

Не существуетъ никакого дуализма между предметомъ и его познаніемъ, потому что предметъ возможенъ только какъ познаніе или въ видѣ познанія. *Cognoscere est fieri rem cognitam*. Если я воспринимаю дерево, то я «есмь» въ этомъ воспріятіи (поскольку я отвлекаюсь отъ другихъ воспріятій) само дерево. Дерево, какъ воспріятіе, есть то же самое дерево, какъ предметъ. Психическое и физическое не есть двѣ различныя вещи, но лишь два различныхъ способа разсмотрѣнія одной и той же вещи ¹⁾. Поэтому я не знаю никакой интенціи, никакой направленности моего воспріятія на предметъ; я есмь или воспріятіе, или предметъ, смотря по избранной точкѣ зрѣнія, или даже оба вмѣстѣ, но никогда я не имѣю направленности одного на другого. «Я» могу одинъ разъ познавать воспріятіе, другой разъ предметъ, но никогда предметъ не познается воспріятіемъ или черезъ воспріятіе, ибо онъ вообще никѣмъ и ничѣмъ не познается, такъ какъ онъ есть само познаніе. Всякій предметъ есть не въ познаніи и не благодаря познанію, но есть само познаніе, т.-е. сознаніе опредѣленнаго синтеза. Предметъ вполне тождественъ съ познаніемъ и внѣ его оказывается абсолютнымъ ничто. «Бытіе есть бытіе мысли» ²⁾; существующимъ можетъ быть только то, что мышленіе признало за существующее; и лишь въ самомъ себѣ, въ своихъ внутреннихъ законахъ оно должно найти основанія этого признанія. «Основоположенія мышленія суть основанія бытія» ³⁾, ибо полагать основные методы и приемы мышленія (формы мышленія), значитъ полагать моменты или стороны объективности. Предполагая, напр., законъ причинности, мы тѣмъ самымъ впервые полагаемъ возможность объективнаго міра; предпосылая научному изслѣдованію методъ счисленія безконечно малыхъ, мышленіе впервые создаетъ логическую возможность цѣлаго ряда естественно-научныхъ законовъ. Такимъ образомъ, мы въ правѣ сказать вмѣстѣ съ Когеномъ, что «мышленіе создаетъ основанія бытія» ⁴⁾, ибо нѣтъ бытія внѣ этихъ основныхъ

1) Эта, впервые, кажется, Авенариусомъ ясно формулированная мысль, принята въ наше время цѣлымъ рядомъ выдающихся мыслителей, нашла теперь общее признаніе. Особенно важны въ этомъ отношеніи: Mach, „*Analysis der Empfindungen*“, См. стр. 13, 14, 26, 36, 48, 56; Lipps. „*Logik*“; Rickert, „*Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*“, S. 151—183.

2) Cohen. „*Logik d. rein. Erk*“, S. 14.

3) *Ib.*, S. 27.

4) *Ib.*, S. 18.

формъ, созданныхъ мыслію. «Источникъ всякой реальности есть «Я» ¹⁾. То, что мы называемъ объектомъ, есть содержаніе познанія, есть истина. Истина и дѣйствительность одно и то же. Дѣйствительность есть лишь особый родъ истины.

Отъ такого пониманія объективности, какъ состоянія сознанія, міръ отнюдь не превращается въ пустую иллюзію, во что-то безтѣлесное, духовное. Отъ того, что всѣ элементы міра растворяются въ сознаніи, они нисколько не теряютъ своей осязательности и тѣлесности; протяженная вещь не превращается въ простое «представленіе» и не дѣлается съ какой-то другой метафизически-философской стороны непротяженной; она остается тою же пространственной вещью со всѣми ея реальными свойствами и не перемѣщается въ какой-то непротяженный центръ нашей психики; разъясняется только самая сущность протяженія и утверждается, что оно есть не что иное, какъ форма или модификація сознанія; но оно не перестаетъ отъ этого быть протяженіемъ, и матерія не превращается въ духъ отъ того, что она воспринимается въ сознаніи; надо помнить, что сознаніе не есть духъ и не есть психика и предметы не становятся духовными сущностями отъ того, что входятъ въ сознаніе. Вещи существуютъ именно такъ, какъ онѣ даны сознанію, ибо въ этой ихъ данности заключается все ихъ бытіе. Онѣ «не кажутся» намъ бѣлыми, черными, протяженными и т. д., а дѣйствительно существуютъ, какъ таковыя; онѣ не являются нашими психическими состояніями и не содержатся въ нашемъ духѣ, въ видѣ какихъ то безтѣлесныхъ грезъ и имматеріальныхъ кажимостей (Schein); онѣ находятся не въ насъ, а какъ разъ тамъ, въ томъ самомъ мѣстѣ пространства и времени, гдѣ онѣ, по выраженію мечтательныхъ идеалистовъ, намъ только «кажутся» ²⁾. Въ этой мысли заключается «оправданіе наивнаго реализма», которое предпринялъ Шуппэ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей ³⁾. Она

¹⁾ „Bewusstseinsinhalt ist der empfundene Inhalt, absolut so wie er sich zeigt, in vollster, greifbarer, raumerfüllender Wirklichkeit, nicht verklärt oder verflüchtigt zu einem blossen Schein. „Logik“. S. 70.

²⁾ „Im Bewusstsein, als sein Inhalt ist nun selbstverständlich die ganze Welt, wie sie leibhaftig im Raume und in der Zeit vor uns steht, und das Wo der einzelnen Empfindungen ist in Wirklichkeit ganz dort, wo es nur zu sein scheint“. „Logik“, S. 65.

³⁾ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. herasg. von R. Avenarius. XVII, 3; S. 374—368. „Die Bestätigung des naiven Realismus“.

напечатана въ видѣ публичнаго письма Р. Авенариусу. Здѣсь Шуппэ съ большимъ энтузіазмомъ и искренностью привѣтствуетъ Авенариуса, какъ перваго и послѣдовательнаго своего сторонника «въ научномъ оправданіи наивнаго реализма». Съ тѣхъ поръ эта тенденція къ уничтоженію этой наивной философской иллюзіи «кажимости» міра стала основной тенденціей всей имманентной школы.

Міръ имманентенъ сознанию, а отнюдь не нашей психикѣ и не «намъ»; психику, какъ увидимъ дальше, нельзя отождествлять съ сознаниемъ, ибо она есть только часть сознательнаго міра вообще. Объектъ отнюдь не есть для Шуппэ внутреннее, душевное состояніе ощущенія, но всегда сама реальная вещь ¹⁾. Иллюзорность берклеевскаго и шопенгауэровскаго идеализма отнюдь не совмѣстима съ канто-фихтевскою имманентною философіей. И для Беркли, и для Шопенгауэра міръ является иллюзіей, по выраженію Ницше, «разноцвѣтнымъ дымомъ передъ очами недовольнаго Бога» только потому, что они пытаются разсмотрѣть міръ съ какой-то «другой» стороны, съ трансцендентной, внѣшней точки зрѣнія; тогда онъ со стороны имманентной (какъ явленіе) оказывается пространственнымъ, со стороны же своей метафизической сущности (какъ вещь въ себѣ) является непротяженнымъ и безвременнымъ туманомъ духовной субстанции. Они забываютъ, что никакой другой точки зрѣнія быть не можетъ и ни съ какой «внѣшней» стороны міръ нельзя разсматривать, ибо онъ имѣетъ только одну сторону. Онъ есть явленіе не только «для насъ», но и въ «себѣ». Если онъ со своей имманентной стороны является пространственнымъ, то онъ и остается только пространственнымъ, хотя бы само пространство и было сознаниемъ. Всякая объективность есть неизбѣжно сознание; отъ этого она не перестаетъ быть объективностью; скорѣе наоборотъ, именно потому-то она и есть объективность, что она есть сознание. Объективность есть сущность сознанія и внѣ его абсолютно немыслима. Поэтому и «вещь въ себѣ» совершенно невозможна, такъ какъ всякая объективность есть исключительная прерогатива сознанія. Понятія объективности, бытія и «вещи» суть роды сознанія; какъ же можетъ быть объектъ внѣ сознанія, когда «объектъ» есть сознание?!

¹⁾ „Bestätigung des naiven Realismus“, S. 371.

Итакъ, разсматривать вещи съ имманентной точки зрѣнія во-все не значитъ разсматривать ихъ подъ видомъ духовности. Превращеніе сознанія въ духъ и «вещей» въ «представленія» есть, какъ блестяще показалъ Авенаріусъ, лишь результатъ величайшей философской наивности—интроекціи¹⁾. Философскій дуализмъ, порождаемый этой интроекціей, есть совершенно ненужное и непонятное удвоеніе міра. Стремленіе уничтожить этотъ принципиальный дуализмъ есть основная тенденція лучшаго изъ произведеній Авенаріуса «Человѣческое понятіе о мірѣ». Эта тенденція дѣлаетъ его типичнымъ представителемъ имманентнаго реализма. Конечно, говоритъ онъ, переживанія и воспріятія моихъ сочеловѣковъ недоступны моему непосредственному опыту. Но это отнюдь не потому, что они являются чѣмъ-то принципиально отличнымъ отъ окружающей меня и непосредственно мнѣ извѣстной среды, чѣмъ то духовнымъ, невидимымъ, но только потому, что они представляютъ лишь гипотетическое допущеніе; мы допускаемъ, что движеніямъ и словамъ нашихъ ближнихъ соотвѣтствуютъ такія же «мысли» и «вещи», какъ и нашимъ собственнымъ; онѣ такъ же расположены въ пространствѣ, такъ же видимы и осязаемы. Слѣдовательно, содержаніе нашей гипотезы отнюдь не заключаетъ въ себѣ чего-то отличнаго отъ воспринимаемаго нами тѣлеснаго міра, но является тѣмъ же самымъ численно единымъ міромъ, разсмотрѣннымъ лишь въ другой связи, въ другой эмпириокритической координаціи, какъ выражается Авенаріусъ. По отношенію къ другимъ индивидамъ эта гипотеза не принимаетъ никакой новой духовной субстанціи, ни-

1) Понятіе о вещахъ, какъ о чемъ-то духовномъ, происходитъ по Авенаріусу въ результатѣ „вкладыванія“ ихъ въ психофизическаго субъекта. Именно принимая относительно своихъ ближнихъ опредѣленные переживанія и воспріятія, я вкладываю (интроецирую) эти переживанія внутрь ихъ тѣла и соображая затѣмъ, что интроецированны такимъ образомъ воспріятія недоступны моему опыту, я заключаю, что они должны принципиально отличаться отъ воспринимаемаго мною міра, что они, какъ чужія воспріятія, невидимы, неосязаемы, непротяженны. Примѣняя далѣе ту же точку зрѣнія къ самому себѣ, я и свои воспріятія перетолковываю какъ нѣчто духовное, непространственное. Въ результатѣ интроекціи получается такимъ образомъ неизбѣжный дуализмъ духа и тѣла, воспріятія и воспринимаемаго. Естественное понятіе о мірѣ (наивный реализмъ) искажается введеніемъ новой, невидимой и абсолютно неизвѣстной духовной сущности. См. R. Avenarius, „Der Menschliche Weltbegriff“.

какихъ «внутреннихъ» состояній, а совершенно тѣ же самыя «внѣшнія» вещи и событія. Конечно, они «невидимы» для насъ, но вѣдь въ одинаковой мѣрѣ невидима для насъ и раскаленная внутренность земного шара, невидимо и внутреннее строеніе солнца. Они невидимы не потому, что являются чѣмъ-то отличнымъ отъ окружающей насъ природы, а только потому, что они гипотетичны; но содержаніе гипотезы (сама внутренность земли) остается пространственною вещью. Точно также, когда я допускаю, что другой человѣкъ видитъ дерево, я отнюдь не предполагаю, что онъ видитъ какую-то духовную сущность, или обладаетъ чѣмъ-то не отъ міра сего, но я предполагаю по отношенію къ нему то же самое протяженное дерево, которое я и самъ вижу. Вещи нисколько не теряютъ въ своей эмпирической реальности отъ того, что онѣ разсматриваются какъ переживанія или состоянія сознанія (E. Wette); растворяясь въ сознаніи, «физическое» не превращается въ «психическое», ибо самая сущность физической предметности заключается въ томъ, что она есть состояніе сознанія, «характеръ».

Не всякое состояніе сознанія есть обязательное психическое явленіе; физическіе предметы суть точно такія же состоянія сознанія, ибо ихъ вещьность, вся ихъ объективность есть не что иное, какъ форма сознанія. Это простая мысль, но ее трудно уловить въ надлежащей формѣ. Шуппэ недаромъ жалуется въ своемъ письмѣ къ Авенаріусу, что до появленія. «Критики чистаго опыта» онъ нигдѣ не находилъ правильнаго пониманія своихъ мыслей. То онѣ казались слишкомъ простыми и элементарными, то слишкомъ парадоксальными и непонятными. До тѣхъ поръ, пока утверждается, что предметъ есть состояніе сознанія,—до тѣхъ поръ все идетъ хорошо; когда же начинается утверждаться, что это состояніе сознанія матеріально и протяженно, что оно находится въ томъ самомъ мѣстѣ пространства, гдѣ оно намъ кажется, тогда—это кажется самымъ парадоксальнымъ софизмомъ. Это происходитъ потому, что мы слишкомъ привыкли представлять себѣ сознаніе въ видѣ духа, забывая, что «матерія» есть такое же сознаніе, какъ и духъ». Вѣдь и движеніе есть тоже опредѣленный «родъ сознанія» ¹⁾,

¹⁾ Cohen. „Etik des reinen Willens“. S. 106. „Bewegung und Denken sind beide Bewusstsein“. „Logik der reinen Erk.“ S. 192 ff.

оно не превращается благодаря этому въ духъ, въ психику и не останавливается въ своемъ движеніи, вылетая вонъ изъ пространственнаго міра. Никогда не пойметъ сущности критической философіи тотъ, кто будетъ представлять себѣ пространство непространственнымъ, а время безвременнымъ на томъ основаніи, что съ трансцендентной точки зрѣнія оба суть формы сознанія; не съ трансцендентной, а съ имманентной точки зрѣнія они являются формами сознанія. Вся парадоксальность кантовскаго утвержденія, что время есть форма сознанія, исчезаетъ, коль скоро мы уяснимъ себѣ, что оно не перестаетъ быть тѣмъ же самымъ, всѣмъ намъ извѣстнымъ временемъ, къ сущности котораго относится только то, что оно созерцается, какъ время. Противъ идеальности времени могутъ возражать еще слѣдующимъ образомъ: состоянія нашего сознанія безусловно реальны и не могутъ быть простой кажимостью, ибо всякая кажимость, какъ таковая, реальна; слѣдовательно, должно быть абсолютно реальное время, въ которомъ могло бы быть и протекать само наше сознаніе со всѣми его формами и фантазіями, время есть условіе самихъ сознательныхъ процессовъ, поэтому не можетъ лежать въ нихъ, а должно быть реально. Конечно, время, въ которомъ протекаютъ всѣ наши состоянія безусловно является самымъ реальнѣйшимъ временемъ; только это реальное время есть не что иное, какъ форма сознанія; она не перестаетъ быть отъ этого тѣмъ самымъ временемъ, въ которомъ все совершается и все протекаетъ; оно безвременно только въ томъ смыслѣ, что само не можетъ быть мыслимо въ какомъ-то другомъ времени, но вѣдь въ такомъ бы положеніи было и всякое трансцендентное время. Въ этомъ смыслѣ время разумѣется безвременно и пространство непространственно, ибо временно и непространственно только то, что лежитъ во времени и пространствѣ; самое же время и пространство суть абстрактные законы послѣдовательности и рядоположности.

Этой реалистической тенденціей отличается всякая система критическаго идеализма отъ до кантовскаго «догматическаго» идеализма. «Критическій идеализмъ соединяетъ идеализмъ и реализмъ въ понятіе опыта ¹⁾, и только это соединеніе и дѣлаетъ его истинно научной системой, ибо только благодаря этому

¹⁾ „Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik“. S. 174. „Logik“. 661.

соединенію онъ можетъ претендовать на обоснованіе эмпирическаго знанія. Въ этомъ его положительная цѣнность.

Въ этомъ пунктѣ мы должны коснуться еще одного очень важнаго вопроса. Дѣло въ томъ, что если всякое состояніе воспринимающаго сознанія одинаково объективно, то гдѣ же тогда критерій для отличія истины отъ иллюзіи и дѣйствительности отъ сна? Въ своей полемикѣ съ мечтательнымъ идеализмомъ, уничтожая иллюзорность объективнаго міра, имманентный реализмъ грозитъ намъ другой крайностью: превратить всѣ наши иллюзіи въ реальныя вещи. Гдѣ же критерій истинной реальности? Чѣмъ отличается реальность отъ кажимости?

Этого критерія нельзя искать въ каждомъ отдѣльномъ воспріятіи, ибо, какъ таковое, оно всегда существуетъ такимъ, какимъ оно мнѣ представляется. Лишь связь его со всею системой опыта можетъ превратить отдѣльное воспріятіе въ иллюзію или обманъ ¹⁾. Если, напр., палка, опущенная въ воду, представляется мнѣ сломанной въ томъ мѣстѣ, гдѣ она выступаетъ надъ поверхностью воды, то само это зрительное впечатлѣніе, изолированное отъ другихъ возможныхъ воспріятій при помощи другихъ чувствъ, напр., осязанія, никогда не можетъ получить характера иллюзорности; для глаза палка остается сломанной. Лишь связь этого зрительнаго впечатлѣнія съ впечатлѣніями другихъ чувствъ, а также со всѣмъ извѣстнымъ мнѣ опытомъ, согласно которому для перелома палки нужны опредѣленные условія и опредѣленная сила, лишь эта связь можетъ характеризовать данное зрительное впечатлѣніе, какъ иллюзію. Слѣдовательно, критерій истинности и иллюзорности можетъ быть только чисто эмпирическимъ; онъ заключается въ причинной связи и свободѣ отъ противорѣчій ²⁾. То, что дѣйствительно, то должно входить въ систему извѣстныхъ намъ законовъ природы, истинность или дѣйствительность явленія вполне тождественныя съ его законностью. «Если нѣтъ закона, то нѣтъ также и понятія объ истинѣ и лжи, о дѣйствительномъ или недѣйствительномъ» ³⁾. Если бы мы могли изъ своихъ сновъ составить закономерную систему, то она ничѣмъ бы не отличалась отъ

1) „Grundriss“, S. 168—176. „Logik“, S. 644—673.

2) „Logik“, 652, 655, 658, 659 и др.

3) „Logik“, S. 657.

дѣйствительности; сны только тѣмъ и отличаются отъ дѣйствительности, что они не подчинены непрерывной каузальной связи. Выработать изъ нашихъ воспріятій стройную и непротиворѣчивую систему—въ этомъ заключается задача науки. Для этого ей въ существѣ дѣла приходится пересоздать весь міръ и лишь то можетъ быть признано съ научной точки зрѣнія истиннымъ и дѣйствительнымъ, что создано самимъ мышленіемъ, какъ членъ этой единой системы міра. Какъ долженъ быть построенъ предметъ, для того, чтобы стало возможнымъ это единство системы міра, какія онъ долженъ пріобрѣсти модификаціи и во что онъ долженъ превратиться—на это философія Шуппэ и не пытается дать отвѣта. Это есть основная проблема Марбургской школы, и та глубина и всесторонность, съ какими она здѣсь рѣшается, оставляютъ далеко за собой попытки общей схематизаціи понятія науки, предложенной Шуппэ.

До сихъ поръ мы останавливались по преимуществу на понятіи объективности, стараясь показать, что всякая объективность вытекаетъ изъ субъекта и по существу тождественна съ нимъ; теперь обратимъ наше вниманіе на самого субъекта или сознаніе. Мы уже сказали, что сознаніе не есть самостоятельная, объективная сущность или субстанція; оно не имѣетъ никакого объективнаго носителя, свойствомъ или состояніемъ котораго оно было бы. Оно, прежде всего, вообще не есть бытіе ¹⁾ (въ смыслѣ во времени протекающаго объективнаго процесса), не есть какая-нибудь существующая вещь, но только чистая дѣятельность сознанія; всякое бытіе становится впервые возможнымъ благодаря этой чистой дѣятельности; бытіе есть ничто внѣ сознанія, ибо оно есть одна изъ формъ сознанія. Такимъ образомъ дѣятельность является первичнѣе бытія ²⁾; послѣднее есть только «ограниченіе» этой дѣятельности сознанія—«ограниченіе» въ вышеизложенномъ смыслѣ опредѣленности сознанія, его проявленности въ опредѣленной формѣ, именно въ формѣ бытія. Эта дѣятельность никогда не переходитъ въ вещь,

¹⁾ Это нисколько не противорѣчитъ вышеизложенному принципу тождества; сознаніе не есть бытіе потому, что оно въ одинаковой мѣрѣ есть и причинность, и необходимость, и пространство, и время и т. д. Бытіе есть одна изъ формъ сознанія.

²⁾ Fichte. 2-te Einleitung in die Wissenschaftslehre. B. I. S. 499.

никогда не выходитъ за предѣлы самой себя» ¹⁾, оно всегда остается дѣятельностью мышленія и вполнѣ исчерпывается ею. Я есть чистый характеръ дѣятельности, превратить его въ вещь, въ бытіе—значить уничтожить самую сущность его, значить превратить его изъ субъекта въ объектъ. Его бытіе исчерпывается дѣятельностью его мышленія, и результатъ этой дѣятельности есть самая же эта дѣятельность, т.-е. мысль, или смыслъ, или единство смысла. «Я есть вмѣстѣ и дѣйствующее и продуктъ дѣятельности» ²⁾. «Актъ творенія есть въ то же время и его результатъ» ³⁾. Это значитъ, что мышленіе не имѣетъ никакого носителя и никакого объекта, кромѣ себя самого; въ результатѣ мышленія мы получаемъ единство истиннаго (объективнаго) сужденія, которое по существу своему есть не что иное, какъ тотъ же актъ мысли или актъ смысла; и къ этому акту, какъ таковому, ничего не прибавляется оттого, что онъ завершёнъ и доведёнъ до конца; и въ своемъ завершеніи онъ остается только актомъ, т.-е. смысломъ, и отнюдь не превращается въ психическое состояніе, въ вещь или бытіе. Онъ остается значимостью, которая сама себя имѣетъ какъ содержаніемъ, такъ и носителемъ. «Содержаніе дѣятельности есть сама эта дѣятельность» ⁴⁾.

Итакъ, сознаніе не есть субстанція, не есть «субстратъ», ибо всякій субстратъ возможенъ только въ сознаніи; поэтому оно отнюдь не совпадаетъ съ древнимъ понятіемъ духа или души; матерія и движеніе суть тоже роды сознанія, однако, они являются явными противоположностями духа. Въ этой полемической тенденціи противъ одухотворенія сознанія и возникъ у Фихте терминъ «дѣятельности», который получилъ вполнѣ въ философіи, при чемъ причинилъ ей не мало вреда. Надо помнить, что только въ этой полемикѣ противъ субстанціи онъ и сохраняетъ свой смыслъ и значеніе; по существу же дѣла сознаніе столь же мало является дѣятельностью, какъ и субстанціею; это только картинное выраженіе, истинность и годность котораго заключается лишь въ

1) Cohen. „Logik der reinen Erk.“, S. 26.

2) Cohen. „Logik der reinen Erk.“, S. 26.

3) Fichte. „Grundlage zur gesammten Wissenschaftslehre“.

4) Cohen. „Logik“, S. 50.

его противоположности субстанціи и бытію. Дѣятельность сознанія можетъ означать: съ одной стороны логическое единство его смысла ($\sigma\upsilon\nu\upsilon\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma\ \epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \epsilon\upsilon$)—и какъ таковое оно разумѣется не есть реальность и не есть дѣятельность въ прямомъ смыслѣ слова, но есть абсолютная тождественность опредѣленнаго состоянія чистаго сознанія; съ другой стороны, какъ у Шуппэ, она выражаетъ лишь общее опредѣленіе всего имманентнаго бытія. Такимъ образомъ сознаніе не есть ни самостоятельная сущность, ни дѣятельность въ прямомъ смыслѣ, ни сила. Оно вообще никакъ не можетъ быть объективировано, ибо всякая объективность предполагаетъ сознаніе и возможна лишь, какъ его конкретное состояніе ¹⁾. Уже по этому одному оно не можетъ быть мыслимо, какъ нѣкоторая «функція» или «организація», ибо всякій организмъ есть объектъ и какъ объектъ возможенъ только въ сознаніи. Сознаніе есть предѣльный и абсолютный субъектъ, — «субъектъ, который не позволяетъ сдѣлать себя объектомъ» ²⁾; оно никогда не можетъ быть мыслимо въ чемъ-нибудь или на чемъ-нибудь, ибо все должно быть мыслимо въ немъ; сознаніе есть именно внутренняя сущность всѣхъ вещей или общій способъ бытія всѣхъ имманентныхъ объектовъ (*Art des Sinns*). Нельзя прикрѣплять его какъ свойство къ чему-либо другому ³⁾, къ какому-нибудь трансцендентному носителю его, ибо этотъ носитель остается намъ абсолютно неизвѣстнымъ, вѣчнымъ *x*; для мнимаго объясненія того, что намъ является извѣстнѣе всего въ мірѣ, мы должны будемъ постулировать нѣчто, какъ доказываетъ Ремкэ, тройнѣе неизвѣстное — «и получается что-то логически несуразное, что далеко оставляетъ за собой всѣ прочія темныя дѣянія метафизической спекуляціи» ⁴⁾. Сознаніе есть чисто абстрактный моментъ, «родовое понятіе мышленія» ⁵⁾, по отношенію къ которому всякій объектъ является

¹⁾ Однако, мѣстами очень рѣзко проглядывающій у Шуппэ психологизмъ приводитъ его иногда къ такимъ утвержденіямъ, согласно съ которыми я безусловно превращается въ объектъ. Такъ, напр., на стр. 92 онъ говоритъ: „Diese Bestimmtheiten (Kategorisch) sind, wenn wir auch das Denken selbst zum Gegenstände der Untersuchung machen, selbst gegeben. Ср. также стр. 112 „Logik“.

²⁾ „Logik“, S. 81.

³⁾ Ремкэ. „Душа человѣка“. (Изд. „Библіотеки самообр.“). Стр. 44.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 45.

⁵⁾ Schuppe. „Logik“, S. 90.

лишь его конкретизацией, специальнымъ случаемъ его проявленія. Само по себѣ, какъ изолированная данность, оно не можетъ быть поэтому никогда мыслимо. «Самосознаніе пустого «я» есть полная немыслимость; сознаніе возможно только вмѣстѣ со своимъ содержаніемъ» ¹⁾. «Я» безъ опредѣленія есть ничто, «и оно вообще не существуетъ». Мы не можемъ дать этому понятію никакихъ опредѣленій, ибо всякое опредѣленіе будетъ его специфической формой. Оно не есть бытіе, ибо бытіе есть лишь частный случай общаго понятія «сознаніе», оно не есть также и абсолютное ничто, ибо ничто возможно тоже только, какъ особая форма сознанія, его категорія, оно не есть единство, ибо въ одинаковой мѣрѣ оно есть множество. Оно есть «самая бѣдная содержаніемъ вещь изъ всего міра» ²⁾. Въ немъ есть только одно не подлежащее никакому описанію опредѣленіе— оно есть именно сознаніе. Конструкція этого понятія у Шуппэ и Фихте очень напоминаетъ древне-платиновское понятіе субстанции, какъ единой, примиряющей въ себѣ всѣ противоположности сущности, лишенной всякихъ опредѣленныхъ качествъ. «Изъ самой сущности этого понятія вытекаетъ, что абстрактный моментъ «я», какъ субъектъ, не можетъ имѣть абсолютно никакого содержанія. Если бы что-нибудь могло быть найдено, какъ его признакъ, то мы должны были бы сознавать этотъ признакъ, и тогда онъ принадлежалъ бы уже «я»—объекту» ³⁾. Сознаніе есть все и въ то же время ничто; оно есть самое общее опредѣленіе имманентнаго бытія и, какъ таковое, является, абсолютной неопредѣленностью и пустотой» ⁴⁾. Въ этомъ смыслѣ Гегель былъ правъ, когда онъ отождествлялъ чистое бытіе съ чистымъ ничто ⁵⁾; именно, поскольку чистое бытіе есть чистая форма имманентнаго существованія, оно есть совершенно пустое, лишенное всякаго содержанія и всякаго опредѣленія сознаніе вообще; и какъ абсолютная неопредѣленность и пустота, оно разумѣется является чистымъ ничто. И однако въ то же время оно есть «все», ибо оно есть абсолютное начало всего (міръ есть саморазвитіе абсолютной идеи). Сознаніе есть «обладатель»

1) Fichte. 1-te Einleitung. B. I. S. 428.

2) Schuppe. „Logik“, S. 89.

3) „Grundriss“. S. 28.

4) Hegel. „Vollständige Ausgabe“. B. III. „Logik“, S. 78.

5) Hegel. „Logik“. B. III. S. 82.

всего, какъ выражаетъ ту же мысль Шуппэ, и отличается отъ другихъ обладателей только тѣмъ, что не можетъ быть мыслимо безъ обладаемой вещи, т.-е. безъ своего содержанія или объекта. «Его бытіе исчерпывается его обладаніемъ» ¹⁾, такъ формулируетъ Шуппэ всѣ эти мысли.

Изъ всего этого вытекаетъ ясное слѣдствіе, что если сознание не есть бытіе, то оно не есть и психическое явленіе или психическій индивидуумъ. «Я и индивидуальность,—говоритъ Фихте,—суть два совершенно различныя понятія». Все психическое есть и остается всегда объектомъ мышленія, предметомъ познанія; оно возникаетъ въ процессѣ научной обработки объективной эмпирической дѣйствительности и только наука (а не непосредственное сознание) можетъ выполнить это раздѣленіе міра на физическій и психическій; до этой научной обработки нѣтъ никакого психического сознанія; есть только міръ и «я». Психическій индивидуумъ, есть, слѣдовательно, продуктъ научной рефлексіи и принципиально отнюдь не отличается отъ физическихъ предметовъ, такъ какъ онъ возникъ изъ того же міра объективной дѣйствительности. Индивидуумъ есть всегда определенное содержаніе сознанія и, слѣдовательно, не можетъ включить въ себя никакого другого содержанія, ни на какое другое не можетъ быть направленъ, кромѣ себя самого. Онъ никогда не можетъ стать чистымъ сознаніемъ, ибо онъ всегда остается его содержаніемъ. Абсолютный же субъектъ, само сознаніе, никогда не можетъ быть мыслимо, какъ психическій объектъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы принуждены были бы для этого объекта снова постулировать субъектъ и т. д. до бесконечности; при чемъ этотъ процессъ субъективизированія либо могъ бы быть доведенъ до конца—тогда мы достигли бы субъекта познанія, который уже самъ не можетъ быть объектомъ, что и требовалось доказать; либо этотъ процессъ остается бесконечнымъ—тогда весь міръ превращается въ бесконечный рядъ объектовъ безъ субъекта, что невозможно. Сознаніе, какъ абсолютный субъектъ, никогда не можетъ стать объектомъ и никогда не можетъ превратиться въ психическую, существующую вещь. Если «мы» существуемъ, то мы существуемъ всегда, какъ объекты мышленія, какъ содержанія сознанія; въ психологическомъ

¹⁾ Schuppe. „Grundriss der Erkenntnisstheorie, S. 23.

смыслъ «мы» суть не что иное, какъ часть объективной дѣйствительности; какъ мыслящіе же и познающіе субъекты мы не обладаемъ существованіемъ, а именно только мышленіемъ. Лишь постольку можно сказать, что мышленіе и познаніе существуютъ, поскольку они живутъ и проявляются въ своихъ объектахъ, поскольку они превращаются въ объекты. Существуютъ только объекты сознанія—физическіе или психическіе безразлично; само же сознаніе не есть объектъ; поэтому оно не можетъ быть разсмотрѣно, какъ нѣчто протекающее во времени, нѣчто реально существующее. «Поскольку мы мыслимъ, мы являемся однимъ и тѣмъ же чистымъ мышленіемъ ¹⁾ и постольку мы возвышаемся надъ сферой психическаго и предметнаго вообще. Поскольку мы мыслимъ, поскольку мы являемся сознаніемъ, постольку мы не существуемъ. *Cogito ergo non sum*. Кажущаяся парадоксальность этого слѣдствія устраняется простымъ словеснымъ преобразованіемъ декартовской формулы: «*cogitatus sum ergo sum*»—это можно сказать; но «*sum cogitans*» является безусловно порожденіемъ гносеологической наивности. Покуда мы стоимъ на точкѣ зрѣнія временной объективности, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ понятія сознанія и только понятіе вещей. Понятіе сознанія рождается только тамъ, гдѣ вещи разсматриваются *sub specie aeternitatis*. «Одно безусловно ясно,—говоритъ Мейстеръ Экхартъ,—всякое время должно быть удалено тамъ, гдѣ должно произойти это рожденіе» ²⁾).

Г. Когенъ и вся такъ называемая Марбургская школа ³⁾ дѣлаетъ отсюда недопустимое слѣдствіе: она отрицаетъ возможность эмпирической психологіи. Этому отрицанію Когенъ далъ краткое выраженіе въ основномъ требованіи своей «Логики»: *Also fort mit der Bewusstheit* ⁴⁾. «*Bewusstheit* ⁵⁾ ist Mythos, Bewusst-

¹⁾ Не надо забывать, что „мы“ отличаемся другъ отъ друга только какъ объекты, но не какъ субъектъ.

²⁾ Meister Eckhart. Herausgeg. von Büttner (переводъ съ древне-нѣмецкаго), стр. 2.

³⁾ Въ особенности Paulsen, «Das Problem der Empfindung. Phil. Arbeiten, herausgegeben von Cohen und Natorp», S. 241—355.

⁴⁾ Н. Cohen, „Logik der reinen Erkenntnis“, S. 365.

⁵⁾ Мы отказываемся здѣсь передать этотъ сложный терминъ марбургской философіи на русскій языкъ, ибо всякій русскій терминъ безъ предварительныхъ и обстоятельныхъ объясненій долженъ вызвать недоразумѣнія. По опредѣленію Наторпа („Allgemeine Psychologie in Leitsätzen“, S. 4) онъ выра-

sein ist Wissenschaft ¹⁾—таковъ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ и наиболѣе опасныхъ афоризмовъ его «Логики». Однако, это есть ошибочная крайность. Нельзя просто отрицать реальность психологическаго субъекта; нужно только точно установить его сущность, перенести его въ міръ объектовъ и разсматривать его, какъ часть объективной дѣйствительности. Психологическій индивидуумъ есть опредѣленное «содержаніе» сознанія, болѣе или менѣе «постоянное переживаніе», для Шуппэ—«вещь» ²⁾, для Авенариуса—«Е—значеніе», т.-е. опредѣленный комплексъ сознательныхъ элементовъ. Но ни одно содержаніе не можетъ имѣть другое содержаніе своимъ содержаніемъ; это непосредственно слѣдуетъ изъ самаго понятія содержанія, какъ «ограниченія» или «конкретизаціи», ибо ограниченное и конкретное нельзя снова ограничивать и конкретизировать; поэтому всякое отношеніе къ «содержанію» для психическаго индивидуума совершенно исключено.

Авенариусъ былъ первымъ изъ имманентныхъ философовъ, выполнѣ сознательно сдѣлавшій это слѣдствіе; Шуппэ лишь впоследствии въ своемъ письмѣ къ Авенариусу расписался подъ его мыслями, указывая, что и въ «Логикѣ» уже онъ принципиально придерживался того же взгляда и лишь «неосторожность» въ выборѣ нѣкоторыхъ терминовъ и выраженій оставили его мысли скрытыми для большинства читателей. Можетъ быть онъ и правъ отчасти; никогда ничего не высказывается сразу и выполнѣ ясно, а связь между Шуппэ и Авенариусомъ бросается въ глаза всякому, даже независимо отъ вышеупомянутаго письма. Однако, несомнѣнно, что въ непониманіи читателей виновата не одна «неосторожность», но и нѣкоторыя принципиальныя непослѣдовательности въ самой системѣ его. Если бы онъ выполнѣ въ смыслѣ Авенариуса считалъ психическое «я» только объектомъ, ему бы никогда не пришло, напр., въ голову представлять «сознаніе вообще» въ видѣ абстракціи отъ индивидуальныхъ сознаній, ибо это сознаніе можетъ быть въ одинаковой мѣрѣ абстракціей отъ

жаетъ отношеніе объекта къ общему сознательному центру „я“, т.-е., иными словами, чувство принадлежности даннаго содержанія субъекту, или, короче, „чувство сознанности“. Какъ психическое состояніе оно ближе всего выражается авенариусовскимъ терминомъ „преваленціала“.

¹⁾ Cohen. „Logik“, S. 366.

²⁾ Schuppe. „Grundriss“, S. 139—140.

всякаго бытія и относится къ психическому индивидууму не иначе, чѣмъ къ любому другому предмету, о чемъ рѣчь впереди. Авенаріусъ, повидимому, первый высказалъ вполнѣ ясно тѣ смутныя намеки, которые имѣются у Шуппэ. «Было бы уступкой въ словоупотребленіи сказать: я нахожу въ наличности съ избранной точки зренія составную часть среды... составная часть среды есть мое находящееся у меня въ наличности. Обозначаемое словомъ «я» само есть не что иное, какъ нѣчто данное въ наличности и при томъ данное въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ, напр., обозначаемое словомъ «дерево». Значитъ, невѣрно, будто обозначаемое словомъ «я» находитъ дерево: нѣтъ, обозначаемое словомъ «я» и дерево одинаково суть содержанія одного и того же находящагося налицо». «А также невѣрно будто дерево дано мнѣ» ¹⁾. Такимъ образомъ физическій міръ отнюдь не отражается въ нашей психикѣ и отнюдь не познается посредствомъ нея или въ ней; онъ является столь же непосредственнымъ содержаніемъ сознанія, какъ и сама наша психика. Нельзя сказать, что индивидуумъ представляетъ себѣ объективный міръ или объективируетъ его; можно сказать только, что уже объективно представленный міръ вступаетъ въ опредѣленные отношенія къ индивидуальности, какъ къ вполнѣ опредѣленному и въ свою очередь въ сознаніи объективированному комплексу Е—значеній, т.-е. опредѣленныхъ содержаній или переживаній.

Чтобы уяснить себѣ на первый взглядъ нѣсколько странныя мысли, нужно только привыкнуть къ нѣсколько иному способу отношенія къ міру и къ своему собственному индивидуальному «я». Весь міръ объективной, эмпирической дѣйствительности состоитъ изъ элементовъ ощущенія и представленія, которые тяготеютъ къ опредѣленному центру, который мы называемъ индивидуумомъ и который самъ состоитъ изъ такихъ же объективныхъ элементовъ, отличающихся отъ первыхъ только тѣмъ, что въ нихъ преобладаютъ элементы чувства и воли. Въ этомъ центрѣ всемірнаго метафизическаго тяготѣнія лежатъ точки наиболѣе сконцентрированной объективности; здѣсь протекаютъ наиболѣе сильныя процессы представленій и чувствъ,—всѣ ощущенія и всѣ «гдѣ-то» внутри неопредѣленно локализованныя настроенія вступаютъ здѣсь въ самыя сложныя отношенія другъ съ другомъ

¹⁾ Avenarius, „Der menschliche Weltbegriff“, § 143.

и съ тѣмъ сложнѣйшимъ комплексомъ «элементовъ» и «характеровъ», который въ этомъ процессѣ вѣчной смѣны остается болѣе или менѣе постояннымъ моментомъ и который мы называемъ нашимъ «я». Самъ индивидуумъ есть, слѣдовательно, не что иное, какъ весьма сложное и сравнительно постоянное переживаніе (Е—значеніе), которое принципиально отнюдь не отличается отъ остальныхъ Е—значеній, изъ которыхъ состоитъ весь чувственный міръ; онъ есть объектъ среди другихъ объектовъ, такое же «преднаходимое» (Vorgefundenes), какъ и всякая другая вещь. Весь міръ разумѣется лежитъ «внѣ него и только связанъ съ нимъ своеобразными, часто неподдающимися описанію психическими отношеніями, которыя съ большей или меньшей силой господствуютъ во всемъ мірѣ непосредственной дѣйствительности¹⁾ и отличаются отъ чисто пространственныхъ и механическихъ отношеній, господствующихъ въ мірѣ научной дѣйствительности, своимъ ассоціативнымъ характеромъ и своею способностью всегда выступать въ свѣтѣ нашего личнаго «я», такъ или иначе воздѣйствуя на его состояніе. Ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать, что элементы объективной дѣйствительности, которые образуютъ окружающую индивидуумъ среду, находятся, сознаются или представляются имъ; они такъ же непосредственно, какъ и самъ индивидуумъ находятся и сознаются «самимъ сознаниемъ» и только, какъ уже сознанные, могутъ вступать съ индивидуумомъ въ опредѣленные отношенія и опредѣленнымъ образомъ модифицировать его состоянія. Мое личное «я» заключено въ рамки моего тѣла, моихъ воспоминаній и представленій и никогда не можетъ включать «въ себя» всего безконечнаго міра

¹⁾ Эта непосредственно воспринимаемая, эмпирическая дѣйствительность отнюдь не подчиняется только механическимъ законамъ, ибо, какъ мы уже сказали, она можетъ быть рассмотрѣна съ другой (не-механической) точки зрѣнія, въ другой связи, именно въ связи съ нашимъ тѣломъ и нашимъ психическимъ я. Въ этой связи она является объектомъ не физики, а психологіи и подчиняется совершенно другимъ законамъ. Одно изъ этихъ двухъ законодательствъ отнюдь не мѣшаетъ и не нарушаетъ необходимости другого, до тѣхъ поръ, пока оно не совершаетъ незаконнаго вторженія въ чужую область. Одно и то же явленіе можетъ быть рассмотрѣно одинъ разъ какъ физическій предметъ въ его отношеніи къ другимъ предметамъ, другой разъ какъ воспріятіе въ его ассоціативной связи съ нашими представленіями.

ощущеній и, получающагося въ результатъ его научной обработки, міра атомовъ и силъ.

Въ этихъ пунктахъ наиболѣе сконцентрированной объективности (въ индивидуумъ) лежитъ максимумъ сознательности, употребляя терминъ Авенаріуса—максимумъ преваленціальной характеристики; отсюда и возникаетъ эта иллюзія, будто индивидуумъ сознаетъ и познаетъ міръ. Именно максимумъ преваленціала съ одной стороны и сравнительное постоянство и связность—съ другой, и вызываютъ, по всей вѣроятности, эту иллюзію. На самомъ же дѣлѣ индивидуальность является такимъ же объектомъ, какъ и всѣ другіе и предполагаетъ уже то общее сознание, которое дѣлаетъ впервые возможнымъ его отношеніе къ другимъ объектамъ.

Такимъ образомъ міръ сознается по существу дѣла не индивидуальнымъ «я», а тѣмъ же самымъ сознаниемъ, которымъ сознается и само это «я». Сознание наводняетъ весь міръ, ибо міръ есть міръ сознания. Оно не можетъ быть разсмотрѣно, какъ особая прерогатива опредѣленнаго рода объектовъ психическихъ ибо всѣ объекты суть объекты сознания. Съ другой стороны ни одинъ объектъ не можетъ быть «носителемъ» сознания и именно потому, что онъ есть объектъ, а не субъектъ. Какъ нельзя интроецировать сознания внутрь человѣческаго тѣла, такъ же незаконно вкладывать его внутрь психической индивидуальности. Эта психологическая интроекція является догматической, сама собой понятной предпосылкой всѣхъ гносеологическихъ системъ, не исключая даже Авенаріуса. Психологическому субъекту интроецируется сознание, онъ признается за собственнаго и непосредственнаго носителя ячности (Ichheit). Даже Авенаріусъ и Риккертъ, которые столь ясно сознали объективность психического, не остаются чуждыми этой наивной концепціи ¹⁾. Они оставляютъ безъ вниманія, что объектъ, «преднаходимое», никогда не можетъ быть разсмотрѣнъ въ силу своей объективности, какъ субъектъ, какъ тотъ, кто находитъ.

Философія должна разъ навсегда отвергнуть всякую интроек-

¹⁾ У. Авенаріуса эта концепція является его фундаментальной точкой зрѣнія, такъ какъ онъ не знаетъ никакого другого сознания, кромѣ психического. У Риккерта же эмпирическое сознание является даже собственнымъ носителемъ и творцомъ науки. См. Rickert. «Gegenstand der Erkenntniss» 4 IV. S. 205—228.

цію какъ она невозможна въ области физическаго, такъ же невозможна она и въ области психическаго. Наша психика принадлежитъ къ міру объектовъ и, какъ объектъ, находится всегда въ сознаніи и не можетъ включать сознанія въ себя. Сознаніе имманентно всему міру, такъ же и въ томъ же смыслѣ, какъ оно имманентно физическому міру. Но не наоборотъ!—ни одинъ объектъ не можетъ быть носителемъ сознанія въ смыслѣ интроекціи. Весь міръ есть міръ сознанія, но отсюда нельзя дѣлать пан-психическаго вывода, что весь міръ сознателенъ. Также и психическій міръ есть міръ сознанія, но отнюдь недопустимо обратное утвержденіе, что сознаніе имманентно нашей психикѣ. Сознаніе не нуждается ни въ какомъ носителѣ, кромѣ себя самого, и не можетъ имѣть никакого основанія внѣ себя самого. Его отношеніе къ предмету совершенно непосредственно и отнюдь не совершается при помощи человѣческой психики. Согласно вышеизложенной точкѣ зрѣнія, сознаніе предмета есть самъ предметъ, только, такъ сказать, въ его философскомъ освѣщеніи; сознаніе предмета есть совокупность истинъ о предметѣ, а истина не можетъ быть отдѣлена отъ предмета и вложена во что-то другое отъ него отличное въ нашу психику, откуда она начинаетъ предъявлять свои странныя претензіи на предметъ.

Выдвигать нашу душу, какъ посредника между міромъ и сознаніемъ, значить не разрѣшать вопроса, а лишь отодвигать его; ибо мы спрашиваемъ дальше: какъ возможно это отношеніе сознанія къ нашей психикѣ? Вѣдь психика есть тоже предметъ! Посредствомъ чего же конструируется сама наша психика? Можетъ быть посредствомъ другой высшей психики?! Но тогда мы вынуждены постулировать величайшую логическую бессмысленность—бесконечный рядъ психическихъ субъектовъ!—Нѣтъ! не существуетъ никакого посредника между сознаніемъ и его предметомъ и не можетъ никакого существовать. «Я» производитъ само изъ себя, спонтанно, при помощи собственныхъ категорій «Не-я». Въ этомъ заключается сущность всякой категоріи, что она необходимо объективируетъ свое содержаніе, что она субъекта, т.-е. самое себя, дѣлаетъ объектомъ. «Не-я» есть то же самое «Я», разсмотрѣнное только съ другой стороны, именно со стороны своей временной, пространственной и категоріальной опредѣленности; и, наоборотъ, субъектъ есть тотъ же объектъ, разсмотрѣнный только *sub specie aeternitatis*. Оба

принципіально различны и въ то же время всегда тождественны; оба представляютъ только двѣ стороны одного и того же мірового единства.

Если же мы переносимъ наше индивидуальное «я» въ міръ объектовъ, то мы лишаемъ его всякаго ноэтического¹⁾ отношенія къ міру истины, такъ какъ познать истину можетъ только субъектъ, ибо онъ самъ есть не что иное, какъ совокупность и сознательное единство категорій истины, только не въ заоченѣлой формѣ логическихъ значимостей, а живомъ ихъ участіи въ самомъ объектѣ, такъ сказать, въ ихъ дѣятельности; психологическій же субъектъ теряетъ всякую возможность познавать, въ истинномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ немъ не лежитъ ни одной категоріи, но онъ самъ конституируется изъ категорій. Изъ ноэтического процесса познанія онъ превращается въ процессъ жизни; въ немъ остается только лишенная всякаго логического смысла игра представленій и чувствъ, которая достаточна для жизненнаго поддержанія организма въ его борьбѣ за существованіе, но совершенно неспособна замѣнить логическое познаніе истины. Психологически мы никогда не имѣемъ истины, а всегда лишь чувство истинности или очевидности, которымъ мы живемъ и согласно съ которымъ дѣйствуемъ, хотя нерѣдко оно можетъ вводить насъ и въ заблужденіе, и въ обманъ. Мы совершенно не понимаемъ, какъ можетъ быть открытъ и найденъ въ этой психической реальности, въ этомъ «чувствѣ» хоть какой-нибудь слѣдъ логической значимости!

Само собой понятно, что идеальное единство истины и познанія не можетъ стоять ни въ какомъ отношеніи къ чувству; это такъ же понятно, какъ то, что гвоздь не есть паннихида, и что 2×2 не есть стеариновая свѣча. Въ одинаковой мѣрѣ познаніе не можетъ быть низведено на степень представленія²⁾, такъ какъ представленіе есть всегда нѣчто въ высокой степени сложное, познаніе же есть единство, а единство никогда не можетъ быть составлено изъ независимыхъ частей. Стоитъ только

1) Мы употребляемъ здѣсь этотъ терминъ въ смыслѣ Гуссерля, у котораго ноэтическими, въ отличіе отъ идеальныхъ, называются условія познанія. Мы употребляемъ здѣсь терминъ „ноэтическія отношенія“ въ смыслѣ „познавательныхъ отношеній“.

2) Cohen, „Logik der reinen Erkenntniss“, S. 20 ff.

внимательнѣе вдуматься въ то, что называется единствомъ смысла, чтобы стало яснымъ его отличіе отъ процесса представленія.

Такимъ образомъ психологическій индивидуумъ теряетъ всякую возможность познавать. Какъ объектъ познанія, онъ никогда не можетъ стать субъектомъ его. Всякое отношеніе къ «содержанію» для психологическаго индивидуума исключено. Эта гносеологическая позиція ведетъ, конечно, къ полному преобразованію понятія познанія. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности въ журнальной статьѣ остановиться на этомъ подробнѣе. Мы вполнѣ понимаемъ то чувство недоумѣнія, которое могутъ вызвать наши утвержденія о логической «безсмысленности» индивидуума, и вмѣстѣ съ этимъ и наша точка зрѣнія универсальной имманентности, но здѣсь мы должны ограничиться лишь основными тезисами ея и попытаться теперь еще устранить нѣкоторыя наиболѣе бросающіяся въ глаза возраженія.

Нѣтъ познанія въ обычномъ смыслѣ этого слова, какъ творящаго предметъ и отъ него отличнаго процесса; оно вполнѣ тождественно со своимъ предметомъ. Существуетъ только міръ и ничего нѣтъ внѣ него; но этотъ міръ есть міръ сознанія; и это сознаніе міра есть его познаніе. Познаніе предмета есть самъ предметъ, только разсмотрѣнный съ другой стороны, именно со стороны его категоріальнаго состава.

На эту теорію можно найти очень простое возраженіе. Я утверждаю, что психологически нѣтъ никакого познанія; откуда же я знаю всѣ тѣ истины, которыя я только что считалъ истинными? Какъ я могу что-нибудь утверждать, если я всякое утвержденіе считаю невозможнымъ? Я же считаю эту теорію истинной? — Ни въ какомъ случаѣ, отвѣчаю я. Я лично ничего не утверждалъ; имѣется только такая теорія, и она сознается и познается не мною, а самимъ сознаніемъ. Но гдѣ же лежитъ критерій ея истинности?—спросятъ меня дальше. Я отвѣчаю на это: вопросъ о критеріи не существуетъ для сознанія вообще; если кто-нибудь спрашиваетъ о критеріи истины, то онъ спрашиваетъ о критеріи для себя, а не для сознанія. Для меня, какъ для психическаго индивидуума, существуютъ только относительныя истины, или лучше сказать относительно постоянныя убѣжденія. Я, какъ психическій индивидуумъ, могу въ свои собственныя теоріи только вѣрить. Лишь постольку, поскольку я есмь сознаніе, я есмь сама теорія и не нуждаюсь ни въ какихъ

убѣжденіяхъ, ни въ какой вѣрѣ и даже не могу тогда имѣть ихъ, ибо они, какъ чувства, суть объекты. Теорія никогда не зависитъ ни отъ какого убѣжденія; она есть само сознаніе, которое сознаетъ свою собственную сущность. Въ области же психическихъ явленій эта теорія, какъ и всякая другая, есть лишь колеблющееся убѣжденіе вѣры. И поскольку я лично считаю ее истиной, она является вполне относительной; но въ этомъ случаѣ меня не имѣютъ права спрашивать объ основаніяхъ, по которымъ я считаю ее истинной, но могутъ только изслѣдовать причины, которыя привели меня къ тому, что я вѣрю въ нее. Если же обращаются ко мнѣ, какъ къ сознанію вообще и спрашиваютъ о критеріи истинности этой теоріи, то для меня остается тогда вопросъ непонятнымъ, ибо я—сама эта теорія и вполне тождественъ съ ея значимостью. Познаніе не есть убѣжденіе и не есть чувство; оно есть непосредственное сознаніе истины, непосредственное объектъ-бытіе; сопровождается ли этотъ объектъ въ его отношеніи къ моей психикѣ чувствомъ истинности или ложности, это для самого объекта совершенно безразлично; онъ есть объектъ, есть познаніе, хотя я лично и могу считать его ложнымъ. Теорія познанія не есть теорія убѣжденія; ея объектъ есть не убѣжденіе, а познаніе, которое съ убѣжденіемъ не имѣетъ ничего общаго. Теорія познанія не есть личное убѣжденіе, а само сознаніе.

Мнѣ могутъ возразить еще слѣдующее: вы же согласитесь, что существуютъ ложныя теоріи познанія; на какомъ же основаніи вы считаете именно эту теорію истинной? Я отвѣчаю опять: вопросъ не имѣетъ никакого смысла, ибо онъ смѣшиваетъ два совершенно различныхъ понятія. Объективныя основанія этой теоріи приведены выше; но мое считаніе ея за истинную не имѣетъ ничего общаго съ этими основаніями. Мое считаніе ея за истинную, моя вѣра въ нее не имѣетъ никакихъ основаній, но только причины. Съ основаніями могутъ, разумѣется, спорить; я протестую только противъ плачевной аргументаціи, что, если я отрицаю возможность психического познанія, если я являюсь абсолютнымъ скептикомъ въ области психологіи, то я не имѣю права выставять никакихъ теорій. Теорія есть одно, а мое убѣжденіе, моя вѣра въ эту теорію есть нѣчто принципиально другое, лежащее въ абсолютно несоизмѣримой области. Теорія можетъ быть истинной, хотя бы я лично и ничего не познавалъ.

По какимъ основаніямъ я считаю данную теорію за истинную?!—Такой вопросъ не можетъ быть поставленъ. Я не могу считать какую-нибудь теорію за истинную по основаніямъ, но только по причинамъ; наоборотъ, теорія сама не имѣетъ ничего общаго съ этими причинами; она истинна не по причинамъ, а по основаніямъ.—Таково субъективное оправданіе нашего психологическаго индифферентизма. Относительно объективныхъ основаній мы можемъ ожидать слѣдующаго возраженія. Познаніе уже потому не можетъ быть тождественно съ предметомъ, что тѣ предикаты, которые приложимы къ познанію, совершенно не подходятъ къ его предмету. «Связь истинъ отлична отъ связи вещей, которыя въ этихъ истинахъ являются истинными; это явствуется тотчасъ же изъ того, что истины объ истинахъ не совпадаютъ съ истинами о вещахъ, которыя въ тѣхъ истинахъ положены». Сознаніе непространственно, внѣвременно и т. д.; какъ же оно можетъ быть тождественно съ предметомъ, если послѣдній всегда пространственъ и находится во времени?

Отчасти на это нами уже данъ былъ отвѣтъ; именно, мы сказали, что сознаніе можно считать непространственнымъ и внѣвременнымъ только въ томъ смыслѣ, что оно есть само пространство и время. Кромѣ того мы должны сказать, что мы утверждаемъ только теоретико-познавательную, а не логическую тождественность. Логически, т. е. какъ субъектъ возможныхъ предикацій, предметъ всегда и принципиально отличенъ отъ сознанія. Но различіе есть въ способахъ разсмотрѣнія. Одно и то же міровое единство можетъ быть разсмотрѣно съ двухъ точекъ зрѣнія,—одинъ разъ объективно, другой разъ субъективно; въ обоихъ случаяхъ мы получаемъ совершенно различныя системы истинъ.

Первый (объективный) способъ разсмотрѣнія (сознанія самимъ собою) даетъ систему науки, второй (субъективный)—систему философіи. Въ первомъ случаѣ мы получаемъ «Я», какъ вѣчную необходимость природы, во второмъ—«Я», какъ вѣчную свободу и необоснованность. Въ абсолютномъ и свобода, и необходимость, разумѣется, совпадаютъ.

Такова была основная мысль всей нѣмецкой спекулятивной философіи. Она проходитъ красной нитью по всѣмъ сочине-

1) Husserl, „Logische Untersuchungen“, B. I, S. 229.

ніямъ Фихте, Шеллинга и Гегеля. Не слѣдуетъ бояться этихъ спекулятивныхъ терминовъ: «абсолютное», «свобода» и т. д. Они не столь метафизичны даже у самихъ основателей спекулятивной философіи, какъ это могло бы казаться на первый взглядъ. И Фихте, и Шеллингъ и Гегель должны быть понимаемы въ свѣтѣ современной гносеологіи,—тогда метафизика ихъ отступаетъ на задній планъ и исчезаетъ въ свѣтѣ современныхъ идей. Разсматривать міръ подъ видомъ свободы вовсе не значитъ разсматривать его какъ произволъ, или какъ результатъ какого-то сверхъестественнаго хотѣнія. Это значитъ только разсматривать его какъ сознаніе или истину, *sub specie veritatis*. Философія ищетъ не временное начало міра, а его гносеологическое происхожденіе и обоснованіе. Сознаніе является не реальной причиной міра, а его идеальнымъ условіемъ; и если въ ряду реальныхъ причинъ мы не имѣемъ права постулировать безусловное¹⁾, то въ ряду идеальныхъ условій мы неизбѣжно приходимъ къ этому безусловному, которое и есть не что иное какъ высшее основоположеніе я, т.-е. само единство сознанія или истины. Какъ высшее основоположеніе, оно не имѣетъ условій, оно безусловно; а это значитъ—оно свободно, т.-е. свободно отъ условій. Другого смысла терминъ «свобода» имѣть не можетъ. Напрасно люди науки такъ упорно протестуютъ противъ этой пресловутой свободы. Они думаютъ, что эта свобода вмѣшивается въ естественный и необходимый ходъ вещей и претендуетъ что-нибудь измѣнить въ результатѣ ихъ научныхъ изслѣдованій. Эти претензіи философія давно оставила. Область науки остается неприкосновенной и въ своемъ теченіи неограниченной. Въ сферѣ «вещей» мы всегда остаемся физиками, химиками, зоологами, психологами и т. д. Философія не претендуетъ на изученіе вещей—физическихъ или психическихъ безразлично; ея объектъ есть сознаніе, которое не есть «вещь», а сама наука. Поэтому между обоими способами разсмотрѣнія міра не существуетъ никакого противорѣчія, покуда они остаются на своихъ мѣстахъ и не вторгаются другъ въ друга. Пояснимъ это на примѣрѣ.

¹⁾ Понятіе безусловнаго объекта, „Unbedingtes Ding“, является по Шеллингу противорѣчивымъ понятіемъ. См. Schelling, „Gesamntausgabe, B. I, S. 149—244 „Vom Ich als Princip der Philosophie oder über das Unbedingte im menschlichen Wissen“. S. 3.

Окружность имѣетъ выпуклость и вогнутость. Выпуклость не есть вогнутость и наоборотъ, хотя онѣ и представляютъ лишь одно и то же математическое единство; онѣ тождественны, такъ какъ существуетъ только одна поверхность круга. И однако онѣ различны, ибо характеризуютъ эту поверхность съ различныхъ сторонъ. Или возьмемъ примѣръ изъ области социальныхъ наукъ. Парламентъ мы можемъ разсматривать либо со стороны его причиннаго происхожденія и историческаго развитія, либо со стороны его социально-юридическихъ функций. Въ первомъ случаѣ мы разсматриваемъ его въ ряду причинъ какъ членъ этого причиннаго ряда, во второмъ случаѣ мы разсматриваемъ его какъ государственный органъ, какъ членъ телеологическаго ряда. Въ первомъ случаѣ мы спрашиваемъ «почему»?—во второмъ мы спрашиваемъ «для чего»? Въ обоихъ случаяхъ мы получаемъ относительно одного и того же социального явленія «парламентъ» двѣ различныхъ системы истинъ—социальную и политическую.

Точно такъ же обстоитъ дѣло съ міромъ. Существуетъ философское и естественно-научное разсмотрѣніе міра, или лучше: философская и естественно-научная система міра. Какъ историческій символъ этой двойственной тождественности является вѣчное раздѣленіе философіи и науки.

Г. Ланцъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Бархинъ, К. Поэзія А. В. Кольцова. Одесса. 1909. Ст. 32.

Богдановъ, А. Паденіе великаго фетишизма. (Современный кризисъ идеологіи.) Вѣра и наука. (О книгѣ В. Ильина. «Материализмъ и эмпириокритицизмъ»). Москва. 1910. Ст. 223. Ц. 1 р. 25 к.

Герье, В. Блаженный Августинъ. Москва. 1910. Ст. XV+682. Ц. 3 р. 50 к.

Ивановскій, Вл. Н. Ассоціаціонизмъ психологическій и гносеологическій. Историко-критическое изслѣдованіе. Часть I. Казань. 1909. Ст. XVII+127. Ц. 2 р.

Коротковъ, К. «Въ вихрѣ мысли». Москва. 1909. Ст. 303. Ц. 1 р.

Ницше, Фридрихъ. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Москва. 1909. Московское книгоиздательство. Подъ ред. пр. О. Зелинскаго, С. Франка, Г. Рачинскаго и Я. Бермана. Ст. XXXVIII+426. Ц. 3 р.

Пфендеръ, Александръ. Введеніе въ психологію. Перев. съ нѣм. I. А. Давыдова. Спб. 1909. Ст. VII+368. Ц. 2 р.

Судницынъ, Д. Краткій историческій обзоръ главнѣйшихъ философскихъ ученій. Съ приложеніемъ «Краткаго введенія въ философію». Вып. I и II. Ст. XII+175. Владиміръ. 1902. Ц. каждого выпуска 60 к.

Теодоровичъ, К. Педагогическая и психологическая хрестоматія. Выпускъ I. Воспитаніе. Лодзь. 1900. Ст. 142. Ц. 35 к.

Фалькенбергъ, Рихардъ. Исторія новой философіи. Пер. подъ ред. и съ предисл. прив.-доц. Моск. универс. Д. В. Викторова. Москва. 1909. Ст. XXX+573. Ц. 3 р. 75 к.

Fonsegrive, George. Essais sur la connaissance. 2 edition. Paris. 1909. Ст. II+270. Ц. 3 фр. 50 с.

Циркуляръ по Одесскому учебному округу. № 9. Одесса. 1909.

Ягодинскій, Ив. Генетическій методъ въ логикѣ. Казань. 1909. Ст. 360. Ц. 2 р.

Московское Психологическое Общество.

ССXLV. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 25 апрѣля 1909 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: Н. А. Абрикосова, Н. П. Корелиной, В. П. Сербскаго, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта, члена соревнователя: А. В. Бломеріусъ и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Сторонній посѣтитель Общества, д-ръ М. Б. Кроль прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Объ апраксіи» (съ демонстраціей больныхъ.)

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, Г. И. Челпановъ и Л. М. Лопатинъ.

Засѣданіе было закрыто въ 11^{1/2} ч. вечера.

ССXLVI. Протоколъ распорядительнаго собранія 23 мая 1909 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ К. Н. Бернштейна, П. Б. Ганнушкина, Н. П. Ко-

релиной, П. Н. Новгородцева, Г. И. Россолимо, П. П. Соколова, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова и Г. Г. Шпетта.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Обсуждался вопросъ о празднованіи 25-лѣтія со дня основанія Общества, имѣющаго быть въ январѣ 1910 года. Послѣ обмѣна мнѣній рѣшено было устроить одно торжественное засѣданіе Общества въ январѣ 1910 года, когда исполнится 25 лѣтъ со дня основанія Общества. Что касается содержанія предполагаемаго засѣданія, то на немъ должны быть прочитаны: отчетъ, составленный секретаремъ Общества о дѣятельности Общества за истекшія 25 лѣтъ, и рѣчи, посвященныя характеристикѣ различныхъ философскихъ дисциплинъ за послѣднія 25 лѣтъ. Ораторами этого засѣданія были намѣчены слѣдующія лица: Л. М. Лапатинъ (для рѣчи по отдѣлу философіи), Г. И. Челпановъ (для рѣчи по отдѣлу психологіи), П. И. Новгородцевъ и кн. Е. Н. Трубецкой (для рѣчи по отдѣлу этики и философіи права), В. И. Вернадскій, или Н. А. Умовъ, или И. Ф. Огневъ (для рѣчи по отдѣлу натурфилософіи). Такъ какъ изъ дальнѣйшаго обмѣна мнѣній выяснилось, что присутствующіе не могутъ вполне объединиться въ пониманіи характера предположительныхъ рѣчей, ихъ числа и ихъ отношенія къ различнымъ отдѣламъ философіи, то собраніе постановило сдѣлать всѣ эти вопросы предметомъ спеціальнаго обсужденія въ одномъ изъ осеннихъ засѣданій Общества.

3) Г. И. Челпановъ внесъ предложеніе организовать, въ связи съ исполняющимся 25-лѣтіемъ существованія Общества, Всероссийскій Психологическій Съѣздъ въ Москвѣ. При этомъ Г. И. Челпановъ сообщилъ о прежнихъ попыткахъ созвать Психологическій съѣздъ (въ связи съ исторіей Петербургскихъ съѣздовъ по Педагогической Психологіи).

Послѣ обмѣна мнѣній собраніе постановило организовать въ Москвѣ Всероссийскій Психологическій Съѣздъ въ апрѣлѣ (на Пасхѣ) 1911 года. Объ этомъ постановленіи Общества поручено было членамъ Общества сдѣлать сообщеніе на предстоящемъ 2 Всероссийскомъ съѣздѣ по Педагогической Психологіи въ С.-Петербурѣ.

4) Г. И. Челпановъ внесъ предложеніе о желательности (въ виду предстоящей реформы гимназій) организовать, отъ имени Психологическаго Общества, анкету среди преподавателей философской пропедевтики относительно результатовъ преподаванія за истекшіе 4 года. Для выработки этой анкеты и для разработки предполагаемаго матеріала, по мнѣнію Г. И. Челпанова, должна быть выбрана особая комиссія, при чемъ проектъ анкеты долженъ быть подвергнутъ предварительному обсужденію на предстоящемъ 2 Всероссійскомъ съѣздѣ по педагогической Психологіи въ С-Петербургѣ. Собраніе приняло это предложеніе Г. И. Челпанова и просило принять участіе въ комиссіи слѣдующихъ лицъ: Г. И. Челпанова, Н. Д. Виноградова, П. П. Соколова, Г. И. Россолимо, А. Н. Бернштейна, Г. Г. Шпетта.

5) По предложенію А. Н. Бернштейна собраніе постановило принять участіе въ предстоящемъ чествованіи И. И. Мечникова. Общество постановило послать депутацію, въ составъ которой должны войти слѣдующія лица: Л. М. Лопатинъ, Г. И. Челпановъ и А. Н. Бернштейнъ.

Засѣданіе было закрыто въ 12 ч. ночи.

ССXLVII. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 26-го сентября 1909 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера, въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Д. В. Викторова, Н. П. Корелиной, С. А. Котляревскаго, П. Д. Первова, Д. М. Петрушевскаго, В. П. Сербскаго, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, члена-соребнователя С. Г. Шахъ-Назарова и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Л. М. Лопатинъ сообщилъ о кончинѣ дѣйствительныхъ членовъ Общества А. С. Бѣлкина и С. Н. Успенскаго и охарактеризовалъ дѣятельность почившихъ въ качествѣ членовъ Общества. По предложенію Л. М. Лопатина, собраніе почтило память почившихъ вставаньемъ.

2) Дѣйствительный членъ Общества В. М. Хвостовъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Предметъ и методъ соціологіи».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, С. А. Котляревскій и Г. И. Челпановъ.

4) По окончаніи преній предсѣдатель выразилъ референту благодарность, отъ имени всѣхъ присутствующихъ, за глубоко интересный докладъ.

5) Въ закрытой части засѣданія былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

6) Г. И. Челпановъ сообщилъ текстъ анкеты (относительно преподаванія философской пропедевтики), выработанный особой комиссіей и одобренный 2 Всероссійскимъ Съѣздомъ по Педагогической Психологіи. Послѣ обмѣна мнѣній Собраніе утвердило текстъ анкеты, внесши въ него два дополненія: а) относительно удлинненія срока для представленія отвѣтовъ (до 1-го декабря) и б) относительно предоставленія свободы отвѣчать не на всѣ, а только на нѣкоторые вопросы.

Засѣданіе было закрыто въ 12 ч. ночи.

П о л е м и к а.

Къ вопросу о съѣздѣ по педагогической психологіи и ком-ментаріяхъ Г. И. Челпанова.

Въ послѣдней книжкѣ (№ 99) «Вопросовъ Философіи и Психологіи» Г. И. Челпановъ напечаталъ свой докладъ, читанный на послѣднемъ петербургскомъ съѣздѣ по педагогической психологіи, дополнивъ его обширными подстрочными примѣчаніями, касающимися какъ нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности съѣзда, такъ и меня лично. Характеръ обвиненій, предъявляемыхъ Г. И. Челпановымъ ко мнѣ и сотрудникамъ руководимой мною лабораторіи, не позволяетъ оставить ихъ безъ отвѣта.

Г. И. Челпановъ длинными выписками изъ статьи Вундта старается убѣдить насъ, что нельзя «безъ всякой подготовки» реформировать воспитаніе и обученіе и что «новыя задачи въ педагогикѣ» можно ставить только при условіи «всесторонняго образованія». Охотно признаемъ это и безъ ссылки на Вундта, точно такъ же, какъ безъ ссылки на журналъ Штерна готовы признать необходимость того, чтобы во главѣ хотя бы самыхъ маленькихъ психологическихъ лабораторій стояли специально подготовленные лица.

Что же дальше?.. Г. И. Челпановъ обвиняетъ насъ «въ чрезчуръ ревностномъ стремленіи распространять лабораторіи по экспериментальной дидактикѣ среди русскихъ педагоговъ», при чемъ излагаетъ дѣло такъ, будто мы, способствуя учрежденію психологическихъ лабораторій и кабинетовъ при учебныхъ заведеніяхъ и педагогическихъ кружкахъ, «гордимся» чисто внѣшнимъ успѣхомъ дѣла и до такой степени не заботимся о научной подготовкѣ руководителей этихъ лабораторій, что профессору Челпанову, какъ стоящему, по его выраженію, «на стражѣ

научности», приходится вмѣшаться въ это дѣло, печатно «предостеречь» руководителей петербургской лабораторіи отъ опаснаго «увлеченья», а россійскіе педагогическіе комитеты отъ «соблазна».

Но, стоя на стражѣ научности, не слѣдуетъ забывать и простой справедливости, которая, казалось бы, въ данномъ случаѣ должна была напомнить Г. И. Челпанову слѣдующіе факты, хорошо извѣстные всѣмъ участникамъ нашихъ съѣздовъ по педагогической психологіи.

1) Петербургская лабораторія экспериментальной педагогической психологіи организована при Педагогическихъ курсахъ военно-учебнаго вѣдомства, гдѣ воспитатели и преподаватели кадетскихъ корпусовъ, подъ руководствомъ завѣдующаго лабораторіей, не только знакомятся съ основными методами современной экспериментальной психологіи, но изучаютъ довольно обширный общій курсъ психологіи (въ связи съ исторіей этой науки), параллельно съ особыми курсами фізіологіи, исторіи педагогики и школьной гігіены.

2) Въ 1904 г. руководители этой лабораторіи организовали спеціальные педагогическіе курсы съ цѣлью распространить среди русскихъ педагоговъ (и за предѣлами военно-учебнаго вѣдомства) знанія по экспериментальной психологіи и связаннымъ съ нею наукамъ. На этихъ курсахъ, непрерывно существовавшихъ въ теченіе трехъ лѣтъ, *ежедневно* читались лекціи и велись практическія занятія по экспериментальной психологіи, фізіологіи, анатоміи, гистологіи, психопатологіи, общей психологіи въ связи съ ея исторіей, психологіи дѣтства, школьной гігіенѣ, исторіи педагогики, статистикѣ. Впослѣдствіи эти курсы нашли себѣ сочувственный откликъ въ Москвѣ, гдѣ (при Педагогическомъ собраніи) съ 1906 г. стали организоваться лекціи по педологіи, въ чтеніи которыхъ принимали участіе и «руководители петербургской лабораторіи». Результатомъ этихъ лекцій была организація при Московскомъ педагогическомъ собраніи спеціальной лабораторіи, сотрудники которой, во главѣ съ приватъ-доцентомъ Московскаго Университета А. Н. Бернштейномъ, сочли возможнымъ печатно заявить, что въ своей дѣятельности они хотѣли бы слѣдовать примѣру нашей петербургской лабораторіи («Труды Психологической лабораторіи при Московскомъ пед. собраніи», 1909).

3) Независимо отъ постоянныхъ петербургскихъ «педологическихъ» курсовъ непрерывно функционировавшихъ въ теченіе трехъ лѣтъ, съ сентября по май, нами организовались въ каникулярное время специальные курсы для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній: лѣтомъ 1906 г. въ Петербургѣ, на Пасхѣ 1907 г.—въ Нижнемъ-Новгородѣ, лѣтомъ 1907—опять въ Петербургѣ и лѣтомъ 1909 г. въ Самарѣ. На всѣхъ этихъ курсахъ читались лекціи по психологіи, фізіологіи и психопатологіи (иногда еще по школьной гігіенѣ), при чемъ велись бесѣды относительно литературы предмета и устраивались практическія занятія съ цѣлью выяснить теоретическія основы техники психологическихъ экспериментовъ и дать возможность наглядно почувствовать сложность задачъ экспериментально-психологическаго изслѣдованія.

4) Въ 1907 г. Петербургскіе педологическіе курсы, налаженные «руководителями петербургской психологической лабораторіи», были реформированы въ Педагогическую Академію, которая съ прошлаго 1908 года начала свою дѣятельность. Преподаваніе психологіи (въ частности экспериментальной) и связанныхъ съ нею наукъ (анатоміи, гистологіи, фізіологіи, психопатологіи, исторіи философіи) поставлено здѣсь настолько широко, что, напр., въ настоящемъ полугодіи на занятія одной только психологіей (не считая смежныхъ съ нею наукъ) удѣляется 15 недѣльныхъ часовъ.

5) Организуя курсы и лекціи по экспериментальной психологіи и педагогикѣ, сотрудники нашей лабораторіи все время прилагали усилія къ тому, чтобы поддерживать среди педагоговъ интересъ къ изученію научной литературы. Со этой цѣлью нами непрерывно давались рефераты о выдающихся сочиненіяхъ по экспериментальной психологіи и педагогикѣ, дѣлались обзоры главнѣйшихъ результатовъ работъ въ данномъ направленіи, переводились цѣлыя сочиненія иностранныхъ авторовъ и публиковались собственныя посильныя изслѣдованія.

6) Оба всероссійскихъ съѣзда по педагогической психологіи были организованы тѣми же лицами, которыхъ Г. И. Челпановъ называетъ «руководителями петербургской психологической лабораторіи».

7) Въ 1909 году «руководители петербургской психологической лабораторіи», желая координировать и углубить дѣятель-

ность отдѣльных лицъ и кружковъ, заинтересованныхъ экспериментальной педагогикой, организовали специальное «Общество экспериментальной педагогики», которое своей ближайшей задачей поставило выработку научныхъ плановъ и методовъ экспериментально-педагогическихъ изслѣдованій и научной подготовки изслѣдователей. Вполнѣ сознавая большую отвѣтственность, лежащую въ данномъ случаѣ на Обществѣ, его правленіе обратилось къ цѣлому ряду русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, работающихъ въ области экспериментальной психологіи и научной педагогики съ просьбой вступить въ число почетныхъ членовъ Общества и не отказаться быть въ курсѣ всей нашей дѣятельности. Такимъ образомъ, мы сознательно ставимъ не только наши печатныя работы, но и предварительные планы нашихъ изслѣдованій подъ строгій контроль широкой научной критики. Въ число почетныхъ членовъ нашего Общества былъ приглашенъ и Г. И. Челпановъ, у котораго мы просили разрѣшенія своевременно представлять его вниманію (какъ и другимъ нашимъ почетнымъ членамъ) всѣ планы и предварительныя пробы методовъ изслѣдованій, которыя мы намѣрены будемъ затѣмъ пропагандировать.

Всѣ эти справки (изъ которыхъ Г. И. Челпановъ не узнаетъ, конечно, ничего новаго) могутъ пригодиться безпристрастному читателю для сужденія о томъ, насколько общій характеръ дѣятельности нашей лабораторіи долженъ вызывать опасенія «стоящихъ на стражѣ научности».

Я не захотѣлъ бы возражать, если бы Г. И. Челпанову угодно было доказывать, что наше научное направленіе кажется ему ложнымъ, что мы недостаточно освѣдомлены въ нашемъ матеріалѣ, мало талантливы или недостаточно глубоки въ своихъ изслѣдованіяхъ. Но отрицать, что мы дѣлаемъ непрерывныя и добросовѣстныя усилія къ распространенію психологическаго образованія среди русскихъ педагоговъ, и печатно напоминать *именно намъ* о необходимости специальной «подготовки» и «всесторонняго образованія» для педагоговъ Г. И. Челпановъ не имѣлъ достаточныхъ основаній.

Конечно, для педагогическихъ совѣтовъ, къ которымъ апеллируетъ теперь Г. И. Челпановъ, будетъ импозантно звучать его фраза, что преподаватели гимназій, которые уже завели у себя психологическія лабораторіи, на съѣздѣ «не нашли поддержки

въ лицѣ А. П. Нечаева» (стр. 308). Но по этому поводу я могу только выразить радость, что всѣ наши пренія съ Г. И. Челпановымъ были стенографированы. Когда выйдетъ печатный отчетъ, всѣ желающіе смогутъ убѣдиться, что я велъ себя на сѣздѣ честно, не скрывая и предъ лицомъ проф. Челпанова того, что провожу въ своей общественной жизни и печатныхъ трудахъ.

Въ своихъ комментаріяхъ къ сѣзду Г. И. Челпановъ усиленно старается кого то убѣдить, что его выступленія на сѣздѣ имѣли успѣхъ, и выражаетъ недовольство образомъ дѣйствій предсѣдателя В. М. Бехтерева, который, слѣдуя общепринятымъ культурнымъ обычаямъ, пожелалъ въ своей заключительной рѣчи взять примирительный тонъ и, съ благодарностью вспомнивъ докладъ проф. Челпанова, давшій поводъ къ оживленнымъ и поучительнымъ преніямъ, прибавилъ, что «въ великомъ спорѣ между теоретиками и экспериментаторами не оказалось ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей». «Если предсѣдатель, — замѣчаетъ по этому поводу Г. И. Челпановъ, — принимавшій участіе въ преніяхъ, объявляетъ, что противникъ не былъ въ состояніи побѣдить его, то вѣдь это равносильно провозглашенію себя непобѣдимымъ»... (стр. 307). Дѣйствительно, со стороны нашего предсѣдателя было бы большой неосторожностью провозглашать себя непобѣдимымъ только потому, что его не побѣдилъ даже самъ Г. И. Челпановъ. Но вѣдь о непобѣдимости вообще, независимо отъ даннаго сѣзда, никто не говорилъ... Г. И. Челпановъ однако не довольствуется признаніемъ себя «непобѣжденнымъ». Ему непременно хочется быть «побѣдителемъ». «Съ своей стороны, — говоритъ онъ, — могу привести безспорныя доказательства того, что на сѣздѣ были лица, согласныя со мною. Послѣ сѣзда мною было получено отъ участниковъ сѣзда письмо, покрытое 70 подписями, въ которомъ они выражаютъ солидарность съ высказанными мною взглядами» (стр. 308). Однако, вообще говоря, такая переписка «послѣ сѣзда» едва ли можетъ представлять особый общественный интересъ. Что Г. И. Челпановъ на сѣздѣ не былъ одинокъ со своими взглядами, — объ этомъ никто не споритъ. Но возможно ли сочувствіе 70 лицъ изъ 400 считать «безспорнымъ доказательствомъ» побѣды — это для насъ еще большой вопросъ.

Наблюдая быстрое и широкое распространеніе интереса къ экспериментальной психологiи среди педагоговъ и видя, что при

этомъ педагоги не только пассивно воспринимаютъ попадающій къ нимъ матеріалъ, но желаютъ, по возможности, и сами принять участіе въ активной работѣ,—Г. И. Челпановъ предостерегаетъ ихъ отъ «дилетантизма» и предлагаетъ педагогамъ для спасенія науки «отъ профанаціи», во-первыхъ, оставить попытки къ самостоятельнымъ работамъ въ лабораторіяхъ и, во-вторыхъ, помнить, что «есть еще огромная область психологіи теоретической и психологіи генетической, которыя могутъ доставить необычайно богатый матеріалъ для самостоятельныхъ изслѣдованій» (306). Чтобы окончательно удержать педагоговъ отъ соблазна увлечься экспериментальными работами, Г. И. Челпановъ обѣщаетъ даже, взявъ распространяемыхъ нашей лабораторіей аппаратовъ, составить особую (такъ сказать, безопасную) коллекцію психологическихъ приборовъ, которая будетъ годиться только для демонстрацій (303, прим. 1).

Итакъ, оказывается, что только одна «теоретическая» психологія, которую, по словамъ Г. И. Челпанова, можетъ «самостоятельно разрабатывать всякій интересующійся» (307), застрахована отъ дилетантизма. Только для этой, такъ называемой «теоретической» психологіи Г. И. Челпановъ дѣлаетъ исключеніе, не опасаясь вводить сюда пресловутую «роскошь полужнаній». Самостоятельная разработка теоретической психологіи «всякимъ интересующимся», но при непремѣнномъ условіи не дѣлать даже попытокъ къ самостоятельному пользованію экспериментально-психологическимъ методомъ—вотъ въ чемъ видитъ проф. Челпановъ цѣлесообразное средство избавить науку отъ грозящихъ ей опасностей... Не рѣшаясь взять на себя непосильную задачу выясненія логической стороны такой постановки вопроса, я могу только съ интересомъ ждать, что по этому пункту скажутъ сами педагоги.

Въ заключеніе замѣчу, что, съ моей точки зрѣнія, для представителей университетской науки въ настоящее время было бы болѣе благодарной задачей направить свои силы не на преслѣдованіе дилетантизма (на почвѣ котораго, какъ мы знаемъ, нерѣдко вырастаетъ впослѣдствіи глубокій научный интересъ), а на борьбу съ невѣжествомъ. Конечно, дилетантизмъ—не наука, но онъ неизбѣжный спутникъ прогресса, создающій благопріятную атмосферу уваженія къ научному знанію,—атмосферу, которая позволяетъ истиннымъ ученымъ не только стоять на стражѣ своей науки, но и бодро идти навстрѣчу потребностямъ жизни.

Александръ Нечаевъ.

„Нужны ли психологическія лабораторіи для самостоятельныхъ изслѣдованій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“?

Отвѣтъ А. П. Нечаеву.

По поводу моей статьи «О задачахъ современной психологіи» А. П. Нечаевъ въ своей замѣткѣ, печатаемой выше, нашелъ нужнымъ перечислить всѣ заслуги С.-Петербургской психологической лабораторіи и ея руководителей въ дѣлѣ распространенія психологическихъ знаній. Такъ какъ я ни въ своемъ докладѣ на съѣздѣ, ни въ своей статьѣ этого вопроса совершенно не затрогивалъ, то, признаюсь, я совсѣмъ не понимаю, для чего А. П. Нечаеву нужно было объ этомъ говорить. Я думаю, что А. П. Нечаевъ долженъ былъ бы разсмотрѣть мои аргументы противъ психологическихъ лабораторій въ средней школѣ. Вѣдь, именно этотъ вопросъ является спорнымъ. Мои аргументы просты и немногочисленны. Для завѣдыванія этими лабораторіями нужны специально подготовленныя къ тому лица. Наши преподаватели психологіи съ высшимъ историко-филологическимъ образованіемъ не могутъ считаться лицами специально подготовленными для экспериментально-психологическихъ изслѣдованій. Выводъ ясенъ самъ собой.

Я утверждаю, что А. П. Нечаевъ на съѣздѣ не говорилъ прямо, что онъ считаетъ преподавателей психологіи настолько подготовленными, чтобы считать ихъ специалистами, могущими производить спеціальныя изслѣдованія. Въ этомъ смыслѣ я думаю, что А. П. Нечаевъ не поддержалъ педагоговъ, которые завели у себя лабораторіи для изслѣдованія умственныхъ способностей учащихся. Въ отвѣтъ на это А. П. Нечаевъ ссылается на то, что въ скоромъ времени выйдетъ *стенографическій* ¹⁾

¹⁾ Я изумленъ, узнавъ, что наши пренія на съѣздѣ были стенографированы, потому что я свои возраженія и замѣчанія самъ воспроизводилъ, и дѣлалъ

отчетъ съѣзда, изъ котораго читатели убѣдятся, что А. П. Нечаевъ, по его словамъ, «велъ себя на съѣздѣ честно!» Для меня неясно, хочетъ ли А. П. Нечаевъ этимъ сказать, что онъ дѣйствительно на съѣздѣ говорилъ прямо, что считаетъ препятствія, на которыя я указывалъ, несуществующими. Вѣдь говоря, что изъ стенографическаго отчета читатели убѣдятся, что я въ чемъ-то неправъ, А. П. Нечаевъ, повидимому, хочетъ сказать, что я не точно передаю то, что говорилось на съѣздѣ, но я думаю, А. П. Нечаевъ хорошо понимаетъ, что въ случаѣ сомнѣній, т. наз. *стенографическій* отчетъ не можетъ служить *безспорнымъ* документомъ.

Если А. П. Нечаевъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы читатели «Вопросовъ Философіи и Психологіи» признали его правоту, то зачѣмъ онъ отсылаетъ ихъ къ стенографическому отчету, который когда-то долженъ выйти и который навѣрное не попадетъ въ руки большинства читателей «Вопросовъ Философіи и Психологіи», когда онъ могъ здѣсь же, въ этой статьѣ прямо сказать, что онъ дѣйствительно считаетъ вполне цѣлесообразнымъ открытіе указанныхъ психологическихъ лабораторій. Онъ этого не сказалъ и здѣсь, потому что, принимая тѣ *посылки*, которыя онъ принимаетъ, онъ дѣйствительно этого *не можетъ* сказать.

Разсмотримъ эти посылки.

Первая посылка. «Руководителями лабораторій должны быть спеціалисты». А. П. Нечаевъ въ печатаемой имъ здѣсь замѣткѣ говоритъ: «мы готовы признать необходимость того, чтобы во главѣ хотя бы самыхъ маленькихъ лабораторій стояли спеціально подготовленныя лица».

Вторая посылка. «Преподаватели психологіи среднихъ учебныхъ заведеній не суть спеціально подготовленныя лица». Эта посылка очевидна для всѣхъ и въ томъ числѣ для А. П. Нечаева. Очень густой туманъ аргументаціи, созданный перечисленіемъ всѣхъ заслугъ С.-Петербургской психологической лабораторіи и указаніемъ того, что въ Педагогической академіи въ *текущемъ* году читается 15 недѣльныхъ часовъ психологіи, все-

это по предложенію бюро организаціоннаго комитета. Если у нихъ былъ достовѣрный стенографическій отчетъ, зачѣмъ они заставляли меня воспроизводить мои возраженія и отвѣты?

таки не въ состояніи настолько затемнить глаза читателей, чтобы они не видѣли, что всѣ эти просвѣтительныя блага совсѣмъ не касаются тѣхъ 47 завѣдующихъ лабораторіями, уже функционирующими. (Помнится, эта цифра лабораторій была названа на съѣздѣ.)

Это совершенно очевидно вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній. «С.-Петербургская лабораторія экспериментальной педагогической психологіи,—говоритъ въ печатаемой здѣсь статьѣ А. П. Нечаевъ,—организована при педагогическихъ курсахъ военно-учебнаго вѣдомства, гдѣ воспитатели и преподаватели *кадетскихъ корпусовъ* изучаютъ экспериментальную психологію». Теперь открываемъ «Ежегодникъ по экспериментальной педагогикѣ» за 1909 годъ. На стр. 82 мы находимъ, что изъ 23 среднихъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ психологическія лабораторіи, кадетскій корпусъ только *одинъ*. Слѣдовательно, только одинъ преподаватель прошелъ ту школу, которая, по мнѣнію А. П. Нечаева, дѣлаетъ специалистовъ психологіи. Если процентное отношеніе сохранилось ко времени съѣзда, то лабораторіи русской средней школы имѣли только *двухъ* специалистовъ. Гдѣ же изучали экспериментальныя приемы изслѣдованія другіе 45 преподавателей (или около того)? Они, въ лучшемъ случаѣ, знакомились съ экспериментально-психологическими методами изслѣдованія на лѣтнихъ курсахъ въ Петербургѣ, *длящихся около 1½ недѣли*. Если А. П. Нечаевъ для подготовки специалистовъ по психологіи организуетъ чтеніе по психологіи по 15 часовъ въ недѣлю для лицъ, занимающихся годъ или два, то нужно думать, что онъ не считаетъ специалистами, которые могутъ стать во главѣ лабораторіи, лицъ, изучающихъ экспериментальныя методы изслѣдованія *1½ недѣли*.

Итакъ, А. П. Нечаевъ допускаетъ слѣдующія двѣ посылки:

1) Только специалисты могутъ завѣдывать психологическими лабораторіями.

2) Преподаватели психологіи среднихъ учебныхъ заведеній не суть специалисты по экспериментальной психологіи.

Какой отсюда слѣдуетъ выводъ, очевидно для всякаго. Для меня также очевидно, что А. П. Нечаевъ, допуская обѣ эти посылки, никакъ не можетъ произнести той фразы, отсутствіе которой во время преній на съѣздѣ я ставилъ ему въ упрекъ.

А. П. Нечаевъ, по его словамъ, съ интересомъ ждетъ, что

«по этому пункту скажутъ сами педагоги». Я не раздѣляю интереса А. П. Нечаева, ибо совершенно ясно предвижу два возможныхъ отвѣта. Одни педагоги скажутъ, что они вовсе не занимаются изслѣдованіемъ умственныхъ способностей учащихся, что они пользуются психологическими приборами только для демонстрацій. Мое отношеніе къ лабораторіямъ этого типа въ статьѣ выяснено въ достаточной мѣрѣ. Другіе педагоги въ оправданіе цѣлесообразности психологическихъ лабораторій скажутъ, что они, руководясь указаніями сборника, составленнаго сотрудниками С.-Петербургской лабораторіи: «Методъ экспериментальнаго изслѣдованія личности», собираютъ матеріалы, которые какъ они надѣются, имѣютъ серьезное научное значеніе; ихъ воодушевляетъ сознаніе, что они принимаютъ посильное участіе въ разрѣшеніи научныхъ вопросовъ; что они только тогда и заинтересовались психологіей, когда познакомились съ экспериментальной психологіей; что они такъ успѣшно занимаются экспериментально-психологическими изслѣдованіями, что даже иногда ставятъ психологическіе диагнозы, что эти диагнозы безошибочны, и т. п. (Будетъ очень жаль, если въ стенографическомъ отчетѣ будетъ отсутствовать рѣчь того педагога «изъ далекой окраины», какъ онъ самъ о себѣ говорилъ, который съ презрѣніемъ относился ко всякой теоріи и который въ своей лабораторіи производилъ чудеса, подобныя только что приведеннымъ.) Я вотъ съ интересомъ жду, что А. П. Нечаевъ скажетъ по поводу такихъ изслѣдованій и что сами педагоги скажутъ А. П. Нечаеву черезъ нѣсколько лѣтъ, когда убѣдятся въ полной бесплодности своихъ изслѣдованій!

Я думаю, что напрасно А. П. Нечаевъ съ интересомъ ждетъ, что по этому вопросу скажутъ сами педагоги. На мой взглядъ, пусть педагоги и не трудятся высказывать свое мнѣніе о пригодности лабораторій, пусть лучше они сами прислушаются къ мнѣнію *спеціалистовъ*. Вундтъ высказался. Другіе нѣмецкіе авторитеты не замедлятъ высказаться, когда и у нихъ дѣло дойдетъ до того, до чего дошло у насъ.

Г. Челпановъ.

Матеріалы для журнальной статистики.

Въ 1909 г. экземпляры журнала „ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛО-
ГІИ“ распредѣлялись по мѣсту подписки слѣдующимъ образомъ:

№ №	ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.	экз.	№ №	ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.	экз.
1	Кіевская	44	46	Иркутская	7
2	Херсонская	39	47	Калужская	7
3	Харьковская	28	48	Уфимская	7
4	Таврическая	24	49	Минская	6
5	Варшавская	23	50	Рязанская	6
6	Области Войска Донск.	23	51	Акмолинская	5
7	Казанская	22	52	Гродненская	5
8	Екатеринославская . .	20	53	Енисейская	5
9	Лифляндская	20	54	Псковская	5
10	Томская	18	55	Ковенская	4
11	Нижегородская	17	56	Кутаисская	4
12	Смоленская	17	57	Олонекская	4
13	Волынская	16	58	Архангельская	3
14	Виленская	16	59	Ставропольская	3
15	Курская	16	60	Сырѣ-Дарьинская . . .	3
16	Саратовская	16	61	Тобольская	3
17	Тифлисская	15	62	Черноморская	3
18	Владимірская	14	63	Эстляндская	3
19	Вятская	14	64	Эриванская	2
20	Московская	14	65	Батумская	2
21	Полтавская	14	66	Елизаветпольская . . .	2
22	С.-Петербургская . . .	14	67	Могилевская	2
23	Бессарабская	13	68	Петроковская	2
24	Вологодская	13	69	Подольская	2
25	Воронежская	12	70	Радомская	2
26	Орловская	12	71	Сувалкская	2
27	Черниговская	12	72	Амурская	1
28	Ярославская	12	73	Дагестанская	1
29	Оренбургская	11	74	Курляндская	1
30	Пермская	11	75	Карская обл.	1
31	Пензенская	11	76	Самаркандская обл. . .	1
32	Тверская	11	77	Семирѣченская	1
33	Витебская	10	78	Уральская	1
34	Кубанская	10	79	Ферганская	1
35	Приморская	10	80	Якутская	1
36	Тамбовская	10			
37	Тульская	10		Итого по губерніямъ	783
38	Новгородская	9			
39	Выборгская	8	II	Москва	195
40	Костромская	8	III	С.-Петербургъ	169
41	Симбирская	8	IV	За границу	40
42	Самарская	8			
43	Терская	8		Итого .	1187
44	Астраханская	7			
45	Забайкальская	7		(Безпл. и обмѣнныхъ).	136

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗІЙ и ЗАМѢТОКЪ,

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ ЖУРНАЛѢ

„Вопросы Философіи и Психологіи“

за двадцатилѣтіе 1889—1909 г. *)

Абрикосовъ, Н. А.—Отношеніе между социологіей и психологіей. LXX, 867—876. Autobiography by Alexander Bain. London. 1904. LXXV. 739—740. — Рецензіи: — Brain, p. 53. IX, 76—78; p. 54 и 55. XIII, 39—41; p. 57. XIV, 72—74; Philosophical Review, январь 1892 г., т. I, № 1 — XII, 53—54. — Классификація характеровъ Рибо (ст. Рибо въ № 11 Revue philosophique 1892 г.). XVII, 65—70. — Sanity and Insanity. By Charles Mercier. London. 1890. VII, 85—91. — B. Kidd. Social Evolution. Lond. 1894. XXV, 699—702. Franklin Henry Giddings. The Principles of Sociology. New-York. 1896. XXXVI, 172—175.

Аврелинъ, М. К. — Секретъ творчества. (Замѣтка.) XVII, 113—129.

Адольфъ, А. В.—Рецензіи:—Windelband. Geschichte der alten Philosophie. Nordingen 1888. I, 93—94. — Lud. Stein. Die Erkenntnisstheorie der Stoa. Berlin. 1889. I, 94—95.

Айхенвальдъ, Ю. И.—Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота. LI, 61—73. Рецензіи: Ch. Adam. La philosophie en France (première moitié du XIX siècle). Paris. 1894. XXVIII, 369—372. — Revue philosophique de la France et de l'étranger. 1894 г. №№ 7—12. XXXII, 157—166; 1895 г. №№ 1—6. XXXIII, 351—357; 1895 г. №№ 7—12. XXXVI, 187—197; 1896 г. №№ 1—

8. XXXVIII, 535—557; 1896 г. №№ 9—12. XXXIX, 704—711; 1897 г. №№ 1—7. XLIII, 244—280; 1897 г. №№ 7—12. XLIV, 329—350; 1898 г. №№ 1—4. XLV, 439—447; 1898 г. №№ 5—8. XLVII, 192—204; 1898 г. №№ 9—12. XLVIII, 339—350; 1899 г. №№ 1—4. XLIX. 429—436. — И. Тэнъ. Французская философія первой половины XIX вѣка. Переводъ съ 6-го франц. изданія Ю. В., подъ редакціей Е. Васильковскаго. Издан. юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Спб. 1896. XXXIII, 333—336. — Философскія теченія русской поэзіи. Составилъ П. Перцовъ. Спб. 1896. XXXIV, 485—491. — Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Перевелъ съ англійскаго А. Гойжевскій, подъ ред. Вл. Соловьева. Спб. 1896. XXXIV, 492—493. — Александръ Введенскій. Условіе допустимости вѣры въ смыслъ жизни. Спб. 1896. XXXVI, 167—170. — А. О. Кони. За послѣдніе годы. Спб. 1896. XXXVI, 171—172. — Alois Riehl. Friedrich Nietzsche—der Künstler und der Denker. Frommanns Klassiker der Philosophie. Stuttgart. 1897. XXXIX, 697—701. — Harald Höffding. Sören Kirkegaard. Harald Höffding. Rousseau und seine Philosophie. Otto Gaupp. Herbert Spencer (Frommanns Klassiker der Philosophie). XL, 784—793. — Friedrich Paulsen. Immanuel Kant.

*) Номера книгъ журнала за всѣ двадцать лѣтъ обозначены римскими цифрами (I—C). Страницы перваго отдѣла отмѣчены обыкновеннымъ шрифтомъ, а втораго отдѣла—курсивомъ.

- Sein Leben und seine Lehre. Stuttgart, 1898. (Frommanns Klassiker der Philosophie.) Та же книга въ русскомъ переводѣ Н. Лосскаго. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. XLVII, 160—171. — Письмо въ редакцію (отвѣтъ І. Гобчанскому). XLVII, 207—210. (Извѣстія и замѣтки.) В. В. Розановъ. Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Спб. 1899. — Литературные очерки. Сборникъ статей. Спб. 1899. LI, 176 — 185. Iohannes Volkelt. Arthur Schopenhauer. Seine Persönlichkeit, seine Lehre, sein Glaube. Mit Bildniss. Stuttgart, 1900. (Frommanns Klassiker der Philosophie.) LVII, 151 — 159. А. П. Нечаевъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Спб. университета. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Съ 79 таблицами въ текстѣ. Спб. 1901. LIX, 403—415. Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Нечаева. LX, 519 — 526. Томасъ Карлейль. Sartor Resartus. Жизнь и мысли Геррѣ Тейфельсдрека, въ трехъ книгахъ. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда ректора Эдинбургскаго университета 2 апрѣля 1866 г. Перев. съ англ. Н. Горбова. Москва. 1902. LXIV, 853—857. Проблемы идеализма. Сборникъ статей. Подъ ред. П. И. Новгородцева. Изданіе Моск. Псих. общ. М. 1902. LXVII, 333—355.
- Алексѣевъ, Н. Н. Соціальная философія Рудольфа Штамплера. XCVI, 1—26.
- Андреевъ, Н. Ред. А. Богдановъ. Эмпириомонизмъ. Кн. I, II. М. 1905. Кн. III. Спб. 1906. XCII, 270—277.
- Аникиева, Н. Archiv für Geschichte der Philosophie. 1904. LXXIX, 607—614. 1905. LXXXIII, 269—280, LXXXIX, 555—562. Jahresbericht über sämtliche Erscheinungen auf dem Gebiete der Geschichte der Philosophie. Jahresbericht über Neuerscheinungen aus dem Bereiche der arabischen Philosophie von M. Horten. LXXXIX, 563—580. Archiv für Geschichte der Philosophie. 1906—1907. Jahresbericht über sämtliche Erscheinungen auf dem Gebiete der Geschichte der Philosophie. XCVI, 96—141.
- Анисимовъ, А. — Князь С. Н. Трубецкой и московское студенчество. LXXXI, 146—196.
- Апри, В. — Вопросникъ для психологическаго изслѣдованія о первыхъ воспоминаніяхъ дѣтства. XXVI, 55—56. — Современное состояніе экспериментальной психологіи, ея методы и задачи. XXVII, 259 — 293. — Ред.: G. Dumas. Les états intellectuels dans la mélancolie. Paris 1895. XXV, 708—709. — A. Binet. Psychologie des grands calculateurs et joueurs d'échecs. Paris 1894. XXVII, 190—197. — L. Arréat. Mémoire et imagination. Paris 1895. XXVII, 197—199.
- Антоній, архимандритъ. — Какъ относится служеніе общественному благу къ работѣ о спасеніи собственной души. XII, 64—90.
- Ред.: Предисловіе къ „Обзору статей философскаго содержанія въ русскихъ духовныхъ журналахъ за первую половину 1889 г.“ I, 60—61.
- Ардашевъ, П. Н. — Психологія въ исторіи. (Новѣйшая попытка психологическаго обоснованія исторіи.) XXVIII, 294—313.
- Аркинъ, Е. — Ред.: Контрасты и симметрія (G. Tard. L'opposition universelle. Essai d'une théorie des contraires). LXIII, 814—831.
- Аскольдовъ, С. — Мышленіе, какъ объективно обусловленный процессъ. LXVI, 80—95. Въ защиту чудеснаго. LXX, 431 — 474. LXXI, 1—61. Теорія новѣйшаго критицизма. (По поводу двухъ книгъ.) LXXIV, 520—549, LXXV, 601—621. О любви къ Богу и любви къ ближнимъ. LXXXVI, 110 — 147. Къ вопросу о гносеологическомъ интуитивизмѣ. XCIV, 561—570.
- Астафьевъ, П. Е. — Нравственное ученіе гр. Л. Н. Толстого и его новѣйшіе критики. IV, 64—93. — Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ. XIII, 58 — 86; XIV, 75—96. — Генезисъ нравственнаго идеала декадента. XVI, 56—75. Послѣднія тѣни прошлаго. XIX, 20—34.
- Ред.: Свое слово (философско-литературный сборникъ) проф. А. А. Козлова. Кіевъ. 1890. № 3. V, 107—116. — The ethical problem by dr. Paul Carus. Chicago 1890. VI, 41—46.
- Б. — Ред.: Ибервергъ-Гейнце. Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перев. съ 7-го нѣм. изд. Я. Н. Колубовскаго. Спб. 1890. V, 97—100.
- Балабанъ, А. Прагматизмъ. XCIX, 574—618.
- Баженовъ, Н. Н., д-ръ. — Второй международный конгрессъ криминальной

- антропологии. II, 17—41. — Область и предѣлы внушенія. VIII, 129 — 148. Габриель Тардь, личность, идеи и творчество. LXXVIII, 212—240.
- Балталонъ, Ц. П.** Наблюденія и опыты по эстетикѣ зрительныхъ воспріятій. LII, 125 — 151. LIII, 264 — 286. LV, 449—492. Опыты Карла Штумпфа и его школы. LXVIII, 377—417.
- Бао, А.** — Идеаль новѣйшей этики (Wundt, Ethik). VII, 26—44.
- Рец.: Bösch. Das Menschliche Mitgefühl. Winterthur. 1891, X, 71—74. — Н. Bender. Ueber das Wesen der Sittlichkeit. Halle. 1891. XI, 65 — 69. — G. Runze. Ethik. I. Practische Ethik. Berlin. 1891. XII, 65—72. — A. Ganser. Die Freiheit des Willens, die Moral und das Uebel. Graz. 1891. XIII, 66—69.
- Бартеновъ, Ю.** — Рец.: Alfred Fouillée. L'avenir de la metaphysique fondée sur l'expérience. Paris. 1889. III, 88—91. — Alfred Fouillée. La philosophie de Platon. Paris. 1888—89. III, 115—118. — Alfred Fouillée. L'évolutionisme des idées-forces. Paris. VI, 46—50.
- Б-въ, А.** — The Monist. № 1 (October, 1901). Archiv fur systematische Philosophie (1902). LXV, 1044 — 1048. LXIX, 747 — 751. LXX, 891 — 893.
- Рец.: Dr. J. Baumann. Platons Phädon, philosophisch erklärt und durch die späteren Beweise für die Unsterblichkeit ergänzt. Gotha. 1889. II, 111 — 113. — Dr. Edmund König. Die Entwicklung des Causalproblems von Cartesius bis Kant. Lpz. 1889. II, 113 — 115. — J. Frohschammer. Die Philosophie des Thomas von Aquino. Lpz. 1889. III, 118—119.
- Басистовъ, А.** — Рец.: Philosophische Monatshefte. 1893. XX, 129 — 134; 39 B, H. 7—10. — XXIII, 449—450. — Zeitschrift f. Philosophie u. philosophische Kritik. B. 101 — 102. XXII, 282 — 285. — P. Felix Thomas. La philosophie de Gassendi. Paris 1889. III, 119—120. The Monist. Vol. VII, 1897. №№ 1—3. XXXVIII, 529—535.
- Батюшковъ, Ѳ. Д.** — Утопія всенароднаго искусства. XLVI, 1—45.
- Баулеръ, А.** — E. Lauvrière. Edgar Poe. Sa vie et son oeuvre. Etude de psychologie pathologique. Paris. 1904. LXXVI, 111—117.
- Бачинскій, А.** — Письма по философіи естествознанія. Письмо I: Что такое натуралистическій идеализмъ. LXX, 806—823. Письмо II: О возможномъ вліяніи математическихъ методовъ на черты научнаго міропониманія. (Посвящается памяти моего учителя Н. В. Бугаева.) LXXVI, 86—110.
- Безобразова, М. В.** — Что такое введеніе въ философію? XXXVII, 240—251.
- Бенетовъ, А. Н.** — Нравственность и естествознание. VI, 1—67.
- Бердниковъ, А.** — Рец.: Ueber Willensfreiheit. Zwölf Vorlesungen von Wilhelm Windelband. LXXVI, 117—124.
- Бердяевъ, Н. А.** — Забѣтка о книгѣ Богданова „Познаніе съ исторической точки зрѣнія“. LXIV, 839 — 852. О новомъ русскомъ идеализмѣ. LXXV, 683—724. Соціализмъ, какъ религія. LXXXV, 508—545. Великій инквизиторъ. LXXXVI, 1—36. Объ онтологической гносеологии. XCIII, 413—440. Происхожденіе зла и смыслъ исторіи. XCIV, 287—335. XCV, 441—479. По поводу одной замѣчательной книги. XCVIII, 494—500.
- Бернштейнъ, А. Н.** — Міръ звуковъ, какъ объектъ воспріятія и мысли. XXXII, 109—130. — О воспріятіи постоянныхъ и переменныхъ раздраженій. XXXVI, 40 — 54. — Новыя вѣянія въ теоріи воспріятія. XLI. 1 — 22. Ардаліонъ Ардаліоновичъ Токарскій. (Некрологъ.) LIX, V — XI. Психологическія и философскія воззрѣнія С. С. Корсакова. LX, L—LXXVIII.
- Бехтеревъ, В.** — Что такое объективная психология. XCIX, 685—703.
- Библиографическій листокъ.** — О книгахъ: Альфредъ Фулье. Исторія философіи. Перев. П. Николаева. Изд. 2-е. — Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый проф. А. А. Козловымъ. — I. Гобчанскій. Опытная психология въ двухъ частяхъ. Спб. 1898. — Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Перев. съ англ. С. И. Ершова, подъ ред. В. Н. Ивановскаго. — Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. съ англ. С. А. Котляревскаго, подъ ред. В. Н. Ивановскаго. 3-е изд. — Н. Ланге. Учебникъ логики. Одесса. 1894. — П. Неждановъ. Нравственность. М. 1897. — Ц. Балталонъ. Эстетика В. Г. Бѣлинскаго. М. 1898. — Ц. Балталонъ. Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго. М. 1899. — П. К. Энгельмейеръ. Технический итогъ XIX вѣка. М. 1898. — П. К. Энгельмейеръ. Критика научныхъ и художествен-

ныхъ ученій гр. Л. Н. Толстого. М. 1898. XLV, 429—436.—Д. Богдашевскій. Философія Канта. Выпускъ первый. Анализъ критики чистаго разума и критики практическаго разума. Кіевъ. 1898.—Т. Рибо. Философія Шопенгауэра. Перев. М. Суперанскаго. Спб. 1899.—Артуръ Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и представленіе. Перев. А. Фета. Изд. IV.—М. Гюйо. Собрание сочиненій. Томъ I. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. Перев. Н. Южина. Спб. 1898.—„Въ защиту идеаловъ разума“. I. Эрнестъ Навиль. Что такое философія? М. 1896. II. Олэ-Ляпрюнь. Цѣнность жизни. Харьковъ. 1898. III. Каро. Идеи Бога и безсмертія души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Харьковъ. 1898.—Д-ръ Карлъ Дюпрель. Загадочность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. М. 1898.—Валерій Брюсовъ о искусствѣ. М. 1899. XLVI, 49—55.—„Въ защиту идеаловъ разума“. IV. Дж. Кроль. Философская основа эволюціи. Перев. доцента П. П. Соколова. Харьковъ. 1898.—С. Л. Кулюкинъ. Законы мышленія съ психологической точки зрѣнія. Харьковъ. 1899.—Дарвинистическая бібліотека. Выпускъ I. Дарвинизмъ и теорія познанія Георга Зиммеля, Фридриха Ницше и Алоиза Рия. Спб. 1899.—О постоянствѣ чувствъ. Психологическій очеркъ по поводу романа Гёте „Сродство душъ“. Перев. съ франц. Спб. 1898, стр. 16.—Л. Шестовъ. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. 1898. XLVII, 185—190.—М. Гюйо. Собрание сочиненій. Томъ II. Происхожденіе идеи времени. Мораль Эпикура и его связь съ современными ученіями.—М. Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали.—В. Болинъ. Спиноза. Біографическій и культурно-историческій очеркъ. Спб. 1899.—Рихардъ Авенариусъ. Философія какъ мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ. Prolegomena къ „Критикѣ чистаго опыта“. XLVIII, 331—335.—Гербертъ Спенсеръ. Сочиненія. Спб. 1899.—Куно Фишеръ. О свободѣ чело-вѣка. Перев. Семена Грузенберга. Спб. 1899.—Блезъ Паскаль. Мысли о религіи. Перев. съ франц. П. Д. Первова. М. 1899.—В. Вундтъ. Гипнотизмъ и внушеніе. Перев. съ нѣм. Н. Колу-

бовской.—А. Бинэ и В. Анри. Умствен-ное утомленіе. Перев. съ франц. Ек. Анри. М. 1899. XLIX, 423—426.—А. Ланге. Исторія матеріализма. Перев. Н. Н. Страхова, 2-е изд.—В. Виндель-бандъ. Исторія философіи. Перев. П. Рудина.—Panou Sokoliou. Психо-фи-зіологическій дуализмъ. Пер. В. Дени-ша. Л, 460—462.

Блонскій, П.—Этическая проблема у Эд. Гартмана. LXXXVIII, 272—308. Фридрихъ Паульсенъ, какъ философъ и педагогъ. XCIV, V—XXXII.

Рец.: Джорджъ Бёркли. Трактатъ о началахъ чело-вѣческаго знанія. Перев. Е. О. Дебольской, подъ ред. Н. Г. Дебольскаго. Спб. 1905. LXXXVIII, 345—348.—Б. Шмидъ. Философская хрестоматія. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразова-нія. Перев. съ нѣм. Ю. А. Говсѣва, подъ ред. и съ предисл. проф. Н. Ланге. Одесса. 1907. XC, 716—720.—Этюды моральной философіи XIX в. Перев. съ франц. подъ ред. Н. Соловьева и I. Линдемана. М. 1908. XCV, 624—625.—М. Гюйо. Безвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдо-ваніе. Съ біографической замѣткой о Гюйо А. Фулье и съ предисловіемъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Перев. съ франц. (II изд.) подъ ред. Я. Л. Сакера. Спб. 1908. XCVI, 73—78.

Боборыкинъ, П. Д.—Красота, жизнь и творчество. XVI, 71—108; XVIII, 30—62.—Формулы и термины въ области прекраснаго. XXII, 97—120.—Природа красоты. XXVI, 89—114.—Философія въ гимназіяхъ. XLVII, 113—145.—О ницшеанствѣ. LIV, 539—547.

Бобровъ, Е. А.—Искусство и нравствен-ность. XX, 1—29.—Рец.: Neue Grund-legung der Psychologie und Logik von Gustav Teichmüller. Breslau. IX, 79—88. Проф. А. А. Козловъ. Религія гр. Л. Н. Толстого, его ученіе о жизни и любви. Спб. 1895. 2-е изд. XXIX, 503—508.—Dr. Moritz v. Straszewski. Ueber die Bedeutung der Forschungen auf dem Gebiete der orientali-schen Philosophie für das Verständ-niss der geschichtlichen Entwicklung der Philosophie im Allgemeinen. Wien u. Lpz. 1895. XXX, 605—609.

Богдановъ, А. Къ вопросу о новѣйшихъ философскихъ теченіяхъ. (Отвѣтъ г. Бердяеву.) LXV, 1049—1059.—Идеаль познанія (Эмпирикритицизмъ

- и эмпириомонизмъ). LXVII, 168—233. — Жизнь и психика (Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни). LXIX, 709—727, LXX, 824—866. — Психическій под-
боръ (Эмпириомонизмъ въ ученіи о психикѣ). LXXIII, 335—379. LXXIV, 485—519.
- Богомоловъ, С.** — Ученіе Канта о пространствѣ и пангеометрія Лобачевскаго. LXXX, 683—694.
- Борисовъ, П.** — Въ чемъ же истинный націонализмъ? Посвящается памяти В. С. Соловьева. LIX, 493—528.
- Боричевскій, Евг.** — Ред.: Эрнстъ Лаасъ. Идеализмъ и позитивизмъ. Первая общая и основная часть. Перев. съ нѣм. подъ ред. С. Н. Эверлинга. Dr. C. Meumann. Einführung in die Aesthetik der Gegenwart. Lpz. 1908. XCI, 271—280.
- Боровко, Н.** — Воспріятіе рельефа. XC, 690—708.
- Бороздинъ, И.** — Ред.: Памятники эоіупской пясменности. I. „Исслѣдованіе Зара-Якоба“. Исповѣдь Абиссинскаго свободнаго мыслителя XVII вѣка. Изданіе текста и переводъ Б. Тураева. Спб. LXXXIV, 336—338.
- Бронзовъ, Александръ.** — Ред. — Adolph Bonhöffer. Die Ethik des Stoikers Epictet. Stuttgart. 1894. XXXII, 134—141.
- Бугаевъ, Н. В.** — Основные начала эволюціонной монадологіи. XVII, 26—44. — Математика и научно-философское міросозерцаніе. XLV, 697—717.
- Булгановъ, С. Н.** — О законѣмѣрности социальныхъ явленій. XXXV, 575—611. — Иванъ Карамазовъ (въ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы“), какъ философскій типъ. LXI, 826—863. — Душевная драма Герцена, LXIV, 1248—1275, LXV, 1363—1378. — Что даетъ современному сознанию философія Вл. Соловьева. LXVI, 52—96. LXVII, 125—166. — О социальномъ идеалѣ. LXVIII, 291—327. — О реалистическомъ міровоззрѣніи. (Нѣсколько словъ по поводу выхода въ свѣтъ сборника „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія“. Спб. 1904.) LXXIII, 380—403. — Подъ знаменемъ университета. LXXXV, 453—468. — Первохристианство и новѣйшій социализмъ. XCVIII, 215—268. — Соціальное міровоззрѣніе Джона Рёскина. C, 395—436.
- Буцко, В. Р.** — Анализъ условій пространства и времени при ассоціаціяхъ идей. XXII, 230—254. — Анализъ основныхъ условій при ассоціаціяхъ идей. XXVII, 134—159.
- Б—чъ, М. А.** — По поводу статьи г. Козлова: „Анализъ послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого „Хозяинъ и работникъ“. XXX, 592—604.
- Бѣлкинъ, А. С.** — М. М. Троицкій, LII, 151—182.
- Вагнеръ, В. А.** — Вопросы зоопсихологіи. Генезисъ инстинкта. XIV, 29—43. XV, 39—54. — Психологическая природа инстинкта по новымъ даннымъ экспериментальной физиологіи. XX, 30—67; XXIV, 316—360. — Генезисъ и развитіе музыки. XXVIII, 275—312. — О прекрасномъ въ музыкѣ (Ed. Hanslick. Vom musikalisch Schönen). XXIX, 478—502. — Психологія насѣкомыхъ. XLV, 365—387; XLVI, 1—32. — Физическія страданія и чувство страха. LIII, 197—216. — Ренанъ и Ницше. О звѣрѣ въ человѣкѣ. LVII, 199—217.
- Вальденбергъ, В. Э.** — Основанія макиавеллизма. XXXVII, 219—239. — О задачахъ философіи права. XL, 916—930. — С. А. Бершадскій †. XXXIII, 361—363. — Ред.: Rivista Italiana di filosofia. 1894, августъ и октябрь. XXV, 721—723; ноябрь—XXVI, 82—83; 1895, январь—XXVII, 208—210; мартъ—іюль, XXX, 630—632; 1895, сентябрь—XXXI, 63—64; ноябрь 1895, январь, 1896. — XXXII, 153—156; мартъ и іюль 1896. — XXXIV, 496—498; октябрь и декабрь 1896. — XXXVI, 198—199. — André Godfernaux. Le sentiment et la pensée. Paris 1894. XXVI, 70—71. — В. Ф. Залѣскій. Власть и право. Философія объективнаго права. Казань. 1897. XXXVII, 354—358.
- Вальденбергъ, Н. Н.** — G. Tarantino. Saggio sulle idee morali e politiche di Tommaso Hobbes. Napoli, 1900. LVII, 149—150. — Rivista filosofica. Январь—февраль (1901 г.). LIX, 423—425. — Мартъ—іюнь (1901). LX, 497—503. — Rivista filosofica. Ноябрь—декабрь 1901 г. LXII, 751—754. — Январь—февраль 1902 г. LXIV, 867—871. — Мартъ—апрѣль 1902 г. LXVI, 117—120. — Май—декабрь 1902 г. LXIX, 742—746. — Январь—апрѣль 1903 г. LXX, 894—897. — Giuseppe Rossi. La dottrina kantiana dell'educazione. Torino 1902. LXXII, 262—266. — Rivista filosofica. Май—декабрь 1903 г. LXXIII, 429—433. — Январь—мартъ 1904 г. LXXIV, 575—577. — Апрель—іюнь

- 1904 г. LXXVI, 139—142.—Сентябрь—февраль 1904—1905 г. LXXIX, 615—619.
- Васильевъ, А. В.**—Взгляды Огюста Конта на философію математики. XLIX, 540—559.
- Введенскій, Ал-дръ И.**—Вторичный вызовъ на споръ о законѣ одушевленія и отвѣтъ противникамъ. XVIII, 120—149.—О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. XX, 158—202; XXI, 55—80.—О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ. (По поводу книги г. Каринскаго: „Объ истинахъ самоочевидныхъ“). XXV, 621—660.—Ученіе Канта о смѣнѣ душевныхъ явленій. (Отвѣтъ на защитительную статью г. Каринскаго.) XXIX, 430—477.—Новый философскій журналъ (Kantstudien). XXXIV, 460—466.—Объ атеизмѣ въ философіи Спинозы. XXXVII, 157—184.—Судьбы философіи въ Россіи. XLII, 314—354.—О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева. LVI, 2—35.
- Введенскій, А-ѣй И.**—Фулье и метафизика будущаго. X, 1—30; XI, 127—145.—Основатель системы трансцендентальнаго монизма. XIV, 1—28; XV, 1—17.—О задачахъ современной философіи, въ связи съ вопросомъ о возможности и направленіи философіи самобытно-русской. XX, 125—157.
- Рец.: М. И. Каринскій. Безконечное Анаксимандра. Спб. 1891. IX, 104—108.—James Croll. The philosophical Basis of Evolution. London. 1890. XI, 80—85.—Проф. М. И. Каринскій. Объ истинахъ самоочевидныхъ. Спб. 1893. XXII, 266—272.
- Вентцель, К. Н.**—Ученіе о волѣ въ новой психологіи (по ст. Külpe, Philosophische Studien. Band. V, Heft 2 и 3). V, 1—25; VI, 1—23.—Мораль жизни и свободнаго идеала. VIII, 1—30; IX, 69—97.—Система философіи Вундта. XI, 1—23.
- Рец.: Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1891 г., тетр. 1—4. XII, 43—51; 1892 г., тетр. 1—2. XV, 69—73.—The Monist. XIII, 45—48.—M. Guyau. Education et hérédité. Paris. 1889. III. 105—110.—Paul Barth. Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Lpz. 1890. XII, 62—65.—Іосифъ Пачоскій. Методъ классификаціи и единство наукъ. Кіевъ. 1891. XIII, 64—66.—Эмиль Геннекенъ. Опытъ построенія научной критики (Эстопсихологія). Пер. съ франц. Д. Струнина. Спб. 1882. XIV, 86—88.
- Вернадскій, В. И.**—О научномъ міровоззрѣніи. LXV, 1409—1465.—Кантъ и естествознаніе XVIII столѣтія. LXXVI, 37—70.
- Веселовскій, С.**—Б. Спиноза. Богословско-политическій трактатъ. Перев. съ лат. М. Лопаткинъ. LXXXV, 482—487.
- Викторовъ, Д. В.**—Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора. LI, 48—60.—Философскіе взгляды Эрнста Маха. LXXIII, 229—313.—Критика чистаго опыта. LXXVII, 128—162.—Законъ жизненнаго ряда. LXXXIX, 504—533.—Принципъ наименьшей мѣры силъ. XCII, 171—204.—Рец.: W. Wundt. Logik. II. B. II. Abth., 1895. XXXI, 36—43.—W. Wundt. Ueber die Definition der Psychologie (Philosophische Studien. B. XII, H. I. 1895). XXXII, 151—153.—Проф. В. Бехтеревъ. Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленій о пространствѣ. Спб. 1896. XXXIV, 481—483.—Ив. Гвоздевъ. О врожденныхъ и приобрѣтенныхъ свойствахъ дѣтей, какъ зачаткахъ преступности взрослыхъ. 1896. XXXIV, 483—485.—Th. Ribot. La psychologie des sentiments. Paris. 1896. XXXVI, 142—151.—Victor Henri. Ueber die Raumwahrnehmungen des Tastsinnes. Ein Beitrag zur experimentellen Psychologie. Berlin. XL, 796—799.—Дж. Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Перев. А. Н. Савина. М. 1898. XLII, 138—142.—Д-ръ С. Г. Шахъ-Назаровъ. Основныя положенія физиологической психологіи по Вундту, Цигену и Мейнерту. I. Теорія апперцепціи В. Вундта. М. 1898. XLIII, 229—231.—Theodor Ziehen. Psychophysiologische Erkenntnisstheorie. Jena 1898. XLVI, 33—38.—Рихардъ Авенариусъ. Философія какъ мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ. Пер. И. Оедорова. XLIX, 398—406.—Фридрихъ Карстанъенъ. Введеніе въ „Критику чистаго опыта“. Перев. В. Лесевича. XLIX, 406—409.—Wilhelm Wundt. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. LV, 536—546.—Dr. Ferdinand Schmidt. Grundzüge der konstitutiven Erfahrungsphilosophie als theorie des immanenten Erfahrungsmonismus. Brln.

- 1901.—Dr. Broder Christiansen. Erkenntnisstheorie und Psychologie der Erkennens. Hanau. 1902.—Dr. Richard Höningwald. Zur Kritik der Machschen Philosophie. Eine Erkenntnisstheorie Studie. Brln. 1903. LXX, 887—890.—Joseph Petzold. Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung. I B. Die Bestimmtheit der Seele. II B. Auf dem Wege zum Dauernden. Lpz. 1900—1904.—Dr. Theodor Beer. Die Weltanschauung eines modernen Naturforschers. Dresden u. Leipzig. 1903. LXXV, 725—738.—Рихардъ Авенариусъ. Критика чистаго опыта. Т. I. Перев. съ нѣм. Ив. Оедорова. Спб. 1907. XCI, 136—138.—François Picavet. Esquisse d'une histoire générale et composée des philosophies médievales. Paris. XCIII, 444—448.—Рихардъ Авенариусъ. Человѣческое понятие о мирѣ. Перев. со 2-го (1905 г.) посмертнаго изданія Н. Самсонова. М. 1909. XCVI, 79—82.
- Вилькинсъ, А. И.**—Одно изъ возможныхъ міросозерцаній. XII, 20—42.
- Виноградовъ, Н. Д.**—Психофизиологическія изслѣдованія надъ микроорганизмами. XXXIII, 301—330.—Биологическій механизмъ и матеріализмъ. XXXVIII, 413—442.—Скептицизмъ Юма. LXIV, 1276—1304.—Теорія эмоцій Джемса-Ланге. LXIX, 379—403.—Лесли Стивенъ. LXXX, 397—421.—Этическія воззрѣнія Шефтсбѣри. LXXXII, 223—249. LXXXIII, 294—310.—Бернардъ Мандевиль и его „Басня о пчелахъ“. LXXXVI, 37—56. LXXXVIII, 255—271.—Этическія воззрѣнія Ф. Гетчесона. XCVI, 93—119.—Этическія воззрѣнія Джозефа Бэтлера. XCVIII, 269—284. Ближайшія задачи экспериментальной педагогики. XCIX, 309—322.
- Ред.: Armand Sabatier. Essai sur l'immortalité au point de vue du naturalisme evolutioniste. Paris. 1895. XXXIII, 336—342.—Вл. Вагнеръ. Вопросы зоопсихологии. Спб. 1896. XXXIV, 474—481.—Я. Озе. Персонализмъ и проективизмъ въ метафизикѣ Лотце. Юрьевъ. 1896. XXXV, 659—665.—Проф. В. Я. Данилевскій. Душа и природа. 2-е изд. Харьковъ. 1897. XXXV, 665—669.—Генри Друммондъ. Эволюція и прогрессъ человѣка. Пер. съ англ. прив.-доц. Моск. унив. Н. А. Иванцова. М. 1897. XXXVI, 160—167.—Felix Le Dantec. Théorie nouvelle da la vie. Paris 1896. XXXVII, 343—349.—В. М. Бехтеревъ. О локализации сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Спб. 1896. XXXVIII, 513—518.—Marcus Dorman. From matter to mind. XXXIX, 695—697.—Г. А. Гирнъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. М. 1898. XLI, 46—52.—Иванъ Поповъ. Естественный нравственный законъ. 1897. XLII, 142—149.—Felix Le Dantec. Le déterminisme biologique et la personnalité consciente. Paris. 1897. XLIII, 231—234.—Фаминцынъ, А. Современное естествознание и психологія. XLV, 416—423.—Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ. Пер. съ англ. М. Чепинской. Спб. 1899. XLVII, 171—176.—L'année psychologique, 3-ème et 4-ème année. Paris. 1897—1898. XLVIII, 312—319.—Ф. Трэси. Психологія перваго дѣтства. Перев. П. Г. Мижучева. Спб. 1899. L, 446.—L'année psychologique 5-ème année. Paris. 1899, LIII, 353—357.—Владиміръ Вагнеръ, Психологія животныхъ. (Популярныя лекціи.) М. 1901. LVIII, 282—284.—Фридрихъ Йодль. Давидъ Юмъ, его жизнь и философія. Перев. съ нѣм. А. Майера. Изд. А. Ю. Маноцкаго. М. 1901. LVIII, 285—288.—L'année psychologique 6-ème année. Paris. 1900, LIX, 416—420.—7-ème année. Paris. 1901 г. LXIII, 832—836.—Уильямъ Джемсъ, проф. Гарвардскаго университета. Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. Перев. съ англ. В. Н. Ивановскаго. М. 1902. LXIII, 837—845.—Давидъ Юмъ. Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. Перев. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902.—L'année psychologique 8-ème année. 1902. LXIX, 733—740.—С. Зенгеръ. Дж. Ст. Милль, его жизнь и произведенія. Перев. съ нѣм. Л. Ивановой, подъ ред. Е. Максимовой. Изд. ред. журн. „Образованіе“. Спб. 1903. LXXI, 129—133.—Bauman, S. Deutsche und ausserdeutsche Philosophie der letzten Jahrzehnte dargestellt und beurteilt. Ein Buch zur Orientirung auch für Gebildete. Gotha. 1903. LXXIII, 404—406.—L'année psychologique 9-ème année. Paris. 1903. LXXVII, 327—331.—L'année psychol. 10-ème année. Paris 1904. LXXIX, 587—597.—Нѣсколько замѣчаній по поводу рецензіи проф. Л. М. Лопатина. LXXXIV, 356—367.—Давидъ Юмъ.

- Трактатъ о человѣческой природѣ. Книга I. Объ умѣ. Перев. съ англ. С. Церетели. Юрьевъ. 1906. LXXXVI, 63—66. — Давидъ Юмъ. Діалоги о естественной религіи, съ приложеніемъ статей о самоубійствѣ и безсмертіи души. Перев. съ англ. С. М. Роговина. М. 1909. — С. М. Роговинъ. Деизмъ и Давидъ Юмъ. Анализъ „Діалоговъ о естественной религіи“. М. 1908. XCIV, 549—560.
- Виноградовъ, П. Г. — И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства. XI, 98—126. — О прогрессѣ. XLII, 254—313.
- Випперъ, Р. Ю. — Нѣсколько замѣчаній о теоріи историческаго познанія. LIII, 450—480.
- Волковичъ, А. и Столица, З. — *Revue philosophique* 1901 г. LXIII, 847—859. — *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 1901 г. LXIV, 860—866. — *Revue philosophique* 1902. — *Zeitschrift für Phil. und philos. Kritik*. 1902. LXVI, 105—116. — *Revue philosophique* 1902. — *Zeitschr. f. Phil. und philos. Kritik*. 1902. LXVII, 363—375. — *Revue philosophique* 1903. LXXIII, 420—428. — *Revue philosophique* 1903 (9—12). *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* 1903, LXXV, 741—759. — *Revue philosophique* 1904 г. LXXVI, 132—138. LXXXIII, 261—268. — *Zeitschrift für philos. und philosophische Kritik*. 1904. — *Revue philosophique* 1905, LXXXIV, 141—155. — *Zeitschrift für Phil. und phil. Kritik*. 1905. LXXXV, 500—505. — *Revue philosophique* 1906. — *Revue de philosophie* 1906. LXXXVIII, 358—379. — Отчетъ о международномъ конгрессѣ по психологіи въ Женевѣ 1909 г. XCIX, 662—681.
- Волжскій. Торжествующій аморализмъ. (По поводу „Русскаго Фауста“ А. Луначарскаго.) LXIV, 889—905.
- Волынскій, А. — Нравственная философія гр. Льва Толстого. V, 26—45.
- Воробьевъ, В. В. — Опытъ классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезису. XL, 717—753. — Основы энергетическаго міросозерцанія. (W. Ostwald. *Vorlesungen über Naturphilosophie*. Leipzig. 1902. LXXIII, 289—308. LXXIV, 447—464.
- Вульфертъ, А. К. — Возраженіе на рефератъ д-ра Баженова „О сѣздѣ кримпальной антропологіи“. II, 41—46.
- Вышеславцевъ, Б. — Обоснованіе социализма у Фихте. XCV, 571—587.
- Габриловичъ, Л. — Новѣйшіе русскіе метафизики. (Споръ о возможности метафизики.) LXXV, 645—682. — О понятіяхъ истинности и достовѣрности въ теоріи знанія. XCIV, 463—490. — Проблема абстракціи. (Объ основаніяхъ достовѣрности сужденій, исключенія изъ которыхъ непредставимы.) XCVIII, 444—476.
- Гади, О. — Рец.: *Philosophische Monatshefte*. 1889 г. V, 46—60.
- Герасимовъ, О. П. — Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ. III, 1—44.
- Герье, В. И. — Философія исторіи Геракла. XXXII, 169—195; XXXIII, 374—404. — О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ. XLII, 185—215; XLIII, 406—461; XLIV, 563—626; XLV, 805—888. — Къ вопросу о сущности теократіи. (По поводу статьи кн. Е. Н. Трубецкаго: „Къ вопросу объ Августинѣ и Григоріи VII“, въ I кн. „Русской Мысли“ за 1899 г.) XLVIII, 307—311. — Памяти В. П. Преображенскаго. LIV, 731—740. — Письмо въ редакцію. LXXXVII, 207—209.
- Гершензонъ, М. О. — Мысли двухъ философовъ о школѣ. В. Гумбольдтъ и Кондорсэ. LXI, 794—825. — П. А. Чаадаевъ. Философическія письма. Перев. подъ ред. М. О. Гершензона. LXXXII, 1—28. — Философическія письма. Апологія сумасшедшаго. LXXXIV, 29—90.
- Гецъ, Ф. — Объ отношеніи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу. LVI, 159—198.
- Гиляровъ, А. Н. — Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи. XXXVII, 301—328; XXXVIII, 445—485; XXXIX, 702—759. — Новые труды по атомистикѣ. XL, 754—771. — Что такое философія, что она можетъ и чего не можетъ дать? XLVI, 105—130. — Рец.: John Burnet. *Early greek Philosophy*. L. a. Ed. 1892. — Ch. Bénard. *Platon*. Paris. 1892. — Lightfoot. *Dissertations on the Apostolic Age*. London. 1892. — Farrer. *Paganism and Christianity*. Lond. a. Ed. 1891. — Alb. Stöckl. *Geschichte der Christlichen Philosophie zur Zeit der Kirchenväter*. Mainz. 1891. XX, 111—118. — Jos. Royce. *The Spirit of modern Philosophy*. Boston and New-York. 1893. XXI, 136—142. — Schmekel. *Die Phi-*

losophie der mittleren Stoa. Berlin. 1892. XXI, 142—144. — Aulard. Le Culte de la Raison et le Culte de l'Être Suprême (1793—94). Paris. 1892. XXI, 144. — Girard. La transmigration des âmes. Paris. 1892. — Riddles of the Sphinx. London. 1891. — Petavel-Oliff. Le problème de l'immortalité. Paris. 1892. — Souriau. La suggestion dans l'art. Paris. 1893. XXII, 255—266. — W. Pater. Plato and Platonism. Lond. and New-York. 1893. — A. Chuquet. J.-J. Rousseau. Paris. 1893. — L. Lyon. La Philosophie de Hobbes. Paris. 1893. XXIII, 438—447. — C. M. Williams. A Review of the Systems of Ethics founded on the Theory of Evolution. London. 1893. — L. Milhaud. Leçons sur les origines de la science grèque. Paris. 1893. XXIV, 545—553. — Edw. Caird. The Evolution of Religion. Glasg. 1893. — Ch. Huit. La vie et l'oeuvre de Platon. Paris. 1893. — Pöhlmann. Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. Münch. 1893. XXVI, 57—66. — Paul Deussen. Allgemeine Geschichte d. Philosophie. I. B., 1 Abth. Leipz. 1894. Rich. — Garbe. Die Sāmkya Philosophie. Leipz. 1894. — Max Müller. Three Lectures on the Vedānta Philosophie. Lond. 1894. — W. R. Scott. A simple History of Ancient Philosophy. London. 1894. XXVIII, 361—365. — Plato's Republic, edited by R. Jowet and Campbell. Oxford. 1894. — John Locke. An Essay concerning human understanding (edited by A. C. Fraser). Oxford. 1894. — Goldfriedrich. Kants Aesthetik. Leipzig. 1895. — Kühnemann. Kants und Schillers Begründung der Aesthetik. München. 1895. — R. Allier. La philosophie d'Ernest Renan. Paris. 1895. — J. Spiegler. Die Unsterblichkeit der Seele. Leipzig. 1895. XXXI, 28—36. — Alfred Wiedemann. The ancient Egyptian Doctrine of the Immortality of the Soul. London. 1895. — Thomas B. Strong. Chief ancient Philosophers. Platonism. London. 1895. — Bernard Bosanquet. A Companion to Plato's Republic. London. 1895. — Alice Gardner. Heroes of the Nations. Julian, Philosopher and Emperor. New-York and London. 1895. — Вильгельм Оствальдъ, Несоостоятельность научнаго материализма. Подъ ред. проф. Рижскаго политехн. учил. П. И. Вальдена перевели студенты А. Эдельманъ и А.

Подпалый. Рига. 1896. XXXII, 131—148.

Гиляровъ-Платоновъ, Н. П. — Онтологія Гегеля. VIII, 1—27; X, 19—40; XI, 24—45.

Гинцбергъ, В. — Ученіе Л. И. Петражицкаго о правѣ и его предпосылки. (Критическій и методологическій этюдъ.) ХСVII, 204—260.

Гинцбургъ, Д. Г., баронъ. — Каббала, мистическая философія евреевъ. Съ предисловіемъ Вл. С. Соловьева. XXXIII, 277—300.

Гіацинтовъ, В. Е. — Обь отношеніи искусства къ дѣйствительности. LV, 882—894.

Глаголезъ, С. С. — Вопросъ о безсмертіи души. XIX, 1—19; XX, 1—26.

Гобчанскій, I. — Письмо въ редакцію. (Отвѣтъ на библиографическую замѣтку о книгѣ „Опытная психологія“.) XLVII, 205—207. (Извѣстія и замѣтки)

Годыцкій-Цвирно, А. — Точное выраженіе закона Вебера—Фехнера съ помощью прерывныхъ функций. LXXXII, 86—91.

Гольцевъ, В. А. — Идеалы и дѣйствительность. VII, 57—68. — Замѣтка на рецензію г. Тимковскаго. III, 127—128. — Психологія идей-силъ. (A. Fouillée. La psychologie des idées-forces. P. 1893.) XXIV, 537—544. — Самуиль Пуфендорфъ. XXVI, 57—67. — Памяти Гуго Гроція. XXX, 568—573. — Нѣсколько словъ въ возраженіе Н. Я. Гроту (по поводу статьи Н. Я. Грота Основанія экспериментальной психологіи и его же рецензіи на книгу Лэдда въ XXX выпускѣ „Вопросовъ Философіи“). XXXI, 65—67. — Н. Н. Страховъ, какъ художественный критикъ. XXXIII, 431—440. — По поводу статьи г. Оболенскаго „Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ“. XXXIV, 643—644. — Возраженіе П. А. Некрасову. LXIX, 754—755.

Рец.: E. De-Roberty. L'inconnaissable, sa métaphysique et sa psychologie. Paris. 1889. IV, 100—101. — E. De Roberty. La philosophie du siècle. Paris. 1891. X, 74—75. — В. Лесевичъ. Что такое научная философія? Спб. 1891. XI, 79—80. По поводу статьи П. Д. Боборыкина. XVIII, 116—120. — E. De Roberty. L'éthique. Le bien et le mal. 1896. XXXV, 657—659.

Гопіусъ, Е. — Философія „Московской философско-математической школы“

- и ея отношеніе къ интеллектуализму философовъ XVIII вѣка и экономическому матеріализму К. Маркса. LXXIX, 554—586.
- Горбовъ, Н. М.**—Рец.: Berthold Hartmann. Die Analyse des kindlichen Gedankenkreises etc. 2 vermehrte Aufl. Ansb. 1890. XVII, 82—86.
- Гордонъ, Г.**—Рец.: А. Ярошъ. Происхождение души и элементы познанія. Опыт параллелистическаго міросозерцанія. Спб. 1906. XC, 723—725.
- Городецкий, И. Д.**—Яковъ Фрошаммеръ (некрологъ). XIX, 127—130.
- Гринбаумъ, А.**—Функциональная психологія. (По поводу сочиненія Штумпфа: Erscheinungen und psychische Funktionen. 1907.) XCVII, 192—203.
- Грѣтъ, Н. Я.**—О задачахъ журнала. I; V—XX стр.—Психологическій съѣздъ въ Парижѣ. I, 1—22.—Что такое метафизика? II, 107—128.—Отъ редакціи III, стр. I—III; IV, стр. V—VIII; XXV, стр. I; XXV, 724—730. (Письма проф. В. О. Чижа и отвѣтъ редакціи.)—Жизненные задачи психологіи IV, 143—194. Еще о задачахъ журнала. стр. I—VI.—Введение въ исторію новой философіи. VII, 1—25.—Основные моменты въ развитіи новой философіи. VIII, 42—57; IX, 1—19; X, 1—18; XIII, 1—17; XVIII, 1—25; XX, 41—93.—Основаніе нравственнаго долга. XII, 146—164; XV, 71—114.—Нравственные идеалы нашего времени. (Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой.) XVI, 129—154.—Некрологъ П. Е. Астафьева. XVIII, 116—121.—Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи. XXI, 36—54.—Замѣтка редактора. XXII, 325—326.—О времени. XXIII, 248—280; XXIV, 381—417; XXV, 445—493.—Устой нравственной жизни и дѣятельности. XXVII, 145—168.—Къ читателямъ. XXX, I—IV.—Основанія экспериментальной психологіи. XXX, 568—619.—Памяти Н. Н. Страхова. Къ характеристикѣ его философскаго міросозерцанія. XXXII, 299—336.—Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. А. Гольцеву (по поводу замѣтки В. А. Гольцева въ XXXI книгѣ „Вопросовъ Философіи“). XXXII, 170—173.—О жизни и личности Декарта. XXXV, 645—659.—Понятіе о душѣ и психической энергіи въ психологіи. XXXVII, 239—300; XXXIX, 801—811.—Критика понятія прогресса. XLV, 780—804.
- Ред.: Revue Philosophique. 1889. II, 49—57 и 65—66.—Annales des sciences psychiques. VIII, 61—64.—Кн. С. Трубецкой. Метафизика въ древней Греціи. М. 1890. II, 105—108.—Г. Струве. Энциклопедія философскихъ наукъ и направлений въ связи съ введеніемъ въ философію. Ч. I. Введение въ философію. Варшава. 1890. IV, 94—97.—Will. James. The principles of psychology. New-York 1890. 2 vol. V, 89—90.—Г. В. Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія. Съ портр. Перев. членовъ Психол. Общ., подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 1890. V, 95—96.—Paul Carus. The soul of man. Chicago. 1891. VIII, 76—77.—Л. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи. Ч. II. Законъ причинной связи, какъ основа умозрительнаго знанія дѣйствительности. М. 1891. X, 57—66.—Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Пер. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1893. XX, 109—111.—Ladd. An essay on metaphysics of Psychology. Lond. 1885, XXX, 619—624.—Wundt. Logik. Methodenlehre. 2 Abth. 2 Ausg. Lpz. 1895. XXX, 625—626.—(Н. Г.) Г. И. Челпановъ. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апіорности и врожденности. Ч. I. Кіевъ. 1896. XXXV, 651—656.—Владиміръ Соловьевъ. Оправданіе добра. Нравственная философія. 1897. XXXVI, 155—160.
- Грузенбергъ, С.**—Пессимизмъ какъ вѣра и міропониманіе. XCII, 149—170, CXIII, 305—346. Ученіе Шопенгауэра о правѣ и государствѣ. С, 705—721.
- Гуревичъ, А.**—Современное состояніе социологіи. Возникновеніе и развитіе социологіи. LXVI, 59—79. LXVII, 159—167. Идеалы и дѣйствительность. LXXII, 205—232.
- Даркшевичъ, Л. О.**—Объ интеллектуальной сферѣ женщины. XXVI, 1—19.
- Д-въ.**—Рец.: F. Paulsen. System der Ethik mit Umriss der Staats- und Gesellschafts-Lehre. Berlin. 1889. I, 82—88.
- Дебольскій, Н. Г.**—Объ эстетическомъ идеалѣ. LV, 759—816.
- Де-Роберти, Е. В.**—Пессимистическія теоріи познанія: критицизмъ, позитивизмъ. VIII, 31—56.
- Дживелеговъ, А. К.**—Вико и его система философіи исторіи. XXXIV, 396—

428. Марксизмъ и критическая философія. LVIII, 252 — 281. Ред.: Х. Раппопортъ. Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. 1899. XLVI, 39 — 41. Николай Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве. LXI, 606—612.
- Джонстонъ, В. В. — Отрывки изъ Упанишадъ. XXXI, 1—34. — Шри-Шанкара-Ачарія, мудрецъ индійскій. XXXVI, 1—39. — Очеркъ Бхагавадгиты. XLVII, 173—213; XLVIII, 359—382. Новый переводъ Упанишадъ. LI, 31—42.
- Ельпидинскій, Я. — Ред.: Алексѣй Струнниковъ. Начатки философіи. М. 1888. II, 89—92. — М. Е. Соколовъ. Краткая исторія философіи. Симбирскъ. 1889. II, 117—119. — В. Кудрявцевъ. Введение въ философію. М. 1889. III, 92—94. — П. Дейсенъ. Основныя начала метафизики. Пер. съ нѣм. Спб. 1889. IV, 97 — 100. — Хохряковъ. Языкъ и психологія. Казань. 1889. 118—120. — Кудрявцевъ. Начальныя основанія философіи. Вып. II. Начальныя основанія космологіи, раціональной психологіи и нравственной философіи. М. 1890. V, 92—95.
- Ефименко, А. Я. — Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя. XXV, 419—444.
- Жановъ, К. — Понятіе безконечности въ алгебрѣ, въ анализѣ, въ геометріи, въ философіи; проблема о безконечности пространства; проблема о безконечности вещества. LXI, 568—580.
- Житецкій, П. И. — В. Гумбольдтъ въ исторіи философскаго языкознанія. LI, 1—30.
- Занцевичъ, Н. П. — Ред.: Albert Lévy. Psychologie du caractère. Contribution à l'éthologie. Paris. 1896. XXXV, 669 — 672. — Fr. Paulhan. Les types intellectuels. Esprits logiques et esprits faux. Paris. XXXV, 672—674. — Alfred Fouillée. Tempérament et caractères selon les individus, les sectes et les races. Paris. 1895. — Fr. Queyrat. Les caractères et l'éducation morale. Paris. 1896. XXXVI, 151—155. — Oswald Külpe. Einleitung in die Philosophie. Leipzig. 1895. — G. Le Bon. Psychologie des foules. Paris. 1896. XXXVII, 328—334. — Johannes Volkelt. Aesthetik des Tragischen. München. 1897. XXXVIII, 518—523.
- Звѣревъ, Н. А. — Къ вопросу о свободѣ воли. II, 73 — 106. — (Л. М. Лопатинъ). Къ вопросу о міросозерцаніи блаженнаго Августина (по поводу книги кн. Е. Трубецкаго: „Религіозно-общественный идеаль западнаго христіанства въ V вѣкѣ: міросозерцаніе бл. Августина. М. 1892). XVIII, 26—40.
- Згурскій, Н. В. — Психо-фізіологическая теорія чувствованій. LIII, 287—338. LV, 385—448.
- Зеленогорскій, Ѳ. А. — Философія Г. С. Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія. XXIII, 197 — 234; XXIV, 281 — 315. — Ив. Г. Шадъ. XXVII, 160—169; XXX, 574—591.
- Зенгеръ, Г. — Ред.: Различныя направленія въ логикѣ и основныя задачи этой науки. Соч. П. Лейффельдъ. Харьковъ. 1890. VII, 69—76.
- Зѣлинскій, Ѳ. — Вильгельмъ Вундтъ и психологія языка. LXI, 533 — 567. LXII, 635 — 666. Древнее христіанство и римская философія. LXVI, 36—51.
- Зѣньковскій, В. — Новый трудъ по вопросу объ ассоціаціи идей. (А. Нечаевъ. Ассоціаціи идей). LXXXII, 92—126. Ред.: Э. Васманъ. Итоги сравнительной психологіи. Ч. I. Инстинктъ и разумность въ царствѣ животныхъ. Ч. II. Сравнительныя изслѣдованія душевной жизни муравьевъ и вышшихъ животныхъ. Перев. съ нѣм. В. Караваева, съ дополненіемъ переводчика „Зоопсихологическіе взгляды В. Вагнера“. Кіевъ. LXXXIX, 534—544. M. Ettlinger. Untersuchungen über die Bedeutung der Deszendenztheorie für die Psychologie. XC, 721—723. Платонъ въ истолкованіи П. Наторпа. XCV, 588—619.
- И. — Ред.: К. Ланге. Художественное воспитаніе въ дѣтской. Пер. съ нѣмекк. И. Д. Городецкій. Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М. 1895. XXXI, 50—51.
- Ивановскій, В. В. — Общество и государство. XXXVI, 54—81.
- Ивановскій, В. Н. — Ложныя вторичныя ощущенія. XX, 94—108. — Къ исторіи ученія объ апперцепціи въ психологіи. XXXVI, 70—106. — Къ вопросу о самообразовательномъ движеніи. XLIII, 206—228. — М. М. Троицкій. (Некрологъ). XLVII, стр. VI — XVI. Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота. LI, 1—47. Къ характеристикѣ М. М. Троицкаго. LII, 183—213.

Рец.: *Revue philosophique*. 1892. № 1—4. XV, 73—75; № 5—8. XVI, 77—82; № 9—12. XVII, 71—75. 1893 г. № 1—2. XIX, 82—85; № 3—6. XXII, 277—280; № 7—12. XXIV, 556—561; 1894 г. № 1—6. XXIX, 514—520.—Научное Обзорѣніе. 1894. XXVII, 210—212.—E. de Roberty. *Agnosticisme, essai sur quelques theories pessimistes de la connaissance*. Deuxième ed. Paris. 1892. XIII, 62—64.—М. В. Безобразова. *Философскіе этюды*. М. 1892. XIV, 88—90.—W. James. *Text-book of Psychology*. London. 1892. XV, 83—86.—М. Ф. Вендтъ. *Душа женщины*. Переводъ С. Спб. 1892. XV, 92—93.—Bernard Perez. *Le caractère de l'enfant à l'homme*. Paris. 1892. XVII, 76—79.—Розенбахъ, П. Я. *Современный мистицизмъ*. Критич. соч. Спб. 1892. XVII, 80—82.—Веніаминъ Снегиревъ. *Психологія*. Харьковъ. 1893. XIX, 89—93.—Биографическая бібліотека Ф. Павленкова (Аристотель, Бэконъ, Локкъ, Юмъ, Милль). Спб. 1891—1892. XIX, 97—100.—Проф. А. Васильевъ. *Изъ исторіи и философіи понятія о цѣломъ положительномъ числѣ*. Казань. 1891,—и (его же) переводы ст. Гельмгольца и Кронекера. XX, 118—120.—A. Binet (avec la collaboration de Mm. Philippe, Courtier et V. Henri). *Introduction à la psychologie expérimentale*. Paris. 1894. XXIV, 548—551.—Alexander Bain. *The Senses and the Intellect*. London. 1894. XXV, 694—699.—(1793—1893.) Празднованіе Имп. Казанскимъ ун. столѣтней годовщины дня рожденія Н. И. Лобачевского. Казань. 1894. XXV, 702—707.—Проф. А. И. Смирновъ. *Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ*. Отд. I. Каз. 1894.—Его же. *Эстетическое значеніе формы въ произведеніяхъ природы и искусства*. Казань. 1894. XXVI, 66—69.—Сочин. Григорія Саввича Сковороды, собр. и редактир. проф. Д. И. Багалѣемъ. Юбилейное изд. (1794—1894). Харьковъ. 1894. XXIX, 508—510.—П. Θ. Каптеревъ. *Душевные свойства женщинъ*. Спб. 1895. XXX, 615—619.—Бинэ, В. Анри, Куртье, Филиппъ. *Введеніе въ эксперимент. психологію*. Пер. съ фр. Е. И. Максимовой, подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1895. XXX, 626—628.—А. Лаландъ. *Этюды по филосо-*

фіи наукъ. Перев. съ франц., изд. ред. журнала „Образованіе“. Спб. 1896. XXXI, 43—48.—Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. *Языкъ и искусство („Русская бібліотека“) № 8*. Спб. 1895. XXXII, 148—149. Ossip Lourié, docteur de la Faculté des lettres de l' Université de Paris, membre de la Société de philosophie de l' Université de St. Pétersbourg. *La philosophie russe contemporaine*. (Bibliothèque de philosophie contemporaine) Paris. 1902. LXV, 1032—1044. LXXXII, 130—133.

Ивановъ, И. И.—Поиски за міросозерцаніемъ. LII, 214—286. LIII, 380—449. LV, 895—962. Опытъ научно-философской религіозной и соціальной доктрины. LVII, 218—278. LVIII, 362—432.

Иванцовъ, Н. А.—Отношеніе между философіей и наукой. II, 23—60.—Воспоминанія о воззрѣніяхъ С. А. Усова на искусство. III, 105—138.—Гексли, какъ представитель современнаго научнаго міровоззрѣнія. XII, 91—133; XIII, 30—57; XIV, 37—74.—Проблема бытія внѣшняго міра. XVII, 63—80; XVIII, 11—26.—Основной принципъ красоты. XXXIII, 337—373.—Задачи искусства. XXXIV, 441—488.—Нѣсколько словъ объ идеалахъ въ искусствѣ. XLVII, 250—296.—Францискъ Бэконъ и его историческое значеніе. XLIX, 560—599; L, 794—860.—Отвѣтъ проф. А. А. Козлову. VI, 54—59.—Къ вопросу о происхожденіи и характерѣ математическ. истинъ. (По поводу книги Л. Лопатина: *Положительныя задачи философіи*. Ч. II, М. 1891.) XIII, 69—75.—Что такое индукція? (Отвѣтъ Л. М. Лопатину). XVI, 1—14 (III отдѣлъ).—Исповѣдь естествоиспытателя (Ernst Haeckel. *Der Monismus als Band zwischen Religion und Wissenschaft. Glaubenserkenntniss eines Naturforschers*). XVIII, 103—115.—Возраженіе. XIX, 113—116.—Письмо въ редакцію и тезисы къ реф. „Четыре метода Милля“. XXI, 168—170.—Искусство и природа (В. Шербюлье. *Искусство и природа*. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Пер. съ франц. М. Калмыкова. Спб. 1894.) XXIX, 404—429. Лейбницъ. LIV, 548—620.

Извѣстія и замѣтки. — XV, 103—106; XVI, 119—120; XVIII, 172; XIX, 131; XX, 137—141; XXI, 183; XXII, 329;

- XXIII, 475—490; XXIV, 619; XXV, 789; XXIX, 531; XXX, 655; XXXII, 212—218; XXXIII, 364; XXXIV, 513; XXXV, 692—695; XXXVI, 218; XXXVIII, 567; XL, 809—812; XLI, 75—78; XLII, 163; XLIII, 281; XLIV, 358—361; XLV, 448—449; XLVII, 205—210; XLVIII, 351—355; XLIX, 437—440; L, 466; LI, 54; LII, 188—189; LV, 550; LVII, 163—190; LVIII, 290; LIX, 430; LXIII, 859; LXXIV, 578; LXXVI, 143; LXXVIII, 484—485; LXXX, 768—775; LXXXVIII, 380—390; XC, 728—730; XCIX, 635—687.
- К. С.—Рец.: *The Monist*. V. III, № 1—3. Chicago. XXI, 150—153; v. III, № 4, v. IV, № 1—2. XXIV, 561—563; v. IV, № 3—4. XXV, 719—721. — Годлевскій. Основы современного развитія. XX, 120—121.
- Казанскій, С.—Рец.: Фридрихъ Кирхнеръ. Путь къ счастью. Перев. съ нѣм. Алексѣя Маркова, подъ ред. А. А. Быкова. XLI, 58—65. А. Сутерландъ. Происхождение и развитіе нравственнаго инстинкта. LV, 522—532.
- Каленовъ, П. А.—Ученіе Шиллера о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи. VII, 1—20. — Вѣра и знаніе. XVIII, 97—115. — Споръ разсудка съ вѣрой. XXII, 141—161. — Жизнь, какъ нравственная борьба. XXVII, 169—192. — Красота и искусство. XLIV, 627—658; XLV, 742—760.
- Камаповскій, Л. А., графъ. Къ вопросу о философіи войны. LIII, 335—356.
- Камбуровъ, В.—Рец.: Henry Michel. *L'idée de l'état*. 1896. XLVIII, 319—324.
- Каннабихъ, Ю. В.—Къ вопросу о свободѣ воли. LXXXVII, 171—225. — Рец.: Raoul Pictet. *Étude critique du matérialisme et du spiritualisme par la physique expérimentale*. Genève 1897. XXXVII, 334—343.
- Капланъ, Я.—Плюшкинъ, психологическій разборъ его. LXIII, 796—813. — Плюшкинъ и старосвѣтскіе помѣщики. (По поводу статьи проф. Чижа „Значеніе болѣзни Плюшкина“). LXVIII, 599—646.
- Караваевъ, В.—Рец.: Karl Groos. *Die Spiele der Tiere*. 2-te Auf. Jena. 1907. XCV, 626—638.
- Каринскій, М. И.—По поводу статьи г. проф. А. И. Введенскаго „О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ“. XXVI, 20—46; XXVII, 242—273; XXVIII, 314—360.
- Карповъ, В.—Витализмъ и задачи научной біологіи въ вопросѣ о жизни. —XCVIII, 341—392. XCIX, 523—573.
- Карусъ, П.—По поводу рецензіи г. Астафьева. VIII, 88—89.
- Карѣвъ, Н. И.—Къ вопросу о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса. IV, 113—142. — Экономическій матеріализмъ и закономерность социальныхъ явленій. (По поводу статьи С. Н. Булгакова „О закономерности социальныхъ явленій“), XXXVI, 107—119. — Маленькое возраженіе Ф. В. Софронову. XLI, 41—45. — Новый историко-философскій трудъ (С. С. Арнольди: Задачи пониманія исторіи). XLV, 388—415.
- Кистяковскій, Б.—Государство правовое и социалистическое. LXXXV, 469—507. — Въ защиту научно-философскаго идеализма. LXXXVI, 57—109.
- Ключевскій, В. О.—Западное вліяніе въ Россіи XVII в. (Историко-психологическій очеркъ). XXXVI, 137—155; XXXVIII, 535—558; XXXIX, 760—800. — М. С. Корелинъ (некрологъ). XLVI, стр. VIII—XIX.
- Ковалевскій, М. М.—Развитіе идей государственной необходимости и общественной правды въ Италіи. Ботеро и Кампанелла. XXXI, 131—168.
- Кожевниковъ, А. Я.—Разстройства кровообращенія подъ вліяніемъ душевныхъ волненій. XLV, 761—779.
- Козловъ, А. А.—Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія. I, 51—82. — Очеркъ жизни и философіи Лейбница по сочиненію Мерца. III, 36—64. — Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“. V, 1—33; VI, 68—96; VII, 69—102; VIII, 77—109. — Новѣйшее изслѣдованіе о Платонѣ. XI, 46—59. — Позитивизмъ Конта. XV, 53—70; XVI, 41—70. — Некрологъ П. Е. Астафьева. XVIII, 122—126. — Французскій позитивизмъ (Тэнъ, Рибо, Поланъ). XIX, 55—93. — Французскій позитивизмъ. Полупозитивисты. I. Альфредъ Фуллье. XXI, 8—35; П. Гюйо и Тардъ. XXII, 121—140. — Густавъ Тейхмюллеръ. XXIV, 523—536; XXV, 661—681. — Теорія искусства съ точки зрѣнія Тейхмюллера (Е. Бобровъ. О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ. 1894). XXVII, 178—189. — Анализъ послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого: „Хозяинъ и работ-

никъ". XXVIII, 313—330.—Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ. Воспоминаніе объ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія. XXIX, 445—460; XXX, 558—567.

Рец.: Archiv für Geschichte der Philosophie. I. Band 1888. 45—60.—K. Uphues. Ueber die Erinnerung. Untersuchungen zur empirischen Psychologie. Lpz. 1889. IV, 109—118.—Замѣчанія на статью г. Иванцова: „Отношеніе между философіей и наукой". V, 124—136.—Письмо въ редакцію. VI, 59.—И. С. Андреевскій. Генезисъ науки, ея принципы и методы. Ч. I. М. 1890. VII, 56—62.—М. Гюйо. Происхожденіе идеи времени. Пер. съ франц. А. И. Е—ва. Смоленскъ. 1891. IX, 88—93.—В. Серебренниковъ. Ученіе Локка о приобретенныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Сиб. 1892. XIII, 49—59.—W. Lutoslawski. Sur une nouvelle méthode pour déterminer la chronologie de dialogues de Platon. Paris. 1896. XXXIV, 472—474.

Койгенъ, Д.—Соціальная философія съ точки зрѣнія Платона-Кантовскаго идеализма. LXXI, 71—128. Einleitung in die Philosophie von Hans Cornelius. Leipzig. 1903. LXXII, 233—245.
Колубовскій, Я. Н.—Некрологъ А. К. Бао. XXII, 327—328.

Рец.: Vierteljahrsschrift für wiss. Philosophie. 1890. I. Heft. III, 65—70.—Вундтъ о гипнотизмѣ и внушеніи (Philosophische Studien, т. VIII, ст. Вундта о „Гипнотизмѣ и внушеніи"). XIV, 74—80.—Ethische Kultur. XVI, 85—87.—Неврологическій Вѣстникъ, т. I, вып. I. XVIII, 92—94.—(Я. К—скій).—В. Кудрявцевъ. Начальныя основанія философіи, вып. I. Введеніе въ философію. М. 1889, II, 87—89.—(Я. К—скій). Кн. Д. Н. Церетелевъ. Правственная философія гр. Л. Н. Толстого. М. 1889. II, 97—99.—(Я. К—скій). Аристовъ. Психологія опытная, вып. 1. Рига. 1889. II, 104.—(Я. К.). М. Massonius. Ueber Kant's transcendental Aesthetik. Lpz. 1890. V, 101—104.—(К.). Мысли о воспитаніи Джона Локка. Перев. съ англ. Петра Вейнберга. Спб. 1890. VII, 83—84.—(К.). Шопенгауэръ. Его жизнь и фил. дѣятельность. Біогр. очеркъ Э. К. Ватсона. Спб. 1891. VII, 84—(К.). Сообщенія, сдѣланныя 21 окт. 1890 г. въ первомъ публичн. засѣданіи Об-

щества невропатологовъ и психіатровъ, сост. при Москов. универ. М. 1891. VII, 91.—(К.). А. Н. Деревницкій. О новомъ трактатѣ Аристотеля и его значеніи для афинской демократіи. Харьковъ. 1891. VIII, 80.—(К.). Кн. С. Трубецкой. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М. 1891. VII, 80.—Проф. Г. Струве. Отзывъ о магистер. диссертациі приватъ-доцента Имп. Харьк. унив. П. Лейкфельда. Варшава. 1891. VIII, 81.—Hermann Gruber. S. J. August Comte, der Begründer des Positivismus. Freiburg in Br. 1889.—Его же. Der Positivismus vom Tode August Comte's bis auf unsere Tage (1857—1891). Freiburg in Br. 1891. XIV, 90—92.—(Я. К—скій и Э. Р—въ) Библиографическій листокъ за 1889. II, 121—134.—Библиографич. листокъ. III, 129—138; V, 45—60 (III отд.); VII, 122—140 (III отд.); IX, 1—16 (III отд.); XI, 86—93; XIV, 95—115; XVII, 88—104.—Матеріалы

III отдѣла. { для исторіи философіи въ Россіи (1855—1888). IV, 1—32 (Ө. А. Голубинскій, В. Н. Карповъ, С. С. Гогоцкій, В. Д. Кудрявцевъ).—V, 33—44. (П. Д. Юркевичъ).—VI, 45—88. (Славянофилы: И. В. Кирѣевскій, А. С. Хомяковъ, Ю. Ө. Самаринъ); VII, 89—121 (Н. Н. Страховъ); VIII, 122—160 (Архіеп. Никаноръ, В. В. Лесевичъ). XLIV, 285—318 (П. Л. Лавровъ).

Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ первый (1893). (Въ особомъ приложеніи). XXII, листы 1 и 2; XXIII, листы 3 и 4; XXIV, листъ 5; XXV, листъ 6; XXVII, листъ 7; XXVIII, листы 8—10; XXIX, листы 11 и 12.

Комиссія для организаціи домашняго чтенія, состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З. Программы по философіи. XXV, 762—783.

Кони, А. Ө.—Общія черты судебной этики. LXI, 864—907.

Конисси, Д. П.—„Великая наука“ Конфуція. Переводъ съ предисловіемъ. XVI, 25—40.—Философія Лаоси. XVIII, 27—45; XXIII, 363—379.—Таоте-Кингъ Лаоси (перев. съ китайскаго). XXIII, 380—408.—„Средина

- и постоянство" (священ. книга послѣдователей Конфуція). Перев. съ китайскаго. XXIX, 381—403. — „Книга о почитаніи родителей“, переводъ съ предисловіемъ. XXXIII, 265—276.
- Корелинъ, М. С.** — Отношеніе А. М. Иванцова-Платонова къ исторической наукѣ. XXVII, 221 — 241. — Этический трактатъ Лоренцо Валлы „Объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ“. XXIX, 391—444; XXX, 519—557. — Очерки развитія философской мысли въ эпоху возрожденія. I. Міросозерцаніе Франческо Петрарки. XXXVI, 14—53; XXXVII, 329—381.
- Корниловъ, А. А.** — О человѣческой рѣчи. XX, 27—40; XXI, 35—58.
- Корсановъ, С. С.** — Международный конгрессъ по психіатріи въ Парижѣ (5 — 11 августа нов. стиля 1889 г.). I, 23—44. — Къ психологіи микроцефаловъ. XXI, 67—114; XXII, 185—198.
- Коршъ, Ѳ. Е.** — Римская элегія и романтизмъ. XLVI, 131—171; XLVII, 297—358.
- Котляревскій, Н. А.** — Воспоминанія о В. П. Преображенскомъ. LIV, 501—538.
- Котляревскій, С. А.** — Религія въ американскомъ обществѣ. LXXI, 1—33. — Объ истинномъ и мнимомъ реализмѣ. (По поводу „Очерковъ реалистическаго міровоззрѣнія“.) LXXV, 624—644. — Предпосылки демократіи. LXXVII, 104 — 127. — Къ философіи избирательнаго права. LXXX, 382—396. — Памяти князя С. Н. Трубецкого. LXXXI, 16—28. — Политика и культура. LXXXIV, 353—367. — Психологическія предпосылки терпимости. LXXXVIII, 239—254. — Рец.: I. фонъ-Кирхманъ. Философія въ общедоступномъ изложеніи. Перев. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1896. XXXI, 48—50. — Э. Навиль. Что такое философія? Перев. подъ ред. А. И. Введенскаго. М. 1896. XXXVI, 140—141. — Дж. Мармери. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Спб. 1896. 141 — 142. — Максимъ Ковалевскій. Современные соціологи. Спб. 1905. LXXVIII, 457—458. — Рец: Ludwig Gumplowicz. Geschichte der Staatstheorien. LXXX, 765—767. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Von Georg Simmel. Leipz. 1908. XCV, 620—623.
- К—й, С.** — Рец.: С. Л. Шестовъ. Апологизмъ безлчвенности. Опытъ адогматиче-скаго мышленія. Спб. 1905. LXXVII, 326. — Georg Simmel. Schopenhauer und Nietsche. Leipz. 1907. LXXXVI, 62—63.
- Кубицкій, А.** — Ученіе Плотина о мысли и бытіи. XCVIII, 477—493.
- Лазаревъ, А.** — Рец.: Ludw. Busse. Geist und Körper. Seele und Leib. Leipz. 1903. LXXII, 250—261. Willian James. The Varieties of religions experience. A. Study in human nature. London. New-York und Bombay. 1906. XC, 709—715. — Николай Бердяевъ. Новое религиозное сознаніе и общественность. Спб. 1907. XCIV, 544—548.
- Лазурскій, А. Ф.** — О взаимной связи душевныхъ свойствъ и способахъ ея изученія. LIII, 217 — 263. — Теорія способностей въ современной психологіи. С, 722—756.
- Ланге, Н. Н.** — О дѣйствии гашиша. I, 147 — 162. — Элементы воли. IV, 1—25. — Законъ перцепціи. XIII, 18—37; XIV, 44 — 54; XV, 55 — 68; XVI, 25—38.
- Рец.: Revue Philosophique 1889. I, 58—65. 1890 г. № 1—8. V, 60—70. — № 9—12. IX, 58—65. — Hugo Münsterberg. Beiträge zur experimentellen Psychologie. Heft. 1 — 2. Freiburg in Br. 1889. VI, 24—33. — Отвѣтъ г. Г. Челпанову. VIII, 90 — 93. — Письмо въ редакцію. XXVI, 84—88.
- Лапшинъ, И. И.** — О трусости въ мышленіи. LV, 817—881.
- Ланцъ, Г.** — Эдмундъ Гуссерль и психологисты нашихъ дней. XCVIII, 393—443. — Вильгельмъ Шуппэ и идея универсальной имманентности. С, 757—799.
- Лебедевъ, А. С.** — Г. С. Сковорода, какъ богословъ. XXVII, 170—177.
- Леонова, О. В.** — Современный взглядъ на локализацию функцій въ мозговой корѣ. VI, 100 — 127 (III отд.). — Нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу статьи г. Суханова о теоріи нейроновъ. XXXV, 629—636.
- Лесевичъ, В. В.** — Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго. I, 163 — 188. — Гдѣ искать „настоящій буддизмъ?“ III, 121—127.
- Л. М.** — Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie (1905) и (1906). LXXXVI, 69—74.
- Ломброзо, П.** — Послѣдовательность мыслей у дѣтей (переводъ съ итальянской рукописи Маріи Ив. Россолимо). XLI, 23—40; XLII, 99—108.

Лопатинъ, Л. М.—Положеніе этической задачи въ современной философіи. II, 61—72.—Критика эмпирическихъ началъ нравственности. III, 64—104.—Нравственное ученіе Канта. IV, 65—82.—Теоретическія основы сознательной нравственной жизни. V, 34—83.—Къ вопросу о математическихъ истинахъ (Отвѣтъ Н. А. Иванцову). XIV, 55—70.—Большая искренность (Замѣтка по поводу ст. В. П. Преображенскаго „Фридрихъ Ницше“). XVI, 109—114.—Понятіе объ индукціи (Отвѣтъ Н. А. Иванцову). XVI, 15—27 (III отд.) — (и Н. А. Звѣревъ). Къ вопросу о міросозерцаніи блаженнаго Августина (По поводу книги кн. Е. Н. Трубецкого: „Религіозно - общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ: міросозерцаніе бл. Августина“. М. 1892). XVIII, 26—40.—Подвижныя ассоціаціи представленій. XIX, 1—35.—Новый психофизиологическій законъ г. Введенскаго. XIX, 60—81.—Параллелистическая теорія душевной жизни. XXVIII, 358—389.—Явленіе и сущность въ жизни сознанія. XXX, 619—652.—Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта. XXXII, 264—298.—Декартъ, какъ основатель новаго философскаго и научнаго міросозерцанія. XXXIV, 609—642.—Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза. XXXVIII, 486—534.—Н. Я. Гротъ (некрологъ). XLVIII, IX—XX.—Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія. XLIX, 600—623; L, 861—880.—Василій Петровичъ Преображенскій. LI, I—IX. Памяти С. С. Корсакова. LI, V—VIII. Къ вопросу о безсознательной душевной жизни. LIV, 741—757.—Философское міросозерцаніе В. С. Соловьева. LVI, 45—91.—Памяти А. А. Токарскаго. LIX, XII—XIV.—Личность и міросозерцаніе С. С. Корсакова. LX, XXXIX—XLIX.—Методъ самонаблюденія въ психологіи. LXI, 1031—1090.—Научное міровоззрѣніе и философія. LXIX, 404—430. LXX, 475—496. LXXI, 84—128.—Философское міровоззрѣніе Н. В. Бугаева. LXXII, 172—195.—Ученіе Канта о познаніи. LXXVI, 1—18.—Памяти князя С. Н. Трубецкого. LXXIX, I—V.—Аксиомы философіи. LXXX, 335—352.—Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское міросозерцаніе. LXXXI, 29—129.—Типическія системы философіи. (Научное міровоззрѣніе и фи-

лософія.) LXXXIII, 262—294.—Новая теорія познанія, LXXXVII, 185—206.—Физикъ-идеалистъ (Памяти Н. И. Шишкина). LXXXIX, 324—366.—ХС, 492—527.—ХСII, 186—218.—Философскіе взгляды В. Я. Цингера. ХСIII, 219—227.

Рец.—Н. Д. Виноградовъ. Философія Давида Юма. Часть I. Теоретическая философія Д. Юма. М. 1906. LXXXIII, 251—259.—А. Д. Гуляевъ. Этическое ученіе въ „Мысляхъ“ Паскаля. LXXXIX, 545—551.

Л—скій, В.—Рец.—G. Stuart Fullerton. On Samenes and Identity. Philadelphia. 1890. V, 96—97.

Лосскій, Н. О. Недомолвки въ теоріи эмоцій Джемса. LVII, 99—134.—А. А. Козловъ и его павпсихизмъ. LVIII, 183—206.—Волюнтаристическое ученіе о волѣ. LXII, 667—709. LXIII, 755—782.—Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. LXIV, 779—823. LXV, 905—950. LXVI, 1—42.—Обоснованіе мистическаго эмпиризма. LXXII, 129—171. LXXIII, 197—228. LXXIV, 315—396. LXXV, 451—507. LXXVII, 71—103. LXXVIII, 163—211. LXXIX, 247—334.—Гносеологическій индивидуализмъ въ новой философіи и преодоленіе его въ новѣйшей философіи. LXXXVIII, 227—238.—Въ защиту интуитивизма. (По поводу статьи С. Аскольдова „Новая гносеологическая теорія Н. О. Лосскаго“ и статьи проф. Л. Лопатина „Новая теорія познанія“) ХСIII, 449—462.

Рец.: Я. Колубовскій. Философскій ежегодникъ. Годъ второй. М. 1896. XXXVIII, 523—526.—Лашинъ. Законы мышленія и формы познанія. Спб. 1906. LXXXVIII, 349—357.

Луньяновъ, С. М.—Позитивная біологія О. Конта и философія. XLII, 216—253.

Луначарскій, А.—Русскій Фаустъ. LXIII, 783—795.

Лурье, Осипъ.—Рец.—Th. Ribot. L'évolution des idées générales. Paris 1896. XLI, 52—58.—Emile Durkheim. Le suicide. Paris. 1897. XLIV, 319—325.

Лурье, С.—Принципы эволюціонизма и предѣлы ихъ примѣненія въ наукѣ объ обществѣ. LXXII, 162—204.

Любавскій, М.—Алексѣй Сергѣевичъ Бѣлкинъ. ХСIX, I—X.

Лютославскій, В. Ф.—О значеніи и задачахъ исторіи философіи. III, 45—63.

Ляшкевичъ, Л.—Рец.—Д-ръ Бродеръ

- Христіансенъ. Психологія и теорія познанія. Перев. Е. Боричевского подъ ред. Б. А. Фохта. XCII, 285—287.
- Мазуровичъ, Н.—Рец.—Eduard von Hartman. Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus. Lpz. 1892. XVI, 90—92 —Boutroux. De l'idée de la loi naturelle. Paris. 1895. XXXIV, 467—472.
- Мануиловъ, А.—Изъ воспоминаній о кн. С. Н. Трубецкомъ. LXXXI, 1—3.
- Маринъ, Н. В.—О вліяніи утомленія на воспріятіе пространственныхъ отношеній. VIII, 28—41.—Объ одномъ неразъясненномъ явленіи XVIII, 1—10.—Вліяніе чувствованій на теченіе времени. XXVII, 111—133.
- Маркзвниковъ, В.—Изъ повѣйшей литературы по вопросамъ историческаго познанія. LXXXV, 442—481.
- Матеріалы для журнальной статистики: IX, 24 (III отд.); XIV, 116; XX, 177—178; XXV, 788—789; XXX, 669; XXXV, 696; XL, 816; XLV, 454; L, 477; LV, 553—554; LX, 530—531; LXV, 1060—1061; LXX, 928—929; LXXV, 760; LXXX, 776; LXXXV, 513; XC, 735; XCV, 644; C, 815.
- Меліоранскій, Б.—Теоретическая философія С. Н. Трубецкого. LXXXII, 197—223. Философская сторона иконоборчества. LXXXVII, 142—170.
- Мензбиръ, М. А.—Историческій очеркъ воззрѣній на природу. X, 151—174; XI, 75—97.
- Милуковъ, П. Н.—Разложеніе славянофильства (Данилевскій, Леонтьевъ, Вл. Соловьевъ). XVIII, 46—96.—По поводу „Замѣчаній“ Вл. С. Соловьева. XIX, 103—105.
- Миноръ, Л. С.—Объ измѣненіи фізіономіи въ нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ. XVII, 55—64; XVIII, 14—25.
- Михайловскій, І. В.—Наказаніе какъ факторъ культуры. LXXVII, 250—302.
- Мокіевскій, П. В.—Рец.: Mind. 1890 г. январь—III, 70—72; апрѣль—IV, 134—135; іюль—V, 70—71; октябрь—VI, 34—36. 1891 г. январь—VII, 53—55; апрѣль—IX, 66—67; іюль—X, 52—53; октябрь—XII, 51—53. 1892 г. январь—XIV, 71—72; апрѣль—XVI, 76—77; іюль—XVII, 70; октябрь—XVIII, 91—92. 1893 г. январь и апрѣль—XIX, 85—87; іюль—XX, 128—129; октябрь—XXII, 281—282. 1894 г. январь—XXIV, 555—556; апрѣль—октябрь—XXVII, 204—208. 1895 г. январь—октябрь XXXI, 54—63. 1896 г. январь—октябрь. XXXVI, 178—187. 1897 г. январь—октябрь—XLI, 67—74; 1898 г. январь—октябрь—XLVI, 58—65; 1899 г. январь—октябрь—LI, 43—51; 1900 г. январь—октябрь—LVIII, 291—300; 1901 г.—январь—октябрь—LXI, 734—743; 1902 г.—январь—октябрь—LXVIII, 522—529; 1903 г.—январь—октябрь—LXXIV, 569—574; 1904 г.—январь—октябрь—LXXIX, 598—606; 1905 г.—январь—октябрь—LXXXV, 490—499; 1906 г.—январь—октябрь XCI, 140—147. — Rivista di filosofia scientifica. XIII, 38—39.—An Epitome of the Synthetic Philosophy by F. Howard Collins. London. 1889. III, 91—92.—Pierre Janet. L'automatisme psychologique. Paris. 1889. II, 94—105.—Darwinism. by Alfred Russel. Wallace. VIII, 81—85. — Alfred Binet. Les altérations de la personnalité. Paris. 1892. XV, 96—102.—Herbert Spenser. The Principles of Ethics. T. I. 1892. XVII, 79—80.
- Молчановъ, Н.—Рец.—Georg Simmel. Kant. Sechzehn Vorlesungen gehalten an der Berliner Universität. Leipzig. 1904. LXXVIII, 459—482.
- Монтелли, Ал.—Вліяніе аккомодации и конвергенции на воспріятіе глубины. LXXXVIII, 291—327.
- Мордухай-Болтовской, Д.—О законѣ непрерывности. LXXXVII, 168—184. Психологія математическаго мышленія. XCIV, 491—535.
- Моревъ, И.—Рец.—Вѣра и разумъ. 1890, сентябрь—декабрь. VIII, 68—72.
- Некрасовъ, П. А.—Отвѣтъ на замѣчанія и возраженія относительно философскихъ и логическихъ основаній социальной физики. LXVIII, 573—598. Логика мудрыхъ людей и мораль. (Отвѣтъ В. Гольцеву.) LXX, 902—927.
- Неплюевъ, Н. Н.—Христіанская гармонія духа (этико-психологическій этюдъ). XXXII, 73—108.
- Нечаевъ, А.—Экспериментальныя данныя къ вопросу о вниманіи и внушеніи. LII, 169—175. Gustav Störing. Vorlesungen über Psychopathologie in ihrer Bedeutung für die normale Psychologie mit Einschluss der psychologischen Grundlagen der Erkenntnistheorie. LV, 533—535. Памяти А. А. Токарскаго. LIX, XVIII—XX Отвѣтъ г. Айхенвальду. LX, 504—518. Второю отвѣтъ г. Айхенвальду. LXI, 625—632. Письмо въ редакцію.

- LXXIV, 578. Къ вопросу о сѣздѣ по педагогической психологіи и комментаріяхъ Г. И. Челпанова. С, 805—810.
- Николаевъ, Б.—Рец. О. Plümacher. Der Kampf um's Unbewusste. Zweite Auf. Lpz. 1890. IX, 108—111.
- Николинъ, И.—Рец. — Religionsphilosophie. Von Dr. Harald Höffding. Aus dem dänischen übersetzt von F. Bendixen. Leipzig. 1901. LXVII, 356—362.
- Новгородцевъ, П. И.—Къ вопросу о сущности теократіи. XLVIII, 304—307. Объ историческомъ и философскомъ изученіи идей. LIV, 658—685. Идея права въ философіи Вл. С. Соловьева. LVI, 112—129. Нравственная проблема въ философіи Канта. LVII, 279—314. Ученіе Канта о правѣ и государствѣ. LVIII, 315—361. Мораль и познаніе. LXIV, 824—838. Отвѣтъ Л. И. Петражицкому. LXVI, 121—145. Государство и право. LXXIV, 397—450. LXXV, 508—538. Кантъ, какъ моралистъ. LXXVI, 19—36. Памяти князя Сергѣя Николаевича Трубецкого. LXXXI, 4—8. Кризисъ современнаго правосознанія. LXXXIV, 390—451. Памяти Куно-Фишера. LXXXIX, V—VIII. Кризисъ современнаго правосознанія. LXXXIX, 367—432. XC, 433—491. XCI, 80—117. XCIII, 257—286. XCIV, 377—440. XCV, 513—597. Письмо въ редакцію. LXXIX, 581—583. Русскій послѣдователь Г. Когена. XCIX, 636—661.
- Новости иностранной философской литературы. (Извлеченія изъ рецензій въ иностранныхъ журналахъ). Max. Dessoir. Geschichte der neueren deutschen Psychologie.—Max. Apel. Kants Erkenntnisstheorie und seine Stellung zur Metaphysik. 1895.—L. Lévy Bruhl. La philosophie de Jacobi.—John Watson. Hedonistic Theories from Aristippus to Spencer. 1895.—Z. A. Selby-Bidge. An Enquiry concerning the human Understanding and an Enquiry concerning the principles of morals, by David Hume. 1894.—W. Wundt. Grundriss der Psychologie. 1896.—C. Lloyd Morgan. An Introduction to comparative Psychology.—James Sully. Studies of Childhood. 1895.—S. Le Sanctis. I fenomeni di contrasto in psicologia.—L. Dugas. Le psitacisme et la pensée symbolique. 1896.—G. Ferrero. Les lois psychologique du symbolisme.—M-elle Josephine Zürcher. Jeanne d'Arc.—Charles F. d'Arcy Short Study of Ethics. 1895.—D. Dörner. Das menschliche Handeln.—Henry Rutgers Marshall. Aesthetic Principles. 1895.—T. Whittaker. Essays and Notices. 1895. XXXIV, 499—513.—H. Höffding. Geschichte der neueren Philosophie. I Band. 1895.—W. Heinrich. Die moderne physiologische Psychologie in Deutschland. 1895.—B. Bosanquet. The essentials of Logic. 1895.—Rudolph Steiner. Fr. Nietzsche. 1895.—Johannes Volkelt. Aesthetische Zeitfragen. 1895. XXXV, 677—685.—K. Lasswitz. G. Th. Fechner. Stuttgart. 1896.—Dr. Johannes Rehmke. Grundriss der Geschichte der Philosophie. 1896.—James Seth. A Study of ethical Principles.—Dr. Josef Klemens Kreibitz. Geschichte und Kritik des ethischen Sceptizismus. 1896. XXXVI, 200—205.—A. Drews. Kants Naturphilosophie als Grundlage seines Systems. Berlin. 1894.—Wm. Caldwell. Schopenhauer's System in its philosophical significance. 1896.—Rudolf Eucken. Die Lebensanschauungen der grossen Denker. 1897.—Harald Höffding. Ethische Prinzipienlehre. 1886.—Max Wentscher. Uebersichtliche und psychische Kausalität und das Prinzip des psychophysischen Parallelismus. Leipzig. 1896. XXXVIII, 558—564.—Jonas Cohn. Geschichte des Unendlichkeitsproblems im abendländischen Denken bis Kant. Leipzig. 1897.—Nourrisson. Voltaire et le voltairianisme.—I. E. Erdmann. Grundriss der Geschichte der Philosophie. 1896.—G. F. Stout. Analytic Psychology. XXXIX, 712—714.—Friedrich Jodl. Lehrbuch der Psychologie. Stuttgart. 1896.—E. W. Scripture. The new Psychologists. London. 1897.—Karl Heinrich Stein. Vorlesungen über Aesthetik. Stuttgart. 1897.—William James. The Will to Believe and other Essays in Popular Philosophy. 1898. XLII, 152—162.—Wincenty Lutoslawski. The Origin and Growth of Plato's Logic.—Georges Noël. La logique de Hegel. 1897.—Sidis (Boris). The Psychology of Suggestion. XLIV, 351—357.—Hans Cornelius. Psychologie als Erfahrungswissenschaft. Leipzig. 1897.—D. Mercier. Les origines de la psychologie contemporaine. Paris. XLVII, 177—184.—Friedrich Paulsen. Immanuel Kant. Sein Leben und seine Lehre.

- XLVIII, 325—330.—William James. Talks to Teachers on Psychology. XLIX, 419—422. Kuno Fischer. Geschichte der neueren Philosophie. 2. Band. L, 451—459.
- Новицкая, П.—Письмо въ редакцію (Письмо гр. Л. Н. Толстого, сообщенное г-жей Новицкой). XXXII, 167—169.
- Оболенскій, Л. Е.—Попытка научнаго примиренія моральныхъ разногласій. Отрицатели морали. XXX, 533—567.—Рец. Alexander. Moral Order and Progress. London. 1889. I, 75—82.—Автономія челоѣка въ прогрессѣ и ея стадии. XXXI, 35—72; XXXII, 196—225.—Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ. XXXIV, 521—551.—Типы представленій о мірѣ, какъ онъ есть самъ по себѣ. XLVIII, 426—477.
- Овсяннико-Куликовскій, Д. Н.—Очерки изъ исторіи мысли. II, 159—189; V, 103—134.
- Огневъ, А.—Рец.—Ueber die Seelenfrage. Ein Gang durch die sichtbare Welt um die unsichtbare zu finden. Von Gustav Theodor Fechner. 2 Aufl. besorgt von D-r Eduard Spranger. Mit einem Geleitwort von Friedrich Paulsen. Hamburg und Leipzig. 1907, XCIII, 441—443.
- Огневъ, И. Ф.—Естественно-историческія воззрѣнія Биша. XLIII, 355—384.—Рѣчи Э. Дю-Буа-Реймона и его научное мировоззрѣніе. XLVIII, 211—241. Витализмъ въ современномъ естествознаніи. LIV, 686—730.
- Ольденбургъ, С. Ѳ.—„Обличеніе“ ламаизма. Иеромонахъ Мееодій. Буддійское мировоззрѣніе или ламаизмъ и обличеніе его. Спб. 1902. LXV, 1016—1023.
- Орженцкій, Р.—Рец.—Карлъ Каутскій. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. Перев. съ рукоп. Л. Фейнберга и С. Цедербаума, подъ ред. Ф. Дана. Спб. 1906. LXXXVIII, 328—339. Л. И. Петражицкій. Теорія права и государства. Т. I. 1907. XCI, 111—135.
- Остроумовъ, М.—Письмо къ редактору. XXII, 316—322.
- Отчетъ о докторскомъ диспутѣ Н. Н. Ланге. XXIV, 564—616.
- Отъ Совѣта Московскаго Психологическаго Общества. XLVI, стр. V—VI.
- Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Философскаго Общества. XLVI, стр. VII.
- П.—Рец. Бинэ. Психологія умозаключеній. М. 1889. I, 92.
- Паперна, Г. А.—Рец.: International Journal of Ethics. Т. I. № 1—2. IX, 67—76; № 3—4, X, 53—56. Т. II, № 1, XIII, 43—45; № 2—4, XVI, 82—85.
- Перечни статей въ иностранныхъ журналахъ: IV, 135—137; V, 71—73; VIII, 64—65; IX, 78; XX, 134—136; XXII, 285—286.
- Перцевъ, Вл.—Теорія эволюціи и философія исторіи Гердера. LXXXIX, 469—503.
- Перцовъ, П.—Гносеологическія недоразумѣнія. (По поводу классификаціи наукъ Генриха Риккерта.) XCVI, 27—72.
- Песковъ, Н. Научный субъективизмъ и его опасность въ экспериментальной психологіи. (По поводу брошюры д-ра Котика „Эманация психофизической энергіи“). XCI, 93—110.
- Петрово-Соловово, М. М.—Телепатія. XI, 146—162; XII, 134—145.
- Петровскій, А. Г.—Памяти В. С. Соловьева. LVI, 36—44. Рец.—Н. Чермакъ. О построеніи живого вещества. Спб. 1895. XXX, 612—615.
- Петрункевичъ, М. И.—Рец. Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie 1893. № 1—4 и 1894. № 1. XXIII. 450—452. 1894, № 2—3. XXVI, 79—82.
- Поварнинъ, С.—Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1901 (1—3). Archiv für Geschichte der Philosophie 1901 (1—4). LXI, 616—624.
- Подъяпольскій, П.—Къ вопросу о вліяніи воображенія на плодъ. LXXX, 768—773.
- Поливановъ, М.—Памяти князя С. Н. Трубецкого. LXXXI, 139—145.
- Половцова, В.—По поводу автобіографіи Фр. Ницше. XCVIII, 501—520.
- Полынова, Н. Revue de philosophie. LIX, 425—429.
- Поповъ, И.—Элементы греко-римской культуры въ исторіи древняго христіанства. XCVI, 55—92. Идея обоженія въ древне-восточной церкви. XCVII, 165—213.
- Поповъ, X.—Рец.: Православное Обозрѣніе. 1889 г., т. I.—I, 61—66; т. II.—II, 66—73. 1890 г. № 1, 2 и 3, III, 81—85; № 4, 5, 6, IV, 137—143; № 7, 8 и 9, V, 73—77; № 10, VI, 37—40; № 11—12 и 1891 г. № 1. VIII, 65—68.

Португаловъ, Ю. — По поводу полемики проф. В. Ф. Чижа и д-ра Я. Ф. Каплана, LXVI, 146—155.

Постовскій, Н. П. — С. С. Корсаковъ, какъ клиницистъ-преподаватель. LX, LXXIX—XCII.

Преображенскій, В. П. — Фридрихъ Ницше. Критика морали альтруизма. XV, 115—160.

Рец.: Cohen. Kants Begründung der Aesthetik. Berlin. 1889. — Lose Blätter aus Kants Nachlass, mitgetheilt von R. Reicke I. Heft. Königsbergs. 1889. I, 95—98. — E. W. Simson. Der Begriff der Seele bei Plato. Lpz. 1889. II, 108—111. — John Venn. The principles of empirical or inductive Logic. London. 1889. IV, 101—106. — Переписка Бенедикта де-Спинозы съ прилож. жизнеописанія Спинозы. I. Колеруса. Пер. съ лат. Л. Я. Гуревичъ, подъ ред. и съ примѣч. А. Л. Волинскаго. Спб. 1891. VII, 76—83. — Prof. Dr Ludwig Stein. Leibniz und Spinoza. Berlin. 1890. IX, 93—104. — М. Гюйо. Искусство съ точки зрѣнія социологii. Съ предисл. А. Фулье. Пер. подъ ред. А. Н. Пыпина. Спб. 1891. X, 67—71. — Фр. Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Десять отрывковъ въ переводѣ С. П. Нани. Спб. 1899. XLVI, 41—48.

Протоколы засѣданій Русскаго Общества экспериментальной психологii въ 1891—92 г. (первый годъ существованія, въ особомъ приложеніи). XII, 1—32; XIII, 33—48. — Протоколы за 1892—93 г. XXII, листы 1 и 2; XXIII, листъ 3; XXIV, листъ 4.

П. Р. — Ред. Naturwissenschaft und Weltanschauung. Eine Rede von Max Verworn. Zweite Auflage. Leipzig. 1904. LXXVI, 125—126.

Психологическое Общество. — Рефераты, читанные въ Москов. Психолог. Обществѣ со времени его основанія (за 1885—89 гг.). I, 99—101. — Списокъ членовъ Псих. Общ. по 1-е ноября 1889 г. I, 102—106. — Рефераты, читанные съ 1-го ноября 1889 г. по 1-е мая 1890 г. III, 139—140. — Списокъ членовъ, вошедшихъ въ составъ Общ. съ 1 ноября 1889 г. по 20 апрѣля 1890 г. III, 141—142. — Отчетъ о состояніи суммъ Псих. Общ. III, 143—144. — Условія для соисканія премии за сочиненіе на тему по философii наукъ. III, 145—146. — Тезисы къ рефератамъ В. Р. Буцке: „Опытъ физіо-

логической теорii памяти“; Н. И. Карѣва: „Къ вопросу о свободѣ воли съ точки зрѣнія теорii историческаго процесса“; Л. М. Лопатина: „По поводу современнаго философскаго міросозерцанія“ и протоколы преній по поводу двухъ послѣднихъ рефератовъ. IV, 33—46 (III отдѣлъ). — Тезисы къ рефератамъ Л. М. Лопатина: „По поводу гипотезы объ индуктивномъ происхожденіи математическихъ понятій“ и „Теорія математическихъ познаній Канта“. V, 61—65 (III отд.). — Тезисы къ реферату Н. Я. Грота: „Самонаблюденіе — единственный источникъ познанія душевной жизни“ и возраженія на этотъ рефератъ С. С. Корсакова и В. А. Гольцева. VI, 89—95 (III отд.). — Тезисы къ реферату Г. И. Челпанова: „Теорія апперцепціи и психической активности въ современной психологii“. VI, 95—96 (III отд.). — Отчетъ о дѣятельности Псих. Общ. въ 1890 г. и списокъ членовъ, вошедшихъ въ составъ его съ 20 апрѣля по 20 декабря 1890 г. VI, 97—99 (III отд.). — Протоколы двухъ (70 и 71) засѣданій Психологич. Общ. въ январѣ 1891 г. VII, 141—148 (III отд.). — Протоколы четырехъ (72—75) засѣданій. VIII, 161—173 (III отд.). — Протоколы трехъ (76—78) засѣданій. IX, 17—23 (III отд.). — Протоколы трехъ (79—81) засѣданій. X, 87—92. — Протоколы трехъ засѣданій (82—84). XI, 101—110. — Постановленіе о присужденіи премии Д. А. Столыпина и условія для соисканія второй премии Д. А. Столыпина за сочиненіе на тему по философii наукъ. XII, 75—76. — Протоколы шести (86—91) засѣданій. XIII, 76—96. — Протоколъ 92-го засѣданія. XV, 107—112. — Протоколы пяти (93—97) засѣданій, положенія А. И. Введенскаго къ его сочиненію „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“ и направленныя противъ нихъ положенія Н. Я. Грота. XVI, 110—118. — Дополнительный протоколъ преній по поводу реферата Н. В. Бугаева „Основныя начала эволюціонной монадологii“ (въ 95-мъ засѣд. 7 ноября 1892 г.). Протоколы трехъ (98—100) засѣданій Общества и списокъ членовъ Психол. Общ. къ 24 января 1893 г. XVII, 105—129. — Протоколы пяти (101—105) засѣданій. XVIII, 154—172. — Протоколъ 106 засѣданія. XIX, 117—126. — Отчеты о 107 и 108

засѣданіяхъ. XX, 144—176.—Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій 109—111; извлеч. изъ доклада комиссіи по передачѣ журн. „Вопросы Философіи и Психологіи“ въ собств. Психол. Общ. Тезисы Н. Я. Грота по вопросу о „Значеніи идеи параллелизма въ психологіи“. XXI, 160—168.—Извлеченіе изъ протоколовъ засѣд. 112 и 113 и изложеніе преній по рефер. П. Д. Боборыкина „Формулы и термины въ области прекраснаго“; В. Р. Будке: „Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціяхъ идей“, Н. Я. Грота: „О значеніи идеи параллелизма въ психологіи“. XXII, 287—315.—Отчеты о засѣданіяхъ 113—115; тезисы къ реферат. П. А. Каленова: „Споръ разсудка съ вѣрой“ и списокъ членовъ. XXIII, 455—474.—Условія для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. XXIV, 617—618.—Отчеты о засѣданіяхъ 116—121 и пренія по рефер. кн. Д. Н. Цертелева: „Пространство и время, какъ формы явленій“; А. А. Токарскаго: „Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей“ и „Роль воли въ психическомъ процессѣ“. XXV, 731—761.—Отчеты о засѣдан. 122—126 и изложеніе преній по двумъ рефер. Н. Я. Грота: „О времени“. XXVI, 89—109.—Изложеніе преній по рефератамъ: В. Р. Будке: „Анализъ основныхъ условій при ассоціаціяхъ идей“ и П. Д. Боборыкина: „Природа красоты“. — Отчетъ о засѣдан. 127—130 и краткій отчетъ о дѣятельности Моск. Псих. Общ. за 1894 г. XXVII, 220—250.—Обзоръ дѣятельности Моск. Псих. Общ. за первое десятилѣтіе (1885—1895). XXVII, 251—258.—Отчеты о засѣд. 131—132 и условія для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. XXVIII, 382—385.—Отчеты о 133—136 засѣд., условія для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина и пренія по реф. П. А. Каленова: „Жизнь какъ нравственная борьба“ и Н. Я. Грота: „Устои нравственной жизни и дѣятельности“. XXIX, 633—655.—Отчеты о 137—139 засѣданіяхъ. XXXI, 68—70.—Отчеты о 140—144 засѣд.; годовые отчеты секретаря и казначея Общества за 1895 г.; списокъ членовъ по 1-е марта 1896 г.; пренія по реферату Ц. П. Балталона: „Чувство сходства, какъ источникъ эстетической эмоціи и красоты“ и реферату С. А. Суханова

„Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій“. XXXII, 174—211.—Отчетъ о 145-мъ засѣд. и условія для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XXXIII, 358—360.—Пренія по реферату Л. М. Лопатина: „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта“ и условія для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XXXIV, 514—521.—Отчеты о 146—150 засѣд. и условія для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. XXXV, 686—691.—Отчетъ о 151 засѣданіи, пренія по реферату В. Н. Ивановскаго: „Къ исторіи ученія объ апперцепціи“. XXXVI, 206—217.—Отчеты о 152—155 засѣданіяхъ Общества (представленія объ избраніи въ почетные члены Общества), пренія по реферату А. Н. Бернштейна: „О воспріятіи постоянныхъ и переменныхъ раздраженій“, тезисы къ общенію Н. Я. Грота: „О значеніи понятія психической энергіи“, краткій отчетъ о дѣятельности Психологическаго Общества за 1896 г., списокъ членовъ Общества къ 15 марта 1897 г. XXXVII, 361—388.—Отчетъ о 156 и 157 засѣданіяхъ. XXXVIII, 565—566.—Условія для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XXXIX, 715—716.—Отчеты о 158—160 засѣданіяхъ. XL, 813—815.—Отчеты о 161 и 162 засѣданіяхъ, отчеты секретаря и казначея Общества за 1897 г., списокъ членовъ по 1 февраля 1898 г., пренія по реферату д-ра Воробьева: „Опытъ классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезу“, пренія по реферату кн. С. Н. Трубецкаго: „Значеніе философіи Гегеля“. XLI, 79—98.—Отчетъ о 163 и 164 засѣданіяхъ и условія для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XLII, 164—167.—Условія для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XLIII, 282—283.—Отчетъ о 166 засѣданіи и условія для соисканія преміи. XLIV, 362—364.—Отчетъ о 167 и 168 засѣданіяхъ, отчетъ о преніяхъ по реферату Н. В. Бугаева: „Математика и научно-философское міросозерцаніе“ и П. А. Каленова: „О красотѣ и искусствѣ“. XLV, 450—453.—Отчеты о 169—171 засѣданіяхъ, отчетъ секретаря и казначея о дѣятельности Общества въ 1898 г., предложенія объ избраніи въ почетные члены, списокъ членовъ Общества по 1 февраля 1899. XLVI,

66—86.—Отчеты о 172 и 173 засѣданіяхъ. XLVIII, 355—357.—Условія для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XLIX, 441—442.—Отчеты о 174—177 засѣданіяхъ. L, 471—476. Отчетъ о 178—179 засѣданіяхъ, отчетъ секретаря и казначея о дѣятельности Общества въ 1899, предложенія объ избраніи въ почетные члены Общества, списокъ членовъ О-ва по 1-е февраля 1900 г. LI, 55—73. Отчетъ о 180 засѣданіи; отчетъ о преніяхъ по реферату Ц. П. Балталона „Опыты по эстетикѣ зрительныхъ воспріятій“. LI, 190—196. Отчетъ о 181 засѣданіи LV, 551—553. Отчетъ о 182—190 засѣданіяхъ. LVI, 1—7. Отчеты о 191—192 засѣданіяхъ. Отчеты секретаря и казначея О-ва за 1900 г., списокъ членовъ Псих. О-ва, условія для соисканія 2-й преміи Д. А. Столыпина. LVII, 169—182. Отчетъ о 193—196 засѣданіяхъ. LX, 527—529. Отчетъ о 197—198 засѣданіяхъ. LXI, 233—234. Отчетъ о 199—200 засѣданіяхъ. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1901 г., списокъ членовъ Псих. О-ва, условія для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. LXIII, 862—872. Отчеты о 201—203 засѣданіяхъ. LXVI, 156—158. Отчеты о 204—205 засѣданіяхъ. Философскія и логическія основанія социальной физики. Тезисы къ сочиненію П. А. Некрасова. Рѣчь П. А. Некрасова о тезисахъ и о задачѣ своего сочиненія. Возраженія на тезисы П. А. Некрасова: кн. Д. Н. Цертелева, П. В. Преображенскаго, В. А. Гольцева, П. П. Соколова, Б. К. Млодзѣвскаго. Отчетъ о 206 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1902 г. Списокъ членовъ Псих. О-ва. LXVIII, 530—572. Отчеты о 207—208 засѣданіяхъ. LXIX, 752—753. Отчеты о 209—210 засѣданіяхъ. Вступительное слово Л. М. Лопатина. LXX, 898—901. Отчеты о 211—212 засѣданіяхъ. LXXI, 140—141. Отчетъ о 213 засѣданіи. Отчетъ о 214 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1903 г. Списокъ членовъ Псих. О-ва. Условія для соисканія 2-й преміи Д. А. Столыпина. LXXII, 267—280. Отчетъ о 215—216 соединенномъ засѣданіи Псих. О-ва и О-ва Невропатологовъ и Психіатровъ. Докладъ соединенной Комиссіи Псих.

О-ва и О-ва Невропатологовъ и Психіатровъ по вопросамъ, представленнымъ на ихъ разрѣшеніе постояннымъ бюро съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, принятый въ соединенномъ засѣданіи обоихъ О-въ 28 февраля 1904 г. LXXIII, 434—445. Отчеты о 217—219 засѣданіяхъ. Отчетъ о 220 торжественномъ засѣданіи, посвященномъ памяти Канта. LXXVI, 144—147. Отчетъ о 221 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1905 г. Списокъ членовъ Псих. О-ва. LXXIX, 620—631. Отчетъ о 222 экстренномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ о 223 экстренномъ закрытомъ засѣданіи по случаю кончины товарища предсѣдателя кн. С. Н. Трубецкаго. LXXXII, 136—138. Отчетъ о 224 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1906 г. Списокъ членовъ О-ва. Отчетъ о 225 засѣданіи. LXXXV, 506—512. Отчетъ о 226 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1907 г. Списокъ членовъ О-ва. LXXXVII, 210—220. Отчетъ о 227—231 засѣданіяхъ. XC, 731—734. Отчетъ о 232—233 засѣданіяхъ. Отчетъ о 234 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва. Отчетъ о 235 засѣданіи. Списокъ членовъ О-ва. Условія для соисканія преміи Д. А. Столыпина. Отчеты о 236—238 засѣданіяхъ. XCV, 641—643. Отчеты о 239—241 засѣданіяхъ. Отчетъ о 242 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1908 г. Списокъ членовъ О-ва. Отчеты о 243—244 засѣданіяхъ. XCVII, 324—339. Отчеты о 245—247 засѣданіяхъ, C, 801—804.

Пясковскій, Н. Я.—Пироговъ какъ психологъ, философъ и богословъ. XVI, 1—24. — Философскіе принципы въ современной физиологіи и отношеніе философіи къ естествознанію и медицинѣ. XXI, 59—66. Письмо къ редактору. XXII, 322—325.

Радловъ, Э. Л.—Вольтеръ и Руссо. II, 1—22; IV, 37—64. Конгрессъ по библиографіи. II, 46—48.—Объ этическихъ отрывкахъ Демокрита. XII, 1—19.—Очерки изъ исторіи скептицизма. Иеронимъ Гирнгаймъ. XVIII, 69—90.—Натуралистическая теорія

- познанія. (По поводу статей проф. И. М. Съченова). XXV, 682—693.—Очеркъ исторіографіи исторіи философіи. XLIX, 359—378.
- Рец.: Н. А. Любимовъ. Исторія физики. Часть первая. Періодъ греческой науки. Спб. 1891. XV, 76—83.—Gnostische Schriften in Koptischer Sprache aus dem Codex Brucianus herausg. v. C. Schmidt. Lpz. 1890. XVII, 86—87.—Отвѣтъ проф. А. И. Введенскому. XIX, 105—110.
- Рачинскій, Г. А. Памяти В. П. Преображенскаго. LI, X—XI. Трагедія Ницше. Опытъ психологіи личности. Часть I. Діонисъ и Аполлонъ. LV, 963—1010. Взглядъ В. С. Соловьева на красу. LVI, 130—137. Памяти А. А. Токарскаго. LIX, XIV—XVII.
- Рожковъ, Н. Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи. (По поводу книги „Проблемы идеализма“). LXVII, 314—332.
- Розановъ, В. В.—Замѣтки о важнѣйшихъ теченіяхъ русской философской мысли въ связи съ нашей переводной литературой по философіи. III, 1—36.—О борьбѣ съ Западомъ въ связи съ литературной дѣятельностью одного изъ славянофиловъ. IV, 27—64.—Цѣль человѣческой жизни. XIV, 135—164; XV, 1—31.
- Россолимо, Г. И.—Къ фізіологіи музыкальнаго таланта. XIX, 35—59.
- Ротъ, В. К.—Нейрастенія и дѣдность. XXXV, 555—574. Памяти С. С. Корсакова. LIII, VIII—X. С. С. Корсаковъ, какъ человѣкъ и общественный дѣятель. LX, I—XII.
- Рубинштейнъ, М. Логическія основы системы Гегеля и конецъ исторіи, LXXX, 695—764. Генрихъ Риккертъ. LXXXVI, 1—61. Къ вопросу о методологіи и гносеологіи Декарта. XCVII, 143—169.
- Рыжковъ, Н.—Рец.: Новѣйшія работы объ Эпиктетѣ (Ed. M. Schranka. Der Stoiker Epictet und seine Philosophie. Frankfurt. 1885.—Ad. Bonhöffer. Epictet und Stoa. Stuttgart. 1890.—W. Luthe. Die Erkenntniss der Stoiker. Lpz. 1890). XVIII, 98—102.
- С.—Рец.: Beaunis. Les sensations internes. Paris. 1889. I, 88—89.—Walter. Die Geschichte der Aesthetik im Altertum. Leipzig. XXXI, 30—32.
- С. Т.—Рец. Фридрихъ Юдль. Исторія этики въ новой философіи. Т. I. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. С. Соловьева. М. 1896. XXXV, 656—657.
- Саводникъ, В. Ницшеанецъ сороковыхъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія эгоизма. LIX, 560—614. LX, 748—782. Рец.: Къ исторіи греческой философіи (Alessandro Chiapelli. Per la storia della Sofistica Greca. Arch. f. Gesch. d. Philos. B. III. II. 1—2). XXVII, 212—219.—А. Döring. Die Lehre des Sokrates als sociales Reformsystem. München. 1895. XXX, 610—612.—Th. Gomperz. Griechische Denker. Leipzig. 1896. XXXI, 20—28.—F. A. Lange. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Leipzig. 1896. XXXIII, 331—332.—Archiv für systematische Philosophie. B. I, Heft 1—4. Berlin. 1895. XXXIII, 346—351.—Нѣсколько замѣчаній по поводѣ книги г. Челпанова „Проблема воспріятія пространства“. XXXV, 641—650.—Д. Н. Овсяннико-Куликовскій.—Этюды о творчествѣ Тургенева. Харьковъ. 1896. XXXVII, 349—354.—Archiv für systematische Philosophie. II Band, 1896. XL, 802—808.—Karl Bücher. Arbeit und Rhythmus. Leipzig. 1897. XLV, 423—428.—Эрнстъ Гроссе. Происхожденіе искусства. Перев. А. Е. Грузинскаго. XLIX, 409—414. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Вопросы психологіи творчества. Спб. 1902. LXV, 1024—1031.
- Саминскій, Л. Къ вопросу объ основаніяхъ арифметики. LXXXII, 60—85. Критика метагеометрическихъ обобщеній. LXXXVII, 135—167.
- Свѣчинъ, Ѳ. А.—Исповѣдь бывшей душевнобольной. XIX, 94—121.
- Селитренниковъ, А.—О кажущемся увеличеніи свѣтила у горизонта. LXXVII, 75—134.
- Семѣнковскій, Р. И.—Модная теорія. XVII, 81—112.—Письмо къ редактору. XIX, 110—113.
- Сербскій, Вл. П.—Психологическія воззрѣнія Теодора Мейнерта. XIX, 122—140; XX, 68—93.—Четвертый международный конгрессъ криминальной антропологіи въ Женевѣ. XXXIV, 429—459; XXXV, 529—554.—Преступные и честные люди. XXXV, 660—678. Къ характеристикѣ научнаго значенія С. С. Корсакова. LX, XIII—XXXVIII.
- Серебrenниковъ, В. С.—Рец.: Новая книга о философіи Канта (М. И. Каринскій.

- Объ истинахъ самоочевидныхъ. Спб. 1893). XXIII, 409—423.—В. Вундтъ. Лекція о душѣ человѣка и животныхъ, Перев. со 2-го изд. П. Я. Розенбаха. Спб. 1894. XXVIII, 372—375.
- Слободскій, И.—Рец.: Вѣра и разумъ, 1889 г. январь—іюнь. I, 66—73; іюль—ноябрь. II, 76—84; 1890 г. январь—май. III, 74—81; іюнь—августъ. V, 78—83.
- Смирновъ, Н.—Рец.: Христіанское чтеніе. 1889 г. январь—августъ. I, 73—74.—Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. Ноябрь и декабрь 1889 г. III, 86—87.
- Смирновъ-Платоновъ, Г. П.—Памяти протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. XXV, 784—787.
- Соболевскій, С.—Рец.: С. А. Ананьинъ. Софистъ. Діалогъ Платона. Перев. съ греч. съ историко-литературнымъ введеніемъ и замѣчаніями къ діалогу. Кіевъ. 1907. XCI, 263—269.
- Соколовъ, П. П.—Къ вопросу о задачахъ и методахъ психологіи. (По поводу книги Мюнстерберга: Ueber Aufgaben und Methoden der Psychologie. Leipzig. 1891). XVI, 39—55.—Факты и теорія „цвѣтнаго слуха“. XXXVII, 252—275; XXXVIII, 359—412. Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель. LI, 74—100. Вѣра. Психологическій этюдъ. LXII, 909—933. LXIII, 1158—1194, LXIV, 1305—1362.
- Рец.: К. Kroman. Kurzgefasste Logik u. Psychologie, übers. von Bendixen. Kopenhagen-Leipzig. 1890. VII, 62—68.—Paul Carus. The soul of man. Chicago. 1891. XV, 89—92.—Wilhelm Jerusalem. Laura Bridgman. Erziehung einer Taub-stumm-blinden. Wien 1891. XV, 93—96.—Franz Brentano. Das Genie. Lpz. 1892. XVI, 89—90.
- Соллертинскій, С. А.—О происхожденіи воспитательскаго дѣла и объ основныхъ опорахъ его существованія въ человѣческой исторіи. XLIX, 379—397.
- Соловьевъ, Вл. С.—Красота въ природѣ. I, 1—50.—Общій смыслъ искусства. V, 84—102.—О поддѣлкахъ. VIII, 149—163. Изъ философіи исторіи. IX, 133—157.—Смыслъ любви. XIV, 97—107; XV, 161—172; XVI, 115—128; XVII, 130—147; XXI, 81—96.—Первичныя данныя нравственности. XXIV, 361—380.—Аскетическое начало въ нравственности. XXVI, 68—88.—О добродѣтеляхъ. XXVIII, 331—357.—Мнимыя начала правильнаго поведенія (критика различныхъ видовъ эвдемонизма). XXIX, 461—483.—Письмо къ редактору. О заслугѣ В. В. Лесевича для философскаго образованія въ Россіи. V, 116—123.—Руководящія мысли „Историческаго Обзоренія“. X, 75—86.—Замѣчанія на лекцію П. Н. Милюкова. XVIII, 149—154.—Современное состояніе вопроса о медиумизмѣ (А. Н. Аксаковъ. Анимизмъ и спиритизмъ. Спб. 1893). XXIII, 424—437.—Безусловное начало нравственности. XXX, 653—675.—Дѣйствительность нравственнаго порядка. XXXI, 107—130.—Предисловіе къ статьѣ барона Д. Г. Гинцбурга: „Каббала, мистическая философія евреевъ“. XXXIII, 277—300.—Нравственная организація человѣчества. XXXIV, 579—608; XXXV, 699—732.—Понятіе о Богѣ. (Въ защиту философіи Спинозы). XXXVIII, 383—414.—Замѣчанія на статью проф. Г. Ф. Шершеневича (полемика). XXXVIII, 475—484.—Мнимая критика (отвѣтъ Б. Н. Чичерину). XXXIX, 645—694.—Первое начало теоретической философіи. XL, 867—915.—Необходимыя замѣчанія на нѣсколько словъ Б. Н. Чичерина. XL, 779—783.—Достоверность разума. XLIII, 385—405.—Изъ замѣтокъ о діалогахъ Платона. XLVII, 146—159. Форма разумности и разумъ истины. L, 881—903. Объ авторѣ діалога Протагоръ. LIII, 357—380. Последняя лекція въ Спб. университетѣ. LIV, 621—639. Рефератъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Психологическаго О-ва 19 октября 1891 г. LVI, 138—152. Содержаніе рѣчи, произнесенной на Спб. Высшихъ Женскихъ курсахъ 13 марта 1881 г. LVI, 153—158. Изъ письма В. С. Соловьева къ графу Л. Н. Толстому. LXXIX, 241—246. Русская идея. C, 323—356.
- Соловьевъ, Вс. С.—Что такое доктрина Теософическаго Общ.? XVIII, 41—68.
- Соловьевъ, Н.—Вѣра и мысль. (По поводу статьи А. І. Бачинскаго „Что такое натуралистическій идеализмъ“.) LXXII, 281—287.
- Софроновъ, Ф. В.—Соотношеніе общественныхъ силъ. XXXIX, 569—608.—Отвѣтъ проф. Карѣеву. XLII, 133—137.—Теорія познанія на основѣ критическаго эмпиризма. XLVIII, 242—268.—Теорія познанія на основѣ кри-

- тического эмпиризма. LVII, 34—66. Механика общественных идеалов. LIX, 301—341. LX, 433—473. Генрих Риккерт и его книга „Границы естественно-научного образования понятий“. LXXVIII, 429—456.
- Спенсорскій, Е.—О задачахъ общественно-вѣдѣнія. LXXII, 143—161. Изъ области чистой этики. LXXVIII, 384—411.
- Списокъ книгъ, присылавшихся въ редакцію. (Новыя книги и брошюры, присланныя въ редакцію). IV, 144; VI, 60; XIX, 131—132; XX, 141—143; XXI, 158—159; XXII, 275—276; XXIII, 447—448; XXIV, 533—554; XXV, 709—710; XXVI, 71—74; XXVII, 202—203; XXVIII, 379—381; XXIX, 510—513; XXX, 628—629; XXXI, 51—53; XXXII, 149—150; XXXIII, 344—345; XXXIV, 493—495; XXXV, 675—676; XXXVI, 175—177; XXXVII, 358—360; XXXVIII, 526—528; XXXIX, 701—703; XL, 799—801; XLI, 65—66; XLII, 150—151; XLIII, 235—237; XLIV, 326—328; XLV, 436—438; XLVI, 55—57; XLVII, 190—191; XLVIII, 335—338; XLIX, 426—429; L, 463. LI, 52—53. LII, 186—187. LIII, 364. LV, 547—549. LVII, 160—162. LVIII, 289. LIX, 421—422. LX, 496. LXI, 613—615. LXII, 32—33. LXIII, 845—846. LXIV, 857—859. LXV, 1043—1044. LXVI, 103—104. LXVII, 361—362. LXVIII, 520—521. LXIX, 740—741. LXX, 889—890. LXXI, 138—139. LXXII, 265—266. LXXIII, 418—419. LXXIV, 566—568. LXXV, 741—742. LXXVI, 129—131. LXXVII, 332. LXXVIII, 482—483. LXXIX, 596—597. LXXX, 768. LXXXII, 127—129. LXXXIII, 260. LXXXIV, 339—340. LXXXV, 488—489. LXXXVI, 67—68. LXXXVII, 206. LXXXVIII, 357. LXXXIX, 551—554. XC, 725—727. XCI, 139. XCII, 287—288. XCIII, 448. XCIV, 557—560. XCV, 538—540. XCVI, 92—95. XCVII, 322—323. XCVIII, 520—522. XCIX, 682—684. C, 800.
- Столица, З.—Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1901 г. LXII, 744—750.
- Страховъ, Н. Н.—О законѣ сохраненія энергій. VI, 97—131.—Толки о Л. Н. Толстомъ. IX, 98—132.—Отвѣтъ на письмо неизвѣстнаго. XI, 94—100.—О задачахъ исторіи философіи. XXI, 1—34.—Письма о философіи. LXI, 783—793.
- Струве, Г. Е.—Способности и развитіе философствующаго ума. XXXVIII, 415—444; XXXIX, 559—585.—О логикѣ Платона въ связи съ хронологіей и стилометрией его сочиненій. (По поводу книги В. Лютославскаго. The Origin and Growth of Plato's Logic.) XLIII, 187—205.
- Струве, П. Б.—Свобода и историческая необходимость. XXXVI, 120—139.
- Сухановъ, С. А.—Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій (съ рисунками). XXXIV, 365—395.—Отвѣтъ О. В. Леоновой (на ея критическія замѣчанія по поводу статьи г. Суханова о теоріи нейроновъ). XXXV, 636—641.—О тревожно-мнительномъ характерѣ. XC, 679—689.—Навязчивыя психическія состоянія и психомоторная сфера. XCI, 79—92.—Психастенія и навязчивыя психическія состоянія. XCIII, 347—378.—Патологическое резонерство. XCVII, 261—308.
- Тепловъ, Н. В.—Схоластика какъ культурно-психологическое явленіе. LVIII, 229—251.
- Тимковскій, Н. И.—Ред.: Fr. Brentano, Vom Ursprung sittlicher Erkenntniss. Leipzig. 1889. II, 92—94.—H. Münsterberg. Der Ursprung der Sittlichkeit. Freiburg. 1889. II, 94—95.—Paul Hensel. Ethisches Wissen und ethisches Handeln. Freiburg. 1889. II, 95—97.—Arthur Seidl. Zur Geschichte des Erhabenheitsbegriffes seit Kant. Leip. 1899. II, 99—100.—В. А. Гольцевъ. Объ искусствѣ. М. 1889. II, 100—101.—Блезъ Паскаль. Мысли. Спб. 1889. II, 119—120.—(Н. Т.) Кн. Д. П. Львовъ. Принципы этики. М. 1890. III, 111—112.—(Н. Т.—скій.) Н. М. Минскій. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о пѣли жизни. Спб. 1890. III, 112—113.—Wilhelm Nicolai. Ist der Begriff des Schönen bei Kant consequent entwickelt? Lpz. 1889. III, 114—115.—Христіанское ученіе о нравственности въ изложеніи г. Мартенса. Въ двухъ томахъ. Переводъ А. П. Лопухина. Спб. 1890. V, 120—128.—Ch. Benard. L'esthétique d'Aristote et de ses successeurs. Paris. 1889. IV, 128—131.—Stanton Coit. Die ethische Bewegung in der Religion, übers. von Georg von Gizycki. Lpz. 1890. V, 104—106.
- Тихомировъ, П. В.—Логическій харак-

- теръ экзистенціальныхъ сужденій. XLII, 109—132. — Гносеологія Рилля. LVIII, 433—491. — Эдуардъ фонъ-Гартманъ († 25 мая 1906 г.). LXXXIII, 251—261; LXXXIV, 327—352. — Рец.: W. Kniht. Aspects of Theism. Lond. 1893. XXVII, 199—201. — W. Davidson. Theism as grounded in Human Nature. Lond. 1893. XXVII, 201—202. — G. K. Uphues. Psychologie des Erkennens. I B. Leipz. 1893. XXVIII, 366—368. — Eisler, R. Einführung in die Erkenntnisstheorie. Darstellung und Kritik der erkenntnisstheoretischen Richtungen. Leipzig. 1907. LXXXVIII, 340—344.
- Тонарскій, А. А.** — Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму въ Парижѣ. II, 1—16. — Гипнотизмъ въ педагогикѣ. IV, 88—112. — Психическія эпидеміи. XX, 203—223. — „Закливаніе со стрѣлой“ тибетскихъ ламъ. XXII, 182—195. — Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей. XXIII, 331—362. — Сознаніе и воля. XXIV, 491—522. — Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. XXVI, 115—144. — О темпераментѣ. XXXI, 1—19. — О глупости. XXXV, 679—698. — Третій международный психологическій конгрессъ въ Мюнхенѣ. XXXV, 612—628. — Приложение къ журналу — „Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Императорскаго Московскаго университета“. 1896. XXXI, 1—60; XXXII, 61—124; XXXIII, 125—204; XXXIV, 205—276; XXXV, 277—352. — Страхъ смерти. XL, 931—978. — Памяти С. С. Корсакова. LIII, X—XIX.
- Рец.: Гиляровъ. Гипнотизмъ по учению школы Шарко и психологической школы. Кіевъ. 1894. XX, 121—123.
- Толстой, гр., Л. Н.** — Первая ступень. XII, 109—144. — Къ вопросу о свободѣ воли. XXI, 1—7. — Что такое искусство? XL, 979—1027; XLI, 1—137.
- Толорковъ, А.** Рец.: — Гаральдъ Гефдингъ. Философскія проблемы. Перев. съ нѣм. Г. Я. Котляра. М. 1904. LXXVI, 127—131.
- Трѣнинъ, В.** — Рец.: Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1897. №№ 1—4. XLIII, 238—244.
- Трошинъ, Г.** — Геній и здоровье Н. В. Гоголя. LXXVI, 37—85; LXXVII, 187—249; LXXVIII, 211—383.
- Трубецкой, ин., Е. Н.** — Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи. IV, 1—36. — Философія христіанской теократіи въ V вѣкѣ. IX, 25—68; X, 109—150; XIII, 87—108; XIV, 1—36. — Философія права профессора Л. И. Петражицкаго. LVII, 9—33. — Новое изслѣдованіе о философіи права Канта и Гегеля. LXI, 581—605. — Философія Ницше. LXVI, 1—35; LXVII, 190—230; LXVIII, 256—290; LXIX, 329—378. — Ученіе Б. Н. Чичерина о сущности и смыслѣ права. LXXX, 353—381. — Свобода и безсмертіе. Къ годовщинѣ смерти кн. С. Н. Трубецкого. LXXXIV, 368—377. — Соціальная утопія Платона. XCI, 1—44; XCII, 119—185. — Панметодизмъ въ этикѣ. (Къ характеристикѣ ученія Когена.) XCVII, 121—164.
- Трубецкой, ин., С. Н.** — О природѣ чловѣческаго сознанія. I, 83—126; III, 159—192; VI, 132—156; VII, 21—56. — Психологическій детерминизмъ и нравственная свобода. XXV, 494—521. — Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова. XXVII, 193—220. — Этика и догматика. XXIX, 484—517. — Къ вопросу о признакахъ сознанія. (Александръ Введенскій. О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Новый психофизиологическій законъ въ связи съ вопросомъ о возможности метафизики. Спб. 1892.) XVI, 97—109. — Новая книга Б. Н. Чичерина „Основанія логики и метафизики“. М. 1894. XXI, 171—182. — Новая книга по исторіи греческой религіи (Erwin Rohde. Psyche. Seelencult u. Unsterblichkeitsglaube d. Griechen. Freib. 1894). XXVI, 47—54. — Основанія идеализма. XXXI, 73—106; XXXII, 226—263; XXXIII, 405—430; XXXIV, 552—578; XXXV, 733—765. — Ученіе о Логосѣ въ древней философіи въ связи съ развитіемъ идеализма. XXXVI, 82—136. — Къ библіографіи исторіи религій. XXXVI, 55—69. — Въ защиту идеализма. Отвѣтъ Б. Н. Чичерину. XXXVII, 288—327. — Нѣсколько словъ въ отвѣтъ Б. Н. Чичерину. XXXVIII, 504—512. — Филонъ и его предшественники. XL, 813—866; XLI, 138—183. — Мессіанический идеалъ евреевъ въ связи съ ученіемъ о Логосѣ. XLIII, 462—494. — Религіозный идеалъ евреевъ. XLIV, 659—695. — Памяти В. П. Преображенскаго. LIV, 481—500. — Основное начало

- ученія В. Соловьева. LVI, 92—111.—Протагоръ Платона въ связи съ развитіемъ его нравственной мысли. LVIII, 207—228.—Вѣра въ безсмертіе. LXIII, 1195—1220; LXX, 497—515; LXXI, 62—83; LXXV, 539—561.—Пифагоръ и пифагорейцы. LXXVII, 303—325.
- Рец.: Е. v. Hartmann. Das Grundproblem der Erkenntnisstheorie. Leipzig. 1889. II, 85—87.—Chantepie de la Saussaye. Lehrbuch der Religionsgeschichte. I и II. Freiburg. 1887—9. II, 116—117.—Вл. Соловьевъ. Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ Антихристѣ и съ приложеніями. Спб. 1900. LIII, 358—363.
- Умовъ, Н. А.—Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ. XXII, 214—229.—Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ. XXXIV, 489—520.
- Уманецъ, С.—Религіозная метафизика мусульманскаго Востока. VII, 103—121; VIII, 57—76.
- Философское Общество, состоящее при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Протоколы 1—12 собраній Общества.—Протоколы общихъ собраній. LI, 74—123.
- Флёровъ, А. П.—Русскій психіатръ о Тургеневѣ. LIII, 339—352.
- Фохтъ, Б.—Памяти князя С. Н. Трубецкого. LXXXI, 130—138.
- Фотъ, М.—Къ вопросу о природѣ драмы. XCVII, 170—191.
- Франкъ, С.—Новыя данныя къ характеристикѣ культурно-историческихъ, социологическихъ и философскихъ взглядовъ Лассалля. LXV, 951—976.—Рец.: П. Струве. На разные темы (1893—1901). Сборникъ статей. Спб. 1902. LXVI, 96—102.
- Харитоновъ, Ф.—Къ вопросу о сознаніи. Нѣкоторыя наблюденія и выводы изъ нихъ. XIV, 108—134; XV, 32—52.
- Хвалынский, К.—Процессъ образованія права. LXVIII, 469—507.
- Хвостовъ, В.—Памяти дорогого товарища кн. С. Н. Трубецкого. LXXXI, 9—15.—Къ вопросу о свободѣ воли. XCVI, 31—54.—Предметъ и методъ социологии. XCIX, 619—635.—Социальный организмъ. С, 357—394.
- Хлопина, Е. А.—Рец.—Fr. Paulhan. Les caractères. Paris. 1894. XXIII, 440—445.
- Холодный, Н.—А. К. Шиманскій. (Некрологъ.) XC, 728—730.
- Холчевъ, И. Н.—Объ индивидуальныхъ колебаніяхъ вниманія. LVII, 135—148.—Мечтательная ложь. LXVII, 234—261.
- Чертелевъ, ин., Д. Н.—Пространство и время, какъ формы явленій. XXIII, 235—247.—Памяти В. С. Соловьева, LVI, 1.
- Цингеръ, В. Я.—Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи. XXII, 199—213.
- Челпановъ, Г. И.—Измѣреніе простѣйшихъ умственныхъ актовъ. IX, 19—52.—Гельмгольцъ, какъ философъ и психологъ. X, 41—51.—Глазомѣръ и иллюзіи зрѣнія. XVII, 45—54; XVIII, 1—13.—О природѣ времени. XIX, 36—54.—Очеркъ современныхъ ученій о душѣ. LII, 287—333.—Объ апріорныхъ элементахъ познанія. (Понятіе числа.) LIX, 529—559; LX, 699—747.—Неогеометрія и ея значеніе для теоріи познанія. LXII, 934—953; LXIII, 1137—1157; LXIV, 1221—1247.—Психологія и теорія познанія. LXVI, 97—124; LXVII, 167—189; LXVIII, 231—255.—II-й международный философскій конгрессъ въ Женевѣ. LXXIV, 579—599.—О постановкѣ преподаванія психологіи въ средней школѣ. LXXXIII, 311—325.—Объ отношеніи психологіи къ философіи. LXXXIX, 309—323.—Объ умѣ животныхъ. XCI, 45—79.—О предметѣ психологіи. XCIII, 228—256.—Объ экспериментальномъ изслѣдованіи высшихъ умственныхъ процессовъ. XCVI, 1—31.—Задачи современной психологіи. XCIX, 285—308.
- Рец.: The American Journal of Psychology. Vol. II, № 4. III, 72—74.—Zeitschrift für Psychologie und Psychologie der Sinnesorgane. 1890. IV, 132—134; 1891. XI, 60—64. 1893 г. XXI, 153—158; XXVI, 75—79.—Philosophische Studien т. V, тетр. 4. I, 90—92; т. VI, тетр. 3. VIII, 58—61; т. VII, тетр. 3. XIII, 41—43; т. X, тетр. 1. XXV, 711—719.—G. Th. Fechner. Elemente der Psychophysik. II Aufl. Leipzig. 1889. I, 90—91.—Harald Höffding. Einleitung in die englische Philosophie unserer Zeit. Leipzig. 1889, I, 98.—Fr. Paulhan. L'activité mentale et les éléments de l'esprit. Paris. 1889. II, 102—104.—А. Герценъ. Общая фи-

зіологія души. Переводъ Г. Паперны. Спб. 1890. IV, 106—109.—П. Каптеревъ. Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума. Спб. 1890. V, 84—87.—К. Ланге. Аффекты (душевные движенія). Психофизиолог. этюдъ. Пер. подъ ред. А. Вирениуса. Спб. 1890. V, 87—89.—Congrès international de psychologie physiologique. Première session. Paris. 1890. V, 91—92.—О возможности чисто-физиологическаго объясненія душевной жизни человѣка. Апологет. изслѣд. ректора Кіев. духовн. семин., арх. Бориса. Харьковъ. 1890. VIII, 68—69.—(Полемика.) По поводу статей Н. Н. Ланге. VII, 92—98.—Preyer. Die Seele des Kindes. Dritte vermehrte Auflage. Lpz. 1890. VII, 73—76.—Э. Л. Радловъ. „Объ истолкованіи“ Аристотеля. Спб. 1891. VIII, 77—79.—Foveau de Courmelles. Les facultés mentales des animaux. Paris. 1890. VIII, 86—87.—(Полемика.) Возраженіе на замѣтку Н. Н. Ланге. VIII, 93—95.—Higier. Experimentelle Prüfung der psychophysischen Methoden im Bereiche des Raumsinnes der Netzhaut. Dorpat. 1890. IX, 112.—В. Х. Кандинскій. О псевдогаллюцинаціяхъ. Спб. 1890. X, 66—67.—James. The principles of Psychology. New York. 1890. XI, 69—76.—Ladd. Outlines of physiological Psychology. London. 1891. XI, 76—78.—А. Казанскій. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса. 1891. XII, 55—62.—Baldwin. Handbook of Psychology. New-York. Ч. I, 2-е изд. 1890. ч. II, 1891. XII, 72—74.—Lloyd Morgan. Animal Life and Intelligence. London. 1890—91. XIII, 59—62.—Lorenz Fischer. Theorie der Gesichtswahrnehmung. Mainz. 1891. XV, 86—89.—Sully. The human mind. 2 vol. London. 1892. XVI, 88—89.—Stumpf. Psychologie und Erkenntnisstheorie. München. 1891. XVI, 92—96.—L'année psychologique (1894), publiée par H. Beaunis et A. Binet. Paris. 1895. XXIII, 375—377.—Wundt. Vorlesungen über die Menschen-und Thierseele. 2. Auflage. Leipzig. 1892. XXI, 144—146.—Цигенъ. Физиологическая психологія. Переводъ съ нѣмец. М. Мило-славскаго, подъ ред. В. О. Чижа. Спб. 1893. XXI, 146—149.—Рибо. Современная германская психологія, пер. Ройзмана. Спб. 1895. XXVIII, 377—379.—Письмо въ редакцію.

XXIX, 521—530.—Къ вопросу о воспріятіи пространства (Полемика). XXXVII, 276—287. „Нужны ли психологическія лабораторіи для самостоятельныхъ изслѣдованій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ?“ Отвѣтъ А. П. Нечаеву. С, 811—814.

Черновъ, В. М.—Экономическій матеріализмъ и критическая философія. XXXIX, 609—644.

Чижъ, В. Ф.—Нравственность душевно-больныхъ. VII, 122—148.—Второй международный конгрессъ экспериментальной психологіи въ Лондонѣ. XV, 18—38.—Третій международный конгрессъ по криминальной антропологіи въ Брюсселѣ. XVI, 1—24.—Почему возрѣнія пространства и времени постоянны и непремѣнны? XXXII, 229—264.—Боль. XLVIII, 269—303.—Тургеневъ, какъ психопатологъ. XLIX, 624—648; L, 714—793.—Четвертый международный психологическій конгрессъ въ Парижѣ (1900 г.). LV, 493—521.—Пятый международный конгрессъ криминальной антропологіи въ Амстердамѣ (1901 г.). LIX, 376—402.—Значеніе болѣзни Плюшкина. (По поводу статьи др-а Я. Каплана „Плюшкинъ — психологическій разборъ его“.) LXIV, 872—888.—Болѣзни Н. В. Гоголя. LXVII, 262—313; LXVIII, 418—468; LXIX, 647—681.—Отвѣтъ г. Каплану. (По поводу статьи „Плюшкинъ и старосвѣтскіе помѣщики“.) LXIX, 755—759.—Болѣзни Н. В. Гоголя. LXX, 761—805; LXXI, 34—70.—Психологія фанатизма. (Фотій Спасскій.) LXXVI, 1—36; LXXVII, 149—186.—Психологія злодѣя. (Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.) LXXXII, 1—59; LXXXIII, 139—172.—Психологія нашихъ праведниковъ. LXXXIV, 281—335; LXXXV, 369—442.—Императоръ Павелъ I-й. LXXXVIII, 221—290; LXXXIX, 391—468; XC, 585—678.—Ницше, какъ моралистъ. XCIV, 335—376; XCV, 480—512.

Чичеринъ, Б. Н.—Положительная философія и единство науки. IX, 1—24; X, 31—82; XI, 1—48; XII, 1—63; XIII, 1—29.—Пространство и время. XXVI, 1—56.—Нѣсколько словъ о философско-историческихъ возрѣніяхъ Грановскаго. XXXVI, 1—13.—Существо и методы идеализма. (По поводу статей кн. С. Н. Трубецкого „Основанія идеализма“.) XXXVII,

- 185—238. — Еще объ идеализмъ (полемика). XXXVIII, 485—503. — О началахъ этики. (По поводу кн. Вл. С. Соловьева „Оправданіе добра“.) XXXIX, 586—701. — Нѣсколько словъ по поводу отвѣта г. Соловьева. XL, 772—779. — Реальность и самосознаніе. XLIV, 495—562. — Философія права. XLV, 697—717; XLVI, 46—104; XLVII, 214—249; XLVIII, 383—425; XLIX, 479—539; L, 649—713; LI, 101—149. — Метафизика есть ли наука? LIV, 640—657. — Очерки философіи права Л. I. Петражицкаго. Спб. 1900. LV, 365—384. — Сенъ-Симонъ и его школа. LX, 615—698.
- Чуйко, В. В. — Эрнестъ Ренанъ. XVII, 1—29.
- Рец.: Paul Janet. La philosophie de Lamennais. Paris. 1890. VI, 50—53. — René Worms. La morale de Spinoza. Paris. 1892. XIV, 81—86. — De Roberty. E. La recherche de l'unité. Paris. 1893. XIX, 94—97. — A. Fouillée. Descartes. XX, 123—127.
- Шайкевичъ, М. — Психопатологическій методъ въ русской литературной критикѣ. Посвящается памяти Н. К. Михайловскаго. LXXIII, 309—334; LXXIV, 465—484. — Нѣкоторыя уклоненія въ психологию освободительнаго движенія. LXXXIV, 378—389.
- Шапиръ, Н. — Чеховъ, какъ реалистъ-новаторъ. (Опытъ научно-психологической критики.) LXXIX, 487—553; LXXX, 633—682. — Скандинавскій геній. XCI, 1—78; XCII, 205—262.
- Шталовъ, Н. О. — Безсознательная психическая дѣятельность и ея роль въ жизни человѣка. XLIII, 169—186.
- Шварцъ, М. Н. — Идея эволюціи въ современной философіи. LVII, 67—80. — Культурно-этические идеалы Гюйо и Ницше. LXV, 977—1015. — Рец.: Эдуардъ фоль-Гартманнъ. [Современная психологія. Критическая исторія нѣмецкой психологіи за вторую половину XIX в. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. LXVIII, 508—521. — Оствальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій. Перев. съ нѣм. М. Лемберка, подъ ред. и съ предисл. Н. Н. Ланге. LXXI, 134—139. — Алоизъ Риль. Введеніе въ современную философію. Перев. съ нѣм. С. Штейнберга. LXXII, 246—249. — Эрнестъ Махъ. Познаніе и заблужденіе. Очерки по психологіи изслѣдованія. Перев. Г. Котляра, подъ ред. проф. Н. Ланге. XCVI, 83—95.
- Шершеневичъ, Г. Ф. — По поводу книги Вл. С. Соловьева „Оправданіе добра“. XXXVIII, 456—474.
- Шишкинъ, Н. И. — О психологическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механической теоріи. I, 127—146; II, 129—158; III, 139—158. („Дополнительныя соображенія“ къ этой статьѣ. III, 147—156.) — О детерминизмъ въ связи съ математической психологіей. VIII, 110—128. — Пространство Лобачевскаго. XXI, 115—135.
- Шперкъ, О. Эд. — Рец.: Н. Г. Дебольскій. Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Вып. первый. Спб. 1892. XVIII, 95—98. — Schopenhauer-Briefe. Lpz. 1893. XIX, 100—102. — Т. Соловьевъ. Теорія волевыхъ представленій. Спб. 1892. XXII, 274.
- Шпеттъ, Г. — Рец.: А. Роджерсъ. „Краткое введеніе въ исторію новой философіи“. Перев. С. С. Зелинскаго, подъ ред. Ю. Айхенвальда. М. 1903. — „Образовательная библіотека“. Г. Ф. Липисъ. Основы психофизики. Перев. Г. Котляра. Спб. 1903. LXIX, 728—732. — Проф. Г. Челпановъ. Мозгъ и душа. 2 изд. ред. журн. „Міръ Божій“. Спб. 1903. LXX, 877—881. — Zu Kants Gedächtniss. Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Troeltsch, F. Heman, F. Staudinger, G. Runze, B. Bauch, F. A. Schmid, E. v. Aster, herausgegeben von H. Vaihinger und B. Bauch. Mit vier Beilagen. Berlin. 1904. LXXIII, 406—419. — Иммануилъ Кантъ. Критика чистаго разума. Перев. Н. М. Соколова. 2-е изд. Спб. 1902. — Кантъ. Грезы духовидца, поясненныя грезами метафизики. Перев. съ нѣм. Б. П. Бурдесъ. Подъ ред. А. А. Волинскаго. Спб. 1904. LXXIV, 550—566.
- Штейнъ, В. И. — Графъ Дж. Леопарди и его пессимизмъ. X, 83—108; XI, 49—76.
- Щербина, А. — Возможна ли психологія безъ самонаблюденія. XCIV, 535—548.
- Щукаревъ, А. Н. — Очерки по философіи естествознанія. LI, 152—168; LVII, 81—98; LXII, 710—731; LXVI, 43—58; LXIX, 709—727; LXXVIII, 412—428.
- Яновенко, Б. — Къ критикѣ теоріи позна-

- нія Риккерта. XCIII, 379—412.—
 Рец.: Hugo Münsterberg. Philosophie
 der Werthe. Grundzüge einer Weltan-
 schauung. Lpz. 1908. XCVII, 309—322.
- Ярмерштедтъ, В.—Міросозерцаніе кру-
 жка Станкевича и поэзія Кольцова.
 XX, 94—124; XXII, 162—181.
 Рец.—(В. Я.) Книговѣдѣніе, еже-
 мѣсячный библиографическій журналъ.
 1894. № 1—2. XXIII, 452—454.
- Яроцкій, А.—Объективная необходимость
 прогресса. LIX, 342—375; LX, 474—
 495.
- Ясаковъ, Т. А.—Рец.: Памяти отца со-
 временной педагогіи Я. А. Коменска.
 го. Спб. 1893. XXII, 273—274.—
 К. Гильти. Счастье. Спб. 1894. XXII,
 274—275.

- Ястребцовъ, В. А.—Э. Б. Тичинеръ. Очер-
 ки психологіи. Перев. съ нѣм. Чешин-
 ской. XLIX, 415—418.—Г. Гефдингъ.
 Этика. Перев. подъ ред. Л. Е. Обо-
 ленскаго. Л, 446—450.
- Ю. А.—Рец.: В. А. Гольцевъ. Законо-
 дательство и нравы въ Россіи XVIII
 вѣка. Культурно-историческая библио-
 тека. Спб. 1896. XXVIII, 343.
- Энгельмайеръ, П. К.—Теорія познанія
 Эрнста Маха. XXXVIII, 443—455.
- Эриксонъ, Э.—О психикѣ паукообраз-
 ныхъ животныхъ. LXXXIII, 173—250.
- Эрихсенъ, О.—Рец.: Р. Фалькенбергъ.
 Исторія новой философіи. Перев. съ
 нѣмецк. Иноземцева. Спб. 1898, XL,
 793—796.

НОВАЯ КНИГА:

С. ТОРМАЗОВЪ.

**Счастье и прогрессъ съ точки зрѣнія
 естественнаго подбора.**

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и другихъ.

ЦѢНА 1 РУБ.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ ПРОДАЮТСЯ:

Проф. А. И. Введенскій. Философскіе очерки. *Вып. I.* О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Цѣна 1 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. 4-е изд. Цѣна 2 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. 2-е изд., вновь редактированное проф. А. И. Введенскимъ по 4-му нѣмецк. 2 тома. Цѣна 4 руб.

Т Р У Д Ы

С.-Петербургскаго Философскаго Общества:

Выпускъ I. Декартъ. Метафизическія размышленія. Перев. подъ редакціей и со статьей проф. А. И. Введенскаго. Декартъ и раціонализмъ. Цѣна 1 р.

Выпускъ II и III. Малбраншъ. Исканіе истины. Перев. подъ ред. и со статьей Э. Л. Радлова. Цѣна 5 руб.

Выпускъ IV. Беркли. Трактатъ о началахъ чловѣческаго знанія. Перев. подъ ред. и со статьей Н. Г. Дебольскаго. Цѣна 40 коп.

Выпускъ V. Аристотель. Этика. Перев. и вступительная статья Э. Л. Радлова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ И ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ.

Выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, не менѣе 24 стр. каждый, подъ редакціей приватъ-доцента В. Ф. Кагана.

Программа журнала: оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элементарной математики. Статьи, посвященныя вопросам преподаванія математики и физики. Опыты и приборы. Научная хроника. Темы для сотрудниковъ. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшившихъ. Задачи на премію. Библиографическій отдѣлъ. Обзоръ спеціальныхъ журналовъ.

Статьи составляются настолько популярно, насколько это возможно безъ ущерба для научной стороны дѣла.

Предыдущіе семестры были рекомендованы: Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для гимн. муж. и жен.; реальн. уч., прогимн., город. уч., учит. инст. и семинарій; Главн. Упр. Воен.-Учебн. Зав.—для воен.-уч. заведеній; Учен. Ком. при Св. Синодѣ—для дух. семинарій и училищъ.

Пробный номеръ высылается **бесплатно** по первому требованію.

Условія подписки: Подписная цѣна съ пересылкой: за годъ **6** руб., за полгода—**3** руб. Учителя и учительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіеся, выписывающіе журналъ непосредственно изъ конторы редакціи, платятъ за годъ **4** руб., за полгода **2** руб.

Адресъ для корреспонд.: Одесса. Въ редакцію „Вѣстника Опытной Физики“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

Современная Психіатрія,

издаваемый при участіи Н. А. Вырубова, В. А. Гиляровскаго, В. И. Семидалова, С. С. Ступина, С. А. Суханова подъ редакціей А. Н. Бернштейна и П. Б. Ганнушкина.

Годъ изданія четвертый.

Журналъ будетъ попрежнему выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ около 3-хъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **семь** руб., за границу **9** руб. Цѣна отдѣльной книжки **75** коп. Подписка принимается въ конторѣ редакціи **Современной Психіатріи** (Москва, Б. Левшинскій пер., 14. Тел. 14-17) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ направлять подписныя деньги непосредственно въ контору редакціи; въ полученіи денегъ будетъ высылаться квитанція.

Допускается разсрочка подписной платы при условіи непосредственнаго обращенія въ контору журнала: при подпискѣ **4** руб. и къ 1-му іюня—**3** руб.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Редакція оставляетъ за собой право производить въ присланныхъ статьяхъ нѣкоторыя сокращенія.

Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ.

О всѣхъ книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатается извѣщеніе въ ближайшей книжкѣ журнала.

Плата за объявленія:

Передъ текстомъ и на посл. стр. обложки: $\frac{1}{4}$ страницы—25 р., $\frac{1}{2}$ страницы—40 р., 1 страница—60 р. Послѣ текста: $\frac{1}{4}$ страницы—15 р., $\frac{1}{2}$ страницы—25 р., 1 страница—40 р. При повторныхъ объявленіяхъ соотвѣтствующая скидка. Разсылка приложенийъ вѣсомъ до 2-хъ лотовъ—25 руб.

Открыта подписка на 1910 годъ на журналы:

1) „Юная Россія“ („ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“)

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки, 5 р. съ пересылкой.

Въ 1910 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское чтеніе“) дастъ всеѣмъ подписчикамъ: 12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИЖЕКЪ,

въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и проч.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Избранныя сочиненія С. Т. Аксакова II. Поэтъ любви и жалости Чарльзъ Дикенсъ и орелъ французской поэзіи Викторъ Гюго. Литературно-біографическіе очерки съ приложеніями портретовъ и избранныхъ сочиненій. Сост. *Н. Я. Абрамевичъ*. III. А. А. Плещеевъ. Сборникъ стихотвореній съ портретомъ и біографіей поэта, подъ редакціей *Д. И. Тихомирова*. IV. А. С. Хомяковъ, К. С. Аксаковъ и И. С. Аксаковъ. Сборникъ стихотвореній съ портретами поэтовъ, подъ редакціей *Д. И. Тихомирова*.

Оставшіеся комплекты журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ за прежніе годы 1897—1907 гг. по 4 р. съ пересылкой въ предѣлахъ Евр. Россіи.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, для учительскихъ библіотекъ и бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

1 р. 75 к. безъ пересылки, 2 р. съ пересылкой.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 50%.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: За стр. 40 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 20 р., за $\frac{1}{4}$ станицы 10 р., за $\frac{1}{8}$ стр. 5 р.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы. 2) Учительская библіотека. 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Открыта подписка на 1910 годъ.

Вышла декабрьская (двѣнадцатая) книга.

Содержаніе: I. ОНА. Поэма въ стихахъ.—Бориса Садовскаго. II. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. Романъ.—О. Миртова. *Окончаніе*. III. VITA SOMNIUM BREVE. Ром. Рикарды Гухъ. Съ нѣмецкаго.—Перев. Е. С. Хохловой. *Окончаніе*. IV. ПИСЬМА ЧЕХОВА. V. СЧАСТЛИВЧИКЪ-ПЕРЪ. Романъ Хенрика Понтонпидаана. Съ датскаго. — Перев. М. П. Благовѣщенской. *Окончаніе*. VI. ГОГОЛЬ И ГОЙЯ. — С. К. Шамбинаго. VII. Ф. Ф. МАРТЕНСЪ. — Бар. Б. Э. Нольде. VIII. ИЛЛЮЗИИ СОЦИАЛИЗМА. („The Illusions of socialism“). Бернарда Шоу. Съ англійскаго.—Перев. С. И. Рапопорта. IX. НАШЪ ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ И ЕГО КОЛОНИЗАЦІЯ. — А. А. Кауфмана. X. ЛИТОВСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.—А. Л. Погодина. XI. ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНИИ. Новые имперскіе налоги.—Елизаветы Виленцъ-Горовицъ. XII. ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. „Анатѣма“ Л. Андреева.—Нѣсколько словъ о переживаемомъ литературномъ кризисѣ.—Л. Я. Гуревичъ. XIII. МІРЪ ИГРУШКИ. (По поводу московской выставки игрушекъ художника Бартрама.)—В. Г. Малахѣевой-Мировичъ. XIV. О ВСЕВОЛОДѢ ГАРШИНѢ. (Введеніе въ характеристику.)—Н. И. Чуковского. XV. НА ПЕРЕВАЛѢ. II. „Безвременье“.—А. С. Изгоева. XVI. ТЕКУЩИЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. I. Судьбы русской конституціи.—К. Н. Соколова. II. Промышленные синдикаты въ Россіи и условія ихъ развитія. — В. О. Гефдингга. XVII. ДВА СЛОВА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. А. КАУФМАНА.—Кн. Г. Е. Львова. XVIII. СВОБОДА ИСКАНІЙ И ПРИЗЫВЪ КЪ НЕТЕРПИМОСТИ. (Письмо въ редакцію.)—П. И. Новгородцева. XIX. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. „Запросы Жизни“. „Историческія записки“ М. О. Гершензона.—Петра Струве. XX. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Л. И. Гальберштадта. XXI. БИБЛИОГРАФИЧ. ОТДѢЛЪ. XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес.:	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу . . .	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Принимается подписка въ Москвѣ—въ конторѣ журнала: Ваганьковскій пер., д. Куманина. Въ Петербургѣ, Вильнѣ и въ Варшавѣ—въ книжн. магаз. Карбасникова и въ друг. лучш. магазин. Москвы, Петербурга, Одессы и Кіева.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА изд. ж. „Русская Мысль“—Многообразіе религіознаго опыта.—Вильяма Джемсъ.

29 годъ изданія ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 г. 29 годъ изданія

„РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи популярно-научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: *телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, гипнотизма, явленій спиритуализма и другихъ оккультныхъ явленій и фантовъ.*)

Независимое слово внѣ школъ и партій о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 3-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, романы, стихотворенія и новеллы, соотвѣтствующіе направленію журнала.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.
За границу на годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакціи журнала — Арбатъ, домъ Нейдгартъ кв. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Годъ изданія сорокъ пятый.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ. Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ. Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ. Полные обзоры областной промышленности и торговли.

Объявленія изъ губерній: Нижегород., Казанск., Симбирск., Самарск. и Саратов. и изъ Закаспійск. края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид., соб. д.), всѣ же прочія исключительно центральной конторою Л. и Э. Метцль и К^о (Москва, Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкою: 1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года—3 руб. 75 коп., 3 мѣс.—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель В. И. Склабинскій.

Годъ изданія X-й.

Принимается подписка на 1910 годъ
на журналъ

Невропатологіи и Психіатріи

имени С. С. Корсакова,

издаваемый Обществомъ невропатологовъ и психіатровъ, состоя-
щимъ при Императ. Московскомъ Университетѣ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

профф. В. К. Рота и В. П. Сербскаго, приватъ-доцентовъ А. Н.
Бернштейна, Л. С. Минора, П. А. Преображенскаго, Г. И. Рос-
солимо и д-ра В. И. Яковенко.

Журналъ выходитъ 6 разъ въ годъ книгами въ 10 листовъ
и содержитъ: 1) оригинальныя статьи по невропатологіи и
психіатріи, криминальной антропологіи, судебной психопатологіи,
психологіи, педагогическимъ вопросамъ. 2) Рефераты. 3) Коррес-
понденціи и отчеты съѣздовъ и засѣданій обществъ. 4) Рецензіи
книгъ. 5) Хроника и смѣсь. 6) Объявленія.—Приложенія: а) Би-
бліографическій указатель статей и книгъ по невропатологіи и
психіатріи; в) Протоколы Общества невропатологовъ и психіат-
ровъ при Московскомъ Университетѣ.

Подписная цѣна въ годъ съ пересылкой и доставкой—10 руб.;
за границу—12 руб.

Цѣна за объявленія въ 1 стр.—15 руб., за 1/2 стр.—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Клиника нервн. болѣзн.

Въ 1910 году будетъ продолжаться (34-й годъ) изданіе

Ж У Р Н А Л А

„ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ“.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ
и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: **общій отдѣлъ**,
посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за грани-
цей, и отдѣлъ **официально-справочный**. Цѣна журнала съ пересылкой
во все города Россіи:

			Отдѣлъ общій		Отдѣлъ оф.-справ.		Оба отдѣла.	
За	12 мѣсяцевъ		4 руб.	40 коп.	4 руб.	40 коп.	8 руб.	— к.
„	6	„	2	„ 20	2	„ 20	4	„ —
„	3	„	1	„ 20	1	„ 20	2	„ —
„	1	„	—	„ 40	—	„ 40	—	„ 80

Цѣна журнала **3 р.** за годъ и **2 р.** за 6 мѣсяцевъ, съ перес. и доставкой.
Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенск. площ., здан. Думы.

Открыта подписка на 1910 годъ

XXI г.
изданія.

на журналъ

XXI г.
изданія.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободного развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ и систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ и друг., о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ дост. — 5 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. № 32) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Принимается подписка на 1910 годъ

на ежемѣсячный литературный и общественно-политическій журналъ

НОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

При программѣ большихъ ежемѣсячниковъ „Новое Образование“ будетъ держаться того направленія и характера, какихъ держался нѣкогда журналъ „Образованіе“ при покойномъ А. Я. Острогорскомъ.

Въ журналѣ примутъ участіе **извѣстныя** литературныя и научныя силы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На 1½ года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 75 к.	— 60 к.
За границей	10 р.	5 „ — „	2 „ 50 „	1 р. 25 „

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, Забалканскій пр., д. 30, въ конторѣ журнала „Новое Образование“, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ имперіи, которые удерживаютъ изъ подписной цѣны 5% въ свою пользу.

Открыта подписка на 1910 годъ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ преимущественно для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ), которымъ еще мало доступны существующіе у насъ журналы болѣе старшаго возраста. При этомъ „Семья и Школа“ ставитъ своей задачей одинаково примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной народной школы.

„Семья и Школа“ состоитъ изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдѣльныхъ книжекъ „Библіотеки Семьи и Школы“.

Не привлекая своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ называемыми бесплатными приложеніями, редакція „Семьи и Школы“ обращаетъ исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самаго журнала, на тщательный подборъ матеріала, доступнаго и занимательнаго для дѣтей и выдержаннаго въ педагогическомъ отношеніи, а также и на его изящную внѣшность. Для послѣдней цѣли текстъ журнала тщательно иллюстрируется художественно-исполненными рисунками, и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ помѣщаются отдѣльныя картинки.

Имѣя въ виду распространеніе журнала въ школахъ, каждая книжка „Семьи и Школы“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было, при желаніи, раздѣлить на части, и большія произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было бы въ концѣ года переплести въ одну книгу.

Въ „Семьѣ и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣлоусовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Г. Григорьевъ, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, В. В. Капелькинъ, О. Карышева, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, Н. К. Кольцовъ, М. А. Круковский, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Н. Новичъ, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергѣй Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, А. Н. Рождественская, Р. Рубинова, В. Г. Рудневъ, П. Н. Сакулинъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, П. П. Сушкинъ, Н. Д. Телешевъ, М. В. Тиличьева, В. Н. Харузина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библіотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 р. въ годъ. Безъ доставки въ Москвѣ 2 р. 50 к. За границу 5 р. Подписка на полгода 1 р. 50 к. (принимается исключительно въ редакціи). Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова. Пробный номеръ журнала высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки. Гг. учителямъ, желающимъ ознакомиться съ журналомъ, пробный номеръ высылается бесплатно. Оставшіеся комплекты журнала за прежніе годы продаются въ редакціи и конторѣ Н. Печковской по 3 руб. кромѣ 1908 г., который за израсходованіемъ почти всѣхъ экземпляровъ продается по повышенной цѣнѣ за пять рублей. Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“: Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

IV-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 г.

IV-й годъ изданія.

на большую политическую, экономическую общественную и литературную газету

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“.

Подписная цѣна:

					Льготная подпис. для лицъ духовн. зван., военныхъ, учителей и студ.										Льготная подпис. для лицъ духовн. зван., военныхъ, учителей и студ.				
на 12 мѣс.	9 р.	—	к.		6 р.	—	к.		на 6 мѣс.	4 р.	75 к.		3 р.	—	к.				
„ 11 „	8 „	50 „			5 „	50 „			„ 5 „	4 „	— „		2 „	50 „					
„ 10 „	7 „	75 „			5 „	— „			„ 4 „	3 „	25 „		2 „	— „					
„ 9 „	7 „	— „			4 „	50 „			„ 3 „	2 „	50 „		1 „	50 „					
„ 8 „	6 „	25 „			4 „	— „			„ 2 „	1 „	80 „		1 „	10 „					
„ 7 „	5 „	50 „			3 „	50 „			„ 1 „	— „	90 „		— „	60 „					

Выписывающіе за границу платятъ вдвое.

Отвѣтств. редакторъ П. И. Смирновъ.

Издатель: „Московское Товарищество для изданія книгъ и газетъ“.

XVI годъ

въ 1910 году

годъ XVI

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1910 года.

Подписная плата 8-рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, по 5 рублей въ годъ.

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 100/0, за продажу отдѣльныхъ книгъ—250/0.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для печатанія въ „Журналъ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 к. за строчку, 8 руб. за страницу и 4 руб. за полстраницы.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. О. Дерюжинскій,

Открыта подписка на 1910 г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Запросы Жизни“,

вѣстникъ культуры и политики, издаваемый съ октября т. г. въ С.-Петербурѣ при ближайшемъ участіи М. М. Ковалевскаго и Р. М. Бланка.

и сотрудничествѣ: К. К. Арсеньева, О. Д. Батюшкова, А. Н. Бенуа, проф. М. В. Бернацкаго, проф. В. М. Бехтерева, П. Д. Боборыкина, проф. А. К. Бороздина, В. Я. Богучарскаго, А. И. Браудо, И. К. Брусиловскаго, А. М. Бѣлова, проф. А. Н. Веселовскаго, В. В. Водовозова, В. П. Воронцова, проф. Ю. С. Гамбарова, М. Б. Ганнушкина, А. Г. Горьфельда, проф. Н. А. Гредескула, А. Г. Гросмана, Л. Я. Гуревичъ, Эдуарда Давида, И. Л. Давидсона, проф. В. Э. Дена, Д. А. Дриля, И. В. Жилкина, П. И. Звѣздича, проф. И. И. Иванюкова, проф. Н. И. Карѣева, Д. М. Койгена, А. Н. Котельникова, Б. Кричевскаго, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, М. И. Кулишера, прив.-доц. І. М. Кулишера, Г. А. Ландау, Д. А. Левина, проф. П. Ф. Лесгафта, С. И. Лисенко, А. В. Луначарскаго, проф. И. В. Лучицкаго, проф. А. А. Мануилова, проф. И. И. Мечникова, Л. Е. Моцкина, Н. К. Муравьева, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, проф. И. Х. Озерова, Л. Ф. Пантелѣева, проф. Л. І. Петражицкаго, проф. А. С. Посникова, М. Б. Ратнера, проф. Н. М. Рейхесберга, Е. К. де-Роберти, Н. С. Русанова, Я. Л. Сакера, Д. В. Сатурина, проф. В. В. Святловскаго, М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго, Н. Д. Соколова, проф. Е. В. Тарле, проф. К. А. Тимирязева, В. О. Тотаміанца, М. Л. Тривуса, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, Г. А. Фальборка, проф. М. И. Фридмана, Н. В. Чехова, М. А. Чеховой, проф. М. П. Чубинскаго, проф. А. А. Чупрова, Л. И. Шейниса, И. И. Шрейдера, Л. Я. Штернберга и др.

Программа „ЗАПРОСОВЪ ЖИЗНИ“:

I. Статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, социальной, литературной и научной жизни Россіи и Запада. II. Обзоръ послѣдней недѣли (внутренней и иностранной); дѣятельность парламентовъ, дѣйствія правительствъ, жизнь партій, социальное движеніе, мѣстное самоуправленіе, общественная самостоятельность и пр. III. Документы прогресса. Статьи и сообщ. о ходѣ культурн. и социальн. прогресса во всѣхъ странахъ. IV. Корреспонденціи изъ Россіи и изъ-за границы.	V. Журналъ журналовъ: обзорѣніе русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ. VI. Рабочее движеніе. VII. Кооперативное движеніе. VIII. Народное образованіе. IX. Обзоръ экономической жизни (внутренней и иностранной). X. Литературный обзоръ. XI. Научный обзоръ. XII. Завоеванія техники. XIII. Русская и иностранная библиографія. XIV. Театръ. XV. Искусство. XVI. Фельетонъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкой: въ Россіи на 1 годъ—5 р., на $\frac{1}{2}$ г.—2 р. 75 к., на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к. Заграницу: на 1 г.—7 р., на $\frac{1}{2}$ г. 4 р., на $\frac{1}{4}$ г.—2 р., на 1 мѣс.—80 к.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой 15 к.

Продолжается подписка на ноябрь и декабрь т. г. Цѣна за 2 мѣсяца—1 р., за 1 м.—50 коп.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб., Б. Московская ул., д. 7.
Телефонъ № 121-29.

Открыта подписка на 1910 годъ

(XV-й годъ изданія)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ
для семьи и школы

„ВСХОДЫ“.

Въ 1910 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Журналъ выходитъ въ концѣ каждого мѣсяца.

Въ 1910 г. подписчики на „ВСХОДЫ“ получатъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Постоянные отдѣлы: Изъ науки и жизни.—Критическій указатель дѣтской и народной литературы.

Въ виду растространенія журнала въ школахъ, каждая книжка „Всходовъ“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было дѣлить на части и произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было соединить въ одну книжку.

12 №№ „Библиотеки Всходовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой: На годъ въ Россіи 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 42 к. За границу 8 р.

Плата за объявл.: 1 стр.—40 р., $\frac{1}{2}$ стр.—20 р., $\frac{1}{4}$ стр.—10 р.

Пробный номеръ высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, 4-я Рождественская, № 8; въ конт. Печковской: Москва, Петровскія линіи, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. Э. Монвижъ-Монтвидъ.

Открыта подписка на 1910 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

(4-й годъ изданія).

ОРГАНЪ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЬСТВА.

Выходитъ 20 разъ въ годъ книжками отъ 2—4 листовъ.

Подписная цѣна на журналъ 2 р. 50 к. въ годъ, на полгода—1 р. 50 к.

Цѣна отдѣльной книжки 15 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Полянка, Успенскій переулокъ, домъ 8, кв. 2.

Редакторы-издатели: Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1910-й годъ.

(Девятнадцатый годъ изданія.)

Въ 1910 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ на прежнихъ основаніяхъ.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ книги преп. Исаака Сирина

Восемь рублей съ пересылкой.

Прим. Безъ пересылки **семь** рублей, за границу—**десять**.

Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цѣна 7 руб.). Допускается разсрочка на два срока (при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 4 руб.).

Подписавшіеся на журналъ безъ приложенія пользуются такой разсрочкой на два срока—при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 3 руб.

За перемѣну адреса 20 коп.

Прим. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30%, въ зависимости отъ размѣровъ заказа.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ орд. проф. Н. Заозерскій.

Открыта подписка на 1910 годъ

НА ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академіи.

Условія подписки на 1910 годъ.

Въ Россіи: а) за оба журнала—**8** (восемь) руб. б) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ **5** руб. (пять), за „Христіанское Чтеніе“ **5** руб.

За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **10** (десять) руб., за каждый журналъ отдѣльно—**7** (семь) руб.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., д. № 166, кв. 27), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Допускается подписка на журналы съ разсрочкою платежа подписныхъ денегъ: при подпискѣ на оба журнала—3 р., къ 1 мая—3 р., къ 1 октября—2 р., при подпискѣ на одинъ журналъ—3 р. и къ 1 іюля—2 р.

Комиссіонерамъ по доставкѣ подписки на журналъ предоставляется 30%.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ЗАПИСОКЪ
 МОСКОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ
Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.
 (десять выпусковъ въ годъ.)

Программа журнала: Оригинальныя изслѣдованія и работы по вопросамъ техническимъ и социально-экономическимъ; обзоры и библиографія; переводныя статьи. Отчеты изъ жизни Общества; отдѣльныя приложенія изъ законченныхъ трудовъ отдѣловъ Общества или отдѣльныхъ членовъ.

Подписная цѣна „Записокъ“: за годъ съ пересылкой и доставкой 5 руб., за полгода 3 руб., безъ пересылки и доставки за годъ 4 руб. 50 коп., за полгода 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается: 1) въ книжномъ магазинѣ Н. Лидертъ, Москва, Петровскія линіи, и 2) въ редакціи „Записокъ“, Мясницкая, М. Харитоньевскій пер., д. № 4.

5-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1910 годъ
на журналъ

МОСКОВСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Редакторъ журнала **Кн. Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ.**

Ближайшіе сотрудники: Н. В. Давыдовъ, С. А. Котляревскій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Л. Погодинъ, П. Б. Струве и кн. Г. Н. Трубецкой.

Условія подписки: за годъ—5 руб., за 6 мѣс.—3 руб., за 3 мѣс.—1 руб. 50 коп. За границу вдвое.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и въ конторѣ редакціи.

Адресъ конторы: Москва, Пречистенскій бул., д. Кальмееръ. Тел. 127—18.

Открыта подписка на 1910 годъ на журналъ

ПСИХОТЕРАПІЯ.

Обозрѣніе вопросовъ психическаго лѣченія и прикладной психологіи,

издаваемый при участіи А. Н. Бернштейна, Ю. В. Каннабиха, Н. Е. Осипова,
подъ редакціей Н. А. Вырубова.

Журналъ будетъ выходить каждые два мѣсяца книжками не менѣе трехъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой четыре рубля, за границу—пять рублей. Цѣна отдѣльной книжки 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „ПСИХОТЕРАПІИ“ Москва, Плющиха, М. Трубною пер., 5. Телеф. 108—41, и во всѣхъ книжн. магазин.

Статьи въ заказн. бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи.

Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

Открыта подписка на 1910 годъ

(14-й годъ изданія)

на единственное въ Россіи литературное художественное иллюстрированное изданіе

Новый журналъ Литературы, Искусства и Науки

(бывш. В. И. Булгакова, редактора газ. „Новое Время“).

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ этого фонда міровой культуры, ея идей и стремленій, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

ПОДПИСЧИКИ НОВАГО ЖУРНАЛА ПОЛУЧАТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго, художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8°, отпечатаннаго въ художественной типографіи на плотной глазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведеній слѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жуль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Оне, Артуръ Шницлеръ, Шоломъ Ашъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уальдъ, Гемфри Уордъ, П. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1910 г. получаютъ бесплатно новое художественное изданіе.

Открыта подписка на 1909—1910 годъ

на ежемѣсячный, иллюстрированный, научный, литературн. журналъ

II годъ
съ окт. 1909 г.
по окт. 1910 г.

„МІРЪ“

II годъ
съ окт. 1909 г.
по окт. 1910 г.

Въ журн. „МІРЪ“ приним. участіе выдающ. литераторы, учеп. и публицисты. Въ 1909—1910 гг. всѣ годовые подписчики журнала „МІРЪ“, внесшіе полную годовую плату, получаютъ:

12 №№ журнала большого формата, каждый объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ (40.000 буквъ).

Альбомъ изъ **24 картинъ знам. художн.** въ краскахъ, на мѣловой бумагѣ, въ роскошн. папкѣ. Альбомъ картинъ будетъ высланъ годовымъ подписчикамъ журнала „МІРЪ“ тотчасъ по ихъ подпискѣ.

Живыя рѣчи Л. Н. ТОЛСТОГО.

Подписная цѣна на журналъ „МІРЪ“ со всѣми приложеніями съ доставкой и пересылкой:

Во всѣ мѣстности Россіи: на годъ 5 р., на полгода 3 р. За границу: на годъ 8 р., на полгода 5 р.

Для сельск. священниковъ, учителей, фельдшеровъ и земск. служащ. допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ 2 р., каждые три мѣсяца по 1 р.

При коллективной подпискѣ служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, допускается скидка въ размѣрѣ 10⁰/₀ или на каждые 10 экз. высылается 1 экз. бесплатно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Лиговская, № 47.

Подробн. проспектъ о журналѣ и катал. книгоиздательства высылается бесплатно.

Редакторъ Л. Л. Богушевскій.

Издатель В. Л. Богушевскій.

Объ изданіи журнала

Вѣра и Разумъ

въ 1910 году.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **два раза** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т.-е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ конторахъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“.

ВЪ РЕДАКЦІИ ПРОДАЕТСЯ

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ **семь рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Преосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Открывается подписка на 1910 годъ
на журналъ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

(45-й годъ изданія).

издаваемый **М. М. Ковалевскимъ**, подъ редакціей **К. К. Арсеньева**, при ближайшемъ участіи: И. В. Жилина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. С. Посникова, Л. З. Слонимскаго и К. А. Тимирязева.

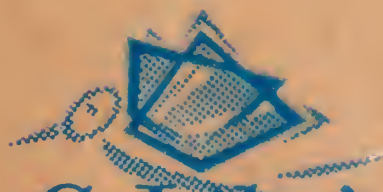
Кромѣ снимковъ и портретовъ историческихъ дѣятелей, исполненныхъ англійской гелиографіей REMBRANDT ITAGLIO, въ 1910 году въ журналѣ будутъ помѣщаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства: такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра (исполненные въ краскахъ фирмой MEISENBACH, RIFFARTH & CO въ БЕРЛИНѣ по рисункамъ художника В. И. РОССИНСКАГО).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 1/4 года.
Безъ доставки въ СПБ. и Москвѣ	15 р. 50 к.	3 р. 90 к.
Съ доставкой въ СПБ. и Москвѣ	16 „ —	4 „ —
Съ пересылкой	17 „ —	4 „ 25 „
За границу	19 „ —	5 „ —

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала: СПБ., Загородный пр., 14 (Тел. 74-51); и въ московск. конторѣ журн.: Б. Никитская, 5 (Телеф. 57-86). Подписка принимается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ и провинціи. Подробн. проспектъ высылается по требованію бесплатно.

Per
500 L
1-5

CoLibri
COVER SYSTEM®

Made in Italy

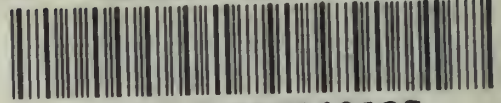
10-13 STD

8 032919 991409

www.colibrisystem.com

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 057348325